МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ЗАПИСКИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ

ВЫПУСК
25

МОСКВА
1962

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
С. В. Житомирская (отв. ред.), *В. Б. Кобрин,*
И. М. Кудрявцев, К. А. Майкова.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий выпуск «Записок отдела рукописей» вдвойне юбилейный: он приурочен к столетию Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и, следовательно — самого отдела, одного из немногих отделов Румянцевского музея, созданных при его основании; печатный орган отдела 25-м по счету выпуском отмечает, вместе с тем, четверть века своего издания.

Накопленные отделом за сто лет культурные ценности огромны. Однако основной итог его деятельности за столетие, и в особенности за последние сорок пять лет, не в этом. Сделать архивные документы, памятники письменности достоянием науки и тем самым раскрыть историю нашей страны, историю родной культуры для народа — вот задача, которую выполняют советские архивохранилища, и одно из старейших среди них — отдел рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина.

Осуществляемая ныне программа воспитания нового человека, члена коммунистического общества, необходимость приобщения его к духовным ценностям, созданным человечеством, делает развитие гуманитарных наук остро актуальной задачей и ставит во весь рост проблемы полного и всестороннего использования исторических источников.

Выполнению этих важнейших задач служит ежегодный выпуск «Записок отдела рукописей», систематически информирующих исследователей о новых приобретениях, о составе и характере архивных фондов и рукописных собраний отдела, об отдельных выдающихся памятниках и документах. За последние годы окончательно определились принципы этого издания: сложился тип обзора фонда, установилась методика научного описания новых поступлений, все чаще стали появляться на страницах «Записок» источниковедческие работы, посвященные одному памятнику или их группе, сформировались, в соответствии с другими научными изданиями, приемы публикации древнерусских источников и документов XIX—XX вв.

25-й выпуск развивает все основные направления издания, наметившиеся в прежние годы. Однако, как выпуск юбилейный, он имеет существенные отличия.

В выпуске участвует почти весь коллектив отдела (за исключением трех сотрудников, занятых в других изданиях, выпускаемых в связи с юбилеем — «Истории Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», указателе «Личные архивные фонды в хранилищах СССР», а также в подготовке обзора архива Н. А. Рубакина). Большой объем материала не позволил включить в

том описание рукописей, поступивших в 1961 году, и оно будет помещено в следующем, 26-м выпуске.

Составители выпуска, посвященного столетию отдела, стремились раскрыть в нем фонды и отдельные рукописи, наиболее важные и ценные для науки, уделяя при этом особенное внимание недавно поступившим материалам, еще не вошедшим в полной мере в научный оборот.

В соответствии с этим выпуск открывается обзорами двух архивных фондов, поступивших в последнее пятилетие. Первый рассматривает огромный фонд В. Д. Бонч-Бруевича, богатый разнообразнейшими источниками по истории Коммунистической партии и советского общества, истории культурного строительства в СССР, по религиозно-общественным движениям в России.

Вторая обзорная статья раскрывает творческое наследие В. Я. Брюсова — его автобиографические и мемуарные заметки, его оригинальные и переводные художественные произведения, исследовательские историко-литературные и теоретико-поэтические работы, а также редакторские, связанные с изданиями антологий поэтов различных народностей Советского Союза.

Широко освещаются в настоящем выпуске ценнейшие памятники истории и культуры периода феодализма.

Эта группа статей открывается первой частью Каталога древнейших русских и славянских рукописей отдела (XI век). Он содержит краткое описание рукописей, библиографию (публикации и исследовательские статьи) и комментарий, разъясняющий и дополняющий сведения каталога.

Отдел надеется в следующем выпуске опубликовать Каталог рукописей XII века, а впоследствии охватить таким описанием все рукописи до XIV века включительно.

Несколько статей посвящено отдельным памятникам письменности. Это источниковедческие исследования разного типа.

В статье «Сборник последней четверти XV — нач. XVI в. из Музейного собрания» дается характеристика древнейшего из известных списков Вологодско-Пермской летописи и ряда уникальных статей, известных только по этому сборнику.

Автор доказывает, что сборник был составлен при дворе Пермского епископа Филофея и отражает идеологическую борьбу в одном из окраинных центров древней Руси. Одновременно статья является и попыткой разрешить методологический вопрос о необходимости внимательного изучения сборников для правильного определения литературной истории включенных в них памятников письменности.

Другая работа посвящена миниатюрам и орнаменту одного из замечательнейших произведений древнерусского искусства — писанного в Новгороде Евангелия XIII века.

Анализ миниатюр Евангелия 1270 г. и сравнение их с иконописью и фресками того же времени раскрывают местные особенности новгородской школы живописи XIII в. В части статьи, посвященной орнаменту рукописи, рассматриваются три различные новгородские художественные мастерские того времени и устанавливается место среди них мастерской, из которой вышло Евангелие 1270 г.

Статья «Две жалованные грамоты Чудову монастырю XVI в.» касается мало изученной истории феодального иммунитета в годы опричнины и отношений между Иваном IV и Владимиром Андреевичем Старицким в те же годы.

Последним в разделе статей публикуется сообщение о мало известной рукописи начала XVIII в. Это — интересный источник для истории свободомыслия в Германии, проблемы, недостаточно изученной, имеющей большой интерес в плане истории научного атеизма. В сообщении кратко излагается содержание рукописи, рассматривается вопрос об авторе ее и обстоятельства ее написания и распространения.

Раздел публикаций очень разнообразен. Здесь помещены не издававшиеся ранее документы первостепенного значения из старых фондов отдела (таможенная грамота 1596 г., документы о Крестьянской войне под предводительством Степана Разина, неоконченная повесть Н. С. Лескова), но значительная часть материала (сатирический «Акафист крючкотворцу» из сборника XVIII в., поступившего в 1960 г., и большая публикация писем Горького, Короленко, Ромена Роллана к Рубакину) раскрывает для научного использования недавно приобретенные материалы.

При малочисленности дошедших до нас источников за вторую половину XVI в. (всего 5 грамот), позволяющих изучать историю торговых сел и развитие товарно-денежных отношений в феодальной деревне, особый интерес приобретает публикация «Таможенная грамота 1596 г. на сельский торжок» в с. Высоком Коломенского уезда — один из немногих документов, проливающих свет на проблему создания предпосылок единого всероссийского внутреннего рынка.

Значительный интерес представляют документы из родового архива Пазухиных, связанные с Крестьянской войной под предводительством Степана Разина в Поволжье. Они вскрывают новые подробности антифеодальной борьбы во время Крестьянской войны 1670—1671 гг.

Далее публикуется неизвестная до сих пор сатира XVIII в. «Акафист крючкотворцу». Она рассказывает о разорении однодворцев и раскрывает типичные социальные процессы, происходившие в русской деревне во второй половине XVIII века.

В статье Л. В. Тигановой, предпосланной публикации, раскрывается идейно-тематическое единство «Акафиста крючкотворцу» с другими произведениями рукописной демократической литературы XVII—XVIII вв., находящимися в сборнике (ф. 218, № 900) и имеющими антифеодальное и антиклерикальное звучание. Сопоставление содержания сатиры с социально-экономическим положением однодворцев Елецкой провинции позволило автору определить место действия и создания произведения.

Публикуемые затем варианты неоконченной повести Н. С. Лескова «Марфа и Мария» характеризуют определенный период в творчестве писателя, его отношение как художника к вопросу женской эмансипации, волновавшему тогда передовые слои русского общества, и, главное, — отношение Лескова к различным классам и слоям современного ему общества. Автор публикации во вступительной статье знакомит исследователей с литературной историей

повести и показывает, как писатель в полемике о смысле евангельской легенды о Марфе и Марии высказывает свое отношение к общественному неравенству.

Публикация переписки А. Е. Викторова и И. И. Срезневского о знаменитом Архангельском евангелии XI века служит существенным дополнением к истории его изучения, подытоженной в помещенном выше Каталоге.

Помещенный в данном выпуске черновой текст части письма В. Г. Короленко к А. П. Чехову от 14 марта 1902 г. вскрывает новые черты в мировоззрении Короленко.

Стремясь раскрыть хоть в небольшой степени богатейший фонд Н. А. Рубакина, столетие со дня рождения которого исполнилось в текущем году, составители поместили в настоящем выпуске «Записок» письма к нему от Горького, Короленко, Р. Роллана. Эти письма, охватывающие большой период времени, проливают свет на взгляды крупнейших деятелей культуры, их отношение к историческим событиям, к войне и революции.

В конце выпуска помещены две работы, имеющие целью помочь исследователю использовать справочный аппарат отдела и многочисленные издания, раскрывающие его фонды.

Это статья Г. И. Довгалло «Справочный аппарат отдела рукописей», подробно анализирующая все виды справочного аппарата, — описи, печатные описания, каталоги и картотеки, и составленная Г. Ф. Сафроновой библиография изданий отдела за сто лет, а также изданий других учреждений, специально посвященных фондам отдела рукописей.

С. В. Житомирская,
Л. В. Гапочко и Б. А. Шлихтер

АРХИВ В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА

Архив В. Д. Бонч-Бруевича (1873—1955), одного из видных деятелей Коммунистической партии, внесшего немалый вклад в создание социалистической культуры, представляет собою комплекс документальных материалов большого значения.

Значение собранных в архиве материалов обусловлено стечением многих обстоятельств. Прежде всего — это сама жизнь Бонч-Бруевича, человека неиссякаемой энергии, с молодых лет поставившего себя на службу революционному рабочему движению и на протяжении более чем полувека работавшего для дела партии на многих и самых разнообразных участках. С другой стороны материалы фонда отразили широкий диапазон его интересов и различные проблемы, которыми он занимался в течение своей жизни. Историк и литературовед, этнограф и публицист, популяризатор научных знаний и организатор одного из первых совхозов, он был также замечательным мемуаристом и страстным собирателем документального наследия, инициатором создания нескольких архивов, начиная от Библиотеки и архива РСДРП в Женеве в 1904 году и кончая Центральным государственным архивом литературы и искусства, выросшим из фондов созданного В. Д. Бонч-Бруевичем Литературного музея.

Без этой последней черты В. Д. Бонч-Бруевича нельзя понять особенности его архива, где тщательно сохранено каждое письмо, написанное или полученное, каждый документ, в то время, когда он был написан, казалось, не имевший никакого значения, кроме непосредственной практической цели, вызвавшей его к жизни. Но В. Д. Бонч-Бруевич видел в каждом документе источник для будущих исследований.

Вполне сознавая необходимость сопоставления источников, всестороннего и правдивого освещения каждого исторического факта, он собирал свидетельства друзей и врагов, документы людей, влюбленных в строительство новой жизни, и анонимные письма, полные угроз большевикам, ломавшим старый мир. Это было не равнодушное коллекционирование, а глубоко партийная деятельность, вызванная твердым убеждением в необходимости создать документированную историю великого дела коммунизма.

Л. В. Гапочко и Б. А. Шлихтером просмотрены и проаннотированы для обзора все материалы архива, кроме переписки. С. В. Житомирской просмотрена переписка и написан обзор в целом.

Именно этим качествам В. Д. Бонч-Бруевича мы обязаны сохранением и пополнением архива даже в годы культа личности Сталина, когда безвозвратно погибло так много ценных документов в личных архивах деятелей этого времени.

Первоначальный состав фонда Бонч-Бруевича был шире того круга документов, который к концу его жизни оказался в его личном архиве. Однако и в настоящем своем составе архив В. Д. Бонч-Бруевича является важным источником для изучения разнообразнейших исторических проблем. Он чрезвычайно богат мемуарными материалами; эпистолярная часть его охватывает огромную и важнейшую историческую эпоху. История партии и Советского государства, особенно в его первые годы, культурная революция в нашей стране, становление и развитие советской литературы и советской науки, история религиозно-общественных движений — таков далеко не полный перечень вопросов, при изучении которых необходимо в той или иной мере использовать этот фонд.

В. Д. Бонч-Бруевич родился в 1873 г. в Москве в семье чиновника и учился в Константиновском межевом институте, откуда был исключен за участие в студенческом движении, а затем в Курском землемерном училище. В 1890-х гг., будучи землемером Межевой канцелярии в Москве, он начинает свою общественную и литературную деятельность. Он задумывает и осуществляет издание серии книг для народа в издательстве П. К. Прянишникова; одновременно он вступает в «Московский рабочий союз» и здесь приобретает первый опыт печатания и транспортировки нелегальной литературы. В этот период происходит его знакомство с семьей Величкиных, семьей Елизаровых и, наконец, с Лениным.

В 1896 г. Бонч-Бруевич уехал в Швейцарию и десять лет провел в эмиграции, в Женеве и Лондоне. Именно в эти годы он формируется как журналист, ученый, партийный деятель. Участие его в революционном движении началось с активного содействия группе «Освобождение труда», затем он сотрудничает в «Искре» и сразу после II съезда партии твердо встает на позиции большевиков.

Время между II и III съездами РСДРП было для Бонч-Бруевича временем напряженной и кипучей партийной работы. Н. К. Крупская, вспоминая об этом времени, писала: «В Женеве большевистский центр гнездился на углу знаменитой, населенной русскими эмигрантами «Каружки» (Rue de Carouge) и набережной реки Арвы. Тут помещалась редакция «Вперед», экспедиция, большевистская столовка Лепешинских, тут жили Бонч-Бруевичи, Лядовы (Мандельштамы), Ильины. У Бонч-Бруевичей бывали постоянно Орловский, Ольминский и др. ...Луначарский, Воровский, Ольминский—хорошая это была подкрепа «Впереду». Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, заведовавший всей хозяйственной частью, непрерывно сиял, строил грандиозные планы, возился с типографией» [1].

---

[1] Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 97—98.

В эти годы он занимается издательским делом и партийной техникой РСДРП (женевская типография и экспедиция, пересылка в Россию партийной литературы, паспортное бюро) [2], по указанию Ленина организует и практически руководит большевистским «Издательством социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина», активно участвует в издании газет «Вперед» и «Пролетарий». В январе 1905 года Бонч-Бруевич был направлен партией в Россию для пропаганды идеи созыва нового съезда партии и необходимых организационных мер [3].

Осенью 1905 г. Бонч-Бруевич окончательно вернулся из эмиграции на родину.

Но жизнь его в эмиграции была бы освещена неполно, если бы мы ограничились сведениями о его партийной работе. В годы эмиграции он учится в Цюрихском университете, одновременно сотрудничает во многих русских газетах («Вятский край», «Курская газета», «Самарская газета», «Сын отечества» и др.), пополняет свои знания путем самообразования. В тот же период у него возникает интерес к религиозно-общественным движениям русского крестьянства, привлекавшим его и как исследователя, и как публициста. Преследуемым царским правительством сектантам он оказывает и практическую помощь, что вполне соответствует его натуре организатора и бойца. Это сблизило его с жившими в эмиграции последователями учения Толстого, в частности, с В. Г. Чертковым и П. И. Бирюковым. В 1899—1900 гг. Бонч-Бруевич сопровождал партию духоборов в Канаду. Пребывание в Канаде тесно связало его со многими сектантами и положило начало многолетнему собиранию им сектантского фольклора и материалов по истории сектантства и раскола.

Сотрудничая в толстовских изданиях «Листки Свободного слова» и «Свободная мысль», Бонч-Бруевич настойчиво пропагандировал точку зрения социал-демократов на религиозные движения, разоблачая царистские иллюзии сектантства. Статьи Бонч-Бруевича резко противоречили проповеди непротивления злу и классового мира, господствовавшей на страницах журналов Черткова и Бирюкова. Последовавший в начале 1900-х гг. разрыв толстовцев с Бонч-Бруевичем был поэтому неизбежен.

Рассматривая религиозно-общественные движения в рамках общего демократического движения против царизма, хотя и несколько преувеличивая в то время их значение, Бонч-Бруевич считал необходимым четко определить задачи социал-демократии по отношению к этой части крестьянства. По его предложению II съезд партии среди других вопросов рассмотрел и вопрос о расколе и сектантстве. Доклад, написанный для съезда Бонч-Бруевичем [4], содержал план работы социал-демократов среди сектантов и намечал конкретные практические задачи, в том числе издание за границей социал-демократического листка для сектантов. Такой ли-

---

[2] Бонч-Бруевич В. Д. Заграничная постановка техники в РСДРП и распространение нашей литературы. — В кн.: Техника большевистского подполья. Сборник статей и воспоминаний. Вып. 1. М.—Л., 1923, стр. 200—267.

[3] Бонч-Бруевич В. Д. Нелегальная поездка в Россию. М.—Л., 1930.

[4] Раскол и сектантство в России. — В кн.: Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч., т. 1. М., 1959, стр. 153—188.

сток под названием «Рассвет» издавался Бонч-Бруевичем в Женеве в 1904 г.[5].

Вернувшись в Россию в разгар первой русской революции, Бонч-Бруевич участвует как редактор и издатель в легальных органах большевиков — газетах «Новая жизнь», «Вперед» и др., в журналах «Наша мысль», «Вестник жизни». Он явился одним из организаторов и руководителем большевистского издательства «Вперед». С разгромом этого издательства в 1907 г. связано его первое тюремное заключение.

В годы реакции и в период подъема рабочего движения в России Бонч-Бруевич ведет разнообразную партийную, издательскую и научную деятельность — в нелегальных и легальных печатных органах партии, в том числе в газетах «Звезда» и «Правда», ведет организационную партийную работу в Петербурге, является членом консультативной группы большевистской фракции Думы, руководит легальным издательством «Жизнь и знание», сыгравшим большую роль в пропаганде марксистской теории и популяризации научных знаний. Он продолжает в это время свои исследования по истории религии и сектантства. В 1908—1916 гг. выходят в свет шесть томов «Материалов к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества»[6].

С первых дней Февральской революции 1917 г. Бонч-Бруевич — в гуще революционных событий: он работает в Петроградском Совете, в Рождественской районной думе, издает большевистскую газету «Рабочий и солдат», является одним из активных участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде.

После Великой Октябрьской социалистической революции Бонч-Бруевич назначается управляющим делами Совнаркома. Председатель Петроградского комитета по борьбе с погромами, грабежами, контрреволюцией, преступностью и саботажем («75-я комната Смольного»), в дни обороны Петрограда — член Комитета революционной обороны, он одновременно продолжает партийно-издательскую работу, является организатором партийного издательства «Коммунист», а затем кооперативного издательства «Жизнь и знание», носившего то же название, что и легальное издательство до революции. В это же время Бонч-Бруевич возглавляет организованный им показательный совхоз «Лесные поляны». В последующие годы он — один из видных деятелей культурного строительства в стране, работающий на различных участках идеологического фронта — в Госиздате, в редакции по изданию юбилейного полного собрания сочинений Толстого, в Музее Л. Н. Толстого.

С начала 1930-х гг. Бонч-Бруевич возглавляет Комиссию по выявлению находящихся за границей памятников литературы и искусства народов СССР, и постепенно начинает воплощаться в жизнь его мысль о создании Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики, существовавшего впоследствии под его руководством с 1933 по 1941 гг.

---

[5] Совет РСДРП на заседании 5/18 июня 1904 г. высказался против дальнейшего издания листка — См.: Ленин В. И. Речь о газете «Рассвет». Сочинения, т. 8. М., 1959, стр. 441.

[6] Материалы к изучению русского сектантства и раскола, вып. 1—5, 7. 1908—1912, 1916. Этим шести выпускам предшествовали четыре, изданные в 1901—1902 гг. в Лейпциге и Лондоне.

Последние двадцать лет своей жизни Бонч-Бруевич посвятил целиком редакторской и исследовательской работе в области литературоведения и истории. С 1947 г. и до конца жизни он был директором Музея истории религии и атеизма в Ленинграде и заведовал соответствующим сектором Института истории АН СССР.

* *
*

Архив В. Д. Бонч-Бруевича поступил в отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина несколькими частями в 1956 г. от членов его семьи. Архив, как уже сказано, попал сюда неполностью. Все материалы, связанные с В. И. Лениным, а также часть собранных В. Д. Бонч-Бруевичем историко-партийных документов находятся в Институте марксизма-ленинизма, куда они передавались частично самим Бонч-Бруевичем, частично же, после его смерти, его семьей[7]. Собранная Бонч-Бруевичем обширная коллекция материалов по религии и сектантству поступила, согласно его желанию, вместе с частью его служебных материалов в Музей истории религии и атеизма, где и была присоединена к его фонду[8]. Документы и письма Горького и Толстого были переданы им в соответствующие архивы, передавал он собранные им материалы в Музей Революции и некоторые другие хранилища.

Архив размещен в 433 картонах.

По составу материалов архив делится на следующие части:

1. Биографические документы Бонч-Бруевича (картон 1).

2. Творческие рукописи и материалы к ним (картоны 2—77).

3. Материалы общественной и служебной деятельности (картоны 78—120).

4. Переписка (картоны 121—371).

5. Материалы, собранные В. Д. Бонч-Бруевичем:

а) Рукописи и документы разных лиц (картоны 372—414).

б) Коллекция документов и печатных материалов по истории революционного движения и начала социалистического строительства в нашей стране 1917—1921 гг. (картоны 415—417).

6. Материалы семьи Бонч-Бруевича:

а) Материалы по истории рода; XVII—XIX вв. (картоны 418—420).

---

[7] ИМЛ, ф. 2 (В. И. Ленина), ф. 4 (Документы о В. И. Ленине), ф. 12 (Н. К. Крупской), ф. 16 (Комиссии по увековечению памяти В. И. Ленина), ф. 17 (ЦК КПСС), ф. 19 (СНК и СТО), ф. 24 (Редакция газ. «Искра» — 1901—1903), ф. 32 (Библиотека и архив РСДРП в Женеве), ф. 71 (архив ИМЛ), ф. 91 (М. С. Ольминского), ф. 92 (В. В. Воровского), ф. 93 (С.-д. фракция II и III Гос. думы), ф. 134 (А. М. Коллонтай), ф. 138 (Ф. В. Ленгника), ф. 142 (А. В. Луначарского), ф. 150 (И. И. Скворцова-Степанова), ф. 168 (Общества попечения по созданию Русского музея в Женеве — 1901—1905), ф. 264 (Г. В. Плеханова), ф. 278 (Редакции газ. «Искра» (новая)), ф. 346 (Материалы по делу польской партии «Пролетариат»), ф. 351 (Комитета Заграничной организации секций РСДРП (КЗО) — 1905—1906, 1911—1917).

[8] Рукописный отдел Музея истории религии и атеизма, ф. 2 (В. Д. Бонч-Бруевич) — переписка и сочинения сектантов и официальная документация (материалы Синода, МВД и других министерств в копиях, донесения, отчеты и пр.), всего около 5 000 единиц хранения.

б) Документы и рукописи членов семьи Бонч-Бруевича (картоны 421—424).

7. Материалы об имуществе и хозяйстве (картоны 425, 426).

8. Изобразительные материалы (картоны 427—431).

9. Разное (картоны 432—433).

В. Д. Бонч-Бруевич не только тщательно хранил в течение всей своей жизни материалы архива, он систематизировал их и широко использовал, особенно в своей работе мемуариста, которой он придавал важнейшее значение[9]. Материалы архива были сгруппированы по лицам и темам, и в одной обложке можно было найти письма какого-нибудь корреспондента Бонч-Бруевича, рукопись его сочинения, тексты ответных писем, а в другом случае материалы разных лиц были подобраны в связи с интересом Бонч-Бруевича к какому-либо вопросу или событию своей жизни. Помимо этого, сознавая необходимость единого принципа систематизации материалов фонда, Бонч-Бруевич скопировал значительную их часть, расположив эти копии по хронологии. Таким образом было создано большое собрание машинописных копий документов архива, насчитывающее 224 переплетенных тома (копии за 1928—1931, 1934 — 1940 гг. не переплетены) [10].

В отделе рукописей фонд был обработан по обычным архивным правилам, а материалы систематизированы в указанной выше последовательности.

Настоящая статья имеет целью дать исследователям первоначальную и самую общую ориентировку во всем многообразии документальных источников, составляющих этот фонд. Его большие размеры и исключительное разнообразие состава, о котором мы уже говорили, не только не позволяют сколько-нибудь подробно охарактеризовать отдельные документы, но и весьма ограничивают возможности характеристики целых групп их. Поэтому задача статьи — лишь наметить тот круг материалов, который может быть полезен исследователям различных проблем истории Коммунистической партии и Советского государства, истории науки и культуры нашей страны.

Архив Бонч-Бруевича заслуживает дальнейшего, гораздо более тщательного описания и изучения и, в первую очередь, глубокого источниковедческого анализа. Эта задача, несомненно, будет выполнена специалистами в будущем.

* *
*

Материалы архива, относящиеся к биографии и связанные с общественной и служебной деятельностью В. Д. Бонч-Бруевича, не отличаются полно-

[9] Трудно переоценить помощь, оказанную ему в течение многих лет в систематизации и описании архива его сотрудницей К. Б. Суриковой.

[10] В архиве вообще довольно много копийных материалов. Это копии материалов из архивов государственных учреждений, собранные Бонч-Бруевичем, и копии документов, принадлежавших к архиву, но переданных в разные хранилища.

Передавая подлинники, он чаще всего сохранял в своем архиве их фотографии или машинописные копии. Они, разумеется, не исключают для исследователя необходимости обращения к подлинникам, но позволяют представить себе данный фонд в его первоначальном виде.

той. Основная масса документов находится, вероятно, в архивах тех учреждений и организаций, где он работал после Великой Октябрьской социалистической революции, в архивах некоторых учреждений, возникших до революции (Толстовский музей), а материалы по истории Коммунистической партии — в основном в Институте марксизма-ленинизма. Оставшаяся в рассматриваемом фонде часть, тем не менее, может быть плодотворно использована исследователями.

Биографические материалы Бонч-Бруевича состоят из документов об образовании (документы о его пребывании в Константиновском межевом училище, аттестат об окончании Курского землемерного училища в 1893 г., свидетельства о зачислении в Цюрихский университет (1897 г.) и обучении в нем), выписей о рождении В. Д. Бонч-Бруевича и его бракосочетании с В. М. Величкиной (1901 г.), удостоверений 1918—1919 гг., билетов на 8, 13, 15—17 съезды партии, на съезды Советов и различные совещания (1895—1951 гг.), автобиографий и анкет, заполненных в 1920—1955 гг., трудовых книжек и др. Особенно важны его краткая автобиография (1921 г.) и стенограмма его рассказа о своей жизни во время чистки партии в 1933 г. Кроме того, отметим материалы к его биографии, составленные в начале 1950-х гг. под заглавием «Научная деятельность В. Д. Бонч-Бруевича». Билеты на съезды и совещания не только документируют биографию Бонч-Бруевича, но представляют и самостоятельный интерес, указывая на целый ряд событий первых лет Советской власти: совещание по реформе высшей школы в июле 1918 г., первый всероссийский съезд по допризывной подготовке (1919 г.), первый всероссийский съезд по школьной санитарии (март 1919 г.), Московский губ. съезд сельскохозяйственных коллективов в мае 1921 г. и т. п. (1.1—72).

К этой же группе материалов относятся собранные самим Бонч-Бруевичем в архивах копии документов Департамента полиции, III Отделения канцелярии Главного управления по делам печати и других правительственных учреждений, касающиеся его партийной и издательской деятельности. Хотя среди этих материалов очень мало подлинных, они имеют то преимущество, что собраны все вместе и могут быть использованы исследователями в совокупности, до обращения к архивам, где хранятся подлинники документов названных учреждений. Среди них имеется дело Департамента полиции (Делопроизводство о розыске лиц по делам политического характера...), заведенное на В. Д. Бонч-Бруевича в 1895—1906 гг., содержащее агентурные донесения, сведения о перехваченных и задержанных его письмах и к нему от разных лиц, распоряжения о негласном надзоре за ним (82.5). Особое внимание уделено в полицейских документах связям Бонч-Бруевича с духоборами и распространению им в народе литературы, содержащей противоправительственную пропаганду.

Более поздняя (1911 г.) полицейская справка о Бонч-Бруевиче содержит сведения о его революционной деятельности до этого времени (во многом неверные, как он замечает в одной из своих приписок к документам). Сохранились пропуска на свидание, выданные В. Д. Бонч-Бруевичу для входа в Санктпетербургский дом предварительного заключения, где в 1904 г. содержалась его жена, пропуск В. М. Величкиной для свидания с мужем в тюрьме в

1911 г. К этому периоду, очевидно, относятся и списанные рукою Бонч-Бруевича «Правила для заключенных в Спб-ой тюрьме», и сообщение об освобождении Бонч-Бруевича из-под стражи.

Большой интерес для истории прогрессивной печати и царской цензуры представляют материалы по делу Бонч-Бруевича в III Отделении канцелярии Главного управления по делам печати и особенно — переписка, связанная с публикацией Бонч-Бруевичем сборника «Избранные произведения русской поэзии», первое издание которого было выпущено в 1894 г.[11]. Сборник включал в себя стихотворения большого круга русских поэтов, начиная с Некрасова, отобранные по признаку звучавшей в них гражданской темы. Таково было и предполагавшееся вначале его название—«На гражданские мотивы», измененное при первом же издании по требованию цензуры на заглавие более общего характера («Избранные произведения русской поэзии»). История этой книги, из-за которой Бонч-Бруевич не раз подвергался преследованиям как составитель и издатель, третье издание которой (1908 г.) было запрещено цензурой и тираж конфискован, рассказана подробно им самим в его воспоминаниях, где приведена и часть документов Главного управления по делам печати, хранящихся в фонде[12].

Из неопубликованных материалов этой группы следует отметить отношение Главного управления по делам печати в Санктпетербургский цензурный комитет, связанное со вторым изданием книги, выпущенным в 1899 г. в типографии О. Н. Поповой. В нем, кроме сведений, непосредственно касающихся «Избранных произведений русской поэзии», речь идет вообще о «вредном направлении» издательства, публикующего книги для народа и «тенденциозные» популярные сочинения. Это делают, по словам документа, М. Н. Семенов и Н. А. Рубакин, причем значительную часть материалов доставляет им живущий в Швейцарии В. Д. Бонч-Бруевич. В качестве примеров «вредной» литературы, присылаемой Бонч-Бруевичем, приведены «Анти-Дюринг» и «18 брошюр Маркса» (82.9).

Небольшая группа материалов Женевской экспедиции РСДРП состоит главным образом из копий документов, связанных с конфликтом между экспедицией РСДРП и в то время меньшевистской заграничной лигой русской революционной демократии (из-за невыполнения лигой своих обязательств, касающихся отправки литературы[13]; 78.1—6).

Среди них имеется также печатное обращение секретариата Женевской группы РСДРП к членам партии, изданное в декабре 1905 г. Документ этот информирует членов партии о результатах обсуждения в Женевской группе вопроса о реорганизации загра-

---

[11] Избранные произведения русской поэзии. Составил В. Бонч-Бруевич. М., типолит. Д. А. Бонч-Бруевича, 1894. Впоследствии переиздавалась в 1899 г. в тип. Поповой, в 1908 г. дважды Стасюлевичем и изд. «Знание», в 1909 г. — опять Стасюлевичем и четыре раза после 1917 г.

[12] Влад. Бонч-Бруевич. Мое первое издание. Из моих воспоминаний.— «Звенья», т. VIII. М., 1950, стр. 641—716.

[13] Имеющиеся в фонде копии документов относятся к июню и июлю 1904 г., последующие документы, касающиеся этого конфликта (с августа 1904 г.), опубликованы в кн.: Техника большевистского подполья, вып. 1. М., 1923. См. об этом: Ленин В. И. Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией. Сочинения, т. 9. М., 1960, стр. 119.

ничной работы в связи с происходящей в России революцией и о выборе делегатов на IV съезд РСДРП (78.5).

Небольшая группа документов относится к большевистскому издательству «Вперед». Все они связаны с оформлением издательства (для его легализации) как собственности фиктивных владельцев. Это письмо-доверенность А. Н. Первухиной, выданная ею 14 апреля 1907 г. В. Д. Бонч-Бруевичу на управление принадлежащим ей книжным складом и магазином «Вперед». Есть и другие документы о переходе склада и магазина от одного владельца к другому (от А. Е. Долгина к С. А. Гербурт-Гейбович 22.II.1907 г., от последней к Первухиной от 19.III.1907 г.). В договоре от 22.II перечислены издания «Вперед», в том числе — книги Ленина («Социал-демократия и избирательные соглашения»), Ольминского, Каутского («Наука, жизнь и этика») и др.

Значительно бо́льшая группа материалов относится к большевистскому легальному книгоиздательству «Жизнь и знание», организованному Бонч-Бруевичем в 1907 г. и существовавшему вплоть до 1918 года.

В одном из писем (1929 г.), отпуск которого имеется в архиве, В. Д. Бонч-Бруевич так рассказывает о возникновении этого издательства: «Издательство «Жизнь и знание», как таковое, возникло в 1907 году по инициативе покойного Владимира Ильича Ленина, когда он уезжал из России во вторую эмиграцию. Когда я видел его в то время в последний раз в Куоккала на даче Вилла Ваза, где он в то время жил, он самым настойчивым образом предложил мне во что бы то ни стало организовать издательство в Петербурге, начав хотя бы с самого маленького легального издательства, для того, чтобы в будущем мы могли бы издавать нашу социал-демократическую литературу большевиков того времени. Не имея ни малейших средств на это издательство, а Партия наша в то время также не обладала никакими средствами для этого, я вместе с покойной моей женой В. М. Величкиной-Бонч-Бруевич, а также при участии некоторых товарищей по Партии начал издавать книги, которые в то время не подвергались опале цензурных и административных властей, именно детские и юношеские книги, при помощи кредита радикального типографа Б. М. Вольфа, печатавшего журналы «Русское богатство» и «Образование», к которому меня направил хорошо относившийся к нашей партии Александр Яковлевич Острогорский, редактор марксистского журнала «Образование» (228.21).

В хранящейся в фонде записке 1941 г. «О моей библиотеке нелегальных изданий и о четырех исчезнувших архивах» (7.18) Бонч-Бруевич подробно рассказывает об архиве издательства «Жизнь и знание», пропавшем в Петрограде при переезде правительства в Москву, и, в частности, о бывших в нем ленинских рукописях. Тем большее значение приобретает эта уцелевшая часть архива издательства.

В архиве подробно освещена практическая сторона деятельности издательства: бухгалтерская отчетность (правда, только за 1913—1918 гг.), финансовый отчет за 1916—1917 гг., кассовые книги и другие финансовые документы 1907—1910 гг. Они не только помогают изучить бюджет издательства, но дают представление о характере и доходности изданий, о круге авторов и вышедших в

издательстве произведениях. Широко представлены и документы о сбыте и распространении продукции издательства — сохранилось свыше 30 ед. хр., содержащих материалы о расчетах издательства (квитанции, расписки, накладные, договоры и т. п.) с книжными магазинами, складами и другими организациями, с помощью которых происходила реализация изданий. Большой круг этих организаций свидетельствует о том, что издательство вело упорную борьбу за использование всех возможных каналов для распространения своих книг: мы встречаем здесь и крупные фирмы вроде магазина и книжного склада «Звено», даже реакционное «Новое время», склад М. М. Стасюлевича, магазин И. Д. Сытина, и отдельных букинистов (Н. В. Соловьев), и киоск Финляндского вокзала, и книжную лавку кассы взаимопомощи студентов Петроградского политехнического института, и такие чуждые социал-демократии организации, как Общество распространения религиозно-нравственного просвещения.

Небольшая группа материалов касается производственной базы издательства — это расчеты с типографиями Б. М. Вольфа, Ф. Кана, переплетной мастерской Ф. Когана за 1909—1912 гг. и несколько документов, связанных с прохождением книг в производстве в 1917—1918 гг.

В архиве имеется свыше 70 издательских договоров («Домашние условия») издательства «Жизнь и знание» с авторами. Несмотря на очевидную неполноту этих документов (среди них нет договоров ранее 1913 г.), они дают достаточно отчетливое представление о направлении издательства, о литераторах, составлявших его актив и об отраслях знания, к которым относилась издаваемая литература.

Из числа писателей, печатавшихся в «Жизни и знании», надо назвать прежде всего Горького, договоры с которым сохранились на издание книг «Мать», «Жизнь Матвея Кожемякина», «Детство» и др. Выходили в издательстве собрания сочинений писателей группы «Знание» Д. Я. Айзмана, И. А. Бунина, С. И. Гусева-Оренбургского, Скитальца, В. В. Муйжеля и др., печатались постоянно Демьян Бедный (книга «Диво-дивное» и др.), Ал. Алтаев (М. В. Ямщикова), А. И. Свирский («Записки рабочего», «Рыжик» и др.), А. Н. Толиверова-Пешкова, А. К. Лозино-Лозинский и др.

Имеются договоры и на научные книги. Издательство печатало книги по естественным наукам и медицине, например, «Общую физику» А. Ф. Иоффе и «Заразные болезни» Г. Д. Лейтейзена, работы социально-экономического цикла («Очерки торговой политики» И. М. Кулишера, «История народного хозяйства» П. П. Маслова), философские работы А. А. Богданова, А. М. Деборина. Договоры на издания большевистской литературы не сохранились, но в уже упоминавшейся записке Бонч-Бруевич перечисляет изданные им книги. Имеются также каталоги и проспекты издательства.

Небольшая часть сохранившихся документов издательства относится к краткому периоду его существования после Октябрьской революции. В одном из документов перечислены книги, выпущенные во второй половине 1918 г., среди них, в частности, книга Ленина «Аграрный вопрос в России к концу XIX в.»; другой перечень книг, печатающихся в Москве и Петрограде в начале 1919 г., включает в себя сочинения Маркса («Классовая борьба во Франции»),

Ленина («Империализм как последняя стадия капитализма», «Государство и революция» и др.), Крупской («Народное образование и демократия»), Либкнехта («Никаких компромиссов») и др. (материалы издательства размещены в картонах 78—81).

Эти перечни, очевидно, были связаны с ликвидацией прежнего издательства и возникновением в 1918 г. нового издательства «Коммунист». Так, например, упоминающаяся в перечне 1919 г. книга Бонч-Бруевича «Волнения в войсках и военные тюрьмы» вышла в 1919 г. в издательстве «Коммунист».

В фонде есть протоколы заседаний редакционной комиссии издательства «Жизнь и знание» 1917—1918 гг. с подписями членов — М. Ольминского, К. Новгородцевой, И. И. Скворцова-Степанова и др. Часть протоколов при том же составе редакции относится уже к новому издательству «Коммунист».

Среди материалов издательства «Коммунист» сохранились документы, свидетельствующие о сотрудничестве в нем Н. К. Крупской (расписка Бонч-Бруевича о получении для нее в издательстве авторского гонорара в 1919 г.).

Значительная часть материалов связана с **научной деятельностью** Бонч-Бруевича.

Прежде всего следует отметить документы, относящиеся к его исследованиям о русских религиозно-общественных движениях и многотомному изданию «Материалов к истории и изучению русского сектантства и раскола», в частности, дело Синода об этой книге — отзывы о ней, разрешение библиотекам духовных семинарий на приобретение этой книги (1909—1910 гг.) и др.

В 1909—1912 гг. Бонч-Бруевич ездил на Кавказ с экспедицией Академии наук для изучения быта и фольклора духоборов. В архиве имеется его отчет, командировочные удостоверения, документы о финансировании Академией наук его поездок, перечни собранных им материалов и другие документы, связанные с экспедициями.

В записной книжке 1911—1912 гг., которой Бонч-Бруевич пользовался, очевидно, во время поездки по Тифлисской и Елизаветпольской губерниям, занесены сведения этнографического и экономического характера о духоборах (хозяйство, костюмы, праздники и т. п.). В другой книжке — 1910—1911 гг. — мы встречаем записи сектантских псалмов, библиографию сектантства, заметки об их учении (82.25,26).

В архиве имеются копии писем, которые направлял А. А. Шахматов в связи с арестом Бонч-Бруевича в 1911 г., характеризуя его научные заслуги.

В 1911—1915 гг. В. Д. Бонч-Бруевич неоднократно участвовал в качестве эксперта в судебных процессах против сектантов. В фонде сохранились материалы экспертизы по делам скопцов в Уфе, Харькове, В. Волочке, Острогожске (1912—1913 гг.) — записи показаний обвиняемых, вопросы сторон, ответы экспертов и конспекты их выступлений, по процессу «трезвенников» во Владимире (1913 г.) и по делу «кронштадтских иоаннитов» в 1915 г. В упомянавшейся выше записной книжке 1910—1911 гг. имеются замечания Бонч-Бруевича к речи прокурора на одном из процессов скопцов.

С 1908 г., когда в связи с восьмидесятилетием Л. Н. Толстого в Петербурге организовалось Общество Литературного музея, ставившее своей задачей популяризацию творчества великого писате-

ля и мыслителя, Бонч-Бруевич принимает в нем деятельное участие. Он откликается на выставку в честь Толстого, организованную в Петербурге в 1909 г.[14], после смерти Толстого способствует созданию Толстовского музея, является инициатором и редактором «Известий Общества Толстовского музея»[15], в которых и сам активно сотрудничает.

В архиве сохранились различные материалы по истории Общества и его журнала: печатный устав Общества Литературного музея (1909 г.) с приложенными к нему замечаниями — воспоминаниями Бонч-Бруевича об организации Общества и музея; каталог упоминавшейся уже Толстовской выставки в Петербурге в 1909 г., сведения об ее посещении, являющиеся, вероятно, материалом к заметке, помещенной Бонч-Бруевичем в «Известиях Общества Толстовского музея»[16]; здесь же находится копия обращения Общества литературного музея (председатель М. М. Ковалевский, вице-председатели В. Г. Короленко, М. А. Стахович) с предложением о создании в Петербурге Музея Толстого[17]. Непосредственно к издававшемуся Бонч-Бруевичем журналу относятся: свидетельство, выданное ему в апреле 1911 г. на право издания, финансовые документы, связанные с изданием и распространением журнала, и доклад, сделанный Бонч-Бруевичем общему собранию членов Общества Толстовского музея с предложением превратить журнал в «Ежегодник Общества» (автограф, 1912 г.), журнал заседания Общества, где обсуждался план «Ежегодника» (рукою С. Л. Толстого). Предложение это было осуществлено, и в 1912—1913 гг. вышли два выпуска «Толстовского ежегодника».

В период 1912—1917 гг. Бонч-Бруевич работал в «Правде», был членом консультативной группы с.-д. фракции Думы. По-видимому, в связи с этим ему было направлено имеющееся в фонде письмо рабочих Веровского рудника в Енакиеве (12 мая 1916 г.) с просьбой к Бонч-Бруевичу довести до сведения депутатов Думы «от рабочей партии» о забастовке на рудниках (323.3).

К периоду первой мировой войны относится небольшая группа документов Военно-промышленного комитета (конец 1916—1917 г.), где служил в это время Бонч-Бруевич. Почти все они размножены на ротаторе или шапирографе. Это — план работы Продовольственного отдела комитета на 1917 год, отчет о деятельности «рабочей группы» комитета (февраль 1917 г.), протокол совещания при управделами комитета, связанного с предстоящей проверкой его деятельности (декабрь 1916 г.), материалы по расследованию злоупотреблений по отсрочкам от военной службы в Орле. Сохранилась также речь члена Государственной Думы А. И. Коновалова, отвечавшего на заседании 17 февраля 1917 г. на запрос об аресте членов «рабочей группы» Военно-промышленного комитета.

---

[14] Бонч-Бруевич В. Д. Толстовская выставка. — «Современный мир», 1909. № 5, стр. 27—36.

[15] Музей был открыт в Петербурге 27 марта 1911 г. Издание «Известий» было задумано с периодичностью 10 выпусков в год, фактически в 1911 г. вышло три выпуска: 1, 2 и 3—5.

[16] Бонч-Бруевич В. Д. Посещаемость Толстовского музея в С.-Петербурге за 1911 г. — «Известия Общества Толстовского музея», 1911, № 3—5, стр. 128—135.

[17] См.: «Звезда», 1911, 13/26 янв., № 5.

Среди этих материалов наибольший интерес представляет отчет о деятельности «рабочей группы», составленный (как сказано в заголовке) по указанию Гучкова и содержащий большое количество фактов, вопреки желанию авторов отчета вскрывающих предательскую роль этой меньшевистской организации во время войны по отношению к рабочему классу и рабочему движению (84.5).

Протокол совещания указывает на должность, которую занимал Бонч-Бруевич в комитете — заведующий отдельным делопроизводством по отсрочке военнообязанных при рабочем отделе ЦВПК. Начальником отдела рабочей силы был Е. А. Придворов (Демьян Бедный). Имеются и два удостоверения Бонч-Бруевича для поездок в Юрьев по делам комитета (одно из них подписано Е. А. Придворовым)[18]. Бонч-Бруевич сохранял связь с комитетом и после февраля 1917 г., что, вероятно, давало ему легальное положение. Это подтверждает имеющееся в фонде удостоверение ЦВПК служащему Отдела промышленного труда ЦВПК Бонч-Бруевичу для проживания в Петрограде и его окрестностях, полученное им 4 марта 1917 г.

От периода между февралем и октябрем 1917 г. сохранились разрозненные документы по работе Бонч-Бруевича в Рождественской районной думе, гласным которой он был избран в апреле 1917 г. по списку большевиков, и в Петроградском Совете.

Документы, связанные с районной думой, характеризуют состав избирательной комиссии, порядок составления списков избирателей и голосования, имеется и большевистский список (в числе кандидатов — В. Д. и В. М. Бонч-Бруевич, Е. А. Придворов, Л. С. Зеликсон и др.; 84.8—15).

Среди документов Петроградского Совета особенно надо отметить проект резолюции районного Комитета РСДРП(б) о районных думах, писанный рукою Бонч-Бруевича и содержащий программу их деятельности.

Имеется довольно большой комплекс материалов, относящихся к изданию «Известий Совета Р. и С. депутатов»: удостоверение Бонч-Бруевичу в том, что он уполномочен организовать типографию и заведовать печатанием изданий Совета (2 марта 1917 г.)[19], другое удостоверение, разрешающее издавать с 4 марта газету «Копейка», поручение Совета Бонч-Бруевичу и С. Я. Стекловой занять типографию «Русское знамя» «для использования ее в партийных целях» (5 марта 1917 г.), постановление об утверждении редакции «Известий с. р. и с. деп.» от 4 марта 1917 г. за подписью комиссара Совета Ю. М. Стеклова.

Чрезвычайно интересны документы, характеризующие работу редакции и идейную борьбу в ней. Сохранилось «Положение» об организации редакции «Известий» со списком кандидатов в поли-

[18] Поездки Бонч-Бруевича в Юрьев были вызваны статьями в газетах, обвинявшими Юрьевский военно-промышленный комитет в злоупотреблениях с предоставлением рабочим отсрочек от призыва в армию. См. об этом статью: «Наветы против военно-промышленных комитетов». — «Известия ЦВПК» от 28 января 1917 г.

[19] Вероятно, именно с этим удостоверением В. Д. Бонч-Бруевич занял типографию газеты «Копейка» на Лиговке. См. об этом: Бонч-Бруевич В. Д. Борьба печатного слова («Известия» и «Правда»). — «Журналист», 1927, № 3, стр. 13.

тические редакторы, состоящим только из меньшевиков. Анонимное письмо, полученное Бонч-Бруевичем, предупреждало редакцию о готовящемся взрыве в ее помещении — сохранились и документы об усилении охраны редакции. Имеются в архиве черновики заявлений Авилова, Бонч-Бруевича, Стеклова и Цыперовича о выходе из состава редакции по политическим соображениям (15 апреля). Примечание Бонч-Бруевича указывает, что по совету Ленина эти заявления не были отправлены, и работа большевиков в «Известиях» продолжалась еще до середины мая.

Сохранившиеся документы показывают и практическую сторону издания газеты — состояние ее счетов, бумажный голод и т. п.

Непосредственно связаны с предыдущим партийные документы Бонч-Бруевича этого времени: членский билет РСДРП(б) № 6 от 3 апреля 1917 г., извещение об общем собрании членов и сочувствующих РСДРП(б) Рождественского района 10 сент. 1917 г. с характерной повесткой дня: «1) Текущий момент; 2) Текущие дела».

Другая группа материалов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов связана с работой Межклубной комиссии Исполкома Совета. Деятельность этой комиссии охарактеризована в документах довольно разносторонне. Здесь, как и в других комиссиях Совета, шла ожесточенная борьба за влияние на массы между большевиками, с одной стороны, меньшевиками и другими мелкобуржуазными партиями — с другой. Работа клубов, связанная с агитацией и лекционной пропагандой, открывала для этого большие возможности, а общий подъем демократического движения, порожденный революцией, вызывал к жизни все новые и новые клубы. В архиве имеются устав Центрального бюро политических клубов, списки клубов, сведения о деятельности лекторских групп, протоколы комиссии, переписка комиссии с разными лицами и организациями (мандаты, извещения, привлечение лекторов и т. п.), заполненные анкеты, рассылавшиеся комиссией клубам. Среди лекторов-большевиков — Менжинская, Коллонтай, В. М. Бонч-Бруевич, Стучка и другие, есть также меньшевики (Суханов) и эсеры (Спиридонова).

Сразу после Великой Октябрьской социалистической революции Бонч-Бруевич был назначен управляющим делами Совнаркома. В его личном фонде сохранилось небольшое количество документов, связанных с этим периодом его жизни.

В записных книжках Бонч-Бруевича за 1917—1919 гг. есть много деловых записей, сделанных, очевидно, в первые дни после Октябрьской революции — здесь встречаются записи для памяти («...русских винтовок — 1 500, револьверы — 500, пулеметы — 20, ленты, патроны винт. 20 000, револ. 20 000, броневики...»), копии распоряжений («Тов. Цыганкову. 1918 г. 13 марта 10 ч. 15 мин. № 23. Приказ. Взять первый трамвай и отправиться на Николаевский вокзал на пожар вместе с отрядом...»; «Тов. Цыганкову. 1918 г. 12 марта 19 ч. 25 мин. Приказ. Проверить чайные, трактиры, по какой цене продается хлеб и другие продукты и об результатах мне донести...» и др.), фамилии, телефоны, адреса (М. Н. Покровский, Подбельский, Ленгник, Скворцов-Степанов и др.). Есть в книжках и записи, относящиеся к переезду Советского правительства из Петрограда в Москву. В одной из книжек 1918 г. Бонч-Бруевич вел запись расходов В. И. Ленина и Н. К. Крупской

(85.37). К этой записной книжке Бонч-Бруевичем сделаны очень интересные примечания, по размеру и содержанию приобретающие значение самостоятельных воспоминаний. Это живой и задушевный рассказ о совместной жизни коммуной на даче в 1918 и в 1919 году с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. В нем нет значительных событий, это лишь бытовые детали, дающие, однако, какие-то достоверные штрихи для воссоздания облика живого Ленина. Бонч-Бруевичем сделаны примечания и к другим записям (например, запись: «Шереметьевский 2. Тимирязев»; примечание: «Сношения с ним по пор[учению] В[ладимира] И[льича]».

Первые месяцы после Октября Бонч-Бруевич был также председателем Комитета по борьбе с погромами, саботажем и преступностью. Из материалов, связанных с работой Комитета, отметим сделанные в январе 1918 г. краткие заметки для памяти. Примечания Бонч-Бруевича к этим заметкам рассказывают о борьбе с кадетами, засевшими в Мариинском дворце, о саботаже чиновников, об аресте жуликов, выдававших себя за «агитаторов» и т. п. На одном из листков заметок сохранился штамп Комитета.

В архиве есть также ряд постановлений Совнаркома за эти годы по различным вопросам, декретов (об обложении сельских хозяев натуральным налогом — 1918 г. и др.), инструкции (в частности, о борьбе с сыпным тифом — 1918 г.), материалы по ревизиям учреждений, подведомственных Совнаркому, по расследованию злоупотреблений и т. п. Сохранилось и удостоверение на имя Бонч-Бруевича — члена Комитета революционной обороны Петрограда — от 25 февраля 1918 г. за подписями Урицкого и Гусева. Из материалов, написанных самим Бонч-Бруевичем, имеется черновик его доклада В. И. Ленину о положении в типографии «Русского слова» в Москве, реквизированной в 1918 г. для нужд Московского Совета, о выпуске «Известий ЦИК» и «Известий Московского Совета» в марте 1918 г., а также черновой набросок декрета о всеобщей мобилизации в связи с наступлением германской армии (85.16,18).

Документы этой группы почти не отражают событий гражданской войны, развернувшейся в это время в стране. Лишь немногие из них тесно связаны с этими грозными событиями — например, список вещей и денег, собранных для фронта семьями членов Советского правительства и другими лицами, проживавшими в Кремле в 1919 году (85.55).

В этом документе, интересном и историку, и писателю, мы встречаем такие, например, записи: «Мархлевский — 12 брошюр, 6 сигар, 1 дамское пальто; Ленгник — 300 р., 1 гребешок; 1 ф. чаю цветного, 100 папирос «Ю-Ю»...»

Сохранился в архиве текст доклада председателя Высшей военной инспекции Н. И. Подвойского во ВЦИК, СНК и ЦК РКП(б) «Задачи Советской власти в борьбе с чехословацким мятежом» (85.54).

После переезда правительства в Москву Бонч-Бруевичу, кроме обязанностей в СНК, была поручена организация Санитарного управления Кремля (в архиве имеются докладные записки Л. С. Коровая и М. С. Ольминского в управление) и руководство Особым строительно-санитарным комитетом Москвы, существовавшим до 1921 г. В архиве сохранились протоколы коллегии этого Комитета,

стенограмма совещания в сентябре 1920 года, наметившего ряд первоочередных работ по приведению в порядок санитарных учреждений Москвы, доклад Чрезвычайной ревизионной комиссии РКИ, проверявшей ОСКОМ и другие документы. Объяснительная записка Комитета об итогах строительного сезона 1920 г. дает представление о состоянии жилищного фонда, о намечавшихся правительством неотложных задачах по улучшению его, о трудном положении со стройматериалами, о подрядных работах и т. п.[20].

Группа документов касается разработки декрета об отделении церкви от государства и его проведения в жизнь, а также декрета СНК от 4 января 1919 г. об отказе от военной службы по религиозным убеждениям.

Значительный комплекс материалов связан с возникновением и деятельностью совхоза «Лесные поляны» под Москвой. В своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич рассказал о том, как во время беседы с В. И. Лениным у него возникла мысль создать образцовый совхоз, который стал бы школой социалистического сельского хозяйства и одновременно обеспечивал бы часть нужд Москвы в сельскохозяйственных продуктах[21]. Хотелось при этом создать хозяйство не на базе одного из помещичьих имений, как чаще всего бывало в первые годы революции, а на запущенных нетронутых землях, осуществляя, таким образом, эксперимент с самого начала. Совхоз был создан постановлением СНК от 3. IX. 1920 г.

В архиве имеются основные документы, определяющие положение совхоза, — постановления об организации и преобразованиях, уставы, правила внутреннего распорядка, ряд отчетов о деятельности совхоза, материалы нескольких его обследований различными госучреждениями. В архиве сохранились также договоры с разными организациями и лицами и ряд других документов, позволяющих ознакомиться со сбытом продуктов и развитием различных отраслей хозяйства — молочного животноводства, свиноводства, пчеловодства, зернового хозяйства, с работой сыроваренного и колбасного заводов, лаборатории молочно-кислых продуктов, позже — возникшей фабрики диетпродуктов, лесопильного завода и т. п.

При изучении деятельности этого одного из первых в нашей стране крупных социалистических хозяйств чрезвычайно интересен весь круг вопросов, связанных с экономикой хозяйства, материальным положением рабочих, производительностью и системой оплаты их труда и в связи с этим — себестоимостью сельскохозяйственных продуктов. Архив содержит много документов по этим вопросам, диаграммы и фотографии, освещающие работу совхоза в 1920-х гг. (материалы о совхозе занимают картоны 89—93).

К материалам совхоза примыкают собранные Бонч-Бруевичем документы Наркомзема, членом коллегии которого он был как директор крупного совхоза и племенного хозяйства — различные положения и постановления 1920-х гг., список племенных хозяйств

---

[20] О деятельности Особого строительного комитета Москвы см.: Бонч-Бруевич В. Д. Владимир Ильич в первые годы после Октября. — В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1955, стр. 116—118.

[21] Вл. Бонч-Бруевич. Ленин и совхоз «Лесные поляны». М., 1957. См. также имеющуюся в архиве докладную записку Н. А. Семашко, Н. Ф. Владимирского, В. Д. Бонч-Бруевича и др. в Малый Совнарком о создании совхоза (28 авг. 1920 г.).

РСФСР и т. п. Среди них останавливает на себе внимание обращение комиссии Наркомзема по заселению совхозов, свободных земель и бывших имений (1921 г.) к сектантам и старообрядцам с предложением пообщинно заселять такие земли. Документ этот очень интересен для характеристики советской политики по отношению к этим группам населения (36.1).

Все остальные материалы рассматриваемой части фонда связаны с научной и издательской деятельностью Бонч-Бруевича, продолжавшейся от 1917 г. до самой его смерти. Они характеризуют деятельность ряда советских издательств, научных учреждений и большие научные начинания (такие, как академические издания сочинений Пушкина и Толстого).

Прежде всего здесь следует остановиться на материалах издательства «Коммунист» и кооперативного издательства «Жизнь и знание», которыми Бонч-Бруевич руководил с 1918 до 1936 г. Непосредственно к ним примыкают материалы Комитета памяти В. М. Величкиной, возникшего после ее смерти и также развившего большую издательскую деятельность.

Об активном участии Бонч-Бруевича в первых советских издательствах, в частности, в разработке проекта национализации произведений русских классиков и создании Лито Наркомпроса, рассказывает в своих воспоминаниях В. Полянский. Он пишет о том, как однажды ночью, в середине ноября 1917 г., во дворе Смольного докладывал В. И. Ленину об этом проекте:

«Выслушав до конца предполагаемый проект, он уже решительно его поддерживал.

— А кто подал мысль? — спросил он.

— Кажется, Владимир Дмитриевич, — отвечаю я.

— Бонч?

— Да.

— Вот выдумщик. Разрабатывайте и вносите, но сговоритесь с тов. Свердловым, скажите, что я — за»[22].

Материалов издательства «Коммунист» немного — имеется лишь протокол № 1 редакционного собрания в сентябре 1918 г., перечни вышедших книг, отчет издательства за вторую половину 1918 г. и некоторые другие документы.

Имеются аналогичные отчеты об издательской деятельности Комитета памяти В. М. Величкиной (с 1918 по 1920 г.), сохранилась также переписка, связанная с изданиями Комитета (в том числе ряд писем В. В. Воровского — тогда заведующего Госиздатом), финансовые его документы и договоры с авторами. Есть и другие материалы Комитета, среди них — проект устава «Общества содействия физическому и психическому развитию подрастающего поколения», проект Музея культов, устав «Секции по изучению религиозно-общественных движений в России» и правила научного описания книг и рукописей секции (1919—1920 гг.).

Одним из начинаний В. М. Величкиной был Институт физкультуры Наркомздрава. В архиве сохранилась рассылавшаяся этим институтом анкета «Душевное настроение русской революционной молодежи» — любопытный образец «исканий» того времени. Имеет-

[22] Полянский В. Начало советских издательств. — «Печать и революция», 1927, кн. 7, стр. 233.

ся в фонде и отчет о работе другого учреждения, созданного В. М. Величкиной — школы-санатория для детей, больных костным туберкулезом (Сокольники).

Для истории издательского дела в 1920-х — 1930-х гг. имеет значение сохранившийся в архиве комплекс документов кооперативного издательства «Жизнь и знание»[23].

В том же письме, которое освещало дореволюционную издательскую деятельность Бонч-Бруевича (см. выше, стр. 15), он пишет далее, рассказав об издательствах «Коммунист» и Комитета памяти Величкиной:

«Так продолжалось дело до 1921 года, когда МСНХ издал закон, на основании которого издательства должны были существовать как кооперация... Тогда товарищи, зная, какое огромное участие В. М. Бонч-Бруевич (Величкина) принимала в издательстве «Жизнь и знание», являясь в числе его основателей, решили возобновить издательство под тем же старым наименованием, прибавив к нему наименование «кооперативного» издательства и передать в него все имущество Комитета».

Документы довольно полно рисуют деятельность этого издательства в 1921—1936 гг. Здесь имеется его устав, списки членов правления, авторского актива, докладные записки разных годов о его работе. Полностью сохранены протоколы общих собраний, заседаний правления, редакционных комиссий за все время существования издательства. Договоры с авторами, каталоги и проспекты изданий позволяют анализировать характер и направление его работы, его правовое положение, вопросы распространения книг и книжной торговли в те годы. «Жизнь и знание», выпускавшее главным образом научно-популярные и естественнонаучные книги, представляет с этой точки зрения значительный интерес. По документам можно, в частности, проследить, как издательство откликалось на решения партийных съездов, издавая после XIV съезда партии литературу в помощь промышленному производству, после XV съезда — в помощь возникающему коллективному сельскому хозяйству.

Из немногочисленных материалов Госиздата (1920-е гг.) отметим лишь докладные записки его директора И. И. Ионова о положении дел в издательстве, доклад о координации изданий с Институтом Маркса и Энгельса (1924 г.) и договор издательства с Московской ассоциацией пролетарских писателей об издании журнала «Октябрь» (1924 г.).

Довольно много в фонде документов по изданию юбилейного Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого и материалов Государственного Толстовского музея. Здесь хорошо представлены все основополагающие документы этого издания: постановления Наркомпроса, соглашения с В. Г. Чертковым, докладные записки Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) и соответствующие партийные и правительственные постановления. Часть этих материалов — в подлинниках, с подписями должностных лиц, часть — с пометами А. В. Луначарского. К началу практической работы относятся утвержденные Луначарским Положения о Комитете по исполнению воли Л. Н. Толстого по изданию его сочинений и о Редакторском

[23] Не смешивать с дореволюционным легальным партийным издательством того же названия. Материалы кооперативного издательства занимают картоны 94—97.

комитете и инструкция о правилах публикации сочинений Л. Н. Толстого, составленная Бонч-Бруевичем и утвержденная Луначарским (подлинник); инструкция об основных принципах редактирования; имеется и ряд постановлений Оргбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР, принятых на различных более поздних этапах издания (1929, 1934, 1939 гг.).

Сохранились также протоколы Редакторского комитета и Государственной редакционной комиссии за 1925—1938 гг., стенограммы и протоколы ряда совещаний и обсуждений за разные годы. Среди них наиболее значительной для истории этого издания является стенограмма конференции Отдела новой русской литературы Института литературы АН СССР, состоявшейся 10—11 ноября 1935 г. (102.1). Большое количество документов освещает ход работы в ранние годы — потомный план издания, календарный план передачи томов из Редакторского комитета в Государственную редакционную комиссию и множество писем Бонч-Бруевича к Черткову, а также замечаний других редакторов (Н. Н. Гусев, Н. К. Гудзий и др.), сделанных при подготовке и обсуждении отдельных томов. Ряд документов связан с финансовой стороной дела.

История издания на его различных этапах рассказана в статьях и заметках Бонч-Бруевича (1928—1951 гг.), также собранных при этой группе материалов. Особый комплекс составляют документы о праздновании в 1928 г. столетия со дня рождения Толстого.

К материалам по изданию сочинений Толстого примыкают и документы о работе Бонч-Бруевича в Толстовском музее, сравнительно немногочисленные и случайные по составу — постановления о работе Музея, протоколы ученых советов, объяснительные записки и пр. Здесь следует обратить внимание лишь на записку И. В. Ильинского о музее-усадьбе «Ясная поляна» (1931 г.).

Гораздо полнее собраны в архиве материалы о возникновении и деятельности Государственного литературного музея. В хронологической последовательности представлены все документы об основании музея, сперва при Библиотеке имени В. И. Ленина, потом как самостоятельного учреждения. Для истории архивного дела в нашей стране большой интерес представляет стенограмма заседания по вопросу о создании Центрального музея литературы, критики и публицистики (1932 г.), где с вступительным словом выступил Бонч-Бруевич и с основным докладом о собирании фондов русских писателей М. А. Цявловский (103.8) и стенограмма заседания ученого совета музея (1947 г.) с докладом Бонч-Бруевича «О собирании и публикации материалов по истории русской литературы» (106.20).

В архиве имеется ряд инструкций и положений о работе музея и его частей. Протоколы заседаний Фондовой комиссии музея характеризуют его собирательскую деятельность за 1932—1939 гг. В материалах широко отражена научно-издательская деятельность музея — имеются планы и отчеты, сведения об авторах, редакторах и рецензентах изданий, довольно полно собраны портфели таких продолжающихся изданий, как «Звенья» (1930—1950 гг.), «Бюллетени» (1930-е гг. — 1940 г.), «Летописи Литературного музея» (1933—1947 гг.) и материалы по подготовке к печати тематических сборников, путеводителей по выставкам, плакатов и т. п. Последовательно подобраны и документы о постоянных и передвижных

выставках музея, о выставках-альбомах и т. п., связанных с творчеством Белинского, Грибоедова, Добролюбова, Короленко, Лермонтова, Чернышевского, а также Маяковского и Фадеева.

Сохранилось и небольшое количество материалов, отражающих работу Бонч-Бруевича в редакции академического собрания сочинений А. С. Пушкина в 1934—1955 гг.

Последние два картона этого раздела состоят из документов о работе Бонч-Бруевича в Музее истории религии и атеизма АН СССР и Секторе истории религии Института истории АН СССР — материалов экспертизы приобретений музея, отчетов о работе музея и координационной комиссии по организации научно-атеистической пропаганды. Большая деловая переписка Бонч-Бруевича с сотрудниками музея содержит много подробностей о его работе — экспедициях, экспозиционных планах, исследовательской работе, реставрации и хранении экспонатов, пополнении фондов музея. Следует, однако, иметь в виду, что основная часть материалов подобного характера содержится в уже упоминавшемся фонде В. Д. Бонч-Бруевича в рукописном отделе музея.

* *
*

Рукописи произведений Бонч-Бруевича составляют второй и значительный по объему раздел фонда. Преобладающая часть их опубликована. Наличие полной, тщательно составленной библиографии трудов Бонч-Бруевича [24] освобождает нас от необходимости рассмотрения в настоящем обзоре рукописей опубликованных произведений, хотя надо обратить внимание исследователей на то, что они во многих случаях содержат варианты и иные редакции по сравнению с опубликованными текстами.

Рукописи опубликованных работ Бонч-Бруевича представлены в архиве с большой полнотой. Если сопоставить материалы фонда с библиографическим списком, то оказывается, что в фонде отсутствует не более одной десятой части этих работ, не считая произведений, специально посвященных В. И. Ленину и хранящихся в ИМЛ [25].

Имеется также группа рукописей, текст которых не опубликован, но которые лишь незначительно отличаются по содержанию от опубликованных работ на те же темы [26]. Есть также случаи частичных публикаций [27].

---

[24] Библиография трудов. Составлена Н. М. Нестеровой и К. Б. Суриковой.— В кн.: Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия истории, вып. 5. М., 1958.

[25] Фонд неопубликованных воспоминаний о В. И. Ленине.

[26] Ср., например, статью «История русского текста международного гимна пролетариата» с опубликованной: Бонч-Бруевич В. Д. Новые русские строфы «Интернационала». — «Вечерняя Москва», 1931, 9.V; или статью «Празднование Первого мая и маевка в дореволюционной России» с опубликованной: Бонч-Бруевич В. Д. Маевка в дореволюционной России. — «Наша газета», 1928, 1.I.

[27] Воспоминания «Из Москвы за границу (1896—1900)», например, опубликованы в кн.: Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. Т. II. М., 1961. стр. 190—236, со значительными сокращениями. В рукописи (6.1), кроме опубликованной части, есть первые четыре главы, посвященные жизни Бонч-Бруевича в Москве до эмиграции, главы 6, 9, 11 — о колонии русских политических эмигрантов в Цюрихе, главы 14—30, рассказывающие о сотрудничестве Бонч-Бруевича с Чертковым, об издательстве «Свободное слово» в Лондоне, о переселении духоборов в Канаду.

Неопубликованная часть творческого наследия Бонч-Бруевича достаточно велика по объему и представляет значительный интерес. Она содержит много еще не использованных в науке материалов. Бóльшая часть работ — машинопись с авторской правкой, есть и автографы, сопровождаемые, как правило, машинописными копиями. Группировка их в архиве и в настоящем обзоре представляла немалые трудности.

Характерная черта творческой индивидуальности Бонч-Бруевича, наложившая свой отпечаток на его работы, в особенности исторические — это неразрывное сочетание в нем исследователя и публициста с мемуаристом. Поэтому и отделить воспоминания Бонч-Бруевича от других его работ — в большинстве случаев задача невыполнимая. Вследствие этого работы его систематизируются нами лишь по их проблематике, вне зависимости от жанра и времени их написания. Нарушение этого принципа заставило бы нас многократно возвращаться к одному и тому же вопросу, как возвращался к нему сам автор.

Разделив все неопубликованные произведения на несколько групп: автобиографические материалы, произведения, посвященные революционному движению, истории Коммунистической партии, становлению советского общества, работы по литературоведению, по изучению религии и другие, мы и рассмотрим каждую группу в последовательности тех исторических событий, которым посвящены эти работы.

Прежде всего отметим две **автобиографические** статьи общего характера: 1) «Моя литературная и научно-исследовательская деятельность» (1947 г.—4.2), рассказывающая обо всех ее основных этапах (особое внимание автор уделяет своим исследованиям по истории религии; в статье указан общий объем всего им написанного: «более тысячи статей, брошюр и книг» и перечислены 29 его псевдонимов) и 2) «Над чем я работаю» (1945 г.—4.3).

В архиве сохранились фрагменты воспоминаний Бонч-Бруевича о детстве, юности, о начале издательской деятельности и участии в революционном движении.

Воспоминания, написанные в 1943—1945 гг. — это отдельные небольшие рассказы со своими заглавиями, где идет речь о детских годах автора, проведенных в имении Слободище Брянского уезда Орловской губернии, о семье, об исторических событиях того времени и их восприятии (русско-турецкая война 1877—78 гг., убийство Александра II, рабочие волнения на Мальцевских хрустальных заводах), о поступлении в Межевой институт (2.2—4).

Интересным дополнением к опубликованным воспоминаниям Бонч-Бруевича об отрочестве и юности [28] являются два отрывка: «Влияние театра (Из моих воспоминаний)» (1933 г.) и «Литературные вечера. Театр» (1940-е гг.). Они рассказывают о посещениях главным образом театра Корша, о литературных вечерах в Межевом институте, в одном из которых приняла участие артистка театра Корша Журавлева, о выступлениях любительского коллектива, которым руководил К. С. Станиславский, а также о первых

[28] Бонч-Бруевич В. Д. Шесть лет в закрытом учебном заведении (1883—1889 гг.). (Воспоминания о Константиновском межевом институте). — «Жизнь», 1902, № 1, стр. 270—292; № 2, стр. 213—235.

литературных опытах автора: драме «Спириты и духи» и более поздней драме «Бойня», посвященной позорной расправе царских жандармов с народовольцами в Якутской ссылке (3.6,7)[29].

Несколько отрывков воспоминаний (1940-е гг.) посвящены 1890-м годам, до отъезда Бонч-Бруевича в эмиграцию: о Курском землемерном училище, его преподавателях и репрессиях по отношению к студентам. Воспоминания рассказывают о работе Бонч-Бруевича в типолитографии отца, о связи его с литературным кружком Ленцевича (А. Н. Хавского, впоследствии покончившего с собой в царской ссылке), где обсуждались социальные проблемы, о начале переписки с П. И. Бирюковым, о знакомстве с издателем «Народной библиотеки» В. Н. Маракуевым, с А. Д. Пресняковым, о выпуске книг для народа в издательстве П. К. Прянишникова. Работа этого издательства освещена подробно: его организация, издания, авторы, распространение изданий, в частности, связи издательства с социал-демократами: А. Карпузи, Синицыным, Гарюшиным, В. М. Величкиной. В воспоминаниях дана характеристика социал-демократических кружков того времени в Москве и рассказано о знакомстве автора с И. Ф. Блиновым, с кружком Флеровых, семьей Величкиных и др. Особое место в связи с этим уделено Л. П. Радину[30] (3.9—15).

Этот же период освещен в нескольких других статьях. В одной из них («Забота о студентах царского правительства», 1946 г.) речь идет о голоде 1891—1892 гг., о прокламациях, смерти Н. М. Астырева, о статьях Плеханова «Всероссийское разорение» и «Задачи социалистов в борьбе с голодом», определявших позицию социал-демократов, об оживлении студенческого движения 1890-х гг. в связи с этим и борьбе с ним царского правительства (4.5).

Группа статей относится к жизни Бонч-Бруевича в эмиграции в 1890-х—1900-х гг. Они были написаны тогда, очевидно, для периодических изданий, в которых он сотрудничал[31]. Это очерки европейской жизни, написанные, несомненно, для русского читателя и рассчитанные на русскую демократическую прессу. «Письмо из Бельгии» (1896 г.) рисует контрасты Льежа — типичного буржуазного города того времени, жизнь металлургических заводов, кооперативное движение в Бельгии. Статья «Два месяца в Мюнхене» посвящена главным образом его культурной жизни в связи с происходившей там в 1897 г. Всемирной художественной выставкой — соотношению между классическим реализмом и декадентским направлением на выставке, представленным на ней русским полотнам и т. п. Интересны здесь замечания Бонч-Бруевича о католицизме, об антисемитизме и движении против него в Европе. Другие очерки касаются рабочего движения в Швейцарии, роста европейских городов, впечатлений от пребывания в Турции (во время поездки

---

[29] Северянин В. Бойня. Историческая драма из времен царствования «царя-миротворца» Александра III. — «Работник», 1899, № 5—6, стр. 35—73. Об этой драме и оценке ее В. И. Засулич подробно рассказано также в воспоминаниях Бонч-Бруевича «Из Москвы за границу», упоминавшихся выше.

[30] В частности, изданию его книги, вышедшей под псевдонимом: Пасыков Я. Простое слово о мудреной науке. (Начатки химии). М., Прянишников, 1895 (Серия народных книг).

[31] Публикацию их, однако, не удалось обнаружить ни составителям библиографии трудов Бонч-Бруевича, ни нам.

в Константинополь за духоборами, которых Бонч-Бруевич должен был сопровождать в Канаду (5.21;6.3,6,10,17—19).

Другие заметки теснее связаны с революционным движением тех лет: это статья о положении политических ссыльных и заключенных, воспоминания (конец 1890-х гг.) о студенческом движении в Цюрихском университете в 1896 г., воспоминания о посещении английской каторжной тюрьмы, где содержался тогда В. Л. Бурцев [32]. В 1898 г. в Цюрихе написана заметка о М. Ф. Ветровой, погибшей в 1897 г. в Петропавловской крепости (6.5,7;19.7).

К 1900 г. относится статья «В защиту партии» (имеющийся в архиве текст писан разными почерками, заглавие и подпись — рукой Бонч-Бруевича)[33]. Статья относится к моменту разрыва группы «Освобождение труда», в которую тогда входил Бонч-Бруевич, с оплотом «экономизма» — «Союзом русских социал-демократов за границей» — и излагает обстоятельства появления «Постановления группы тридцати по поводу собраний русской колонии в городе Цюрихе 13-го, 14-го и 16-го мая 1900 года». Самый текст «Постановления» — черновой, рукою Бонч-Бруевича и отпечатанный на гектографе — приложен к статье (6.11).

Несколько статей общего характера относится к первому периоду существования РСДРП, например, статья «К тридцатилетнему юбилею ВКП(б) (Из моих воспоминаний)», написанная к тридцатилетию II съезда РСДРП и дающая краткий обзор основных событий, начиная от разгрома Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» до проведения II съезда, или статья «Практика подпольной работы» (1942 г.), на многочисленных фактах раскрывающая облик профессионального революционера тех лет (4.4 и 4.10). Особое место занимают стенограммы лекций на тему «Рабочая печать в период борьбы за создание социал-демократической рабочей партии в России» (1944 г.).

Более конкретные статьи, освещающие те или иные моменты истории партии в период от возникновения «Искры» и до революции 1905 г. в России. Статья, озаглавленная «Заграничная социал-демократическая организация «Жизнь» должна была, очевидно, изложить историю этой организации. Однако она не была окончена и рассказывает лишь об обстоятельствах, предшествовавших возникновению организации. Три отрывка воспоминаний Бонч-Бруевича относятся к «Искре». Лишь один из них — «Искра» — излагает кратко историю возникновения газеты. Два другие, тесно связанные между собой по содержанию, посвящены архиву «Искры», библиотеке и архиву РСДРП в Женеве и судьбе части этого архива, переданной Бонч-Бруевичу на сохранение в рукописное отделение Библиотеки Академии наук в Петербурге [34]. По сравнению с опубликованными воспоминаниями Бонч-Бруевича о том же [35], эти две рукописи содержат особенно ценные сведения об истории двух

---

[32] См. об этом также: Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. (1882—1924). Т. 1. Берлин, 1924, стр. 134—143 и в воспоминаниях С. Н. Мотовиловой «О Бурцеве», хранящихся в архиве (397.27).

[33] Публикации этой статьи мы не нашли.

[34] Основная часть архива была вывезена в Париж и возвращена в СССР в 1924 г. (ИМЛ, ф. 32).

[35] Библиотека и архив РСДРП в Женеве. — В кн.: Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч., т. II. М., 1961, стр. 307—322.

комплектов «Искры», в одном из которых В. И. Лениным были размечены фамилии авторов всех статей, а другой представлял собой сделанную Бонч-Бруевичем копию этой разметки (7.19,20,22,23) [36]. В записке «О моей библиотеке нелегальных изданий и о четырех исчезнувших архивах» воспроизведен текст ленинских помет, а также рассказано об обстоятельствах пропажи архива партийного издательства «Жизнь и знание», архива управления делами Совнаркома за первые два года Советской власти, телеграфных лент с записями переговоров В. И. Ленина по прямым проводам с фронтами во время гражданской войны (7.18).

В архиве сохранилось большое количество заметок и справок, составленных Бонч-Бруевичем в связи с публикациями тех или иных материалов по истории партии. Так, например, в 1951 г. он написал справку «По поводу письма Московского рабочего союза к В. Д. Бонч-Бруевичу», где полемизировал с комментариями Н. Ангарского к соответствующим документам в книге «Доклады социал-демократических комитетов второму съезду РСДРП» (М., 1930), который, по мнению Бонч-Бруевича, проявил «незнание внутрипартийных отношений того времени» (6.2).

Неопубликованные воспоминания, сохранившиеся в архиве в двух редакциях (1944 и 1952 гг.), освещают историю партийного издательства «Демос»: «Книгоиздательство «Демос», его возникновение, организация, деятельность» (9.5,7). Это издательство, созданное в результате переговоров, которые Бонч-Бруевич вел в конце 1904 г. по поручению Ленина с писателями группы «Знание» во главе с Горьким, должно было издавать и пропагандировать за границей лучшие произведения современной русской литературы. Воспоминания рассказывают о возникновении и уставе издательства, о составе редакционно-издательской коллегии, о помощи, которую оказал издательству немецкий издатель социал-демократ Дитца, о поездках Бонч-Бруевича в Лондон, Берлин и Париж по делам издательства. Большое место уделено отношению В. И. Ленина к издательству и его задачам (см. фотокопию рекомендательного письма, данного Лениным Бонч-Бруевичу для содействия работе «Демоса»[37]). Этому же периоду посвящены воспоминания под названием «Публикация Женевской экспедиции РСДРП(б) об издании комплекта открытых писем «Типы Горького. На дне». Эти воспоминания были написаны в 1950—1951 гг., очевидно, в связи с тем, что в Историческом архиве г. Львова было обнаружено объявление Женевской экспедиции РСДРП(б) об этом издании. Воспоминания подробно раскрывают историю этих открыток, издание которых было задумано для материальной поддержки партии, когда все имущество Женевской экспедиции после раскола перешло к меньшевикам. К воспоминаниям приложены четыре открытки из этой серии (8.3).

Группа воспоминаний и статей относится к разным этапам революции 1905 г. Две статьи посвящены событиям 11—16 января 1905 г. в Риге, где Бонч-Бруевич был во время своей нелегальной поездки в Россию («События девятого января в гор. Риге» и «Риж-

[36] Оба комплекта «Искры» хранятся теперь в ИМЛ (ф. 2).

[37] От 6 июня 1905 г., на бланке редакции газеты «Пролетарий», рукою Л. Н. Мандельштам с подписью «В. И. Ленин». См.: Ленинский сборник XXIV. М., 1934, стр. 438.

ские расстрелы демонстрантов 9 января 1905 г.» — 15.2,3), другие касаются революционной работы партии в войсках в этот период. Из них останавливают на себе внимание воспоминания «Как мы издавали газету «Казарма» (1951 г.), где освещены вопросы организации газеты, трудности, связанные с конспирацией, названы активные сотрудники газеты — Чужак (Насимович), В. В. Воровский, Л. Б. Красин, М. С. Ольминский, Е. М. Ярославский, показано распространение и популярность газеты в солдатской среде[38] (15.42) и воспоминания «Нелегальная работа в войсках» (1923 г.). В последних следует указать на сведения о работе среди русских военнопленных в Японии, о роли партии в организации восстаний Черноморского флота, о разоблачении провокаторов.

Сохранилось несколько статей Бонч-Бруевича, написанных в ходе самой революции, вероятно, для одного из партийных изданий. Это статьи: «Кто ведет пропаганду в деревне?» (май 1905 г.); «Либералы стремятся пролезть в рабочий класс», с критикой П. Струве; «К вопросу о расслоении земско-дворянской конституционной партии» (июнь 1905 г.), анализирующая характер и причины разногласий в кадетской партии[39].

Большой фактический материал содержится в статье «Москва в декабре» (15.32). Следует также отметить работу о роли духовенства в период революции: «Роль духовенства в контрреволюционном движении 1905 года» (1930-е гг.). Специальная статья посвящена Бонч-Бруевичем латвийской и литовской социал-демократии в 1895—1907 гг.

Две статьи мемуарного характера связаны с историей газет «Звезда» и «Правда». Первая бегло касается истории создания «Звезды», состава редакторов и авторов, рассказывает о поездке Н. Г. Полетаева за границу с целью получения от зарубежных социал-демократов материальной помощи газете, о портрете Августа Бебеля, который он прислал Полетаеву по его просьбе[40] (16.16,18). К периоду 1906—1917 гг. относятся еще несколько работ: исторический очерк того времени о Бунде, довольно большая группа заметок, статей и воспоминаний об издательстве «Жизнь и знание» и некоторые другие.

Несмотря на большое количество опубликованных работ Бонч-Бруевича о Февральской революции, о периоде между февралем и октябрем, о подготовке и проведении Октябрьской революции, в архиве все же имеется немало рукописей неизданных статей и воспоминаний об этих же событиях.

Из семи статей, посвященных Февральской революции, отметим воспоминания о ее первых днях, написанные в 1920-х и 1930-х годах и статью «Первые революционные газеты Февральской революции — «Известия» и «Правда» (1927 г.). Статья «Разгул черной сотни после июльского восстания 1917 г.» рассказывает об одном из эпизодов борьбы реакции против Ленина (налет юнкеров на да-

[38] Они отличаются от опубликованной статьи на ту же тему: «Газета «Казарма» (Мои воспоминания)». — В кн.: Казарма. Орган военной организации РСДРП(б). 1906—1907. №№ 1—3 М.—Л., 1931, стр. 9—11.

[39] Публикация их нами также не установлена.

[40] Портрет с надписью-автографом был прислан Бебелем Полетаеву на адрес Государственной думы. Полетаев передал его Бонч-Бруевичу, а тот сохранил его в своем архиве (237.38).

чи Бонч-Бруевича и Горького в Финляндии в поисках Ленина и протест, заявленный Бонч-Бруевичем по этому поводу Керенскому; 16.30,40). Небольшая заметка о разговоре с Н. С. Каринским, прокурором Петербургской судебной палаты, членом Временного правительства, известившим Бонч-Бруевича 4 июля 1917 г. о намерении арестовать Ленина, дополняет эту статью (16.42).

Статьи об Октябрьской революции касаются отдельных ее сторон («Отражение Октябрьской революции на фронте») и некоторых конкретных событий («Переговоры о перемирии Военно-революционного комитета г. Москвы с Комитетом общественной безопасности»). Статья «Вредители социалистической октябрьской революции» (1932 г.) посвящена борьбе с погромами, саботажем и контрреволюцией в 1917—1918 гг. Большой фактический материал, составляющий сильную сторону работы, относится главным образом к тому времени, когда автор сам практически участвовал в этой борьбе (22.30).

В архиве хранится довольно много неопубликованных воспоминаний и об отдельных деятелях партии и Советского государства: Н. С. Аллилуевой, И. Ф. Блинове, П. Л. Войкове, В. В. Воровском, И Л. Грушко, А. Г. Железнякове, М. И. Калинине, Л. Б. Красине, А. В. Луначарском, Н. Л. Мещерякове, М. В. Новорусском и др.

Воспоминания о Н. С. Аллилуевой связаны с событиями 1917 г., когда Ленин скрывался от Временного правительства сперва на квартире Н. Г. Полетаева, а затем у Аллилуевых (19.1).

Особенно подробны воспоминания (1951 г.) об И. Ф. Блинове и его кружке, о нелегальных типографиях, пропагандистской деятельности Блинова, его аресте в 1897 г. и ссылке (19.4). В воспоминаниях о Л. Б. Красине (1930-е гг.) подчеркнута его роль в организации Бакинской типографии, рассказано об его эмиграции, об участии в Октябрьской революции, дипломатической деятельности в советское время (19.21).

Большой интерес представляют также воспоминания о Н. Л. Мещерякове, об участии его в борьбе с «экономистами», работе в прогрессивной газете «Вятский край», в «Искре», в московской с.-д. организации, где он в августе 1917 г. становится председателем губернского Совета рабочих и солдатских депутатов, деятельности его после 1917 г. (19.29).

Есть в архиве и биография жены Бонч-Бруевича — В. М. Величкиной.

Неопубликованных работ Бонч-Бруевича по истории советского общества очень мало. Это воспоминания о событиях, связанных с отделением Финляндии от России, о контрреволюционном мятеже чехословацкого корпуса в 1918 г. и др.

Следует указать на любопытную для истории советской печати статью «Катастрофа с изданием газет в 1918 году» (1929 г.), где рассказано о переводе газеты «Известия» в Москву после переезда правительства и о возникших при этом трудностях с ее изданием (21.29).

Малоизвестную страницу политики молодого социалистического государства освещают воспоминания «О том, как создавался декрет об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» (1933 г.). Две статьи, также написанные по личным воспоминаниям, касаются начала советского здравоохранения

(«Начало деятельности общества «Красный крест» после Октябрьской революции» и «Медицинская помощь войскам и населению в революционные годы Февральской и Октябрьской революций и во время гражданской войны»). Несколько статей являются откликами на разные жизненные проблемы 1919—1920 гг. («Борьба за чистоту», «Молоко — детям», «Откуда взять мясо? (К вопросу режима экономии)» и пр.).

К более позднему периоду относятся лишь воспоминания о Великой Отечественной войне под названием «Тыловые записки». Сохранилось шесть глав этих воспоминаний, очень неравноценных по содержанию. Наиболее содержательна глава «У Алексея Николаевича Толстого», описывающая встречи с ним и другими писателями в 1943 г.

Другая группа неопубликованных рукописей Бонч-Бруевича — его работы, связанные с историей литературы. Бо́льшая их часть посвящена отдельным писателям.

Наиболее значительны в этом разделе и по объему, и по содержанию статьи и воспоминания о Горьком.

Две самые большие работы о нем — «Об М. Горьком (Мои воспоминания)» (1941 г.) и «Документы и письма моего архива, связанные с именем А. М. Горького» (1949—1952 гг.) — рассказывают историю знакомства Бонч-Бруевича с писателем и сообщают много фактов жизни последнего. Первая состоит из шести глав и в таком виде никогда не публиковалась. Однако в разное время были изданы отдельные ее главы в редакциях, близких к имеющемуся тексту [41]. Общее содержание работы близко к статьям «Мои встречи с Горьким» [42].

Вторая работа, широко задуманная автором, не была доведена до конца и представляет собою лишь отдельные очерки — об издательстве «Демос», об издании серии открыток «Типы Горького», об отношениях Горького с издательством «Жизнь и знание», о роли Горького в создании «Свободной ассоциации писателей и художников» и др. (27.11,19).

Не останавливаясь на других, более отрывочных воспоминаниях о Горьком в 1910-х годах, на популярных работах о его творчестве, отметим лишь две статьи, указывающие на роль писателя в улучшении положения ученых и деятелей культуры в первые годы Советской власти. В статье «Горький и организация ЦЕКУБУ» (1941 г.) Бонч-Бруевич рассказывает о положении творческой интеллигенции в 1919 г., о докладе по этому вопросу, сделанном им Совнаркому, о позиции Горького и организации им в Петербурге неофициального комитета помощи ученым. В статье содержатся многочисленные факты, показывающие заботу Ленина о науке и искусстве, об оказании всесторонней помощи ученым и мастерам культуры, активную поддержку государства возникшей в те годы специальной организации «по улучшению быта ученых». Другая статья на те же темы — «А. М. Горький и работники науки» (1946 г.) сообщает, в частности, интересные факты о посещении

[41] Например, текст гл. II очень близок к тексту статьи «Максим Горький и царская цензура». — «На литературном посту», 1926, № 4, стр. 17—20.

[42] «Новый мир», 1928, № 5, стр. 187—194; «Октябрь», 1929, кн. 8, стр. 96—103; «Литературная газета», 1936, 26 июня.

Горьким Нижегородской радиолаборатории, руководимой М. А. Бонч-Бруевичем, и оценке им ее деятельности (27.12,16).

Из работ, связанных с другими писателями, надо прежде всего указать на группу материалов о Демьяне Бедном, с которым Бонч-Бруевича связывала многолетняя дружба. Особенно подробно освещают историю их отношений и значительную часть жизни поэта воспоминания «Демьян Бедный». Они рассказывают о творчестве его в 1908—1910 гг. и мировоззрении, о работе его в журналах, передают его собственные рассказы о детстве, учебе в фельдшерской школе, в университете. В воспоминаниях нашли свое место не только факты из жизни писателя, но и высказывания его о литературе, о писательском труде, о задачах, которые он ставил перед собой как пролетарский поэт (26.7).

Интересны также воспоминания Бонч-Бруевича о Короленко — «Моя переписка и встречи с В. Г. Короленко». Часть их, связанная с сотрудничеством Бонч-Бруевича в «Русском богатстве», опубликована [43]. В неизданной части речь идет о первых издательских замыслах Бонч-Бруевича, о намерении его издать серию дешевых книг для народа и вызванной этим переписке с Златовратским, Короленко и Цебриковой, о предполагавшемся издании «Павловских очерков» Короленко в издательстве Прянишникова и о закрытии издательства (28.6).

На личных воспоминаниях основаны и статьи о писателе И. Е. Вольном, мелкобуржуазном публицисте Ю. Г. Жуковском, крестьянском писателе С. Т. Семенове.

В архиве имеется также несколько статей общего характера о Пушкине, Толстом (из них особенно следует отметить статью 1953 г. «Нелегальный журнал Л. Н. Толстого» — об издании кружком друзей Толстого в 1894—1897 гг. журнала «Архив Л. Н. Толстого»), две статьи о Мельникове-Печерском, статья о Чернышевском.

Небольшой, но значительный по содержанию раздел творческих рукописей связан с историей и задачами Литературного музея. В архиве сохранилось несколько неопубликованных статей по этим вопросам за 1932—1946 гг. Часть их прямо посвящена характеристике фондов и поэтому представляет источниковедческий интерес («Рукописные фонды Литературного музея» — 1930-е гг., «Богатства Гос. Литературного музея» — 1940 г., «Архив Андрея Белого» — не ранее 1934 г. и т. п.). К ним примыкают и некоторые публикации, готовившиеся Бонч-Бруевичем для «Звеньев» или «Летописей Литературного музея» — переписка П. В. Долгорукова за 1841—1857 гг. и обзор писем Петра I, хранящихся в Копенгагенском королевском музее.

Последняя группа статей посвящена самым разнообразным вопросам, примыкающим к истории литературы — Книжной палате, Лавке писателей, фольклору и др.

Большая часть научно-публицистических работ Бонч-Бруевича посвящена **изучению старообрядчества и сектантства.** Рукописи их занимают в архиве 16 картонов, подавляющая их часть уже опубликована.

---

[43] Бонч-Бруевич В. Д. Моя переписка с народниками. (Из литературного архива). — «На литературном посту», 1927, № 24, стр. 28—40; 1928, № 4, стр. 58—67.

Отметим здесь наиболее существенные из неизданных работ Бонч-Бруевича по этим вопросам, хранящихся в фонде.

Несколько статей касаются религиозно-общественных движений вообще и главным образом в дореволюционный период.

Статья «По поводу моего доклада на II съезде партии» (1953 г.) показывает историческую обстановку, когда был написан доклад, и его значение как документа эпохи, когда сектантство было частью крестьянского движения против самодержавия. В статье дана, кроме того, характеристика сектантства и его реакционной роли в советское время (34.14).

Справка «Краткие сведения о выселении сектантов и старообрядцев из России в другие страны в течение XIX века», подготовленная Бонч-Бруевичем для наркома земледелия Осинского, вероятно, в связи с решением вопроса о землеустройстве этих групп населения (1920-е гг.), последовательно излагает историю преследования их царизмом и массовой эмиграции (36.15).

Часть материалов относится к собиранию сектантских рукописей — сперва в архиве издательства «Свободное слово», затем — в Академии наук. К истории архива «Свободного слова» принадлежат прежде всего две описи сектантских материалов, переданных Бонч-Бруевичем в архив этого издательства и взятых им из архива после разрыва с Чертковыми.

Среди материалов к работам Бонч-Бруевича о «Свободном слове» отметим также составленные им подробные аннотации на «Отчеты книгоиздательства «Свободное слово» В. и А. Чертковых за 1898—1900 и 1901 гг.» и на «Листки «Свободного слова» №№ 1, 2, 9, 14, 15. Аннотации сопровождаются краткими историческими и мемуарными заметками об этих изданиях.

Воспоминания, озаглавленные «По поводу письма нижепубликуемого» (1951 г.) были изданы лишь частично[44]. В неизданной части содержится рассказ об организации архива сектантских рукописей при издательстве «Свободное слово», о публикации собранных материалов и изыскании средств на эти издания.

Особенно интересны воспоминания «Организация отдела сектантских рукописей в Академии наук» (1925 г.), показывающие исключительную роль акад. А. А. Шахматова в собирании материалов, в организации экспедиций для изучения жизни и быта сектантов, в сосредоточении в Академии наук ценнейших документов, фигурировавших на процессах сектантов в качестве «вещественных доказательств», и ту борьбу, которую вели против Шахматова царские чиновники (36.12).

Имеется в архиве и неопубликованный исторический очерк «Публичные заседания в различных обществах Петербурга по вопросам религиозно-общественных движений в России дореволюционного времени». Здесь названы все важнейшие доклады 1908—1909 гг. по этим вопросам и даны их краткие аннотации.

Большая часть работ Бонч-Бруевича касается отдельных сект. Наиболее значительны неопубликованные материалы о духоборах. Следует отметить здесь две статьи: «Экономическое обоснование

[44] Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч., т. I. М., 1959, стр. 308—313.

духоборческих хозяйств в их ссылке в Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии в XIX столетии», основанную в значительной степени на работе Вермишева о государственных крестьянах в Закавказье [45] и статью о Е. Н. Дрожжине — «Преследование за веру в России при царском режиме. Замученный Е. Н. Дрожжин».

Особое место среди духоборческих материалов занимает подготовленный Бонч-Бруевичем к печати, но неизданный двухтомный сборник документов «Движение среди русских крестьян, так называемых духоборцев, сосланных царским правительством в Закавказье (1886—1900)» 42.1—2; 43.1; 44.1; 45.1).

Это огромная работа, общим объемом 2 400 страниц, где с большой полнотой собраны документальные материалы о духоборах. В предисловии автором намечен обширный план издания документов по этой теме, состоящий из 9 разделов, охватывающих всю историю этой секты с XVIII в. до наших дней. Работа в ее настоящем виде соответствует по содержанию только четвертому и пятому разделам этого плана. Помимо предисловия, документам предпослана статья Бонч-Бруевича «Краткие сведения из истории духоборческих общин в России XIX в.» и большой список литературы, представляющий, по мнению автора, первую попытку сравнительно полной библиографии по истории духоборов.

В первом томе собраны документы самих духоборов: сочинения, освещающие их учение и моральные нормы, которыми они руководствуются, быт, нравы, воспоминания об исторических событиях, дневники, материалы вождя «большой партии» духоборов П. В. Веригина [46], письма духоборов, толстовцев и официальных лиц, — всего более 260 документов. В приложении к тому помещена статья Бонч-Бруевича «Обряды и обычаи духоборцев в свете их общественного понимания и их учения».

Во втором томе помещены официальные документы, касающиеся положения духоборов в царской России — о совещаниях в связи с предполагавшимся переселением их в Закаспийскую область, в Якутию, по поводу ходатайства их перед имп. Марией Федоровной о выезде за границу, отчеты губернаторов, записка о секте духоборов на Кавказе, составленная чиновником Департамента полиции, переписка Министерства внутренних дел, юстиции, иностранных дел и др., — всего 166 документов (подлинники их хранятся в разных фондах центральных государственных архивов в Москве и Ленинграде).

Есть неопубликованные статьи о секте баптистов («Всемирный конгресс баптистов в Лондоне», где не только рассказана история конгресса 1905 г., но и сделана попытка анализа баптизма с общественно-политической точки зрения), о секте «Новый Израиль» (воспоминания о посещении селений сектантов в Закавказье и о переселении новоизраильтян в Уругвай, «Жизнеописание П. М. Легкобытова», записанное Бонч-Бруевичем — биография одного из членов этой секты).

---

[45] Вермишев Х. А. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1886.

[46] Часть материалов Веригина была опубликована в кн.: Материалы к истории и изучению русского сектантства, вып. 1. Лейпциг, 1901.

Несколько работ связано с сектантством в советское время. Они представляют большой интерес для изучения истории религии и церкви в Советском Союзе.

Статья «О современных сектантских группировках и о том новом, что произошло в этих массах за годы революции», написанная в 1921 г., показывает политические позиции различных сект, указывает на далеко шагнувшее после революции классовое расслоение в сектантской среде, на мелкобуржуазность и особую реакционность сектантского движения после 1917 г. и намечает пути перестройки жизни сектантов и старообрядцев в новых условиях. Аналогичный характер носит работа 1924 г. «О работе среди сектантов и старообрядцев» (35.29 и 36.8). Обе статьи подчеркивают необходимость вовлечения сектантов и старообрядцев, которых только среди русских, украинцев и белоруссов насчитывалось 35 млн. человек, в хозяйственную жизнь страны, в частности, в совхозное строительство и приобщения их к советской культуре и просвещению, для чего желательно издавать даже специальный журнал.

В архиве имеется рукопись большой статьи Бонч-Бруевича «Отношение к религии в СССР», дающей очерк истории вопроса за 30 лет (1917—1947 гг.). В ней последовательно изложены все документы и законоположения советского государства, касающиеся религии и церкви; особенно обстоятельно показана история создания декрета об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям и его практического применения (38.5).

Небольшая группа творческих рукописей включает в себя газетные и журнальные статьи по самым разнообразным вопросам: к различным историческим датам (например, «Шестидесятилетняя годовщина Парижской коммуны»); по еврейскому вопросу, которым Бонч-Бруевич пристально занимался после того, как опубликовал свою книгу о деле Бейлиса[47] (например, «Как возник письменный протест «К русскому обществу» по поводу кровавого навета на евреев» и др.); множество статей и приветствий детям; статьи о «Лесных полянах».

Особую, очень значительную по объему (25 картонов) часть фонда составляют критико-библиографические работы Бонч-Бруевича, в том числе рецензии на работы разных авторов (многие из них не опубликованы). Они написаны в 1930-е — 1950-е гг. Большей частью это отзывы о работах по истории религии и сектантства, публиковавшихся в то время (М. М. Персица, А. Самсонова, В. Тан-Богораза, М. И. Шахновича, М. М. Шейнмана и др.), в частности, о статьях, готовившихся для сборников «Вопросы религии и атеизма». Рецензии и отзывы на исторические исследования сосредоточены на вопросах истории общественной мысли (работы А. А. Зимина, А. И. Клибанова, Я. С. Лурье и др.) и различных проблемах истории партии. Среди рецензировавшихся Бонч-Бруевичем литературоведческих работ мы встречаем популярные книги, диссертации и биографические очерки о Толстом, Короленко, Мамине-Сибиряке, Шевченко, Николае Островском, Макаренко и других писателях. В большом количестве представлены отзывы о работах, подготовленных для «Звеньев», «Летописей Ли-

[47] Бонч-Бруевич В. Д. Знамение времени. Убийство Андрея Ющинского и дело Бейлиса. (Впечатления Киевского процесса). Спб., 1914.

тературного музея» и других изданий музея. Велики по объему и библиографические материалы — по истории партии, всеобщей истории, истории литературы и в особенности по истории религии и сектантства.

Бонч-Бруевич пробовал свои силы и в художественном творчестве. В архиве сохранились его рассказы, драмы, сценарии, оперные либретто и переводы сочинений разных писателей.

* *
*

Переписка составляет преобладающую по объему часть рассматриваемого фонда. Пристальное внимание к документации, характерное для Бонч-Бруевича, обеспечило сохранение в архиве не только писем, полученных владельцем от разных лиц, но и отпусков большинства писем, отправленных им самим. Это огромное преимущество для исследователей, работающих над фондом.

Письма организованы в фонде в алфавите адресатов и корреспондентов. Другой принцип — хронологический — положен в основу собрания копий писем, созданного самим Бонч-Бруевичем. Таким образом содержание эпистолярной части раскрывается в различных аспектах.

Круг корреспондентов Бонч-Бруевича чрезвычайно широк (свыше 5000 лиц). Огромный объем переписки (250 картонов) и большой период времени, к которому она относится (с 1890-х гг. по 1955 год), определяют значение этой части фонда. Вместе с тем, эти ее черты делают неизбежной весьма обобщенную ее характеристику в обзоре.

С перепиской тесно связан следующий раздел фонда — собранные Бонч-Бруевичем рукописи и документы разных лиц. Значительная их часть была прислана ему авторами вместе с письмами и поэтому закономерно характеризовать их там же, где рассматривается переписка.

Первую большую группу корреспондентов Бонч-Бруевича составляют **деятели революционного движения, Коммунистической партии, партийные и государственные деятели советского периода.** К ней нам показалось удобным отнести и письма рабочих, крестьян, красноармейцев и командиров Красной Армии, участвовавших в революционных событиях и советском строительстве. В одной группе рассматриваются при этом письма, написанные в далекую уже от нас эпоху, и письма недавнего времени, относящиеся к событиям прошлого.

Наиболее ранние материалы здесь — переписка Бонч-Бруевича с семьей Хавских и небольшая часть переписки членов этой семьи между собою — очевидно, попавшая к Бонч-Бруевичу как к другу семьи после гибели А. Н. Хавского. Литературный кружок Хавского (Ленцевича), товарища Бонч-Бруевича по Межевому институту, сыграл известную роль в формировании его мировоззрения; письма его жены, находившейся под надзором полиции, сестры-курсистки содержат подробности быта передовой интеллигенции того времени. В письмах самого А. Н. Хавского 1891 и 1894 гг. — сведения о художественной и театральной жизни Москвы, отзыв о сборнике «Избранные произведения русской поэзии», о замысле Бонч-Бруевича издать библиотеку для народа. Несколько рукописей А. Н. Хавского, также имеющиеся в этой группе материалов, — его фи-

лософские и литературно-критические работы и отрывки автобиографического характера (1891—1909 гг.) (358.31—39; 410.26—38).

Письма участников социал-демократических кружков в Москве в 1890-х гг. А. Д. Карпузи, Л. П. Радина, П. И. Серова, И. М. Белильцева, брата и сестры Сыцянко связаны главным образом с деятельностью кружка, группировавшегося вокруг семьи Величкиных.

Известный поэт-революционер Л. П. Радин, сосланный впоследствии в Сибирь и погибший от туберкулеза в 1900 г., участвовал в издательских начинаниях Бонч-Бруевича — его серии научно-популярных книг, затеянной издательством Прянишникова. Этим вопросам и посвящены его письма 1894 г., хранящиеся в архиве (323.11).

Содержательны письма к Бонч-Бруевичу от В. И. Сыцянко, активного участника революционного движения 1890-х гг. Высланный в 1894 г. в Харьков, он сообщает об условиях революционной работы там, о надзоре и обвинениях со стороны полиции, об арестах членов кружка Величкиных. Более поздние письма (до 1910 г.) содержат отклики на издания Бонч-Бруевича, советы и рекомендации об издании книг для народа (347.24).

Переписка Бонч-Бруевича с И. М. Белильцевым (1935 г.) посвящена уточнению некоторых фактов и имен участников революционных кружков, потребовавшихся корреспонденту в связи с работой над воспоминаниями. Сами воспоминания, озаглавленные «Как я познакомился с В. Д. Бонч-Бруевичем в 1895 году», также имеются в архиве. В них рассказано о кружке Н. С. Арефьева в г. Камышине Саратовской губ., к которой принадлежал автор, о переезде его в Москву и участии в нелегальных кружках в Москве, а потом в Нижнем (128.32; 238.24; 377.4).

В архиве имеется небольшая группа материалов Л. К. Громозовой, одной из трех сестер Громозовых, активных участниц с.-д. организаций: тюремная записная тетрадь с конспектами сочинений Маркса, черновиком речи, произнесенной на суде 22 сент. 1904 г.[48], стихотворениями и т. п., воспоминания о работе в Вятском комитете РСДРП, о пребывании в тюрьме и другие материалы (381.1—8).

Воспоминания П. Н. Колокольникова — члена Московского рабочего союза в 1895—1896 гг. (написаны в 1925 г.) — посвящены в основном истории формирования политических взглядов автора.

С деятельностью Бонч-Бруевича по изданию марксистской литературы связана его переписка за 1895—1896 гг. с С. Н. Прокоповичем и Е. Д. Кусковой, в то время легальными марксистами. Отвечая на вопросы Бонч-Бруевича, Прокопович в своих письмах намечает круг первоочередных изданий и среди них — ряд основных работ Маркса и Энгельса, в том числе «Анти-Дюринг», который он сам переводил. В письмах много советов о том, как бороться с цензурой, рекомендаций маскировочных заглавий для книг, которые цензура может не пропустить под их подлинными заглавиями, например, «Борьба классов во Франции» Маркса (321.38).

Писем периода эмиграции в архиве очень немного. Укажем лишь на копию письма Г. В. Плеханова от 28 июня 1900 г., в кото-

[48] Вышла отдельной брошюрой в издательстве В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина: Речь Людмилы Громозовой. Женева, 1904. В 1917 г. (25 июня) была опубликована в газете «Пермская жизнь».

ром последний отказывается участвовать в третейском суде Бонч-Бруевича с Акимовым (известный конфликт, относящийся к периоду борьбы Плеханова и группы «Освобождение труда» с «экономистами») (318.6).

Писем Бонч-Бруевича к Плеханову в копиях сохранилось в архиве довольно много[49] Единственное из них неопубликованное письмо 1914 г. связано с подготовкой к печати в издательстве «Жизнь и знание» книги А. М. Деборина с предисловием Плеханова. Есть и письма его жены, Р. М. Плехановой. В одном из писем 1904 г. она выражает свое возмущение тем, что Бонч-Бруевич и Величкина подписали «Открытое письмо тов. Плеханову»[50], забыв, по ее мнению, все то, чем они ему обязаны. Более поздние письма Р. М. Плехановой (1916, 1931—1933 гг.) посвящены изданию произведений Плеханова и ее работе в Доме-музее его имени (318.8).

Переписка Бонч-Бруевича с П. Б. Аксельродом связана с делами Женевской партийной экспедиции (231.15).

В письме от 11 августа 1902 г. Аксельрод сообщает Бонч-Бруевичу, что передал все его вопросы и предложения товарищам, ведающим экспедицией, сообщает свой отзыв о «Жизни» и ее деятельности. «Вы ошибаетесь, — пишет он при этом, — полагая, что в моих руках находится партийная экспедиция... В моем доме — склад «Искры», да и то главнейшим образом для заграницы — вот и все».

Одно письмо этого времени от Н. К. Крупской имеется в архиве в машинописной копии (8 сентября 1903). В нем она благодарит Бонч-Бруевича за присланные им прокламации и корреспонденции (291.25).

Ранних писем Бонч-Бруевича к Н. К. Крупской в архиве нет. Имеются только копии его писем за 1928—1939 гг., представляющие значительный интерес (166.51). Он сообщает о том, что нашел 15 писем Ленина к себе, «из которых самые большие принадлежат Женевскому периоду», но есть и письма послеоктябрьского периода. Во многих письмах содержатся вопросы о жизни и деятельности Ленина, интересовавшие Бонч-Бруевича в связи с работой над воспоминаниями. Другая часть писем посвящена сохранению и собиранию книжных, музейных и архивных богатств, так занимавшему обоих корреспондентов. Бонч-Бруевич неоднократно обращался к помощи и авторитету Н. К. Крупской для спасения уничтожавшихся невежественными людьми книг и архивных материалов.

---

[49] Подлинники писем переданы в ИМЛ (ф. 264). Письма за 1898—1901 гг. опубликованы в сб.: «Группа «Освобождение труда». Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча». Сборник № 6. М.—Л., 1928, стр. 155—163. В примечаниях к этим письмам Бонч-Бруевич подробно изложил историю третейского суда с Акимовым. Письмо от 22 марта 1902 г. опубликовано в кн.: Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч., т. II. М., 1961, стр. 475.

[50] Речь идет об открытом письме 37 большевиков женевской группы Плеханову в связи с опубликованными в № 67 «Искры» письмом Лядова к Плеханову и ответом последнего. «Искра» отказалась напечатать это открытое письмо, и оно, по рекомендации Ленина (письмо к В. Д. Бонч-Бруевичу от 26 июля 1904 г., копия которого есть в архиве), было издано отдельной брошюрой. Текст всех этих документов см. в сб.: «Как рождалась партия большевиков». Л., 1925, стр. 121—131. О письме 37 большевиков и, в частности, об отношении к нему Р. М. Плехановой см. также в кн.: Лядов М. Из жизни партии в 1903—1907 годах (воспоминания). М., 1956, стр. 46—47.

В архиве имеются фотокопии одного письма Ленина к Бонч-Бруевичу (26 июля 1904 г.) и записки Ленина в Румянцевский музей с просьбой о выдаче книг «на ночь» (1 сентября 1920 г.), переданной им через Бонч-Бруевича. Есть также копии писем Бонч-Бруевича к Ленину. Одно из них, от 1 августа 1905 г., относительно партийной типографии и «хозяйственной комиссии» заграничного ЦК. В письме 1908 г., рассказывая о жизни в Петербурге, Бонч-Бруевич писал Ленину: «В Питере очень ждут Вашей книги». Речь шла, вероятно, о книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов».

В архиве сохранились копии писем Бонч-Бруевича к Ленину 1921 и 1922 гг. Первое из них, от 20 января 1921 г., связано с болезнью П. А. Кропоткина и поездкой Бонч-Бруевича к нему по поручению Ленина. Бонч-Бруевич просит Ленина распорядиться об улучшении материальных условий жизни Кропоткина и прилагает на рассмотрение Ленина текст информации о здоровье Кропоткина для печати.

В других письмах Бонч-Бруевич обращается к Ленину по вопросам религиозных движений — с просьбой защитить духоборов на Кавказе от нападения турок, о сектантах, приглашенных им на работу в «Лесные поляны». В 1922 г. Бонч-Бруевич просит у Ленина разрешения издать некоторые его книги в организованном им издательстве «Жизнь и знание» (169.1).

В архиве есть и некоторые материалы, связанные с биографией Ленина — воспоминания о Ленине разных лиц (М. Б. Ханина — о встречах с Лениным в Женеве в 1905 г. в типографии газеты «Вперед»; Флига, работника гостиницы «Националь», где жил Ленин в первые дни после переезда правительства в Москву; А. Н. Коробова — о работе переговорного пункта в Кремле, который он обслуживал и о телеграфных переговорах Ленина; В. К. Федорова—шофера Ленина в ноябре — декабре 1917 г.; У. А. Воробьевой — няни в семье Бонч-Бруевича, о жизни Ленина на даче в Финляндии летом 1917 г.; письмо и воспоминания шофера автобазы Совнаркома В. Ф. Зюбрицкого, возившего Ленина).

К истории покушения на Ленина 1 января 1918 г. относится комплекс материалов Г. Г. Ушакова[51]. В письмах Ушакова к Бонч-Бруевичу, где речь идет о работе его над задуманными, но не осуществленными впоследствии большими мемуарами, Ушаков излагает план этих воспоминаний, которые должны были осветить историю жизни инициаторов покушения, приведшую их к этому акту (356.24—27).

Чрезвычайно интересна переписка Бонч-Бруевича с Л. О. Крумбюгелем (1930—1933 гг.), в 1908—1909 гг. — владельцем издательства «Звено», где печаталась книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»[52]. Переписка эта, возникшая в связи с публикацией писем Ленина к матери и сестре Анне Ильиничне 1908 и

[51] Часть этих материалов и в том числе краткие воспоминания Ушакова «Покушение (1 января 1918 г.)», опубликована в кн.: Бонч-Бруевич В. Д. Три покушения на Ленина. М., 1930.

[52] См. об этом: Ленин В. И. — Сочинения. Изд. 5-е. Т. 18. М., 1961, прим. 11, стр. 386—391.

1909 гг. с предисловием А. И. Елизаровой[53], содержит фактические сведения, уточняющие историю издания. К письмам приложены воспоминания автора о печатании книги Ленина (166.48; 291.22)[54].

Из писем других членов семьи Ульяновых укажем лишь на письмо А. И. Елизаровой, адресованное В. М. Бонч-Бруевич в действующую армию в 1915 г. и касающееся М. И. Ульяновой, которая, как известно, работала во фронтовом полевом госпитале в Галиции (268.33).

Большая группа писем содержит отклики на известную работу Бонч-Бруевича о большевистских издательствах в годы первой русской революции[55]. Среди них следует отметить письма И. Р. Белопольского, старого партийного издательского работника, продолжавшего успешно эту деятельность и в годы Советской власти. В письмах имеются замечания автора на книгу Бонч-Бруевича. Впоследствии Белопольский написал несколько работ об этих событиях, также присланных им Бонч-Бруевичу и имеющихся в архиве.

Одна из них, под названием «Первое легальное большевистское издательство «Вперед» в Одессе в 1904—1905 гг.», рассказывает о работе автора в заграничной с.-д. организации, об изыскании средств для издания «Искры», об основании в Одессе легального издательства, идея которого была одобрена Лениным, сообщает перечень книг, выпущенных издательством (сочинения Бебеля, Клары Цеткин, Жореса, Лафарга и др.), излагает обстоятельства его разгрома и ареста Белопольского.

В воспоминаниях «Легальное большевистское издательство «Утро» в Петербурге 1905—1906 гг.» и «О моем нелегальном паспорте на имя А. Е. Долгина» содержатся интереснейшие факты об издательской деятельности большевиков в годы первой русской революции и в годы реакции: о совещании, состоявшемся по этому вопросу на квартире Н. М. Книповича в Петербурге с участием Крупской, Куделли, Лещенко, Менжинских, о сборе средств на издательство «Утро» для учащейся молодежи и рабочих при помощи «Книжной лотереи классиков марксизма», выручка от которой составила более тысячи рублей, об ухищрениях, к которым приходилось прибегать для формальной регистрации петербургского издательства «Вперед». Большой интерес, особенно для писателя, имеет рассказ о двух паспортах Белопольского — легальном и нелегальном и о том, как он являлся на регистрацию издательства то в гриме, то без него (238.31; 377.5).

Того же характера письма П. И. Заровняева, бывшего наборщика в типографии, где печатались газеты «Казарма», «Рабочий и солдат» и др., наборщика М. Я. Ганзбурга и М. Юрова, заведовавшего в 1905 г. экспедицией журнала «Новая мысль»[56]. Письмо последнего содержит ряд фактических поправок и уточнений к книге Бонч-Бруевича «Большевистские издательские дела в 1905 —

[53] «К истории появления в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». — «Пролетарская революция», 1930, № 1, стр. 108—137.

[54] Письмо А. И. Елизаровой в редакцию журнала «Пролетарская революция», (1930, № 2—3, стр. 234).

[55] Бонч-Бруевич В. Д. Большевистские издательские дела в 1905—1907 гг. Л., ЛОИЗ, 1933.

[56] «Постоянным непременным членом нашей хозяйственной коллегии был Миша Юров, молодой плотник, костромич, который пришел к нам от революции» (В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. I. М., 1961, стр. 385).

1907 гг.». Так, например, он указывает на то, что до «Нашей мысли» вышел и был конфискован один номер журнала «Молодая Россия», рассказывает, как обходили цензуру (рассылали тираж, оставляя 200—500 экз. на случай конфискации и лишь затем отправлялись за цензурным разрешением), как печатали для изыскания средств художественные открытки и портреты «вождей и территористов» и т. п. (369.40).

Аналогичные вопросы поднимаются в письмах Н. С. Ангарского (Клестова), рассказывающих о работе издательства «Вперед», об издании книг Ленина, Плеханова, Горького. В архиве имеется и автобиография Ангарского с перечнем его работ по истории русского революционного движения и истории литературы (232.17; 375.4).

О своих мемуарах, посвященных этому же периоду, сообщает в письме 1928 г. Н. Г. Полетаев.

Интересно также сообщение Н. И. Иорданского, сделанное в 1927 г. по запросу Истпарта о газете «Новый день», созданной партией для агитации за кандидата в 3-ю Государственную думу Н. Д. Соколова. В нем изложена вся история создания этой газеты, ее характер, финансовая сторона дела и роль в ней самого автора (390.2).

Говоря о переписке с деятелями большевистской партии, нельзя не назвать имен В. В. Воровского и В. П. Ногина.

С Воровским Бонч-Бруевич тесно сблизился еще в эмиграции. Переписка с ним за 1914—1918 гг. имеется в архиве в машинописных копиях[57]. Проникнутые юмором и талантом, письма раскрывают облик самого Воровского, о котором Бонч-Бруевич писал позже: «Если посмотреть назад, то вся жизнь обоих их (Воровского и его жены. — *С. Ж.*) проникнута каким-то ужасным трагизмом и глубокой идейностью, особенно со стороны Вацлава Вацлавовича; уменьем стоять за свои принципы, не сгибаться перед невзгодами и вечно бороться за жизнь» (252.16). К этим письмам примыкает и переписка Бонч-Бруевича в 1930-е гг. с А. С. Комаровским, родственником Воровского, передавшим Бонч-Бруевичу некоторые его материалы и помогавшим в комментировании писем Воровского (162.25; 287.6).

Переписка с В. П. Ногиным относится к 1915—1916 гг., когда он вернулся из Якутской ссылки и обратился к Бонч-Бруевичу с просьбой опубликовать его книгу «На полюсе холода», которую он показывал Горькому, и, получив его отзыв, начал перерабатывать по его указаниям (309.32).

В архиве сохранилось письмо С. В. Андропова, содержащее рассказ о формировании Ногина как революционера.

Во многих письмах к Бонч-Бруевичу содержатся просьбы уточнить какой-либо исторический факт, дать справку, напомнить или проверить те или иные сведения. В этих случаях особенно интересны ответные письма Бонч-Бруевича, значительно расширяющие сведения его многочисленных и разнообразных воспоминаний.

[57] Все письма Воровского опубликованы Бонч-Бруевичем: Некоторые сведения о В. В. Воровском. — «Звезда», 1930, № 9—10, стр. 233—246; № 11, стр. 164—185.

Иногда заметки делались Бонч-Бруевичем на самих письмах-запросах, подобные письма встречаются во всех разделах переписки.

В качестве примера можно привести письмо некоего А. М. Гаврилова с воспоминаниями о выборах в Думу в 1906—1907 гг. и с вопросом к Бонч-Бруевичу, не Ленин ли был тот товарищ, находившийся на нелегальном положении, с которым автору пришлось тогда встречаться. Исследовательница, работавшая над историей газеты «Звезда», обратилась к Бонч-Бруевичу с просьбой раскрыть псевдонимы сотрудников газеты, рассказать, кто писал передовицы и вел хронику. С подобными же запросами неоднократно обращаются к Бонч-Бруевичу Истпарт, ИМЭЛ, Музей революции и другие учреждения.

Многие письма отражают, с другой стороны, активную деятельность Бонч-Бруевича по разысканию историко-партийных и, в особенности, ленинских документов.

Очень характерным примером может служить переписка Бонч-Бруевича с В. А. Кронбергом. Последний в 1918—1920 гг. был стенографом Совнаркома и сохранил у себя нерасшифрованные стенограммы речей Ленина (речи на Съезде Советов 9 декабря 1919 г. и др.). Узнав случайно об этом, Бонч-Бруевич в течение двух лет настойчиво добивался разыскания и расшифровки Кронбергом этих стенограмм, вовлек в свои поиски ряд лиц и учреждений и успокоился лишь тогда, когда стенограммы были найдены и переданы в ИМЛ.

К дореволюционному периоду относятся воспоминания В. А. Поссе (печатный текст его известной книги[58] с пометами и исправлениями Бонч-Бруевича, очевидно, готовившего ее к переизданию) и написанные в 1908 г. воспоминания В. П. Позена о пребывании его в Карийской каторге в 1881—1883 гг. Рукопись последних неполная, содержит лишь 9 глав первой части и одну главу второй. Они готовились к опубликованию в журнале «Каторга и ссылка», что, однако, не осуществилось.

Большая группа писем разных лиц и связанных с ними рукописей мемуарного характера относится к истории трех революций. Среди воспоминаний о революции 1905—1907 гг., собранных Бонч-Бруевичем, надо отметить любопытную записку (написанную после 1919 г.) рабочего Ф. Черемхина, принадлежавшего к гапоновской организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Петербурга». Записка дает живое представление о настроениях рабочих накануне 9 января и о переломе, происшедшем в их сознании после кровавой расправы с ними царя (411.34) [59]. В архиве имеется проспект воспоминаний В. Ф. Джунковского, в 1905 г. адъютанта вел. кн. Сергея Александровича, впоследствии — товарища министра внутренних дел и командующего Отдельным корпусом жандармов. Они должны были охватывать 1865—1918 гг. Самих воспоминаний, однако, нет, а имеется лишь отрывок о декабрьском вооруженном восстании в Москве, богатый фактами, хорошо известными автору — участнику подавления восстания.

---

[58] Поссе В. А. Мой жизненный путь. М.—Л., 1929.

[59] Использована в статье Бонч-Бруевича «Что предшествовало кровавому воскресенью. В тенетах Гапона. (По запискам рабочего Ф. Я. Черемхина)». — «Наша газета», 1930, 22 января.

Воспоминания рядового большевика Смирнова-Леницкого посвящены главным образом событиям 1905 г. в Ростове-на-Дону и политическим процессам против их участников, во время которых автор был защитником социал-демократов. Излагая события, последовавшие за Февральской революцией 1917 г., автор вспоминает о неизвестном, по его мнению, в литературе совещании у Ленина, предшествовавшем его выступлению на совещании большевиков—делегатов Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. На совещании, происходившем в квартире Бонч-Бруевича на Лиговке, по словам автора, присутствовали Крупская, Горький, Ногин, Бонч-Бруевич, Коллонтаи и др. (405.30)[60]. Подробно описаны события в Ростове-на-Дону и в воспоминаниях А. А. Лопато — «Воспоминания учащегося и рядового дружинника о ростовских событиях 1905 года».

В архиве есть, кроме того, воспоминания Г. И. Лурье, отбывавшего в 1905 г. ссылку в Олонецкой губернии — «Отклики 9 января в ссылке». В дневнике казанской учительницы А. И. Зелинской, переписка Бонч-Бруевича с которой тоже имеется в фонде, много откликов на события 1905 г.

Писем, связанных с Февральской революцией и периодом от февраля до октября, в архиве сохранилось немного. Назовем, прежде всего, письма и воспоминания Т. Д. Аверченко и П. М. Ананьина. Первый был в 1917 г. членом бюро Коломенского райкома РСДРП(б) в Петрограде; он рассказывает о приезде и встрече Ленина, его выступлении на заводе «Галерный островок», о своем участии в июльских днях. Воспоминания второго — кронштадтского матроса-большевика — характеризуют обстановку на флоте накануне революции, деятельность большевиков в войсках, участие кронштадтских моряков в Октябрьском вооруженном восстании (230 15 и 375.1). Октябрьским событиям в Петрограде посвящены воспоминания неизвестного красногвардейца (1921 г.), участвовавшего в захвате Владимирского юнкерского училища, и переписка Бонч-Бруевича с Ю. П. Сергеевой, работавшей делопроизводителем в Смольном в Октябрьские дни.

Письма и воспоминания М. Ф. Кокошкиной, жены министра Временного правительства Ф. Ф. Кокошкина, связаны с его арестом, пребыванием в Петропавловской крепости и убийством его анархистами[61].

Революционные события 1917 г. в Москве отражены в воспоминаниях юнкера Александровского военного училища В. С. Арсеньева (1932 г.), участвовавшего в занятии Кремля юнкерами, которые впоследствии сдались восставшим, в коротком рассказе генерала А. А. Кайгородова, начальника Кремлевского арсенала (записан в ноябре 1917 г. С. П. Бартеневым), освещающем те же события го-

[60] Рассказ Н. К. Крупской о первых двух днях после возвращения из-за границы не подтверждает сведений о совещании на квартире Бонч-Бруевича. День 3 апреля Ленин провел в особняке Кшесинской, где помещался ЦК РСДРП(б), а вечером уехал к сестре, А. И. Елизаровой. 4 апреля он уже выступал на Всероссийском совещании в Таврическом дворце. — В кн.: Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 281—283.

[61] См. об этом статью Бонч-Бруевича «Об убийстве Кокошкина и Шингарева». — «Каторга и ссылка», 1934, кн. 1, стр. 184—199; кн. 2, стр. 49—80. Среди собранных Бонч-Бруевичем материалов имеется обвинительный акт по этому делу и ряд писем.

раздо полнее и разностороннее, и в воспоминаниях А. И. Денисова «Первые дни февральской и октябрьской революции 1917 года в Московском Кремле». Автор последних — архимандрит, синодальный ризничий церкви Двенадцати апостолов, был очевидцем событий. Наиболее же интересная часть воспоминаний Денисова связана с послеоктябрьскими событиями и, в частности, с созданием Комиссии по охране памятников Кремля[62].

Записная тетрадь С. П. Бартенева содержит его дневниковые записи о событиях в Кремле с 26 октября по 2 ноября 1917 г. и воспоминания о последующих событиях (375.34).

Небольшое количество писем в архиве — документы са́мой революционной эпохи — 1917 и 1918 гг. Таково письмо к Бонч-Бруевичу как управляющему делами СНК, княгини Палей, жены вел. кн. Павла Александровича, от 6 ноября 1917 г. с просьбой разрешить ему вернуться из Петрограда в Царское Село и с удивительно наивным протестом против захвата матросами коллекции оружия в Царскосельском дворце. Несомненный интерес представляет письмо читателя газеты «Известия» от 16 марта 1917 г., в котором он предлагает сослать в Сибирь всех полицейских и жандармов, поставить памятник жертвам революции, перелив для этого памятник Александру III, конфисковать продукты и топливо у монастырей. В письме некоего А. Михайлова, журналиста по профессии, содержатся предложения о борьбе с контрреволюционной пропагандой церковников, о том, как следует справедливо распределять продовольствие.

Совсем иной характер носят сохранившиеся в архиве анонимные письма этих дней или, например, письмо в Петербургский Совет от 19 марта 1917 г. «группы граждан во главе Ирины Павловой», как авторы сами себя называют, с выпадами против газеты «Правда» и большевиков, проникнутое оборонческими чаяниями. В архиве сохранился еще один любопытный документ — донесение Н. В. Ильина-Дубровина о заговоре Савинкова и о готовящемся покушении на членов Советского правительства (31 января 1918 г.). (267.24).

В этой же группе материалов следует отметить переписку Бонч-Бруевича с В. В. Яковлевым, относящуюся к так называемому «Мало-Вишерскому эпизоду» — вооруженному столкновению красногвардейцев с матросами, пытавшимися напасть на поезд правительства при переезде его из Петрограда в Москву. Воспоминания опубликованы[63], но в письмах Яковлева есть немало новых деталей; кроме того, к письмам приложены воспоминания двух других участников этого эпизода — П. Я. Натейголенко и Н. В. Алексеева. Особенно подробны воспоминания последнего, озаглавленные «Мое участие в защите СНК ВЦИК и ЦК Партии и Правительства» (227.11; 370.19; 413.8). Целая группа материалов архива связана с

[62] При фотокопиях писем Ленина к Бонч-Бруевичу имеются заметки последнего, связанные как раз со знакомством Ленина с Денисовым. Бонч-Бруевич рассказывает, как после переезда правительства в Москву Ленин внимательно занимался вопросами охраны старины и в том числе церковных памятников, как он посещал патриаршую ризницу и неоднократно беседовал с Денисовым, оригинальные взгляды которого его интересовали.

[63] Яковлев В. Мало-Вишерский эпизод (Переезд Совнаркома в Москву).— «Красная летопись», 1934, № 1(58), стр. 94.

именем Кропоткина: письма самого Кропоткина к Бонч-Бруевичу 1900 г. с описанием жизни амурских духоборов, письма Кропоткина на имя Ленина, которые он направлял через Бонч-Бруевича (письма 1919—1920 гг., чрезвычайно характерные для его мировоззрения и отношения к Советской власти, где сочетались неверие в диктатуру пролетариата, с одной стороны, и конкретные предложения о том, как строить социализм — с другой), открытое письмо его VIII Всероссийскому съезду Советов с протестом против ликвидации кооперативных и частных издательств[64], бюллетени и телеграммы о болезни и смерти Кропоткина, бюллетень, изданный анархическими организациями в связи с его смертью 8 февраля 1921 г., письма В. Н. Фигнер (председательницы Комитета по увековечению памяти Кропоткина) и других лиц по этим вопросам (291.8, 9).

Следующая большая группа корреспондентов Бонч-Бруевича — это **советские государственные и партийные деятели.** Некоторые из них были связаны с Бонч-Бруевичем еще до революции по совместной партийной работе, но бóльшая часть материалов, о которых идет речь, относится к советскому времени. Несмотря на то, что переписка касается разных сторон государственного и культурного строительства в СССР, удобнее все же рассмотреть эту группу материалов вместе.

Наиболее ранние в этой группе письма Ю. М. Стеклова — 1913, 1916 гг., относящиеся к изданию его книг и другим моментам его биографии; письма 1932 г., когда автор возглавлял Комитет по заведованию учеными и учебными заведениями, касаются Толстовского музея.

Переписка Бонч-Бруевича с А. В. Луначарским связана, главным образом, с изданием собрания сочинений Л. Н. Толстого. В архиве собраны (в копиях) и другие письма Луначарского к разным лицам и в разные учреждения, касающиеся более всего материального и правового положения различных деятелей культуры. Одно письмо (от 25 января 1918 г.) посвящено открытию первого Народного (бывшего Мариинского) театра. Есть также материалы по увековечению памяти Луначарского (170.31, 32; 297.7—23; 395.7).

Материалы А. С. Бубнова представляют собою в основном официальные письма к Бонч-Бруевичу коллегии Наркомпроса. Есть, однако, и две неофициальные записки; одна из них относится к фельетону Тихона Холодного «Категорический императив» — о выселении по решению Наркомпроса Библиотечного института из помещения Литературного музея[65].

Мы встречаем здесь также письма К. Т. Свердловой 1918—20 гг. по издательским делам и делам совхоза «Лесные поляны»[66], ряд писем Н. А. Семашко, письмо П. Г. Смидовича, письма директора Музея революции С. И. Мицкевича, бóльшая часть которых содержит запросы историко-партийного характера.

---

[64] Опубл.: Витязев П. Частные издательства в Советской России. Пг., 1921, стр. 57—58.

[65] «Правда», 26 марта 1936 г.

[66] Писем Я. М. Свердлова в фонде нет. Ему посвящены лишь имеющиеся здесь воспоминания М. А. Рейснера «Я. М. Свердлов и первая советская конституция», публикации которых мы не обнаружили.

Довольно много в этой группе материалов И. И. Скворцова-Степанова — биографические сведения о нем, рецензии его на работы других авторов, письма 1917—1918 гг. по делам издательства «Коммунист», в котором он работал вместе с Бонч-Бруевичем. Письма эти касаются издания сочинений Маркса и Энгельса, других изданий, исправлений в них. Издательских вопросов касаются в основном и письма Е. М. Ярославского.

Среди материалов П. Н. Лепешинского есть открытое письмо М. Е. Кольцову, написанное в связи с его фельетоном «Дворец и крепость»[67] — письмо, замечательное своей принципиальной и глубоко научной постановкой вопроса об охране памятников старины. Интерес представляет и рецензия его на брошюру Н. К. Крупской «РКСМ и бойскаутизм», в которой он ставит вопрос об участии молодежи в больших делах своего времени (294.52; 394.8).

Следует отметить интересные письма болгарского коммуниста Г. И. Бакалова с рассказом об его отношениях с Плехановым (236.27), письма П. А. Заломова — прототипа Павла из романа Горького «Мать» (272.30).

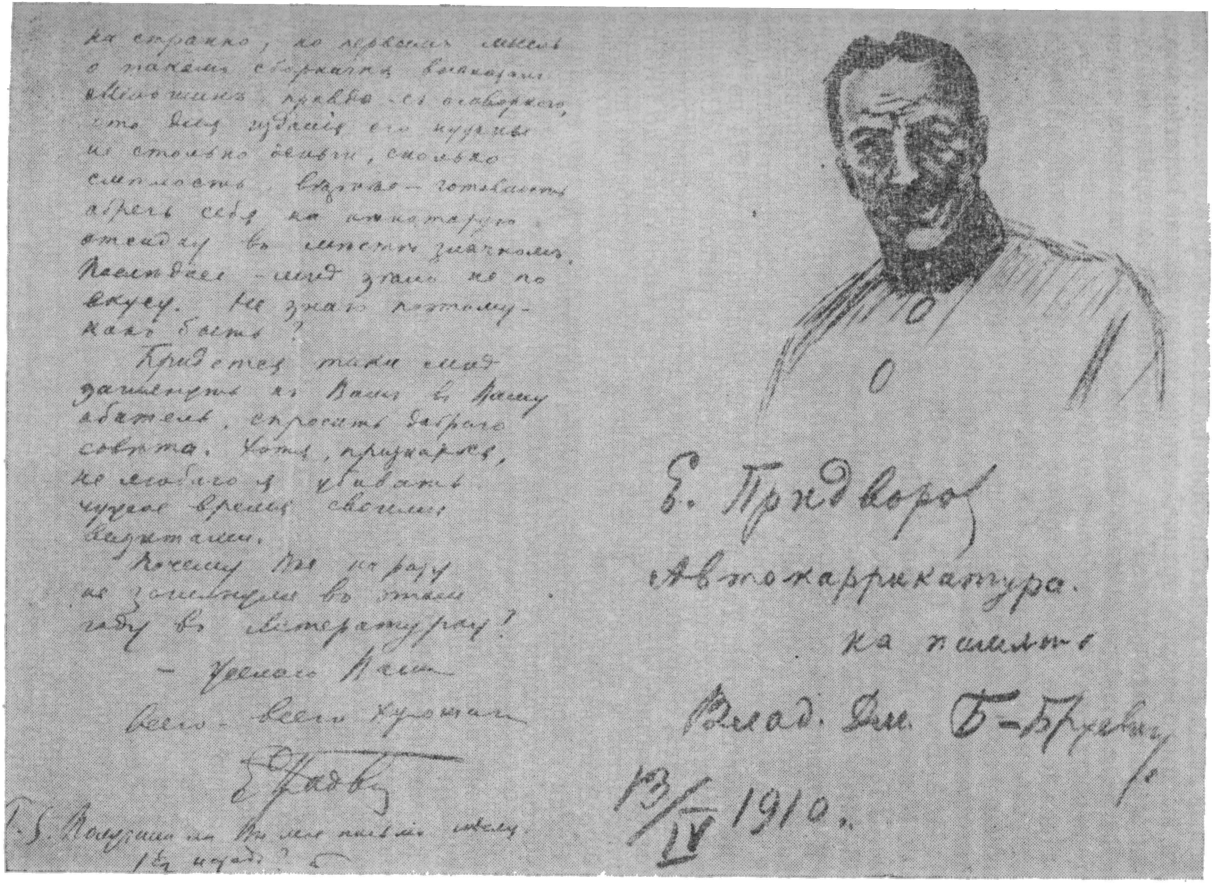
В письмах А. В. Аросева — старого большевика, советского дипломата, посвященных главным образом разысканию материалов для Литературного музея в Чехословакии, много интересных замечаний мемуарного характера. Вот что пишет он, например, о Ленине, прочитав книгу Бонч-Бруевича «На боевых постах Февральской и Октябрьской революций» (письмо от 31 декабря 1930 г.): «Он был маг в работе, ибо, как пишете Вы, он работал так легко и энергично, что как будто бы в сущности ничего и не делалось. Это прекрасно характеризует ленинскую работу в отличие от нашей, натруженной» (234.9—14).

Есть в переписке, относящейся к первым годам Советской власти, письма от местных работников — врачей, учителей, краеведов. Некоторые из них содержат ценные сведения об обстановке на местах, о классовой борьбе, о культурном строительстве в деревне. Исследователям, несомненно, будут полезны эти письма рядовых людей, в тяжелых условиях того времени отдававших все силы строительству новой жизни.

Так, учитель С. Ильин из Бузулукского уезда Оренбургской губернии пишет Бонч-Бруевичу в 1919 г. о соляном голоде, о бюрократизме в местных органах власти, о строительстве школы и заканчивает свое письмо так: «...пусть знает народ, что Советская Россия только может воздвигать грандиозные храмы науки там, где об этом могли думать только через столетия. Средние века оставили нам великие готические соборы, а мы построим небывалые в истории храмы — богу науки» (279.8).

Из множества писем людей, обращавшихся к Бонч-Бруевичу за помощью всякого рода, следует указать еще на письма разных лиц с просьбами о подтверждении партийного стажа, факта участия в том или ином революционном событии. Таковы письма И. С. Кобозева, работавшего в 1917 г. в Рождественском районе Петрограда, Ф. Г. Муравьева — о службе в Красной гвардии, Э. Э. Смилги, Л. А. Фотиевой и др.

[67] «Правда», 13 января 1930 г. Обнаружить публикацию письма П. Н. Лепешинского нам не удалось.

Письмо Д. Бедного к В. Д. Бонч-Бруевичу от 13.IV.1910 г. Ф. 369, № 238.1

Следующий раздел эпистолярной части составляет **переписка Бонч-Бруевича с писателями.** Преобладающая часть этой переписки вызвана издательской деятельностью Бонч-Бруевича, и значительное количество писательских писем представляет, в сущности, деловые связи издательства «Жизнь и знание», а творческие рукописи их, имеющиеся в архиве, есть не что иное, как остатки портфеля этого издательства. Круг лиц, переписка с которыми определяется издательскими делами Бонч-Бруевича, очень широк, но писатели составляют в нем большую группу.

Прежде всего, назовем группу беллетристов, особенно тесно связанных с издательством «Жизнь и знание», постоянно печатавшихся здесь и даже выпускавших в этом издательстве собрания своих сочинений. Это — Д. Я. Айзман, Ал. Алтаев (М. В. Ямщикова), И. А. Белоусов, С. И. Гусев-Оренбургский, С. Д. Дрожжин, А. С. Неверов, А. С. Новиков-Прибой, А. С. Серафимович, Скиталец (С. Г. Петров), С. С. Юшкевич, И. Е. Вольнов (Иван Вольный), В. В. Муйжель, В. Я. Муринов, Ширяевец (А. В. Абрамов) и др.

В большинстве случаев их переписка с Бонч-Бруевичем ограничивается только вопросами, связанными с изданием их произведений, хотя письма некоторых корреспондентов освещают более широкий круг событий. Так, письма М. В. Ямщиковой с 1914 по 1955 год содержат много интересных фактов — о работе ее в «Солдатской правде», о кружке библиографии детской и народной литературы, основанном еще Рубакиным в 1892 г. и работавшем до 1918 г., о знакомстве и встречах ее с разными лицами (особенно подробно — о Демьяне Бедном) [68].

Среди собранных Бонч-Бруевичем материалов М. В. Ямщиковой есть автографы ее повестей «Стрелой и арканом» (1910 г.), «В лесах днепровских», «Рыцарь любви и радости», сборники стихотворений, воспоминания о В. М. Величкиной (231.5—7; 373.11, 12; 374.1—9).

Кроме писем Айзмана, в архиве имеется много оттисков его произведений с авторской правкой, собранных для издания его сочинений. Имеется и ряд автографов стихотворений И. А. Белоусова.

Среди материалов архива есть не только письма С. И. Гусева-Оренбургского, но и довольно много (12 ед. хр.) его творческих рукописей, подготовленных для издания собрания его сочинений. Любопытно его письмо 1918 г., где он предлагает национализировать свои сочинения. Такой же характер носят материалы С. Д. Дрожжина. Среди его рукописей есть сборник стихов «Из мрака к свету», «Вечерняя заря», «Песни старого пахаря» (автографы и печатные с авторской правкой).

В архиве сохранился рассказ А. С. Новикова-Прибоя «Злая весть» (машинопись с авторской правкой и подписью).

В письмах С. Г. Скитальца обращают на себя внимание сведения о его разрыве с эмиграцией (Харбин, 1928 г.); имеется, в частности, текст его письма от 2 декабря 1927 г. в редакцию харбинской газеты «Новости жизни», где он пишет о своей политической эволюции, о том, что свое место он видит в рядах советских писателей.

---

[68] Не все эти факты нашли себе место в ее книге «Памятные встречи». М., 1959

Письма Б. Лазаревского (1915 г.) характерны для настроений определенных слоев интеллигенции, стремившихся уйти от острых вопросов современности, от классовой борьбы и партийных споров. С раздражением пишет он о необходимости отвечать на постоянно задаваемый то справа, то слева вопрос: «како веруеши?» и резко отзывается о Горьком.

Среди писем С. С. Юшкевича, почти целиком связанных с печатанием собрания его сочинений в 1910—1912 гг., несомненный интерес представляет письмо 1920 г., рисующее условия жизни на Украине в обстановке гражданской войны.

В архиве есть рукопись повести «История города Тарабарска», вероятно, принадлежащая И. Вольному, и письма его — одно из них, от 9 ноября 1919 г., свидетельствует о заботе Советского правительства и В. И. Ленина о писателях.

Некоторые писатели были связаны с Бонч-Бруевичем еще по работе его в «Посреднике» и издательстве Прянишникова. Из них отметим А. М. Федорова, крестьянского писателя С. Т. Семенова, П. Ф. Якубовича-Мельшина, в письмах которых есть отзывы о сборнике «Избранные произведения русской поэзии», о направлении издательства, об издании серии книг для народа. К письмам С. Т. Семенова[69] (в 1922 г. убитого кулаками за его просветительскую деятельность) приложены воспоминания о нем Бонч-Бруевича. Особенно содержательны в этой группе письма П. Ф. Якубовича, служившего часто посредником между Бонч-Бруевичем и «Русским богатством». Письма показывают, между прочим, что «Русское богатство», желая напечатать в 1900 г. какое-нибудь не публиковавшееся еще произведение Толстого, обратилось по этому вопросу к Бонч-Бруевичу. Последний прислал отрывок из дневника Толстого, опубликованный Чертковым в № 3 «Листков Свободного слова» за 1899 г. под заглавием «Требование любви», который, однако, не был напечатан в «Русском богатстве» — редакция, как сообщает Якубович, считала, что это «несомненно «бросовая вещь», к которой и сам Л. Н. не мог относиться серьезно»[70].

Письма некоторых писателей, связанных длительное время с Бонч-Бруевичем, сохранились лишь за 1920-е гг. — например, Павла Низового или Вас. Ив. Немировича-Данченко. Здесь же надо упомянуть о материалах поэта А. А. Богданова — большой группе его творческих рукописей и биографии, написанной для Большой Советской Энциклопедии, но отличающейся от опубликованного текста.

Особо следует выделить переписку Бонч-Бруевича с некоторыми наиболее крупными деятелями литературы. Первым среди них надо назвать Д. Бедного, переписка с которым сохранилась за 25 лет (1908—1933 гг.) и много творческих рукописей которого имеется в архиве. Стихи его рассеяны и в текстах писем. Письма Бедного, содержательные и эмоциональные, дают много сведений о его творческом и идейном развитии. Большая часть стихотворений и басен Бедного, имеющихся в архиве, опубликована. Есть, однако, и такие,

[69] В архиве есть его творческие рукописи — пьесы «По тропам и дорогам», «Хозяева», рассказы, а также некоторые документы, в частности, о надзоре полиции за ним.

[70] Большая часть переписки Бонч-Бруевича с Якубовичем опубликована в журн.: «На лит. посту», 1927, № 21, 1928, № 6.

публикации которых найти не удалось: это «Ответ в деревню» («Други мои, как я рад был письму...») 1910 г. с пометой Бедного о том, что в редакции — очевидно, «Русского богатства» — стихотворение не приняли, а две последние его строки («Гой мужички! Не пора-ль вам самим // Взяться за ум да за дело!») — нецензурны; басня «Гренадер» (1914—1917 гг.), антивоенное стихотворение «Praeludium», «Иван Веселый, трезвая сказка», «Сорочий сказ» — басня о А. Д. Протопопове, эпиграмма «Апокалиптический зверь — сиречь советская статистика» и др. В архиве есть и другие материалы Бедного: копии его писем к жене — В. Р. Косинской в период первой мировой войны, издательские договоры, письмо в Оргбюро ЦК РКП(б) в связи со статьей «Язва», напечатанной в «Правде» 14 октября 1919 г., рисунки, воспоминания о Бедном его дочери и жены (128.22; 238.1; 376.1—45).

В архиве Бонч-Бруевича есть только фото- и машинописные копии 9 писем Горького за 1909—1932 гг.[71]. Ни одно из них не публиковалось, и лишь письмо от 20 января 1916 г. отмечено в «Летописи жизни Горького». Бóльшая их часть — делового характера, в письме 1916 г. речь идет об издании рассказов Горького; два письма, не датированные, но явно написанные между 1911 и 1917 гг., связаны с общим интересом корреспондентов к Толстому; письма 1919—1920 гг. содержат просьбы о помощи отдельным лицам. «Действуйте, батюшко, — пишет Горький в одном из них. — Надо помогать людям, надо немножко любить их» (260.5).

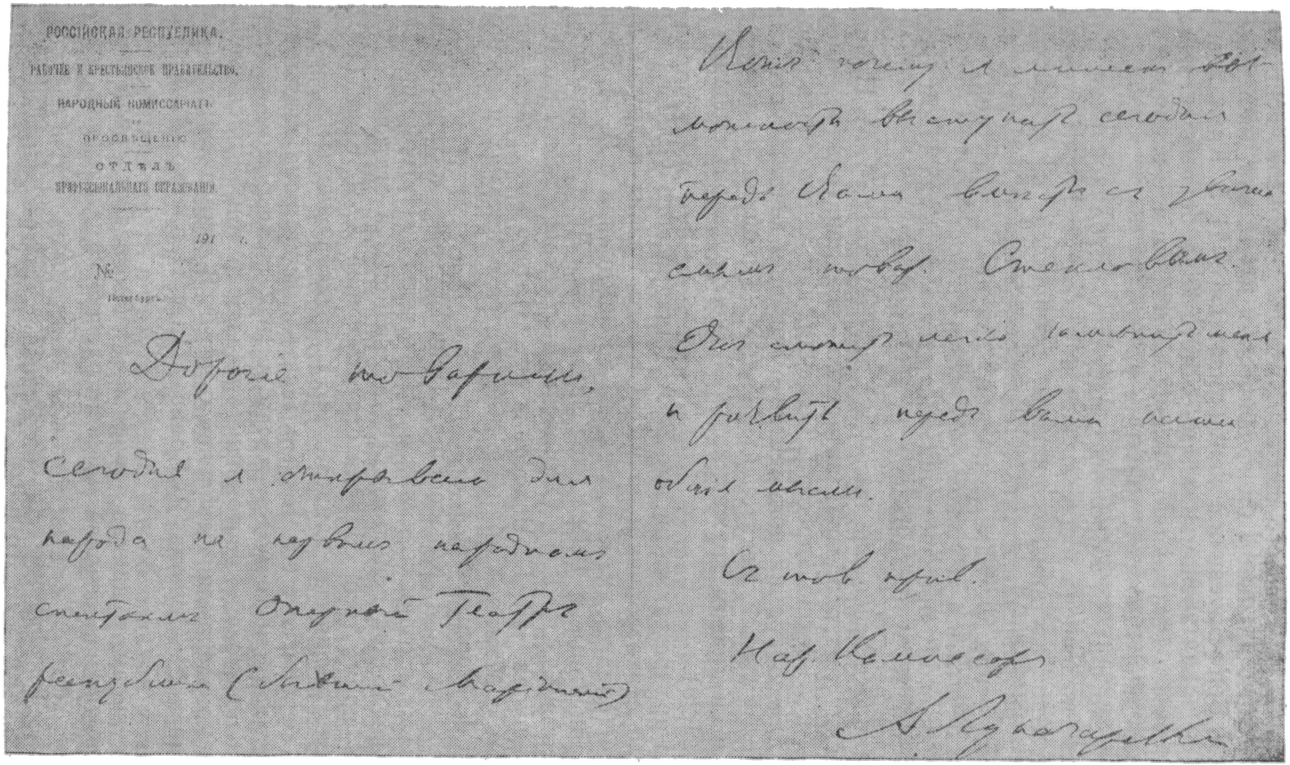
Имеются копии писем Горького к другим лицам, также неопубликованных, — письмо к О. И. Ильинской с разбором ее стихов и характера ее дарования, переписка с И. И. Ионовым (1932 г.) об издании серии «Сокровища мировой литературы» в издательстве «Academia».

Сохранились и черновики, отпуски и копии 19 писем Бонч-Бруевича к Горькому за 1908—1935 гг. Дореволюционная часть их связана с работами Бонч-Бруевича по истории религии и сектантства, с изучением жизни Толстого, с изданием сочинений Горького в издательстве «Жизнь и знание»[72]. К ним примыкают письма М. Ф. Андреевой 1913 г. — в них речь идет о намерении Бонч-Бруевича издать сочинения Горького, договорившегося уже в это время с Сытиным. Из писем советского периода особенно интересны письмо от 21 ноября 1932 г., где доказывается необходимость создания Литературного музея; письмо от 31 января 1935 г., посвященное А. Н. Толстому.

Материалы о подготовке к изданиям произведений Горького, разные сведения о нем есть во многих письмах И. П. Ладыжникова, Б. Лазаревского, А. А. Золотарева, В. С. Ляпуновой, в письмах О. К. Матюшиной и др. В газете «Живое слово» были напечатаны 3 октября 1911 гг. «две бестактные и обывательские статьи» в защиту Горького, после чего Бонч-Бруевич и Львов-Рогачевский заявили о своем отказе сотрудничать в газете. Переписка Бонч-Бруевича с В. Л. Львовым-Рогачевским и П. В. Мурашовым, редактором газеты, связана с этим инцидентом.

[71] Подлинники хранятся в Архиве А. М. Горького.

[72] Два письма Бонч-Бруевича к Горькому от 30 января 1909 г. и 30 ноября 1911 г. опубликованы: Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч., т. II. М., 1961, стр. 502—503.

РОССІЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

РАБОЧІЙ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРІАТ

ПО

ПРОСВѢЩЕНІЮ

ОТДѢЛЪ

ПРОФЕССІОНАЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

191 г.

№

Петроградъ

Дорогой тов. Варламов,

Сегодня я открываю для
народа на первых народных
спектаклях Первый Театр
республики (Первый Народный)

Наш поезд я должен был
покинуть вчера утром сегодня
перед Вами выступать я убежал
самым тайным. Отсюда Вам.
Вам смотрю через телеграфный аппарат
и привыкнуть перед Вами всякий
обычай имею.

С тов. прив.

Нар. Комиссар

А. Луначарский

Письмо А. В. Луначарского об открытии первого республиканского театра.
1918 г. Ф. 369, № 297.23

Интересны сохранившиеся в архиве воспоминания А. И. Радченко «Максим Горький и школа шалунов» и другие мемуарные материалы.

Письма А. Н. Толстого связаны, главным образом, с историей его творческого архива; в биографическом плане они дополняются перепиской Бонч-Бруевича с женой писателя — Н. В. Крандиевской и ее интересными воспоминаниями о детстве, о первых встречах с А. Н. Толстым и замужестве, о жизни в эмиграции, о взглядах Толстого в середине 1930-х гг. (351.4, 5, 17; 408.7—16).

Переписка с В. Г. Короленко, частично опубликованная Бонч-Бруевичем, посвящена издательским начинаниям Бонч-Бруевича в 1890-х гг. Впоследствии он дважды обращался к Короленко с просьбой о разрешении издать «Павловские очерки» и «Без языка», но получал отказ. Остальные письма связаны с попыткой Бонч-Бруевича печатать в «Русском богатстве» свои статьи[73].

Издания своих произведений касаются в письмах И. А. Бунин, Г. А. Мачтет, К. М. Станюкович, Е. Н. Чириков.

Сохранилось несколько писем к Бонч-Бруевичу М. М. Пришвина — среди них особенно интересно поздравительное письмо 1948 г. — к 75-летию адресата. Отмечая, как много сделал Бонч-Бруевич для собирания документов о жизни и деятельности «простых русских людей, искателей правды», Пришвин называет его «другом и спутником тружеников культуры русской народной совести» (321.29).

Есть в архиве также письмо В. А. Гиляровского (1920 г.) и рукописи его стихотворений, поэмы «Стенька Разин» и других произведений (следует указать и на его воспоминания о В. М. Величкиной, написанные в 1919 г. под заглавием «Дети — краса жизни»), письма Е. А. и Р. П. Островских — сестры и жены писателя, В. Я. Шишкова, М. П. Чеховой и др. Интересные сведения о Д. Бедном и Мамине-Сибиряке содержатся в письмах и воспоминаниях М. К. Иорданской.

Переводчик А. Я. Коц сообщил Бонч-Бруевичу интересовавшие его факты из истории создания русского текста «Интернационала», которые последний использовал в дальнейшем в статьях[74]. В архиве есть, кроме того, сборник стихотворений А. Я. Коца (1902—1918) и биография его, написанная П. Алексошенковым.

Часть переписки с советскими писателями вызвана задуманным и осуществленным Бонч-Бруевичем в 1947 г. альбомом «Галерея советских писателей», состоявшим из портретов 55 писателей и кратких биографических сведений о них[75]. В этих письмах мы находим имена Ем. Букова, Я. Коласа, П. А. Павленко, А. А. Фадеева и др.

Кроме писем, в архиве собраны автобиографии ряда писателей, послужившие основой для биографических заметок о них

---

[73] Письмо Бонч-Бруевича к Короленко от 2 июня 1894 г. опубликовано: Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч., т. II. М., 1961, стр. 465—467; о письмах 1900 г. см. статью: «Моя переписка с народниками». — «На лит. посту», 1927, № 24, 1928, № 6.

[74] Бонч-Бруевич В. Д. Новые русские строфы «Интернационала». — «Вечерняя Москва», 1931, 9 мая и др.

[75] Галерея советских писателей. Вып. 1. Ред. и вступит. статья Влад. Бонч-Бруевича. Художник Анатолий Яр-Кравченко. М., 1947.

(М. Бажана, В. Василевской, Ш. Дадиани, А. Корнейчука, Г. Леонидзе, П. Маркиша, М. Рыльского, А. Токомбаева, А. Упита). Подробно история этого издания освещена в переписке Бонч-Бруевича с художником А. Н. Яр-Кравченко. Имеются также отзывы художественного редактора книги К. Ф. Юона о портретах писателей.

Значительно меньшим числом писем представлены в архиве деятели искусства. Имеются письма М. Н. Ермоловой, связанные с передачей ее материалов в Литературный музей (268.54), записочка В. И. Качалова (февраль 1910 г.) о выступлении на вечере, сбор с которого шел в кассу Московского Комитета РСДРП(б), где он соглашался прочесть «любой рассказ Чехова, ну, хоть «Горе» или «Тоска» (283.44), два письма Е. П. Корчагиной-Александровской (289.36—37), письма А. Б. Гольденвейзера, посвященные изданию книги «Вблизи Толстого» (259.15). Из писем деятелей изобразительного искусства следует упомянуть о содержательной переписке со скульптором И. Я. Гинцбургом и письмах, связанных с судьбой скульптора Б. Д. Королева — его собственных письмах, письмах С. Т. Коненкова, письме А. В. Луначарского к директору ВХУТЕМАСа Новицкому и пр. В архиве имеются и другие материалы Б. Д. Королева — документы о подготовке его работ: памятников Ленину, Бауману, Толстому, монумента «Борцам революции» в Саратове — и ряд биографических документов.

Огромна **переписка** Бонч-Бруевича **с издателями, редакторами, журналистами, публицистами** разных направлений. Преобладающая часть писем относится к дореволюционному периоду. Наиболее ранние из них — письма корреспондентов по издательским делам 1890-х гг. Здесь есть и переписка с художницей Елизаветой Бем, иллюстрировавшей издававшийся Бонч-Бруевичем календарь для народа, письма авторов, статьи и книги которых печатались в издательстве Прянишникова, в том числе П. И. Добротворского, Е. С. Некрасовой и др. В это же время начинается переписка Бонч-Бруевича с И. И. Горбуновым-Посадовым, продолжавшаяся почти 40 лет. Письма 1890-х гг. отражают деятельность руководимого им издательства «Посредник», его связи с Толстым и толстовцами; в одном из писем рассказано о суде над автором из-за организации нецерковных похорон М. А. Шмидт. Дела издательства «Посредник» освещают и многочисленные письма В. Алексеевой-Лукьянской — сотрудницы Горбунова-Посадова.

Среди деловых писем об издании библиотеки для народа мы встречаем имена Ф. Ф. Павленкова, А. М. Калмыковой и др. Обращает на себя внимание письмо В. Е. Якушкина, отвечающего по поручению редакции «Русских ведомостей» Бонч-Бруевичу, просившему напечатать в газете письмо его об издании книг для народа. «Этим письмом, — пишет Якушкин, — на начинающееся дело будет обращено внимание зорких глаз, что для дела может оказаться не только вредным, но и гибельным» (370.35).

Очень содержательна переписка Бонч-Бруевича в эти годы с В. В. Берви-Флеровским и М. К. Цебриковой. Он советовался с обоими о своих издательско-пропагандистских замыслах. В ответных письмах М. К. Цебриковой много практических советов, конкретных соображений о желательных типах изданий, о трудностях издания и распространения книг для народа, о цензурных препят-

ствиях; в одном из писем 1892 г. рассказана история издательства «Посредник», есть отзывы о различных изданиях, в том числе о сборнике «Избранные произведения русской поэзии».

Здесь же стоит указать на сохранившиеся в архиве воспоминания о М. К. Цебриковой, принадлежащие перу А. И. Назарова (1950-е гг.). Автор описывает свое знакомство с ней в 1896—97 гг. в имении редактора журнала «Новое слово» А. Н. Попова в Смоленской губ., где она отбывала ссылку (360.9; 398.4).

В. В. Берви-Флеровский пишет об издании книг для народа и, в частности, брошюр по рабочему вопросу (239.14).

Нельзя не выделить переписку Бонч-Бруевича с Н. А. Рубакиным, продолжавшуюся много лет. Сохранилось свыше 20 писем Рубакина к Бонч-Бруевичу и 13 отпусков писем последнего[76]. Письма 1890-х гг. посвящены изданиям Бонч-Бруевича этих лет. Рубакин рекомендует ему уделять внимание всеобщей истории, дает советы о популяризации исторических романов и т. п. Письма советского времени отражают работы Рубакина по библиопсихологии, широкий круг его интересов, в частности, начало писания мемуаров, собирание им архивных материалов по просьбе Бонч-Бруевича (197.16; 327.3).

Основная масса писем по издательским делам относится к партийному издательству «Жизнь и знание». Здесь представлен довольно широкий круг писателей, сотрудничавших в нем (мы говорили о них выше), публицистов и специалистов различных отраслей знания, составлявших актив издательства, выпускавшего, кроме беллетристики, научную и научно-популярную литературу. Сохранились не только письма, но и рукописи из портфеля издательства. Это относится к краеведу, этнографу и историку И. С. Абрамову, переписка Бонч-Бруевича с которым сохранилась за 45 лет и рукописи которого имеются в архиве («К вопросу о происхождении населения стародубских слобод», популярные очерки «О том, что было во времена доисторические», «Исчезнувшие царства и города в пределах России» и др.); письма и рукописи географа С. П. Аржанова, впоследствии ученого секретаря «Общества телесного и душевного воспитания имени В. М. Бонч-Бруевич», переписывавшегося с Бонч-Бруевичем с 1914 г. по вопросам издания книг по географии и учебников (сохранились и материалы к его работам, некоторые биографические документы и письма к разным лицам; из них следует выделить письмо 1919 г. к К. Л. Василевскому о новой социалистической культуре, о детском коммунистическом движении и его значении); творческие рукописи и биографические материалы доктора М. В. Головинского и др. Надо отметить письма А. М. Деборина, издававшего в «Жизни и знании» свою книгу «Введение в философию диалектического материализма», А. Ф. Иоффе, публиковавшего там же «Курс общей физики», Е. Д. Стасову, рукопись учебника которой по истории первобытной культуры (1913 г.) есть в архиве.

По вопросам издания книг для детей Бонч-Бруевич переписывается с П. Н. Шатиловым (Сурожским) и особенно с А. Н. Толи-

[76] В фонде Рубакина (ф. 358), хранящемся в отделе рукописей, есть письма Бонч-Бруевича к Рубакину, отпуски которых в фонде Бонч-Бруевича не сохранились (от 8 декабря 1895 г., 22 марта 1932 г., 10 мая 1932 г., 7 июля 1934 г.).

веровой. Они связаны не только с ее творчеством и изданием ее книг, но и с книгами Н. А. Рубакина, поручившего ей вести все его издательские дела, и, в частности, издание «Писем к читателям о самообразовании». Есть в архиве и ее произведения (с авторской правкой) для детей.

В письме Ф. Д. Батюшкова, написанном в 1916 г., идет речь о том, какие книги следует издавать для солдат и офицеров.

В редакционном портфеле издательства «Жизнь и знание», кроме уже отмеченных выше рукописей, отложилось значительное количество материалов разных авторов: оригинальной и переводной беллетристики (повести и рассказы С. А. Гарина, А. Грушецкого, Б. Лазаревского, А. А. Селиванова, А. А. Саксаганской и др., произведения Стефана Жеромского в переводе Леонтьевых, Г. Мало — в переводе Е. Д. Хирьяковой, Р. Роллана — в переводах А. Чеботаревской), сборник стихотворений Я. Бердникова, П. Н. Второва, Г. А. Галиной, С. Н. Кашкарова и др., критические и публицистические статьи В. В. Данилова, Д. Н. Овсянико-Куликовского, А. Б. Петрищева, работы по педагогике Ю. П. Струве, Г. Г. Тумима, научно-популярная литература.

Часть переписки делового характера касается технической и финансовой стороны работы издательства «Жизнь и знание», распространения его изданий. Здесь имеются письма из Министерства народного просвещения и Министерства торговли и промышленности о рекомендации изданий Бонч-Бруевича в библиотеки учебных и других заведений, письма по рекламным вопросам, полученные из газет, переписка с работниками издательства С. К. Громозовой и К. П. Ягодовским, впоследствии — профессором методики преподавания естествознания, с врачом Е. Ф. Шапшалом, владельцем табачной фабрики, вложившим большие средства в издательство «Жизнь и знание». Письма различных издателей (Г. В. Шварц — издатель газеты «Южная копейка», С. Познер — издательство «Разум» и др.), служащих книжных складов («Звено», «Провинция» и др.) и ряда других лиц (например, письмо П. Носкова, написанное на бланке издания «Словарь литературных типов») содержат предложения об обмене изданиями и объявлениями, о взаимной помощи в распространении книг. Того же характера переписка с книжным магазином товарищества И. Д. Сытина, товариществом издательского дела и книжной торговли О. Н. Поповой, товариществом М. О. Вольф, издательством «Звено» и др. Интересно отметить также письма в издательство «Жизнь и знание» из Шлиссельбургской каторжной тюрьмы (1915—1917 гг.) с заказом на высылку книг для заключенных (списки книг приложены). Среди прочих материалов издательства укажем на обвинительный акт по делу об обвинении бр. Гранат в издании «богохульных книг» (речь идет об изданной в 1908 г. книге Эрнста Геккеля «Мировые загадки»).

Значительно меньше писем, связанных с издательским делом советского периода — с издательствами «Коммунист», Комитета памяти В. М. Величкиной и кооперативным издательством «Жизнь и знание». Здесь есть письма М. И. Семенова, материалы врача П. П. Викторова, врача-психиатра Е. П. Радина, пчеловода И. И. Евдокимова, переводчицы А. Н. Чеботаревской-Сологуб и др.

Техническая сторона работы издательства «Коммунист» отражена в переписке с фабрикой Кушнерева, обслуживавшей издательство.

Рукописей из редакционных портфелей этих двух издательств сохранилось весьма немного: рукопись книги Ю. Данишевского «Империалистическое рабство», выпускавшейся издательством «Коммунист» (перевод с польского), и несколько рукописей разных авторов по вопросам медицины и школьной гигиены издательства Комитета памяти В. М. Величкиной (Л. П. Айрес, И. Саркизова-Серазини, И. И. Сысина и др.). Здесь же имеется отрывок воспоминаний М. И. Барсукова «Советская медицина и Красный Крест в первые дни Октябрьской революции» (1927). В 1917 г. автор был комиссаром по санитарным делам, он подробно рассказывает историю подготовки и создания Наркомздрава. Имеются письма типографий, где печатались издания: «Товарищества «Печатня С. П. Яковлева» (1919 г.), кооперативных товариществ «Слово истины», «Складчина» и др.

Кооперативное издательство «Жизнь и знание» печатало в основном научно-популярную и массовую литературу, в том числе календари, настольные игры и пр. Для изучения методов пропаганды в 1920-х гг. несомненный интерес представляют сохранившиеся в архиве оригиналы игр: политические викторины из серии «Новые общественные игры», «I, II и III Интернационалы», «Профсоюзы, их роль и задачи», «Советская власть и государственное устройство СССР» или «За новый быт. Новая общественная игра, затрагивающая наболевшие вопросы нашего быта»).

Из портфеля издательства в фонде сохранилось довольно много рукописей научно-популярных книг и литературы, пропагандирующей достижения сельскохозяйственных наук — статьи о пчеловодстве (М. К. Сахарова, С. Е. Дьяченко, И. И. Евдокимова, Х. Тер-Авакяна), птицеводстве и животноводстве (А. И. Осипова, Н. Д. Потемкина, А. Ф. Губина), общие работы по вопросам сельского хозяйства (В. Г. Котельникова, Р. Тиле и др.).

Переписка с другими издательствами — «Культура и знание», «Начатки знаний», «Литература и искусство» и др. — характерна для истории издательского дела в стране в 1920-х гг. В этом плане следует отметить письма из ряда советских учреждений, в частности, из ВОКСа, предлагающего распространять продукцию издательства за границей.

В архиве отложились письма разных лиц в издательство «Жизнь и знание» с предложениями об издании их книг, среди них письмо известного дрессировщика В. Л. Дурова (1925 г.).

Огромную часть корреспондентов Бонч-Бруевича составляют **дореволюционные и советские ученые,** в первую очередь — историки, лингвисты, литературоведы, и в меньшей степени — специалисты по естественным наукам и технике. Среди них легко выделяются группы корреспондентов, составляющих научный актив издательств: партийного издательства «Жизнь и знание», издательств «Коммунист» и Комитета памяти В. М. Величкиной, а также продолжающихся научных изданий 1930-х—1950-х гг. — «Звенья» и «Летописи Литературного музея». Ряд ученых был связан с Бонч-Бруевичем по совместной работе над академическими собраниями сочинений Пушкина и Толстого.

Из числа русских ученых, чья деятельность началась до революции, наиболее значительна переписка Бонч-Бруевича с А. А. Шахматовым и В. И. Срезневским. Мы уже указывали выше на выдающуюся роль, которую сыграли они в собирании материалов русской социал-демократической эмиграции и в сохранении собранных Бонч-Бруевичем материалов по сектантству.

Переписка Бонч-Бруевича с Шахматовым более всего касается этих вопросов. Письма последнего свидетельствуют о большом интересе его к изданию «Животной книги» духоборов и других сектантских документов; в одном из них и содержится как раз предложение сосредоточить их в библиотеке Академии наук. В письме от 13 мая 1909 г. Шахматов писал о «Материалах к истории и изучению русского сектантства»: «Оба выпуска по справедливости надлежит признать ценным вкладом в историю религиозной жизни русского народа, его самосознания и миропонимания. «Животная книга» духоборцев содержит любопытный материал для оценки умственного развития и творчества наших сектантов». Другие письма касаются научных командировок Бонч-Бруевича в Закавказье, печатания исследований Шахматова. В письмах 1918—1919 гг. Шахматов неоднократно прибегал к помощи Бонч-Бруевича как представителя государственной власти с просьбой о защите тех или иных ученых от необоснованных арестов. В этом смысле особенно интересно для понимания позиции интеллигенции письмо от 12 сентября 1919 г. в связи с арестом С. Ф. Ольденбурга: «Нет среди нас другого, — пишет о нем Шахматов, — который так неутомимо и открыто работал бы с теперешним правительством... это поддерживается его горячей любовью к русскому народу и глубоким демократизмом» (224.29, 30; 366.38).

Переписка Бонч-Бруевича с В. И. Срезневским охватывает 1907—1936 гг., большая часть ее посвящена собиранию и описанию материалов по сектантству, деятельности Толстовского музея, являвшегося частью рукописного отдела Библиотеки Академии наук; письма советского периода содержат много подробностей о жизни отдела, собирании его фондов, о Библиотеке в целом (206.6—8; 338.17, 18).

В архиве имеются также письма В. И. Семевского (1911—12 гг. — о чтении лекций по истории сектантства, об издании сочинений Г. Сковороды), Д. И. Багалея (по тем же вопросам), В. Е. Чешихина (о его статьях о Толстом), Д. Н. Овсянико-Куликовского (об издании его книг издательством «Жизнь и знание»), В. Богучарского (по делам Толстовского музея в Петербурге) и пр.

К этой группе надо отнести и письма таких ученых, как Н. И. Кареев (по поводу своих воспоминаний, о замыслах научных трудов), С. Ф. Платонов и некоторых других. Переписка Бонч-Бруевича с представителями науки в первые годы Советской власти в значительной степени связана с вопросами их правового и материально-бытового положения.

Известен постоянный и острый интерес к этому вопросу Ленина, часто поручавшего Бонч-Бруевичу осуществление конкретных мер помощи ученым. Переписка показывает, что Бонч-Бруевич по-ленински понимал важность сохранения научных кадров, необходимость бережного отношения к лучшим представителям старой ин-

теллигенции, ставшим впоследствии твердо на позиции советской науки. Зная давние его связи с ученым миром и личную отзывчивость, многие обращались к нему за помощью.

Д. Н. Анучин просит вернуть ему изъятые у него медали, полученные от Географического общества за научные труды, М. Д. Приселков просит помочь в досрочном освобождении из ссылки, чтобы закончить свои труды по русскому летописанию, коллектив преподавателей Археологического института просит не допустить увольнения ректора А. И. Успенского и т. п.

Особенный интерес в этой связи представляет переписка Бонч-Бруевича с И. П. Павловым (1919 г.). Бонч-Бруевич как управляющий делами СНК по поручению Ленина заверял ученого, что ему будут созданы все условия для развертывания научной работы. В ответном письме Павлов пишет, что не мог бы принять это только для себя, в то время как окружающие его ученые находятся в тяжелых бытовых условиях. В архиве имеется также копия письма В. И. Ленина к председателю Петроградского исполкома от 25 июня 1920 г. с просьбой помочь работам И. П. Павлова и постановление СНК по этому вопросу (314.10). О создании условий для развития научной работы пишет Бонч-Бруевичу и С. Ф. Ольденбург (1920 г.).

Очень интересны письма сотрудника Публичной библиотеки В. М. Андерсона, работавшего в 1910-х гг. над историей раскола, в 1919—20 гг. — правительственного комиссара по Российской публичной библиотеке в Петрограде. Письма последующих лет касаются создания библиографии нелегальной большевистской литературы, библиографии трудов Ленина.

Нужно отметить также любопытное письмо известного гигиениста Ф. Ф. Эрисмана (21 января 1917 г.) из Швейцарии, обратившегося к Бонч-Бруевичу с просьбой принять участие в книге о России, которую составляют Луначарский (литературная часть), Мартов (общественные вопросы), Белоконский (крестьянский вопрос) и др.

Большая часть советских ученых переписывалась с Бонч-Бруевичем по вопросам его научных изданий. Укажем на переписку с В. Г. Тан-Богоразом (о составлении списка вероисповеданий в связи с переписью 1936 г.), В. В. Даниловым, И. Ю. Крачковским, И. Ф. Масановым, А. М. Панкратовой (отзыв о публикации Бонч-Бруевича «Новые документы о 9 января»), Е. В. Тарле, С. А. Токаревым, Н. Н. Фатовым и др. Переписка Бонч-Бруевича с А. И. Менделеевой, женой ученого, касается ее воспоминаний.

Письма многих литературоведов подробно освещают вопросы академического издания полного собрания сочинений Пушкина. Это Д. Д. Благой, Л. Б. Модзалевский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Т. Г. Цявловская-Зенгер и др. По их письмам можно не только проследить ход работы над отдельными томами, мотивировку принимаемых текстологических и других научных решений, но и найти в них множество сведений о рукописях Пушкина, о публикациях и статьях о нем.

Переписка, связанная с изучением жизни и творчества Толстого, а также с изданием собрания его сочинений в 90 томах, очень велика. Сведения об этом рассеяны в письмах очень большого круга лиц, которые будут частично рассмотрены в связи с материала-

ми по изучению религии и сектантства. Здесь же следует указать лишь на переписку с главной редакцией Полного собрания сочинений Толстого и с Государственной редакционной комиссией. В ней отражен весь процесс подготовки издания в конце 1920-х и в 1930-х гг. — выработка основных его принципов, решение финансовой стороны дела, сосредоточение в Толстовском музее всех рукописей Толстого и писем к нему, работа над отдельными томами. Примыкают сюда и письма кооперативного товарищества изучения и распространения произведений Л. Толстого.

Аналогичный характер носят письма Н. С. Родионова, охватывающие очень большой период времени (1929—1955 гг.), и письма сотрудников редакторского комитета В. Наумова, М. Муратова и др. Из писем ученых, работавших над изданием, выделяются письма Н. К. Гудзия, раскрывающие текстологические основы передачи толстовских текстов и содержащие множество соображений об издании в целом и его отдельных частях.

Часть переписки с учеными есть не что иное, как документальная история «Звеньев» и «Летописей Литературного музея». Она рассказывает о возникновении «Звеньев», о горячем отклике в среде ученых на замысел этого издания, которое должно было публиковать материалы по истории русской культуры и общественной мысли в самом широком понимании этого слова, о том, как формировался актив сотрудников «Звеньев», об истории отдельных публикаций. В ряде случаев публикации предшествовало разыскание и приобретение на государственное хранение самого документа, и в этих случаях письма дают ценные сведения для его истории.

Письма ученых по вопросам публикации в «Звеньях» и «Летописях», как правило, выходят по содержанию за рамки этой темы в узком смысле. Они живо рисуют научную жизнь в переживаемый момент, содержат отзывы о выходящей научной литературе и, в частности, о вышедших томах «Звеньев», часто отражают и острые дискуссии, возникавшие вокруг тех или иных изданий.

Примером может служить полемика в печати вокруг тома «Летописей», посвященного поэту начала XIX в. С. Н. Марину[77]. «Литературная газета» напечатала чрезвычайно резкую рецензию[78] на это издание, что в обстановке того времени, мало пригодной для научных дискуссий, неизбежно влекло за собой весьма суровые оргвыводы. Хотя многие ученые и писатели взяли издание под защиту (в том числе А. А. Фадеев в своем письме от 24 апреля 1950 г., имеющемся в архиве в копии, расценивает этот том, как «громадный исторический и литературный вклад»), издание «Летописей Литературного музея» было прекращено. В архиве сохранилась большая переписка по этому вопросу — письма составителя Н. В. Арнольда, письма и объяснительные записки Бонч-Бруевича и др.

Среди писателей и ученых, письма которых связаны со «Звеньями» и «Летописями», мы встречаем имена В. Я. Адарюкова, С. Д. Балухатого, Я. Л. Барскова, Н. Ф. Бельчикова, Н. Л. Бродского,

[77] Марин С. Н. Полное собрание сочинений. — Летописи Гос. Литературного музея, кн. 10. М., 1948.

[78] Паперный З. Сергей Никифорович, его родные и близкие. — «Литературная газета», 1 марта 1950.

В. В. Вересаева, Ю. Н. Верховского, Э. Ф. Голлербаха, И. М. Гревса, Л. П. Гроссмана, Н. К. Гудзия, Г. А. Гуковского, С. Н. Дурылина, Н. О. Лернера, С. А. Макашина, Л. Б. Модзалевского, В. Е. Евгеньева-Максимова, Ю. Г. Оксмана, Н. Г. Ончукова (среди собранных Бонч-Бруевичем материалов разных лиц сохранился и небольшой фонд Н. Г. Ончукова из 28 ед. хр. — творческие рукописи, воспоминания о детстве, биографические документы, материалы научно-педагогической деятельности), К. В. Пигарева, Н. К. Пиксанова, А. М. Путинцева, С. А. Рейсера, Ю. Н. Тынянова, Н. М. Чернышевской-Быстровой, К. И. Чуковского, С. К. Шамбинаго, Д. И. Шаховского и многих других. В переписке их речь идет о исследованиях и публикациях, готовившихся к изданию, о редактировании их или отзывах на работы других авторов. Письма часто содержат дополнительные соображения, интересные для истории вопроса. Укажем поэтому хотя бы на некоторые опубликованные в «Звеньях» и «Летописях» работы, подготовка которых обсуждается в сопутствующих им письмах: «Указатель гравированных и литографированных портретов Ленина» В. Я. Адарюкова [79], письмо И. А. Гончарова к Монахову [80] и «Фет — редактор Тургенева» Н. Л. Бродского [81], заметки В. В. Вересаева «О Нине Воронской» [82] и «Около Пушкина» [83], публикация «Бесед с Ф. М. Достоевским» Е. Опочинина, готовившаяся Ю. Н. Верховским [83], публикации писем И. С. Тургенева [84] и исследований о Пушкине Н. О. Лернера [85], подготовка к печати первого тома «Летописей», посвященного Пушкину, осуществлявшаяся Б. В. Томашевским и М. А. Цявловским, и многие другие.

В письмах В. И. Невского, Н. К. Пиксанова и др. содержатся, например, отзывы на подготовленные к печати публикации, в других подробно излагается история редактирования и рецензирования рукописи (статьи В. А. Радус-Зенковича «Из истории распространения и транспортировки в Россию большевистской литературы»). Есть также письма из издательства «Academia», печатавшего «Звенья» в своем ленинградском отделении, переписка с лицами, практически работавшими в редакции изданий — Е. Вишневской, Л. Б. Модзалевским, наблюдавшим в Ленинграде за печатанием «Звеньев».

Наиболее подробны письма Б. П. Козьмина, с 1947 г. возглавлявшего Литературный музей и руководившего в связи с этим его издательской деятельностью; в них, в частности, имеются интересные соображения о различных типах изданий, предназначенных для публикации рукописного наследия прошлого.

В архиве отложилась и часть редакционного портфеля «Звеньев»: рукописи работ Н. Н. Зарубина «Судьба русской средневековой литературы и ее современное изучение» (1939 и 1947 гг.), подготовленный к печати рассказ Н. С. Лескова «Клоподавие. Орловский живой вариант к киевской бумаге», публикации о Гри-

[79] «Звенья», вып. 3—4.
[80] Там же, вып. 5.
[81] Там же, вып. 2.
[82] Там же, вып. 3—4.
[83] Там же, вып. 6.
[84] Там же, вып. 3—4, 5.
[85] Там же, вып. 5.

боедове О. И. Поповой, публикации рассказов Н. В. Успенского, подготовленные А. Я. Тарараевым, а также отзывы и рецензии на разные работы. Есть и неопубликованные рукописи. Так, например, имеется корректура статьи Д. П. Якубовича «Арап Петра Великого» и романы В. Скотта», набранной в 1941 г. для седьмого номера «Звеньев», который не вышел в связи с началом войны.

Деятельность Бонч-Бруевича в качестве директора Толстовского музея, главы Комиссии по устройству Литературного музея, а затем руководителя Музея и неутомимого собирателя архивных материалов по истории русской культуры[86] до последних дней его жизни вызывала огромную переписку по вопросам разыскания и собирания рукописных материалов. Эти темы затрагиваются в значительной части писем, о которых говорилось выше — писателей, публицистов и, в особенности, ученых. Однако есть большой круг материалов, целиком связанных с музейными и архивными делами.

Это **переписка** Бонч-Бруевича с самими **владельцами материалов** — выдающимися деятелями культуры, **архивы которых желал приобрести** Литературный музей, с их наследниками или просто с лицами, у которых по тем или иным причинам оказались ценные документы. Среди первых нужно назвать искусствоведа Б. В. Асафьева, писателей Андрея Белого, Т. Л. Щепкину-Куперник, М. Н. Ермолову, переписку о приобретении архивов Ф. И. Витязева, сестры А. А. Шахматова Е. А. Масальской и др. Особенно много писем от наследников фондообразователей. В. Д. Бонч-Бруевичу пишут правнучка Багратиона, дочь Герцена — Н. А. Герцен, внук Пушкина — Григорий Александрович, сын А. Н. Пыпина и др. Письма их не всегда прямо касаются приобретения материалов, часто они затрагивают различные вопросы разыскания утраченных или неизвестно где находящихся документов и имеют огромное значение для истории многих архивных фондов, еще находящихся в частных руках. С В. А. Рюриковой, женой писателя И. Ф. Каллиникова, Бонч-Бруевич переписывается о приобретении архива ее мужа, с П. С. Шереметевым — о передаче в музей архива его семьи, с М. А. Бетман — о судьбе архива Н. А. Рубакина, с дочерью М. А. Слепцовой (Т. Мулояно) — о воспоминаниях и переписке ее матери. Таких примеров можно привести очень много.

Собирание материалов для Литературного музея было делом большого круга добровольных сотрудников. Ученые, писатели, общественные деятели стремились внести в это дело свой вклад, сообщая о местонахождении документов, передавая материалы, бывшие в их распоряжении. Об архиве В. С. Потемкина пишет Бонч-Бруевичу Н. В. Арнольд; о судьбе архива Сибирцева сообщает Северная краевая научная библиотека; о документах Н. И. Лобачевского — В. И. Вишневский. Л. Я. Гуревич помогает Бонч-Бруевичу в приобретении архива А. Волынского; письма И. С. Зильберштейна подробно освещают поступление в музей различных литературных материалов, в том числе архива Блока; Л. В. Никулин передает в дар музею письмо Шаляпина к певцу Давыдову; множество сведений об архивовладельцах разбросаны в письмах А. А. Саксаганской, В. Н. Бенешевича, А. М. Путинцева (и в его доклад-

[86] Напомним, что именно он является автором чуть ли не единственной массовой брошюры об этом — «Сохраняйте архивы». М., 1920.

ной записке «К организации Центр. Литературного музея в Москве» — 1933 г., черновой автограф), А. А. Сабурова и многих других; Г. А. Гуковский с тревогой пишет Бонч-Бруевичу об архиве М. А. Волошина, который необходимо взять в государственное хранилище.

Пишут Бонч-Бруевичу как собирателю документов, мемориальных предметов, произведений искусства самые разнообразные лица. М. А. Сергеев предлагает приобрести у него портрет Ленина работы И. И. Бродского; Л. И. Жевержеев сообщает о принадлежащих ему масонских рукописях; В. Е. Салтыков в 1927 г. спрашивает, куда можно продать редкую древнюю деревянную скульптуру и т. п.

Сотрудники Литературного музея и Бонч-Бруевич не ограничивались розыском рукописей в пределах нашей страны. Активная работа в этом направлении велась и за рубежом; в нее были втянуты работники советских посольств, торгпредств и других советских организаций за границей.

В архиве сохранились письма к Бонч-Бруевичу из Наркоминдела, переписка с ВОКСом, оказывавшим ему содействие в поисках материалов за границей, и довольно значительная переписка с советскими полпредствами в Германии, Польше, Чехословакии и особенно во Франции. Письма советских дипломатов В. А. Антонова-Овсеенко (из Чехословакии и Польши), И. Лычева (из Англии), Н. Семенова (из Чехословакии), А. В. Аросева (из Чехословакии и Германии) сообщают подробнейшие сведения о материалах по истории русской культуры в музеях и архивах этих стран, в частных коллекциях, у букинистов. Так, В. А. Антонов-Овсеенко разыскивал в Будгоще книги из библиотеки Ленина с его заметками, писал об автографах Герцена и Огарева в польских хранилищах; А. В. Аросев сообщает о материалах Гоголя и Пушкина в Национальном музее в Праге, о материалах Толстого, проданных туда В. Ф. Булгаковым.

Есть также письма от многочисленных агентов из-за границы — А. Ф. Изюмова из Праги, А. В. Гальперина из Парижа и др. В письмах последнего за 1932—1933 гг. — разнообразные сведения о ценнейших фондах, находившихся во Франции в частных руках (так, он сообщает об архиве Алексинского, куда вошли документы из архива Государственной думы, газеты «Вперед», архива Каприйской школы с письмами Ленина, Горького и т. п., о коллекции документов и автографов, принадлежавшей гр. М. С. Воронцову, об альбоме Бартеневой с автографами Пушкина, Лермонтова и др.). Подобные же сообщения имеются в письмах некоторых зарубежных ученых и учреждений: переписка Бонч-Бруевича с А. Мазоном (1928—1934 гг.) касается переговоров о приобретении у внучек Виардо и Тургенева материалов писателя [87] (по этому же вопросу есть несколько писем Жанны Тургеневой); о копировании материалов Тургенева, Тютчева, Толстого пишет Бонч-Бруевичу Шарль Саломон; о материалах, имеющихся во Франции, в Швейцарии и США, подробно сообщает в своих пись-

[87] Материалы Виардо были приобретены и хранятся теперь в ЦГАЛИ (ф. 784); переговоры о приобретении писем Тургенева к дочери не увенчались успехом, но много позже (в 1955 г.) они были приобретены Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ, ф. 306, № 2.3—14).

мах А. Н. Рубакин. Переговоры о приобретении разных рукописей вела в Париже также Р. М. Плеханова, жившая там в 1932 г. у дочери (речь шла о рукописи Решетникова, письмах К. А. Полевого, И. С. Тургенева, Герцена, Некрасова и пр.). С этой точки зрения интересна и переписка Бонч-Бруевича со славянскими библиотеками в Праге и Париже. При выяснении характера материалов по истории русской культуры, имеющихся в хранилищах Чехословакии, нельзя пройти мимо писем П. Г. Богатырева, специально обследовавшего в 1936 г. более 30 государственных и частных собраний. В архиве сохранился и его отчет об этой работе.

Многие воспоминания были написаны специально для Литературного музея. Такие факты отражены в переписке Бонч-Бруевича с Е. А. Бальмонт, написавшей воспоминания «Семья Андреевых», актрисой К. А. Селезневой, проф. А. П. Эйсснером и многими другими. В письмах генерального консула СССР в Англии И. Лычева и писательницы Г. О. Серебряковой, жившей в 1932 г. в Англии, идет речь об организации ими, по просьбе Бонч-Бруевича, писания мемуаров Минским и Венгеровой.

Общее количество писем, в которых разбросаны сообщения о различных документальных материалах, чрезвычайно велико и превосходит все остальные разделы переписки.

К этой группе примыкают письма лиц, непосредственно сотрудничавших с Бонч-Бруевичем в Толстовском музее и в Государственном Литературном музее. Они богаты фактами по истории этих учреждений, их повседневной жизни, истории их научной деятельности. Таковы письма В. В. Сорокина, К. Б. Суриковой, Н. П. Чулкова, С. А. Басова-Верхоянцева, Н. Н. Гусева, В. А. Жданова, И. В. Ильинского и др.

Последний большой раздел переписки Бонч-Бруевича состоит из **писем сектантов, толстовцев, исследователей истории религии, раскола и сектантства.**

Пристальный интерес Бонч-Бруевича к секте духоборов, уже отмечавшийся нами, его практическое участие в переселении их в Канаду послужили поводом к многочисленным письмам как самих духоборов, так и лиц, интересовавшихся их движением. В архиве нет писем руководителя духоборов П. В. Веригина — сохранились лишь копии его писем к И. И. Горбунову-Посадову.

О поездках к духоборам в Канаду переписываются с Бонч-Бруевичем фабрикант А. Н. Коншин, финансировавший частично их переселение, а впоследствии помогавший также издательству «Жизнь и знание» (его письма охватывают 1899—1917 гг., письмо 1917 г. — документ, характеризующий экономическое положение еще не национализированных промышленных предприятий в декабре 1917 г.), А. М. Бодянский (письма его богаты фактами, особенно полно в них изложено учение духоборов, они важны для характеристики идейной борьбы внутри сектантства и толстовства), С. П. Прокопенко, ездивший в Канаду в 1900 г. и сообщающий о планах переезда духоборов в Калифорнию, Л. А. Сулержицкий. В письмах последнего за 1899 г. жизнь и быт духоборов в Канаде описаны самым подробным образом. В архиве сохранились и рукописи его: мемуары «Записки вольноопределяющегося» (об отказе автора от военной службы по религиозным мотивам), «Посещение

духоборов» — о поездке на Кавказ, две работы о переселении духоборов в Канаду — «В Америку с духоборами» и очерк на ту же тему без заглавия и др. Письма самих духоборов, написанные в первое время после отъезда Бонч-Бруевича из Канады, освещают их жизнь и быт (см., например, письмо И. Шерстобитова от 1902 г.). Есть некоторые более поздние письма из Канады, характеризующие жизнь современных духоборов (например, письма П. Н. Малова, В. В. Верещагина и др., письма из редакции газеты «Канадский гудок» (1933—1935 гг.), где говорится о необходимости распространения советской книги в среде духоборов, об идеологии молодого поколения русских эмигрантов-духоборов, о распространении в их среде фашизма).

Духоборов касается и переписка Бонч-Бруевича с некоторыми зарубежными деятелями — Жоржем Годе, пастором Беназек, Дж. Элкинтоном и др. Любопытно письмо к В. М. Бонч-Бруевич от некоего комиссионера Мак-Крири в Канаде, к которому она обращалась с просьбой снабдить духоборов лекарствами и организовать медицинскую помощь для них: он пишет, что духоборы наотрез отказались от того и другого.

В архиве много писем других сектантов и религиозных искателей разных толков. О процессе сектантов, о своей переписке с Толстым пишет Бонч-Бруевичу сектант-скопец Г. П. Меньшенин. В письмах И. Корякина (1909—1912 гг.) излагается мировоззрение хлыстов, сообщаются сведения о съезде баптистов. Письма Ф. А. Желтова содержат интересные факты об организации трудовых сектантских общин в первые годы Советской власти и о съезде их в 1921 году (в архиве собраны и другие материалы Желтова — материалы о его просветительской деятельности и биографические документы, его творческие рукописи: повесть «Рожок и Вилейка», поэма «Слово к Человеку»). Следует указать также на письма к Бонч-Бруевичу В. А. Данилова, участника процесса 193-х, проведшего бо́льшую часть жизни в ссылке и затем создавшего свое индивидуальное религиозное мировоззрение — в письмах его много сведений о сектантах, об издании автором своих сочинений, о диспутах, в которых он участвовал, о том, как его отказались принять в Религиозно-философское общество [88]. Эти воспоминания охватывают жизнь автора с 1872 по 1905 год.

Сектантству посвящен имеющийся в архиве очерк драматурга Е. П. Карпова «За совесть. Из воспоминаний о жизни в Сибири» — о встрече с сектантом Андреянченко, сосланным в Сибирь.

Многие корреспонденты переписывались с Бонч-Бруевичем в связи с процессами сектантов, в которых он принимал участие в качестве эксперта, — это адвокаты А. В. Трупчинский (процессы хлыстов и трезвенников), Н. К. Муравьев (процессы скопцов в Сумах, Вышнем Волочке и др.), Н. С. Каринский (процессы подгорновцев, скопцов, сектантов «Нового Израиля»); последний был издателем газеты «Утро» в Харькове, письма редакции которой по тем же вопросам также есть в фонде.

[88] См. письмо В. А. Данилова в редакцию газеты «Звезда» от 13/26 января 1911 г. В редакционном примечании к письму говорится: «Во всяком случае его выстраданные всей жизнью взгляды, о которых он не только говорит, но которые и выполняет на деле, заслуживают внимания не меньше, чем взгляды гг. Философовых, Мережковских Гиппиус и иже с ними».

Но самый широкий круг писем в этом разделе связан с лицами, близкими к Толстому и толстовцам. Их характеристику следует начать с писем самого Толстого (писем Толстого к Бонч-Бруевичу в архиве нет; случайно сохранились лишь три письма его к Н. Т. Изюмченко) [89].

Имеются только копии переписки Бонч-Бруевича и В. М. Величкиной с ним [90], копии писем Толстого к разным лицам, главным образом, толстовцам и сектантам, собранные Бонч-Бруевичем материалы Толстого и о Толстом: нелегальное издание воззвания Толстого против преследования духоборов, выпущенное на мимеографе в 1896 г. Чертковым, Бирюковым и Трегубовым, стихи, статьи и воспоминания разных лиц о Толстом (351.19—54; 408.17—38).

Довольно много и писем от членов семьи Толстого. Письма С. Л. Толстого охватывают 1901—1947 гг.; ранние письма связаны с рядом толстовских изданий — сборником «Эмиграция духоборов», «Ежегодником Толстовского общества» и др., более поздние посвящены собиранию материалов Л. Н. Толстого, писанию воспоминаний о нем и др. Сохранился в архиве также сборник юмористических рассказов С. Л. Толстого «Из дореволюционного быта» (не опубликован). Письма М. Л. Толстой (Оболенской) адресованы В. М. Величкиной [91] и Н. Т. Изюмченко — последнее написано по поручению отца [92]. Ему же адресовано и одно из писем Т. Л. Толстой (Сухотиной). Письма ее к Бонч-Бруевичу по содержанию мало значительны. Собиранию материалов Толстого и о Толстом посвящены письма С. А. Толстой-Есениной и А. И. Толстой-Поповой.

Среди толстовцев наиболее тесно были связаны с Бонч-Бруевичем В. Г. и А. К. Чертковы; сохранившаяся переписка с ними очень содержательна. Письма В. Г. Черткова 1896—1898 гг. уже свидетельствуют о разногласиях между корреспондентами, особенно характерны в этом отношении письма к В. М. Величкиной, которую Чертков уговаривает бросить «трескучую революционную агитацию», столь несовместимую, по его мнению, с ее внутренним миром. Переписка с Чертковым, связанная с поездкой В. Д. и В. М. Бонч-Бруевичей в Канаду, касается того разочарования в духоборах, которое они испытали, живя там. Письма 1901—1902 гг. рассказывают всю историю разрыва Бонч-Бруевича с Чертковыми и освещают принципиальную сторону дела. Так, в письмах от 2 и 17 мая 1902 г. Чертков решительно протестует против написанного Бонч-Бруевичем вступления к шестому выпуску «Материалов к истории и изучению русского сектантства» [93]. Он пишет: «...предполагалось, что редактировать ты будешь «Материалы к ист. и из. р. сектантства», а не пользоваться этими изданиями для того, чтобы выражать свои политические убеждения и чаяния относительно предполагаемого в будущем хода общественных событий

[89] Опубликованы Л. В. Гапочко в «Записках отдела рукописей», вып. 23. М., 1960, стр. 265—269.

[90] Подлинники — в Толстовском музее.

[91] Летописи Гос. Литературного музея. Кн. 12. Л. Н. Толстой. Т. II. М., 1948, стр. 114—115.

[92] «Записки отдела рукописей», вып. 23. М., 1960, стр. 265.

[93] Преследование баптистов евангелической секты. Кристчерч, «Свободное слово», 1902.

в России...» Дальнейшие письма этих лет касаются уже урегулирования взаимных расчетов, вопроса о судьбе архива «Свободного слова» и пр. (363.16).

Эти же вопросы освещают, часто еще более подробно, письма А. К. Чертковой. Оправдывая помещение редакционной заметки, подчеркивающей разногласия Чертковых с Бонч-Бруевичем, она пишет 16 мая 1902 г.: «Мы сочли нужным сделать оговорку только из деликатности к Вам, т. к. знаем, что Вы не разделяете наших религиозно-политических взглядов на сектантское движение» (364.7—12). Сохранившиеся отпуски писем В. Д. Бонч-Бруевича к Черткову за 1897—1910 гг. дают отчетливое представление о их совместной деятельности, принципиальных расхождениях и разрыве. Особенно важны для уяснения этих фактов письма 1902 г., после опубликования Бонч-Бруевичем статьи «Значение сектантства для современной России», в которой он решительно разошелся с чертковской оценкой сектантства [94].

Письма 1918—1920 гг. связаны с подготовкой декрета об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям и с проведением этого декрета в жизнь. Чертков многократно обращался к Бонч-Бруевичу с просьбой о помощи разным лицам, а Бонч-Бруевич часто отзывался на эти просьбы, спасая людей от необоснованных репрессий, всегда возможных в условиях гражданской войны и суровой классовой борьбы.

Письма Черткова 1920-х—1930-х гг. почти целиком посвящены изучению и изданию сочинений Толстого. В архиве собраны, кроме того, самые разнообразные материалы Черткова — письма его к разным лицам, обращения в официальные учреждения, статьи, доклады о Толстом, некролог П. И. Бирюкова и пр.

В фонде имеется переписка Бонч-Бруевича с П. И. Бирюковым за 1893—1930 гг. (ранние письма касаются изданий Бонч-Бруевича для народа и публикаций сочинений Толстого, письма 1918—1920-х гг. связаны с возвращением Бирюкова в Россию и новым отъездом его за границу — сперва к духоборам, потом в Швейцарию) и довольно большое количество его статей и воспоминаний в машинописи («Мое первое знакомство с духоборцами», «Новая жизнь» — Записка о деятельности толстовцев», воспоминания о В. М. Величкиной, записки 1920-х гг., связанные с созданием сектантских сельскохозяйственных общин).

Надо указать и на сохранившийся черновик его письма к Бельямсону с подробными сведениями о духоборах, об их убеждениях, о правилах общежития, истории (1898 г.). Сохранилось письмо Бирюкова Луначарскому из Женевы (1918 г.) с просьбой помочь ему вернуться в Россию, чтобы участвовать «в деятельности обновления русской народной жизни». Есть также письма его жены и дочери — особенно содержательны письма последней, с воспоминаниями о Ленине и его работе над книгами в «Société de lecture» в Женеве, сведениями об архиве отца, об общественной жизни Италии после второй мировой войны (240.8—16; 377.14—21).

В архиве много материалов толстовца И. М. Трегубова: его письма к Бонч-Бруевичу (1902—1930 гг.) с подробным изложени-

[94] Бонч-Бруевич В. Д. Значение сектантства для современной России. — «Жизнь», 1902, № 1, стр. 293—334.

ем его взглядов, общих идей толстовства, с жаркой полемикой с Бонч-Бруевичем о путях революции; письма советского периода, важные для изучения позиции сектантства и толстовства по отношению к Советской власти в первые годы революции; письма к Ленину, Луначарскому и другим советским руководителям по вопросу о положении церкви и сектантства в Советской России; письма к сектантам, статьи и др. (352.23—35; 409.2—6).

Из других толстовцев отметим Х. Н. Абрикосова, секретаря Толстого в 1903—1905 гг. (о знакомстве с Толстым см. его письма 1911—1912 гг., более поздние связаны с его работой в качестве пчеловода в «Лесных полянах»; имеются также его рукописи — воспоминания «Семейная хроника», статьи по вопросам сельского хозяйства, переводы и рецензии), П. А. Буланже (его письма 1918—1920 гг. рассказывают о его работе в деревне; в одном из них он сообщал Бонч-Бруевичу о тяжелом положении в коннозаводстве, это вызвало запрос Бонч-Бруевича как управделами СНК Наркому земледелия С. П. Середе, ответ которого имеется в переписке; последующие письма целиком связаны с «Лесными полянами», где работал Буланже), А. С. Буткевича, М. В. Алехина, А. П. Назарова (письма 1929—1930 гг., касающиеся переписки автора с Н. А. Рубакиным), С. С. Нахимова, Д. П. Маковицкого. Особенно много материалов М. П. Новикова, крестьянина-толстовца, писавшего по этим вопросам, бывшего в переписке с Толстым и Горьким. В фонде имеются его многочисленные письма за 1908—1937 гг. с упоминанием о Толстом и о посещениях Ясной поляны, о сотрудничестве в «Материалах для истории и изучения русского сектантства», о работе над воспоминаниями о Толстом. Есть также рукописи воспоминаний М. П. Новикова «Старая вера», «Факты о моей жизни» и различных заметок и статей и, кроме того, письма членов его семьи. Несколько писем М. А. Сопоцько к Бонч-Бруевичу относятся к 1894—1895 гг., когда автор был еще толстовцем (впоследствии он стал ревностным церковником-мракобесом). В них идет речь об издании сборника о голоде, об аресте Сопоцько, его сочинениях и пребывании его в тюрьме. Сохранилось и рекомендательное письмо Сопоцько к Толстому, данное им Бонч-Бруевичу.

О взаимоотношениях с Чертковыми и организации Толстовского музея идет речь в переписке Бонч-Бруевича с А. М. Хирьяковым за 1902—1920 гг. и его женою Е. Д. Хирьяковой, письма которой доходят до 1937 г. и в последний период освещают жизнь и деятельность толстовцев-эмигрантов.

Из зарубежных деятелей, близких к толстовцам, назовем имена Эйлымера Моод, письма которого (1902—1908 гг.) содержат запросы по истории духоборов, о переводах и изданиях Толстого; Поля Буайе, который пишет Бонч-Бруевичу в 1901 г. об отношении к иностранцам в России, Шарля Саломона, Альберта Шкарвана. Письмо последнего адресовано В. В. Черткову и излагает историю толстовской колонии в Аскопе (на берегу Лаго-Маджиоре).

В этом разделе эпистолярии имеется переписка и небольшая часть архивного фонда Д. А. Хилкова, толстовца, затем социал-демократа и, наконец, эсера, ставшего впоследствии на позиции православия и убитого во время первой мировой войны. Письма Д. А. Хилкова к Бонч-Бруевичу 1901—1913 гг. замечательны сво-

ей критикой толстовства, вскрывающей его классовую сущность. Так, в письме от 14 марта 1901 г., рассказывая о своей переписке с Толстым и о своем отрицательном отношении к его учению, он удивляется недальновидности царского правительства, преследующего толстовцев, вместо того, чтобы использовать их как «клапан спасительный»; в письме от 26 октября того же года он пишет: «Все путешествие их в народ имело подкладкой желание уверить себя, что положение плененного так хорошо, что и изменять его не нужно. Они выпускали в идеале цепь раба из своих собственных рук, но передавали эту цепь в руки таких же господ — и не вручали ее самим рабам. И в принципе доказывали, что не важно, чтобы была физическая свобода, а важна свобода та, которая возможна и при цепях». В письме 1904 г. он не советует Бонч-Бруевичу издавать журнал для сектантов — не нужный, по его мнению, ни им, ни чуждой сектантству интеллигенции (358.55—56; 359.1—6).

Письмо Хилкова к Алехину от 19 июля 1895 г. описывает историю сожжения оружия духоборами в Ахалкалакском уезде. В архиве есть также материалы семьи Хилкова.

Сравнительно небольшой круг документов связан с положением церкви в первые годы Советской власти. Отметим из них лишь письма М. Галкина — священника, предлагающего бороться с православной церковью, и несколько судебных документов об отказе от воинской повинности.

Отметим, наконец, переписку Бонч-Бруевича с разными лицами, связанными с ним общими научными и общественными интересами к истории религии и сектантства. Об издании сектантских материалов пишут ему А. С. Пругавин (1894—1910 гг.), С. П. Мельгунов (1909—1917 гг.), Н. И. Иорданский. К. М. Дробинин сообщает ему сведения о старообрядчестве в России, посылает библиографию вопроса. Толстовству и изданию произведений Толстого посвящены письма К. С. Шохор-Троцкого. В письмах А. Л. Теплова много сведений о православной церкви и сектантстве. Письма по этим вопросам доходят и до наших дней — так, С. Мстиславский в 1942 г. запрашивает Бонч-Бруевича о секте бегунов и процессе их в 1880-х годах.

В архиве имеются также и статьи разных лиц по вопросам религии и сектантства — в том числе статьи М. С. Ольминского «Сектанты в ссылке», «Из истории землевладения в Якутской области» и др.

Значительную часть переписки составляют **письма из издательств, редакций журналов и газет, из музеев, архивов и научных учреждений.** Тематика этих писем очень разнообразна.

Два картона занимает переписка Бонч-Бруевича с издательствами, о некоторых из них мы уже упоминали. Здесь представлен широкий круг дореволюционных издательств, среди них — «Посредник», «Знание», «Наука», «Прометей» и др., товарищества и кооперативные издательства 1920-х—1930-х гг., много центральных и местных советских государственных издательств. Среди переписки с Госиздатом, относящейся в основном к Полному собранию сочинений Толстого, надо отметить материалы комиссии по изданию первого Собрания сочинений Ленина, и в том числе про-

токол первого заседания редколлегии ГИЗ по этому вопросу от 4 сентября 1919 г.

Переписка более чем с 70 журналами и 170 газетами с 1900 по 1955 гг. вызвана публицистической деятельностью Бонч-Бруевича, изданием его исследовательских и мемуарных работ, различными общественно-политическими событиями.

Так, переписка его с журналом «Вестник Европы» в 1900 г. связана с опубликованным в майском номере журнала письмом П. А. Тверского о судьбе духоборов в Канаде. Письмо содержало критический отзыв об «их интеллигентных вожаках». Бонч-Бруевич желал поместить опровержение на это письмо, но оно было отклонено журналом. В переписке с журналом «Запросы жизни» отразился конфликт с ним Бонч-Бруевича, сотрудничавшего там прежде, в связи с помещением на его страницах в 1912 г. статей, направленных против марксизма.

Переписка с «Современником» касается статей Бонч-Бруевича о деле Бейлиса; письмо журнала «Новая жизнь» с просьбой к Бонч-Бруевичу об участии в нем содержит декларацию о направлении нового тогда еще журнала, о его стремлении печатать марксистские работы.

Газета «Русские ведомости» отказывается напечатать статью Бонч-Бруевича о Распутине, опубликованную затем в «Современнике» [95]. Газета «Речь» в своем письме касается отразившегося на ее страницах конфликта между членами редакции журнала «Современный мир» — М. К. и Н. И. Иорданскими с одной стороны и В. Л. Львовым-Рогачевским и В. М. Шахом — с другой (Бонч-Бруевич был членом третейского суда, разбиравшего этот конфликт) [96]. Редактор журнала «La Foi et la vie» обращается к Бонч-Бруевичу с просьбой написать статью «о душевном состоянии России».

В этой группе материалов есть и письма читателей, часто без подписи или с подписью «Читатель». Один из них объясняет Бонч-Бруевичу, что его книга и статьи о деле Бейлиса написаны языком, не понятным простому народу, и поэтому мало помогают обезвредить влияние реакционной прессы.

Вообще надо сказать, что переписка с дореволюционными журналами и газетами дает многое для изучения истории русской журналистики.

Обширная переписка с советскими газетами и журналами в подавляющей своей массе связана со статьями Бонч-Бруевича, которых особенно много печаталось в конце 1920-х — 1930-х гг., когда он систематически помещал отрывки из своих воспоминаний и популярные статьи, часто повторяющиеся в огромном количестве периодических изданий, вплоть до районных газет. Многие журналы и газеты обращались к нему также для проверки тех или иных исторических фактов, за рецензией на публикуемые в них материалы и пр.

Останавливают на себе внимание отдельные письма из редакций. Так, переписка с журналом «Октябрь» содержит сведения о

---

[95] Бонч-Бруевич В. Д. Како веруеши? По поводу толков о сектантстве Г. Е. Распутина-Нового. — «Современник», 1912, № 3, стр. 356—357.

[96] См.: «Речь» от 11, 12 и 15 апреля 1914 г.

начале его издания в 1924 г., в переписке с журналом «Пролетарская революция» есть материалы о состоявшемся в редакции 7 февраля 1920 г. заседании участников Октябрьского переворота. Коротенькое письмецо из журнала «Красноармеец» (15 октября 1920 г.) свидетельствует о том, что Ленин и Бонч-Бруевич намеревались написать для этого журнала статьи [97]. Иногда редакции пересылают Бонч-Бруевичу отклики на его публикации — в журнале «Огонек», например, в 1926 г. был напечатан его очерк «Владимир Ильич в Москве в 1894 г.»[98], на который откликнулся старый член РСДРП И. А. Давыдов, с просьбой опубликовать его письмо, исправляющее некоторые неточности очерка; это письмо журнал переслал Бонч-Бруевичу.

Имеются также письма из зарубежных периодических изданий — американских, канадских, французской эмигрантской газеты «Notre Union» и др.

Большая часть писем из музеев, архивов, научных учреждений посвящена исследовательской и собирательской работе Бонч-Бруевича или содержит запросы исторического характера. Таковы письма Русского музея, Музея революции, Киевского, Пензенского, Львовского и других местных музеев. Академия наук УССР запрашивает Бонч-Бруевича о связях большевиков с Ив. Франко [99]; Эстонская Академия наук переписывается с ним по поводу публикации письма Ломоносова к Эйлеру; с большим количеством вопросов обращается к Бонч-Бруевичу Истпарт (например, с просьбой расшифровать партийные клички, встречающиеся в переписке В. И. Ленина и Н. К. Крупской с русскими организациями в 1905 г., и сообщить, какими кличками пользовался сам Бонч-Бруевич); Институт Маркса—Энгельса—Ленина (об авторе воззвания «Социалистическое отечество в опасности» и т. п.) и другие учреждения. Социалистическая Академия общественных наук сообщает Бонч-Бруевичу в 1918 г. об избрании его своим членом и направляет ему Положение об академии — документ, очень характерный для той эпохи в истории советской науки.

В архиве имеется также переписка с различными учеными обществами и общественными организациями — Русским географическим обществом (отделение этнографии), где Бонч-Бруевич в 1908—1916 гг. выступал с сообщениями о сектантстве и старообрядчестве; обществом Толстовского музея и т. п. Большая переписка со Всесоюзным обществом старых большевиков за 1924—1934 гг. содержит интересные материалы для изучения деятельности этого общества.

Очень многочисленны в переписке Бонч-Бруевича письма лиц, обращавшихся к нему за помощью и поддержкой, как мы уже упоминали. Здесь мы встречаем и хлопоты о пенсии потомкам деятелей русской культуры (внучке Баратынского, потомкам Нахимова, правнучке Тютчева, дочерям Глеба Успенского и др.), и помощь в получении персональной пенсии людям, некогда помогавшим партии (О. М. Мухиной, С. Д. Коншиной и др.). Однако пре-

[97] В ноябрьском (юбилейном) номере журнала этих статей нет.

[98] «Огонек», 1926, № 36.

[99] Результатом этой переписки явилась статья Бонч-Бруевича «Мое листування з Іваном Франком». — В кн.: Єднання братніх літератур. Київ, АН УССР, 1954, стр. 37—58.

обладающая часть подобных писем связана с активной и неутомимой деятельностью Бонч-Бруевича в годы культа личности по защите широкого круга людей, подвергшихся необоснованным репрессиям в 1930-х — 1940-х гг. В фонде сохранилась большая переписка по этим вопросам не только с самими репрессированными и их родственниками, но и с советскими учреждениями, занимавшимися этими делами. Круг этих писем настолько велик, что превращает их в существенный источник для изучения тяжелых последствий нарушений ленинских принципов советской законности в этот ушедший в прошлое период.

Последняя группа писем в архиве — **семейная переписка.** Это письма к Бонч-Бруевичу его отца и матери, Дмитрия Афанасьевича и Марии Сергеевны, племянника — А. М. Бонч-Бруевича, топографа, участвовавшего, между прочим, в экспедиции на Ямал в 1922 г., от брата Михаила Дмитриевича (за 1889—1955 гг. — об учебе в Академии Генерального штаба, с фронтов первой мировой войны, о службе в ставке главнокомандующего в Могилеве в 1917 г., об участии в заключении Брестского мира и пр.) и других родственников. В письмах А. А. Бонч-Бруевич довольно много сведений о ее муже — М. А. Бонч-Бруевиче, ученом-радиотехнике.

Много писем и от членов семьи Величкиных — сестер и братьев В. М. Бонч-Бруевич. Из них следует отметить письма Н. М. Величкина, с которым она была особенно близка (1895—1936 гг., ранние письма связаны с издательством Прянишникова, студенческим движением, ссылкой автора, поздние — личные) и сестры ее К. М. Величкиной (личного и семейного характера). Письма другого брата — А. М. Величкина — относятся к 1918—1920 гг., в них встречаются суждения о причинах гибели царской империи, об обнищании и отсталости страны, разоренной династией Романовых, об участии в войне 1914—1918 гг.

Наибольший интерес представляют, конечно, письма самой В. М. Величкиной к мужу за 1896—1916 гг. (200 пп.). Несмотря на их личный характер, письма эти важны не только в биографическом плане, хотя это повесть жизни одной из замечательных деятельниц русского революционного движения. В письмах много фактических сведений о борьбе с голодом, в которой не раз участвовала В. М. Величкина, и об отдельных событиях истории партии, истории издательского дела, первой мировой войны, когда она была врачом на санитарном поезде. Но, может быть, еще бо́льший интерес эти письма представляют для писателей, которым так важно понять душевную жизнь этого поколения. В письмах В. М. Величкиной многочисленны упоминания о В. И. Ленине, В. В. Воровском, М. С. Ольминском, о Горьком и М. Ф. Андреевой, об Иорданских, Ладыжникове и многих других (242.41—51).

Следует упомянуть письма (в подлинниках и копиях) В. М. Бонч-Бруевич к разным лицам, в том числе к Чертковым (1902—1904 и 1912 гг.), к А. А. Шахматову (в связи с арестом Бонч-Бруевича в 1911 г.) и др.

* * *

Известно, что в течение всей своей жизни В. Д. Бонч-Бруевич собирал в рукописях произведения, автобиографии и документы. О части их мы уже говорили выше.

Назовем мемуарные и автобиографические рукописи участников революционного движения, такие, как биография Л. И. Ананьиной-Бороздич (написанная в 1949 г.), автобиография С. А. Викторовой-Вальтер — народницы, впоследствии участвовавшей в декабрьском восстании 1905 г., члена РСДРП с 1906 г. и др. Интересны воспоминания С. Н. Мотовиловой, в 1900 г. примыкавшей к анархистам: «Мои встречи с Толстым», «О Бурцеве», «О Черткове». Отдельная статья посвящена встречам автора с Н. К. Крупской в 1902 г. и в советское время. Заслуживает внимания рукопись А. М. Калмыковой «Из воспоминаний о конце 80-х и о 90-х гг.». В ней рассказано о работе автора вместе с Н. К. Крупской в Воскресной вечерней школе для рабочих (так наз. Варгунинской), о знакомстве с Лениным, о вечерах в ее доме, где он встречался с легальными марксистами, о помощи, оказанной ею Ленину и другим социал-демократам. Подробно изложена история книжного склада, принадлежавшего автору, его ликвидации и высылки самой Калмыковой за границу. Встречи с Лениным в эмиграции и взаимоотношения Калмыковой с ним после 1917 г. освещены лишь самым беглым образом.

Есть в фонде также автобиографии участников Октябрьской революции, например, А. А. Александрова — комиссара 75-й комнаты Смольного, где помещался Комитет по борьбе с погромами, М. П. Ефремова, рабочего-коммуниста, члена Петроградского исполкома; А. П. Медведева, участника революции и гражданской войны и др.

Своеобразны воспоминания А. Я. Монисова. Юрист по образованию, крупный капиталист и домовладелец в Петербурге, впрочем, настроенный весьма прогрессивно [100], в первые годы Советской власти он становится чрезвычайным ревизором Госконтроля по борьбе с экономическими злоупотреблениями, спекуляцией, хищениями и т. п. Воспоминания его охватывают события от февраля 1917 г. до середины 1920-х гг., особенную ценность представляют они для истории советского общества и экономики в 1917 — 1921 гг., в них неоднократно упоминается о встречах с Лениным, Дзержинским, Свердловым, Красиным и др. В архиве есть, кроме того, ряд статей и очерков Монисова (397.10—19).

Многие собранные в архиве мемуарные рукописи освещают студенческую жизнь и студенческое движение в конце XIX — начале XX вв. Таковы, например, «Из далеких воспоминаний» М. А. Милюковой (Бестужевские курсы, нелегальные кружки, знакомство с В. М. Величкиной, участие в нелегальной студенческой организации Красного Креста), воспоминания В. М. Пусторской, бывшей слушательницы московских Высших женских курсов, жены старого социал-демократа, сотрудника издательства «Вперед» А. П. Пусторского, «Из воспоминаний» С. Н. Сыромятникова — о студенческом движении в Петербургском университете, о деле А. И. Ульянова, о Научно-литературном обществе и т. п. Следует отметить также воспоминания Е. М. Величкиной «По дороге к университету (Из прошлого Высших женских Лубянских курсов)»,

[100] Монисов был одним из тех, кто летом 1917 г. предупредил Бонч-Бруевича о готовящемся аресте Ленина, жившего на даче Бонч-Бруевича в Финляндии.

подробно рассказывающие об истории этих курсов и деятельности слушательниц.

В фонде много автобиографий и мемуаров литераторов (например, крестьянского поэта-самоучки С. Ф. Аникanова, поэта С. Тихого и др.), ученых (библиографа Н. В. Здобнова, историка М. М. Клевенского, литературоведов Е. П. Летковой-Султановой, Н. А. Макшеевой, Н. Е. Фельтен и др.).

Есть и мемуары совсем иного рода. Это, например, воспоминания бывшего монастырского послушника Киево-Печерской лавры, присланные Бонч-Бруевичу Н. А. Рубакиным — содержательный рассказ о жизни монастыря в начале XX в., о проникновении в его стены отзвуков общественного движения, о чтении молодежью, работавшей в живописной мастерской Лавры, газет и журналов, о создании кружка, изучавшего идеи социализма.

По окончании Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Бонч-Бруевич начал собирать и разные материалы этого времени, в том числе дневники и воспоминания. Таких материалов собралось у него немного, но есть среди них воспоминания о блокаде Ленинграда, о немецкой оккупации некоторых городов.

В. Д. Бонч-Бруевич собирал не только отдельные рукописи, но и целые архивы. Так, имеется, например, небольшой комплекс из архива партийного деятеля А. Н. Винокурова: тюремная записная тетрадь, рукописи научных и популярных работ по политэкономии и истории партии и — наиболее интересные по содержанию — материалы Центральной комиссии ВЦИК по борьбе с последствиями голода, председателем которой был Винокуров. Есть также небольшой архив адвоката А. А. Леонтьева, содержащий, кроме его рукописей и писем, материалы по участию его в различных судебных процессах, главным образом против социал-демократов в 1907—1908 гг. и др. (394.1—6).

Коллекционные материалы в фонде Бонч-Бруевича делятся на несколько групп.

Группа материалов связана с жизнью и смертью В. И. Ленина — это копии документов Симбирской гимназии и Казанского университета [101], статьи, речи, бюллетени и брошюры, изданные в связи с кончиной В. И. Ленина.

Листовки, плакаты, воззвания, прокламации, тексты декретов и проч., относящиеся к истории трех революций и первым годам Советской власти, составляют бо́льшую часть коллекции.

Некоторые более ранние документы остались, по-видимому, в архиве Бонч-Бруевича от материалов, собиравшихся им для Литературного музея. Среди них — писарской список рассказа декабриста Н. В. Басаргина «Марья» с пометами Е. Е. Якушкина [102], письма П. В. и Н. Долгоруковых к Д. И. Долгорукову (1841—1856 гг., письма первого связаны с его генеалогическими работами), письмо А. Ф. Закревской к В. П. Орлову-Давыдову (19 января 1865 г.) и др. Несомненный интерес представляет черновик докладной записки самарского губернатора Н. П. Мансурова ми-

[101] Все это опубликовано Бонч-Бруевичем: Документы о юношеских годах В. И. Ульянова (Ленина). — «Молодая гвардия», 1924, № 1, стр. 78—89.

[102] См. о нем: «Каторга и ссылка», 1925, № 5(18), стр. 161.

нистру внутренних дел о доносе на помещика Шелашникова, якобы причастного к покушению Д. В. Каракозова. Имеется печатная записка из дела по рапорту министра внутренних дел о прекращении издания газеты «Москва». На этом экземпляре, по-видимому, принадлежавшем самому редактору газеты И. С. Аксакову, имеются его пометы.

К этой же части коллекции можно отнести печатные указы Николая I, имущественные материалы разных лиц, альбом стихотворений (1858—1860 гг.) разных поэтов, печатные оттиски и списки разных стихотворений.

Переходя к основной части коллекции, остановимся прежде всего на материалах, очевидно, некогда хранившихся в фондах жандармских управлений в качестве вещественных доказательств, о чем свидетельствуют надписи и печати на них — это записная тетрадь Надежды Желваковой и брошюры, отобранные при обыске у Бориса и Виктора Подвицких (1902 г.).

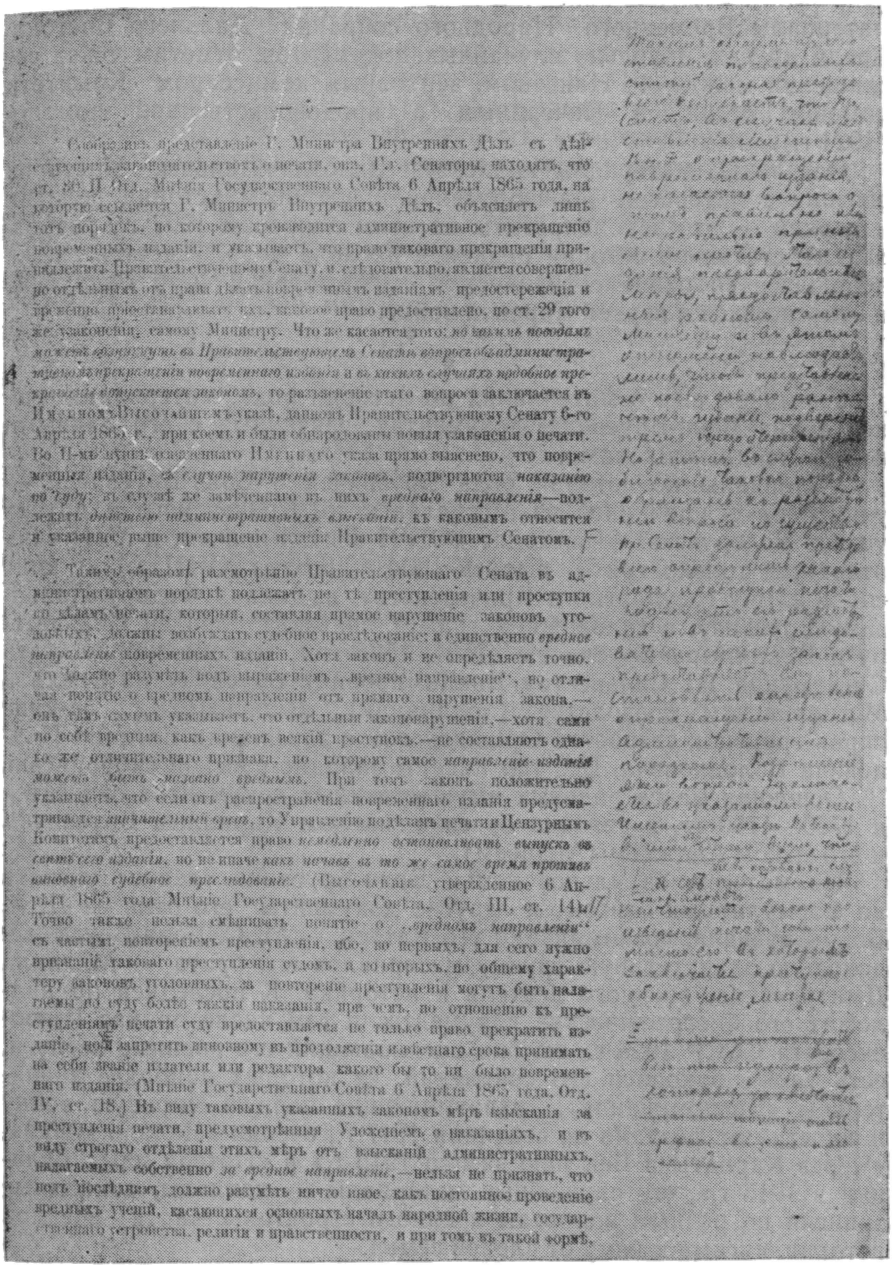
Из материалов 1905—1907 гг. сохранилось воззвание редакции «Искры» «Ко всему рабочему народу!» в связи с русско-японской войной, изданное Нижегородским комитетом РСДРП (9 мая 1904 г.), прокламация Московского окружного комитета РСДРП «О земле» (1907 г.), воззвания различных партий в связи с выборами во 2-ю и 3-ю Государственную думу.

Ряд документов относится к Февральской революции 1917 г. — воззвания Временного комитета Государственной думы 27—28 февраля 1917 г. и распоряжение Керенского об их печатании (автограф), постановление Временного правительства об аресте Николая II, Манифест РСДРП от 3 марта 1917 г.[103], различные обращения и воззвания Временного правительства и Советов рабочих и солдатских депутатов, листовки разных партий и объединений за май — август 1917 г. Эти документы собрались у Бонч-Бруевича, вероятно, в результате его работы в «Известиях Совета рабочих и солдатских депутатов».

Сохранился Закон о земле, изданный съездом Советов 26 октября 1917 г., два документа, связанные с Октябрьскими днями — письмо комиссару Петропавловской крепости в связи с арестом вел. кн. Павла Александровича и расписка коменданта крепости в приеме арестованного Петрова. Имеются воззвания и списки кандидатов по выборам в Учредительное собрание. Здесь же имеется справка о группе участников Октябрьской революции в Петрограде.

Большая группа материалов освещает борьбу против Советской власти в 1917—1919 гг. ряда контрреволюционных организаций («Комитет спасения родины и революции» и пр.). Разрозненные материалы коллекции касаются отдельных эпизодов гражданской войны и советского строительства в 1917—1921 гг. Так, например, есть экстренный бюллетень «Известий Военно-революционного комитета» Ярославской губ. от 21 июля 1918 г. — последнего дня эсеровского мятежа в Ярославле. Сохранились воззвания ВЦИК и СНК «Ко всем рабочим, крестьянам и честным гражда-

[103] Текст его см.: Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин в России после Февральской революции до третьеиюньского вооруженного выступления пролетариата и солдат в гор. Петрограде. М., 1925, стр. 129—131.

Записка из дела о прекращении газеты «Москва» с пометами И. С. Аксакова. Ф. 369, № 415.19, л. 27.

нам России» с призывом дать отпор войскам панской Польши (апрель 1920 г.), плакат, призывающий на борьбу с Врангелем, материалы Временного Народного собрания Дальнего Востока. Среди других, довольно случайных документов, отметим текст соглашения между Ф. Нансеном, верховным комиссаром Комитета помощи России, и Чичериным о продовольственной помощи (1921 г.).

Остальные материалы коллекции малозначительны. Часть их связана с интересом Бонч-Бруевича к вопросам истории религии и церкви — это законопроекты по этим вопросам 1907 г., разрозненные статьи по истории церкви и раскола и др. Имеется также небольшое собрание сатирических стихотворений — о Распутине и относящихся к первой мировой войне.

* *
*

Упомянем еще о материалах по истории рода, материалах членов семьи Бонч-Бруевича, документах, связанных с его личными имущественными делами.

Материалы по истории рода Бруевичей и Бонч-Бруевичей — униатских священников из Мстиславского, Кричевского и других уездов Белоруссии — восходят к XVII веку. Впрочем, к XVII веку относятся только три — выпись 1604 г. (копия XVIII в.) «с книг справ замку государского Кричевского», выданная Федору Ивановичу Бруевичу, с изложением грамот польских королей Сильвестру и Владимиру Бруевичам (1561, 1595 гг.), жалованная грамота Сигизмунда III Сильвестру Владимировичу Бруевичу на земли в Мстиславском воеводстве (подлинник), выпись 1628 г. «с книг справ гродских старостваОршанского» о завещании Богдана Ивановича Володковича. Все три писаны западно-русской скорописью.

Основная масса родовых имущественных документов относится к 1760—1790 гг. и связана со священником Кириллом Бруевичем и его сыном Анджеем (Андреем).

Из материалов членов семьи Бонч-Бруевича следует указать на формулярный список и другие документы его отца — Д. А. Бонч-Бруевича, воспоминания его матери — М. С. Бонч-Бруевич и довольно значительную группу материалов его брата — Михаила Дмитриевича, военного деятеля и историка. К последней принадлежат его биографические документы, в том числе приказ Реввоенсовета СССР 1926 г., высоко оценивающий его военные заслуги, есть также рукописи его сочинений, из которых наиболее значительны «Воспоминания», охватывающие первую мировую войну и события от февраля до сентября 1917 г., очерки «Начало конца», «Через Карпаты в Венгрию зимою 1915 г.» и «Потеря нами Галиции в 1915 г.», его служебные материалы — доклады, докладные записки по разным вопросам военного строительства и военной истории, письма к нему от членов семьи.

Из других материалов членов семьи, отложившихся в фонде, надо отметить книгу посетителей Нижегородской радиолаборатории, руководимой проф. М. А. Бонч-Бруевичем. Работе этой лаборатории уделял большое внимание Ленин.

В книге есть записи — Горького (7 августа 1928 г.), Анри Барбюса (16 августа 1928 г.), Луначарского (23 сентября 1928 г.) и других, в том числе групп иностранных специалистов.

В заключение следует сказать о большом собрании изобразительных материалов. Среди них имеется более 70 подлинных фотографий родных Бонч-Бруевича, его знакомых, в том числе — Чертковых, Бирюкова (среди канадских духоборов), группы политических ссыльных, П. Н. Лепешинского, К. П. Злинченко, врача Г. А. Захарьина и многих других; фотоснимки писателей, революционных демократов, деятелей русского и международного революционного движения, рисунки-иллюстрации к литературным произведениям (часть из них — очевидно, из портфелей руководимых Бонч-Бруевичем издательств); коллекция почтовых и художественных открыток с репродукциями картин, снимками скульптур, политическими карикатурами, открыток, относящихся к революции 1905—1907 гг., первой мировой войне, Февральской революции и др.

Огромный и необыкновенно разнообразный по характеру и содержанию документов архив В. Д. Бонч-Бруевича вряд ли может быть достаточно точно и исчерпывающе охарактеризован в рамках одной статьи. Мы бы сочли свою задачу выполненной, если бы нам удалось указать ученым на основные направления, в которых следует искать и использовать материалы этого фонда для новых исследований.

Авторы приносят искреннюю благодарность Л. К. Виноградову, А. И. Клибанову и В. Г. Зиминой, оказавшим им большую помощь своими ценными замечаниями.

Е. Н. Коншина

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В. Я. БРЮСОВА В ЕГО АРХИВЕ

Архив В. Я. Брюсова поступил в отдел рукописей в 1959 году от вдовы писателя И. М. Брюсовой. К сожалению, некоторые части этого архива были уже переданы ею ранее в другие архивохранилища: в Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, в Центральный государственный архив литературы и искусства и в Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) [1]. Все же основная часть фонда сосредоточена в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

Общий объем фонда — 128 картонов. Половину их — 64 картона — составляют творческие материалы. Переписка занимает 45 картонов; биографические, служебные и материалы общественной деятельности — 9 картонов. В остальных 10 размещены разрозненные части когда-то большой коллекции рукописных и печатных материалов, собранной писателем, материалы его родственников, изобразительные материалы, фотопортреты, а также иллюстрации, связанные с творчеством Брюсова (вырезки из газет, журналов и книг), ноты на слова Брюсова и пр.

Даже это краткое перечисление состава фонда раскрывает и его количественное богатство, и его качественное разнообразие, отражающие широту интересов писателя и общественного деятеля, полувековая жизнь которого охватила последнюю четверть XIX и первую четверть XX века.

Юность Брюсова, совпавшая с началом 1890-х годов, определилась крайним индивидуализмом и преклонением перед декадентством. Он был одним из создателей русского символизма и

---

[1] I. Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

1. Стихотворения оригинальные: «Бред ночных путей»; «В смерть»; «Волшебное зеркало»; «Нам кричат, нам грозят товарищи»; «Демон самоубийства»; «Женщина на перекрестке»; «Из Горация»(?); «Как дни...»; «Лишь миги»; «Мысленно, да!»; «Париж»; «Подземное жилище»; «Распятие»; «Списки книг»; «Стансы»; «С Ганга, с Гоанго...»; «Ты со мной сораспятый...». 2. Переводы: стихотворение Эмиля Верхарна «Кузнец» и стихотворения Виктора Гюго. 3. Глава романа «Яфетиды» (Роман-утопия из современной жизни); «К Мистерии». 4. Автобиография. 5. Статьи: «Обзор жизни Пушкина по периодам», «Почему должно изучать Пушкина», «Поэзия Н. Минского», «Г. Г. Бахман», «О Джозуэ Кардуччи», «M scellanea (статьи, замечания, мысли об искусстве и др.)». 6. Предисловие к сборнику «Русская народная песня и А С. Пушкин». Предисловие издательства «Скорпион». Предисловие к сборнику «Песни поэтов пушкинского времени». Послесловие к книге З. Н. Гиппиус «Братская могила»; Отрывок статьи «Вехи» — VI. Критика». 7. Заметки о писателях: заметка об Аблесимове А. О. Заметка для биографии Бакулина А. Я. Заметка о Жюле Буа. Хроника «В журналах и газетах». Генеалогическая справка о Надежде Осиповне Ганнибал. 8. Рецензия на книгу С. А. Вен-

позднее, на грани двух веков, тем мастером русской поэзии, с мнением которого считались все его литературные современники, — друзья и враги. В начале 1910-х годов он работал недолгое время литературным редактором в «Русской мысли», в то время журнале правого крыла буржуазии, возглавлявшемся Петром Струве. В 1915 году Брюсов — военный корреспондент «Русских ведомостей», а с первых же месяцев Великой Октябрьской социалистической революции — он в рядах интеллигенции, принявшей революцию и понявшей значение величайшего социального переворота. С 1919 г. он — член Коммунистической партии, неустанный работник молодой республики на любом ему порученном месте — от Наркомпроса, где он был членом многих отделов (ЛИТО, ТЕО, Библиотечного), до ГУКОНа (Главного управления коневодства) при Наркомземе; организатор Отдела художественного образования (ОХОБР), создатель Высшего литературно-художественного института. Брюсов умер 9 октября 1924 года.

Судьба архива Брюсова со времени смерти писателя до перехода в государственное архивохранилище счастливее участи большинства архивов других писателей прежних лет. Архив хранился в квартире писателя 35 лет, но не лежал мертвым капиталом, а все время *жил*. Над ним работали исследователи, которым И. М. Брюсова предоставляла возможность знакомиться с рукописями. За эти годы было опубликовано много ранее неизданных материалов — дневники, воспоминания, сборники не изданных самим Брюсовым стихотворений и прозы, выпуски избранных сочинений. В этих условиях архив не мог оставаться грудой неразобранных материалов, и он не был таким. Архив поступил в отдел систематизированным по указанным выше основным разделам.

герова «Очерки по истории русской литературы»; Отрывок из рецензии на книгу Мережковской (Гиппиус) З. Н. Отзыв о книге Сережникова В. К. 9. Стенограмма выступления на вечере, посвященном В. И. Ленину. 10. Материалы к изданию А. С. Пушкина. Материалы к собранию и изданию автографов и рукописей.

II. Центральный государственный архив литературы и искусства.

1. «Левизна Пушкина в рифмах» — оттиск из журн. «Печать и революция». 2. «Пушкин в Крыму» — автограф, 13 лл. 3. «Стихотворная техника Пушкина» — автограф, 5 стр., исправленный оттиск и 34 стр. машинописи. 4. «Первая любовь Пушкина» — автограф, 5 лл. 5. «Египетские ночи» — машинопись с исправлениями автора, 10 лл. 6. «Пушкин перед судом ученого историка» — машинопись с исправлениями и добавлениями автора. 7. «Новооткрываемый Пушкин» — машинопись, 3 стр., одна с большими исправлениями автора. 8. «Пушкин и царизм» — машинопись, 2 стр. 9. Отчет о книге Щеголева — машинопись, 8 стр. и автограф — 2 стр. 10. «Пушкин — мастер» — рукопись, 2 стр. и оттиск в 8 лл.

III. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

1. «Переписка А. С. Пушкина с А. Х. Бенкендорфом». Статья, 15 лл. 2. «Рукописи Пушкина». Описание, 64 лл. 3. Материалы к изданию полного собрания сочинений Пушкина: 1) проспект издания — 2 лл.; 2) тексты произведений Пушкина — 31 лл. 4. Рецензия на изд. соч. А. С. Пушкина под ред. С. А. Венгерова. Начало черновой рукописи, 2 лл. 5. Тетрадь с переписанными В. Я. Брюсовым стихотворениями А. С. Пушкина (Из берлинского изд. 1861 г.), 44 лл. 6а. «Диктатор» — трагедия в 5 действиях и 7 сценах из будущих времен, 1921, 36 лл. 6б. «Диктатор» — трагедия в 5 действиях и 7 сценах из будущих времен, 32 лл. 6в. «Диктатор» — трагедия в 5 действиях и 7 сценах из будущих времен, 1921, 48 лл. 7. «Urbi et orbi», четвертая книга стихов, 1901—1903, изд. 3-е, 257 лл. 8а. «Девятая камена», книга стихотворений, 134 лл. 8б. «Девятая камена», книга стихотворений, 212 лл.

До приобретения этого архива в отделе рукописей хранилось уже немало автографов Брюсова, но не было его самостоятельного фонда потому, что эти автографы — большей частью его письма к разным лицам — находились в составе фондов этих лиц [2].

* * *

Как уже сказано, материалы творческой деятельности Брюсова составляют бо́льшую часть его архива и, разумеется, эта часть фонда Брюсова — основная не только по количественному преобладанию, но и по существу — наиболее полно раскрывает его личность и является одним из крупных вкладов в русскую литературу и науку.

Поэтому нам показалось целесообразным посвятить ее описанию специальную статью, предлагаемую вниманию читателей.

«Я с ранних лет, едва научившись писать, уже пробовал сочинять», — писал Брюсов в «Краткой записке о моей жизни» (ф. 386.1.1) [3]. С ранних лет проявилась и другая его особенность — стремление сохранять свои тетради, записные книжки, — словом, свою творческую продукцию. Поэтому в этой части архива можно увидеть его рукописи с детских лет до конца жизни, и о творческих материалах Брюсова справедливее говорить, что они не *«сохранившиеся»*, а *«сохраненные»*.

По содержанию творческие материалы Брюсова распадаются на четыре раздела. В первом собраны автобиографические и мемуарные произведения и материалы к ним; во втором — художественное творчество писателя: оригинальные и переводные лирические стихотворения и поэмы, драматические произведения и художественная проза; в третьем — его публицистические, критические, исследовательские и педагогические труды; в четвертом, последнем, — материалы редакционно-издательской деятельности Брюсова.

Все произведения представлены в архиве Брюсова большей частью в автографах — черновых и перебеленных. Многие сохранились в нескольких редакциях, свидетельствующих то о беспрерывной, длительной работе автора над своим замыслом, то о продолжительных перерывах и возвращениях к нему.

Кроме того, при черновых автографах нередки списки рукою И. М. Брюсовой. Их особенно много среди рукописей лирических стихотворений, которые поэт часто набрасывал на клочках бумаги, на конвертах полученных писем, на оборотах самих писем, среди других работ на оставшихся свободными местах страниц и т. п. Эти наброски бывают записаны недоконченными словами, иногда двумя-тремя первыми буквами, и списки И. М. Брюсовой являются их необходимой расшифровкой. В этих случаях они имеют обычно авторскую правку или его подпись. Много в архиве и машинописных копий, тоже авторизованных. При подготовке

---

[2] Таковы письма к А. А. Курсинскому (ф. 389), к С. А. Абрамову (ф. 1), к А Б. Дерману (ф. 356), к Шестеркиным (ф. 178. № 1088), в издательство «Мусагет» (ф. 190). В этом последнем фонде имеются и автографы произведений Брюсова, но они являются тоже неотъемлемой принадлежностью портфеля редакции «Мусагета».

[3] Номер фонда далее не указывается, первая цифра шифра — номер картона, вторая — номер единицы хранения в нем.

повторных изданий Брюсов нередко пользовался вырванными листами из своих книг, сборников или из газет, альманахов и журналов, в которых произведения публиковались впервые. Хранится много и корректурных листов. Рукописи крупных произведений, и художественных и исследовательских, редко сохранились полностью.

Вообще же творческий архив Брюсова своим богатством материалов представляет исключительно большие возможности для изучения творческого пути писателя и его творческой лаборатории.

В фонде представлены в большей или меньшей степени почти все крупные опубликованные сочинения писателя за исключением тех немногих, которые переданы в другие хранилища. Но, помимо законченных произведений, в архиве имеется очень большое количество отдельных начальных набросков, отрывков. Сохранились две обложки с примечательными надписями Брюсова: «Начала à faire» (доделать) и «In pace» ([покоиться] в мире). Встречается много планов и проспектов к задуманным, но неосуществленным работам самого разнообразного характера.

Для творчества Брюсова типична разработка заинтересовавших его вопросов и тем в различных литературных формах. Одной из них была тема преемственности мировой культуры. Писатель был увлечен этой темой с довольно раннего времени. Это — краткая запись, вроде проспекта, озаглавленная «фильмы веков» (35.47). Трудно сказать, какую форму должно было принять это произведение. В записи только перечисление тех исторических и легендарных государств, очерки о которых должны были войти в произведение как звенья одной цепи: «Атлантида». В Городе Вод. Предсказание о гибели[4] // Д[альний] Восток. Плавание. Изложение егип[етского] рассказа. // Египет. // Месопотамия. // Яфетидское царство (Урарту). // Финикия. // Евреи. // Падение Трои. // Эллада»; далее следует перечисление эпизодов истории античного мира, его падение, Средневековье, Возрождение, Реформация, новое время по всем странам мира, кончая: «Скандинавия. // Исландия. // Швейцария. // Новая Греция. // Сербия. // Россия. см. (отдельно) I—III» [так в оригинале. — *Е. К.*] 35.47).

Полный текст этой записи опубликован И. М. Брюсовой в ее вступительной статье к сборнику «Неизданная проза»[5]. Эта тема разрабатывалась затем в статьях по истории мировой культуры, названных сначала «Древнейшие культуры человечества», позднее переименованных в «Учители учителей» (т. е. предшественники «учителей» современной европейской культуры, Эллады и Рима). Еще позднее, опять только судя по почерку, явился план грандиозного произведения уже в виде шеститомного сборника стихотворений, названного «Сны человечества». Из этого замысла был осуществлен, но не совсем закончен, стихотворный цикл, в который вошло более 80 отдельных стихотворений. Он тоже был опубликован И. М. Брюсовой[6]. Сам же Брюсов довел до конца и напечатал на эту тему только «Венок сонетов», озаглавленный «Светочи

[4] // обозначает окончание строки в оригинале.

[5] Валерий Брюсов. Неизданная проза. Ред. И. М. Брюсовой. Статьи И. М. Брюсовой и Игоря Поступальского. 1934, стр. 4—5.

[6] В. Брюсов. Избр. соч. в 2-х т. М., 1955.

мира» и состоящий по канону из 15 сонетов: I. «Атлантида». II. «Халдея». III. «Египет». IV. «Эллада». V. «Эллинизм и Рим». VI. «Римская империя». VII. «Переселение народов». VIII. «Средние века». IX. «Возрождение». X. «Реформация». XI. «Революция». XII. «Наполеон». XIII. «XIX век». XIV. «Мировая война XX в.». XV. «Заключение» (13.9). Как эпизод из этого цикла разработан Брюсовым отдельно еще один сюжет в двух формах — в прозаическом незаконченном наброске с заглавием «Каннусинские беглецы» (34.5) и в стихотворении «Беглец» («Стон роковой прошел по Риму: «Канны!»...; 8.6—7).

Многочисленные редакции больших и мелких произведений, многообразие форм, в которые Брюсов пытается уложить свои мысли и чувства, делают творческую часть его архива чрезвычайно живой. Исследователь не может не чувствовать в ней огромный размах мысли, порою безудержный полет фантазии и как бы биение пульса его создателя.

Исчерпать в обзоре все многообразие творческих материалов Брюсова, сохранившихся в архиве, конечно, невозможно. Это — дело исследований, посвященных различным сторонам творчества Брюсова, которые должны возникнуть на основании изучения этих материалов. Обзор может ставить себе целью быть только путеводителем по лабиринту творческих богатств писателя.

* *
*

Знакомство с творческими работами Брюсова следует начинать с его автобиографических и мемуарных произведений, являющихся как бы введением в понимание его личности и творчества.

Собственно автобиографическая часть состоит из нескольких набросков биографической канвы жизни писателя, составленной им самим, нескольких кратких автобиографических очерков за первую половину жизни, из дневников, охватывающих в основном период с 1890 по 1902 год и беглых воспоминаний об отдельных лицах, событиях и путевых впечатлениях. Все перечисленные материалы сохранились в автографах (1.1—29; 2.1—5).

Эти записи сразу показывают, как эгоцентричен был Брюсов в детстве и юности. Его внимание было рано сосредоточено на своем внутреннем мире и на своей будущей судьбе, которая рисовалась ему хоть и в неясных очертаниях, но всегда где-то в первых рядах человечества. И поэтому уже в возрасте 16 лет он заносит на бумагу погодную запись событий своей личной жизни с года рождения (1873), кончая 1891 (1.3, добавление) и пишет автобиографический очерк (1.3). Крупных событий за это время не было, кроме поездки в Крым в 1877 году, из которой четырехлетний мальчик однако ничего не запомнил. Самым интересным сообщением этого автобиографического очерка является указание, что он научился читать в возрасте четырех лет.

В этом раннем произведении интересна еще внешняя литературная форма, которая сразу выдает молодого автора как человека, уже отравленного ядом литературщины. Очерк, написанный всего на 12 страницах, разделен на 4 главы, обозначенные римскими цифрами, из которых каждая разбита еще на мелкие главки, пронумерованные арабскими цифрами. Каждой главе и главке

предшествуют эпиграфы из Надсона, Майкова, А. К. Толстого или из стихотворений самого автора. У каждой главы есть заглавие, есть общее вступление и предисловие, и во всем этом невольно чувствуешь будущего любителя внешней литературной формы. Особый интерес представляет глава IV, последняя. В ней Брюсов пишет: «Недавно мне пришлось рассказывать свою биографию. Как же я рассказывал ее? Так, как здесь?... О, нет... Вот что я говорил:» (1.3) и Брюсов пересказывает на одной странице содержание трех первых глав, сжато, сконцентрированно, но «интересно». А несколько позже, задумываясь об автобиографии как о литературной форме, Брюсов пишет: «...Есть душа, и есть «душа души», как выразился Гамлет. Душа и ее офиц[иально] признанные чувства [...] это лишь волны на поверхности. Истинная жизнь глубже. Мы сами боимся ее знать. Мы лжем себе [выделено мною. — *Е. К.*]. Можно, не сказав ни одного слова прямой лжи, так рассказ[ать] свою жизнь, что весь рассказ будет неправдой. Таков рассказ Фета»[7] (1.6/4). Так сделал и он сам в своем пересказе, который был оценен им по справедливости во II главке: «Так рассказывал я...

А сколько здесь истины? Есть ли хоть капля? Есть! И много! Почти всё! Но другой колорит придал я событиям. Осветил их с иной стороны.

Что же было в действительности?

Это я изложу здесь:» (1.3).

Но продолжения не последовало. Истинное действительное осталось неосвещенным.

В архиве Брюсова сохранилось много автобиографических отрывков. Большая часть их писалась в ранние годы жизни писателя и потому касается только его детства, юности и ранней молодости. В самые последние годы (1919 г.) он снова задумал вернуться к этой теме, но ограничился составлением только очень неполной биографической канвы, доходящей до 1918 года (1.1), и довольно подробного плана автобиографии: «Из моей жизни. Автобиографическая «поэзия и правда»[8] (1.6/3). Далее следует стихотворение, озаглавленное «Вступление» («Жизнь кончена. Я это сознаю...»)[9] и, наконец, план:

Часть первая.

Детство.

План.

Вступление.

Часть I. Детство.
Родной дом.
Крым.
Отец, мать, книги.
Гимназия 1[10].
Мечты о славе.

[7] Брюсов подразумевает автобиографию А. А. Фета: «Ранние годы моей жизни». М., 1893 и «Мои воспоминания» (1848—1889). М., 1890.

[8] Подражание заглавию автобиографии Гете: «Wahrheit und Dichtung».

[9] Опубликовано: В. Брюсов. «Из моей жизни». Предисл. и примеч. Н. С. Ашукина: «Записи прошлого». Изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1927, стр. 3.

[10] Креймана, где Брюсов учился со II до V класса.

Часть II. Отрочество.
Гимназия II [11].
Первая любовь. Смерть.
Университет.
Новые любови.
Выступл[ения] в печати.
Часть III. Молодость.
Женитьба.
Связь с А.
Путешествие I. Италия.
Париж.
Бальмонт и др.
Скорпион. Весы. А. Белый.
Часть V [12]. Возмужалость.
Нина.
Путеш. II. Испания.
Париж.
Италия.
Швеция.
Голландия.
Швейцария и др.
Литерат. встречи.
Революция 1905 и 1906 гг.
«Венок».
Часть VI. Уклон.
Надя.
Маня.
Поездки.
Гибель.
Кавказ.
Часть VII. Конец.
Медл[енное] падение.
Революция 1917 и 1918.
Коммунизм.
Елена.
Доживание.

Эпилог (1.6/3).

В упомянутой книге «Записей прошлого» опубликованы также две наиболее связные, но незаконченные автобиографические заметки, хранящиеся в архиве: «Моя юность» (1.8) и «Памяти» (1.23). В архиве имеются и другие многочисленные автобиографические наброски о разных периодах жизни Брюсова. Интересна запись с характеристикой университетских профессоров, у которых занимался Брюсов. Он называет историков — Герье, Виноградова, Ключевского и философов — Троицкого, Трубецкого: «Герье умный, но скучный сухой старик с резкими глазами. Читает по тетрадке отчетливым голосом. Лекции его умны и богаты содержанием, но их приятнее читать дома (...). Ключевский несом[ненно] самый самостоятельный из всех. Читает стоя на приступке кафедры. Своеобразное повышение и понижение тона. Резкие и запоминающиеся характер[истики]» (1.6/5).

Факты реальной жизни, едва намеченные в автобиографической канве и в плане автобиографии, раскрываются в дневниках Брюсова. Первые дневниковые записи относятся к 1888 году, но отдельные тетради дневников начинаются с 1890 г. Таких тетрадей сохранилось 11. Они озаглавлены: «Моя жизнь — Матерьял для моей биографии» (1.11—19).

В первую тетрадь был, вероятно, переписан текст дневниковых записей из каких-то несохранившихся тетрадей 1—4. Она охватывает время с 1 мая 1890 г. по 25 февраля 1892 года (1.11/1) и, несмотря на то, что в тетради оставались еще свободные страницы, с 26 февраля 1892 года начинается 5-я тетрадь, по нумерации Брюсова, реально же — вторая (1.11/2).

Начальные записи в первой тетради представляют собой не настоящий дневник, а только краткие дневниковые записи, т. е. в них нет связного описания событий, нет характерных для дневников

[11] Поливанова, классы VI—VIII.
[12] Так в оригинале, Брюсов по ошибке пропустил цифру «IV».

Брюсова размышлений. События и переживания отмечаются одним-двумя словами:

«Май 1. у меня Краев[ский]
2. Я у Краев[ского]
3. Переезд
4. Заблудился
(...)
7. Начало уроков
8. Москва
9. Ничего
10. Преферанс
11. Дождь
12. Дома
13. Большой лес
14. Афиша
15. Скачки. Ночь» (1.11)

В позднейших записях — текст, обычный для дневников.

Дневники Брюсова были тоже напечатаны в «Записях прошлого» [13] после смерти писателя. Они хорошо охарактеризованы в небольших редакционных статьях Н. С. Ашукина и И. М. Брюсовой. Текст дан со значительными сокращениями; пропуски касаются, большей частью, интимных сторон жизни писателя. Можно пожалеть, что в первых тетрадях опущены многочисленные упоминания о ранних творческих замыслах Брюсова.

Кроме собственноручных подлинников дневников в фонде хранятся их списки, — рукою И. М. Брюсовой и машинописные. В списке И. М. Брюсовой текст, отобранный ею к печати, — с расшифровкой сокращенных слов и с купюрами (1.21). В машинописном даны отрывки текста, не вошедшего в публикацию (1.22).

В этот раздел фонда включены также заметки Брюсова о путевых впечатлениях. Кратко отмечены они и в дневниках, но на отдельных листах сохранились более подробные записи, впрочем, только об Италии и, в частности, о Венеции (первая поездка Брюсова в Италию в 1903 г.). Наброски имеют несколько редакций. Они готовились для публикации в газетах, подписаны псевдонимом «Аврелий» (1.26, 27, 28). Заметка о поездке в 1909 году из Неаполя в Марсель на венгерском пароходе «Святой Лазарь» сохранилась только в виде вырезки из журнала «Женское дело» [14] (1.29).

В 1913 г. или, быть может, в годы первой мировой войны, Брюсов замышлял написать большое обобщающее обозрение зарубежных стран и отдельных краев и мест России, в которых ему довелось побывать. Об этом замысле можно судить по сохранившемуся плану задуманной книги. Она должна была называться «По маленькой Европе. Воспоминания туриста» (1.25). В ней Брюсов как бы подводил итоги впечатлений от своих поездок без соблюдения хронологической последовательности.

Вот план этой книги:

«I Юношеские восп[оминания]. Крым. (детство). Первая поездка: Варшава, Рига, Кавказ, Крым. Первая «за-гр[аничная]» Берлин. Кельн, Ахен, Рейн, Крым II. III Путеш[ествие] пешком. Ревель. Миргород(?) [так в подлиннике. — *Е. К.*].

II Италия I. II.

III Париж, Франция, Бретань, Марсель и др. города.

---

[13] Брюсов. Дневники 1891—1910. Приготовила к печати И. М. Брюсова. Примеч. Н. С. Ашукина. «Записи прошлого». Изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1927.

[14] «Женское дело», 1912, №№ 21—22.

IV Бельгия. Брюссель.
V Швеция. Балтийское море. Висби.
VI Швейцария.
VII На Св. Лазаре.
VIII Берлин. Города Германии (Мюнхен, Дрезден и др.).
IX Баски. Пиренеи. Испания (Бой быков).
X Вена. Путь в Италию через Земеринг.
XI Рига и ее курорты. Балт. море.
XII Финляндия.
XIII Голландия. В [неразобр.] в Генте.
XIV Волга» [со знаком перенесения на место после IV главы] (1.25).

Из воспоминаний об отдельных лицах в фонде сохранились статьи: «Последняя работа Врубеля» (портрет Брюсова) — машинописный экземпляр с собственноручной авторской правкой (2.1) и «На похоронах Толстого. Впечатления» — оттиск из журнала «Русская мысль» [15] (2.2а) и сверстанные корректурные листы с авторской правкой из сборника Брюсова «За моим окном» с текстом этих двух воспоминаний (2.2б). В этом сборнике печатался и очерк «На Святом Лазаре».

Воспоминаниям об Эмиле Верхарне, с которым Брюсов был близко знаком, посвящена его статья, написанная вскоре после трагической гибели бельгийского писателя по материалам их переписки и по личным воспоминаниям [16]. В архиве она сохранилась в виде гранок без правки (2.4) и черновых собственноручных переводов Брюсова на русский язык отрывков из писем к нему Верхарна (2.5).

Среди черновых листков воспоминаний есть еще набросок без заглавия, начинающийся словами «Называть его имени мне не хочется: означу его Л.» (2.3). По дальнейшему тексту можно предполагать, что речь идет о Ланге-Миропольском [17]. Это был один из первых московских символистов, участник издания трех выпусков «Русские символисты».

Как добавление к автобиографическим материалам и как введение к материалам художественного и научного творчества Брюсова, можно рассматривать сохраненные в архиве тетради его учебных лет за 1890-е годы, когда Брюсов был в последних классах гимназии и университете (картоны 2—4). В некоторых из них написаны гимназические сочинения на литературные и так называемые «отвлеченные» темы. Остальные являются теми «общими» тетрадями, в которых можно найти черновики любых ученических работ. У Брюсова эти тетради, помимо того, заполнены ранними творческими опытами в разных жанрах. Поэтому ни один углубленный исследователь творчества Брюсова не должен позволить

[15] «Русская мысль», 1910, XII.
[16] «Русская мысль», 1917, янв.
[17] Смысл заметки в том, что когда-то духовно близкие люди, встретившись снова после 15-летней разлуки, стали чужими друг другу. Хотя Л., в прежние годы теоретик кружка молодых поэтов, говорил «все то же», что 15 лет назад, Брюсов приходит к мысли, что в человеке *должны происходить изменения*, что «настоящая жизнь выражается *в изменениях*». Эта же мысль высказана им позднее в предисловии к одному из стихотворных сборников (см. стр. 92).

себе пройти мимо них. Здесь рождение тем, образов и форм, в дальнейшем развиваемых Брюсовым; в них зачатки его критических высказываний. Здесь проекты и планы литературных замыслов, отрывки неосуществленных, но подчас долго занимавших его произведений и стихотворных, и драматических, и прозаических. Здесь первые опыты его художественных переводов из античной и современной поэзии. Здесь же попытки философского осмысления мира и окружающей жизни, здесь пробуждение юношески жадного любопытства к еще неизведанным сторонам жизни и к потустороннему миру, который для него, материалистически воспитанного сына рационалиста-шестидесятника, с одной стороны нелеп и смешон, с другой — удивительно заманчив — записи спиритических сеансов, фантастика приключенческих романов в духе Жюля Верна, загадки человеческой психики, сенсуалистски взбудораженной и методически хладнокровной.

Перелистывая эти сотни страниц «черновых» тетрадей Брюсова, учишься понимать его поразительную разносторонность и убеждаешься в ее глубокой органичности его духовному миру. Здесь даны кратчайшие сведения о содержании этих тетрадей. Но в дальнейшем к ним придется обращаться не один раз при рассмотрении отдельных групп творческих работ Брюсова.

* *
*

Литературно-художественное наследие Брюсова чрезвычайно разнообразно — лирическая поэзия, драматические произведения, художественная проза. Но основным вкладом в сокровищницу русской литературы была все же его лирика. Лирическим поэтом осознал он себя и сам с очень ранней поры. Почти мальчиком начал он уже собирать свои лирические стихотворения, переписывая их в особо заведенные тетради, озаглавленные «Мои стихи» (14—15). Они составили вторую серию его записных тетрадей, которая возникла почти одновременно с автобиографической «Моей жизнью». В первый сборничек (1891 г.) были собраны стихотворения Брюсова с 1881 по 1890 год. На «титульном» листе он написал вступление: «Здесь собраны все мои сохранившиеся стихи, хотя бы и незначительные, неотделанные отрывки или первый стихотворный лепет 8-летнего ребенка. Я родился в 1873. Здесь же приложен перечень всех сохранившихся произведений, планов и сюжетов» (14.5). Впоследствии таких тетрадей набралось свыше 20, и они стали заполняться не только отделанными (как казалось автору в то юное время) стихотворениями, но и черновыми набросками их. Предшественниками же тетрадей «Моих стихов» были тетради с переписанными или вырезанными и наклеенными стихотворениями любимых поэтов, сначала это были стихотворения из хрестоматий (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Майков, Плещеев), потом наступила эпоха Надсона, потом Брюсов резко повернул к своим современникам — декадентам и импрессионистам Мережковскому, Фофанову и др. Весь этот путь отразился в материалах его архива. Брюсов тщательно сохранил все.

Первые публикации его стихотворений были помещены в сборниках «Русские символисты», выходивших в начале 1890-х годов под редакцией А. Л. Миропольского (Ланга) и самого Брюсова. Позднее эти стихотворения вошли в цикл его «Juvenilia» («Юноше-

ских стихотворений») [18], не вышедших отдельным изданием, хотя в архиве хранится его рукописный экземпляр с цензурным разрешением (51).

Первым отдельным сборником стихотворений Брюсова были «Chefs d'oeuvre» («Шедевры»), вышедшие в 1894 году.

В архиве имеются материалы почти всех стихотворных сборников поэта, но далеко не каждое стихотворение представлено в них автографом. Многие из автографов были подарены разным лицам самим поэтом. Материалы двух сборников «Urbi et orbi» и «Девятая камена», как указано, переданы в другие архивохранилища, и в архиве сохранились только их разрозненные машинописные дублеты, небольшая часть корректурных листов «Urbi et orbi» (5.16) и неполный машинописный наборный экземпляр «Девятой камены» с оглавлением (8.1—3).

Таким образом, фонд Брюсова в отделе рукописей хранит материалы его 17 лирических сборников:

1. «Juvenilia» («Юношеские стихотворения» 1892—1894) — автограф цензурного экземпляра 1896 г., разрозненный экземпляр подготовки к изданию 1913 года в полном собрании сочинений (т. 1) [19] в автографах, машинописи и списках И. М. Брюсовой с авторской правкой и в корректурных листах (5.1—3).

2. «Chefs d'oeuvre» («Шедевры», 1894—1896) — разрозненные листы автографов, списков И. М. Брюсовой и машинописных и небольшая часть корректурных листов (5.4—5).

3. «Me eum esse» («Это — я», 1896—1897) — разрозненные листы автографов, списков и корректурных листов (5.6—7).

4. «Tertia vigilia» («Третья стража», 1898—1901) — автографы стихотворений в разных редакциях, машинопись и списки рукою И. М. Брюсовой с авторской правкой, печатные тексты с исправлениями, корректура в гранках и верстке (5.8—15).

5. «Urbi et orbi» («Городу и миру»; в «Путях и перепутьях» названо «Городу и Риму», 1901—1903) — только небольшое количество корректурных листов из цикла «Баллады» (5.16).

6. «Stephanos» («Венок»; первоначальный вариант заглавия был «Corona», 1904—1905) — тексты в автографах и списках с авторской правкой; две редакции предисловия — автограф и печатный текст полного собрания сочинений (6.1—4).

7. «Все напевы» (1906—1909) — тексты, вошедшие в издание полного собрания сочинений, и отдельные собранные тексты стихотворений, не вошедших в него, — в основном автографы (6.5—7).

8. «Зеркало теней» (1909—1912), с подзаголовком на проекте титула: «Лирические отражения дум и видений», тексты стихотворений, а также проекты титулов и шмуцтитулов в автографах, разрозненные корректуры (7.1—6).

---

[18] Брюсов любил прибегать к иностранным, в основном латинским, заглавиям для своих сборников. Интересно, что, издавая свое первое собрание стихов в трех томах — «Пути и перепутья», все эти заглавия Брюсов дал по-русски. Впрочем, подобная тяга к изысканности в заглавиях была вообще свойственна ранней поре русского символизма: у Блока — «Ante lucem», у Вяч. Иванова — «Cor ardens» и т. п.

[19] Брюсов В. Я. Полн. собр. соч. и переводов. Спб., изд. «Сирин», 1913—1916.

9. «Семь цветов радуги»; первоначальное заглавие, предполагавшееся по проспекту полного собрания сочинений, было «Sed non satiatus» («Но не пресыщенный»), впоследствии оно сохранилось лишь для одного стихотворения, помещенного в сборнике первым, как эпиграф или основная тема; перемена заглавия сборника была вызвана, как говорит Брюсов в предисловии, изменением восприятия автором своей жизни; стихотворения 1912—1915 гг. (автографы, машинопись, списки И. М. Брюсовой с авторской правкой и очень незначительное количество корректурных листов в верстке; 7.8—16).

10. «Девятая камена» (сборник, не изданный при жизни автора, впоследствии частично включенный И. М. Брюсовой в двухтомник[20]; 1916—1917). Только машинописные копии (8.1—3; оригинал — в Пушкинском доме).

11. «Опыты». Полное заглавие по авторскому титульному листу — «Опыты оригинальные и переводные. Собрание стихов за XXV лет (1892—1917)»[21] — автографы черновые и перебеленные, машинопись и печатные листы с правкой, с ритмической разметкой и записями на полях подбора рифмующих слов и т. п. (8.4—5).

12. «Последние мечты» (1917—1918) — черновые автографы и печатные листы с правкой (8.6—7).

13. «В такие дни» (1919—1920) — черновые автографы и наборный экземпляр в машинописи и печатных вырезках (8.8—9).

14. «Миг» (1921) — черновые автографы и машинопись с правкой (9.1).

15. «Дали» (1921—1922 январь— апрель) — черновые автографы стихотворений, перебеленный наборный экземпляр предисловия и гранки предисловия (9.2). Этот сборник интересен как образец «научной поэзии» Брюсова, которой он увлекся вслед за французским поэтом Ренэ Гилем, своим старшим современником. В предисловии к сборнику Брюсов защищает теорию «научной поэзии», утверждая, что «поэт должен по возможности стоять на уровне современного научного знания и вправе мечтать о таком же читателе» (9.2), гранки л. 1): «...можно и должно проводить полную параллель между наукой и искусством. Цели и задачи у них одни и те же; различны лишь методы» (там же). Присоединены также «некоторые пояснения», чтобы несколько ориентировать читателя относительно понятий и «слов, менее распространенных» (там же, лист 2).

16. «Меа» («Спеши»; последний сборник, подготовленный самим поэтом, но напечатанный уже после его смерти, 1922—1924), черновые автографы (9.3). Здесь собраны тоже произведения «научной поэзии». «Примечания» продолжают развивать мысли, высказанные в предыдущем предисловии.

17. «Сны человечества» (1907—1924) незаконченный сборник, частично включенный И. М. Брюсовой в двухтомник 1955 г., — автографы, машинопись, печатные листы с авторскими исправлениями, а также проспекты, планы и перечни намеченных к включению

---

[20] Брюсов В. Избр. соч. в 2-х т. М., 1955.

[21] Брюсов В. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. (Стихи 1912—1918). М., 1918.

стихотворений в нескольких вариантах (9.4/1—5). В рукописи дан подзаголовок: «Лирические отражения всемирной истории» [22].

Издание лирики сборниками, имеющими каждый раз особое заглавие, было тщательно продумано Брюсовым еще при первых изданиях и принято как твердый принцип.

Точная формулировка этого принципа была выработана и высказана позднее, но с первых выпусков своих книг Брюсов осуществлял поставленную себе задачу, состоявшую в том, что каждый сборник его стихов был задуман как самодовлеющая книга, «как некоторое целое, в котором отдельные стихотворения, объединенные в группы, как бы в главы, составляют звенья одной цепи» [23]. Поэтому почти каждому лирическому сборнику он предпосылал предисловие, которое само являлось лирической беседой автора с читателем. В этом отношении очень характерны несколько черновых редакций предисловия к сборнику «Stephanos» (греч.), или, по первоначальному заглавию, «Corona» (лат., «Венок»): Брюсов дает предисловию заглавие «Сердечная беседа с моими читателями» и начинает словами: «Я очень ценю обычай новых поэтов — не собирать свои стихи в одной книге, к которой с течением времени присоединят новые произведения, а издавать свои стихи отдельными сборниками, каждый из которых заключает в себе определенный период жизни, круг развития. Это придает сборнику единство, делает его книгой в строгом смысле, а не случайным складом. В каждом сборнике поэт может и несколько раз повторить одну мысль, один прием — но в новом сборнике все должно быть новым. Иначе ясно будет, что поэт больше не живет, ибо жить значит изменяться» (6.1/1).

Так писал Брюсов в 1903 году. Стихами данного года начинался этот сборник. Подготовку сборника к изданию автор заканчивал в 1905 году, когда повеяло новым ветром, и вторая редакция предисловия сборника звучала уже иначе: «Я являюсь перед читателем с своей новой книгой в самый неподходящий час. «Теперь тебе не до стихов, о, слово русское, родное!» (6.1/2). И, наконец, в печатном издании был снова иной текст предисловия. Процитированные слова Тютчева поставлены эпиграфом, за ним следует: «Бедная моя книга! Я отдаю тебя читателям в дни, когда им нужен не голос спокойных раздумий, не напевы извечных радостей и извечных страданий, но гимны борьбы и бой барабанов ——— Прощай, моя бедная книга. Ты уже далека и от меня. Да, настало время военных труб и песен сражений» [24]. Датировано 21 ноября 1905 г. — это были дни, предшествовавшие декабрьским боям пролетариата на Красной Пресне.

Интересны также уцелевшие в архиве цензурные экземпляры, иногда с цензорской правкой. Их немного.

Особенно примечателен в этом отношении сборник «Юношеских стихотворений» Брюсова (5.1), не выходивший в печати отдельной книгой. Цензурное разрешение было ему, однако, дано 9 августа

[22] Разъяснения авторского замысла даны И. М. Брюсовой на основании рукописных черновиков архива (9.4/5), в примечаниях к «Снам человечества» в книге: Брюсов В. Избр. соч. в 2-х т. М., 1955, т. I, стр. 703—705.

[23] Брюсов В. Я. Полн. собр. соч. и переводов. Спб., изд. «Сирин», 1913, т. II, стр. VI.

[24] Валерий Брюсов. Stephanos. Венок. М., 1906, изд. «Скорпион», стр. V.

1896 года в Москве цензором Егоровым, значительно сократившим предисловие в части возражений Брюсова своим критикам. Из стихотворений сняты три наиболее ранних стихотворения гимназических времен 1890—1892 годов и четыре из более поздних. Готовя сборник к включению в полное собрание сочинений, автор пересмотрел все стихотворения и многие переработал.

От цензурного экземпляра «Tertia vigilia» сохранился только титульный лист с замечанием цензора Ю. П. Бартенева: «N. B. Итак весь сборник могу разрешить. Но в Ваших же интересах рекомендовал бы изъять Ламию, в «Городе» (стр. 83—4) № 6-й и, хотя это весьма жалко, смягчить в «Аганатис» отмеченное мною. Прошу дать «Сказанию о разбойнике» другое соседство. Ю. Б. 9/VII [1900]» (5.16).

Первому изданию этой книги предшествовало предисловие, сохранившееся в рукописи в нескольких черновых набросках и в перебеленном автографе. Текст его не повторен в полном собрании сочинений Брюсова, а между тем оно интересно высказываниями о символизме, декадентстве, о «новом искусстве» (5.16).

Вообще предисловия Брюсова к сборникам имеют иной характер, чем к отдельным томам полного собрания сочинений. Там, в собрании сочинений, они являются пояснениями редакторскими, о них будет речь ниже, при характеристике редакторских материалов архива. В сборниках же предисловия часто так же лиричны, как предваряемые ими стихотворения, только они написаны обычно прозой.

Во вступлении к примечаниям в своем последнем сборнике «Меа» («Спеши») Брюсов написал глубоко лирические слова: «В своих последних сборниках «Миг», «Дали» я занят почти исключительно (может быть потому что мне уже не так много осталось писать стихов и надо спешить) темами особо сложными...» (9.3). Сборник вышел посмертным изданием, и это место не было включено редакторами.

Есть, однако, у Брюсова предисловия и стихотворные. В сборнике «Миг» первым, в качестве предисловия, помещено стихотворение «Смотреть в былое...», где имеется превосходная строка на ту же тему: «Уже не кровь — года стучат в виски» (9.1).

Кроме материалов к изданным сборникам, в архиве Брюсова хранится очень много стихотворений, печатавшихся в журналах и газетах, но по различным соображениям не включенных им в свои сборники, а также и вовсе не бывших в печати. Они собраны в хронологическом порядке по отдельным годам с 1885 по 1924 и составили три картона (10—12). Из них кое-что отбиралось позднее для посмертных сборников Брюсова «Неизданные стихотворения». Тематически они близки к различным группам изданных стихотворений.

К лирическим стихотворениям примыкают и лирические поэмы Брюсова. Их немного: две «симфонии» — первая «патетическая» («Воспоминания»; 13.6), вторая — «траги-лирическая» («Дети Севера»; 13.7), два «венка сонетов» — «Роковой ряд» (13.8) и «Светоч мысли» (13.9—10), затем — «Страсть и смерть» («Исповедь раба»; 13.11), «Плач о погибшем городе» (13.2), неоконченная поэма «Подземное жилище» (13.5) и «Египетские ночи» (13.13) — завершение поэмы Пушкина. В этой поэме Брюсов использовал все

черновые наброски, отдельные выражения и слова, записанные Пушкиным то как части незавершенных строк, то как брошенный намек на ту или иную ситуацию, отдельную подробность сюжета. При публикации Брюсов тщательно выделил курсивом все принадлежащее Пушкину.

Все перечисленные поэмы опубликованы, одни — при жизни автора, большинство — посмертно. Неопубликованными остались только самые ранние, юношеские, внесенные в рукописные сборники Брюсова «Мои стихи», о которых была речь выше. В тетради № 2 записана поэма «Король», состоящая из 72 строф, соединенных в 9 глав (1890—1891). О ней Брюсов писал: «Это поэма, над которой я особенно много работал. Она собственно и выработала мой стих» (14.2, стр. 61).

Тетрадь, обозначенная «№ 3 — secundo», озаглавлена «Поэмы», сюда вписаны три произведения: «Поэт и друг» (из черновых набросков лета 1891), «Бренн» и «Земля», оставшиеся незаконченными (14.4).

К этой же группе поэм можно причислить и еще одно произведение Брюсова — «Стихи Нелли» (13.3—4). Судьба этого произведения своеобразна. Это — мистификация Брюсова.

Он выпустил сборник стихотворений, будто бы сочиненных женщиной, выступающей под именем Нелли, с одним только вводным стихотворением, подписанным его собственной фамилией[25]. Рецензенты отметили эту книгу, сразу обратив внимание на сходство «стихов Нелли» с произведениями Брюсова. Одни, говоря о талантливости, упрекнули автора в крайней подражательности, другие заподозрили правду, т. е. увидели в «Нелли» псевдоним Брюсова. Тогда Брюсов стал готовить вторую книгу Нелли со своим предисловием, опровергавшим это предположение, и с предисловием «автора». Но книга не была издана. В архиве хранятся все черновики стихотворений «Нелли» в автографах Брюсова, хранятся материалы к придуманной им ее биографии. Есть разные варианты титульных листов к этой книге, в одном из которых Брюсов называет мнимого автора «Ирой Ялтинской», в другом — «Марией Райской», а сборнику дано первоначально заглавие «Крестный путь», потом он назван «Повесть женской души». Стихи Нелли — лирика для нее, для вымышленной героини-автора, но для Брюсова это — сочиненный им дневник женщины в форме лирических стихотворений. Вот почему, на мой взгляд, этот сборник следует причислить к поэмам, а не к чистой лирике Брюсова, как написанные прозой «Последние страницы из дневника женщины», относятся к его повестям.

В архиве Брюсова материалы лирических стихотворений подобраны по сборникам, последовательность которых установлена в хронологическом порядке их выхода в свет.

Внутри каждого сборника стихотворения расположены по оглавлению, составленному автором. Эта система осуществляет пожелание автора, высказанное в предисловии к полному собранию сочинений (см. ниже, стр. 141) и помогает исследователям легче ориентироваться в огромном рукописном наследии лирики Брюсова.

При каждом стихотворении собраны все относящиеся к нему материалы, написанные на отдельных листках: черновые и перебе-

[25] Стихи Нелли. С посвящением В. Брюсова. М., 1913.

ленные автографы всех имеющихся вариантов, авторизованные списки, рукописные и машинописные и т. п. Если же тексты имеющихся стихотворений внесены в записные тетради или набросаны в рукописях других произведений, на конвертах полученных писем или на оборотах самих писем, они оставлены на своих местах.

Для исследователей и редакторов будущего, действительно полного собрания сочинений Брюсова, чрезвычайный интерес представляют различные варианты стихотворных черновиков.

* *
*

Деятельность Брюсова-поэта не исчерпана без упоминания о его переводах. Рукописи их занимают в архиве двенадцать картонов (16—27). Он переводил произведения писателей девятнадцати народов с семнадцати языков, так как с французского языка им переведены произведения писателей Франции и Бельгии, с английского — писателей Англии и Соединенных Штатов.

Вот перечень языков, с которых переводил Брюсов: латинский и греческий (древний и новый), английский, немецкий, французский, итальянский, испанский, чешский и польский, украинский и белорусский, латышский, литовский, армянский, грузинский, еврейский, финский.

Сам Брюсов очень ценил переводческую работу в двух отношениях: как фактор, помогающий общению и сближению народов, и как особую школу мастерства для поэта. Он понимал всю огромную трудность и ответственность этой работы. В предисловии к своим переводам из Верлэна он писал: «Как и все стихотворные переводы, моя книга не имеет целью заменить подлинник. Это невозможно, потому что в лирических стихах слишком многое надо отнести на счет музыки слов, которой можно подражать, но воспроизвести которую невозможно» [26].

Большей частью Брюсов знал те языки, с которых брался переводить, знал во всяком случае настолько, чтобы представлять себе их звучание. Он почти никогда не переводил только с подстрочников. В редчайших случаях, когда ему приходилось иметь дело с очень мало знакомым языком, для него транскрибировали произношение. Так было, когда его просили отредактировать переводы с еврейского языка (21.3). Но за перевод и редактирование сборника армянской поэзии он взялся только с условием, что ему будут предоставлены время и возможность изучить армянский язык. И в полтора года он изучил его настолько, что позднее его друзья, армянские поэты, писали ему письма на своем языке.

Больше всего он переводил с французского и латинского. Латинские переводы начались еще в ученические годы в старших классах гимназии Поливанова. В его учебных гимназических и университетских записных тетрадях, сохранившихся в архиве, можно найти подобные пробы (см. карт. 2—4).

В качестве поэта-переводчика он впервые испробовал свои силы на стихотворениях Гейне и Верлэна. Верлэн, по собственному признанию Брюсова, оказал на него огромное влияние своим стихотворным мастерством.

---

[26] Верлэн П. Собрание стихов в переводе В. Брюсова. М., изд. «Скорпион», 1911, стр. 9.

Брюсов переводил преимущественно лирические стихотворения и поэмы; есть только несколько драматических произведений в стихах, переведенных им, и почти нет переводов художественной прозы, за исключением юношеского перевода фантастической повести Шарля Нодье «Смарра или демоны ночи» (26.14). Диапазон его переводов лирических произведений очень широк, и для переводческой работы Брюсова характерно представлять очень большое количество различных поэтов небольшим количеством переведенных стихотворений каждого из них.

В общем он перевел от одного до пяти стихотворений не менее 150 поэтов разных национальностей. Больше всего — французских и бельгийских, затем — армянских. Он не раз переводил также народные песни и народный эпос, в том числе «Давида Сасунского».

Огромное большинство его переводов было напечатано.

Наиболее значительные переводные работы Брюсова были посвящены Вергилию («Энеида»), Гете («Фауст»), Эдгару По, Верлэну и Верхарну.

Переводом «Энеиды» Брюсов занимался около двадцати лет, начав его еще в свои ученические годы. Однако работа осталась незавершенной. Кончина Брюсова оборвала ее на 8-й главе. В архиве сохранились его черновые и перебеленные автографы (16.1—10). Для посмертного издания этого труда последние главы были переведены С. М. Соловьевым [27].

Вышли также посмертным изданием и обе части «Фауста» Гете в переводе Брюсова [28]. Перевод хранится в архиве в черновых и перебеленных автографах и в поздней машинописной копии (22.1—15; 23.1—3).

Переводы Эдгара По (20.4—12), Верлэна (20.10—17) и Верхарна (25.1—14) выходили отдельными книгами [29]. Особенно примечательно, что из творчества Эдгара По, вообще восхищавшего Брюсова, он перевел только поэмы и стихотворения, не взявшись за повести и рассказы американского писателя, тематически близко подходившие к его собственной художественной прозе.

Переводы французских и бельгийских поэтов XIX в. (карт. 26—27) составили целый том в полном собрании сочинений и переводов Брюсова [30]. Переводы армянских поэтов вошли в сборник «Поэзия Армении» (карт. 17—19) [31].

С английского языка, кроме произведений Эдгара По, Брюсов перевел несколько сонетов Шекспира (черновые автографы: 20.23),

---

[27] Вергилий. «Энеида». Перевод В. Я. Брюсова и С. М. Соловьева. Вступит. статья Н. Ф. Дератани. М., 1933.

[28] Гете. Фауст. Перевод В. Я. Брюсова. Ред. А. В. Луначарского и А. Г. Габричевского. М., 1928.

[29] Э. По. Полное собрание поэм и стихотворений. Пер. и предисл. В. Я. Брюсова. М.—Л., 1924.

Верлэн П. Собр. стихов в переводе В. Брюсова. М., изд. «Скорпион», 1911.

Эм. Верхарн. Поэмы. Пер. В. Я. Брюсова. М.—Пб., 1923.

» Лирика и поэмы. Пер. В. Я. Брюсова и др. М., 1935.

» Драмы и проза. Пер. В. Я. Брюсова и др. Под ред. Г. Шенгели. М., 1936.

[30] Брюсов В. Полн. собр. соч. и переводов. Спб., изд. «Сирин», 1913, т. XXI.

[31] Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводе русских поэтов. Под редакцией, со вступительным очерком и примечаниями В. Брюсова. М., 1916.

несколько стихотворений Байрона и отрывок из его «Дон Жуана» (20.2/1—5), два стихотворения Томаса Мура (20.3), стихотворение Шелли «Озимандия» (20.24), «Балладу Рэдингской тюрьмы» Оскара Уайльда (20.21—22) и по одному стихотворению двух американских негритянских поэтов — Клодта Мак-Кэя и Остина Добсона (20.1/2—3).

С немецкого им переведены три стихотворения Гете (кроме «Фауста») (23.15), «Ивиковы журавли» Шиллера (23.23), пять стихотворений Гейне (23.13) и по одному стихотворению из нескольких современных поэтов.

С итальянского сделан перевод первой части «Ада» Данте (21.8), одного сонета Петрарки (21.9/4) и по одному стихотворению Лоренцо Медичи (21.9/3), Ариосто (21.9/2) и д'Аннунцио (21.9/1).

Брюсов принимал большое участие в издании антологии еврейской поэзии (21.2,3) и в изданиях, предпринятых книгоиздательством «Парус», для которых переводил с языков украинского и белорусского — 2 стихотворения Шевченко (23.12/20) и по одному стихотворению Янки Купала (23.10/7), Осипа Маковея (23.11/9) и Самойленко (23.11/12). С польского — одно стихотворение Словацкого (23.9/1) и одно стихотворение с чешского — «Доигранный вальс» (23.9/2), с финского — ряд стихотворений Топелиуса и других авторов (23.13—14), народные песни для сборника финской литературы. Здесь много переводов сделано под псевдонимами: «В. Бакулин», «В. Спасский».

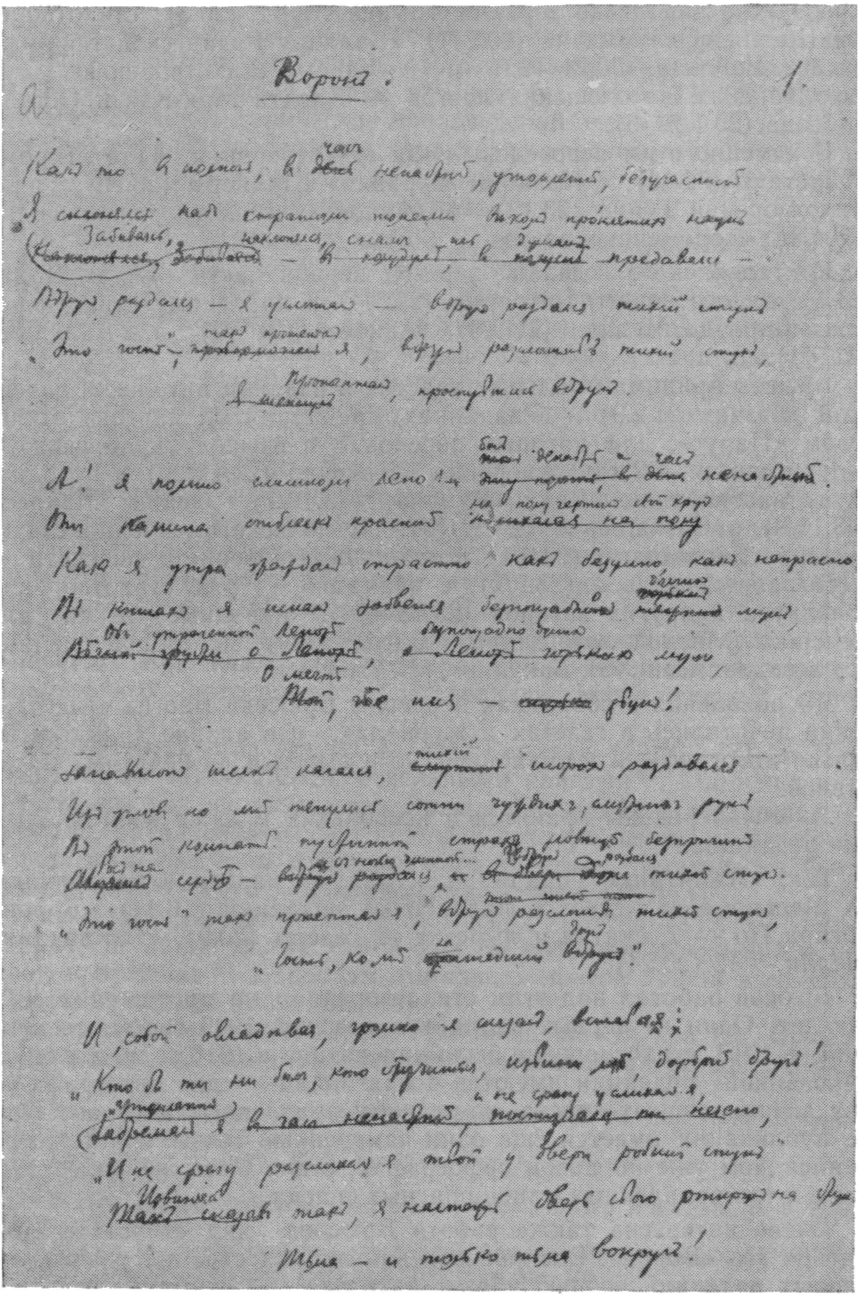
До появления в сборниках переводы Брюсова многих стихотворений печатались в газетах и журналах, и в архиве хранятся не только автографы и машинопись, но и вырезки из печатных материалов.

Многие переводы хранятся в нескольких и даже многочисленных редакциях.

Так, «Памятник» Горация или, как он назван в подлиннике, «К Мельпомене», имеет 6 правленных редакций (16.11), «Ворон» Эдгара По — 7, считая и вырезку из газеты (20.9), «Озимандия» Шелли — 12 (20.24).

Брюсов работал над этим стихотворением на протяжении многих лет. Один из первых вариантов помечен 1909 годом, следующий — 1913, стихотворение было напечатано в 1916 году, и к опубликованной редакции имеются 4 оригинала — два автографа и два машинописных списка, по-разному правленных автором. После публикации имеется еще один измененный текст в автографе, написанном уже по новой орфографии, стало быть, не ранее 1918 года, и три правленных машинописных списка.

Очень интересна также работа Брюсова над стихотворением Эдгара По «Ворон». Воспроизведения первых страниц разных архивных редакций воочию убедят читателя в изумительной тщательности работы Брюсова. В противоположность своему отношению к стихам Верлэна, в которых он особенно дорожил музыкой слов, в маленьком примечании к публикации «Ворона» в газете Брюсов писал: «Ворон» не только импрессионистическая лирическая поэма, но и создание глубокой мысли, в котором обдумано буквально каждое слово. Поэтому русская литература нуждается

Ворон.

1.

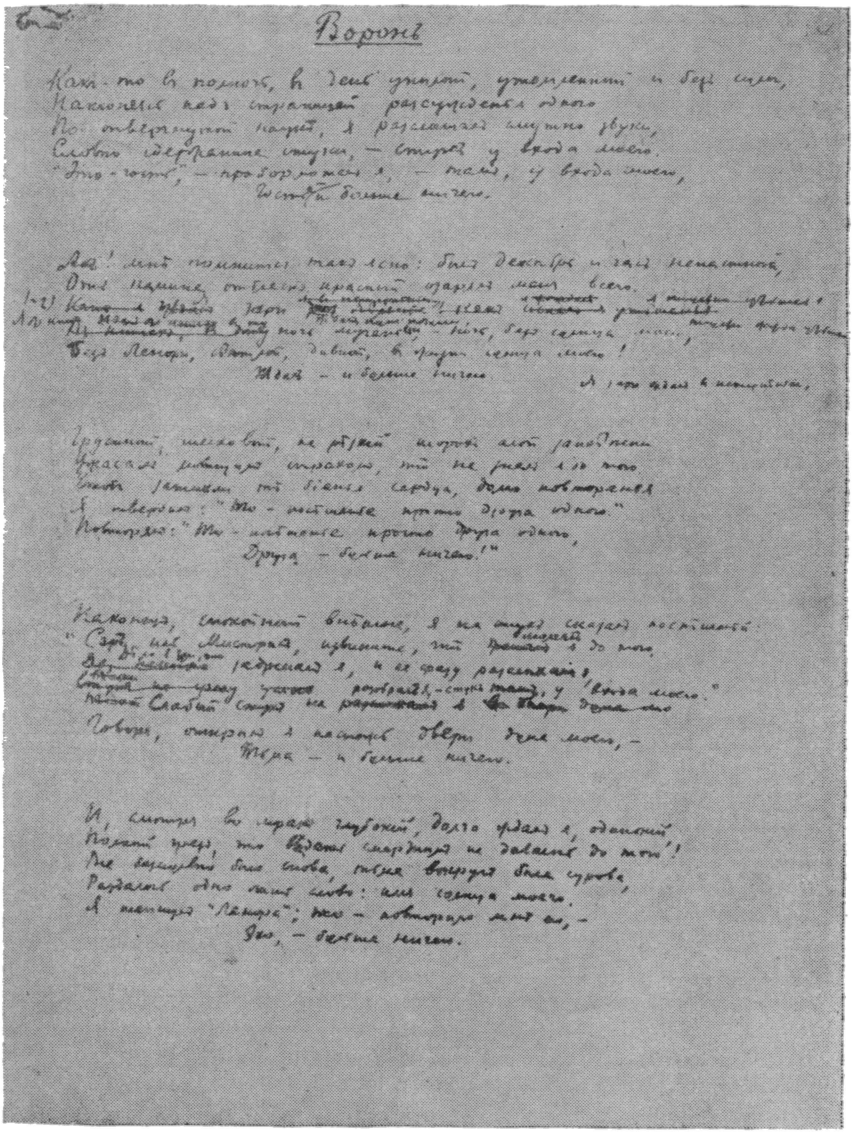
Как то в полночь, в час ночной, в жизни дивной, утомленный, безучастный
Я склонялся над старинным, позабытым томом знаний
Забавляясь, наклонялся, сонно, вяло, в полудрем, в полусне предавался —
Вдруг раздался — я очнулся — вдруг раздался тихий стук,
Это гость, нарушивший, нарушивший мой сон,
Легкий стук, прикосновенье, прикоснувшись вдруг.

А! я помню ясно, ясно! в жизни дивной, в час ночной.
Вот камина отблеск красный на полу
Как я утра тщетно страстно как безумно, как напрасно
Не хотел я спать и думал дать забвенье горю, горьким мукам
Об утраченной Леноре, Леноре
О святой, чье имя — звук!

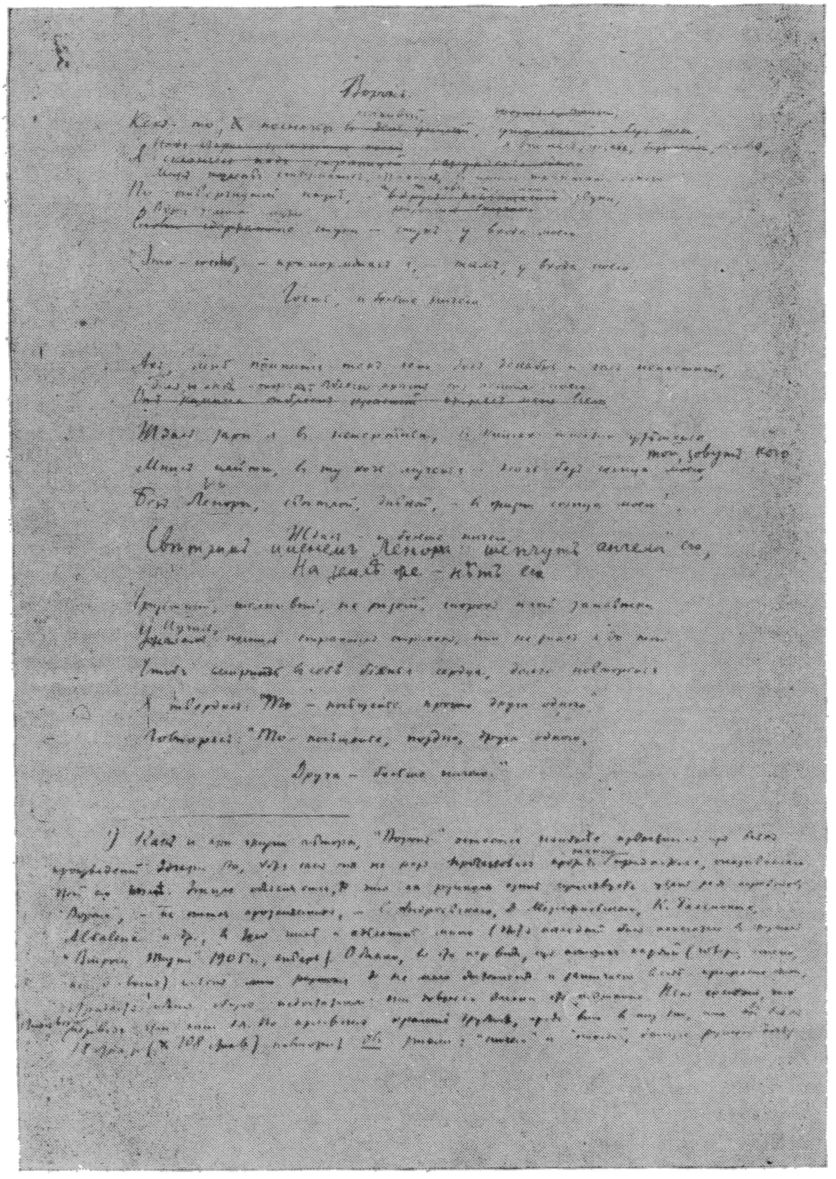
Заглушенный шелк шептался, тихий шорох раздавался
Из-за штор, по мне тревожа сонм чудес, и ужас, ужас
Из души по мне тянущий стонет, стонет, вторит эхом
Мне на сердце — вдруг раздался, вдруг раздался тихий стук.
Это гость, нарушивший, нарушивший мой сон,
Гость, который, вдруг

И, собой овладевая, грозно я сказал, вставая:
"Кто б ты ни был, кто стучишься, извини меня, дорогой друг!
Задремал я, в час ночной, не сразу услыхал я,
Ты так тихо постучался, постучался ты несмело,
"Не сразу расслышал я твой у двери робкий стук"
Ивовая
Так сказать нам, я настойчиво сказал "Мой ответ на Ваш
Мгла — и только мгла вокруг!

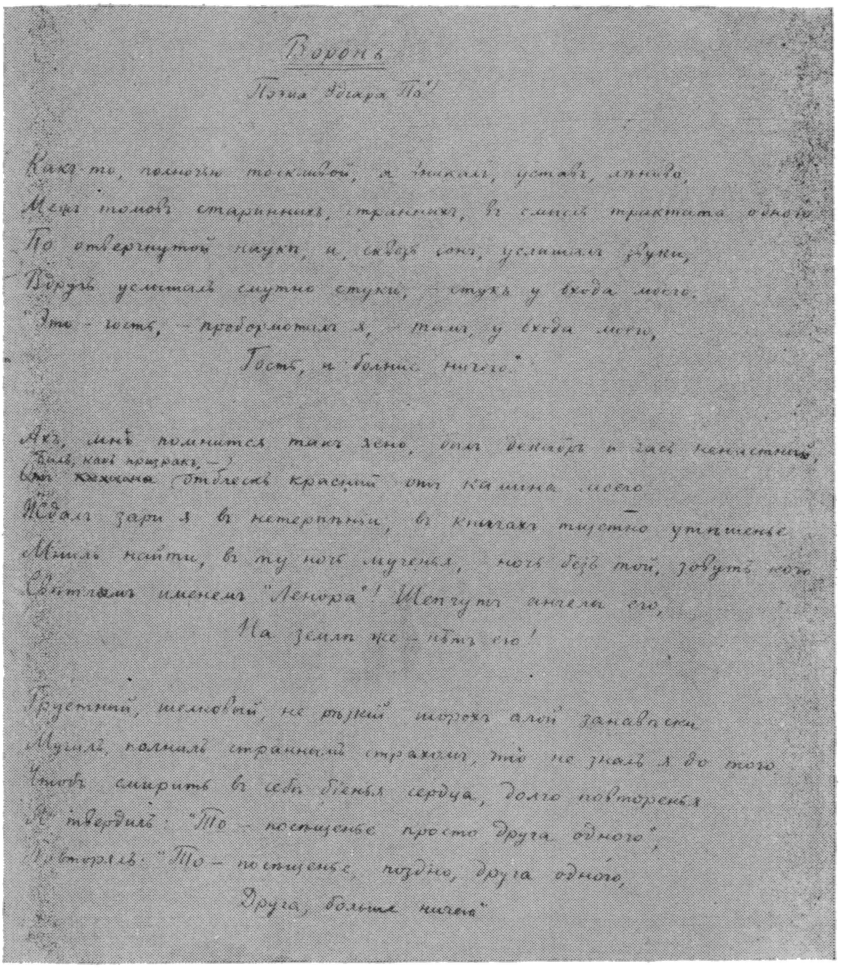
В. Я. Брюсов. Перевод стихотворения Э. По «Ворон»; первая редакция. Ф. 386

В. Я. Брюсов. Перевод стихотворения Э. По «Ворон»; вторая редакция. Ф. 386

В. Я. Брюсов. Перевод стихотворения Э. По «Ворон»; третья редакция. Ф. 386

Ворон

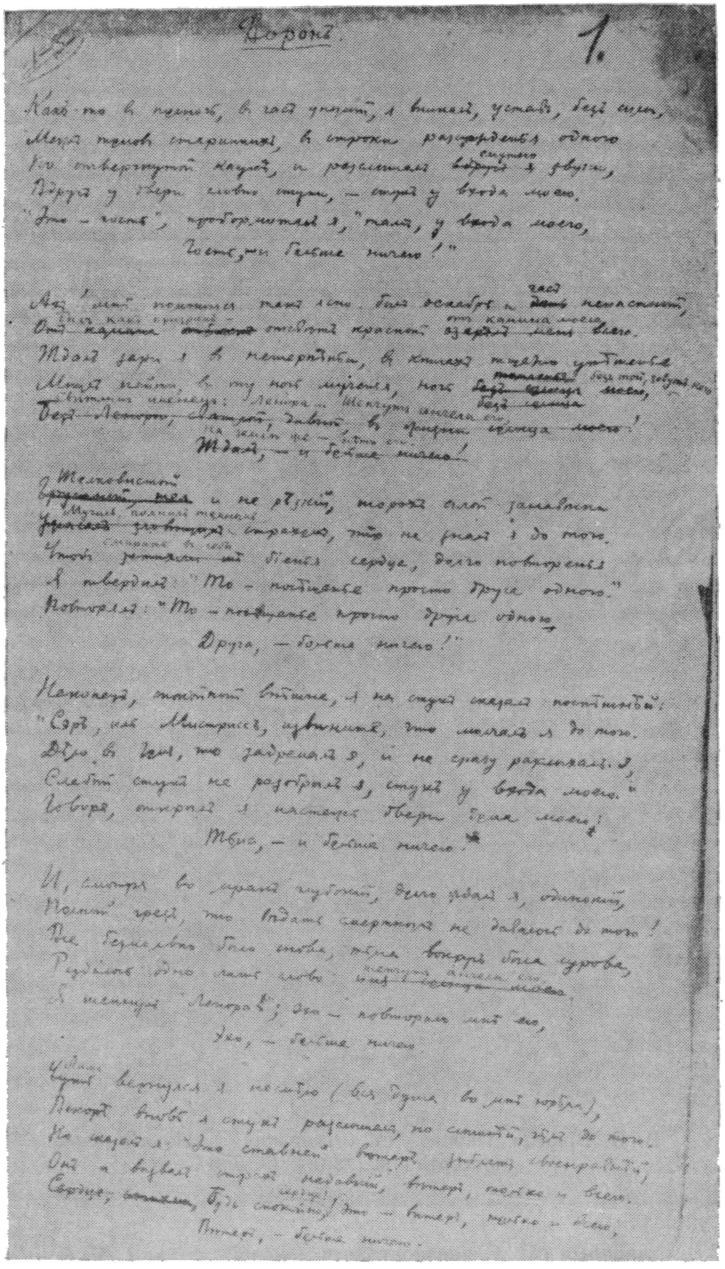
Поэма Эдгара По

Как-то, полночью тоскливой, я дремал, устав, лениво,
Меди томов старинных, странных, в смысл трактата одного
По отвергнутой науке, и, склоня свои, усталые руки,
Вдруг услышал смутно стуки, — стук у входа моего.
"Это — гость, — пробормотал я, — там, у входа моего,
Гость, и больше ничего."

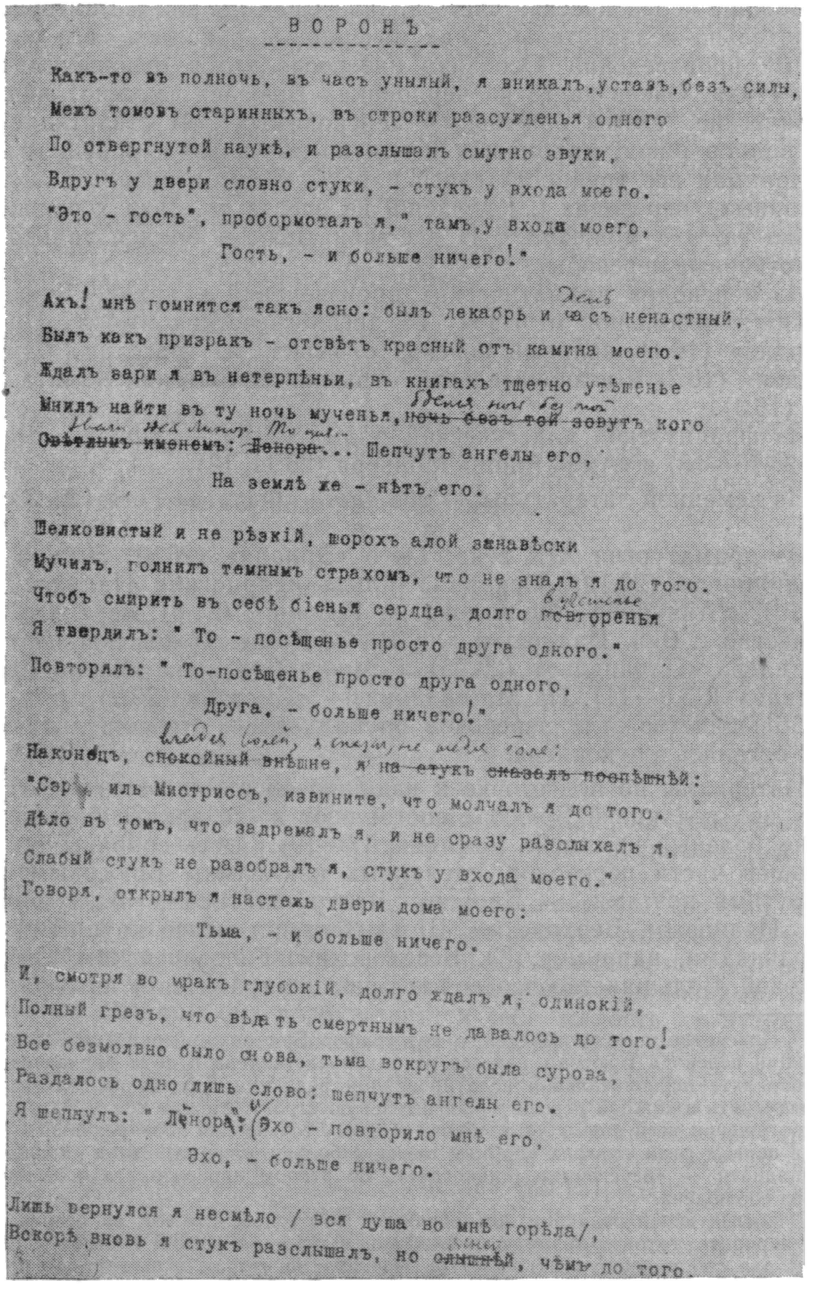
Ах, мне помнится так ясно, это декабрь в час ненастный,
Был, как пожарах, —
Как каждая [illegible] красит от камина моего
Ждал зари я в нетерпенье, в книгах тщетно утешенье
Мне найти, в ту ночь тоскуя, ночь без той, зовут кого
Светлым именем "Ленора"! Шепчут ангелы его,
На земле не — нет его!

Бархатный, шелковый, не тусклый шорох алой занавеси
Мучил, полнил странным страхом, что не знал я до того
Чтоб смирить в себе биенье сердца, долго повторял
Я твердил: "То — посещенье просто друга одного",
Повторял: "То — посещенье, поздно, друга одного,
Друга, больше ничего"

В. Я. Брюсов. Перевод стихотворения Э. По «Ворон»: четвертая редакция. Ф. 386

В. Я. Брюсов. Перевод стихотворения Э. По «Ворон»; пятая редакция. Ф. 386

ВОРОНЪ

Какъ-то въ полночь, въ часъ унылый, я вникалъ, уставъ, безъ силы,
Межъ томовъ старинныхъ, въ строки разсужденья одного
По отвергнутой наукѣ, и разслышалъ смутно звуки,
Вдругъ у двери словно стуки, - стукъ у входа моего.
"Это - гость", пробормоталъ я," тамъ, у входа моего,
Гость, - и больше ничего!"

Ахъ! мнѣ помнится такъ ясно: былъ декабрь и часъ ненастный,
Былъ какъ призракъ - отсвѣтъ красный отъ камина моего.
Ждалъ вари я въ нетерпѣньи, въ книгахъ тщетно утѣшенье
Мнилъ найти въ ту ночь мученья, ночь безъ той зовутъ кого
Ленорой именемъ: Ленора... Шепчутъ ангелы его,
На землѣ же - нѣтъ его.

Шелковистый и не рѣзкій, ворохъ алой занавѣски
Мучилъ, гнилъ темнымъ страхомъ, что не зналъ я до того.
Чтобъ смирить въ себѣ біенья сердца, долго повторенья
Я твердилъ: " То - посѣщенье просто друга одного."
Повторялъ: " То-посѣщенье просто друга одного,
Друга, - больше ничего!"

Наконецъ, спокойный внѣшне, я на стукъ сказалъ поспѣшнѣй:
"Сэръ, иль Мистриссъ, извините, что молчалъ я до того.
Дѣло въ томъ, что задремалъ я, и не сразу разслыхалъ я,
Слабый стукъ не разобралъ я, стукъ у входа моего."
Говоря, открылъ я настежь двери дома моего:
Тьма, - и больше ничего.

И, смотря во мракъ глубокій, долго ждалъ я, одинокій,
Полный грезъ, что вѣдать смертнымъ не давалось до того!
Все безмолвно было снова, тьма вокругъ была сурова,
Раздалось одно лишь слово: шепчутъ ангелы его.
Я шепнулъ: " Ленора!" Эхо - повторило мнѣ его,
Эхо, - больше ничего.

Лишь вернулся я несмѣло / вся душа во мнѣ горѣла/,
Вскорѣ вновь я стукъ разслышалъ, но сильнѣй, чѣмъ до того.

В. Я. Брюсов. Перевод стихотворения Э. По «Ворон»; шестая редакция. Ф. 386

в точном переводе «Ворона», передающем именно то, что сказал его автор. Дать такой перевод и было моей задачей» (20.9)[32].

Вообще переводческая часть архива Брюсова так же интересна, поучительна и значительна, как и черновые рукописи его собственных произведений. Особенно интересно это в отношении техники стиха. Очень часто на черновиках Брюсова можно видеть метрические схемы оригиналов переводимых им стихотворений или подбор рифм, приближающихся по звучанию к оригиналам.

Понимая все трудности своей работы, Брюсов писал: «...в стихотворных переводах [...] делаешь не всегда то, что хочешь, а только то, что можешь»[33]. И все-таки Брюсов брался только за стихотворные переводы.

Из переводов драматических произведений в архиве Брюсова хранится небольшой отрывок из древнегреческих ямбов Ирода «Сводня» (16.1), вольный перевод отрывка из трагедии Сенеки «Медея» (16.2) и незначительные отрывки из трагедии Квинта Энния (16.3).

Из французской классической драматургии — «Федра» Расина (26.16—18) и «Амфитрион» Мольера (26.11, 12).

Из немецкой литературы — обе части «Фауста» Гете (22, 23.1—3).

Из драматургии XIX века: Гюго «Эрнани» (26.3), Эдгара По «Полициано» (20.19), Оскара Уайльда «Герцогиня Падуанская» (20.20), д'Аннунцио «Франческа да Римини» (21.6), переведенная совместно с Вяч. Ивановым для В. Ф. Комиссаржевской, Артура Шницлера «Парацельс» (23.25) и Эмиля Верхарна «Елена Спартанская» (25.8—11). Из Метерлинка — «Смерть» (26.9).

Большинство этих переводов опубликовано, отрывки античных пьес остались в рукописях.

Материалы по подготовке к изданию сборника «Поэзия Армении» под редакцией Брюсова составляют в его архиве большой и разнообразный комплекс (картоны 17—19). Здесь собраны тексты большей части переводов, сделанных как самим Брюсовым, так и другими поэтами, — Блоком, Балтрушайтисом, Бальмонтом, Вяч. Ивановым, Верховским, Шервинским и менее крупными переводчиками, например, Ю. Веселовским, Головачевским, Сырейщиковой. Большинство переводов Брюсова хранится в автографах,

[32] Пояснение к воспроизведению автографов Брюсова: в архиве имеется три редакции перевода Брюсова, каждая из них представлена в двух вариантах. В 1-м варианте первоначальной недатированной редакции Брюсов позволяет себе видоизменять в каждой строфе заключительную строку. Между тем у Эдгара По на протяжении всей поэмы употребляются здесь только две повторяющиеся рифмы: в первых семи строфах «nothing more» («больше ничего») и в последних одиннадцати — «nevermore» («никогда»). Во втором варианте эта особенность автора соблюдена.

В последующей редакции, датированной 1915 годом, Брюсов, на основе данного варианта, готовит поэму к публикации в газете «Русский листок» и снова пишет два собственноручных варианта. Поэтому во втором варианте дан подзаголовок: «Поэма Эдгара По» и стоит помета о примечании в сноске. Текст же примечания дан только в первом, черновом варианте этой редакции.

Третья редакция возникает при подготовке поэмы к включению в книгу «Полное собрание поэм и стихотворений Эдгара По». Интересно, что при переработке автор обращается снова к тексту второго варианта первоначальной редакции, очевидно, недовольный своим переводом, помещенным в газете.

[33] Сергиевский И. В. В. Я. Брюсов. М., 1944, стр. 8.

тексты же других переводчиков чаще имеются в машинописных копиях. Рядом с художественными переводами в архиве сохраняются вспомогательные подстрочные переводы и транскрипции армянских текстов латинскими и русскими буквами. Для многих стихотворений даны ритмические схемы.

Самим Брюсовым были переведены стихотворения более тридцати армянских поэтов разных времен: средневековые — Григорий Нарекский, Нерсес Благодатный, Ованес Тылкуранский и Ованес Ерзынкайский. Из поэзии ашугов — Степаннос, Саят-Нова, Лункианос; из новых поэтов русской Армении — Патканьян, Агаян, Иоаннисян, Цатуриан, Туманьян, Исаакиан; из турецких армян — Дуриан, Чобаниан, Мэцаренц и др. В сборник вошли не все переведенные Брюсовым стихотворения. Его неопубликованные переводы хранятся в архиве особой группой (19.21—22). К ним примыкают и переводы произведений Егише Чаренца (19.23—24).

Участие Брюсова в издании этого сборника не ограничивалось только переводами. Ему принадлежали и редакция, и вступительные статьи, и примечания, о чем будет подробнее сказано ниже, при характеристике научных работ Брюсова.

* * *

Драматургия Брюсова не занимает выдающегося места в его творчестве. Хотя в архиве можно насчитать свыше 40 заглавий с подзаголовками различных драматических жанров, но в большинстве эти произведения остались недописанными, а иногда и вовсе ненаписанными. В собрание своих сочинений Брюсов включил только три пьесы: трагедию «Протесилай умерший» (28.12—13), «психодраму» «Путник» (28.11) и «сцены будущих времен» — «Земля» (28.9—10) [34].

Уже в этом коротком перечислении обращает на себя внимание необычный термин — «психодрама» — и расплывчатый — «сцены».

«Психодрама» состоит, в сущности, из монолога героини, обращенного к случайно пришедшему в ее лесную сторожку путнику, отвечающему ей не словами, а скупыми движениями головы,— отрицательными покачиваниями, утверждающими наклонами. Сама своими словами она возбуждает в себе жалость к путнику, сочувствие ему, внезапно возникающую любовь и надежды на возможность счастливого будущего и, наконец, ужас при его неожиданной смерти. Для драматургии Брюсова характерны уклончивые наименования жанров, и чаще всего у него встречаются «драматические этюды», «драматические сцены». Трагедиями он назвал еще три отрывка — «Эдип и Лихас» (30.15), «Дидона на костре» (30.16), «Гибель Атлантиды» (30.12) и сценарий кинотрагедии «Атрей мстящий» (30.22). Назвал еще первоначально трагедией юношескую пьесу «Каракалла» (28.2), но на титульном листе перебеленного автографа зачеркнул название жанра и переименовал в обычный для себя «драматический этюд» (28.3). Есть у него «шутка» — «Выходцы из Аида» (29.11), «миракль» — «Вер-

[34] Брюсов В. Полн. собр. соч. и переводов. М., изд. «Скорпион», 1913—1914, т. XV.

ный любовник» (30.13), «современные драмы» (их много), «историческая сцена «Петр Великий» или «Властелин судьбы» (30.11) и др. Все это свидетельствует об одном — что в драматургии он не стремился к той четкости установленных форм, которых обычно требовал от себя в лирике.

Опубликованные пьесы были написаны Брюсовым в период зрелого творчества.

Первые же драматические опыты относятся к ранней юности писателя. В неопубликованном дневнике за 1892/93 год (1.13, кн. 6) не раз упоминается работа над произведением со странным французским заглавием «C'est» («Это — есть»). В черновых материалах незаконченных произведений нашлись в архиве Брюсова два начальных, именно так озаглавленных драматических отрывка (30.1а—б). На одном из них с авторской пометой «4 вариант» дополнительные приписки: «<прозаический остов> здесь передан только смысл фраз», «переделать». На другом «5-ом» варианте заглавие «C'est» написано во второй строке и взято в скобки, — над ним выписано новое: «Народ» (30.1б). Чуть позже появляются в черновой тетради (30.3) наброски, вернее, проспект трагедии об Иуде Искариоте, в 4-х действиях и 11 картинах. В проспекте — перечень действующих лиц и сцен; последняя — в Гефсиманском саду — предательство Иуды и взятие Иисуса под стражу. Тотчас за этими записями начинается набросок драматического текста, озаглавленного «Учитель», время действия — IV в. нашей эры. Имена действующих лиц вписаны в проспект «Иуды» со знаками равенства: «Иуда = Айстат», «Иисус = Алэт» и «Иоанн = Эйот» и т. д. Эти же вторые имена встречаются в сценах «C'est» и «Народ» (Алэт — учитель). В плане новой трагедии — 13 сцен, последняя сцена — лунная ночь в саду, смерть «учителя». Все это сближает замыслы как варианты одной темы. Я позволила себе задержаться на раскрытии данного эпизода творческой лаборатории Брюсова, потому что он характерен для приемов его творчества в произведениях драматических и эпических. Этим объясняется наличие очень большого количества вариантов и редакций отдельных произведений, тоже нередко меняющих заглавие, имена действующих лиц, детали их взаимоотношений, что создает немалые затруднения при опознавании отрывочных набросков, иногда сближающихся по содержанию, но различных по жанру обработки, т. е. у Брюсова встречаются написанные на одну тему драматические отрывки и поэмы («Король» (14.2 и 30.2); баллады, рассказы и повести («Рассказ акушера», «Добрый Альд» и стихотворение о подземелье пыток какого-то владельца замка, развлекавшегося усугублением страданий рожениц). Выше в общем очерке состава творческих материалов уже была речь о данной особенности.

Первыми законченными пьесами Брюсова были небольшие бытовые комедийки «Дачные страсти» (28.5) и «Проза» (28.4), написанные в шутку в 1893 г. Сохранились в архиве их цензурные экземпляры с разрешением к постановкам. Они были разыграны любительским кружком приятелей Брюсова. Он сам также принимал участие в этих спектаклях. Одновременно им была написана и историческая пьеса «Каракалла» (28.2), сохранился и ее цензурный экземпляр (28.3), но в печати ни одно из этих произведе-

ний не появилось, как и драмы на современные темы — «Декадент» (28.6—7) и «Красная шапочка» (28.8).

Законченных пьес у Брюсова немногим более 10, но, повторяю, им самим было напечатано только три. Из ненапечатанных особенно интересны для нашего времени по теме две—«Пироэнт» (29.1—9) и «Мир семи поколений» (29.13—15). Для своей эпохи они могли бы называться только «сценами будущих времен», как и пьеса «Земля» (28.9—10), сейчас же они почти современны: «Пироэнт» (первоначально заглавие «Арго») — пьеса о постройке космического корабля — законченная «драма» в 5 действиях, имеющая 9 вариантов; «Мир семи поколений» — пьеса в 10 сценах. «Мир семи поколений» — название кометы, орбита которой так велика, что за один ее год успевают смениться семь поколений населяющих ее живых существ, людей, почти вымирающих от холода в периоды апогея и бурно развивающих свою культуру и науку в периоды перигея. В эти периоды они узнают о жизни и научных достижениях Земли и следят за ней. Эти произведения принадлежат к той же «научной поэзии», которой Брюсов был увлечен в последние годы жизни и о которой речь была выше, в связи с последним сборником стихотворений Брюсова.

Сюжеты остальных пьес очень разнообразны. Брюсов обращался и к античной жизни — «Пифагорейцы» (29.12), и к средневековью «Бертрада» (30.14), «Верный любовник» (30.13), и к XIX веку — «Сорок тысяч» (30.17), «Любовь» (30.4), отрывки без заглавий (30.19). У него есть даже крошечный набросок из жизни первобытных людей (30.6). Но драматургически все это очень не совершенно. Может быть, потому это и оставлено незавершенным.

Более всего любопытны в драматических опытах Брюсова его проспекты. Их несколько. Из русской истории — «Петр Великий», первоначальное заглавие — «Властелин судьбы» (30.11). Действующими лицами намечены Петр, царевич Алексей, «Птенцы гнезда Петрова, лица свиты, Раскольники». Набросаны карандашом с недописанными словами два плана. Первый — в 5 действиях:

«1. «Пришла погибель!». Ужас. Рассказы. Самосожигатели. Убегают, дабы спасти Россию.

2. Основание Петербурга. Ропот. Мастера[?]. Первое явление Петра.

3. Корчма. Полусумасшедшая девка. Является Р[аскольник?]. Проповедь его.

4. Пир Петра великого. Пьянство[?]. Восхищаются Петром.

5. Конец Северной войны. Мир. Палят в пушки (30.11).

Второй — в трех действиях и восьми картинах.

I. 1. Самосожигатели (как выше). 2. Боярск. ст[?] С. Те же мысли(?). 3. Основание П[етер]бурга. Встреча С. с Р. Видение. Петр.

II. 4. Заговор. 5. Пир Петра

III. 6. — 7. — 8. Мир» (30.11).

Имеются еще проспекты пьес «Непримиримые» (30.7), «Фауст в Москве» (30.10), «Париж» (30.8). Два последних носят характер условности, фантастики или символики. Действующие лица в «Париже»: Lui, Elle, Fille, Femme, Amoureux (à Elle), Homme d'Etat, Courseur, Foule (Он, Она, Девушка, Женщина, Влюбленный (в Неё), Государственный человек, Толпа).

Брюсов не делает даже попыток оформления текста этих проспектов.

Кроме перечисленного, в драматических материалах Брюсова имеется еще несколько сценариев для кино: «Атрей мстящий» (30.22), «Карма или Перемены судьбы» (30.23), «День Страшного суда» (30.24) и «Родине в жертву любовь» (30.21) — по итальянской новелле XVI века. Затем имеется текст для постановки «живых картин» — «Душенька» (30.20) по Апулею и, наконец, либретто оперы «Красный маяк» в 3-х действиях (28.14—16).

Все это разнообразие творческих попыток Брюсова в драматургии не изменяет высказанного выше суждения, что данная область оказалась для него наименее удачной.

Комедия «Урок игроку» (29.16) является вторым произведением, написанным Брюсовым на пушкинский сюжет, как и поэма «Египетские ночи». В своем предисловии к пьесе Брюсов точно указывает, что́ он заимствовал у Пушкина, что́ и как позволил себе доработать, чтобы не навлечь на себя «обвинения в желании соперничать с Пушкиным» (29.16, л. 1).

* * *

Художественная проза Брюсова очень разнообразна во всех отношениях — и по затронутым в ней темам, и по отражению различных эпох и различных сторон окружающей жизни, и даже по размеру произведений — от больших романов до крошечных прозаических басенок, или, как называл их сам Брюсов, «злых рассказов». В архиве представлено все это разнообразие, и редкое произведение не имеет нескольких редакций или вариантов. Очень многие произведения опубликованы, но едва ли не столько же — незаконченных, которые остались в рукописях; не закончил же их автор, вероятно, потому, что они чем-либо не удовлетворяли его.

Самыми крупными в прозе были три исторических произведения Брюсова: роман из эпохи средневековья «Огненный ангел» (первоначальное заглавие — «Повесть о ведьме» (32.1—5) и две повести, связанные общим героем, из времен борьбы язычества с христианством — «Алтарь победы» (31.5—6) и «Юпитер поверженный» (31.7—8).

Четвертое крупное произведение, более раннее, — «Гора Звезды» (31.1—4) — осталось неопубликованным. Оно относится к той же псевдонаучной фантастике, как «Атлантида». Оно сохранилось в архиве в нескольких черновых редакциях, записанных в четырех клеенчатых тетрадях. В подзаголовке указано: «Роман в 30 главах». (В действительности написано 26 глав и заключение). Брюсов работал над ним в течение нескольких лет с 1895 года по 1899, несколько раз переделывая его. Закончив роман, Брюсов указал точную хронологию своей работы над этим произведением.

Дата окончания: «18 авг. 99». Хронология работы над произведением:

«Написано впервые 7—9 авг. 1895. Хорошево. Переписано 6—10 сент. 1895. Москва. Переделано осенью 1897. Москва. Начато переделываться летом 1898. Останкино. Опять переделано в июле 1899. Москва» (31.4).

Брюсов публиковал свои прозаические произведения в журналах и газетах — «Весы», «Русская мысль», «Речь», «Русский листок» и др.

Позднее «Огненный ангел» был выпущен самостоятельным изданием. Из рассказов и повестей составлялись сборники прозы, объединенные, как и сборники его лирических стихотворений, какой-либо обобщающей темой. При жизни Брюсова вышли только два таких сборника — «Земная ось» (рассказы 1901—1907 гг.) и «Ночи и дни» (рассказы 1908—1912 гг.). В предисловии к первому он писал: «Кроме общности приемов письма, «манеры», эти одиннадцать рассказов объединены еще единой мыслью, с разных сторон освещаемой в каждом из них. Это — мысль о том, что нет определенной границы между миром реальным и воображаемым, между «сном» и «явью», «жизнью» и «фантазией» [35]. Второй сборник ставил себе задачей «всмотреться в особенности женской души» [36]. В эти сборники были включены семнадцать рассказов, материалы которых хранятся в архиве в автографах, машинописи или в печатных вырезках [37]. К ним можно было бы присоединить еще целый ряд из числа набросков, оставшихся в рукописях, например, к «Земной оси»: «Шара» (33.18), «Менуэт» (33.19); к сборнику «Ночи и дни»: «После детского бала» (33.20), «Кама-Шутра» (33.21) и отрывок, начинающийся словами телеграммы «Depart lundi (Отъезд понедельник)» (33.22) и ряд других.

Кроме того, по аналогии с выдвинутыми Брюсовым темами, можно было бы легко составить третий сборник, посвященный мужской психологии. Сюда могли бы войти рассказы и наброски: «Записки мужчины» (34.22), «Первая любовь» (33.7) — несколько вариантов, «Записки, оставленные <в гостинице> на пароходе» (34.23) и большая повесть «Моцарт» (35.5—9) — об одаренном скрипаче Латыгине, в насмешку называемом именем великого композитора; в архиве хранится пять редакций этой повести или, как называет ее сам автор, «лирического рассказа» или даже «рассказа-повести». К подзаголовку второй редакции «рассказ в 10 главах» Брюсов делает примечание: «Подзаголовок требует, может быть, некоторых объяснений в виду, сравнительно, большого объема печатного повествования. Но следовало бы раз навсегда установить терминологию «роман», «повесть», «рассказ». Романом должна называться эпопея в прозе (иногда и в стихах), изображение жизни целого народа, целого класса общества, обособленного общественного движения (таковы, напр. «Война и мир», «Бесы», «Евгений Онегин»), повестью — изображение жизни одного человека или группы людей, по возможности, во всем объеме их судьбы или, по крайней мере, в наиболее характерный для них

[35] «Земная ось». Изд. 2-е. М., 1910, стр. VII.

[36] «Ночи и дни». М., 1913, стр. III.

[37] «Земная ось», «В подземной тюрьме» (33.1), «В зеркале» (33.2), «Теперь, когда я проснулся» (33.3), «В башне» (33.4), «Бемоль» (33.5), «Мраморная головка» (33.6), «Первая любовь» (33.7), «Защита» (33.8), «Республика Южного креста» (33.9), «Сестры» (33.10), «Последние мученики» (33.11). «Ночи и дни»; «Последние страницы из дневника женщины» (33.12), «Пустоцвет» (33.13; первоначальное заглавие — «Три сеанса»), «За себя или за другую» (33.14), «Ее решение» (33.15), «Через пятнадцать лет» (33.16), «Только утро любви хорошо» (33.17).

период (напр.: «Записки маркера», «Записки из подполья», «Кавказский пленник»); р а с с к а з о м — изображение единого события (напр.: большинство рассказов Чехова). С такой точки зрения «Моцарт», независимо от своих размеров, должен быть назван р а с с к а з о м, тем более, что его действие заключено в пределы 24 часов (чем как бы выполняется требование классической поэтики, применявшееся обычно в драме)» (35.6).

Это — очень интересный экскурс Брюсова в область теоретико-поэтическую. В своих теоретических работах он не останавливается на данном вопросе.

Возвращаясь к группировке прозы Брюсова по темам, следует вспомнить посмертное издание сборника «Неизданная проза»[38], объединившего в себе повесть «Юпитер поверженный» (31.6—11) и наброски рассказов на темы из античной истории. Сюда вошли: «Обреченные» (34.7), «Каннусинские беглецы» (34.5), «Тело Гектора» (34.9), «Жизнь Вергилия» и «Предсмертный бред Вергилия» (34.3), «Последний император Трапезунда» (34.8), «Женщина с бичом» (34.4), сюда же можно было бы присоединить наброски «Под старым мостом» (34.6), «Поэт на троне <фараонов>» (34.11), рассказы «Элули, сын Элули» (34.10) и «Рея Сильвия» (34.2; два последних рассказа выходили отдельным изданием)[39].

В сборники научной фантастики вошли бы рассказы «Торжество науки. Запись о посещении теургического института» (35.29; об искусстве оживления на время давно умерших людей; 1918 г.), «Восстание машин» или «Мятеж машин» (34.13) и «Экспедиция на Марс» или «Первая междупланетная экспедиция» (35.11—13; 1921 г.). Этот рассказ написан в форме научного отчета о выполненном задании, но не окончен.

В черновых набросках есть проект сборника с заглавием «Дыба». По трем названным на обложке произведениям можно убедиться, что сюда должны были войти рассказы о мучительстве, о наслаждении чужими страданиями, что связано с именем маркиза де Сада. Там названы «Рассказ акушера» (35.19), «Добрый Альд» (34.19) и «Мятеж машин», последний, однако, вычеркнут. Подошли бы сюда и рассказы «С божьей помощью» (35.21; хотя в нем сильна злая сатира), «Теперь, когда я проснулся» (33.3) и «Последние мученики», имеющие еще три варианта с разными заглавиями: «Общество последних верующих», «Гибель последнего храма» и «Взятие храма тайн» (33.11). Два последних рассказа вошли в «Земную ось».

Из прозы Брюсова остались неназванными еще только несколько произведений. Таковы два приключенческих детективных рассказа, отделенные друг от друга очень большим сроком: юношеская повесть «Куберто — король бандитов» (35.4) и поздний, времен первой мировой войны, начальный набросок о приключениях Арсена Люпена в России (34.12).

Есть несколько произведений, рисующих русский быт последней четверти XIX в.: повесть «Обручение Даши» (34.1), отражающая купеческий быт; начало рассказа, названного «История одно-

[38] Б р ю с о в В. Неизданная проза («Юпитер поверженный» и др. рассказы). Вступит. статья И. М. Брюсовой. Ред. и примеч. И. Поступальского. М., 1934.

[39] «Рея Сильвия» и др. рассказы. Универсальная библиотека. № 701. М., 1911.

го преступления» (или «одной преступницы»[?]) (35.3) и «Палка о двух концах» или, во втором варианте — «Маленькая фея» (35.51). Последний незаконченный набросок имеет подзаголовком наименование «сказка», но, вероятно, он должен был развиваться как бытовая сценка, хотя начало его даже несколько фантастично: герой, придя домой, слышит в передней чей-то вздох и замечает маленькую фею. Боясь смутить ее, он выходит на улицу и встречает гризетку с лицом той же феи, — на этом набросок обрывается. В сценке «Через 10 лет» (35.30) показана встреча двух женатых друзей из мещански «интеллигентного» круга. Жены и мужья порознь перебирают свои воспоминания за протекшее время и обнаруживают все ничтожество своих интересов. Есть несколько набросков полуфантастических рассказов, с участием потусторонних сил — божественных и дьявольских: «Хромой бес» (35.43), озаглавленный еще — «Бес на Рождестве» или «Таинственный посетитель»; «Ночное путешествие» (35.16) и «Рассказ Маши с реки Мологи» (35.20; о чертях, гадалках и колдуньях).

Праздничные рассказики — пасхальные и рождественские, — «Дары младенца Иисуса» (34.16), «Повесть о Софронии любящем» (35.14), «Дитя и безумец» (34.18) и др. Эти рассказы печатались обычно в журнале «Приложение к «Русскому листку» и сохранены Брюсовым в архиве только в виде печатных вырезок.

В разных группах упоминались уже произведения с сатирическим оттенком, но наиболее ярко это направление выражено в двух небольших «злых сказочках» — «Бревно» и «Университет» (35.1). В первом из них речь идет о некоем добром барине, пожалевшем бедные цветочки, примятые положенным на них бревном. С большим трудом он освобождает их и выкатывает бревно на пустую дорогу. Ночью ехал по дороге мужик в телеге. Зацепил колесом за бревно, телега опрокинулась, и мужик сломал себе ногу. В «Университете» не менее зло противопоставляется жизнь разных этажей этого достойного учреждения: наверху, в самой большой аудитории, шла защита докторской диссертации, а затем все должны были ехать на торжественный обед в ресторан. Внизу же, в подвальном этаже, в квартире сторожа, сидели двое голодных ребятишек, запертых отцом, который ушел по случаю воскресенья в гости, давно съевшие оставленный им единственный кусок черного хлеба.

И в прозе Брюсова, как в драмах, есть ряд только намеченных произведений. Так, в одной из записных тетрадей (№ 40 по нумерации Брюсова; 3.32б) есть запись: «К ром[ану] Мск [Москва?] (л. 40) 1) Нескучн[ый] сад 2) Сокольн[ики] осенью, 3) Вор[обьевы] гор[ы], 4) Вид с б[ольшой] Дм[итровки?], Провол[40]. Баш[ня?] кремл. 5) У Кремл[я] в Алекс[андровском] саду, 6) Розоватое небо, дом красноват[ый], отблеск на куполах и бульв[ар] в инее <серебр.>». Нигде больше об этом романе упоминаний нет.

Конечно, здесь исчерпаны далеко не полностью все рукописи, относящиеся к группе художественной прозы, но учтены основные направления произведений Брюсова и дано представление о том, что́ может найти в архиве исследователь, интересующийся этой стороной его творчества.

[40] Так в оригинале.

* *
*

К разделу публицистики в архиве Брюсова относится очень немногочисленная группа материалов.

Это небольшие статьи и записи выступлений Брюсова, сохранившиеся преимущественно в виде либо черновых автографов, либо вырезок из газет. При черновиках часто имеются машинописные копии, но большинство из них сделано позже, вероятно, при подготовке И. М. Брюсовой задуманного ею полного собрания сочинений писателя.

Публицистика Брюсова охватывает период с начала 1900-х годов до конца его жизни. Ее основными темами были вопросы о взаимоотношениях писателя, и, в частности, поэта, с окружающей действительностью, а также отклики на события указанных лет: русско-японская война, революция 1905—1907 гг., события на Балканах 1912—1913 гг., империалистическая война за годы 1914—1916, когда Брюсов ездил военным корреспондентом в Привислинский край, 1917 год и последующие годы установления и развития советского общественного строя. Изредка откликался он и на отдельные события западноевропейской жизни.

С русско-японской войной связаны только две имеющиеся в архиве статьи — «К несчастью с «Петропавловском» (36.7) и «Мысли о войне» (36.8). Обе — недатированные автографы. В первой Брюсов высказывал мысль, что только будущее раскроет истинную причину гибели броненосца «Петропавловск» и обнаружит долю «роковой случайности» и, может быть, преднамеренного вражеского умысла или преступной по результатам беспечности. Во второй, от которой сохранился только начальный отрывок, обрывающийся на полуфразе, вопрос о значении войны рассматривается своеобразно: Брюсов усматривал в ней прежде всего проявление постепенно расширяющихся границ мирового взаимодействия различных народностей и рас. «Считающаяся в своем роде классической «История XVIII века» Шлоссера говорит только о Европе, — пишет Брюсов, — история XIX века будет уже явно неполной, а история XX века прямо немыслимой, если исключить из нее события Америки, Азии и Австралии» (36.8).

Обе статьи не попали в печать. На их первых листах имеются сообщения Брюсова о «Петропавловске»; «Статья, отвергнутая Русс[ким] Арх[ивом] и Русс[ким] листком в 1905 году» (36.7); о войне: «Предложено было в Нов[ый] Путь и отвергнуто» (36.8).

Вторая статья перекликается с высказываниями Брюсова и предшествующими ей, и с позднейшими. Так, мысль процитированной фразы об истории XVIII—XX веков была уже высказана им в статье «Завоевание земли», напечатанной в «Русском листке» [41], сохраненной в архиве в виде вырезки из газеты (36.2).

Основная же тема статьи о научных завоеваниях, о постепенном и быстром ознакомлении людей с недавними еще «terrae incognitae» — «неведомыми землями» — в Центральной Африке, Австралии и др. повторяется еще в двух хранящихся в архиве статьях Брюсова: «Перед <открытым> <поднятым> опущенным [42]

[41] «Русский листок», 1902, 2 февраля.

[42] Интересно это искание определения у Брюсова, любившего выражаться четко.

занавесом» (автограф, 1910; 36.10) и «Эпоха чудес» (вырезка из газеты «Новая жизнь» [43]; 36.23).

Статья «Перед опущенным занавесом» получила такое заглавие потому, что в ней особенно определенно выразилось беспокойное ожидание неизвестных и все же неизбежных перемен, которые должны наступить в России в XX веке. Во второй статье речь идет о технических завоеваниях последних лет.

Вторая идея, особенно важная в глазах автора, выражена им в начальных словах статьи: «Вряд ли кто теперь сомневается, что пережитая нами война — одно из роковых, поворотных событий в мировой истории» (36.8; выделено мною. — *Е. К.*). В публичной лекции 1912 года, озаглавленной «Новая эпоха во всемирной истории», прочитанной Брюсовым по поводу Балканской войны, один из тезисов утверждает: «Русско-японская война была первым в новой истории серьезным столкновением Европы с Азией» (машинопись; 36.11). Подобное же столкновение видел он в выступлении балканских славян против Турции в 1912—1913 г., и в 1903 году, когда он отмечал ту же тенденцию в статье «Разрешение македонского вопроса» между Грецией и Турцией (гранки журнала «Новый путь»; 36.5).

Откликами на революцию 1905 года в архиве Брюсова являются три его собственноручных наброска.

Первый — коротенькое высказывание по поводу требования отмены смертной казни, оканчивающееся словами: «Не вижу причин, зачем начинать с отмены смертной казни, а не с уничтожения всего строя современной жизни, в которой смертные приговоры одна из самых характерных и самых многозначительных черт. Пока держится этот строй, я во имя откровенности из презрения ко всякому лицемерию — за смертную казнь! В. Б.» (36.9(1).

Вторым можно считать черновик письма в редакцию журнала «Фак[елы?]» об ожидаемой забастовке почтово-телеграфных работников, которым сочувствовал Брюсов (36.9/2); и третьим — черновик незаконченной статьи, названной «Из наблюд[ений] москв[ича?]» (36.9/3). Записанная, как это нередко случалось у Брюсова, обрывками слов, эта статья плохо поддалась расшифровке даже И. М. Брюсовой. Можно понять в общих чертах, что Брюсов пытается описать в ней по возможности точно, но без пугающих преувеличений баррикадные бои, происходившие в Москве в декабре 1905 года. Все три названных рукописи лежат в обложке с надписью рукою Брюсова: «Разные писания революционных дней 1905 года» (36.9).

Материалы, связанные с годами империалистической войны, представлены в архиве Брюсова главным образом его очерками с Западного фронта. Они сохранились преимущественно в виде вырезок из газет 1914 и 1915 годов и в небольшом количестве разрозненных автографов: «Грозные дни Варшавы», «В тылу боя» (поездка в Лович), «Ночь в мертвом городе» (Брезины), о Праснышском сражении (36.14) и др. и фельетоны «Мимоходом», в которых отразились отдельные, иногда случайные впечатления прифронтового быта (36.15—17).

[43] «Новая жизнь», 1918, 1 июня.

К тем же военным годам относится еще несколько статей Брюсова, сохранившихся в архиве в автографах; их оборонческий характер ясно выражается начальной фразой одной статьи без заглавия: «Переживаемое нами время совершенно правильно выдвинуло лозунг: «все для войны!» (36.18—20).

К 1917 году и первым годам Советской власти относится несколько публицистических выступлений Брюсова. Так, от дооктябрьского периода сохранился в его архиве черновик неоконченного воззвания от лица «писателей города Москвы, собравшихся на совещание без различия политических партий и литературных школ», к «читателям» с восторженной оценкой Февральской революции [44] и с призывом: «Должно окончить войну!» [. . . . .] Нам нужен мир» (36.21).

Вероятно, к началу 1918 года можно отнести сохранившиеся автографы двух редакций статьи, названной первоначально «Судьбы России и русская интеллигенция», а позднее озаглавленной «Наше будущее», в которой Брюсов говорит о большой и сложной, но необходимой задаче, стоящей перед русским народом — преодолеть предстоящие ближайшие трудности неминуемой временной разрухи и вернуть себе право числиться среди великих народов. «Мы должны будем показать и доказать, что ход истории мог уничтожить Россию, как империю, но не властен в несколько лет сделать, чтобы русский народ перестал быть «великим народом» [. . . .], именно утратив свой обманчивый престиж «грозной империи», мы получим возможность добиваться подлинных прав в семье человечества и подлинной славы в истории» (36.22). Брюсов старается внушить своим читателям сознание о б я з а н н о с т и для каждого человека максимального напряжения своих духовных творческих сил. «Может быть, все это слишком требовательно, но не забудем, что мы переживаем исключительные дни [. . . .]. Перед лицом мировых переворотов каждый обязан понять, что в общенародном деле нет ничего малого» (там же).

В архиве Брюсова сохранилось еще два его выступления 1920 г. о В. И. Ленине, связанных с празднованием 50-летия со дня рождения Владимира Ильича. Одно из них было застенографировано на торжественном заседании в Доме печати. В нем Брюсов говорил: «Мы все считали социалистическую революцию делом далекого будущего [. . . .]. Предугадать, что революция не так далека, что нужно вести к ней теперь же, — это доступно лишь человеку колоссальной мудрости. И это в Ленине поражает меня больше всего» (36.25) [45].

Второе является приветственным словом В. И. Ленину от лица деятелей русской художественной литературы. Брюсов закончил это выступление словами: «В великом социальном катаклизме, который переживается сейчас Европой, и в котором передовую роль играет Россия, осуществляются смутные чаяния всех наших выдающихся писателей. Какое участие в совершающемся принимали Вы, Владимир Ильич, известно всем, и русские художники слова,

[44] «Не может быть двух мнений о совершившемся в России перевороте. Только духовные слепцы могут не видеть, как величественно прекрасно свершившееся, только враги родины могут отрицать его всемирно-историческое значение» (36.21).

[45] «Экран», 1928, № 4.

рядом с другими группами русского народа приветствуют Вас в день Вашего 50-летия, признанного вождя социальной революции» (36.26). Тексты обоих выступлений сохранились только в машинописи.

Последняя тема, затронутая Брюсовым в его публицистике, касается вопроса о взаимоотношениях писателя и общества. К этой теме Брюсов обращался не раз на протяжении своей деятельности. В архиве сохранились автографы его статей 1905 года: «Под красным знаменем» (36.6а), «Современные соображения» (36.6б—г) и 1914 года — «Русская литература и русская общественность» (36.13).

Общий смысл этих статей сводится к тому, что писатель, по мнению Брюсова, конечно, не может не откликаться на современность, но это не значит, что он должен все свое творчество обратить только в эту сторону. «Требовать, чтобы все искусство служило только общественным движениям, все равно, что требовать, чтобы вся ткацкая промышленность только и делала, что приготовляла материал для красных знамен» (36.6г).

В архиве имеется еще одна статья Брюсова — «Первое мая и календарь» (36.24) — по поводу празднования этого дня по новому стилю (еще не принятому в России), чтобы одновременно с Западной Европой отметить этот рабочий праздник.

В архиве Брюсова имеется еще несколько публицистических статеек, но они представляют собою лишь незначительные заметки о фактах, чуждых русской жизни, вроде холодного приема французскою общественностью приезда английского короля Эдуарда VII в Париж в 1903 г. (36.3) или об изгнании духовных конгрегаций из Франции, написанная для «Нового пути» и запрещенная духовной цензурой (36.4).

* *
*

Критическая деятельность Брюсова была очень широка, но выразилась большею частью в отзывах и рецензиях, публиковавшихся им обычно в различных периодических изданиях, а также в сборниках и альманахах, главным образом, в «Русском листке», «Русских ведомостях», «Биржевых ведомостях», «Русском архиве», «Русской мысли», «Весах», «Известиях Литературно-художественного кружка», «Северных цветах», «Искусстве».

В его архиве этот материал очень многочислен, но по объему невелик (36.27—40; 37.1—35), потому что большая часть рецензий чрезвычайно лаконична. Кроме того, преимущественно сохранились черновые наброски в автографах или тексты, вырезанные из журналов и газет. Рецензии касаются множества литературных новинок. Особенно тщательно следил Брюсов за выходящими сборниками стихов.

Вот примерный перечень имен поэтов конца XIX — начала XX вв., рецензированных Брюсовым: И. Анненский, Минский, Мережковский, Лохвицкая, Зинаида Гиппиус, Александр Добролюбов, Гумилев, Волошин, Вяч. Иванов, Бальмонт, Блок, Сергей Соловьев, Белый, Игорь Северянин и многие другие (37.1—12). Перечислить их полностью было бы затруднительно — Брюсов не замыкался в узком кругу символистов. Как журналист он считал себя обязанным откликаться на все, по крайней мере столичные, по-

тербургские и московские издания. Нередко он давал рецензии на одну и ту же книгу в разные повременные издания. Часть этих рецензий о современной лирике была включена Брюсовым в изданный им сборник «Далекие и близкие» [46].

Выпуская эту книгу, Брюсов сам оговорил в предисловии, что он «не без колебания решился издать» ее, понимая, что в ней нет того единства и цельности, которых он требовал от своих сборников художественных произведений, что далеко не все статьи сделаны на должном уровне, и главное значение своих рецензий видел в передаче своего читательского непосредственного впечатления от того или иного литературного явления.

В последние годы жизни Брюсов был живо заинтересован новыми пролетарскими и крестьянскими поэтами. За публикацией их стихов он следил с тем же горячим сочувствующим вниманием и всегда умел и хотел увидеть в новичках подлинную одаренность, живое чувство поэзии. У него есть рецензии о Безыменском, Филипченко, Клюеве, Князеве и др. (37.1—12).

Кроме отзывов на отдельные литературные явления, в архиве Брюсова сохранились его критические обзоры литературных произведений за целые годы или за какой-нибудь обобщающий период (36.33—40). Брюсов отмечал также выход в свет собраний сочинений различных поэтов прошлого: Баратынского, Лермонтова, Некрасова, Огарева, А. К. Толстого и исследований по различным вопросам литературоведения (37.13—38).

Иногда его рецензии имели полемический характер, как, например, выступление против статей И. Щеглова о взаимоотношениях Пушкина и Баратынского (см. ниже, стр. 123); «Маленькие переоценки», «Оклеветанный стих» — против толкования Л. Шестовым лермонтовского стиха о поэте и толпе (36.27); «О речи рабской»—в защиту поэзии против Вяч. Иванова и Блока (36.28); «Язык богов» — против книги А. Шемшурина «Стихи Брюсова и русский язык» (36.29) и ряд других (36.30—32).

* *
*

Исследовательские работы Брюсова были направлены на изучение историко-литературных явлений и теоретико-поэтических вопросов. И здесь, как в художественном творчестве и в критике, в центре его внимания была поэзия. Основными темами, занимавшими его на протяжении почти всей жизни, были история русской лирики и построение науки о стихе.

В архиве особенно богато представлена работа писателя именно в области стиховедения. Здесь хранятся многочисленные подготовительные материалы к его книгам о стиховедении. В первоначальной редакции, начатой еще в конце 1890-х годов, она называлась «Законы русского стиха» (38.19—21). Эта тема была им разработана и как элементарный краткий курс (38.19) и как систематический курс (38.20—21) для специалистов — поэтов и стиховедов. Обе рукописи сохранились в архиве. Полный курс стиховедения должен был состоять из четырех частей: метрики, ритмики, строфики и евфонии. Брюсов успел закончить и опубли-

[46] Брюсов В. Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М., изд. «Скорпион», 1912.

ковать только две первых части переработанного учебника, названного «Наукой о стихе» [47] — метрику и ритмику (38.25). Две последующие — евфония и строфика — не были доведены до конца (38.24). В архиве собран богатейший материал для всех частей этого обстоятельного учебника о русском стихе. Пособием к нему является и один из стихотворных сборников Брюсова «Опыты» (8.1—2). В нем Брюсов собрал материалы для всех четырех частей и выпустил его до издания теоретического руководства [48]. Предисловие, озаглавленное «Ремесло поэта», также имеется в архиве как самостоятельная рукопись (38.26).

Архивные материалы богаче того, что включено автором в книгу. Особенно большое значение имеют рукописи второго, незаконченного тома (39.1—14). Исследователи найдут в сохранившихся черновиках немало тонких и глубоких наблюдений. Эта часть едва ли не основная драгоценность архива.

Кроме сырого материала, в архиве хранятся тексты нескольких лекций Брюсова по евфонии, читанных им в Студии стиховедения при Наркомпросе (39.15) и на старшем курсе Высшего литературно-художественного института (39.16).

Имеются в архиве также автографы нескольких статей по частным вопросам стиховедения: «Русский язык и античные размеры» (38.13), «Sapphicum majus в русском стихосложении» (38.14) и заметки о ямбическом триметре (38.15), о силлабическом стихе (38.16), о белом стихе (38.17). Многие из этих статей печатались в журнале «Весы».

Уже в раннюю пору творчества Брюсова занимают вопросы философии искусства. К 1890-м годам относятся его небольшие статьи по общим вопросам поэзии, сохранившиеся в архиве в черновых набросках и беловых автографах. Таковы статьи «Два течения поэзии» (1897; 38.1), «Что такое поэзия — дело или безделье?» (38.2), «Что такое стих?» (38.3). Незаконченной осталась статья «Наука и поэзия» (38.5), сохранившаяся в архиве в виде двух набросков, разделенных очень большим сроком (1902 и 1918). Только в 1923 году Брюсов выступил с лекцией на эту тему в Политехническом музее, — в архиве хранится его собственноручная запись тезисов этой лекции и ее текст (38.10).

Рукописи Брюсова последних лет также свидетельствуют о его большом интересе к широким обобщающим темам о поэзии: «Синтетика поэзии» (38.7), «Поэзия как искусство» (38.6), для которой «слово» является таким же «материалом», как мрамор для скульптора и краски для живописца, «Поэзия как познание» (38.9).

Своеобразный интерес представляет имеющаяся в архиве небольшая статья Брюсова, озаглавленная греческим словом «Ктематика» (38.8; создание вечных ценностей, сокровищ на вечность). Основным положением этой статьи является утверждение, что искусство, в частности, поэзия, должно создавать произведения, достойные жить века; поэт — голос человечества, поэт должен быть современным до предела; поэт должен равняться по

[47] Брюсов В. Краткий курс науки о стихе. Часть первая. Частная метрика и ритмика русского языка. М., 1919.

[48] Брюсов В. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. (Стихи 1912—1918). М., 1918.

знаниям величайшим ученым своего дня, по глубине мысли не уступать ни одному из современных мыслителей, по напряженности воли соперничать с революционными деятелями, стоящими на передовых позициях. Брюсов заканчивает эту статью фразой: «Творите только вещи на вечность!...» (38.8), написанной по-русски и по-гречески.

В начале статьи — точная дата рукою автора: «21 авг[уста] 1920 г. в 9½ ч. веч.».

* * *

Среди различных исследовательских работ Брюсова о русской литературе в архиве сохранилось два ранних плана истории русской литературы и истории русской лирики. Первый по времени план представляет собою лишь общий набросок. К его материалам относятся собственноручные большие, но небрежно набросанные перечни русских журналов и писателей — прозаиков и поэтов, критиков и журналистов, — от Карамзина до начала XX века, с упоминанием Чехова, Короленко, Горького, Вересаева и др. (40.1—4). Кроме того, имеются отдельные заметки о Гоголе (40.7/2), Лермонтове (40.8), Некрасове (40.9), Достоевском (40.10), Л. Толстом (40.11) и В. Крестовском (псевдоним) (40.12). Дальнейшей разработки этих заметок не было. Позднейшая статья о Гоголе 1909 года — «Испепеленный», автограф которой хранится в архиве (40.7/1), является докладом Брюсова в Обществе любителей российской словесности в юбилейные гоголевские дни по поводу 100-летия со дня его рождения и открытия ему памятника в Москве и не связана с планом общей истории русской литературы. К этому плану в архиве относятся также небольшие заметки о прочитанных книгах по истории русской культуры, языка и литературы (40.14). К историко-литературным работам можно отнести также и наброски о литературных школах от романтизма до футуризма и акмеизма включительно (40.16—37), потому что в них литературные течения рассматриваются в более широком плане, на фоне общего развития русской культуры.

Почти так же обстояло дело и с работой Брюсова по «Истории русской лирики». Сам автор писал по поводу намеченной темы следующее: «Я не чувствовал себя способным взяться за полную историю русской литературы [. . . .]. Поэт[ому] я избрал область чистой поэзии — исключив из нее роман и драму [. . .]. Лирикой я называю все, ближайшая цель чего состоит в том, чтобы вызвать настроение [. . .].

Задача моя — проследить развитие форм в области лирики, указать, как одни из них по[беждали?] другие, как постепенно русская поэзия понимала великую тайну символизма [. . .]. (В заметках к «И[стории] Р[усской] Л[ирики]» о Пушкине; 41.16, л. 5).

В архиве сохранилось несколько планов этой работы. Один из наиболее ранних, недатированный, развивает мысль, высказанную в последнем абзаце. В нем предусматривается освещение не только истории русской поэзии, но и ее теории. Первый том был рассчитан на семь глав: «1. Классицизм и символизм. 2. Законы русского стиха. 3. <Русская рифма> Теория рифм. 4. Обработка

стиха у поэтов-силлабистов. 5. Первые шаги тонических стихов. Ломоносов и его современники. 6. Херасков. 7. Державин» (41.16, л. 6) [49].

Позднейшие планы истории русской лирики, датированные годами 1897 и 1898, предполагали уже три тома и строились исторически (41.1 и 2). Центром внимания был Пушкин. В состав первого тома по проекту должны были войти материалы о предшественниках его творчества. В одном из вариантов плана в 1-й же том включались и лицейские стихотворения Пушкина, как продукт его еще не самостоятельного, подражательного творчества. Второй том посвящался в первом варианте Пушкину и его плеяде— Баратынскому, Дельвигу и др., а во втором — расцвету творчества Пушкина, начиная с раннего, петербургского периода, и до конца его жизни. Сюда же включалось рассмотрение творчества его старших современников: Карамзина, Батюшкова, Жуковского и поэтов школы Пушкина (Баратынского, Лермонтова, Тютчева, Майкова, Фета, Каролины Павловой). Третий том в одном варианте начинался 1840-ми годами, в другом — 1860-ми. Здесь названы Некрасов и его последователи, «Вечерние огни» Фета, Надсон, Фофанов, декаденты — Мережковский и другие, символисты или, как назвал их Брюсов в проспекте 1897 года, — «Новая школа».

Интересно отметить, что позднейший вариант проспекта «Истории русской лирики» начинался не с XVIII века, а с XVII, потому что Брюсов осознал непрерывную преемственную связь нашей внешне подражательной лирики XVIII в. с народным творчеством допетровского времени (41.2).

В предисловии к «Москве XVII в.» Брюсов писал: «Предлагаемая статья составляет вступление к задуманной мною Истории русской лирики. Первоначально моей мыслью было начать эту историю с того времени, откуда обычно начинается новый отдел истории русской словесности, — с Петра и Кантемира. Но более внимательное изучение нашей словесности XVIII века убедило меня, что как ни резок был поворот на новый путь, произведенный временем преобразований, он не мог порвать все связи с прошлым [...]. Многие течения Елизаветинского времени составили лишь продолжение того, что печатал[ось] еще при Алексее [Михайловиче]. Самое стихосложение первых новых поэтов Кантемира и Тредиаковского всецело заимствовано ими у поэтов прошлого века. Я уже не говорю о том, что в народной поэзии разрыв с прошлым был гораздо менее заметен; песни о Петре, раскольничьи стихи, многие современные песни (особенно северного края) составили естественное продолжение поступательного движения б ы л и н н о г о с т и х а» (41.3, л. 2).

Вступлению к «Истории русской лирики» должен был предшествовать очерк о культуре и быте Москвы XVII века, охватывающий разнообразнейшие стороны ее жизни. В особом плане значится: «Часть первая: XVII век. I. Москва XVII века. (Части первой главы: 1. Улицы, 2. Церкви, 3. Толпа и уличные увеселения, 4. Дворцовая и боярская жизнь. 5. Жизнь средних людей), II. Усадебная жизнь, III. Эстетика русского XVII века. Идеальные побуждения (религия, раскол, искусство: архитек-

[49] Записан тоже на одном из листков среди заметок о Пушкине.

т[ура], живопись, музыка) [...]. IV. Русс[кий] язык XVII века V. Книги. VI. Научные понятия и кругозор. VII. Народные и церковные стихи. VIII. Искусственная поэзия и стихосложение. IX. Новые веяния. Часть вторая: Время преобразований» (41.3, л. 1об.).

Для XVIII века намечались Кантемир, Тредьяковский, Ломоносов, Сумароков, Херасков и Державин.

Планы эти, как и многие, упоминавшиеся в художественном творчестве Брюсова, не были осуществлены. Материалами ко всем намеченным именам и пунктам остались в архиве многочисленные, но большею частью разрозненные заметки на листках, которые сам Брюсов метил буквами «ИРЛ» (история русской лирики) в отличие их от заметок для отзывов и рецензий. Они составляют картон 41.

Огромное большинство их осталось неиспользованным. Лишь небольшая часть их вошла в те статьи и очерки, которые написал Брюсов о Пушкине, Баратынском, Каролине Павловой и Тютчеве. В архиве имеются автографы биографических статей об этих писателях, библиографические перечни и выписки текстов из их произведений, писем, а также из отзывов о них.

Самой значительной частью литературоведческих трудов Брюсова, связанных с первоначальным замыслом «Истории русской лирики», являются его всесторонние работы по изучению творчества и жизни Пушкина. В архиве они представлены многочисленными статьями и материалами к ним. Однако надо сразу иметь в виду, что большинство работ, оставшихся в нашей части архива, представлены черновиками, набросками и планами. Законченные же рукописи в основном были переданы другим архивохранилищам (см. перечни этих передач на стр. 80—81).

Общее количество работ Брюсова о Пушкине составляет в архиве 3 картона (42—44), к ним примыкают два картона, заполненные корректурами различных изданий Пушкина, в которых принимал участие Брюсов (63—64).

Пушкиноведческие работы Брюсова составляют по содержанию несколько групп:

1. Статьи общего характера; «Пушкиноведение» (автограф; 42.1) — обзор этой отрасли науки о литературе со времени ее возникновения в конце 1890-х годов до 1923 года, когда была написана работа Брюсова «Почему должно изучать Пушкина?» (вырезка из газеты [50]; 42.2); материалы к статье о стихотворном мастерстве Пушкина в виде собственноручных заметок, выписок и наблюдений над приемами поэта, главным образом, по его черновым рукописям (42.3).

2. Статьи, посвященные отдельным произведениям Пушкина: «Письмо в редакцию [«Нового времени»] «Об авторе «Гавриилиады» (вырезка из газеты [51]; 42.4); «Маленькие драмы Пушкина. К предстоящему спектаклю в Московском Художественном театре» (вырезка из газеты [52]; 42.5); «Указатель к «Евгению Онегину» — тематическая роспись романа: «Природа», «Крестьяне», «Помещи-

[50] «Московский понедельник», 1922, 24 июля.
[51] «Новое время», 1903, 30 августа.
[52] «Русские ведомости», 1915, 22 марта.

чий быт», «Петроградский[53] свет», «Города», «Писатели», «Композиторы, Художники, Артисты, Исторические деятели, Литература вообще, Народности России, Мифологические имена», «Действующие лица романа», «Иностранные слова и выражения» (черновой автограф; 42.6); «Медный всадник» — «Неизданные отрывки из черновых [так в оригинале] А. С. Пушкина» — материалы к публикации вариантов поэмы (собственноручные выписки и оттиск текста некоторых вариантов из журнала «Русская мысль»[54]; 42.7—8); небольшая заметка к статье «Неоконченные повести из русской жизни» (черновой автограф; 42.9); «Пророк» — материалы стиховедческого анализа стихотворения: метрики, ритмики, строфики и евфонии и общей композиции (черновой автограф; 42.10)[55]; статья «Текст пушкинской «Русалки» с отзывом о большом научном значении фототипического факсимильного издания рукописи этой драмы, оставшейся после смерти Пушкина незаконченной и неотработанной (оттиск из «Русского архива»[56]; 42.11).

3. Статьи о биографии и общественно-политических взглядах и отношениях Пушкина: «Жизнь Пушкина. — Критико-биографический очерк» — отрывки о роде и семье Пушкиных и «Бумаги, относящиеся к Болдину, имению А. С. Пушкина» — (автографы; 42.12), три неоконченных варианта статьи о раннем петербургском периоде жизни Пушкина, предназначавшейся быть вступлением к собранию сочинений Пушкина: 1) «Молодость Пушкина. Пушкин как революционный поэт в Петрограде и на юге России», 2) «Пушкин на юге», 3) «Пушкин как поэт революции в Петербурге и на юге России» (автографы; 42.13), «Сношения Пушкина с правительством. Критические и биографические заметки», содержат вступление и три заметки: «1) Первая встреча Пушкина с Бенкендорфом», «2) Первые показания по делу о Андрее Шенье», «3) Описка Пушкина» [в дате письма к Бенкендорфу] (автографы; 42.14/1) опубликованы в «Русском архиве»[57] с указанием: «Продолжение будет», однако в печати продолжения не было, в архиве же имеется вторая рукопись — незаконченный черновой автограф (42.14/11) с тем же заглавием: «Сношения] П[ушки]на с правительством» и с подзаголовком: «II. Пушкин и цензура. 4) Борис Годунов». Цифра «4» свидетельствует, что этот отрывок является незаконченным продолжением трех первых глав; кроме того, в архиве есть еще два черновых наброска, по содержанию, несомненно, относящиеся к этому же комплексу, — отрывок биографии Пушкина об отъезде поэта в Москву из Михайловского в сентябре 1826 года по вызову Николая I (черновой автограф, текст из середины несохранившегося наброска; 42.14/3; незаконченный черновик «Переписка А. С. Пушкина с А. Х. Бенкендорфом»; 42.14/4). Брюсов видимо, остался недоволен статьей, о чем можно судить по фразе,

---

[53] «Петроградский» — не опечатка, так упорно писал Брюсов название этого города, забывая, что при Пушкине он был «Петербургом». В одной из упоминаемых ниже статей Брюсов в заглавии пишет «Петербург», но в тексте снова называет «Петроград».

[54] «Русская мысль», 1910. VI.

[55] Три последние работы явились подготовительными материалами к статьям, вошедшим в сборник Брюсова «Мой Пушкин».

[56] «Русский архив», 1902, кн. II.

[57] «Русский архив», 1906, кн. II.

написанной им под ее последней строкой: «Передел[ать?] все в т[ом] духе[?] что кас[ается] А. Х. Бенк[ендорфа], т о л ь к о» (подчеркнуто Брюсовым).

Общественно-политические взгляды Пушкина затронуты также в статьях: «Вольнолюбивые надежды. (Общественно-политические взгляды Пушкина)» (машинопись с двумя авторскими исправлениями; 42.15); «Что мы знаем об общественных убеждениях Пушкина» — неоконченная статья (автографы и машинописная копия; 42.16), к ней присоединены примечания И. М. Брюсовой. Последняя статья на эту тему — «Пушкин и царизм» — была написана Брюсовым уже в 1923 году, по поводу издания «Дневника «Пушкина», в архиве хранится только машинописная копия (42.17); «Из жизни Пушкина» — статья, опубликованная в журнале «Новый путь», а позднее — в сборнике «Мой Пушкин» (гранки из «Нового пути» [58]; 42.18); заметка без заглавия об историческом значении смерти Пушкина (черновой автограф и неполный список рукой И. М. Брюсовой; 42.19); две рецензии на книги П. Е. Щеголева «Пушкин. Очерки», 1912 г. и «Дуэль и смерть Пушкина», 1916 г. (машинопись без правки; 42.20); материалы к биографии Пушкина — выписки о Пушкине из различных источников — писем, воспоминаний, дневников и т. п. (42.21).

4. Статьи критические и полемические по вопросам пушкиноведения. Брюсов много и быстро откликался на новости пушкинской литературы, как видно по библиографическому справочнику его работ [59], но в архиве сохранилась лишь небольшая часть его рецензий и статей (42.22—28). К тому же некоторые из них представлены только печатными оттисками или вырезками из газет. Имеются, однако, отзывы и рецензии, сохранившиеся и в собственноручных вариантах с черновиками и подготовительными материалами. Именно они и представляют наибольший интерес для исследователей. Большая часть рецензий Брюсова насыщена полемическим задором, часто кроющимся под безупречной академической формой. С подобной рецензии Брюсов начал свои выступления в области пушкиноведения. В архиве хранится автограф и оттиск из «Русского архива» [60] его первой статьи в этой области — «Что дает академическое издание сочинений Пушкина» и материалы к ней (42.22—23), отражающие тщательную проверку по рукописям поэта каждой строки и каждого варианта лицейских стихотворений, опубликованных Л. Н. Майковым в первом томе этого издания.

С такой же тщательностью он проверяет несколько лет спустя (в 1905 году) работу В. Е. Якушкина над вторым томом. Рецензия была напечатана в «Золотом руне» [61]. В архиве хранятся ее черновики и беловой автограф (42.24). Брюсов возражал больше всего против метода Якушкина «извлекать» из черновых текстов Пушкина строки, казавшиеся ему законченными; сам Брюсов стоял за публикацию черновых рукописей с точной транскрипцией разобран-

[58] «Новый путь», 1903. Б р ю с о в В. «Мой Пушкин. Статьи, исследования, наблюдения». Ред. Н. К. Пиксанов. М.—Л., 1929.

[59] Пушкинские работы В. Я. Брюсова. Библиографический указатель. Сост Н. К. Пиксанов. — В кн.: Б р ю с о в В. Я. Мой Пушкин. М.—Л., 1929, стр. 309—317.

[60] «Русский архив», 1899, XII.

[61] «Золотое руно», 1906, VII—IX.

ного текста. Рецензия на III том академического издания сохранилась в архиве только в виде оттиска из «Русской мысли»[62] (42.25). В той же заметке даны отзывы о III томе переписки Пушкина, изданном В. И. Саитовым, и о других новинках пушкинской литературы.

Самостоятельными рецензиями отметил Брюсов выход I и II выпусков сборника «Пушкинист» под редакцией С. А. Венгерова, несколько выпусков академического повременного издания «Пушкин и его современники». Они сохранены в архиве в вырезках из газет и журналов, в оттисках и машинописи (42.27—28). Только один отзыв на XXVIII выпуск «Пушкин и его современники» сохранился в автографе (42.28(2). Он был опубликован в журнале «Художественное слово»[63].

В архиве сохранились только сравнительно немногие отзывы Брюсова о выходившей пушкиниане. Из них, кроме названных, несомненный интерес представляет статья о законченном собрании сочинений Пушкина, вышедшем в шести томах под редакцией С. А. Венгерова в издании Брокгауза и Ефрона (42.26). Признавая большие достоинства этого издания, Брюсов не проходит мимо замечания Венгерова в редакторском предисловии к VI тому, что «с точки зрения читателя-неспециалиста» издание может считаться законченным данным томом. Предполагая, что это замечание вызвано издательскими соображениями, Брюсов перечисляет все невыполненные обязательства, взятые на себя редакцией при начале работы. И заметка, начатая в академическом тоне, приобретает полемический характер.

Характерным примером полемики в отзывах могут служить выступления против И. Л. Щеглова-Леонтьева, высказавшего предположение, что Баратынский был прототипом Сальери в «маленькой трагедии» Пушкина. В архиве сохранилось несколько черновых и беловых рукописей Брюсова по этому вопросу: «Баратынский и Сальери» (42.29), «Пушкин и Баратынский», в архивной рукописи озаглавлено: «<Без руля и без ветрил> <Смелые предположения одного критика о Пушкине и Баратынском> (42.29/2) и «Старое о Щеглове (И. Щеглов. Новое о Пушкине. Спб., 1902)» (42.29/3). Статьи печатались в журнале «Русский архив»[64].

Полемическим характером отмечены и статьи Брюсова «Pro domo sua» (42.33) — по поводу возмущения многих критиков его статьей о «Гавриилиаде»; «Защитнику авторитета» — ответ П. Морозову (42.32), защищавшему Л. Н. Майкова и I том академиче-

[62] «Русская мысль», 1912, III.
[63] «Художественное слово», 1920, I.
[64] «Русский архив», 1900, I; 1901, I, XII.
Необходимо оговорить странность хронологического соотношения публикации последней статьи Брюсова, печатавшейся в № 12 журнала за 1901 год с датой выхода книги Щеглова: «Спб., 1902», — эта странность может броситься в глаза внимательному читателю и показаться невыправленной опечаткой. Выходные данные книги Щеглова «С. Петербург, 1902» (тысяча девятьсот второй год). Критическая статья Брюсова о ней напечатана в декабрьской книжке 1901 (тысяча девятьсот первого года) журнала «Русский архив». Чем объясняется эта несообразность? Я думаю, что в действительности выход декабрьской книжки «Русского архива» был задержан по каким-либо причинам и состоялся только в 1902 году, после выхода книги Щеглова, выпущенной в самом начале года. Предисловие «От автора» датировано Щегловым: «Май, 1901 года».

ского издания сочинений Пушкина; «Пушкин перед судом ученого историка» (42.31) — имеется в виду Н. Н. Фирсов, осуждавший приемы работы Пушкина в «Истории Пугачевского бунта», и несколько иных.

Из критических работ Брюсова стоит упомянуть еще «Marginalia-Pushkiniana. Заметки на полях сочинений Пушкина» (42.34). В небольшом предисловии от автора Брюсов поясняет характер этой работы: «Я читаю и перечитываю Пушкина, его стихи, его прозу, его письма [...] Читаю я обычно с карандашом в руках и люблю делать пометки и записи в своих книгах. [...]я постараюсь: 1) чтобы выбираемые мною заметки сообщали что-либо новое и 2) чтобы мои сообщения говорили именно о Пушкине, а не о моем к нему отношении» (там же).

Эта своеобразная публикация была дана в «Русском архиве»[65]. В основном — это работа типа примечаний к тому или иному месту в материалах Пушкина, сравнения и наблюдения Брюсова над творчеством Пушкина и других русских поэтов. В архиве хранится отрывок наборного автографа Брюсова.

Заканчивая исследовательскую часть пушкинианы Брюсова, нельзя обойти молчанием его немногочисленные, но очень существенные работы по библиографии Пушкина. В архиве имеются только две статьи по этому вопросу.

Первая — собственноручный оригинал «Записки» Брюсова, представленной в Библиографический отдел Государственного издательства: «Как составить библиографию А. С. Пушкина» с приложением общего плана библиографии (44.1).

Вступительная заметка подробно разъясняет все детали организации: библиография должна состоять из четырех отделов: I. Произведения Пушкина; II. Сочинения о Пушкине; III. Интерпретация произведений Пушкина; IV. Пушкин за границей.

Каждый отдел разбивается хронологически на семь периодов:

I. 1815—1837 (прижизненные издания).
II. 1837 (год смерти поэта).
III. 1838—1886 (первое 50-летие после смерти Пушкина).
IV. 1887 (юбилейный 50-й год).
V. 1888—1898 (десятилетие, предшествующее 100-летней годовщине рождения поэта).
VI. 1899 (юбилейный год).
VII. 1900—1920 (последнее двадцатилетие).

Вторая работа называется «Систематический указатель источников для биографии А. С. Пушкина» — в архиве хранится машинопись (44.2), переданная И. М. Брюсовой в отдел рукописей еще в 1938 году. В указателе собраны сведения о Пушкине с 1820 по 1919 год.

К материалам исследовательских работ Брюсова можно причислить и его небольшое собрание вырезок и оттисков статей разных авторов о Пушкине (44.11).

Большим разделом работы Брюсова над Пушкиным являются его редакторские и издательские материалы. Он принимал участие в издании многих сборников и собраний сочинений Пушкина. В

[65] «Русский архив», 1916, IV.

архиве сохранилось далеко не всё. Наиболее интересны подготовительные материалы Брюсова к четырем различным изданиям собраний сочинений Пушкина. Два из них готовились в дореволюционное время, два — в Советской России.

Первым было полное собрание сочинений Пушкина, выходившее в серии «Библиотека великих писателей» в 1907—1915 гг. под редакцией С. А. Венгерова в издательстве Брокгауза и Ефрона. В архиве сохранились черновики планов Брюсова о распределении произведений по томам. Что касается его вступительных статей к публикации отдельных произведений Пушкина, то в архиве нашелся только черновой автограф о незаконченных повестях Пушкина (42.9), прочие статьи и беловой экземпляр этого очерка были переданы в другие архивохранилища (см. выше, стр. 80—81). В большом количестве уцелели в данной части архива примечания к текстам отдельных лицейских стихотворений (43.1/2).

Вторым было готовившееся издание сочинений Пушкина в серии «Библиотеки русских писателей» под общей редакцией Е. В. Аничкова в 1913 году. В серию должны были войти сочинения многих русских писателей — поэтов, прозаиков и критиков. Работа над произведением каждого автора поручалась одному ответственному лицу. Для издания Пушкина был приглашен Брюсов. Ему принадлежит составление программы этого издания. Она сохранилась в архиве в машинописной копии (43.2). Издание было рассчитано на восемь томов, включая письма Пушкина. Это издание не состоялось, хотя, как можно судить по переписке Брюсова с Аничковым, работа Брюсова была значительно продвинута. В архиве имеются подготовленные тексты лицейских стихов для I тома и примечания к ним в автографах и в корректуре со штампами 1913 года (43.2—3).

Не было осуществлено и издание сборника избранных произведений Пушкина, проектированного издательством «Центрифуга» в марте 1917 года и также порученного Брюсову. В него должны были входить наименее известные произведения Пушкина или варианты к известным. В архиве сохранилась лишь небольшая часть подготовленных материалов к нему (43.4).

В 1919 году было предпринято новое издание полного собрания сочинений Пушкина Литературно-издательским отделом Наркомпроса. План его составлен снова Брюсовым и одобрен особой Комиссией при отделе (43.5). Собрание сочинений должно было состоять из трех томов, по две части в каждом, т. е. из шести книг. Его особенностью, по сравнению с предыдущими изданиями, было включение свода вариантов. Для каждой части проектировалась обстоятельная вступительная статья.

Из печати в 1920 году вышла только первая часть первого тома — «Лирика Пушкина 1813—1836 годов»[66], разделенная на 12 периодов. Не приводим подробностей плана издания, так как они изложены в напечатанном предисловии к этой книге. В архиве сохранились лишь краткие наброски проекта и незаконченные вступительные статьи к отдельным частям. Они указаны выше в разделе

[66] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. со сводом вариантов. Ред., вступит. статьи и комментарии В. Я. Брюсова. М., 1919, т. I, ч. 1. На обложке год издания — «1920».

биографических статей. Сохранились также подготовительные материалы по собиранию текстов (43.5—9).

Последний издательский пушкиноведческий замысел Брюсова не был приведен в исполнение им самим и осуществился только посмертно, в 1929 году. Это был сборник «Мой Пушкин».

В архиве сохранились два собственноручных наброска плана этого издания и текст титульного листа, свидетельствующий об очень раннем времени замысла: «Валерий Брюсов. Мой Пушкин. Статьи, исследования, наблюдения. М., 1911» (43.18).

Приводим текст второй редакции плана: «П у ш к и н. I. Статьи критико-биографические. 1. Из жизни П[ушкина]. 2. Первая люб[овь] П. 3. П. в Крыму. 4. Гавриилиада. 5. Темное в душе П-на <Ег[ипетские] Н[очи], Шкпр [? Шекспир?], Пир etc.>. 6. Домик в Коломне. 7. Знал ли П[ушкин] по итальянски? 8. Медный всадник. 9. Неоконч[енные] повести. 10. Египетские ночи. II. Статьи библиографические, заметки, набл[юдения]. 1. Академ[ическое] издание I [том]. 2. II [том]. 3. Текст «Русалки». 4. П-н и правительство. 5. Примечание к лирич. стих. 6. Из «Писем» (двустишия etc.). 7. «Мелочи» (43.18).

Посмертное издание сборника близко подошло к этой наметке, но не могло быть выполнено целиком из-за того, что некоторые намеченные статьи так и не были написаны Брюсовым, как, например, «Темное в душе Пушкина».

Корректурные материалы, связанные с работами Брюсова о Пушкине и сохранившиеся в архиве (63—64), отражают большею частью подготовку текстов Пушкина и примечаний к ним. В части текстов имеется незначительная редакторская правка Брюсова, иногда сводящаяся к чисто корректорской вычитке, в части примечаний в ней встречаются небольшие варианты, не дающие, однако, каких-либо существенных изменений.

Заканчивая рассмотрение материалов Брюсова, связанных с изучением Пушкина и составляющих как бы особый комплекс среди его литературоведческих работ, следует вспомнить о его двух художественных произведениях, написанных как бы для осуществления замыслов Пушкина, это — поэма «Египетские ночи» и комедия «Урок игроку». О них более подробно говорилось выше (см. стр. 93—94 и 108).

Итогом пушкиноведческих работ Брюсова явились его лекции о Пушкине, представленные в архиве, хотя они сохранились большею частью в виде программ, проспектов и в лучшем случае — конспектов или черновиков. Именно в черновых автографах имеются три лекции о Пушкине, прочитанные Брюсовым осенью 1918 года[67] (44.6). Судя по надписи И. М. Брюсовой, они остались ненапечатанными. В течение 1918/19 учебного года Брюсов вел курс лекций по истории русской лирики пушкинского периода в Социалистической академии. В архиве сохранился автограф конспекта только двух первых лекций (44.7а). В первой говорится об исключительной широте интересов Пушкина, отраженных в его лирике; во второй — о влиянии Пушкина на современную ему и позднейшую русскую лирику. К автографу конспекта присоединен список рукою И. М. Брюсовой (44.7б).

[67] Первая лекция датирована 17 августа 1918 г.

В декабре 1919 года Брюсовым были составлены программа и конспект курса по истории новой русской литературы, рассчитанные на десять лекций, как указано в заглавии [68] (автограф; 40.5).

Имя Пушкина стоит в заглавиях трех лекций: вторая называется «Предшественники Пушкина», третья — «Пушкин», четвертая — «Эпоха Пушкина».

Наиболее ранним документом в этой области является в архиве печатная программа публичной лекции В. Я. Брюсова, прочитанной 29 января (ст. ст.) 1917 года в Бакинском общественном собрании на тему «Общественные воззрения в поэзии Пушкина» (44.5).

* *
*

Из подготовленных материалов Брюсова по истории русской лирики возникли, кроме исследований о Пушкине, также самостоятельные работы о Баратынском, Каролине Павловой и о Тютчеве.

В архиве хранится несколько статей о Баратынском. В группе материалов по истории русской лирики с пометою «ИРЛ» имеются автографы статьи «Мировоззрение Баратынского», в трех вариантах, из которых один представлен в черновой и беловой редакции (41.18/1а—г). К ним присоединены первичный набросок плана и два начальных отрывка (41.18/1д,е). Кроме того, в тех же материалах есть автографы начальных отрывков статей: «Баратынский о поэзии», «Баратынский (поэт)», «К биографии Баратынского» — выписки упоминаний (41.18/2а,б,в). Все перечисленные статьи не были закончены и не появлялись в печати.

Из опубликованных статей Брюсова о Баратынском в архиве хранятся: автографы нескольких редакций «К издателям сочинений Баратынского» (в печати заглавие изменено — «О собраниях сочинений Баратынского») (46.1)[69]; биографическая статья «Баратынский Евгений Андреевич»[70] — в автографе и машинописи (46.2а, б); «Неизданные стихи Е. А. Баратынского» — вступительная заметка к публикации стихов Баратынского в журнале «Весы»[71] (автограф; 46.3). Кроме того, имеются выписки вариантов стихотворений Баратынского, отрывков из его писем и из отзывов о нем, сделанные собственноручно Брюсовым (46.4—7), а также библиографические перечни его произведений в алфавитном и хронологическом порядке (46.8).

О Каролине Павловой сохранилась в архиве Брюсова его вступительная статья к собранию ее сочинений, изданному под его редакцией [72].

Статья озаглавлена «Материалы для биографии К. К. Павловой». Текст архивной рукописи, являющейся черновым автографом (46.9—10), несколько расходится с окончательной редакцией. Сохранились в архиве и материалы, собранные Брюсовым для этой работы. Это — списки и выписки текстов стихотворений Павловой, писем — ее, к ней и о ней, высказываний об ее творчестве, в част-

---

[68] В действительности план Брюсова уложился в 8 лекций. При нумерации Брюсов по ошибке пропустил «7-ю» лекцию, а закончил «9-ой».

[69] «Русский архив», 1899, XI.

[70] Новый энциклопедический словарь. Под общ. ред. К. К. Арсеньева. Ред. отдела истории литературы С. А. Венгеров. Спб., изд. Брокгауза и Ефрона, б/г.

[71] «Весы», 1900, № 5.

[72] Павлова К. Собр. соч. в 2-х т. Ярославль, 1915.

ности, о мастерстве ее переводов и оригинальных произведений, выписки биографических сведений как о ней, так и о ее муже, писателе Н. Ф. Павлове (46.11—15). Имеется в архиве и библиография о К. К. Павловой, составленная В. Я. и И. М. Брюсовыми (46.16) и, наконец, небольшая часть примечаний к изданным произведениям Павловой (автограф В. Я. Брюсова: 46.17).

* *
*

Меньше, нежели о Пушкине, но значительно больше, чем о Баратынском и Павловой, собрано в архиве Брюсова материалов о Тютчеве. Они составляют картон 45.

По собственному признанию Брюсова, он начал собирать материалы к биографии Тютчева с 1895 года.

В архиве среди материалов «Истории русской лирики» сохранился черновик одной из наиболее ранних работ Брюсова о Тютчеве. Он не датирован, но, судя по неустановившемуся почерку, должен быть отнесен не позже, чем к середине 1890-х годов (45.27). Первыми печатными работами о Тютчеве были небольшие критические заметки Брюсова о собраниях сочинений поэта, печатавшиеся в «Русском архиве»[73]; в архиве сохранены автографы и оттиски их (45.1—2). Позднее появились биографические очерки. Первый из них, озаглавленный «Ф. И. Тютчев. Летопись его жизни», был опубликован в том же журнале[74]. В архиве хранятся оттиски этой статьи с многочисленными авторскими исправлениями и добавлениями на полях и на вкладных листах (45.3). В 1910 году Брюсовым был составлен более подробный критико-биографический очерк о Тютчеве в качестве вступительной статьи к полному собранию сочинений Тютчева, выпущенному А. Ф. Марксом[75]. Черновые автографы этой работы имеются в архиве в нескольких редакциях (45.6—7). Хранятся здесь и корректурные листы без правки (45.7в). Но в опубликованной статье Брюсов не мог использовать все собранные им материалы о любимом поэте и тотчас же начал готовить к печати уже не биографический очерк, а «Материалы для биографии Ф. И. Тютчева», озаглавив их «Околдованный поэт» (45.8), с эпиграфом из стихотворения самого Тютчева:

О, север, север чародей,
Или тобой я околдован?

В предисловии, датированном тем же 1910 годом, он сообщил план и методологию своего нового задуманного труда. Основной своей задачей он считал здесь составление максимально полного свода критически проверенных, фактических сведений о Тютчеве. «Но, — заканчивает он предисловие, — ни в коем случае не ставлю я себе задачей этот материал обрабатывать и тем более выяснять эволюцию духовной жизни Тютчева. Эта благодарная задача остается для других. Довольствуясь скромной ролью летописца, я не принимаю на себя притязательных и ответственных обязанностей биографа» (45.8).

---

[73] «Русский архив», 1898, III, стр. 249—260 и 1900, I, стр. 405—420.

[74] «Русский архив», 1903, стр. 481—498, гл. I—III; стр. 641—652, гл. IV—VI; 1906, стр. 310—320, гл. VII—VIII.

[75] Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Под ред. П. В. Быкова, с критико-биографическим очерком В. Я. Брюсова. Спб., б/г.

Работа осталась едва начатой. В замыслах Брюсов делил ее на две части: первые восемь глав должны были охватить материалы от рождения до 1850 года, остальные — с 1850 года до смерти Тютчева (1873). Осуществление замысла ограничилось написанием I и II главы на 10 страницах folio.

В архиве собрано много подобных материалов (45.11—13,16—29): библиографические списки, выписки текстов стихотворений, отрывков из писем, воспоминаний и высказываний о Тютчеве разных лиц, алфавитный и хронологический указатели его стихотворений (45.14—15) и три публикации: «Письма Ф. И. Тютчева к П. Я. Чаадаеву», «Silentium» стихотворение Ф. Тютчева» (гранки «Русского архива» с правкой Брюсова и П. И. Бартенева; 45.24—25) и «Легенда о Тютчеве» (оттиск из журнала «Новый путь»; 45.5). В этой статье Брюсов полемизирует очень убедительно с Иваном Аксаковым, выражавшим в биографии Тютчева свое изумление по поводу того, как мог сохранить поэт свой великолепный русский язык, прожив смолоду 22 года за границей, главным образом, в немецком окружении. К «Легенде о Тютчеве» сохранился и небольшой отрывок автографа (45.5/1).

Полемический характер имеет также небольшая заметка Брюсова «Разгадка или ошибка?» — по поводу статьи Мережковского и его лекции «Тайна Тютчева», в которой автор базируется на книге И. Аксакова и обнаруживает совсем недостаточное знакомство с опубликованными позднее материалами о Тютчеве. В архиве хранится только машинописная копия этой статьи (45.9).

* *
*

Историко-литературные работы Брюсова не ограничивались изучением только русской литературы. Он живо интересовался и хорошо знал творчество современных ему зарубежных писателей и их предшественников. Перечень его переводческих трудов убедительно свидетельствует об этом.

Наиболее близка и созвучна была Брюсову французская поэзия, и он хотел ознакомить русских читателей не только с произведениями, но и с жизнью ее творцов. В архиве сохранилось, однако, немного его работ в этой области, — собственноручные наброски библиографических и биографических сведений (47.1б), синхронистических таблиц (47.1а) и заметок о французских писателях конца XVIII, XIX и начала XX вв. (47.5—34). Имеются также две вступительные заметки к сборнику французских лириков XVIII в. в машинописи и гранках (47.2—3) и гранки «Очерка французской лирики XIX века» (47.4), вошедшего в XXI том полного собрания сочинений Брюсова [76].

Кроме того, в архиве есть ряд черновых и перебеленных автографов критико-биографических заметок о представителях западноевропейской литературы, составленных для «Нового энциклопедического словаря» [77], и несколько более подробных статей Брюсова о Виньи (47.20) и Мюссе (47.26), — в его автографах и в правлен-

[76] Брюсов В. Я. Полн. собр. соч. и переводов. Спб., 1913—1914, изд. «Сирин», т. XXI.

[77] Новый энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона.

ной им машинописи, написанных для «Истории западноевропейской литературы XIX века»[78].

Из иностранной поэзии нового времени самыми любимыми Брюсовым поэтами были Эдгар По, Верлэн и Верхарн. О каждом из них в архиве Брюсова сохранилось по нескольку значительных работ.

Поэзии Поля Верлэна были посвящены наиболее ранние критические эскизы Брюсова. В архиве хранятся его две статьи несколько иного содержания, нежели опубликованные, как в отдельном издании собрания стихов Верлэна, вышедшем в 1911 году, так и в упомянутом «Очерке французской лирики XIX века». Автограф первой статьи, озаглавленной «Поль Верлэн и его поэзия» (47.11), написан в 1894 году, еще при жизни французского поэта. Уже тогда Брюсов оценивал его как наиболее крупный талант среди французских символистов и декадентов: «Известность всех этих Малларме, Гилей и Пеладанов основана на простом любопытстве, которое возбуждают их странные творения[79]. Поль Верлэн составляет отрадное исключение; он и по силе таланта и по оригинальности его заслуживает полного внимания» (47.11). Вторая статья — «Поль Верлэн. Биографический очерк» — представлена в архиве только в машинописи, но сохранилась в трех различных последовательных редакциях, правленных автором (47.12 а, б, в).

Об Эмиле Верхарне в архиве имеется черновик большой статьи, в котором соединены и автографы, и вкленные листы вырезок из книг с большой правкой автора, со множеством вставок, с дублетами одних листов и с пропусками других (47.13—15). Верхарн был для Брюсова не только одним из любимейших поэтов, но и человеком, восхищавшим его своим духовным богатством. Свою статью о Верхарне Брюсов начинает словами: «Бывают поэты, стоящие как бы вне своего времени, уединенные в своей эпохе. При всей высоте, которой достигает порою их творчество, они всегда остаются в кругу немногих избранных поклонников. Таков был Шелли. Таков был наш Тютчев. И бывают поэты, которые как бы принимают на себя роль глашатаев своего века. Через них целая эпоха говорит истории: вот — я. Этим-то поэтам и принадлежит обычно любовь и поклонение широких безмерных кругов человечества. К таким поэтам своего времени принадлежит и Эмиль Верхарн» (47.13).

Кроме материалов к этой статье, в архиве Брюсова имеются машинописный проспект публичной лекции «Эмиль Верхарн и героическая Бельгия» (41.18), вырезка из газеты «День»[80] со статьей Брюсова о Верхарне, озаглавленной «Данте нашего времени» (47.16), и автограф рецензии на книгу Верхарна «Окровавленная Бельгия» (1915; 47.17).

Выше, в разделе мемуаров, уже упоминалась статья Брюсова о Верхарне, написанная после его гибели на основе переписки с ним и по личным воспоминаниям (2.4—5).

---

[78] История западноевропейской литературы XIX в. Под ред. Ф. Д. Батюшкова. Спб., 1916, т. II—III.

[79] Совсем не так отзывается Брюсов об этих поэтах позже, в «Очерке французской лирики XIX в.». — См.: Полн. собр. соч. и переводов, т. XXI, стр. 258 и 271—272.

[80] «День», 1913, 25 ноября.

Эдгар По вызывал восхищение Брюсова своим изумительным стихотворным мастерством, необычайным для его времени, соединенным с большой глубиной мысли. В архиве хранятся о нем четыре статьи Брюсова. Из них — два критико-биографических очерка: для III тома «Истории западной литературы» под редакцией Ф. Д. Батюшкова и для отдельного издания сочинений По в переводе Брюсова, вышедшего в 1924 году. Наиболее ранняя статья, написанная Брюсовым в 1898 году о творчестве Э. По, была посвящена его философскому произведению «Эврика. Поэма в прозе. (Опыт о вещественной и духовной вселенной)»[81]. Брюсов знал эту работу в оригинале, на английском языке. Эта статья (46.18), как и один из критико-биографических очерков (46.20), — автографы. Другой очерк сохранился в машинописи без правки (46.19/1), так же, как и отрывок последней статьи, озаглавленной «Трагическая история Эдгара По», от которой в архиве уцелела только первая главка, объемом в полторы страницы (46.19/2).

Имеется в архиве еще листок с наброском о Шекспире. Запись занимает только пять строк: «Шекспир [неразобр. 1 слово] Упрощение историческ[их] событий. Пример: после убийства Цезаря до Филиппов — многое, а у Ш. мало. Еще примеры из хроник. То же и в психологии» (46.22). Внизу на листке приписка: «Verte» [переверни], но на обороте нет никаких записей.

Об Оскаре Уайльде в архиве есть рецензия (в черновом и беловом автографах) по поводу издания его произведений в русском переводе (46.21).

Из работ Брюсова о немецкой литературе в архиве сохранилось немногое. Его наиболее значительная работа посвящена немецкому ученому конца XV — начала XVI века Агриппе Неттесгеймскому, представителю немецкого Возрождения. О нем имеется три «историко-биографических» (как назвал их сам Брюсов) очерка в автографах (46.24—26) и отрывок в списке рукой неустановленного лица (46.27). Один из очерков является наборным экземпляром для «Нового энциклопедического словаря». Работы относятся к 1910-м годам (46.26).

Кроме того, в архиве нашлись отрывочные записи о Шиллере. Это автограф проспекта, вероятно, лекции, озаглавленной «Трагедия Ш[иллера]»[82]. Основная мысль заключается в утверждении, что творчество Шиллера не монолитно, как творчество Гете, в котором развитие одного периода обусловливает развитие последующего, а разбито на три разных периода, — средний разрывает первый и третий, а третий отрицает первый.

* *
*

Из научных работ Брюсова по античной литературе в архиве хранятся материалы, связанные с подготовкой к печати перевода «Энеиды» Вергилия и сборников «Aurea Roma» («Золотой Рим») и «Римские цветы».

[81] Собр. соч. Эдгара По в переводе К. Д. Бальмонта. М., изд. «Скорпион», 1912. т. V.

[82] Фамилия автора не вызывает сомнения, так как далее следует перечисление пьес Шиллера: «Разбойники», «Заговор Фьеско», «Коварство и любовь», «Дон Карлос». Предположение же о том, что запись является подготовкой л е к ц и и, основывается на словах в тексте второй строки: «В а м знакомо...»

Тексту «Энеиды» предшествует вступление о жизни и творчестве ее автора, а также разбор самой поэмы и пояснения некоторых особенностей перевода, в частности, вопроса о передаче русскими стихами античной просодии (48.1—8).

Критико-биографическая статья о Вергилии состоит из трех глав: жизнь Вергилия, его творчество вообще и поэма «Энеида» (48.2/I—III). К первой главе в архиве имеются проспект, черновой и беловой автографы и машинописный поздний список с корректурной правкой рукой И. М. Брюсовой. Вторая и третья главы (о творчестве Вергилия вообще и об «Энеиде» в частности) сохранились только в черновых автографах. В главе III об «Энеиде» Брюсов особенно подчеркивает гениальность авторского плана поэмы, поражающего одновременно сжатостью и разнообразием, и называет его «чудом литературной архитектоники» (48.2/III). Эта работа, а также небольшие заметки: «К общей характеристике «Энеиды» (48. 2/1), «Этюды об «Энеиде» Вергилия» (48.5), «Эней» (48.6) — с присоединенной родословной таблицей героя от Юпитера до Ромула и Рема, сохранились в черновых автографах и относятся к 1900—1910-м годам. К тому же времени относятся «Замечания о русских переводах «Энеиды» и о своем собственном переводе (48.3) и наброски критических примечаний к переводу (48.4).

Все это готовилось в 1916 г. для издания Сабашниковых, но перевод не был закончен к сроку, и книга не вышла. В 1920 году возник вопрос о выпуске книги Государственным издательством. В архиве хранится черновой автограф «Записки» Брюсова, поданной в Государственное издательство в январе этого года (48.7). Она должна была стать позднее предисловием к изданию русского перевода. Тогда же Брюсовым была заново написана биография Вергилия под заглавием «Мантуанский лебедь (Жизнь Вергилия, его творчество, судьба его произведений в веках)» (48.8/1) и начаты заново «Критические примечания» (48.8/2). Смерть Брюсова оборвала все работы. Издание «Энеиды» в переводе Брюсова состоялось только в 1933 году в издательстве «Academia». Перевод незаконченных глав был поручен С. М. Соловьеву. Вступительную статью о Вергилии и «Энеиде» дал редактор издания Н. Ф. Дератани. Из статей Брюсова была взята только одна — «О переводе «Энеиды» русскими стихами» (48.7/2) — и во вступительной статье к примечаниям И. М. Брюсова рассказала об истории перевода «Энеиды» Брюсовым. В ее статье приведены тексты титульного листа и шмуцтитула, заготовленных В. Я. Брюсовым для издательства Сабашниковых, и посвящения: «Иоанне Матвеевне Брюсовой, доброй помощнице, этот труд многих лет посвящает Валерий Брюсов». Автографы этих текстов сохранились в архиве (48.1).

О сложности перевода латинской поэзии на русский язык говорит Брюсов и в небольшой сохранившейся в архиве заметке о Горации, которая готовилась для задуманной им антологии римских поэтов «Римские цветы» или «Осенние цветы римской поэзии» (48.10). От этой работы, так же, как и от замысла второго сборника римской литературы, озаглавленного «Aurea Roma» («Золотой Рим») (48.11—16), в архиве Брюсова сохранились только подготовительные материалы.

Ни та, ни другая книги не были закончены Брюсовым и не увидели света. Но, если научный аппарат «Римских цветов» исчерпы-

вается разрозненными листками проспектов, перечнями намечаемых поэтов, причем Брюсов колебался между веками II—IV или IV—VI, а также перечнями их русских переводчиков, то для «Золотого Рима» им были составлены многочисленные варианты вступлений и черновые редакции проспектов семи глав.

В одном из вступлений Брюсов указывает, что книга возникла из его подготовительных работ для романа «Алтарь победы» (48.11/2).

Из титульного листа и проспектов видно, какую широкую картину римского мира IV века нашей эры стремился обрисовать Брюсов[83]: «Я не имею претензий открыть что-либо новое ученому миру. В моем распоряжении нет данных, кот[орые] не были бы ранее использованы в историч[еской] литерат[уре]. Но я полагаю, что за пределами круга ученых специалистов, кот[орые] посвятили себя изучению последних веков Рима, есть еще достаточно обширный круг читателей, кот[орые] интересуются жизнью прошлых веков[...]. Я постоянно имел в виду читателя не-специалиста, но, конечно, подготовленного к чтению исторических сочинений, обладающего для того необходимыми основными сведениями» (48.11/2).

Такой сильный уклон в историю заставил Брюсова в одном из вариантов предисловия даже сделать по этому поводу особую оговорку: «в этой книге я выступаю в как бы совершенно новой для меня роли историка, и я обязан объяснить читателю, по какому праву решаюсь я принять ее на себя.

<Прежде всего, [...] я должен сказать, что история — наука ни в как[ом] случае для меня не чуждая. Я — историк по образов[анию], т. е. высш. образов. я занимался именно на историч[еском] отд[елении] истор[ико]-фил[ологического] факульт[ета]>» (48.11/2, л. 3).

И все же в позднейшем проспекте усилена историко-литературная сторона. Упоминание литературы уже включено в подзаголовок книги: «Золотой Рим. Очерки из жизни и литературы IV в. по Р. Х. с антологией переводов из поэтов той эпохи. 1. Предисловие 2. Империя в IV в. (Ее пределы. — Администрация. — Торговля. etc.). 3. Общественная и частная жизнь в IV в. 4. Гибель древнеримских религий. 5. Вкус к литературе в IV в. 6. Великий ритор. Жизнь и сочинения Авсония. 7. Утонченники III—V веков. Пентедий. Порфирий и др. Приложение: Список императоров IV века.

[83] «Золотой Рим. Очерки жизни и литературы IV века по Р. Х.». Предисловие. Перечень источников: а) Античные писатели; в) Писатели нашего времени. Глава I. Империя в IV веке. 1. Пределы империи. 2 Международные сношения. 3. Внутренняя торговля. 4. Блеск городов. 5. Рим. Глава II Администрация 1. Священ[ная] иерарх[ия]. 2. Honos sine labore. 3. Стро[й?] общ[ественный?]. 4. Орган[изация] армии. 5. Налоги и доходы. Глава III. Быт и жизнь. 1. Общество. 2. Одежда. 3. Повседневная жизнь в высших классах. 4. Любовь. 5. Семья. 6. Увеселения. Глава IV. Борьба за религию. 1. Исторический очерк успехов христианства в IV в. 2. Религия отцов. 3. Разрушение храмов. 4. Пережитки политеизма в IV и V веках. 5. Влияние язычества на христианство, на литературу, искусство etc. 6 Побежденный Юпитер победил. Глава V. Наука и искусства. 1. Наука. Математика, естествознание, география. 2. Архитектура. 3. Живопись и скульптура. 4. Музыка и др. Глава VI. Литература. 1а. Интерес к литературе. 1в. Вкус того века. 2. Писатели и их круги (в Риме). 3. Стихотворные сборники, романы. 4 Письмо. 5. История. Глава VII. Формы поэзии. 1. Вкус того века. 2. — Гл. VIII. <Правительство и общество. 1. Священная иерархия. 2. Honos sine labore. 3. Строй общества. Классы. 4. Организация армии>. Глава IX. Причины падения» (48.11/1, лл. 3—4).

8. Антология переводов: Пентедий. Порфирий. Авсоний. Рутилий и др. Клавдиан» (48.11/1, л. 5).

В архиве имеется небольшое количество материалов об упомянутых писателях в виде кратких заметок, библиографических записей, иногда — небольших статей. Вот их дополнительный перечень: Марк Теренций Варрон, Кальв, Катулл, Луцилий, Гней Невей, Плавт, Энний (48.15).

Один из самых поздних планов книги ограничивается только историей римской литературы, зато охватывает большой период. Рассчитанная на 15 глав, книга должна была начинаться с первого века до нашей эры «коллегией поэтов», дать кружок Мецената— Вергилия, Горация, Овидия, дойти до IV века, эпохи Авсония и закончиться столкновением Рима с Карфагеном (48.11/1, л. 7).

В архиве Брюсова имеется большое количество и материалов чисто исторического характера. С ранних лет Брюсова интересовала тема «Рим и мир», т. е. место Римской империи во всемирной истории. В архиве хранятся многочисленные отрывки и наброски его статей по данному вопросу, написанные в период с конца 1890-х годов до 1920-х. Они не датированы, но по почерку Брюсова (все они автографичны) и по употреблению старой и новой орфографии можно безошибочно делить их по крайней мере на две группы. К первой принадлежат «Историография истории римской империи» (49.1), «Место р[имской] империи во всем[ирной] истории» (49.2), «Времена тридцати тиранов» (только начало I главы в трех редакциях (49.3), разрозненные листы о переходе к средневековью, о папстве, о распадении империи и возникновении европейских государств (49.5) и др. К послереволюционным годам относится начальный отрывок статьи «Империализм древнего Рима и ранней Византии — его возникновение, развитие и падение» (49.4) и схематическое перечисление событий нового времени, начиная с Возрождения, Реформации, гуманизма по XIX в. включительно (49.6).

В истории Рима Брюсова занимали не только нисходящие события, не только переход от античного мира к христианству, средневековью, Возрождению, к новому миру и нашим дням, его рано заинтересовал и период, предшествовавший миру Эллады и Рима, — период древнейших культур.

В маленькой неоконченной заметке, нашедшейся среди «разных» бумаг архива, озаглавленной «Современный строй», Брюсов написал: «Он [современный строй] вырос из темных тысячелетий доисторического прошлого. Он вставал кирпичными дворцами Вавилона, остриями пирамид, гармонией греческих храмов. Его топтали в прах персы, римляне, гунны. Он возрождался из праха, как живучее чудовище, изуродованное, но становящееся все сильнее. Он рос, как растет дикий кустарник...» (49.8).

Обе темы — «Рим и мир» и древнейшие культуры человечества — были изложены Брюсовым и в единичных популярных лекциях (49.9 и 50.2—3), и в циклах лекций (49.10—15). На вторую тему был составлен и популярный очерк, озаглавленный «Учители учителей. Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение» и опубликованный Брюсовым в журнале «Летопись» за 1917 год[84].

[84] «Летопись». Ежемесячный литературный, научный и политический журнал. Изд. А. Н. Тихонов. 1917, №№ 5—6, 7—8, 9—12 (три книги). Петроград, 1917.

В архиве хранится полный машинописный текст этого очерка (50.4), а также автографы отдельных разрозненных частей этой работы, развернутых в самостоятельные, но незаконченные статьи (50.11—15). Центром внимания Брюсова была легендарная Атлантида, существование которой автор доказывал со свойственной ему страстностью. Хотя о ней много говорится и в опубликованном очерке, но в архиве существует несколько рукописных статей Брюсова с заглавием «Атлантида» (50.5—7). При одном из проспектов имеются собственноручно нарисованные Брюсовым планы расположения Атлантиды и острова Крита (50.2/2). Последний привлекал особое внимание Брюсова, являясь колыбелью Эгейской культуры, непосредственно связанной с одной стороны с Атлантидой как своей предшественницей, с другой — с Элладой как преемницей. Эта заинтересованность подземным городом Атлантидой и Критским лабиринтом отразилась и в художественном произведении Брюсова, в его ранней повести «Гора Звезды». Об увлечении же самой идеей преемственности человеческих культур уже говорилось при рассмотрении художественного творчества Брюсова — «Снов человечества», и проспекта «Фильмы веков». Кроме того, среди разрозненных листков с заметками к этой теме нашлось предисловие к готовившемуся, но неосуществленному сборнику «Из мира ранней древности», который должен был служить художественной иллюстрацией к теоретическим положениям Брюсова. «Может быть, — писал он, — кое что из моих исторических догадок мне удалось даже полнее выразить стихами, нежели я сумел это сделать подбором фактов, доказательств и выводов» (54.15).

* *
*

Интерес Брюсова к теме о древнейших культурах человечества сказался и на его разнообразных работах, посвященных Армении, наследнице древней страны Урарту и Ванского царства. Во вступительном очерке к сборнику «Поэзия Армении»[85] Брюсов подробно рассказывает, как неохотно он согласился первоначально на предложение быть редактором этой книги, и как изменилось его отношение при ближайшем ознакомлении с историей армянской культуры. Он воспринял свою задачу очень широко. Ему захотелось представить русскому читателю не просто антологию армянской поэзии, а отразить в ней богатство духовной жизни и роста народа, обусловленное его историческими судьбами за 2 500 лет. Судьбы древней Армении привели Брюсова к тем истокам, которые давно волновали его. В кратких проспектах исследований «Учители учителей» всегда упоминались народности древнего Кавказа как сложный продукт взаимовлияния древних стран Востока и Запада, — Азии и Средиземноморья, Индии, Персии и Атлантиды. «Кавказский культурный мир, Яфетиды [...], Армянский народ, как преемник культуры Яфетидов» (50.2/1, пункт 7). Поэтому Брюсов не ограничился изучением армянского языка, необходимого для переводческой работы. Он творчески вник в историю и историю литературы Армении и написал для сборника большой исторический очерк «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков» (VI век до

[85] «Поэзия Армении...» — см. выше, стр. 104.

н. э. — XX век; автограф и верстка сборника; 51.3 а, б) [86]. В истории Армении его увлекает «двуединство армянского народного характера дающее ключ к армянской народной поэзии» [87]. В архиве отражены очень широко его работы по изучению Армении, здесь сохранены многие из его трудов как по ее истории, так и по истории ее литературы и стиховедению. В основном эти работы относятся к 1910-м годам, но не прекращаются с выходом книги из печати. Кроме названной статьи, в архиве имеются: «Очерк истории Армении в связи с развитием ее литературы» (автограф; 51.12), «Очерк исторических судеб армянского народа, его культуры и литературы» — беловой автограф полного текста (51.11) и разрозненные листы черновика (51.10). Несколько позднее «очерк» был переработан в «лекции», черновые разрозненные листы которых сохранились в архиве (51.13). Еще позднее «лекции» снова были переработаны в «очерк» и опубликованы с заглавием «Летопись исторических судеб армянского народа» [88]. В архиве хранится неполный комплект гранок с авторской правкой (51.14).

Кроме того, в архиве есть рукописи нескольких работ об армянской литературе: «Лекции об армянской литературе», читанные в Тифлисе в 1916 году (неполные тексты чернового и белового автографов; 51.1—2), лекции и доклады о поэзии Армении (автографы текста и печатная программа лекции, читанной в Москве; 51.6—9); отрывок статьи «Несколько мыслей об армянском стихосложении» (автограф и машинопись; 51.5).

* *
*

Перечисляя материалы научных работ в архиве Брюсова, следует остановиться еще и на его статьях философского характера, главным образом, по вопросам искусства вообще и художественной литературы, в частности. Некоторые из них были уже названы выше, при рассмотрении его теоретико-поэтических исследований. Кроме того, он касался вопросов философии истории, эстетики, психологии. Надо только помнить, что большая часть работ, уцелевших в архиве, представлена в виде проспектов, набросков, отдельных частей.

Одним из первых вопросов этого направления, занявших Брюсова, был вопрос о существе искусства, совпавший по времени с появлением статьи Л. Толстого «Что такое искусство» [89] и решенный сходно с великим писателем. Но Брюсов, взволнованный этим совпадением, старательно подчеркивал, что его решение было принято самостоятельно, до опубликования толстовской статьи. В архиве сохранилось несколько вариантов статей Брюсова «О искусстве», «Я и Лев Толстой» (автографы; 52.7—12).

Кроме того, имеются черновые и беловые автографы статей «Искусство как познание» (52.6), «О форме и содержании в искусстве вообще и в художественной литературе в частности» (52.13), статья без названия о современной литературе как синтезе трех элементов (античных классиков, Средневековья, новых условий

[86] «Поэзия Армении...» — стр. 22—90.
[87] Там же, стр. 36.
[88] Летопись судеб армянского народа. М., 1918.
[89] Напечатана впервые в журнале «Вопросы философии и психологии», 1897, № 5, 1898, № 1.

жизни) (52.5), «Задачи современного искусства. (Ключи тайн)» (автограф цензурного экземпляра с разрешением на прочтение лекции, 1903 года; 52.4а—б). Несколько позже другой вариант статьи с тем же заглавием должен был войти как предисловие в задуманный, но неизданный сборник статей, посвященных театру (52.24). Театральному искусству Брюсов уделил тоже немало внимания. В архиве сохранилось большое количество статей и рецензий о постановках (52.25—41), главным образом, Московского Художественного театра — «Ненужная правда», о реализме на сцене, о «маленьких трагедиях» Пушкина и ряд других, сохранившихся частью в автографах, частью в виде газетных вырезок (52.25—31). С высказываниями о театральном искусстве Брюсов выступал и на лекциях, и на диспутах (52.19—23).

Имеются в архиве Брюсова заметки и о других искусствах — о музыке и живописи (52.15—16). Кроме того, сохранился в архиве проспект его шести несостоявшихся лекций «Очерки по истории эстетики» (52.3), в которых он предполагал развернуть историю эстетических учений от Платона до Рене Гиля. Одна из лекций посвящалась эстетике Чернышевского, Тэна и Толстого. В архиве имеется еще программа лекции и набросок статьи «Введение в частную эстетику» (52.1—2).

В области психологии Брюсова занимали вопросы о пределах фантазии и о снах (53.5—7).

К этой же группе примыкают рукописи Брюсова, состоящие из ряда мелких заметок по самым различным вопросам и объединенные заглавием «Miscellanea» (Смесь; 53.8—18). Сохранился составленный Брюсовым проект титульного листа к этому материалу. В подзаголовке дается расшифровка: «Статьи, замечания, мысли об искусстве, о литературе, о книгах, о критиках, о самом себе (1901—1913)». Некоторым заметкам даны заглавия, большинство же не озаглавлено, текст некоторых заметок состоит из двух-трех фраз. Брюсов публиковал их небольшими частями в журналах «Новый путь» и «Весы». В «Miscellanea» можно найти высказывания Брюсова положительно по всем когда-либо занимавшим его вопросам.

С работами Брюсова по вопросам литературным и историческим связана и его научно-педагогическая деятельность последнего десятилетия жизни. В архиве хранится немало материалов к его различным лекциям по вопросам взаимоотношений науки и искусства, о художественном слове, о театре. Первоначально он читал эпизодические лекции или небольшие циклы лекций, а в последние годы в Студии Литературного отдела Наркомпроса (ЛИТО) и в Высшем литературно-художественном институте (ВЛХИ) он вел курсы по истории всемирной культуры, античной и русской литературы, в частности, о Пушкине и по стиховедению. Впрочем, полных текстов этих лекций сохранилось немного, бóльшая часть представлена проспектами, программами, в лучшем случае — конспектами. О них говорилось выше, при рассмотрении отдельных групп материалов.

Говорилось также и о сохранившихся в архиве Брюсова тетрадях с его ученическими — студенческими и даже гимназическими — работами. В конце обзора его научных работ следует напомнить об этих тетрадях, подчеркнуть, что в архиве они — не просто забытый балласт, по недосмотру оставшийся среди нужных материалов, а

являются органической частью, тесно связанной с позднейшими исследовательскими интересами писателя.

Например, интересно, как два университетских реферата по русской истории — «Источники для изучения бытовой истории времени «тишайшего» царя [Алексея Михайловича]» и «Холопство и крестьянство в эпоху Уложения» сказались при составлении Брюсовым конспекта вступительной главы к «Истории русской лирики», посвященной Москве XVII века.

* *
*

В архиве Брюсова имеется ряд статей, не связанных с его основными научными интересами. Это, прежде всего, автографы его работ по высшей математике, которой он увлекался, еще будучи гимназистом. Но и в позднейшее время Брюсов продолжал интересоваться отдельными вопросами. После смерти писателя в его книгах по математике были найдены листки с его записями и вычислениями. Его занимала общая теория чисел, четвертое измерение, неэвклидова геометрия (53.23—26).

К группе разных статей относятся еще две статьи Брюсова о филателии.

В более ранние годы он писал о спиритизме, об игре в карты и даже о тотализаторе (53.28—33).

* *
*

Освещенный здесь большой и сложный материал критических и исследовательских работ Брюсова, сохраненных в его архиве, свидетельствует о широте интересов писателя в кругу историко-культурной деятельности разных народов и о подлинно научной глубине в изучении и разработке той области, которая была ему наиболее близка, — в поэзии, в судьбах ее лучших представителей, в ее теоретической основе и в «ремесле поэта».

* *
*

Материалы редакторской работы Брюсова занимают в его архиве картоны 54—64. Сюда входят подготовительные материалы к изданию сборников и собраний собственных произведений Брюсова, произведений других авторов, издававшихся под его редакцией, а также материалы редакторского портфеля тех журналов и издательств, в которых он работал. Они состоят из планов, проспектов, редакторских предисловий. В части, относящейся к работе над сборниками переводов, в которых принимали участие и другие лица, много материалов по распределению и учету работ между ними.

Наиболее интересными и значительными в историко-литературном отношении представляются проспекты и предисловия Брюсова, так как в них наиболее определенно выражаются теоретические обоснования его систематизаторских приемов в подборе и распределении произведений по циклам, сборникам или томам. Однако надо иметь в виду, что очень многочисленные и известные по печатным изданиям вступительные статьи и введения сохранились в архиве неполно. Оригиналы многих вовсе отсутствуют, от других уцелели небольшие отрывки, первоначальные наброски или трудно разбираемые черновики. Выше, при рассмотрении отдельных групп

творческих работ Брюсова, говорилось уже о проспектах и предисловиях к отдельным произведениям. Здесь следует остановиться подробнее на материалах подготовки Брюсовым изданий своих избранных и полного собрания сочинений и переводов. То и другое начинание были задуманы Брюсовым в его ранние годы.

Уже в тетрадях 1898 года — «общей» (3.37; стр. 48) и «Мои стихи» (14.5/11, л. 2 с конца), — т. е. в записях молодого 25-летнего поэта, только с 1894 года выступившего в печати, встречаем планы: «Будущее собрание моих сочинений», «Полное собрание моих сочинений». Оно рассчитано в одной записи на 8, в другой — на 12 томов.

Сюда включены заглавия уже изданных сборничков стихов: «Юношеские стихотворения», «Шедевры» и «Это — я» («Juvenilia», «Chefs d'oeuvre» и «Me eum esse»); сборников, в то время задуманных, но осуществленных позднее: «Corona» («Венок», в печати — «Stephanos»), «Urbi et orbi» («Городу и миру») и вовсе неосуществленных: «Au delà», «Книга раздумий», «Русские песни» и некоторые другие. В оба проспекта внесены «Автобиография» и «Мои письма», «История русской лирики» в двух томах, томá статей исторических и историко-литературных без указания заглавий, и также, — без заглавий, томá романов, повестей, драм.

Вероятно, свойственное Брюсову критическое чутье не позволило ему взяться за осуществление этих планов в те годы, когда его настоящая литературная жизнь еще только начиналась. Однако сохранившиеся в архиве документы свидетельствуют о том, что мысль о собрании своих произведений, подводящем некоторые итоги творчества, упорно держалась в намерениях Брюсова. В архиве хранятся два датированных (1911 и 1913 гг.) предисловия к задуманному, но тоже неосуществленному полному собранию стихотворений, хотя только в 1908—1909 гг. он выпустил трехтомник избранных стихов «Пути и перепутья». На автографе предисловия 1911 года Брюсовым сделана собственноручная надпись: «Новое окончательное издание, не varietur» (не подлежащее изменениям; 54.3). Он повторяет это определение и в тексте предисловия, называя на этот раз задуманное им издание французским термином «édition definitive» («издание окончательное»; 54.4).

В 1912 году московским издательством «Сирин» была объявлена подписка на «Полное собрание сочинений и переводов Брюсова в 25 томах». В архиве хранится автограф предисловия к этому изданию (54.6). В нем Брюсов изложил свои очень существенные, глубоко продуманные суждения по вопросу о значении редакторской работы каждого автора над изданием полного собрания своих сочинений. Хотя текст этого предисловия вошел в первый том «Полного собрания сочинений и переводов» Брюсова, хочется напомнить основные положения:

«Каждый писатель, независимо от размеров его дарования, представляет [...] как бы особый мир. [...] Даже писатели, которые не могут иметь притязания на первые места в истории литературы, остаются неповторимыми единицами. [...] Настоящее понятие о данном авторе получается не из знакомства с его отдельными произведениями, даже не из его избранных работ, а именно из «Полного собрания сочинений». [...] Только из «Собрания сочинений» об-

лик писателя выступает вполне; отдельные «сочинения» отражают лишь отдельные грани его души. [...].

«...Вот почему, решившись впервые соединить все, написанное мною, в форме «собрания сочинений», я счел своим долгом внимательно обдумать и план и состав издания. Я постарался расположить написанное мною в определенном порядке, который облегчил бы читателю, когда собрание будет закончено, — возможность понять, что́ мне хотелось сказать ему»[90] (54.6).

Соответственно с этим решением Брюсов тщательно вырабатывает проспект распределения своих произведений по томам. В архиве сохранилось пять вариантов этого проспекта — один в чистовом автографе, но с исправлениями и четыре печатных, из которых — три с разными авторскими исправлениями и добавлениями, а четвертый (1914 г.) — соответствует тексту последнего исправленного экземпляра (54.5).

Как известно, и этот проспект, так тщательно продуманный, не осуществился потому, что Брюсов слишком рано распорядился своим будущим творчеством, и действительная жизнь сломала его почти на ближайших же томах собрания. Успели выйти 4 тома, содержавшие стихотворения семи первых сборников. Но следом за «Зеркалом теней» вышел сборник, переименованный из «Sed non satiatus» в «Семь цветов радуги» и соответственно изменивший свое содержание (подробности см. выше, стр. 91). «Девятая камена» при жизни автора не выходила вовсе, зато появилось много сборников, не предвиденных Брюсовым. Брюсов оборвал печатание этого издания, выпустив по плану только 8 томов в разбивку (1—4, 12—13, 15, 21).

Впрочем, он тотчас же принял предложение издательства Гржебина о выпуске собрания только своих оригинальных художественных произведений, соглашаясь, что критические журнальные и газетные статьи утратили свое значение, а научные исследования интересны только специалистам. Однако и художественные произведения предполагалось ограничить временем с 1892 по 1917 гг. — 25-летним периодом творчества. В архиве сохранились автографы трех вариантов предисловия к этому изданию (54.11). Они все датированы 1923 годом. Кроме того, в архиве имеется подробный проспект предполагаемого издания по томам, озаглавленный «Общие примечания к 10 томам». В нем особенно важно подробное добавление того, что не включается в издание. К сожалению, это добавление, являющееся как бы продолжением «Библиографии произведений В. Я. Брюсова», выпущенной издательством «Скорпион» по 1912 год включительно, останавливается на 1916 годе; оно составлялось, по-видимому, при начале переговоров с Гржебиным, не позднее 1918 года, так как написано по старой орфографии.

Последней работой такого типа была подготовка Брюсовым собрания своих стихов за 30 лет — с 1894 по 1924 гг. и краткое предисловие к нему, сохранившееся в архиве только в машинописи без авторской подписи и правки (54.12).

В архиве имеется еще один план — посмертного издания полного собрания сочинений Брюсова, составленный им самим как

---

[90] Брюсов В. Я. Полн. собр. соч. и переводов. Изд. «Сирин», 1913, т. I. стр. VII—VIII.

завещание в дореволюционные годы. Поручая издание редакционной комиссии, Брюсов тщательно оговаривает состав собрания и принцип расположения материалов в нем. Документ сохранился в автографе, но остался незаконченным (54.8). Он обрывается словами 12-го пункта: «Примерное содержание томов:»[91].

Редакторские материалы Брюсова по подготовке к изданиям произведений других авторов сохранились в архиве в разрозненных листах. Это обычно перечни произведений, намеченных к включению, отрывки предисловий, объясняющих отбор. Среди них — материалы по редактированию многочисленных сборников, выпущенных издательством «Парус», поэзии народов Советского Союза и зарубежной, в переводах Брюсова и других авторов: украинской белорусской, латышской, финской, еврейской, французской. Сохранены материалы изданий отдельных сборников стихотворений Верлэна, Верхарна, По, римской поэзии. Среди этих материалов встречаются образцы собственноручной технической редакторской работы Брюсова — тексты, а иногда даже макеты титульных листов и обложек издаваемых им книг (54.35).

В «редакторском портфеле» Брюсова, собравшемся в его архиве в результате его работы в газетах и журналах «Русский архив», «Русское слово», «Весы», «Известия Московского литературно-художественного кружка», «Золотое руно», «Искусство» и других, имеется ряд рукописей разных авторов с редакторской правкой или разметками Брюсова (картоны 56—58). Часто он ограничивался подписями на полях: «Хорошо», «Недурно», «Не пойдет», «Вздор» и т. п. Иногда он только отчеркивал или подчеркивал удачные или, напротив, очень слабые рифмы. Если у автора ломался ритм, он иногда заменял одно-два слова другими, выправлявшими стих. В архиве нет образцов большой правки, и в данном отношении этот материал не представляет особого интереса. У Брюсова сохранились обложки с надписями: «Чуждое», «Вернуть», «не для Р[усского] С[лова]». Но вложенные в них произведения не уцелели на местах, и нельзя судить о строгости его приговоров. Сохранились лишь единичные примечательные отзывы. Таковы записи о рассказах Леонида Андреева. Отзывы даны краткими, но четкими определениями и пятибальной оценкой.

Вот некоторые примеры (лист очень дурной сохранности и не все поддается прочтению):

«Царь Голод — задумано недурно, но исполнено очень угловато [!] примитивно, 3—

Невинная жертва — Пустая напыщенность —2 —

Десять и один — Вздор — 1

«Душа не вытерпела» — Плохо склеено, язык плох — 2 —

---

[91] Наиболее интересным пунктом является 11: «Высказываю твердое желание, чтобы при размещении моих произведений по томам соблюдалось то же размещение, какое было в книгах, изданных при моей жизни, так чтобы каждая из изданных мною при жизни под моим наблюдением книг входила как некоторое целое в полное собрание сочинений, согласно с ее последним изданием, сделанным под моим личным наблюдением. Таким образом произведения не должны располагаться в хронологическом порядке, но в том, в каком они стояли в моих книгах, а новые, дополняющие собрание произведения, должны образовывать особые томы, а не быть включаемы в состав прежних книг. Впрочем, небольшие исключения из этого правила я разрешаю делать при условии единогласного решения всей ред. комиссии» (54.8).

Свержение с престола — Еще беспомощнее (канцел. счеты[?]) — 2 = [двойка с двумя минусами. — *Е. К.*] и т. д.» (56.1).

Есть, однако, и тщательно составленные отзывы, таковы замечания на сборничек «Миниатюр» Марии Рафалович, переписанных в ученическую тетрадь. В тексте есть поправки: «у окошка» заменено «у окна»; подчеркнуто волнистой линией «[сердце] наполняется нежностью», как трафарет; «остаешься в тишине» приписка над строкой: «два» «ш» неблагозвучно». На последней странице — подробный отзыв, основной смысл которого в словах: «...художника создают — опыт жизни, глубокие переживания, знания и работа, работа, работа!» (58.3).

Как материалы редакционной работы Брюсова в журналах сохранились в его архиве также немногие обращения к читателям и подписчикам; например, автограф предисловия от лица издательства «Скорпион» к возобновляемому в 1901 году альманаху «Северные цветы» (54.33/1) или «Объявление» от редакции «Русской мысли» с перечнем материалов, намеченных к публикации в 1913 году (54.33/2).

К редакторским же материалам отнесены в архиве и корректуры (картон 60) — в гранках и верстке — сборников и собраний произведений Брюсова, а также других изданий, в которых он принимал участие. Существенной правки в этой части корректуры нет. Отдельные листки с такой авторской правкой обычно присоединены к другим текстам произведения и хранятся вместе с ними, в группах материалов художественных или исследовательских работ.

* *
*

Рассмотренная часть архива Брюсова, — материалы его творческого наследия, — является единственной по своему объему и разнообразию среди подобных ей групп в архивных фондах других писателей. Главную же ценность составляет здесь чрезвычайное богатство и широта раскрытия творческих приемов художника слова и исследователя поэтического мастерства, обычно глубоко скрытых от посторонних глаз.

В этом отношении значение материалов Брюсова выходит далеко за пределы ознакомления с рабочей лабораторией и творческой биографией лишь одного их создателя.

Н. Б. Тихомиров

КАТАЛОГ РУССКИХ И СЛАВЯНСКИХ ПЕРГАМЕННЫХ РУКОПИСЕЙ XI—XII ВЕКОВ, ХРАНЯЩИХСЯ В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР им. В. И. ЛЕНИНА

Часть I (XI век)

Каталог содержит самые краткие сведения о древнейших русских и славянских рукописях отдела, дата которых в указанном временном охвате (XI—XII вв.) не вызывает сомнений, и основную библиографию описаний рукописей, публикаций текстов из них, исследований, связанных с этими рукописями, и их характеристик*. При каждой библиографической справке указывается в скобках, какого рода сведения о рукописи содержатся в приводимой книге или статье: публикация текста («изд.»), описание рукописи («оп.»), исследование («исслед.») и т. д.

Система описания рукописей в каталоге строится в основном по схеме, изложенной в Инструкции по обработке рукописных собраний отдела рукописей **.

При воспроизведении записей и частей текстов титла раскрываются, при этом части слов, внесенные в строку, ставятся в угловые скобки. Выносные буквы вносятся в строку без особого обозначения.

Происхождение церковнославянских памятников условно обозначается терминами: «русск.» — церковнославянский памятник русского извода; «болг.» — памятник среднеболгарского периода (этим термином обозначаются рукописи как собственно болгарского происхождения, так и македонские; мнения ученых о принадлежности памятника к тем или иным из них оговариваются особо). Мнения исследователей об отражении черт живых славянских говоров в памятниках старославянских («старослав.») также отмечаются особо.

Основной текст каталога дополняется Примечаниями.

В приложении публикуется текст отрывка Слова о вере из Пандект Антиоха черноризца («Листок Викторова»).

---

* Библиография не может считаться исчерпывающей, так как, возможно, нам остались неизвестными некоторые зарубежные и даже отечественные работы, в особенности такие, которые не специально посвящены описываемым в каталоге рукописям; кроме того, в библиографию обычно не включаются (даже использованные в примечаниях) работы, которые содержат отдельные замечания о наших рукописях (о времени, месте написания и пр.); не внесены в библиографию, как правило, и общие работы и курсы по старославянскому, древнерусскому, болгарскому языкам и хрестоматии, содержащие лишь незначительные отрывки из включенных в каталог памятников.

** Сборник инструкций отдела рукописей ГБЛ. М., 1955, стр. 133—173.

Составитель Каталога считает своим долгом выразить большую благодарность Е. Э. Гранстрем, С. И. Кочетову и М. В. Щепкиной за их ценные указания, а также своим товарищам по работе, в той или иной степени оказавшим помощь в работе над Каталогом. Особенно признателен составитель И. М. Кудрявцеву за постоянное руководство и помощь в составлении Каталога.

---

1. **Мариинское евангелие** * (тетр). Без начала и конца. Рукопись из собрания В. И. Григоровича (ф. 87), № 6 (М. 1689).

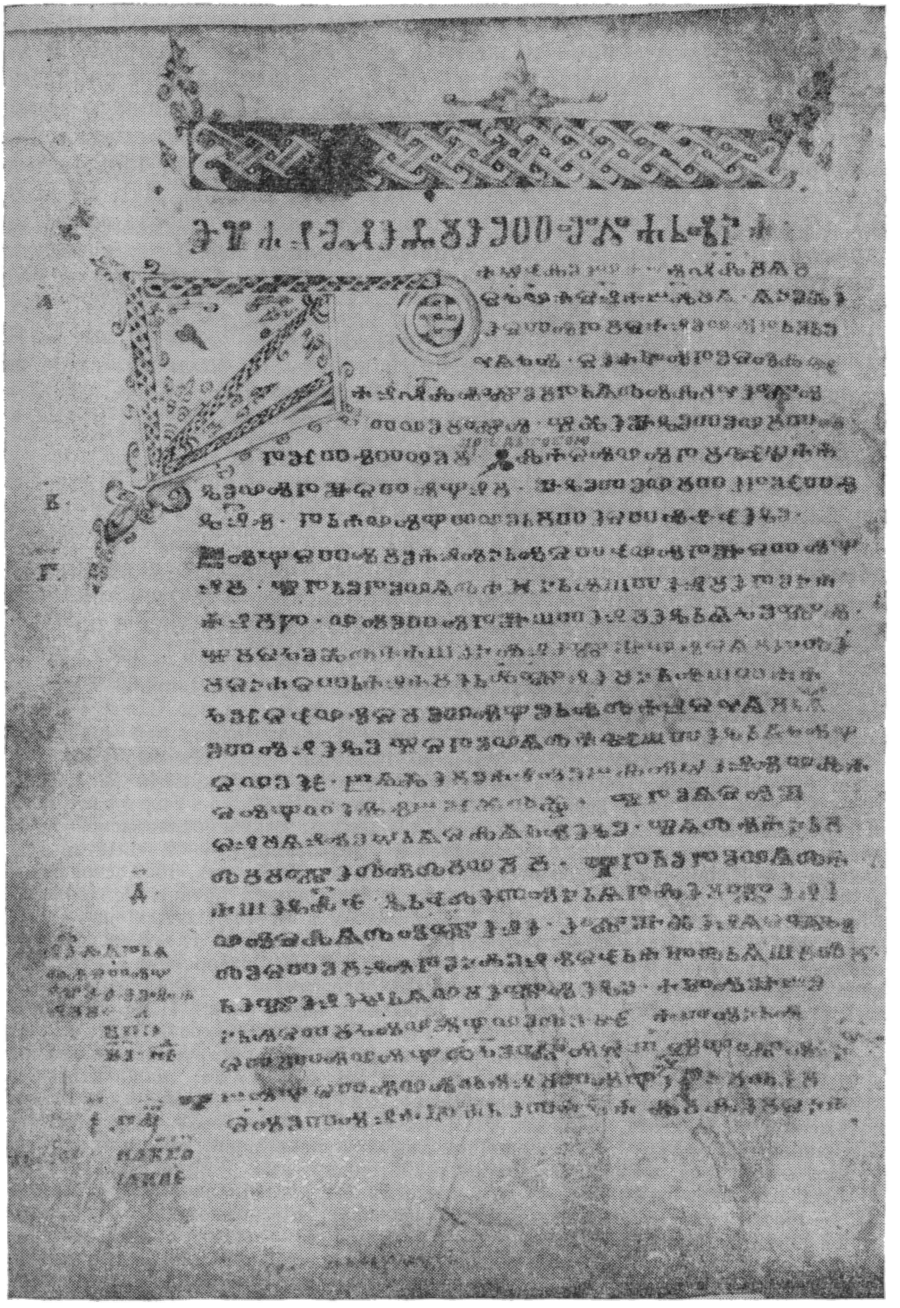
XI в.([1]) Старослав. Глаголица (вполне круглая); на вставленном, вместо утраченного, л. 134 — кириллица XIV в. 171 лл. (172; один лист помечен двумя номерами: «167? 168»; 22 тетр.: 20 тетр. по 8 лл., в 21-й тетр. — 7 лл., в 22-й — 4 лл.) ([2]), 21,2 (до 21,5) × 17,2 (до 18,0). Переплет утрачен. Вначале недостает одной тетради **, в конце — двух листов (?) ([2]); после л. 166 утрачен один лист; блок нарушен: рукопись разделилась на две части, некоторые тетради и листы отделяются. Имеются повреждения текста (затерт пергамен и пр.), особенно на лл. 1, 33 и 172об. В тексте имеются более поздние исправления кириллицей. На отдельных листах письмо поновлено ([3]). На верхнем поле л. 100 отпечаток части страницы глаголической рукописи. На полях разновременные (кон. XIII — кон. XIV вв.) кирилловские приписки: обозначение номеров глав, оглавления обширных отделений-глав, указания о времени чтения и указания, какому святому или празднику читать, отметки о начале, конце чтения и пр., — подробное описание их и публикацию значительной части приписок см. у И. В. Ягича([4]), среди них записи: на л. 171об. почерком, которым писаны старшие (кон. XIII в.) приписки киноварью и чернилами: «Прости ме, г<оспод>и, пис<а>вша сие числа ꙗу<ан>г.» ([5]); на л. 133 об. почерком XIV в. киноварью: «Чеда с<ве>те Б<огороди>це, брать вашь грѣшныи Герьмань м<о>лю се: вь сласть примѣте» ([6]); на л. 171 внизу почти стершаяся и выцветшая запись мелким почерком, начинающаяся: «Поми[н]... (?) ([7]). Одна киноварная (на л. 86об.) приписка (кон. XIV в.) писана глаголицей ([8]); другая (чернилами на л. 18) — глаголическими и кирилловскими буквами ([9]). Многочисленные позднейшие карандашные (простым, синим, красным) пометы указывают главы и стихи евангелий, листы Остромирова евангелия с соответствующим текстом, нумерацию сохранившихся тетрадей и пр.

Грубо выполненные миниатюры евангелистов Марка (л. 44), Луки (л. 77об.) и Иоанна (л. 133об.) нарисованы чернилами с использованием зеленой и сильно разведенной вишневой красок (на л. 44 использована только вишневая) ([10]). Заставки (2) на лл. 44об. и 78; заставки-концовки (3) на лл. 43, 76 и 132об.; малая заставка-концовка (жгут) на л. 133; инициалы (глаголические Н — на л. 44об. и П — на л. 78), — все писано чернилами и раскрашено только вишневой или же вишневой и зеленой краска-

---

* Известно также под названием Афонского или Григоровичева евангелия.

** Два последних листа из нее, известные как листки Михановича или Миклошича, хранятся в Венской Национальной библиотеке под шифром: Slav. 146.

Мариинское евангелие XI в. Ф. 87, № 6 (М. 1689), л. 44об.

ми. На л. 134 в заголовке (XIV в.), писанном киноварью, — вязь. На л. 91об., на наружном поле, кирилловский инициал М, выполненный зеленовато-синей и желтой красками и киноварью, а на л. 155об. вдоль наружного поля — жгут, выполненный чернилами, киноварью и желтой краской. На л. 43об. и 44 зеленовато-синей краской, тем же почерком, которым писаны киноварью оглавления обширных отделений (?), изображено: а) конус (на л. 43об.), разделенный на 7 поясов, с буквами в них: АЗ, BS, ГЕ, ДД, ЕГ, SB, ЗА (буквы даны снизу вверх); под конусом 5 «звездочек», по сторонам их фигуры с тремя зубцами, обращенными к середине (внутри этих фигур нечто вроде «очного» О), по бокам буквы под титлами: слева С (?), справа М; б) на л. 44 круг (с каймой), разделенный на 6 поясов, в которых (сверху вниз) буквы: З, М, С, Р, М, В; в) ниже круга восьмиконечный крест на «голгофе» (?), по сторонам которого обычные (буквы под титлами): IC XC Н К, а также над большой перекладиной (по бокам) — М, Л, под ней — Г, К, по бокам наклонной перекладины — Р, Х.

Рукопись вывезена В. И. Григоровичем из афонского скита Богородицы (отсюда и название Мариинское евангелие) ([11]).

Относительно места написания рукописи мнения исследователей расходятся: отмечаются черты говоров то сербско-хорватских, то македоно-болгарских, то моравских; имеются мнения о написании рукописи на западе Балканского полуострова и пр. ([12]).

Нач. со слов: «...сѧ авили чл<о>в<ѣ>комъ постѧще...» (Матфей, VI, 16)*; обрывается на словах: «...г<лаго>ла емоу третиици...» (Иоанн, XXI, 17).

Miklosich Fr. Glagolitisches Fragment Evang. Joann. 19.9 bis 19.28. Mitgetheilt vom Herausgeber. — Slavische Bibliothek oder Beiträge zur slavischen Philologie und Geschichte herausgegeben von Fr. Miklosich. B. I. Wien, 1851, SS. 261—263 (стр. 262—263 — изд. отрывка) ([13]); Григорович В. И. «Предварительные сведения, касающиеся литературы церковнославянской» и «О древнейших памятниках церковнославянской литературы». — Ученые записки, издаваемые Казанским университетом, [за] 1851, кн. 1. Казань, 1852, стр. 62—63 и 74 (кратк. сведен.; то же в его кн.: Статьи, касающиеся древнего славянского языка. Казань, 1852, стр. те же; 2-я из статей — и в Известиях АН по ОРЯС, т. I. Спб., 1852, о Мар. ев. — стлб. 88); Срезневский И. И. «Вместо предисловия» и примечания к 2-й из указ. выше статей В. И. Григоровича — Исследования о древних памятниках старославянской литературы. — Известия по ОРЯС, т. I, стлб. 85 и 103—104 (замеч. и изд. отрывка); Шафарик П. И. Взгляд на древность глагольской письменности, — там же, стлб. 369 (кратк. оп.); [Срезневский И. И.] Глагольское четвероевангелие В. И. Григоровича. — там же, т. II. Спб., 1853, стлб. 241—247 (оп. В. И. Григоровича; изд. отрывков; кратк. исслед., частично В. И. Григоровича); Safařik P. J. Památky hlaholského písemnictví. V Praze, 1853, str. VIII—IX (кратк. оп.), 47—50 (изд. отрывков глаголицей); Berčić J. Chrestomathia linguae veteroslovenicae charactere glagolitico e codicibus, codicum fragmentis et libris impressis. Pragae, 1859, pp. 66—69 (изд. отрывков глаголицей, в том числе из листков Михановича — Матфей, VI, 1—16, хотя указано, что из четвероевангелия В. И. Григоровича); Срезневский И. И. Из обозрения глаголических памятников. — Известия имп. Археологического общества, т. IV. Спб., 1863, стлб. 1—16 и табл. IX (оп.; изд. отрывков, частично глаголицей с кирилловск. транскрипцией; замеч. исслед. характера; литографическ. воспроизведение частей листов; на стлб. 197—201 — изд. и кратк. оп. листков Михановича; все это в его кн.: Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы. Спб., 1866, стр. 91—115, 157—162; табл. IX — в приложении: Древние глаголические памятники. Десять листов снимков. Спб., 1866); Jagić V. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis

* Венские листки Михановича, непосредственно предшествующие рукописи ГБЛ, содержат текст из Евангелия от Матфея, V, 23 (самый конец) — VI, 16.

nunc Petropolitanum... (Зографское евангелие, изданное В. Ягичем). Berolini, 1879, Prolegomena, pp. XXXVIII—XLV (изд. отрывков); Викторов А. Е. Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879, стр. 6 (оп.; на стр. 6—7 оп. фото- и фотолитографических снимков с Мар. ев., сделанных в 1871—1877 гг.); Евангелие от Луки. Из глаголической рукописи XI в. Изд. ОЛДП, №№ LIX и LXXIX. Спб., 1880—1881 (фотолитографическое изд. части рукописи); Ягич И. В. Образцы языка церковнославянского по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности (Specimina linguae palaeoslovenicae. Edidit V. Jagić). Спб., 1882, стр. 9—13 (изд. отрывков глаголицей); Ягич И. В. Памятник глаголической письменности. Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Изд. ОРЯС АН. Спб. (Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae Codex Marianus glagliticus. Characteribus cyrillicis transcriptum edidit V. Jagić. Berolini).1883 (изд. полностью, в том числе и листки Михановича; оп., палеогр. и лингвистич. исслед., словарь, сн. с лл. 36 и 76); Будилович А. С. Мариинское четвероевангелие. Труд И. В. Ягича. — ЖМНП, 1884, № 3 (март), стр. 152—169 (рец.-исслед.); L. Masing. Quattuor evangeliorum... Codex Marianus... edidit V. Jagić. — Göttingische gelehrte Anzeigen. 1884, B. II. Göttingen, SS. 687—711 (рец.-исслед.); Polívka J. Nejnovější publikace památek staroslověnského písemnictví. — Listy filologické a paedagogické, ročn. XI, Praha, 1884, str. 390—412 (О Мар. ев. — стр. 402—412: рец.-исслед.); Милетич Л. Особностите на езика в Мариинския паметник. Езикословна критична студия. — Периодическо списание на Българското книжновно дружество в Средец, кн. XIX—XX. Средец, 1886, стр. 219—252 (рец.-исслед.); Leskien A. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik. Texte. Glossar. 2-te Aufl. Weimar. 1886, SS. 187—192 (изд. отрывков; то же в 3-м изд. — Weimar, 1898, SS. 193—198; с 4-го изд. — еще один отрывок: изд. 4-е — Weimar 1905, SS. 199—204, 256—257; изд. 5-е — Weimar, 1910, SS. 206—211, 260—261; изд. 6-е — Heidelberg, 1922, стр. те же; изд. 7-е — Heidelberg, 1955, стр. те же); Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Спб., 1887, табл. CVII (воспроизведение в цвете орнамента); Воскресенский Г. А. Древнеславянское евангелие. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей евангелия XI—XVI вв. Сергиев Посад, 1894, стр. 19—20 (оп.; то же оп. в его кн. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по ста двенадцати рукописям евангелия XI—XVI вв. М., 1896, стр. 17—18); Berneker E. Slavische Chrestomathie mit Glossaren. Strassburg, 1902, SS. 7—12 (изд. отрывков); Каринский Н. М. Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам, ч. I. Древнейшие памятники. Спб., 1904 (изд. 2-е — Спб., 1911) стр. 68—76 (кратк. оп., изд. отрывков); Leskien A. Die Vokale Ъ, Ь in der Codices Zographensis und Marianus. — Archiv für slavische Philologie, B. 27, H. 3. Berlin, 1905, SS. 321—349 (исслед.); Каринский Н. М. (ред.). Образцы глаголицы. Изд. Археологического института. Спб., 1908, табл. XI и стр. 5 (сн. с л. 78 и кирилловск. транскрипц.); Фортунатов Ф. Ф. Состав Остромирова евангелия. — Сборник статей, посвященных... В. И. Ламанскому..., ч.II. Спб., 1908, стр. 1470—1475 (исслед.); Vondrák W. Kirchenslavische Chrestomathie. Göttingen, 1910, SS. 7—8 (изд. отрывка глаголицей), 37—48 (изд. отрывков; те же отрывки глаголицей и кириллицей и в чешском издании книги: Církevněslovanská chrestomatie. Brno, 1925, str. 13—14, 48—62); Ягич И. В. Глаголическое письмо.—Энциклопедия славянской филологии. Изд. ОРЯС. Вып. 3.III. Спб., 1911, стр. 127—128 и др. (палеогр. исслед.), табл. III, №№ 6а и 6б (сн. с частей листов; на стр. 233 — кирилловск. транскрипция); Кульбакин С. М. Древнецерковнославянский язык. Изд. 3-е. Харьков, 1917, стр. 30—31 (кратк. палеогр. и яз. оп.); Цонев Б. История на български език. А. Обща част. Том I. София, 1919, стр. 170—173 (оп.; изд. 2-е — София, 1940, стр. 142—144); Бузук П. А. К вопросу о месте написания Мариинского евангелия. — Известия ОРЯС [за] 1918, т. XXIII, кн. 2, Пгр., 1921, стр. 109—149; его же Замечания о Мариинском евангелии. — Известия ОРЯС [за] 1924, т. XXIX. Л., 1925, стр. 307—368 (исслед.; рец. С. М. Кульбакина на обе части работы см. Јужнословенски филолог, књ. IV, Београд, 1925, стр. 219—222; књ. V, Београд, 1925—1926, стр. 304—307); Diels P. Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch. II Teil. Ausgewählte Texte und Wörterbuch. Heidelberg, 1934, SS. 12—15. (изд. отрывков); Weingart M. Texty ke studiu jazyka a písemnictví staroslovanského. Praha, 1938, str. 27—33 (изд. отрывков; 2-е изд., подготовленное Иосифом Курцем, — Praha, 1949, стр. 35 и сл.); Романски Ст. Старобългарски език в образци. София, 1945, стр. 12—19 (кратк

оп., изд. отрывков глаголицей), 145—270 (изд. отрывков); Vaillant A. Manuel du vieux slave. Tom II. Textes et glossaire. Paris, 1948, pp. 18—27 (изд. отрывков); Селищев А. М. Старославянский язык. Часть II. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М., 1952, стр. 11—17 и на стр. 30 (изд. отрывков); Słoński S. Wybór tekstów starosłowiańskich (starobułgarskich). Wyd. 2-e. Warszawa, 1952, str. 5—11, 18, 20, 22, 24, 26 (кратк. оп., изд. отрывков; на стр. 18—27 параллельно с др.); Repp F. Zur Kritik des Codex Marianus.—Zeitschrift für slavische Philologie. B. XXIV. H. 2. Heidelberg, 1956. SS. 271—276 (исслед.); Стоянов Ст., Янакиев М. Старобългарски език. Текстове и речник. 2-о изд. София, 1960, стр. 34—43 (кратк. оп., изд. отрывков), табл. II и стр. [236] (уменьшенн. сн. с л. 36 и кирилловск. транскрипция).

---

2. **Евангелие-апракос. Отрывок из синаксарной части.** Рукопись из собрания В. М. Ундольского (ф. 310), № 961, известная под названием **«Листки Ундольского».**

XI в.(1) Старослав. Устав (наклонный). 2 лл. (сложенный вдвое лист), 18,9 × 15,5(2). Листы вшиты в картонную папку с кожаными корешком и углами; на внутренней стороне верхней крышки — печатная этикетка В. М. Ундольского с вписанным номером (961); на защитном листе карандашом: «558а». Текст поврежден и утрачен незначительно (оборван нижний угол л. 2-го, затерт пергамен), листы в пятнах, со следами сгибов(3). На л. 1 вверху рукой В. М. Ундольского (карандашом): «Евангелие апракос». По лл. 1—2об. запись чернилами: «В библиотеку Архива от Вукола Ундольскаго. 18 $\frac{25}{VI}$45».

Заставка (л. 2) и инициалы (лл. 1 и 2об.) писаны красной и зеленой красками и чернилами; отдельные слова в заголовках помазаны зеленой краской (4).

Относительно места написания рукописи — мнения различны: одними исследователями памятник относится к македонским, другими — к восточноболгарским (5).

Отрывок содержит чтения от Матфея, XIII, 24—30, 36—43 (6) и от Марка, V, 24—34, а также указания на евангельские чтения с 11 ноября по 14 декабря (не на все дни).

Срезневский И. И. Древние славянские памятники юсового письма. С описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка. Спб., 1868, стр. 3, 43—44 (оп., исслед.), стр. 194—196 2-го счета (изд. с вариантами по Ассеманиеву ев.); Викторов А. Е. Очерк собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе, — присоединенный к книге «Славянорусские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания, с № 1-го по 579-й. Спб., 1870, стр. 5 (кратк. сведен.); Ягич И. В. Образцы языка церковнославянского по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности (Specimina linguae palaeoslovenicae. Edidit V. Jagič). Спб., 1882, стр. 48—49 (изд. 1-го чтения с вариантами по другим древним евангелиям; 2-е чтение использовано для вариантов — см. стр. 40—41); Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени, вып. 1. Спб., 1884 (полностью альбом вышел в свет в 1887 г.), табл. I, №№ 2 и 3 (воспроизведение заставки и инициала с л. 1); Буслаев Ф. И. Рецензия на вып. 1-й альбома В. В. Стасова (Спб., 1884) — ЖМНП, 1884, № 5, май, стр. 54—104 (оп. орнаментики Листков на стр. 71—72 и 75); Карский Е. Ф. Очерк славянской кирилловской палеографии. Из лекций, читанных в Варшавском университете. Варшава, 1901, стр. 350—351 (изд. 1-го чтения), стр. 385—386 (воспроизведение лл. 1 и 1об.—реставрированы, особенно снимок с л. 1; те же снимки в его же «Образцах славянского кирилловского письма с X по XVIII век». Варшава, 1901, стр. 4—5); Щепкин В. Н. Листки Ундольского — Сборник статей, посвященных Ф. Ф. Фортунатову. Варшава, 1902, стр.

249—269 (оп., исслед.; то же в РФВ, т. XLVIII, Варшава, 1902, стр. те же); Карский Е. Ф. Листки Ундольского. Отрывок кирилловского евангелия XI века. Фототипическое воспроизведение текста и исследование письма и языка. — Памятники старославянского языка, т. I, вып. 3-й. Спб., 1904 (оп., исслед., изд., воспроизведение всего отрывка) (7); Лавров П. А. Югославянская палеография. Курс, читанный в С.-Петербургском Археологическом институте в 1903—1904 году. Спб., 1904, стр. 34—36 (палеогр. исслед.); Каринский Н. М. Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам, ч. I. Спб., 1904, стр. 25—28 (изд. полностью); 2-ое изд. (Спб., 1911), те же стр.; его же. Историческая хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам. Пгр., 1914, стр. 13—14 (изд. 1-го чтения — менее точно, чем в изд. 1904 и 1911 гг.); Vondrák W. Kirchenslavische Chrestomathie. Göttingen, 1910, S. 81 (изд. 2-го чтения; то же и в чешском изд. его книги: Církevněslovanská chrestomatie. Brno, 1925, str. 102—103); Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма. — Энциклопедия славянской филологии, вып. 4. 1. Спб., 1914 (на обл. вм. с вып. 4.2 — Спб., 1915), стр. 40—42 (палеогр. исслед., см. и стр. 26 и 29); его же. Альбом снимков с югославянских рукописей болгарского и сербского письма. — Энциклопедия славянской филологии, приложение к вып. 4.1. Пгр., 1916, № 4 (воспроизведение лл. 1об. и 2); Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 329—330 (изд. 1-го чтения), стр. 369 (воспроизведение л. 1 — реставрированное, что и в изданиях 1901 г.); Weingart M. Texty ke studiu jasyka a písemnictví staroslověnského. V Praze, 1938, стр. 71—73 (изд. полностью; то же во 2-м изд.: Texty ke studiu jazyka a písemnictví staroslověnského. Vydal M. Weingart. Druge, revizované vydaní nově upravil J. Kurz. V Praze, 1949, стр. 98 и след.); Романски Ст. Старобългарски език в образци. София, 1945, стр. 572—575 (изд. полностью), табл. XVIII (уменьшенн. сн. с л. 1).

---

3. **Архангельское евангелие** (1) (апракос краткий). Без начала. Рукопись из Музейного собрания (ф. 178), № 1666.

1092 г. (лл. 178—178об. — XII в., на л. 177об. — текст XIII—XIV в.?) (2). Русск. Лл. 177об. и 178—178об.—палимпсесты (3). Устав пяти почерков (из них 1092-го г. три (2)). 178 лл. (23 тетр.: 21 тетр. по 8 лл. и неполные — 7-я из 4 лл. и 23-я из 5 лл., к которой подшит л. 178-й) (4), 20,5×16,6. Переплет (более поздний — XIV или нач. XV в. (5)) — доски; кожа утрачена; сохранился обрывок ремешка одной застежки. Утрачено: вначале 3 тетради (24 лл.), между лл. 48 и 49 (2 лл.?), 52 и 53 (2 лл.?), 84 и 85 (2 тетр. = 16 лл.), 100 и 101 (1 тетр. = 8 лл.), 176 и 177 (1 л.) (6). Пергамен некоторых листов лопнул по линии разлиновки, есть и др. повреждения. Письмо в ряде мест поновлено. На л. 178об. следы химического реактива для восстановления текста (7).

На лл. 174об.—175 запись писца: «...иного ч<е>л<о>в<ѣ>ка... отѧгъченъ грѣхы бещисльныими..., братиѧ моѧ, всѧкого дѣла добра, вълаисѧ въ житии, ѧко корабль на поучинѣ, [непо]добьнаѧ помышлѧѧ: сластолюбие, похотѣние, клеветы, свары, пьяньство, — просто рекъше, всѧ злаѧ. Оѡхъ, братие и о<ть>ци мои! Аще въ тѣхъ мыслѣхъ блоудѣ, а съблазнилъсѧ боудоу, пиша, не мозѣте, братие*, клѧти, нъ исправите и бл<агослови>те и простите оубогꙋю мою д<оу>шю, мене грѣшьнааго, рекъше Ѧичька» (8). На л. 177 запись другого писца: «Коньчах азъ пет (пот? поп?)** томиї въ лѣт<о> 6600 презвуте<р> грѣшьн». На л. 178об., под заставкой-концовкой, — запись (3-я

---

* Слово написано дважды, первое зачеркнуто.

** Последнее слово или часть слова почти стерлась, поэтому читается различно. Е. Ф. Карский читает это место как «Пет[=Петр] Томин (с Н выносным)», — см. его Славянская кирилловская палеография, Л., 1928, стр. 44 и 303.

строка обрезана; видны только верхние части букв): «Завидъ псалъ б[ылъ Ѧк... (Ак...?)] (?)» (9). На л. 79об. — написанная киноварью криптограмма(?) (10); на л. 177 крупным и более поздним почерком (XIII—XIV в.?) на нижнем поле писаны два ряда букв по 13 в каждом, некоторые буквы стерлись (криптограмма?).

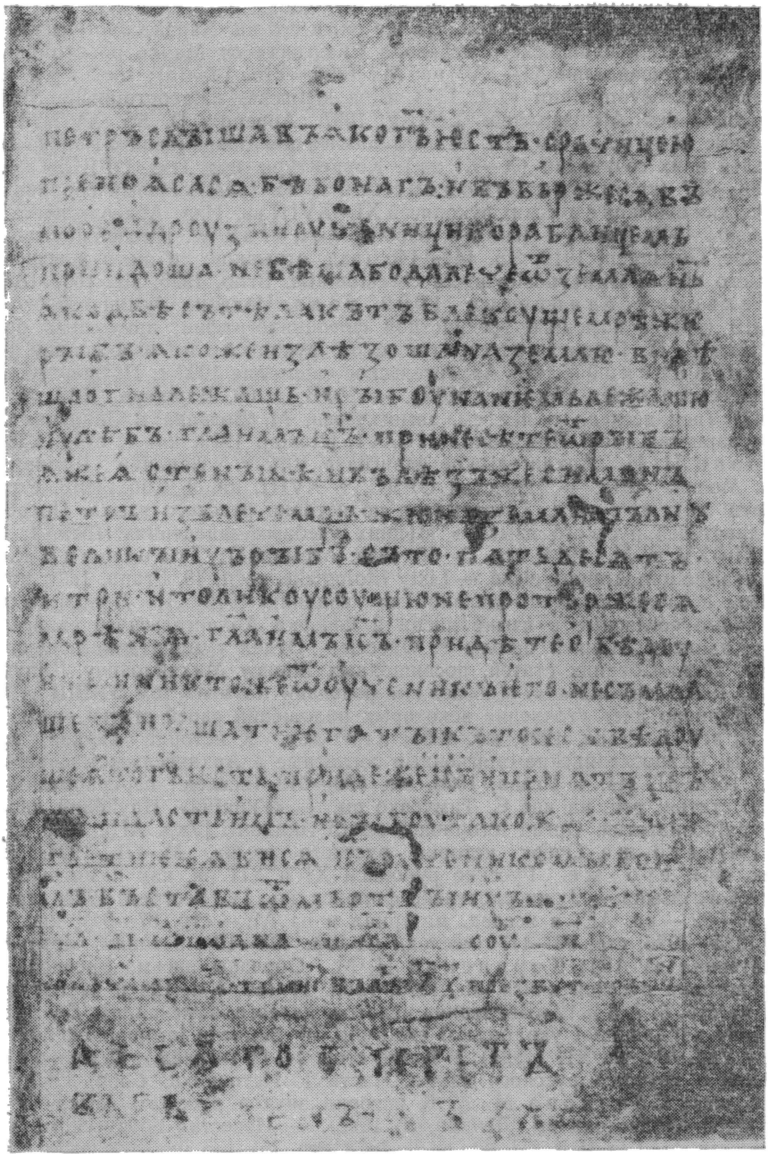
Орнамент: заставка (л. 123) с надписью: «А люба заставице искажен пю», — писана киноварью и чернилами; заставка-концовка, писанная чернилами (л. 178об.); малые заставки (на л. 173 — киноварью, на лл. 174об. и 175 — чернилами); инициалы разных видов, писанные киноварью (на л. 150 — киноварью и чернилами). Писанные чернилами инициал (л. 150об.) и мелкие заголовки (лл. 149, 150 и 150об.) помазаны желтой краской.

Рукопись привезена из Архангельска (см. примечание 1-е).

Обычно считается написанной на юге Руси, может быть, в Киеве, хотя есть и мнения о северном происхождении рукописи (11).

Текст нач. с чтения в 5-ое воскресение по Пасхе (в «неделю о Самаряныни») со слов: «...Иосифѣ с<ы>ноу своєму. Бѣ же тѣ кладѧзь Иѳковль...». Евангельские чтения от Пятидесятницы до Великого поста положены только на субботы и воскресенья («недели»), а не на все дни недели, как в апракосах полных (с XII в.). С л. 123 начинается синаксарная часть (месяцеслов с «соборником» чтений на избранные памяти и праздники — лл. 123—173) (12). Памятей русским святым еще нет, из славянских — только 3: Константину (Кириллу) Философу — 14 февр. (л. 157об.), Мефодию Моравскому — 6 апреля (л. 161) (13) и Вячеславу Чешскому — 28 сент. (л. 132об.). За «соборником» следуют указания чтений на особые потребы (лл. 173—174об.), среди которых помещены два чтения: а) «На с<вѧ>щ<е>ние ц<ь>рк<ъ>ви, и на брань, и на бездъждые — еуа<н>г<елие> wт Марка» (Марк, XI, 23—26; Матфей, VII, 7—8); б) «Надъ маслъмь, ѥгда боудеть 7 поповъ над болѧщимь — еуа<н>г<елие> wт Марка» (Марк, VI, 7—13). На лл. 175—177 — воскресные утренние евангелия (есть перерыв в тексте) (14). На л. 177об.— евангелие от Луки (VI, 12—19) без указания, на какой день или на какую потребу читать (текст писан по уничтоженному славянскому тексту) (15). На лл. 178—178 об. — «иеванг<елие> Михаилъвъ [8 ноября] — wт Матѳ<ея>» (Матфей, XIII, 24—30, 36—43; по смытому тексту).

[А. Е. Викторов]. Замечательное приобретение Московского Публичного и Румянцевского музеев. — Газ. «Голос» от 21 февраля (5 марта) 1877 г., № 52. Спб. (оп.); Бычков А. Ф. О вновь найденном пергаменном списке евангелия. — Записки АН, т. 29, кн. 1. Спб., 1877, стр. 97—112 и Сборник ОРЯС, т. 17. Спб., 1877, стр. XXXV—L (оп., изд. отрывков, исслед.); Амфилохий (Сергиевский), архим. Описание Евангелия 1092 года (сличенного преимущественно с Остромировым евангелием). М., 1877, см. также «Древности», VII, 1, отд. I, стр. 29—58 (оп., исслед., литограф. сн. — 10 табл.); Дювернуа А. Л. О критическом значении Архангельского евангелия, хранящегося в Румянцевском музее. — ЖМНП, ч. CXCIX, 1878, № 10 (октябрь), стр. 181—219 (исслед.); Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1876—1878 гг. М., 1879, стр. 87—90 (оп. [А. Е. Викторова]); Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). Общее повременное обозрение. Изд. 2-е, Спб., 1882, стлб. 32—33 (кратк. оп.,); Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Спб., 1887, табл. LI, №№ 7, 8, 9 (воспроизведение в цвете заставки с л. 123 и инициалов с лл. 141 и

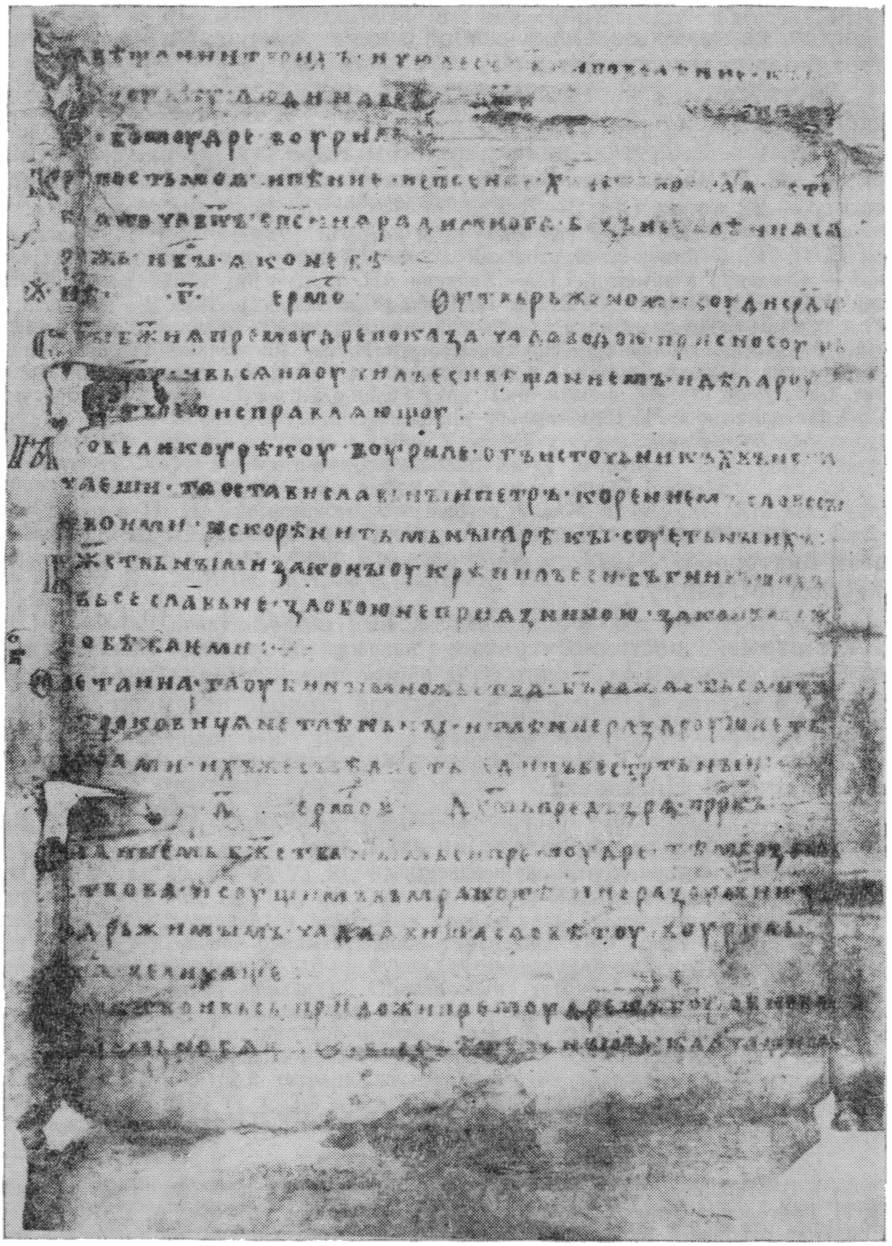
Архангельское евангелие 1092 г. Ф. 178, № 1666, л. 177.

164); Воскресенский Г. А. Древнеславянское евангелие. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей евангелия XI—XVI вв. Сергиев Посад, 1894, стр. 15—16 (оп.; то же оп. в его кн. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по сто двенадцати рукописям евангелия XI—XVI вв. М., 1896, стр. 14—15); Le-Juge V. Das Galizische Tetroevangelium v. J. 1144. Eine kritische—palaeographiche Studie auf dem Gebiete des Altrussischen. Leipzig, 1897. Appendix D. SS. XV-XVI (изд. отрывков); Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректурн. изд. Изд. ОРЯС. Спб., 1906, стр. 486—487 (кратк. оп.); Соболевский А. И. (ред.). Новый сборник палеографических снимков с русских рукописей XI—XVIII вв. Изд. Археологическ. института. Спб., 1906, [табл.] 1 (сн. с л. 89об.); Vondrák W. Kirchenslavische Chrestomathie. Göttingen, 1910, SS. 144—145 (изд. отрывков; то же и в чешском издании его книги: Církevněslovanská chrestomatie. Brno, 1925, str. 181—182); Архангельское евангелие 1092 года. Издание Румянцевского музея. М., 1912 (изд. с помощью трехцветной фотоцинкографии; приложена брошюра хранителя Г. П. Георгиевского с оп. рукописи и изложением истории издания); Карский Е. Ф. Архангельское евангелие 1092 г. По поводу издания Румянцевского музея (Москва. 1912). — РФВ, т. 69, Варшава, 1913, № 2, стр. 467—477 (рец.-исслед.; о ней см. заметку-рец. М. Возняка в Записках Наукового товариства імені Шевченка, т. CXVI, [Львів], 1913, кн. 4, стор. 238—239); Дурново Н. Н. Архангельское евангелие 1092 г. Издание Румянцевского музея. Москва. 1912. — Известия ОРЯС, т. XVIII, кн. 2. Спб., 1913, стр. 348—352 (рец.-оп.); его же. Хрестоматия по истории русского языка. Пособие для преподавателей русского языка в высших учебных заведениях. Вып. 1. Памятники XI—XV в. М., 1914, стр. 5—10 (изд. отрывков); Trautmann R. Staroruské evangelium Archangelské. — Listy filologické, ročn. 48. Praha, 1921, str. 113—118 (оп.; исслед.; описание сделано по изданию 1912 г.); Дурново Н. Н. Смягченные согласные в языке писца 2 почерка Архангельского евангелия. — Ученые записки Высшей школы г. Одессы. Отдел гуманитарно-общественных наук, т. II (=Сборник статей, посвященных Борису Михайловичу Ляпунову...). Одесса, 1922, стр. 140—147 (исслед.; в рецензии на этот том УЗВШ г. Одессы Н. Н. Дурново дает уточнение некоторых положений своей статьи, — см. Slavia, ročn. II, seš. 1. Praha, 1923, str. 135); его же. К истории звуков русского языка. II. Старославянские смягченные согласные в Архангельском евангелии. — Slavia, ročn. II, seš. 4. Praha, 1924, str. 599—612 (исслед.; переработанная предыдущ. статья; рец. на нее Є. Тимченко см. — «Україна». Науковий двохмісячник українознавства. Орган історичної секції Академії [Укр. АН], 1925, кн. 1—2, стор. 191); его же. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 354 (кратк. оп.); его же. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка — Јужнословенски филолог, књ. IV, Београд, 1924, стр. 72—94 (стр. 80—82 — оп. АЕ; в исслед. материал и из АЕ — стр. 87—94), књ. V, Београд, 1925—1926, стр. 93—117 (исслед.; на стр. 103—104, а также частично и на др. материал из АЕ); Каринский Н. М. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, табл. 11 (сн. с л. 123 и частей лл. 70 и 24об.; на стр. 6, 7, 8 и 12 «Введения» некотор. палеогр. замечания); Бузук П. А. Про мову найдавнішої української євангелії. — Записки історично-філологічного відділу Укр. АН, кн. XII (1927). У Київі, стор. 1—11 (исслед.); Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. Часть 1. Источники. Брно, 1927, стр. 33 (кратк. оп.); Соколова М. А. К истории звуков русского языка (Рукопись московской библиотеки им. Ленина, № 1666). — Известия по русскому языку и словесности АН СССР, т. III, кн. 1. Л., 1930, стр. 75—135 (оп., исслед.); Музейное собрание отдела рукописей ГБЛ. Описание, т. I. Под редакцией И. М. Кудрявцева. М., 1961, стр. 268—270, 272 (оп.), стр. 169 и 271 (уменьшенн. сн. переплета и л. 123).

---

4. Минея служебная за март. Отрывок. Рукопись из Музейного собрания (ф. 178), № 1337.

Кон. XI в. (1). Русск. Устав. 2 лл. (один лист, сложенный вдвое), 26,2×21,1. Вшиты в картонную папку, на верхней крышке которой — краткое описание рукописи рукой И. И. Срезневского (2).

Служебная минея за март XI в. Отрывок. Ф. 178, № 1337, л. 1об.

Сохранность плохая: текст на внешних страницах значительно поврежден, частично почти совсем потух или утрачен, на внутренних — сохранился лучше; края листов обрезаны, прорезаны отверстия, пергамен по линии сгибов лопнул, прорвался, на внешних страницах сильно пожелтел (3).

Листы сняты с переплета старопечатного служебника новгородской Софийской библиотеки (4).

Отрывок содержит: начало службы Кириллу (Вурилу) Катанскому — 21 марта (лл. 1—1об.) и часть службы Василию Анкирскому — 22 марта (лл. 2—2об.).

Отчет за 1870—1872 гг. М., 1873, стр. 61 (кратк. оп.); Срезневский И. И. Отрывок из мартовской служебной минеи русского письма XI века. — Сведения и заметки, LI. — Записки АН, т. 22. Спб., 1873, прилож. № 3, стр. 191—195 и Сборник ОРЯС, т. 12. Спб., 1875, № 1, стр. 191—195 (оп., изд.); его же. Древние памятники русского письма и языка, изд. 2-е. Спб., 1882, стлб. 38 (кратк. сведения); Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректурное издание. Спб., 1906, стр. 492 (кратк. оп.); Музейное собрание рукописей ГБЛ. Описание, т. I. М., 1961, стр. 185—186 (оп.).

---

5. **Слово о вере из Пандект Антиоха черноризца.** Отрывок (**«Листок Викторова»** (1)). Рукопись из собр. Д. В. Пискарева (ф. 228), № 205.1 (М. 640.1).

Кон. XI — нач. XII в. (2). Русск. (?) (3). Устав. 1 л. 19,3×12,6 (4). Текст отрывка частично утрачен, так как оборваны левые углы, пергамен в двух местах лопнул и выкрошился, в ряде мест сильно затерт, в пятнах от сырости, на лицевой стороне потемнел; в некоторых местах текст почти потух.

Лист найден А. Е. Викторовым в переплете одной из рукописей собрания Д. В. Пискарева.

Нач. со слов: «...ыѧ раждьж[ены]ѧ оугасити...». Обрывается на словах: «...напьсати и прочитаѫщи ихь высѣм...».

Печатные сведения об отрывке неизвестны.

Текст публикуется в Приложении.

Примечания

1. МАРИИНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

(1) В отношении времени написания рукописи нет единства мнений. В. И. Григорович относил Мариинское ев. к XI в. (см. об этом: А. Е. Викторов. Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879, стр. 6), так же датировал памятник и И. В. Ягич: «...он, должно быть, написан где-нибудь в пределах тех стран, где в XI веке жили хорваты и сербы...» (Мар. ев., 1883, стр. 410) *. Эта

* В ряде работ указывается, будто бы И. В. Ягич относил рукопись к кон. X (или к кон. X — нач. XI) века, однако это основано на недоразумении. Так, W. Vondrák (Altkirchenslavische Grammatik. 2-e Aufl. Berlin, 1912, S. 19), утверждая это, отсылает к стр. XIX (у него ошибочно: XXIX) издания 1883 г., где на самом деле И. В. Ягич отмечает такую палеографическую особенность Мар.

точка зрения была поддержана многими исследователями; см., напр.: Каринский Н. М. Хрестоматия по древнецерковнослав. и русск. яз., ч. 1. Спб., 1904, стр. 68; Кульбакин С. М. Древнецерковнославянский язык. Изд. 3-е. Харьков, 1917, стр. 30; Van Wijk N. Geschichte der altkirchenslavischen Sprache. Berlin und Leipzig, 1931, S. 23—24; Vaillant A. Manuel du vieux slave. Tome I. Grammaire. Paris, 1948, p. 14; Селищев А. М. Старославянский язык, ч. 1. М., 1951, стр. 69, и др. В ряде работ дается уточнение датировки: рукопись относится к сер. XI в. (см., напр., Słoński St. Gramatyka języka starosłowiańskiego (starobulgarskiego). Warszawa, 1950, str. 12—13) или к нач. XI в. (см., напр., Романски Ст. Старобългарски език в образци. София, 1945, стр. 12; Стоянов Ст., Янакиев М. Старобългарски език. Текстове и речник. София, 1960, стр. 34), последнее, на наш взгляд, является наиболее вероятным.

П. И. Шафарик считал, что Мар. ев., «кажется, не позже XI века, а может быть и старше» (см. Известия АН по ОРЯС, т. I. Спб., 1852, стлб. 369; см. и его Památky, 1853, str. VIII—IX).

Некоторые же исследователи датируют рукопись концом X (см., напр., Berneker E. Slavische Chrestomathie mit Glossaren. Strassburg, 1902, S. 7; Leskien A. Grammatik der altkirchenslavishen (altbulgarischen) Sprache. Heidelberg, 1909, S. XLVI; Weingart M. Rukověť jazyka staroslověnského. Praha, 1937, str. 37) или кон. X — нач. XI в. (см., напр., Lehr—Spławiński T. Zarys gramatyki języka starocerkiewnosłowiańskiego na tle porównawczym. Wyd. 3-e. Kraków, 1949, str. 7: „Rękopis pochodzi z końca X w. lub z czasu niewiele późniejszego"; Ułaszyn H. Język starocerkiewnosłowiański. Zarys gramatyki. Ćwiczenia. Teksty. Słownik. Lwów, 1928, str. 5: ...z końca X lub początku XI wieku").

Мнения И. И. Срезневского, считавшего, что Мар. ев. «XI—XII века (или ранее?)» (см. Известия АН по ОРЯС, т. I. Спб., 1852, стлб. 85), и тем более А. С. Будиловича, относившего рукопись «к XII в., может быть, — к первой его половине» (см. ЖМНП, 1884, № 3, март, стр. 158), конечно, не могут быть приняты.

(2) Листы пронумерованы дважды: чернилами в верхнем левом углу (нумеровал А. Е. Викторов; см. в конце рукописи: «Всего 171 л. А. В.») и карандашом в верхнем правом углу. Основная нумерация — Викторова. В нумерации карандашом после л. 132-го сразу обозначен л. 134-й; у А. Е. Викторова сплошная полистная нумерация также не выдержана до конца: л. 167-й обозначен двумя номерами: «167? 168». Вероятно, нумерация листов производилась им в соответствии с намечавшимся изданием памятника (издание И. В. Ягича 1883 г.), где утраченный после л. 166-го лист обозначен 167-м (текст — из Зографского евангелия), а лист, следующий (после утраты) за л. 166-м помечен 168-м (см. в издании стр. 388—390). Сохранились глаголические обозначения следующих тетрадей (первоначальных!): на л. 17 обозначение 4-й тетради, на лл. 25, 33, 41, 49, 57, 65, 73, 81, 89, 97, 105, 113 — соответственно 5—16 тетрадей, на л. 129, 137, 145, 153, 161, 169 — 18—23-й. Пометы в правом верхнем углу первого листа тетрадей; в некоторых тетрадях за обозначением номера тетради следует небольшое орнаментальное украшение. При обозначении 11-й тетради (из сохранившихся — 10-й) буква, обозначающая десяток, поставлена впереди (по греческому образцу). Обозначения тетрадей 2-й и 3-й отсутствуют, вероятно, срезаны (верхние поля обрезаны значительно), а на л. 121 (17-я первоначальн. тетр.) отрезано все верхнее поле. Тетради — обычные quaternion'ы, кроме 12-й, 17-й, 21-й и 22-й из сохранившихся (т. е. 13-й, 18-й, 22-й и 23-й первоначальных) *. В 12-й тетради не все листы — половинки сложенных вдвое листов: лл. 91 и 94 (т. е. 3-й и 6-й в тетради) одинарные. В 17-й тетради двойной лист, половинки которого составляют 3-й и 6-й лл. этой тетради (лл. 131 и

ев., как «сидячие», а не «висячие» строки (в греческих рукописях это — свидетельство большей древности), причем делает вывод: «для славянских рукописей, где приемы еще недостаточно исследованы, я не решаюсь придавать этому обстоятельству такое важное значение, чтобы уже на основании его одного, если нет других более веских доказательств, относить подобного рода памятники к X-му столетию» (Мар. ев., 1883, стр. XIX). См., напр., и у Н. К. Грунского утверждение, что И. В. Ягич относит Мар. ев. «к X или началу XI в.» (Лекции по древнецерковнославянскому языку. Изд. 2-е. Юрьев, 1914, стр. 23).

* Следует отметить, что в 1-й тетради (2-й первоначальн.) крайний двойной лист разделился по сгибу, поэтому лл. 1-й и 8-й пришиты к куску пергамена, в который как бы вложена вся тетрадь (л. 1-й теперь прикреплен только верхней частью).

134) разделился по сгибу, и вторая половинка (л. 134-й) утрачена. Позднее был вставлен лист с текстом, писанным кириллицей. К нему подшит и л. 131. В 21-й — л. 167-й, утраченный (7-й в тетради) был одинарным: у отделившегося л. 162, который составлял бы с л. 167 одну «кожу», если бы лист был двойной, перегиб отступает от края, как у одинарных листов; лл. 163 и 166 — также одинарные. 167-й лист не был восполнен, так что в тексте перерыв. В 22-й тетради, по всей вероятности, с самого начала было 6 лл., так как перерыва в тексте между листами нет, а лл. 171 и 172 составляют один двойной лист, т. е. с самого начала были «срединными» листами. Следовательно, из этой тетради (лл. 169—172) оторваны два последних листа: края лл. 169 и 170 неровные *. Этой тетрадью (23-й, если учитывать и утраченную 1-ю тетр.), вероятно, и кончалась первоначально рукопись: для завершения текста Евангелия от Иоанна необходимо лишь немногим более одной страницы (см.: И. В. Ягич. Мар. ев., 1883, стр. XVII). Однако позднее к ней, видимо, были подшиты еще листы, на которых кириллицей был написан месяцеслов (синаксарь) — в своем описании евангелия В. И. Григорович указывал: «В конце рукописи был синаксарь, кирилловскими письменами писанный: от него остался лоскуточек» **. Непонятно только, почему этот обрывок листа не учитывался при определении общего количества листов, если он был в то время (В. И. Григорович указывает 171 лл., см. там же, стлб. 241). В настоящее время никакого обрывка с частью синаксаря нет, поэтому судить о времени его написания нет возможности.

В середине рукописи, как указано, утрачены только 2 лл. (лл. 134, восполненный позднее, и 167), поэтому неясно замечание А. Е. Викторова, что в середине утрачено п я т ь листов (см. его Собрание рукописей В. И. Григоровича, 1879, стр. 6).

([3]) На поновление письма указывал еще В. И. Григорович: «Письмо на первых листах темно, местами вновь наведено чернилами» (Известия АН по ОРЯС, т. II. Спб., 1853, стлб. 242). Особенно заметно, что письмо наведено, напр., на лл. 10об.—11.

([4]) И. В. Ягич. Мар. ев., 1883, стр. 410—415 (на стр. 414—415 дана хронологическая сводка появления всех кирилловских приписок). Некоторые сомнения вызывает датировка приписки на л. 134об. (приписка приведена там же, на стр. 414) концом XV — началом XVI в. Не могла ли она быть написана тем же писцом, который писал (киноварью) оглавления обширных отделений (глав) евангельского текста? При учете того, что запись писана крупными буквами, имеющими (особенно в первой ее части) характер п р о п и с н ы х, а не строчных букв, — нельзя не видеть сходства начертаний букв этой записи и киноварных приписок на полях (которые относятся И. В. Ягичем к кон. XIV в. — см. там же, стр. 411). Ср., напр., начертание таких букв, как К, С (с очень небольшим изгибом), Д (с левой наклонной, находящей на правую, а не наоборот, причем левая наклонная писана более толстой линией; в приписках есть и другие варианты), А (с выгнутой петлей), Ѣ (с мачтой, оканчивающейся вверху покрытием), выносное Д (с левой наклонной, далеко выходящей за правую в виде округленной линии), S в значении цифры 6 (сходное с перевернутой цифрой 2; см., например, в приписках на лл. 3, 125об., 140 об. и др.) и т. д. Конечно, на основе беглого знакомства с этими почерками нельзя делать окончательного вывода, но если предположение, что приписки и запись писаны одним писцом, является верным, то запись должна быть отнесена также к концу XIV в.

П р а в о п и с а н и е п р и п и с о к (разного времени и писанных как чернилами, так и киноварью) с е р б с к о е. Относительно киноварных приписок конца XIV в. (тех, что указывают содержание обширных глав) И. В. Ягич уточняет: «Орфографические особенности оглавлений исключают возможность полагать, что эти приписки сделаны в пределах западносербской (боснийско-далматинской) письменности; там не так писали, как доказывают примеры Ни-

* В. И. Григорович считал (см. Известия АН по ОРЯС, т. II. Спб., 1853, стлб. 242), что в 22-й (из сохранившихся) тетради утрачено 4 лл., полагая, видимо, что и эта тетрадь была из 8-ми лл., но, как показано, в ней было 6 лл., а значит, утрачено 2 лл. (см. об этом: И. В. Ягич. Мар. ев., 1883, стр. XVIII).

** См. Известия АН по ОРЯС, т. II. Спб., 1853, стлб. 242. Приблизительно то же сказано у И. И. Срезневского (Древние глаголические памятники. Спб., 1866, стр. 93) и у А. Е. Викторова (Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879, стр. 6), однако неясно, был ли этот «клочок» в то время, когда описывал рукопись А. Е. Викторов.

кольского евангелия, Болонского сборника и т. д. Стало быть, писец оглавлений жил или южнее, в пределах Старой Сербии, или, что всего вероятнее, на Афоне» (И. В. Ягич. Мар. ев., 1883, стр. 413).

Запись на л. 46 (писана полууставом, переходящим в скоропись), по мнению В. И. Григоровича, в писце «обличает болгарина» (см. Известия АН по ОРЯС, т. II. Спб., 1853, стлб. 242; запись приведена там же).

(5) И. В. Ягич полагал (Мар. ев., 1883, стр. 414), что последнее слово в записи должно читаться как «kvp» (с Р выносным) или «Iсус» (с вторым С выносным), однако, на наш взгляд, в рукописи довольно ясно видно «ѥуг» (с Г выносным), т. е. сокращенное написание слова «еуангельские» или «еуангелия» (род. п. ед. ч.); такое чтение хорошо подходит и по смыслу: «числа евангельские» (или «числа евангелия») могут пониматься как номера (числа) Аммониевых глав, которые, наряду с другими приписками, проставлялись на полях (кириллицей) этим, по мнению И. В. Ягича, писцом. Ср., напр., такое же написание слова «евангелие» («ѥуг» с Г выносным без титла) в приписке на верхнем поле листа 137-го (слово употреблено 2 раза).

(6) Последняя запись свидетельствует, кажется, что рукопись в то время находилась уже в скиту Богородицы на Афоне.

И. В. Ягич считал, что монах Герман, сделавший эту запись, «если и не писал оглавлений, все же участвовал в судьбах нашего памятника; им-то пополнен один утраченный лист 134 первоначального текста, начало евангелия Иоанна...» (Мар. ев., 1883, стр. 414; выделено нами. — *Н. Т.*). Однако при более тщательном рассмотрении почерка записи на л. 133об. и почерка, которым писан евангельский текст на лл. 134—134об., можно заключить, что текст евангелия (начало евангелия от Иоанна) едва ли писан Германом; ср., напр., различное начертание в записи и на лл. 134—134об. таких букв, как Р (различие в характере головки: в записи она с острым верхом), Ѣ (в записи мачта несколько меньше поднимается над строкой, с покрытием вверху; коромысло чуть ниже уровня строки), М (в записи перекладина более заострена внизу), Ы (на лл. 134—134об. над I, если над Ы нет выносной буквы, ставятся две точки), разную форму имеет и простое титло в записи и на лл. 134—134об. в евангельском тексте. Все это, как кажется, говорит за то, что почерки записи и евангельского текста на вставленном листе (лл. 134—134об.) разные.

(7) У И. В. Ягича (Мар. ев., 1883, стр. 414) по поводу этой записи сказано: «...видны следы какой-то старинной кирилловской или глаголической приписки, которой нельзя прочесть». То, что запись писана кириллицей, а не глаголицей, разобрать еще можно (отдельные кирилловские буквы видны сравнительно ясно), но прочесть запись очень трудно.

(8) О ней см. у И. В. Ягича (Мар. ев., 1883) на стр. 412, где приведена эта приписка-оглавление, и на стр. 413.

(9) Приписка приведена И. В. Ягичем (Мар. ев., 1883, стр. 56, подстрочное примечание). Следует отметить, что в рукописи А в слове «Петра» обрезано совсем, так что неизвестно, было ли оно написано кириллицей (как дает И. В. Ягич), а не глаголицей; обрезана почти совсем и буква после глаголического Р в слове «время», по сохранившемуся же остатку буквы скорее можно предположить знак, которому в кириллице соответствует Ѣ, а не глаголическое Е, которое дается И. В. Ягичем. Не отмечено им также, что в писанном глаголицей слове ОНО буква Н надписана над О, второго же О нет в рукописи; глаголическое А в слове «св<я>тАго» обрезано больше, чем наполовину.

По мнению И. В. Ягича, приписка может быть отнесена к концу XI — началу XII вв. (там же).

(10) И. В. Ягич считал, что, «судя по припискам (рядом с изображением каждого евангелиста кириллицей написано его имя. — *Н. Т.*), евангелисты написаны не с самого начала, а несколько позже» (Мар. ев., 1883, стр. 418). Следует, однако, отметить, что изображения евангелистов слегка прокрашены в отдельных местах теми же вишневой (сильно разведенной) и зеленой красками, которыми покрывались заставки, инициалы и (только вишневой) заглавные буквы, отдельные строки в оглавлениях, глаголические приписки на полях и пр. Вероятнее будет предположить, что орнамент рукописи, отдельные буквы в тексте и т. п. раскрашивались тогда же, когда создавалась сама рукопись, а не спустя известное время, поэтому можно предполо-

жить, что изображения евангелистов, где использованы те же краски, скорее следует отнести ко времени создания самой рукописи, приписки же могли быть сделаны позднее.

([11]) О том, что евангелие вывезено из скита Богородицы, свидетельствует сам В. И. Григорович, отмечая свою рукопись среди древнейших глаголических памятников: «4. Евангелие по евангелистам in 4°, находившееся в Афонском ските пресвятыя Богородицы, ныне у меня в Казани». — См. его статью О древнейших памятниках церковнославянской литературы. — Ученые записки, издаваемые [имп.] Казанским университетом [за] 1851, кн. 1. Казань, 1852, стр. 74*. В скиту Богородицы В. И. Григорович был 25 января 1845 г., судя по дневниковой записи (ГБЛ, ф. 86, I. 2, л. 44об.). О том, как была найдена рукопись, рассказывает в своих воспоминаниях А. И. Соколов. — См. его Воспоминания о профессоре В. И. Григоровиче (Из записок казанского студента). — Древняя и новая Россия, 1877, II, стр. 77.

Н. М. Петровский высказывал сомнение относительно того, что рукопись была найдена именно в скиту Богородицы, считая, что рукопись была вывезена из афонской лавры св. Афанасия. — См.: Н. М. Петровский. Путешествие В. И. Григоровича по славянским землям. — ЖМНП, 1915, № 10 (октябрь), подстрочное примечание на стр. 250—251.

([12]) И. В. Ягич, высказавший первым определенное мнение относительно места написания Мариинского евангелия, считал, что памятник, «должно быть, написан где-нибудь в пределах тех стран, где в XI веке жили хорваты и сербы, по всей вероятности, где-нибудь в Боснии или южнее» (см. издание 1883 г., стр. 410; см. также стр. 423—424 и след.)**; в более поздней своей работе он указывает, что памятник происходит, «по всей вероятности, из пределов Старой Сербии», — см. его рецензию на работу В. В. Стасова Славянский и восточный орнамент (Вестник изящных искусств, издаваемый при Академии художеств, т. VI. Спб., 1888, стр. 157).

Мнение о сербской (сербско-хорватской) родине памятника было поддержано рядом исследователей. См., напр., W. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik. 2-te Aufl. Berlin, 1912, S. 19; Г. А. Воскресенский. Евангелие от Марка, стр. 19 (здесь указано: «Правописание юсовое, со следами влияний сербского языка») и Характеристические черты четырех редакций, стр. 18; Н. М. Каринский. Хрестоматия, стр. 68***; в последнее время, напр., Stanisław Sioński. Gramatyka języka starosłowiańskiego (starobułgarskiego). Warszawa, 1950, str. 10.

Ряд исследователей, допуская, что рукопись могла быть написана и в Македонии, больше склоняются к тому, что Мар. ев. — сербско-хорватского происхождения. См., напр.: С. М. Кульбакин. Древнецерковнославянский язык. Изд. 3-е. Харьков, 1917, стр. 30 («В языке памятника встречаем явления, которые указывают на писца-серба или на болгаро-македонский говор XI века, разделявший некоторые звуковые черты с соседним сербским языком»); см. также его Du classement des textes vieux—slaves. — Revue des études slaves. Tome II, fasc. 3 et 4. Paris, 1922, p. 200; особенно см. его рецензии на работы П. А. Бузука: Јужнословенски филолог, IV. Београд, 1924, стр. 219—222; V. 1925—1926, стр. 304—307; M. Weingart. Rukověť jazyka staroslověnského. Praha, 1937, str. 38 («...vymezuje blíže, že to mohlo býti v sev. Makednii nebo v Starém Srbsku nebo v Dioklei»).

---

* То же см. в кн.: Григорович В. И. Статьи, касающиеся древнего славянского языка. Казань, 1852 (извлечено из «Записок»), стр. 74, а также в Известиях АН по ОРЯС, т. I. Спб., 1852, стлб. 88 (здесь вм. «у меня в Казани»— «у Григоровича в Казани»).

** См. и его замечание в разборе сочинения Л. Гейтлера, что Мариинское евангелие «в его теперешнем виде должно быть боснийско-далматинского происхождения», а списано с «более древнего македонского подлинника» (Сборник ОРЯС, т. 33, № 2. Спб., 1884, стр. 141).

*** Формулировка в «Хрестоматии» «...переписанный в XI в. сербом с собственно церковнославянского оригинала» — еще не достаточно ясно раскрывает точку зрения Н. М. Каринского, однако из формулировки в «Образцах глаголицы». Спб., 1908 («Текст сербского извода») видно, что памятник считается Н. М. Каринским не старославянским, а церковнославянским сербского извода (о старославянских памятниках здесь говорится: «Текст древнецерковнославянский»). С этим мнением нельзя согласиться. Даже если признавать, что Мариинское евангелие написано в Сербии, его языковые особенности еще не дают основания причислять памятник к церковнославянским.

А. И. Соболевский, первоначально считавший, что памятник, в котором имеются некоторые сербизмы, «писан (едва ли не на Афоне) уроженцем западной Болгарии» (см. его Кирилло-Мефодиевские вопросы. — «Университетские известия», 1885, № 9, Киев, стр. 304; см. и его рецензию на Славянский и восточный орнамент В. В. Стасова. — там же, 1887, № 5, стр. 52), позднее полагал, что «рукопись была написана сербом и принадлежит к числу памятников сербского извода» (см. его Древний церковнославянский язык. Фонетика. М., 1891, стр. 16).

Однако в значительной части работ, посвященных Мариинскому евангелию, доказывается македоно-болгарское происхождение памятника. См., напр.: А. С. Будилович — рецензия на издание 1883 г.; J. Polvka—Nejnovější publikace památek, стр. 402—412 (хотя автор и не выражает совершенно определенно своей точки зрения, он критически рассматривает аргументы И. В. Ягича в пользу сербско-хорватского происхождения пам.); Л. Милетич. Особностите на езика; Ф. Ф. Фортунатов. Состав Остромирова евангелия; П. А. Бузук. К вопросу о месте написания Мариинского евангелия; его же Замечания о Мариинском евангелии; N. van Wijk. Geschichte altkirchenslavischen Sprache. Berlin — Leipzig, 1931, S. 30—31, 143 (русск. перевод, 1957, стр. 52—53, 205); Ст. Романски. Старобългарски език, стр. 12 (здесь указано, что памятник «е писан не в сърбохърватска област, както приемат някои учени..., а в местност близка до сръбски предели, най-вероятно в северна Македония»); Ст. Стоянов, М. Янакиев. Старобългарски език, стр. 34 («...паметник е преписван в Северна Македония») и др.

В отдельных работах употребляется термин (для определения ряда особенностей Мариинского евангелия) «западные черты» в тех случаях, вероятно, когда трудно решить, «влияние сербо-хорватского или моравского церковнославянского языка» отражается в тех или иных чертах. См., напр., A. Vaillant. Manuel du vieux slave, t. I. Grammaire. Paris, 1948, p. 45—46 (русск. перевод, 1952, стр. 56—57, 58).

В работе Ф. Реппа высказывается мнение, что Мариинское евангелие написано на западе Балканского полуострова (F. Repp. Zur Kritik des Codex Marianus).

([13]) Первые печатные сведения о Мариинском евангелии появляются раньше. Самым первым (в 1847 г.) является упоминание о Мариинском евангелии в рецензии Ф. Миклошича на издание 1843 г. Остромирова евангелия А. Х. Востокова. — См. об этом и других ранних упоминаниях о памятнике в статье Н. М. Петровского «Путешествие В. И. Григоровича по славянским землям» (сноска на стр. 250—251).

Первые печатные сведения о Мар. ев. самого В. И. Григоровича, дающие некоторое представление о памятнике и содержащие указание на место его находки, относятся, как указано выше, только к 1852 г. — См. Ученые записки, издаваемые Казанским университетом, [за] 1851 г. Казань, 1852, стр. 62—63 и 74 (то же в его кн. Статьи, касающиеся древнего славянского языка. Казань, 1852, стр. те же)*.

2. ЛИСТКИ УНДОЛЬСКОГО

([1]) Почти все исследователи относят памятник к XI в. Лишь в работах В. Н. Щепкина приводятся аргументы, которые, по его мнению, дают возможность отнести рукопись к первой половине или хотя бы к началу XII в. — см. его: «Листки Ундольского»; Болонская псалтырь. — Исследования по русскому языку, т. II, вып. 4 (издание ОРЯС АН). Спб., 1906, стр. 63—64; Учебник русской палеографии, изд. ОИДР. М., 1918 (на обложке: 1920 г.), стр. 111, подстрочное примечание. С. М. Кульбакин, первоначально поддержавший эту точку зрения (см. его рецензию на «Листки Ундольского» В. Н. Щепкина, — Известия ОРЯС, т. VIII, кн. 2, Спб., 1903, стр. 387), позже считал, что имеются основания для отнесения рукописи к концу XI в., т. е. еще к старославянскому периоду, — см. его «Охридская рукопись апостола конца XII века». — Болгар-

* В Очерке путешествия по европейской Турции (Казань, 1848) о Мариинском евангелии В. И. Григорович упоминает очень глухо, не указывая, что рукопись им уже приобретена, и не сообщая места прежнего ее нахождения (см. стр. 96).

ски старини, кн. III. София, 1907, стр. LIII; Грамматика церковнославянского языка по древнейшим памятникам. — Энциклопедия славянской филологии, вып. 10. Пгр., 1915, стр. 10, а также другие его работы. Мнение В. Н. Щепкина вызвало возражения в печати со стороны ряда исследователей — см., напр., П. А. Лавров. Отзыв о сочинении проф. В. Н. Щепкина «Болонская псалтырь».— Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых имп. Академиею наук. II. Отчеты за 1907 год. Спб., 1909, стр. 20—21 (см. там же в само́м отчете, стр. 4, а также в отзыве Б. С. Цонева, стр. 45—46); Е. Ф. Карский—рецензия на «Болонскую псалтырь» — РФВ, т. 57. Варшава, 1907, № 1, раздел «Критика и библиография», стр. 235—236; см. также: А. М. Селищев. Старославянский язык. Часть I. Введение и фонетика. М., Учпедгиз, 1951, стр. 77.

Точка зрения В. Н. Щепкина о более позднем, чем обычно считается, написании Листков Ундольского (в дальнейшем — ЛУ или Листки) объясняется, как кажется, в известной степени тем, что эта рукопись сравнивается им главным образом с рукописями *среднеболгарскими*. Наличие в Листках ряда особенностей как в начертании букв, так и в правописании, имеющих сходство с чертами памятников XII и XIII вв., и дает, по мнению В. Н. Щепкина, основание отнести этот памятник в разряд среднеболгарских. Памятники старославянские почти не привлекаются им для сравнения. Однако черты сходства обнаруживаются (если рассматривать те же черты письма и орфографии) и при сравнении Листков Ундольского с памятниками XI в., в том числе и *русскими*. Правда, развитие русского устава шло, как известно, несколько своеобразным путем, однако, что касается *древнейших* русских рукописей (XI в.), нельзя отрицать значительной зависимости русского уставного письма от южнославянского, прежде всего — болгарского. Поэтому наряду со свидетельствами памятников старославянских, как нам кажется, не могут не учитываться и показания русских памятников XI в.

Рассмотрение тех *особенностей письма* (начертаний букв), которые, как отмечал В. Н. Щепкин, объединяют ЛУ с памятниками среднеболгарскими, в сопоставлении с *памятниками одиннадцатого* века, писанными и на Руси, дает возможность заключить, что все эти особенности начерка букв в той или иной мере *встречаются и в древнейших рукописях*, а поэтому и не могут быть *надежным* доказательством принадлежности Листков среднеболгарскому периоду. Так, например, В. Н. Щепкин указывал на такое проявление манерности, гротескности в письме ЛУ*, как начертание «А с плосковатой петлей, сидящей на средине мачты» (см. его Листки Ундольского, стр. 252). Однако плосковатая петля, расположенная посередине основной линии, характерна, например, для Супрасльской рукописи. Разница в начерке А в этом памятнике и в ЛУ состоит в том, что в ЛУ мачта не наклонена влево, а обычно стоит вертикально, да и петля обычно оканчивается не остро, а закруглением (в Супрасльской рукописи петля чаще острая, но встречается и с округлым завершением)**. Петля, посаженная ближе к середине или даже посередине мачты и не доходящая до строки, характерна и для древнейших памятников южнославянской эпиграфики: для надписей Мостичу, Преславской, Темницкой и др. (снимки см., например, в книге Ст. Станчева, В. Ивановой, М. Балана и П. Боева Надписът на чъргубиля Мостич. София, 1955; снимок Преславской надписи см., например, в книге Е. Георгиева Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952, стр. 89), но особенно замечательно по сходству 3-е А в слове ВАРЪВАРА на черепичном обломке (снимок см. в указанной книге Надписът на чъргубиля Мостич, табл. 35). В подписи Анны Ярославны на грамоте 1063 г. все три буквы А — с довольно плоской петлей приблизительно посередине мачты, причем сама мачта поставлена вертикально или наклонена только слегка, что сближает с А Листков (фотомеханическое воспроизведение подписи см. в сб.: «La Russie, géographique, ethimologique... Par MM. L. Delavoud, Girard de Rialle,... Camille Couderc. Paris. Larousse, s. a.; вклейка при стр. 474; менее точное воспроизведение, например, у Е. Ф. Карского в Слав. кирилловск. палеографии, 1928, стр. 125). Таким образом, как видим, несмотря на своеобразие начерка А в ЛУ, на известное новшество сравнительно с

---

* А «более народный — грубый и в то же время манерный» — характер почерка Листков является, по мнению В. Н. Щепкина, уже признаком XII в. (см. его Болонская псалтырь, стр. 63).

** Ср. замечание С. М. Кульбакина: «...эллиптическая форма петли, а не треугольная, хотя и спущенная еще по старому вниз, встречается уже в Супрасльской рукописи» (см. его Охридская рукопись апостола, 1907, стр. XLIV).

начертанием А в остальных наиболее известных старославянских (Саввина книга, Супрасльская рукопись, Хиландарские листки) * и русских (XI в.) памятниках, все же XI веку не был вовсе незнаком подобный тип этой буквы.

Новшеством, объясняемым стремлением к гротеску, является, как указывает В. Н. Щепкин, начерк в Листках буквы У с красивым завитком, которым заканчивается вверху справа «тонкая», длинная линия. Следует, однако, отметить, что, во-первых, и в среднеболгарских памятниках, с которыми В. Н. Щепкин сравнивает ЛУ в отношении начерка У, завиток не такой большой и не так красиво закруглен, как в ЛУ, а во-вторых, эта особенность не чужда и другим (кроме ЛУ) памятникам XI в.: У с завитком (правда, более угловатым и не столь большого размера) встречается в Супрасльской рукописи (см., например, в Альбоме 1916 г. П. А. Лаврова, табл. 2, строка 7 сн. — 2-ое У в окончании); склонность к украшению буквы У завитком наблюдается и в Архангельском евангелии, хотя здесь, конечно, завитки не столь значительных размеров по отношению к величине буквы, как в ЛУ (см. более показательные примеры такого У на лл. 45об., 1 сн.; 47об., 1 св.; 50, 1 сн.; 52, 8 сн.; 53, 6 сн.; 53об., 4 св.; и мн. др.) **, то же — в кирилловской части Реймского евангелия, в котором, кстати, Н. Н. Дурново видит «определенные указания на сербскую традицию, сходную с традицией Мир[ославова евангелия], т. е. восходящую к старой македонской традиции» *** (примеры см. в факсимильном издании: Louis Leger. L'Évangéliaire slavon de Reims dit: Texte du Sacre. Reims — Prague. 1899).

Большим своеобразием начерка З в ЛУ, опять-таки объясняемым стремлением к гротескности, является плавный переход мачты в хвост. Но и эта особенность, вероятно, уже не была чужда XI веку. Например, в Архангельском евангелии в одном из вариантов З тенденция к начертанию этой буквы с плавным (без острого угла) переходом стержневой линии в хвост проявляется довольно значительно (см. наиболее показательные примеры на лл. 110, 4 сн.; 120, 1 сн.; 123, 1 сн.; 144 об., 5 св.; 157, 4 сн.; особенно на л. 166, 1 сн. и др.). Наличие в русском памятнике 1092 г. такой разновидности З позволяет сделать предположение, что и некоторые южнославянские памятники XI в., кроме ЛУ, могли характеризоваться этой же особенностью начертания З.

Утрата «типичного стиля старой кириллицы», нарушение основной геометрической формы, свидетельствующее, по мнению В. Н. Щепкина, о XII веке, выражается в ЛУ, например, в том, что язычок у Ѫ начинается нередко правее линии пересечения наклонных. Однако Ѫ (в целом ряде случаев асимметричный) с язычком, приставленным то правее, то левее пересечения наклонных, характерен уже для Саввиной книги (см. 4 снимка в издании В. Н. Щепкина 1903 г.). В начерке Д Листков разрушение геометрической формы выражается в том, что одна наклонная значительно заходит за другую. Однако и эта особенность присуща рукописям XI в. Например, она характерна для начерков Д и Л Супрасльской рукописи (см., например, снимок в Альбоме 1916 г. П. А. Лаврова). Правда, в ЛУ у Д левая наклонная заходит за правую, а в Супрасльской наоборот, но все равно строгая геометричность формы буквы нарушена и в том, и в другом случаях (Д с левой наклонной, заходящей за правую, почти не известно и среднеболгарским памятникам, хотя Д с неравными наклонными характерно для многих памятников этого периода).

---

* На новый характер А в Листках по сравнению с основными старославянскими памятниками указывает, напр., и С. М. Кульбакин: «Все, что можно поставить в упрек писцу (Листков. — *Н. Т.*) в отношении палеографическом, это — новое А, с иным положением основной черты и петли, да Ы с соединением частей» (см. его Охридская рукопись апостола, 1907, стр. LIII).

Следует, впрочем, отметить, что В. Н. Щепкин в Болонской псалтыри (стр. 64) считает возможным отметить, что начерком А, несмотря на все своеобразие этой буквы, Листки «непосредственно примыкают» к старославянским памятникам.

** Подобно Листкам, в Архангельском евангелии и у Х нередко значительный завиток (см. Архангельское ев., лл. 46об., 8 сн.; 47, 1 сн.; 48, 1 св.; 51, 8 сн. и др.). Все примеры из Архангельского евангелия см. в факсимильном издании 1912 г.

*** Н. Н. Дурново. Рецензия на книгу С. М. Кульбакина Палеографска и језичка испитавања о Мирослављевом јеванђељу. — Slavia, roč. V, seš. 3. V Praze, 1927, стр. 569, см. также 570—571.

Характерной особенностью начерка многих букв ЛУ является наличие так называемых навесов и срезов. Подобная система навесов и срезов свойственна ряду других древнейших памятников. Она отличает Саввину книгу (см. снимки в издании 1903 г.), причем, как справедливо указывал В. Н. Щепкин, у ряда букв навесы, направленные влево, «составляют даже черту преднамеренного графического стиля, хорошо известного из надписей (греческих и славянских)...» *; в Хиландарских листках это проведено менее последовательно (одна и та же буква может быть с навесом и без навеса), но и для них характерны и навесы, повернутые чаще вправо, и срезы (у Р), что было отмечено и В. Н. Щепкиным (см. его Листки Ундольского, стр. 253). Система навесом также знакома и русским старшим рукописям, из которых в этом отношении выделяются Минея 1096 г. (см. особенно 1-й снимок 14-й таблицы Альбома 1925 г. Н. М. Каринского) и Поучения Кирилла Иерусалимского (см. там же, табл. 16 и 17).

ЛУ в отличие от трех других основных старославянских памятников имеют с в я з н о е Ы, обычно составленное из Ъ и І с соединительной чертой между ними (в слове С<В >ТЫ из Ь и І—л. 2, 2св.) **. Эта особенность специально отмечается В. Н. Щепкиным, а С. М. Кульбакин (в упомянутой выше работе о Мирославовом евангелии, стр. 13), считая соединение частей в Ы признаком XII века, видел в наличии такого типа Ы в ЛУ свидетельство переходного характера графики Листков (от XI к XII в.). Однако такая особенность начерка Ы в разной степени свойственна целому ряду памятников XI в., в особенности русским. Так, Ы с соединением Ъ и І характерно для третьего, «вычурного», по определению Н. М. Каринского, почерка Остромирова евангелия (этим почерком писаны золотом заголовки на лл. 25—40об. и 131—154 об.) ***, Ы в этом почерке встретилось только 4 раза в заголовках на лл. 140 (см. в Альбоме 1925 г. Н. М. Каринского, табл. 5, снимок 1), 146об. (см. там же, табл. 4, 3 сн.), 152 и 153об., и во всех случаях оно связное. Встречается такое Ы в единичных случаях (или даже только 1 раз?)**** в Изборнике 1076 г. Только такое Ы — в отрывке Жития Кондрата (снимок см. у Н. М. Каринского в Альбоме 1925 г., табл. 21). Н. Н. Дурново отмечает Ы с соединением частей и в Минее 1097 г. (см. в упомянутой его рецензии — Slavia, V, 3, Praha, 1927, стр. 564). Следует указать и на п о л у с в я з н о е написание Ы, напр., в кирилловской части Реймского евангелия, где Ы составлено всегда из Ь и І с точкой между ними (см. в указанном издании Louis Leger).

Связное Ы встречается и в южнославянских древнейших памятниках. Так, В. Н. Щепкин отмечает Ы из Ъ и І с соединительной чертой между ними на л. 165-м (строка 3; больше Ы в этом отрывке нет!) рукописи, содержащей Саввину книгу (см. его Рассуждение о Саввиной книге. — Сборник ОРЯС, т. 67, № 9, стр. 6), причем он справедливо считает, что «лист должен быть отнесен к старославянской письменности» (там же, стр. 5), указывая при этом, что «вся графическая школа листка 165 и начертания отдельных букв позволяют отнести его к XI веку и поставить в связь с Саввиной книгой...» (там же, стр. 7). Интересны показания и эпиграфических южнославянских памятников. Так, Ы из Ь и І с с о е д и н и т е л ь н о й ч е р т о й между ними имеется в Преславской надписи, которая одними исследователями датируется IX в., другими же, возражающими против столь ранней даты, относится к XI в. *****; такое же Ы—на об-

---

* См. его Рассуждение о языке Саввиной книги. — Сборник ОРЯС, т. 67, № 9, Спб., 1901, стр. 39.

** Следует, впрочем, отметить, что в отрывке один раз встретилось Ы и без соединения Ъ и І (в слове ПЛѢВЕЛЪІ — л. 1, 6 сн.), поэтому не исключено, что в памятнике в целом мог быть и обычный тип Ы (ЪІ); см. об этом в примечании 7-м (пункт г).

*** Об этом почерке см.: К а р и н с к и й Н. М. Письмо Остромирова евангелия (Палеографический очерк). — Сборник Российской публичной библиотеки, т. I, вып. 1. Петербург, 1920, стр. 185—189.

**** Ср. замечание И. И. Срезневского: «Вязаное Ы, кажется, только раз». — См. его: Славяно-русская палеография XI—XIV вв. Лекции, читанные в С.-Петербургском университете в 1865—1880 гг. Спб., 1885, стр. 118.

***** Сводку мнений и некоторые новые материалы, аргументирующие первую из указанных точек зрения, см.: Емил Георгиев. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952, стр. 59—60; воспроизведение надписи см. там же, стр. 89.

ломках керамических плиток с рисованным текстом, относимых к X в. *.

Таким образом, ограничиваясь отмеченным выше, мы все же имеем, думается, основание утверждать, что даже те новшества Листков в начертании букв, которые сближают их с рядом среднеболгарских памятников, в разной степени встречаются и в памятниках письменности XI века, а следовательно, еще не противопоставляют ЛУ старославянским памятникам в этом отношении. К тому же из основных старославянских памятников, писанных кириллицей, лишь **ЛУ с наибольшей долей вероятности** могут быть отнесены к написанным в Македонии **, поэтому нам представляется вполне естественным наличие в них, с одной стороны, некоторых сходных черт в отношении начертания букв с такими среднеболгарскими памятниками, как Болонская псалтирь, Охридский апостол (с ними более других сравнивает Листки В. Н. Щепкин), которые также написаны в пределах Македонии, а с другой стороны — некоторых особенностей в письме по сравнению с такими наиболее известными старославянскими памятниками, как Саввина книга, Супрасльская рукопись, которые относятся обычно к востоку Болгарии или соседним областям. Возможно, что, если бы нашелся еще памятник XI в. македонского происхождения, время написания ЛУ не вызвало бы сомнений.

В о р ф о г р а ф и ч е с к о м отношении ЛУ также имеют отличие от основных старославянских памятников, что, как считает В. Н. Щепкин, тоже свидетельствует о принадлежности Листков уже к среднеболгарскому периоду. Так, по мнению В. Н. Щепкина, в ЛУ, как и в Добромировом евангелии, «XII век сказывается» «в сфере орфографии» в том, что «оба памятника обнаруживают реформу: общий переход к системе одной полугласной» (см. его Болонская псалтырь, стр. 63) ***. Однако и в этом отношении, т. е. в употреблении только одного знака для редуцированных, ЛУ все же не стоят одиноко среди известных в настоящее время памятников старославянской письменности. Так, только Ъ употребляется на л. 165-м рукописи, которая содержит Саввину книгу****, причем, как указано выше (см. стр. 162), В. Н. Щепкин совершенно справедливо считает этот листок отрывком памятника старославянской письменности. Особенно интересным является свидетельство уже отмечавшихся выше обломков керамических плиток с рисованным текстом: здесь употребляется только Ь *****. А ведь они, как указывалось, по палеографическим приметам должны быть относимы ко времени, вероятно, не позднее середины XI в. и были написаны в столице Болгарского государства — Преславе ******.

Таким образом, как видим, известные отличия Листков от основных кирилловских памятников старославянской письменности (Саввина книга, Супрасльская рукопись, Хиландарские листки) как в палеографическом, так и в орфографическом отношении еще не свидетельствуют о принадлежности этого памят-

---

* См. Вера Иванова. Надписът на Мостич и преславският епиграфски материал,—в указанной кн.: «Надписът на чъргубиля Мостич», стр. 77—79; снимки см. там же, стр. 125—126 (рис. 16 и 17). Возможно, такая датировка надписей на керамических плитках (X в.) будет принята не всеми учеными; эти надписи все же должны быть отнесены не позже чем к XI в., т. к. помещения были разрушены, как полагает В. Иванова, в середине XI в. (см. там же, стр. 79); на период до XII в. указывает и этимологически правильное употребление юсов в тексте на плитках (об этом см. там же, стр. 77).

** Мы разделяем точку зрения В. Н. Щепкина, Н. Н. Дурново и др. исследователей, считающих, что ЛУ — памятник македонского происхождения.

*** Допуская, что «правописание с одной полугласной появилось уже в XI веке», о чем может свидетельствовать Реймское евангелие (см. там же, стр. 63), и справедливо считая, что датировка рукописей должна производиться «по совокупности примет», В. Н. Щепкин вместе с тем придает этой примете очень большое значение при определении времени написания рукописей (при распределении их по хронологической шкале) — см. там же, стр. 64.

**** Текст см.: Щ е п к и н В. Н. Рассуждение о Саввиной книге. — Сборник ОРЯС, т. 67, № 9, стр. 4—5. Конечно, в памятнике в целом мог изредка встречаться и Ь, однако и в Листках имеются единичные случаи (2 раза) употребления Ь.

***** См. в указанной кн.: Надписът на чъргубиля Мостич, стр. 77.

****** Эти новые материалы показывают, что мнение В. Н. Щепкина, считавшего «переход к системе одной полугласной» «п р о в и н ц и а л ь н о й уступкой требованиям живого языка и живой эпохи» (см. его: Болонская псалтырь, стр. 63; выделено нами. — *Н. Т.*), неточно.

ника к среднеболгарскому периоду. Открывающиеся новые материалы (напр., в Преславе) еще больше подкрепляют старое мнение о написании ЛУ в XI в., т. е. о принадлежности Листков к памятникам с т а р о с л а в я н с к о й письменности.

П. А. Лавров, считая, что Листки «можно смело относить ко второй половине XI в.» (см.: Отзыв о сочинении проф. В. Н. Щепкина «Болонская псалтырь», стр. 21), предполагал даже, что они могут быть датированы временем «не позднее половины XI века, скорее они могут быть старше» (см. его Палеографическое обозрение кирилловского письма, стр. 26) *.

(2) Листы обрезаны неровно, к тому же, вероятно, деформировались при использовании в переплете, так как размер их неодинаков (см. снимки в издании Е. Ф. Карского 1904 г.): наибольшая высота л. 1-го — 18,7 см, л. 2-го — 18,9 см. Ширина (наибольшая) обоих листов около 15,5 см (Е. Ф. Карский указывает для л. 1-го — 16 см, для 2-го — 15 см, но в действительности такой большой разницы в ширине листов нет).

(3) Следы сгибов и коричневые пятна на лл. 1 (recto) и 2об. объясняются тем, что пергамен, на котором написан текст Листков, был использован в переплете какой-то рукописи или книги как п р о к л а д к а между доской переплета и кожей; пятна, как указывает Е. Ф. Карский, появились потому, что в этом месте пергамен был приклеен не к доске, а к коже.

(4) В альбоме В. В. Стасова цвет инициала передан не везде точно: пространство около красного круга и язычок (вправо от круга) в альбоме заполнены синевато-серой краской, в рукописи же — просто чернилами; кроме того, переданное в альбоме желтым цветом в рукописи не раскрашено совсем (и в инициале, и в заставке). — См.: В. В. С т а с о в. Славянский и восточный орнамент, табл. I, №№ 2 и 3.

(5) К македонским памятникам относят Листки, например, А. И. Соболевский (см., например, его рецензию на «Славянский и восточный орнамент» В. В. Стасова. — Университетские известия, 1887, № 5, стр. 51—52), В. Н. Щепкин (см.: Листки Ундольского, 1902, стр. 250, 262, 265), Н. Н. Дурново (см. рецензию на ст. С. М. Кульбакина о Мирославовом евангелии — Slavia, V, 3, стр. 564; там же см. и о мнении С. М. Кульбакина относительно «отражения старой македонской графики» в ЛУ) и др.

К восточноболгарским ЛУ причисляются, например, Н. Ван-Вейком (см.: Geschichte der altkirchenslavischen Sprache. Berlin—Leipzig, 1931, S. 30; русск. перевод, 1957, стр. 52), А. М. Селищевым (см.: Старославянский язык, ч. I. М., 1951, стр. 77; здесь после перечисления основных старославянских кирилловских памятников указано: «Писцы их происходили не из Македонии и не из юго-западной Болгарии, а с востока Болгарии или из местностей, близких к востоку»).

(6) Это чтение, по всей вероятности, положено на 8 ноября; см. Ассеманиево евангелие (лл. 126—127), Остромирово евангелие (лл. 240об.—242), см. и в Архангельском евангелии на л. 178—178об. (подшитом позднее — в XII в.) это же чтение с указанием «ѥванг<елие> Михаилъвъ».

(7) Текст в издании 1904 г. воспроизведен Е. Ф. Карским очень точно. Можно сделать лишь следующие замечания **:

а) На л. 2об. в рукописи сохранился (не отмеченный как в этом, так и в других изданиях) остаток текста строки 76-й (по сплошной нумерации строк всего отрывка в изд. Е. Ф. Карского); остальное утрачено, т. к. оборван угол листа. Эта строка была дополнительной (линейки нет!), чтобы уместить все чтение на странице. Остались сравнительно отчетливо различимый Ъ, а также часть предшествующей ему буквы Р (видна головка буквы с характерным горизонтальным срезом наверху); за Ъ следует знак для обозначения конца отдела: две (или три?) точки с росчерком. Вероятно, на этой строке было [ИДИ ВЪ МИ]РЪ, как в Ассеманиевом евангелии и некоторых более поздних, — см.: Г. А. Воскресенский. Евангелие от Марка, стр. 178 и 179; ср. также Листок Викторова

* Но уже, конечно, крайностью является точка зрения А. И. Яцимирского, считавшего, что Листки — рукопись «XI века или конца X»(!). — См. его Фотография в применении к славяно-русской палеографии. — Отдельный оттиск из журнала «Фотографическое обозрение» [№ 5]. М., 1901, стр. 11; объяснение к рис. 4 (к снимку с части страницы листа 1об. Листков).

** В последующих изданиях памятника использовалось издание Карского, поэтому замечания делаются именно по этому изданию.

(см. стр. 183). Таким образом, здесь в чтении нет отличия от Ассеманиева евангелия, на которое указывает Е. Ф. Карский, сравнивая эти памятники (см. в его издании таблицу на стр. 34).

б) Начало 74-й строки Е. Ф. Карским читается как И ПРИДЕ, причем в «Поправках» указывается, что, «по свидетельству акад. Ф. Ф. Фортунатова, в начале 74 строки текста еще видно ЕИ перед И ПРИДЕ...» (стр. 42). В самом начале строки действительно ЕИ, но не перед И, а вместо И (может быть, Е. Ф. Карским не совсем точно передано наблюдение Ф. Ф. Фортунатова?). Чтение ЕИ вместо союза И вполне согласуется с показаниями евангелий 1-й редакции, по Г. А. Воскресенскому (см. там же, стр. 176). Следует отметить, что издававший Листки Ундольского по рукописи Н. М. Каринский дает чтение ЕИ ПРИДЕ. — См.: Николай Каринский. Хрестоматия, стр. 28.

в) Хотя Е. Ф. Карский и утверждает, что на строке 56-й «стоявшее под двумя последними титлами так сильно замазано зеленой краской, что его решительно нельзя разобрать» (примечание к строке 56), все же можно у линии обрыва различить часть буквы М, а правее, над линией обрыва, — еще одно титло (не закрашено!), в издании не воспроизведенное. Можно предположить, что здесь было обозначение главы 49 (по Аммонию), как, например, в Остромировом евангелии (см. л. 243).

г) В рукописи ясно видно, что ЪІ в слове ПЛѢВЕЛЪІ (строка 14) — без соединительной черты между Ъ и І, не видно также и следа от стершейся черты. В издании Н. М. Каринского (1904 и 1911 гг.) в этом слове ЪІ без соединительной черты (см. стр. 26), да и Е. Ф. Карский, публикуя позже 1-ое чтение из Листков Ундольского (Матфей, XIII, 24—30, 36—43), исправляет неточность, давая уже ЪІ (без соединения частей), — см. его: Славянская кирилловская палеография. Изд. Акад. наук СССР. Л., 1928, стр. 329—330; на снимке же в этом издании (см. стр. 369) Ы в слове ПЛѢВЕЛЫ с соединением частей, так как был использован старый реставрированный (т. е. сильно подретушированный) снимок изданий 1901 г. Можно предположить, таким образом, что в рукописи (в евангелии в целом) было не менее трех видов Ы: составленное из Ъ и І с соединительной чертой между частями, такое же, но без соединения частей и составленное из Ь и І с соединением частей.

д) Е. Ф. Карский предположительно считает, что 1-ое чтение отрывка (от Матфея) — глава 131-я (по Аммонию), так как «при числительном заметна под третьим титлом часть какой-то буквы, вероятно А...» (примечание к строке 2-й). Последняя буква действительно так затерта, что разобрать ее почти невозможно, однако можно сомневаться, чтобы это было А: в Мариинском евангелии чтение, предшествующее данному (Мф. XIII, 17 с середины и сл.), помечено кирилловскими буквами 135-й главой (см. л. 12об.), а последующее — 137-й главой (см. л. 13), следовательно, интересующее нас чтение должно быть главой 136-й (глава в Мариинском евангелии не обозначена, так как на поле в этом месте другие — киноварные — указания). Именно так, т. е. главой 136-й, помечено это чтение в издании Н. М. Каринского (1904 и 1911 гг., стр. 26).

е) Можно отметить и такие мелкие неточности: в рукописи нет значка ни над , ни над Ш в слове [ПОСЛѢ]Д[ОВ]АШ (строка 57-я), — см. в издании текст, примечание к строке 57-й и 2-ю поправку (на стр. 42): ясно видный в фотовоспроизведении «значок» в действительности является частично вышедшей на снимке трещиной на пергамене; «точка» над С в слове ВЪСЕ носит действительно «чисто случайный характер», как справедливо отмечено Г. А. Ильинским в его краткой рецензии на издание *, поэтому едва ли ее стоило воспроизводить при публикации памятника; в издании после слова Г<ОСПОД>Ь (строка 3-я) не воспроизведена точка, прекрасно видная и на фото; в рукописи мы не видели второго титла над Л (в обозначении главы 13[6]-й на строке 2-й).

ж) Может быть, не следовало бы в издании выделять крупным шрифтом заголовок на строке 2-й: в рукописи он писан буквами такого же размера, как и весь текст (см. фотовоспроизведение).

з) Стоило бы оговорить в примечании, что Е перед БЫС<ТЪ> (строка 73-я) — явная описка вместе ЕЖЕ (чтение ЕЖЕ в списках всех редакций, — см.: Г. А. Воскресенский, указ. соч., стр. 176—177).

---

* См.: Византийский временник, издаваемый при Академии наук, т. XI, [вып. 3—4]. Спб., 1904, отдел. II, стр. 748—749.

3. АРХАНГЕЛЬСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

([1]) Название рукописи дано А. Е. Викторовым, который указывает, что «по заявлению продавца, от которого приобретен настоящий список евангелия (т. е. от С. Т. Большакова. — *Н. Т.*), он вывезен из Архангельска...». — См. Отчет за 1876—1878 гг., стр. 90; см. также заметку А. Е. Викторова (без подписи) * «Замечательное приобретение Московского Публичного и Румянцевского Музеев» в газ. «Голос» от 21 февраля (5 марта) 1877 г. Подробнее об истории приобретения рукописи и об изучении ее в самое первое время появления в Москве и затем в Петербурге см. в публикации К. И. Бутиной (стр. 406—419 настоящего выпуска «Записок»).

([2]) Вопрос о датировке разных частей Архангельского евангелия, писанных различными почерками, уже с самого начала изучения рукописи вызвал больше всего разногласий. Далеко не всеми исследователями признавалось, что вся рукопись, исключая лл. 177об. и 178—178об., состоящая из трех частей, писанных тремя почерками (АЕ[1] — лл. 1—76об.; АЕ[2] — лл. 77—175, причем на л. 175 — лишь конец записи Мички; АЕ[3] — лл. 175—177, внизу л. 177-го — запись с датой, текст на лл. 175—176об. наведен позднее), может быть отнесена к 1092 г. **. Так, А. Ф. Бычков полагал, что текст АЕ[1] приписан в кон. XII или нач. XIII в.; кроме того, он расчленял АЕ[3], принимая поновленный позже текст за написанный в XIII в. — См. его статью «О вновь найденном пергаменном списке евангелия». — Записки АН, т. 29, стр. 97, 104, Сборник ОРЯС, т. 17, стр. XXXV, XLII. И. И. Срезневский, первоначально считавший, что вся рукопись более поздняя — кон. XII или нач. XIII в. (см. 3-е письмо А. Е. Викторова на стр. 412), — затем, видимо, разделял в основном мнение А. Ф. Бычкова по этому вопросу. — См.: Древние памятники русского письма и языка, изд. 2-ое, стлб. 32—33 ***. В работах Г. А. Воскресенского в целом излагается та же точка зрения, но внесены некоторые дополнительные неточности. — См. его: Евангелие от Марка, стр. 15—16 и Характеристические черты Евангелия от Марка, стр. 14—15. Со ссылкой на мнение А. Ф. Бычкова АЕ[1] относится к XII—XIII в. и Н. К. Никольским. — См. его: Материалы для повременного списка. Спб., 1906, стр. 486. Н. Н. Дурново сначала также относил АЕ[1] к более позднему времени — к перв. пол. XII в — См. его рецензию на издание Архангельского евангелия в 1912 г. — ИОРЯС, т. XVIII, кн. 2. Спб., 1913, стр. 350. Однако после — Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 354 — он считал АЕ[1] (как и АЕ[2]) написанным в конце XI в., а в другой работе уже определенно указывал: «...можно думать, что писец АЕ[1] не восполнял утраченное начало АЕ[2], а выполнял тот же заказ, что́ и писец АЕ[2], разделенный между двумя лицами, и относить АЕ[1] и АЕ[2] к одному времени», а «АЕ[2] следует относить к более раннему времени, чем АЕ[3], т. е. ко времени не позже 1092 г.» — См. Južnoslovenski filolog, IV, стр. 81. Наиболее полно обследована рукопись М. А. Соколовой в ее исследовании «К истории русского языка в XI веке» (Изв. по РЯС, т. III, кн. 1, стр. 75—135), где на основе тщательного изучения палеографических и орфографическо-языковых особенностей памятника (прежде всего — истории редуцированных) делается вывод об одновременном написании АЕ[1] и АЕ[2]. Однако и после этого обстоятельного исследования нельзя считать вопрос о датировке рукописи окончательно решенным.

М. А. Соколова разбирает характер почерка, орнамента, языковые особенности только первых двух частей — АЕ[1] и АЕ[2], составляющих, правда, почти

---

* О том, что заметка написана А. Е. Викторовым, видно из письма архим. Амфилохия (Сергиевского) к И. И. Срезневскому (1877 г.). — ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 1157. Сообщено нам К. И. Бутиной.

** Из первых исследователей всю рукопись, кроме лл. 177 об. и 178—178об., датировал 1092-м годом только архим. Амфилохий (Сергиевский) (см. ниже письма А. Е. Викторова к И. И. Срезневскому; см. также: архим. Амфилохий. Описание евангелия 1092 года. М., 1877, стр. 6—7, а также 4 и 5) и поддержавший эту точку зрения А. Е. Викторов. — См. Отчет за 1876—1878 гг., стр. 87—90

А. Л. Дювернуа (О критическом значении Архангельского евангелия) считал АЕ[1] современным АЕ[2] (т. е. кон. XI в.), но, как кажется, не относил все АЕ к 1092 г.

*** Следует также отметить, что А. Ф. Бычков в дате после X читал еще Е, которое он, правда, считал, судя по всему, окончанием числительного («шестисотоЕ», — см. Записки АН, т. 29, стр. 104; Сборник ОРЯС, т. 17, стр. XLII), но И. И. Срезневский готов был принять это несуществующее в действительности Е за обозначение 5 (1092? 1097? — см. Древние памятники, изд. 2-е, стлб. 32 и 33).

всю рукопись. Что касается АЕ³, то она, соглашаясь с мнением Н. Н. Дурново о тождественности почерка на лл. 175—176об. (позже наведенного) и почерка на л. 177 и считая запись с датой (1092 г.) действительно подлинной, не разбирает ни палеографических, ни языковых особенностей всей этой части. По мнению М. А. Соколовой, в этом нет необходимости: «После того, как мы признаем первую часть одновременной второй, встает вопрос о времени написания их обеих [т. е. АЕ¹ и АЕ² — Н. Т.], так как дата 1092 г. относится к третьей части. В этом вопросе расхождений среди исследователей нет [!?]. Все [?] признают на основании палеографии второй части и данных ее фонетики дату 1092 г., относящейся и к ней. Остается присоединить сюда и первую часть» (К истории, стр. 132). В действительности такого единодушия мнений нет. Поэтому с целью уточнения датировки всей рукописи необходимо было тщательно обследовать и эту часть. Нужно было, во-первых, доказать, что текст на лл. 175—176об. и на л. 177 писан одним писцом: ведь существует мнение, как отмечено выше, будто та часть АЕ³, которая была потом наведена (лл. 175—176об.), писана позднее (в XIII в.!), чем текст на л. 177. Следовало также привести доказательства, что все АЕ³, включая и запись, написано действительно в 1092 г., иначе могут и в будущем возникать сомнения, подобные высказанному Е. Ф. Карским: «Следует пожалеть, что эта приписка (с датой. — *Н. Т.*), очень неясная, полустертая, сохранилась на листе, написанном позднейшим почерком и может быть тою же рукой» (см. его статью-рецензию по поводу издания 1912 г. в РФВ, т. 69, 1913, № 2, стр. 477); — и далее: «Все, следующее за припиской Мички, более позднего происхождения, за исключением разве последнего (178) листа, писанного Завидом, почерк которого может быть отнесен к XII веку» (там же, стр. 477). Кроме того, необходимо было бы привести какие-то аргументы в пользу того, что АЕ³ было написано не через некоторое время после АЕ¹ и АЕ², а сразу после этих частей, и что, следовательно, дата 1092 г. может быть отнесена не только к этой части, но и ко всей рукописи: ведь признание того, что АЕ² по палеографическим и языковым особенностям должно быть отнесено к кон. XI в., еще не означает, что АЕ² и АЕ³ были написаны в одном году*.

Таким образом, в вопросе о датировке рукописи, как видно из изложенного, есть еще ряд неясностей. Приведем некоторые новые материалы для доказательства того, что вся рукопись (исключая написанное на л. 177об. и на подшитом л. 178) — АЕ¹, АЕ² и АЕ³ — написана в 1092 г.

Подтверждением одновременности написания АЕ¹ и АЕ² является наличие особого счета тетрадей в каждой из этих частей: первый счет по л. 76об., второй — с л. 77 (подробнее об этом см. примечание 6-е). Если бы, как предполагал А. Ф. Бычков и другие, разделявшие его точку зрения, первая часть (АЕ¹) была приписана к АЕ² в XII—XIII вв. (для восполнения утраченного ранее текста XI века), то на л. 77 не могло бы быть начала нового счета тетрадей, а была бы обозначена 14-я тетрадь**: нельзя же предположить что в XI веке был списан текст только части евангелия-апракос (начиная с чтений на Великий пост, что сейчас в рукописи с л. 77-го); еще более невероятным являлось бы предположение, что в рукописи с самого начала были два самостоятельных счета тетрадей и что утрата текста XI века произошла именно на границе этих двух нумераций. Таким образом, то, что с л. 77 начинается второй счет тетрадей, является едва ли не самым надежным свидетельством одновременности АЕ¹ и АЕ²; ни у кого не было сомнения в отнесении АЕ² к кон. XI в., следовательно, и АЕ¹ должно быть отнесено к кон. XI в. даже по данному признаку, не считая доказательств палеографических и лингвистических.

То, что текст воскресных утренних евангелий на лл. 175—176 об. (наведенный позднее яркими красновато-коричневыми чернилами) и на л. 177 писан одним почерком, доказывается следующим:

а) Среди наведенного текста сохранились без поновления части букв или отдельные буквы (на л. 175об. без наведения осталась даже почти половина

---

* Ср., напр., мнение А. Е. Викторова, высказанное им, правда, только в газетной заметке (в Отчете этого уже нет), что АЕ³ было приписано только спустя некоторое время, когда рукопись уже была в употреблении. — Газета «Голос» от 21 февраля (5 марта) 1877 г.

** Весь предыдущий текст должен занимать 13 тетрадей по 8 лл., из которых в настоящее время 3 тетр. утрачены (см. прим. 6-е) и 10 сохранилось, причем одна из них неполная: утрачено 4 лл. (см. прим. 4-е и 6-е).

первой строки снизу, но текст сильно стерся), которые по начертанию полностью сходны с буквами на л. 177. Так, например, на л. 176об., строка 8 снизу, ясно видны большая часть буквы Д и буква Е слова ПРѢЖДЕ, а также коромысло буквы Ѣ из-под наведенной буквы Е (наведено ПРЕЖЕ); характер всех этих букв такой же, как и на л. 177: у Д левая ножка значительно повернута вправо; язычок Е имеет на конце утолщение, опускающееся вниз; коромысло Ѣ широкое (правой частью выходит за нижнюю линию кузова), с легким наклоном к началу строки (такая особенность в ряде случаев встречается и на л. 177 у всех тех букв, которые должны иметь горизонтальную линию в верхней части: Т, Г, Б, Ѣ и др.), причем находится коромысло почти на уровне 2/3 строки, как чаще у Ѣ и на л. 177. Осталось без поновления ОУ в слове «чл<о>в<ѣ>чьск[оу?]ОУмоу» (л. 176, 10—11 св.), не отличающееся ничем от ОУ на л. 177, напр., в слове ОУЧЕНИКЪ (14 св.); см. и ненаведенное М в слове «Мариа» (л. 176об., 4 св.) и начертание этой буквы на л. 177; см. также целый ряд примеров слов с З на лл. 175—176 об., где из-под наведенной буквы отчетливо виден хвост З с таким же резким поворотом вперед, к началу строки, как и на л. 177, и т. д.

б) Даже наведенные буквы в ряде случаев сохраняют особенности начертания букв XI в., т. е. такие, как в непоновленном тексте на л. 177. Так, например, буква Р в слове «Марии» (л. 175, 10—9 сн.) и в ряде других сохраняет свой первоначальный вид, сходный с печатным Р (как, например, в Житии Кондрата, XI в.), — ср. такое же Р, наряду с другими вариантами, и на л. 177, например, в слове ПРИНЕСѢТЕ (8 св.); такая характерная особенность начерка Б на л. 177, как заходящая за линию кузова верхняя горизонтальная черта (иногда она с легким наклоном к началу строки, что отмечалось выше), не всегда уничтожена поновлением на лл. 175—176 об. (см., напр., в слове ГРОБА — л. 176об., 6 св.); соединительная наклонная черта буквы Н как на л. 177, так и на лл. 175—176об. (т. е. в наведенном письме) начинается очень высоко и оканчивается почти у самого низа правой вертикальной линии и т. д.

в) Характерной особенностью л. 177 по сравнению с АЕ¹ и АЕ² (а также с текстом на лл. 177об. и 178—178об.) является постановка надстрочных знаков над гласными буквами в начале слова и слога (ставится одна точка или знак, похожий на апостроф или запятую). Эта же особенность наблюдается и на лл. 175—176об.; правда, здесь нередко ставится по два диакритических знака, но если надстрочные знаки не наведены, то везде по одному над буквой.

г) На л. 177 употребляется только ѧ как на месте ѧ (ѥѧ), так и на месте ѩ (постоянно ѧко; ѧсте = ѩсте = Ѣсте — 9 св.; ѧвисѧ — 4 сн. и др.); то же наблюдается и на лл. 175—176об. (напр., всегда ѧко; ѧвисѧ — л. 175, 10 и 3 сн., 175 об., 2 св., вьсѧси — ср. р. мн. ч., л. 176, 7 сн. и др.), лишь один раз ѩ (не ѩша вѣры — л. 175, 5—4 сн.), но и здесь, как кажется, ѩ переправлено из ѧ (?)*

д) Можно также отметить, что слова с *tьrt пишутся только по-русски, т. е. с Ъ, Ь перед Р и Л, как на л. 177 (въвЬРжесѧ — 2 св., пЪЛнꙗ — 10 св., не протЪРжесѧ — 10 сн., ѡт мЬРтвыихъ — 3 сн.), так и на лл. 175—176об. (въ пЬРвоую — л. 175, 11—10 сн., жестосЬРдию — л. 175об., 2—3 св., из мЬРтвыихъ — л. 175об., 4 св. и др.; в слове «съ мЕртвыими» — л.176, 8 св. — Е, несомненно, исправлено из Ь при поновлении)**.

Таким образом, на основании анализа палеографических и орфографических особенностей лл. 177 и 175—176об. можно с уверенностью утверждать, что все АЕ³ писано одним почерком.

Почерк АЕ³ может производить впечатление более позднего, чем почерк АЕ² ***, только при первом, самом общем ознакомлении с характером письма этой части рукописи ****. Такое впечатление складывается, как думается, потому, что

---

* См. об этом и в описании Н. Н. Дурново (Јужнословенски филолог, IV, стр. 81).

** Следует отметить, что и в АЕ¹ и АЕ² за единичными исключениями слова с *tьrt пишутся по-русски. — См.: М. А. Соколова. К истории..., стр. 110—111.

*** Ср. отмеченное выше мнение Е. Ф. Карского, что, исключая лл. 178—178об., «все, следующее за припиской Мички, более позднего происхождения...» (РФВ, т. 69, 1913, № 2, стр. 477).

**** Говоря об особенностях почерка АЕ³, имеем в виду прежде всего л. 177, т. к. поновленное письмо на л. 175—176об. не может, естественно, дать действительного представления о первоначальном почерке этой части.

письмо АЕ³ значительно отличается от характера почерков наиболее известных русских памятников XI в., таких, как Остромирово евангелие, Изборник Святослава 1073 г. и др., по которым и привыкли обычно судить об особенностях устава XI в. Н. М. Каринский справедливо указывал: «Доселе не были отмечены беглые почерки XI—XII вв., а также не были отмечены и почерки нетвердые, не вполне установившиеся. Получалось впечатление, что в древнейшую эпоху писали лишь каллиграфически и при этом медленно, рисуя каждую букву» (см. в его альбоме Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, Введение, стр. 6.). В действительности же наряду с такими роскошными рукописями, писанными прекрасными каллиграфическими почерками, как, напр., Остромирово евангелие, были и рукописи (особенно конца XI в.), письмо которых не отличалось красотой, было самым «будничным», подчас даже грубоватым. К числу таких почерков принадлежат почерки известных новгородских Миней 1095—1097 гг. *, почерк Псалтири Бычкова, первый почерк Архангелского евангелия **. К таким же почеркам относится и почерк АЕ³, характеризующийся по сравнению с ними, пожалуй, несколько большей «беглостью».

Рассматривая же особенности начерков отдельных букв АЕ³, мы еще больше убеждаемся в том, что почерк этой части не может быть отнесен к более позднему времени (к XIII в.! — см. выше мнение Карского). Так, например, Ѣ архаическое — все в строке (лишь в единичных случаях мачта слегка выходит за строку), коромысло чаще на уровне 2/3 строки: Ѡ с высокой серединой (употребляется только в предлоге и приставке ѠТ с выносным Т); Ж в три приема, причем линии сходятся посередине средней (перекрещивающиеся линии или прямые с утолщениями на концах, или с легкими изломами в нижней части), горизонтальная линия у И посередине; В с симметричными, почти одинаковыми петлями; петли у Ъ и Ь не набухшие, занимающие обычно 1/3 строки и т. д. Сходное с печатным Р встречается и в других рукописях кон. XI (или XI—XII) в.: в Житии Кондрата, в «беглом» почерке, которым писан текст на лл. 309об.—310 в рукописи Пандект Антиоха (см. Н. М. Каринский. Образцы письма, 1925, табл. 21 и 20, № 2 — здесь на строках 2-й св. и 4 сн.).

Относительно тождества почерка записи с датой и остального текста на л. 177 не может быть сомнения: здесь такое же Ѣ с широким и низким коромыслом, то же Ч с широкой округлой чашей, такое же Е с довольно длинным язычком, заканчивающимся каплеобразным утолщением, и т. п.

Таким образом, если бы даже не было записи с датой, то и по палеографическим особенностям (при более пристальном рассмотрении, особенно если пользоваться не воспроизведением 1912 г., а самой рукописью) эту часть (АЕ³, вернее, оставшийся непоновленным л. 177) можно было бы отнести к кон. XI — нач. XII в. Это подтверждается и орфографическо-языковыми особенностями АЕ³. Здесь почти нет примеров отражения утраты слабых редуцированных, а примеры с Е на месте сильного Ь только на лл. 175—176об., причем почти всегда есть уверенность, что Е переправлено из Ь при позднейшем поновлении. Примеры с пропуском букв Ъ и Ь лишь следующие: ДВѣ сътѣ — л. 177, 5 св., ниКТо — л. 177, 8 сн. (в других же местах «кто» и производные с Ъ); С Ними — л. 176, 1 св. (здесь наведено не точно по старым буквам, поэтому могло быть и с Ъ); СДѣ — л. 176, 8 св. (из-под Д ясно видна оставшаяся не наведенной часть буквы Ь). Буква Е вм. Ь в следующих примерах: шЕдъше — л. 175об., 5 св. (Е явно переправлено из Ь при поновлении); шЕдъше — л. 175об., 5 сн. (наведено не точно по прежним буквам: см. за наведенным Д полустертое первоначальное Д, поэтому первоначально, вероятно, было с Ь); в слове «именЕмь» (л. 175, 10 св.) при наводке Е, кажется, не переправлено из Ь(?), но здесь Е может быть объ-

---

* См. замечание И. В. Ягича об одном из почерков Минеи 1097 г.: «Почерк первой руки довольно груб, письмо неправильно-размашистое, не выдерживает уровня строки ни размера столбца». — В кн.: Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 г. Спб., 1886 («Памятники древнерусского языка», т. I), стр. XV.

** Снимки всех этих почерков см. в кн.: Каринский Н. М. Образцы письма. М., 1925, табл. 12—14, 23 (№ 2), 11 (№ 2 и 3). См. там же (табл. 20, № 2) и «беглый» почерк на л. 310 известных Пандект Антиоха, который «как бы говорит о прототипе полуустава» (там же, Введение, стр. 6).

яснено морфологически — влиянием основ на *jO (см. на л. 177, 3 св.: карабликЕмь); О в форме твор. п. ед. ч. — «образОмь» (л. 175, 3 сн.), где оно как будто не переправлено из Ъ(?), также, вероятно, должно объясняться не фонетически (это старославянская, а не русская форма тв. п. ед. ч. основ на *О, изредка формы на ЕМЬ и ОМЬ от основ на *jO и *О встречаются и в АЕ², — см. М. А. Соколова. К истории, стр. 123).

Все это, кажется, свидетельствует о том, что все АЕ³ написано действительно в 1092 г. и сомневаться в подлинности записи с датой нет основания.

Таким образом, приведенные материалы подтверждают точку зрения тех исследователей, которые полагали, что дата на л. 177 подлинная, что текст на лл. 175—176об. и 177 написан одним почерком (в 1092 г.) и что АЕ¹ и АЕ² написаны одновременно, причем не позже АЕ³ (т. к. оно начинается на л. 175, где кончается запись Мички, писавшего АЕ²), т. е. не позднее 1092 г. Однако, этого еще не достаточно для признания того, что вся рукопись (АЕ¹, АЕ² и АЕ³) писана в 1092 г. Ведь, как указывалось выше, А. Е. Викторов первоначально считал, что АЕ³ приписано позднее, когда рукопись была уже некоторое время в употреблении*. Необходимо, следовательно, попытаться показать, что АЕ³ не могло быть приписано спустя извеетное время, а писалось сразу же вслед за АЕ².

На наш взгляд, доказывается это следующим:

а) Как справедливо отмечал еще архим. Амфилохий, «без воскресных евангелий нет ни одного евангелия по неделям» **, по крайней мере воскресные утренние евангелия имеются во всех известных древнейших евангелиях-апракос (XI века), причем только в Остромировом евангелии они предшествуют синаксарной части, в остальных же (в Саввиной книге, Ассеманиевом евангелии, Архангельском евангелии) они следуют за ней ***. Следовательно, то, что в Архангельском евангелии воскресные утренние евангелия находятся в конце, за «соборником», явление самое обычное, а не свидетельство «важного пропуска», восполненного впоследствии****.

б) Трудно поверить, чтобы при огромной дороговизне пергамена в кон. XI в. в рукописи, уже переплетенной и переданной в употребление, были оставлены чистыми почти целых 6 листов*****, на которых после, при обнаружении «важного пропуска», были приписаны воскресные утренние евангелия. Думается, что если бы не имели намерения сразу же после АЕ² писать воскресные евангелия (для завершения же «соборника» и для того, чтобы вписать чтения на разные потребы, нужно было не более двух листов), не было необходимости начинать новую тетрадь, а можно было бы просто подшить два листа. Кроме того, писец Мичка не стал бы переносить часть своей записи на л. 175. Ясно, что 2-й писец (Мичка), заканчивавший «соборник» и написавший несколько указаний, где искать чтения на разные потребы, и два таких чтения, знал, что евангелие-апракос будет продолжено далее (другим уже писцом, который будет писать воскресные евангелия), поэтому и перенес окончание своей части в новую тетрадь******.

в) Кроме того, сама формулировка записи с датой, на наш

---

* Так именно можно понять и утверждение Н. Н. Дурново: «Архангельское ев. а[пракос] конца XI в....; писано несколькими писцами..., обе части (т. е. АЕ¹ и АЕ². — *Т. Н.*) раньше, чем АЕ³, т. е. не позже 1092 г.» — См.: Введение в историю русского языка, ч. I, Брно, 1927, стр. 33. См. также Н. Г. Самсонов. Лекции по старославянскому языку. Раздел I. Введение. Якутск, 1961, стр. 53.

** Архим. Амфилохий. Описание евангелия 1092 года. М., 1877, стр. 6.

*** Это встречается и в апракосных евангелиях XII в., напр., в Мстиславовом ев. — См. в описании Архангельского евангелия А. Е. Викторова (Отчет за 1876—1878 гг., стр. 88).

**** См. заметку А. Е. Викторова (без подписи) «Замечательное приобретение Московского Публичного и Румянцевского Музеев». — «Голос», 21 февраля (5 марта), 1877 г. Еще раз отмечаем, что в Отчете А. Е. Викторов уже не говорит об этом. Мы считаем все же необходимым остановиться на этом его первоначальном взгляде потому, что такая точка зрения может высказываться и в настоящее время.

***** В последней тетради, которая первоначально состояла, как и другие, из 8 лл., лишь 2 первых листа и 5 строк на третьем были заняты писцом Мичкой (подробнее см. описание, стр. 149, и прим. 4-е).

****** Оставшиеся в тетради уже после написания воскресных утренних евангелий два чистых листа были после вырезаны.

взгляд, свидетельствует о том, что АЕ³ — это не более позднее восполнение недостающей необходимой части, а естественное завершение всего евангелия-апракос. Еще архим. Амфилохий обратил внимание на то, что в записи сказано «коньчах», а не «написах» («напсах») и т. п. (см. в его работе, стр. 5). Если бы этот писец-пресвитер имел в виду только написанное им, т. е. всего 3½ листа, над которыми он и трудился-то, вероятно, всего один день или, самое большее, неполных два, он, несомненно, выбрал бы другое слово. Употреблением слова «коньчах» подчеркивалось именно то, что он докончил длительную работу по написанию всего евангелия.

Таким образом, так как АЕ³, являющееся органической частью всего евангелия-апракос, писалось, по нашему мнению, сразу же после завершения работы над АЕ², можно, как думается, утверждать, что дата 1092 г. должна быть отнесена не только к одной части Архангельского евангелия (АЕ³), но и ко всей рукописи в целом, писанной тремя почерками (АЕ¹, АЕ² и АЕ³).

Что касается текста на л. 177об. и написанного на подшитом особо л. 178 (recto и verso), то они, как уже отмечалось, не являются органической частью рукописи 1092 г.

Текст на л. 177об. (евангельское чтение от Луки) писан крупным уставным почерком не ранее кон. XIII в. темно-коричневыми чернилами (по смытому тексту, — см. примечание 3-е). За кон. XIII — нач. XIV в. говорит как общий характер почерка и начертания отдельных букв (см., напр., начерк таких букв, как Ж, В — почти прямоугольник, разделенный диагональю, Ъ и Ы с сильно набухшими кузовами-петлями и др.), так и отражение падения редуцированных и связанное с этим употребление букв Ъ и Ь вместо этимологических О и Е (по-мЪлитъсѧ, ЗилЪта, предатЬль) и, наоборот, О и Е вместо букв Ъ, Ь в тех положениях, где утратились слабые редуцированные (напр.: ѡт недугО своїхО, ѡт д<у>хО нечистыхО, весЕ народО и др.). Предположение, что текст этот писан «южным босанским почерком» (см. А. Ф. Бычков, указ. соч. — Сборник ОРЯС, стр. XLII, Записки АН, стр. 104), «южным славянским наречием» (см. архим. Амфилохий, указ. соч., стр. 5), — неверно: ср. хотя бы такие явные русизмы, как: страЖюща(-и?), їсхоЖаше (Ж из *dj).

На лл. 178—178об. текст (чтение на Михайлов день — 8 ноября) писан уставом XII в., вероятно, не ранее второй половины века. Об этом свидетельствуют как начертания отдельных букв (напр., у Ѣ коромысло обычно на уровне строки, а мачта несколько заходит за строку; у Ѡ средняя линия не доходит до строки и т. д.), так и орфографические особенности данного чтения (отражение падения редуцированных: ПШеница — л. 178, С Нимь — л. 178, правьДНици — л. 178об. и др.; шЕдъше — л. 178; с этим связано и употребление Ъ, Ь вм. О, Е и наоборот: истьргЬмъ — л. 178, диѧвЪлъ — л. 178об., зоубЪмО — дат. п. мн. ч., л. 178об., въ пещЕ — вин. п., л. 178об. и др.). Указанные особенности не позволяют относить письмо л. 178-го (подшитого к последней тетради) к кон. XI — нач. XII и тем более к кон. XI в., как полагал Н. Н. Дурново (см. Известия ОРЯС, т. XVIII, кн. 2, стр. 351 и Јужнословенски филолог, књ. IV, стр. 81) и как — вслед за ним — указывалось в 1-м томе описания Музейного собрания (М., 1961, стр. 268).

(³) На л. 177об., который остался чистым после написания воскресных евангелий, текст чтения от Луки (почерком XIII—XIV вв.) писан по уничтоженному славянскому же письму. Об этом свидетельствуют еще различимые отдельные буквы, особенно такие, которые свойственны только славянской (кирилловской) азбуке: Ъ, Ь. ѧ (?) и др. По начертанию отдельных букв, которые видны более ясно, можно предположить, что и уничтоженное славянское письмо по времени не далеко отстоит от того, которое заменило его, т. е. текст писан значительно позднее 1092 г.

Лист 178 (и recto и verso) — палимпсест*. На обороте л. 178, в верхней половине, занятой текстом чтения на Михайлов день, видны следы трех

* При составлении описания рукописи для 1-го т. описания Музейного собрания, следуя за архим. Амфилохием (указ. соч., стр. 5), мы отметили как палимпсест только оборот л. 178-го, где, как указывалось, по стертому письму писано только несколько строк. — См.: Музейное собрание, т. I. стр. 268 и 272. В действительности же, как оказалось при более тщательном рассмотрении палимпсестом является весь л. 178 (лицевая и оборотная сторона).

киноварных заглавных букв (строки 2-я, 5-я и 9-я сверху), следовательно, стертый текст занимал всю оборотную страницу: на нижней половине ясно видны следы прежнего письма, так как здесь был применен химический реактив. На лицевой стороне, где прежнее письмо было уничтожено более тщательно, все же между строками можно различить следы букв, особенно между строками 7 и 8 сверху (считая и заголовок), 5 и 6 сверху. Следовательно, и лицевая сторона также целиком является палимпсестом. Уничтоженное письмо было также славянским (среди букв, которые можно разобрать, есть, кажется, Ж и Ь?).

[4]) М. А. Соколова (К истории..., стр. 79) ошибочно указывает, что за 76-м листом следует 11 тетрадей по 8 лл. В действительности таких тетрадей 12, а всех тетрадей 23, а не 22. Пояснения необходимы только относительно двух неполных тетрадей: 7-ой и последней (23-ей).

Седьмая тетрадь (лл. 49—52) первоначально, вероятно, также состояла из 8 лл. Однако не все входящие в нее листы были полулистами (т. е. половинками сложенных вдвое больших листов). В настоящее время эта тетрадь состоит из одного «двойного» листа в середине (лл. 50—51) и двух одинарных листов (лл. 49 и 52).

Последняя (23-я) тетрадь также состояла первоначально из 8 лл. (обычный кватернион). Сейчас от сложенных вдвое 4-х лл., составлявших ее, сохранились все левые половинки (лл. 173—176), из правых же половинок двойных листов осталась лишь одна, а именно вторая (л. 177), остальные вырваны. От первой половинки (лист между лл. 176 и 177, содержавший воскресные утренние евангельские чтения) и третьей уцелели значительные обрывки*. Лист 178-й подшит особо (вырван из другой рукописи, что видно, напр., по характеру разлиновки).

[5]) См. С. А. Клепиков. Из истории русского художественного переплета. — «Книга». Исследования и материалы. Сборник I. М., 1959, стр. 112.

Об этом же, на наш взгляд, говорит и то, что листы рукописи обрезались уже после того, как она была какое-то время в употреблении. Когда рукопись переплеталась первый раз, вряд ли могли быть обрезаны обозначения тетрадей (см. примечание 6-е); более вероятным будет предположение, что это сделано, когда рукопись переплеталась вновь и заодно подравнивались, подрезались несколько обтрепавшиеся края листов. Вероятно, тогда же производилась общая реставрация рукописи: поновлялся полустершийся текст и т. д.

К более позднему времени, чем сама рукопись, относят переплет также Н. Н. Дурново (см. его рецензию в Известиях ОРЯС, т. XVIII, кн. 2. Спб., 1913, стр. 351—352) и за ним М. А. Соколова (К истории..., стр. 77), однако приводимые ими для подкрепления своего мнения аргументы едва ли могут быть приняты: дефекты на л. 1-м — вовсе не «следы времени, когда он еще не был защищен переплетом», а, наоборот, объясняются тем, что чернила стерлись в тех местах, где на лист постоянно воздействовали выступающие части переплета: ремни, бечевки, парусина и пр.; там, где не было трения пергамена об эти неровности, чернила не осыпались (см. особенно посередине л. 1-го).

Три тетради в начале рукописи были утрачены (см. примечание 6-е) уже тогда, когда рукопись имела данный переплет: длина ремней, которыми прикреплена верхняя доска, явно свидетельствует о том, что первоначально здесь в самом начале рукописи были еще тетради.

---

* Н. Н. Дурново (Јужнословенски филолог, књ. IV. Београд, 1924, стр. 81) считает, что «между лл. 176 и 177 надо предполагать пропуск 2-х листов, содержавших воскресные евангелия с конца 7-го, кончая началом 10-го». Однако следует иметь в виду, что вместо 9-го евангелия только указание-отсылка (как и вм. 1, 2, 5, 6 и 11; см. Остромирово ев., лл. 204об.—210об., и Ассеманиево ев., лл. 153об.—157об.), поэтому для 8-го и части 10-го воскресн. евангелий достаточно одного листа, утраченного между лл. 176 и 177.

М. А. Соколова (К истории..., стр. 87) делает предположение, что между лл. 176 и 177 был «не вшитый, а вклеенный лист, на что, как будто указывают и темные следы (пятна) у корешка». Это свидетельствует о том, что она пользовалась (по крайней мере в данном случае) только изданием (1912 г.), без проверки по рукописи. В действительности в рукописи таких «пятен у корешка» нет.

(6) Уточнить число утраченных тетрадей помогают сохранившиеся в рукописи остатки первоначальной нумерации тетрадей *, причем, как уже отмечалось выше, счет тетрадей у каждого из двух основных писцов свой. На л. 33-м, начинающем 5-ю из сохранившихся в настоящее время тетрадей первого счета (т. е. в АЕ[1]), имеется буквенное обозначение восьмой тетради (И восьмеричное), а на л. 61-м (начало 9-й тетради, причем в 7-й сохранилось только 4 лл. — лл. 49—52) — нижняя часть буквы В (и частица от И десятиричного), т. е. остаток обозначения 12-й тетради. Следовательно, в самом начале рукописи утрачено 3 тетради (8—5 = 3; 12—9 = 3) **.

С л. 77-го (начало АЕ[2]) появляется второй счет тетрадей: на л. 77 сохранилась нижняя часть буквы А, т. е. обозначение 1-й тетради, на л. 85 — ножки от буквы Д, т. е. обозначение 4-й тетради; это указывает на утрату между лл. 84 и 85 двух тетрадей, а не одной, как отмечалось М. А. Соколовой (см. К истории..., стр. 88), а вслед за ней и нами (см. Музейное собрание, т. I, стр. 268). На лл. 141 и 149, начинающих тетради 9-ю и 10-ю АЕ[2] в теперешнем состоянии этой части, сохранились обозначения 12-й и 13-й тетрадей; это доказывает, что между лл. 100 и 101, где есть перерыв в тексте, утрачена действительно одна тетрадь (12—2—1=9; 13—2—1=10). Таким образом, в АЕ[2] утрачены первоначальные 2-я, 3-я и 6-я тетради.

(7) С помощью химического реактива архим. Амфилохий пытался восстановить стертый текст на л. 178об. — См. указ. соч., стр. 5. Поэтому утверждение А. Ф. Бычкова, что «по окончании этого евангельского чтения (на Михайлов день. — *Н. Т.*) было написано еще что-то, но разобрать его теперь невозможно: употребленный химический способ для восстановления письма его уничтожил» (см. указ. соч. — Сборник ОРЯС, стр. XLVII; Записки АН, стр. 109), — неточно: текст был уничтожен не применением химического реактива, он был просто стерт еще перед тем, как было написано чтение на Михайлов день (см. прим. 3).

(8) Наиболее полно запись прочтена архим. Амфилохием (см. указ. соч., стр. 4—5), А. Ф. Бычковым она приводится только со слова «помышлѧѧ» (см. указ. соч. — Сборник ОРЯС, стр. XLII, Записки АН, стр. 104). В настоящее время слов «иного ч<е>л<о>в<ѣ>ка» не видно, перед словом «отѧгъченъ» — слово, не прочитанное и архим. Амфилохием, оканчивается, кажется, на «-алъ» (-адъ?); слово «бесчисленными» пишется с Щ («беЩисльныими»), за ним — пропущенное архим. Амфилохием (нет и отточия!) «вс„кого дѣла добра»; в слове «вЪлаѧсѧ» ясно виден Ъ после В; после слова «на поучинѣ» нет слова «морѧ», за ним следует: [непо]добьн[а?]ѧ (на подобьнаѧ?); над буквой Л в словах «зЛа, » и «мысЛьхъ», над Н в слове «съблазНилъсѧ » — две точки. А. Ф. Бычков читает «пиЩа» вм. «пиШа», что неверно: хотя горизонтальная линия в Щ несколько продолжена вправо (и на конце ее пятно от капли рыжевато-ко-

---

* Они не были раньше обнаружены потому, что буквы, обозначающие номер тетради, находятся в необычном для кирилловских рукописей месте: в правом верхнем углу листа, у самого обреза (теперь или частично, или полностью обрезаны). В настоящее время нам известны всего 4 рукописи, где мета тетрадей делалась в правом верхнем углу: Архангельское евангелие, Реймское евангелие (см. факсимильное издание: Louis Leger. L'Évangéliaire slavon de Reims, dit: Texte du sacre... Reims—Prague, 1899; на л. 1 — обозначение 19-й тетради, на л 9-м = стр. 17—20-й), Охридский апостол и Стихирарь из Нередицкого монастыря.

** Ранее (см. Музейное собрание, т. I, стр. 268, сноска 141) число утраченных вначале тетрадей определялось путем сравнения с Остромировым евангелием, которое по составу в первой части полностью совпадает с Архангельским евангелием. Один и тот же отрезок текста (от слов «Иосифу сыну своему», с которых начинается текст в Архангельском евангелии, до чтений по Пятидесятнице) занимает в Остромировом евангелии около 27 лл. (лл. 30—56 об.), в Архангельском евангелии — менее 24-х лл., т. е. соотношение приблизительно 7 : 6. Текст, утраченный вначале в Архангельском евангелии, занимает в Остромировом евангелии 28 лл. (лл. 2—29об.), следовательно, в Архангельском евангелии им должно быть занято 24 лл., т. е. 3 тетради.

ричневых чернил, которыми ниже наведен текст?), видеть в этой букве букву Щ нет никакого основания *.

([9]) На второй строке записи после слова «псалъ» (С вынесено без титла) отчетливо видно Б, за которым Ъ (нижняя линия кузова почти не видна!); далее, как нам кажется, следует написанное очень толсто И десятеричное, причем чернила частично осыпались, так что буква стала чем-то напоминать Е. Этим объясняется, что обычно читалось или Б<о>ЖЕ **, или Б<ог>ЪЕ ***. В действительности, по нашему мнению, здесь БЫ. На третьей строке, в самом начале, довольно ясно видны верхние части букв Л и Ъ, так что в целом, если принять предложенное выше чтение букв, получается: «Завидъ псалъ былъ». Остальные буквы этой строки так значительно обрезаны, что определение их затруднительно. Только о первых двух из них можно сказать несколько более определенно: это, вероятно, А (или А?) и К; что касается других, то можно только предполагать, что это: И, М и У(?). В таком случае это слово читалось бы: Акиму (Акиму?). Однако у нас нет уверенности в правильности этого предположения.

([10]) Эта криптограмма(?) имеет следующий вид: от кружка с буквой Ѡ (под титлом) **** в нем расходятся крестообразно линии, перечеркнутые перпендикулярно (т. е. сами образующие кресты); над верхней частью креста буква Д, под нижней — Т, слева — А, справа — В (все буквы под титлами). Снимок (литографский) см.: архим. Амфилохий, указ. соч., табл. V (снимок неточный: в круге Ѡ с Т над ним, причем мачта Т — это продолжение средней линии Ѡ от конца нижнего «крестика» к обоим концам титла над Т идут линии, так что получился треугольник; в рукописи же только одна линия — к левому концу титла).

([11]) В работе М. А. Соколовой, специально посвященной исследованию языка Архангельского евангелия, делается вывод, что «данные языка, хотя и не говорят вполне решительно за определенное место написания, все же скорее приводят нас к югу, в частности, быть может, к Киеву, поскольку особенности другой группы южнорусских памятников — галицко-волынских — не отразились в нашем памятнике» (К истории, стр. 133; см. также стр. 134). Там же дана сводка мнений других исследователей как о южном, так и о северном (новгородском) происхождении памятника (см. стр. 77, 133—135 и др.). Укажем еще некоторые из работ, в которых содержатся высказывания о месте написания рукописи: Соболевский А. И. Исследования в области русской грамматики. Варшава, 1881, стр. 2 (из РФВ) (новгородск.!); Шахматов А. А. Beiträge zur russischen Grammatik [рецензия на «Исследования» Соболевского]. — Archiv für slavische Philologie, B. VII, H. 1. Berlin, 1883, S. 76 (южнорусск.); Соболевский А. И. Источники для знакомства с древнекиевским говором. — ЖМНП, 1885, № 2 (февраль), стр. 356 (может быть источником для изучения киевского говора); его же Новый труд г. Стасова [рецензия на Славянский и восточный орнамент]. — Университетские известия, Киев, 1887, № 5 (май), стр. 52 и 53 (южнорусск.); Владимиров П. В. Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст. — Чтения в Историческом обществе Нестора летописца, Киев, 1890, кн. 4, стр. 108 (южнорусск.); Крымский А. Е. Филология и Погодинская гипотеза. Дает ли филология малейшие основания поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевского о галицко-волынском происхождении малоруссов? I—IV. Киев, 1904, стр. 61—62 и 69—70 (против отнесения памятника к киевским); Бузук П. А. Нарис історії української мови. Київ, 1927, стр. 18 (южнорусск.).

Е. Ф. Карский полагал, что АЕ списано с копии, сделанной «где-либо в средней Руси», а та в свою очередь — с южнорусской, переписанной с восточноболгарского оригинала (см. РФВ, т. 69, стр. 476—477).

---

* Вслед за А. Ф. Бычковым «пиЩа» вм. «пиШа» дает и М. А. Соколова (К истории..., стр. 86; «просите» вм «просТите» — явная опечатка); У И. И. Срезневского (Древние памятники, изд. 2-е, стлб. 32), конечно, опечатка «Нища» (вм. Пища = пиШа), опечатка же и «въ мыслЯхъ».

** Бычков А. Ф., указ. соч. — Сборник ОРЯС, стр. XLVIII; Записки АН, стр. 110; Срезневский И. И. Древние памятники, изд. 2-е, стлб. 33.

*** Воскресенский Г. А. Евангелие от Марка, стр. 16 и его же Характеристические черты евангелия от Марка, стр. 15.

**** В 1-м т. Описания Музейного собрания (М., 1961, стр. 270) нами ошибочно указано ОТ, т. е. Освыносным Т, вм. О (Ѡ) с титлом над ним.

В искусствоведческих работах Архангельское евангелие продолжает относиться — вслед за В. В. Стасовым (Славянский и восточный орнамент) — к новгородским; см., напр., Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 49; Арциховский А. В. Прикладное искусство Новгорода. — История русского искусства. Изд. АН СССР, т. II. М., 1954, стр. 285.

([12]) М. А. Соколова (К истории, стр. 87) указывает, на какие дни каждого месяца имеются в «соборнике» евангельские чтения. Отметим неточности: 3 сент. чтения нет (только отсылка к 2 сент.); первое из декабрьских чтений не 4-го, а 1 дек. (хотя память мученицы Варвары должна быть 4-го); чтение, следующее за чтением на литургии 25 дек., не на воскресенье по Рождестве Христове, а на собор богородицы (26 дек.): «...сънѧтие с<вѧ>тѣи б<огороди>ци» (Матфей, II, 13—23).

([13]) В 1-м томе описания Музейного собрания (стр. 272) ошибочно указано 3 сентября как день памяти Мефодия; в действительности к 3-му сентября отсылка от 6 апреля («пис<ано> єсть септѧмбр. въ 3»).

([14]) О всех перерывах в тексте (вследствие утраты тетрадей и листов) см.: М. А. Соколова. К истории..., стр. 88 и 87, а также указ соч. А. Ф. Бычкова, архим. Амфилохия (стр. 4—5), А. Е. Викторова (Отчет, стр. 86; здесь не указаны пропуски текста после лл. 48 и 84) и др.

([15]) Н. Н. Дурново считает, что это чтение — «евангелие общее апостолам» (рец. в Известиях ОРЯС, т. XVIII, кн. 2, 1913, стр. 351); это мнение не лишено известного основания, так как в евангелии апостолу единому (Матфей, IX, 36—X, 8) также есть стихи с перечислением имен 12-ти апостолов (X, 2—4), поэтому чтение от Луки (VI, 12—19), может быть, и могло быть предназначено для службы апостолам или апостолу, хотя положены другие чтения: апостолом обще — Лука, X, 1—15 или Лука, X, 16—21, единому — Матфей, IX, 36 — X, 8.

4. ОТРЫВОК МИНЕИ СЛУЖЕБНОЙ

([1]) И. И. Срезневским было отмечено, что отрывок писан «почерком минейным XI века» (Записки АН, т. 22, прил. 3, стр. 191). Действительно, почерк отрывка (см. воспроизведение на стр. 153) очень близок к письму новгородских Миней 1095—1097 гг. — См. снимки последних: Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 г. — Памятники древнерусского языка, т. I. Спб., 1886, таблицы I—IV; Каринский Н. М. Образцы письма древнейшего периода. Л., 1925, таблицы 12—14. Небольшое число примеров отражения утраты слабых редуцированных и полное отсутствие случаев отражения прояснения сильных подтверждает палеографические данные, по которым рукопись отнесена к концу XI в.

([2]) Приводим это описание полностью: «Лист из служебной минеи, найденный А. Е. Викторовым на переплете старопечатной книги Новгородской Софийской библиотеки. Письмо XI века. Рукопись заключала в себе службы за март месяц. На уцелевшем отрывке находятся: 1. начало службы св. Вурилу: Кириллу Катанскому, 2. часть службы св. мученику Василию. По древним минеям и прологам служба 1-го совершалась 21, а служба 2-го — 22 марта. И. Ср.».

([3]) Текст, особенно на лл. 1 и 2об., настолько плохой сохранности, что первоначально (в то время, когда готовилось описание Музейного собрания) нам многое не удалось разобрать. Это привело к тому, что в описании была дана неточная характеристика правописания отрывка. — См. Музейное собрание, т. I, стр. 186. Здесь было указано, что «в склонении существительных и прилагательных (и полных причастий) наблюдаются только церковнославянские формы». В действительности, когда с большим трудом был прочитан ряд мест, ранее не разобранных, оказалось, что в отрывке имеются такие характерные русские формы, как формы твор. п. ед. ч. основ на *О с флексией ЪМЬ (СвѣтЪМЬ — л. 1, 7 св.; законЪМЬ — л. 1об., 15 св.; с[вѣт]ЪМ[Ь] — л. 2об., 9 сн.). Следует также отметить, что в словах с *tьrt имеется (кроме старославянских) не только отмеченное ранее сочетание ЬРЬ (оутвЬРЬжено — л. 1об., 7 св.), но и ЬР (смЬРти — л. 2 об., 12 св.).

Целый ряд строк, который в свое время не мог прочитать И. И. Срезневский, в настоящее время читается, и даже яснее, чем некоторые строки, разобранные И. И. Срезневским *. Не может ли это объясняться тем,

* См., напр., текст листа 1об. в издании И. И. Срезневского (Сведения и заметки. LI, стр. 192—193) и на фотографии (см. выше, стр. 153).

что листы были им вымыты * водой с добавлением каких-либо химикалий, которые восстановили почти потухший текст, но не сразу, а спустя длительное время?

(4) Сведения о старопечатных книгах (среди которых 18 служебников), поступивших в Московский Публичный и Румянцевский музеи из новгородского Софийского собора, — см. Отчет за 1870—1872 гг. М., 1873, стр. 37—39. О том, что листы отделены от переплета одного из служебников, см. в описании А. Е. Викторова (там же, стр. 61).

5. ЛИСТОК ВИКТОРОВА

(1) Наименование «Листок Викторова» дано нами (как и ранее М. В. Щепкиной) ** в память плодотворной и разносторонней научной деятельности Алексея Егоровича Викторова, этого неутомимого труженика в области археографии и библиографии.

(2) В единственном известном нам письменном сообщении об отрывке, которое содержится в Инвентарной книге Музейного собрания № I под номером 640-м, говорится: «Два пергаменных листа, в 8-ку. Из них один, из полууст. рукописи духовного содержания XIII—XIV в., найден в переплете Пискаревской рукописи №... [так!];...» С такой датировкой отрывка, как и с определением типа письма (полуустав!), согласиться нельзя. М. Н. Сперанский по фотографии относил рукопись к XII в., как сообщила нам М. В. Щепкина ***; так же был датирован Листок и в описании, составленном М. В. Щепкиной.

Думается, что едва ли будет натяжкой относить Листок Викторова (в дальнейшем — ЛВ) даже к более раннему времени — к кон. XI — нач. XII в. О том, что рукопись была написана именно в это время, свидетельствует, на наш взгляд, следующее:

а) ЛВ, который можно отнести, хотя и предположительно, к памятникам русской письменности (см. примечание 3-е), характеризуется преобладающим употреблением одного из знаков для обозначения редуцированных, именно Ь (см. текст на стр. 182—183), причем русских черт в отрывке почти нет (довольно точное копирование южнославянского оригинала). Из русских памятников периода до так называемого второго южнославянского влияния такое сильное влияние южнославянских оригиналов в отношении употребления Ъ и Ь, выражающееся в преобладающем или даже исключительном употреблении одного из знаков (Ь), характерно для рукописей древнейшей поры (ср., напр., кирилловскую часть Реймского евангелия, где отмечен только Ь, Пандекты Антиоха из Воскресенской библиотеки, в одном из почерков которых преобладает Ь) ****. Сходство ЛВ с этими памятниками в данном отношении дает, по нашему мнению, возможность (с учетом и палеографических показаний) отнести памятник по времени не позднее начала XII в.

б) Хотя Ъ в большой части случаев заменен в отрывке на Ь, в нем почти нет пропуска букв Ь или Ъ. По всей вероятности, пропущен Ь в слове

---

* Там же, стр. 191.

** М. В. Щепкина сообщила нам об этом в личной беседе, указав, что так была названа рукопись в ее описании (для ГБЛ). В нем рукопись определялась как отрывок из поучения в списке XII в. К сожалению, это описание нами не найдено.

*** Фото отрывка показывала М. Н. Сперанскому она же. Рукопись была сфотографирована в то время, когда составлялось и описание М. В. Щепкиной.

**** В том, что эта орфографическая особенность объясняется в указанных памятниках именно большим влиянием южнославянских оригиналов, убеждает сравнительно незначительное отражение в них живых русских особенностей. Ср., напр., замечание Н. Н. Дурново о Пандектах Антиоха: «Рукопись... списана, по-видимому, с ю.-сл. глаголического оригинала несколькими переписчиками, которые довольно близко следовали своему оригиналу, отступая в угоду ему от установившейся орфографической традиции», — см. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка. — Јужнословенски филолог, књ. IV. Београд, 1924, стр. 80; ср. также его же замечания о чертах, указывающих «на сербскую традицию, сходную с традицией Мир[ославова евангелия], т. е. восходящую к старой македонской традиции», в кирилловской части Реймского евангелия, — в рецензии на книгу С. М. Кульбакина «Палеографска и језичка испитавања о Мирослављевом јеванђељу». — Slavia, roč. V, seš. 3. Praha, 1927, str. 569, 570—571.

ВЬСѢМИ на л. 1, 4—3 сн.: [СЬ ВС]ѢМИ *. Отметим кстати, что в форме этого же слова в другом месте употреблен Ъ вм. Ь (в конце строки): вЪсемоу — л. 1, 13—14 св. Однако данное слово не достаточно показательно как свидетельство отражения падения редуцированных. Наверное, пропущена буква Ь (или Ъ) в этимологической приставке СЪ слова С[ъ]пасеть] (л. 1об., 8 св.): здесь у линии обрыва за С видны части буквы, которые скорее можно принять за части (остаток) буквы П, чем Ь (со стершейся горизонтальной линией). Но и этот пример мало характерен, т. к. уже в то время СЪ едва ли воспринималось в данном слове как приставка и поэтому не поддерживалось морфемой с редуцированным в сильном положении **. Заслуживает внимания лишь пропуск Ь в корне слова «оуМРеть» (л. 1об., 10 св.).

Отсутствуют в отрывке и случаи отражения прояснения сильных редуцированных.

Таким образом, насколько позволяет судить тот ограниченный материал, который дается отрывком, можно предположить, что в рукописи не было большого числа примеров отражения падения редуцированных (даже утраты слабых), а это опять-таки больше говорит по крайней мере за нач. XII в.

в) Начертания многих букв и характер устава в целом (см. фото л. 1об. на стр. 181) также свидетельствуют о древности ЛВ. Так, например, А имеет сходство с начерком этой буквы в некоторых древнейших южнославянских и русских памятниках: петля, начинающаяся почти у самого верха, не доходит до строки (ср., напр., в Саввиной книге, Хиландарских листках — см. снимки в Альбоме 1916 г. П. А. Лаврова; ср. также один из вариантов А в «беглом» почерке Пандект Антиоха на л. 310 — см. снимок в Альбоме 1925 г. Н. М. Каринского; А с петлей, не спускающейся на строку, характерно, как известно, для древнейших памятников южнославянской эпиграфики, напр., надписей Мостичу, Преславской, Самуиловой, Варошской, Темницкой и др.).

Древний вид имеет и Ѣ: мачта не выходит за строку, коромысло находится приблизительно на расстоянии 2/3 от линии строки ***. Буква Ѡ—с высокой серединой (до конца строки), причем употребляется только в предлоге ОТ (с выносным Т), но и в нем отмечено и О (ОТЬ — л. 1об., 9 сн.); даже в заимствованном «Иоанн» (ИОАНЬ) в середине слова не Ѡ, а обычное О.

Буква Ц сходна по начертанию с одним из вариантов Ц Саввиной книги: линия, соединяющая две вертикальные, начинаясь слева на строке, поднимается под углом к правой линии, так что вся буква кажется несколько приподнятой над линией строки, причем хвост спускается за строку немного (см. наиболее показательный пример из Саввиной книги на снимке 26 в Палеографическом обозрении П. А. Лаврова, стр. 31); один раз (в слове ПРОРИЦАНИЇ — л. 1об., 3 сн.) вся буква в строке (лишь хвост слегка заходит за воображаемую линию строки, как нередко и в Супрасльской рукописи).

Как и в ряде старейших южнославянских и русских рукописей, в ЛВ у буквы Х толстая линия не спускается (или опускается незначительно) ниже линии строки; ср., например, Х в Саввиной книге, в Супрасльской рукописи (как один из вариантов, см. у Лаврова в Палеогр. обозр. снимок 37), в Листках Ундольского, кирилловской части Реймского евангелия, псалтири Бычкова (снимок с листа последней см. у Н. М. Каринского в Альбоме 1925 г., табл. 23, сн. 2).

Буква Ч с неглубокой угловатой чашечкой (приближающейся по форме к четырехугольнику) характерна для целого ряда русских рукописей XI и XI—XII в.,

---

* Пергамен в этом месте затерт, к тому же здесь пятно (от сырости?), так что заключенные в скобки буквы по существу почти не видны, но места достаточно только для четырех букв: [СЬ ВС].

** Такие примеры, как ИЩРѢВА (л. 1об., 4 св.) и [БЕ]З ВѢРЫ (л. 1, 3—2 сн.), конечно, сюда не относятся, т. к. предлоги ИЗ, БЕЗ и до падения редуцированных произносились без Ъ после З, С, — см., напр.: Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957 (пер. с немецк.), стр. 76—77.

Не обязательно свидетельствует об утрате слабых редуцированных ТЬЧЬНѪ (л. 1, 15 св.) с Ь, а не И после Ч; к тому же это образование, видимо, целиком перенесено из оригинала.

*** Здесь и далее под «линией строки» следует понимать воображаемую линию, т. к. буквы в ЛВ пишутся на некотором расстоянии от линейки, как бы «приподняты» над ней (иногда более чем на 0,5 мм).

ср., напр., Ч в Изборнике 1073 г., Минеях 1095 и 1096 гг., Поучениях Кирилла Иерусалимского, Пандектах Антиоха, Словах Григория Богослова, отрывке из Жития Феклы, Туровском евангелии и др. (снимки см. в Альбоме 1925 г. Н. М. Каринского); из южнославянских древнейших памятников такое Ч встречается (как один из вариантов) в Супрасльской рукописи.

Интересной особенностью начерка Д является то, что горизонтальная линия несколько приподнята (обычно) над линией строки, хотя ножки и спускаются за строку. Такое Д встречается из русских памятников, напр., в Словах Григория Богослова (см. снимки в Альбоме 1925 г. Н. М. Каринского и в Новом сборнике снимков 1906 г. А. И. Соболевского), из южнославянских — в Супрасльской рукописи (снимок см. у П. А. Лаврова в Альбоме 1916 г.); в Листках Ундольского Д, как правило, все в строке, но иногда ножки незначительно спускаются за линию (воображаемую, т. к. строки висячие) строки*.

Головка у Р чаще небольшая, не доходящая до линии строки; Р такого типа (сама форма головки, конечно, может отличаться) характерно для целого ряда русских памятников XI и XI—XII в.: для 1-го почерка Остромирова евангелия (лл. 1-24об.), одного из почерков Изборника Святослава 1073 г., отрывка из Жития Кондрата, Чудовской псалтири, одного из почерков Пандект Антиоха; встречается (наряду с др. вариантами) и в Изборнике 1076 г., в 1-ом и 3-ем почерках Архангельского евангелия и др. (см. снимки в Альбоме 1925 г. Н. М. Каринского, табл. 1, 3, 5; 7, 8, сн. 3; 21; 24; 20, сн. 1; 9 и 10; 11, сн. 2 и 3; снимок 3-го почерка Архангельского евангелия см. на стр. 151); из южнославянских рукописей Р с головкой, не доходящей до строки, нередко в Хиландарских листках (снимки см.: С. М. Кульбакин. Хиландарские листки, отрывок кирилловской письменности XI-го века. — Памятники старославянского языка; изд. ОРЯС АН, т. I, вып. 1. Спб., 1900), изредка встречается в Саввиной книге (см. на строке 2 сн. снимка 25-го в Палеографическом обозрении П. А. Лаврова) **.

Правая часть буквы К далеко отстоит от левой, что характерно для памятников старшей поры; формой своей эта буква Листка более всего сходна с К отрывка из Жития Феклы из русских памятников (см. Альбом 1925 г. Н. М. Каринского, табл. 26), из южнославянских — с К Саввиной книги.

Старую форму имеет и Ж, которое пишется в три приема.

Древнюю форму имеет и З, напоминающее в известной мере Z в греческих уставных рукописях, но, правда, со значительно спускающимся за строку хвостом. Из русских рукописей наибольшее сходство с ЛВ имеет в этом отношении Архангельское евангелие, один из вариантов З которого очень близок к З Листка: стержень несколько опущен за строку, все линии только прямые (или с незначительным выгибом), соединяясь, образуют острые углы (см., в Архангельском ев., напр., на л. 100 об., 6 сн.; 102 об., 9 сн.; 109, 4 сн. и др.). Несколько сходная форма З, например, в отрывке Жития Кондрата (но здесь у З линия идет чаще не горизонтально, а несколько опускаясь, причем значительно заходит вправо, да и завершающая хвост линия очень мала), позднее — в Добриловом евангелии (снимок см. в Новом сборнике снимков 1906 г. А. И. Соболевского, табл. 7) и др. Как заглавная буква такой тип З встречается в русских памятниках чаще (см., например, подобное З в Изборнике 1073 г. — Альбом 1925 г. Н. М. Каринского, табл. 7, снимок 1).

---

* В древнейших надписях, как известно, Д или все в строке (в Самуиловой надписи, кроме одного раза, ножки даже не достигают строки), или почти в строке: ножки несколько опускаются за линию строки, хотя горизонтальная линия значительно приподнята над ней. См., напр., Д надписей Мостичу, Темницкой, Самуила, на керамических плитках с рисованным текстом и др. в книге Ст. Станчева, В. Ивановой, М. Балана и П. Боева «Надписът на чъргубиля Мостич». София, 1955, табл. 1 и 5, 11, 13, 16, 18 и др.

** Буква Р с маленькой головкой характерна и для древнейших южнославянских эпиграфических памятников. Правда, свидетельства таких надписей, как надписи Мостичу, Самуила, Темницкая, не совсем показательны в том отношении, что буквы их по характеру приближаются к прописным, поэтому Р в них, естественно, все в строке, но и в такой надписи, как Преславская, буквы которой ближе к строчным, Р с небольшой головкой.

Особо следует отметить употребляющуюся в ЛВ форму буквы ѧ, сходную с глаголическим знаком для Ѣ и JA(Ⱑ). Этот знак почти совсем не известен русским рукописям * и, несомненно, перенесен в ЛВ из южнославянского оригинала.

Отнесению рукописи к кон. XI — нач. XII в. как бы противоречат начертания таких букв, как Н, И, у которых соединительные линии подняты нередко (но далеко не всегда) выше середины. Следует, однако, отметить, что в целом ряде древнейших рукописей как русских, так и южнославянских, для которых характерны не очень широкие буквы, наблюдается такое же явление. Так, в Изборнике 1073 г. у Н поперечная линия расположена чаще в верхней половине буквы, т. е. начинается почти у самого верха левого стержня и заканчивается приблизительно посередине правого (см. Альбом 1925 г. Н. М. Каринского, табл. 6—8), да и у И горизонтальная черта нередко выше середины. Приподнята перекладина у И и в Новгородских (Куприяновских) листках (см. там же, табл. 15). Нередко очень высоко подняты соединительные линии у Н и И в Пандектах Антиоха (см. там же, табл. 18, снимок 2; табл. 19, 20, снимки 1 и 3), в Туровском евангелии (там же, табл. 27, снимок 1), в кирилловской части Реймского евангелия (снимок см.: Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 371; см. и указанное ранее факсимальное издание Louis Leger) и др. В южнославянских рукописях наблюдается аналогичное явление. Напр., И с поднятой перекладиной нередко в Супрасльской рукописи (см. Альбом 1916 г. П. А. Лаврова, табл. 2), Хиландарских листках (снимки см. в указанном выше издании С. М. Кульбакина), Саввиной книге, в которой встречается и Н со значительно поднятой соединительной линией (снимки 4-х страниц см. в издании В. Н. Щепкина — Памятники старославянского языка, т. I, вып. 2. Спб., 1903) **. Как видим, начертания И и Н с поднятой выше середины перекладиной известны и древнейшим рукописям, поэтому наличие таких начертаний в ЛВ не может еще быть доказательством его более позднего происхождения.

Таким образом, рассмотрение некоторых орфографических и палеографических особенностей отрывка позволяет, на наш взгляд, относить ЛВ к кон. XI—нач. XII в.

([3]) В отрывке нет таких орфографическо-языковых особенностей, которые бы давали возможность без всякого сомнения относить ЛВ к памятникам русской письменности. Однако с большой долей вероятности отрывок все же можно считать написанным на Руси на основании употребления в нем формы имперфекта [хо]ѢАХѫ (с ѢА, а не ЂА), отражающей живое (русское!) произношение писца ***. Русское происхождение ЛВ подтверждается и такой чертой па-

---

* Один раз такая форма встречена в Апокалипсисе из собр. Н. К. Никольского. — См.: Перетц В. Н. К изучению «Слова о полку Игореве». — Известия ОРЯС, т. XXIX (за 1924 г.). Л., 1925, стр. 39. Е. Ф. Карский полагал, что такой знак имеется в записи Мстиславова евангелия (см. Славянская кирилловская палеография, Л., 1928, стр. 208, сноска). Однако П. К. Симони, специально исследовавший памятник в палеографическом отношении, подчеркивал, что в слове «князю» в записи «нижняя часть ѧ затекла чернилами по нарезу строки и имеет случайное сходство с глаголическим Ѣ», — см. его Мстиславово евангелие начала XII-го века в археологическом и палеографическом отношениях, I. Вводная статья. Спб., 1910 г. (изд. ОЛДП, № CXXIX), стр. 2, сноска 2-я. Н. Н. Дурново (в указанной выше рецензии на книгу С. М. Кульбакина — Slavia, V, 3, стр. 569 и 570) отмечает еще подобную форму ѧ во 2-ом почерке Изборника 1073 г. и в Поучениях Кирилла Иерусалимского, однако его указание вызывает сомнение (может быть, и в этих памятниках есть подобный ѧ такого же происхождения, как и в Мстиславовом евангелии, или Н. Н. Дурново принял видимую на снимке линию строки за горизонтальную линию буквы?).

** Из эпиграфических южнославянских памятников И с высоко поднятой перекладиной характерно для Гемницкой надписи.

*** Ср., напр., указание Ф. Ф. Фортунатова на употребление форм имперфекта только с ѢА «согласно с русским произношением» в первой части Остромирова евангелия (лл. 2—24об.), в которой вообще смелее отражаются русские черты. — См.: Состав Остромирова евангелия. — Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому, ч. II. Спб., 1908 стр. 141—1415; см. также: Н. М Каринский. Письмо Остромирова евангелия (Палеографический очерк). — Сборник Российской публичной библиотеки, т. I, вып. 1. Пг., 1920, стр. 181

мятника, как употребление букв ОУ, Ю, вместо ѫ, ѭ и наоборот* (напр.: мОУдръ — л. 1об., 8 св.; бОУдеть — л. 1об., 10 св., вѣрОУ — л. 1, 4 сн.; призываЮщими — л. 1, 3сн. и др.; вѣроуѭщѫ — л. 1, 9—10 св.; вѣрѫите — л. 1об., 15 св.; мьнЮ — л. 1об., 16—17 св.; [въ н]Юже — л. 1об., 5 сн. и др.).

Других черт, которые могли бы свидетельствовать о написании ЛВ именно в пределах Руси, мы не видим (глагольные формы 3 л. на ТЬ не могут учитываться в этом отношении, т. к. Ъ в отрывке, как указано выше, вообще употребляется редко).

(4) Лист пергамена обрезан неровно: с левой стороны высота больше, чем с правой, не совсем одинакова и ширина его. В настоящее время (углы листа с левой стороны оторваны!) наибольшая высота — 19,3 см, наименьшая (с правой стороны, где было «внешнее» поле) — 18,4 см. Часть правого поля (вероятно, при использовании листа в переплете) перегнута вдоль, и по сгибу вырезаны три отверстия для продевания бечевки**; ширина листа без этой отогнутой полоски колеблется от 11,8 до 12,0 (ближе к верху) см, а с учетом ее — от 12,4 до 12,6 см.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ОТРЫВОК СЛОВА О ВЕРЕ ИЗ ПАНДЕКТ АНТИОХА ЧЕРНОРИЗЦА («ЛИСТОК ВИКТОРОВА») ***

Текст печатается в соответствии с расположением строк в рукописи. Титла раскрываются; вставленные при этом в строку буквы заключены в угловые скобки. Плохо читаемые буквы заключены в прямые скобки. Особая форма юса малого передается обычной буквой с чертой под ней (ѧ̲).

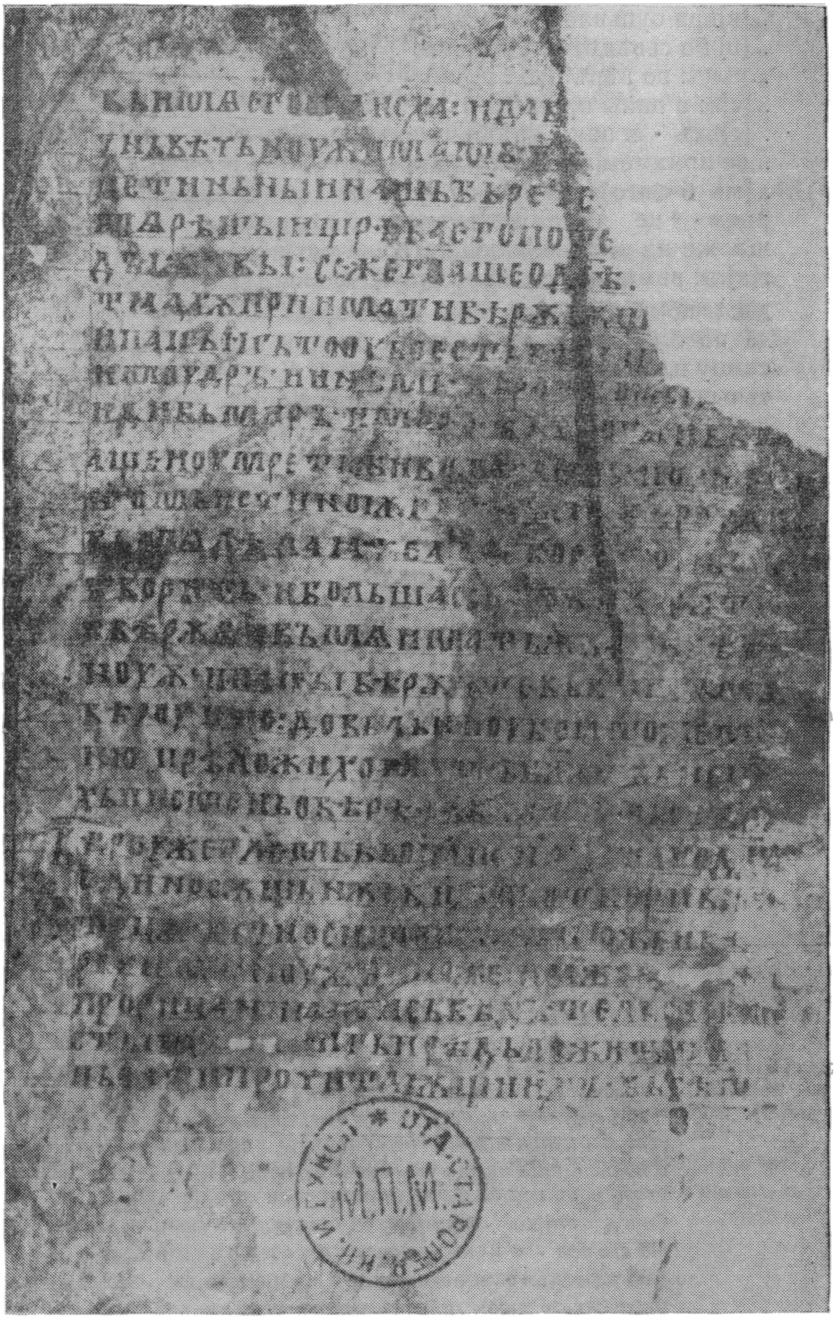
(Н. М. Каринский доказывает, что ОЕ[1] писано не дьяконом Григорием, а другим писцом).

Кроме палеографических признаков, почти исключительно по форме БОЛЇ-АШЕ (не БОЛѢАШЕ!) относятся к русским памятникам так называемые Куприяновские, или Новгородские, листки. — См.: Ф. Ф. Фортунатов. Состав Остромирова евангелия, стр. 1478 и его же Старославянское ТЪ в 3-ем лице глаголов. — Известия ОРЯС, т. XIII, кн. 2. Спб., 1908, стр. 41—42; П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма, стр. 43—44; Н. М. Каринский. Образцы письма 1925 г. Введение, стр. 11—12 (в этой работе, как и во 2-й из указанных статей Ф. Ф. Фортунатова, приводятся и палеографические доказательства русского происхождения памятника). Русское происхождение памятника признается не всеми исследователями; сводку мнений см.: Ф. В. Каминский. Отрывки евангельских чтений XI в., именуемые Куприяновскими (Новгородскими). — Известия ОРЯС, т. XXVIII (за 1923 г.). Л., 1924, стр. 284—286.

* Только подтверждается, т. к. если бы в рукописи не было формы [хо]ТЇАХѫ, то одно смешение У, Ю с ѫ, ѭ при полном отсутствии смешения ѧ̲ с Ї, А и при отсутствии других русских особенностей еще не могло бы служить сколько-нибудь надежным доказательством написания рукописи русским писцом.

** Вследствие этого создается впечатление, что не данный полулист отрезан от сложенного вдвое листа, а, напротив, от целого листа отрезан с правой стороны (где теперь лист перегнут) другой полулист, от которого осталась узкая полоска пергамена, т. е. лицевая сторона листа кажется оборотной и наоборот (может быть, именно поэтому штамп Музеев стоит на оборотной стороне?); только последовательность текста дает возможность правильно определить, где recto и где verso.

*** В Воскресенском списке Пандект XI в. Слово о вере утрачено.

Отрывок Слова о вере из Пандект Антиоха XI—XII в. Ф. 228, № 205.1, л. 1об.

...ы ѧ раждьж[ены] ѧ оугасити [1] 1
...[в]ѣра оупьваемыимь оупо
...[и] бо сьвѣдѣтельствова̀ни
...рьци: по вѣрѣ оубо оумрѣ
...[с]и: и пакы правьда б<о>жиꙗ вѣ 5
...[с]ѣхъ · и пакы да обѣщание
...ое приимем[ь] вѣрою: и вѣрова
...[мь б<ого>в]и и вь словеси сѧ емоу [2] вь пра
вьдѫ · [3] не дѣлаѫщоумоу же: · вѣроуѫ
щѫ же на опра[вь]дающааго: нечьсти 10
в[а]го: вьмѣнить сѧ вѣра его вь правь
дѫ: и приводить сего ради ѡт [4] вѣры:
да по бл<а>г<о>д<а>ти бѫдеть извѣст[ь]но въ
семоу племени: не ꙗже ѡт [4] закона
тьчьꙑ : н[ъ?] и еже оть вѣры Аврамл ѧ 15
не напис[а ж]е сѧ того ради единого ·
нь и нась дѣльма: имьже [н]ачьнеть
при[ч]ита[ти] сѧ : · вѣрѫѫщихь н[а г<оспод>а] на
шего И[с<оуса> Х<рист>а]: оправьдавьше сѧ оубо вѣ
рою: [м]ирь имамь кь б<ог>оу г<осподь>[м]ь наши 20
мь И<соу>с<омь> Х<рист>омь · и Тимоѳеови: [го]ни пра
в--- [5] вѣроу: любьвь мирь [· сь вс]ѣ
ми призывающими г<оспод>а: и [бе]з вѣ
ры не мощьно оугодит[и] ---[6] [и] Иоа[н]ь
[с]и есть заповѣдь его да вѣроуе[мь]// 25
1 об. вь имѧ его [с<ы>н]а И<соу>с<а> Х<рист>а: и да в...
знь вѣчьноуѫ имамь · г<оспод>ь...
истиньныи нашь б<ог>ь рече...
мѧ рѣкы ищрѣва его поте...
дъı ж[и]вы: се же г<лаго>[л]аше о д<оу>сѣ... 5(30)
тиахѫ приимати вѣрѫѫщ...
и пакы · кьто оубо есть вѣр[ь]н...

---

[1] Конец слова -ТИ — лигатура.

[2] Ошибка писца? В рукописи XV в. из собрания Троице-Сергиевой лавры (ф. 304), № 154 (1904), л. 14 — «и вѣрова Авраамъ богоу, и вмѣнисѧ емоу».

[3] Соответствующий этим строкам текст в указанной выше рукописи Троицкого собрания № 154 читается так (недостающие в публикуемом тексте слова и буквы печатаются курсивом; текст для сравнения разбит на такие же строки, как в ЛВ):

стрѣлы неприꙗзнены ражжены*ꙗ* оугасити
и пакы · *есть вѣ*ра оуповающимъ оупо
стась · *въ нем* бо свидѣтельствовани
*быш*ѧ *ста*рци · по вѣрѣ бо оумро
ша сїи вси · и пакы · правда б<о>жиꙗ вѣ
рою на всѣхъ · и пакы · да ѡбѣщание
д<оу>х<о>вное прїимемъ вѣрою · и вѣрова
Авраамъ б<о>гоу и вмѣнисѧ ємоу въ пра
вдѫ ·

[4] В рукописи Т над Ѡ.

[5] В пергамене дыра (правЬДѫ).

[6] То же (б<ог>оу).

и моудръ · и инѣмь · вѣра тв[оѭ] с...[7]
иди вь миръ · и Мардѣ вѣроуѧи вь м...[8]
аще и оумреть живъ боудеть · и оуч[ени] 10(35)
комь истиноѭ г<лаго>л[ю вамь] вѣроуѧи
вь мѧ дѣла ѭже а[зь] [т]вор[ю?] [и] о[н]ь с[ъ]
творить · и больша [сих]ь сътв[ор]ить ·
и вѣрѫѧи въ мѧ имать жи[зн]ь [в]ѣ[чь]
ноуѫ · и пакъı вѣрѫите вь б<ог>[а] [и в]ь мѧ 15(40)
вѣроуите: довьльнѣ оубо ѭко же мь
ню прѣложихом[ъ] оть б<о>ж<ь>ствьныи
хь писмень о вѣрѣ · [сь]в[ѣ]дѣ[те]ль[ст]ва:
Вѣроу же г<лаго>лемь вь о<ть>ца и с<ы>на [и
с]<вѧ>таго д<оу>ха
единосѫщьнѫѭ и [ж]ивотворивѫѭ· 20(45)
тр<ои>цѫ вьзносимо[уѭ] (?) въ(?) н]юже и вѣ
роуи[мь] · ноужд[ь]но же и ѭже о ---ь[9]
прорицаниѭ [же] и сьвѣдѣтельств[а]
с<вѧ>тыихь ---игь [10] прѣдьложит[и] и на
пьсати и прочитаѭщи ихъ · вьсѣм.. 25(50)

Примечание

В публикуемом отрывке «Слова о вере» текст соответствует апостольскому и евангельскому текстам:

Строка 1-я — Ефес. VI, 16; 2-4 — Евр. XI, 1—2; 4-5 — Евр. XI, 13; 5-6— Римл. III, 22; 6-7 — Галат. III, 14; 7-9 — Римл. IV, 3; 9-12 — Римл. IV, 5; 12-15 — Римл. IV, 16; 19-21 — Римл. V, 1; 21-23 — II Тимоф. II, 22; 23-24 — Евр. XI, 6; 25-26 — I Иоанн III, 23; 27 — Иоанн XX, 31 (?; в древнейших списках евангелия — Остр., л. 11об., Зогр., л. 286, Мар., л. 172, Ассем., л. 7об. — слово «вечный» в данном чтении имеется); 29-31 — Иоанн VII, 38—39; 32-33 — Матф. XXIV, 45; 33-34 — Лука VII, 50 и VIII, 48; 34-35 — Иоанн XI, 25; 36-38 — Иоанн XIV, 12; 39-40 — Иоанн VI, 47; 40-41 — Иоанн XIV, 1.

---

[7] На линии обрыва видна нижняя часть буквы (П или Ь?).

[8] В Троицкой рукописи № 154, лл. 14об.—15:
въ имѧ с<ы>на его I<соу>с<а> X<рист>а и да *вѣроующе жи-*
знь вѣчнѫю имамъ · г<оспод>ь *же нашь И<соу>с X<ристо>съ*
истинныи нашь б<о>гъ рече *вѣрѫѭи в*
мѧ рѣкы из чрева его потек*оуть во*
ды живы. се же г<лаго>лааше ѡ д<оу>сѣ *его же хо-*
тѧхоу пріимати вѣроующ*ии въ нь*
и пакы · кто оубо есть вѣрн*ыи рабъ*
и м<оу>дрыи · и инѣмъ · вѣра твоѭ *сп<а>се тѧ*
иди в миръ · и Марфѣ · в ѣрѫѭи въ *мѧ*.

[9] В пергамене дыра (о СЕМь).

[10] То же (КЬНигь).

О. С. Попова

НОВГОРОДСКАЯ РУКОПИСЬ 1270 г.

(Миниатюры и орнамент)

Художественная жизнь Новгорода со второй трети XIII в. была более полнокровна в сравнении с другими русскими землями. Новгород не знал татарского нашествия, и ощутимого в других областях разрыва между искусством XII и XIV вв. в нем не было. Вынужденное из-за монгольского ига сокращение связей с южной Русью и Византией способствовало лишь ослаблению в новгородском искусстве иноземных воздействий, еще значительных в XII в., и окончательному возобладанию самобытного живописного стиля.

Вопрос о сложении в новгородской миниатюре местного почерка совсем не исследован, между тем он представляет значительный интерес. Во-первых, при малом количестве сохранившихся от XIII в. икон и фресок Новгорода изучение его лицевых рукописей, часто точно датированных, расширяет представление о местной художественной школе. Во-вторых, специфика миниатюры обусловила целый ряд особенностей в становлении в ней новгородской манеры письма по сравнению с иконой и фреской.

Вместе с наплывом в новгородское искусство фольклорных мотивов изменилось соотношение между видами живописи. Передовые тенденции живописи XII в., связанные с местными особенностями культуры, несла фреска. Иконопись гораздо более следовала греческой традиции [1]. В XIII в. особенности развивающегося самостоятельного новгородского стиля полнее, чем фреска, выразила икона. Усиление роли посадских кругов и значительное умаление власти князя, видимо, сильно сократили число привозных икон, удовлетворявших ранее вкусы грекофильски настроенного княжеского двора. Этому способствовало и ослабление связей Новгорода с югом и Византией. Иконы, как и фрески, стали изготовляться местными мастерами. Новые же принципы живописи — лаконизм композиционного решения, графичная точность линий, чистота сочных красок, ровность локального цвета почти без всякой моделировки — полнее выявляли себя в малых (сравнительно с фреской) формах икон, чем в стенописи, более связанной с языком резких сопоставлений и энергичной живописности из-за своей удаленности от человека. Характерно, что уже с последней трети XII в. те из стенописей, стиль которых отражает новые тенденции местного мастерства, ориентировались на иконы. Например, во фресках Георгиевского собора в Старой Ладоге значительную часть росписи занимают изображения отдельных фигур,

[1] Подробнее см.: Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 42—43.

обрамленных декоративными рамами, и принадлежат они руке того мастера, который использует более прогрессивные приемы письма.

Миниатюра XIII в. подчиняется местному стилю новгородской живописи, проникаясь ее склонностью к плоскостной и красочной декоративности, но развитие ее протекает неровно, в ряде черт опережая иконопись, а в некоторых отличаясь большей архаичностью.

Неравномерность развития местного стиля в новгородской миниатюре объясняется прежде всего давними ее связями с культурой княжеского двора, связями, гораздо бо́льшими в сравнении с иконописью и тем более фреской. Монументальное искусство по своему назначению и процессу создания близко широким массам, поэтому даже в XI — перв. трети XII вв., когда культура определялась вкусами придворных верхов, в него проникают черты, характерные для местной художественной манеры [2]. Лицевые рукописи этого периода изготовлялись для княжеских библиотек и придворных храмов и в основном копировались с привозных греческих оригиналов или их болгарских повторений. Художественное оформление при этом ориентировалось на южные образцы и отличалось аристократичностью письма. Правда, и в украшения рукописей проникали пробивающиеся в это время навыки местного искусства. Они обнаруживаются, например, в миниатюре XI—XII вв., вплетенной в Милятино евангелие нач. XIII в. [3]; отдельными чертами новгородского почерка отмечены также миниатюры «Мстиславова евангелия» (1103—1117 гг.), в целом выдержанные в «эмальерном» стиле киевской книжной живописи. Но преобладающими в новгородской миниатюре XI—XII вв. были, видимо, грекофильские тенденции. Этот вывод строится главным образом на косвенных источниках, так как новгородских миниатюр XI—XII вв. сохранилось очень мало. Основания для него дают: во-первых, книжные иллюстрации этого времени других русских княжеств с общей для них живописной манерой, подражавшей стилю Киевской Руси, а через него — Константинополю; во-вторых, византийский характер икон этого периода, распространенных в Новгороде; в-третьих, еще бо́льшая в сравнении с иконой социальная аристократичность миниатюры. Новгородская миниатюра имела меньшую предысторию развития самобытного местного стиля, чем фреска и икона, и к периоду возобладания этого стиля подошла к нему менее подготовленной.

---

[2] Вопрос о зарождении местного искусства в XI в. и существовании его рядом с «привозными» стилями поднят В. Н. Лазаревым. См.: Живопись и скульптура Новгорода. — В кн.: История русского искусства. Т. II. М., 1954, стр. 84.

[3] ГПБ. Fп. I. 7. Миниатюра обрезана по краям и, судя по пропорциям изображения, довольно значительно. В первоначальном своем виде лист превышал размер крупных древних рукописей. Размер фигур евангелиста Иоанна и Софии намного больше характерного для миниатюр. И необычные пропорции этого изображения, и манера его письма имеют мало общего с принципами миниатюрной живописи и подражают монументальному искусству, особенно фреске (см.: Дмитриев Ю. Н. Рецензия на книгу А. Н. Свирина «Древнерусская миниатюра». — Журн. «Советская книга», 1951, № 9, стр. 110—111). На обороте пергаменного листа — следы клея. Вопрос о том, был ли этот лист частью очень крупной древней рукописи или имел иное назначение, остается спорным.

Со второй половины XII в. строителями храмов в Новгороде выступают не князья, а богатые горожане, часто — уличные объединения. Церкви создаются небольшие и небогатые, но количество их резко увеличивается. Потребность в рукописных книгах для церковного обихода возрастает. В художественное оформление рукописей широким потоком вливаются особенности, продиктованные вкусами посадского люда, и искусство миниатюры и орнамента следует общему для новгородской живописи простонародному стилю. Усвоение миниатюрой новых для новгородского искусства принципов произошло сравнительно быстро, если учесть незначительное их проникновение в книжную иллюстрацию в предыдущий период.

Неровности в становлении местного почерка в новгородской миниатюре обусловлены были также ее особенностями искусства малых форм, благодаря которым она воспринимала лишь отдельные черты новгородского художественного языка. Так, принципы графичности и силуэтности развились в ней с обостренной выразительностью, между тем как декоративная плоскостность, требующая подчеркнутой монументальности изображения, не могла найти себе места на пергаменном листе в той же мере, как в иконе или стенописи. Поэтому на протяжении всего XIII в. в стиле новгородской миниатюры передовые тенденции чередуются с архаизмами, характерными для первой стадии демократизации новгородского художественного языка во второй половине XII в. [4].

Одним из интереснейших памятников книжного искусства этого этапа является Евангелие 1270 г. из собрания Н. П. Румянцева [5].

Рукопись 1270 г. представляет собой евангелие-апракос с месяцесловом и воскресными евангелиями в конце. Месяцеслов полный, без пропусков; из русских праздников в нем помещены памяти освящения Георгиевской церкви в Киеве 26 ноября и Бориса и Глеба 24 июля. Писана уставом, в два столбца, на пергамене, сшитом в 21 тетрадь (20 тетрадей по 8 листов, одна, 14-я тетрадь — 7 листов), 167 листов размером в лист (27,3×21,9). Переплет позднейший [6] — доски, обтянутые кожей, грубо срезанной по краям с внутренних сторон крышек; на оборотах досок — следы оклеивавшей их ранее бумаги. Рукопись имеет четыре записи. Три из них писаны той же рукой, что и текст: «Коушаю попирьны роукы» (л. 40об.); «Се еуангелие чти на обеднии, а на заут<рени> по семь псано» (л. 117об.); приписка писца в конце книги: «В лето 6778 кончаны быша книгы сия месяца марта в 23 на памят<ь> святаго мученика Никона томь же дни быс<ть> знамение въ слъньци. Писах же книгы сия азъ Гюрги сынъ поповъ глаголемаго Лотыша

---

[4] На первом этапе демократизации искусства и создания местного стиля новгородская живопись использовала архаические традиции: объемность, тяжеловесность, сумрачную монохромность, грубоватую живописность. Памятники этого типа — фрески Аркажей, Нередицы, одного из мастеров Старой Ладоги, оборот иконы «Спас нерукотворный» из ГТГ.

[5] ГБЛ, ф. 256, № 105.

[6] По определению С. А. Клепикова переплет относится к перв. пол. XVII в.

с Городища, стяжаниемь Симона черньца от святаго Георгия собе на епсение и всемъ крестияномъ на оутеху» [7].

Четвертая запись (вкладная?) относится к 1555 г. Она писана скорописью по лл. 2об.—5: «А си книга глаголимая еуангелия напрестол<ь>ное Василия Слепворонскаго дал... 1555 месяца июня двадцат<ь> третего дня» [8]. Эта запись могла бы помочь раскрыть историю рукописи, но ее неполная сохранность мешает расшифровке.

Из истории рукописи известно, что она куплена зарайским купцом К. И. Авериным в Старице за 300 рублей ассигнациями. Приволжский город Старица, входивший в Тверское княжество, расположен почти на границе Новгородской и Тверской земель в XIII—XV вв.

У К. И. Аверина рукопись была приобретена Н. П. Румянцевым через посредство А. Х. Востокова и К. Ф. Калайдовича, первым оценившего ее большое значение для истории русской культуры [9].

Перед началами евангельских чтений, на лл. 1об., 25об., 63об. и 93, находятся четыре миниатюры с изображениями евангелистов в полный лист [10]. Текст каждого из чтений по дням начинается крупным инициалом, рисованным красками, в большинстве случаев тератологического орнамента. Две заставки украшают листы с началом евангелия от Иоанна (л. 2) и началом месяцеслова (л. 145об.) [11].

Правописание рукописи русское. Имеются особенности новгородского говора (мена Ц на Ч).

---

[7] Запись воспроизведена: Калайдович К. Ф. Иоанн, Экзарх Болгарский. М., 1824, стр. 111; Кеппен П. И. Библиографические листы, № 13. Спб., 1825, стр. 174—175; Востоков А. Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. Спб., 1842, стр. 172; Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского. — Сборник статей, читанных в ОРЯС Акад. наук. Т. 5. Спб., 1873, стр. 66; Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2. Спб., 1882, стр. 136.

[8] Воспроизводится по указанной книге А. Х. Востокова, стр. 173. За сто двадцать лет со времени публикации этой записи А. Х. Востоковым она сильно стерлась. По записи — темные полосы, оставшиеся от употребления химического раствора для прочтения.

[9] Об истории приобретения рукописи Н. П. Румянцевым см.: Переписка А. Х. Востокова. Указ. сборник статей, стр. 173, 178, 182, 190, 416.

[10] Эти миниатюры упоминаются в следующих работах: Некрасов А. И. Возникновение московского искусства. М., 1929, стр. 177—178, рис. 80; Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 141, рис. 89—90; Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 48; Свирин А. Н. Древнерусская миниатюра. М., 1950, стр. 32.

[11] Описание или воспроизведение отдельных орнаментальных украшений этой рукописи дано в следующих трудах: Буслаев Ф. И. Русское искусство в оценке французского ученого. — Исторические очерки Ф. И. Буслаева по русскому орнаменту в рукописях. Пг., 1917, стр. 18—19, рис. 27—28; Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Спб., 1887, табл. LXII, №№ 9—26; Некрасов А. И. Очерки из истории славянского орнамента, 1913, стр. 46—50, табл. I, рис. 9—18; Лазарев В. Н. Указ. соч., табл. 37.

Согласно записи писца в конце Евангелия, рукопись была создана в Новгороде в 1270 г. [12]. Эта дата подтверждается данными палеографии [13].

Заказчиком Евангелия был Симон, инок новгородского великокняжеского Юрьева монастыря, расположенного напротив Городища. С 30-х годов XII в. Городище становится княжеской резиденцией, и Юрьев монастырь получает значение немаловажного политического и культурного центра, связанного с интересами княжеского двора.

Можно предположить, что по заказу того же Симона исполнена еще одна рукопись — Новгородская псалтирь кон. XIII в. [14], богатая, прекрасного письма книга, украшенная множеством миниатюр (127), заставок и инициалов. Едва ли простой чернец имел возможность оплатить два столь ценных манускрипта, один из которых (Псалтирь) относится к числу наиболее дорогих изделий писцового и художественного ремесла. По-видимому, заказчиком их был человек, в миру богатый и влиятельный [15].

Интересно упоминание писца Георгия о себе самом. Он был сыном попа Лотыша, служившего в одной из церквей на Городище. Соборы Городища были сооружениями княжескими и в XIII в.,

---

[12] Дата окончания работы над евангелием, 24 марта 1270 г., может вызвать сомнение, так как цифра 7 (в десятках) подтерта и подправлена позднее. Проверить ее помогает указание писца на бывшее в тот же день солнечное затмение, которое подтверждается астрономическими расчетами. Следовательно, поздняя поправка повторяет древнюю цифру. Новгородская I летопись упоминает об этом затмении под 6779 (а не 6778) годом (см.: ПСРЛ. Т. 3. Спб., 1841, стр. 62). Разница может быть объяснена тем, что в летописи — мартовское летосчисление, а в рукописи — сентябрьское. См. указания по этому поводу Ф. И. Круга, приведенные в «Библиографических листах» П. И. Кеппена, № 13. Спб., 1825, стр. 174—179. См. также: Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2. Спб., 1882, стр. 136; Святский Д. Астрономические явления в русских летописях. Пг., 1915, стр. 35.

[13] Полное описание рукописи составлено А. Х. Востоковым (указ. соч., стр. 172—173). Краткие сведения палеографического характера об этой рукописи имеются в следующих трудах: Кеппен П. И. Указ. соч., стр. 119, 173; Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Приложение к т. XI «Записок имп. Академии наук», № 2. Спб., 1867, стр. 40; Пылаев П. Описание пергаменного евангелия, хранящегося при Киевской Духовной академии. — «Труды Киевской Духовной академии». Киев, 1876, дек., стр. 42; Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. — «Труды Государственного исторического музея. Памятники культуры». Вып. VIII. М., 1952, стр. 8.

[14] ГИМ. Собрание А. И. Хлудова, № 3. Отождествление заказчиков Евангелия 1270 г. и Псалтири из собрания Хлудова подтверждается: новгородским происхождением обеих рукописей, приблизительной одновременностью их создания, упоминанием в записи писца Псалтири заказчика духовного звания Симона и изображением в обеих рукописях святого, соименного заказчику. Почерк и художественное оформление этих рукописей не имеют ничего общего: исполнители заказов были, безусловно, разные. Миниатюры Евангелия 1270 г. не выпадают из стиля местного искусства. Миниатюры Хлудовской псалтири, писанные в манере живописной и плотной, обнаруживают стилистическую близость к миниатюрам тверской Хроники Георгия Амартола; и те и другие тяготеют к южнорусским образцам, представляя собой ассимиляцию их северным русским искусством.

[15] В Новгородской I летописи под 6776 (1267-68) годом упоминается «Муж добр из Новгорода Семьюн», принимавший в Новгороде немецких, рижских, юрьевских и др. послов (ПСРЛ Т. 3, стр. 59). Не он ли постригся, приняв имя Симона? Правда, сведений о его пострижении, как и иных упоминаний новгородца, с именем которого можно было бы отождествить имя заказчика, нам обнаружить не удалось.

очевидно, хранили книги, оставшиеся от сравнительно недавнего периода могущества княжеского двора и грекофильских вкусов в искусстве. Из этих роскошных рукописей известно Мстиславово евангелие, написанное по повелению князя Мстислава для Благовещенской церкви на Городище. Писец Евангелия 1270 г., живший на Городище, видел подобные книги и мог воспринять традиции их пышного и эффектного оформления.

Краткие сообщения писца о владельце и исполнителе рукописи 1270 г. раскрывают ее происхождение, связывая его с аристократическими кругами города.

Действительно, отдельные особенности художественного строя Евангелия Лотыша [16], крупного, богато украшенного множеством затейливых инициалов, близких живописно отточенным образцам в более ранних дорогих манускриптах [17], свидетельствуют о преемственности качественной художественной традиции, культивировавшейся ранее княжеским двором.

Но не эти черты определяют облик рукописи, в целом отмеченный печатью опрощения. Пергамен ее невысокого качества: толстый и ломкий, с большим количеством изъянов и частой штопкой; встречаются листы разнотипной выделки [18]. Неряшливый почерк лишен строгой систематичности: буквы всюду выходят за пределы столбцов, чернила часто меняются, порой расплываются, в манере письма нет единства [19]. Запись на л. 40об. представляет собой простодушное сообщение писца о дрожании руки после хмельного пира. Она помещена прямо под евангельским текстом, внизу листа [20]. Ни в живописи, ни в тексте не употреблено золото. При позднейшем переплете тетради книги были обрезаны по всем трем краям, что сократило величину полей и обезобразило пропорции листа. Но и в первоначальном виде поля рукописи, по-видимому, не были столь обширными, как в книгах византийских и киевских. Об этом говорят и размеры высоких столбцов текста, и узкое расстояние между столбцами, и малое поле внутреннего края листа, и общий стесненный принцип письма с незначительными промежутками между строками и отсутствием интервалов между текстом и заглавиями. Заглавия, писанные киноварными буквами, такой же величины, что и текст, разбивают страницу в местах, с точки зрения композиции листа случайных и разнообразных. Де-

---

[16] Рукопись известна в научной литературе под названиями «Симоновское Евангелие» (Некрасов А. И. Возникновение московского искусства, стр. 80; Лазарев В. Н. Указ. соч., стр. 48) и «Евангелие 1270 года» (Буслаев Ф. И. Указ. соч., стр. 18; Свирин А. Н. Указ. соч., стр. 32). Мы называем рукопись Евангелием Лотыша, считая название по имени писца более справедливым, чем по имени заказчика. Наряду с этим мы пользуемся принятым названием «Евангелие 1270 года».

[17] Евангелие XII—XIII вв. из собрания Н. П. Румянцева (ГБЛ, ф. 256, № 104).

[18] Лл. 26, 27, 139, 140 тонкие.

[19] Начертания букв на протяжении всей рукописи сходны; наблюдаются различия в почерке по степени тщательности и плотности письма. Видимо, рукопись писана либо одним писцом, не заботившимся о выдержанности стиля, либо группой учеников, подражавших почерку мастера.

[20] Запись см. выше. Попирѣныи — хмельной после пира. См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. Спб., 1902, стр. 1191. А. Х. Востоков, не видя в сочетании этих слов смысла, счел их пробой пера. См.: Востоков А. Х. Указ. соч., стр. 173.

кoративное слияние заглавных строк с текстом создает тяжеловесную переполненность страниц, далекую от архитектоники и размеренности греческих образцов.

В расположении орнамента среди текста — та же ассиметрия и перегруженность, что и в соотношениях текста, полей и интервалов. Большие пестрые инициалы, лежащие часто по два на одной странице и выступающие на киноварных фонах неровной формы, утяжеляют композицию листа. Заставка перед месяцесловом опущена вниз страницы, за ней следует только заглавие месяца, а самый текст сентябрьских праздников начинается с начала следующего столбца. В греческих и южнорусских рукописях, где украшение листов подчинено началу конструктивной закономерности, такое расположение было бы невозможно. Новгородского же мастера интересует прежде всего ковровое убранство страницы. Подобный прием оформления плоскости был характерен для новгородской стенописи кон. XII—XIII вв.[21]. Истоки его восходят к восточно-христианской живописи[22]. В искусстве фрески, связанной с большими плоскостями, он получил более полное претворение, чем в рукописях, и вылился в декоративную перенапряженность и преувеличенную массивность интерьеров. На малом пространстве пергаменного листа, где художественные мотивы занимают незначительную часть, этот прием выражен сдержаннее; знаменательно, однако, соприкосновение композиционных особенностей рукописного искусства XIII в. с архаическими традициями местной живописи.

Недорогой материал рукописи, бесхитростная откровенность ее исполнителя и тяжеловесная монументальность ее декора согласуются с принципами новгородского искусства — непосредственного, грубоватого, массового.

Значение городского посада выросло в энергичной политической жизни Новгорода кон. XII—XIII вв. (многочисленные войны, крупные победы над немцами и шведами, частые восстания низов, изгнание князя в 1270 г.), и навыки простонародного искусства определили художественную жизнь города. Они господствуют в стилистической манере даже тех произведений, которые создавались по заказу князя: стенопись в Спасо-Преображенском соборе на Нередице 1198 г. Евангелие Лотыша возникло почти столетием позже, в период полного возобладания в живописи Новгорода местного стиля. Но в камерном искусстве оформления рукописей традиции старой, более отшлифованной художественной манеры держались дольше, хотя и на них лег отпечаток декоративного огрубения. Весь облик Евангелия 1270 г., уже полностью согласный с принципами самобытной посадской культуры, свидетельствует о подчинении этой культуре некогда утонченных художественных запросов социальных верхов города.

Миниатюры рукописи с изображениями евангелистов исполнены в редком иконографическом изводе. Евангелисты стоят в трехчетвертном повороте, с полураскрытыми книгами в руках. За спиной их — ровные цветные фоны, завершающиеся подковообразны-

[21] Фрески Аркажей, Нередицы, Николы на Липне.
[22] Лазарев В. Н. Указ. соч., стр. 31.

ми арками. Типы их лиц следуют принятому канону: глубокий старец Иоанн, старик Матфей, средовек Лука и, наконец, средних лет, но самый молодой — Марк.

В византийском искусстве, в котором эллинистические традиции оживляли незыблемость христианских догм, евангелисты обычно изображались в разные и для каждого из них характерные моменты их деятельности. Греческим мастерам, видимо, импонировал индивидуальный и изменчивый характер этих мотивов.

Евангелисты рукописи Лотыша, представленные в размышлении, стоят в одинаковой недвижной позе. Ряд различий в контурах фигур не позволяет предположить использование одной прориси. Подобная однообразная ритмичность фигур, создающая моленные образы вне времени и пространства, была свойственна восточно-христианским образцам.

Тип стоящего евангелиста необычен для древнерусского искусства. Почти все дошедшие до нас лицевые евангелия XI — перв. пол. XIV вв., как и произведения монументальной живописи, представляют евангелистов сидящими перед аналоем [23]. Исключение составляют миниатюры Остромирова и Мстиславова евангелий, сочетающих тот и другой иконографический извод, и Федоровского евангелия из Ярославля нач. XIV в., где композиция стоящего евангелиста использована в сцене Иоанна с Прохором.

Мотив стоящей фигуры более лаконичен, чем фигуры сидящей. Характерно, что оба эти варианта ведут свое происхождение от разных истоков. Тип сидящего евангелиста возник как образ живописного искусства (своим прототипом он имеет портрет античного писателя, вдохновляемого музой) [24] и скорее всего именно искусства миниатюры, где он преобладает. В мозаики и фрески он перешел в X—XI вв. [25] и закрепил за собой такие поверхности стены, где было меньше всего возможностей развернуть монументальное изображение (паруса сводов). Тип стоящего евангелиста, часто на фоне арки, восходит, очевидно, к древним статуям [26], т. е. тоже к классическому прошлому, но наследование им скульптурных традиций утвердило в нем принципы обобщенности и пластики.

Вопросу о первоистоках иконографии евангелистов, в том числе возникновению их статуарного образа, посвящена немалая ли-

---

[23] Миниатюры в евангелиях: Милятином XI—XII вв., Добриловом 1164 г., Оршанском кон. XIII в., Ярославском Федоровском (вшитые миниатюры XIII в.), Галицко-Волынском XIII—XIV вв. из ГТГ, Румянцевском XIV в. (ГБЛ, ф. 256, № 113), Галичском 1357 г. (ГИМ, Син. 68), Хлудовском XIV в. (ГИМ, Хлуд. № 30); Оклады евангелий Симеона Гордого 1343 г. и Кошки 1392; Новгородские медные двери сер. XIV в. из собрания Н. П. Лихачева (ГРМ).

[24] Friend A. M. The Origins of the Types of Evangelist Portraits in Greeck Manuscripts. — „American Journal of Archeology". XXXI, 1927, N. 1, p. 96—98.

[25] Некрасов А. И. Возникновение московского искусства, стр. 161.

[26] Характерно, что одно из древнейших изображений стоящих евангелистов — скульптурное: рельефы кресла Максимиана VI в. в Равенне. См.: Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. Спб., 1900, стр. 101—116, рис. 24; Diehl, Charles. Manuel d'art byzantin, 1. Paris, 1925, рис. 148.

тература. Вульф [27] видит их в сирийских прототипах; Баумштарк [28] указывает на их сирийские или месопотамские корни; Фрэнд [29] ищет их генезис в Александрии.

Так или иначе, несомненно восточное, а не греческое происхождение этого образа. С востока он попал в Византию, но плохо прижился на ее почве. До IX в. он встречался лишь в отдельных памятниках [30], несколько более широкое применение получает с IX—X вв., но не пользуется такой популярностью, как тип сидящего евангелиста [31]. Кроме того, в византийском искусстве этот иконографический вариант со свойственной ему иератичностью восточного канона редко встречается в чистом виде. Чаще всего он либо смешивается с мотивами совсем иных композиций, оправдывающих его монументальный вертикализм, либо оживляется движением или повышенным эмоциональным состоянием образа. Первый вариант представлен композициями, где евангелисты стоят в ряду апостолов [32]. Ко второму варианту относятся, во-первых, изображения идущих евангелистов на миниатюрах ряда греческих рукописей X в. [33], во-вторых, изображения евангелистов в состоянии экстаза, объясняющего энергичную подвижность их жестов и поз. Последний сюжет обычно использовался в сцене евангелиста Иоанна с учеником его Прохором, известной в греческих миниатюрах IX—XI вв. [34] и широко распространенной в византийской живописи XIV в.; реже этот сюжет встречается в изображениях

---

[27] Wulff O. Altchristliche und byzantinische Kunst. II. Berlin-Neubabelsberg, S. 532—533.

[28] Baumstark A. Zum stehenden Autorenbild der Byzantinischen Buchmalerei. — Oriens Christianus, III. Leipzig, стр. 305—309. Baumstark A. Eine antike Bildkomposition in christlich-orientalicher Umdeutungen. — „Monatshefte für Kunstwissenschaft", 1915, S. 122.

[29] Friend A. Op. cit., p. 96—98.

[30] Кресло Максимиана VI в., Равенна; Ватиканский кодекс Космы Индикоплова (№ 699) VI—VII вв.; Евангелие VIII—IX вв., константинопольское, Афон, Лавра, cod. 23. См.: Кондаков Н. П. История византийского искусства. Одесса, 1876, стр. 86—100; Лазарев В. Н. История византийской живописи. Т. 1. М., 1947, стр. 58; Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts. Berlin, 1935, Tab. II, NN. 7, 8, 10; IV. N. 17; Ebersolt J. La miniature byzantine. Paris, 1926, Tab. XI.

[31] Wulff O. Op. cit. S. 532—533.

[32] Лимбургский эмалевый реликварий X в., мозаики в апсидах Софии Киевской XI в., Михайловского Златоверхого монастыря XI в., собора в Чефалу кон. XII в., в виме собора в Монреале посл. трети XII в. См. Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 103, табл. 37, 38, 45, 46; История византийской живописи. Т. I, табл. XXXIV; т. II, табл. 230; Dalton O. Byzantine art and archaeology. Oxford, 1911, p. 411, 522, рис. 241, 311; Diehl Ch. Palerme et Syracuse. Paris, 1907, p. 126, Tab. 101.

[33] Рукописи: Парижской национальной библиотеки № 70, Ватиканской библиотеки № 756, Венской библиотеки № 24. — Кондаков Н. П. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876, стр. 248—249; Weitzmann K. Op. cit., tab. XVI.

[34] Евангелия: X в.—ГБЛ, ф. 201, № 19; 1006 г., ГПБ, греч. № 67; XI в. из Патриаршей библиотеки в Иерусалиме и др. См.: «Записки Отдела рукописей» Вып. 18. М., 1956, стр. 55; Амфилохий, архим. О миниатюрах и украшениях в греческих рукописях. М., 1870, стр. 15, 19; Baumstark A. Eine antike Bildkomposition...,S. 113, 114. О подобной композиции в греческих рукописях IX в. см.: Некрасов А. И. Возникновение московского искусства, стр. 172.

остальных евангелистов [35]. Мотив вдохновения евангелистов скрывал в себе богатые композиционные возможности, что приводило иногда мастеров к вольной трактовке принятой иконографии и созданию образов евангелистов, согнувшихся или привставших с кресла в порыве озарения [36]. Так образовался промежуточный иконографический вариант между типом сидящего и стоящего евангелиста.

Итак, непопулярную в византийском искусстве иконографию стоящего евангелиста, застылого и отрешенного, греческие мастера и живописцы, следующие их традициям, изменили в сторону большей логической оправданности мотива. Архаический вариант этой иконографии бытовал в первоначальной своей редакции в восточно-христианском искусстве [37]. Эта редакция обнаруживается и в миниатюрах новгородского Евангелия Лотыша. Среди сохранившихся памятников древнерусского искусства они представляют собой единственный случай использования этого иконографического извода. Редкость мотива вряд ли следует считать закономерностью, особенно для Новгорода кон. XII—XIII вв. Возможно, чистая случайность не оставила от этого периода евангелий с миниатюрами подобного типа: среди известных новгородских рукописей XIII в., кроме рукописи Лотыша, имеется еще только одно евангелие, украшенное миниатюрой, — Евангелие Максима Тошинича сер. XIII в. [38], но и на его миниатюре представлен не евангелист, а святые Пантелеймон и Екатерина, соименные заказчикам книги. Миниатюры других новгородских рукописей XIII в. изображают фронтальные фигуры святых во весь рост: Иоанн Златоуст в Соловецком служебнике [39], святители перед Христом в Ува-

---

[35] Например, миниатюры Нового Завета (греч.) XII—XIII вв.—ГИМ, Синод., № 407; Амфилохий, архим. Сборник изображений греческих и славянских рукописей. М., 1885, л. 11.

[36] Миниатюры Остромирова и Мстиславова евангелий.

[37] Сирийское евангелие Рабулы 586 г.; Евангелие X в. (?) малоазиатской группы, Афон, Лавра, cod. 86.; евангелие малоазиатской группы (ранние(?) миниатюры вшиты в рукопись XII в.), Балтимор, собр. Гаррета; миниатюры кипрской группы, вшитые в евангелие XII в., Афон, монастырь Дионисиата, cod. 2; евангелие втор. пол. X — нач. XI вв. египетско-палестинской группы. Париж, Национальная библиотека, cod. Gr. 68. Кондаков Н. П. История византийского искусства..., стр. 70—83; Лазарев В. Н. История византийской живописи. Т. I, стр. 47; Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. Спб., 1902, стр. 282; Gerstinger H. Die griechische Buchmalerei. Wien, 1926. Textband, tab. 12; Weitzmann K. Op. cit., tab. LII, LIII, LXIII, LXX, LXXIX.

[38] ГПБ, Соф., № 1. Наиболее распространенное название рукописи — «Пантелеймоново евангелие». Мы пользуемся названием «Евангелие Тошинича» (принято в трудах А. И. Некрасова и В. Н. Лазарева), чтобы не путать эту рукопись с Пантелеймоновым евангелием 1317 г. (БАН, № 34. 5. 22, основ. 850). Мнения ученых о датировке Евангелия Тошинича различны: А. И. Соболевский (Лекции по истории русского языка. М., 1903, стр. 13), А. Н. Свирин (Древнерусская миниатюра, стр. 32) и Е. Э. Граностром (Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л. 1953, стр. 21) относят Евангелие к XII—XIII вв.; А. И. Некрасов (Древнерусское изобразительное искусство, стр. 140) — к нач. XIII в.; И. И. Срезневский (Древние памятники..., стр. 117—118), В. В. Стасов (указ. соч., стр. 21) и Е. Ф. Карский (Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 300) — ок. 1250 г.; В. Н. Лазарев (Искусство Новгорода, стр. 48)— к XIII в. Мы относим миниатюру рукописи приблизительно к сер. XIII в.

[39] ГПБ, Солов., № 1017.

ровской кормчей [40]. Этот же композиционный принцип характерен для новгородских икон кон. XII—XIII вв.: фигуры на полях иконы «Николай Чудотворец» XII—XIII вв., иконы «Иоанн, Георгий и Власий» и Царские врата из с. Кривого втор. пол. XIII в. Преобладанием отдельных фронтальных фигур над многофигурными сценами отличаются и некоторые новгородские фрески последней трети XII в., в которых складываются черты местной школы письма (Старая Ладога). По-видимому, именно однофигурная композиция раньше всего восприняла отличительные черты новгородской живописи, сумев выразить такие ее особенности, как предельная обобщенность, контурная обрисовка и т. д. Поэтому новгородская живопись должна была охотно использовать восточный иконографический извод изображений евангелистов. Принцип иконографии совпал с существенными чертами стиля.

Оформление фона в миниатюрах Евангелия Лотыша также следует восточным принципам. Фон представляет собой однообразную красочную плоскость, завершенную аркой. Поверхность арки, сплошь застланная орнаментом из тонких спиралей [41], в свою очередь уподобляется ковру, нерасчлененная текучесть которого вторит характеру фона. В произведениях восточно-христианского искусства фон также превращается в непрерывную ковровую стену, гладь которой подчеркивает массивную материальность и иератичную возвеличенность фигур. В византийской живописи с изсбражением евангелистов и во всем круге памятников с этим сюжетом, близких греческой традиции, фон обычно заполнен архитектурными кулисами, создающими условную пространственность и разреженность композиции. Миниатюры почти всех русских евангелий XI—XIV вв. следуют последнему декоративному принципу [42].

Единственные изображения евангелистов на русской почве, использующие восточную редакцию задних планов композиции, — миниатюры Евангелия 1270 г. Подковообразные арки их фонов также восходят к восточным образцам. Особенности восточной иконографии задних кулис в сцене с евангелистами были удобны для новгородской живописи, неотъемлемой чертой самобытного стиля которой стали плоскостность и звучная цветность фонов.

---

[40] ГИМ, собрание А. С. Уварова, № 124(554).

[41] Этот орнамент характерен для русского, особенно новгородского искусства XII—XIII вв. Он украшает стены многих соборов (Николо-Дворищенского в Новгороде, в Старой Ладоге, на Нередице и др.) и большинство миниатюр этого времени. Н. П. Сычев считает его стилизованной виноградной лозой. См.: Сычев Н. П. Забытые фрагменты новгородских фресок XII в. — «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества». Т. XII. Пг., 1918, стр. 117; Денике Б. П. Миниатюры рукописей Соловецкой библиотеки. — «Казанский библиофил» (Казань), 1921, № 2, стр. 28.

[42] Евангелия: XII в. — Добрилово; XIII в. — Оршанское (Киев), Галицко-Волынское из ГТГ, Ярославское из Спасо-Преображенского собора, вшитые миниатюры в Ярославском Федоровском евангелии; XIV в. — ГИМ, Хлуд. № 30, ГБЛ, ф. 256. № 113. Исключения представляют собой Остромирово и Мстиславово евангелия, где в миниатюрах использован тот и другой принцип изображения фона и Милятино евангелие, в миниатюре которого фон пейзажный, также восходящий к греческой традиции.

Восточная иконография миниатюр в Евангелии Лотыша не была случайной для Новгорода. Памятники Новгородской живописи XII в. свидетельствуют о длительной традиции обращения к восточно-христианским образцам [43]. В особенности это было свойственно первой стадии сложения местного новгородского стиля, когда в нем преобладали архаические элементы письма. Использование восточной иконографии в миниатюрах XIII в. согласуется с рядом архаизмов их живописного строя, долго державшихся в искусстве оформления рукописей.

Необычностью иконографической схемы отличается миниатюра Евангелия Лотыша с изображением Иоанна. Фигура его, подобно фигурам остальных евангелистов, помещена в центре композиции и обращена слева направо. Слева от Иоанна, за его спиной, стоит маленькая, по пояс Иоанну, фигурка с надписью «Симън». Центричность сцены не нарушена, евангелист возвышается в ее середине, а потому Симон втиснут в узкий левый угол, под основание низко опущенной арки. Видимо, фигурка Симона не входила в первоначальный замысел мастера и была приписана чуть позже завершения основной композиции, но, безусловно, тем же мастером [44].

Евангелиста Иоанна часто изображали с учеником его Прохором, вместо которого в нашем евангелии мастер и написал Симона. Иконография сцены Иоанна с Прохором [45] предполагает, что ученик сидит и пишет, а евангелист, обращенный к небу, прислушивается к голосу свыше. В Евангелии 1270 г. изображение Иоанна, как мы видели, восходит к восточной редакции неподвижной стоящей фигуры. Симон представлен в позе фронтальной и столь же застыло стоящей. Иконография статуарного Иоанна смешана с иконографическим мотивом Иоанна с Прохором. К последнему из них мастер обращается, возможно, для того, чтобы поместить фигуру святого, соименного заказчику рукописи. Подобный же случай изображения евангелиста Иоанна с заказчиком вместо Прохора известен в болгарском Добрейшевом четвероевангелии XIII в. [46].

---

[43] Фрески 1108 г. в простенках окон барабана св. Софии, фрески Нередицы (см. подробнее: Мясоедов В. В. Фрески Спасо-Нередицы. Л., 1925, стр. 17; Лазарев В. Н. Искусство Новгорода, стр. 31, 34, 35), фрески Старой Ладоги (отдельные черты, восходящие к восточной иконографии: композиция «Вознесение» в куполе, детали композиции «Крещение»).

[44] В иконе Новгородской школы «Св. Николай и св. Филипп», исполненной ок. сер. XIV в. (ГТГ, Др. 71), — подобное же сочетание высокой фигуры (св. Николай), занимающей центр композиции, и маленькой (св. Филипп), приписанной сбоку, под полукруглым срезом доски. Если, как считает Н. Е. Мнева (мнение об этой иконе высказано ею в устной беседе), эти изображения являются завершенной композицией, а не вырезом из большой доски с рядом икон (фигуры в самостоятельных рамах), то они представляют интересную аналогию к миниатюре с изображением Иоанна с Симоном из Евангелия Лотыша. По мнению Н. Е. Мневой, маленькая фигурка Филиппа, возможно, является изображением патрона заказчика.

[45] Иконография этой сцены изучена Баумштарком. См.: Baumstark A. Eine Gruppe illustrierter Armenischer Evangelienbücher des XVII und XVIII. Jahrhunderts in Jerusalem. — „Monatshefte für Kunstwissenschaft", IV, 1911, S. 252; Idem. Eine antike Bildkomposition... S. 111—123.

[46] Цонев Б. Добрейшово четвероевангелие. — Български старини. Кн. I. София, 1906, табл. V.

В миниатюрах столичных византийских рукописей нередки изображения императора и его семьи. Портрет князя был, видимо, популярен и в южнорусском искусстве XI в., знакомом с константинопольскими произведениями и их болгарскими повторениями: например, миниатюры Изборника Святослава 1073 г., Кодекса Гертруды 1078—1087 гг., фрески Софии Киевской. К этой же иконографической традиции примыкает выходная миниатюра тверской Хроники Георгия Амартола кон. XIII в. (князь Михаил и мать его Ксения в Сионе перед Христом), текст которой был списан с южнорусского оригинала [47].

Для западноевропейского искусства, менее отточенного, но более демократичного, чем византийское, особенно для его миниатюры, характерно присутствие в произведении изображения заказчика — частного лица. В лицевой латинской псалтири, например, изображение заказчика было обязательным [48].

Эта традиция западного искусства была, видимо, знакома и славянским рукописям. Иногда в их миниатюрах, как и в западных, пишется сам заказчик [49], но чаще всего — его патрон [50]. Миниатюры с изображением святого, соименного заказчику, почти все новгородского происхождения. Исключением является Ярославское евангелие, но в нем иконография миниатюры с изображением заказчика более традиционна, так как имя заказчика (епископ ростовский Прохор) [51] совпадает с именем ученика Иоанна — Прохора, и патрон заказчика представлен в сцене Иоанна с Прохором.

Как видно, Новгород был знаком с произведениями западноевропейской живописи, и некоторые ее черты прижились на его почве. Одна из них — изображение заказчика, — видимо, вошла в круг своеобразных местных художественных тем, несколько приблизившись к византийской традиции (изображение не заказчика, а соименного ему святого). Характерна ассимиляция ее Новгородом в XIII в., когда произведения искусства становятся более дешевыми и доступными для частных лиц.

Итак, иконография миниатюр новгородского Евангелия 1270 г. восходит к разным истокам: в основных своих чертах — к восточно-христианским, в некоторых деталях — к западным. Характерные черты новгородской живописной школы проявили себя прежде всего в стилистических приемах, а не в иконографии, зависевшей от традиционных образцов в гораздо большей мере, чем

---

[47] Айналов Д. В. Миниатюры древнейших русских рукописей в музее Троице-Сергиевой Лавры. — Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности за 1917—1923 гг. Л., 1925, стр. 14—15, 27—33. Его же. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола. — «Труды ОДРЛ», т. III, 1935, стр. 14—15.

[48] Успенский А. И. Очерки по истории русского искусства. Т. I. М., 1910, стр. 215.

[49] Болгарское Добрейшово четвероевангелие XIII в.

[50] Миниатюры в Евангелии Тошинича сер. XIII в. (Русские древности. Под ред. Прохорова В. Вып. 4. Спб., 1871, табл. 4), Евангелии 1270 г., Хлудовской псалтири кон. XIII в. (Амфилохий, архим. О славянской псалтири библиотеки А. И. Хлудова.—«Труды Московского археологического общества», т. III, вып. I, стр. 1—28), Федоровском евангелии из Ярославля нач. XIV в. (Некрасов А. И. Указ. соч., стр. 107—211, рис. 72).

[51] Некрасов А. И. Указ. соч., стр. 182—183.

живописный метод. Появление специфически новгородской иконографии падает на более поздний период отстоявшегося художественного стиля, на XIV—XV вв.[52]. Мастер миниатюр новгородского Евангелия XIII в. пользовался иконографией еще архаической и пришлой. Но характерно его свободное обращение к различным иконографическим изводам, их неожиданное, отнюдь не каноническое сочетание и использование тех черт, которые полнее всего могли бы воплотить стилистические требования развивающегося местного искусства. Знаменательна также склонность мастера к традициям именно восточно-христианского и западного искусства — самым плебейским в средневековье.

Из четырех миниатюр Евангелия Лотыша лишь три уцелели достаточно хорошо для того, чтобы анализировать приемы письма: изображение Матфея с хорошо сохранившейся головой и фигурой и с небольшими изъянами красочного слоя в фоне и поземе от капель воска, Луки с незначительными потерями краски в волосах, одежде и поземе, Марка, дошедшее в худшем состоянии, чем два предыдущих, так как утрачена бóльшая часть живописи лица, крупные осыпи краски в одежде и фоне, испещренном каплями воска, по позему — полосы, оставшиеся от применения в XIX в. химического раствора. Погибшей в отношении живописи приходится признать выходную миниатюру (Иоанн с Симоном). Краски ее настолько сильно осыпались, что лист «реставрировали», видимо, в XIX в., грубо испортив остатки древнего слоя [53]. Жирными черными полосами, неряшливо обозначенными кистью, были обведены контуры; малые куски древнего киноварного фона и синего фасада арки замазаны новым красочным слоем, покрывающим теперь всю поверхность изображения за исключением нескольких изъянов, не тронутых, видимо, для сохранения вида старины. Лики Иоанна и Симона тоже крыты поздним слоем, но голова Иоанна, к счастью, не прописана вновь по контурам, и под прозрачным новым слоем обнаруживается первоначальная линейная разделка лика охряными движками. Но в основном миниатюра эта дает больше материала для изучения иконографии, чем стиля новгородской живописи.

Надписи над изображениями евангелистов традиционные, греческие, переданные русскими буквами. В надписи на выходном листе «О АГИОС IO<АНН> о ѲЄОЛЪГО» последнее слово не соответствует греческому «феологос»: буква «о» заменена русским «ъ», в конце опущено «с». Очевидно, надпись сделана русским, механически переписавшим греческое слово.

Безусловная принадлежность миниатюр русскому мастеру подтверждается также всем их стилистическим строем, отмеченным характерными чертами новгородской школы.

Манера исполнения ликов евангелистов архаичнее, чем приемы живописи их одеяний и интерьеров. Она близка художественному языку новгородской фрески последней трети XII в., между тем

---

[52] Лазарев В. Н. Живопись и скульптура Новгорода. — История русского искусства. Т. II. М., 1954, стр. 232 и далее.

[53] А. И. Некрасов, видимо, не обратив внимания на позднюю правку миниатюры, счел ее за примитивную древнюю работу. Некрасов А. И. Возникновение московского искусства, стр. 178.

как письмо фигур и интерьеров не выпадает из круга новгородских икон XIII в. Вероятно, в этом сказалось соприкосновение с традициями восточно-христианского искусства, в образах которого голова, огромная на короткой фигуре, и лик, напряженный и застылый, несут основную психологическую выразительность типа. Поэтому самостоятельность миниатюриста и его овладение новгородским художественным языком активнее проявились в фигурах и внешних атрибутах изображения.

Стиль миниатюр в целом определяется как раз этими чертами самобытного новгородского письма. Главной, подчеркнуто выделенной среди них является тонкая графичная линия, пронизывающая всю поверхность формы сплошной сетью длинных вертикальных штрихов. Именно линия впоследствии сделается основным компонентом стиля развитой новгородской живописи.

По-разному использует мастер линию в письме ликов и одежд. Черты лица Иоанна обозначены коричневыми штрихами. Сухие и четкие, они кажутся разложенными по плоскости. И хотя лик испорчен поздним цветовым покровом, привнесшим в него неестественный зеленоватый оттенок, по характеру движек ясно, что лепка формы достигалась не медленным перетеканием полутонов [54] и не резкими и неожиданными высветлениями с помощью белильных пятен [55], а чисто графической разделкой. Эта особенность художественной манеры в миниатюре Евангелия Лотыша обнаруживает необычайную близость подобному же приему во фресках перв. пол. XII в. Георгиевского собора Юрьева монастыря (фигуры святителей и Одигитрии в барабане лестничной башни), где такие же штрихи темных охр оформляют объем.

Сходное оформление объема цветными линиями встречается в миниатюре XI—XII вв. из Милятина евангелия (красные света и синие пробела). По-видимому, они были частью новгородского почерка на самом раннем его этапе (XI — перв. пол. XII вв.), когда местная манера письма выявлялась рядом с превалирующими «привозными» стилями. Эти цветные движки были переходной ступенью от живописной плотности письма раннего этапа новгородского искусства [56] к декоративной стилизации художественных элементов, отличающих новгородский почерк втор. пол. XII в. Так, во фресках Георгиевского собора Юрьева монастыря традиционная массивность форм сочетается уже с элементами орнаментализации. Коричнево-красные штрихи еще органично вырастают из

---

[54] Манера письма, восходящая к живописи Киева, а через него — Константинополя. В Новгороде бытовала в XII в. и почти сошла на нет к XIII в. В XII в.: фреска из Николо-Дворищенского собора, иконы «Спас Нерукотворный» и «Устюжское Благовещение» из ГТГ, «Ангел» из ГРМ; иконы: «Николай Чудотворец» XII—XIII вв. и «Успение» нач. XIII в. из ГТГ. См.: Лазарев В. Н. Искусство Новгорода, стр. 38—44.

[55] Фрески Нередицы; иконы XII в.: оборот «Спаса Нерукотворного», «Знамение».

[56] Фрески перв. пол. XII в.: в барабане купола Софии, в Николо-Дворищенском соборе, в соборе Антониева монастыря; иконы перечислены в сноске 54. Стиль этих памятников, особенно фресок, восходит к разным истокам (см.: Лазарев В. Н. Искусство Новгорода, стр. 22—26), но для всех них характерна плотность письма, массивность и объемность формы. Это были традиции Киева, Византии и византийских провинций, привнесенные в Новгород извне и инородные для него.

общего глухого и сдержанного колорита, являясь как бы его естественными тенями. Но своей формой, тонкой и жесткой, они предсказывают контрастность пробелов, распластывающих объем и слагающихся в самостоятельные декоративные узоры. Плоскостность становится все более свойственной новгородскому искусству. Процесс этот начался уже во втор. пол. XII в. Ранней его стадией было по существу плоскостное изображение объема с помощью пробелов, сменяющее пластичную лепку [57]. Первым шагом в сложении белильных светов, отмечающих новгородскую живопись втор. пол. XII в., были цветные движки, не отделившиеся еще контрастно от основного тона.

Не случайным было обращение автора миниатюры Евангелия 1270 г. именно к этому архаическому приему. Во-первых, мастер, должно быть, был хорошо знаком с фресками Георгиевского собора, так как заказчиком рукописи был инок Юрьева монастыря. Во-вторых, в миниатюре вообще почти не применялись энергичные, рассчитанные на более крупные масштабы, пробела. В-третьих, цветная (хотя и темная) окраска движек усиливает пеструю красочность, свойственную миниатюре в большей мере, чем иконе и тем более фреске.

Иначе использована линия в одеяниях евангелистов, где она обретает декоративную самостоятельность. Кажется, что именно здесь мастер получает свободу: он любуется текучестью линий, их ритмом, испещряет поверхность густой сетью штрихов. В письме его нигде нет мазков, структура которых характерна для пробелов и светов новгородского стиля последн. трети XII в., в которых линейность уже акцентирована, но сама еще близка живописным приёмам, как, например, во фресках Нередицы или обороте иконы «Спас Нерукотворный». Эта же живописная архаизация штриха — и в ряде новгородских икон кон. XII—XIII вв.: фигуры на полях иконы «Николай Чудотворец» из ГТГ, «Иоанн, Георгий и Власий» из ГРМ, «Спас на престоле» из ГТГ. Уже чисто графическое начало выявлено в некоторых иконах XIII в.: «Никола» из Свято-Духова монастыря, Царские врата из с. Кривого, «Никола» Алексы Петрова, но ни в одном новгородском памятнике XIII в. не встречается такого полного преобладания линии и совершенного владения ею, как в миниатюрах Евангелия Лотыша.

Пробела в миниатюрах Евангелия 1270 г. не имеют утолщений и утоньшений, склонных к массивности и размашистой сочности формы. Всегда вертикальные, длинные, опущенные вдоль всей одежды и почти одинаково тонкие, они окончательно утеряли характер бликов и превратились в белые линии-паутинки. Рядом с ними одежды расчерчивают тончайшие черные штрихи, столь же длинные и невесомые, как и пробела. Чаще всего они чередуются параллельными вертикалями, но иногда пересекаются или накладываются друг на друга. В результате на поверхности одеяний нет и сантиметра, не затронутого частыми линиями, благодаря чему форма оказывается распластанной и предельно облегченной. Чередование пробелов с черной штриховкой и возможность замены одного другим знаменует такое полное преобладание линейного

[57] Живопись Аркажей, Старой Ладоги, частично Нередицы.

начала, тенденция к которому была свойственна самостоятельному новгородскому стилю, но не получила ни в одном памятнике столь яркого выражения, как в Евангелии Лотыша.

Черная штриховка: обводка контура и росчерки по поверхности формы — была почти незнакома иконописи, не говоря о фреске. Она использована только в иконах «Иоанн, Георгий и Власий» и Царские врата из с. Кривого, но в значительно меньшей мере, чем в Евангелии 1270 г. По-видимому, такой прием был одним из специфических свойств миниатюры [58], малые формы которой, во-первых, требовали тщательной проработки и не терпели крупных, однообразно обобщенных кусков живописи и, во-вторых, допускали усиленную графичность почерка. Черная штриховка настолько акцентирована в миниатюрах Евангелия Лотыша, что вначале может быть принята за правку XVI в., особенно в изображениях Матфея и Марка. Белильные линии, положенные часто поверх черных, доказывают безусловную современность последних всему живописному строю. Кроме того, эти черные линии особенно утрированно выступают на светлом фоне одежд Матфея и Марка; на густо-зеленой поверхности плаща Луки более четко выделяется белильная шраффировка. Между тем характер белых и черных штрихов и частота их во всех миниатюрах идентичны.

В новгородской иконописи XIII в. линия значительно опрощается. Многочисленность острых угловатых сплетений постепенно сменяется цельным округлым силуэтом, очерчивающим крупные декоративные пятна. Окончательное выявление роли плавного параболического контура станет характерным для сложившегося стиля новгородской живописи. Начинается же этот процесс в последн. трети XII—XIII вв., где скупой, четкий силуэт уже доминирует, но сочетается еще с линейной разделкой формы [59]. В миниатюрах Евангелия Лотыша значение контура минимально. В них черная обводка фигуры по контуру теряется, так как она — одна из многих графичных линий, параллельных ей и почти столь же вытянутых и долгих. Кроме того, частая шраффировка одежд не оставляет целостного цветового пятна, требующего подчеркнутой контурной обрисовки.

В развитии линейных элементов новгородского стиля художественная манера этих миниатюр представляет собой переход от частой сети пробелов, орнаментально разложенных по плоской форме (например, фрески Аркажей, Старой Ладоги), к единому силуэтному очерку фигуры (иконы XIII в.). В иконописи этот переход выражен менее постепенно; его чисто графический почерк, превращающий мазок в штрих, не свойственен иконе, тяготеющей прежде всего к звучности колорита. Значительный в сравнении с миниатюрой размер иконы позволял сопоставлять крупные декоративные плоскости, отчеканенные контуром.

---

[58] В других новгородских миниатюрах XIII в. подобная же черная штриховка.

[59] Стенопись XII века: фигуры в арках на южной стене Георгиевского собора в Старой Ладоге; иконы XIII в.: «Иоанн, Георгий и Власий», «Спас на престоле», Царские врата из с. Кривого, «Никола» из Свято-Духова монастыря, «Никола» Алексы Петрова.

Подобная же линейная штриховка встречается почти во всех новгородских миниатюрах XIII в., но нигде она не доведена до такого совершенного изящества, как в живописи Евангелия 1270 г. Видимо, в ней сказались традиции аристократического грекофильского искусства, излюбленного в среде, из которой вышла эта рукопись [60]. Навыки изысканного мастерства былого придворного искусства оттачивают черты стиля местной живописи.

Миниатюры Евангелия Лотыша исполнены в технике темперы. Краска тонким слоем, без всякой грунтовки, наложена прямо на пергамен.

Миниатюры новгородских рукописей примерно до последней трети XIII в. (?) обычно писались по грунтовой прокладке. В сравнении с тонкими листами книги слой грунта был довольно значителен [61]. Ломкий, грубоватый новгородский пергамен, имеющий желтый оттенок, требовал основательной грунтовки белилами [62]. Белила часто добавлялись и в краски, чтобы высветлить их довольно тусклые тона [63] (местные краски XII—XIII вв. в основном охры разных оттенков; единственная яркая краска, которая широко употреблялась с XIII в., — киноварь; голубец представлял собой исключение: он встречается только во фресках соборов Старой Ладоги и Николы на Липне, в миниатюрах Евангелия Тошинича и Соловецкого служебника и в орнаменте, но в основном с XIV в.). Все это создавало тяжеловесность красочного слоя и сумрачную замутненность цвета. Миниатюры группы рукописей последн. трети XIII в. писаны непосредственно по пергамену [64]. Стал ли закономерностью с этого времени такой технический прием, сказать трудно из-за малого числа ранних иллюстрированных рукописей, но он безусловно связан с развитием стиля новгородской живописи. Ровная гладь краски стелилась по однообразной поверхности, подчеркивая ее плоскостность. Для новгородской миниатюры процесс этот был глубоко органичен, так как она всегда ориентировалась на монументальную живопись, связанную с крупными стенными плоскостями и тяготеющую к распластыванию формы, в отличие от киевской книжной иллюстрации, родственной искусству эмали.

В новгородских иконах XIII в. высветление палитры происходило несколько медленнее, чем в миниатюре. Звучность колорита в них достигалась в основном за счет горения киновари. В украшение рукописей раньше вошли лимонно-желтая охра и голубец. Из новгородских икон XIII в. лишь только «Никола» 1294 г. (работы Алексы Петрова) с его очищенными радостными тонами может сравниться с красочностью новгородских миниатюр втор. пол. XIII в. Среди них с наибольшим мастерством калористические осо-

---

[60] Из Юрьева монастыря происходит ряд икон XII в., связанных с грекофильской струей новгородской живописи. См.: Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. стр. 42—43.

[61] Евангелия Милятино и Тошинича, Захарьевский пролог 1262 г. (ГИМ, собрание А. И. Хлудова, № 187).

[62] Щепкин В. Н. Новгородская школа иконописи по данным миниатюры.— «Труды XI археологического съезда в Киеве» 1899 г. Т. II. М., 1902, стр. 191.

[63] Щепкин В. Н. Миниатюра в русском искусстве дотатарского периода.— «Slavia», R. VI, № 4, 1928, стр. 750.

[64] Евангелие Лотыша, Соловецкий служебник, Уваровская кормчая.

бенности новгородской живописи выявлены в миниатюрах Евангелия Лотыша, где черты слагающегося местного стиля проявились в цветовом решении с неменьшей последовательностью, чем в использовании линии.

Краски, отобранные для миниатюр этой рукописи, немногочисленны, но контрастны и смело сопоставлены. Это — киноварь, светло-желтая охра, розовая, глухая и яркая зеленая. Немногословная интенсивность цвета достигается основным сочетанием красного и зеленого, чередующихся широкими плоскостями. Если фон миниатюр зеленый, то арки крыты киноварью (изображение Матфея и Марка), и наоборот (изображение Луки и Иоанна). Желтыми пятнами выступают большие нимбы и рамы миниатюр. Одеяния евангелистов, стоящих перед зеленым фоном, расцвечены в желтый и красный тона: одежды Матфея — в светло-желтый и киноварь, Марка — в розовый и светло-желтый. Особенно энергичной насыщенностью цвета отличается миниатюра с изображением Луки, возвышающегося на киноварном фоне (идентичное по цвету изображение Иоанна испорчено записью). Евангелист облачен в зеленый гиматий, длинное густое пятно которого резко прорезает красный фон и почти вливается сверху и снизу в зеленые горизонтали арки и позема. Лишь светлая желтизна нимба разрежает это напряженное единоборство двух цветов, каждый из которых доведен до предельной активности.

Ни в одном другом памятнике новгородской живописи нет такого обилия зеленого цвета, характерного скорее для Пскова. Зеленый цвет нередко встречается в новгородских иконах, но как цвет дополнительный, а не основной. Возможно, преобладание его в миниатюрах Евангелия 1270 г. было эпизодом случайным, привнесенным обычаями болгарского книжного искусства, где то же сочетание красного, зеленого и желтого цветов было традиционным — в орнаменте Евангелия Лотыша также прослеживаются болгаризмы. Но, возможно, что раскраска этих миниатюр восстанавливает утерянное звено в колорите новгородской живописи.

Эти неожиданные в своей резкости цветовые акценты сопоставлены крупными редкими плоскостями и поэтому лишены восточной пестроты. Яркость цветового звучания этих миниатюр носит уже чисто новгородский характер, полно определившийся в XIV—XV вв. Ковровая плоскостность цветовых пятен особенно отчетливо проступает в фонах и одеждах. По фону, вдоль контуров арок, стелется цветовая полоса того же тона, что и фон, но более темная. Она опускается вдоль обрамления до конца миниатюр, служа опорами для арок, так как арки не имеют колонн (полоса хорошо сохранилась в избражении Луки, хуже — у Матфея и Марка). Таким образом, форма выявляется методом плоскостной декоративности цвета. Тот же принцип — в попытке моделировать одежды, показав на их поверхности светотень (особенно у Матфея). Сама же эта светотень слагается из простых сопоставлений разноцветных плоскостей. Правда, среди них есть градация более темных и более высветленных, но каждая из них представляет собой ровную, единообразную по цвету поверхность без какой бы то ни было плавной постепенности перехода между ними (по светло-

желтой охре плаща Матфея положены киноварные и розовые полосы).

Лики евангелистов исполнены в более архаических традициях, чем одежды и интерьеры. Они близки образам новгородской фрески последн. трети XII в. (особенно Лука, необычайно сходный с типами Нередицы), писанным с живописной сочностью. Но достигается это совсем иными, новыми средствами плоскостного сопоставления цветовых пятен. Пластика лика Луки, его рельефные неровности создаются резким сочетанием ярких киноварных (румяна, рот) и темно-коричневых пятен (тени под бровями, глазами, на подбородке), чередующихся без какой бы то ни было сплавленности [65]. Хотя миниатюрные удары белильных движек по традиции положены на этот лик, они теряются среди более звучных живописных кусков и по существу никакого участия в лепке формы не принимают. Та же плоскостная передача объема — в лике Матфея, живопись которого построена на сочетании киноварных и белильных поверхностей.

Все четыре миниатюры принадлежат руке одного мастера. Однотипность художественного почерка фонов и одеяний евангелистов очевидна. Гораздо больше внешних различий в характере исполнения их ликов. Объяснимо это тем, что типы их восходят к разным архаическим образцам (фрески Георгиевского собора Юрьева монастыря, фрески Нередицы). Но манера их письма, по существу совершенно сходная с исполнением их одежд, подчиняется единому, тому же, что и в письме одежд, декоративному приему, разлагающему всякую пластику и вполне согласному с развивающимися принципами новгородской школы живописи.

В живописной передаче объема (например, фрески Нередицы) энергичный, широкий мазок круглил, вылеплял форму. В миниатюрах Евангелия Лотыша карнация передана декоративными, но уже отнюдь не живописно-сочными средствами. Цвет, яркий и насыщенный, но без оттенков и постепенных наращиваний, подчинен плоскости. И линия, и цвет нейтрализуют всякую объемность, свойственную архаическому новгородскому искусству. Декоративное упрощение и стилизация всех художественных элементов, отличающие развитую новгородскую живопись XIVв. и особенно XV в., уже господствуют в манере письма миниатюр этого Евангелия. Правда, черты эти выражены в них еще с простодушной откровенностью и утрированностью. В последующей новгородской живописи они получат форму более отточенную и соразмерную.

Среди новгородских рукописей XIII в. наибольшую стилистическую близость живописи Евангелия 1270 г. обнаруживают миниатюры двух новгородских рукописей: Уваровской кормчей нач.

---

[65] Подобная же разделка лиц цветными плоскостями встречается во фресковом фрагменте «Константин и Елена» Софии Новгородской и в миниатюрах Евангелий Милятина и Тошинича, Соловецкого служебника, Уваровской кормчей. Она была свойственна в основном миниатюре, где пробела и света, органичные для фрески и иконы, играли незначительную роль.

XIII в.[66] (изображение двух святителей в крещатых ризах перед Христом) и Соловецкого служебника кон. XIII в. (изображение Иоанна Златоуста?). Качество письма их неравноценно: высокое, изящное в Кормчей и грубоватое, торопливое в Служебнике. Но одинаковая склонность их мастеров к композициям со стоящими фигурами, вертикальными и уже облегченными благодаря слегка удлиненным пропорциям и единому силуэтному очерку, к чистым, ярким краскам, простым, точным линиям и декоративной плоскостности листа свидетельствует о чертах местной школы.

Характерно, что приемы письма этих передовых миниатюр XIII в. близки стилю развивающейся новгородской иконописи XIII в., тогда как миниатюры, в манере которых сосуществуют новые и архаические черты и последние подчас преобладают (Евангелие Тошинича, Пролог 1262 г.), имеют гораздо больше точек соприкосновения с новгородской фреской (применение сочных пробелов и свободно разбросанных движек).

Архаические элементы экспрессивной живописности, идущие от традиций новгородской фрески последн. трети XII в., держались в Новгороде очень долго и постоянно всплывали в искусстве XIV—XV вв., чередуясь с превалирующими в нем чертами линейной и красочной плоскостности. Тем более интересно, что черты эти, отличающие сложившуюся новгородскую школу живописи, четко оформились, как показывают миниатюры точно датированного Евангелия Лотыша, уже к последней трети XIII в.

Редкие листы рукописи не украшены фигурными цветными инициалами. Иногда это простые плетеные или геометрические мотивы, но чаще всего — фантастические животные, опутанные жгутами. Собаки, птицы, люди, хищные звери, змеи, львы с причудливо перепутанными крыльями, лапами, головами то стоят подобно статуям на пьедесталах, то кусают сами себя или друг друга, то силятся вырваться из тугих ремней. Все это декоративное убранство Евангелия Лотыша представляет собой одну из разновидностей тератологического орнамента, который щедро покрывает листы большей части художественно оформленных русских, особенно новгородских рукописей XIII—XIV вв.

Крупные и яркие заглавные буквы, представляющие собой целые диковинные сценки, ложатся на лист неравными весомыми пятнами, нарушая его симметрию. Абсолютное отсутствие архитектоники листа и какой бы то ни было композиционной закономерности в расположении инициалов оправдывают сбивчивое шествие фигурок по страницам книги и превращают ее узоры в при-

---

[66] Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. Спб., 1905, стр. 261. Мнения ученых о датировке рукописи см. там же. Миниатюра рукописи типично новгородского письма обнаруживает необычайно развитый стиль, в котором не осталось никаких архаических черт. Если миниатюра современна тексту рукописи, то это свидетельствует об очень раннем (кон. XII—нач. XIII вв.) сложении навыков местной живописной школы. Вероятность этого подтверждается тем, что в миниатюре, как уже говорилось, многие из этих навыков накапливались раньше, чем в иконе и фреске. Но, возможно, миниатюра была приписана позже создания книги, в кон. XIII—нач. XIV вв., в тот же период, когда возникли миниатюры Евангелия Лотыша и Соловецкого служебника, идентичные ей, но менее развитые по стилю. Вопрос об этом остается открытым.

хотливую сказку, в которой становится возможным перескакивание центральных мотивов с листа на лист и их частое преображение.

Рис. 1.
Евангелие Лотыша. Инициал. Ф. 256, № 105, л. 38об.

Мотивы инициалов Евангелия Лотыша имеют разные истоки. В основном они еще болгарского, а частично — византийского происхождения. Подобные буквы были восприняты в Новгороде через привозные болгарские рукописные книги, украшенные звериным орнаментом и византийскими узорами, преобразованными в духе болгарского народного декора. К болгарскому типу украшений в Евангелии Лотыша восходят жгуты, окручивающие фигуры, а иногда сплетенные в самостоятельные узоры, часто замыкающиеся головой змия на конце плетеного ремня[67]; профильные изображения зверей и птиц с лапами, опутанными жгутами, и веткой в пасти[68]; птица, кусающая собственную длинную змеиную шею[69]; змий о двух головах[70]; птица с высоко поднятым крылом, распростертым по фону[71]; птица с запрокинутой головой, из клюва которой вырастает ветвь[72]; наконец, рука человека и его лицо, переданное простыми контурами[73].

Большинство этих композиций родственно болгарской «технической» тератологии XII—XIII вв.[74]. Отдельные из них (самостоятельный мотив жгута и жгут со змеиной головой на конце) характерны для архаической стадии развития южнославянского звериного орнамента — «народной» тератологии X — нач. XII вв.[75].

Некоторые типы инициалов Евангелия 1270 г. примыкают к традициям византийского орнамента. Таковы пальметки и трилистники, вырастающие на ветвях[76], таковы архитектурно построен-

[67] Рис. 9, 10.
[68] Рис. 1, 16.
[69] Стасов В. В. Указ. соч., табл. LXII, № 19.
[70] Рис. 11.
[71] Стасов В. В. Указ. соч., табл. LXII, № 13.
[72] Рис. 13.
[73] Буслаев Ф. И. Указ. соч., рис. 27—28; Стасов В. В. Указ. соч., табл. LXII, №№ 9—12; Некрасов А. И. Очерки из истории славянского орнамента, 1913, табл. I, №№ 9—12.
[74] Все эти композиции ср. с мотивами болгарской Болонской псалтири XII в. (?). Щепкин В. Н. Болонская псалтирь. Спб., 1906, цинк. II, №№ 2, 8—11, 16; цинк. IV, №№ 8, 14—17. См. также: Некрасов А. И. Очерки..., стр. 28—30.
Мы сравниваем русский тератологический орнамент только с болгарским как наиболее ему близким: на Руси книги первоначально переписывались с болгарских оригиналов. Вопрос о взаимосвязях и общих корнях звериного орнамента разных стран, культура которых была связана с византийской, в дальнейшем должен быть исследован особо. На необходимость решения этой проблемы по-новому указал мне В. Н. Лазарев.
[75] Некрасов А. И. Очерки..., стр. 26—27. Условные термины «народная» и «техническая» тератология введены В. Н. Щепкиным для обозначения разных этапов развития и разных по содержанию видов южнославянского тератологического орнамента. Подробно см.: Щепкин В. Н. Болонская псалтирь, стр. 34, 48—50.
[76] Стасов В. В. Указ. соч., табл. LXII, № 26.

Рис. 2.
Евангелие Лотыша.
Инициал. Ф. 256, № 105,
л. 156 об.

ные буквы, где на мачты-каркасы, подобно скульптурным украшениям на здании, «налеплен» декоративный набор [77]. От этих же традиций исходит принцип четкой выделенности отдельных фигур, сохраняющих пластическую завершенность, не затерявшихся еще в замысловатой сети плетений и не ставших еще частью узора [78].

Византийские темы орнамента в Евангелии 1270 г. редко встречаются в чистом виде. Перекрещивание их с болгарскими формами дает смешанные типы. Так, византийские ветви вырастают из крученых лент и ремней; архитектурные, византийского типа столбы букв заполнены болгарской плетенкой из спиралей и восьмерок, перемежающихся цветными точками и крестами [79]; рядом с мачтами-колоннами или на них стоят птицы и собаки [80]; в старовизантийских инициалах принцип строгой построенности и упорядоченности нарушен ковровой декоративностью южнославянского типа: внутреннее поле буквы сплошь застлано орнаментальным рисунком, сливающим каркас с окольным узором, что уничтожает всякую рельефность построения, характерную для греческой буквы.

Разнотипность орнамента, украшающего Евангелие Лотыша, при явном преобладании в нем болгарских мотивов, была свойственна новгородским рукописям на протяжении всего XIII в. Характерно новгородские мотивы тератологии окончательно сложились несколько позже, уже к XIV в. Подобно иконографии живописных изображений формы орнамента несколько отставали от развития стиля новгородского искусства и даже во втор. пол. XIII в., в период быстрого формирования местного стиля, использовали привозные образцы. Кроме того, болгарская тератология, пестрая и забавная, настолько пришлась по вкусу Новгороду и соответствовала принципам красочной декоративности его искусства, что некоторые ее мотивы в несколько измененном виде жили в новгородских рукописях в течение всего периода существования этого стиля — весь XIV в.

Формы болгарского и византийского орнамента, еще преобладающие в новгородских рукописях XIII в., подвергаются постепенной руссификации. Как показывает Евангелие 1270 г., следы ее уже заметно определяются к последней трети XIII в.

Плетение в некоторых композициях рукописи Лотыша не круглится разреженными спиралями подобно болгарским образцам, а

---

[77] Орнамент подобного типа см.: Стасов В. В. Указ. соч., табл. LXVI, №№ 2—5, 7, 9, 15—17.
[78] Рис. 2, 12.
[79] Стасов В. В. Указ. соч., табл. LXII, №№ 9, 14, 26.
[80] Там же, табл. LXII, №№ 15, 20; рис. 12 (к статье).

накладывается плоскими, угловато пересекающимися (чаще всего под прямым углом) лентами, образующими густую сетку [81]. В отличие от болгарских петель новгородский мастер прибегает иногда к изломам жгутов [82].

Фигуры болгарской тератологии обычно очень мало опутаны ремнями. Развитый новгородский звериный орнамент XIV в. отличают частые нити, прочно схватывающие изображение. Мастер Евангелия 1270 г. иногда, видимо, подражая болгарскому источнику, оставляет фигуру открытой, почти не тронутой путами, но нередко, следуя складывающемуся местному навыку, крепко связывает ее жгутами. Причем проделывает это часто с одним и тем же орнаментальным типом, варьируя его в сторону все бо́льших новгородизмов. Так, лежащий зверь со змеиным хвостом то держит над собой плетеный узор, вся сложность которого выносится за пределы ясных контуров его фигуры [83], то слегка входит в плетение, погружая в сетку лапы и шею [84]. то вплетается в него полностью, превращаясь в один из витков узора [85]. Этот же процесс все большего тяготения над изображением связывающих пут можно проследить на фигуре зверя с длинной змеиной шеей, сидящего на задних лапах [86].

Для сложившейся новгородской тератологии характерно фантастическое смешение всевозможных животных форм, создающее чудовищные образы. В болгарской тератологии типы зверя, птицы, змия жили гораздо более обособленно, хотя и встречалось некоторое их переплетение (например, птица и змий в Болонской псалтири) [87]. В инициалах Евангелия Лотыша соединение звериных элементов богаче и неожиданнее, чем в болгарских рукописях: звери обращаются змиями, птицам даются звериные лапы, лошадям приставлены птичьи головы, а в одном случае [88] все эти образы совмещаются в одной букве, что стало свойственно новгородскому орнаменту уже XIV в.

То же обрусение болгарского и византийского орнаментов сказывается и в усложненности композиций, предвещающей густо испещренные фигурами тератологические сцены XIV в. (некоторые буквы Евангелия 1270 г. состоят уже из двух животных: змия, кусающего зверя [89], зверя, впившегося в змия [90], двух змиев, жалящих друг друга [91], собаки, сплетенной со змием [92]), и в частом участии в орнаменте фигуры собаки, характерной для русских ру-

---

[81] Евангелие 1270 г., лл. 16, 140об. Подобный тип наложения жгутов см.: Бутовский В. История русского орнамента с X по XVI столетие. Т. I. М., 1870, табл. XXXVII.

[82] Евангелие 1270 г., л. 41.

[83] Рис. 15.

[84] Рис. 14.

[85] Евангелие 1270 г., лл. 77об., 78.

[86] В Евангелии 1270 г. ср. лл. 42, 44об., 48об., 62.

[87] Щепкин В. Н. Болонская псалтирь, цинк. IV, №№ 16—17.

[88] Рис. 18.

[89] Стасов В. В. Указ соч., табл. LXII, №№ 21—22.

[90] Евангелие 1270 г., л. 39об.

[91] Стасов В. В. Указ. соч., табл. LXII, № 23.

[92] Рис. 17.

кописей [93], и в опрощении декоративного набора букв старовизантийской формы, уподобившегося раскрашенной деревянной резьбе [94].

Но наиболее ярко новгородские элементы в орнаменте Евангелия 1270 г. сказываются в изображении человека. В рукописи встречается три типа таких украшений: молодые и старые лица в шапках, вписанные в заполнение инициалов «В» и «Р»[95]; фигура человека в короне, сидящего на стуле и изображающего букву «В»[96] (из-за контуров буквы фигура представлена по пояс в фас, ниже — в профиль); наконец, птица с головой человека [97] и змий с головой человека [98]. Первый из этих мотивов был знаком болгарской тератологии и через нее воспринят русским книжным искусством, сделавшись популярным в русских рукописях XII—XIII вв.[99]. Из Болгарии же пришла на Русь орнаментальная тема птицы, скрученной жгутами. Но ни полной фигуры человека, ни фигуры птицы или змия с головой человека болгарские рукописи не знали. Мотивы эти были созданы в русских мастерских и стали традицией для русского искусства. Болгарский мотив контурного лица человека на русской почве в процессе усложнения тератологического орнамента развился в самостоятельную фигуру человека и в птицу-человека. Оба эти варианта, видимо, слагались одновременно и раздельно во второй половине XIII в. [100]. Оба они являются первоначальными ступенями окончательно развившихся и совершенно различных тератологических сцен XIV в. Первый из них был начальным звеном орнаментальных сюжетов XIV в., полных бытового реализма. Второй знаменовал собой то фантастическое смешение разнородных элементов, которое прослеживается и в других мотивах Евангелия Лотыша и предвещает насыщенные, полные неожиданных сочетаний тератологические композиции XIV в.

Орнамент Евангелия 1270 г. принадлежит тому короткому, интересному в своем становлении периоду (последние десятилетия XIII в.), когда в изображении человека еще первенствовали элементы болгарской тератологии (лицо контурное), но уже создавались первые формы чисто новгородских образцов этого орнаментального типа: птица с головой человека и фигура человека в жанровой сценке. Буква Евангелия Лотыша с изображением сидящего человека представляет собой самый ранний известный нам случай

---

[93] Встречается в рукописях нач. XIII в. — ГИМ, Арх. I/1019; XIII в. — ГБЛ, ф. 256, №№ 104, 199; ф. 178, № 3168; ЦГАДА, Тип., № 7; ГПБ, Qп I. 13; ГИМ, Син. 235; XIII—XIV вв. — ГПБ, Соф. 60, 519; XIV в. — ГБЛ, ф. 173 Волокол., № 1; ГИМ, Син. 247 и др.

[94] Мотив, видимо, характерный для дешевых новгородских рукописей XIII—XIV вв. Например: XIII в. — ГБЛ, ф. 218, № 740; ГИМ, Хлуд. 187 (1262 г.); нач. XIV в. — ГИМ, Син. 21 (740) и 239; XIV в. — ЦГАДА, Тип., № 10.

[95] Стасов В. В. Указ. соч., табл. LXII, №№ 9—12.

[96] Там же, № 16.

[97] Там же, № 17.

[98] Евангелие 1270 г., л. 165.

[99] Некрасов А. И. Очерки..., стр. 34—37.

[100] Оба мотива прослеживаются в рукописях XIII — нач. XIV вв. Первый из них существует еще в становлении (прибавление к лицу шеи, плеч, рук, головного убора). Примером могут служить рукописи: ГБЛ, ф. 256, №№ 104, 109, 199; ф. 37, № 434; ф. 178, № 3168; ЦГАДА, Тип., №№ 7, 10, 51.

подобных жанровых сценок и может рассматриваться как характерный образец уже сложившейся новгородской тератологии, появление которой А. И. Некрасов относит только к XIV в. [101].

В орнаменте Евангелия Лотыша, помимо новгородизмов, уже выступают некоторые характерные особенности тератологии, которые полностью выразили себя в XIV в. Эти черты отмечают и мотивы, и стиль узоров рукописи. Выше уже говорилось об усложненных типах ее букв. Хитросплетения разнообразнейших элементов в некоторых инициалах достигают такой свободы и смелости, какой не знали еще рукописи XIII в. и какая была свойственна только зрелому стилю XIV в. Например, птица-зверь, в зубах которой — жгут с головой человека; змий, пронизывающий голову и пасть льва [102].

В рассматриваемой эволюции тератологических мотивов стиль заставки Евангелия Лотыша разительно отстает от инициалов рукописи. Заставка представляет собой прямоугольник «в покое», в разреженном заполнении которого три столба плетенки перемежаются византийскими ветвями, собранными в два вазообразных узла, и двумя фигурками собаки-птицы, хвост которой переходит в плетение. В окольном узоре представлены четыре собаки (две

---

[101] Некрасов А. И. Очерки..., стр. 64. Теория А. И. Некрасова о происхождении фигуры человека в орнаменте XIV в. из тератологической птицы (стр. 53—64) строится на ряде натяжек. Прежде всего, почему из фигуры птицы, если уже в XIII в. в инициалах рукописей бытовали изображения людей (примеры рукописей с подобным орнаментом приведены в сноске 100). Кроме того, птица с головой человека не является просто переходным этапом в развитии человеческой фигуры; она существует рядом с ней и в XIII в. (например, рукописи из ГБЛ, ф. 256, №№ 104, 105 и др.), и в XIV в. (например, рукописи из: БАН, 34.5.20; ГПБ, Fn. I.1, Fn. I.3, Соф. № 3, Погодин № 26 и др.) и представляет собой самостоятельную разновидность тератологического орнамента. Указание А. И. Некрасова на инородность фигур «I образования», к которым он относит и буквы Евангелия 1270 г., самой природе орнамента, и на их иконописный характер, не подтверждается материалом рукописей. Во-первых, большинство этих фигур покрыто точно такими же ресничками и точками, как и виды чистого орнамента (жгуты, мачты), и все другие фигурные изображения. Во-вторых, все признаки иконописности (живописность, плотность, объемность) в этих фигурах «I образования» утеряны: большинство из них представляет собой простые контуры, по самой своей природе родственные орнаментальному линейному узору; те же из них, которые покрыты краской, являются элементарно раскрашенными картинками, не претендующими на какое-либо подражание живописи. В-третьих, развитые человеческие фигуры в тератологии XIV в. (по Некрасову — фигуры «II образования») мало отличаются от фигур «I образования» по степени усложненности композиций и опутанности ремнями. В орнаменте XIV в. человеческие фигуры чаще всего участвуют в сценках, не связанных веревочной сетью; очень редко они бывают густо оплетены. В этом смысле разница между фигурой человека в орнаменте XIII и XIV вв. гораздо меньше, чем между сценами с человеческой фигурой XIII в. и всеми другими мотивами XIII в. Очевидно, сцены с фигурками человека были видом тератологии, развивавшимся не по линии причудливого сцепления разноречивых элементов, как все основные типы этого орнамента (в том числе и мотив птицы с головой человека), а по линии отражения в нем черточек быта. Все это показывает, что принципиальной разницы, которую находит А. И. Некрасов в орнаментальных фигурах человека «I и II образования» и в их происхождении, нет. Существующее между ними различие исходит из разных этапов развития однотипной формы. Из этого следует, что сложение фигуры человека в тератологическом орнаменте падает не на XIV в., как считает А. И. Некрасов, а на XIII в. Первым известным уже вполне развитым образцом этого орнамента и является буква с изображением сидящего человека в Евангелии 1270 г., относимая А. И. Некрасовым к «иконописным» фигурам «I образования».

[102] Евангелие 1270 г., лл. 147, 166 и др.

сверху, две стоят на византийских кринах). Звери в заполнении лишь слегка вплетены в орнаментальную сеть. В окольном узоре они вообще не касаются плетения.

Отставание развития тератологических мотивов в заставках по сравнению с заглавными буквами было свойственно русскому книжному искусству XII—XIII вв. Заставка дольше следовала византийским образцам, не только в середине XII в., но и в кон. XIII в., воспроизводя композиции из архитектурно стилизованных византийских листьев [103]. Но даже после проникновения в русские рукописи южнославянских «чудовищных» форм трактовка их в заставках продолжает сохранять отдельные черты византийской традиции. Так, фигуры животных в них в течение всего XIII в. не сливаются с плетенкой, а стоят особняком, подражая принципу византийской скульптурности форм; чаще всего они выносятся в окольный узор, на привычное место византийских павлинов, и очень редко входят во внутреннее поле изображения.

В заставке Благовещенского кондакаря XI—XII вв. [104] заполнение занято плетеной композицией южнославянского типа, а в окольном узоре — еще византийские павлины. Примеры вынесения «чудовищной» и уже характерно новгородской фигуры зверя (обычно — собака) в окольный узор заставки дают рукописи: Румянцевское евангелие XII—XIII вв. [105], Трефологион 1252 г. [106], Евангелие Лотыша 1270 г., Хлудовская псалтирь кон. XIII в. [107], Пролог перв. пол. XIV в. [108]. Редкие в XIII в. образцы введения фигуры зверя в заполнение заставки показывают Трефологион 1252 г. и Евангелие 1270 г., причем в первом из них фигуры собак вписаны в пустое пространство — простенок между витыми столбами, так что их изображения никак не сопричастны к плетениям. Чаще же всего в XII—XIII вв., а иногда, как архаизм, и в XIV в. внутреннее поле заставок заполнено простым, еще весьма разреженным плетением из жгутов болгарского типа, иногда с добавлением голов змей и реже — фигур тератологических птиц, т. е. в основном формами болгарской «народной» и частично — «технической» тератологии [109].

Итак, элементы заставок XIII в. восходят к болгарской «народной» и «технической» тератологии; мотивы последней нередко используются в традиционных византийских композициях. Инициалы

---

[103] XII в. — Евангелия Юрьевское, Добрилово; XIII в. — Уваровская кормчая, Евангелие Тошинича.

[104] ГПБ, Qn. I. 32. Благовещенский кондакарь. Фотовоспроизведение рукописи. Л., 1955, л. 1.

[105] ГБЛ, ф. 256, № 104; Бутовский В. Указ. соч., т. II, табл. XXVII.

[106] ГИМ, Син. 895; Савва, еписк. Можайский. Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1863, табл. 24

[107] Успенский А. И. Очерки по истории русского искусства. М., 1910, табл. к стр. 258.

[108] ГИМ, Син. 239; Стасов В. В. Указ. соч., табл. LXVI, № 1.

[109] Благовещенский кондакарь XI—XII вв.; Стихирарь 1157 г. (ГИМ, Син. 589; Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских. — Труды профессоров и преподавателей Московского университета Петрова, Клина, Меншикова и Буслаева. М., 1855, табл. X); Румянцевское евангелие XII—XIII вв. (ГБЛ, ф. 256, № 104); Хлудовская псалтирь кон. XIII в.; Евангелие XIII в. (ЦГАДА, Тип., № 7); Пролог перв. пол. XIV в. (ГИМ, Син. 239).

же наиболее передовых рукописей XIII в. преображают мотивы развитой болгарской «технической» тератологии в местный тип. Столь значительное различие в уровне развития тератологических композиций заставок и заглавных букв в XIII в. объяснимо: во-первых, происхождением заставки (заставка выросла в симметричную композицию из соединения двух букв, возникла позже инициалов [110], а потому ориентировалась на их стилистически уже устаревшие образцы), во-вторых, характером заставок в южнославянских рукописях XIII—XIV вв., в которых заставки не играли такой почетной роли, как в русских рукописях. Сложная и развитая тератологическая заставка была создана русским искусством. В XIII в. русский орнамент еще оставался близок болгарским мотивам и только в XIV в., в период полного оформления самобытных черт тератологии, он создал заставки столь же развитые, как и инициалы.

Эту общую для русского книжного искусства неравномерность развития орнамента заставок и инициалов нельзя не учитывать при выявлении формирующихся свойств тератологии в Евангелии Лотыша. Сравнение его заставки с заставками других рукописей XIII в. показывает, что в границах общего отставания этого вида орнамента декоративный убор ее обнаруживает бóльшую приближенность к классической новгородской тератологии. По формам своим она входит в группу книжного орнамента, отразившего в заставках чисто новгородские элементы тератологии (фигуры собак) [111], хотя во всех заставках этой группы, кроме Евангелия Лотыша, фигуры живут еще обособленно, вне плетений. Оплетенность композиций уже вводилась в заставки некоторых рукописей кон. XII—XIII вв., но мотивы и расположение их почти точно следовали болгарским оригиналам — ср. тип заставок Болонской псалтири [112] и Благовещенского кондакаря, Румянцевского евангелия № 104, Хлудовской псалтири № 3, Пролога из Синодальной библиотеки № 239. Заставка Евангелия 1270 г. — первый известный нам образец, где мотивы новгородского орнамента вставлены в ременную сеть.

В художественном стиле орнамента рукописи Лотыша наблюдается то же накопление специфических навыков развивающейся новгородской тератологии.

В рукописях XII в. буквы-фигуры простыми киноварными контурами выступают прямо по фону пергамена, не имея расцветки ни во внутреннем поле, ни в окантовке [113]. Развитие тератологического стиля шло по линии все более веселой красочности, все большего наполнения всех жгутов и извилин чистым цветом. В перв. пол. XIII в. киноварный рисунок орнамента кладется уже по киноварному фону [114]. Формы узора, сохраняя еще цвет пергамена, по-прежнему остаются полыми внутри, но контрастное сопостав-

---

[110] Буслаев Ф. И. Указ. соч., стр. 19—20.

[111] Евангелие XII—XIII в. (ГБЛ, ф. 256, № 104); ГИМ, Трефологион 1252 г. (Син. 895), Псалтирь кон. XIII в. (Хлуд., № 3), Пролог перв. пол. XIV в. (Син. 239).

[112] Щепкин В. Н. Болонская псалтирь. Спб., 1906, табл. V, 1.

[113] Златоструй (ГПБ, Fп. I. 46), Псалтирь (ГПБ, Fп. I. 32), Апостол (ГПБ, Соф. 32), Юрьевское евангелие (ГИМ, Син. 1103) и др.

[114] Например, Евангелие XII—XIII вв. (ГБЛ, ф. 256, № 104).

ление красной и белой плоскости фигуры и фона создает уже бóльшую интенсивность колористического пятна инициала.

Евангелие Лотыша — первый известный памятник с новгородской тератологией, где буквы раскрашены пестро и ярко, где уже охотно используются дополнительные желтый и зелено-голубой цвета. Желтые тени стелются рядом с киноварными контурами, попрежнему лежащими на киноварных фонах, а зеленые пятна врываются то на поверхность самой фигуры, то в красную ее окантовку. Фон никогда не замыкается правильной геометрической формой, а следует очерку фигурной буквы, что усиливает общую пятнистую текучесть цвета. Поверхность изображений испещрена черными точками, линиями и обрывистыми штрихами. Иногда их беспрерывное течение, вторящее контуру, служит оформлению и распластыванию формы изображения, выполняя по существу ту же роль, что черная шраффировка одежд евангелистов в миниатюрах. Но уже часто эти черные штрихи и точки имеют чисто декоративное значение, теряя всякую связь с лепкой формы, благодаря чему оказывается возможным выносить их за пределы контуров буквы, окаймляя ими букву по фону [115].

Этот прием не был новшеством мастера Евангелия 1270 г. Он был знаком болгарским рукописям, хотя встречается в них редко (например, Болонская псалтирь [116]) — буквы большинства из них покрыты сплошным цветовым покровом [117]. В новгородских рукописях он охотно используется в XIII в., достигая особого искусства и отшлифованности в двух евангелиях: Румянцевском № 104 и Лотыша. В этой роли чистого узора мелкий штриховой орнамент на поверхности буквы уже близок декоративным ресничкам, обязательным в развитой новгородской тератологии XIV в.

Все эти элементы — цветной фон, пестрое заполнение букв, графическая штриховка по их поверхности — сближают буквенное убранство Евангелия 1270 г. со стилем отстоявшейся новгородской тератологии и показывают значительный шаг в ее эволюции, сделанный новгородским орнаментом к последней трети XIII в.

Специфика орнамента как искусства малых форм, упрощенных и декоративных по самой своей «прикладной» природе, определяла неровности в развитии его стиля в сравнении со стилистическими принципами новгородской живописи. Сопоставления цвета в орнаменте Новгорода едва ли не превосходят по смелости и изощренности палитру его живописи. В небольших узорах рукописей новгородцы позволяли себе применять дорогой голубец, мало употреблявшийся в монументальном искусстве. Интенсивность горящей киновари и чистого голубца создают праздничность цвета, отличающую новгородское книжное убранство XIV в. Из всех черт местного художественного стиля душой новгородского орнамента стал именно цвет.

Цветовые сочетания инициалов Евангелия Лотыша близки еще болгарскому колориту (красный, зеленый и желтый). В них еще нет характерного для новгородских рукописей голубца (тусклый голубовато-зеленый тон). Но явное преобладание в их

---

[115] Евангелие 1270 г., лл. 58об., 60об., 63, 64, 69об., 73 и др.
[116] Стасов В. В. Указ. соч., табл. IV.
[117] Стасов В. В. Указ. соч., табл. III, V—VIII.

художественной манере колористического акцента и гораздо бо́льшая громкость их цвета в сравнении с однотипным орнаментом новгородских рукописей предыдущего периода приближают их к стилю зрелой новгородской тератологии.

Подчеркнутая плоскостность изображений и линейность, ярко выраженные в живописи Новгорода втор. пол. XIII в., не получают столь полного претворения в его орнаменте, малые формы узора которого еще тяготели к живописной плотности эмали. Крупные, наполненные цветом буквы Евангелия 1270 г., кажется, несут рельефную тяжесть. Желтая и зелено-синяя краски, положенные вдоль контуров, образуют цветные тени, создающие массивность формы. Правда, тенденция к графичности стиля в некоторой мере, как указывалось, отразилась в декоре этой рукописи.

Становление местного художественного почерка в живописи и орнаменте протекало параллельно и порождало сходство черт стиля. Манера исполнения орнамента Евангелия Лотыша в целом вполне согласуется со стилистическими принципами новгородской живописи.

В орнаменте Евангелия Лотыша прослеживается работа двух мастеров. Руке одного из них принадлежит основная часть фигурных букв и заставка. Другим, менее искушенным, возможно, учеником, рисованы инициалы на двух с половиной тетрадях внутри рукописи (с середины 11-й по 14-ю тетрадь, лл. 85—104).

Манера исполнения узоров, принадлежащих первому мастеру, в свою очередь неоднородна по приемам и неравномерна по качеству.

Буквы первых листов книги еще нехитрые, сложенные в основном из простых плетений или фигуры птицы-зверя болгарского типа. Раскраска их скромная, двухцветная: киноварь чередуется с желтой краской. Поверхность изображения часто оставляется открытой, не заполненной краской, что создает пустые проемы и разреженность колористических пятен. Желтая тень не ложится еще характерной для новгородской тератологии узкой полосой, вторящей контуру, а растекается вширь и покрывает целиком отдельные части фигур, образуя живописную пятнистость цвета, свойственную стилю южнославянского орнамента. В большей части изображений отсутствует черная линейная штриховка, что делает их полыми, незавершенными, лишенными фактурности. Все эти черты придают облику букв некоторую опрощенность и близость болгарским прототипам.

Примерно с л. 12 мотивы орнамента усложняются, фигуры становятся более оплетенными и замысловатыми, желтая краска все чаще кладется плотной полосой, все реже встречаются незакрашенные поверхности, изображения испещряются черными значками, порой заменяемыми киноварными, что обостряет нарядность убранства.

Наконец, еще бо́льшую декоративную свободу и полнокровность получает орнамент с л. 30 рукописи, где инициалы становятся еще крупнее, мотивы их неожиданнее, где в узоры впервые вводится третий цвет, сначала зеленый, а потом голубой и голубовато-зеленый. Он перемежается крупными пятнами с желтым и красным и в фонах, и в заполнениях фигур. К этому пестрому смешению

цветов мастер обращается сначала осторожно и несмело, применяя его на л. 30, затем останавливается, вновь возвращается к нему с л. 34 и употребляет его дальше часто, видимо, охотно осваивая это цветовое полнозвучие.

Правда, этот новый прием мастера не проведен со строгой последовательностью: иногда третий цвет исчезает, и буквы, как и в начале рукописи, раскрашиваются только желтым и киноварью [118]; часто синяя краска заменяется зеленой. Но все же яркая многоцветность характеризует большинство орнаментированных букв.

Однако эти различия в манере исполнения орнамента в разных местах книги не задевают основ стиля. Они не дают серьезных оснований предполагать участие нескольких мастеров. Все узоры этого типа отмечены единством индивидуального художественного почерка, неровного, простодушного, сочного, видимо, не знакомого с профессиональной отшлифованной четкостью. Кроме того, изменения в облике этих инициалов нигде не прослеживаются на протяжении целой, завершенной тетради, между тем как работа нескольких мастеров над оформлением рукописи делилась чаще всего по тетрадям. Все декоративное убранство этого типа выполнено одним мастером, в начале работы ориентировавшимся на традиционные образцы болгарского типа и, возможно, даже поначалу срисовывавшим свои узоры с другой, более ранней рукописи [119]. Но постепенно, становясь самостоятельным, он стал вводить в украшения своей рукописи мотивы и особенности стиля, излюбленные в Новгороде.

Орнамент, принадлежащий руке другого мастера (лл. 85—104), отличается ремесленностью и гораздо меньшей художественной грамотностью. Мотивы его однообразны и небогаты фантазией: в основном — простая плетенка, еще чаще — подобие старовизантийского узора-строения, «лепной» набор которого опрощен, пестро закрашен и уподоблен резной деревянной игрушке. Фигурные изображения в этой части книги редки, не щедры вымыслом и мало оплетены жгутами (в основном — традиционный зверь-птица и один раз контурная голова человека). Все они повторяют композиции первого мастера, воспроизводя их неумело и небрежно. Буквы заметно мельчают размером, не создавая больше ведущие декоративные узлы листа. Контуры их не киноварные, как во всей рукописи, а чернильные, не выделяющиеся контрастно среди столбцов текста, писанного точно такими же чернилами. Изображения почти не расцвечены. Лишь редкие их формы крыты краской, что создает представление о торопливой незавершенности работы. Но вряд ли незаконченностью объясняется неполноценность их колорита: все они тронуты краской слегка и ни один из них не налит ею полностью. Скорее всего это был половинчатый принцип несмелого ученика.

Орнамент Евангелия Лотыша обнаруживает очень близкое сходство с украшениями нескольких новгородских рукописей: Благовещенского кондакаря XI—XII вв., Румянцевского евангелия

[118] Лл. 57—63; возможно, перебой этот вызван внешними помехами: за несколько листов до л. 57 голубая краска тускнеет и загрязняется от примесей. По-видимому, ее не хватало.

[119] Многие мотивы букв Евангелия Лотыша поразительно близки орнаменту Евангелия XII—XIII вв. (ГБЛ, ф. 256, № 104).

№ 104 XII—XIII вв., Трефологиона 1252 г., Матигорского паремейника 1271 г.[120], Соловецкого служебника кон. XIII в.[121], Служебника кон. XIII—нач. XIV в.[122], Служебника XIV в.[123]. Во всех этих рукописях — устойчивая повторяемость мотивов, последовательная вплоть до деталей (облик морд чудовищ). Мотивов этих сравнительно немного. Развитие их идет по одинаковому пути усложнения болгарских образцов. Такая узкая специфичность орнаментальных типов скорее всего могла сложиться в одном художественном кругу, связанном с определенной мастерской. Подобная же однотипность — в их стилистических чертах и приемах письма. Инициалы крупные, широкие; композиции чаще всего состоят еще из одной фигуры; тератологические сценки, несмотря на бóльшую или меньшую опутанность плетением, сохраняют четкую разреженность и легко просматриваются; ремни и стебли всегда толстые, весомые; все формы плотные, массивные, что еще больше подчеркивается густыми цветными тенями; контурных очертаний, пустых внутри, мастера избегают; графичность выражена мало; изломы и резкие пересечения ремней не часты, охотнее используется их мягкая округленность; раскраска яркая (в основном киноварь и желтая, нередко — голубец); текучий цвет не закрашивает сплошные плоскости, а стелется отдельными пятнами и полосами, не сглаживая пластику фигур; во всех приемах письма не утрачена еще живописная сочность.

Среди рукописей с этим типом орнамента неожиданно ранней датировкой выделяется Благовещенский кондакарь XI—XII вв. Между тем манера исполнения его инициалов необычайно сходна с приемами письма узоров столь развитых, как в Евангелии 1270 г. Трудно представить, что традиции одного и довольно узкого типа орнамента столь прочно держались в течение веков (с кон. XI в. по XIV в.!), к тому же в период становления тератологии, когда она быстро изменялась. Нельзя ли предположить, что заглавные буквы Кондакаря были либо дописаны во втор. пол. XIII в. по современным рукописи буквам-контурам, либо, что еще вероятнее, целиком созданы в это время[124]. Если это так, датировка орнамента этой ранней рукописи также не выпадает из всей группы однотипных книжных украшений.

Итак, основная группа рукописей с таким орнаментом приходится на втор. пол. XIII в., раньше которой из этих рукописей соз-

---

[120] ГПБ, Qп. I. 13; Стасов В. В. Указ соч., табл. LXIV, №№ 1—20.
[121] ГПБ, Сол., № 1017; Деникe Б. Указ. соч., рис. 1—4.
[122] ГПБ, Qп. I. 67.
[123] ГПБ, Fп. I. 73; Гранстрем Е. Э. Указ. соч., табл. 8.
[124] Фигуры-буквы Благовещенского кондакаря по прорисям своим следуют болгарской «технической» тератологии, притом довольно развитой, поэтому первое из этих предположений датировало бы ее XI в. Мнения исследователей о времени возникновения болгарской «технической» тератологии различны, но самая ранняя датировка относится к XII в. (Ф. И. Буслаев относит ее к нач. XIII в.: Рецензия на Атлас Стасова. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1884, май, стр. 84—85; В. Н. Щепкин — к перв. четв. XIII в.: Болонская псалтирь, стр. 36; А. И. Некрасов — к XII в.: Очерки..., стр. 38—39). Поэтому второе предположение — о создании орнамента Кондакаря полностью в XIII в. — более оправдано. Подобный случай более позднего «приписывания» в рукописи орнамента был возможен: в рукописях нередко встречаются пустые места, оставленные для инициалов и заставок, не нарисованных одновременно с текстом.

дана лишь одна — Румянцевское евангелие XII—XIII вв. Характерные черты стиля узоров выражены в нем менее ярко, чем в остальных: нет еще пестрой раскраски и тяжеловатой сочности письма (фигуры — киноварные контуры на киноварных фонах). Но поразительное сходство тератологических мотивов с орнаментальными типами других рукописей этого круга, особенно с Евангелием Лотыша, а также большая свобода мастера в обращении с болгарскими прототипами и изощренная, чисто новгородская фантастичность в их усложнении свидетельствуют о специфичности навыков, державшихся на протяжении XIII в. Тот факт, что рядом с ними в других рукописях существовали и преобладали орнаменты совсем иного склада, подтверждает довольно узкую замкнутость этой группы художественных украшений и привязывает их к одной мастерской. Принадлежность к ней Румянцевских евангелий XII—XIII вв. и XIII в. (№№ 104 и 199) — книг изысканного художественного качества, а также происхождение Евангелия Лотыша в самой аристократической среде города, предполагают наличие в этой мастерской традиций высокой профессиональной культуры, возможно, связанной с Юрьевым монастырем и Городищем. Как показывают рукописи, навыки ее жили на протяжении всего XIII в. и хранились даже в XIV в., в период развитого, широко распространившегося тератологического стиля, сгладившего индивидуальные различия мастерских периода становления тератологии.

Среди рукописей XIV в. особенности этой мастерской выступают в двух служебниках из Публичной библиотеки [125], но в них эти своеобразные черты претерпевают немалые изменения. Инициалы этих рукописей часто слагаются не из одной фигуры, а из сложных многофигурных сценок; энергичнее подчеркнута плоскостная декоративность; плетенка, обильная, геометрически четкая и аккуратная, частой сетью оплетает фигуры. Основы художественной манеры и тематики остаются прежними. Напластования на них — следы соприкосновения с основным направлением новгородского тератологического стиля XIV в., для которого характерна абсолютная плоскостность изображений, развернутых на листе наподобие щитов и как бы «пришпиленных» к нему «кнопками», симметричная правильность построения, хитроумнейшее сцепление фантастических фигур в фантастических позах, измельченная дробность форм, паутинообразная контурность всех изображений, не имеющих ни малейшей пластики или утолщений, голубые фоны, ровное цветовое заполнение, — т. е. та же красочная и плоскостная декоративность, что и в живописи.

Эта окончательно сложившаяся тератология выросла не из группы орнамента типа Евангелия Лотыша. Она лишь воздействовала на произведения этой мастерской, заставив их приспособиться к своим вкусам, ставшим общеновгородскими.

Видимо, истоки этого оформившегося орнамента восходят к художественной продукции иной, тоже вполне определенной мастерской XIII в., образцы работ которой наиболее полно отвечали требованиям местного искусства и развивались в стилистическом отношении по тому же пути, что и новгородская живопись. Произве-

[125] ГПБ, Qn. I. 67 и Fn. I. 73.

Рис. 3

Евангелие Лотыша 1270 г. Евангелист Иоанн.
Ф. 256, № 105, л. 1

Рис. 4

Евангелие Лотыша 1270 г. Евангелист Матфей.
Ф. 256, № 105, л. 25об.

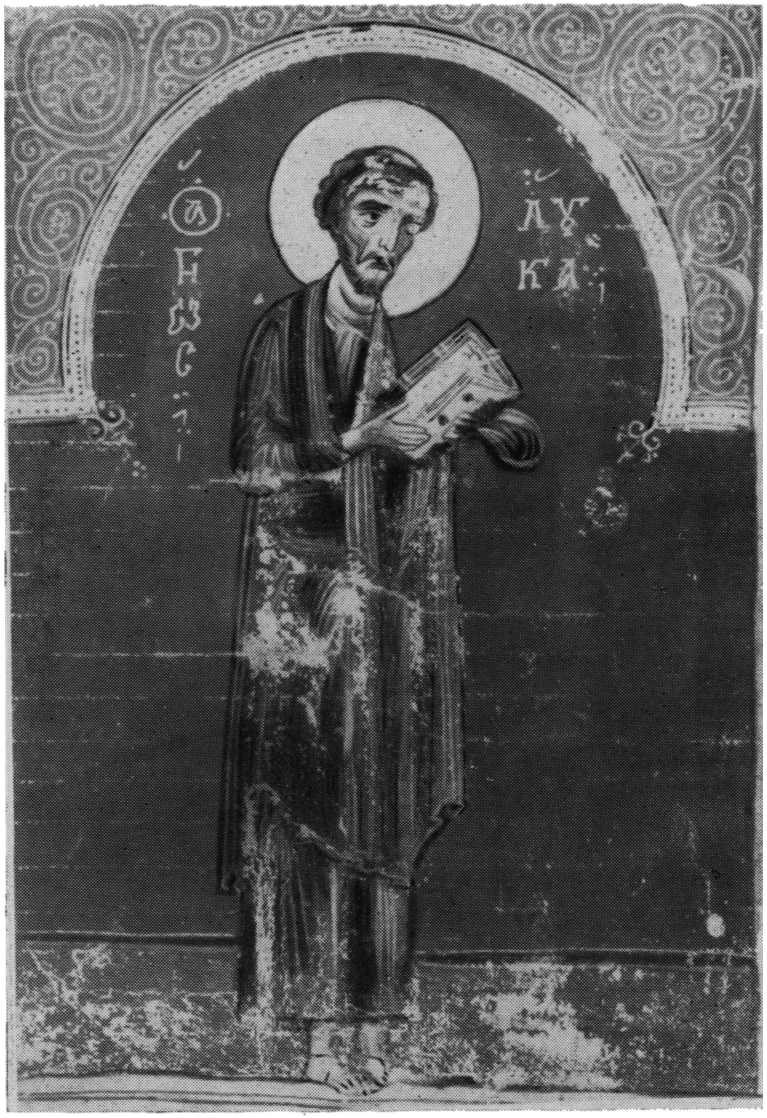

Рис. 5

Евангелие Лотыша 1270 г. Евангелист Лука.
Ф. 156, № 105, л. 63об.

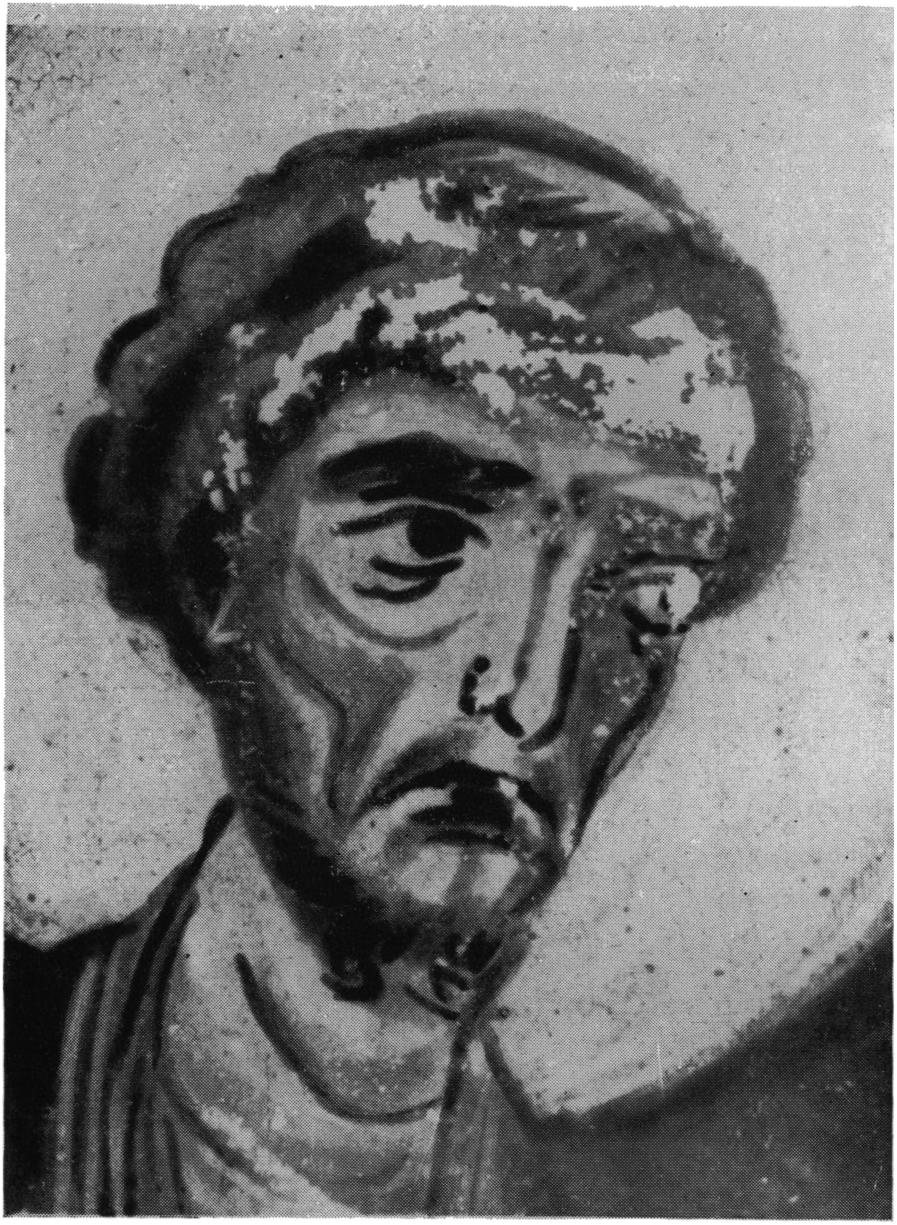

Рис. 6

Евангелие Лотыша 1270 г. Евангелист Лука. Деталь.
Ф. 256, № 105, л. 63об.

Рис. 7

Евангелие Лотыша 1270 г. Евангелист Марк.
Ф. 256, № 105, л. 93

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Евангелие Лотыша 1270 г. Заставка (л. 2) и Инициалы (лл. 18, 20).
Ф. 256, № 105

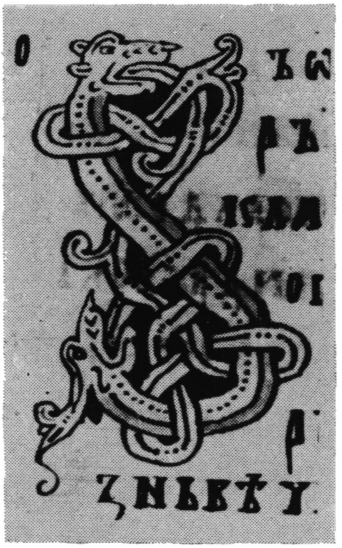

Рис. 11

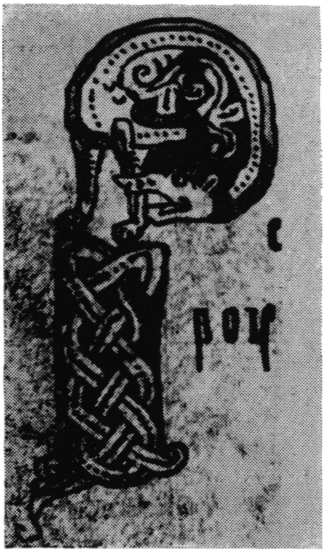

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Евангелие Лотыша. Инициалы.
Ф. 256, № 105, лл. 50об., 53об., 76об., 106.

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Евангелие Лотыша. Инициалы.
Ф. 256. № 105, лл. 32об., 53, 57, 125об.

дения этой мастерской можно видеть в группе рукописей, орнамент которых однотипен, по стилистическим принципам наиболее близок новгородской живописи и по основным своим приемам совпадает с тератологией XIV в. К этой группе рукописей могут быть отнесены: Соловецкий служебник кон. XIII в. [126], две рукописи Евангельских чтений XIII в. [127], Церковный обиход XIII—XIV вв. [128], Паремейник XIII—XIV вв. [129], Евангельские чтения XIII—XIV вв. [130], Псалтирь гадательная XIII—XIV вв. [131], Евангельские чтения XIV в. [132]. Почти все они относятся к кон. XIII или рубежу XIII—XIV вв.

Орнаментальные буквы всех этих рукописей — уже чистое узорочье, без каких-либо остатков пластичности и живописности. Они сложены из тонких, подобных нитям контуров, без теней или какой-либо моделировки; узор их закреплен характерными точками — «кнопками»; их голубые фоны, прямоугольные пересечения плоских ремней, частота мелкого плетения станут неотъемлемыми от новгородских книжных украшений XIV в.

В сравнении с рисунком узоров этой группы, исконно местным, без каких-либо примесей, в орнаменте типа Евангелия Лотыша еще много болгаризмов, прослеживаемых и в мотивах, и в общей нарядной живописности стиля, и особенно в многочисленных, характерно южнославянских деталях изображений (кресты, петли, цветки и т. д.). Но в этой группе рукописей болгаризмы не определяют стиль, а сопутствуют новгородскому по характеру узору.

Обращение к южнославянским образцам в новгородском орнаменте было не одиночным фактом, а имело, видимо, целую традицию. Среди новгородских рукописей втор. пол. XIII — нач. XIV вв. выделяется довольно значительная группа, где орнамент последовательно ориентирован на болгарские источники. К ней относятся: Евангелие Тошинича сер. XIII в. [133], Апостол XIII в. [134], Евангелие недельное кон. XIII в. [135], Псалтирь кон. XIII в. [136], два служебника XIII в. [137], Евангельские чтения XIII в. [138], три евангелия-апракос XIII—XIV вв. [139]. Основные черты их стиля сходны. Изображения чудовищ во многих из них не отличаются сложным вымыслом, они часто повторяют первичные мотивы болгарской тератологии (полулист-полуморда); фигуры зверей массивные, округлые, часто небывало крупные в сравнении с площадью листа; ремни толстые, вьющиеся стихийно, без всякой симметрии; плетение их круглится спи-

---

[126] ГПБ, Солов., № 1016; Денике Б. Указ. соч., рис. 5—8.
[127] ГПБ, собр. Титова, №№ 380 и 381.
[128] ГБЛ, ф. 256, № 284; А. Х. Востоков относит рукопись к XIII в. (Описание..., стр. 404—406); А. И. Некрасов — к нач. XIV в. (Очерки..., стр. 54—55).
[129] ЦГАДА, Тип., № 51.
[130] ГПБ, Соф. 6.
[131] ГПБ, Соф. 60; Стасов В. В. Указ. соч., табл. LX, №№ 35—37.
[132] ГПБ, Fn. I. 15; Стасов В. В. Указ. соч., табл. LXVII, №№ 13—27.
[133] Стасов В. В. Указ. соч., табл. LX, №№ 17—34.
[134] ГПБ, Fn. I. 22; Стасов В. В. Указ. соч., табл. LXII, №№ 1—8.
[135] ГПБ, Fn. I. 9; Стасов В. В. Указ. соч., табл. LXIII, №№ 1—30.
[136] ГИМ, собрание А. И. Хлудова, № 3; Успенский А. И. Указ. соч., табл. к стр. 244—268.
[137] ГПБ, Соф. 518 и 519; Стасов В. В. Указ. соч., табл. LI, №№ 10—14; LXIV, №№ 38—43.
[138] ГПБ, Fn. I. 66.
[139] БАН, 4.9.4; ГБЛ, ф. 37, №№ 17 и 434.

ралями и петлями; большие, почти не разработанные массы фигур очерчены беглым контуром, скупым, скругленным, почти без всякой нюансировки; краска покрывает не только контуры и фон, но заливает сполна все изображение; сочные краски растекаются живописными пятнами в отличие от собственно новгородского тератологического типа, где они ровными плоскостями раскрашивают поверхности; сочетание тонов в большинстве случаев болгарское — красный, зеленый, желтый; очертания изображений в некоторых рукописях приобретают размашистость и перегруженность южного типа [140]; обильны южнославянские детали (цветы, цветные вертикальные полосы и др.). Стиль этих орнаментов отличается живописной сочностью, быстрой очерковостью, иллюзией мягкой фактурности — близостью болгарской декоративной манере.

В украшениях этих рукописей немало различий в художественном почерке. Среди них выделяются подгруппы [141], особенности орнамента которых объясняются не только степенью развитости в зависимости от времени их создания, но и своеобразием отдельных элементов стиля. Поэтому трудно сказать, вышли ли эти рукописи из одной мастерской, подобно первым двум группам, или в Новгороде повсеместно бытовали образцы болгарских орнаментов. Так или иначе, в Новгороде во второй половине XIII в. была создана значительная группа рукописей с орнаментом последовательно болгарского типа. В сравнении с ней орнамент типа Евангелия Лотыша был гораздо ближе к слагающейся самобытной новгородской тератологии.

Итак, Евангелие Лотыша 1270 г. — характерный памятник новгородской школы последней трети XIII в. Его художественное убранство отмечено местными особенностями, проявившимися в разной мере в стиле миниатюр, иконографии миниатюр и орнаменте. Среди этих местных особенностей прослеживаются, с одной стороны, передовые черты, которым принадлежало будущее новгородской живописи, с другой — архаические черты, восходящие к новгородской фреске последней трети XII в.

В стиле миниатюр определяющими являются именно эти новые для новгородского искусства признаки, хотя рядом с ними уживаются и архаизмы. С архаизмами стиля согласуются элементы восточной иконографии, особенно свойственной новгородскому искусству на первой стадии развития местного художественного почерка в XII в. В иконографии миниатюр местные признаки проявились меньше, чем в стилистических приемах: в ней нет еще специфических новгородских деталей; но ее уже отличает своеобразное обращение к различным изводам, свойственное искусству Новгорода в большей мере, чем искусству других русских областей.

---

[140] Например, рукописи: ГИМ, собрание А. И. Хлудова, № 3; ГБЛ, ф. 37, № 434.

[141] Орнамент, наиболее близкий болгарским прототипам, с частым употреблением первичных форм болгарской тератологии: ГПБ, Соф. 1, Fn. I. 9, Fn. I. 22; сходство с примитивно-живописными образцами южнославянского звериного орнамента: ГПБ, Соф. 519; особая группа: ГИМ, собрание Хлудова, № 3; ГБЛ, ф. 37, № 434 (см. сноску 140). К последнему типу близок орнамент Псалтири 1269 г. (ГИМ, Син. 235. См. Материалы для истории письмен..., стр. 23, табл. XII), которую А. И. Соболевский считает западнорусской (Новгородский говор. Рецензия на статью акад. А. А. Шахматова. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1887, № 11, стр. 105).

Орнамент Евангелия Лотыша, имеющий своими истоками в основном южнославянские и византийские образцы, испытывает значительную руссификацию; преобладающими в нем являются новгородские черты. Среди трех рассмотренных видов новгородских книжных узоров второй половины XIII в. орнамент мастерской, из которой вышло Евангелие Лотыша, занимает по своим стилистическим свойствам промежуточное место между болгаризированным типом узоров в рукописях и характерным местным типом, из которого выросла развитая новгородская тератология XIV в.

Живопись Евангелия Лотыша свидетельствует о сложении местного художественного языка к последней трети XIII в. Возможность определения столь точных хронологических рамок этого процесса представляет собой большой интерес, тем более, что в новгородской живописи долго, в течение XIV—XV вв., держались архаические черты, существовавшие рядом с развитым стилем.

Анализ живописи Евангелия Лотыша подтверждает мысль о том, что в миниатюре Новгорода благодаря ее специфике многие особенности местной художественной манеры откристаллизовались раньше, чем в новгородском монументальном искусстве.

В заключение автор приносит глубокую благодарность В. Н. Лазареву, Н. Е. Мневой и А. Н. Свирину, любезно согласившимся прочитать эту работу в рукописи и давшим ряд ценных советов.

И. М. Кудрявцев

СБОРНИК ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XV — НАЧАЛА XVI в. ИЗ МУЗЕЙНОГО СОБРАНИЯ

Материалы к исследованию

В 1898 году в отдел рукописей Румянцевского музея поступил интересный сборник[1]. В Отчете за этот год ему была дана следующая характеристика: «Сборник летописных и других статей. Полуустав разных рук кон. XV — нач. XVI века, в 4-ку, на 291 л. Из числа статей, занесенных в этот сборник, особенно важны относящиеся к борьбе с ересью жидовствующих. Здесь находится, например, полный текст известного поучения митрополита Зосимы по поводу осуждения еретиков на втором соборе против жидовствующих (1491 г.). Доселе был известен лишь небольшой отрывок этого поучения. Кроме того, здесь же сохранился соборный обвинительный акт, прочитанный митрополитом Зосимою еретикам. Документы эти будут изданы в ближайшей книге Чтений Общества истории и древностей российских»[2].

Такая рукопись не могла, конечно, не привлечь внимания исследователей, и со времени поступления ее в отдел к этому источнику обращались неоднократно.

Обещанная публикация появилась в Чтениях ОИДР за 1902 год[3]. Она была подготовлена хранителем отдела рукописей С. О. Долговым, который имел возможность первым ознакомиться с содержанием ценной рукописи. Его статья «Московский собор 1490 года против жидовствующих. По новооткрытым документам»[4] включает в себя публикацию двух статей Сборника — Соборный приговор 1490 года («О еретикох», лл. 11—12) и Поучение митрополита Зосимы («На ересникы обличение», лл. 12об.— 15об.) — и исследование по поводу этих документов.

Приговор «О еретиках» известен до сих пор только в этом единственном списке; Поучение Зосимы в полном составе также обнаружено пока лишь в этой рукописи.

В том же 1902 году П. Н. Сакулин опубликовал еще одну небольшую заметку из Сборника М. 3271. Это краткий пересказ Повести о воеводе Евстратии (л. 65), восходящий, по мнению Са-

---

[1] Фонд 178, № 3271. Рукопись была передана директором музея М. А. Веневитиновым.

[2] Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1898 год. М., 1899, стр. 17.

[3] Книга 3 (202). М., 1902.

[4] Там же, стр. 111—125.

кулина, к саге о Велизарии [5]. Текст этого пересказа древнее известных списков Повести, на которые указывает издатель.

В. Ф. Ржига в статье, посвященной Ермолаю-Еразму [6], коснулся помещенного в Сборнике списка Повести о Митяе архимандрите (лл. 27об.—33). Возражая И. А. Шляпкину, который предположительно приписывал авторство Повести Ермолаю-Еразму, В. Ф. Ржига указывает, что Повесть находится в более ранних летописных сводах, богата точными подробностями, свидетельствующими о ее хронологической близости к описываемым событиям, и в рукописях встречается довольно рано — исследователь указывает на список нашего сборника, который он предположительно относит к самому началу XVI в. [7].

Большую и плодотворную работу над первой частью рукописи проделал А. Д. Седельников, опубликовавший «Речи посла цесарева» (лл. 4об.—5об.) и давший подробное описание этой части (лл. 1—65) с перечнем всех статей, входящих в нее [8]. Эту первую часть рукописи А. Д. Седельников датирует 1491-м или концом 1490-го года, а остальные части (очень осторожно) — последней четвертью XV в. [9].

В 1938 году В. М. Истрин, публикуя историю Иудейской войны Иосифа Флавия [10], использовал список Истории, помещенный в конце Сборника (лл. 256—291об.).

В 1955 году А. Н. Насоновым в статье «Летописные памятники хранилищ Москвы. (Новые материалы)» [11] дана характеристика второй (летописной) части Сборника М. 3271 (лл. 66—255об.). Исследователь, датируя рукопись концом XV — началом XVI в., отмечает, что текст ее примыкает «к летописной традиции, использовавшей в значительной мере Софийскую 1-ю летопись» и что «составитель сборника проявляет интерес к новгородским «владыкам»... и к новгородским «ересям». Изучение состава «летописца» на лл. 121об.—236, заключает А. Н. Насонов, «показывает, что до известия 1418 (6926) года (здесь листа недостает) он представляет собою извлечения из Софийской 1-й летописи или ее протографа, а с 6930 года текст частью совпадает со списком Царского Софийской 1-й летописи (и, вероятно, представляющим собою более раннюю редакцию, так как список Царского кончается на 1509 г.), а частью близок к тексту московского свода 1480 г.» [12].

---

[5] Сакулин П. Русская повесть о воеводе Евстратии. (К литературной истории саги о Велизарии). — «Под знаменем науки». Юбилейный сборник в честь Николая Ильича Стороженка, изданный его учениками и почитателями. М., 1902, стр. 481—487.

[6] Ржига В. Ф. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 годы. Вып. 33. Л., 1926, стр. 103—200.

[7] Там же, стр. 165—166. В сноске автор статьи добавляет, что на дату есть указание на л. 6об., где приводится 5621 г. и отсчет: «оттоле до сих мест 400 лет да 1000», из чего следует, что сборник писался около 1513 года (5621—5508+ +1400=1513).

[8] Седельников А. Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции. — Труды Комиссии по древнерусской литературе. Т. I. Л., 1932, стр. 33—57.

[9] Там же, стр. 47, 33—36.

[10] Istrin V. La Prise de Jérusalem de Joséphe le Juif... Tome second. Paris, 1938.

[11] Проблемы источниковедения. Вып. IV. М., 1955, стр. 243—285.

[12] Там же, стр. 250—251.

В том же 1955 году Я. С. Лурье вторично опубликовал тексты Соборного приговора 1490 года и Поучения митрополита Зосимы [13] и впервые — отрывок послания Геннадия Гонзова к неизвестному (лл. 5об.—6) [14]. При этом он предложил несколько иную, чем у А. Д. Седельникова, датировку первой части Сборника — не ранее 1492 года и даже вскоре после этого года.

В 1957 году А. А. Зимин опубликовал еще одну статью Сборника — фрагменты из «Хожения за три моря» Афанасия Никитина (л. 35об.), указав, что текст фрагментов — древнейший [15]. В научном издании памятника в 1958 году этот текст уже принимается во внимание [16] как древнейший [17].

Последней части Сборника, содержащей неполный текст Истории Иудейской войны Иосифа Флавия, касается и Н. А. Мещерский при публикации этого произведения. В археографическом и историко-литературном очерке, где дан перечень списков Истории, исследователь характеризует наш список как «очень неполный и разрозненный». «Список по почерку, — пишет он, — восходит ко времени не позднее середины XV века. Это самый ранний список по возрасту, однако в отношении языка он отражает редакторскую правку, связанную со славянизацией текста под воздействием так называемого «вторичного южнославянского влияния» [18].

Наконец, А. И. Клибанов в монографии, по-новому и интересно освещающей идейные движения XIV—XVI вв., также касается одного отрывочного текста, включенного в наш Сборник, — «Десятина нивы: сеавшему девять снопов...» (л. 40об.) — и указывает на социальную направленность его [19].

Приведенные данные свидетельствуют с достаточной убедительностью о большой ценности рукописи. Действительно, в ней сосредоточен ряд текстов, известных только по этому сборнику, и ряд древнейших списков произведений, научное значение которых советскими учеными расценивается как первостепенное. Она увеличивается еще и тем, что в рукопись вошли многие тексты, только что сложившиеся, и документы, только что возникшие, а некоторые из записей первой части сборника, очевидно, принадлежат перу ее составителя. Отдельные же статьи и их подбор, кратчайшие записи и весь состав Сборника отражают живую жизнь Московского государства последней четверти XV в., распространение идей того времени и их борьбу.

---

[13] Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М. — Л., 1955, стр. 382—386. Повторная публикация этих документов вполне правомерна и по их важности, и потому, что при публикации 1955 г. они являлись частью целого круга текстов, связанных с еретическим движением конца XV — начала XVI в.

[14] Там же, стр. 388—391.

[15] Зимин А. А. Новые списки «Хожения» Афанасия Никитина. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 437—439.

[16] Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. — Литературные памятники. 2-е изд. М.—Л., 1958, стр. 164, 176—177.

[17] Там же, стр. 161.

[18] Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 19—20.

[19] Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960, стр. 250—251.

Все это обязывает подходить к такому источнику внимательно и осторожно. Необходимо понять закономерность помещения в нем той или иной статьи, проследить историю возникновения рукописи и установить круги, в которых она родилась и бытовала, и значение ее как культурно-идеологического фактора того времени. Поверхностное решение этих вопросов может привести к ошибочным выводам в дальнейших научных построениях, опирающихся на этот важнейший памятник древнерусской письменности.

А. Д. Седельников, характеризуя рукопись, высказал предположение, что из трех центров, где, по его мнению, мог составляться Сборник (он имел в виду первую часть его) — Новгород, Москва и Иосифо-Волоколамский монастырь — следует отдать предпочтение Новгороду, точнее Геннадиеву окружению [20].

На чем же исследователь основывает свое суждение? В Сборнике имеется несколько статей (очень важных статей), связанных с ересью «жидовствующих» [21], в том числе и тексты из посланий самого Геннадия Гонзова (три центра, о которых говорит А. Д. Седельников, были центрами борьбы с еретиками). В рукописи помещены список новгородских епископов и статьи, связанные с составлением новой пасхалии, — это дополнительный аргумент в решении вопроса. Прежде всего нам кажется не совсем правильным стремление А. Д. Седельникова (да и не одного его) связывать вопросы идеологической борьбы, ее распространения с определенными лишь центрами [22]. Недостаточно углубленным, на наш взгляд, было и его обследование Сборника, в котором он остановился на одной его (первой) части, что само по себе могло привести к ошибкам. Продолжая им же начатую и во многом очень плодотворную работу над составом Сборника, мы приходим к иному, чем он, выводу в отношении истории рукописи.

Помимо необходимости точного обследования подобного рода источников и с внешней стороны, и со стороны их содержания для правильной ориентации исследователей, опирающихся на этот источник, такие рукописи, по нашему глубокому убеждению, должны обследоваться и изучаться и как самостоятельные факты в истории литературы, общественной мысли, в истории культуры вообще. Комплекс статей, тексты и краткие отрывки и записи рассказывают нам о далеком прошлом подчас более ярко, чем то или иное произведение, взятое в отдельности. При внимательном анализе такой рукописи выясняется, какие события волновали умы людей того времени и как они осмыслялись, какие идеи носились в воздухе и с какой глубиной и страстностью переживались эти

---

[20] Седельников А. Д. Указ. соч., стр. 48—49.

[21] Мы употребляем это название русских еретиков кон. XV — нач. XVI вв. как привычное и краткое, вполне понимая его условность и даже прямое несоответствие с существом ереси.

[22] Мы вполне соглашаемся с А. И. Клибановым, который раздвигает рамки распространения такой борьбы и в отношении социального состава ее участников, и в территориальном отношении. «Как ни ограничена из-за малого числа источников воссоздаваемая здесь картина распространения реформационного движения, — пишет он, в частности, — она достаточна, чтобы заключить, что во второй половине XV века реформационные идеи в различном масштабе и с неодинаковой интенсивностью затронули население всех основных центров формировавшегося русского государства». Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960, стр. 187.

идеи. В ряду документальных и литературных источников о нашем прошлом подобные сборники должны занять почетное место.

Настоящая статья не ставит своей целью ответить на все эти вопросы или хотя бы осветить их все. Задачи ее гораздо скромнее. Это лишь материалы к исследованию, где в меру наших возможностей уточняется состав Сборника, литературная история отдельных его статей и делается попытка проникнуть в историю создания Сборника в целом [23].

* *
*

Сборник М. 3271 представляет собой рукопись последн. четв. XV — нач. XVI в., писанную полууставом нескольких почерков, в четверть листа, без начала и конца; часть листов утеряна и из середины. После реставрации рукопись переплетена в кожаный переплет [24]. Содержит 292 лл. (I+291) [25], размером 19,8×14,6 [26]. На лл. 1 и 49 в верхних правых углах текст утерян. Часть статей рукописи имеет киноварные заголовки и многочисленные киноварные заглавные буквы.

Состав рукописи и некоторые внешние данные позволяют разделить Сборник на три части: собрание статей и выписей исторического, естественнонаучного и богословско-полемического содержания — лл. 1—65, летописный текст — лл. 66—255 и часть Истории Иудейской войны Иосифа Флавия — лл. 256—291. Филиграни бумаги, помогающие в совокупности с другими палеографическими наблюдениями датировать рукопись, следующие: на л. I (форзац), вставленном при переплете (?), нижняя часть готической буквы P (лат.) без раздвоенного конца — бум. зн., близкий к указанному Н. П. Лихачевым № 4153—1534 г. [27]. На лл. 1—65 — голова быка с крестом, перевитым змеей, типа Лихачев № 1238—1478 г., № 2917—1498 г., № 2692 — последн. четв. XV в., № 3914—1485 г., № 2685 — последн. четв. XV в., Briquet № 15375—1492 г.; часть гербового щита с тремя геральдическими лилиями и розеткой над ним — бум. зн., близкий Лихачеву № 1454—1514 г. [28]. На лл. 66—255 — голова быка с крестом, перевитым змеей, типа Лихачев № 2693 — последн. четв. XV в., близкий к Briquet № 14762—1470-1475 гг.; кардинальская шляпа типа Briquet № 3446—1488-1492 гг. На лл. 256—291 — та же кардинальская шляпа. На полях первой части сборника, содержащей разнообразные статьи, — пометы теми же и позднейшим почерками: «зри», «зде» («зде зри»?), «и» десятиричное и отчерки. На отдельных листах также карандашные пометы (А. Д. Седельникова?) с библиографическими указаниями соответствующих печатных текстов.

---

[23] Ряд весьма ценных замечаний по поводу предлагаемой статьи сделали А. И. Клибанов, Я. С. Лурье и В. И. Буганов, взявшие на себя труд прочитать статью в рукописи. Приношу им искреннюю благодарность.

[24] Рукопись была расплетена и реставрирована в 1958 г. в отделе гигиены и реставрации Библиотеки имени В. И. Ленина. Переплетена после реставрации в 1962 г.

[25] 1 л. форз. + 48 тетр. по 6 лл. + 1 тетр. в 3 лл.

[26] Встречающиеся отклонения в разных тетрадях незначительны (до 0,1 см.).

[27] Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Тт. I—III. Спб., 1899.

[28] Палеографическое описание первой части сборника см.: Седельников А. Д. Указ. соч., стр. 34—36.

Следует подчеркнуть, что в первой части Сборника — она написана не одним почерком [29] — многие из статей одного и того же почерка имеют отличия в оттенке чернил и начертании букв (писано другим пером). Это свидетельствует, что статьи не переписывались подряд из одного источника, а вписывались составителем в разное время из разных источников.

Вторая часть Сборника писана двумя почерками (лл. 66—77об. и 77об. до конца). Почерки более устойчивы, без особых отклонений. Третья часть писана одним устойчивым, более архаичным почерком. Почерк иной, чем во 2-й части, хотя бумага та же.

По поводу первой части Сборника А. Д. Седельников замечает: «В графике и орфографии встречаются югославянские особенности... Язык сборника, сообразно с происхождением и содержанием статей, то церковно-славянский, то книжный великорусский, то великорусский, окрашенный устною речью (как язык «Речей»), в смысле диалектизмов бесцветный, если не считать очень редких следов среднерусского говора... «Описок» в сторону новгородских фонетических признаков (вроде мены Ц на Ч) на 65 листах сборника совершенно не отмечено» [30].

Действительно, на правописании статей первой части сильно отразилось написание оригиналов, с которых брался текст для занесения в Сборник, — это второе, очень капитальное свидетельство (первое — оттенок чернил и некоторое отличие в начертании букв) того, что составитель пользовался не одним источником. Особенно заметно это при сличении одного и того же текста Духовной митрополита Киприана, помещенного в Сборнике дважды (лл. 33—35, 192—193об.).

Характер правописания второй и третьей частей Сборника более устойчив, но тоже не дает больших возможностей для решения вопроса о месте их написания. Из особенностей второй части отметим частое написание «нАугородци» и «нАугородскыя» (лл. 90, 91, 93, 106 и др.), вместо «нОугородци» и т. д.; «горАжане» (л. 142об.); «Церницам» (л. 77), «в ТоропеЧ<ь>, «торопЧем» (л. 106); «некоторОВА» (л. 143об.), «в сторожОВОм полку» (л. 150), «дождОВА туча» (л. 150об.), а в первой части—«вторАВО слова» (л. 62об.). Примеры эти указывают на возможность написания текста на севере (вологодский говор). Большинство же особенностей близко среднерусскому говору.

Все правописание в целом поддерживает данные палеографии и содержания рукописи, по которым она датируется последн. четв. XV—нач. XVI в. (первая часть 1492-1494 гг.).

* *
*

Характеристику состава Сборника мы позволим себе начать со второй его части, основной в количественном отношении (лл. 66—255об.) и до сих пор еще не вполне опознанной.

Часть эта содержит текст Вологодско-Пермской летописи, по сравнению с известными ее списками XVI в. неполный и с пропусками [31]. Начинается он с отдельных, преимуще-

[29] Седельников А. Д. Указ. соч., стр. 35.
[30] Там же, стр. 34—35.
[31] Часть пропусков из-за утери листов.

ственно воинских повестей, отразивших пагубные для Русской земли междоусобные войны и нашествия. Повести эти имеются и в других летописных сводах и прежде всего в летописи Софийской I, на сходство с которой указывал, как мы видели, А. Н. Насонов, поэтому могут возникнуть сомнения в том, что они являются частью свода Вологодско-Пермского. Последующий текст снимает эти сомнения, да и пристальное сличение списков даже этих повестей приводит к полной уверенности в их принадлежности к Вологодско-Пермской летописи, где они примыкают к Академическому и (в отдельных частях) к Лондонскому спискам ее.

Перед нами древнейший из известных списков Вологодско-Пермской летописи (назовем его Музейным списком), очень важный для установления истории ее создания.

Печатное издание Летописи [32] позволяет без особого труда проследить состав нашего списка и установить все отличия его от позднейших списков Вологодско-Пермской летописи.

Список содержит:

1. Повесть «о взятии богохранимаго Царяграда в лето 6712»[33]. Нач.: «Царствующу Алексе в Цариграде...» Кон.: «...И тако погибе богохранимаго града Констянтина царьство и зем[л]я Греческаа в сваде царьи, ею же обладають фрязи» (лл. 66—70об. Соответствует печатному тексту ПСРЛ, т. XXVI, стр. 57—60 [34])[35].

2. Сказание «Калецьское побоище в лето 6732»[36]. Нач.: «По грехом нашим придоша языци незнаеми...» Кон.: «...сих же злых татар таурмен не ведаем, откуду были пришли на нас и де ся дели опят<ь>[37], толко бог весть» (лл. 70об.—76; стр. 66—69).

Известия за 6733 (1225) — 6744 (1236) годы (краткие записи между двух больших повестей) о новгородских, киевских и (в меньшей степени) владимирских и московских событиях — в список не включены.

3. Сказание «О взятии Русской земли от царя Батыа в лето 6745»[36] и описание последующих событий: взятие Киева и других южных городов. Нач.: «Того же лет<а> на зиму придоша от въсточныя страны на Рязаньскую землю лесом безбожни татарове с царем Батыем...» Кон.: «...и възратишас<я> в землю свою, много зла створиша крестъяном» (лл. 76—88об., стр. 71—77).

4. Летописные записи за 6724—6725 годы о междоусобных войнах. Нач.: «В лето 6724. Княз<ь> великыи Мьстислав поиде с новогородци на зятя своего князя Яросла-

---

[32] ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959.

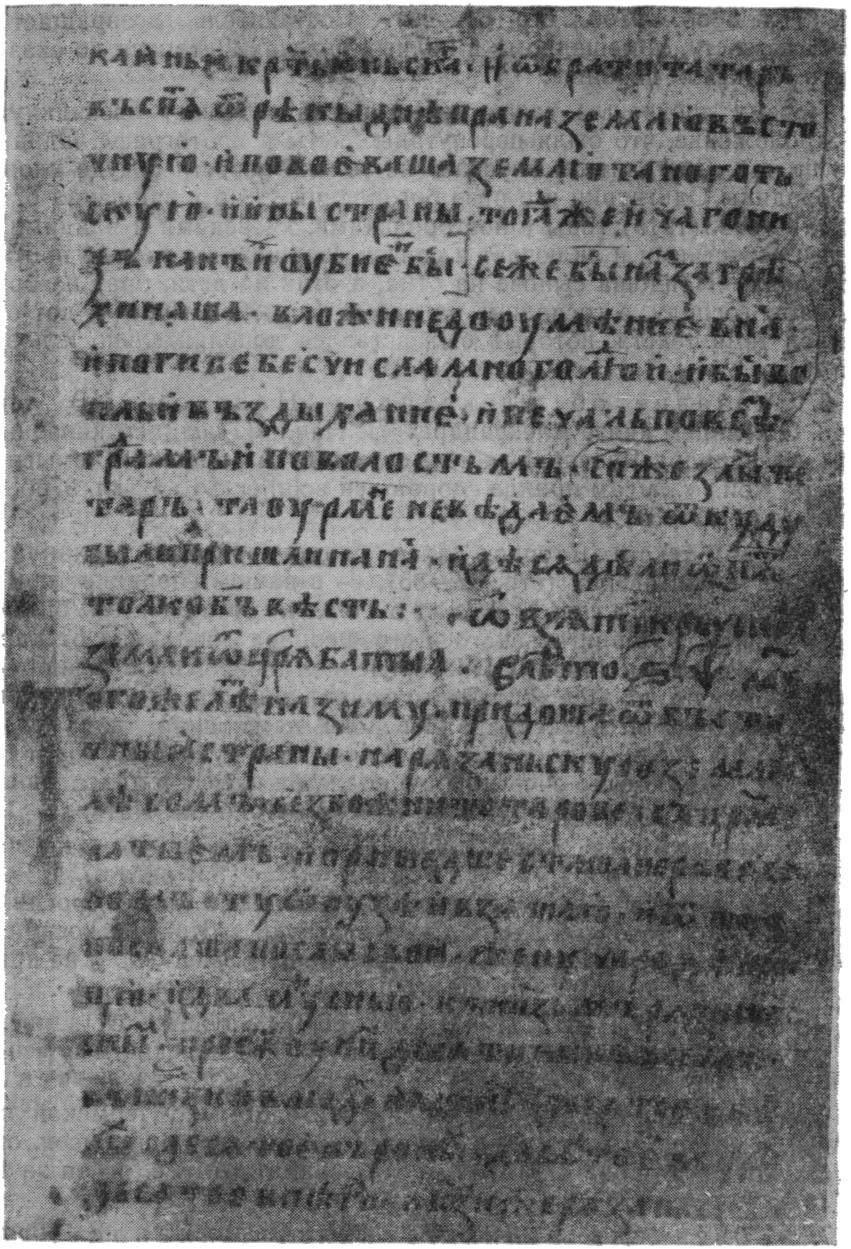
[33] Заголовок киноварный. О повести см.: Мещерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 120—135.

[34] Ниже указываются только страницы XXVI тома.

[35] В полных списках Вологодско-Пермской летописи далее следуют повести «О чюдеси иконы пречистыя богородица Одигитрее» и «О ризе пресвятыя богородица». Повести эти помещены в первой части Сборника.

[36] Заголовок киноварный.

[37] В угловых скобках даются отдельные буквы, наличие которых вызывает сомнение. Это чаще всего Е и Ь при выносных ЖЕ (Ж), ЛЬ (Л), НЬ (Н).

Сборник последн. четв. XV — нач. XVI в.
Ф. 178, № 3271, л. 76.

ва...» Кон.: «...победивше силнии полци, вземше свою честь и славу» (лл. 88об.—97об.; стр. 61—66). Составитель возвращается здесь к тексту, помещенному в полных списках Летописи до сказания о Калкском побоище.

Почему произошла такая перестановка? Может возникнуть предположение, что были перепутаны листы в протографе. Однако это не так. Составитель опускает не только повести о чуде иконы богородицы Одигитрии и о ризе богородицы [38], но и записи за 6713 (1205)—6723(1215) годы с новгородскими, киевскими и владимирскими известиями и включает в список сообщения о походе против Ярослава. «Поидоша сынове на отца, а отци на дети, брат на брата, рабы господу, а господинь на рабы» (лл. 89об.—90) — вот основная тема текста, который был вставлен дополнительно к повестям.

5. Сказание об Александре Невском («В лето 6748. О велицем князе Александре» [39]). Нач.: «О велицем князе нашем Александре Ярославич<и>, о умном и крепком, смысленом...» Кон.: «...а сам прииде сдоров вся во[и] ег<о>» (лл. 97об.—106об.; стр. 77—82).

В полном тексте Летописи далее следует Житие Михаила и Феодора Черниговских (стр. 82—85), — в нашем сборнике помещен лишь киноварный заголовок Жития: «Убьение князя Михаила Черниговьскаго и его Феодора болярина от царя Батыя в Орде» (л. 106об.). Произведение, посвященное южнорусским событиям, да еще житийного содержания (в противоположность Сказанию об Александре Невском), не входило, видимо, в круг текстов, которые составитель включал в рукопись. Правда, круг этот не был точно очерчен (что подтверждается и дальнейшим отбором), если составитель все же вписал заголовок Жития.

6. Летописные известия, дополняющие Сказание об Александре Невском. Нач.: «В лето 6754. Яко ж<е> бо по первом взят<ь>е Батыеве великыи князь Ярославь Всеволодич<ь> обнови землю Сузьдальскую...» Кон.: «...восприяхом закон от седми збор святых отець, а вашего учен<ь>я не приемлем» (лл. 106об.—109; стр. 85—87).

Известия за 6761(1253)—6826(1318) годы с записями событий преимущественно новгородских и псковских и в меньшей мере ростовских и тверских — в список не включены.

Отметим, что в Академическом списке Вологодско-Пермской летописи, к которому в некоторых частях примыкает наш список, отсутствуют известия за 6771-6780 и 6787-6823 годы, т. е. почти за те же годы [40].

7. «Убьен<ь>е великаго князя Михаила Ярославич<а> Тфирьскаг<о> в Орде от царя Азбяка» [41]. Нач.: «Се блаженыи приснопамятныи и боголюбивыи великыи княз<ь> Михаило Ярославич<ь>, внук [42] великого князя

[38] Они вошли в первую часть Сборника.
[39] Заголовок киноварный.
[40] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 89—93, 94—98.
[41] Заголовок киноварный.
[42] Над строкой вставлено скорописью «про» (то есть «провнук»).

Всеволода Юрьевич<а>...» Кон.: «...како удиви бог святыя своя угодникы, пострадавше за нь» (лл. 109—121об.; стр. 99—107).

8. Летописные известия за последующие годы (с лета 6827) в соответствии с полным текстом летописи, но с некоторыми особенностями и пропусками (все они отмечаются ниже). Нач.: «А Кончака и Юрьеву княгиню привезоша в Ростов...» (л. 121об.; стр. 107).

В дальнейший текст рукописи не включено «Послание архиепископа Новогородцкаго Василья ко владыце Тферскому Феодору» о рае [43]. Оно отсутствует также в Чертковском и Академическом списках [44], а в Лондонском списке вынесено в начало [45].

Сказание о Мамаевом побоище («Побоище великому князю Дмитрею Иванович<ю> на Дону с Момаем»), помещенное в рукописи, относится к редакции летописей Софийской I [46] и Новгородской IV [47]. Эта же редакция и в Академическом списке Вологодско-Пермской летописи. Так же, как в последнем, конец Сказания нашего списка совпадает с опубликованным (Кирилло-Белозерским) списком [48]. Начало Сказания: «Прииде ордынскыи князь Момаи с единомышленикы своими...» до слов: «...дерзнуша по бозе и за веру хрестьян<ь>скую». Затем (как в Кирилло-Белозерском списке) со слов: «Възратис<я> оттуду в богохранимыи град на Москву...» (лл. 144—156). Далее, как и в опубликованном тексте, — Сказание «о Московьском взятие от царя Тактамыша и о пленении земли Руской» (лл. 156—165об.).

Текст обрывается из-за утери 2-х листов [49] на словах: «И поеха с Москвы княз<ь> Семен и со княгинею и з детми на Вятку, но болен сыи, и пребыв на Вятке 5 месяць и разболеся и преставися...» (л. 191об.; стр. 170). Далее со слов: «...и благославным и праверным царем крестьянскым...» (л. 192; стр. 172) до слов: «Того ж<е> лета княз<ь> Шветригайло от[ъ]еха от великого князя Васил<ь>я Дмитреевич<а> в Литву, служив великому князю Васил<ь>ю» (л. 195; стр. 174).

Последующие известия: «В лето 6916. О коркоте» и «О Тферских князех» (стр. 175) в текст не включены, а статьи: «О Едигее», «О Талыче царевиче и о пленении Владимеря» и «О княгине Анне» (стр. 175—178) вставлены позднее (лл. 236—240об.).

Далее со слов: «В лето 6917. Ходи Анфал на болгары и тамо около его рат<ь> побиша, а самого яша...» (л. 195; стр. 178).

Текст обрывается из-за утери 1-го листа на словах: «И

---

[43] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 108—110.

[44] Там же, стр. 107, 110 (сноски).

[45] См. Копию Лондонского списка Вологодско-Пермской летописи из Собрания Н. П. Румянцева. — ГБЛ, ф. 256, № 246.1, лл. 6об.—9об.

[46] ПСРЛ, т. VI. Спб., 1853. Прибавления (стр. 90—98).

[47] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1. Пг., 1915, стр. 311—320; вып. 2. Л., 1925, стр. 321—325.

[48] В Лондонском списке помещены обе редакции Сказания: первое, как в Академическом списке, второе в редакции несколько отличной от Кирилло-Белозерского списка. См.: ПСРЛ, т. XXVI, стр. 356.

[49] Количество утерянных листов определяется из соотношения с печатным текстом.

Данко приехал к граду ночи в 500 человек, и те ег<о> светници у города отвод о<т>тяша» (л. 199об.; стр. 181). Далее со слов: «...в Галиче и на Плесе, в Ростове...» (л. 200; стр. 182).

Текст обрывается из-за утери 1-го листа на словах: «Того ж<е> лета князь<ь> Ординской Ай[дар]...» (л. 205об.; стр. 186). Далее со слов: «...но добр бяше до князя Юрья» (л. 206; стр. 187).

Текст обрывается из-за утери 3-х листов на словах: «А Ряполовьские то (слыша)вше[50] князь Иван и брать[я]...» (л. 229об.; стр. 203). Далее со слов: «...что князь велики выпущен, а дана ему Вологда...» (л. 230; стр. 205).

Текст обрывается из-за утери 3-х листов на словах: «и отпустив же тог<о>, поиде сам назад к Москве...» (л. 231об.; стр. 207). Далее со слов: «...[пе]рвое с города пущат<ь> пушки, и тюфяки, и пищали, и самострѣлы...» (л. 232; стр. 209) — до слов: «Того ж<е> лет<а> маия 29 взят быс<ть> Царьград от безбожных турков, от Мустофы Муратович<а>» (л. 236; стр. 212).

Далее следуют более ранние статьи — «О Едигее», «О Талыче царевиче...» и «О княжне Анне», — вставленные не на свое место, со слов: «О Едегеи. Тое ж<е> зимы некоторои князь<ь> Ординьскыи, именем Едигеи...» до слов: «О княжне Анне. В лето 6919 князь<ь> великии Василеи Дмитреевич<ь> отдас<ть> дщерь свою княжну Анну в Царьград за царевич<а> Иоана Мануилович<а>» (лл. 236—240об.; стр. 175—178).

В так называемом Воронцовском сборнике, содержащем текст Вологодско-Пермской летописи, эти статьи вставлены тоже как будто не на месте, только здесь они вставлены позднее[51].

Известия Вологодско-Пермской летописи до 1408 года, как указывает М. Н. Тихомиров, черпались почти целиком из Софийской I летописи. «Но еще до окончания Софийской Первой Вологодско-Пермская летопись пользуется известиями из второго источника (под 1408 и 1409 гг.) о коркоте, мире с Витовтом, о тверских князьях, о Едигее и Талыче, о княжне Анне»[52]. Первые из этих известий, как мы видели, в наш список не были включены совсем, остальные попали не на свое место. Не свидетельствует ли это о раннем этапе работы над сводом, когда летописные известия не переписывались с готового оригинала, а брались из разных источников или, по крайней мере, отражали эту стадию работы.

Последующие известия за 1452—1471 гг. со статьи «О великого князя свадьбе Ивана Васильевича» до знамений 1471 года в новгородских церквах (стр. 212—230) в рукопись не вошли.

Сообщения Сборника следуют далее со статьи «О новогородцех и о владыце Феофиле»[53] (л. 240об.; стр. 230)[54].

---

[50] Часть слова, взятая в скобки, написана позднее на нижнем поле другим почерком.

[51] Шахматов А. А. Несколько слов о Воронцовском историческом сборнике XVI в. — Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913, стр. 404.

[52] Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи. — Проблемы источниковедения. Сборник третий. М.—Л., 1940, стр. 230.

[53] Заголовок киноварный.

[54] С этих же сообщений возобновляется текст в Воронцовском сборнике. См.: Шахматов А. А. Указ. соч., стр. 404—405.

Текст обрывается из-за утери 2-х листов на словах: «но <и> свое зломыслие творяху, то не горее ли си иноверных...» (л. 247об.; стр. 235). Далее со слов: «...[спро]ста рещи плотници и горньчары и прочии, котории род<и>вся на лошади не бывал...» (л. 248; стр. 237).

Текст обрывается из-за утери 4-х листов на словах: «чтобы пожаловал оспод<а>рь, смиловся над ними, въздратил бы гнев свои не их рад<и>...» (л. 251об.; стр. 240). Далее со слов: «...[архима]ндрити, и протопопи, и игумени честнии...» (л. 252; стр. 243) до слов: «Тоя ж<е> зимы повезоша камень на Москву на создание церкви святыя богородици» (л. 252; стр. 243)[55].

Текст летописи за 1472—1479 гг., начиная со «Знамения» звезды 1472 года и кончая знамениями («О звездах» и «О звону»), предшествующими нашествию Ахмата в 1480 году (стр. 243—262), в Сборник не вошел. Возможно, что и этот пропуск определяется ранней стадией работы летописца над источниками.

Далее следует Повесть «О приходе безбожнаго царя Ахмута на Угре»[53]. Текст обрывается из-за утери листов на словах: «и поиде к Москве, нача помощи просити у всемилостиваго Спаса и у пречистые ег<о> матери и у чюдотворцова гробу Петрова и у Алексея и у иных прочих чюдотворцев, бьючи челом...» (лл. 252—255об.; стр. 262—265).

Утеря последующего текста Повести не позволяет решить вопрос, входило ли в нее, как это наблюдается в большинстве полных списков, Послание Вассиана Рыло на Угру (в Чертковском списке, например, его нет), а между тем это могло бы помочь в решении вопроса о создании Вологодско-Пермской летописи. Забегая вперед отметим, что список Послания помещен в первой части нашего сборника.

Были ли включены в наш список повести, предшествующие Повести о взятии Царьграда, утраченные, быть может, вследствие утери листов? Внешний вид рукописи не позволяет решить этот вопрос: в Сборнике М.3271 киноварным заголовком этой повести начинается вторая часть рукописи, и никакого предыдущего текста на первом листе этой части нет.

В полном опубликованном тексте Летописи (ПСРЛ, т. XXVI) до Повести о взятии Царьграда находятся: 1) Повесть «откуду пошла Русская земля» с известным историко-географическим экскурсом в прошлое, касающееся главным образом Киева и Новгорода (стр. 9—13); 2) Повесть о вере христианской (Испытание о вере) в летописном апокрифическом ее изложении (стр. 21—29); 3) повести о взятии Корсуни и крещении Владимира, примыкающие к предыдущей (стр. 29—31); 4) Мучение Бориса и Глеба (стр. 33—40). Все они иного смысла и характера, чем повести, которыми начинается наш список Вологодско-Пермской летописи, и составитель мог сознательно не включить их в рукопись, как не включил он Житие Михаила и Феодора Черниговских.

Из приведенного обзора состава второй части Сборника М.3271 видно, что перед нами особая редакция Вологодско-

[55] Так же обрывается текст в Воронцовском сборнике. Там же, стр. 465.

Пермской летописи, которая характеризуется прежде всего тем, что первая (меньшая) ее часть содержит отдельные летописные, преимущественно воинские, повести, а вторая — общий летописный текст, не имеющий значительного количества известий и статей позднейших редакций свода. Эта особая редакция представлена древнейшим из известных списков Вологодско-Пермского летописного свода. Последнее обстоятельство заставляет особенно внимательно отнестись к нему, когда будет решаться вопрос, что́ перед нами — выборка из вполне сложившегося текста ранней редакции летописи или список, отражающий процесс создания этого текста.

Следует сопоставить наш список со списком Лондонским, который в некоторых частях близок к нашему [56]. Начальные листы в нем сильно перепутаны, и это очень затрудняет возможность установить первоначальное расположение статей [57]. Однако в нем помещен почти полный текст, хотя и в беспорядке [58]. Все же и в этом хаотическом расположении текста намечается выделение отдельных повестей в начало рукописи [59].

Таким образом, особая редакция Вологодско-Пермской летописи, представленная Музейным списком, находит себе некоторую аналогию и в одном из позднейших списков XVI века, известия которого оканчиваются 1499 годом [60], и в редакции Вологодско-Пермской летописи, помещенной в Воронцовском сборнике.

Утрата листов в конце второй части Сборника М.3271 — текст обрывается на середине Повести о нашествии Ахмата в 1480 году —

---

[56] Лондонский список втор. пол. XVI в. — ПСРЛ, т. XXVI, стр. 7.

[57] Порядок статей Лондонского списка следующий: Повесть «Откуда есть пошла Руская земля» (ф. 256, № 246.1, лл. 1—6об.); «Послание архиепископа Новгородцкаго Василия к владыце Тверъскому Феодору» о рае (лл. 6об.—9об.); «Мучение Бориса и Глеба», без конца (лл. 9об.—21об.); конец «Кальского побоища» (лл. 22—22об.), Сказание «О взятии Руской земли от царя Батыа», без конца (лл. 22об.—27об.); конец Повести о взятии Царьграда (лл. 28—30); повести «О иконе пречистые Одегитрие в Цариграде» (лл. 30—30об.) и «О ризе пречистые» (л. 30об.); «Времянник, еже нарицается летописець руских князей», начало (лл. 30об.—31об.); летописные известия за 6747—6748 гг. (лл. 32—33об.); начало Повести о взятии Царьграда (лл. 33об.—34об.); конец Сказания о «взятии Руской земли от царя Батыа» (лл. 35—36об.); продолжение летописного текста за 6747 г. (л. 36об.); известия за 6420—6488 гг. (лл. 37—40об.); известия за 6360—6420 гг. (лл. 41—44об.); за 6534—6605 гг. (лл. 45—49об.); за 6488—6494 гг. (лл. 50—51); за 6519—6534 гг. (лл. 51—53об.); за 6635—6665 гг. (лл. 54—56об.); за 6605—6634 гг. (лл. 57—59об.); конец «Мучения Бориса и Глеба» и «Пренесение мощей» их (лл. 60—61об.); «Преставление великаго князя Александра» (лл. 61об.—62); список новгородских архиепископов (лл. 62об.—63); Испытание о вере кн. Владимира (лл. 63—75об.); «О взятии Корсуньстеи и о крещении Владимере» с продолжением известий за 6499—6501 гг. (лл. 75об.—78об.); известия за 6415 — 6420 гг. о походах Олега и его смерти (лл. 78об.—83); «Убиение кн. Михаила Черниговскаго и его боярина Феодора от царя Батыя в Орде» (лл. 83—88); «Кальское побоище» (лл. 88—91об.) и т. д.

[58] Дело не только в том, что были перепутаны листы Лондонского списка, — текст был перепутан и в его протографе. См. соединения текстов разных статей на одном листе.

[59] Здесь помещаются и те повести, которых нет в нашем списке.

[60] В. И. Буганов в подготовленной к публикации статье «Вологодско-Пермский летописный свод конца XV — начала XVI в.» приходит к выводу, что Лондонский список содержит первоначальную редакцию этой летописи, «о существовании которой до сих пор говорилось только предположительно». (Пользуемся случаем, чтобы принести глубокую благодарность автору статьи, давшему возможность познакомиться с ней в рукописи).

не дает возможности сказать, каким временем оканчиваются известия нашего списка, но, судя по времени написания рукописи, они не могли кончаться позднее 1499 года. Весьма вероятно даже, что наш список — а он древнейший из известных — содержит редакцию, сложившуюся ранее 1499 года.

Очень важно отметить, что некоторые повести, имеющиеся в полных списках Вологодско-Пермской летописи, вошли в состав первой части Сборника М.3271. К ним относятся: повесть «Откуду есть пошла Руская земля», от которой в нашем сборнике из-за утраты листов сохранился лишь отрывок, правда, довольно значительный (лл. 1—1об.), Повесть об иконе Одигитрии (лл. 9об.—10), Повесть о ризе богородицы (л. 10), Краткое родословие русских князей, хотя и в иной редакции (лл. 35об.—37) и «Великаго Новагорода имена архиепископ» (лл. 38об.—39об.).

Так намечается не только внешнее соединение двух частей одной рукописи, но и их внутренняя связь.

* *
*

Полный перечень статей первой части Сборника М.3271 дан А. Д. Седельниковым [61]. Это освобождает нас от необходимости помещать его здесь, все же дополнения к описанию А. Д. Седельникова, замечания и исправления, которые следует сделать, даны нами при разборе тех или иных статей по мере их привлечения.

Все статьи этой части по своему содержанию могут быть разбиты на несколько групп, и каждая из них в большей или меньшей степени освещает историю Сборника и характеризует его составителя.

Прежде всего обратимся к текстам исторического содержания, связанным с летописями.

Первая его статья — отрывок повести «Откуду есть пошла Руская земля», со слов: «...галичане, ляхове, волоси, римляне...[62], венедици, фрязи и прочии...» Обрывается из-за утери листов на словах: «...Из того езера устьем течет в море Варяжское. По тому» (лл. 1—1об.).

Текст Начальной летописи в части, представленной этим отрывком, дошел до нас во многих летописных сводах без какого-либо заметного вмешательства составителей, редакторов и писцов. Отдаленность событий обусловливала беспристрастное к ним отношение, а тот факт, что писец с этого текста начинал свою работу, делал ее более тщательно и аккуратно, чем текст последующий, также способствовал сохранению его почти в неизменном виде на протяжении нескольких веков. Поэтому разночтения отрывка с текстом летописей, в состав которых входит эта часть, очень незначительны и несущественны. Однако они есть.

Приведем некоторые из таких разночтений. В рукописи М.3271 (л. 1): «и събрашас<я> на месте Синаро поле, създаша столп за 40 лет не свершен быс<ть> и оград около его Вавилон». В летописи Новгородской IV: «и събрашася на месте Сенарь поли създати

[61] Седельников А. Д. Указ. соч., стр. 36—46.
[62] Текст в правом верхнем углу листа утрачен.

столп до небеси и град около его Вавилонь; и создавша столп тъи за 40 лет, и не съвершен бысть»[63]. В летописи Новгородской V: «и помыслиша столп создати до небеси и град около его Вавилон; и создаша столп за 40 лет, и не свершен бысть»[64]. Тот же текст, что в Новгородской IV, в летописях московских: Софийской I (следовательно, и Софийской II)[65], в Эрмитажном списке Московского летописного свода конца XV в.[66] и в Типографской летописи[67]. Так же, как в рукописи М.3271, текст читается в Вологодско-Пермской летописи[68]. Это совпадение касается и общей ошибки в рукописи и в Вологодско-Пермской летописи. Более правильно текст читается в остальных летописях[69].

Характерное отличие текстов рукописи М.3271 и Вологодско-Пермской летописи от других можно видеть еще в словах: «В лета быс<ть> многа останок си на памят<ь> роду их»[70]. Во всех остальных текстах: «И в лета (В лета) многа бысть храним останок тъи (той; останок)»[71]. В конце отрывка и в Вологодско-Пермской летописи: «по Волоти внити в Ылмен<ь> озеро, из него течет Волхов и течет в езеро в Нево, из того езера устьем течет в море Варяжское»[72]. В остальных указанных выше летописях озеро Нево оба раза названо великим[73].

Приведенные примеры доказывают, что первая статья Сборника М.3271 представляет собой отрывок начала именно Вологодско-Пермской летописи, точнее, отрывок текста, вошедшего в эту летопись.

Другая статья Сборника, связанная с летописными текстами,— «Великаго Новагорода имена архиепископ»[74] (в перечне А. Д. Седельникова[75] — № 39). Нач.: «В лето 6799(!) архиепископ Яким требища разори и Перуна съкруши...» Кон.: «...В лето 6924 поставиша архиепископа Семена» (лл. 38об.—39об.).

---

[63] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, стр. 2.

[64] ПСРЛ, т. IV, ч. II, вып. 1. Пг., 1917, стр. 3.

[65] ПСРЛ, т. V, изд. 2-е. Л., 1925, стр. 2. Здесь нет лишь слова *тъи*.

[66] ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 337. Здесь: *збрашась* (вм. събрашася), *здати* (вм. създати), *здаша* (вм. создаша).

[67] ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, стр. 2.

[68] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 10. Здесь *Синар* (а не Синаро) *поле* и *град* (а не оград).

[69] Мы не привлекаем для сравнения тексты Лаврентьевской и Ипатьевской летописей: разночтения с ними гораздо более значительны и часты, чем с последующими сводами.

[70] Л. 1; ПСРЛ, т. XXVI, стр. 10.

[71] См. указанные страницы сводов.

[72] Л. 1об.; ПСРЛ, т. XXVI, стр. 10.

[73] См. указанные страницы сводов. Есть и более незначительные, однако не менее характерные совпадения рукописи с текстом Вологодско-Пермской летописи: «Сим же, и Хам, и Афет разделивше себе землю» — во всех остальных: «...разделивше землю»; «От сих 70 язык и двою бис<ть> язык словенск...» — в остальных: «И от сих (от сих) же 70 и двою языку (дву язык)...»; «около озера Илмени» — в остальных: «...Ильмеря»; «тем грамота прозвас<я> словенски языком» — в остальных: «тем и прозвася грамота словеньская» или «тем же и (тем и) грамота прозвася словенская»; «рассели» языки — в остальных «рассея»; останок «до дне сего» — в остальных: «до ныне»; одно из славянских племен «Бии» (Би) — в остальных: «Белии» (Бели); «инии нарекошася» — «друзии нарекошася».

[74] Заголовок киноварный.

[75] В дальнейшем — Сед.

Статья, содержащая список новгородских иерархов, является на первый взгляд очень веским свидетельством того, что Сборник (по крайней мере, первая часть его, о которой идет речь) был составлен в новгородских кругах, как это предполагает А. Д. Седельников, а за ним и другие. Однако настораживает уже то, что перечень архиепископов здесь не совсем точен [76].

Списки новгородских иерархов, помещенные в Комиссионном списке Новгородской I летописи младшего извода (и в летописном тексте и в статье, предшествующей ему), резко отличаются по содержанию и по форме от списка Сборника М.3271 [77]. Так же резко отличаются списки, помещенные в летописях Воскресенской [78], Троицкой и Симеоновской [79]. Список иерархов, почти полностью совпадающий с нашим, мы находим, кажется, только в Лондонском списке Вологодско-Пермской летописи [80]. В нем даже повторяются те же ошибки (начинается перечень датой «В лето 6799», вместо 6499), а разночтения обусловлены в большей части различием задач, стоящих перед составителями, и временем написания списков. В Сборнике М.3271 весь перечень архиепископов, начиная с Луки, дан с глаголом в форме «поставиша» (аорист 3-го лица мн. чис.), в Лондонском списке (Л) «поставлен бысть», «постави»: ркп — «В лето 6834 поставиша архиепископа Моисеа» (л. 39), Л. — «...Моисеа. Моисеи остави епископью и пострижеся в схиму, и бысть 5 лет, и иде на Колмицу. И по нем бысть Василеи» (стр. 346, л. 63); ркп — «В лето 6860 поставиша архиепископа Моисеа» (л. 39об.), Л — «...архиепископа преже бывшаго Моисеа, едва умолиша, а Василеи того лета преставися. И възведоша Моисеа на свои стол с великою честию, и пребысть 8 лет и опять соиде, и жить 3 лета и преставися» (стр. 346, л. 63); ркп — «В лето 6808 поставиша архиепископа Алексеа. В лето 6896 поставиша архиепископа Иоанна. В лето 6924 поставиша архиепископа Семена» (л. 39об.), Л—«В лето 6924 постави архиепископа Семиона. 26 архиепископ новгородцкыи Еуфимеи. 27 Еуфимеи же. 28 Иона. 29 Феофил. 30 Сергии. 31. Генадеи. 32. Серапион» (стр. 346, л. 63).

Почему список архиепископов в Сборнике оборвался на Симеоне, сказать трудно. После его смерти (15 июня 1421 г.) на новгородскую кафедру был избран в том же году игумен Клопского монастыря Феодосий, который был отстранен от управления епархией в августе 1423 года, так и не будучи поставлен. Следующий архиепископ, Евфимий Брадатый, был избран в 1423 году и поставлен в сентябре 1424 года [81]. До этого времени, следовательно, мог составляться протограф списка, если наш список не является оригиналом. За перечнем архиепископов в рукописи следует запись об освящении церкви в Вологде новгородским архиепископом Феок-

---

[76] На что обратил внимание и А. Д. Седельников в указ. соч., стр. 41.

[77] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 163, 473.

[78] ПСРЛ, т. VII. Спб., 1856, стр. 239.

[79] ПСРЛ, т. XVIII. Спб., 1913, стр. 22.

[80] См.: «Варианты по Лондонскому списку». — ПСРЛ, т. XXVI, стр. 346; ГБЛ, ф. 256, № 246.1, лл. 62об.—63.

[81] Строев Павел. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. Спб., 1877, стлб. 35.

тистом (см. ниже). Вполне возможно, что статьи связаны друг с другом — искали авторитетного («святого») иерарха. Но вероятнее другое — список прервался в связи с тем, что в источниках, которыми пользовался составитель Сборника, появились иерархи новой епархии, более близкой составителю. Такой епархией могла быть Пермская. Она основана в 1383 году, но в Вологодско-Пермской летописи, например, епископы пермские начинают упоминаться лишь с Питирима [82].

Связь данной статьи Сборника с текстом, вошедшим именно в эту летопись, можно проследить, если попытаться определить источники, какими пользовался составитель перечня новгородских архиепископов. Первая запись перечня увязывается с текстом Вологодско-Пермской летописи [83]. Расхождение в начале записи закономерно: дается список архиепископов, а не рассказ о том, как Владимир посылал архиепископа в Новгород. Сличение той же записи с другими летописями — Новгородской I [84], Новгородской IV [85], Новгородской V [86] (редакция последних попала в Софийскую I (и II) и Типографскую летописи) — показывает значительное расхождение в тексте. Последующие записи более полного характера, чем следующий далее перечень иерархов, тяготеют к тексту, вошедшему в Софийскую I летопись [87].

Таким образом, текст этой статьи тесно связан с источниками Вологодско-Пермской летописи, т. е. прежде всего с московскими (а не новгородскими) летописями.

Следующая статья Сборника, связанная с летописными известиями, — «Князи русстии» (Сед. — № 35). Нач.: «Первыи прииде из Варяг Рюрик з двема браты...» Кон.: «...Феодорович<ь> Александр продал Ярославль» (лл. 35об.—37). Статья содержит краткое родословие великих князей до внука Ивана III Дмитрия Ивановича, князей Ростовских — по кн. Владимира Андреевича, Тверских — по кн. Михаила Борисовича, Белозерских — по кн. Юрия Белосельского, Смоленских — по кн. Федора Юрьевича и Ярославских — по кн. Александра Федоровича.

---

[82] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 208.

[83] Ркп — «В лето 6799 (вместо 6499) архиепископ Яким требища разори и Перуна съкруши и люди крести. Тогда княз<ь> великии Владимер събрав детеи 300 вдал учити грамоте. Мнози ж<е> матери плакахуся чад своих: не навыкли еще вере, ни познаша учениа книжнаго, одержими еще неверьем» (лл. 38об.—39); ВП — «В лето 6499 посла Володимер к Новугороду архиепископа Якима требища разорити и Перуна посещи и вся люди крести. Тогда князь великии Владимер собрав...» и т. д., как в рукописи (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 31).

[84] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 159—160.

[85] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, стр. 90.

[86] ПСРЛ, т. IV, ч. II, вып. 1, стр. 88—89. Здесь есть и перечень Новгородских архиепископов, но сведения в нем иные, чем в нашем Сборнике (там же, стр. 93).

[87] Ркп — «В лето 6538 преставис<я> архиепископ Яким, и в то время учаше ученик его Ефрем» (л. 39), С-I — «Того же лета преставися архиепископ Новугородьскыи Аким; бяше ученик его Ефрем же ны учаше» (ПСРЛ, т. V, стр. 126). Этот текст восходит к Новгородской I? — см.: Комиссионный список, изд. 1950 г., стр. 473; ркп — «В лето 6545 князь великии Ярослав первую митрополию устави в Киеве» (л. 39), С-I (и Типографская летопись) — «Свершен бысть град Киев, и церковь св. София свершенна... Того же лета вел. кн. Ярослав митрополию устави и две церкви постави» (ПСРЛ, т. V, стр. 127).

Текст Родословия совпадает с подобной статьей в рукописи перв. пол. XVI в. из Синодальной библиотеки № 789, изданной в приложениях к Типографской летописи [88], и в рукописи втор. четв. XVI в. из собрания А. С. Уварова № 1385, изданной в приложениях к Ермолинской летописи [89], а также с текстом сер. XVI в., приписанным к списку Ермолинской же летописи из Музейного собрания ГБЛ № 8665 [90]. В трех указанных рукописях, как и в нашем сборнике, над именами великих князей тоже стоят порядковые номера с той лишь разницей, что здесь они писаны киноварью, а в нашем сборнике — теми же чернилами, что и текст, за исключением цифры 19 над вел. кн. Иваном Молодым, которая приписана другими чернилами. Незначительность разночтений всего начала текста нашего сборника и привлеченных рукописей указывает на общий для них источник. Значительные же разночтения, которые имеются в них дальше, обусловлены временем составления текстов и различием замыслов составителей.

Так, в рукописи родословие великих князей оканчивается словами: «Ивана Васильевича сын 19 Иоанн. Ивана Ивановича сын Дмитрей». В приписках к Ермолинской летописи: «Ивана Васильевича сынове (дети): 19. Иван, Василей, Юрьи, Дмитрей, Семен, Аньдреи (Ондреи). Ивана (Иоана) Ивановича сынове (сын): 20. Дмитрей (ПСРЛ, т. XXIII, стр. 167; ГБЛ, ф. 178, № 8665, л. 310об.). В Типографской: «Иоана Васильевича сынове: 19 Иоан от тферьники [91], а от Софьи: 20 Василей, Юрьи, Дмитрей, Семен, Борис, Андрей. Великого князя Ивана Ивановичя сын Дмитрей от княгини Елены Волошанки» (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 227) [92].

Статья «Князи русстии» важна прежде всего потому, что она помогает датировать рукопись (и, может быть, те источники, какими пользовался составитель): Дмитрий Иванович венчан на великое княжение 4 февраля 1498 года (в апреле 1502 г. он попал в опалу) [93]. Над его именем в нашем списке цифры нет. Над именем его отца цифра дописана другими чернилами. Надо полагать, что список писался до 1498 года, иначе над именем Дмитрия был бы также поставлен порядковый номер (№ 20) русского великого князя, как он потом и был поставлен в Ермолинской летописи. Отец его Иван Молодый умер в 1490 году. Вероятно, потому над ним первоначально и не был поставлен номер великого князя. Если это так, то статья в таком виде, как она занесена в Сборник, составлена между 1490 и 1498 годами [94] (другие статьи уточняют дату первой части Сборника).

Текст Родословца заставляет также предполагать, что симпатии составителя были на стороне Дмитрия как наследника великокня-

---

[88] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 227—229. В основу издания Типографской летописи положен именно этот список.

[89] ПСРЛ, т. XXIII. Спб., 1910, стр. 167—168.

[90] Ф. 178, № 8665, лл. 310—311об.

[91] То есть тверитинки.

[92] Сравни также Родословие в Воронцовском сборнике.—Шахматов А. А. Указ. соч., стр. 402.

[93] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. М., 1960, стр. 61, 64.

[94] Имена других князей, отмеченных в Родословце, не противоречат этой дате.

жеского престола. Василий, сын Софьи Палеолог, который был четырьмя годами старше Дмитрия, даже не указывается в нашем списке Родословца (см. приведенный текст), хотя это и противоречит принятому в статье порядку, где перечисляются все сыновья великих князей.

Ряд летописных статей, также вошедших в первую часть Сборника М.3271, носит несколько иной характер. Это самостоятельные произведения, отражающие не только исторические интересы составителя, но и его особый интерес к истории русской церкви и ее иерархам. К этим статьям следует прежде всего отнести Сказание о Митяе архимандрите, Духовную митрополита Киприана и Послание Вассиана Рыло Ивану III.

1. Сказание «О Митяи архимандрите» (Сед. — № 31). Нач.: «В лето 6885 по преставлении ж<е> иж<е> въ святых отца нашего Алексиа, митрополита всея Руси...» Кон.: «...и оттуду веден быс<ть> на Тферь. Сиа ж<е> до зде и пак<и> глаголем бывшее» (лл. 27об.—33).

Тексты Сказания, помещенные в ряде летописных сводов, мало отличаются друг от друга [95]. Данный список относится к ранней редакции Сказания и совпадает (за небольшими и незначительными разночтениями) с текстом Типографской летописи (Т). Бо́льшие разночтения с Московским летописным сводом конца XV в. (М), затем с Новгородской летописью [96].

В наш сборник список попал из летописного текста, что видно из оставшейся фразы: «и паки глаголем бывшее». Последнее из разночтений, где игумен заменен архимандритом, указывает на то, что составитель Сборника знал какие-то московские источники.

2. Запись о преставлении митрополита Киприана и его духовная грамота (Сед. — № 32). Нач.: «В лето 6914, месяца сеп[тября] в 6, преставис<я> пресвященный митрополит Кыевьскыи и всеа Руси Киприан...» Кон.: «...По отшествии ж<е> сего митрополита и прочии митрополитии русстии и доныне преписываюше сию грамоту повелевают в преставление свое в гроб въкладающес<я> так прочитати въ услышание всем» (лл. 33—35).

---

[95] См. Типографскую летопись, Московский свод кон. XV в., Новгородскую IV летопись по списку Дубровского, Воскресенскую. Иная редакция Сказания помещена в Никоновской летописи, где текст разукрашен различными добавлениями и изложен более популярно.

[96] Приведем примеры разночтений: ркп и Т — «И на дворе митрополичи живяше. Казну и ризницу митрополич<ю> взя» (л. 28, ПСРЛ, т. XXIV, стр. 137), М — «... живяше и въ всем сану митрополичи хожаше. Казну же и ризницу...» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 196); ркп и Т — «а по обеде мнихом наставник и учитель» (л. 28об., стр. 138), М — «... мнихом началник и старцем старейшина и наставник и учитель (стр. 196); ркп и Т — «И приидоша в места полов<е>чскаа, в пределы татарские и уже...» (л. 30об., стр. 140), М — «И приидоша в места половечская и уже...» (стр. 198); ркп и Т — «Вложше же Митяа в раку мертваго» (л. 31, стр. 140), М — «...в барку...» (стр. 198); ркп — «И посла на Киев по Киприана митрополита Феодора, архимандрита Симоновскаго» (л. 32об.); Т и М — «...игумена...» (стр. 141, 199). До 1383 г. Федор был игуменом, затем архимандритом (Строев П. Списки иерархов, стлб. 149). Киприан, как известно, был вызван Дмитрием Донским из Киева в первый раз в 1381 году, когда Федор был еще игуменом. В 1390 г. он, архимандрит московского Симонова монастыря, был поставлен епископом Ростовским (там же).

Текст совпадает почти буквально с Типографской летописью и Московским сводом кон. XV в. С текстом Софийской и Вологодско-Пермской летописей имеются некоторые разночтения.

Для истории составления Сборника важно отметить, что Духовная Киприана помещена и во второй его части, в составе Вологодско-Пермской летописи. В последнем случае ее текст, разумеется, совпадает с текстом этой летописи и расходится иногда с текстом статьи первой части Сборника [97].

Следовательно, источники для текста Грамоты первой и второй части Сборника были разные. Различны и цели составителя. В первом случае для него важно было указать на Грамоту как на образец, — формуляр-приписка в конце прямо говорит об этом, об этом же говорит и отсутствие ненужных здесь слов, что митрополит не смог сам подписать грамоту. Во втором случае воспроизводится текст, как он значился в источнике.

3. Послание Вассиана Рыло Ивану III на Угру (Сед. — № 27). Нач.: «Благоверному и христолюбивому, благородному и богом венчаному...» Обрывается (из-за утери 1-го листа) на словах: «...еж<е> первее дръзнувшу ми усты къ уст[ом]...» (л. 19об.). Далее со слов: «...честнаго креста, исходиши противу оному окаанному мысленому волку...» Кон.: «...да пребудет въ вся дни живота нашег<о> и в векы веком. Амин<ь>. Лета 89» (лл. 19об.—26).

Списки Послания, помещенные в различных летописных сводах, имеют мало разночтений. Большинство их носит механический характер: пропуски и искажения (или исправления) писцов и т. п. Однако сличение списка из Сборника М.3271 со списками летописей, в которых могли быть использованы те же источники, что и в нашем сборнике, дали некоторые результаты.

Так, в нашем сборнике и в Софийской II (С-II) летописи [98] зна-

---

[97] Приведем некоторые примеры: в 1-й части Сборника — «царем хрестьанскыим» (л. 33об.), во 2-й части — «...крестьянокым» (л. 192); 1 ч. — «еще живи сут<ь>» (л. 34), 2 ч. — «еще живут» (л. 192); 1 ч. — «и святеишим сущим вселенскым патриархом преж<е> преставлешимся и еще живущим, тако ж<е> и священнеишим митрополитом всем преставльшимся и живым» (л. 34), 2 ч. — «и святеишим и вселенскым сущим и тако ж<е> и священнеишим митрополитом всем преставлешиимся и живым» (л. 192); 1 ч. — «и съ его княгинею и съ его детми також<е> и всем великым князем русскым даю мир и благословение и последнее целование и съ их княгынями и съ их детми, також<е> и всем князем местным съ княгынями и с детми оставляю мир и благословение» (л. 34), 2 ч. — «и сь его матерью и съ его брат<ь>ею и сь ег<о> княгинею и сь ег<о> детми и съ их княгинями и съ их детьми. Великым князем рускым даю мир и благословенье» (л. 192); 1 ч.—«великым князем и прочим всем князем, преже преставльшимся» (л. 34), 2 ч. — «князем великим но же и малым преставлешихся» (л. 192об.); 1 ч. — «христианскому роду оставляю мир и благословение им» (л. 34об.), 2 ч. — «крестьяньскому народу оставляю им ми[р] и благословение» (л. 192об.); 1 ч. — «от епископьскаго сану» (л. 34об.), 2 ч. — «...чину» (л. 193); 1 ч. — «или в небрежение положиша, или опасаяс<ь> мене, или за скудость им ума или ожесточившис<ь> враж<ь>им наветом всяк, иже...» (лл. 34об.—35). 2 ч. — «или в небрежение положиша всяк. иже...» (л. 193); 1 ч. — «А писана грамота сиа у Трех святитель месяца сеп[тября] в 12 ден<ь>, индикта 15. По отшествии ж<е>...» — см. конец грамоты выше (л. 35), ч. 2 — «Писана быс<ть> грамота... сен[тября] 12 день, индикта 15, да не подписал есмь немощи рад<и> своея» (л. 193об.).

[98] ПСРЛ, т. VI, стр. 225—230.

чится имя Ахмат, в Вологодско-Пермской (ВП)[99] — Ахмут или Ахмет. Совпадает текст с С-II и отличается от ВП еще в ряде случаев: ркп и С-II — «словесное стадо христовых овец» (л. 20, стр. 226), ВП — «...духовных овець» (стр. 267); ркп и С-II — «святителем: митрополиту вкупе <же> и нам» (л. 20, стр. 226), ВП — «святому митрополиту...» (стр. 267); ркп и С-II — «хотящих твою честь в безчестие и твою славу в беславие преложити» (л. 21, стр. 227), ВП — «хотящих твою честь в бесчестие привести» (стр. 268). Остальные разночтения совсем незначительны и не могут служить основанием для рассуждений.

Значительно больше разночтений, при которых список нашего сборника совпадает с ВП и отличается от С-II. Отметим более существенные: ркп и ВП — «ему ж<е> окаанному единако гневом дышущу» (л. 20, стр. 267; ВП-А — «одинаако»), в С-II — «ему же единако...» (стр. 226); ркп и ВП — «по пророческому словеси: и не сут<ь> бо бози их, яко ж<е> бог наш. И рече господь: где сут<ь> бози их, иже уповаша на ня» (л. 21, стр. 268; в ВП — «не суть...» и «их уповаша»), С-II — «по пророческому словеси: не суть бо бози их, яже уповаша на ня» (стр. 227); ркп и ВП — «еже не поднимати рукы против царя, то как<о> аз могу клятву разорити и съпротив царя стати» (л. 23, стр. 270, ВП — «и противу»), С-II — «еже не поднимати руки против царя стати» (стр. 228); ркп и ВП — «нас же, новаго Израиля, христианских людеи, от сего новаго Фараона поганого Измаилова сына Ахмата, но нам их поработит» (л. 24, стр. 271; ВП — «поганого» нет); С-II — «нас же, новаго Фараона поганаго Измаилова сына...» (стр. 229); ркп «молитвами пречистыя его матере и всех святых и великых чюдотворець земли нашеа, пресвященных митрополит рус<ь>ских: Петра, Алексея и Ионы — и Леонтиа, епископа Ростовскаго чюдотворца, и Исаиа, и Игнатиа, и преподобных и богоносных отець наших: Сергиа, Варлама и Кирила и прочих — и нашего смиреиа благословение...» (л. 25об.), ВП — «...матере и святых лик чюдотворец Леонтиа, Исаиа, Игнатиа Ростовских и всех святых его, великих чюдотворець земли нашея, пресвященных митрополит Руских: Петра и Алексея, — святых и богоносных отец наших: Сергиа, Варлама и Кирила и иных прочих — и всех святых и наше смирение и благословение...» (стр. 273), С-II — «... матери и святых великих чюдотворець и всех святых и нашего смирения благословение...» (стр. 230).

Особенно характерно последнее разночтение, где ясно выступает первичный правильный текст Сборника М.3271 и близкий к нему, хотя и искаженный, текст Вологодско-Пермской летописи и иное чтение Софийской II летописи. Совокупность всех этих разночтений указывает на близость нашего списка к летописи Вологодско-Пермской.

Следует отметить еще одну особенность этого списка. В нем нет имени ростовского архиепископа, хотя место для него оставлено. Нет в конце его и указания на Дорогомилово, где писалось Послание. Вероятно, Послание рассматривалось составителем как образец подобного рода публицистики, как своеобразный формуляр

[99] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 266—273.

обращения иерарха к великому князю. Такое значение утвердилось за ним надолго [100].

При разборе второй части рукописи мы указывали уже на повести о иконе и о ризе богородицы, которые не вошли в летописный текст нашего сборника. Они помещены в первой его части.

1. Повесть «о иконе пречистой Одигитреи в Цариграде» (Сед. — № 11). Нач.: «Одигитрии икона святеи богородици...» Кон.: «Сеи ж<е> иконе служит<ь> Луцино племя и до сег<о> дне...» (лл. 9об. — 10). Текст повести входит в состав московских летописей — Софийской I (и Софийской II) [101] и Московского свода конца XV в.[102], — а также Вологодско-Пермской летописи [103]. Разночтения незначительны, однако меньше других—с текстом Московского свода кон. XV в., где и заголовок совпадает с нашим [104].

2. «О ризе пречистой» (Сед.—№ 12). Нач.: «В Лахерне риза святеи богородици пояс комат...» Кон.: «...И побегоша от страха» (л. 10). Текст входит в те же летописные своды, что и предыдущая статья [105], и так же имеет меньше всего разночтений с Московским сводом кон. XV в., где заголовок также совпадает с нашим [106].

Обе статьи помещены также в Сборнике БАН — 4.3.15, который датируется тем же временем, что и наш сборник, и имеет несколько одинаковых с ним статей [107].

Еще одна статья первой части Сборника взята, возможно, из летописного текста — выписи (три фрагмента) из Хожения за три моря Афанасия Никитина (Сед. — №№ 33 и 34 [108]): 1) Нач.: «А вер во Индеи всех 84...» Кон.: «...а воловины не ядят<ь> никаа вера». 2) Нач.: «Бедер бесерменскыи. О благовернии рус<ь>стии христиане...» Кон.: «...Мене залгали псы бесермена». 3) «В Корею убили Шаусеня, Алеевых детеи, а внучат Махметевых, и он их проклял, ино 70 городов ся розвалило» (л. 35об.). Фрагменты, как указывалось выше, опубликованы А. А. Зиминым.

Выписи расположены не в соответствии с последовательностью текста Хожения, а в порядке противоположном, как будто составитель отбирал текст не сразу или выписи были сделаны на отдельных листах, затем неправильно расположенных. Заголовок между первым фрагментом и вторым («Бедер бесерменскыи») представляет, по-видимому, кратчайшее замечание или конспективную заметку о последующем тексте — «В Бедери же торг на коня...»[109], —

---

[100] См. об этом: Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 182—184.

[101] ПСРЛ, т. V. Спб., 1851, стр. 171—172.

[102] ПСРЛ, т. XXV, стр. 103—104.

[103] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 60.

[104] В С-I — «О иконе пречистыя Одигитрия в Цариграде», в ВП — «О чюдеси иконы пречистыя богородица Одигитрее».

[105] См. соответственно те же стр.: 172, 104, 60.

[106] В С-I — «О ризе пречистыя богородици»; в ВП — «О ризе пресвятыя богородица».

[107] Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 387.

[108] А. Д. Седельников выделил ошибочно последний фрагмент в самостоятельную статью как не относящуюся к Хожению.

[109] См.: Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. М.—Л., 1958, стр. 16—18.

подобную записям в Кратком летописце, помещенном в начале Сборника (об этом см. ниже).

Одна из существенных для истории Сборника статей, связанных с летописями, — Краткий летописец с известиями за 1415—1453, 1485—1486 годы. Текст без начала и с утерянными листами в середине (лл. 2—4об.)[110].

При характеристике подобного рода памятников письменности необходимо выяснить принципы отбора событий, представленных в нем, отношение составителя к этим событиям (их освещение) и — что редко вспоминают — источники, использованные составителем.

События, отраженные в нашем летописце, можно разбить на события общерусского значения и события, связанные с отдельными городами или княжествами. Известий о последних в Летописце немного. Это прежде всего события, связанные с Тверью: под 6933 годом сообщается о смерти вел. кн. Ивана Михайловича с указанием его иноческого имени и даже иноческого имени его отца (см. Приложение, ст. 8-я); под 6994 годом, помещена сравнительно подробная запись о взятии Твери, бегстве вел. кн. Михаила Борисовича в Литву и назначении Ивана Ивановича Молодого великим князем Тверским (ст. 43). Ко второй группе записей подобного рода следует отнести записи о смерти князей Семена и Василия Серпуховских, Ярослава Малоярославецкого, Андрея Радонежского, Петра Дмитровского и Андрея Можайского (ст. 9—11, 17), то есть всех тех, кто являлся прямыми и покорными вассалами Москвы. К третьей группе — конечную запись, наиболее близкую ко времени составления и написания Летописца, — о Вологде и Филофее, епископе Вологодском и Пермском (ст. 44)[111].

В Летописце больше всего заметна промосковская ориентация. Сведения о тверских князьях (более частного и интимного характера) вызваны, надо полагать, симпатиями к вел. кн. Ивану Молодому, сыну тверитинки, и к наследнику великокняжеского престола Дмитрию. Это отношение составителя мы могли уже наблюдать в другой статье Сборника — в Родословце.

Обратимся к источникам Краткого летописца. Если конечные записи в нем могли быть сделаны на основании личных наблюдений (и впечатлений) или устных сообщений, то какими источниками пользовался составитель протографа при изложении более ранних событий?

При детальном и тщательном сопоставлении кратких записей Летописца с летописными текстами определяется круг сводов, которые содержат те же известия, выраженные иногда даже в тех же словах. К этому кругу принадлежат летописи Вологодско-Пермская, Софийская I и Софийская II, Симеоновская и Никаноровская, Московский летописный свод конца XV в., Ермолинская и Типографская летописи[112]. Связь этих летописей и их частей, восходя-

[110] Текст Краткого летописца дается в приложении. Для удобства ссылок текст в нем разбит на 44 статьи в соответствии с киноварными заглавными буквами.

[111] Записи, касающиеся князей Звенигородских и Галицких — Юрия Дмитриевича и его детей Василия и Дмитрия Шемяки — в связи с их борьбой за великое княжение, отнесены нами к событиям общегосударственного, а не местного значения.

[112] В дальнейшем соответственно ВП, С-I, С-II, СН, М, Е, Т.

щих к общим протографам, в значительной степени установлена [113], и совпадения известий Краткого летописца не с одним, а с целым кругом сводов и объясняются этой связью [114]. Проследим за всеми его записями.

Первая (из сохранившихся) запись — «...июня 7 тма бысть» — могла опираться на сообщения всех летописей, кроме М., хотя часть текстов и не совпадает буквально (это и не обязательно): ВП — «июня 7 погибе солнце не намного», С-I — «июня в 7 бысть солнце все померкло». В летописях С-II и СН совпадения с рукописью М. 3271 очень характерные: «июня 7 в час 4 дни тма бысть», — а в Е просто дословное совпадение: «Того же лета, июня 7 тма бысть»; в Т указан иной месяц (описка писца или ошибка издателя?); «июля 7 тма бысть».

Вторая запись — о поставлении Григория Цамблака — и четвертая — о преставлении кн. Ивана Нижегородского — находят соответствие во всех указанных летописях.

3) Об окончании церкви Благовещения — только в С-II: «Того же лета (6924) создана бысть церковь камена на великого князя дворе Благовещенье, месяца июля 18 день» (ПСРЛ, т. VI, стр. 140).

5) «В лето 29 была коркота». В летописях под 6928 годом указывается, что был сильный мор: «мор бысть силен на люди, почася на Успение св. богородица на Костроме...» (ВП, С-I), «бысть мор силен на Костроме...» (СН, Т, М). И только в С-II: «В лето 6928 месяца сентября 8 почала быти болезнь коркотная и мор велик, а начася на Успение св. богородици на Костроме...» (т. VI, стр. 141)[115] — и под 6929 годом: «Тое же осени сентября 8 поча быти болезнь коркотная, и на зиму ту глад бысть» (стр. 142). В Е этого известия и известия 6-го нет.

6) «В лето 30 была меженина», то-есть недостаток (Срезневский) или засуха (Даль). Во всех (кроме Е) летописных текстах указывается на страшный голод и неурожай, но ни в одном случае не приводится слово «меженина».

---

[113] См.: Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции Тверской летописи с XIII до конца XV в. — «Известия АН СССР», VII серия Отд. гуманитарных наук. Л., 1930, №№ 9—10, стр. 709—773; Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940; Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи. — Проблемы источниковедения. Сб. 3. М.—Л., 1940, стр. 225—244; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947; Лурье Я. С. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 156—186, и др.

[114] Мы сознательно не ставим перед собой задачу определить точно, к какому из предполагаемых сводов, отразившихся в указанном круге летописей, восходит Краткий летописец из Сборника М. 3271: такая попытка строить свои догадки на предполагаемых, а не реальных текстах была бы менее убедительна. Больше того. В нашем источниковедении не принято привлекать краткие летописцы при попытках воссоздать не дошедший до нас свод, а между тем в большинстве случаев такие летописцы в основной своей части являются кратчайшим (конспективным) изложением того или иного свода. Так, например, при определении состава предполагаемого Московского великокняжеского свода 1472 г., к которому, очевидно, восходит Вологодско-Пермская (и Никаноровская) летопись, следовало бы привлечь и Краткий летописец нашего сборника.

[115] Повальная болезнь под этим названием указывается в Вологодско-Пермской летописи под 1408 (6916) г.

7) О смерти вел. кн. Василия Дмитриевича, вокняжении Василия Темного и бегстве кн. Юрия в Галич — представлена в летописях в разной последовательности: в С-I и С-II так же, как в Кратком летописце, — преставление, вокняжение, бегство; в ВП, СН, М и Е преставление, бегство, вокняжение, в Т только преставление.

8) О смерти вел. кн. Тверского и повальной болезни — имеет аналогии в ВП, СН и М, причем записи Краткого летописца совпадают дословно с текстом этих летописей: «Того же лета, преставися князь (М — князь великы) Иван Михайлович Тферьскии, наречен в чернцех Иев..., а с Троицына дни поча мор быти на Москве, а пришел от немец во Пьсков, а оттоле в Новгород, тако же доиде и до Москвы и на всю землю Рускую» (т. XXVI, стр. 184; т. XVIII, стр. 168; т. XXV, стр. 247). Повторяющаяся в летописях запись о болезни (под 6933 и 6934 гг.) повторяется и в Кратком летописце. В С-I, С-II и Е помещено только первое известие (о преставлении вел. кн. Тверского), которое не так точно совпадает с Летописцем, как ВП, СН и М[116]. В С-I вторичное известие о продолжении мора значится под 6933 годом, а под 6934 указано: «Опять бысть мор во всех градех Русьскых велик зело» (т. V, стр. 263). В Т нет ни того, ни другого известия. Здесь нет и сведений, соответствующих 9—15 записям Летописца.

В приписку на полях рукописи включено известие о монашеском имени не только вел. кн. Ивана Михайловича, но и его отца Михаила Александровича. Об этом имеются известия в ВП, СН, М и Е (под более ранним годом).

9) «Мор велик», преставление князей Владимировичей и приход Витовта к Пскову — имеет аналогии в ВП, СН и М, причем первое известие почти дословно совпадает с Летописцем. В С-I известие о повальной болезни помещено под 6933 годом, здесь же (под 6934) внесено добавление, второго известия нет совсем, описание похода Витовта имеет существенное отличие — нет упоминания об Опочке. В С-II и Е известия о приходе Витовта нет.

10-я и 11-я записи почти дословно совпадают с ВП, СН, М, С-II и Е. В С-I нет известия о преставлении Василия Владимировича, а смерть кн. Петра значится под 6935 годом.

12) О приходе татар на Галич и на Кострому — имеет аналогию во всех текстах (кроме Т). В М, С-II и Е употреблено то же слово «изгоном».

13) Содержит два легендарных известия («волк гол» в Смоленске и кровавое озеро «в Троцех») и два исторических (смерть Витовта и набег Айдара). Все четыре находят аналогию и почти буквальное совпадение первого в ВП, СН и М: «В лето 6938 в Смоленске явился волк гол без шерсти и многи люди ел. А в Троцех озеро Жидовское 3 дни стояло кроваво» (т. XXVI, стр. 186). В С-I, С-II и Е «озеро стояло кроваво 7 дней» (а не 3).

14) О походе Федора Пестрого на Болгары и о засухе. В ВП, СН и М помещены первое известие и знамение: «на небеси три столпи огнени» (т. XXVI, стр. 187). В С-I, С-II и Е после знамения указа-

---

[116] Вместо *наречен в чернцех Иев*, здесь *нареченый во мнишьском чину Иев* (С-I) и *во мнишеском чину нареченый Иев* (С-II).

ние и на засуху: «Тогда засуха велика была, болота и земля горели, и мгла стояла шесть недель, яко и солнце не видети, и рыбы в воде мерли...» (т. VI, стр. 144).

15) О смерти митрополита Фотия — в ВП, СН и М, как и в Кратком летописце, дата — 2 июля, а текст почти дословно совпадает с ркп. В С-I и С-II указывается 1 июля, и сведения даны в несколько ином изложении. В Е текст совпадает, но даты нет.

16) Об отъезде Василия Темного в Орду. Здесь указаны две даты: 15 августа и 8 сентября. Об отъезде великого князя имеются сведения во всех летописях, причем первая дата выражена словами: «похотеша итти... на праздник же пречистыя Успениа» (ВП, СН и М). В С-I, С-II, Е и Т даты нет. Вторая же дата относится к отъезду в Орду кн. Юрия Дмитриевича: «В лето 6940, месяца сентября в 8 день кн. Юрьи Дмитреевич на праздник Рожества пречистыя богородици... поиде за великим князем к Орде же» (т. XXVI, стр. 187). Следовательно, запись в Кратком летописце с пропуском. Писца (и составителя?) спутали слова «пошел в Орду», которые имелись и в записи, относившейся к кн. Юрию [117].

17) О возвращении великого князя из Орды и смерти князя Андрея Дмитриевича — начинается словами: «Того же лета», что, судя по предыдущим записям, должно относиться к 6939 году. В действительности, эти события по всем привлекаемым летописным текстам относятся к 6940 году. Составитель пропустил начало записи и воспроизвел текст с формулы «того же лета». Все летописи, кроме Т, содержат эти сведения, но указание, что вел. кн. пришел из Орды «на Петров день» имеется только в ВП, СН и М. В них же дата преставления кн. Андрея Дмитриевича указана «июня», в С-II — «июля 9».

18) О женитьбе вел. кн., междоусобном бое на Клязьме и занятии кн. Юрием московского престола — имеет аналогию во всех текстах, кроме Т (здесь сведения только о бое на Клязьме). Приписанная (над строкой) в Кратком летописце дата «фев 8» имеется только в ВП, СН, М и Е. В С-II указывается 7 февраля, в С-I — «по Крещении в Мясоед великий».

19) О мире кн. Юрия с великим князем, убийстве Семена Морозова, добровольном возвращении кн. Юрием великокняжеского престола и битве на Куси — имеет соответствие во всех летописях, кроме Т. Здесь только бой на Куси.

20) О захвате в. князем Галича, «Никольском бое», захвате Юрием Москвы и «поимании» великих княгинь — имеет соответствие до полного сходства в отдельных местах в ВП, СН, М, С-II и Е. В С-I нет указания на среду Страстной недели и сообщается, что княгини посланы в Рузу, а не в Звенигород, в Рузу же — в Е (В С-II — «в Рузу и в Звенигород»), в Т нет подробностей, то-есть указаний на Лазареву субботу, среду Страстной и среду Светлой недель, нет и «поимания» и посылки княгинь в Звенигород.

21) О преставлении кн. Юрия Дмитриевича и возвращении вел. кн. на великокняжеский престол, 22) «В лето 43 Крещенской бой» и

---

[117] См. приложение, стр. 286.

23) о захвате кн. Василием Юрьевичем Устюга, бое в Скорятине и ослеплении кн. Василия Юрьевича — имеют аналогию во всех текстах, но дата Крещенского боя указывается «генваря в 6», а в Т — «генваря 6 на Крещение»; дата последней записи (14 мая) имеется только в Т; в Е Скорятино не упоминается.

24) О прибытии в Москву митрополита Исидора — почти дословно совпадает со всеми текстами, но точнее всего с ВП, СН и М: «В лето 6945 прииде изо Царяграда на Москву митрополит Сидор во вторник Светлыя недели по велице дни» (т. XXVI, стр. 192). В Е нет указания на вторник Светлой недели.

25) Об отъезде Исидора на Ферраро-Флорентийский собор после того, как похоронили княгиню Евпраксию, и рождении у вел. кн. сына Юрия (первого) — в первой своей части имеет соответствие с ВП и Н, где указывается и дата — 5 сентября (но нет заметки об Евпраксии), в С-I нет даты, в Е — «по Оспожине дни», в М подробная повесть, но соответствующего текста нет, в С-II дата — 15 августа (а не 5 сентября), но только в этом тексте слова «похоронив княгиню Еупраксею» (т. VI, стр. 152). В ВП, СН и М запись о рождении Юрия совпадает буквально, в С-I, С-II и Е Юрий назван не первым, а бо́льшим. В Е отъезд Исидора под 6945 годом. В Т нет сведений ни об отъезде Исидора, ни о Евпраксии, ни о рождении Юрия.

26) О Белевском бое (с точной датой 5 декабря) — имеется во всех текстах (за исключением С-II), как и 27) о приходе Махмета под Москву. Здесь в Т вместо 3 июля указывается: «месяца июня, за неделю до Петрова дни» (т. XXIV, стр. 183).

28) О рождении княжича Ивана и возвращении и «поимании» митрополита Исидора — почти дословно совпадает с ВП, СН и М, в С-II события переставлены и бо́льшие различия в первом известии, в Т при рождении Ивана нет даты и совсем нет записи об Исидоре, в С-I нет сведений ни тех, ни других, в Е — приход Исидора под следующим годом.

29) О побеге Исидора, смерти Дмитрия Красного и походе вел. кн. на Новгород, когда он «Демон взял», — находит почти дословную аналогию в ВП, СН и М: «В лето 6949 сентября 15 митрополит Сидор убежал... Тое же осени, месяца сентября 22 преставися кн. Дмитрей Юрьевич Красной... Тое же зимы ходил кн. в. к Новугороду к Великому и Демон взял...» (т. XXVI, стр. 194—196). В С-I события переставлены, в С-II бегство Исидора отнесено к 6948 году, в Е нет о смерти Дмитрия, в Т этих известий нет вообще.

30) О рождении у вел. кн. сына Юрия и 31) «В лето 51 Мустофа» — находят аналогию во всех текстах, кроме Е, где нет текста о рождении Юрия, и Т — в последнем этих известий нет вообще.

32) О приходе Литовской рати к Калуге, походе вел. кн. к Мурому на Махмета, Суздальском бое и Московском пожаре — имеют полное соответствие в ВП, СН и С-II. В М текст испорчен, в С-I дата пожара 24 июля (а не 14) и не указывается на Махмета, в Т только Суздальский бой (с Мамутеком), в Е даты пожара нет.

33) Вел. кн. отпущен Мамутеком на великое княжение, ослепление Василия Темного, бегство детей и взятие их Ионой «на патрахиль». В ВП, СН, М и С-II находится полная аналогия текста, часто буквально совпадающего; в Е с отклонениями; в С-I нет под-

робностей про пелену богородицы и епитрахиль Ионы: в Т дата выхода вел. кн. из Орды — 25 октября и о детях вел. кн. ничего нет.

34) О рождении у вел. кн. на Угличе сына Андрея — имеет в ВП, СН, М и Т почти дословную аналогию: «Того же лета родися в. князю на Углече сын Андрей августа в 13» (т. XXVI, стр. 204). В С-I и Е дата — 14 августа, в С-II — 3 августа.

35) Вел. кн. выпущен, пришел на Москву и прогнал Дмитрия Шемяку. В ВП, СН, М, С-II и Е сведения соответствуют летописцу, но первой даты (1 октября) нет, в С-I первая дата 15 сентября (а не 1 октября), в Т сведения другого характера.

36) О праздновании Благовещения на второй день Пасхи и о скотском падеже — имеет соответствие в ВП, СН, М и Е. В двух последних с добавлением: «мор... и на люди был, да немного» (т. XVIII, стр. 204; т. XXV, стр. 270). В С-I: «В лето 6956 бысть Благовещение по Велице дни на Святои недели в понеделник; того ради написахом, понеже не часто бывает» (т. V, стр. 269). В С-II нет ничего о падеже скота, в Т вообще ничего нет, как нет и известия 37-го.

37) О поставлении митрополита Ионы, о походе на Рудино, рождении у вел. кн. сына Бориса и скорой татарщине — имеет полное соответствие в ВП, СН и М, где только дата рождения Бориса указана июль (а не июнь). В С-I нет даты поставления Ионы, в Е нет дат, в С-II нет вообще сведений о поставлении.

38) О победе над Шемякой в Галиче и бое на Бетюце—соответствует текстам ВП, СН, М и С-I, в Е — дата победы 28 января. В С-II и Т известий о Бетюце нет, в Т к тому же известия записаны под 6957 годом.

39) Георгиев день пришелся в Великую пятницу и побег под Москву Мазовши — соответствует всем текстам; в Т нет записи о Георгиеве дне.

40) О походе под Кокшенгу, женитьбе сына вел. кн. Ивана (Васильевича) и рождении сына Андрея Меньшего — соответствует текстам ВП, СН, М, С-I и Е. В С-II нет сведений о женитьбе и рождении, в Т нет ничего.

41) О пожаре в Москве и взятии Царьграда (не окончена). В СН, М, С-I, С-II и Е первое известие, как и в рукописи, датировано 9 апреля, второе 29 мая (в Е этой даты нет). В ВП нет известия о взятии Царьграда и пожар Москвы не датирован, в Т нет известия о пожаре.

42) Запись после значительного пропуска, без начала, — о пожаре Москвы и смерти вел. кн. Марии. Первое известие указано кратко в ВП, СН, С-II, в остальных не указано совсем. Второе указано с той же датой в СН и Т, в ВП и С-II — без даты, в М, С-I и Е не указано совсем.

43) О взятии Твери — имеет полное соответствие с ВП, СН, С-I и Т. В М текст испорчен, но по оставшемуся тексту видно, что он также вполне соответствует сведениям Краткого летописца. В С-II и Е иное сообщение.

44) Последняя запись — о Юмшане и пожаре на Вологде — имеет в первой своей части полное соответствие в ВП, и только в ней одной. Сведений о пожаре в Вологде нет и в известных списках

ВП [118], за исключением Воронцовского, где текст совпадает буквально [119]. Общий формальный вывод из приведенного выше анализа соотношений летописных текстов с текстом Краткого летописца из Сборника М. 3271 может быть представлен в виде таблицы:

	ВП	НС	М	С-I	С-II	Е	Т
Сведения помещены только в данном своде	1[120]	—	—	—	2[121]	—	—
Сведения совпадают дословно или подтверждаются деталями	16	17	17	3	9	6	3
Имеется соответствие с летописными текстами	25	25	20	24	17	16	9
Существенные расхождения в частях	—	—	1	13	14	16	14
Сведений в своде нет	1	2	3	3	2	6	18
Порча текста и пр.	1	—	3	1	—	—	—
Всего	44	44	44	44	44	44	44

Разумеется, одного этого формального заключения по поводу источников Краткого летописца недостаточно, но и оно довольно убедительно определяет ряд положений. Прежде всего следует отметить, что известия, которыми мог пользоваться составитель, вошли в круг Московских сводов и в Вологодско-Пермскую летопись, которая примыкает к этому циклу. Наиболее тесно текст Краткого летописца связан с Вологодско-Пермской и Никаноровской летописями. Важно подчеркнуть, что последняя запись его связана только с Вологодско-Пермской летописью, а заключительная ее часть, касающаяся Вологды, имеет аналогию только в одном из известных списков этой летописи (Воронцовском).

Никаноровская летопись до 1472 года сходна с летописью Вологодско-Пермской [122] и в этой части, — а она укладывается во время, охваченное Кратким летописцем (за исключением последних записей), — тесно связана с московскими летописями. Нельзя не отметить и тот факт, что в трех случаях известия встречаются только в летописи Софийской II, которая, несомненно, московского происхождения.

В результате становится очевидным, что составитель Краткого летописца использовал в своем отборе и сокращении тексты, вошедшие в Московские летописи и в Вологодско-Пермскую. Последняя, в свою очередь, опирается на те же московские летописи [123]. Весьма

---

[118] В летописи ВП «О пожаре Вологодцком» сообщается под 1499 годом (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 291—292), но, судя по содержанию записи и по датам, здесь речь идет о другом пожаре.

[119] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 327.

[120] Статья 44 (в дальнейшем — ст.).

[121] Ст. 3, 25. Кроме того, повальная болезнь под 6929 годом названа «коркотной» (ст. 5) только в этой летописи (под 6928 г.).

[122] Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 471.

[123] Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи. — Проблемы источниковедения. Сб. третий. М.—Л., 1940, стр. 225—244.

вероятно, что при составлении Краткого летописца был использован Московский великокняжеский свод редакции 1472 года.

Для истории создания Краткого летописца, а следовательно, и всего Сборника, важно проследить не только что отбирал его составитель, но и что он не включал в свой текст, что казалось ему ненужным. При сличении Летописца с текстами Вологодско-Пермской и Никаноровской (и Симеоновской) летописей — а мы видели, как близок он к этим текстам, — можно видеть все пропущенные события, не отразившиеся в Летописце.

Под 6923 годом не указаны пожары Москвы и Смоленска и поездка в Москву Симеона для поставления в архиепископа Новгородского. Под 6924 — исцеления у гроба митрополита Петра. Под 6925 — поход новгородцев и вятчан на Заволоцкую землю, мор в Новгороде, Пскове, Ладоге, Твери и др. городах, деятельность Григория Цамблака и его поездка в Рим. Под 6926 — захват Витовтом Кременца, знамение иконы богородицы в Новгороде, преставление княгини Анастасии в Звенигороде, пожар в Москве. Под 6928-6932 — поход Ягайла и Витовта в Немецкую землю, нашествие хана Куидадата и битва, к которой опоздала московская сила. Под 6933 — поездка митрополита Фотия в Галич, когда встречавшую его бедно одетую толпу он «в глум себе вмени». Под 6936 — нападение Витовта на Новгород и откуп новгородцев. Под 6938 — съезд князей у Витовта в Торопцех, вокняжение Свидригайла, расторжение мира между великим князем и кн. Юрием Дмитриевичем. Под 6939 — знамение перед смертью митрополита Фотия, пребывание великого князя и кн. Юрия в Орде. Под 6941 — отъезд от великого князя боярина Ивана Дмитриевича, эпизод с поясом на московской свадьбе и его последствия. Под 6942 — отъезд кн. Ивана Михайловича в Тверь, поход великого князя к Нижнему Новгороду, вокняжение Василия Дмитриевича. Под 6945 — протест великого князя против желания митрополита Исидора идти на Ферраро-Флорентийский собор. Под 6946 — грабеж русского населения великокняжеским войском, выступившим против татар, победы и поражение войска. Под 6949 — приезд новгородского архиепископа с посадником и уплата великому князю 8 000 рублей. Под 6953 — поход Махмета к Курмышу, происки Дмитрия Шемяки. Под 6954 — «потрясение» града Москвы. Под 6955 — обручение княжича Ивана (будущего Ивана III) с тверской княжной, освобождение матери Василия Темного. Под 6956 — поход Мамотяка на Владимир и Муром, поход на Дмитрия Шемяку, мир и возвращение великого князя из Костромы. Под 6958 — основание церкви Владимиром Ховриным и палат и церкви митрополитом Ионой, буря. Под 6959 — приезд в Москву Семена Олельковича. Под 6994 — заточение Михаила Холмского.

Из этого перечня видно, что в Краткий летописец не попали многие известия о новгородских и московских событиях и прежде всего о событиях, компрометирующих Москву. Можно, следовательно, с большой уверенностью утверждать, что составлялся Летописец не в Новгороде и даже не в Москве, хотя он и несет явные следы московской ориентации.

Еще бóльшую ясность в историю нашего летописца вносит очень близкий к нему «Летописец русский» за 859—1490 гг., опуб-

ликованный А. Н. Насоновым по двум спискам: кон. XV — перв. пол. XVI в. (рукопись Синодального собрания № 941) и втор. четв. XVI в. (рукопись Музейного собрания ГБЛ № 3841) [124]. Тексты летописцев в значительной части совпадают дословно. Однако наш список — иная редакция «Летописца русского», более краткая и с совершенно иным концом.

Основным источником опубликованного летописца [125] А. Н. Насонов считает текст, восходящий к Ростовской летописи. Действительно, до начала XV в. (до 1419 г.) содержание Летописца подтверждает это, но дальше его приходится связывать, как мы видели, с другими летописными сводами [126].

Проследим, каковы отличия Краткого летописца из Сборника М. 3271 от летописца, опубликованного А. Н. Насоновым. Можно с полной уверенностью сказать, что оба они восходят к общему протографу, но писались (точнее, составлялись) в разных местах и имеют различные тенденции. Тяготение к большей краткости писца-составителя нашего летописца, не стремившегося к большой аккуратности изложения, заставляло его не только обозначать годы через две последние цифры и не дописывать названия месяцев и дней недели, но и отбрасывать слова и целые фразы, которые не давали существенных дополнений к основному известию. Так, например, в опубликованном «Летописце русском» мы читаем: «И Аидар тогды же приходил на Русь» (6938 г.), в нашей рукописи — «И Аидар тогда был» (ст. 13); в печатном тексте — «...князь велики Василеи Васильевичь... засуха велика, сухменно лето...» (6939 г.), ркп — «...князь великыи... засуха велика...» (ст. 14); печ. — «...князь Дмитреи Шемяка да князь Иван Можаискии поимали князя великого Василья Васильевича у Троици и очи выимали...» (6954 г.), ркп — «...Шемяка да Можаискои поимали князя великого да и ослепили...» (ст. 33) и др. [127].

Ряд известий «Летописца русского» совсем не вошел в наш летописец. К ним относятся известия: о смерти кн. Константина Ростовского (6923), о поставлении Симеона, епископа Новгородского, о приезде новгородских князей в Москву и основании Костромы

---

[124] Насонов А. Н. Летописный свод XV века (по двум спискам). — Материалы по истории СССР. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, стр. 273—321 (текст — стр. 284—320).

[125] А. Н. Насонов называет его Летописным сводом конца XV в. Вернее было бы назвать его кратким летописцем. Издатель сам указывает, что в Летописце «текст систематически сокращен» (стр. 279), что «подобного типа краткие летописцы были в ходу в XV в.» (стр. 282).

[126] Впрочем, и Ростовская летопись с этого времени растворяется в других, преимущественно московских летописных сводах.

[127] При чтении Краткого летописца нельзя не обратить внимания на предельный лаконизм некоторых записей. Бо́льшая часть их, правда, сохраняет при этом законченность мысли как целого предложения: «В лето 29 была коркота» (ст. 5), «В лето 30 была меженина» (ст. 6). Но встречаются записи, в которых форма принимает конспективный характер, когда составитель отмечает какие-то события в виде сигнала, за которым скрываются значительные факты известной ему истории: «А на весну Рудино» (ст. 37), «Крещенскои бой» (ст. 22), «Мустофа» (ст. 31). Рабочий характер Летописца подтверждается и правописанием этой статьи, где больше, чем в других, выступают черты разговорного языка: постоянно в окончаниях имен -ей (а не -ий), в окончании отчеств — -еевич (а не -иевич), в прилагательных -ого, -ой (а не -аго, -ий, ый); «тогды» (л. 3), «Михайло» (л. 4) и т. д.

(6924 г.), о приезде в Москву кн. Данилы Борисовича (6925 г.), об отъезде новгородских князей из Москвы (6926 г.), о смерти княгини Анастасии (Звенигородской?) (6927), о смерти игумена Троице-Сергиева монастыря Никона (6936 г.) и о том, что полонили княгинь Оболенских, «да Григорьеву жену Козлову» (6957 г.). Как видим, в Кратком летописце опять не включаются даже и краткие новгородские и отчасти московские известия.

Характерны добавления нашего летописца. Это известия о поставлении в Литве митрополитом Григория Цамблака (6923 г., ст. 2) и иноческих именах князей Ивана Михайловича и Михаила Александровича Тверских (6933 г., ст. 8) и Семена Владимировича Ярославского (6934 г., ст. 9).

Из известий «Летописца русского» за 1461—1485 гг., отсутствующих (из-за утраты текста) в нашем летописце, следует особенно отметить распространенную повесть о строительстве Успенского собора и перенесении в новый собор мощей святителей. Повесть связывает Летописец с Московским летописным сводом кон. XV в. (и Симеоновской летописью).

Конец нашего летописца, отделенный от остального текста значительным перерывом (из-за утери листов), совершенно иной, чем в летописце, опубликованном А. Н. Насоновым. В последнем известия кончаются 1482 годом, за ними лишь следует приписка о поставлении митрополита Зосимы (под 1490 г.), в нашем — 1486 годом, и известия за этот год касаются Пермского епископа Филофея и Вологды, куда Филофей переехал в 1492 году.

Таким образом, приведенное соотношение текстов кратких летописцев позволяет утверждать, что если опубликованную редакцию Краткого летописца можно связывать с Москвой, то редакцию, представленную в Сборнике М. 3271, следует связывать с Пермью и Вологдой, точнее, с двором епископа Филофея. Это подтверждается и концом Летописца и теми добавлениями, которые мы находим в нем. Правильность такого вывода доказывается и еще одним существенным фактом: текст конца Краткого летописца (ст. 42—44) полностью совпадает с концом Вологодско-Пермской летописи в редакции Воронцовского сборника [128].

Укажем еще на одну очень характерную запись в первой части Сборника, касающуюся Вологды (Сед. — в составе № 39): «В лето 6711 създана быс<ть> на Вологде церкви въ имя пресвятыа богородица и священа быс<ть> благоверным епископом Новогородским Феоктистом при благоверном князе Андреи и сыне его Михаиле и священа быс<ть> в 15 день августа на памят<ь> Успениа» (л. 39об.). Статья следует за списком новгородских архиепископов, о котором говорилось выше.

Архиепископ Феоктист, возведенный на новгородскую кафедру 29 июня 1300 года, в конце 1308 года отошел в Благовещенский монастырь, где раньше был игуменом, и умер в 1310 году [129]. Даже и в перечне новгородских архиепископов, помещенном перед этой записью, значится возведение его «лета 6788». Освящать церковь в

---

[128] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 327. Разночтения совершенно незначительны, и указывать их нет смысла.

[129] Строев П. Списки иерархов, стлб. 34.

Вологде он мог в 6811, а не в 6711 году. Князь Андрей (Дмитриевич) и сын его Михаил — князья Белозерские — действовали в кон. XIV — нач. XV в. Здесь имеются в виду, надо полагать, вел. кн. Новгородский Андрей Александрович (умер в 6812 г.), после которого княжил Михаил Ярославич. Составитель, следовательно, путает и дату, и отношения князей.

Приписать освящение Вологодского собора Феоктисту или вспомнить об этом факте имело смысл. Феоктист почитался святым уже давно [130]. Этот не совсем, может быть, удачный экскурс в историю, вероятно, не был случайным: он должен был укрепить авторитет епископской кафедры, установившейся в Вологде с 1492 года [131]. Если это так, то запись, надо полагать, и делалась при Вологодском епископском доме.

В первую часть Сборника М. 3271 вошел и еще ряд статей исторического характера, но они уже выходят за рамки летописных текстов. Укажем их.

1. Выпись [из послания Ивану III?] о покорении Балканских государств (Сед. — № 19): «Колко государьства было: Грецкое, и не одно, и Сербьское, и Болгорьское, и Арбанаское, и Босна — тои уже бог покорил под поганство наших грехов деля. А топерь турци переступили Чермное море, заньже взял Кафу. Ино осмотримся рано» (л. 15об.).

Более полный текст Послания имеется в сборнике БАН-4.3.15 (об этом сборнике упоминалось выше). Текст этот опубликован Я. С. Лурье [132], который предполагает, что «адресат памятника — Иван III («великий государь» — современник завоевания турками Кафы; «богом дарованный сын»— это Иван Молодой, умерший в 1490 г.), а государь, от которого исходит дипломатический документ — Стефан III Молдавский (единоверец Ивана III, страна которого была окружена «от двою сторон» «поганством» — Крымом и Турцией, а «от трех сторон» враждебными ему христианскими государствами — Венгрией и владениями Ягеллонов). Сношения Ивана III с Молдавией относятся к 1482—1483 гг., когда русские послы привезли на Русь дочь Стефана Елену, ставшую женой Ивана Ивановича, и к 1484—1485 гг., когда Молдавию посетил русский посол Федор Курицын» [133].

Предположение Я. С. Лурье нам кажется вполне правдоподобным, хотя время появления этого памятника может быть и несколько иным: Кафа была взята в 1475 году, в Послании же значится: «А топерь турци переступили Чермное море, заньже взяли Кафу». С другой стороны, сношения со Стефаном продолжались и после 1485 года. Так, например, в феврале 1492 года пришел к Ивану III «от Стефана от Воложского посол именем Мушат» [134].

[130] «Новгородская I летопись, — пишет Е. Е. Голубинский, — в таких выражениях говорит о нем по поводу его кончины, что заставляет предполагать раннее установление его почитания». — Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, стр. 142; ПСРЛ, т. III. Спб., 1841, стр. 69.

[131] В Вологодско-Пермской летописи указано, что Вологда была придана Пермской епископии в 1492 г. (марта 1), а под 1491 г. (этот год повторяется дважды) значится: «Того же месяца марта в 27 день... владыка Филофеи наехал на свою епископью на Вологду». — ПСРЛ, т. XXVI, стр. 287—288.

[132] Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 388.

[133] Там же.

[134] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 287.

Выпись о нерусских событиях, включенных в наш сборник, известным образом характеризует составителя: из Послания взяты не приветствия адресату и не жалобы корреспондента, оставшегося «в сей стороне» единственным христианским государем, окруженным «поганьством тяжким», а указание на падение многочисленных государств «наших грехов деля» и предостережение — «Ино осмотримся рано». Выпись связывает Сборник с документальными источниками, может быть, из великокняжеского архива — это также следует отметить [135].

2. Венчание на царство царя Мануила (Сед.— № 37). Нач.: «В лето 6900 месяца февруариа в 11, в неделю о блуднем, венчан быс<ть> царь Мануил на царство...» Кон.: «... народи ж<е> похваташа кождо руками своими» (лл. 37—38об.). Текст сходен (за незначительными разночтениями) со списком XVI в. из Собрания Спб духовной академии № 1464 (Софийский список), опубликованным С. В. Арсеньевым в составе «Хождения Игнатия Смолнянина» [136]. Список Венчания помещен также в сборнике сер. XVI в. БАН — 4.3.15 [137], о котором упоминалось выше, но имеется и более ранний список этого произведения — в рукописи собрания Троице-Сергиевой лавры № 224, писанной в том же монастыре иноком Елисеем и датированной 1474 годом [138]. Список Сборника М. 3271 во всем совпадает с Елисеевским, за исключе-

---

[135] Запись о захваченных турками прибалканских странах с похожим выводом имеется в летописных текстах. Я имею в виду одну из приписок, которая следует за повестью о нашествии Ахмата в 1480 году — «О храбрии, мужествении сынове русьстии, потщитеся сохранити свое отечество, Русьскую землю, от поганых!...». Здесь указывается, как «пострадаша инии велиции славнии земли от Турков, еже Болгаре глаголю и рекомии Греци, и Трапизонь, и Амория, и Арбанасы, и Хорваты, и Босна, и Манкуп, и Кафа, и инии мнозии земли, иже не сташа мужествени и погибоша и отечьство свое изгубиша и землю и государьство и скитаются по чюжим странам бедни воистинну и странни» (ПСРЛ, т. VI, стр. 232). Вопрос об авторстве этой приписки дебатируется давно. См.: Шахматов А. А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. Спб., 1904, стр. 82—83; Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 912; Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. — Славянский сборник. М., 1947, стр. 185; Кудрявцев И. М. «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы (Летописные повести о нашествии Ахмата и их литературная история). — Исследования и материалы по древнерусской литературе. Сборник статей под ред. В. Д. Кузьминой. М., 1961, стр. 58—60. Текст Послания может пролить свет на этот вопрос. Общее направление текстов — «Ино осмотримся рано» и «потщитеся сохранити свое отечество, Русьскую землю, от поганых!» — и сходный перечень стран кажутся фактом не случайным, хотя летописная приписка, как нам кажется, и принадлежит перу русского человека, который, конечно, мог пользоваться документацией, направляемой Московскому великокняжескому двору. Софийская II летопись, например, содержит достаточное количество подробностей, свидетельствующих о знании составителями летописных записей правительственной документации того времени.

[136] Православный Палестинский сборник, т. IV, вып. 3. Спб., 1887, стр. 14—18. Укажем сколько-нибудь значительные разночтения: ркп — «в святеи Софии, еже есть сказаемо Премудрости божиа», печ. — «в святеи Софии»; ркп — «оскрилци остры», печ. — «оскрилци»; ркп — «бе муж<ь> красен», печ. — «бе красен»; ркп — «и положи патриарх венець на царя» («венец» написано после зачеркнутого «крест»), печ. — «...крест на царя».

[137] Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 388.

[138] ГБЛ. Ф. 304, № 224, лл. 174—175об. См. также: Описание славянских рукописей Библиотеки св. Троицкой Сергиевой лавры. Ч. II. М., 1878, стр. 6—9.

нием одного разночтения, где писец (составитель?) нашего сборника исправил ошибку протографа [139].

Чем вызван интерес к этой статье? Почему она попала в состав нашего сборника? [140]. Быть может, интерес к подобного рода вещам возник после второй женитьбы Ивана III (1472 г.) — так появилась эта статья в 1474 году. В начале 1490-х гг. интерес этот мог усилиться: Москва стала единственным центром русской государственности. Венчание на царство, которое практически осуществилось только при Иване IV, могло быть идеей, уже приемлемой. Недаром в начале 1498 года Иван III совершает обряд венчания на великое княжение над внуком Дмитрием.

В летописные тексты «Венчание царя Мануила» включено не было. Здесь мы имеем как бы дополнение к ним.

3. Отреченная грамота Иоасафа, архиепископа Ростовского, конца 1488 г. (Сед. — № 25). Нач.: «Се яз, Иасаф, смиреный архиепископ Ростовскии и Ярославскыи, прошу и молю и челом бью господину и отцю своему Геронтию, митрополиту всея Руси...» Кон.: «...Смиреный Иасаф, преж<е> бывшии архиепископ Ростовскии и Ярославскии, сие подписал своею рукою» (лл. 17об.—18).

Текст формуляра (исключая собственные имена) почти полностью совпадает с опубликованным отречением Сергия, архиепископа Новгородского и Псковского, 1484 года [141].

Грамота Иоасафа называет в обращении не одного Геронтия. Мы читаем здесь имена Геннадия, архиепископа Новгородского, епископов: Нифонта Суздальского, Симеона Рязанского, Вассиана Тверского, Герасима Коломенского, Прохора Сарского и Подонского и Филофея Пермского. Текст грамоты мог отложиться в делопроизводстве епископского дома каждого из них, а отпуск ее — в Ростовском архиепископском доме.

4. Соборное послание Ивану III на Угру (Сед. — № 26). Нач.: «Благословение Геронтиа, митрополита всея Руси, о святем дусе възлюбленному сыну...» Кон.: «...А писана на Москве в лето 89 месяца ноября в 13 день» (лл. 18—19об.). С опубликованным текстом рукописи XVI в. из Синодального собрания № 562 [142] разночтения весьма незначительны. Наш список, вероятно, древнейший. Кроме митрополичьей и великокняжеской канцелярий, этот текст также мог оказаться у каждого из иерархов, от имени которых писалось соборное послание.

Значительную группу первой части Сборника (и по количеству и по содержанию) составляют статьи, связанные с еретическим движением последней четв. XV в. — с ересью «жидовствующих». Среди них, как уже отмечалось, имеются документы, которые известны только из нашего сборника. Прибавим к этому, что рукопись, в которой они содержатся, современна событиям, отраженным в этих документах.

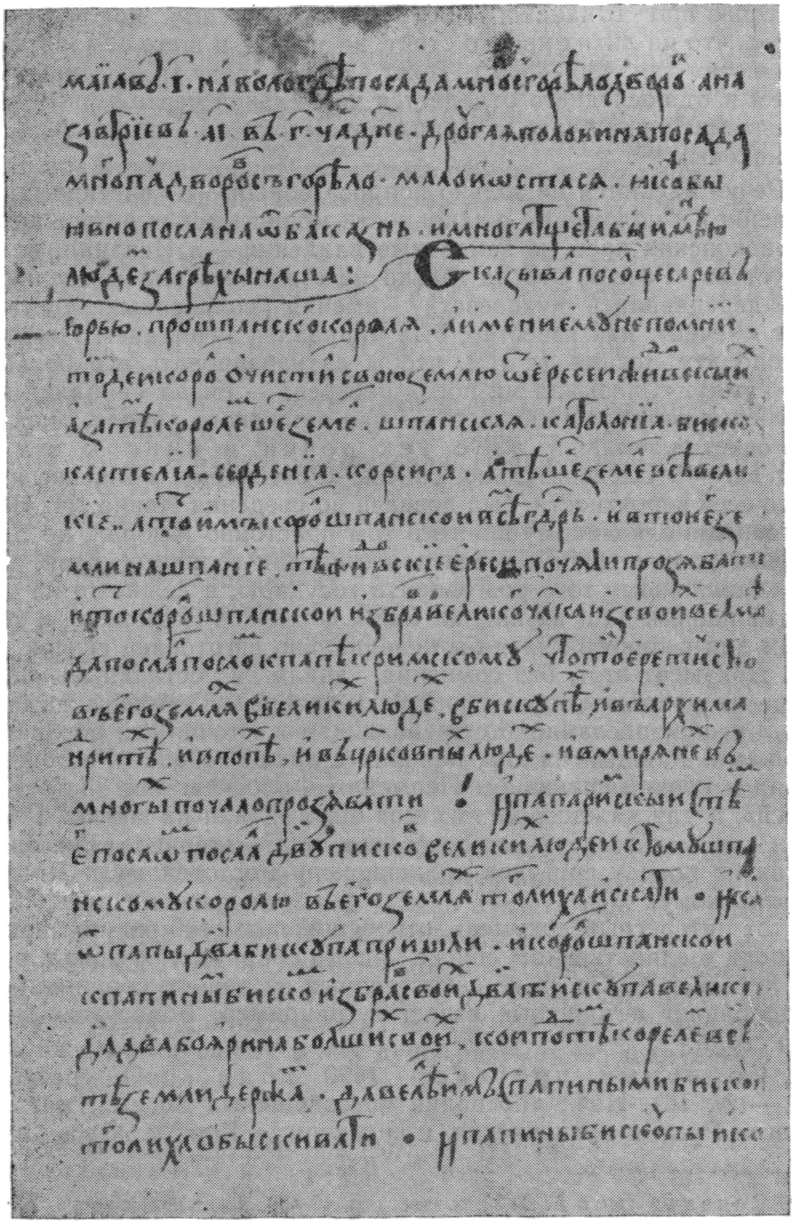
---

[139] В Елисеевской ркп — «крест на царя», в ркп М. 3271 — «венец на царя».

[140] Вероятно, она взята из того же источника, что и ст. № 30 — выписи из Хождения Игнатия Смольнянина.

[141] РИБ, т. VI. Спб., 1880, стлб. 749—751.

[142] АИ, т. I. Спб., 1841, стр. 137—138.

Сборник последн. четв. XV — нач. XVI в. Ф. 178, № 3271, л. 4об.

Первый из них — Речи посла цесарева — рассказ об испанской инквизиции (Сед. — № 3). Нач.: «Сказывал посол цесарев Юрью про Шпанского короля, а имени ему не помнит...» Кон.: «...что на лихих крепко стоит, да уже де и в его землях лихих мало чюти» (лл. 4об.—5об.). Текст следует сразу за Кратким летописцем и от последнего отделяется чернильной чертой, по цвету совпадающей, как будто, с чернилами Летописца. Изданы А. Д. Седельниковым [143].

«Речи» касаются не только вопроса борьбы с еретиками, но (косвенно) и положения о законности монастырских и прежде всего епископских прав на земельные владения — в Испании, как то следует из «Речей», это не только не ставилось под сомнение, но даже передавались духовенству имения сожженных еретиков. Текст «Речей», как известно, был направлен Геннадием Гонзовым митрополиту Зосиме (с тем, чтобы активизировать его борьбу с еретиками): «Сказывал ми посол цесарев, — писал Геннадий митрополиту в октябре 1490 года, — про шпанского короля, как он свою очистил землю, и аз с тех речей и список к тебе послал» [144]. Следовательно, список «Речей» был в Москве и даже, по всей вероятности, был доведен до сведения Ивана III: «И ты бы, господине, великому князю о том пристойно говорил, не токмо спасениа ради его, но и чести для государя великого князя, занеже не кому иному того разговорити государю, а лежит то на тебе, на отце нашем, да и на нас, на твоих детех» [145]. Возможно, в связи с этим для великого князя был специально изготовлен список «Речей». Документ этот, без сомнения, знали и остальные «дети» «отца»-митрополита, члены собора, к которым Геннадий тогда же послал особое послание [146] с требованием жесточайшей расправы с еретиками. Каждый из них, начиная с архиепископа Ростовского Тихона и кончая епископом Пермским Филофеем мог знать текст «Речей», и для каждого из них мог быть сделан их список. Геннадий и сам мог послать каждому этот текст, направлял же он послания по поводу еретиков архиепископу Ростовскому и Прохору Подрельскому.

Этот интересный документ, относящийся к 1490 году и известный пока в единственном списке нашего сборника, не попал, однако в летописи [147]. Он (и не единственный из нашего сборника) как бы дополняет летописные известия, например, Вологодско-Пермского свода.

2. Соборный приговор 1490 года («О еретикох». Сед. — № 16). Нач.: «Господин пресвященныи Зосима, митрополит всея Руси, и архиепископ, и епископи...» Кон.: «...и всех вкупе

---

[143] Седельников А. Д. Указ. соч., стр. 49—50. Текст издан точно. Единственная ошибка (опечатка?): «а за те королем» (стр. 49); следует: «а за тем королем» (л. 4об.).

[144] РИБ, т. VI, стлб., 775; Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ соч., стр. 378. (Разрядка моя. — *И. К.*).

[145] Там же, стлб. 775—776; стр. 378.

[146] См. Послание Геннадия собору епископов. — РИБ, т. VI, стлб. 778—784; Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 379—382.

[147] Возможно, что в последнем обстоятельстве сыграла роль позиция Ивана III в отношении еретиков и Геннадия, а может быть и настроение тех составителей и редакторов московских сводов, которые сочувствовали еретикам.

от святыя церкви отлучиша» (лл. 11—12). Это также единственный известный список документа. Он издан С. О. Долговым [148] и Я. С. Лурье [149].

Не решая здесь вопроса о значении Соборного приговора для истории ереси «жидовствующих» и русской общественной мысли конца XV в. вообще — см. об этом статьи и работы С. О. Долгова, А. Д. Седельникова, Я. С. Лурье и А. И. Клибанова, — укажем лишь в плане характеристики нашего сборника, что текст этого документа, как и предыдущих, мог быть не только у Геннадия, но и в канцелярии каждого иерарха — участника собора.

3. «Смиреннаг<о> Зосимы, митрополита всея Руси, и всег<о> священнаг<о> събора. Поучение всему православному христианьству. На ересникы обличение» (Сед. — № 17). Нач.: «Да есте ведуще вси православнии христиане, яко да увесте сие настоящее средостение...» Кон.: «...и те бы от всег<о> священнаго събора блюлис<ь> тягости церковныя» (лл. 12об. — 15об.). Это единственный полный список Поучения. Издан также С. О. Долговым [150] и Я. С. Лурье [151].

Текст Обличения, как и текст предыдущих документов, мог отложиться не только в канцелярии архиепископа Новгородского Геннадия, но и в канцеляриях других епископов — членов собора. Больше того, оно обязательно поступило туда: из содержания документа видно, что его следовало довести до сведения всего духовенства каждой епархии.

Факт включения в Сборник Соборного приговора 1490 года и особенно «На ересникы обличения» митрополита Зосимы не служит ли доказательством, что эта (первая) часть Сборника составлялась не позднее 1494 года, когда Зосима был сведен с митрополичьей кафедры и сам обвинен в еретичестве [152].

Группа статей Сборника, связанных с еретическим движением кон. XV — нач. XVI в., не ограничивается приведенными документами. Предположительно к ней можно отнести еще ряд выписей, вызванных теми же проблемами. Приведем их.

1. Выпись (Сед. — № 18): «Соломон. Суетни бо человеци родом, в них же ес<ть> неразум<ь>е о бозе, як<о> попел сердца их и земля хуждьшая надежда их, як<о> не разумеша сътворшаг<о> их и вдохнувшему в них душу разумну и вдохнувша в них дух жив» (л. 15об.).

---

[148] Чтения ОИДР, 1902, кн. 3 (202), стр. 123—125.

[149] Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 382—384. Оба издания достаточно точны.

[150] Чтения ОИДР, 1902, кн. 3 (202), стр. 118—122.

[151] Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 384—386. Неточности, вернее опечатки, обоих изданий совершенно незначительны. Укажем лишь на одну из них: «в дом свой да приимет» (Долгов — стр. 121, Лурье — стр. 385), следует: «...да не приимет» (л. 15).

В «Памятниках канонического права» издано начало Поучения по списку (Чудовского сборника) XVI в. — РИБ, т. VI, стлб. 785—788. С. О. Долгов привлекал этот отрывок при издании полного текста.

[152] Зосима отрекся от кафедры 17 мая 1494 г., а 9 февраля 1495 г. был лишен сана и сослан в Троице-Сергиев монастырь. — Строев П. Списки иерархов, стлб. 5.

Выпись библейского текста [153] могла иметь в виду тех, кто, с точки зрения составителя, пытался пересмотреть религиозные догмы, учение о боге и т. д., то есть еретиков.

2. «О иконописце святемь евангелисте Луце»— выпись из проложного сказания (Сед. — № 28). Нач.: «Глаголют же о немь. Первее образ пресвятыя владычица нашеа богородица на руку носящую господа нашего Исуса Христа живописателным художеством написа...» Кон.: «...И списа благовестие по 15-тих летех Христова възнесениа» (л. 26) [154].

Вполне вероятно, что причины, заставившие составителя поместить эту выпись, определяются иконоборчеством «жидовствующих» — об этой стороне ереси красноречиво повествуют послания Геннадия Гонзова, Соборный приговор и другие документы о еретиках [155]. А едва ли можно было найти более солидный аргумент против иконоборчества, чем указание на апостола и евангелиста Луку как на иконописца. Повесть эта, в глазах идеологических противников «жидовствующих», была даже более веским свидетельством их правоты, чем легенда о нерукотворном образе: его божественное происхождение могло и не утверждать созданий человека-иконописца. Творения же Луки, человека, как бы унаследовавшего божественное учение, утверждало законность (и необходимость) создания икон руками человека и поклонения им. Конец выписи подтверждает это: «...И от того показас<я> по всеи вселенеи таковое доброе и всечестное дело [156]. И убо списав благовестие известно, о пречистыа богородица научився и в тыя образъ содела четыри иконы, и видевши их, пречистая богородица рече: благодать моя и с ними. И сей Лука апостол первый быс<ть> иконам художчик и списа благовестие по 15-тих летех Христова възнесениа».

Повесть о иконописце Луке могла иметь и другую сторону в полемике с «жидовствующими». Здесь утверждается культ богородицы, которую еретики-христоборцы считали человекородицей.

3. Выпись из Поучения Сильвестра, папы Римского («Селистра, папы Римскаго» [157]) (Сед.—№ 41). Нач.: «Что се на святилищи рече...» Кон.: «...римляном же древеса ныне Августии» (лл. 39об. — 40об.).

Выпись посвящена иконоборцам, против которых Поучение и направлено. Весьма вероятно, что помещение в Сборнике этой статьи, как и предыдущей, связано с иконоборческими выступлениями «жидовствующих» [158].

---

[153] Книга Премудрости Соломона, гл. 13, ст. 1. В позднейших переводах читается так: «Суетни убо вси человецы естественне, в них же обретается неведение о бозе, и от видимых благ не возмогоша уразумети сущаго, ни делом внемлюще познаша хитреца».

[154] См. конец проложного сказания за 18 октября. Статья помещена также в рукописи БАН — 4.3.15. См.: Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 387.

[155] Последние искали даже документально-исторического обоснования своих позиций, указывая, например, на Шестой собор, который ввел иконопочитание. См.: Клибанов А. И. Указ. соч., стр. 230—232.

[156] На этом обычно кончается проложный текст.

[157] Киноварный заголовок на нижнем поле.

[158] Геннадий Гонзов в своем послании к Иоасафу Ростовскому указывает, какой литературой пользовались еретики. Им указываются и сочинения папы Сильвестра (Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 320).

4. «Молитва Иоанна Златоустаго» (Сед. — № 54). «Толкование от апостола молитве Исусове. Хотящу пять словес глаголати умом своим: Господи — 1, Исусе — 2, Христе — 3, сыне — 4, божии — 5. А се<и> прилож<ь>: помилуй мя» (л. 44).

Текст «Умной молитвы», возводимой к словам из послания апостола Павла — «Но в церкви хощу пять словес умом моим глаголати» [159], — по мнению А. С. Орлова, «составлен в среде исихастов, византийцев или южных славян, затем появился на Русь не позднее XV века (старший список Тип. № 59 — нач. XVI в.), когда на примере Нила Сорского ясно обозначились следы учения византийских исихастов, расцветшего в XIV веке» [160]. Текст молитвы нашего сборника, едва ли не древнейший, А. С. Орлову известен не был. Помещение его в Сборнике весьма показательно. Прежде всего, не отражается ли в этом факте полемика с теми же еретиками по христологическому вопросу. Они, как известно, отрицали божественность Христа (и троичность божества). Здесь же божественность его провозглашалась не только отцом церкви [161], но и самим апостолом. Показательно и то, что взята молитва, прочно вошедшая в монашеский обиход. Это может определить круги, в которых составлялся Сборник. Наконец, здесь затрагивается идея христианской философии, принадлежащая «безмолвникам»-исихастам. Насколько составитель проникся ею? И как популярна была эта философия на Руси в последней четв. XV в.? Наш сборник может служить одним из источников для решения этих вопросов.

5. Выпись (или запись) о проскомидийных хлебах (Сед. — № 58). Нач.: «Изрядную, пресвятую...» Кон.: «...не повелеша творити того, но пшеничну поставляти трапезу» (лл. 44об. — 45). В статье связываются вопросы о богородице и проскомидийных хлебах (ржаных или пшеничных [162]), говорится о еретике Нестории, который считал богородицу человекородицей. Вероятно, и эта выпись направлена против «жидовствующих».

6. Выпись — «В ветсей пасхе и новей» [163] (Сед. — № 59). Нач.: «И ногы учеником умы...» Кон.: «...жидове поимали его целованьем ученичьим» (л. 45) — и толкования отдельных текстов (Сед. — № 60). Нач.: «Кто не поклоняется исконному...» Кон.: «...ветхаа мимо идоша и сем быша вся нова» (лл. 45—45об.). В статьях сопоставляются события ветхозаветные и новозаветные. Полемика с еретиками в плане таких сопоставлений и толкований шла по многим вопросам. Достаточно вспомнить для этого послания Иосифа Волоцкого.

7. Выписи (или записи) (Сед. — №№ 61—62). Нач.: «Рекы, иж<е> глаголать новыи инотариос (ино тариос?) имярек...»; Кон.: «...зри ж<е> толику прелес<ть> злую». Нач.: «Не чюдис<ь>, аще и благо нам бесове...»; Кон.: «...бесовское се<и>

---

[159] Первое послание к Коринфянам, гл. 14, стр. 19.

[160] Орлов А. С. Иисусова молитва на Руси в XVI веке. — Памятники древней письменности и искусства, CLXXXV. Спб., 1914, стр. 31.

[161] В действительности авторство Златоуста сомнительно. См.: Орлов А. С. Указ. соч., стр. 21.

[162] Вопрос, перенесенный с Востока, где речь шла о кислом или пресном тесте, на русской почве перешел в вопрос о ржаных или пшеничных хлебах.

[163] «И новей» — на полях.

богословие, пач<е> же богоборство познаваем» (л. 46). — Обе статьи имеют в виду «мудрствующих паче христовных, и апостолских, и отеческих» установлений, философствующих, как «змея прелестница», и «прельщающих в ереси», то есть имеют в виду, надо полагать, «жидовствующих». Две последующие статьи (Сед. — №№ 66 и 67): выписи — Нач.: «[С]лыши златоречива Иоанна...»; Кон.: «...яко же сам весть» и (из Египетского патерика) «Глаголаше авва Марко...»; кон.: «...Колми пач<е> божьа сила не очистит ли стоящих пред славою его и служащих неизреченным тайнам» (л. 47об.) — также, видимо, вызваны выступлениями еретиков.

Как известно, еретики отвергали церковные обряды и одним из аргументов в своей полемике выдвигали тот факт, что очень часто обряды совершались людьми недостойными. Еще в начале XV в. это заявляли стригольники [164], отказывавшиеся от причастия. «Жидовствующие» выдвигали те же мотивы в отношении совершаемых обрядов. Обе приведенные статьи трактуют этот вопрос, явно полемизируя с еретиками. Смысл их таков: пусть даже пресвитер, совершающий обряд, грешный, недостойный человек,— таинство совершается силой божественной, очищающей служителя. Тема для конца XV в., как видим, злободневная.

Сборник содержит также ряд статей, отражающих, как и предыдущая группа, идейные движения того времени и богословско-теоретические споры, которые занимали многие умы. Статьи эти связаны с истечением седьмого тысячелетия от сотворения мира, ожиданием скончания мира и пришествия антихриста и необходимостью составления пасхалии на годы нового тысячелетия и календарных расчетов. Связь этих статей отразилась и в Сборнике, поэтому мы помещаем их в той последовательности, как они отложились в рукописи.

1. Выпись из послания Геннадия, архиепископа Новгородского, неизвестному (Сед. — № 4). Нач.: «А что о летех еретици смущают простых людей, что уже нашее сед<ь>мыя тысящи лета изошли...» Кон.: «...яже будет в тои день безаконником» (лл. 5об.—6). Опубликована Я. С. Лурье [165]. До последнего времени текст был известен лишь в этом, единственном списке. Второй список (с незначительными разночтениями) обнаружен лишь недавно в сборнике XVI в. из собрания рукописей Пушкинского дома [166]. Сборник этот был приобретен в Усть-Цилемском районе.

А. Д. Седельников делит этот отрывок на две самостоятельные части и считает первую из них «особой редакцией соответствующего места из грамот Геннадия Гонзова к Прохору, еп. Сарскому (кон. 1487 г.) и к Иоасафу, архиеп. Ростовско-Ярославскому (кон. 1489 г.)» [167]. Вторую часть он датирует временем не ранее 1489 года (год смерти протопопа Алексея) и не позднее 1491 года

---

[164] См. Послание митрополита Фотия. — РИБ, т. VI, стлб. 365—376.

[165] Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 388—391.

[166] Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 48, 35 и 42.

[167] Седельников А. Д. Указ. соч., стр. 37.

(дата первой части рукописи, принятая Седельниковым)[168]. Я. С. Лурье отмечает, что текст первой части отрывка мог быть взят из послания Геннадия к иному адресату (не к Прохору Подрельскому или Иоасафу Ростовскому, как утверждает А. Д. Седельников), и справедливо отодвигает дату его до времени не ранее 1492 года [169].

Вопрос о составлении новой пасхалии касался в то время более широких кругов, чем принято считать, и не только Геннадий Гонзов и митрополит Зосима принимали в нем участие. Так, например, в Вологодско-Пермской летописи под 1492 годом значится: «В лето 7001, ноября в 27, Зосима, митрополит всеа Русии, на Москве соборне изложил паскалью на дватцать лет, прислал на Вологду владыце Филофею Пермьскому и Вологодцкому за своею подписью, а владыце Филофею тако же соборне велел о том поискати. И владыка, пообыскав, ино пришли по митрополичи же паскальи, и послал к митрополиту Зосиме свою паскалью на 19 лет за своею подписью за пермьскою» (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 288).

Если авторство Геннадия в отношении Послания сомнений почти не вызывает, то кто был адресатом его? Не был ли им Филофей, епископ Пермский и (с февраля 1492 г.) Вологодский? На эту мысль наталкивает ряд статей сборника.

2. Выпись из послания Геннадия, архиепископа Новгородского, [Прохору Подрельскому?] (Сед. — № 5). Нач.: «А что числа поставлены в Шестокриле 27б девятнадесятиць, ино то учинили на прелес<ть> христиansку<ю>...» Кон.: «... но стане<т> век един и проч<а>я пач<е> не невеси» (лл. 6—7об.) [170]. Текст отрывка привлечен Я. С. Лурье при издании Послания [171].

В выписи воспроизводятся рассуждения о пасхалии и определение количества лет от сотворения мира, то есть текст, касающийся вопросов календаря, которые, видимо, интересовали составителя Сборника М.3271 больше, чем брань Геннадия по адресу новгородских еретиков. Статья в этом отношении тесно примыкает к предыдущей. Обе они связываются скорее не с новгородским епископским двором, а с Москвою или с одним из епископских (не московских) дворов. Отрывок этот включен в Усть-Цилемский сборник XVI в., о котором мы упоминали выше [172].

Сравнение посланий Геннадия Гонзова к Прохору Подрельскому и Иоасафу, бывшему архиепископу Ростовскому, — текст нашего отрывка совпадает с посланием к первому [173] и близок к тексту второго [174] — позволяет предположить третьего адресата. Не является ли отрывок выписью из того же послания Геннадия

---

[163] Там же. По поводу второй части А. Д. Седельников намеревался дать дополнительные разъяснения: «Литературная перипетия, вызвавшая описываемую разновидность аргументации Геннадия, разъясняется, а самый текст печатается в другом месте». — Там же. Кажется, им не было это выполнено.

[169] Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 389—390.

[170] На л. 7 против строки: «А о летех скончаниа богу мощно» — надпись: «зри», повторенная позднейшей скорописью.

[171] Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 309—312.

[172] Малышев В. И. Указ. соч., стр. 48, 35.

[173] Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 311—312.

[174] Там же, стр. 319—320.

к неизвестному (см. предыдущую статью), в котором часть текста была одинакова с текстом послания к Прохору.

3. Выпись о пришествии антихриста, с толкованием (Сед. — № 7). Нач.: «Приидет бо время, егда царствовати начнет кляпышь...» Кон.: «... ова зла зело, ова ж<е> легчайшии» (лл. 7об.—8об.). Подобная статья помещена в Сборнике БАН — 4.3.15 [175] и в Усть-Цилемском сборнике [176].

4. Имена антихриста (Сед. — № 24): «Тевта<н>, Лампетис, Ведиктос, Какос-Одигос, Лифиас-Влаверос, Амнос-Адикос» (л. 17). Некоторые имена искажены, последние шесть имен слагаются попарно, чтобы выразить число 666. Упражнения составителя сборника в этом очень показательны [177].

5. Выпись (Сед. — № 64): «От житиа Стефанова, епископа Пермс<каго>. Слышах от етера дидаскала слово глаголемое, но не вем, аще истиньствует или ни, еже реч<е>: Егда вес<ь> мир приобрящем, тогда во гроб вселимся, си<и>-речь вес<ь> мир возвержес<я> [178] и поряду вси языци крестятся в последняя времена, вся земля, и все страны, и вси языци веровати начнут» (л. 46об.).

Оптимистическое решение вопроса о кончине мира, предложенное Епифанием Премудрым — второе пришествие откладывается до времени, когда все жители земли станут христианами, — характерно для составителя Сборника. Оно ощущается и в других статьях на эту тему.

Следует отметить, что, хотя Житие Стефана Пермского было написано Епифанием еще в конце XIV или в самом начале XV в., пристальное внимание к просветителю зырян проявилось только во времена Филофея, епископа пермского. В. О. Ключевский указывает, что ему «не удалось найти житие в сп. XV в.; даже в XVI в. полные списки его редки». «Самый ранний нам известный список, — добавляет он, — начала XVI в. в Синод. ч.-мин. до-Макарьевскго состава, № 91, л. 650—777» [179]. «В конце же XV в., — пишет В. Васильев, — мы находим первые следы церковного прославления и св. Стефана, еп. Пермского» [180].

В Трефолое русским святым — рукопись кон. XVI — нач. XVII вв. из собрания Троице-Сергиевой лавры, № 624 — помещена память Стефану Пермскому. Перед первым каноном в ней отмечено: «Канон господина ермонаха Святыа горы», а начальные слова, слоги и буквы тропарей, начиная с 7 песни, составляют текст: «Повелением владыкы Филофия епископа рукою много-

---

[175] Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 388.

[176] Малышев В. И. Указ. соч., стр. 48.

[177] Как известно, еще Ипполит, папа Римский, занимался подобными именами (Латинянин, Титан, Еванфас). См.: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, стр. 397.

[178] Возвержет?

[179] Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 92. Издатели Жития Стефана Пермского относят этот список к концу XV или началу XVI в. См.: Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Спб., 1897, стр. V.

[180] Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893, стр. 114. (Разрядка моя. — *И. К.*).

грешнаго и непотребнаго раба Пахомыя Сербина»[181]. Укажем еще, что интерес к Стефану Пермскому при дворе Филофея отразился, видимо, в тексте Вологодско-Пермской летописи. В Академическом списке ее — а к нему, как мы знаем, во многом близок текст второй части нашего сборника, — помещены (в конце) Похвальное слово и служба Стефану Пермскому [182].

Все это заставляет предполагать, что и наш Сборник мог составляться в тех же кругах.

6. Запись (или выпись) календарного характера (Сед. — № 79): «Волю имеючи о Христе разчести сие, от Адама ли или от потопа нынешнее лето идет. По еврейскыи число 5246, а по христьанскы от Адама идет нынешнее число 6999, а по фряжскыи под нарожением лет господних нынешнее число» (л. 54).

Статья имеет большое значение. Она, прежде всего, указывает на «нынешнее число» «от Адама» — 6999 год, что соответствует 1490-91 сентябрьскому и 1491-92 мартовскому году. 5246 — «по еврейскыи число» соответствует 1485-86 году [183]. Разумеется, писец-составитель был больше ориентирован в русском летоисчислении, и расхождение в годах следует относить за счет ошибки (быть может, описки) во второй цифре. Более позднюю дату (1490-91 г.) удостоверяет и содержание статей Сборника. К сожалению, дата «фряжского» летоисчисления осталась невписанной. А. Д. Седельников считает, что само указание на «фряжский» счет свидетельствует о новгородском происхождении рукописи. Нам кажется, что отсутствие цифры годов «по фряжскому» счету, который хорошо знали в Новгороде, свидетельствует об обратном»[184].

7. Выписи об антихристе (Сед. — №№ 80—89): «Слово о антихристе известно»[185] (нач.: «От обрезаниа приводит некоег<о> человека влъхва...»), «О том же» (нач.: «Царствовати яко три лета имат<ь> и пол-лета...»), «О антихристе»[186] (нач.: «Вси убо святии пророци глаголют...»), «На скончании явится сын погыбелный...», «Даниил. Инаку бо кончина не может приити ми-

---

[181] Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. II. М., 1878, стр. 204—205.

[182] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 6. Можно предполагать, что интерес к Стефану Пермскому при дворе Филофея во времена «жидовствующих» вызывался не только тем, что этот иерарх был основателем Пермской епархии, но и потому, что в свое время он выступал против еретиков — стригольников.

[183] Святский Д. О. Астрономическая книга «Шестокрыл» на Руси XV в.— Журн. «Мироведение», т. XVI, 1927, № 2 (май), стр. 74.

[184] По поводу этой статьи Сборника А. Д. Седельников указывает: «Дата, как это очевидно из соображений палеографических и литературных (состав статей), относится ко всей описываемой части рукописи: 6999, т. е. 1491 г. «Число по-еврейски» требовало для себя справки — конечно, дата 5246 самостоятельно для настоящей заметки не вычислялась и взята готовою, причем ее источник мог восходить к 1486 г.: ср. хронологию «от жидовских книг» с 1466 г., у А. И. Соболевского, Переводная лит-ра..., стр. 418, а «число по-фряжски» так и осталось невычисленным. Координирование счета лет с еврейским счетом характерно для кон. XV в., а с фряжским в частности для Новгорода. Недоумение по поводу счета у «латинян» сквозит в послании Геннадия к Иоасафу; оно же разрешается в послании, к Геннадию же, Дмитрия Грека Старого, о «летах седьмой тысящи». Седельников А. Д. Указ. соч., стр. 44—45.

[185] Заголовок на верхнем поле, над текстом.

[186] Заголовок написан на полях.

ру...», «Иоан Богослов. От Христова въплощениа до антихристова пришествиа богу единому се весто...», «В селуняном 1-е послание глава 271...», «Никако ж<е> мнети уже быти пришествию...», «Святаго Василиа. Не мози глаголати...», «От Зерцала. Многажды въпросиша Христа его апостоли и ученици...»[187] (лл. 54об.—58).

Высказывания о пришествии антихриста и скончании мира, о приметах пришествия антихриста и второго пришествия расположены в Сборнике в порядке восхождения ко все большим авторитетам, кончая словами самого Христа. Вопрос решается для конца XV в. оптимистически: время пришествия неизвестно, и человек не может его знать.

Перед нами не механическое нанизывание цитат, а целое богословское (и философское) построение, которое могло принадлежать и самому Филофею Пермскому.

8. Календарные записи (Сед. — № 94). Нач.: «В 7000 лет месяцеи 8[0] и 4000, а недель 36000, а дни 248 и 5000 окроме весикостных...» Кон.: «...А водныи за 70 лет» (л. 61). В запись включены и указания на времена года, лунные месяцы, индикты и круг небесный.

9. Запись (или выпись) о пасхалии (Сед. — № 96)[188]. Нач.: «Сию убо паскалию на осмую тысящу писах из алфы рук...» Кон.: «...ожидающи страшнаго смертнаго часа и втораго грознаго пришествиа Христова» (л. 61об.).

А. Д. Седельников предполагает, что это «предисловие или послесловие к пасхалии, составлявшейся кем-то незадолго до наступления 1492 г.». «Эту работу, добавляет он, по поручению и образцу, полученным от митр. Зосимы, выполнял Геннадий, который и составил пасхалию на 70 лет, выведя ее из «альфы»... Описываемая статья относится, по всей вероятности, к его же предыдущему опыту в той же области»[189].

Текст статьи составлен в том же направлении, как в «Изложении пасхалии на осьмую тысящу лет» митрополита Зосимы [190], но такого текста в нем нет. Нет его и в грамоте Геннадия Гонзова соборному духовенству [191], где между прочим указывается: «И вы бы те пасхальи велели переписывати всем священником, також бы есте и всему православному христианьству велели исписывати, дабы им о том мятежа не было»[192]. Епископы рассылали пасхалию и, весьма вероятно, сопровождали ее каким-то предисловием или даже особым сопроводительным посланием. Поэтому предположение А. Д. Седельникова, что текст статьи принадлежит Геннадию,

---

[187] Выпись из Диоптры Филиппа Философа, вошедшая также в Сказание о скончании седьмой тысящи. См.: Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 399—400. См. также: Просветитель Иосифа Волоцкого, Слово 8-е.

[188] А. Д. Седельниковым текст приведен полностью.

[189] Седельников А. Д. Указ. соч., стр. 46.

[190] В «Изложении» значится: «О летех же и о временех несть наше искати, но подобаеть намь молити господа бога вседержителя о устроении всего мира... И аще где обрящутся иныя слогы, кроме отечьскых преданий и не по благословению нашего смиреиа и всего освященънаго събора, сим несъгласны и развратны, да отвратятся и не приемлются, и от святыя съборныя и апостольскыя церкве отлучятся таковаа мудръствующие». РИБ, т. VI, стлб. 800—802.

[191] РИБ, т. VI, стлб. 801—820.

[192] Там же, стлб. 805.

требует более убедительных доказательств. Мы предполагаем, что это предисловие (или часть послания при пасхалии) могло быть составлено каким-либо другим епископом (или при дворе епископа) и вероятнее всего Филофеем Пермским, с двором которого связывается ряд статей Сборника. О том же, что Филофей Пермский не только получил новую пасхалию, но и принимал участие в ее составлении, уже говорилось выше.

10. «Обиход године. Настатье часом» (Сед. — № 97). Нач.: «В Филипово говение приходит в нощи чясом 17 да три четверти...» Кон.: «...а от Индреева(!) дни три четверти идуть в нощи до Спиридоньева дни» (лл. 62—62об.). Учитывается увеличение и уменьшение дня, приуроченные к праздникам.

11. «Иже въ святых отца нашего Григориа Богослова втораво слова»[193] (Сед. — № 98). Нач.: «Отсюде смешение кваса седмодневно, се бо таинеише числ...» Кон.: «...да исполнит се<и> дом мои и сиа убо сице» (лл. 62об.—64). Тут наряду с решением вопросов догматических говорится и о кончине мира по истечении семи тысяч лет: «поеже седми денми мир съвершис<я> и поеже седмотысущными леты будет кончина».

К этой же группе статей Сборника примыкает «Притча о истинне» (Сед. — № 43); «Некто, ходя по пустыни и обрете жену едину, стоящу печалну, и рече к ней: Ты кто еси? Она же рече: Аз есмь истинна. И рече еи человек: Которыа ради вины оставляеши град и в пустыни живеши? Она же рече: В перваа лета в малых бе лжа, ныне же въ всех человецех. Сказ[ание?]. — Яко злое житие лукавое будет человеком, егда лжа лучши истинны будет» (л. 40об.).

Текст сходен с помещенным в Воскресенской летописи[194], где притча находится рядом с родословием, подобным родословию из Типографской летописи — о последнем см. выше. «Лжа», объявшая всех людей, — тема довольно обычная во все века, но в конце XV в. в ожидании второго пришествия она имела особенно острое звучание[195].

Интересы составителя Сборника М.3271 характеризуются также рядом статей по истории церкви. Среди них выписи общего характера и такие, которые затрагивают конкретные вопросы. К первым можно отнести: краткие записи об отцах церкви, апостолах и праздниках (нач.: «Великии Василий жил 45 лет...» Кон.: «...Крещение в чет<верг>»; л. 9; Сед. — № 9), выписи о городах («Византиа стареи Вавилона 39 леты, Рим стареи Византиа 30 леты, Иерусалим стареи Рима 500 леты без 30»; л. 40об.; Сед. — № 44)[196] и патриархах («Патриархы великиа 4: 1 в Костянтинеграде, 2 в Александрии, 3 в Иерусалиме, 4 в Антиохии»;

---

[193] На полях киноварная запись: «Б» в круге и цифра «31».

[194] ПСРЛ, т. VII, стр. 253.

[195] «Притча о истине» не единственное произведение подобного рода. Можно указать еще на известное в списке XV в. «Слово о правде и неправде». См.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Кушелевым-Безбородко. Вып. IV. Спб., 1862, стр. 213.

[196] В Воскресенской летописи: «А се писаны из Царств: Рим старее Византеи тритцатьми леты, Иросалим старее Рима 500 леты без 30 лет, Византия старее Вавилона леты 40 без лета». ПСРЛ, т. VII, стр. 239.

л. 40об.; Сед. — № 45), перечень чинов греческой церкви с греческими их названиями (в русской транскрипции) и значением («Санове церковник Великиа церкве». Нач.: «Чин первый. І великыи иконом...» Кон.: «Дидаскор другой толкует псалтырь»; лл. 41об.—42; Сед. — № 47), запись из истории церковного пения (нач.: «При Костянтине Велицем Флавьян Антиохийскыи надвое певческие ликы разделил...» Кон.: «...и оттуду предание о́но въ вся церкви распространис<я>»; л. 44об.; Сед. — № 56), запись о хождении «посолонь» или против солнца (нач.: «Подобает ведати и се, яко внегда обходят церковь миросающе...» Кон.: «...яко единомыслениці с ними осудятся»; л. 44об.; Сед. — № 57), выпись «От Криници»[197] (нач.: «Бо Улии кесарь первее един обладаше Римским царством...» Кон.: «...а яви нам Христово на землю пришествие»[198]; л. 53; Сед. — № 77), запись о вселенских соборах (нач.: «[От] Възнесениа Христова до перваг<о> собора лет 318...» Кон.: «...неции бо от сих събор и прежде бытия христианскых цареи снидошас<я>»; лл. 59—60; Сед. — № 91).

Правда, и в этих статьях общего характера можно отметить сообщения, которые заставляют предполагать, что они включены в Сборник не случайно. Например, запись о порядке хождения в церкви — идти следует не как латиняне и еретики, а как ходят со св. дарами, одесную. А. Д. Седельников указывает на связь статьи со спорами при митрополите Геронтии о хождении «посолонь»[199]. Это вполне возможно. Отметим кстати, что точка зрения на этот вопрос, выраженная в записи, противоположна Геннадиевой[200].

Все приведенные статьи по истории церкви общего характера дают возможность, кажется, выделить и другое, более важное предположение, что Сборник, по крайней мере первая часть его, составлялся при дворе епископа[201]. Более определенно свидетельствуют об этом следующие статьи:

1. «О владыках»[202] (Сед. — № 29). Нач.: «Держати ми вся христианская церковная преданиа...» Кон.: «...Подписах сие своею рукою в лет<о>» (лл. 26об.—27). Текст представляет собой выпись из «Исповедания Даниила, епископа Владимирского и Берестинского»[203]. Выписаны только общие места[204], в большей части совпадающие с текстом Чина избрания и поставления в епископы[205]. Составитель как бы выделил формуляр, нужный при поставлении епископа. (Об этом стремлении к формулярам мы говорили выше в связи с другими документами).

2. «Закон правоверного царя Иустиниана Великаго о обычных проторех, даемых от постав-

---

[197] Заголовок киноварный.

[198] *«А яви... пришествие»* — приписано сбоку.

[199] Седельников А. Д. Указ. соч., стр. 42.

[200] Там же.

[201] Некоторые источники, использованные составителем, вошли в московские летописи (выпись о городах).

[202] Заголовок киноварный, написан на верхнем поле.

[203] В некоторых рукописях называется: «Рукописание Даниила...»

[204] См.: РИБ, т. VI, стлб. 587—588.

[205] Там же, стлб. 452 и след. А. Д. Седельников отсылает к этому документу

леных на епископьство. 53»[206] (Сед. — № 46). Нач.: «От поставленых епископ та токмо повелеваем давати, яже ес<ть> вь сем законе...» Кон.: «...поставляющаго епископа обычным да разделяють» (лл. 41—41об.). Эта выпись из Кормчей может не только свидетельствовать о принадлежности составителя к епископскому двору, но и вызвать предположение, что интерес к узаконению и точному определению мзды за поставление епископов (в зависимости от богатства епархии и количества церквей в ней) связан с полемикой, направленной против еретиков.

3. «От сказаниа историческаго о поставлении святительстем»[206] (Сед. — № 55). Нач.: «Егда поставляему хотящу быти иерарху...» Кон.: «...Се аз, господи, и дети моя, яже ми еси дал» (лл. 44—44об.). Текст относится к чину поставления епископа [207].

Все три статьи настойчиво, как нам кажется, указывают на то, что включение их в Сборник определяется интересами, связанными с двором епископа. Как сильно занимали составителя тексты подобного рода, видно еще яснее из статьи «Кирила мниха, О преступлении божиа заповеди и о изгнании Адама из рая»[206] (Сед. — № 75). Нач.: «Смотри зде и разумеи от бытиискых книг...» Кон.: «...но обратити велит, и живу быти ему» (лл. 52—52об.). Текст представляет собой фрагменты из Притчи о слепце и хромце Кирилла Туровского. Совпадает (за редким исключением) с текстом списка XIV в. из собрания Чудова монастыря, № 20 [208]. Из Притчи составитель берет только то, что касается церковнослужителей — иерея и епископа, — и возможности их владеть саном.

Ту же принадлежность составителя двору епископа подтверждают, как будто, и еще две статьи. Одна из них — «Правило святых отець Великаго нашего града» (Сед. — № 15). Нач.: «С пресвятыми твоими архиепископы [209] 165...» Кон.: «...да повинни будут по святых же правилех да будут прокляти в сии век и в будущии» (лл. 10—10об.). Подобная запись включена в Сборник БАН — 4.3.15, схожий в некоторых частях с нашим [210]. Текст, известный как «Правило на обидящих церкви и духовную иерархию, приписываемое Пятому вселенскому собору», издан по пергаменному сборнику XIV в. из собрания Чудова монастыря, № 21 (л. 95)[211]. Документ этот подтверждал право монастырей и

[206] Заголовок киноварный.

[207] Сравни текст, опубликованный по списку Мерила праведного МДА, № 187/578 XV в. РИБ, т. VI, стлб. 449, со слов: «на помосте церковнем написуеть кто уметель орла единоглавна...»

[208] Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XII. М—Л., 1956, стр. 342—344. Отмечаем, что текст фрагментов принадлежит к древнейшим спискам Притчи. Древнее И. П. Еремин указывает только три: указанный Чудовской сборник (лл. 286об.—294об.), изданный В. Н. Щепкиным.— Чтения ОИДР, 1889, кн. III, отд. 1, стр. 127—146; Сборник XIV—XV вв. из Софийского собрания, № 1262 (лл. 1—4; лишь отрывок); сводный патерик Соловецкого монастыря, № 485 (452) (22) — рукопись кон. XIV в. (лл. 231—243). — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 343.

[209] *Архи* написано сверху.

[210] Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 387.

[211] РИБ, т. VI, стлб. 145—146. С изданным текстом имеются некоторые разночтения: в Сборнике М. 3271 незначительные пропуски; самый большой из них — пропуск части заголовка и начальной строки, повторяющий уже указанные сведения.

церквей на владение селами и земельными угодьями. Он был весьма популярным и действенным оружием в борьбе с еретиками и нестяжателями. Недаром на него ссылается Геннадий Гонзов в Послании к князю Борису Волоцкому [212]. Позиция составителя Сборника М.3271, включившего эту статью в рукопись, кажется довольно ясной. Он придерживается взглядов церковных иерархов, отстаивающих это право. Опять и опять подтверждается предположение, что Сборник составлен при дворе епископа.

Вторая статья на тему, связанную с владением землей, представляет собой выпись из Земледельческого устава («Закони земледелнии от Устиановых книг»), входящего в состав «Книг законных, ими же годится всякое дело исправляти всем православным князем»[213], «Десятина нивы. Сеавшему девят<ь> снопов, а имеющему землю десятый сноп. Аще ли кто инако разделит, богом проклят будет. Мзды бо и дарове ослепляют мудрых очи, отнуду ж<е> таковаг<о> сквернаг<о> прибытка отложение всячески творити тщимся, да не гнева божиа привлечем на ся, заповедеи преступници бывше» (л. 40об.).

В Земледельческом уставе девятая статья («Десятина нивы...») оканчивается словами: «...богом проклят будет»[214]. Приписка к ней, вошедшая в Сборник М.3271, почти совпадает с библейским текстом [215], но взята она из того же источника — из «Предисловия Книг законных», где соответствующий текст помещен в разных местах: в середине предисловия — «мьзды бо и дарове ослепляють мудрых очи, отнудуже таковаго сквернаго прибытка отложение всячьскы творити тщимся»[216] — и в конце — «да... и гнева божия привлечем на ся, заповедеи преступници бывше»[217].

Каждое слово предисловия относится ко всем «Книгам законным» и, следовательно, к Уставу и каждой его статье в отдельности. Показательно, что́ именно выбрал из предисловия составитель Сборника. Видимо, в окружающей действительности он мог наблюдать примеры сдачи земель в обработку и, несомненно, на значительно более выгодных условиях для землевладельца, чем условия, определяемые Земледельческим уставом.

Вся запись в Сборнике вызывает некоторое недоумение. Как она могла попасть в рукопись, которая, по нашему предположению, связана с двором пермского епископа Филофея? Свидетельств сочувственного отношения этого иерарха к крестьянам мы не знаем. Наоборот, известны документы, в которых Филофей выступает как захватчик земельных угодий. Мы имеем в виду жало-

---

[212] РИБ, т. VI, стлб. 756—758.

[213] Полный текст Устава см.: Павлов А. «Книги законные», содержащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. — Сборник ОРЯС АН, т. XXXVIII, № 3. Спб., 1885, стр. 42—62. В исследовании А. С. Павлова указаны и предшествующие (менее удачные — *И. К.*) публикации Устава. Считаю своим долгом выразить благодарность Я. Н. Щапову за указание на эту публикацию.

[214] Павлов А. С. Указ. соч., стр. 44.

[215] «Дары бо ослепляют очи мудрых и отмещут словеса праведных» (Второзаконие, гл. 16, ст. 19); «Мзда и дарове ослепляют очи премудрых и яко же бразды на устех отвращают обличения» (Книга Иисуса Сираха, гл. 20, ст. 29).

[216] Павлов А. С. Указ. соч., стр. 41.

[217] Там же, стр. 42.

ванную грамоту Ивана III, данную в 1485 году пермякам, которые били челом князю на великие обиды «от владыки Пермскова и владычни слуги и от межволостных людей: поимают у них ссильно их едины и отчины печища реки и озера и курьи участи»[218], и жалованную грамоту того же великого князя, данную в 1490 году Филофею на земли с указом вернуть земли, захваченные у государственных крестьян: «А написал сей список великого князя диак Федор Курицын лета девять десят девятого ноября 19 день»[219].

Из этого можно сделать предположительный вывод, что острие выписи было направлено против светских землевладельцев, которые могли сдавать земли в работу монастырским крестьянам. Однако практическая целесообразность помещения выписи в нашем сборнике может быть уяснена лишь после тщательного изучения поземельных отношений в Пермской епархии.

Интерес составителя к данной выписи мог быть и более общим, более отвлеченным. Статья Устава, включенная в Сборник, имеет отличия. Во всех других статьях помещены правила и указаны р е а л ь н ы е наказания и штрафы за нарушение этих правил, здесь же за нарушение правил сулится проклятие божие. К этому определению, как мы видели, приписаны составителем соответствующие извлечения из предисловия к «Книгам законным» — и то, и другое свидетельствует в какой-то мере, что составитель был лицом духовным.

Следует отметить еще одно обстоятельство, связанное с выписью «Десятина нивы...» Русский текст «Книг законных» известен в очень незначительном количестве списков. К XV в. относятся списки Кирилловский № 1086 и Уваровский № 162(264)[220], по которому А. С. Павлов и издал текст Книг. Рукопись из Уваровского собрания № 162 содержит творения Дионисия Ареопагита и приписанный к ним текст «Книг законных». По листам рукописи запись: «Сиа книга святого Благовещениа на Устьвыми, глаголемая святый Дионисий Ареопагит, а положил сию книгу священномученик епископ Питирим, убиены от нахожениа сыроядцов Вогуличь за православную веру, идеже лежит многострадалное и тръпеливое тело его». В конце записи слово, написанное пермскими письменами[221].

---

[218] К у з н е ц о в а З. И. Обзор памятников коми письменности XVIII в. Приложение. (Документы по истории коми). — Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР, вып. 4. Сыктывкар, 1958, стр. 243—247.

[219] Там же, стр. 248—252. Автор публикации отмечает, что «жалованная грамота... от 1485 года, как видно, была вызвана в результате острого конфликта, возникшего между государственными крестьянами и пермскими епископами из-за общинных земель. Пермские епископы, владея огромными земельными участками в бассейне Вычегды, продолжали систематически захватывать общинные земли, рыболовные и охотничьи угодья, принадлежавшие крестьянам. По этой причине пермские сотники подали челобитную в Москву... Жалованная грамота Ивана III пермскому епископу Филофею от 1490 года вызвана той же самой причиной, что и выше рассмотренная жалованная грамота. В сущности она не является жалованной грамотой, а, вернее всего, предупредительной грамотой, по которой ничего нового не «жалуется» епископу Филофею, а отбирается все то, что им было захвачено у крестьян» (там же, стр. 242).

[220] П а в л о в А. С. Указ. соч., стр. 8.

[221] Л е о н и д, а р х и м а н д р и т. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. Часть I. М., 1893, стр. 101. Леонид относит запись к XVI в., а слово пермской азбуки читает как «аминь» (там же).

Итак, один из двух известных древнейших списков «Книг законных» входил в состав рукописи, принадлежавшей епископу Пермскому Питириму, а затем Благовещенскому кафедральному собору в Устьвыми, где находилась резиденция пермских епископов. Вполне вероятно, что именно из этой рукописи и была сделана та выпись, которая вошла в наш Сборник. Полное сходство текстов это подтверждает. Наличие Устава в списке XV в. в Устьвыми — косвенное, но, кажется, очень убедительное доказательство, что наш Сборник составлялся при дворе пермского епископа.

О принадлежности составителя Сборника двору епископа говорит, кажется, и еще ряд статей, отражающих своеобразный интерес его к храмостроительству. К этой группе относятся:

1. Выпись из Хождения архимандрита Грефения (Сед. — № 14): «Церковь святое Въскресение в Иерусалиме на третеи части града Иерусалима от горы велика в два верха: един над гробом божыим не покрыт, а другыи над престолом святыя трапезы покрыт» (л. 10) [222]. Выпись вместе с выписью из того же Хождения «О Иерусалиме граде» помещена также в Сборнике БАН — 4.3.15 [223].

2. Запись о строении Соломонова храма (Сед.— № 36): «Творение храма Соломонова. 70 тысящь сечаху камен<ь>е в горе, 70 тысящь сечаху древье, 30 тысящь ношаху камение, 300 и 6 тысящь предстоаху работе, и в 40 и 6 лет съверши<я> дело» (л. 37) и запись «А се имена древодел: Веселеил, Иелиав. Первое колено Июдово. Створшим Скинию и скрижали, и херувим, и серафим» (л. 42об.; Сед. — № 49).

Сравнение библейских текстов на эту тему [224] с текстами Сборника показывает, что перед нами выборки, сделанные составителем (или кем-то до него, если он взял их из другого источника), заинтересованным широким размахом строительства библейского царя Соломона. Интерес же к строительству церкви или даже кафедрального собора вполне объясним. Вспомним, что в 1479 году был достроен и освящен Московский Успенский собор, в 1485 году (31 августа) была освящена церковь Положение ризы на митрополичьем дворе [225], в 1489 году — церковь Благовещения в Москве, «на великого князя дворе» — освящали Вассиан, епископ Тверской, и Прохор, ерхиепископ Сарский и Подонский [226], в 1492 году архиепископом ростовским Тихоном поставлена на месте сго-

---

[222] Текст Хождения опубликован по единственному списку из Хронографа — рукопись XV и XVI вв. Церковно-Археологического музея при Киевской духовной академии, № 174 Я. И. Горожанским (Русский филологический вестник, 1884 и отдельно: Хождение архимандрита Грефенья во Св. землю. Варшава, 1885), а затем архимандритом Леонидом (Православный Палестинский сборник, вып. 48 (т. XVI, вып. 3). Спб., 1896), доказывающим, что Хождение было написано в 1370-х гг., а не в XV в., как считал Горожанский (там же, стр. III—X). Разночтения текста нашего Сборника с публикацией арх. Леонида лишь в начертаниях отдельных слов (см. там же, стр. 2).

[223] Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 387.

[224] В первом случае: Третья книга царств, гл. 5, ст. 15—16; там же, ст. 1—14; Вторая книга Паралипоменон, гл. 2, ст. 1—2; там же, ст. 17—18. Во втором: Исход, гл. 31, ст. 1—7, гл. 35, ст. 30—33.

[225] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 277.

[226] Там же, стр. 279.

ревшей соборная церковь в Устюге [227], наконец, в 1493 году (12 мая) «владыка Филофей Пермьский и Вологодцкый заложил церковь вверх святое Вознесение... в своем монастыре на Вологде в слободке, и свершена того же лета месяца сентября, а мастер тое церкви Мишак Володин Гулынского, а стала 22 рубля, опроче мосту круг церкви и кровли»[228].

Приведенные статьи первой части Сборника М.3271 дают представление и об источниках, на которые опирался составитель, и о интересовавших его злободневных вопросах. Однако характеристика составителя этим не исчерпывается. В Сборник включены статьи и философского, и естественнонаучного [229], и литературного направления. За ними стоит человек книжный и пытливый. Так, мы находим там выпись о сотворении человека по образу и подобию божию (Сед. — № 73): «Въпрос. Что ес<ть>, якоже глаголют божиа книгы, сътворим человека по образу нашему и по подобию. Т<о>лък. Се глаголеть не [230] о внешнем видении человека, но о невидимом, ибо внешнее видение человека сложено ес<ть>, бог же прост и несложен ес<ть>и убо по образу божью еже въ человеце невидимое человека ес<ть>: ум, слово, дух — сие три равни суть в человеце, ибо ум ражает слово, слово же подвизаеть ум, ниж<е> ум ес<ть> без слова, ниж<е> слово без ума. Тако ж<е> и слово от духа, сущаг<о> в нас, исходит от ума. Сии убо три равна сут<ь> в нас и разделитис<ь> друг от друга не могут. Ум убо пребывает ум, ражаа слово, и слово пребывая сл[ово], и дух пребывает дух. Тако убо и божественому существу подобает разумети. Раждает убо отець сына и [...] отец и сын родився ес<ть> слово и пребывает сын, також<е> и дух святыи, иже от отца исходит и ес<ть> дух свят...» Далее о соотношении физического и духовного в человеке. Кон.: «...Зде яко не пщуют, ишедши тела своего до въскресениа общаг<о> и по въскресении общем обжени (облажени?) будут и съ душами их и телеса и бесмертна будут в векы непроходимыа увы страсти» (лл. 51—52) [231].

В статье, как видно уже из ее начала, делается попытка решить вопрос о Троице на примере человеческого мышления и выражения мысли словом. Вопрос о Троице в учении «жидовствующих» был едва ли не одним из самых главных [232].

Вторая статья — выпись на философскую тему (Сед. — № 38). Нач.: «Адам падес<я>, и вси мы под прелестию быхом...» Кон.: «...яж<е> уготовал бог любящим его» (л. 38об.). Постановка вопроса в статье — «Аще увемы ся, кто есмы, то и бога познаем и творцу поклонимся, владыце поработаем...» — носит, видимо, не только чисто богословский (то есть философский) характер, но и социально-политический.

Третья статья — выпись о воплощении Христовом (Сед. — № 78). Нач.: «Аще бо ищеши, коеа ради вины Христово

---

[227] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 288.
[228] Там же.
[229] Название это, конечно, сугубо условно.
[230] *Не* вписано над строкой, кажется, другими чернилами.
[231] Между листами, может быть, пропуск из-за утери листов.
[232] Сравни рассуждения Иосифа Волоцкого о Троице в «Просветителе».

пришествие...» Кон.: «...и с ним венец мучениа прият» (лл. 53—54). Здесь решается вопрос, почему воплотился Христос.

Включение в Сборник этих трех статей говорит, как будто, тоже о том, что составитель его был связан с кругом людей, которые должны были задумываться над подобными вопросами, а необходимость этого вызывалась еретиками [233].

Очень интересны статьи Сборника, которые мы условно назвали естественнонаучными.

Одна из таких статей — Сказание [«о человецех незнаемых в восточней стране»] (Сед. — № 21). Нач.: «На въсточной стране за Югорьскою землею над морем живут люди самоедь...» Кон.: «...а за ними идет велик человек, поганяа их палицею железною» (лл. 16—17). Сказание это, известное по нескольким спискам, издано Д. Н. Анучиным [234], который считал, что оно возникло не позднее конца XV или самого начала XVI в.[235].

Издатель Сказания старается доказать (и не безуспешно), что в произведении отразились реальные черты торговых взаимоотношений новгородцев с сибирскими племенами и все большего ознакомления с жизнью последних, которое наблюдалось в русском обществе конца XV в. Действительно, во второй половине XV в. и особенно, пожалуй, в 80-х годах политика Московского государства была направлена в сторону Сибири. Об этом мы находим сведения в летописях и прежде всего в летописи Вологодско-Пермской. В 1467, 1483, 1499-1500 гг. московские воеводы ходили на «югорских», «кодских», «пелымских» и др. князей. Большую роль в установлении русского влияния на остяцкие, вогульские и другие сибирские племена сыграл пермский епископ Филофей. Тщательно исследовавший этот вопрос С. В. Бахрушин пишет: «В 1485 г. при посредничестве пермского владыки кодские князья заключили под Вымским городком мир с вымскими князьями и с вычегодцами... В 1483 г. владыка Филофей выхлопотал для пелымского князя Юмшана великокняжескую опасную грамоту для приезда в Москву и послал с этой опасной грамотой к нему своего слугу Леваша... В 1485 г. под владычным городком на Выми тот же Леваш от имени владыки участвовал в заключении мира между вымичами и вычегодцами, с одной стороны, и кодскими князьями — с другой. В том же году сам владыка сопровождал в Москву прибывшего к нему по опасу Юмшана» [236]. В

---

[233] Следует отметить, что все три статьи перекликаются с Посланием Иосифа Волоцкого о Троице.

[234] Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецех незнаемых в восточней стране». — «Древности». Труды Московского археологического общества. Т. 14. М., 1890, стр. 227—313 (текст стр. 230—236).

[235] Издателем указаны и известные ему списки Сказания. Текст нашего списка ближе всего примыкает к Софийскому (Собрание Спб. духовной академии, № 1642), который датируется Тихонравовым XV—XVI вв. Незначительных разночтений с печатным текстом довольно много, значительное — одно: в списке Сборника М. 3271 не помещено известие о «Линной самояди» (Анучин Д. Н. Указ. соч., стр. 231).

[236] Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках. Л., 1935, стр. 38—39. М. Н. Тихомиров предполагает, что Леваш был составителем Вологодско-Пермской летописи. См.: Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи. — Проблемы источниковедения. Сборник III. М.—Л., 1940, стр. 241.

1480-х гг. кодские князья вторгались в пермские пределы, между ними и пермским епископом были дипломатические сношения, к ним посылались экспедиции [237].

Сказание, таким образом, не было случайностью для пермских кругов. Кто-то записал эти легенды (не Леваш ли?), услышав их или непосредственно от инородцев, или от лиц, общавшихся с последними. Такие сказания не могли не интересовать лицо или круг лиц, работавших над летописью [238].

2. «О неясыти» (Сед. — № 13). «Неясыт<ь> чадолюбива птица ес<ть>. Прокливает же ребра своя мати их, тако ж<е> и отець прокливает ребра своя, видя птинца своя мертвы, и наквапит крови своя на них и оживут. Тако и господу [239] прободены быша ребра его от жидов и изыде кров<ь> и вода и оживи вселеную, сиреч<ь> умершая. Сего ради пророк рече: Уподобихся неясыти пустынному» (л. 10). Эта выпись из Физиолога [240] интересна и потому, что дает один из древнейших русских текстов Физиолога этой редакции [241], и потому, что трактует христологический вопрос, такой острый в полемике с еретиками. Видимо, составитель не принадлежал к их кругу.

3. «Григории Богослов от неведомых (Сед. — № 90). Иже реч<е> о лиричьскыи пиндарь бес конца и непроходимо, Гидирь бо место ес<ть> о вечерних чястех начало имыи плавающаго моря, а еже далнее не плавающе никто ж<е>, яко мрачно и течно и зверокормимо. О гигантех. Яко ж<е> басни глаголют о гигантех, бают бо як<о> Кодмос в Афинех живыи, змиевы зубы насеа, от них же быша волотове, гиганти мужи въоружени от главу и до ногу, и так<о> биющес<я> друг от друга погыбоша. А Омире. Амир, ему ж<е> убо дышущу огнем опарнискым рече хемире трисложеному звери, пред его львов, зад же змиев, среда ж<е> химерова. О Авариде. Аварид же на западе севера язык полунощныи и внутрь скиф глаголеть(?) насадите древо и стрелу от того взем и тою волхвоваше обьходя Еладу и ту стрелу посылаше по въздуху. О Пигасе. Пигас же бают коню быти крилату и дану афиняны Велерофонтию, на нем же седя, по аеру ношашес<я>. О Ахиле. Яко Ахиль все не от коег<о> коня Китовраса именуемаг<о>, ему же от пупа человеку быти, долнее ж<е> конь, и жива в пещере горы Феталиискиа и поима Ахилиа и всад<и> на конную чясть, учяше и стреляти зверь, кормляше и не млеком, но мозгы заячими и львовыми, яко баснь глаголеть, тем Ахилес<ь> именовас<я>, за необщи<е> (зане общие?) необычныа пища, Ахиль бо брашно глаголеться, и учим бе от нег<о>. О Гигисе. О перстни и о Миде о злате поведаю. Гигису перстень обрести и

---

[237] Бахрушин С. В. Указ. соч., стр. 40.

[238] Текст Сказания помещен также в Сборнике БАН — 4. 3. 15, во многом схожем с нашим (Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 387).

[239] Слово подправлено другими чернилами.

[240] Текст статьи очень близок к тексту Физиолога, помещенному в сборнике XVI в. из Собрания Царского и опубликованному А. Карнеевым (Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. Изд. ОЛДП, XCII, 1890. Приложения, стр. VIII).

[241] Другая редакция имеется, например, в Палее XV в. из Собрания Троице-Сергиевой лавры, № 729.

егда хотети не видитис<я>, обращати перстень храня ему ж<е> сохранену быти. Некогда убо се<и> сотворив и вшед в царскаа утаи вся приати царство, царя убив Миданьска. О Мидасе. Мидаса же рекоша фригом царствовавша, толма быв златолюбив, иже и помолис<я> ему ж<е> и прикоснется будет злато и услышан быв ясти не могыи брашно и пит<ь>е, ему ж<е> коснящес<я> будяше злато» (лл. 58—59).

Обращение к легендарным сведениям, которые мы условно назвали естественнонаучными, расширяется здесь и выходит за пределы русских и близких к ним. Это следует отметить при попытках представить себе лицо составителя Сборника. Знакомство с понятиями и мифологией античного мира — пусть даже по сочинениям Григория Богослова [242] — говорит о многом. Понятнее становится и включение в Сборник легенды «о человецех незнаемых в восточней стране»: в сочинениях отца церкви составитель получил подкрепление своим позициям восприятия мира.

4. «Подобает ведати, колико есть талант» (Сед.— № 48). Нач.: «Талант имат<ь> 125 литр...» Кон.: «...на трапезе расходилось на 50 златиць, рекше на обеде» (л. 42об.). Соотношение мер, изложенное в статье, включает в себя и «рубли московские». Составитель Сборника, возможно, выступает здесь и в роли составителя таблицы соотношения мер.

К этой же группе статей можно, пожалуй, присоединить еще одну (5-ю) — «Святаго Генадиа, патриарха Костянтинаграда, о дузе небесней, яко подобие божие есть» [243] (Сед. — № 72). Нач.: «Дуга есть образ божественаго подобиа...» Кон.: «...тогда явися господь бог нашь въ плоти видим человеком» (лл. 50об.—51). Текст сходен со списком из Хронографа Чудова монастыря, № 53/355 [244].

Речь идет здесь о радуге как постоянном явлении, через которое бог смиренно связывает себя с землей. Объяснение природного явления в духе апокрифа не чуждо составителю. Но здесь важнее отметить то, что радуга, в трактовке Геннадия, прообразует троичность божества: «черлено, зелено, желто существом», «не смесно, ни разделно», как Троица, и является свидетельством воплощения Христа. Как известно, и то и другое «жидовствующими» бралось под сомнение.

Несколько статей Сборника М.3271 указывают на интерес составителя к фольклору или литературе, связанной с ним. Укажем их, хотя все они, пожалуй, книжного происхождения.

1. Загадка с толкованием (Сед. — № 8). Нач.: «Еже что ес<ть> седит человек старос<ть>ю одержим и в месте темне, а на нем риза черлвена, и венець царскыи на главе его, в руках же своих имеа убрус бел, а в нем 12 свитков. Толк...» Кон.: «...апо-

[242] См., например, обличительные слова Григория на царя Юлиана.

[243] Заголовок киноварный.

[244] Чтения ОИДР, 1889, кн. 3(150), Хронографы Чудова монастыря, стр. 16—17.

столи учением своим вес<ь> мир просветиша» (лл. 8об.—9)[245]. «Толкование» раскрывает значение загадки — непросвещенное языческое общество, обагренное кровью жертвоприношений и погрязшее в грехах, спасается учением апостольским.

2. Запись (выпись?) о чашах (Сед. — № 22): «Первую чашю испити здрав<ь>ю, 2-ю весел<ь>ю, 3-ю сытости, 4-ю бесованию, 5-ю к [с]рамослов<ь>ю, 6-ю горцеи муце» (л. 17)[246].

3. Выпись, сходная с текстом Моления Даниила Заточника (Сед. — № 23): «Псом и свиньям не надобе злато ни сребро, ни безумному мудрая словеса»[247] (л. 17). Выпись эта представляет собой один из древнейших текстов Моления[248]. Трудно, конечно, сказать, чем вызван интерес составителя именно к этому афоризму Моления. Общее значение его для книжника, каким был составитель, понятно, но вполне вероятно, что были и конкретные условия, вызвавшие эту запись.

4. К этой же группе можно присоединить и еще одну во многом показательную статью: «Начаток днем, о них же достоит хранитис<я> врачеваниа человеком и скотом ни крове пущати» (Сед. — №№ 92—93). Нач.: «Блюстися их всегда: месяца генваря 1 да 15...» Кон.: «...на все подобни и все строино» (лл. 60—60об.). В статье указываются удачные и неудачные дни не только в отношении врачевания и кровопускания, но и в отношении посевов. Что подобного рода литература была очень распространена в конце XV в. и охватывала многочисленные круги, свидетельствует список отреченных книг, указанный митрополитом Зосимой. В этом списке — «богоотметныа и ненавидимыа книги: громовник, колядник, мартолог, цареве сносудцы, вороногрий птичь, мышеписк, стенотруск. Се суть имена им: астрономиа, сиречь звездосказание, окомиг, мысленик, естественик, метаниа»[249]. Составитель Сборника, несмотря на свою грамотность и, можно сказать, широкую образованность, выступает здесь как сын своего времени, серьезно отмечающий «дни врачевания», угодные судьбе.

Эрудиция составителя характеризуется также статьями:

1. О чтении книжном (Сед. — № 10): «Приими книгу и прочитаи чясто знаемое, а не ведом<о>, иди к мудрейшием (?) себе въпрошяти. Аще от человеческаго ума не приимеши разума, да бог видит подвизание твое и подас<ть> ти разум и исполнит желание твое» (л. 9об.).

---

[245] Подобная загадка помещена в Апостоле — рукопись из собрания П. А. Овчинникова (ГБЛ, ф. 209, № 42) того же времени, что и Сборник М. 3271, — где на обороте листа (л. 52) — миниатюра на сюжет загадки. Эта же загадка в Усть-Цилемском сборнике. Малышев В. И. Указ. соч., стр. 48. В сборнике БАН — 4. 3. 15 имеется другая загадка: «Твой отец — мой отец...» Не из одного ли источника черпали их составители того и другого сборника?

[246] Подобный текст имеется и в сборнике БАН — 4. 3. 15. Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Указ. соч., стр. 387.

[247] В Толстовском списке «Слова о Даниле Заточнике»: «Псом бо и свиниам не надобе злато и сребро, ни безумному мудрая словеса». — Миндалев П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914, стр. 110.

[248] Список Моления из рукописи собрания В. М. Унгольского № 195, многими исследователями относимый к XV в., в действительности относится к XVI в.

[249] «Сказание Изосимы, митрополита Русъскаго, о отреченных книгах». — РИБ, т. VI, стлб. 792—793.

2. «О хуле на словенскую грамоту»[250] (Сед. — № 63) — выпись из жития Мефодия Первоучителя. Нач.: «Неции ж<е> начаша хулити словенскыа книгы, глаголюще...» Кон.: «...наказал Мефодии учитель вашь» (лл. 46—46об.). Указываются латиняне, которые, ссылаясь на узаконенные подписями на кресте языки (еврейский, греческий, латинский), отрицают славянскую грамоту.

3. Запись о риторстве (Сед. — № 74): «Се<и> же чин риторства, речеточства, за еж<е> разумеет и писати, и глаголати» (л. 52).

4. Запись словарного характера (Сед. — № 9 — приписка в конце): «Зерно горушично. — Горчичное» (л. 9)[251].

5. «Слова блаженаго Зоровавеля» (Сед. — № 99). Нач.: «Егда же оседе Иерусалима Тит...» Кон.: «...Но идеж<е> ес<ть> царь верен и люди учит закону божию правому, то нес<ть> того града кому пленити, аща и мало людеи в нем ес<ть>, но верою крепок ес<ть>» (лл. 64—65)[252].

Литературный вкус составителя отразился, пожалуй, наиболее ярко в двух статьях Сборника:

1. Выпись (Сед. — № 20): «Златоуст. Озеро остави и вселенную улови, трос<ть> сломи и крест же украси, струну прерви и благочестье проповежды, поверзи уду и недугы исцели, мрежа възненавид<и> и небесныа ключа скуи» (л. 15об.).

Эту выпись о первозванных апостолах-рыбаках следует отметить особо. Замечательная по поэтической насыщенности и риторическому мастерству выпись характеризует составителя Сборника как человека не только склонного к литературным красотам, но и человека, обладающего подлинным поэтическим чутьем.

2. Краткое изложение повести о воеводе Евстратии (Сед. — № 100) — последняя статья в этой (первой) части Сборника. Нач.: «В Царьскых книгах писано: Аз есмь Еустрат<ь>е...» Кон.: «...но яз сежду в целомудрие мудрым, а в наказание безумным» (л. 65). Текст, как уже указывалось выше, был издан П. Н. Сакулиным.

Вероятно, не только литературная сторона произведения, его взволнованность и общечеловечность привлекли к нему внимание составителя. В русской действительности видел он то, что составляет основу повести — забвение воинских заслуг и опалу верных сынов государства. Примеров этого было немало. Достаточно указать на имена Даниила Холмского или Федора Басенка.

Из первой части Сборника М.3271 осталось очень незначительное число статей, не указанных нами[253], но и среди них, вероятно, нет ни одной, в которой хотя бы предположительно нельзя было отметить те или иные мотивы, заставившие составителя поместить статью в рукопись.

---

[250] Заголовок клиноварный.

[251] Вероятно, разъясняются евангельские слова о вере (хотя бы с горчичное зерно), которая может сдвигать горы.

[252] О Зоровавеле см. Книги Ездры и Неемии.

[253] В перечне А. Д. Седельникова — №№ 6, 30, 40, 51, 52, 53, 65, 68, 69, 70, 71, 76.

Так, в выписи «О Езекии цари, егда боле и рече ему Исаиа пророк»[254] (Сед. — № 53; лл. 43об.—44)[255] составителя могла привлечь своеобразная календарная аномалия, связанная с историческими (для него) событиями: «Се аз обращу стень степени дому отца твоего яж<е> снидет солнце десят<ь> степени, да будет день тои чясов 32, солнцу бо прешедшу на десятыи час пришедшу и съ степени их храму съшедшу и възвратис<я> паки солнце десят<ь> степении въспят<ь> по словеси господню, и бышя часи 20 и паки своим ходом по своему чину обходив солнце, иде на запы, и быша часи 32, а тое ж<е> нощи изшед аггел господень и уби от полка асурииска 100 и 80 и 5000 и въставше, обретоша трупиа мертва». В Сказании о соблудившем пресвитере («Обретохом бо сказание некое сице бывшее, еж<е> и разсудивше написавше предати». Сед. — № 65; лл. 46об.—47), возможно, отразилась позиция епископского двора, трактующего о нормах поведения духовенства. О достоинствах и сане священнослужителя говорится и в выписях из Апостола, Златоуста (Сед. — №№ 69—70) и др.

В результате просмотра состава первой части Сборника М.3271 мы можем сделать некоторые выводы.

Прежде всего следует отметить несомненную связь в содержании первой и второй частей рукописи. Как уже отмечалось выше, об этом свидетельствует ряд статей, которые в одной из редакций Вологодско-Пермской летописи (Лондонский список), близкой к нашей, были вынесены в начало текста. К ним мы можем прибавить еще Послание Вассиана Рыло Ивану III на Угру — оно входит в состав Вологодско-Пермской летописи и здесь помещено в первой части Сборника[256], Сказание «О Митяи архимандрите» и «Притчу о истине».

Из документальных и летописных источников, на которые опирался составитель (или составители) первой части Сборника, многие вошли в московские летописи и в летопись Вологодско-Пермскую, использовавшую в большей части те же источники, что и летописи московские. Особенно следует отметить Краткий летописец (вторая статья Сборника), конец которого находит аналогию только в Вологодско-Пермской летописи, полностью совпадая с одной из ее редакций (Воронцовский список).

Первая часть Сборника содержит ряд материалов, дополняющих летопись. Одни из них касаются русских, вологодских событий: сообщение Краткого летописца о пожаре в Вологде в 1486 году, отмеченное только в Воронцовском списке, и запись о завершении и освящении епископом новгородским Феоктистом богородичной церкви «на Вологде» в лето 6711; другие содержат известия, имеющие к русским событиям как бы косвенное отношение и потому отстраненные при составлении летописного свода. Это выпись

---

[254] Заголовок киноварный.

[255] См.: Книга пророка Исаии, гл. 38, ст. 5—8; Книга четвертая Царств, гл. 20, ст. 5—11.

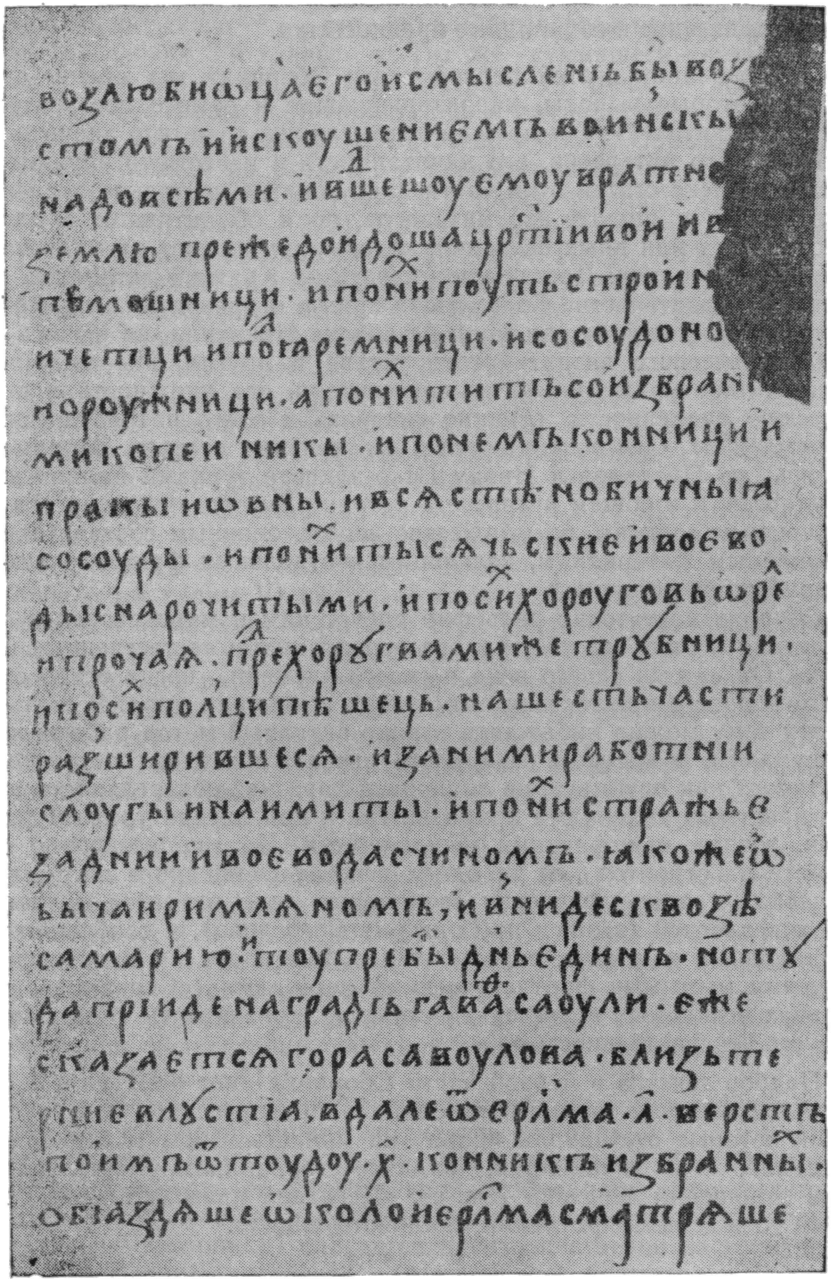
[256] Делаем оговорку: текст Летописи обрывается в рукописи раньше, чем следует Послание, поэтому нельзя сказать с уверенностью, что во второй части его не было. Духовная митрополита Киприана, как мы видели, помещена и в той и в другой части.

о покорении турками балканских государств с выразительным призывом: «Ино осмотримся рано!»; это «Венчание на царство царя Мануила», рассказ об испанской инквизиции и другие.

Первая часть Сборника составлялась, по всей вероятности, при дворе епископа, точнее, при дворе Филофея, епископа Пермского (и Вологодского), причем можно думать, что это происходило сразу или вскóре после присоединения Вологды к его епархии в 1492 году, когда интерес к городу был повышенным, и не позднее 1494 года — года падения митрополита Зосимы. О том, что Сборник составлялся именно при дворе епископа, свидетельствуют многочисленные статьи. Среди них группа статей, связанных с историей русской церкви, представленных здесь или как формуляры и образцы церковно-учительной публицистики (Отреченная грамота Иоасафа, Соборное послание Ивану III и Послание Вассиана Рыло, Духовная митрополита Киприана, выпись из Исповедания Даниила), или как статьи, регламентирующие деятельность церковнослужителей и, в первую очередь, епископов (Закон царя Иустиниана, «О поставлении святителстем», фрагменты из «Притчи о слепце и хромце»), или как статьи, свидетельствующие об интересе к храмозданию (выписи из Хождения архимандрита Грефения, выписи из Библии о строительстве Соломонова храма и Скинии), или как статьи, связанные с составлением новой пасхалии, и календарные. Об этой же принадлежности Сборника двору епископа говорят и статьи, касающиеся монастырских и церковных владений («Правило на обидящих церкви и духовную иерархию», «Десятина нивы...», отчасти — «Речи посла цесарева». Они должны быть отмечены нами и потому еще, что отражают борьбу за эти владения в самом начале громкой и долгой полемики нестяжателей и иосифлян), и даже Краткий летописец, включенный в Сборник.

Значительное количество статей первой части Сборника относится к идеологическому движению последней четверти XV в., связанному с еретиками, известными под названием «жидовствующих». Наличие этих статей и обусловило вывод А. Д. Седельникова, а за ним и других, о принадлежности Сборника Геннадиеву кружку. Однако ни одна из них, как мы видели, не противоречит нашему предположению о принадлежности рукописи двору другого иерарха, епископа Филофея. С другой стороны, отбор известий в Кратком летописце — одной из существеннейших для истории рукописи статей, ошибки в записи об освящении церкви архиепископом новгородским Феоктистом, ошибочный список новгородских архиепископов, отсутствие лет «фряжского» счета, московские (а не новгородские) рубли в статье «О таланте», наконец, все промосковское направление сборника и особенно его несомненная связь с Вологодско-Пермской летописью не дают возможности согласиться с выводом А. Д. Седельникова.

Статьи, вызванные полемикой с еретиками и попавшие в Сборник, свидетельствуют — и это главное, — что вопросы, затронутые в них, переживались и дебатировались не только в Новгороде, Москве и Иосифо-Волоколамском монастыре. Интерес к ним захватывал и другие города и монастыри, что, конечно, вполне за-

Сборник последн. четв. XV — нач. XVI в. Ф. 178, № 3271, л. 256.

кономерно, так как не только в названных центрах были для этого экономические и социальные предпосылки.

На основании статей первой части Сборника мы можем сделать некоторые выводы, характеризующие и самого составителя (или составителей). Тут прежде всего следует отметить значительный круг его интересов, его начитанность и известную эрудицию. Весь комплекс статей этой части дает понятие не только о разносторонности и широте его интересов, но и об активном способе усвоения тех или иных сведений, которые он черпает из многочисленных источников. Достаточно указать на Краткий летописец, на записи о строительстве Соломонова храма, о древоделах, на фрагменты из Хожения за три моря Афанасия Никитина, на выпись из Земледельческого византийского устава и другие. Мы отмечали выше литературные интересы составителя, его книжность и поэтическую одаренность. Можно говорить и о его патриотических устремлениях. Они выражаются и в отдельных статьях, например, выпись из Послания к Ивану III о захвате турками балканских государств, и в общем интересе к истории Русского государства, к летописным записям, во множестве использованным составителем, к архивным материалам, касающимся отдельных фактов русской и зарубежной истории.

Сборник достаточно рельефно рисует нам и мировоззрение составителя первой его части и его ориентацию в «естественных науках». Он — сын своего века и своего времени, когда остро ставился вопрос о пришествии антихриста и кончине мира. В статьях на эту тему можно наблюдать тот же активный метод работы над материалом, о котором говорилось выше, при этом составитель выступает как оптимист, не лишенный дара наблюдательности как над простыми явлениями природы, так и над литературными фактами, точнее, над фактами письменности. Но мировоззрение составителя строится не на одних текстах священного писания и отеческих и апокрифических сочинениях, оно питается и античной мифологией (выписи из Григория Богослова), и сообщениями о природных явлениях, отраженных в Физиологе, и даже современными местными фантастическими легендами («Сказание о человецех незнаемых в восточней стране»), связанными с окружающей его действительностью.

Подбор текстов в первой части Сборника дает понятие и о социальной позиции составителя. Он солидаризируется с теми иерархами, которые отстаивали право на монастырские и церковные владения, хотя и является, видимо, сторонником умеренных в этом отношении действий (см. ст. «Десятина нивы...»). Кроме того, он убежденный противник «жидовствующих».

* *
*

Третья часть Сборника М.3271, как уже отмечалось нами, содержит неполный текст V и VI книг Истории Иудейской войны Иосифа Флавия.

Текст начинается с конца 1-й главы V книги со слов: «...возлюби о<т>ца его и смыслен быс<ть> возрастом и искушением

воинским надо всеми» (л. 256; по изд. Истрина[257] — стр. 66; по изданию Мещерского[258] — стр. 361). Обрывается из-за утери 2-х листов на словах 3-й главы: «...Тит же сумняшеся внезапному званию и повеле» (л. 260об.; стр.: Истр. — 74, Мещ. — 365). Далее со слов 4-й главы: «...[непристу]пно и починается от Коннаго столпа...» (л. 261; стр.: Истр. — 78, Мещ. — 367). Обрывается из-за утери 4-х листов на словах 5-й главы: «...и архиереи вхожаху с ними не по вся дни, но в суботы и в новыя месяца...» (л. 265об.; стр.: Истр. — 86, Мещ. — 372). Далее со слов 6-й главы: «...своим. Въскую не отложим вражды...» (л. 266; стр.: Истр. — 92, Мещ. — 375). Обрывается из-за утери 2-х листов на словах 6-й же главы: «...и всем бы зажженым быти, аще быша не...» (л. 266об.; стр.: Истр. — 94, Мещ. — 376). Далее со слов 7-й главы: «...и стыдяшеся срамоты мягку быти...» (л. 267; стр.: Истр. — 96, Мещ. — 378). Обрывается из-за утери 4-х листов на словах 7-й же главы: «...Николи же поработихомся ри[мляном]...» (л. 267об.; стр.: Истр. — 98, Мещ. — 378). Далее со слов 9-й главы: «...острейша суть оружья, сего бо ради и прадед нашь...» (л. 268; стр.: Истр. — 104, Мещ. — 382). Обрывается из-за утери 4-х(?) листов на словах 13-й главы: «...узрев прескоча от мотылы и злато беру[ще]...» (л. 282об.; стр.: Истр. — 126, Мещ. — 394).

Далее с 1-й главы VI книги, со слов: «...[ору]жником неискусным июдеи к римляном...» (л. 283; стр.: Истр. — 134, Мещ. 398). Обрывается из-за утери 2-х листов на словах 1-й же главы: «...обыкше прежеи работе быти за свободу ныне...» (л. 284об.; стр.: Истр. — 138, Мещ. — 400). Далее со слов 1-й же главы: «...[возде]ржеваяся от стремлениа дондеже возлезе на верх...» (л. 285; стр.: Истр. — 140, Мещ. — 401). Обрывается из-за утери 3-х листов на словах той же главы: «...кесар<ь> же слышав знамение...» (л. 285об.; стр.: Истр. — 142, Мещ. — 402). Далее со слов 2-й главы: «...[отда]вати жертвы, отрезанныа тобою...» (л. 286; стр.: Истр.— 146, Мещ. — 405). Обрывается из-за утери 5-ти(?) листов на словах той же главы: «...яко и римляне гневахуся, зряще на ня с трепетом кла[няхуся]...» (л. 287об.; стр.: Истр. — 148, Мещ. — 406). Далее со слов 3-й главы: «...комару межю Соломонем верхом исполниша хвороста смолою и серою...» (л. 288; стр.: Истр. — 156, Мещ. — 410). Обрывается на начале 4-й главы VI книги на словах: «...биаше непрестанно победник сте[ны]...» (л. 291об.; стр.: Истр. — 162, Мещ. — 414).

Мы убедились уже в несомненной связи первой и второй частей нашего сборника. Можно ли сказать что-нибудь в этом плане о третьей части? Бумага ее та же, что и во второй. К этой чисто внешней, но достаточно убедительной особенности следует добавить, что начало особой редакции Вологодско-Пермской летописи (вторая часть Сборника) слагается преимущественно из воинских повестей, к которым составитель был особенно внимателен. С другой стороны, мы видели, что в первую часть Сборника включены статьи, как бы дополняющие Летописи. Часть из них касается

---

[257] Istrin V. La Prise de Jérusalem de Joséphe le Juif... Tome second. Paris, 1938.

[258] Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958.

нерусских событий. Возможно, что таким же дополнительным материалом к Летописи представлялся и текст Истории Иудейской войны Иосифа Флавия. Замысел включить его в свод не является чем-то исключительным. Достаточно вспомнить, что часть списков этого произведения входит в состав хронографов и даже летописного свода [259].

К сожалению, нельзя сказать, что представлял собой текст «Истории» нашего сборника до утери листов. Был ли он полным или содержал только V и VI книги повести. Последнее не исключено. Две эти книги и содержат собственно рассказ об осаде и падении Иерусалима [260]. Если это так, то связь третьей и второй частей Сборника становится еще более ощутимой: мы могли наблюдать, что воинские повести составляют начало Вологодско-Пермской летописи в редакции Сборника М.3271.

История иудейской войны, переведенная задолго до этого [261], во второй половине XV в. получила новое и довольно широкое распространение [262]. Такой повышенный интерес к «Истории» в это время вызывался, по всей вероятности, тем, «что она оказалась включенной в круг произведений, способствовавших осмыслению и обоснованию всемирно-исторической роли централизованного Московского государства»[263]. Таким образом, включение в рукопись повести Иосифа Флавия (напомним — в древнейшем его списке) вполне соответствует всему духу Сборника, в котором отразились не только (точнее, не столько) местные интересы Вологодско-Пермского края, но главным образом интересы общегосударственные, свидетельствующие о вполне созревшей идее централизованного государства и в кругах, достаточно удаленных от Москвы.

* *
*

Общие выводы по составу Сборника М.3271 могут быть, по нашему мнению, таковы:

Три части рукописи, на первый взгляд совершенно самостоятельные, связаны между собой не только механически, но и своим содержанием. Особенно ясно вырисовывается связь первой и второй частей, и если вторую часть Сборника составляет особая (хотя и в неполном списке) редакция Вологодско-Пермской летописи, то в первой имеются ее фрагменты и добавления к ней.

Статьи первой части в своей совокупности указывают, что Сборник составлялся при дворе Филофея, епископа пермского, а прочная связь этой части с последующей заставляет нас соотнести с этим двором и вторую часть рукописи. Таким образом, предположение М. Н. Тихомирова, что Вологодско-Пермская летопись составлялась при дворе Филофея Пермского, находит в этом сборни-

---

[259] Мещерский Н. А. Указ. соч., стр. 15—18.

[260] Книги I—IV содержат предысторию осады, а в книге VII содержится рассказ о триумфе Веспасиана и Тита и последующих событиях.

[261] Н. А. Мещерский считает, что «История» была переведена на русский язык в XI веке. См. Указ. соч., стр. 132, 154 и др.

[262] Существует даже гипотеза, что повесть была переведена еретиками и распространялась в среде «жидовствующих». Мещерский Н. А. Указ. соч., стр. 155.

[263] Там же, стр. 158—159.

ке очень убедительное подтверждение. Можно предполагать даже, что в составлении Сборника принимали участие те же лица [264], причем в работе над составлением первой части Сборника, вероятно, принимало участие лицо (или лица) духовное.

Содержание первой части Сборника помогает установить время ее составления (1492—1494 гг.), но не только это. Оно прочно связано с литературной историей Вологодско-Пермской летописи и вместе со второй (а может быть, и с третьей) частью рукописи дает возможность разработки этой истории. Можно сказать с полной убежденностью, что ни один исследователь истории Вологодско-Пермской летописи (и русских летописей вообще) не должен пройти мимо нашего сборника и не только потому, что в нем содержится древнейший из известных нам ее списков, но прежде всего из-за возможности больше, чем по любому из этих списков, углубиться в историю Летописи. Это придает Сборнику очень большую ценность. Однако значение его шире.

В Сборнике отразились идеологические движения и общественные интересы и волнения того времени. Значительная доля статей первой части рукописи воспроизводит документы и тексты современные или сложившиеся около того времени. Не все они попали в летописи и, оставаясь за пределами их, могли погибнуть. Сборник донес их до нас.

В этом же плане близости к событиям и сохранения отдельных известий существенна и вторая часть Сборника, где помещен текст если не современный созданию Вологодско-Пермского свода, то очень близкий к этому времени. Здесь отразился отбор статей, включаемый в летописный текст, как в первой части отразился процесс собирания документов и текстов, связанных с историческими событиями и, возможно, предназначенных первоначально для летописного текста [265].

В XV в. пермские епископы, сосредоточившие в своих руках значительные владения, являлись проводниками московского влияния в северо-восточных областях слагавшегося централизованного государства, и «владычень город Усть-Вымский», основанный первым пермским епископом и создателем пермской азбуки Стефаном Храпом, был не просто центром Пермской епархии, он был форпостом в наступлении московской государственности на разрозненные северные народности и край, богатый пушниной и рудами. В обстановке этого наступления, ложившегося тяжкими поборами на крестьян, ремесленников и промысловых охотников, острее и глубже переживались идеи сопротивления феодальному

---

[264] М. Н. Тихомиров указывает, что в составлении летописи принимал участие «владычный слуга Леваш» (Тихомиров М. Н. Указ. соч., стр. 241). Нам кажется, что и сам Филофей мог принимать участие и в составлении летописи, и в составлении Сборника.

[265] При анализе текстов нашего Сборника нельзя не обратить внимания на то, что часть аналогичных статей в каком-то сложившемся комплексе попала и в другие сборники. Один из них (XVI в.), приобретенный на севере, в Усть-Цилемском районе, теперь хранится в Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) в Ленинграде (Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 35—48); другой, вероятно, тоже сезерного происхождения и того же времени, что и наш — в БАН — 4. 3. 15, в Ленинграде же.

гнету, в какой бы форме они ни выражались. Нет сомнения, что и идеи еретиков-«жидовствующих» находили там своих сторонников, как находились и противники московского влияния. Закономерно и противодействие этому сопротивлению. Его можно наблюдать и в отдельных статьях сборника, и в направлении Вологодско-Пермской летописи, ранняя редакция которой вошла в Сборник, и, возможно, даже в избранных главах о покорении мятежных иудеев из Истории Иудейской войны Иосифа Флавия, составивших третью часть сборника.

События и идеи, нашедшие отражение в Сборнике, — разной значимости и направления: кончина мира, еретическое движение конца XV в., вопросы монастырского землевладения и др. — и более широкие: централизация Русского государства и роль Москвы в этом процессе — все они характеризуют идеологическую жизнь и борьбу одного из окраинных центров древней Руси последн. четв. XV в., мало изученного с этой стороны, и в этом, быть может, главное значение Сборника.

* *
*

Приступая к характеристике рукописи М. 3271, мы ставили перед собой задачу, во-первых, указать исследователям на чрезвычайную ценность этого рукописного источника, во-вторых, попытаться путем размышления над отдельными статьями и их циклом понять историю ее создания и причины, побудившие составителя или составителей проделать такую интересную для нас работу.

Характеристику эту мы строили на основании не только содержания статей, представленных в Сборнике, но и на основании текстологических связей этих статей и, конечно, привлекая палеографические и другие внешние данные о рукописи. Такой разносторонний обзор, если дает в своем синтезе что-то единое, если лишен противоречий, является всегда более убедительным и объективно более справедливым.

Само собой разумеется, что, поставив вопрос о необходимости более детального и пристального разбора источников, подобного Сборнику М. 3271, и пытаясь сделать это в отношении последнего, мы ни в какой мере не считаем, что проделали все, что нужно для выявления всех особенностей и примет, позволяющих с возможной точностью охарактеризовать этот замечательный сборник. Можно уже и сейчас сказать, где и в каком направлении следовало бы продолжить эту работу, и если эта статья заставит исследователей древнерусской письменности задуматься над возможностью (и необходимостью) более углубленных обследований подобного рода источников, мы будем считать, что выполнили поставленную перед собой задачу.

КРАТКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ ЗА 1415—1486 гг.

(в списке 1492—1494 гг.?) из сборника последн. четв. XV — нач. XVI в. Музейного собрания отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ф. 178, № 3271, лл. 2—4об.)

Текст без начала и с пропусками. Публикуется с раскрытием титлов и заменой букв: большой и малый юсы, ять, И десятиричное, фита, ук, оу, йотированное А, омега, земля и зело на У, Я, Е, И, Ф, О, З. Буквенное обозначение цифр заменено арабским. Буквы, обычно связанные с выносными буквами и не обозначенные в рукописи, заключены в угловые скобки.

Даты в новом летоисчислении, проставленные позднее на полях против дат, помещенных в тексте, в публикации не указываются.

Весь текст разделен на абзацы в соответствии с записями, начало которых обозначено киноварными буквами (передано полужирным шрифтом). Записи пронумерованы (порядковые номера в скобках) для удобства ссылок на них.

---

(1) ...июня 7 [1] тма быс<ть>.

(2) Тое ж<е> осени Витовтъ поставил в Литве митрополитом Григориа Цамъблака своими епископы литовскыми.

(3) **В** лето 24 кончали церковь на Москве Благовещен<ь>е на великого князя дворе.

(4) **В** лето 25 преставис<я> княз<ь> Иван Васильевич<ь>.

(5) **В** лето 29 была коркота [2].

(6) **В** лето 30 была меженина.

(7) **В** лето 6933 фев[раля] въ 27 [3] преставис<я> княз<ь> великии Василеи Дмитреевич<ь>, а на великое княжен<ь>е седе сынъ его Василеи. Княз<ь> Юрьи и[з] Звенигорода бежа к Галич<ю>.

(8) Того ж<е> лета преставис<я> княз<ь> великии Иван Михаилович<ь> Тферьскы, нареченъ в черньцех Иевъ. А отець его княз<ь> великыи Михаило Александрович<ь> в черньцех же и въ схиме, а наречено имя его Матфеи [4]. Съ Троицина дни начят моръ являтис<я>: пришел от Немець въ Пъсков, оттоле в Новъгород, а во Тферь, на Москву и во вся грады рус<ь>скые.

(9) **В** лето 6934 моръ велик быс<ть> во Пьскове, и в Нове граде, и в Торжьку, и во Тфери, и на Волоце, и въ Дмитрове, и на Москве и во всех градех рус<ь>ских и в селех. Тое же осени преставишас<я> князи Володимеровичи: Андреи, Семен,

---

[1] *6923=1415 г.*

[2] *Против этой строки киноварная помета* зри.

[3] Фев въ 27 *приписано на полях теми же чернилами.*

[4] *Слова* наречен в черньцех Иев... Матфеи *приписаны на нижнем поле тем же почерком и чернилами.*

Ярослав, нареченъ в чер[ньцех] Сава в Серг[иеве] [5]. А на лето ходил Витовтъ ко Пьскову, был под Опочками да под Вороночем.

(10) В лето 35 моръ ж<е> велик. Тогда преставис<я> княз<ь> Василеи Володимерович<ь>.

(11) В лето 36 преставис<я> княз<ь> Петръ Дмитреевич<ь>.

(12) В лето 37 приходили татарове на Галич<ь> и на Кострому на Крещение пришли изгоном [6].

л. 2об. (13) В лето 38 во Смоленьсце был волкъ голъ без шерсти и // многы люди елъ [7]. А во Троцех озеро Жидовское три дни стояло кроваво, и тогда Витовтъ умре. И Аидаръ тогда был.

(14) В лето 39 посылал княз<ь> великыи князя Федора Пестрого на Болгары, он же шед, повоева их. Тогда была и засуха велика.

(15) Того ж<е> лета, июля 2, Фотии митрополит преставис<я> [8].

(16) Того ж<е> лета, месяца августа 15, княз<ь> великыи пошел в Орду за великым князем сеп[тября?] 8 [9].

(17) Того ж<е> лета приде княз<ь> велик<и> из Орды на Петров день, княз<ь> Юрьи и[з] Звенигорода. Иул[я] месяца преставис<я> княз<ь> Андреи Дмитриевич<ь>.

(18) В лето 41 женился княз<ь> великыи фев[раля] 8 [10]. А на весну бои на Клязме април<я> 25. И поби княз<ь> Юрьи князя великого, седе на великом княж<е>ньи.

(19) Того ж<е> лета помирився княз<ь> Юрьи с великым князем и дал князю великому Коломну въ удел. А дети княжи Юрьевы: Василеи да Шемяка убили у отца боярина Семена Морозова да и бежали от отца. Князь ж<е> Юрьи посла к великому князю, да идет на свое великое княжение. Сам побеже в Галич<ь>, и княз<ь> великыи на великое княжение. Того ж<е> лета бои на Куси.

(20) В лето 42 княз<ь> великыи ходил на Галич<ь> и повоевал его, а на весну Никольскои бои — побит княз<ь> великыи, бежал к Новугороду. Бои был в суб[оту] Лазареву. Въ среду на Страстной недели пришел княз<ь> Юрьи под Москву на
л. 3. Свет//лои недели в среду и взял Москву и княгин<ь> великых поимал и послал въ Звенигород.

(21) Того ж<е> лета княз<ь> Юрьи преставис<я> и седе княз<ь> великыи.

(22) В лето 43 Крещенскои бои.

---

[5] *Слова* наречен в чер Сава в Серг *приписаны на внешнем поле тем же почерком и чернилами. Приписка относится к кн. Семену Владимировичу, погребенному в Троице-Сергиеве монастыре.*

[6] *Против строки* Петр Дмитреевич. В лето 37 приходили татарове *киноварная помета* зри.

[7] *Исправлено из* юл.

[8] *Против этой строки киноварное заглавное* И (десятиричное).

[9] *Писцом пропущена часть текста. Следует:* ...пошел в Орду. В лето 6940 князь Юрьи пошел в Орду за великым князем...

[10] *Против строки* преставися князь... женился *киноварный знак — две наклонные параллельные черты, которые в других случаях сопровождают замечание «зри». Фев. 8 вписано над строкой тем же почерком и теми же чернилами.*

(23) В лето 44 княз<ь> Василеи Устюгъ взял и на весну пришел на великого князя. И быс<ть> имъ бои въ Скорятине мая 14, и побил князя великого, и поимав князя Васил<и>а и послал на Москву, и ослепиша и.

(24) В лето 45 [11] приде на Москву Исидоръ митрополит во вто[р-ни]к на Светлои недели по Велицеи дни.

(25) В лето 46 сеп[тября?] 5 Исидоръ пошел к Риму на 8 сборъ, похоронив княгиню Евпраксию. Тое ж<е> осени родис<я> великому князю сынъ Юрьи первои.

(26) Тогда ж<е> был и Белевскои бои въ 5 дек[абря] [12].

(27) В лето 47 Махмет был под Москвою. Пришел месяца иул<я> 3.

(28) В лето 48 родился великому князю сынъ Иоан месяца ген[варя] 22 [13]. А на весну пришел Сидоръ из Рима в неделю 3-ю поста и на тои ж<е> недели в среду поиман быс<ть>.

(29) В лето 49 сеп[тября?] 15 Исидоръ убежал. Того ж<е> месяца 22 преставис<я> княз<ь> Дмитреи Краснои. А на зиму ходил княз<ь> великии на Новгород — тогды Демон взял.

(30) Тое ж<е> зимы родис<я> великому князю сынъ Юрьи ген[варя] 22.

(31) В лето 51 Мустофа.

(32) В лето 53 Литва на Кологу. А княз<ь> велики к Мурому на
л. 3об. Махметя. А на лето Суздальскои бои въ 7 иул<я> [14], // а въ 14 Москва погоре.

(33) В лето 54 Мамутек отпустил князя великого на великое княж<е>ние ок[тября] 1. То ж<е> зимы [15] Шемяка [16] да Можаискои поимали князя великого да и ослепили и послали ег<о> на Углечо и съ княгынею ег<о> фев[раля] 18. А дети ег<о> бегоша в Муром. А на весну послал княз<ь> Дмитреи по них Иону, владыку Рязанского. Иона ж<е> шед, взят ихъ ис пелены у Пречистые на своеи патрахили [17], и приде с ними ко князю Дмитрею в Переславль. Он же посла их къ князю на Углеч<ь?> с тем же Ионою.

(34) Того ж<е> лета родис<я> великому князю сынъ Андреи на Углече авгус<та> 13.

(35) В лето 55 ок[тября] 1 выпущен княз<ь> великыи. Фев[раля] 17 в пяток сырныи на Москву приде, прогнав князя Дмитреа.

(36) *В* лето 56 Благовещен<ь>е было на завтрее Велика дни в понеде[льник]. А на лето моръ на кони и на иную животину.

(37) В лето 57 поставлен на митропол<ь>ю Иона дек[абря] 15. А на весну Рудино. Того ж<е> лета родис<я> великому князю сынъ Борисъ иун<я>. Тогда ж<е> и скории татари и до Похры.

---

[11] *Против строки* Василиа... 45 *киноварью* И (десятиричное).

[12] *Против этой строки на полях киноварный знак — две наклонные параллельные черты, — который, вероятно, относится к сообщению последующему.*

[13] *Против строки* В лето... 22 *киноварное* зде.

[14] *Против строк* В лето 53... 7 июля *киноварное* зри.

[15] Зимы *написано после зачеркнутого* весны.

[16] *Против строки* великого... Тое ж<е> зимы Ше *киноварное заглавное* И (десятиричное).

[17] На свое ипатрахили?

(38) В лето 58 Шемяка побит в Галичи ген[варя] 27. Того ж<е> лета бои на Бетюце.

(39) В лето 59 Георгиа было в пяток велик<и>. Тогда Мазовша под Москвою был царевич<ь> Седи Ахматов сынъ.

(40) В лето 60 Кокшенга, а на весну иун<я> 4 княз<ь> великыи Иван женился[18]. Того ж<е> лета родис<я> княз<ь> Андреи Меншеи авгус<та> 18.

л. 4 (41) В лето 6[9]61 април<я> 9 выгорела Москва. В 29 маиа взят...[19]//.

(42) ...гня изгореша[20], друзии же от духа нужнаго и запалениа издыхающе, прочии ж<е> инако страшне скончашас<я>, яко ж<е> мнети некыим, яко послану быти аггелу от бога жещи и погубляти град наших ради съгрешении, в мале бо испепелис<я> множество богатства. Того ж<е> лета преставис<я> великая княгыни Мариа, великого князя Васил<ь>а Васил<ь>евич<я>, наречено же быс<ть> имя еи въ иноческом чину инока[21] Марфа июл<я> 4 въ 2 час<а> дни.

(43) В лето 6994 сеп[тября?] поиде княз<ь> велики Иван Васильевич<ь> Московскии и съ сыном своим великым князем Иваном Ивановичем, и съ брат<ь>ею своею на великого князя Тферскаг<о> Михаила Борисович<я>. Княз<ь> же велик<и> Тферскыи Михаило Борисович<ь> не възможе противу стати, бежа в Литву в мале дружине. И княз<ь> велик<и> Московскыи взят град Тферь и матерь его, великую княгиню Елену и богатства многа взят и вся ближняя его градовыи места и страны. И посади в нем на столе сына своего, великого князя Ивана Иванович<я>.

(44) В лето 6994 прииде Юмшан из Вогуличь, сынъ Асыкин, по опасу съслався владыкою Перьмским[22] Филофеем к великому князю Ивану Васил<ь>евич<ю> Владимерскому, и Новоградскому, и Московскому, и Тферьскому, и иных градов и всея Руси. И княз<ь> велик<и> пожалова Юмшана и
л. 4об. устрои его дань даяти себе. Того ж<е> лета// маиа въ 10 на Вологде посада много сгорело дворов, а на завтрие в 11 въ 3 час<а> дне другая половина посада много пач<е> дворов съгорело, мало и остася, яко ж<е> бы явно послана от бога казнь, и многа тщета быс<ть> имен<ь>ю людем за грехы наша.

---

[18] *Против строки* В лето 60... Иван же *киноварное заглавное* И (десятирич-ное).

[19] *Пропуск из-за утери листов.*

[20] и згореша?

[21] *В рукописи* ипока.

[22] *В рукописи в слове* Перьмским *«ь» исправлено из «д».*

В. Б. Кобрин.

ДВЕ ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ ЧУДОВУ МОНАСТЫРЮ (XVI в.)

В отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина хранятся две жалованные грамоты Чудову монастырю, по содержанию тесно связанные друг с другом: выданная Иваном IV в 1564 г. на земли в Вышгородском уезде с подтверждениями 1566 г.[1] и выданная в 1566 г. удельным князем Владимиром Андреевичем на земли в Дмитровском и Звенигородском уездах[2]. Грамоты являются ценным источником по истории феодального иммунитета XVI века и внутренней политики и политической борьбы в период подготовки и в первые годы существования опричнины.

Определению значения этих документов и решению некоторых проблем, возникающих при их изучении, и посвящена настоящая статья[3].

Первая грамота (1564 г.), приобретенная отделом рукописей в марте 1961 г., была опубликована в 1846 г. в «Калужских губернских ведомостях»[4]. Эта публикация отмечается (с ошибками) в

---

[1] Из коллекции А. И. Успенского (ф. 434).

[2] Коллекция актов И. Д. Беляева (ф. 28), № 1/132.
Грамота была описана. См.: Лебедев Д. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 29.

[3] При конкретном изучении грамот автор следовал принципам исследования материалов подобного рода, разработанным в монографии Л. В. Черепнина и в диссертации и многочисленных статьях С. М. Каштанова. См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1—2. М.—Л., 1948—1951; Каштанов С. М. Жалованные и указные грамоты как источник по истории феодального иммунитета на Руси в первой половине XVI века. М., 1958. (Диссертация, хранящаяся в Гос. библиотеке СССР имени В. И. Ленина); его же. К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот.— «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 211—217; его же. Из истории последних уделов. — «Труды Московского государственного историко-архивного института». Т. 10. М., 1957, стр. 275—302; его же. Ограничение феодального иммунитета правительством Русского централизованного государства в 1-й трети XVI века.— Там же. Т. 11. М., 1958, стр. 269—296; его же. Иммунитетные грамоты 1534 — начала 1538 года как источник по истории внутренней политики в период регентства Елены Глинской. — «Проблемы источниковедения». VIII. М., 1959, стр. 372—420; его же. Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538—1548 гг.). — «Исторические записки», кн. 66. М., 1960, стр. 239—268; его же. Две жалованные грамоты 1510 года псковским монастырям. — «Записки Отдела рукописей». Вып. 24. М., 1961, стр. 221—252.

[4] Жалованная грамота царя Иоанна Васильевича Чудова монастыря архимандриту Левкею, хранящаяся в архиве Калужской казенной палаты. — «Калужские губернские ведомости», 1846, №№ 38—41. Часть неофициальная, стр. 247—248, 251—252, 256—257, 260—261.

библиографических справочниках[5], однако в литературе по истории иммунитета в России XVI в. и по истории опричнины материал грамоты совершенно не используется. Не вошла грамота и в составленный С. М. Каштановым обширный и обстоятельный перечень иммунитетных грамот XVI в.[6]. Сама публикация была выполнена на уровне, характерном для любительских археографических работ середины XIX в.: целый ряд мест в тексте передан неверно, причем ошибки касаются не только орфографии подлинника, но зачастую извращают и его смысл. Так, например, вместо «за дань» анонимный публикатор ставит «за день», вместо «попрошатые» — «попрошать ее», вместо «княж Ондреев указ» — «княж Ондрееву как» и т. п.[7]. Уже это одно значительно затрудняет пользование публикацией. К тому же «Калужские губернские ведомости» за 1846 г. стали библиографической редкостью. Достаточно сказать, что из всех научных библиотек Москвы комплект этого издания в единственном экземпляре имеется только в Библиотеке имени В. И. Ленина, да и в нем не хватает неофициальной части номера 39-го, где помещена часть грамоты[8]. Все это заставляет поместить текст грамоты в приложении к статье.

Публикация 1846 г. при всей ее несовершенности оказалась очень полезной: в настоящее время грамота частично испорчена, в некоторых местах текст утрачен полностью, в других потух и почти не поддается прочтению, а в 1846 г. грамота была еще в хорошем состоянии, и публикация восстанавливает утраченный текст.

Грамота Владимира Андреевича 1566 г. была опубликована в 1894 г. по списку из столбцов Поместного приказа[9]. Список дефектный, в нем отсутствует ряд отдельных слов; кроме того, в опубликованном тексте грамоты имеется значительное количество ошибочных чтений, извращающих смысл документа. Так, вместо «к сотцким» читаем «скотцким», вместо «кто възведет... пристава» — «кто изведет ...пристава» и т. п. В связи с этим представляется полезным опубликовать в приложении по подлиннику текст и этой грамоты.

* *
*

[5] Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. Ч. II. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. Спб., 1892, стр. 408, № 1357 (грамота здесь ошибочно датирована 1563 г.); Межов В. И. Русская историческая библиография. Т. I. Спб., 1893, стр. 41, № 1019 (грамота ошибочно датирована 1567 г.).

[6] Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. Ч. 2. — «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 129—200.

[7] В фонде Калужской казенной палаты, хранящемся в настоящее время в Государственном архиве Калужской области, мне не удалось обнаружить списка этой грамоты. Следовательно, она публиковалась по подлиннику. Это подтверждается и указаниями на наличие надписей на склейках, на то, что «далее следуют подтвердительные надписи» и т. п.

[8] Были обследованы Библиотека имени В. И. Ленина, Фундаментальная библиотека отделений общественных наук АН СССР, Государственная публичная историческая библиотека и Научная библиотека имени А. М. Горького при Московском университете. Неофициальная часть номера 39-го была использована по экземпляру Государственного архива Калужской области.

[9] 1566 г. июля 16. Список жалованной грамоты князя Владимира Андреевича Чудову монастырю на село Васильевское-Борисовское в Дмитровском уезде, с освобождением крестьян от суда и кормов наместников и волостелей. Сообщ. В. И. Холмогоров. — «Чтения ОИДР», 1894, кн. 3. Смесь, стр. 10—12.

Чудов монастырь был основан митрополитом Алексеем в Московском Кремле в конце 1350—1360-х гг.[10]. Столичный кремлевский монастырь стал одной из самых близких к великокняжескому, а затем и к царскому двору духовно-феодальных корпораций. К сожалению, территориальное положение монастыря обусловило утрату для нас значительной части его архива, и приходится удивляться, что после знаменитых пожаров 1547, 1571 и 1626 гг., затронувших Кремль, до нас еще дошли многие акты, выданные монастырю.

Этот актовый материал рисует монастырь крупным земельным собственником. Древнейшие владения свои он получил от митрополита Алексея, который завещал их в духовной грамоте[11]. Из перечисленных там сел и деревень только часть известна по писцовым книгам и актовым материалам последующих лет. Так, нет никаких сведений о селах Гутифцовском, Тететцовском, Софроновском с мельницею, Желетовском, Каневском, о деревне Обуховской.

Наибольшее количество владений монастыря издавна было в Московском уезде. Еще в духовной митрополита Алексея упоминается село Черкизово в Васильцовом стане. По писцовым книгам 1573-74 г. здесь числилось село, 2 сельца, 8 деревень, погост, запустевшее сельцо и 37 пустошей, 1575 четвертей (далее — ч.) пашни и перелога[12].

В том же Васильцовом стане находилась другая монастырская вотчина — село Борисовское с 2 деревнями и 2 пустошами на реке Мытищи, 700 ч. пашни и перелога[13].

«В Московском уезде, на Яузском мытище» находились полученные монастырем ок. 1460 г. по духовной грамоте монаха Симонова монастыря Адриана Ярлыка деревни Кнутово, Алексеевская и Арининская и починок Дягилевский[14]. В сотной 1552 г. они числились также в Васильцовом стане[15].

[10] Забелин И. Е. История города Москвы. Ч. 1. М., 1902, стр. 279—283; Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, стр. 34—35.

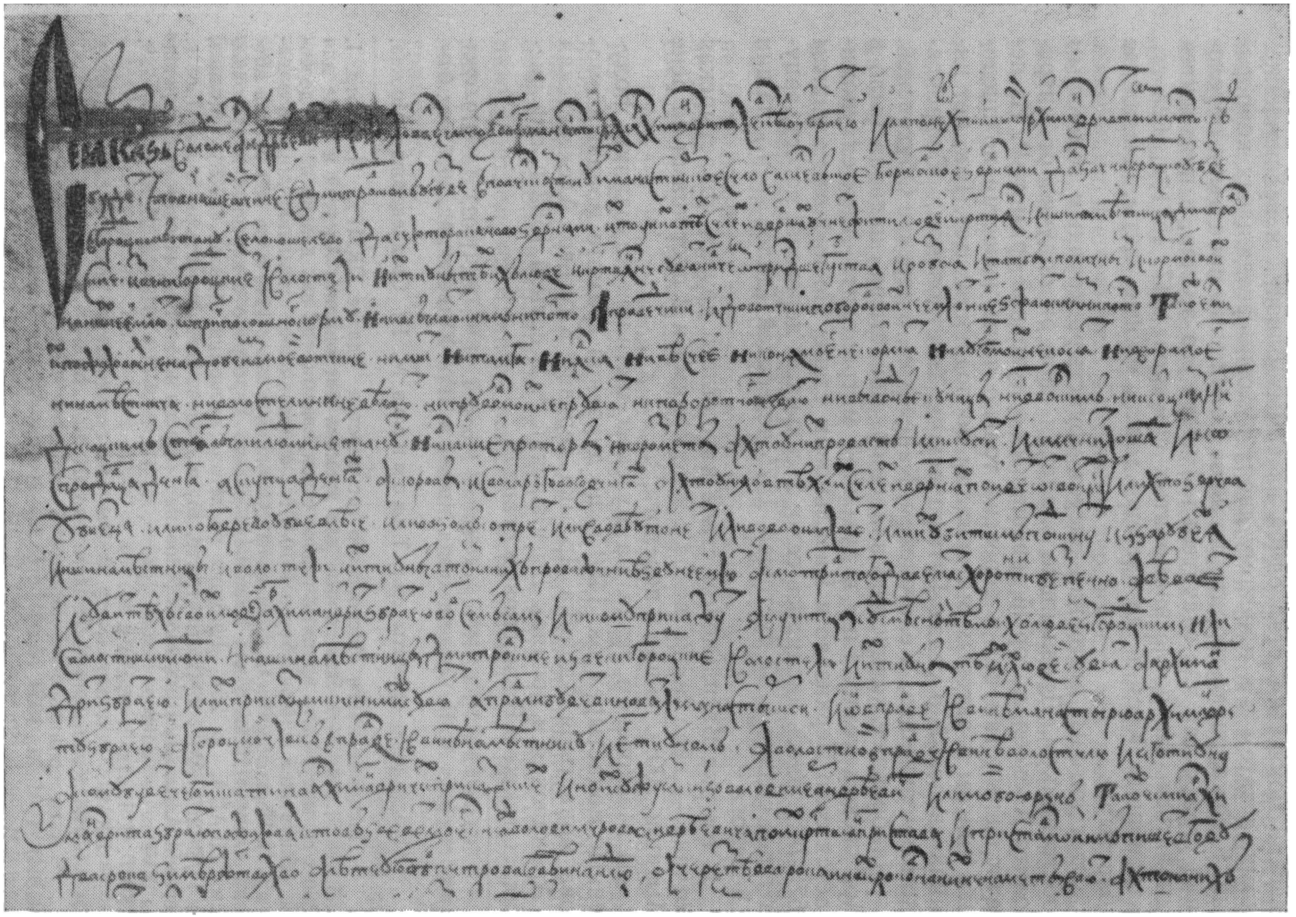
[11] Публикацию грамоты см.: Тихомиров М. Н. Средневековая Москва, стр. 290—291.

[12] Писцовые книги Московского государства (далее ПКМГ). Ч. 1, отд. 1. Спб., 1872, стр. 7—9. Эти данные для времени митрополита Алексея и даже для 1560-х гг. могут быть приняты только с поправками, так как далеко не все деревни, «тянувшие» к Черкизову в 1570-х гг., одновременно с ним поступили в монастырь: к Черкизову были приписаны купленная в июле 1549 г. за 300 рублей вотчина Алексея Даниловича Басманова сельцо Хороброво с деревней и пустошью (см.: ЦГАДА, ф. 281. Грамоты коллегии экономии (далее ГКЭ), Москва, № 14/8912; ПКМГ, ч. 1, отд. 1, стр. 8), пожалованные монастырю в мае 1568 г. деревни Алымово, Шилково и Лопатино (Садиков П. А. Из истории опричнины XVI в. — «Исторический архив». Т. III. М.—Л., 1940, № 29, стр. 226—228; ПКМГ. Ч. 1, отд. 1, стр. 8) и др.

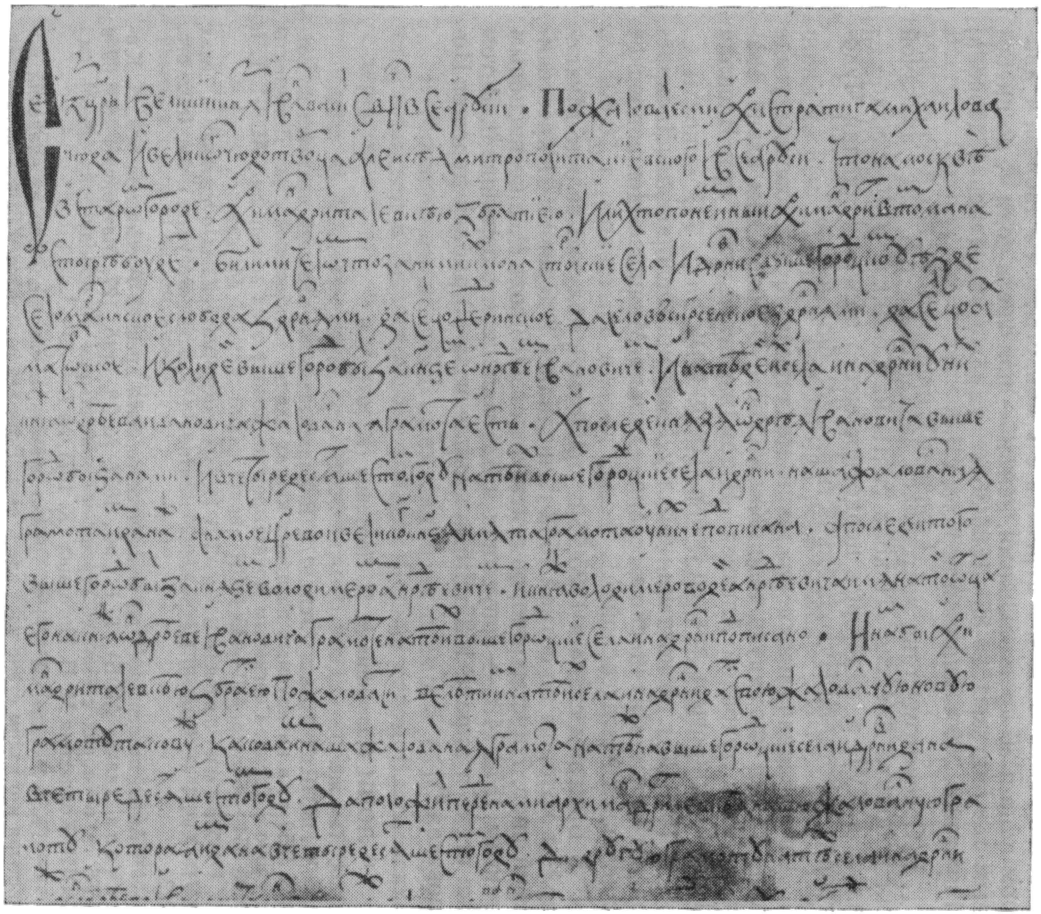
[13] ПКМГ. Ч. 1, отд. 1, стр. 6. Это село упоминается также в сотной 1552 г. См.: ЛОИИ. Коллекция М. П. Погодина (К. 107), № 6.

[14] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (далее АСЭИ). Т. II. М., 1958, № 361, стр. 355. В миру Адриан Ярлык был митрополичьим дьяком Андреем Ярлыком. См.: АСЭИ. Т. I. М., 1952, № 236, стр. 236, 615; Тихомиров М. Н. Средневековая Москва, стр. 71, 149. Часть этих земель при архимандрите Феодосии, правившем до 1471 г. (см.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. Спб., 1877, стлб. 162), взял во временное держание Борис Никифоров сын Павлов, вернул их при архимандрите Геннадии (1477—1484 гг., см. там же) и «за роспашь и за хоромы» получил от монастыря во владение пустошь Чесмаковскую (ГКЭ, Москва, № 3/7145).

[15] ЛОИИ. Коллекция М. П. Погодина (К. 107), № 6.

Жалованная грамота Ивана IV 1564 г. Чудову монастырю. Ф. 434.

Жалованная грамота кн. Владимира Андреевича 1566 г. Чудову монастырю. Ф. 28.I/132.

Всего по этой сотной в 1552 г. за монастырем было 1 село (Черкизово), 6 селец, 29 деревень и 2 пустоши с 5 монастырскими дворами, 1 двором слуги и 129 крестьянскими; земли значилось полторы сохи [16].

По духовной митрополита Алексея монастырь получил в Корзеневе стане село Душеное на реке Пружинке, при котором по сотной 1552 г. числилось 7 деревень с 1 монастырским двором, 1 двором попа и 30 крестьянскими, земли — пол-трети сохи [17], по писцовым же книгам 1584-85—1585-86 гг. там же значились 4 деревни, 4 пустоши, 200 ч. пашни и перелога [18].

В Сосенском стане находились названные в той же духовной митрополита Алексея «Никола святы на Сосенки» и Фоминское — здесь в XVII в. значились церковное место церкви Николая Чудотворца и вотчина Чудова монастыря село Фоминское [19].

Из первоначальных владений монастыря в Московском уезде надо также упомянуть село Жилинское в Островецком стане, значащееся в духовной Алексея. В том же стане уже при Василии Темном монастырь владел селом Иткориным [20].

В 1519-20 г. монастырь купил у Дмитрия Федоровича Ласкирева вотчину в «Ытчинском» стане — сельцо Мишнево-Неклюдовское с деревней Матвеевской [21].

В Быковом стане в 1525-26 г. монастырь получил сельцо Михнево [22], в котором по сотной 1552 г. числились 2 деревни, 21 крестьянский двор, 7 пустых дворов и четверть с 1/16 сохи [23], а по писцовым книгам 1573-74 г. — 2 пустоши и 324 ч. пашни и перелога [24]. В том же стане в апреле 1527 г. была куплена за 60 рублей деревня Поповская [25].

---

[16] ЛОИИ. Коллекция М. П. Погодина (К. 107), № 6.

[17] Там же.

[18] ПКМГ. Ч. 1, отд. 1, стр. 275. В Корзеневе стане это село числится по сотной 1552 г., в цитируемых писцовых книгах входит в Объезжий стан. Документы о споре с Троице-Сергиевым монастырем по поводу этих земель см.: АСЭИ. Т. I, №№ 554—555, стр. 430—433, 630.

[19] Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVIII ст. Вып. 8. Пехрянская десятина (Московского уезда). М., 1892, стр. 223.

[20] Акты, относящиеся до юридического быта древней России под ред. Н. Калачова (далее АЮБ). Т. I. Спб., 1857, № 39, стлб. 127. Материалы 1508-09 и 1556 гг. о спорах с Николо-Угрешским монастырем по поводу этих земель см.: ЛОИИ.Коллекция М. П. Погодина (К. 107), № 7.

[21] ГКЭ, Москва, № 8/7150. Трудно сказать, о каком именно из владений монастыря и о каком стане идет здесь речь. Если это говорится о Быковом (Бытченском?) стане и о Михневе, то не ясно происхождение следующего вклада. Может быть, Ласкирев и давшая Михнево Траханиотова были совладельцами? В сотной 1552 г. Михнево значится в Обарниче стане. См. сноску 23.

[22] ГКЭ, Москва, № 12/7154. Вклад вдовы Юрия Дмитриевича Траханиотова Варвары и ее сыновей Василия, Ивана и Захария.

[23] ЛОИИ. Коллекция М. П. Погодина (К. 107), № 6. Здесь записано в Обарниче стане.

[24] ПКМГ. Ч. 1, отд. 1, стр. 6. Здесь записано в Васильцовом стане.

[25] ГКЭ, Москва, № 11/7153. Куплена у Ивана Юрьевича Грекова, внука Дмитрия Малого, купля его отца. Была ли приписана к какому-либо из монастырских сел этого стана, неизвестно, так как в писцовых книгах не упоминается.

В Манатьине стане, объединявшемся в писцовых книгах с Быковым, монастырь получил в сентябре 1551 г. деревню Шешкуново [26].

Кроме того, в Манатьине, Быкове и Коровине стане по писцовым книгам 1584-85 — 1585-86 гг. значилось сельцо Старое Чашниково с 5 деревнями и 7 пустошами, с 321 ч. пашни и перелога [27].

В Горетовом стане в сентябре 1524 г. монастырь получил 5 деревень с 38 крестьянскими дворами [28], а в марте 1525 г. — село Покровское с деревнями, куда был приписан и предыдущий вклад [29]. Всего в Покровском с деревнями по писцовым книгам 1584-85 — 1585-86 гг. было 259 ч. пашни и перелога [30].

В Хотунском стане монастырь в 1544-45 г. получил село Кравцево с 18 вытями [31].

В Шахове стане в мае 1554 г. были куплены 2 сельца — Княжщина на реке Пахре и Тинкино на реке Сильне [32]. В том же Шаховом стане монастырь владел селом Федоровским и вымененным в 1560 г. на дворцовые деревни, примыкающие к Федоровскому, Княжщине и Тинкину, селом Губцевым [33].

В конце XIV в. по данной княгини Марии Владимировны монастырь приобрел в стане Бели село Даниловское на реке Талице с 12 деревнями и 42 крестьянскими дворами [34]. В Сурожском стане с 1506-07 г. монастырь владел селом Лушки, в Сосенском стане с 1524-25 г. селом Станиславль, а в Тухачевской волости с 1534-35 г. селом Лямцыным [35].

В Остеевском конце Пехорского стана сотная 1552 г. называет во владении монастыря 9 деревень и пустошь с 18 крестьянскими и 2 пустыми дворами, земли — треть и 1/16 сохи [36].

В Московском же уезде, как видно из грамоты 1564 г., монастырь владел в Замосковской волости Сельне селом Власьевским с деревнями [37].

Одно из монастырских сел Московского уезда — село Спасское в Вяземском стане — было ок. 1562 г. взято у монастыря «к Вя-

---

[26] ГКЭ, Москва, № 17/7159. Вклад Ивана Юрьевича Грязного.

[27] ПКМГ. Ч. 1, отд. 1, стр. 192—193. К этому же селу были приписаны 4 деревни, данные в монастырь в 1570 г. Они вошли в писцовых книгах в счет деревень и земли. О них см. ниже.

[28] ГКЭ, Москва, № 9/7151. Вклад братьев Симы, Ивана и Махаила Даниловичей Хабаровых.

[29] ГКЭ, Москва, № 10/7152. Вклад Захария Васильевича Копытова.

[30] ПКМГ. Ч. 1, отд. 1, стр. 6.

[31] ГКЭ, Коломна, № 7/6317. Вклад Ивана Фомича Ларева и его жены Дарьи — дочери Меньшого Путятина.

[32] ЛОИИ. Коллекция И. С. Беллюстина (К. 20), № 9. Куплено за 600 рублей у Василия Григорьевича Захарьина-Гнильевского.

[33] Меновную грамоту 1560 г., где упоминается и Федоровское, см.: ГПБ. Собрание грамот, № 2-148.

[34] Описные книги Чудова монастыря сер. XVIII в. (ГБЛ. Коллекция актов ОИДР, ф. 204, к. 35, № 6), 1-я опись актов (далее оп. 1; 2-я опись — соответственно оп. 2), № 57. Источник указан мне Б. Н. Флорей; ЛОИИ. Коллекция М. П. Погодина (К. 107), № 6.

[35] Оп. 1, №№ 86, 335, 515.

[36] ЛОИИ. Коллекция М. П. Погодина (К. 107), № 6.

[37] Подробнее о владениях монастыря в Селенской волости см. ниже.

земъскому яму под ямскую слободу»[38]. Взамен монастырь получил землю в Коломенском уезде.

Вероятно, в Московском уезде находилась «Уваровская земля» монастыря, разъезд которой с «Плотницкой землей» Московского Архангельского собора от августа 1507 г. был произведен Ю. Безобразовым и К. Ольговым [39].

В Переславль-Залесском уезде — районе развитого вотчинного землевладения — также с самого начала имелись владения монастыря. В духовной митрополита Алексея названо село Филипповское «з деревнями и з бортью», находившееся, как видно из более поздних документов, в Марининской волости Борисоглебского стана на реке Шерне [40]. Первая из сохранившихся грамот на это село была получена монастырем от великого князя Василия Дмитриевича в 1397—1425 гг.[41]. В этой же волости находились монастырские села Давыдовское и Дубровка, на которые в ноябре 1436 г. была выдана жалованная грамота Василия Темного [42]. На рыбные ловли в реке Шерне монастырь получил грамоту в начале 50-х гг. XV в.[43]. Все монастырские владения в Марининской волости были приписаны к селу Филипповскому. По выданной в октябре 1543 г. сотной с писцовых книг письма И. Ф. Хидырщикова с товарищи там числилось тогда 40 деревень, 3 сохи пашни, то есть около 1800 ч. в переводе на «добрую землю»[44]. В сотной 1562 г. с книг письма У. И. Данилова и И. И. Пушкина с товарищи там было 37 деревень, 1679 ч. пашни и перелога, 80 ч. пашенного леса и кустарника, 610 ч. непашенного леса [45].

На реке Вашке в Конюшском стане в княжение Дмитрия Донского монастырь получил взамен села Шубачеевского село Ермолинское с деревнями на реке Вашке и озеро Романовское [46]. Между

---

[38] ГКЭ, Коломна, № 9/6319.

[39] ЛОИИ. Коллекция рукописных книг (К. 238), № 300/28.

[40] См. указанную ниже сотную 1543 г.

[41] Мейчик Д. П. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883, стр. 102. Д. П. Мейчик, а вслед за ним С. А. Шумаков (Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 4. М., 1917, № 1261, стр. 455) и В. Н. Шумилов (Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. М., 1954, стр. 157) датируют грамоту 1416 г. по упоминанию архимандрита Иоакима, который значится под этим годом у П. М. Строева (указ. соч., стлб. 162). Его упоминание под этим годом у Строева не означает, что в другие годы этот архимандрит не стоял во главе монастыря. Его предшественник Исаакий упоминается в 1397 г., следовательно, грамота выдана не ранее этой даты. Следующий настоятель — Феофан — упоминается в 1436 г., т. е. после смерти Василия Дмитриевича. Поэтому крайний срок выдачи грамоты приходится довести до 1425 г. — года смерти Василия Дмитриевича. Кроме того, на это же село была дана грамота Дмитрия Донского, упоминающаяся в судном деле 1521 г. — Белокуров С. А. Акты архива Голохвастовых. — «Чтения ОИДР», 1907. Кн. IV. Смесь, стр. 5.

[42] Шумаков С. А. Указ. соч., вып. 4, № 1465, стр. 530; № 1555, стр. 556.

[43] Там же, № 1466, стр. 531. Д. П. Мейчик (указ. соч., стр. 136, № 102), а вслед за ним С. А. Шумаков и В. Н. Шумилов (указ. соч., стр. 157) датируют грамоту около 1453 г. по упоминанию архимандрита Феодосия и великого князя Василия Темного. Однако Феодосий был архимандритом до 23 июня 1454 г., а архимандрит Феофан упоминается еще в 1452 г. (Строев П. М. Указ. соч., стлб. 162). Следовательно, более точно будет датировать грамоту 1452—1454 гг.

[44] Шумаков С. А. Сотницы (1537—1597 гг.), грамоты и записи (1561—1696 гг.). [Вып. 1]. М., 1902, стр. 128—131.

[45] Шумаков С. А. Обзор..., вып. 4, № 1555, стр. 556.

[46] ЛОИИ. Собрание И. С. Беллюстина (К. 20), № 1.

1453—1471 гг. старец Герман Александров сын Окороков дал там же в монастырь пустоши Новинки и Афанасьевскую [47]. По цитированной выше сотной от октября 1543 г. там числилось 8 деревень и полсохи пашни, то есть 300 ч. земли [48]. По сотной, выданной 13 октября 1562 г. с книг письма кн. И. Б. Ромодановского и И. И. Пушкина с товарищи, там числилось также 8 деревень, 226 ч. пашни «добре худой» земли, 60 ч. пашенного кустарника [49].

В 1561 г. довольно сложным путем в монастырь попали деревни Козино и Михалево в Кинельском стане [50].

Немало вотчин у монастыря было также в Коломенском уезде. Еще в XV в. здесь была монастырская вотчина — село Митрополичье и деревня Селифонтово [51]. В Каневском стане того же уезда вскоре монастырь получил село Торусинское [52], а в 1540-41 г. — сельцо Липетино с деревней Веригино и с пустошами [53]. По писцовым книгам 1577-78 г. там были 1 деревня и 2 пустоши с 598 ч. пашни и перелога [54]. В том же стане по тем же писцовым книгам числилось без указания на предшествующих владельцев монастырское село Лаврентьево с 2 деревнями и 481 ч. пашни и перелога [55].

В Брашевском стане монастырь получил до 1556-57 г. сельцо Юрьевец [56]. Там же он владел двумя третями сельца Онучина с 43 ч. пашни и перелога [57].

Самым крупным владением монастыря в Коломенском уезде была Высоцкая волость, полученная 21 ноября 1562 г. в обмен на указанное выше село Спасское. По писцовым книгам письма кн. Ю. Мещерского 1552-53 г., упоминающимся в тексте послушной

---

[47] Шумаков С. А. Обзор..., вып. 4, № 919, стр. 296.

[48] Шумаков С. А. Сотницы, [вып. 1], стр. 131—132.

[49] Шумаков С. А. Обзор..., вып. 4, № 1555, стр. 556.

[50] Эти деревни — приданная вотчина Василия Борисовича Петлина — были заложены им за долг в 110 рублей Федору-Некрасу Бронникову в 1555-56 г. Осенью 1560 г. Бронников постригся в Чудовом монастыре, дав эти деревни в качестве вклада, причем 10 июля 1561 г. боярин М. И. Волынский присудил вотчину монастырю, отвергнув иск Петлина (см.: АЮБ. Т. I, № 52-VII, стлб. 218—230; ГКЭ, Коломна, № 188/8912). Однако к моменту выдачи изучаемой грамоты 1564 г. Козино и Михалево только номинально числились за монастырем, так как в 1564-65 г. зять Петлина митрополичий сын боярский Андроник-Третьяк Андрианович Перешевников с женой Ариной взяли эти деревни у монастыря в пожизненное владение за 50 рублей (ГКЭ, Переславль, № 224/8948).

[51] ГКЭ, Переславль, № 1/6311.

[52] ГКЭ, Переславль, № 22/6332. Вклад старца Варсонофия Селифонтова. Грамота не датирована. В аннотации на обложке и в обзоре (Шумилов В. Н. Указ. соч., стр. 156) указывается дата — начало XVI века, что не противоречит почерку; филиграни на грамоте отсутствуют.

[53] ГКЭ, Переславль, № 6/6316. Вклад Аграфены Григорьевны Волынской (дочери Григория Федоровича Липетина) по духовной мужа — Василия Ивановича Вольнского. В духовной митрополита Алексея упоминается село Липетино. Идет ли речь о двух селах с одним и тем же названием, или о том, что Алексеем была дана только часть села, сказать трудно.

[54] ПКМГ. Ч. 1, отд. 1, стр. 427—428. К этим землям было, вероятно, приписано сельцо Чумасово, проданное несколько раньше (в 1532-33 г.) княгиней Марьей Михайловной Оболенской, урожденной Беззубцевой, за 200 рублей (ГКЭ, Переславль, №№ 2/6312, 3/6313).

[55] Там же, стр. 427.

[56] Вклад княгини Елены Тростенской (в первом браке Лелечина). ГКЭ, Руза, № 70/10301.

[57] ПКМГ. Ч. 1, отд. 1, стр. 501.

грамоты на волость, там было 2 653 ч. худой земли, 193 ч. пашенного леса и 184 ч. «по болоту лесу» [58].

В Зубцовском уезде владения монастыря восходили к началу XVI в., а может быть и к концу XV в. Первые сведения о монастырских вотчинах относятся здесь к февралю 1506 г., когда в выданной монастырю правой грамоте упоминалось село Клеопинское с деревнями [59]. В 1531-32 г. в Шешемском стане этого уезда монастырь купил сельцо Муханово с 4 деревнями [60], к ним были прикуплены в 1534-35 г. деревня Лазарево [61], а 20 июня 1539 г. сельцо Навертино и деревня Хахилево [62]. По писцовым книгам 1587-88 г. там было 233 ч. пашни и перелога и 22 десятины леса и кустарника [63].

В Горелинском стане того же уезда монастырь также владел вотчинами. Село Дубки с деревнями было получено около 1521 г. по духовной угличского князя Дмитрия Ивановича, а в июне 1522 г. на него была выдана жалованная грамота Василия III [64]. В 1550-х гг. монастырь увеличил там свои владения: в 1551-52 г. была получена в том же стане деревня Горки [65], в 1557-58 г. — село Горбуново с 6 деревнями, починком и погостом [66]. Вместе с позднейшими приобретениями, о которых будет сказано ниже, к концу XVI в. монастырь владел в Зубцовском уезде 1287 ч. пашни и перелога [67].

Во Владимирском уезде в 1541-42 г. монастырь получил от старца Семена Ярца сельцо Губцево, в 1556-57 г. от Василия Елизаровича Тетерина и Ивана Ростовцева село Старое Губцево (Зюзино), по духовной Дмитрия Нармацкого 1562-63 г. село Вежки с деревнями. В Угличском уезде в 1556-57 г. Аграфена Морозова дала в монастырь село Ефремово. В Рузском уезде в 1515-16 г. была приобретена деревня Новая у некоего Голохвастова [68], а в 1556-57 г. — сельцо Волково с 3 деревнями в Замосковском стане [69].

---

[58] ГКЭ, Коломна, №№ 9/6319, 11/6321. См. подробнее: Маматова Е. П. Таможенная трамота 1596 г. на сельский торжок. Настоящий вып., стр. 344—356.

[59] ГКЭ, Зубцов, № 1/4819.

[60] ГКЭ, Зубцов, №№ 6/4824, 7/4825. Куплено за 130 рублей у Аксиньи Федоровны Шелаевой-Новосильцевой и ее сыновей Федора, Антона и Степана Ивановичей.

[61] ГКЭ, Зубцов, № 8/4826. Куплено за 30 рублей у Аксиньи Михайловны Пусторослевой-Бубновской.

[62] ГКЭ, Зубцов, № 8/4827. Куплено за 130 рублей у Екатерины Ивановны Епифановой (урожденной Перфуровой) и ее сыновей Дмитрия-Сумгура, Гурия и Акинфа-Торопа Андреевичей.

[63] ГКЭ, Зубцов, № 18/4836.

[64] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950 (далее ДДГ), № 99, стр. 410; Памятники русского права (далее ПРП). Вып. IV. М., 1956, стр. 117—120.

[65] ГКЭ, Зубцов, № 13/4831. Вклад Тита Дмитриевича Александрова, дополнение к вкладу его отца — деревне Котиловo.

[66] ГКЭ, Зубцов, № 14/4832. Вклад вдовы Михаила Ивановича Семенова Марии.

[67] См.: выпись из писцовых книг от 16 июня 1596 г. ГКЭ, Зубцов, № 19/4837.

[68] Оп. 1, №№ 94, 123, 237, 260; оп. 2, № 53.

[69] ГКЭ, Руза, № 70/10301. Вклад княгини Елены Тростенской по душе своего первого мужа Якова Григорьевича Лелечина и детей от первого брака с правом пожизненного владения. Однако на следующий год вкладчица «за немощь и старость» отказалась от прав на сельцо и отдала его в монастырь уже при жизни, выговорив себе пожизненное получение оброка. См.: ГКЭ, Руза, № 72/10303.

Владения монастыря в Вышгородском стане Верейского уезда и в Городском стане Звенигородского уезда ограничивались перечисленными в исследуемых грамотах и будут рассмотрены вместе с ними. Там же будет идти речь и о дмитровских вотчинах монастыря.

Таким образом, ко времени учреждения опричнины Чудов монастырь был крупным земельным собственником [70]. Его владения находились в различных уездах и росли на протяжении всего XVI в. и особенно интенсивно в 50-х гг. Это связано, вероятно, с тем положением, которое занимала корпорация чудовских монахов в годы царствования Ивана Грозного. Здесь, например, принял монашество царский духовник Андрей Протопопов, вскоре под именем Афанасия ставший на короткий срок митрополитом всея Руси [71]. Стоявший примерно с 1554 г. во главе монастыря архимандрит Левкий [72] в годы опричнины был одним из самых приближенных к царю людей из духовенства. Вспомним отзыв самого царя о Левкии. В послании в Кирилло-Белозерский монастырь в 1573 г. он ставил в пример кирилловским монахам порядки, заведенные в

---

[70] Итоговых данных о землевладении монастыря за XVI в. нет. К концу XVII в. относятся сведения, содержащиеся в документе 1678 г. См.: Новосельский А. А. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей, по переписным книгам 1678 г. — «Исторический архив». Т. IV. М.—Л., 1949, стр. 88—149. В этом документе указано общее количество дворов, принадлежавших Чудову монастырю (2613), и их распределение по 12 уездам (Московский, Переславль-Залесский, Дмитровский, Зубцовский, Коломенский, Угличский, Рузский, Старицкий, Каширский, Верейский, Ярославский, Костромской) — см. стр. 95. По общему количеству дворов монастырь занимает в этой росписи 7-е место после Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Костромского Ипатьевского, Ярославского Спасского, Суздальского Спасо-Евфимьева и Симонова монастырей. Эта роспись, однако, с одной стороны, включает ряд земель, которые только в более позднее время поступили в монастырь (например, костромские вотчины), а с другой стороны, не содержит сведений о некоторых заведомо известных владениях монастыря. Так, здесь не указаны владения во Владимирском и Звенигородском уездах. Более ранние документы такого рода не дают поуездных данных, а сообщают лишь о количестве дворов: 2120 по росписям 1645-46—1646-47 гг. (Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625). Т. I, вып. 1. Спб., 1897, приложения, стр. VIII) и декабря 1661 г. («Роспись 170 году, какова взята из монастырского приказу за дьячьею приписью, сколько за всеми монастыри крестьянских дворов». — «Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества». Т. I. Спб., 1861, стр. 401). Итоговые сведения о количестве земли у монастыря относятся к XVIII в. и содержатся в так называемой «офицерской» описи монастыря, составленной около 1763 г. в связи с проведением секуляризации монастырских имуществ. (Такого рода описи составлялись офицерами, назначавшимися Коллегией экономии). По этой описи вотчины Чудова монастыря находились в 22 уездах и насчитывали 33 488 ч. земли в поле, т. е. около 50 тысяч десятин, а по ревизии 1744 г. там насчитывалось 19 028 душ мужского пола (см.: ЦГАДА, ф. 280. Коллегия экономии, оп. 3, № 739/1, лл. 319—355об.). Следует оговориться, что сведения цитированных росписей и описи имеют для XVI в. чисто иллюстративное значение, характеризуя лишь до некоторой степени масштабы землевладения монастыря, но не могут дать конкретный материал для его характеристики в рассматриваемый период, так как несмотря на приговор собора 1581 г. в течение всего XVII в. монастыри продолжали получать вклады. См. об этом: Готье Ю. В. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906, стр. 346—378.

[71] Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. XIII, 2-я половина. Спб., 1906, стр. 380.

[72] Строев П. М. Указ. соч., стлб. 163.

Чудовом монастыре при Левкии, замечая, что они принесли монастырю и рост его благосостояния: «Быша архимандрити: Иона, Исак Собака, Михайло, Васиян Глазатой, Аврамей — при всех сих, яко един от убогих быть монастырей. При Левкии же како сравняся всяким благочинием с великими обители, и духовным жительством мало чим отстоя. Смотрите же: слабость ли утверждает или крепость?»[73]. О близких отношениях Левкия и Ивана Грозного свидетельствует и Курбский. Риторически обращаясь к Грозному в своей «Истории о великом князе Московском», Курбский пишет: «А за советом любимых твоих ласкателей и за молитвами чюдовского Левки и прочих вселукавых мнихов, что добраго и полезнаго и похвальнаго и богу угоднаго приобрел еси?»[74].

Впервые Левкий был упомянут в летописи, когда в феврале 1555 г. в числе высокопоставленных иерархов участвовал в торжественном акте поставления на казанскую кафедру первого епископа Гурия[75]. Свидетельством особой близости Левкия к царскому двору было его участие в походе под Полоцк (осень 1562 г. — февраль 1563 г.). Кроме него, из духовенства там находились только коломенский епископ Варлаам и Леонид, игумен Иосифо-Волоколамского монастыря (тоже, кстати, весьма влиятельная в предопричные и опричные годы духовная корпорация). Вместе с ними Левкий участвовал 18 февраля 1563 г. и в торжественном въезде в Полоцк[76]. Взятию Полоцка в Москве придавали значение особо важного политического события, и тем показательнее участие в нем Левкия.

Накануне учреждения опричнины, 8 ноября 1564 г., по сообщению летописи, Иван IV вместе с царевичами ездил «в чюдовское село Черкизово тешитися, и повеле по островом осеки осечи и медведи пущати, и тешился там не по один день, и станы его были там»[77]. Возможно, дело не ограничилось тогда охотничьей потехой, а выбор для нее чудовского села вряд ли случаен. Такое посещение, вероятно, выражало благоволение царя к монастырю.

Также весьма показательно, что именно Левкий вместе с новгородским архиепископом Пименом был избран в январе 1565 г. в состав депутации, которая должна была просить царя вернуться на престол[78]. Пимен в первые годы опричнины был в числе «ласкателей» Ивана Грозного и одним из главных обвинителей митрополита Филиппа[79], а в опалу попал много позже — в январе 1570 г. Таким образом, соединение Левкия с Пименом в одной депутации также

---

[73] Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.—Л., 1951, стр. 173.

[74] Русская историческая библиотека (далее РИБ). Т. XXXI. Сочинения кн. Курбского. Т. I. Сочинения оригинальные. Спб., 1914, стлб. 279.

[75] ПСРЛ. Т. XIII, 1-я половина. Спб., 1904, стр. 250.

[76] Там же, 2-я половина, стр. 347, 359.

[77] Там же, стр. 391.

[78] Там же, стр. 393—394.

[79] РИБ. Т. XXXI, стлб. 319; Житие митрополита Филиппа в рукописном сборнике XVII в. См.: ГБЛ. Собрание Н. П. Румянцева (ф. 256), № 381, лл. 232об.—233, 243.

свидетельствует о том, что он входил в число наиболее доверенных лиц царя в опричные годы [80].

Высокое положение Чудова монастыря в царствование Ивана Грозного неслучайно. Все веками складывавшиеся связи монастыря тянули его к поддержке центральной власти, к союзу с мелкими и средними феодалами. Созданный как митрополичий монастырь, Чудов монастырь уже в середине XV в. оказался более тесно связанным с великокняжеским двором: во всяком случае, для этого времени нет сведений, подтверждающих связь монастыря с митрополитами. Своими богатствами монастырь был обязан мелкому служилому люду: мы видели, что среди отдававших или продававших свои вотчины монастырю нет титулованной знати, за редким исключением, нет и наиболее крупных боярских фамилий. Эта связь со средними слоями класса феодалов крепнет в годы правления Избранной рады, когда среди людей, близких к монастырю, мы встречаем и главу правительственной власти А. Ф. Адашева [81] и Сильвестра, вместе с ним «правившего», по словам Пискаревского летописца, «Русскую землю» [82].

Чрезвычайно близок был монастырь к опричным кругам. Об этой близости свидетельствует, в частности, тот факт, что среди сохранившихся в чудовском синодике к середине XVII в. родов вкладчиков мы находим роды 16 опричников, 7 родственников опричников, одного из инициаторов опричнины Василия Михайловича Юрьева, сын которого также был в составе опричного двора [83], близких к царю дьяков братьев Щелкаловых, один из кото-

---

[80] Левкий перестал быть настоятелем около 1569-70 г. П. М. Строев называет дату 1568 г. (указ. соч., стлб. 163), но это не совсем точно. Впервые новый архимандрит Леонид упоминается в данной грамоте 1569-70 г. (ГКЭ, Владимир, № 48/1825), последнее упоминание Левкия в качестве архимандрита относится к 31 августа 1568 г. (ГКЭ, Переславль, № 235/8959). Мы не знаем, почему Левкий перестал быть архимандритом — нет сведений о его смерти, а некоторые данные заставляют заподозрить, что он перешел в число братии монастыря. В грамотах, выданных при Леониде, при перечислении братии сначала упоминается некий «священник Левкея» (ГКЭ, Владимир, № 48/1825), а затем — в октябре 1571 г. — «старый старец Левкея», называемый непосредственно после архимандрита (ГКЭ, Старица, № 24/11664). Если говорить о причинах отставки Левкия, то ее можно, думается, связать с известными казнями опричников летом 1570 г. и опалой на архиепископа Пимена в январе этого же года; с этими опальными Левкий, как мы видели, был тесно связан. Впрочем, вскоре он занимает снова (если только священник и «старый старец Левкий» действительно тождествен архимандриту) руководящее положение в монастыре, а в 1573 г. царь в послании в Кирилло-Белозерский монастырь с одобрением вспоминает о деятельности Левкия.

[81] В составленном во второй пол. XVII в. синодике Чудова монастыря был записан род его отца боярина Федора Григорьевича и род его самого. См.: ГПБ. F. IV. 194, лл. 97, 115.

[82] В 1555-56 г. он дал в монастырь рукописную книгу — Беседы Иоанна Златоуста. См.: Тихомиров М. Н. Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря. — «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 21, № 43.

[83] ГПБ. F. IV. 194. Это опричники Б. Я. Бельский, Д. И. Годунов, В. В. Дядин, В. Г. Зюзин, А. М. Милюков-Старого, М. А. Нащекин-Безнин, Д. М. и П. М. Пивовы, А. Д. Плещеев-Басманов, К. Д. Поливанов, кн. П. Д. Пронский, Е. М. Пушкин (с женой), кн. Ф. М. Трубецкой, кн. П. И. Хворостинин, И. Я. Чеботов, кн. О. М. Щербатый; родственники опричников Б. Бутиков, Кашкаровы, В. А. Корокрейский, Ю. Г. Ловчиков, Г. Нагой, И. В. Полев, Т. Пушкина. Обоснование принадлежности к опричнине этих лиц и их родственников см.: Кобрин В. Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного. — «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, стр. 16—91. О В. М. Юрьеве как одном из

рых участвовал в следствии по новгородскому делу [84]. Тесными связями между монастырем и опричным двором отчасти объясняется и дальнейший рост чудовских вотчин в годы опричнины.

Отметим дошедшие до нас сведения о приобретениях монастыря в эти годы. В 1565-66 г. были получены 2 деревни от Савина Торопова и сельцо Селимово во Владимирском уезде от Семена Аргамакова [85]. В 1566-67 г. в Жданском стане Московского уезда Михаил Петрович Подушкин с женой и детьми продал в монастырь 2 сельца — Бояркино-Кузьминское и Шепелево, а в 1567-68 г. дал в монастырь деревню Золотилово в Боровском уезде [86]. Тогда же Василий и Андрей Аргамаковы передали в монастырь сельцо Худошино, по духовной Андрея Константинова поступила деревня Чеково, а от Андрея Нармацкого — Старое Чеково (все, вероятно, во Владимирском уезде) [87]. 27 сентября 1567 г. в дополнение к своему старому вкладу М. Семенова дала в Горелинском стане Зубцовского уезда село Серебряниково с деревнями и пустошами. В 1568-69 г. Петр Григорьевич Беклемишев дал в монастырь село Малечкино в Берендеевском стане Дмитровского уезда, Степан Семенович Крючков — деревню Чучварово, Иван Юрьевич Грязной дал «запись... на закладную вотчину на селцо Офимьино з деревнями» и по данной грамоте неустановленного лица в состав вотчин монастыря вошло село Орлово с деревнями в Московском уезде [88]. Наибольшее число полученных владений относится к 1569-70 г. — тогда в состав вотчин вошли четверть сельца Крюково Колпского стана Владимирского уезда (от Петра Кузьмича Сулекина), в Дмитровском уезде пустошь Самсоново в Берендеевском стане (от Андрея Васильевича Игнатова), треть ранее полученного сельца Онучина в Брашевском стане Коломенского уезда (от Ивана Федоровича Дедюшева), в неустановленных уездах село Пущино (от Дмитрия Кортмазова), деревня Волково [89]. В октябре 1570 г. Илья Антонович Царегородцев и Иван Степанович Зубатого дали в монастырь 4 деревни в Быкове и Коровине стане Московского уезда [90]. В 1570-71 г. Евфросинья Семенова передала монастырю село Чашинцово, а от неустановленных лиц поступили сельцо Селютино Клинского уезда и сельцо Самойловское [91]. 7 октября 1571 г. сыновья Савлука Иванова Тоузак-Адриан и Макарий дали в монастырь свою вотчину в Соломенском стане Старицкого уезда — сельцо Грунино и

инициаторов опричнины см.: Яковлева О. А. «Пискаревский летописец». — «Материалы по истории СССР». Вып. II. М., 1955, стр. 76. Об участии в опричнине его сына Протасия см.: Кобрин В. Б. Указ. соч., № 275, стр. 89.

[84] ГПБ. F. IV. 194, лл. 63—63об. О связях В. Я. Щелкалова с опричниной см. рецензию автора этих строк на кн.: Описи царского архива и архива Посольского приказа 1614 года. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. — «Вопросы истории», 1962, № 4, стр. 145—147.

[85] Оп. 1, № 219.

[86] ГКЭ, Москва, № 21/7163; «Калужские губернские ведомости», 1846, №№ 31—32. Часть неофициальная.

[87] Оп. 1, №№ 240, 244, 249.

[88] ГКЭ, Зубцов, № 16/4834.

[89] ГКЭ, Дмитров, № 188/3900; Оп. 1, №№ 89, 91, 98, 160, 164, 177, 242; оп. 2, № 66.

[90] Садиков П. А. Из истории опричнины XVI в., № 44, стр. 246—248.

[91] Оп. 1, №№ 95, 322, 327.

деревню Микулино [92]. Вклад мог быть связан с тем, что сам Савлук Иванов постригся в Чудовом монастыре — среди братии монастыря мы встречаем в сентябре 1567 г. «старца Серапиона Савлука»[93]. Связь монастыря с Савлуком Ивановым также характерна для политической позиции чудовских старцев — вспомним, что в июне 1563 г. сидевший в старицкой тюрьме дьяк Владимира Андреевича Савлук Иванов прислал Ивану IV «память», в которой доносил, что его государь с матерью «многие неправды ко царю и великому князю чинят»[94]. Результатом доноса Савлука был роспуск старицкого двора, пострижение княгини Евфросиньи, а через несколько месяцев и первая мена земель со старицким князем.

Таким образом, в годы опричнины еще больше выросли политическое влияние и земельные владения Чудова монастыря, тесно связанного с царским двором и опричными кругами. В монастыре находили убежище лица, оказавшие царю услуги определенного характера (типа Савлука Иванова). В годы опричнины монастырь получил земли в новых уездах, где до сих пор не владел вотчинами, — например, в Боровском и Старицком.

* *
*

1564 год — это время подготовки опричнины. Уже нет в Москве ни Сильвестра, ни братьев Адашевых. Бежал в Литву и прислал свою «епистолию» к грозному царю Андрей Курбский. Умер Макарий, и на митрополичьем престоле сидит постриженик Чудова монастыря Афанасий. Как уже отмечалось выше, в ноябре 1563 г. состоялся обмен земель между Иваном IV и князем Владимиром Андреевичем. В результате обмена Владимир Андреевич лишился своих земель на юго-западной окраине старой территории Московского княжества — трех волостей в Можайском уезде, а также Вышгородского стана в Верейском уезде [95]. В Вышгородском стане издавна находились вотчины Чудова монастыря, на которые выдана рассматриваемая грамота: села Марьинская слобода и Воскресенское с деревнями, сельцо Федоринское и сельцо Ахматовское. Земли здесь монастырь получил еще при Дмитрии Донском: в цитировавшейся выше меновной грамоте говорилось о том, что взамен села Шубачеевского Дмитрий Донской, кроме Ермолинского и Романовского озера, «придал» монастырю «в Вышегороду пустошь Кривцовскую з деревнями и с луги и с селищи з бортию и с лесом со всею пошлою землею по реку по Поротву по Лужевское порубежье по Середнюю речку, по речку по Осечну»[96]. Текст меновной не оставляет сомнений, что речь идет именно о верейском Вышгороде, расположенном на Протве. Важным обстоятельством представляется то, что по этой меновной монастырь получил пустошь «з деревнями... и с селищи». Таким образом, речь шла о пожало-

[92] ГКЭ, Старица, № 24/11664.

[93] ГКЭ, Зубцов, № 16/4834. Имя его также записано в монастырском синодике: ГПБ. F. IV. 194, лл. 200—200об. В числе поминаемых там также указан «старец Серапион».

[94] ПСРЛ. Т. XIII, 2-я половина, стр. 368.

[95] Там же, стр. 372.

[96] ЛОИИ. Коллекция И. С. Беллюстина (К. 20), № 1.

вании значительной и при этом запустевшей территории в расчете на то, что монастырь, говоря языком древнерусских документов, «пашню распашет и крестьян назовет». Что эти расчеты на монастырскую колонизацию оправдались, видно из того, что уже через сто с небольшим лет, в 1519 г., у монастыря были здесь значительные владения [97].

В связи с вышгородскими вотчинами монастыря остановимся кратко и на истории Вышгородского стана (иногда его называли и уездом, иногда и волостью), который многократно переходил из рук в руки, из удела в удел.

Вышгород на реке Протве и прилегающая к нему волость расположены в восточной части Верейского уезда, граничащей с Звенигородским [98]. Впервые, если не считать названной выше меновной Дмитрия Донского, Вышгород упоминался в духовной этого князя в 1389 г. в числе звенигородских волостей, перешедших в удел его сына — Юрия Дмитриевича Звенигородского [99]. Сын Юрия — Дмитрий Шемяка — продолжал, как видно из его докончания 1441—1442 гг. с Василием Темным, владеть Вышгородом [100]. В связи с поражением Дмитрия Шемяки в феодальной войне удел поступил в распоряжение великого князя. Из вышгородских сел был выделен в 1447 г. в удел князя Василия Ярославича Серпуховского Суходол [101]. В 1450 г. Вышгород был пожалован в удел князю Михаилу Андреевичу Верейскому [102], причем Суходол оставался в руках Василия Ярославича [103]. Со времени пожалования Вышгорода Михаилу Андреевичу установилась связь волости с Вереей. Именно к этому времени относятся первые упоминания села Марьина в числе монастырских вотчин [104]. В 1464 г. Михаил Андреевич «отступился» от Вышгорода, и после перерыва в три четверти века волость вернулась в состав великокняжеского домена [105]. Суходол вернулся к великому князю несколько раньше — в июле 1456 г. князь Василий Ярославич был посажен в заточение, и удел его прекратил свое существование [106]. По докончанию 13 февраля 1473 г. Иван III отдал Вышгород своему брату Борису Васильевичу Волоцкому [107]. В недолгий девятилетний промежуток, когда Вышгород находился во владении великого князя, там были проведены земельные раздачи: в текстах докончания говорится, что Вышгород передается «опричь тех сел», которые великий князь «подавал манастырем и детем боярьским», хотя над ними и устанавливалась юрис-

---

[97] См. текст грамоты 1564 г.

[98] Готье Ю. В. Указ. соч., стр. 553.

[99] ДДГ, № 12, стр. 33. Вышгород также упоминается в докончании 1374-75 г. Дмитрия Донского и Владимира Андреевича Серпуховского, но по тексту плохо сохранившейся грамоты нельзя с уверенностью сказать, дмитровский или верейский Вышгород имеется в виду. См.: ДДГ, № 7, стр. 23.

[100] ДДГ, № 38, стр. 108, 110.

[101] Там же, № 45, стр. 130, 132.

[102] Там же, № 55, стр. 165, 167.

[103] Там же, №№ 56, 58, стр. 170, 173, 180, 184.

[104] Оп. 2, № 74.

[105] ДДГ, №№ 65, 67, стр. 213, 218, 220.

[106] ПСРЛ. Т. XII. Спб., 1901, стр. 112; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960, стр. 814.

[107] ДДГ, № 69, стр. 226, 228, 230.

дикция великого князя — «а на тех селех суд и дань твоя по земле» [108]. Этим центральное правительство как бы создавало свои форпосты на удельных землях. Возможно, что в эти годы и Чудов монастырь увеличил свои вышгородские владения.

В руках Волоцкого князя Вышгород оставался до последних десятилетий XV — начала XVI вв. В 1481 и 1486 гг. Вышгород входил еще в состав Волоцкого удела [109], а в 1504 г. был уже в составе домена великого князя [110], в духовной же Волоцкого князя Федора Борисовича, составленной около 1506 г., Вышгород не упоминается [111], хотя именно Федору он должен был достаться по духовной его отца Бориса Васильевича [112]. Можно предположить, что Вышгород был получен великим князем в 1490-х гг., так как к этому же времени относится другой обмен землями — между Иваном III и Федором и Иваном Борисовичами [113].

После этого, однако, Вышгород опять оставался в домене недолго. Иван III завещал его своему сыну Андрею Ивановичу Старицкому [114]. Как известно, сыновья Ивана III получили свои уделы не сразу после смерти отца. Андрей Иванович получил свои земли только в 1518-19 г. В их перечне указан и Вышгород [115]. В связи с переходом Вышгорода под юрисдикцию Андрея Ивановича и была выдана им тогда же, в 1519 г., жалованная грамота Чудову монастырю на вышгородские села.

Дальнейшая история Вышгорода связана с судьбами Старицких князей и их удела. После мятежа и «поимания» Андрея Ивановича в 1537 г. Вышгород вместе с уделом был отобран у Старицких князей [116]. В декабре 1540 г. были освобождены из заключения сын Андрея Ивановича Владимир и его мать Евфросинья [117], а в декабре 1541 г. Владимиру Андреевичу был возвращен удел его отца вместе с Вышгородом [118]. В руках Владимира Андреевича Вышгород оставался вплоть до упоминавшейся выше мены в ноябре 1563 г. При учреждении опричнины Вышгород вошел в число опричных земель [119].

Выдача грамоты 1564 г. была связана с переходом Вышгородского стана под юрисдикцию центральной власти. Обращает на себя внимание, что между выдачей жалованной грамоты и переходом Вышгорода из удела прошло около года — мена состоялась в ноябре 1563 г., а грамота была выдана 13 сентября 1564 г. К этому времени Иван IV был уже достаточно осведомлен о положении дел

---

[108] ДДГ, № 69, стр. 230—231. Остальные села передавались не только «в удел», но и «в вотчину». Тем самым делалось ясное различие между вотчинной властью и властью сюзерена.

[109] ДДГ, №№ 73, 81, стр. 269, 272, 274, 317, 318, 321.

[110] Там же, № 89, стр. 360.

[111] Там же, № 98, стр. 406—409.

[112] Там же, № 71, стр. 250.

[113] Там же, № 85, стр. 341—344.

[114] Там же, № 89, стр. 360.

[115] ПСРЛ. Т. VI. Спб., 1853, стр. 262—263.

[116] ПСРЛ. Т. XIII, 1-я половина, стр. 118.

[117] Там же, стр. 135.

[118] Там же, стр. 140.

[119] Там же, 2-я половина, стр. 394.

во вновь присоединенных к территории домена местностях, так как с 7 мая по 8 июля 1564 г. вместе с Владимиром Андреевичем ездил в «объезд» и побывал и «в Можайском уезде в новых селех», и «во всех дворцовых селех и в Верее и в Вышегороде» [120]. До нас не дошло ни одной грамоты, выданной Иваном IV и подтверждающей иммунитетные права других монастырей на землях, выменных в 1563 г. у Владимира Андреевича [121]. Это вряд ли случайно и свидетельствует об исключительном положении, занимаемом Чудовым монастырем.

Грамота 1564 г. лишь подтверждает иммунитетные права Чудова монастыря, ссылаясь на грамоты прошлых лет. Остановимся на них.

Первым документом, упоминаемым в нашем источнике, была жалованная грамота, выданная Андреем Ивановичем в 1519 г. сразу же после того, как Вышгород был передан в состав удельных земель. Это интересный и новый факт, характеризующий политику удельного князя в только что полученном уделе. До сих пор мы располагали сведениями о грамотах Андрея Ивановича, выданных в период освоения им своего удела — сохранились всего четыре его грамоты: одна недатированная, выданная братьям князьям Дмитрию и Потулу Васильевичам Волконским на село Опочню в Волконской волости Алексинского уезда [122], две, выданные в 20-х гг. светским землевладельцам, и одна, выданная в 1534 г., уже в малолетство Ивана IV, Иосифо-Волоколамскому монастырю [123]. В выдаче грамоты на земли в только что полученном уделе проявилось, думается, стремление укрепить свои позиции, привлекая на свою сторону влиятельную духовно-феодальную корпорацию.

Содержание грамоты Андрея Ивановича по исследуемому документу обоснованно восстановить трудно: текст ее в новой грамоте не приводится, а лишь глухо указывается, что «во княж Ондрееве Ивановича жаловальной грамоте у них, которую им на те их вышегородцкие села и деревни дал в двадесят седьмом году, написано тож, как написано в нашей жаловальной грамоте». Было бы соблазнительно на этом основании заключить, что включенный в грамоту текст жалованной грамоты Ивана IV 1537-38 г. точно воспроизводит грамоту Андрея Ивановича. Но эта передача вызывает тем большие сомнения в точности, что и сам текст грамоты 1537-38 г. передан с явной модернизацией: архимандритом называется Левкий, возглавивший монастырь, как отмечалось выше, только с 1554 г., а Иван IV выступает с титулом царя и великого князя, принятым только в 1547 г. Таким образом, конкретный объем иммунитетных прав, полученных монастырем от Андрея Ивановича, нам неизвестен [124].

Важным обстоятельством было получение монастырем грамоты Ивана IV сразу после «поимания» Андрея Ивановича. До сих

---

[120] ПСРЛ. Т. XIII, 2-я половина, стр. 383—384.

[121] Каштанов С. М. Хронологический перечень, ч. 2.

[122] Волконская Е. Г. Род князей Волконских. Спб., 1900, стр. 17.

[123] Каштанов С. М. Хронологический перечень, ч. 1. — «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, №№ 214, 215, 303, стр. 332, 342.

[124] Источниковедчески еще не разработан вопрос о том, насколько можно доверять встречающимся в жалованных грамотах такого рода указаниям.

пор были известны четыре документа такого рода: 18 июля 1537 г. была выдана тарханно-проезжая грамота Троице-Сергиеву монастырю на беспошлинный проезд монастырских посельских, ключников и крестьян [125], а 7 декабря 1538 г. была подтверждена упоминавшаяся выше данная и тарханно-несудимая грамота Иосифо-Волоколамскому монастырю на дворовое место в Старице [126]. 26 июля 1537 г. была выдана грамота Троице-Сергиеву монастырю на 2 сельца в Старицком уезде [127], а 8 августа того же года — на село Илемну Верейского уезда [128]. В связь со стремлением правительства закрепиться на территории бывшего Старицкого удела следует поставить и грамоту 1537-38 г. [129]. Сама грамота, как мы видели, передана в тексте со значительной модернизацией, и поэтому ее не представляется возможным использовать для установления объема иммунитетных прав монастыря.

11 марта 1550 г. Владимир Андреевич в полном объеме подтвердил грамоту своего отца. Грамота же Ивана IV при общем пересмотре жалованных грамот начала 1550-х гг. осталась не подтвержденной. Поэтому, когда Вышгород вновь вошел в состав царского домена, оказалось необходимым выдать новую грамоту. Можно предположить, что грамота 1537-38 г. содержала несколько больший объем иммунитетных прав, чем грамота 1564 г. — иначе при сохранности грамоты 1537-38 г. она могла быть просто подтверждена.

Рассмотрим объем и характер иммунитетных прав, полученных монастырем по грамоте 1564 г. Согласно классификации С. М. Каштанова грамоту следует отнести к категории тарханно-оброчных, несудимых и заповедных грамот [130]. Конкретно грамота предоставляет прежде всего судебный иммунитет в сравнительно широком объеме («опричь душегубства и розбоя с поличным»), оставляя, таким образом, татьбу в ведении монастырских властей. По внешним искам грамота устанавливает прерогативу царского суда или введенного боярина. Данный пристав в грамоте не указывается, однако, вероятно, он существовал [131]. Грамота также устанавливает обычную для иммунитетных актов XVI в. процедуру «смесного суда» и запрет наместникам и волостелям получать непосредственно или через своих агентов («праведчики и доводчики») какие-либо поборы с монастыря, кроме посошного корма. Вместе с тем, агенты центральной власти (наместники и волостели) должны были участвовать в расследовании несчастных случаев со смертельным исходом и самоубийств, не получая, однако, от этого никаких пошлин («на них продажи и езду не емлют, а осмотрив того, велят схоронити безпенно»).

Грамота далее освобождает монастырь от ряда мелких феодальных повинностей и пошлин — мыта, весчего, кормления цар-

[125] Каштанов С. М. Хронологический перечень, ч. 1, № 359, стр. 349.
[126] Там же, № 303, стр. 342.
[127] Там же, № 360, стр. 349.
[128] Там же. № 361, стр. 349.
[129] Об этом подробно см.: Каштанов С. М. Иммунитетные грамоты 1534—начала 1538 года..., стр. 415—416.
[130] Каштанов С. М. К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот. — «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 211—217.
[131] Об этом см. несколько ниже.

ского коня, поворотного, выводной куницы и т. п. Грамота ничего здесь не говорит о пятне.

В конце грамоты имеется клаузула, касающаяся и пятна, и данного пристава, о котором упоминалось выше. Там речь идет о выдаче монастырю в 1555-56 г. «большой» уставной грамоты, определявшей иммунитетные привилегии всех монастырских вотчин. В вопросах, касающихся пятна и данного пристава, предлагалось руководствоваться ее положениями. К сожалению, этот документ пока не обнаружен [132]. Вероятно, он предусматривал назначение монастырю данного пристава. Трудно сказать, каково было постановление о пятне.

Основные денежные сборы грамота переводит на оброк, устанавливая его сумму в рубль с сохи в год. Это означало значительную финансовую льготу монастырю: в сотной 1552 г. на вотчины Чудова монастыря в Васильцове, Корзеневе, Белях, Обарниче и Пехорском станах Московского уезда зафиксирован платеж с этих вотчин сумм в два с половиной рубля с сохи [133]. Возможно, однако, эта норма грамоты, как и многие другие, восходит еще к старицким грамотам первой половины века.

В целом по сравнению с иммунитетными грамотами того же монастыря, выданными в 50-х гг. (см. грамоты 1551 г. на с. Дубки Зубцовского уезда [134] и 1554 г. на сельцо Васильевское Дмитровского уезда [135]), можно наблюдать известное расширение монастырского иммунитета. Предшествующие грамоты не предусматривали перевода на оброк основных повинностей, грамота 1551 г. устанавливала пеню в рубль в случае, если «учинитца... душегубство, а душегубца в лицех не будет», грамота 1554 г. обходила этот казус, а исследуемая грамота, как мы видели, в близком случае (смерть от несчастного случая, под которую нетрудно было подогнать отсутствие «душегубца в лицех») давала право похоронить мертвое тело «безпенно». Ясно видно увеличение привилегий монастыря и на примере таких малозначительных клаузул, как запрет волостным людям участвовать без зова в братчинах и право изгнания нищих («попрошатых») и скоморохов. В весьма краткой по формуляру грамоте 1554 г. этих клаузул нет вообще, в грамоте 1551 г. по поводу скоморохов и попрошатых монастырской администрации предоставляется право их «имати, да давати на поруки, да ставити перед ...царем и великим князем», по исследуемой грамоте монастырь уже сам, без посредства правительственных агентов, расправляется с нищими и скоморохами: «и монастырской приказчи[к] ис тех монастырских сел и из деревень вышлет их вон безпенно». В грамоте 1551 г. незванным волостным людям, явившимся на братчину, если там «учинитца... какова гибель», просто предписывается «та гибель платить бес суда», в грамоте же 1564 г. незванный человек обязывается «платити та гибель вдвое без суда и без исправы».

Более широкие иммунитетные привилегии Чудова монастыря в грамоте 1564 г. по сравнению с грамотами 50-х гг. не обязательно связаны с подлинным ростом этих привилегий: грамоты 50-х гг. и

---

[132] Каштанов С. М. Хронологический перечень, ч. 2.
[133] ЛОИИ. Коллекция М. П. Погодина (К.107), № 6.
[134] ПРП. Вып. IV, стр. 117—120.
[135] ГКЭ, № 83/3795.

грамота 1564 г. выданы на разные земли, и здесь могла иметь место инерция «пошлины», «старины» щедрых старицких грамот начала века [136].

С вышгородскими вотчинами Чудова монастыря связаны не только текст самой грамоты, но и два из трех подтверждений, на которых мы и остановимся.

С учреждением опричнины Вышгород вошел в состав государева удела [137]. Через год с небольшим, 24 марта 1566 г., грамота была подтверждена, причем необходимость подтверждения была аргументирована как раз переходом Вышгорода в состав опричнины: речь шла о том, что царь «пожаловал, на их монастырские села и деревни, которые в опричнине в Вышегородцком уезде, ...сее грамоты рушати у них не велел никому, велел у них ходити о всем по тому, как в сей грамоте писано». При подтверждении стоит подпись опричного дьяка Петра Григорьева [138].

До сих пор не было зарегистрировано ни одного подтверждения иммунитетных грамот, связанных с переходом тех или иных территорий в опричнину. Подтверждение на грамоте Чудову монастырю выбивается (на первый взгляд) из общего ряда. При этом отметим, что в годы опричнины не только по опричным, но и по земским уездам не было, вероятно, пересмотра жалованных грамот.

За годы опричнины до нас дошли подтверждения Ивана IV на трех грамотах из числа выданных в доопричное время: 29 июля 1566 г. была подтверждена выданная 15 июля 1557 г. несудимая грамота Спасскому Золотоворотскому монастырю на земли во Владимирском уезде — подтверждение касалось нового данного пристава [139]; в апреле 1569 г. были подтверждены тарханно-несудимые грамоты митрополичьему дому на владения в разных уездах [140] и на Борисоглебскую слободку в Переславском уезде — эти подтверждения были связаны с поставлением нового митрополита [141]. Из грамот, выданных в годы опричнины, есть сведения о подтверждении в те же годы только одной оброчно-несудимой и заповедной грамоты, выданной в феврале 1566 г. Никольскому Веневскому монастырю на земли в Тульском уезде — подтверждение 20 мая 1566 г. в связи с назначением нового данного пристава [142]. Таким образом, все подтверждения грамот в опричные годы, известные в настоящее время, касаются исключительно частных случаев и связаны с назначением новых должностных лиц.

---

[136] На эту возможность обратили мое внимание С. М. Каштанов и Б. Н. Флоря.

[137] ПСРЛ. Т. XIII, 2-я половина, стр. 394.

[138] О П. Григорьеве и его участии в Опричном дворе см.: Кобрин В. Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного. — «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, № 61, стр. 36.

[139] Каштанов С. М. Хронологический перечень, ч. 2, № 764, стр. 151. ГКЭ, Владимир, № 31/1808.

[140] Акты феодального землевладения и хозяйства (далее АФЗиХ). Ч. III. М., 1961, № 11, стр. 30.

[141] Каштанов С. М. Хронологический перечень, ч. 2, № 841, стр. 160; ЛОИИ. Коллекция И. С. Беллюстина (К. 20), № 12. Приношу благодарность В. М. Панеяху, скопировавшему по моей просьбе текст этого подтверждения.

[142] Каштанов С. М. Хронологический перечень, ч. 2, № 860, стр. 163; Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках. Киев, 1915. Приложения, № XX, стр. 46—50.

Вместе с тем, производилась выдача новых жалованных грамот, подтверждающих старые. На территории опричных уездов их было выдано сравнительно немного, и значительная их часть относится к входившему в опричнину Симонову монастырю. 18 февраля 1566 г. монастырь получил грамоту на село Дикое в волости Сохне в Вышгороде, с указанием, что царь пожаловал монастырь «по прежней своей жаловалной грамоте» [143]. 27 августа 1567 г. тот же монастырь получил грамоту на слободку Рожковскую в опричной Кличенской волости Ржевского уезда, и в ней также было сказано, что эта грамота лишь подтверждает старые («по отца своего великого князя Василья Ивановича... и по своей прежней жаловалной грамоте») [144]. Перемышльский Шаровкин монастырь получил 19 сентября 1566 г. тарханную грамоту на земли в опричных уездах; на этот раз старых грамот не было, но в писцовых книгах 1563-64 г. был «царев и великого князя указ... написан: „Пожаловал есми Шаровкиной пустыни вотчину, велел писцом оторханити, вперед с тое манастырские вотчины крестьяном монастырским ямских и приметных денег и за емчюжное и за засечное дело не давати“ [145]. Таким образом, и в этом случае подтверждались старые иммунитетные права. 20 апреля 1567 г. Кириллов монастырь получил из опричнины подтверждение своим правам не платить таможенных пошлин с товаров, которые они покупают в опричных городах «на всякой монастырской обиход». При этом игумен Кирилл «и грамоту клал, что у них наша царская жаловальная тарханная грамота» [146]. Таким образом, все известные грамоты, полученные монастырями в начале опричнины и на ее территории, по крайней мере до 1567 г. включительно (за 1568 г. сведений о таких грамотах нет), являются подтверждениями выдававшихся раньше.

В совокупности с подтверждением на изучаемой грамоте эти данные приводят к предположению, что иммунитетные права монастырей на территории опричнины не автоматически сохранялись, а нуждались в подтверждении. Изучение вопроса о том, сужались или расширялись при этом иммунитетные привилегии, выходит за рамки настоящей статьи и требует специального исследования.

Не вступая в конфликт с крупными духовными феодалами и не отменяя их привилегий, Иван IV в годы опричнины, вероятно, как бы резервировал себе возможности для перехода в наступление на иммунитетные права духовенства во взятых «в государев удел» уездах. Это достигалось тем, что грамоты монастырям не отменялись, но, за немногими исключениями, и не подтверждались. Перечисленные выше грамоты и подтверждение на исследуемой грамоте свидетельствуют, что такое подтверждение было нужно. В получении этого подтверждения сказалось, думается, то привилегированное положение, которое удалось создать Левкию для Чудова монастыря наряду с таким опричным «богомольцем», как Симонов монастырь. Факт нарушения в годы опричнины (хотя и не на ее территории, но в связи с нею) иммунитетных прав монастырей и изъятия из него Чудова монастыря подтверждает указная грамо-

---

[143] Садиков П. А. Из истории опричнины, № 2, стр. 182—184.
[144] Там же, № 19, стр. 210—213.
[145] Там же, № 7, стр. 193—198.
[146] Там же, № 18, стр. 210.

та Ивана IV на Утцкий ям ямскому приказчику Ж. Дмитриеву и посланнику Г. Теребихину от 3 февраля 1567 г. Обстоятельства выдачи грамоты таковы: Дмитриев и Теребихин должны были «наряжати» крестьян с подводами с волостей и станов, приписанных к Утцкому яму. Подводы брались для царской поездки в одну из его опричных резиденций — Вологду («для нашего вологотцкого походу»), причем в царском наказе предписывалось брать подводы «из грамотчиков, у кого будут наши жаловальные грамоты, что им на Утцком яму с сох подводами не стояти и яму не делати». Дмитриев и Теребихин так и поступали, брали подводы «со всех сох без омены, и з грамотчиков». Таким образом, царская поездка в опричную Вологду повлекла за собою нарушение иммунитетных прав грамотчиков по пути следования. С этим, однако, не захотел смириться Чудов монастырь: Левкий бил челом царю, и Дмитриеву с Теребихиным была послана указная грамота с прочетом, в которой им предписывалось сделать исключение для сел Чудова монастыря [147].

Разумеется, предположение о судьбах феодального иммунитета на территории опричнины еще гипотеза, и введение в научный оборот новых источников, новые наблюдения могут внести в нее ряд поправок. Однако пока трудно найти согласующееся с показаниями источников другое объяснение появлению подтверждения 1566 г. на грамоте Чудову монастырю.

Помимо рассмотренного выше подтверждения от 24 марта 1566 г., на грамоте имеются еще два подтверждения того же года— на земли в Селенской волости Московского уезда и на вновь полученные земли в Вышгороде. Остановимся сначала на втором подтверждении, которое относится к уже знакомому нам Вышгороду.

В подтверждении идет речь о том, что царем был произведен обмен земель с Чудовым монастырем, причем у монастыря были взяты село Воскресенское с деревнями и сельцо Ахматово, а взамен были даны села Горки и Слепушкино и сельцо Детенково. Сведения подтверждения дополняются выданной одновременно с ним послушной грамотой за приписью опричного дьяка Третьяка Нардукова [148] на полученные монастырем по обмену села. При Горках было 9 деревень и пустошь, при Слепушкине — 8 деревень. Все они были прежде дворцовыми. Детенково же находилось ранее в поместье за псарями Третьяком и Субботой Руготиными, а после перешло к островщикам Леве Клокову и Леве Шелепину. По писцовым книгам 1563-64 г. письма Ивана Старкова и Григория Ростопчина (вероятно, эти книги были составлены в связи с переходом Вышгорода во владение царя) в этих владениях было 830 ч. доброй и 580 ч. средней земли в поле, 1 635 копен сена, 246 ч. леса.

Таким образом выясняется ряд интересных деталей проведения политики опричнины в присоединенном уезде. Продолжаются ме-

---

[147] ГКЭ, Москва, № 20/7162.

[148] ГКЭ, Верея, № 16/2343. О принадлежности к опричнине Т. Нардукова см.: Кобрин В. Б. Указ. соч., № 129, стр. 49. Вызывает удивление, что в тексте, опубликованном в «Калужских губернских ведомостях», на подтверждении стоит подпись другого дьяка — П. Григорьева. Может быть, публикатор по ошибке скопировал припись другого подтверждения? В подлиннике имя дьяка сейчас угасло и не читается.

ны земли между царем и монастырем, часто встречавшиеся в предшествующий период. В руки монастыря частично попадают земли, конфискованные у островщиков — служилых людей старицкого князя, принадлежавших к его двору. Вряд ли это было единичным явлением. В подтверждении указывается, что Василий Федорович Ильин-Ошанин — один из видных опричников, родственник известного временщика Василия Грязного, исполнявший обязанности окольничего и дворянина в стану у государя, — отмежевал по царскому приказу указанные села к Чудову монастырю [149]. Кстати, в 1566-67 г. он был писцом в Верейском уезде [150]. Опричное межевание в опричном Вышгороде сопровождалось, таким образом, конфискацией земель у бывших слуг старицкого князя и перераспределением земель.

Общее количество земель монастыря в Вышгороде установить не удалось: в Верейских писцовых книгах 1628-29 г. указаны только села, полученные по грамоте 1566 г., села же Марьинская слобода и Федурино не указаны (указано только Марьино — часто так видоизменялось название Марьинской слободы, и нет следов Федурина). Всего во владениях Чудова монастыря в Вышгородском стане Верейского уезда по этим книгам значится 2 113 ч. в поле пашни, перелога и пашни, поросшей лесом [151]. В «офицерской» описи XVIII в. по селам Слепушкино и Марьино, Верейского уезда, показано уже значительно больше земли — 3 654 ч. в поле [152], вероятно, в связи с распашкой части леса. Таким образом, вышгородские вотчины монастыря были значительными владениями, составлявшими бо́льшую часть его земельных богатств, и охрана монастырского иммунитета в Вышгороде имела для чудовских монахов важное значение.

Рассмотрим далее подтверждение прав монастыря в Селенской волости. Волость Сельна была расположена в Замосковской половине Московского уезда, в восточной его части, по берегу реки Нерской. Впервые упоминалась она в духовной Ивана Калиты — согласно обоим ее вариантам Сельна передавалась княгине с младшими детьми [153]. По второй духовной Дмитрия Донского 1389 г. Сельна попадала его сыну дмитровскому князю Петру [154] — в дальнейшем Сельна иногда «тянула» к Дмитрову. После смерти в 1427-28 г. Петра Дмитриевича Сельна разделила судьбу всего выморочного Дмитровского удела, на который претендовали и великий князь Василий II и галицкий князь Юрий Дмитриевич [155]. Во всяком случае, Юрий Дмитриевич в своей духовной ок. 1433 г. завещал вместе с другими Дмитровскими волостями Сельну своему сыну Василию [156]. В результате окончания феодальной войны Сельна, вероятно, вернулась в состав великокняжеского домена. В сере-

[149] О В. Ф. Ошанине см.: Кобрин В. Б. Указ. соч., № 87, стр. 40—41.
[150] Шумаков С. А. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. 3. М., 1912, № 537, стр. 135. В указанной выше моей статье ошибочно названа дата 1567-68 г.
[151] ЦГАДА, ф. 1209. Поместный приказ, кн. № 11833, лл. 236—253.
[152] ЦГАДА, ф. 280. Коллегия экономии, оп. 3, № 739/1.
[153] ДДГ, № 1, стр. 8, 9.
[154] Там же, № 12, стр. 34.
[155] Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства, стр. 749.
[156] ДДГ, № 29, стр. 74.

дине XV в. она перечисляется среди Дмитровских волостей, которые подсудны по делам о душегубстве Москве («тянет душегубством к Москве») [157]. По духовной Ивана III она перешла к его сыну Андрею Ивановичу [158] и разделила судьбу всего старицкого удела (о нем см. выше в связи с Вышгородом). 11 марта 1566 г. вместе с Вереей и другими замосковными волостями Сельна была отобрана у Владимира Андреевича в обмен на Звенигород [159]. В связи с этим обменом и была 1 мая 1566 г. подтверждена жалованная грамота — ее положения были распространены на селенскую вотчину Чудова монастыря.

В Селенской волости монастырь владел селами Власьевым [160] и Бисеровым с деревнями. Часть этих деревень была обменена Владимиром Андреевичем на другие деревни — это касалось деревень, расположенных близко от соседней волости Загарье, причем при мене монастырь выгадал, получив дополнительно 82 ч. земли.

Судьба монастырского иммунитета в Селенской волости схожа с тем, что наблюдалось по Вышгороду. Как и в Вышгороде, князь Андрей Иванович выдал на монастырские вотчины тарханно-оброчную грамоту, согласно которой «за дань, и за ямские, и за прогонные деньги» устанавливался оброк в размере рубля с сохи в год. В 1537-38 г. в связи с ликвидацией Старицкого удела монастырь получил аналогичную жалованную грамоту от великого князя.

Однако по сравнению с вышгородскими вотчинами у селенских владений Чудова монастыря было одно существенное отличие: в результате обмена они вошли не в состав опричнины, а в состав земщины. Дело в том, что обмен уделов с Владимиром Андреевичем осуществлялся не опричниками, а земскими людьми — боярами И. П. Федоровым и Н. Р. Юрьевым и дьяком Путилой Михайловым. Припись земского дьяка Василия Степанова стоит и на подтверждении. К сходному выводу пришел недавно и А. А. Зимин, относящий переход Старицкого уезда (и, надо полагать, и остальных частей удела Владимира Андреевича) в опричнину только во времени после казни старицкого князя [161].

---

[157] ПРП. Вып. III. М., 1955, стр. 167.

[158] ДДГ, № 89, стр. 360.

[159] Там же, № 103, стр. 424.

[160] Было подарено в монастырь женой князя Петра Дмитриевича Дмитровского (оп. 1, № 397).

[161] З и м и н А. А. Опричнина Ивана Грозного. Рукопись. То, что территория бывшего Старицкого удела далеко не сразу вошла в состав опричных территорий, подтверждается материалом «Записок» Г. Штадена. В своей автобиографии Штаден рассказывает, что он не сразу после своего приезда в Россию попал в опричнину: Каспар Эльферфельд, по его словам, «еще до меня был при опричном дворе великого князя. Он видел, как, живя в з е м щ и н е (разрядка моя. — *В. К.*), я нажил большие деньги корчемством» (Ш т а д е н Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л., 1925, стр. 131). Вместе с тем, Штаден немедленно по прибытии в Москву получил поместье — «село Тесмино со всеми приписными к нему деревнями Андрея Холопова, одного из дворцовых людей князя Владимира» (там же, стр. 130). Это поместье было, таким образом, получено Штаденом в Старицком уезде, но еще в земщине. Отметим, что в другом месте своей автобиографии Штаден называет имя дьяка, который подписывал ему послушную грамоту — это земский дьяк Василий Степанов, причем дал он ему поместье по ходатайству известного земского боярина Ивана Петровича Челяднина-Федорова: «Этот боярин пошел со мной в Поместный приказ и приказал

Селенские вотчины Чудова монастыря, как и вышгородские, были довольно крупным владением. По писцовым книгам 1622-23—1623-24 гг. здесь насчитывалось 781 ч. земли в поле, 227 с половиной десятины леса и ок. 50 квадратных верст поверстного леса [162].

* *
*

С обменом землями между Владимиром Андреевичем Старицким и Иваном IV связан и второй документ — жалованная грамота Владимира Андреевича Чудову монастырю на иммунитетные привилегии в Дмитровском и Звенигородском уездах от 16 июля 1566 г. Грамота выдана вскоре после получения Владимиром Андреевичем земель в этих уездах.

Дмитров и Звенигород, издавна входя в состав территории Московского княжества, всегда попадали в удел. В последние годы они составляли удел князя Юрия Ивановича, умершего в московской тюрьме. С 1533 г. по 1553 г. оба этих уезда находились в составе домена, но в 1553 г. Звенигород был отдан в удел последнему хану Казани Едигер-Магмету, принявшему православие и ставшему известным под именем царя Симеона Касаевича [163]. Симеон Касаевич умер 26 августа 1565 г. [164], и Звенигород снова на краткий срок вернулся в состав домена. Как говорилось выше, в марте 1566 г. Звенигород и Дмитров отошли к Владимиру Андреевичу в обмен на Старицу и Верею.

Сведения о происхождении владений монастыря в этих уездах сохранились лишь частично. Село Васильевское-Борисово в Павельском стане вошло в состав монастырских владений незадолго до выдачи грамоты 1566 г. — 9 декабря 1554 г. Иван IV дал его в монастырь по душе князя Юрия Ивановича, причем в грамоте отмечалось, что оно дается по его духовной. Иван IV выступал здесь как бы в качестве исполнителя завещания своего умершего родственника. Вотчина состояла из сельца (в грамоте 1566 г. оно уже превратилось в село), двух деревень и пустоши, которые были до перехода в руки монастыря в поместье за Семеном Михайловичем Елизаровым и Григорием Даниловичем Кроминым [165].

дьяку Василию Степановичу дать мне то поместье, о котором я бил челом» (там же, стр. 137). Земский боярин не мог распоряжаться в опричном уезде, но вполне мог вершить дела в уезде, который он сам только что выменял для царя. Когда первое поместье Штадена запустело, то второе он получил через земских людей — казначея Никиту Фуникова-Курцева и дьяков Василия Степанова и Путилу Михайлова (там же, стр. 137—138). Только после всех этих событий Штаден получил уже новое владение в Старице: «Когда великий князь взял в опричнину Старицу, то он уравнял меня со служилыми людьми четвертой степени и к прежнему селу (разрядка моя. — *В. К.*) дали мне Меньшик и Рудак все вотчины и поместья князей Deplenski» (там же, стр. 134). Вероятно, именно тогда Штаден попал в опричнину вместе со старицкими служилыми людьми и был уравнен с опричниками.

[162] ЦГАДА, ф. 1209. Поместный приказ, кн. 261, лл. 328—340об.

[163] Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси. — «Исторические записки», кн. 22. 1947, стр. 124; ПКМГ. Ч. 1, отд. 1, стр. 660, 699, 702, 703, 707, 709, 710, 728—730.

[164] ПСРЛ. Т. XIII, 2-я половина, стр. 378.

[165] ГКЭ, Дмитров, № 83/3795. Вскоре после того Иван IV дал с тем же формуляром грамоту Николо-Песношскому монастырю, передавая ему по душе кн. Юрия село Суходол в Кашинском уезде (Шумаков С. А. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. 3, № 245, стр. 77).

Отметим, что в Дмитровском уезде у монастыря, кроме села Васильевского, к моменту выдачи грамоты была еще одна вотчина в Каменском стану — бывшие к 1626-27—1627-28 гг. пустошами Терентьево Юматово тож и Кадниково с 90 ч. пахотной земли, данные в монастырь в 1554-55 г. Марией Семеновной Морозовой, урожденной княжной Трубецкой [166]. Трудно сказать, почему эти земли не вошли в грамоту Владимира Андреевича. Возможно, что в тексте данной грамоты, который до нас не дошел, содержалось распространенное указание на то, что даритель будет владеть вотчиной «до своего живота» и эти деревни еще фактически не поступили в монастырь. Еще менее объяснимо отсутствие в грамоте деревни Кошилово, купленной монастырем за 120 рублей в 1530-31 г. у Ивана Захарьича Болсунова [167].

Владения монастыря в Звенигородском уезде находились в Городском стане. Село Кошелево (или Кушелево, как оно именуется в писцовых книгах) было куплено монастырем в 1530-31 г. При селе были две деревни и 60 ч. пахотной земли [168]. Незадолго до опричнины в 1562-63 г. монастырь получил «по данной князь Васильевой жены княжь Данилова сына Пенкова княгини Анны княжь Осиповы дочери Дорогобужского» с сыном князем Иваном Васильевичем село Тараканово с 8 деревнями. По писцовым книгам 1623-24—1624-25 гг. там насчитывалось 279 ч. пахотной земли [169]. Владения, на которые была выдана грамота Владимира Андреевича, были, таким образом, сравнительно небольшими и не имели особого значения для монастыря.

Исследуемая грамота, по классификации С. М. Каштанова, может быть названа тарханно-оброчной, несудимой, двусрочной и заповедной. Конкретное изучение иммунитетных привилегий, которые получил монастырь по этой грамоте, удобнее вести в сравнении с объемом иммунитетных прав монастыря в селе Васильевском-Борисовском по данной жалованной грамоте 1554 г. Грамоту 1554 г. в соответствии с той же классификацией можно назвать обельно-несудимой и заповедной. Уже сравнение классификационных названий грамот показывает увеличение в целом монастырского иммунитета в грамоте 1566 г.

Однако в области судебного иммунитета грамота 1566 г. означала, напротив, некоторое его ограничение. Если в 1554 г. из суда архимандрита изымались только душегубство и разбой с поличным, то в грамоте 1566 г. к этому списку присоединяется и татьба с поличным. Постановления же, касающиеся запрета въезжать и брать поборы представителям местной администрации и их агентам

---

[166] ГКЭ, Дмитров, № 188/3900, лл. 3—4.

[167] Шумаков С. А. Обзор.., вып. 3, № 156, стр. 47—48. Возможно, что эти жалованные грамоты, как полагает С. М. Каштанов, не покрывали весь состав вотчин монастыря, а для иммунитетной политики Владимира Андреевича была характерна выдача грамот только на те владения, которые уже раньше попали в иммунитетные грамоты.

[168] Оп. 1, № 168; ПКМГ. Ч. I, отд. 1, стр. 672—673. О времени составления опубликованных здесь под датой 7101 г. писцовых книг см.: Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 2. М., 1916, стр. 594—595.

[169] ЦГАДА, ф. 1209. Поместный приказ, кн. 638, лл. 243об.—245.

почти дословно совпадают в обеих грамотах. Грамота 1566 г. подробно исчисляет все сборы, которые «не надобе» монастырю, грамота 1554 г. была в этом отношении менее определенной, указывая, что село передается «и з доходом з денежным и з хлебным, опричь посошного корму, и ямских, и полоняничных денег, и всяких податей». Основные и крупные повинности — дань, ямские деньги — грамота 1566 г. переводит на оброк, устанавливая его сумму в 1 рубль с сохи. Полностью совпадают постановления обеих грамот о смесном суде. По-разному грамоты решают вопрос об исках к монастырю: в грамоте 1554 г. иски, обращенные непосредственно к архимандриту, рассматривает митрополит в соответствии с распространенной в эти годы практикой [170], а иски к приказчику— царь или его дворецкий. Грамота 1566 г. предусматривает во всех случаях суд князя или его боярина. Кроме того, грамота 1566 г. устанавливает два срока для вызова в суд монастырских людей. Из дополнительных постановлений, отсутствующих в грамоте 1554 г., вообще сравнительно краткой, можно отметить указания на размер пошлины при продаже, покупке и мене лошадей, коров и волов и стандартные клаузулы о похоронах жертв несчастных случаев и самоубийц, запрет ходить посторонним незваннымн на пиры и братчины, запрет ходить по деревням попрошатым и скоморохам.

Таким образом, в грамоте 1566 г. можно видеть значительное увеличение иммунитетных прав монастыря. Сравнительное изучение всей серии грамот, выданных в 1566—1568 гг. Владимиром Андреевичем на земли в своих новых уделах, выходит за рамки настоящей публикации. Но только тогда, когда оно будет проведено, можно будет решить, насколько типичным был этот случай для иммунитетной политики старицкого князя в последний период его деятельности. Отмечу, что количество этих грамот сравнительно велико: 14 грамот получили от Владимира Андреевича Троице-Сергиев монастырь и его «филиалы» [171], 2 грамоты — Симонов монастырь [172], по одной грамоте — Иосифо-Волоколамский [173], Чудов и Кирилло-Белозерский [174] монастыри. Последний, кроме того, получил подтверждение на грамоте 1534 г.[175]; подтверждения были сделаны также на одной грамоте зависевшего от Троицы Благовещенского Киржачского монастыря [176], на двух грамотах Ферапонтова монастыря [177], на трех грамотах Николо-Песношского монастыря, что под Дмитровом [178], на одной грамоте Новоспасского монасты-

[170] ПРП. Вып. IV, стр. 164—165.

[171] ГБЛ. Архив Троице-Сергиевой лавры (ф. 303), кн. 527, №№ 113—126, лл. 127об.—149об.; там же. Собрание актов И. Д. Беляева (ф. 28), № 1/133.

[172] ГБЛ. Собрание актов И. Д. Беляева, № 1/130. Сборник Муханова. Изд. 2-е. Спб., 1866, № 270, стр. 560—561.

[173] АФЗиХ. Ч. II. М., 1956, № 317, стр. 335—336.

[174] Русская историческая библиотека. Т. XXXII. Архив П. М. Строева. Т. I. Пг., 1915, № 225, стлб. 452—453.

[175] ГПБ. Q. IV. 113б, лл. 732—735. Приношу благодарность О. С. Поповой, скопировавшей по моей просьбе текст грамоты.

[176] ГБЛ. Архив Троице-Сергиевой лавры (ф. 303), кн. 527, № 430, лл. 457—458об.

[177] РИБ. Т. XXXII, №№ 129—130, стлб. 220—226.

[178] Калайдович К. Ф. Историческое и топографическое описание мужского общежительного монастыря святого чудотворца Николая, что на Пешноше. М., 1837, стр. 109—120.

ря[179]. Чрезвычайно щедрую грамоту на все вотчины и митрополичьи монастыри в пределах удела Владимира Андреевича получил митрополит Филипп[180], близкий, как известно, к двору старицкого князя[181].

Это, вероятно, свидетельствует о стремлении Владимира Андреевича заручиться поддержкой крупных духовных феодалов на территории вновь полученного удела. Вряд ли, впрочем, эта поддержка в конкретной обстановке 60-х гг. XVI в., когда политика опричнины лишала старицкого князя реальных возможностей для борьбы с царем, могла выходить за рамки заступничества перед монархом. Выдача грамот опричному «государеву богомольцу» Симонову монастырю, близкому к двору Чудову монастырю, могла преследовать именно эти скромные цели. Насколько упал в эти годы авторитет опального удельного князя, свидетельствует один из документов Чудова монастыря. В Марининской волости Переславского уезда дети боярские Владимира Андреевича «вступались» в чудовские рыбные ловли на реке Шерне. С челобитьем на эти действия Левкий обратился, однако, не к Владимиру Андреевичу, как следовало ожидать, а к Ивану IV. «И государь царь и великий князь о том писал к нам», — говорится в грамоте Владимира Андреевича от 31 августа 1568 г.[182]. Ясно, что щедроты удельного князя по отношению к Чудову монастырю не могли изменить его политической позиции — поддержки политики опричнины Ивана IV; они могли только помочь заручиться «печалованием» Левкия перед царем, когда он будет окончательно решать вопрос о жизни и смерти побежденного соперника в династической борьбе. Вряд ли, однако, Владимиру Андреевичу удалось достичь и этой цели.

Таким образом, изучаемые грамоты дают в руки историка богатый материал по истории феодального иммунитета, расширяя наши сведения об отношениях между центральной властью и удельными князьями в первой половине XVI века. Наиболее важны эти грамоты для изучения внутренней политики накануне и в период опричнины. Исследование этих документов наряду с другими материалами дает возможность выдвинуть гипотезу относительно феодального иммунитета в годы опричнины, который пока еще не изучался специально в нашей литературе. Дополняются наши представления и об отношениях между Иваном IV и Владимиром Андреевичем Старицким в 1563—1566 гг., а эти отношения играли первостепенную роль в политической борьбе в годы опричнины.

* *
*

Текст грамот передается в соответствии с принятыми правилами публикации документов XVI в.: выносные буквы вносятся в текст, титла раскрываются, вышедшие из употребления буквы (ять, фита и т. п.) заменяются современными, буквосочетание оу заменяется у, ь при выносных буквах, если он означает йотацию (например, в слове «Васильевич»), вносится безоговорочно, если

[179] АЮБ. Т. I, № 30-V, стлб. 82—84.
[180] АФЗиХ. Ч. III. М., 1961, № 14, стр. 32—34.
[181] Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 27.
[182] ГКЭ, Переславль, № 235/8959.

же означает смягчение, то в соответствии с написаниями в строке; если таких аналогий нет, то по правилам современной орфографии. Утраченные ныне части текста восстанавливаются в квадратных скобках по тексту публикации в «Калужских губернских ведомостях».

Документ № 1 смог быть прочтен и сохранен благодаря исключительно тщательной и умелой работе реставратора отдела гигиены и реставрации Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина А. М. Чечиной. Выражаю также искреннюю признательность А. А. Зимину, С. М. Каштанову и Б. Н. Флоре, любезно согласившимся прочитать статью в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний и библиографических указаний.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

1564 сентября 13. — Жалованная тарханно-оброчная, несудимая и заповедная грамота Ивана IV Московскому Чудову монастырю на села и деревни в Вышгородском уезде (с подтверждениями 1566 г.).

Се яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, пожаловал есми архистратига Михайлова Чюда и великого чюдотворца Алексея, митрополита Киевского и всеа Руси, что на Москве в Старом городе, архимандрита Левкею з братиею, или хто нем иный архимандрит в том монастыре будет. Били ми челом, что за ними их монастырские села и деревни в Вышегородцком уезде: село Марьинское слобода з деревнями, да селцо Федоринское, да село Въскресенское з деревнями, да селцо Ахматовское. И коли-дей Вышегород был за князем Ондреем Ивановичем, и на те-дей их села и на деревни у них княж Ондреева Ивановича жаловалная грамота есть. А после-дей князя Ондрея Ивановича Вышегород был за нами. И в четыредесят шестом году на те их вышегородцкие села и деревни наша жаловалная грамота им дана ж, а на мое, царево и великого князя, имя та грамота у них не подписана. А после-дей того Вышегород был за князем Володимером Андреевичем, и княж Володимерово-дей Андреевича имя на той отца его на княж Ондрееве Ивановича грамоте на те их вышегородцкие села и на деревни подписано. И нам бы архимандрита Левкею з братиею пожаловати, велети им на те их села и на деревни дати свою жаловалную новую грамоту, такову ж, какова им наша жаловалная грамота на те ж на вышегородцкие села и деревни дана в четыредесят шестом году. Да положил перед нами архимандрит Левкея нашю жаловалную грамоту, которая им дана в четыредесят шестом году, да другую грамоту на те ж села и на деревни княж Ондреево Ивановича данье на княж Володимерово[1] Андреевича имя подписану. А подпись на грамоте такова: Князь Володимер Ондреевич по сей отца своего грамоте архимандрита Левкею пожаловал, сее у них грамоты рушити не велел никому ничем, а наместником вышегородцким и волостелем и их тиуном и всем пошлинником и неделщиком и данщиком велел ходити о всем по тому, как у них в сей грамоте писано. Лета 7058-го марта 11. А подписал диак Иван Шамской.

И яз, царь и великий князь, архимандрита Левкею з братиею пожаловал, на те их вышегородцкие села и деревни свою жаловалную новую грамоту велел дати, такову ж, какова им наша жаловалная грамота дана в четыредесят шестом году. А в грамоте в нашей в жаловалной у них написано:

Хто у них в тех селех и в деревнях учнут жити людей, и наместницы наши вышегородцкие и волостели и их тиуни тех их людей не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным, ни кормов своих на них не емлют опричь посошного корму, ни всылают к ним ни по что. А праведчики и доводчики поборов своих на них не емлю[т], ни[же въезжают к ним] ни по что. А ведают и судят тех своих людей архимандрит Левкея з братиею сами въ всем, или кому

[1] Во *вписано над строкой другими чернилами.*

прикажут. А случитца суд смесной тем их людем з городцкими людми или с волостными, и наши наместницы и волостели и их тиуни тех их людей судят, а архимандрит Левкея з братиею или их приказчик с ним ж судит. А прав или виноват монастырской, и он в правде и в вине архимандриту з братиею, а городцкой и волостной в правде и в вине наместнику и волостелю и их тиуном. А кому будет чего искати на архимандричих приказчикех, ино их сужю яз, царь и великий князь, или мой боярин введеной.

Также есми их пожаловал: не надобе им ни мыт, ни явка, ни весчее, ни коня моего не кормят, ни лугов моих не косят, ни двора моего, ни наместнича, ни волостелина не делают, ни прудов моих не прудят, ни поворотного не дают, ни выводные куницы, ни к дворским, ни к сотцким, ни к десятцким с тяглыми людми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы.

А хто у них в их селех и в деревнях поидет от своих рук или кто з дерева убьетца, или кого древо убьет в лесе, или в воде утонет, или водою напловет, или их убитым подкинут из-за рубежя[2], и наши наместницы и волостели и [их тиуни в то]м на них продажи и езду не емлют, а осмотрив того, велят схоронити безпенно.

А наши князи и бо[яре, и дети боярские, и ратные], воеводы, и ловчие, и псари, и бобровники, и всякие ездоки в тех их селех и в деревнях не ставя[т]ца, [ни к]ормов, ни подвод, ни проводников у них не емлют. И гонцы мои подвод, ни проводников у них не емлют же, опричь ратных вестей. А хто у них станет силно, да что возьмет, и тому платити без суда и без исправы.

А мои, царя и великого князя, селчане и наместников и волостелей наши люди к тем манастырским людем на пиры и на братчины незваны[3] не ходят. А хто к ним придет на пир и на братчины незван, и они того вышлют вон безпенно. А хто у них учнет пити силно, а учинитца у них в ту пору гибель, и тому платити та гибель вдвое без суда и без исправы.

Такъж есми пожаловал архимандрита Левкею з братиею, по тем их по монастырским селом и по деревням попрошатые не ездят, ни скоморохи не играют. И хто по их по монастырским селом и по деревням попрошатые учнут ездити или скоморохи учнут у них играти силно, и монастырской приказчи[к] ис тех монастырских сел и из деревень вышлет их вон безпенно.

Такъж есми пожаловал [архимандрита Левкею з бра]ти[ею] или кто по нем иный архимандрит в том монастыре будет, дают мне [с тех своих сел и з деревень за дань, и] за я[мские деньги, и за про]гонные оброком з году на год на Рожество Христово с сохи по рублю. То им на весь год за все пошлины.

[А] дам яз, царь и великий князь, своему наместнику или волостелю на прамоты грамоту, а на сю грамоту иные моей грамоты нет.

А явят сю грамоту вышегородцкому наместнику, и волостелям, и их тиуном, и они с нее явки не дают ничего.

А подпись на грамоте диака нашего Федора Мишюрина. И печать у тое грамоты наша.

А во княж Ондрееве Ивановича жаловалной грамоте у них, которую им на те их вышегородцкие села и деревни дал в двадесят седьмом году, написано тож, как написано в нашей жаловалной грамоте. А подпись на княж Ондрееве Ивановича грамоте княж Ондреева диака Варгана Захарьина.

А о данном приставе и о петне о их мана[сты]р[ско]м [хо]дят у них по тому ж, как у [ни]х [в] моей, цареве и великого князя, в жаловалной в уставной в бо[льшой грамоте писано], кото[рая им наша] жаловалная уставная грамота дана лета [шестьдес]ят чет[вертого году].

[А] дана грамота на Москве лета 7000 семьдеся[т] третьяго [сентя]бря в [13 день].

На обороте:

Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии.

На составе:

Диак Дружина Лазарев.

Подтверждения:

Царь государь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии по сей грамоте архистратига Михайлова Чюда и великого чюдотворца Алексея, митрополита Киевского и всеа Русии, что на Москве в Старом городе, архимандрита Левкею з братьею, или хто по нем иный архимандрит в том манастыре будет, пожаловал, на их манастырские села и деревни, которые в опричнине в Выше-

---

[2] *можно прочитать* из зарубежья, ж *выносное.*

[3] *в рукописи* незва.

городцком уезде, а писаны те села в сей грамоте имяны, сее грамоты рушати у них не велел никому ничем, велел у них ходити о всем по тому, как в сей грамоте писано. Лета 7074-го марта в 24 день. Дияк Петр Григорьев[4].

Царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии по сей грамоте архистратига Михайлова Чюда и великого чюдотворца Олексея, митрополига Киевского и всеа Русии, что на Москве в Старом городе, архимандрита Левкею з братьею или хто по нем иный архимандрит з братьею в том монастыре будут, пожаловал. Бил челом царю и великому князю архимандрит Левкея з братьею: Государево жалованье монастырские их села в Замосковской волости в Селне, село Власьево да сельцо [Бисеров]о з деревнями. И в писцовых-де книгах Замосковских волостей писма князя Ондрея Ростовского [да в других книгах п]исма князя Романа Дашкова с товарыщи, те их села и деревни написаны за их монасты[рем. А коли-дей Замосков]ская волость Селна была за князем Ондреем Ивановичем, и на те-де их села и на деревни [княж Ондреева] жаловалная грамота есть, а о дани и о всяких податех в той грамоте княж Ондреев указ написан: д[ают] с тех сел и з деревень князю Ондрею Ивановичю Чюдовской архимандрит Иона з братьею за дань и за ямские и за прогонные денги оброком з году на год на Рожество Христово с сохи по рублю. То им на весь год за все пошлины. А последе князя Ондрея Замосковская волость Селна была за царем государем и великим князем, и в четыредесят шестом году на те их села и на деревни государева жаловалная грамота им дана ж, а на царево-де и великого князя имя та грамота не подписана, а о данех и о всяких податех государев указ в той грамоте написан таков же, как во княж Андрееве жаловалной грамоте написано. И государь бы их пожаловал, велел бы им на те их села и на деревни свое жалованье во всем указ свой подписати на сей грамоте по тому ж, как им в сей грамоте на вышегородцкие их села з деревнями указ государев написан. А в писцовых книгах Замосковских волостей писма князя Ондрея Ростовсково с товарыщи лета 7028-го написано в волости в Селне Михайлова Чюда, что на Москве внутри городе, село Власьево, а в нем церковь Покров святей Богородицы, того ж села деревни: деревня Городище, деревня Харитоново, деревня Короткое, деревня Конево, деревня Радованье, деревня Харитоново ж, деревня Ненилово, деревня Боярское, деревня Ондроново, деревня Дубровка, деревня Смолево, деревня Терентьево, деревня Седякино, деревня Щапово, деревня Вешняково, деревня Старое Бисерово, Михайлова ж Чюда селцо Бисерово, того же селца деревни: деревня Митино, деревня Оста[ш]ово, да в Загарье их же деревня Чепочкино, а сошные пашни три четверти сохи. Да в тех же книгах [написано: в лете в 7072-]ом году ис тех сел князь Володимер Андреевич выменил у Чюдовского [мона]стыря [у архимандрита у Левкеи з братьею две деревни:] деревню Сидякино да деревню Чепочкино. А по мере в тех деревнях [пашни сорок две четверти. Припустил князь] Володимер Андреевич те деревни к своим черным волостям — [деревню Сидякино к волости к Селне, а деревню] Чепо[ч]ки[но] Олешково к волости к Загарью, потому что те их деревни пришли к черным волост[ям]. А против того променил князь Володимер Ондреевич Чюдовского монастыря архимандриту Левкею з братьею Селенские волости черные деревни по книгам писма князя Ондрея Ростовского лета 7028-го: деревню Соболево, починок Мякишов, да по книгам писма князя Романа Дашкова с товарыщи лета 7051-го деревня Ворыпаево Мартыново, деревня Тучково Кривоногово, пуста, потому что те деревни пришли к монастырским селом, ко Власьевскому да к Бисерову. Пашни в тех деревнях по мере сто дватцать четыре четверти, и перешло в мене архимандриту Левкее по мере пашни восмьдесят две четверти, а сошного писма по розводу и ялося в той перехожей пашне полполчетверти и полполполтрети сохи. И всего за монастырем сошного писма три четверти сохи и полполчети и полполполтрети сохи.

И царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии по сей грамоте архистратига Михайлова Чюда архимандрита Левкею з братьею, или кто по нем иный архимандрит з братьею в том монастыре будут, пожаловал, на их монастырские села, и на деревни, и на починки, которые по сей грамоте имянно писаны, велел у них и в Замосковских волостях волостелем и их пошлинником о суде и о всяких делех и [д]анщиком о всяких податех хо[дити о] в[се]м [п]о тому, как в сей грамоте писано, что им ся грамота дана на [вышегор]одцкие [их] се[ла в семдесят третьем году], и как в нынешнем в 74-м году в опричнине ся грамота подписана [А сее грамо]ты и под[писи на сей грамоте руша]ти

[4] *Подпись дьяка другим почерком, чем все подтверждение.*

не велел никому, а велел ходити о всем по тому, как в сей грамо[те писано]. Лета 7074 [маия] в [1] день. А подписал [царев и в]еликого князя дияк Василей Степанов.

[Государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловали Чюдова] монастыря архимандрита Левкею з братьею и хто по нем иные [архимандриты будут. Дали им в дом к архистратигу к Михайлову чюду] и великому чюдотворцу Алексею в Вышегородцком уезде в о[причнине свои государевы дворцовые села: село Горки, село Слепуш]кино з деревнями, село Детенково з деревнями ж, что было то сельцо Детенково в поместье [за островщики за Левою за Клоковым да за Левою за] Шелепиным в манастырских Чюдова манастыря сел: села Воскресенского да села Ахматова [место, что те манастырские села приписал в дворех] к Вышегороду Василей Ошанин с товарыщи. А по выписи с книг Василья Ошанина лета 7075-го [в селе в Горках да в селе в Слепушкине да в селце в Детенкове з деревнями] пашни добрые земли шестьсот пятьдесят [девять четвертей, да середние земли семсот восмдесят две четверти с осминою да пашни ж перелогом и лесом поросли сорок четвертей в одном поле да в дву по тому ж, сена три тысячи четыреста дватцать копен, лесу рощи и пароснику двесте тритцать четыре десятины, да островов и рощи триста девяносто три десятины. И сее грамоты государь царь и великий князь у архимандрита з] братьею рушати ничем никому не велел, а велел ходити о всем [по тому, как в сей грамоте писано. Писана лета] 7075 сентября в 24 [день]. А подписал государев царев и великого князя [диак Петр Григорьев].

№ 2

1566 июня 16. — Жалованная тарханно-оброчная, несудимая, заповедная и двусрочная грамота князя Владимира Андреевича Московскому Чудову монастырю на села и деревни в Дмитровском и Звенигородском уездах.

Се яз, князь Володимер Андреевич, пожаловал есм Чюдовского манастыря архимандрита Левкею з братьею, или по нем хто иный архимандрит в том манастыре будет. Что в нашей отчине в Дмитровском уезде в Повелском стану их манастырское село Васильевьское Борисовское з деревнями, да в Звенигородцком уезде в Городцком стану село Кошелево, да село Тораканово з деревнями, и хто у них в тех селех и деревнях учнет жити людей и крестьян, и наши наместницы дмитровские и звенигородцкие и волостели и их тиуны тех их людей и крестьян не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя и татбы с поличным, и кормов своих на них не емлют, опричь посошного корму, и ни всылают к ним ни по что. А праведчики и довотчики поборов своих не емлют, ни въезжают к ним ни по что.

Тако же есми их пожаловал, не надобе им в моей вотчине ни мыт, ни тамга, ни явка, ни весчее, ни коня моего не кормят, ни лугов моих не косят, ни двора моего, ни наместнича, ни волостелина не делают, ни прудов моих не прудят, ни поворотного не дают, ни выводные куницы, ни к дворским, ни к сотцким, ни к десяцким с тяглыми людми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы.

А хто у них продасть или купит или менит лошадь ино, с продавца денга, а с купца денга ж, а с коровы и с вола рогового денга ж.

А хто у них в тех их селех и в деревнях поидет от своих рук, или хто с древа убьетца, или кого древо убьет в лесе, или возом сотрет, или в воде утонет, или водою напловет, или их убитым подкинут из-за рубежя[5], и наши наместницы и волостели и их тиуны в том на них продажи, ни езду не емлют, а осмотрив того, да велят схоронити безпенно.

А ве ает и судит тех своих людей архимандрит з братьею во всем сами, или кому прикажут. А случитца суд смесной тем ихь людем з городцкими или с волостными людми, и наши наместницы дмитровские и звенигородцкие, и волостели, и их тиуны тех их людей судят, а архимандрит з братьею или их приказщики с ними ж судят. А прав ли будет, виноват ли манастырской, и он в правде и в вине манастырю, архимандриту з братьею, а городцкой человек в правде и в вине наместнику и его тиуном, а волостной в правде и в вине волостелю и его тиуну.

А кому будет чего искати на архимандричих приказщикех, ино их сужу яз, князь Володимер Андреевич, или мой боярин.

---

[5] *Можно прочитать* из зарубежья, ж *выносное.*

Також есми архимандрита з брать[е]ю пожаловал, кто възведет моего княж Володимерова Андреевича по их крестьян пристава, и пристав мой им пишет в году два срока: зиме Рожество Христово, а лете — уговев Петрова говейна неделю. А через те два срока иных сроков на них не наметывают. А хто на них накинет срок силно не на те два срока, и яз им к тем не к пошлым сроком ездити не велел. А хто на них и бессудную возмет не по тем их указным двем сроком, и та безсудная не в безсудную.

Також мои князи, и бояре, и дети боярские, и ратные воеводы, и ловчие, и псари, и бобровники, и всякие ездоки в тех их селех и в деревнях не ставятца, ни кормов, ни подвод, ни проводников у них не емлют, и гонцы мои ни подвод, ни проводников у них не емлют же, опричь ратных вестей. А кто у них станет силно, да что возмет, и тому то платити без суда и без исправы.

А мои, княж Володимеровы Андреевича, селчане, и наместников и волостелей наших люди к тем манастырским людем на пиры и на братчины незваны не ходят. А кто к ним придет на пир и на братчину незван, и они того вышлют вон безпенно. А хто у них учнет пити силно, а учинитца у них в ту пору гибель, и тому платити та гибель вдвое бес суда и без исправы.

Також есми архимандрита Левкею з братьею пожаловал, или по нем иный архимандрит будет, по тем их по манастырским селам и по деревням попрашатаи не ездят, ни скоморохи не играют. А хто по их манастырским селам и по деревням попрошатаи учнут ездити или скоморохи учнут у них играти силно, и манастырской приказщик ис тех манастырских сел и из деревень вышлют их вон безпенно.

Також есми пожаловал архимандрита Левкею з братьею, или по нем хто иный архимандрит в том манастыре будет, дают мне с тех своих сел и з деревень за мою дань и за ямские за прогонные денги оброком з году на год на Рожество Христово с сохи по рублю. То им на весь год за все пошлины. А дати им тот оброк впервые на Рожество Христово лета семь тысящ семьдесят пятаго.

А дам яз, князь Володимер Андреевич, своему наместнику или волостелю на грамоты грамоту, а на сю мою грамоту грамоты нет.

А коли явят сию грамоту дмитровскому или звенигородцкому наместнику или волостелю и их тиуном, и они с сее грамоты явки не дают ничего.

А дана грамота лета 7074-го июля в 16 день.

На обороте:

Князь Володимер Ондреевич.

На отдельном листе:

№ 14. По вновь написанной описи жаловальная грамота князь Володимера Андреевича 7074-го июня (!) 16-го дня за печатью на село Борисовское о несуде крестьян.

Дмитров № 78.

№ 132.

К. А. Майкова

ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО СВОБОДОМЫСЛИЯ В НАЧАЛЕ XVIII в.

В конце 1958 г. отдел рукописей приобрел очень редкое сочинение (ф. 218, № 972). Это — рукописная книга на французском языке под названием: «La beatitude des Chretiens ou le Fleo de la Foy par Geoffroy Vallée natif d'Orléans Fils de feu Geoffroy Vallée et de Girarde le Berruyer auxquels noms de Pere et Mere assemblés il sy trouve Lerre geru vrey fleo de la foy bigarrée Et au nom du Fils Va fleo regle foy autrement Guere la fole foy. Heureux qui sçait au sçavoir repot» («Блаженство христиан или бич веры, сочинение Жоффруа Валле, уроженца Орлеана, сына умершего Жоффруа Валле и Жирарды Ле Беррюер...» [1], дальнейшее представляет собой анаграмму).

Рукопись заключена в переплет из коричневой кожи, на корешке видны следы тисненой надписи: ...ROY ...ALLEE. Текст занимает 159 листов, пагинация страничная — 1—313 (рукой писца). Лист второй целиком отведен писцом под заголовок, на третьем листе вверху обозначено предисловие (Préface), на стр. 313 под последней фразой стоит слово Fin (конец); все это свидетельствует о том, что перед нами законченное произведение. Весь текст написан одним и тем же круглым крупным писарским почерком; местами над строкой видны исправления другой рукой. Несмотря на то, что список беловой, ошибок и описок очень много, очевидно, писец плохо знал французский язык.

Бумага имеет водяной знак Pro Patria. Эта филигрань — герб свободной Нидерландской республики — была в большом ходу в бумажном производстве между 1683—1799 гг. Корона и литеры GR позволяют отнести бумагу, а значит, и наш список, к 1703—1755 гг. [2].

Французский вольнодумец Жоффруа Валле напечатал в Париже в конце 1573 г. книгу под тем же названием, что и наша рукопись.

Однако памфлет Валле умещался всего на 16 страницах, набранных крупным шрифтом, а в нашей рукописи 313 страниц...

---

[1] Точно такой же перевод этого заглавия можно встретить у И. П. Воронцына. См.: О трех обманщиках. М., 1930, стр. 27. Это единственное упоминание о Валле на русском языке. Жоффруа Валле не упоминается ни у Маутнера (Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande. Bd. 1—4. Stuttgart, 1923—1924), ни у И. В. Лучицкого (Очерки развития скептической мысли во Франции в XVI и XVII вв. — «Знание». Спб., 1873, №№ 1, 3, 8, 11), ни у И. П. Воронцына (История атеизма. Вып. 1—5. М., 1927—1929).

[2] Клепиков С. А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959, стр. 25—26.

Валле построил свой памфлет в форме беседы между католиком, папистом, гугенотом, анабаптистом, вольнодумцем и атеистом. Но перед нами лежит пространное философское рассуждение от первого лица. Удивительнее всего то, что в нашем тексте дважды (см. стр. 11 и 249) названо имя Паскаля.

В обоих случаях речь идет о вопросах морально-философского характера, поэтому возникает предположение, что это Блез Паскаль. Но Паскаль родился в 1623 г., а Жоффруа Валле погиб в 1574 г.!

Так еще до сличения рукописи с подлинным текстом Валле возникали сомнения в принадлежности нашего текста XVI веку. Не является ли рукопись сочинением позднейшего происхождения, автор которого по каким-то причинам скрылся под псевдонимом французского вольнодумца XVI в.?

* * *

Валле и его памфлет неизменно упоминались во всех перечнях атеистических книг XVII — начала XVIII в. Валле отвергал как католичество, так и протестантизм. Все религии, утверждал он, основаны на страхе, поэтому они ложны. Их придумали для того, чтобы лишить человека счастья в этой жизни, сделать его жалким и ничтожным [3]. Религии несут с собой злобу, мерзости и богохульства; вместо познания бога они ведут только к потере веры, человек живет на земле, точно в аду [4], а лучший удел достается лишь тем, кто выдумал религии и тем, кто их поддерживает. Валле полагал, что счастье, утешение и благо человека заключаются в знании; он, правда, не отрицал вовсе бога и некой врожденной веры (foy engendrée), основанной, однако, на знании. Атеист, в его понимании, безнравственный, дурной человек, отвергающий бога ради удовлетворения своих низменных страстей [5].

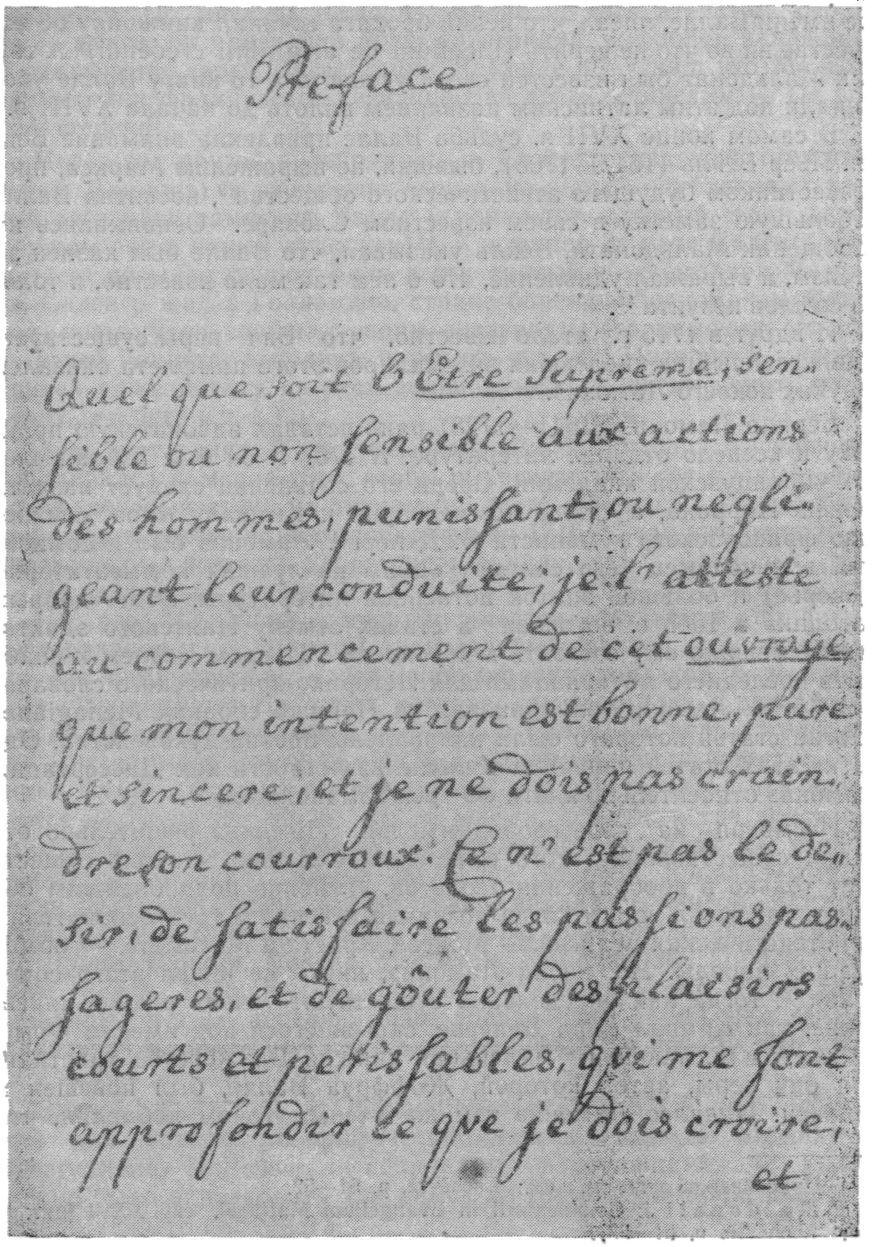
Свои взгляды Валле выразил словами вольнодумца (libertin): он не верит в бога, но и не отрицает его, он сомневается; вольнодумец не в состоянии верить, подобно паписту и гугеноту, что добро есть зло и наоборот [6]. Тем самым Валле отвергал слепую веру.

Это была не ересь, а равнодушие к религии вообще, это — рационалистическая критика всех религий.

Неудивительно, что выступление Валле стоило ему жизни. В конце 1573 г. он был брошен в тюрьму; 9 февраля 1574 г. по приговору суда, утвержденному королем, вольнодумец был повешен, а тело его брошено в костер, тут же была сожжена рукой палача и его книга. Церковь и светские власти жестоко расправились с вольнодумцем, дерзнувшим отрицать откровение и загробное наказание — важнейшие догматы христианства.

Кроме Бича веры (будем так называть памфлет для краткости), Валле не оставил других сочинений. После его смерти на протяжении ста с лишним лет о нем и его сожженной книге упоминали, ис-

[3] Lachèvre F. Mélanges. Paris, 1920, p. 27.
[4] Ibidem, p. 25.
[5] Ibidem, p. 27.
[6] Ibidem.

Preface

Quel que soit l'Etre Suprême, sen-
sible ou non sensible aux actions
des hommes, punissant, ou negli-
geant leur conduite; je l'atteste
au commencement de cet ouvrage,
que mon intention est bonne, pure
et sincere, et je ne dois pas crain-
dre son courroux. Ce n'est pas le de-
sir, de satisfaire les passions pas-
sageres, et de goûter des plaisirs
courts et petis sables, qui me font
approfondir ce que je dois croire,
et

Бич веры. Предисловие. Ф. 218, № 972, л. 3.

кажая его имя и название памфлета, указывая по-разному год его смерти [7]. В самом конце XVI в. иезуит Мальдонат, не называя даже имени Валле, писал, что некий бродяга сочинил книжонку об искусстве ни во что не верить (Libellum de arte nihil credendi)[8].А так как Мальдонат был известен своей ученостью, то книгу Валле упоминали под этим латинским названием вплоть до начала XVIII в.

В самом конце XVII в. судьба Валле привлекла внимание Бейля. Пьер Бейль (1647—1706), бывший, по выражению Маркса, провозвестником будущего атеистического общества [9], посвятил Валле небольшую заметку в своем известном Словаре. Основываясь на сообщении Мальдоната, Бейль указывал, что Валле был казнен за атеизм, и выражал удивление, что о нем так мало известно, и только со слов иезуита [10].

И вдруг в 1715 г. стало известно, что Бич веры существует! Единственный из уцелевших экземпляров этого памфлета оказался в руках некоего Ламоннэ.

Бернар Ламоннэ (1641—1728) рано оставил адвокатскую практику и всецело отдался литературе. В 1707 г. он был избран членом Французской академии. Среди его сочинений следует назвать Жизнь Пиррона, а также комментарии к Кимвалу мира, сочинению французского гуманиста Б. Деперье. Ламоннэ был несомненный вольнодумец (его считают одним из лучших комментаторов Деперье) и большой знаток потаенной литературы. Этот «добрый католик» в 1685 г. воспевал в стихах отмену Нантского эдикта, что не мешало ему состоять в переписке с Пьером Бейлем и снабжать последнего материалами для Историко-критического словаря. В 1715 г. Ламоннэ опубликовал в Париже сборник Menagiana, многие статьи которого были направлены против духовенства. Одна из этих статей получила в науке известность как Диссертация Ламоннэ относительно книги «О трех обманщиках» [11].

Несмотря на свое свободомыслие, Ламоннэ решительно отрицал существование этого сочинения. Объявив, что оно существует только в воображении теологов, Ламоннэ подробнейшим образом описывал, как и когда возникла легенда о трех основателях монотеистических религий — Моисее, Христе и Магомете, — обманувших народы. Но, писал Ламоннэ, никто не видел этого сочинения [12], тогда как определенно существуют очень редкие книги, такие, как Кимвал мира Деперье, скрывшегося под именем Фомы Клевье, или, наконец, маленькая книжка Блаженство христиан, или бич веры, автор которой, Жоффруа Валле, был повешен и сожжен. И далее Ламоннэ тем же ученым тоном добавлял, что

---

[7] Подробнее об этом см. в кн.: Lachèvre, p. 51—52.

[8] Maldonati J. Commentarii in Evangelium Matthaei, cap. XXVI (цит. в кн.: Lachèvre, p. 51—52).

[9] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 2, стр. 141.

[10] Bayle P. Dictionnaire historique et critique, t. II. Rotterdam, 1697, p. 1202—1203.

[11] De La Monnoye B. Lettre à Mr Bouhier, Président au Parlement de Dijon, sur le prétendu livre des trois Imposteurs. Menagiana, vol. 4. Paris, 1729, p. 283—311.

[12] В том же духе Ламоннэ высказывался еще в 1694 г. (Genthe F. W. De impostura religionum breve compendium seu liber de tribus impostoribus. Leipzig, 1833, S. 7).

памфлет Валле был написан очень неважным слогом, что в нем 16 страниц и что уцелевший экземпляр — единственный из сохранившихся. По мнению Ламоннэ, Валле не был атеистом, скорее он — деист, он признавал бога, но отрицал загробное наказание. В заключение своей Диссертации Ламоннэ объяснял, что Мальдонат перевел французское название Бич веры латинским — De arte nihil credendi [13].

Через год другой вольнодумец — Саленгр (издатель стихотворений Ламоннэ) в своих анонимных мемуарах опубликовал полный заголовок памфлета Валле (именно тот, который стоит на титульном листе нашей рукописи)[14]. Как видно из слов Саленгра, он кому-то посылал список Бича веры, снятый с экземпляра Ламоннэ. Саленгр жил в Голландии, стране более свободной, чем Франция, поэтому он сообщал своим читателям, что памфлет состоял из речей паписта, католика, гугенота и т. д. Интересно, что он привел даже цитату из речи вольнодумца («...он ни верит, ни не верит...» в бога и т. д.).

Весь этот длинный экскурс, касающийся Ламоннэ и Саленгра, понадобился нам для того, чтобы объяснить, что тот полный заголовок, который стоит на титульном листе рукописи, не мог быть приписан к тексту нашего апокрифа до 1716 г., так как раньше он просто не был известен в своем полном виде.

Но вернемся к рукописи.

На стр. 313 ниже слова Fin имеется латинская приписка, повторяющая, что автором трактата был Валле, что название его Ars nihil credendi, и заканчивающаяся отсылкой к десятому тому Observationes Hallenses, к главе, где речь идет о редчайших книгах. Десятый том вышел в 1705 г. в Галле. Но ведь до появления Диссертации Ламоннэ в 1715 г. никому не было известно, что книга Валле написана по-французски и в действительности называется не Искусство ни во что не верить, а Блаженство христиан, или бич веры! Действительно, из указанной нам главы мы узнаем только что Ars nihil credendi Жоффруа Валле [15] принадлежит к числу редчайших атеистических книг, наряду с книгой «О трех обманщиках», Кимвалом мира Деперье, произведениями Кардано, Бруно, Ванини, Бодена, Гассенди, Кампанеллы, Гоббса, Спинозы, Бейля, Штоша и др. Нельзя не заметить, что среди книг, названных в этом перечне, разве только одна — «О трех обманщиках» — не была сожжена властями, да и то потому, что была напечатана лишь в 1753 г.!

Значит, и отсылка к Observationes опять-таки ничего не дает нам для истории апокрифического текста. Однако отсылку к Observationes Hallenses, сборникам, издававшимся в Галле, можно было исполковать как намек на германское происхождение интересующего нас текста.

Действительно, в каталоге редких книг, изданном в 1747 г. Иоганном Фогтом в Гамбурге, удалось найти упоминание о Валле.

---

[13] Menagiana, vol. IV, Paris, 1729, p. 311.

[14] Mémoires de littérature. A La Haye, 1716, vol. I, p. 224.

[15] Observationum selectarum ad rem litterariam spectantium tomus X. Halae Mardeburgicae Anno 1705, p. 204, 218.

Но у Фогта речь шла о нашем тексте: он прямо указывал, что в книге не было речей паписта, католика и проч. Более того, Фогт напечатал даже два отрывка из Бича веры — и оба они есть в нашей рукописи на стр. 263—264 и 310—313. Интересно отметить, что Фогт приводил это сочинение под латинским и под французским заглавиями. В подтверждение своих слов Фогт ссылался на несколько изданий. Одно из них, наконец, привело нас к разгадке всей этой мистификации.

Книга эта называлась «Летние досуги Петера Фридриха Арпе, или история его сочинений. Книга единственная. В Гамбурге, в 1726 году» [16].

Автор этой латинской книги в 1717—1724 гг. был профессором публичного и германского права в Кильском университете. В «Летних досугах» он подробно описывал все свои сочинения, как опубликованные, так и оставшиеся в рукописях. Могло показаться, что целью автора было привлечь к себе внимание читающей публики, но в действительности «Летние досуги» были просто приемом для распространения вольнодумства, о чем пойдет речь ниже.

Памфлету Жоффруа Валле Арпе посвятил две страницы. Он не скрывал, что знаком с сочинениями Ламоннэ, Саленгра и Бейля. Разумеется, для отвода глаз Арпе писал, что книга Валле совершенно непозволительна для чтения. Далее он рассказывал, что однажды ему среди бумаг попалась подобная книжка, но, — продолжал он, я не нашел в ней речей паписта, кальвиниста, фанатика и т. д. (а у Саленгра, которого Арпе знал, было ясно сказано, что́ представляло собой истинное сочинение Валле! — *К. М.*); возможно, продолжал Арпе, что найденная книга похожа на тот Кимвал мира, о котором упоминал Рейман в своей истории атеизма, отличный от изданного в 1711 г. Проспером Маршаном в Амстердаме. После этого Арпе поместил цитату из «найденной» им книги (совпадающую с нашей рукописью, см. стр. 7): «Я объявляю, что лишь желание познать истину вложило мне в руки перо». Эта многозначительная фраза должна была, вероятно, привлечь интерес читателя к «вновь найденному» произведению [17]. Попробуем объяснить, что́ скрывалось за намеками Арпе. Кимвал мира — это известное произведение французского гуманиста Б. Деперье, ядовитая сатира на религиозно-догматические споры между католиками и протестантами XVI в. Книга Деперье, анонимно напечатанная в 1537 г. в Париже, была сожжена властями и в дальнейшем постоянно упоминалась как атеистическая. Но, как сообщал Якоб Фридрих Рейман (основоположник истории немецкой литературы), в Германии в XVII в. был распространен другой Кимвал мира, написанный по-латыни (Кимвал мира, или

[16] Vogt J. Catalogus historico-criticus librorum rariorum. Hamburgi, 1747, p. 695—696. Petri Friderici Arpi Feriae aestivales, s've scriptorum suorum historia. Liber singularis. Hamburgi, 1726 (далее — Feriae aestivales).

Пользуемся случаем принести искреннюю признательность главному библиотекарю отдела рукописей Гос. публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде Т. П. Вороновой за любезную присылку выписок о Валле из книги Арпе.

[17] Feriae aestivales, p. 124—125.

основательное учение о боге, духах, вселенной, религии, о добре и зле, противопоставленное языческому и христианскому суеверию). Это сочинение неизвестного автора трактовало о боге, духах, вселенной и религии; в нем доказывалось, что все существующее зло ведет свое начало от королей и священников, что государство с помощью религии отнимает у человека свободу, свойственную естественному состоянию и т. д. Рейман относил этот Кимвал к произведениям атеистическим [18]. По мнению позднейших исследователей, этот Кимвал мира был немецкого происхождения [19]. Известный историк атеизма Ф. Маутнер считает этот апокрифический Кимвал мира произведением определенно атеистическим [20]. Судя по заглавию, оно преследовало просветительские цели.

Весьма вероятно, что упоминание о двух Кимвалах — подлинном французском и латинском апокрифическом — и об истории атеизма Реймана нужно было Арпе для того, чтобы читатель понял, что и Бич веры — тоже произведение апокрифическое.

Упоминание о новом издании Кимвала мира Деперье, выпущенном Маршаном в Голландии, должно было означать, что Арпе видел и читал его.

Известно, что Деперье во вступлении к своей сатире писал, будто бы он нашел в одной монастырской библиотеке старинную латинскую рукопись, перевел ее на французский язык и решился напечатать [21]. Несомненно, что Деперье прибег к этому для того, чтобы отвести от себя упрек в авторстве столь опасной книги.

Невольно возникает подозрение, а не Арпе ли был автором апокрифического Бича веры (назовем его так)? Не хотел ли он рассказом о находке, по примеру Деперье, несколько завуалировать свое авторство? Предположение это представляется вполне вероятным, во-первых, потому, что рассказ «о находке» Арпе поместил в книгу об истории своих собственных сочинений; во-вторых, многозначительной фразой о поисках истины Арпе как бы намекал читателю о мотивах, по которым он взялся за написание такого рискованного сочинения (для отвода глаз Арпе задавал вопрос о судьбе автора — не попал ли он на костер, в пасть льва или на каторгу; что касается до Валле, то его ведь сожгли, и это было Арпе хорошо известно! — *К. М.*).

Помимо Кимвала мира существовали и другие атеистические апокрифы. Мы имеем в виду два разных текста «О трех обманщиках»: латинский, опубликованный в 1753 г. в Вене Штраубе, и французский, иначе называемый «Спиноза II», впервые изданный в Гааге в 1719 г.

Здесь нет возможности подробно пересказывать историю обоих одноименных сочинений. Штраубе издал латинскую рукопись под названием «Краткое рассуждение о религиозном обмане», написанную в Германии в конце XVII в. Напомним, что Ламоннэ в

---

[18] Jac. Frid. Reimmanni historia universalis Atheismi et atheorum falso et merito suspectorum. Hildesiae, 1725, p. 387—389.

[19] Dunin-Borkowski v. S. Der junge De Spinoza. Münster, 1933, S. 488—489.

[20] Mauthner F. Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande. Bd. II. Berlin u. Stuttgart, 1923, S. 182—183.

[21] Деперье Б. Кимвал мира. Новые забавы. М., Academia, 1936, стр. 3.

1715 г. решительно отрицал существование книги «О трех обманщиках». И вдруг в следующем, 1716 г., в Голландии появляется Ответ Ламоннэ (Réponse à la Dissertation de Mr de la Monnoye sur le Traité «De tribus impostoribus»)[22]. Анонимный автор Ответа рассказывал, будто бы он в 1706 г. был проездом во Франкфурте-на-Майне. Зайдя с двумя друзьями в книжную лавку, он встретил там офицера, продававшего старинную латинскую рукопись. Один из друзей автора, по имени Фрехт (теолог), заглянув в рукопись, тут же понял, что перед ним знаменитая книга «О трех обманщиках». Друзья упросили офицера дать им рукопись на три дня. За это время они перевели ее на французский язык, так как поклялись офицеру не снимать с нее копий! Чтобы окончательно уверить читателя в истинности своих слов, анонимный автор приводил даже названия глав найденной им книги, из чего можно заключить, что в 1716 г. описываемое им произведение уже существовало. Изданное в 1719 г., оно было тут же уничтожено властями. Текст его был французский, названия глав совпадали с теми, что были указаны в анонимном Ответе Ламоннэ. Уничтоженная книга в издании 1719 г. называлась Esprit de Mr Benoit Spinoza (Дух Бенедикта Спинозы), в течение всего XVIII в. она несколько раз переиздавалась, а также циркулировала в рукописях под именем «Трактата о трех обманщиках»[23]. У Вольтера было издание 1768 г., он считал эту книгу опасной[24].

«Спиноза II» был боевым антирелигиозным памфлетом. Он провозглашал, что бог — это только природа, или совокупность всех существ[25], что священные книги евреев и христан содержат сверхъестественные вещи; основателей иудаизма, христианства и ислама он объявлял хитрыми и ловкими обманщиками.

Знакомство с биографией автора «Летних досугов», как ни скудны и противоречивы собранные нами сведения, только укрепляет в предположении, что он мог быть автором апокрифического Бича веры.

Арпе родился в Киле в 1682 г. в семье сенатора. И. П. Воронцын почему-то считал его французом[26], а Сильвен Марешаль в Словаре атеистов назвал его Рарпе[27]. Арпе учился в гимназии в Люнебурге, потом в Кильском университете. По окончании курса служил в качестве воспитателя в аристократических семействах, путешествовал со своими воспитанниками, одного из них сопровождал в Вольфенбюттель, позднее жил по нескольку лет в Копенгагене и в Голландии, где издавна находили приют вольнодумцы со всех концов Европы. В 1716 г. (а по другим сведениям — в 1717 г.) Арпе был приглашен в Кильский университет читать публичное и германское право. Но профессорская карьера его оказалась недолгой; в 1724 г. он был уволен без отставки. Ему стави-

[22] Опубл. в кн.: Genthe F. W. De impostura religionum breve compendium, p. 30—40.

[23] См.: О трех обманщиках. М., «Атеист», 1930, стр. 42—43.

[24] Библиотека Вольтера. Каталог книг. М.—Л., 1961, стр. 834.

[25] О трех обманщиках, стр. 77 (§ 11), 93 (§ 2).

[26] Там же, стр. 44.

[27] Maréchal P. S. Dictionnaire des athées anciens et modernes. Paris, 1853, p. 241.

лись в вину частые отлучки и разъезды, ссоры (будто бы он постоянно подливал масло в огонь во всяких раздорах). Оставив преподавание, Арпе переселился в Гамбург; одно время был на службе у герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского, а позднее — Мекленбургского [28]. Умер он, по одним сведениям, в 1740 г. в Шверине, по другим — в 1748 г. в Гамбурге.

Петер Фридрих Арпе оставил после себя несколько книг, изданных по-латыни, по вопросам права и философии [29]. Как показывают его сочинения, Арпе был широко образованным человеком, он хорошо знал античных классиков, средневековую и современную ему литературу. Среди рукописей Кильской университетской библиотеки сохранилось еще одно сочинение (по-немецки) Арпе — Verwirrte Cimbrien (история Шлезвиг-гольштейнского герцогского двора, частично опубликованная в 1774 г.) [30].

Известно, что Арпе был в дружеских отношениях с И. Л. Мосгеймом и Захарией Конрадом фон Уффенбахом из Франкфурта-на-Майне.

Известный лютеранский богослов Иоганн Лоренц Мосгейм (1694—1755) родился в Любеке и учился в Кильском университете, позднее был профессором в Гельмштедте и Гёттингене. Мосгейм боролся с распространением деизма в Германии, выступал против Толанда. Вместе с тем, Мосгейм был широко образованным человеком, чуждым религиозной нетерпимости. Возможно, что в молодости Мосгейм испытал влияние Г. Арнольда (автор «беспристрастной» истории ересей держался того мнения, что христианская церковь с IV в. погрязла в пороках и что истинными христианами были лишь еретики), так как он много занимался изучением ересей. В юности Мосгейм намеревался написать историю произведений человеческой мысли, уничтоженных по приказу властей. Намерение это не осуществилось [31], но у него было 7 рукописей на французском и латинском языках, близких по содержанию к книге «О трех обманщиках» [32]. Мосгейм уже в зрелые годы написал две книги о Сервете.

---

[28] Ratjen H. Verzeichniss der Handschriften der Kieler Universitätsbibliothek. Bd. 1. Kiel, 1858, S. 158—159.

[29] 1) Disputatio juridica de feriis et dilationibus. Kilonii, 1702; 2) Apologia pro Jul. Caesare Vanino, Neapolitano. Cosmopoli, typis Philaletheis. MDCCXII; 3) Theatrum fati sive notitia scriptorum de providentia. Roterodami, 1712; 4) Pyrrho, sive de duvia et incerta historiae et historicorum veterum fide Argumentum. Kiliae (ed. 1711 et 1716); 5) De prodigiosis naturae et artis operibus talismanes et amuleta dictis, cum recensione scriptorum huius argumenti. Liber singularis. Hamburgi, 1717; 6) Laicus veritatis index, sive de iure laicorum, praecipue Germanorum in promovendo religionis negotio. Kiell (ed. 1717 et 1720); 7) Feriae aestivales, sive scriptorum suorum historia. Liber singularis. Hamburgi, 1726; 8) Themis cimbrica, sive de Cimbrorum et vicinarum gentium antiquissimis institutis commentarius. Hamburgi, 1737.

[30] Geschichte des Herzoglich Schleswig—Holstein—Gottorfischen Hofes und dessen vornehmsten Staats-Bedienten, unter der Regierung Herzog Friedrichs IV und dessen Sohnes Herzog Carl Friedrichs, mit geheimen Anecdoten zur Erläuterung der Schleswig-Holsteinischen Historie besonders als der Nordischen Begebenheiten überhaupt. Frankfurt und Leipzig, 1774.

[31] Mosheim J. L. v. Anderweitiger Versuch einer vollständigen und unpartheyischen Ketzergesehichte. Helmst., 1748, S. 5.

[32] Mosheim J. L. v. Die Geschichte der Feinde der christlichen Religion. Dresden, 1783, S. 127.

Захария Конрад фон Уффенбах (1683—1734) происходил из семьи известного франкфуртского медика XVII в. Петера Уффенбаха. Захария Конрад учился в Страсбурге и Галле, в 1702 г. получил степень доктора прав; несколько лет путешествовал по Германии, Англии и Голландии, собирая редкие книги и рукописи. В 1711 г. вернулся во Франкфурт-на-Майне; вскоре был назначен сенатором, потом был избран в бургомистры. Большая и чрезвычайно ценная библиотека Уффенбаха послужила одному из его друзей И. Г. Шельхорну материалом для сочинения «Amoenitates literariae»[33]. Тот же Шельхорн издал переписку Уффенбаха. Как видно из нее, письма Арпе и Уффенбаха были связаны с атеистическим сочинением «О трех обманщиках»[34].

Но вернемся к Арпе. В 1712 г. он анонимно выпустил в Роттердаме Апологию Ванини[35]. Книга вызвала большой шум, и имя автора вскоре стало известно.

Основываясь на «благочестивых», но совершенно формальных высказываниях Ванини о том, что он якобы был верным сыном католической церкви, Арпе доказывал, что философ не был атеистом и, следовательно, был казнен несправедливо.

Джулио Чезаре Ванини (1585—1619) подобно Валле был казнен как атеист. Формально Ванини порицал атеизм, но широко цитировал сочинения атеистов античности и средневековья якобы для опровержения их взглядов. Маркс отмечал, что это была умело замаскированная атеистическая пропаганда[36].

Книги Ванини были сожжены и запрещены церковью.

Церковники, а иезуиты в особенности, не жалели усилий, чтобы очернить казненного философа-атеиста.

Однако передовые ученые и мыслители XVII в. выступали в защиту Джулио Чезаре Ванини. Декарт писал, что Ванини был осужден за частные действия и речи, а не за атеизм[37]. Пьер Бейль в 1682 г. упомянул Ванини как стойкого и убежденного борца за свои убеждения, мученика атеизма[38]. В 1683 г. Лейбниц высказался в том смысле, что казнь Ванини противоречит естественному праву, что нельзя наказывать человека за его взгляды и за действия, вытекающие из них[39].

Для доказательства своих мыслей Арпе разбирает одно за другим все предъявленные философу обвинения. Поэтому его прием надо по существу понимать как новую пропаганду взглядов самого Ванини! Неудивительно, что после появления Апологии Арпе стал общепризнанным вольнодумцем.

Основным пунктом обвинения было то, что Ванини не признавал бога (Ванини, на вопрос, что такое бог, отвечал своему собе-

---

[33] Schellhorn J. G. Amoenitates litterariae. Frankfurt u. Leipzig, 1725—1734, t. 1—14.

[34] Presser J. Das Buch „De tribus impostoribus". Amsterdam, 1926, S. 113—114 далее (— Presser); Genthe, SS. 17—18.

[35] Apologia pro Jul. Caesare Vanino, Neapolitano. Cosmopoli, typis Philaletheis MDCCXII (далее — Apologia).

[36] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, стр. 178.

[37] Descartes R. Oeuvres, publ. par V. Cousin, t. 11. Paris, 1826, p. 176—185.

[38] Bayle P. Pensées diverses sur la comète. Paris, 1912, t. II, p. 135—141.

[39] Leibniz G. W. Philosophischer Briefwecksel. Bd. 1. 1663—1685. Darmstadt, 1926, S. 535.

соднику, что если бы он знал это, то сам был бы богом [40]). Арпе возражал на это, утверждая, что познание бога превышает человеческий разум [41]. Далее, суд обвинял философа в том, что он своими богохульными разговорами вновь возбудил толки по поводу нечестивой книги «О трех обманщиках». Но ведь она не существует, это призрак, химера, отвечал Арпе и тут же демонстрировал перед читателями свою эрудицию в этой области! [42]. Суд ставил Ванини в вину цитирование мыслей атеистов; действительно, он цитировал их, но только для того, чтобы всем было ясно, насколько вредны их писания. Тут же Арпе с серьезным видом уверял, что Ванини якобы искал новые опровержения писаний атеистов, потому что прежние (т. е. богословские. — *К. М.*) он считал достаточно известными! Поистине, Арпе любил и умел подливать масло в огонь! Ванини называл природу богиней; да, но лишь образно. В таком же стиле Арпе разделывался и с остальными обвинениями в адрес Ванини [43].

Современники прекрасно поняли, по чьим стопам шел автор Апологии. В одном ученом немецком журнале было высказано мнение, что Арпе выказал себя больше декламатором, чем историком, больше адвокатом, чем судьей [44]. Лейбниц писал, что не придает Апологии серьезного значения [45].

Однако Апология заставила иезуитов взяться за опровержение. В 1717 г. Давид Дюран выпустил целую книгу против Ванини. Основательно проштудировав сочинения философа-атеиста, Дюран вернулся в своей оценке их к прежним выводам церковников. Об Апологии Ванини иезуит выразился небрежно, а автора (он не называл его по имени, может быть, для того, чтобы не привлекать к нему внимания?) назвал ученым человеком, который почему-то обратил свое внимание на пустяки. Дюран отлично понимал, что Арпе, защищая Ванини, следовал за Бейлем, поэтому иезуит не пожалел усилий, чтобы «доказать» несостоятельность утверждений Бейля о героической смерти Ванини [46].

Невысоко расценили Апологию Ванини Е. В. Тарле и В. И. Рутенбург [47], упустив из вида, что Арпе просто использовал своеобразный прием для распространения вольнодумства. Но и после выступления Дюрана Арпе стоял на своем. В 1717—1718 гг. он распустил слухи о желании переиздать Апологию с примечаниями и даже опубликовать протоколы процесса Ванини, доставленные ему якобы каким-то адвокатом из Тулузы. Издание в свет не появилось. Возможно, что это была еще одна выходка Арпе; исследовате-

---

[40] Oeuvres philosophiques de Vanini, traduites pour la premiére fois par X. Rousselot. Paris, 1842, p. 227.

[41] Apologia, p. 33, 106.

[42] Jbid., p. 42—43, 106—108.

[43] Jbid, p. 107.

[44] „Acta Eruditorum Lipsiensium", 1713 (цит. в кн.: J. Presser, S. 159).

[45] Leibniz G. W. Epistolae ad diversos. T. I. Lips., 1734, p. 310.

[46] Durand D. La vie et les sentiments de Lucilio Vanini. Rotterdam, 1717, p. 213—219.

[47] Тарле Е. Джулио Ванини. — «Мир божий», 1900, № 5, стр. 22; Рутенбург В. И. Великий итальянский атеист Ванини. М., 1959, стр. 103.

ли считают, что все материалы процесса Ванини были сожжены в Тулузе в 1619 г. [48].

Позднее Арпе писал, что он вовсе не имел в виду оправдывать Ванини (значит, он понимал, что Ванини — атеист!), но что он руководствовался только служением истине и желанием оказать услугу человечеству в борьбе против суеверий.

Не приходится удивляться, что когда в 1716 г. в Голландии появился Ответ на Диссертацию Ламоннэ, с утверждением, что книга «О трех обманщиках» существует, то стали говорить, что автором Ответа был Арпе. Так, Лейбниц определенно писал М. Вейсьеру де Лакрозу, что Арпе (он в это время был в Лейдене) — автор анонимного Ответа [49]. А через два года Лакроз в письме к канцлеру Мосгейму спрашивал даже, правда ли, что Арпе написал французский апокрифический «Трактат о трех обманщиках» [50].

Нам важно здесь отметить, что в представлении современников автор Апологии Ванини мог быть автором Ответа Ламоннэ. Зато определенно известно, что Ответ на Диссертацию Ламоннэ был своего рода маневром. Дело в том, что атеистическая рукопись De impostura religionum breve compendium (Краткое рассуждение об обмане религий) была продана в 1716 г. некиим Майером за очень высокую по тем временам цену. Почти в то же время появился Ответ на Диссертацию Ламоннэ. Поэтому у исследователей возникло предположение — не был ли Ответ опубликован просто для рекламы проданного атеистического трактата [51]. Между прочим, у Арпе, утверждавшего в Апологии Ванини, что книга «О трех обманщиках» — химера, был свой собственный список De impostura religionum [52]; к сожалению, справочники не указывают года изготовления этого списка. Как бы там ни было, но библиофил Уффенбах считал Арпе авторитетом в этом вопросе и спрашивал его летом 1728 г., нет ли где-нибудь в голштинских библиотеках книги «О трех обманщиках» [53].

Итак, автор Апологии Ванини был несомненный вольнодумец, и молва приписывала ему Ответ на Диссертацию Ламоннэ. Почему же не допустить, что он мог написать еще одно вольнодумное сочинение? Ведь «находка» была сделана при очень подозрительных обстоятельствах!

Наша рукопись открывается Предисловием (Préface, стр. 1), излагающим цели сочинения; о себе автор заявляет, будто бы он француз, католик, и родился во Франции (стр. 8, 9).

Лежащее перед нами произведение не содержит никаких упоминаний об исторических событиях. Это совершенно отвлеченное философское рассуждение о человеческом разуме, о природе и месте в ней человека, о нормах его поведения. Природа и общество рассматриваются человеческими глазами. Автор начинает с вопроса о том, что такое разум (стр. 1—48), с помощью разума он

---

[48] Рутенбург. Цит. соч., стр. 98.
[49] Leibniz Epistolae, t. I, p. 443—444.
[50] Thesauri epistolici Lacroziani tomus III. Lipsiae, 1746, p. 206.
[51] Presser, S. 96, 110.
[52] „Serapeum", 1870, Bd. 31, S. 341.
[53] Цит. в кн.: Presser, S. 113—114; Von den drei Betrügern. Berlin, 1960, S. 22.

опровергает фантастические утверждения о боге — первопричине мира (стр. 48—187); вскрывает противоречия и нелепости библии (стр. 187—243), после чего переходит к вопросу — в чем же счастье человека (стр. 243—313). В ходе рассуждений автор останавливается на причинах возникновения религий, роли их в обществе, тесной связи их с воспитанием, касается вопросов о свободе воли, инстинкте самосохранения и др.

Апокрифический Бич веры представляет собой сложный комплекс идей, заимствованных автором у разных мыслителей для борьбы против всякой положительной религии и схоластической науки. Внимательное чтение апокрифа позволяет обнаружить близость его к обоим трактатам «О трех обманщиках».

Автор рассуждает следующим образом: если счастье человека зависит от веры в бога, то прежде всего следует установить — во что нужно верить, а во что — нет. Как подобает человеку XVIII столетия, он стремится только к истине, это заставляет его отвергнуть воображаемое счастье, которое сулит религия. Вспомним, что лишь стремление к истине заставило его взяться за перо! (стр. 7). Как и следует рационалисту, он хочет избрать себе веру посредством размышления (стр. 10), но скоро убеждается, что это невозможно.

Размышляя об язычестве, иудействе, христианстве и магометанстве, наш автор заключает, что все они охотно выставляют свои чудеса, своих мучеников, свою традицию, древность и свой культ. А сколько глупости, низости, разврата и безумия творили сектанты, и всегда у них находились защитники! Но ни одна религия не может избежать своего конца.

Какую же религию избрать, если в любой есть хорошее и дурное, ложное и правдоподобное, низкое и возвышенное, в каждой — басни и плутовство, ложные чудеса и мученики, словом, во всех религиях автор видит лишь человеческое; любая прибегает к слепой вере, чтобы утвердить нужные ей порядки; он так и пишет, что религиозная мораль необходима обществу (стр. 16). Но если всякая религия твердит, что она истинна, то какая же истинна в действительности? Поэтому наш автор решает оставаться нейтральным; самая разумная позиция — воздержаться от суждения.

В этих затруднительных обстоятельствах помочь может лишь разум; он может оправдать нашу нерешительность. Но и разум подвержен заблуждениям: часто мы верим во что-то определенное, например, что дважды два — четыре, и нередко узнаем, что это не так. В качестве примера автор ссылается на троицу!

Наши чувства, продолжает он, единственные господа наших знаний, без них разум не получает ничего. Но существуют вещи, о которых мы ничего не знаем. С другой стороны, мы можем вообразить себе множество существ, которых нет на самом деле. Разум не может постичь бога. Раз человек может представить себе бога только в образе человека, значит не разум — продукт божества, а наоборот — божество есть продукт разума. Так читатель наталкивался на мысль, что бог — выдумка, хотя автор пока и не говорил этого. Если бога нет, то всякое поклонение ему бесполезно, от какой бы религии оно ни исходило (стр. 67 и 68).

Сильнейшим доводом разума служит повторение опыта (стр. 43—44); вот в чем причина основательных знаний математиков. Но разум хрупок, ведь страсти, темперамент, время года и т. п. могут искажать свидетельства чувств; что же тогда достоверно, если даже разум — основа всякого знания — оказывается недостоверным? (стр. 45). Тогда единственно разумно ни к кому и ни к чему не присоединяться, сомневаться во всем, кто не знает сомнений, тот ничего не знает (стр. 47—48). Ведь чувства не дают нам определенного ответа на вопрос — есть ли бог, бессмертна ли душа и т. д., поэтому мы и должны воздерживаться от суждения, это сомнение вложено в нас природой! В другом месте автор говорит еще яснее: хотя наши чувства и дают разуму некоторую уверенность, но они помогают ему лучше судить о материальных предметах, нежели о духовных, превосходящих человеческий разум (стр. 38). И только те познания достоверны, в основе которых лежат свидетельства чувств (там же).

Эта мысль в разных вариантах повторяется несколько раз (сочинение вообще изобилует повторениями и длиннотами). Отправляясь от этого положения, автор формулирует свои взгляды на природу. При помощи чувств человек замечает вокруг себя множество живых существ, находящихся в постоянном движении (стр. 79); каждое трудится, испытывает сильное возбуждение. Вот две вещи, познаваемые чувствами: материя и движение материи, существо и движение его (стр. 80).

Назовите, продолжает автор, это движение как угодно — душой, жизнью, разумом, страданием, духом, изменчивостью — все эти названия кажутся мне неудачными; я не знаю, присуще ли существам это движение, или оно сообщено им кем-то со стороны, но я вижу, что они приходят в движение сами по себе; тем же, что кажутся находящимися в покое, на самом деле присуще внутреннее движение (стр. 80). Я вижу совершенство природы, но не знаю, кто вдохнул в нее жизнь (стр. 70), я вижу вокруг животных, моих собратьев, но не знаю, есть ли у них душа, разум? (стр. 71). Наконец, если все вместе и есть бог, называемый вами природой, первым принципом, всем, всевышним, — говорит автор, — то он так и остается лишь общим определением (стр. 75). Все определения, даваемые первому принципу, истинны, но какое же истинно в действительности? — спрашивает он, сопоставляя разные определения бога (стр. 78). Нельзя, продолжает он, менее неясно, расплывчато и непонятно определить это божественное нечто.

Не должен ли я рассуждать прежде о том, что я вижу и не ведать о том, чего не вижу, восклицает автор; я смотрю на живущие на земле существа, но не знаю, откуда они, от бога или сами по себе, я знаю только об их движении, но имеет ли оно причину? (стр. 82). Ничто не остается без изменений, но ничто не кончается и не превращается в ничто, откуда ничто не исходит, все исходит из чего-то, и эта изменчивость будет существовать вечно. Почему же люди хотят, чтобы мир исходил из ничего, которого я не видел? Почем я знаю — что такое ничто? (стр. 83). Чувства свидетельствуют мне, что среди всех существ вселенной, как и во мне самом, продолжает автор, господствует порядок (стр. 85), но откуда я знаю, не был ли он придуман разумом? (стр. 87). Вот тут-то, по

мнению автора, и открывается возможность для всяких домыслов и предрассудков (стр. 91); поэтому при выборе божества люди и отказались от свидетельства чувств, вот так и было выдумано существо, отделенное от материи, названное духом. Так человек сделал себе бога по своей фантазии; при этом он лишил себя преимуществ, которыми обладают животные, он лишился возможности судить обо всем здраво, его лишили чувств и разума для того, чтобы сделать из него раба и подданного (стр. 93).

Но раз люди полагают, что есть духовное существо, продолжает автор, то как понять связь духа и тела? Где будет находиться дух? Что будет заключать его в себе, если он — ничто? (стр. 94). Поэтому и душа — частица этого великого ничто, превосходит наше понимание; но ведь наши чувства свидетельствуют, что мы существуем, хотя они и не говорят нам — что мы суть на самом деле (стр. 95). Отсюда автор последовательно заключает, что и бессмертие души — тоже выдумка (стр. 97—99).

Признавая материю и ее движение (изменения), наш автор, однако, не считает их познаваемыми. Мы познаем, утверждает он, только внутреннее впечатление, которое предметы производят в нас (стр. 32). Отсюда он делает свой основной вывод, что наш разум находится в неведении, поэтому и нужно воздерживаться от суждения, ибо таким человека создала природа. Это — агностицизм, который Энгельс характеризовал как стыдливый материализм. «Весь естественный мир управляется законами и абсолютно исключает всякое воздействие извне. Но — предусмотрительно добавляет агностик — мы не в состоянии доказать существование или несуществование какого-либо высшего существа вне известного нам мира» [54].

Для того чтобы сказать, что не существует загробного наказания, наш автор довольно много рассуждает об естественном конце всего живого. Смерть, утверждает он, только конец существа, это— всего лишь перемена (стр. 100—102). Чувства свидетельствуют нам только об изменениях, а не о творении, все существующее было чем-то, не было начала бытия, а были только изменения (стр. 105). Только опыт — знание, он заставляет нас предполагать, что все изменяется, все существовало от века и не имело начала (стр. 106). Разум не может ни отвергнуть вечность, ни постичь ничто без начала; он стремится связать одно с другим и утешает себя тем, что дает вечное существование духовному существу (стр. 107) и делает его началом всей природы, которая только и может быть вечной (стр. 108). Человека автор рассматривает как часть природы (стр. 115). Общество, по его мнению, исказило, испортило его натуру. Посредством воспитания ребенку с детства прививают предрассудки, ему внушаются под руководством воспитателей представления, нужные обществу (стр. 112). В угоду обществу человек начинает верить в то, о чем его чувства не говорят ему ничего. Суждения заменяют собой показания чувств, а это нам запрещено природой (стр. 168).

Как для человека, так и для животных благом являются здоровье и покой (стр. 132); но животные гораздо лучше пользуются

[54] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, стр. 302—303.

этим благом, потому что дурное воспитание — этот воображаемый разум, вредит человеку. Ведь представления о добре и зле, о счастье и несчастье формируются у ребенка воспитанием (стр. 151); то, что хвалят, мы считаем добродетелью и т. д. Если бы с помощью чувств можно было восстановить истинную природу человека, во что превратились бы идеи счастья и добродетели, славы, истины, справедливости, преступления, порока и т. п., существующие лишь во мнении, но не в природе, ведь это пустые призраки, порожденные фантазией в мозгу человека, это ложное благо и воображаемое зло, выдуманные для того, чтобы установить гражданский порядок (в подлиннике police), с трудом поддерживаемый законами (стр. 135—136). Это видимое, ощутимое зло, продолжает автор, угрожающее человеку на земле или в загробном мире несчастьями, боязнь наказания — это только действие предубеждения (стр. 156).

Воспитание, продолжает автор, делает нас чувствительными к общему мнению, вот откуда тирания человеческого суждения (стр. 158—160). Воспитание заставляет нас принимать определенную точку зрения, т. е. делать то, что нам запрещено природой (стр. 117).

Всякое живое существо стремится продлить свою жизнь, сохранить себя (то, что мы бы назвали инстинктом самосохранения, автор называет amour propre). И вот здесь ставится очень важный вопрос: не есть ли бог вселенной, т. е. причина действий всего живого, именно это желание сохраниться, продлить свое существование, не разум ли это? (стр. 138—139). Стремление сохранить себя приводит к господству силы, поэтому у людей оно кажется противным общежитию (insociable; стр. 114). Вот тогда для равновесия и было введено общее согласие, соблюдаемое под страхом наказания; для этого и был выдуман бог всеведущий, но невидимый (стр. 143). Общественные законы были бы без него нарушены, им необходима столь прочная опора. Так страх перед злом и стремление к благу породили идею бога и бессмертия души (стр. 144).

И если христианская религия — основа морали, а ложность основанной на силе морали автор только что показал, то и религию он подвергает резкой, уничтожающей критике. С позиций разума он отрицает всякую положительную религию, личного бога, бессмертие души, священное писание и священное предание, мораль, воспитание, теологию и схоластическую науку (стр. 248), сосредоточив весь огонь критики против христианства, главным образом, против католицизма. Основное в христианстве, по мнению автора, это — свойство покоряться, оно устанавливает власть государей и порабощение, вплоть до любви к тиранам (стр. 185). Не мудрено, что оно так широко распространилось, хотя и разделилось на секты (ислам он тоже относит к разновидностям христианства). В основе христианства — ничто, обман Моисея, хитрыми выдумками создавшего иудейство (стр. 187 и след). Моисей же выдумал священную книгу, источник еврейской и христианской религии (стр. 200), но она наполнена рассказами, которым трудно верить, неизвестно, была ли она написана при Моисее; может быть, это просто сказка, которую по невежеству стали считать за истину (стр. 203)? Разве люди не верят в чудеса (стр. 204)? Чудеса могут совершать обманщики, разве я должен им верить? — восклицает

автор. Могут спросить, верю ли я в существование Рима, ведь я там не был, а только слышал о нем от людей, там побывавших. Но ведь им нет смысла меня обманывать, другое дело — чудеса Моисея, многозначительно пишет автор.

Пророчества не могут служить доказательством божественной природы Христа (стр. 229). Сам Христос мог ошибаться и обманывать других. Возникновение учения Христа объясняется внутренними причинами, ослабившими религию Моисея (стр. 231). Дальше наш автор не углубляется, предоставляя ученым спорить о сменах религий, пусть они исследуют, являются ли священные книги источником религий (стр. 232). Эти книги породили миллионы толкований, но которое из них истинно? Ведь сражаются часто из-за одних определений, теология рождает споры, вместо того, чтобы вносить согласие (стр. 241). Наука чинит препятствия знанию, если мы что-то знаем, то только от других, наша память знает много, а ум — ничего (стр. 244).

Так в чем же «блаженство христианина»? Как отвечает автор на этот вопрос, если он полностью отвергает религиозную точку зрения?

Нет другого счастья кроме того, которым мы пользуемся на земле (стр. 3), утверждает автор.

Несправедливость окружающего его общества автор критикует, правда, в очень отвлеченной форме. Он предлагает всего лишь вернуться назад к природе! Если бы, говорит он, можно было восстановить первоначальную природу человека, то во что бы превратились идеи счастья и добродетели, славы, истины, справедливости, преступления, порока и т. д.? Чтобы не делать другому того, чего каждый человек не желал бы себе сам, продолжает он, для этого и был выдуман бог.

Чем же должен руководствоваться в своих действиях человек, если бог и бессмертие души сомнительны, если не существует загробного наказания? Автор отвечает: сомневаться, не знать, не спорить, не пытаться ничего познать или спорить, ничего не определяя (стр. 249). И снова он возвращается к своему излюбленному воздержанию от суждения; оно-то и будет исканием истины, это — лишь простая склонность и стремление к ней (стр. 257). Воздерживающийся от суждения ищет истину, поэтому он готов держаться любой религии, лишь бы она была доброй (стр. 258). Да и воздержание от суждения само по себе уже есть общая религия; это— послушание всему, что будет истинно, это — готовность ко всем впечатлениям, наконец, это — верование, жаждущее своего объекта с уважением и искренностью (стр. 259).

На стр. 263—264 мы находим один из отрывков, опубликованных Фогтом в 1747 г., утверждавшим, что это начальный текст Бича веры Жоффруа Валле [55].

Без всякого сомнения, Фогт был осведомлен об истинном характере апокрифа. Как показывает Каталог, Фогту была известна рецензия на «Летние досуги» Арпе, указывавшая на близость «Валле» к книге спинозиста Штоша [56]. Поэтому Фогт заявил, что его текст отличается от текста, «найденного» Арпе. И Фогт вышел из

[55] Vogt, p. 695—696.

[56] „Deutsche Acta Eruditorum", t. XI. Leipzig, 1727, S. 190.

затруднительного положения: опустив три четверти апокрифа, где автор развивает свои более чем рискованные для того времени мысли о боге и природе, он напечатал два довольно безобидных на вид отрывка, из которых читатели, однако, довольно легко могли понять, что предлагаемое им сочинение обосновывает свободу человеческой мысли. Первый отрывок (в рукописи см. стр. 263—264) начинается словами: «...суждения и любовь свободны, их нельзя ни заковать в цепи, ни заключить в тюрьму...» Отрывок второй (на этот раз Фогт действительно опубликовал заключительную часть рукописи, но, разумеется, без латинской приписки, см. стр. 310—313) содержал весьма прозрачные намеки на отрицание загробного наказания, на призыв во всем следовать природе.

Так я и умру, заключает наш автор свое сочинение, без гримас, спокойно, стремясь к скрытой истине, поэтому не будем спорить, будем жить спокойно, не ведая ни о чем [57].

Автор приходил к выводу, что воздержание от суждения станет основой новой морали, взамен христианской, фактически оправдывающей силу.

На атеистов наш автор смотрит неодобрительно (стр. 266), видя в них людей безнравственных, лишенных каких-либо гражданских достоинств.

Я буду творить добро, говорит автор, будут добродетелен, искренен, справедлив, буду удаляться от исхоженных троп, свою пользу и выгоду я принесу в жертву обществу (стр. 268—269); религии, законам и предрассудкам, я буду следовать без уверенности и рвения (стр. 270). Без религии и без неверия, мятежник без мятежа, я останусь таким, каким создала меня природа, я буду спокойно ждать своего конца, не сожалея о смерти, избежать которой я не могу (стр. 284). Мои дни протекут среди добра и вдали от зла; избегая страданий, я буду жить без честолюбия и не буду делать ничего противоречащего природе, я создам себе радостное спокойствие, избегая всяких крайностей (стр. 256). Я буду уважать основной закон общества — делать другому то, что хотел бы, чтобы делали мне (стр. 288), и не причинять ближнему того, чего он не желает, и это будет правильно понятый инстинкт самосохранения, это значит хорошо рассуждать, правильно истолковывать природу.

Вся мораль, согласно воззрениям автора, преобразуется на новых основаниях: он заявляет, что он будет ненавидеть угнетение, будет держать обещанное слово, никому не будет причинять вреда, будет охранять законы честности, оказывать помощь, поддерживать слабого против насилия; всякий человек в понятии автора будет равен другому (стр. 292), а единственным различием будут природные дарования; благородное происхождение и величие будут лишь умеренным злоупотреблением, вплоть до королевского достоинства, которое есть лишь полезный недостаток. Автор заявляет дальше, что он не будет считать себя выше других, рассматривая себя наравне с народом (стр. 293). Я окажу несчастному помощь и сочувствие (стр. 295), продолжает он, я хочу быть добрым, хочу, чтобы все были счастливы и были мною довольны, все доброе я буду делать не из страха, а сознательно, по внутрен-

[57] Vogt, p. 696.

нему побуждению (стр. 300); единственным мотивом моих поступков будет мое внутреннее удовлетворение (стр. 302). Животные, пишет автор, творят зло только в случае необходимости; я же не буду делать ничего, чего не делают другие люди, я позволю себе только то, что они себе позволяют (стр. 303—304).

* *
*

Попытаемся ответить на вопрос — когда могло быть написано лежащее перед нами сочинение.

Поскольку в «Летних досугах» Арпе рассказал о своей «находке», то можно предположить, что к 1726 г. Бич веры уже был написан. Раз Арпе прямо ссылался на Ламоннэ и Саленгра, а заголовок нашей рукописи в точности совпадает с тем, который приводил Саленгр [58], то можно сказать: заглавие было приписано после 1716 г. Пребывание в Гамбурге с 1724 г. Арпе, а участие его в деле с апокрифом несомненно, — в его книге впервые говорится об ином Биче веры, — наводит на мысль, что этот Бич мог возникнуть в Гамбурге.

Гамбург в XVIII в. был наряду с Берлином и Альтоной одним из центров немецкого свободомыслия.

Гамбургские купцы вели оживленную торговлю с Англией, Францией и Голландией. После закрытия в 1648 г. порта в Антверпене Гамбург стал крупным центром международной торговли. Во второй половине XVII в. его иногда называли даже малым Амстердамом [59].

Как и в соседней Голландии, в Гамбурге проживали эмигранты, среди которых было много вольнодумцев. В 20-х годах XVIII в. в городе выходило много газет на французском языке.

Возможно, что при посредстве Арпе, жившего в Голландии (а мы из письма Лейбница определенно знаем, что он был в Лейдене в 1716 г.), могли расходиться списки книги Жоффруа Валле. Ведь у Саленгра был такой список, полученный, несомненно, от Ламоннэ [60]. Через Саленгра в Голландию могли проникать и другие списки. С другой стороны, Бич веры мог распространяться и в самой Германии: известно, что в Вене, в библиотеке Евгения Савойского хранился список, сделанный библиотекарем принца бароном Гогендорфом (умер в 1719 г.) [61]. Можно предположить, что и в других немецких городах могли оказаться подобные же списки.

Но не так уж важно установить, знал или не знал автор апокрифического Бича веры подлинный памфлет XVI века. Он воспользовался находкой Ламоннэ для распространения вольнодумства, для борьбы с религиозным мировоззрением. Скрывшись под именем Валле, он выступил как рационалист и просветитель.

Насколько же широко распространялись списки этого Бича веры? Обследование каталогов рукописей, изданных крупными европейскими библиотеками, пока не позволило выявить ни одного такого списка. Зато в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде в одном сборнике име-

---

[58] Mémoires de littérature, t. I. A La Haye, 1715, p. 227.
[59] Presser, S. 167.
[60] Mémoires de littérature, t. I. A La Haye, 1715, p. 224.
[61] Dunin-Borkowski, S. 491, 603.

ется текст, совпадающий с нашим (шифр сборника: Франц. О. III. № 2). То обстоятельство, что два списка атеистического сочинения, возникшего в Германии, оказались в Советском Союзе, на самом востоке Европы, думается нам, может служить косвенным свидетельством относительно широкого его распространения.

Ленинградский сборник хранится в коллекции П. К. Сухтелена, большая часть которой содержит рукописи по истории Голландии и Швеции XVII—XVIII вв. [62]. В этом сборнике интересующий нас текст занимает 70 листов, исписанных с обеих сторон мелким индивидуальным почерком. Начало и конец текста совпадают полностью с нашей рукописью вплоть до латинской приписки, но ленинградский экземпляр писан гораздо более грамотным человеком, ошибок и описок меньше, так что некоторые неясные места нашей рукописи могут быть правильно прочтены по ленинградской.

Заглавие нашей рукописи:	Заглавие ленинградской рукописи:
La beatitude des Chretiens ou le Fleo de la Foy par Geoffroy Vallée natif d'Orleans...	Godofredi Vallei Ars nihil credendi ou La Beatitude des Chretiens, ou la fleo de la Foy par Geoffroy Vallée natif d'Orleans...

Дальше оба названия полностью совпадают, вплоть до латинской приписки. В тексте ленинградской рукописи по сравнению с нашей и с отрывками Фогта имеются незначительные разночтения, не меняющие общего смысла. По нашему мнению, эти небольшие расхождения как в названии, так и в тексте могли возникнуть в процессе частого переписывания.

Небольшая разница в заголовках рукописей тоже, на наш взгляд, может быть свидетельством, что этот трактат был распространен в списках.

Бумага ленинградского сборника имеет ту же филигрань Pro Patria с теми же литерами, что позволяет отнести оба списка к одному и тому же времени. Очень знаменательно, что в ленинградской рукописи за Бичом веры (лл. 1—70) следует «Спиноза II», или «Трактат о трех обманщиках» (лл. 72—108), т. е. ленинградская рукопись является атеистическим сборником.

Есть и другие, правда, косвенные свидетельства о распространении в Германии интересующего нас памятника. Все авторы, упоминающие Бич веры со ссылками на «Летние досуги» Арпе и Каталог Фогта, могут быть заподозрены в знакомстве с этим произведением и в стремлении обратить на него внимание своих читателей [63].

Поэтому вполне возможно, что оба известные нам списка Бича веры датируются серединой XVIII в., когда о существовании апокрифа стало известно из Каталога Фогта.

---

[62] См.: «Вопросы истории», 1961, № 4, стр. 70.

[63] Schellhorn. Amoenitates Litterariae, t. 8. Frankfurt u. Leipzig, 1727, pp. 378—379; „Deutsche Acta Eruditorum", t. XI, S. 189—190; „Nova Acta Eruditorum" 1739 publicata", Lips., 1739, p. 378; Freyrag. Analecta Litteraria de libris rarioribus. Lipsiae, 1750. p. 1027; Struvii—Jugleri Bibliotheca Historiae Litterariae, t. III, p. 1680—1682.

* *
*

Апокрифический Бич веры представляет собой памятник немецкого свободомыслия начала XVIII века.

Начало немецкого Просвещения относится к последней трети XVII в. В Германии, разоренной и опустошенной Тридцатилетней войной, разделенной на множество крупных и мелких княжеств, в каждом из которых неограниченно царили князья-деспоты, хотя и замедленно, но все же развивались капиталистические отношения. Рост мануфактуры, подъем бюргерства обусловили возникновение новой, буржуазной идеологии, направленной против княжеского абсолютизма. Антифеодальное мировоззрение было в первую очередь нацелено против христианской ортодоксии. Немецкие просветители, распространяя достижения научной мысли, выступали против религиозного мировоззрения и схоластической науки.

Разумеется, в обстановке княжеского деспотизма и поддерживавшей его религиозной ортодоксии открытые выступления против религии и церкви были не часты: церковные и светские власти жестоко расправлялись с малейшими проявлениями вольнодумства и атеизма. Поэтому лишь немногие произведения ранних просветителей увидели свет — мы имеем в виду сочинения Кнуцена, Штоша, Бухера, Лау. Известно, однако, что в рукописях циркулировали «О трех обманщиках. 1598», «Мысли Спинозы» («Спиноза II»), апокрифический (латинский) Кимвал мира и др. Поэтому рукописи, подобные нашему Бичу веры, заслуживают внимательного изучения и скорейшей публикации.

* *
*

Автор приносит глубокую благодарность А. В. Гулыге, С. В. Житомирской и И. М. Кудрявцеву, взявшим на себя труд прочитать публикуемое сообщение в рукописи и сделавшим очень важные замечания.

Е. П. Маматова

ТАМОЖЕННАЯ ГРАМОТА 1596 г. НА СЕЛЬСКИЙ ТОРЖОК

Таможенные уставные грамоты — ценнейший источник, необходимый не только для исследования таможенной политики Русского государства, но и для изучения торговли в России, решения проблемы создания предпосылок единого всероссийского внутреннего рынка[1]. Особый интерес представляет изучение грамот на сельские торжки, рисующих картину развития товарно-денежных отношений в феодальной деревне. Таких грамот в науке известно весьма немного — за вторую половину XVI в. всего 5 грамот[2]. Малочисленностью источников объясняется слабая изученность истории торговых сел[3]. В связи с этим и публикуется таможенная грамота 1596 г. на сельский торжок в селе Высоком[4] Коломенского уезда — владении Московского Чудова монастыря.

Грамота[5] хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в собрании историко-юридических актов И. Д. Беляева[6].

---

[1] Чаев Н. С. Двинская уставная таможенная грамота 1560 г. — «Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 г.». Вып. 1(34). Л., 1927, стр. 199—203; Николаева А. Т. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка. — «Исторические записки», кн. 31, 1950, стр. 245—266; Тихонов Ю. А. Таможенная политика Русского государства с сер. XVI в. до 60-х гг. XVII в. — Там же, кн. 53, 1955, стр. 258—290; Зимин А. А. К изучению таможенной реформы середины XVI в. — «Исторический архив», 1961, № 6, стр. 129—133.

[2] Николаева А. Т. Указ. соч., стр. 265.

[3] Некоторые сведения о сельских торжках XVI в. см.: Вершинский А. Н. К истории внутренней торговли Московского государства в XVI веке. — «Тверская старина». Старица, 1911, № 7, стр. 24—29, № 8, стр. 23—33; Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, стр. 25—26; Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М.—Л., 1947, стр. 70—77 (здесь речь идет о торговых «рядках» в XVI веке); Бахрушин С. В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. (К вопросу о предпосылках всероссийского рынка). — В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1. М., 1952, стр. 188—203; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 128—130.

[4] В грамотах село иногда называется также Высоцким. Далее всюду мы будем его именовать Высоким.

[5] Публиковать текст указанной грамоты мне предложил А. А. Зимин.

[6] Коллекция актов И. Д. Беляева (ф. 28), № 1.200. Грамота, также как и все другие использованные в работе акты из этой коллекции, описана. См.: Лебедев Д. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 37—38. Отдельные положения грамоты были использованы в ряде исследований. См.: Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 297; Корецкий В. И. Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. М., 1957, стр. 52—53, 90. (Неопубликованная диссертация, хранящаяся в ГБЛ. Машинопись). Упоминание о грамоте см.: Тихонов Ю. А. Указ. соч., стр. 262—263 (примечания). Однако в целом текст грамоты специальному изучению не подвергался.

Первое упоминание о селе Высоком находим в духовной грамоте Василия Темного 1461—1462 гг., по которой оно завещалось его княгине[7]. 26 января 1536 г. крестьянам села была выдана уставная грамота, определявшая порядок управления и нормы жизни в селе Высоком[8]. Под селом в данном случае подразумевалась, вероятно, целая волость[9], о чем свидетельствуют и обращение грамоты[10] и назначение в Высокое волостеля. Волостель и его агенты взимали с крестьян, с «семи деревень», натуральный корм. «А нелюб волостелю корм, и они (т. е. крестьяне. — *Е. М.*) ему дадут... денег...»[11].

В грамоте 1536 г. нет сведений о существовании в волости торга, но видно, что эпизодическими торговыми сделками ведал, вероятно. волостель. Так, ему и его агентам принадлежала прерогатива пятна.

В 30-х—50-х гг. Высоцкая волость считалась черной, но находилась в ведении дворецкого[12]. После земской реформы, завершившейся в 1555—1556 гг., волость, вероятно, была изъята из дворцового управления. В 1561—1562 гг. подати с нее шли в Четверть Василия Колзакова[13].

В ноябре 1562 г. волость была пожалована Московскому Чудову монастырю взамен взятого под ямскую слободу к Вяземскому яму села Спасского с деревнями в Вяземском стане Московского уезда[14]. Чудов монастырь, во владение которого перешла Высоцкая волость, был одним из крупнейших феодальных собственников XVI века, тесно связанных с правительственными кругами[15]. Выданная монастырю грамота распространяла на Высокое иммунитетные привилегии, данные прежним монастырским селам.

Территория волости, которой посвящена публикуемая грамота, представляла собой равнину, покрытую озерами и болотами и пе-

---

[7] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подгот. к печ. Л В Черепнин. М.—Л., 1950, № 61, стр. 196.

[8] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее АИ). Т. 1. Спб., 1841, № 137, стр. 198—200; Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909, стр. 19—22.

[9] С. Б. Веселовский отмечает, что «многие волости носили название по селам» (Веселовский С. Б. Село и деревня..., стр. 18).

[10] «Се яз, князь великий Иван Васильевич всеа Русии, пожаловал есми Высоцкого села старосту и всех крестьян, селчан и деревеньщиков: кто у них наш волостель ни будет, и он у них ходит по нашей грамоте» (АИ. Т. 1, № 137, стр. 198).

[11] Там же.

[12] В 1536 г., после «урочных лет», подати волостелю шли с Высокого, «как и с старых деревень с черных» (там же, стр. 199). Вместе с тем на село распространялась юрисдикция дворцового пристава («а не дворцовому приставу не ездити по них») (там же, стр. 200). В 1553-54 г. волость Высокая считалась черной («сотная... волости Высокой черных деревень») (Шумаков С. Сотницы, грамоты и записи. Вып. 3. М., 1904, стр. 20). В то же время крестьяне платили с оброка пошлины «дворецкого, ключничьи...» (там же, стр. 24). Мнение П. А. Садикова по этому вопросу см. указ. соч., стр. 231.

[13] Там же.

[14] См. Послушную грамоту от 21 ноября 1562 г. архимандриту Чудова монастыря Левкию на погост и деревни волости Высоцкой: ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии (далее ГКЭ) (ф. 281), № 9/6913, а также Жалованную льготную грамоту от 23 ноября 1562 г. Чудову монастырю: Коллекция актов И. Д. Беляева (ф. 28), № 1.125.

[15] Подробнее о Чудовом монастыре и его землевладении см.: Кобрин В. Б. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.). — Настоящий вып., стр. 289—322.

ресеченную оврагами. По волости протекало несколько рек, принадлежащих к бассейну Оки и ее притоков — Клязьмы и Москвы-реки. Само село Высокое [16] располагалось на песчаном берегу реки Гуслицы, которая впадала в реку Нерскую.

Почва в волости малоурожайная, на возвышенных местах песчаная и глинистая, на низменных — иловатая и торфяная, значительная часть территории была покрыта лесами. Плохое качество земли и ее недостаток заставляли жителей волости, как увидим ниже, больше заниматься ремеслом и промыслами [17].

Важные сведения об экономическом состоянии волости, развитии в ней торговли и ремесла дают нам материалы писцовых описаний Коломенского уезда, проводившихся четыре раза на протяжении XVI века [18].

Первое из них было проведено в 1535-36 г. [19]. В грамоте 1536 г., упоминавшейся выше, проводится различие между починками «писменными» и теми, «которые сели после писма» [20]. Материалы этого описания до нас не дошли.

Второе описание было проведено в 1552-53 г. в связи с введением «большой сохи». О нем свидетельствуют следующие источники: сотная 1553-54 г. с Коломенских книг письма кн. Ю. Мещерского и Л. Мансурова на черные деревни Высоцкой волости [21], уже упоминавшиеся послушная и жалованная грамоты Чудову монастырю 1562 г. [22]. Источники дополняют друг друга. В сотной перечисляются населенные пункты, дворы, помещены поименная роспись людей в каждом дворе и общие сведения об оброке. Основной окладной единицей являлась соха. Сведений о количестве земли нет. Общий итог отсутствует, что, как отмечает С. А. Шумаков, наводит на мысль о черновом характере книг, с которых делалась выпись [23]. В жалованной же и послушной грамотах приводятся, кроме того, итоги количества пашни, леса, сена. Сведения о людях, их дворах и об оброке отсутствуют, а в послушной грамоте отсутствует также и перечисление населенных пунктов. Книги письма кн. Ю. Мещерского не сохранились. Из жалованной и послушной грамот видно, что

[16] В 1778 г. село Высокое было преобразовано в уездный город Рязанской губернии и переименовано в город Егорьевск; это название он носит и сейчас. Расположен в 115 км к юго-востоку от Москвы.

[17] О географическом положении волости см.: Селиванов А. Ф. Егорьевск. — Энциклопедический словарь изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XIa. Спб., 1894, стр. 546—547; Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. (Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси). М., 1906, стр. 567.

[18] Об описаниях Коломенского уезда в XVI в. см.: Готье Ю. В. Указ. соч., стр. 53—54; Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. II. М., 1916, стр. 602; Грушевский С. Писцовые описания Коломенского уезда в XVI в. — «Праці Наукового товариства на Донеччині». Луганьск, № 1, 1928, стр. 32—35.

[19] Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Подгот. к печ. Л. В. Черепнин. Ч. 1. М., 1951, № 21, стр. 39—40.

[20] АИ. Т. 1, № 137, стр. 199.

[21] Шумаков С. Указ. соч., стр. 20—24; Сташевский Е. Д. Опыты изучения писцовых книг Московского государства XVI в. Вып. 1. Московский уезд. Киев, 1907, стр. LXI—LXV.

[22] ЦГАДА. ГКЭ (ф. 281), № 9/6319; ГБЛ. Коллекция актов И. Д. Беляева (ф. 28), № 1.125. Об этом же описании упоминает разъезжая грамота на земли в Коломенском уезде: село Липетино — владение Чудова монастыря и село Семеновское — поместье Д. И. Толстого. — Коллекция актов И. Д. Беляева (ф. 28), № 1.107.

[23] Шумаков С. Указ. соч., стр. 24

они были составлены в 1552-53 г.: «А по книгам коломенских писцов писма князя Юрья Мещерского с товарищи лета 7061»[24]. Упоминание такого же рода есть и в послушной грамоте[25].

В 1561 г. было проведено третье описание уезда. От него сохранилась сотная от 29 мая 1561 г. с коломенских писцовых книг письма кн. А. И. Елецкого с товарищи на черные деревни Высокой волости[26] и сокращенный список с нее от 25 декабря 1562 г.[27]. Сотная дает перечень населенных пунктов, дворов, людей в них, сведения о количестве пашни, леса, сена, оброка; окладной единицей являлась выть; оброк крестьяне должны были платить в Четвертную избу дьяка В. Б. Колзакова два раза в год (на день Петра и Павла и на Рождество). Общий итог всем этим данным, кроме оброка, отсутствует. Книги письма кн. А. И. Елецкого не сохранились.

Наиболее полно сохранились материалы четвертого описания уезда, проведенного в 1577-78 г. До нас дошли выпись от 28 апреля 1578 г. с коломенских писцовых книг письма и меры 1577-78 г. Д. П. Житова и Ф. Комынина на волость Высокую[28] и список с их писцовых книг, современный документу[29]. В выписи подводятся итоги числу населенных пунктов, дворов и людей в них, количества пашни, леса, сена. Сведения об оброке отсутствуют. Текст выписи полнее списка с писцовых книг, где отсутствуют сведения о числе дворов и людей[30]. Вероятно, выпись была сделана с недошедшего до нас более полного подлинника. Для сопоставления данных трех последних описаний обратимся к составленной по указанным выше материалам таблице. (См. след. стр.).

Сопоставление приведенных в таблице данных показывает, что в начале 1560-х гг. Высоцкая волость переживала начавшийся, как видно из таблицы еще в 1550-х гг., экономический подъем. Об этом подъеме свидетельствуют увеличение к 1561 г. числа крестьянских дворов и крестьян, рост количества пашни и пашенного леса. В 1570-х гг., напротив, наблюдаем упадок хозяйственной жизни—из 3802 3/4 четей земли, бывших под пашней в 1561 г., распахивалось всего 833 чети с третником, 830 четей было занято под перелогом, а 990 четей даже поросло лесом. Эти данные не только подтверждают наличие хозяйственного кризиса в стране в 70—80-х гг.[31], но и позволяют отнести его начало к концу 60-х — началу 70-х гг.[32] (по крайней мере в рассматриваемой волости). Если в 50-х гг. мы

[24] ГБЛ. Коллекция актов И. Д. Беляева (ф. 28), № 1.125.

[25] ЦГАДА, ГКЭ (ф. 281), № 9/6319.

[26] Сташевский Е. Д. Указ. соч., стр. LXVI—LXXXIV.

[27] ГБЛ. Коллекция актов И. Д. Беляева (ф. 28), № 1.126.

[28] Там же, № 1.159.

[29] Писцовые книги Московского государства. Спб., 1872. Ч. I, отд. 1, стр. 569—575 (данные по Высоцкой волости).

[30] Сличение указанного выше издания с подлинником (см. ЦГАДА. Поместный приказ (ф. 1209), кн. 200, лл. 941—958) показывает, что данные по волости Высоцкой в этом издании опубликованы полностью.

[31] Рожков Н. А. Народное хозяйство Московской Руси во второй половине XVI века. — «Дела и дни». Кн. I. Пб., 1920, стр. 44—48; Греков Б. Д. Хозяйственный кризис в Московском государстве в 70—80-х годах XVI века. — «Вопросы истории», 1945, № 1, стр. 6—21.

[32] А. А. Зимин начальный момент запустения центра относит к 50-м годам XVI века. См.: Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного, стр. 403.

Сравнительная таблица писцовых описаний Высоцкой волости Коломенского уезда в 1552-53, 1561 и 1577-78 гг.[33]

	1552-53 г.	1561 г.	1577-78 г.
Села	—	—	1
Деревни	95 черные	95 черные	65 монастырские
Починки	13	13	—
Погосты	1	1	—
Селища	12	—	1
Пустоши	—	—	29
Крестьяне	268	430	189
Дворы	267	409	189
Беспашенные крестьяне	—	10	—
Дворы	—	10	—
Бобыли	—	—	49
Дворы	—	—	49
Церковные служители	1	5	—
Пустые дворы	6	—	56
Дворовые места	—	—	142
Пашня в четвертях	2653 худая земля	3802 и 3/4 средней худой и добре худой земли[34]	833 с третником, земля худая
Перелог в четвертях	—	15[35]	830
Перелог, поросший лесом, в четвертях	—		990
Лес пашенный в десятинах	96,5	156	102
Лес непашенный в десятинах	—	270	139,5
Лес по болоту в кв. верстах	ок. 0,23	ок. 5	—
Лес поверстный в кв. верстах	—	3,5	30
Лес хоромный в кв. верстах	—	1.55	—
Сено в копнах	2496	4325	2381
Оброк	натуральный 9 пудов меду[36] и денежный 16 р. 4 гривны		денежный 214 р. 40 алтын[37]

встречаем починки — обживаются новые места, если в 60-х гг. количество починков остается неизменным, то в 70-х гг. их уже нет, уменьшается на 30 число деревень, появляется 29 пустошей, резко уменьшается число дворов и крестьян, отмечаются не только пустые дворы, но и дворовые места, что опять-таки свидетельствует о хозяйственном упадке в Высоцкой волости.

---

[33] В том случае, когда в источниках приводятся итоги, цифры даются по итогам. Пропуски в таблице означают, что в тексте источников или в их итоговых данных сведения отсутствуют.

При подсчете количества непашенного, «по болоту», поверстного и хоромного леса все данные приведены в кв. версты, исходя из того, что одна межевая верста (2 путевых) равнялась 2,134 *км*, а в одной кв. версте ок. 400 десятин (см.: Черепнин Л. В. Русская метрология. М., 1944, стр. 59—61; Устюгов Н. В. Очерк древнерусской метрологии. — «Исторические записки», кн. 19, 1946, стр. 322—323).

[34] В том числе средней земли 1475 четвертей.

[35] «И лесом поросла и запустела та пашня от дороги от Володимерское».

[36] Платили пошлины с оброка: «дворецкого, ключничьи и записнова с пуда меда по 5 денег».

[37] Платили пошлины с оброка, с 1 рубля по 2 алтына.

Материалы писцовых описаний дают весьма интересные сведения о таких категориях феодального крестьянства, как бобыли и беспашенные крестьяне. Небольшое количество беспашенных крестьян встречается в описании 1561 г., то есть в то время, когда волость была еще черной, — 10 человек, что составило около 2,3% от общего количества крестьян в волости. В описании 70-х гг., когда волость уже принадлежала Чудову монастырю, категория беспашенных отсутствует, зато появляется термин бобыли. В 1577-78 г. бобыли (49 чел.) составляли около 21% от общего числа крестьян. Сопоставление имен беспашенных крестьян и бобылей не позволяет непосредственно отождествить беспашенных крестьян из описания 1561 г. с бобылями 70-х гг., но и те и другие, вероятно, были людьми, для которых сельское хозяйство не было основным источником существования. Присутствие этих категорий крестьян в источниках и большой процент бобылей в 70-х гг. свидетельствуют не только о хозяйственном упадке в волости, но и о наличии в ней ремесленников [38]. На это же указывают связанные с профессиями ремесленников названия некоторых населенных пунктов волости — деревни Кузнецово, Ведерниково, Горшковское, Болтинская, Сырьевская, Саниноское, починки Санников, Дранников и др. [39].

О торгово-ремесленных занятиях многих жителей волости свидетельствует и переход от уплаты в 30-х—50-х гг. смешанного натурально-денежного оброка к уплате в 60-х гг. (когда в источниках впервые появляются беспашенные крестьяне в Высоцкой волости) только денежного оброка (214 р. 40 алтын) [40]. Денежный оброк крестьяне волости платили и впоследствии — в оброчной тетради приходо-расходной книги Чудова монастыря за 1585-86 г. мы находим сведения о сборе с крестьян волости 50 руб. 9 алтын денежного оброка. Окладной единицей оставалась, как и в описании 1561 г., выть [41]. Сотная 1553-54 г. ясно говорит об основном промысле населения волости. Им было бортничество. Поэтому население волости платило медовый оброк — 9 пудов. Взимание с оброка пошлин «с пуда по пяти денег» указывает, по-видимому, на крестьянскую торговлю медом.

Торгово-ремесленный характер волости выясняется и из других показаний приходо-расходной книги 1585-86 г. Так, 22 декабря старец Пафнутий привез из села Высокого «восемь рублев и две гривны присудных денег и явочных и таможенных» [42]. В книге отмечается покупка у «высотцких крестьян на монастырской обиход 400 четвертей хмелю» за 100 рублей [43], выплата «высотцким крестьяном Якимку Фадееву с товарыщи 25 алтын денег провозу от

---

[38] Убедительно показывает ремесленный характер бобыльства А. Л. Шапиро. См.: Шапиро А. Л. Бобыльство в России в XVI—XVII вв. — «История СССР», 1960, № 3, стр. 49—66. Несколько иную точку зрения на бобыльство см.: Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Т. II. М., 1954, стр. 185—209.

[39] Шумаков С. Указ. соч., стр. 21—22; Коллекция актов И. Д. Беляева (ф. 28). №№ 1.125, 1.159; Сташевский Е. Д. Указ. соч., стр. LXXXI.

[40] О причинах такого резкого увеличения оброка см.: Садиков П. А. Указ. соч., стр. 231.

[41] ЦГАДА. Собрание Мазурина (ф. 196), № 273, лл. 73—73об.

[42] Там же, л. 10об.

[43] Там же, л. 141. Разведение в волости хмеля хорошо согласуется с отмеченной выше торговлей медом, так как хмель добавлялся в алкогольные напитки, а из меда в то время варили вино.

струга»[44]. Имеются также сведения об уплате в Таможенный стол Большого прихода таможенных денег с Высоцкого и Вежинского торгов (другая монастырская вотчина)[45]. Крестьянами Высокого был сделан по заказу монастырских властей котел для варки селитры («ямчужного онбару»), за который им было уплачено 2,5 рубля[46].

В связи с этим вполне естественно оформление в Высоком сельского торжка. В 1581 г. его было официально разрешено создать: архимандриту Христофору была выдана из Большого прихода уставная таможенная грамота, текст которой до нас не дошел, так как она была похищена «разбойниками»[47] (известна по упоминанию в тексте публикуемой грамоты). В 1596 г. архимандрит Пафнутий бил челом Федору Ивановичу о выдаче новой таможенной уставной грамоты, «почему в том селе крестьяном их таможные пошлины збирати». 24 января 1596 г. грамота была выдана «с прежние с таможные уставные грамоты». Такова была обстановка, в которой появился публикуемый документ.

Из грамоты выясняется, что Высоцкий торжок был в откупу за крестьянами, вероятно, зажиточными, по справедливому предположению В. И. Корецкого[48]. С торга они платили в Приказ Большого прихода 12 рублей в год. В дальнейшем эта сумма постепенно возрастала. Из жалованной грамоты от 5 марта 1601 г.[49] выясняется, что в 1598-99 г. крестьяне платили таможенные пошлины в сумме 12 р. 20 алтын в год, а в 1599-1600 г. «москвитин торговый человек» Ждан Иванов взял на откуп таможенные сборы за 18 рублей в год. Эта сумма оказалась непомерной. Монастырские власти даже обвиняли алчного откупщика в том, что он назначил такой откуп, «хотячи имати лишние таможные пошлины и крестьян их розогнати». Монастырь воспользовался этим случаем, чтобы самому взять на откуп таможенные пошлины: деньги было поручено собирать «старцу да слуге и крестьяном лутчим». Было собрано, по словам монастырских властей, 13 рублей, которые и были отправлены в Большой приход. Одновременно архимандрит Пафнутий просил узаконить этот порядок сбора и сумму пошлины и на будущее, что и было сделано грамотой 1601 г. В 1605 г. монастырь получил новую грамоту на эту же пошлину — в 13 рублей[50].

---

[44] ЦГАДА. Собрание Мазурина (ф. 196), № 273, л. 168об.

[45] «апреля в 30 де[нь] заплочено в Большой приход, в Таможенной стол, с дву торгов с Высотцког[о] да с Вежинсково тамги два рубля денег» (там же, лл. 185об.—186). Упоминание о Таможенном столе в Приказе Большого прихода чрезвычайно интересно П. А. Садиков в Очерках по истории опричнины, в главе о Приказе Большого прихода (стр. 247—299) нигде не говорит о наличии в Приказе Таможенного стола, хотя доводит историю Приказа до начала XVII века.

[46] ЦГАДА. Собрание Мазурина (ф. 196), № 273, л. 119об.

[47] К концу XVI в. деревенские «разбои», сопровождавшиеся захватом имущества феодалов и документации, подтверждающей их права на землю, крестьян, сбор различных налогов и т. п., достигли большого размаха. См. об этом: Корецкий В. И. Указ. соч., стр. 90.

[48] Корецкий В. И. Указ. соч., стр. 52—53.

[49] ЛОИИ. Коллекция Головина (к. 45), № 85. Приношу благодарность В. Б. Кобрину, указавшему мне местонахождение грамоты и скопировавшему ее текст.

[50] Коллекция актов И. Д. Беляева (ф. 28), № 1. 228. Грамота от 19 декабря 1605 г.

Размеры откупных сумм позволяют судить о размерах торга в селе Высоком. В Весьегонской грамоте мы встречаем сумму откупа в 35 рублей [51]. Известно, что знаменитый торг на Холопьем был крупнейшим. Другие же сельские торжки отдавались на откуп за 1,5—2 рубля в год (см. грамоты: на села Еремейцево [52] и Федоровское [53] Ярославского уезда, а также на село Рождественское) [54]. Следовательно, торг в селе Высоком значительно превышал размеры обычного сельского торжка [55].

При знакомстве с известными уставными таможенными грамотами обращает на себя внимание большое разнообразие их по форме и содержанию. Эти различия формуляров и содержания грамот связываются с тем, что они действовали на территориях разных географических районов, в разных типах поселений (одни в селах, другие в городах) с различным экономическим развитием, составлялись в разное время, зависели от размеров торгов. Выяснить значение публикуемой грамоты в кругу уже известных уставных таможенных грамот можно только путем сравнительного анализа их.

Общая схема формуляра таможенных грамот разработана А. Т. Николаевой, тщательно изучившей 44 уставные таможенные грамоты [56]. Формуляр публикуемой грамоты в основном совпадает с рубриками предложенной А. Т. Николаевой схемы. В нашей грамоте отсутствует только один раздел — о таможенных пошлинах с «иноземцев».

Формуляр таможенных грамот не мог охватить все разнообразие торговых операций. Это подтверждается частым употреблением таких общих формулировок, как «всякий лесной товар», «всякое жито», «всякий мягкий товар» и т. п. Вероятно, зачастую отдельные положения давно выданных грамот не проводились в жизнь, могла иметь место и автоматическая переписка устаревшего формуляра в новые грамоты. Точная проверка достоверности положений таможенных грамот очень затруднена, так как мы не располагаем документами таможенного делопроизводства XVI в. [57]. Вместе с тем, отсутствие других источников придает таможенным грамотам особое значение, каждая новая введенная в научный оборот уставная таможенная грамота обогащает наши представления о развитии товарно-денежных отношений, ремесла и торговли, дает сведения о косвенных налогах в Русском государстве XVI в. — торговых пошлинах.

Проведем сопоставление публикуемой грамоты со всеми известными таможенными грамотами на села: Весь Егонскую Городецкого уезда (от 4 августа 1563 г.) [58], Еремейцево Ярославского уез-

---

[51] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук (далее ААЭ). Т. I. Спб., 1836, № 263, стр. 292.

[52] Там же, № 342, стр. 414.

[53] Там же, № 362, стр. 443.

[54] Там же, № 366, стр. 452.

[55] На это обстоятельство обратил мое внимание Б. Н. Флоря.

[56] Николаева А. Т. Указ. соч., стр. 246—247.

[57] Тихонов Ю. А. Указ. соч., стр. 262; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного, стр. 56.

[58] ААЭ. Т. I, № 263, стр. 291—297.

да (от 12 октября 1588 г.) [59], Федоровское Ярославского уезда (от 17 марта 1595 г.) [60], Клементьевское (от 8 марта 1595 г.) [61] и Рождественское (от 9 августа 1596 г.) [62].

Отсутствие единообразного формуляра сравниваемых грамот не позволяет сопоставить все встречающиеся в них пошлины, так как многие пошлины, присутствующие в одних грамотах, отсутствуют в других. Публикуемая грамота на село Высокое отличается от других грамот, привлеченных для сравнения, тем, что представляет собой сокращенный вариант обычной таможенной грамоты.

Прежде всего, попытаемся сопоставить пошлины, имеющиеся в грамоте на село Высокое: тамгу, поштучную пошлину, померное, пошлину за лесной товар и штраф заповеди с аналогичными пошлинами в других исследуемых грамотах. Эти пошлины сопоставимы, так как только в одной из грамот — на Весь Егонскую — отсутствует пошлина за лесной товар. Тамга взималась в размере от 1 до 1,5 деньги с рубля (с цены товара) с местных жителей и в размере 4 денег с рубля с иногородцев, померное — с 4 четвертей московских «всякого жита» 1 деньга, поштучная пошлина — от 0,5 до 1,5 деньги, пошлина за лесной товар — с рубля деньга, штраф заповеди (для грамот 1590-х гг.) — с человека гривна.

В публикуемой грамоте отсутствует также ряд пошлин, встречающихся в других грамотах. Это пошлины с товарного воза, весчее, порядное, за продажу лошади, амбарное, проезжие и проплавные пошлины [63], замытное, поплашное, за рогатый скот, штраф протаможье и хоженое.

Отсутствие в грамоте целого ряда пошлин не может служить доказательством небольших размеров Высоцкого торжка (хотя в сравнении с торгом на Холопьем он был меньше). Указанные выше размеры откупных сумм свидетельствуют как раз об обратном. Сравнение грамоты на Высокое с уставными таможенными грамотами на села за первую половину XVIII в. не позволило выяснить причины краткости формуляра публикуемой грамоты [64].

При взимании в селе Высоком одной из пошлин, но важней-

---

[59] ААЭ. Т. I, № 342, стр. 413—415.

[60] ААЭ. Т. I, № 362, стр. 443—445.

[61] Там же, № 363, стр. 445—448.

[62] Там же, № 366, стр. 452—454.

[63] Отсутствие в грамоте проезжих и проплавных пошлин, взимавшихся в основном с иногородцев, наводит на мысль о местном характере торга в Высоком.

[64] а) См.: Уставная таможенная грамота на село Словинский Волочек Кириллова-Белозерского монастыря. 25 июля 1602 г. — ААЭ. Т. II, № 21, стр. 71—72.

б) Уставная таможенная грамота на село Рогачево Николо-Песношского монастыря. 1 марта 1621 г. — ААЭ. Т. III, № 117, стр. 161—164.

в) Уставная таможенная грамота на монастырскую слободу Пурдышевского монастыря. 3 февр. 1621. — АИ. Т. III, № 94, стр. 119—124.

г) Уставная таможенная грамота на село Холм Бежецко-Антонова монастыря. 13 янв. 1641. — ААЭ. Т. III, № 300, стр. 443—444.

д) Уставная таможенная грамота на сельцо Семендяево Макариево-Колязинского монастыря. 10 янв. 1652. — ААЭ. Т. IV, № 55, стр. 72—74.

Среди перечисленных грамот есть довольно краткие (ААЭ. Т. II, № 21 и ААЭ. Т. IV, № 55), но есть и очень подробные (ААЭ. Т. III, № 117). Во всяком случае отсутствие многих пошлин в публикуемой грамоте не является особенностью времени. Множество таможенных пошлин было отменено торговым уставом только в 1653 г. (О торговом уставе см.: Николаева А. Т. Указ. соч., стр. 261—264; Тихонов Ю. А. Указ. соч., стр. 261—280).

шей — тамги, делалось различие между местными и иногородними торговцами. Это положение затрудняло пришлым купцам конкуренцию с местными жителями. В грамоте на Весь Егонскую встречается, кроме того, иной термин — «иноземец», который расшифровывается следующим образом: «рязанец или казанец, також и всякой иноземец»[65]. В отличие от иногородцев, они платили более высокую тамгу в 7 денег. Таким образом, иноземец, в отличие от иногородца, это выходец из дальних городов, тем более, что та же весьегонская грамота под иногородцем подразумевает купца из северных городов — Новгорода, Пскова и т. п. Отсутствие в публикуемой грамоте (как и в ряде других) термина «иноземец» подтверждает предположение о местном характере торга в Высоком, куда не приезжали торговые люди из отдаленных районов.

Остановимся кратко на штрафе «заповеди», взимавшемся за нарушения правил торговли. Грамоты приводят в качестве основания для штрафа различные нарушения — за неявку товара таможникам (публикуемая грамота, а также еремейцевская, федоровская и клементьевская грамоты. Отметим, что в публикуемой грамоте в качестве основания для штрафа названы только это нарушение и отказ от уплаты тамги), продажу или покупку весового товара без веса (весьегонская, федоровская и клементьевская грамоты), продажу и покупку «всякого жита» без меры (весьегонская, клементьевская и рождественская грамоты), торговлю вблизи села, там, где нет специального торга (весьегонская грамота). Штраф этот ни в одной из грамот не различается в зависимости от того, о местном жителе или иногородце идет речь; в публикуемой грамоте даже специально подчеркивается, что он одинаков для местных и иногородних торговцев: «а которые торговые люди у ч н у т п р и е з ж а т и (разрядка моя. — *Е. М.*) впредь в село в Высокое с товаром торговати, и им, неявяся таможником, на подворье не ехати. А хто учнет в селе Высоком торговати или, приехав в село Высокое, не учнет таможником являтися..., и таможником имати с тех людей заповеди».

Из числа специфических особенностей грамоты на Высокое отметим отсутствие встречающейся почти во всех грамотах оговорки о невзимании тамги с жита (нет также в еремейцевской грамоте). Почему опущена здесь эта клаузула — потому ли, что в Высоком брали с жита тамгу или (что более вероятно) невзимание тамги с жита казалось само собой разумеющимся, — сказать трудно.

Важно отметить, что все пошлины, встречающиеся в публикуемой грамоте, как и в других грамотах на сельские торжки[66], платились деньгами и в основном в 90-х годах с цены товара, а не с его количества. Это создавало возможность для перехода впоследствии к единой рублевой пошлине.

Изучение формуляра и содержания публикуемой грамоты в основном подтверждает известные в науке положения о таможенной политике Русского государства XVI в.[67].

---

[65] ААЭ. Т. I, № 263, стр. 296.

[66] За исключением поплашного в еремейцевской и федоровской грамотах.

[67] Н и к о л а е в а А. Т. Указ. соч., стр. 245—264; Т и х о н о в Ю. А. Указ. соч., стр. 289—290.

Публикуемая грамота содержит также важный материал о занятиях населения Высоцкой волости. Прежде всего, она свидетельствует о разнообразии ремесленного производства. Как видно из грамоты, крестьяне волости занимались производством тканей (сукон, холстов), плотничеством: на рынке встречались в большом количестве материалы для построек — бревна, лубья, дранцы[68], тес, доски, колье, тычье, срубы, колоды. Распространена была и заготовка леса — на торг привозят дрова. Продавались также изготовленные из дерева корыта, решета, коробьи, гребенки, мочала, рогожи и т. п. Из сельскохозяйственных промыслов можно назвать пчеловодство (продавались мед и воск), рыболовство[69], заготовка пушнины (бобры, куницы, белки). Судя по представленным товарам, в волости было развито скотоводство (мясо, кожи); кроме обычных сельскохозяйственных культур (рожь, овес, ячмень, гречиха), жители волости специализировались на выращивании хмеля[70].

Как видно из грамоты, на торжке было много изделий ремесленного производства. Это подтверждает высказанное выше предположение о развитии в волости ремесла, о постепенном отрыве населения от сельского хозяйства. Это и привело через два столетия к превращению села в городское поселение.

Публикуемая грамота на сельский торжок является одним из важных источников по истории создания предпосылок единого всероссийского рынка, с образованием которого В. И. Ленин связывал начало «нового периода русской истории»[71].

* *
*

Грамота публикуется по подлиннику. Писана четкой скорописью на двух листах размером 38, 8×30,3 и 39×30,5.

Текст передается в соответствии с общими правилами издания документов XVI—XVII вв.[72]. После текста помещены краткие примечания.

Автор приносит глубокую благодарность А. А. Зимину, под наблюдением которого была осуществлена настоящая работа, а также И. М. Кудрявцеву, А. Т. Николаевой и Б. Н. Флоре, взявшим на себя труд ознакомиться с работой и сделавшим ряд ценных замечаний.

[68] Отсюда, вероятно, название починка — Дранников.
[69] Отсюда название деревни — Рыбинская.
[70] Ср. приведенную выше запись приходо-расходной книги о покупке хмеля у крестьян села.
[71] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 1, стр. 153—154.
[72] Подробнее о способах передачи текста см. в статье В. Б. Кобрина, помещенной в этом же выпуске «Записок», стр. 317—318.

1596 января 24. — Уставная таможенная грамота царя Федора Ивановича Чудову монастырю на село Высокое Коломенского уезда

Лета [1] 7104-г[о] генваря в 24 д[ень] бил челом государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии Чюдова монастыря архимарит Пахнутей(1) з братьею, а сказал: в Коломенском-де уезде, Чюдова монастыря в вотчине, в селе в Высоком, торг в откупу за крестьяны их, а таможных денег с того торгу платят они в государеву цареву и великог[о] князя Федора Ивановича всеа Русии казну, в приказ Большого приходу, по двенатцати рублев на год. И на тот-де торг в селе в Высоком была у них таможная уставная грамота, и тое-де уставную грамоту взяли у них розбойники. И ныне-де в селе в Высоком крестьяном их збирати таможных пошлин непочему. И государь бы царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии их Чюдова монастыря архимарита Пахнутья з братьею пожаловал, велел им в село в Высокое дати иную таможную уставную грамоту, какова им дана преж сего ис приказу Большого приходу, почему [2] в том селе крестьяном их таможные пошлины збирати.

И будет так, как государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии Чюдова монастыря архимарит Пахнутей з братьею бил челом, а села Высокого таможную уставную грамоту взяли будет у них розбойники, и ныне крестьяном их в том селе таможных пошлин збирати будет непочему. И Чюдова монастыря архимариту Пахнутью з братьею в вотчину их, в село в Высокое, дана иная таможная уставная грамота села Высокого ж с прежние с таможные с уставные грамоты, какова дана была Чюдова ж монастыря архимариту Христофору(2) з братьею в 89-м году.

Брати в селе в Высоком тамга, хто привезет в село Высокое мед, воск, хмель, соль, рыбу и мяхкой товар: бобры, куницы, белку, и всякой мяхкой товар иногородец, и таможником у них имать с рубля по четыре деньги, а хто тутошней человек, коломнетин и Коломенского уезда, привезет в село в Высокое мед, воск, хмель, соль, рыбу и всякой мяхкой товар, и таможником у них имати с рубля по полуторе деньге. // А хто понесет мясо, и сукна, и холсты, и таможником имати: с мяса с пяти полот полденьги, с стяга мяса — деньга, с коровы — деньга, з десяти боранов — деньга, с пяти холстов — полденьги, з десяти овчин — полденьги, с пяти понев — полденьги, с кожи коровьи или с лошадины — полденьги же. А хто привезет в село в Высокое всякой лесной товар: бревна, дрова, лубья, драницы, тес, доски, скалы, вереи, корыта, струбы, колоды, колье, тычье, решета, коробьи, гребенки, гребени, рогожи, хомутины, лыка, мочала, золу, и таможником с того лесного товару имати с рубля по деньги. А хто привезет больши или менши того, и ему имати тамга по розчету. А которые торговые люди учнут приезжати впредь в село в Высокое с товаром торговати, и им, не явяся таможником, на подворье не ехати. А хто учнет в селе в

л. 2

[1] *Писано вязью.*

[2] *Слова от* преж *до* поче *подчеркнуты.*

Высоком торговати или, приехав в село Высокое, не учнет таможником являтися и тамги с товару не учнут платити, и таможники их в том уличат, и таможником имати с тех людей заповеди с человека по гривне. А померное таможником имати со ржи, с овса, с ячмени, и з гречихи со всякого жита, с четырех четвертей московских — деньга. А брати им тамга и все таможные пошлины с царевых и великог[о] князя Федора Ивановича всеа Русии сельчан, и з деревеньщиков, и с патриарших, и с митрополичих, и с орхиепископлих, и со владычных, и со княжих, и з боярских, и с монастырских, и з грамотчиков, и со всех людей без омены, чеи хто ни буди, по сей уставной грамоте, как в ней писано.

К сей грамоте царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии велел печать свою приложити.

Печать черного воска.

На обороте:

Диак Ждан Порошин([3]) (скрепа по листам).
Правили подьячие Посничек Парфеньев да Данилко Запольской.

Примечания

([1]) *Пафнутий* (Пахнутей) — архимандрит Чудова монастыря с 1595 по 1604 г. Впоследствии митрополит Сарский и Подонский. См.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. Спб., 1877, стлб. 163.

([2]) *Христофор* — архимандрит Чудова монастыря с 1579 по 1587 г. См. там же.

([3]) *Ждан Порошин* — дьяк Приказа Большого прихода, известен в актах с 1592 по 1596 г. — См.: Садиков П. А. Указ. соч., стр. 295 и 297, а также документы (ф. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304), кн. 533, Кострома, № 95, л. 918 и кн. 527, Кострома, № 452, л. 476об.), на которые обратил внимание С. Б. Веселовский. См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. Т. II, стр. 127 и 142. (Рукопись). МО архива АН СССР, ф. 620, № 65.

Е. Н. Ошанина

ДОКУМЕНТЫ О КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СТЕПАНА РАЗИНА В ПОВОЛЖЬЕ

Крестьянская война под руководством Степана Разина — один из самых ярких моментов в истории антифеодальной борьбы народов нашей страны. И, естественно, каждый документ, прямо или косвенно сообщающий об этом восстании, представляет значительный интерес. Публикуемые документы из семейно-вотчинного архива Пазухиных, хранящегося в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина [1], вскрывают целый ряд существенных для истории разинского движения моментов.

* *
*

Документ № 1 представляет собой челобитную алатырского служилого человека Терентия Степановича Лихутина с просьбой оставить его вместо Ивана Мещеринова на «государевой службе» в городе Козьмодемьянске «за его службу, осадное сидение и разорение» [2]. Эти службы и осадное сидение были связаны как раз с участием Т. С. Лихутина в обороне Симбирска от войск Разина, а разорение — с действиями разинцев в Алатырском уезде.

Челобитная Лихутина не стоит особняком в числе источников по истории крестьянской войны: подобные челобитные подавали многие служилые люди, участвовавшие в подавлении разинского движения. Известна, например, коллективная челобитная рейтар, дворян и детей боярских, иноземцев и новокрещенов мурз и татар разных городов из полков Ф. А. Зыкова и А. А. Чубарова, сражавшихся под командованием окольничего кн. Ю. Н. Барятинского, с просьбой о вознаграждении их денежным жалованьем за разорение и потерю запасов в остроге Симбирска [3]. Известен также список лиц, получивших вознаграждение за участие в подавлении разинского движения [4].

В публикуемом документе сообщаются интересные подробности осады Симбирска и движения в Алатырском уезде.

Время подачи челобитной определяется примерно 1671—1672 гг. Дело в том, что большинство челобитных такого рода

---

[1] Ф. 221. Обзор этого фонда см.: Ошанин Е. Н. Архив Пазухиных. — «Записки Отдела рукописей». Вып. 12. М., 1951, стр. 5—38.

[2] Ф. 221, IV. 5.

[3] Попов А. Материалы для истории возмущения С. Разина. М., 1857, № III-12, стр. 84—85.

[4] Крестьяне и националы в революционном движении 1666—1671. Разинщина. М., 1931, стр. 332—351.

было подано в 1671 г., а упоминающийся в челобитной в качестве воеводы Козьмодемьянска И. А. Мещеринов занимал эту должность до ноября 1673 г.[5]. К тому же в челобитной Лихутин упоминает, что он находится на службе 36-й год, а так как службу начал он в 1635 г., то 36-й год его службы приходится как раз на 1671—1672 гг.

Т. С. Лихутин — обычный провинциальный служилый человек. Его поместный оклад, полученный в 1635 г. при верстании на службу, — 250 четвертей (далее ч.) [6]. По публикуемой челобитной известно его поместье — деревня Дурасово, Низсурского стана, Алатырского уезда. За свою почти 50-летнюю службу (в 1691 г. Лихутин был еще жив) [7] он выполнял многочисленные поручения — служил на засечной черте в Среднем Поволжье и на южной границе, участвовал в калмыцком и литовских походах [8] и за «чигиринскую службу» получил в вотчину 140 ч. из своего поместья — уже упомянутой деревни Дурасово [9]. С 1646 г. Лихутин был сотенным головой [10]. Эту же должность он исполнял во время подавления восстания Степана Разина в 1670—1671 гг. в полку боярина кн. Ю. Н. Барятинского, а затем в полку боярина П. В. Шереметева [11].

Продолжавшаяся с 4 сентября по 4 октября 1670 г. и окончившаяся поражением осада Симбирска разинцами была одним из важных моментов крестьянской войны. К Симбирску были стянуты значительные воинские силы и правительства и Разина [12]. Челобитная Лихутина упоминает о некоторых известных и по другим источникам эпизодах осады (взятие Разиным острога, уход осажденных в крепость). Сообщается о вылазках и сражениях «на поле», о захвате разинцами оставленного на посаде и в остроге имущества ушедших в осаду служилых людей из правительственных войск.

В челобитной Лихутина находим упоминание и о действиях разинцев в Алатырском уезде: здесь ими была разгромлена помещичья усадьба Лихутина в деревне Дурасово. Алатырь был взят

---

[5] Семевский М. И. Исторические и юридические акты XVII и XVIII вв. М., 1870, № 21.

[6] Ф. 221, IV. 6. О начале службы в 1635 г. Лихутин говорит также в своих «сказках» 1673, 1677, 1680, 1686 гг. См. там же, IV. 61, 4 л.; IV. 10; IV. 24; IV. 23.

[7] Этим годом датирована данная от его имени отпускная крестьянке А. Петровой. См. там же, IV. 68.

[8] О службах дворян Среднего Поволжья подробнее см.: Ошанина Е. Н. К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в. — В кн.: Русское государство в XVII в. М., 1961, стр. 50—74.

[9] Ф. 221, IV. 31; IV.6.

[10] Там же, IV. 14.

[11] То, что в Симбирске Лихутин был, как и раньше, сотенным головой, подтверждается, между прочим, тем, что он в ноябре 1670 г. получил от Барятинского приказ «своей сотни сотенным людям имать конский корм, сено и хлеб всякой покупать по указной цене» (ф. 221, IV.4).

[12] Подробнее об осаде Симбирска см.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, стр. 303—308; Попов А. Указ. соч., № III-3, стр. 62; № III-14, стр. 86—90; № IV-24, стр. 236; Соловьев А. И. Стенька Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губернии. Симбирск, 1907; Порфирьев С. И. Разинщина в Казанском крае. — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXIX, вып. 5—6, стр. 293.

разинским атаманом Максимом Осиповым 16 сентября 1670 г. во время осады Симбирска [13].

Нет никаких указаний на то, что челобитная Лихутина была удовлетворена, но за службу он был вознагражден землей и деньгами [14].

* *
*

Документ № 2 — челобитная вдовы Анны Ивановны Араповой — говорит также о событиях в Алатырском уезде [15]. Муж А. И. Араповой, Григорий Федорович, принадлежал к числу несколько более крупных провинциальных дворян, чем Лихутин, дослужившись до первого московского чина — жильца; оклад его составлял 650 ч. Из его владений известны село Араповка в Верхосурском стане, «порозжая земля» за рекой Ольховкой — всего 125 ч. земли[16], а также упоминаемое в публикуемом документе село Засарье. Челобитная была составлена, вероятно, около 1677 г., так как 5 сентября этого года была подана в Московский судный приказ [17].

В публикуемой челобитной несомненный интерес представляет упоминание об уничтожении или захвате восставшими документов феодального землевладения в поместье Араповой: «воровские казачишки, — по словам челобитчицы, — помесные и на дворовых людей крепости и всякие крепосные письма побрали» [18].

В челобитной говорится, что еще муж Араповой по свежим следам бил челом о разорении, но это челобитье погибло при пожаре Алатырской приказной избы. Можно предположить, что пожар в этом хранилище актов феодального землевладения уезда в годы обострения классовой борьбы в стране не был случаен.

* *
*

Иного рода, чем в охарактеризованных выше документах, содержится документ № 3 — «Росписи» Дмитрия Полоненинова о разорении его поместья в Арзамасском уезде во время крестьянскй войны [19]. В этом документе мы находим сведения о служилых людях, пытавшихся использовать крестьянское движение в своих личных, корыстных целях и ставших таким образом попутчиками крестьянской войны.

---

[13] О взятии Алатыря и движении там см.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, стр. 303; Попов А. Указ. соч., № III-16, стр. 92—94; Соловьев А. И. Указ. соч., стр. 21—23, 35—49.

[14] Он получил 160 ч. поместной земли и 15 рублей деньгами, а в 1672 г. включен в состав выбора. (Ф. 221, IV. 6, 15).

[15] Ф. 221, IV. 34.

[16] Ф. 221, VI.26, VI.32, IX.34, л. 1, XIII.34, л. 2.

[17] На челобитной стоит подпись зятя Араповой С. И. Пазухина. Пазухин получил Засарье в приданое весной 1677 г. в числе других поместных владений Араповых и торопился укрепить свои поместные права в Алатырском уезде. См.: Ошанина Е. Н. Хозяйство помещиков Пазухиных в XVII—XVIII вв. — «Вопросы истории», 1956, № 7, стр. 54—92.

[18] Сведения об уничтожении крестьянами крепостных документов на людей, грамот и выписей на владение землей встречаются и в других частях архива Пазухиных. См. I. 43; VII.26; VI.86.

[19] Ф. 221, IV. 83.

«Роспись» написана около 1673 г. по свежим следам событий [20].

Дмитрий Максимович Полоченинов — один из помещиков Арзамасского уезда. Семья Полочениновых упоминается в источниках в начале XVII в., когда некоторые из Полочениновых перешли на сторону Лжедмитрия II [21]. Земельные владения Полочениновых в Собакинском и Тешском станах упоминаются в 20-х—40-х гг. XVII в. [22]. Известны также поместья Максима Федоровича Полоченинова — отца Дмитрия. Ему в 1621-22 — 1622-23 гг. принадлежали часть деревни Забелино в Тешском стане, часть пустоши Воронцово в Залесном стане «за Собакинскими вороты» и часть деревни Слепых в Ичаловском стане [23].

Сам Дмитрий Максимович упоминается в источниках в более позднее время: в 1685 г. он был в числе дворян, сопровождавших царя Ивана Алексеевича в Ново-Иерусалимский монастырь [24], а в 1685-86 г. описывал и межевал земли Подгородного стана Темниковского уезда [25].

События, о которых идет речь в публикуемом документе, происходили в Арзамасском уезде, в котором повстанческое движение в годы крестьянской войны приняло особо широкий размах. В крупных торгово-промышленных селах Мурашкине и Лыскове, по численности населения превышавших не один окрестный город [26], было много работных людей (с поташных и др. заводов боярина Б. И. Морозова), представлявших собой горючий материал для народных восстаний. Неслучайно лысковцы и мурашкинцы вели длительную борьбу с одним из крупнейших феодалов этих краев — Макарьевым-Желтоводским монастырем [27], а затем приняли активное участие в крестьянской войне и в осаде монастыря — одном из наиболее острых эпизодов движения под руководством Степана Разина [28].

---

[20] Полоченинов указывает, что «пулька» у его сына была извлечена 29 декабря 1672 г. Вместе с тем 7181 г. (1672—73) Полоченинов называет «нынешним». Следовательно, челобитная была составлена между 29 декабря 1672 г. и 31 августа 1673 г.

[21] Веселовский С. Б. Арзамасские поместные акты. М., 1915 (далее АПА), №№ 246, 316, 394 и др.

[22] Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов, вып. 4. Писцовая книга Арзамасского уезда (1621—23 гг.). Ч. 1. Нижний-Новгород. 1915, стр. 6, 206; Медведев Д. О. Землевладение и сельское хозяйство в Арзамасском уезде XVII в. Приложение № 9. (Диссертация, машинопись).

[23] Писцовая книга Арзамасского уезда, стр. 6, 38, 206.

[24] Дворцовые разряды. Т. IV. Спб., 1855, стлб 322.

[25] Описание документов и бумаг Московского архива министерства юстиции. Т. 1, Спб., 1869, стр. 286.

[26] Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Вып. 2. Киев, 1919, стр. 627.

[27] О Макарьеве-Желтоводском монастыре и его отношениях с лыскозцами и мурашкинцами см.: Русская историческая библиотека. Т. XXI. Спб., 1907. Дела тайного приказа. Кн. 1, стлб. 92, 718, 833, 1350; Мельников П. Лысково. — Журн. «Иллюстрация», 1861, №№ 198—200.

[28] Подробнее об осаде монастыря и участии в восстании крестьян Лыскова и Мурашкина см.: Кабанов А. К. Две версии осады Макарьева Желтоводского монастыря разинцами в октябре 1670 г. — Действия Нижегородской губернской архивной комиссии. Т. XVII, вып. III. Нижний-Новгород, 1914, стр. 1—5; Соловьев А. И. Указ. соч. Приложение № 8, стр. 39.

В «Росписи разорению» рассказывается об одном из частных событий этого времени — о нападениях на поместье Дмитрия Полоченинова, совершенных служилым человеком Ганкой Исуповым. Первое из них относится еще ко времени самой крестьянской войны, к «бунтовому времени», когда крестьяне принадлежавшей Исупову деревни Гари разорили дом Полоченинова и «поимали без остатку» все его имущество.

Важно отметить, что, как видно из публикуемого документа, движение в Арзамасском уезде продолжалось и после того, как весной 1671 г. было подавлено восстание в Поволжье, в частности, в Арзамасском уезде, после падения осенью того же года последнего оплота восставших — Астрахани. Следующее нападение на поместье Полоченинова произошло 26 июля 1672 г. Из документа выясняется, что в Арзамасском уезде в разинском движении принимали участие не только крестьяне, но в качестве попутчиков и мелкие служилые люди, по крайней мере из числа крестившихся «инородцев» [29].

Об участии в крестьянской войне родственника Ганки Исупова Григория Лукьяновича весьма определенно сообщается в «Росписи»: освобожденный из тюрьмы в Лыскове во время восстания («как учинился воровской бунт в приход... Стенки Разина»), он встал под знамена восставших («с теми ворами был на многих боях против великого государя ратных людей»), воевал в Саранском уезде, а после подавления восстания был «в Красной слободе... пытан и повешен».

Описанное Полочениновым нападение Ганки Исупова на его поместье рисует картину мощного повстанческого движения: на поместье нападают не только крестьяне Исупова, но и «приборные сторонние воры», то есть целый отряд. Восставшие имеют в своем распоряжении «многих лошадей», у них есть и обоз («а иных водя на подводах ночью»), есть и пехота. Они вооружены огнестрельным оружием («нарядным делом», «всяким боем»), в том числе большими пищалями, а также «копьи гусарскими на длинных древках». Публикуемый документ, таким образом, дает также сведения о вооружении повстанческого отряда.

Изучающий восстание Степана Разина найдет в «Росписи» Дмитрия Полоченинова также ряд сведений об именах воевод, участвовавших в подавлении крестьянской войны, о местах расправ над повстанцами.

Публикуемый документ представляет интерес не только для изучения истории крестьянской войны под предводительством

---

[29] Фамилия Ганки Исупова свидетельствует о происхождении его из исповедывавших мусульманство народов Поволжья, русские же и христианские имена его и родственников показывают, что Исуповы были крещены по крайней мере в конце XVI в. Шестак Андреев Исупов, упоминаемый в документе, встречается в источниках еще в 1588 г., когда он отделял земли арзамасским служилым людям. См.: АПА, № 42, стр. 41. Участие мелких служилых людей нерусских народностей в разинском движении подтверждается и другими материалами. В отписке полкового воеводы кн. Ю. А. Долгорукова от 26 декабря 1670 г. упоминается мордвин П. Евлашев, служивший в сотне Т. С. Лихутина (см. документ № 2), который перешел на сторону восставших и «ходил с мордвою атаманом, и с воровскими казаками во всех боях была». (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. II. М., 1957, стр. 463).

Степана Разина, но и для исследования других антифеодальных выступлений народных масс. Стремясь всячески опорочить Исупова перед властями, Полоченинов подробно перечисляет все прегрешения членов его семьи, начиная от деда. Многие из родственников Исупова оказываются связанными и в прошлом с крестьянским движением. Таков упоминавшийся выше Григорий Лукьянович Исупов, бывший участником крестьянской войны, таков и дед Ганки — Шестак Андреевич. Приведенные в документе сведения о Шестаке Исупове содержат новые известия о крестьянской войне и классовой борьбе в начале XVII в. В «Росписи» Полоченинов пишет, что Шестак Исупов был «за воровство повешен за ноги, что татарин, на Воле реке, при боярине, при Федоре Ивановиче Шереметеве». Дата этой казни устанавливается по упоминанию челобитной его сыновей, писавших, что его «не стало» в 1607-08 г. [30]. Именно в это время воевода Ф. И. Шереметев подавлял в районе Чебоксар и Арзамаса крупное восстание местного населения — мордвы, мари, татар; среди восставших были и местные феодалы — мурзы [31]. Вероятно, участником этого восстания был и Шестак Андреевич Исупов.

Инициатором небольшого восстания в Арзамасе против «крестьянских сыщиков» Ивана Ржевского «с товарыщи» был отец Ганки — Семен Шестаков сын Исупов. То, что представители правительственной администрации, разыскивавшие беглых крестьян, из-за «бунтовского гиля, покиня государевы дела, одва ис приказу ушли не биты в Спаской монастырь», представляет несомненный интерес для изучения истории классовой борьбы в середине XVII в

Многочисленные «изменные дела» и «разбои» приписывает Полоченинов и другим членам семьи Исупова и самому Ганке. Естественно, надо сделать поправку на тенденциозность изложения, на то, что многие из приписываемых Г. Исупову и его родственникам действий были, возможно, просто уголовными преступлениями. Однако общая тенденция — участие в качестве попутчиков в крестьянском движении мелких служилых людей, особенно из числа крестившихся представителей нерусских народностей, — прослеживается достаточно отчетливо. Использование мелкими служилыми людьми крестьянского движения в личных целях вполне вероятно. Могло иногда встречаться проявление национальных чувств и, в отдельных случаях, некоторое сближение социальных позиций казачества и мелких феодалов.

* *
*

Публикуемые документы, освещающие разные стороны движения под руководством С. Т. Разина в Поволжье, дают нам новые сведения об участниках восстаний в XVII в. в этих краях, об отдельных выступлениях против правительственной администрации. Эти материалы уточняют некоторые фактические сведения о кре-

---

[30] АПА, № 240, стр. 339.

[31] Загоскин Н. П. Казанский край в смутное время. Казань, 1891, стр. 93—99, 111—115; Акты исторические, собранные Археографической экспедицией. Т. II. Спб., 1841, № 203.

стьянской войне, конкретизируют наши представления об этом движении. Публикуемые челобитные и «роспись» представляют тем больший интерес, что в науке известно сравнительно немного документов частных лиц, содержащих сведения по истории крестьянской войны 1670—1671 гг., которая изучалась главным образом по официальным материалам.

* *
*

При передаче текста публикатор следовал правилам, изложенным выше, в статье В. Б. Кобрина, помещенной в этом же выпуске «Записок» [32].

№ 1

[1671—1672 гг.] — Челобитная Терентия Степановича Лихутина с просьбой оставить его на государевой службе в г. Козьмодемьянске вместо Ивана Мещеринова «за его службу, осадное сидение и за разорение»

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьет челом холоп твой алаторец Терешка Степанов сын Лихутин. Служу я, холоп твой, тебе, великому государю, тритцать шестой год, а как и почем тебе, великому государю, служил и без отпуску [и ни] з которой службы не съезживал и в нетах нигде меня, холопа твоего, нет.

Да в прошлом во 179 году по твоему, великого государя, указу был я, холоп твой, на твоей, великого государя, службе в полку бо́ярина и воеводы у князя Юрья Никитича Барятинского(1) в Синбирску. И как к Синбирску приходил вор изменник и крестопреступник Стенка Разин с воровскими казачишки и в Синбирску астрог взяли, а у меня, холопа твоего, в том астроге человека убили Стенку Федорова и лошеди и платьишка и запас и всякую рухледь побрали. А я, холоп твой, разореной в полку у боярина у князя Юрья Никитича Барятинского твою, великого государя, службу служил и всякую нужу терпел с приезду ево и до отпуску. А в Олаторском уезде в деревнишке моей воры ж изменники домишка мой разорили, достольне платьишка, и хлеб, и лошедей побрали, и животину всякую побили и побрали.

Да в том же во 179 году был я, холоп твой, на твоей, великого государя, службе в Синбирску ж в полку боярина и воеводы у Петра Васильевича Шереметева(2) с товарыщи. И как к Синбирску приходили воры изменники и на поле с теми ворами у нас, холопей твоих, был бой, и на том бою я, холоп твой, ранен, заколот копьем в брюхо под самаю грудью, и от тое раны я, холоп твой, многое время скорбел и одва ожил.

---

[32] См. стр. 317—318.

А запас и платьишка поставлена было на посаде в Синбирску. И как мы в осаду пошли от тех воров в город и я, холоп твой, запасу своего и платьишка в осаду не поспел увести. И те воры изменники тот мой запас и платьишка побрали, и после того бою сидел я, холоп твой, в осаде в Синбирску и вскую нужу терпел, и на вылоске у меня, холопа твоего, другова человека убили — Абрашку Кузмина.

А я, холоп твой, от их изменничья воровства вконец разорился и жить стало нечем.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, за ту мою службишку, и за рану, и за осадная сиденья и за разоренья вели, государь, мне быть на своей, великого государя, службе в Кузмодемьянску на Иванова места Алексеева сына Мещеренинова(3) как доведетца ево переменить по твоему великого государя указу. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

№ 2

[1672 декабря 29 — 1673 августа 31]. — «Роспись» помещика Дмитрия Полоченинова о разорении его поместья в Арзамасском уезде во время Крестьянской войны

Роспись разоренью Дмитрея Полоченинова и улика ведомым ворам крестопреступником изменником, и церковным татем, и человекоубийцам, бунтовщиком, ябедником, и составщиком, и озорником арзамасцом Исуповым, кто что своровал и от чево где которой пропал.

В прошлом во 180 году июля в 26-м числе своровал Ганка Исупов(4) с людми своими, со крестьяны и с приборными сторонними ворами, воровским умышлением и нарядным делом на многих лошедях ездя, а иных водя на поводах ночью, потолочили у меня на сенной моей земле восмь десетин ржи и втоптали в землю. Да он же, вор, наутрея с теми ж конными ворами и со всяким боем приезжал на полишка мое, хотя меня и детишек моих побить до смерти. И я от нево, вора, ушол на лошеди к себе в деревнишку, а детишка ушли одва пеши в лес. И он, вор, устрасчивал меня и людишек и крестьянишек моих и, поругаясь домишку моему, в поле против дворишка моего стреляли изо многих пищалей долгое время. А пешие ево заводные воры, люди и крестьяне, со всяким же боем и с копьи гусарскими на длинных древках стояли у лесу в прикрыт[ь]е по конец полишка моего. И стреляв, он, вор, с товарыщы своими на полишке моем поехали к той же моей потолоченой рже, кою он ночью потолочил, и стали все конные и пешие воры в прикрыт[ь]е в лесу и в овраге ждать меня з детишками к той моей потолоченой рже, хотя ж нас побить до смерти. И ждали долгое время и дождався на моей земле застрелили из большие пищяли сынишка моего Андрюшку в грудь против серца, и та пулька была в нем. И в нынешнем во 181-м году декабря в 29 числе по указу великого государя и по приказу околничего Артемона

Сергеевича Матвеева (5) оптекарские полаты лекарь Федот Васильев (6) тое пульку у сынишка моего ис под правые лопатки, розрезав, одва вынел. И он от прежние и нынешние раны лежит при смерти. Да в ту ж пору оне, воры, застрелили из большие ж пищяли человека моего Савку Иванова в левую руку пониже плеча насквозь, и он от той раны одряхл и рукою не владеет.

Да ево ж, воровы, крестьяне деревни Гарей (7) Ротка, да Ортюшка в бунтовое время с товарыщы своими разорили домишка мое и животишка мои все поимали без остатку. И после того теж
л. 2 ево, воровы, крестьяне Ротка, да Артюшка приведены в Орзамас // с краденымы лошедми, и в том воровстве в Орзамасе пытаны и пытки винились.

Да он же, вор, с людми своими в прошлом во 177-м году в Орзамасе ж приходил пьян воровски ночью на двор к воеводе князь Степану Шелешпальскому (8), а он, князь Степан, в ту пору спал, и к хоромом к нему с людми своими приступал, и поленьем в окно бросали и ево, князь Степана, и жену ево лаели всякими погаными словами. Да он же, вор, в дому своем бил арзамаского пушкаря Ганку Агеева, и он от тех ево побой одва ожил. Да он же, вор, едучи к Москве на Муром [в] лесу изрубил саблею брата своего Александра Исупова, и он от тех ран одва ж ожил. Да он же, вор, здесь на Москве в прошлом во 176-м году в Помесном приказе и в Судном Московском и в Потриарше приказе искал на брате своем родном, на Данилке, многих исков, а он, Данилка, на нем, воре, искал въстрешно многих же исков, и в тех их судных делах и в очных ставках многия [1] их ябедничья воровство и улики меж ними объевились.

А отец их, Сенка, в Орзамасе приходил бунтовским гилем в съ[є]зжую избу к сыщиком крестьянским к Ивану Ржевскому (9) с товарыщы з большим невежством и он, Иван, с товарыщы своими, покиня государевы дела, одва ис приказу ушли не биты в Спаской моностырь (10). И о том ево, Сенкине, воровстве писал он, Иван, к великому государю к Москве, и то ево, Сенкина, воровство и бунтовской гиль сыскан. И за то он свое воровство с товарыщы своими сосланы в Астрахань. А и в Астрахане он, Сенка, воровал же ябедою своею и составом многих людей продавал и бещестил. А он, Ганка, был в Астрахане с отцом своим и он ябеде и составу воровскому научился у отца своего, Сенки.

А дед его, Ганкин, Шестак за воровство ж повешен за ноги, что татарин, на Воле (11) реке при боярине при Федоре Ивановиче Шереметеве (12). А брат ево, Ганкин, родной Данилка во 174-м году побил до смерти на Муромском большом лесу из-за [2] многих пожитков Арзамаской съезжей избы подьячего Максима Шешукова да окольничего Ивана Федоровича Стрешнева (13) человека ево Ивана Парфеньева. А ехали оне с Москвы в Орзамас, и тела их сысканы и погребены в Орзамасе. И то ево, Данилково, воровство обличалась в Орзамасе и на Москве в Розбойном приказе, и о том, ево, Данилкове, воровстве посланы из Розбойнова приказу великого государя грамоты к воеводам в Орзамас да в село Мурашкино по челобитью окольничего Ивана Федоровича Стрешнева

[1] *В рукописи* мноя.
[2] *В тексте* иза.

человека ево Зиновья Зажарскова. А велено ево, Данилка, с товарыщы ево в том убойстве отослать из Орзамаса в село Мурашкино к Давыду Племянникову(14). И он, Данилка, ведая за собою воровство, от очной ставки убитова от подьячевы жены хоронился и по смерть свою от того воровства не очистился.

л. 3 А сродники ево, Ганкины, дядья и братья, Ивашка Исупов, прозвище Змейка, убит на воровстве на реке Пьяне под // селом Наумовым(15) на большой дороге. А та дорога и ныне лежит через ево, Ивашкова, поля, где он жил, а ездят ею торговые всякие люди по торгам со всякими товары. А он, Ивашка, на той дороге воровал, от тово и пропал безвесно. Андрюшка Исупов убит на воровстве ж меж села Сыробоярскова(16) и деревни их Исуповы на большой же дороге. А убил ево до смерти от себя боронясь и от животов своих, Иван Чаадаев(17). А вез он из Орзамаса ис Спаского моностыря животы свои в деревню свою Вацкую(18) мимо их, Исуповых, деревни. А он, Андрюшка, з братьею своею, уведав про те ево, Ивановы, животы, выехали на дорогу те животы у него, Ивана, отнять. И он за то ево, вора Андрюшку, застрелил ис пистоли. И про то их, Исуповых, воровство посылан с Москвы сыскивать с Орзамас дворенин Иван Микифоров сын Арбузов(19). И то их воровство сыскано. И по тем обыском оне воры, Исуповы ему, Ивану Чаадаеву, в бещестье и в животах ево восмисот рублех обинены в Судном Московском приказе. И тот ево, Иванов, иск оне, воры Исуповы, с правежу платили, а за бещестья ево были в тюрме неделю, а убитой вор пропал даром. А брат ево, Андрюшкин, родной Лучка Исупов убит на воровстве ж в селе Верякушях(20) безвесно, и ныне на том месте стоит столб. А побиты оне, воры в Орзамаском уезде не в давных годах. А дети ево, Лучкины: Оська был вор же и плут великой, и не хотя здесь повешен быть, великому государю изменил, отъехал ис Смоленска в Литву. Другой ево сын Гришка в Орзамасе покрал церковь Иоанна Богослова. И тут ево, вора, тое церквы поп Никифор с прихожены своими поимали и привели в приказную избу перед воеводу. И в том воровстве он, Гришка, в распросе до пытки повинился и заступою ево, Ганкиною, и брата ево Данилка он, Гришка, в Орзамасе из тюрмы освободился. И после того въскоре перед воровским бунтом в Мокарьевскую ярмонку он же, вор и церковный тать Гришка, из дву рублев убил до смерти под селом Лысцовым арзамаскова подьячева попова сына Фетку Ерофеева. И в том он убойстве поиман и приведен в село Лысцово к воеводе, к Лаврентью Симанскому(21). И в роспросе до пытки в том убойстве винился, и после роспросу пытан и с пытки в том и во многих воровствах винился ж. И посажен был в Лысцове в тюрму до указу великого государя. И как учинился воровской бунт в приход вора и крестопреступника Стенки Разина, и ево, вора и душегубца и церковного татя Гришку, воровские казаки ис тюрмы освободили. И он, вор, с теми ворами был на многих боях против великого государя ратных людей. Да он же, вор Гришка, в ту пору в Саранском уезде убил до смерти тестя своего атемарца Прохора Алашеева(22) и многих дворян побили до смерти. И в Саранском же уезде он, вор Гришка, поиман и приведен в Красную Слободу(23) к боярину и воеводе ко князю Юрью Алексеевичу Долгору-

ково([24]) с товарыщы. И в Красной Слободе он, ведомой вор и изменник и душегубец и церковный тать пытан и повешен.

Тем ево вора Ганку воровством их уличаю.

На обороте по склейкам:

К сей росписи и улике Димитрий Полоченинов[3] руку приложил[4].

№ 3

Не позднее 5 сентября 1677 г. — Челобитная Анны Ивановны Арапово́й о нападении «воровских казаков» и о разорении поместья ее мужа и краже крепостных документов.

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьет челом раба твоя Григорьевская женишко Арапова вдова Анютка Иванова дочь.

В прошлом, государь, во 179 году в Алатырском уезде в поместейцо мужа моего в село Засарье приезжали многие люди воровские казаки и домишко, государь, мужа моево розграбили и раззорили без остатку, и которые, государь, были помесные и на дворовых людей крепости и всякие крепосные писма побрали. И про то, государь, раззоренье челобитье мужа моего тебе, великому государю, на Алатыре в приказной избе записано было. И после, государь, того челобитья мужа моего на Алатыре приказная изба згорела, и то, государь, челобитье и явки в то время мужа моего згорело[5].

Милосердый государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь и всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец, пожалуй меня, рабу свою, вели, государь, челобитье мое и явку записать. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте:

К сей явошной челобитной Сенка Пазухин([25]) вместо тещи своей Аны Ивановы дочери по ее челобитью руку приложил.

186 году записано челобитье вдовы Анны Григорьевской жены Арапова в Судном Московском приказе сентября 5 числа. А записывал подьячей Иван Денин.

Примечания

([1]) *Барятинский Юрий Никитич*, кн. — в 1668 г. окольничий. См. Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853, стр. 43. В это время он был полковым воеводой, сначала товарищем воеводы П. С. Урусова, позднее Ю. А. Долгорукова. См.: Крестьянская война под предводительством С. Разина. Т. II. М., 1957; с февраля 1671 г. — боярин. См.: Дворцовые разряды. Т. III. Спб., 1852, стлб. 871, 879, 880 и др.

([2]) В это время было два П. В. Шереметевых: *П. В. Большой* (ум. 29 апр. 1690 г), боярин, и его племянник *П. В. Меньшой* (1650—1697 гг.). См.: Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. III. М., 1856. В настоящем до-

[3] *Можно прочитать* Полочанинов.

[4] *Слово* приложил *написано на лицевой стороне документа.*

[5] Згорело *вписано над строкой вместо зачеркнутого* пропало безвесно.

кументе говорится, очевидно, о П. В. Большом, боярине с 1658 г., воеводе в Симбирске (1671 г.). См.: Дворцовые разряды. Т. III. Доп. Спб., 1854, стлб. 77, 85, 98; Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн. 1. Спб., 1881, стр. 2, 3, 450; кн. 6. Спб., 1892, стр. 115—551; Барсуков А. П. Списки городовых воевод. Спб., 1902, стр. 102, 208.

(3) *Мещеринов* (Мещеренинов), *Иван Алексеевич* — служилый человек, ростовский помещик, воевода г. Козьмодемьянска (март 1671 г. — ноябрь 1673 г.) и Сурского острога (февр. 1674 г. — апр. 1675 г.). См.: Барсуков А. П. Списки городовых воевод. Спб., 1902, стр. 107, 220; Дворцовые разряды. Т. III, стлб. 1551; Т. IV, стлб. 422. Подробнее о нем см.: Рязановский Ф. А. Крестьяне Галичской вотчины Мещериновых в XVII в. и пер. пол. XVIII в. Галич, 1927.

(4) Исуповых в Арзамасском уезде было несколько семей: в Тешском стане в деревнях Исупово, Сумароково, Наполная, Хирино, в Ичаловском стане в селе Верякушах, в Собакинском стане в селе Наумово. Последние два села упоминаются в настоящем документе как местожительство родственников Ганки (Гавриловых?) Семеновича Исупова. См.: Писцовая книга Арзамасского уезда (1621—23 гг.). Медведев Д. О. Указ. соч. Приложение № 9.

(5) *Матвеев, Артамон Сергеевич* (1625—1682) — окольничий, до 1676 года ведал Аптекарским приказом. См.: Иванов П. И. Алфавитный указатель..., стр. 256; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М., 1946, стр. 273; Материалы для истории медицины в России. Спб., 1885, вып. 4, стр. 865—867, 1294.

(6) Лекарь — упоминается несколько раз среди русских лекарей в делах Аптекарского приказа, с указанием оклада. См.: Материалы для истории медицины в России. Спб., 1884, вып. 3, стр. 828, 834, 847.

(7) Деревня Гари была расположена в Арзамасском уезде. См.: Списки населенных мест Российской империи, XXV. Нижегородская губ. Спб., 1863, стр. 27, № 517.

(8) *Шелешпанский* (в документе Шелешпальский), *Степан Семенович*, кн. — воевода города Арзамаса в 1668 г. мая 11. См.: Барсуков А. П. Списки городовых воевод. Спб., 1902, стр. 6; Титов А. Списки воевод города Арзамаса. — «Чтения ОИДР», 1909, кн. 3. IV разд. Смесь.

(9) *Ржевский, Иван* — воевода города Арзамаса или служилый человек, присланный сюда для сыска беглых крестьян. В 1598 г. воеводой города Арзамаса был Иван Степанович Ржевский. См.: АПА. Указатель личных имен, стр. 690. В других справочниках (Иванов П. И. Алфавитный указатель..., стр. 354 и Дворцовые разряды, тт. I, II, III, IV) указано несколько Иванов Ржевских.

(10) Спасский монастырь расположен в городе Арзамасе. В 1655—1676 гг. игуменом был Иона. См.: Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. Спб., 1877, стр. 616.

(11) На территории Европейской России есть несколько рек под названием Воля. Одна река Воля — приток Ветлуги, другая — приток Вычегды. Здесь идет речь, очевидно, о притоке Ветлуги, впадающей в Волгу около Козьмодемьянска.

(12) *Шереметев, Федор Иванович* (1573—1650) — боярин. В 1601—1602 гг. послан Борисом Годуновым воеводой в Тобольск. См.: Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн. 1. Спб., 1881, стр. 446; Барсуков А. П. Списки городовых воевод, стр. 235; Иванов П. И. Алфавитный указатель..., стр. 473.

(13) Во всех справочниках указываются два брата Стрешневых — Иван Федорович Большой и Иван Федорович Меньшой. См.: Долгоруков П. Российская родословная книга. М., 1856. Ч. IV, № 51, стр. 412; Иванов П. И. Алфавитный указатель..., стр. 393.

И. Ф. Большой — окольничий с 1654 г. — Дворцовые разряды. Т. III. Спб., 1852, стлб. 403, 404, 414. *И. Ф. Меньшой* — окольничий с 1655 г. — Там же, т. III. Доп., стлб. 7, 41, 364. По тексту документа не удалось установить, какой из братьев здесь упоминается.

(14) Воевода села Мурашкина, которое перешло в дворцовое ведомство после смерти боярина Б. И. Морозова в 1662 году. Об отписных книгах 1665 г. воеводы Д. Племянникова см.: РИБ. Т. XXI. Дела Тайного приказа. Кн. I. Спб., 1907, стр. 23, 26, 30, 706, 733. О нем также в книге: Соловьев А. И. Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губ. Симбирск, 1907. Приложение № 8. В переписных книгах 1670-х годов Мурашкино называется уже **городом.** — ГБЛ, ф. 178, № 4516 и № 9986.

([15]) Село Наумово по переписным книгам 1646 г. находилось в Собакинском стане Арзамасского уезда, где было поместье Исуповых. См.: Медведев Д. О. Землевладение и сельское хозяйство в Арзамасском уезде в XVII в. Приложение № 9, стр. 373, № 41. Диссертация.

([16]) Село Сыробоярсково или Сворobоярсково упоминается в писцовых книгах 1621—23 гг. в Тешском стане. См.: Материалы по истории Нижегородского края, вып. 4. Писцовая книга Арзамасского уезда (1621—23 гг.). Нижний-Новгород, 1915, стр. 1, а также в Списках населенных мест Нижегородской губ., стр. 31, № 602.

([17]) Очевидно, в этом документе упоминается Иван Артемьевич Чаадаев, арзамасский городовой дворянин в 1627—1629 гг. и дворянин московский в 1636—1640 гг. См.: Иванов П. И. Алфавитный указатель..., стр. 447—448. Поместья И. А. Чаадаева были в дер. Вацкой и других Тешского стана, всего 335 четв. См.: Писцовая книга Арзамасского уезда (1621—23 гг.), № 3, стр. 1, 13, 15.

([18]) Деревня Вад или Ватцкая, принадлежавшая Ивану Чаадаеву, расположена в Тешском стане Арзамасского уезда. См.: Писцовая книга Арзамасского уезда (1621—23 гг.), стр. 1, 13; Медведев Д. О. Указ. соч. Приложение № 9, стр. 356, № 10. Деревня Вад расположена между г. Арзамасом и Мурашкиным, на большом торговом тракте в 15 км от Арзамаса. См. карту, приложенную к Очеркам истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955 и Списки населенных мест Нижегородской губ., стр. 31, № 603.

([19]) Арбузовы упоминаются и в писцовых книгах 1621—23 гг. и в переписных книгах 1646 г. См.: Писцовая книга Арзамасского уезда (1621—23 гг.); Медведев Д. О. Указ. соч. Приложение № 9.

Иван Никифорович — дворянин московский в 1629—1640 гг. См. Иванов П. И. Алфавитный указатель..., стр. 11; Дворцовые разряды. Т. II, Спб., 1851, стлб. 81, 282, 457, 585.

([20]) Село Верякуши расположено в Ичаловском стане Арзамасского уезда на р. Авше. См.: Писцовая книга Арзамасского уезда (1621—23 гг.), стр. 17, Списки населенных мест Нижегородской губ., стр. 16, № 308.

([21]) Воевода села Лыскова, которое перешло в дворцовое ведомство после смерти боярина Б. И. Морозова. — *Симанский Лаврентий Богданович* — дворянин московский в 1658, 1668 гг. См.: РИБ, Т. XXIII. Спб., 1904, стр. 959, 1201, РИБ. Т. XXI. Спб., 1907, стр. 26, 500, 706, 752; Соловьев А. И. Указ. соч. Приложение № 8, стр. 39.

([22]) Фамилия Алашеевых встречается среди помещиков Казанской губ. по Ногайской дороге в с. Троицком. См.: Список алфавитный Казанской провинции дворянам и прочим владельцам. Казань, 1908, стр. 1, а также среди помещиков Арзамасского уезда. См.: Писцовая книга Арзамасского уезда (1621—23 гг.), стр. 6, 210.

([23]) Дворцовое село в Темниковском уезде. После 9 декабря 1670 года, когда село было занято воеводой Долгоруковым, — место сбора правительственных войск и расправы над восставшими. См.: Попов А. Материалы для истории возмущения С. Разина. М., 1857 и Сборник «Крестьянство и националы в революционном движении 1666—1671. Разинщина». М.—Л., 1931, стр. 65, 85, 411.

([24]) *Долгоруков, Юрий Алексеевич*, кн. (ум. 1682) —с 1648 г. боярин и воевода. Назначен вместо П. С. Урусова главнокомандующим правительственных войск, подавлявших восстание Степана Разина. См.: Долгоруков П. Сказания о роде князей Долгоруковых. Спб., 1840, стр. 17; Иванов П. И. Алфавитный указатель..., стр. 118; Крестьянство и националы в революционном движении 1666—1671. Разинщина. М.—Л., 1931, стр. 371—372 и др.

([25]) *Пазухин, Семен Иванович* (ум. 1709) — помещик Алатырского уезда, владел еще поместьями в Московском, Костромском, Симбирском уездах. Фондообразователь архива Пазухиных (ф. 221), хранящегося в отделе рукописей ГБЛ. См.: Обзор архива в «Записках отдела рукописей». Вып. 12. М., 1951.

Л. В. Тиганова

АКАФИСТ КРЮЧКОТВОРЦУ

Неизвестная сатира XVIII века

Публикуемый «Акафист крючкотворцу» [1] помещен в литературном сборнике, приобретенном отделом рукописей ГБЛ в 1959 году [2] (ф. 218, № 900, лл. 63—65об.).

Рукопись содержит редкое по своей полноте собрание сатирических произведений, прежде всего сатир XVII века, получивших в последующем столетии новую обработку [3]. Существование в конце XVIII века тех же злоупотреблений в судопроизводстве и той же распущенности нравов духовенства, которые были отражены в сатирических повестях XVII века — «Шемякин суд», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Сказание о куре и лисице», «Калязинская челобитная», «Сказание о попе Саве» и др., объясняют интерес к ним демократического читателя XVIII века. Помимо обличительной стороны этих сатир, читателя привлекали художественные их достоинства, они служили стимулом к творчеству и предметом литературных контаминаций и переделок. Благодаря этому известные с XVII столетия повести часто появляются в новых редакциях или с теми или иными добавлениями и исправлениями. В таком обновленном виде помещены перечисленные повести в нашем сборнике, причем новые стихотворные редакции повестей о Шемякином суде и о Ерше Ершовиче созданы самим составителем сборника [4]. В основе их лежат одноименные прозаические тексты к лубочным картинкам [5].

Помещенные в сборнике другие сатирические повести XVII века тоже во многом отличаются от известных списков. Это касает-

---

[1] Заглавие дано нами; в рукописи произведение без заглавия.

[2] См. «Записки отдела рукописей». Вып. 23. М., 1960, стр. 120—126. По словам А. И. Яковлева, от которого поступила рукопись, сборник принадлежал ранее проф. В. Ф. Саводнику.

[3] Полный перечень статей сборника и соотношение их с опубликованными текстами даны в указанном выпуске «Записок отдела рукописей».

[4] На это указывает и перестановка слов в строке, произведенная для соблюдения рифмы, и заключение в квадратные скобки лишних слов, замененных тут же новыми.

[5] Так, первые шесть слов подписи под картинкой о Шемякином суде сохранены без изменения («В некоторых полестинах два брата живяше») и составляют в новой редакции начальную строку; в рифму к ней сочиняется другая: «Якоже обычай им бяше». Третья строка состоит из последующих слов лубочного текста («Един богат, а други убог») и к ней присочиняется строка: «Не имеяше себе кроме брата иных другов» и т. д.

То же самое наблюдается и в переделке лубочной повести о Ерше Ершовиче (лл. 165—168) с той лишь разницей, что в ней больше, чем в предыдущей, вставлено сочиненного составителем текста, в частности, добавлена новая концовка.

ся и «Калязинской челобитной», четко разделенной на парные рифмованные строки с бо́льшим разнообразием неглаго́льных рифм, и «Сказания о куре и лисице», где ремарки расширены рифмующимся текстом, а в конце помещены два заключения [6], и «Сказания о попе Саве», имеющего более пространный славник в конце, и интересной контаминации ряда рукописных и лубочных [7] редакций «Росписи о приданом».

В сборнике содержатся и пародийно-сатирические произведения, созданные уже в XVIII веке: «Ныне употребляемое саксонских крестьян «Отче наш» — пародия, приписываемая М. В. Ломоносову (часто встречается в рукописях), «Челобитная гонимого из азбуки ера» — безымянная сатира на директора Российской академии наук С. Г. Домашнева, гневная «Челобитная крымских солдат», рассказывающая о безысходности и однообразии подневольной солдатской жизни, «Дело о побеге из Пушкарских улиц белого петуха от куриц» — шутливая пародия на дело о сыске беглых.

В сборнике находятся также рифмованные жарты старшего цикла [8] под заглавием «Увеселительные жарты. // Хотя не для исторического сочинения, // Но для всякого увеселения» — 16 новелл на бытовые темы, полных народного юмора и задора (о мужике и глупой жене, о воре, о лекаре, о лгуне и другие).

Бо́льшую часть сборника занимают тексты, списанные с подписей к лубочным картинкам [9], хотя существовавшая в XVII—XVIII веках взаимосвязь лубочного и рукописного текстов, как правило, выражалась в использовании лубком рукописного текста, обратное же заимствование происходило реже. Наличие в сборнике текстов лубочных подписей без изображения на ту же тему подтверждает возможность их самостоятельного существования и распространения в рукописях наряду с популярными повестями и другими произведениями демократической литературы.

Следует отметить, что выбор выписанных подписей однороден и, вероятно, не случаен. Все они, в соответствии с рубриками, намеченными Д. А. Ровинским [10], являются «забавными листами», шуточными бытовыми сценками; бо́льшая их часть написана просто-

---

[6] Последнее из них (краткое), по-видимому, сочинено составителем сборника; оно приписано теми же бледными чернилами, которыми сделаны писцом исправления в тексте. В заключении делается попытка перенести смысл повести в область человеческих отношений.

[7] Возможно, рукописных текстов, легших в основу лубков.

[8] Жарты старшего цикла — определение В. П. Адриановой-Перетц в ее неизданной работе «Стихотворные жарты XVIII века». См.: Кузьмина В. Д. Русский демократический театр XVIII века. М., 1958, стр. 19.

[9] Подтверждением заимствования текста из лубка, а не из какой-то рукописи, легшей в основу лубочных подписей, является точное совпадение текстов нашей рукописи и лубочных (см. подробнее об их соотношении в «Записках отдела рукописей». Вып. 23. М., 1960, стр. 121—126), а в ряде случаев — сохранение нумерации лубочного текста. Так, текст лубочной повести о Ерше Ершовиче разделен на 10 пунктов, кроме того, 33 картинки с подписями изображают историю поимки и съедения Ерша (первая подпись: «Послали миром Першу...»). Деление на 10 пунктов сохранено и в данной стихотворной редакции повести, как оставлены и 33 пункта при текстах подписей.

[10] Ровинский Д. Русские народные картинки. Кн. 1. Спб., 1881, стр. IV.

народной речью, близкой к прибаутке, подчас раешным стихом, за исключением текстов, в основе которых лежат притчи, эпистолы и эпиграммы А. П. Сумарокова [11].

Рядом с повестями, жартами и лубочным текстом в сборнике помещены небольшие комедии бытового характера — цикл интермедий о Гаере («Гаер и старуха», «Гаер и молодка», «Гаер, цыган и купец»), комедия «Гаерская свадьба». Их герой — лукавый Гаер, насмехающийся над хозяином, над хитростями женщин. В них все наполнено чисто народным юмором.

Интерес составителя к устному народному творчеству виден из включенного в сборник ряда пословиц (расположенных по алфавиту), касающихся житейской тематики, в частности, пьянства, хмеля, причем собраны пословицы и в пользу, и против него. Включены также и загадки.

Из указанного выше видно, что основное содержание сборника составляют произведения рукописной демократической литературы XVII—XVIII веков. Наряду с этим в нем имеется целый раздел выписей из Письмовника Н. Курганова (многочисленные стихотворения, канты и народные песни) и из сборника занимательных фацеций «Товарищ разумный и замысловатый».

Однако выписи из этих изданий соответствуют общему характеру сборника и они не кажутся в нем чужеродным элементом [12].

Особенность сборника состоит в жанровом многообразии и в то же время в идейно-тематическом единстве заключенных в нем статей.

Основная идейная направленность сборника проявилась в антифеодальном и антиклерикальном звучании (хотя и в разной степени) большинства его произведений, независимо от их жанра и формы, будь то жарт, интермедия, повесть, лубочный текст или выпись из Письмовника Н. Курганова.

Самая резкая характеристика крепостничества дана в «Описании холопской несчастной жизни» — новом списке «Плача холопов» — значительнейшего реалистического произведения эпохи крепостничества XVIII века, написанного крепостным автором [13].

Содержание сборника дает основание сказать, что его интересный и редкий состав — результат большой сознательной работы по отбору произведений и соответствует как литературным интересам, так и идейным позициям составителя. В то же время оно является свидетельством того, что сборник был составлен и использовался в демократической среде. В какой-то мере это подтверждается и внешним видом рукописи: листы (208 лл.) и ее пере-

---

[11] Подробно о взаимосвязи лубка и текстов А. П. Сумарокова см.: Кокорев А. В. Сумароков и русские народные картинки. — «Ученые записки МГУ. Труды кафедры русской литературы». М., 1948, вып. 127, кн. III, стр. 227.

[12] Письмовник Н. Курганова сам по себе представляет значительное явление в русской литературе XVIII века как по сатирическому направлению «стиходейств», соответствующих общему духу сатирической журналистики того времени, так и по демократичности содержания и формы рукописных произведений, впервые включенных в печатное издание. Эти качества и привлекли к нему внимание составителя сборника.

[13] Название «Плач холопов» исключительно метко дано Н. С. Тихонравовым при публикации обнаруженного им списка (до нашего списка известен был только этот). См.: Тихонравов Н. Плач холопов прошлого века. — «Почин». Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 год. М., 1895, стр. 9.

плет (картонный с кожаным корешком) обветшали, загрязнены с углов; почерк небрежен: писец не заботился о ее оформлении, позволяя себе зачеркивать отдельные строки и слова, исправлять и добавлять текст по своему вкусу. Ясно видно, что рукопись не писана по заказу, а составлялась в целях удовлетворения личных потребностей составителя в собирании наиболее понравившихся ему произведений и что она была предметом любимого чтения, может быть, не одного человека.

Когда же и кем была составлена рукопись? По ее листам рукой писца-составителя сделана запись: «Сия зборная книга города Переславля-Залесскаго це[ркви] святаго славнаго пророка божия Илии дьячка Петъра Иванова сына Ильинскаго [14]. Писал сам своею рукою тысяща семьсот пяддесят девятаго года...» [15]. Эта дата противоречит времени написания рукописи. В действительности сборник составлен в 1780-х—1790-х годах. Наличие в нем фацеций, выписанных из «Товарища разумного и замысловатого» (первое издание 1764 г.), стихотворений и песен из «Универсальной грамматики» Н. Курганова (первое издание 1769 г.) и сатир на директора Российской академии наук С. Г. Домашнева (назначен директором в 1775 году) датирует рукопись последней третью XVIII в. Бумага 1785 и 1787 гг., на которой писана основная часть рукописи, уточняет датировку. Сборник составлялся в несколько приемов. Оглавление и фацеции (лл. 1—9, 183—190) и «Сказание о честном Семике» со стихотворением «Увы, и честь сия героев...» (лл. 38—39) писаны на бумаге 1795 г. и приплетены позднее. Перенумерация статей, листов, перенос пословиц, начинавшихся ранее с 17-й тетради, в конец рукописи также говорят о том, что составитель не раз возвращался к работе над сборником.

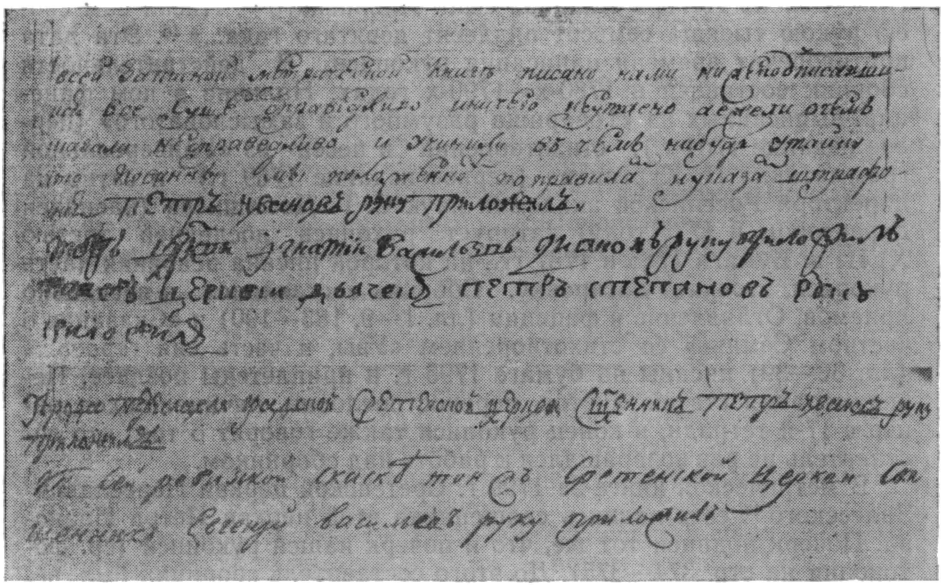
В метрической книге за 1790 г. Сретенской церкви Переславля-Залесского [16] есть подпись священника этой церкви Петра Иванова. Почерк подписи тот же, что и почерк нашей рукописи (ср. фотокопии на стр. 374—375). До этого составитель сборника был, вероятно, священником ветхой деревянной церкви Александра Нев-

[14] «Ильинский» (Ильинский дьячок) не закрепилось за Петром Ивановым как фамилия и не встречается в его позднейших подписях.

[15] Запись тем же почерком продолжается дальше в форме прибаутки, написанной рифмованной речью и помещенной также в качестве предисловия на л. 2 и частично на верхней крышке:

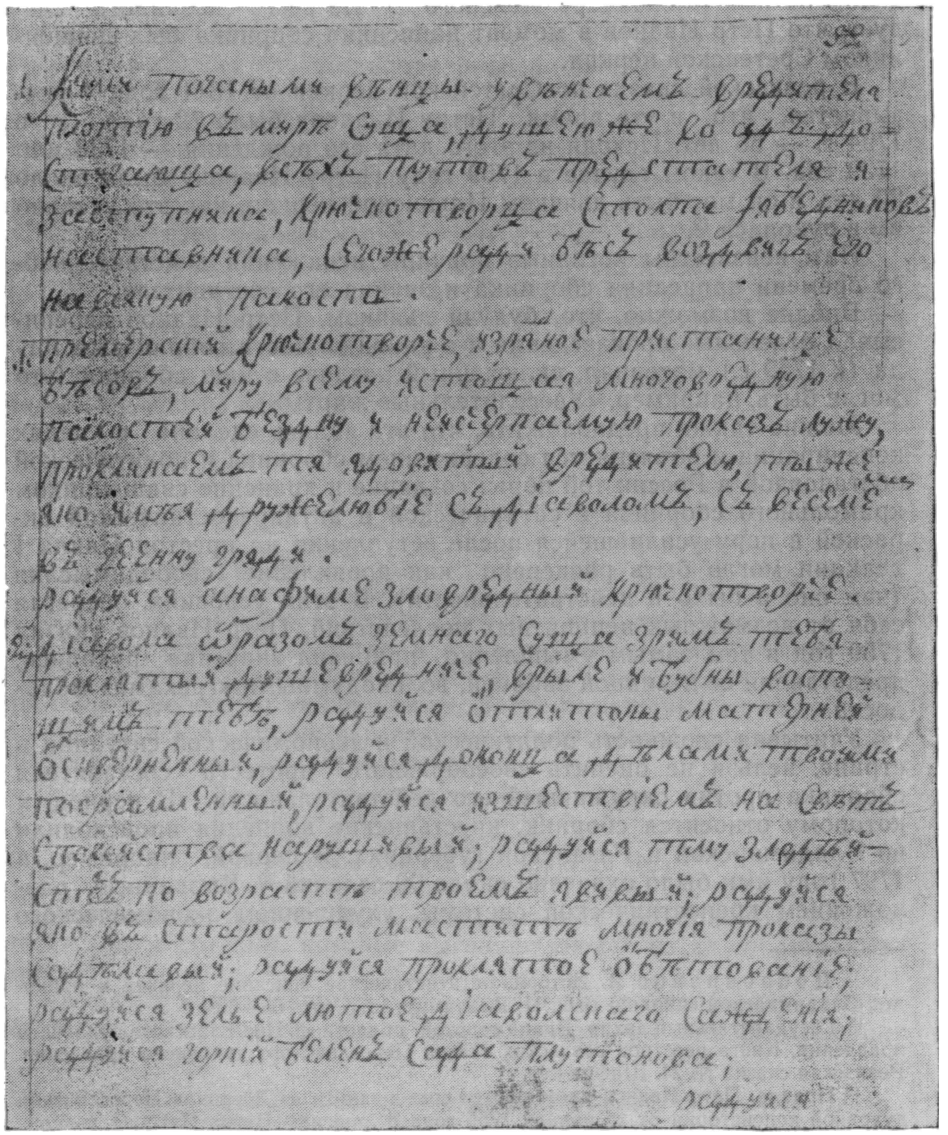
Духовной ли, мирской ли ты прилежно се читай:
Все найдеш здесь, тот и другой, но разуметь съмекай,
Читай да не осуждай, сам себе разсуждай,
Хотя что написано в ней и не ладно,
Да читай, будет складно.
Читать ея у безделья кому,
Только приятна быть может не всякому.
Други и слушать не станет,
А чтец тогда и читать перестанет.
Охочей читать хочет,
А неохочей и в руки взять не хочет.
Есть тут и песенки хороши,
Только хозяину будут малы барышы.
Будут их петь, восьпевать,
А хозяйскую вотъку испивать.

[16] Государственный архив Владимирской области, ф. Переславского духовного правления. Шифра нет.

Подписи Петра Иванова:

а) в Метрической книге 1790 г., б) в Ревизской сказке 1811 г. — документы из Владимирского областного архива, фонд Переславского духовного правления.

«Акафист крючкотворцу» в сатирическом сборнике XVIII в. Ф. 218, № 900, л. 63.

ского, на месте которой по ходатайству, возбужденному в 1778 г. священниками этой церкви Петром и Василием Ивановыми, была построена и освящена в 1785 г. каменная Сретенская церковь с приделом во имя Александра Невского [17]. Из всего сказанного следует, что Петр Иванов в момент написания сборника был священником Сретенской церкви.

В ревизской сказке по Сретенской церкви от 1811 года [18] указывается, что в это время Петру Иванову было 72 года, а в 1794 г. — 56 лет. Исходя из этого дата его рождения — 1738 или 1739 год. В таком случае в 1759 году Петру Иванову было около 20 лет, и он мог быть дьячком Ильинской церкви, как это указано им в рукописи [19].

Нам неизвестны истинные причины искажения действительного времени написания сборника и звания его составителя.

Вполне возможно, что, будучи дьячком, Петр Иванов переписывал отдельные произведения и в какой-то части собрал уже тогда (к 1759 г.) материал, включенный позднее в наш сборник (это могли быть, например, «Увеселительные жарты»).

Можно также предположить, что эта запись сделана в целях конспирации и объясняется содержанием сборника и политической обстановкой в России той поры: создание и хранение священником крамольного сборника с сатирической и антикрепостнической окраской в пору усилившейся после вступления на престол Павла I реакции могло быть расценено как проявление свободомыслия (чем оно и было в действительности). В этих условиях, оберегая себя от возможных неприятных последствий, Петр Иванов указал 1759 год и тем самым умышленно принизил значение рукописи, представляя ее невинной забавой, вольнодумными «грехами» молодости.

Учитывая сложность политической и экономической ситуации в стране, нельзя не оценить своеобразного протеста составителя сборника против окружавшей его действительности. В период, к которому относится сборник, крестьянские волнения происходили во Владимирской и Рязанской губерниях. В первой, например, в 1797 году ими было охвачено около 99 селений [20]. Вызванные разложением крепостнической системы, ухудшением экономического

---

[17] Добронравов В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. II, Владимир, 1895, стр. 65—66.

[18] Государственный архив Владимирской области, ф. Переславского духовного правления. Книга реестров ревизских сказок Переславского духовного правления Ревизская сказка № 24. Шифра нет.

[19] Правда, Петр Иванов упоминается еще в записи из Журнала Переславской духовной консистории от 26 января 1756 года о лишении Петра Петрова дьяконского чина за то, «что он, Петр, будучи назначен к произведению во священника к Переславской градской церкви св. пророка Илии, дьячка Петра Иванова (разрядка наша. — *Л. Т.*), произведенного на его место во диакона, презирая данную ему Иванову ставленную грамоту, к той церкви не допускал...» (Малицкий Н. В. История Переславской епархии (1744—1788 гг.). — «Труды Владимирской ученой архивной комиссии». Кн. XIII. Владимир, 1911, стр. 352). Речь могла идти здесь об однофамильце. Мог ли Петр Иванов в 17—18 лет быть дьяконом, тем более, что по его собственному указанию он в 1759 году (в 20 лет) был дьячком?

[20] Воронин Н. Н. Крестьянское движение в XVIII веке во Владимирской губернии. — В кн.: Из прошлого Владимирского края. Сб. первый. Владимир. 1930, стр. 31.

состояния страны, связанным с ведением русско-турецких войн, эти движения нашли сочувствие среди демократически настроенных слоев населения Владимирской губернии, в частности, небогатого духовенства. В сопроводительном письме к рапорту Переславского земского исправника генерал Рунич писал, что «священоцерковнослужители во всех случаях непокорности крестьян помещикам суть первые»[21]. Если Петр Иванов и не принимал непосредственного участия в крестьянских выступлениях, то его взгляды, судя по собранным им резким сатирам на церковников и крепостников, перекликались с антикрепостническими настроениями крестьянства, посада и низшего духовенства.

Публикуемое произведение соответствует общему направлению антифеодальных сатир сборника и раскрывает тему обнищания однодворцев, которая, хотя и в незначительной степени, но все же представлена в демократической рукописной литературе XVIII в.

Так, например, в интермедии «Свадьба однодворцовой дочери» выходящий на сцену отец жалуется на свою жизнь, объясняя причины переезда из деревни в город:

А я из деревнишки пришел сюда,
Ибо мне в деревне нельзя жить,
Понеже с недороду хлеба голодом не знаю, как быть.
Хочу вам сказать о своем горьком житьишке,
Также и о своей бедной дочеришке.
Я однодворец в старые годы бывал,
А ныне мало имею, так в нищие попал.
Ныне я уж не знаю, чем и питатца,
Ей-ей не имею, как з дочерью жить и пробавлятца[22].

О разорении однодворцев и экономических крестьян чиновниками земского суда рассказывается в одном из списков «Копии с просьбы в небесную канцелярию». Здесь помещены их сетования на то, что все их «прибытки и доходы потребляют земскому суду на расходы», сами же они нищают:

До крайности дошли, что нечем и одеться,
В большие праздники разговеться.
Работаем, трудимся до поту лица,
А не съедим в Христов день куриного яйца,
Ядим мякину обще с лошадьми[23].

Челобитчики жалуются на «обидные» для них приезды плутадесятского с сотским, которые выгоняют людей из их собственных домов[24].

«Акафист крючкотворцу» более конкретно (позволяя определить место создания произведения) рассказывает об обезземеливании

---

[21] Селиванов А. В. Опись дел архива Владимирского губернского правления. Вып. III. Владимир, 1903, стр. 23.

[22] Кузьмина В. Д. Из истории русского демократического театра XVIII века. — ТОДРЛ. Т. X. М.—Л., 1954, стр. 412.

[23] Этот список (местонахождение его неизвестно), написанный от имени однодворцев и экономических крестьян, опубликован. См.: Щапов А. Земство и раскол. — «Время», 1862, № 10, стр. 339—340.

[24] Ряд сатирических произведений втор. пол. XVIII в. обличает взяточничество судейских служителей. Одно из них — «Разговор о кокушке в суде», — возможно, имеет в виду разорение однодворцев или крестьян Андрея и Ивашки, подравшихся из-за спора, «на чью голову» куковала в лесу кукушка, и отправившихся в суд. — См.: Кузьмина В. Д. Неизвестные произведения русской демократической сатиры XVIII века. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1955, т. XIV, вып. 4, стр. 374—383.

однодворцев и дает типичную картину социальных процессов, происходивших в русской деревне втор. пол. XVIII века.

В тексте Акафиста отсутствуют какие-либо прямые указания на место и время его написания. Но тот же текст дает возможность утверждать, что место создания совпадает с местом действия сатиры. Страстность и гнев, с какими написано произведение, заставляют думать, что автором был очевидец описываемых событий, что создавал он его вскоре после случившегося наезда Крючкотворца с вооруженной толпой. Так, автор пишет: «Пришедшу ти днесь в полестины Пониковския», — а напутствуя увозимого под стражей в город притеснителя, замечает: «...нынешнее наше приими проклятие и пакостей здесь не твори» (разрядка наша. — *Л. Т.*).

Имеющиеся в тексте и относящиеся к месту действия географические названия: река Сосна и «полестины Пониковские», а также тот факт, что речь идет об однодворцах — вот три элемента, совокупность которых указывает на Ливенский или Елецкий уезды Елецкой провинции Воронежской (а с 1778 года Орловской) губернии [25].

Рекой Сосной могла быть названа как Быстрая Сосна, протекающая по Малоархангельскому, Ливенскому и Елецкому уездам, так и Тихая Сосна, орошающая Бирюченский и Острогожский уезды. Что же касается «полестин Пониковских», то вероятнее всего они связаны с селами и речками под названием Пониковец [26], которые во втор. пол. XVIII в. находились в Елецком и Ливенском уездах. В Экономических примечаниях периода генерального межевания [27] в Елецком уезде указывается село Пониковец [28], расположенное на речке Пониковец, впадающей в Быструю Сосну, и три сельца с одинаковым названием — Пониковец — Ливенского уезда. Из них одно — на правых берегах Быстрой Сосны и Пониковца, впадающего в Сосну [29], другое — «речки Пониковца на левой, а от Вершка Пониковскаго на правой сторонах» между реками Кшень и Олым [30], третье — по обе стороны речки Пониковец, близ сел Гатище и Казинка (на реке Олым) [31].

Следовательно, район с несколькими селениями и речками под названием Пониковец находился близ реки Быстрая Сосна. В бассейне же Тихой Сосны одноименных селений нами не обнаружено. Таким образом, употребленное автором собирательное название «полестины Пониковския» могло означать местность Елецкого или

---

[25] В работе использованы и в дальнейшем приводятся материалы по этим уездам в составе Воронежской губ. до 1778 г. и в составе Орловской губ. с 1778 г.

[26] Источники дают двойное написание одного и того же пункта: Пониковец и Паниковец.

[27] Генеральное межевание в данных уездах проходило в 1778—1796 годах. См.: Ведомость, показывающая время генерального межевания каждой губернии, взятая из документов Межевой канцелярии. — Опись Экономических примечаний периода генерального межевания. Машинопись (ЦГАДА).

[28] ЦГАДА, ф. 1355. Орловская губ., Елецкий у., № 30, л. 30об.

[29] Там же, Ливенский у., № 50, л. 10; № 52, л. 34.

[30] Там же, № 50, л. 20; № 52, л. 47.

[31] Там же, № 50, л. 11; № 52, л. 35об.

В XIX в. в указанном районе появились еще два населенных пункта с названием Пониковец. См.: Списки населенных мест Российской империи. Орловская губерния. Спб., 1871, т. XXIX, №№ 2763, 2856.

Ливенского уездов; в последнем это название могло относиться к пространству, ограниченному реками Кшенью, Быстрой Сосной и Олымом.

Среди населения упомянутых уездов большой процент составляли однодворцы. По Третьей ревизии в Елецкой провинции насчитывалось 71 322 души однодворцев и разного звания людей, содержащих ландмилицию, из них по г. Ливнам и Ливенскому уезду — 33 390 душ и г. Ельцу и Елецкому уезду — 18 078 душ [32]. Собственно однодворцев было несколько меньше. Так, по Ливенскому уезду (включая г. Ливны) в подушный однодворческий оклад была положена 33 091 душа [33].

Наличие в Ливенском и Елецком уездах всех имеющихся в тексте показателей дает возможность локализовать как место действия, так и место создания произведения.

Этому не противоречит и сопоставление содержания сатиры с социально-экономическим положением однодворцев [34] Елецкой провинции, в частности, указанных двух уездов во втор. пол. XVIII века.

Система землевладения, в силу которой земля, данная предкам однодворцев, мелким служилым людям, дробилась в результате наследования, привела к обезземеливанию и имущественному неравенству среди однодворцев. Те, кто имел небольшие земельные участки, вынуждены были продавать их на сторону или более зажиточным однодворцам и уходить в другие места. Их бедственным положением пользовались разбогатевшие однодворцы же, помещики, канцелярские служители, которые с помощью фальшивых сделок, подложных документов вклинивались в наделы однодворцев, постепенно переходя к насильственному захвату однодворческих земель, лугов и пр. Хотя указ 1727 года запрещал однодворцам продавать земли людям других сословий (указ был подтвержден в 1744 году), злоупотребления с продажей однодворческих земель не прекращались. Ни инструкции, посылаемые в отдельные губернии, ни межевые инструкции 1754 и 1766 годов, предписывавшие помещикам вернуть купленные у однодворцев земли, не смогли ликвидировать постоянных земельных тяжб между ними.

Среди документов Воронежской губернской и Елецкой провинциальной канцелярий имеется большое число дел за 1750—1780 гг. о земельных распрях, жалобах на должностных лиц, которые захватывали однодворческие земли или способствовали этим захватам [35].

Стремление помещиков и чиновников к захвату однодворческих земель объясняется развитием товарно-денежных отношений, ростом внутреннего и внешнего рынка, когда центрально-черноземные районы России — основные поставщики товарного

---

[32] ЦГАДА, ф. 248, кн. 3676, л. 874.

[33] ЦГАДА, ф. 342, д. 109/9, л. 552.

[34] Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. Спб., 1901, стр. 721—733; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I. М.—Л., 1946, стр. 30 и след.

[35] ЦГАДА, ф. 406, №№ 1601, 1628—1629, 1726—1728, 1775, 1779 и многие другие.

хлеба — были втянуты в этот процесс. В погоне за прибылью «сторонние владельцы» [36] увеличивали свои пахотные земли за счет насильственного присвоения или обмана.

Наказы однодворцев в Комиссию по составлению проекта нового Уложения от Елецкой провинции, г. Ельца, г. Ливен и Ливенского уезда в бóльшей мере отражают интересы богатых однодворцев, чем демократических низов. Так, ряд пунктов посвящен претензиям на дворянский титул, просьбам не именовать набираемых в военную службу рекрутами и др. [37]. Но даже в этих наказах ясно выражены жалобы однодворцев. В Ливенском уездном наказе отмечается, что, несмотря на запрещение продавать однодворческие земли, помещики и канцелярские служители путем фальшивых сделок приобрели их «и на оных поселили по усилности своей в противность законов многия вотчины в самых угожих местах, а протчия и на распашных наших загонах, кои распространи свое поселение на разныя места гораздо не против их покупных неправилно дач, о которых уже и в разных судебных местах чрез поданные от нас прошений извесно, причиняют нам немалыя обиды и разорении, от которых протчия наша братья, оставя свои старинныя жилища по нестерпеливости и несносных обид принуждены сходить в далния губернии своея приисканныя ими места» [38].

В наказе однодворцев г. Ельца описывается, как помещики и купцы «наглостию самоволно поселили в самых лутчих и угожих местах деревни и хутора и построили мелницы», а однодворцев «до владения земли и лесу не допущают и бьют» [39].

Злоупотребления местной администрации Воронежской губернии послужили предметом разбирательства специальной комиссии, учрежденной в 1763 г. «для исследования о причиненных Воронежской губернии вальдмейстерами, лесными надзирателями, градскими и земскими управителями той губернии однодворцам обидах, разорениях и собранных ими взятках», — как сказано в указе Екатерины II от 18 апреля 1763 г. [40]. В нем назывались злостные взяточники: вальдмейстер и воевода Лука Вельяминов (вызвавший особенно много жалоб со стороны однодворцев и награбивший более 23 тыс. руб.) [41], два его брата — воевода г. Сокольска Григорий и воевода г. Доброго Евграф Вельяминовы, — бывший однодворческий управитель, регистратор Алексей Дехтярев.

В процессе работы комиссией были вскрыты факты обирания однодворцев воеводами г. Орла Гурьевым и г. Землянска Сазоновым, которые за незаконные действия были преданы суду [42].

---

[36] Так называются в наказах однодворцев помещики и канцелярские служители.

[37] См. об этом подробнее: Лаппо Ф. И. Наказы однодворцев как исторический источник. — «Исторические записки», 1950, № 35, стр. 260—264.

[38] ЦГАДА, ф. 342, оп. 3, д. 109/9, л. 556об.

[39] Там же, л. 567.

[40] Указы и повеления императрицы Екатерины II. — Сенатский архив. Спб., 1907, т. XII, стр. 377.

[41] Семевский В. И., Указ. соч., стр. 764.

[42] Журнал Правительствующего Сената по 2-му Департаменту. 1764 года марта 3. — Грибовский В. М. Материалы для истории высшего суда и надзора в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй. Спб., 1901, стр. 95—97, 101—102, 112—120.

В это же время предписывается создать в г. Ливны комиссию по разбору жалобы, поданной в Сенат от однодворца Ливенского уезда М. Ровенского на воеводу и однодворческого управителя Василия Дурнова и асессора и вальдмейстера Никиту Трубицына, причинивших многим жителям Ливенского уезда «притеснения, обиды, грабежи и взятки, и противные указам поступки» [43].

Во всех перечисленных выше случаях служебных злоупотреблений суд в той или иной мере наказал виновных. Имущество Луки Вельяминова, например, было конфисковано и сам он был сослан [44]. Но надо учесть, что делами этих лиц занимался сам Сенат и императрица, и в этом есть определенная показная сторона, стремление подкрепить практическими действиями указ о борьбе со взяточничеством. Большинство же жалоб однодворцев не доходило до Сената, а было погребено нерешенными в местных органах, в судах, потому что, как писали однодворцы Елецкой провинции в своем наказе, «судящие, яко своя братья, имеют с помещиками большое содружество и компани» [45].

В злокозненных действиях этих людей много общего с описанными в Акафисте «деяниями» Крючкотворца. Один из таких бесчинствовавших в Елецкой провинции, а затем преданных суду, и послужил, возможно, объектом сатиры. В таком случае самое раннее время написания произведения определяется 1763 годом (когда были начаты следственные дела по разбору злоупотреблений местных властей). Самой поздней датой создания являются 1780-е годы (время написания основной части сборника).

Идейно-теоретическая общность Акафиста с наказами однодворцев Елецкой провинции в их демократических требованиях, отражение в нем основных черт экономической жизни однодворцев во втор. пол. XVIII в. подтверждают эту датировку.

В предполагаемый период создания Акафиста (1760-е — 1780-е годы) среди однодворцев указанной местности наблюдается рост недовольства их положением, а также притеснениями помещиков и чиновников. Это выразилось в открытых выступлениях однодворцев Воронежской и Белгородской губерний как в 1760-х годах, так и после поражения Крестьянской войны 1773—1775 годов.

Проявлением обострившейся классовой борьбы между однодворцами и помещиками служит восстание однодворцев села Стаканово Ливенского уезда в 1776 году [46]. Село Стаканово расположено близ р. Косоржи, на юго-западе уезда, по соседству с местонахождением селений Пониковцев.

Возникновение восстания в этом районе свидетельствует как о непримиримых противоречиях между помещиками и однодворцами, так и о способности последних с оружием в руках отстаивать свои

---

[43] Сенатский архив. Спб., 1907, т. XII, стр. 498.

[44] Пупарев А. Акты Елецкой провинциальной и Чернавской воеводской канцелярий, извлеченные из архива упраздненных присутственных мест Елецкого окружного суда. — «Труды Орловской ученой архивной комиссии». Орел, 1893, вып. 2, стр. 9.

[45] ЦГАДА, ф. 342, д. 109/9, л. 546об.

[46] После 1778 г. эта часть территории Ливенского у., в том числе с. Стаканово, отошла к Щигровскому у. Курской губ. Подробно о причинах и ходе восстания см.: Лаппо Ф. И. Восстание однодворцев села Стаканово в 1776 г.—«Исторические записки», 1953, № 44, стр. 306.

интересы. Непосредственными причинами его наряду с общим усилением эксплуатации, повышением налогов послужили постоянные захваты однодворческих земель соседними помещиками И. Брусенцовым, Оловениковым, П. Шеншиной и др. Восставшие, решив своими силами «с помещиками управлятца», с оружием прибыли в д. Пониковец[47] к помещику Брусенцову и, разгромив усадьбу, уничтожили документы, по которым помещики присваивали однодворческие земли, векселя, расписки и т. п. Затем были разгромлены поместья Оловеникова, Картавцева, Логинова, Ханыкова.

Восстание было подавлено ливенскими помещиками и присланными из губернии войсками. Несмотря на то, что в нем не участвовали крестьяне (отношения между крепостными крестьянами и однодворцами в данной местности существовали противоречивые, так как крестьяне были поселены помещиками на захваченных у однодворцев землях), восстание было направлено против помещиков.

Следовательно, во втор. пол. XVIII века тяжелое социально-экономическое положение однодворцев, имущественное расслоение, систематическое ограбление помещиками, чиновниками, богатыми однодворцами привело к обострению классовых противоречий, формированию классового сознания демократических слоев однодворцев, к прямым вооруженным столкновениям с угнетателями.

Все типичные стороны положения однодворцев Елецкой провинции нашли очень верное отражение в Акафисте. Сюжет его несложен. В нем рассказывается о притеснениях однодворцев «полестин Пониковских» со стороны какого-то человека, скрытого под прозвищем зловредного крючкотворца, который присваивал земли однодворцев, «в землемерии многих обманул, ...пространныя поля овладел, ...чуждыя дубравы нагло порубил, ...брозды соседственныя неправо орал, ...лучшия места бездушно присвоил...» (л. 64).

Обидчик обладал определенной административной властью, расправляясь с местными рыбаками: «на них оковы железны наложил» и заключил в темницу.

Пользуясь своей властью и наживаясь на обмане однодворцев, Крючкотворец приобрел большое состояние. Кроме того, он увеличивал свои доходы, давая взаймы нуждающимся однодворцам деньги под большие проценты: «Радуйся, яко многи златницы в лихву дал еси, радуйся, яко беззаконныя росты брал еси..., радуйся, безвинных людей злоязычный вредителю, радуйся, вдовых и сирых наглый разорителю» (л. 64об). Ради стяжания шел он и на такие меры, как получение денег в споре с однодворцами за якобы причиненное ему «бесчестье»: «Радуйся, тысящу сребренниц за мнимое безчестие не право приял еси» (л. 64об.), — пишет автор.

Совершая беззакония, Крючкотворец действовал не только обманом, но и силой, появляясь в селениях с вооруженной толпой (может быть, со своими крестьянами). В финале Акафиста описывается тот редкий случай, когда злодей наказывается и увозится на суд

[47] Вероятно, имеется в виду Пониковец близ дер. Шелуховой (Шолоховой), селец Спасского, Васильевского, Николаевки (Замарайки). Одной из владелиц этих селений была А. М. Брусенцова. См.: ЦГАДА, ф. 1355. Ливенский у., № 50, лл. 20—20об.; № 52, л. 47.

в город. Автор сатиры не скрывает своего удовлетворения по поводу ожидающей преступника заслуженной кары и с радостью рассказывает, как он был сбит с ног и повален «неким воином» и как люди «ногами своими топташа окаянное чрево» ябедника. Последние слова Акафиста прославляют «кулаки солдацкие», которые «притупились» о главу его, и «пинки крестьянские».

Из всех обличений вырисовывается достаточно определенный образ стяжателя, захватчика земель однодворцев. Сопоставляя все характеристики, данные Крючкотворцу в произведении, с реальными фактами притеснений однодворцев (о чем говорилось выше), можно сказать, что под этим произведением изображен какой-то канцелярский служитель, ходатай по однодворческим делам, возможно, однодворческий управитель вроде Василия Дурнова.

Тема разорения однодворцев облечена автором в форму акафиста Николаю Чудотворцу[48] — прием, идущий от демократической литературы XVII века («Служба кабаку», «Сказание о попе Саве» написаны в форме пародии церковных песнопений и служб) и довольно популярный и в XVIII — нач. XIX вв., когда были написаны «Ныне употребляемое саксонских крестьян «Отче наш», «Десять заповедей», пародия на костромских администраторов в эпоху войны 1812 года и другие.

Обращение создателя «Акафиста крючкотворцу» к пародии не является самоцелью и далеко выходит за пределы обычного комического пародирования церковного текста. Налицо острая злободневная сатира, и умелое использование акафиста Николаю Чудотворцу усиливает обличительный пафос произведения. Автор достаточно свободно подошел к каноническому тексту акафиста[49] как в отношении композиции, так и его лексики. Он не придерживается точно парного чередования кондаков и икосов[50]. Не везде придерживается автор и обязательного для икоса наличия 12 стихов, начинающихся словом «радуйся». 12 их только в первом икосе, в других число стихов варьируется — то 3, то 10 и т. п.

Несмотря на эти отступления от канонического построения акафиста, в сатире сохраняется полное впечатление его ритмической структуры. Это достигается, во-первых, соблюдением равносложности при замене одних слов другими (в случаях использования какого-то определенного кондака или икоса). Например, в 1-м кондаке вместо «возбранный чудотворче» употребляются слова с тем же числом слогов — «премерзкий крючкотворче», вместо «угодниче Христов» — «пристанище бесов», вместо «многоценное милости

---

[48] Использование акафиста именно Николаю Чудотворцу, возможно, имеет какое-то основание. Сатиру мог написать служитель церкви Николая Чудотворца (более подробно об авторе см. ниже), какая была, в частности, во втор. пол. XVIII в. в с. Пониковце Елецкого у.

[49] Вообще акафист состоит из 25 песнопений: 13-ти кратких (кондаков) и 12-ти пространных (икосов), кондак и икос следуют поочередно один за другим. 1-й кондак и икосы оканчиваются восклицанием со слова «радуйся». Другие кондаки оканчиваются припевом «аллилуйа». Икос состоит из 2-х частей, причем вторая — из 12-ти стихов — хвалебных воззваний, начинающихся словом «радуйся».

[50] Так, после начальной стихиры «Киими погаными венцы...» (пародирующей стихиру «Киими похвальными венцы...») следуют кондак, два икоса, снова кондак, два икоса, затем 4 раза чередуются кондак с икосом. Заканчивается акафист кондаком.

миро» — «многовредную пакостей бездну» и т. п. Во-вторых, повторяющийся после 1-го кондака и всех икосов рефрен «Радуйся, анафиме, зловредный крючкотворче», где соблюдены ритмика канонического текста и созвучие с ним («Радуйся, Николае, великий чудотворче!»), также придает произведению завершенность акафиста.

В отношении лексики акафиста Николаю Чудотворцу следует отметить, что автор использует ее неодинаково. Ближе к тексту написаны начальная стихира, кондак 1 (bis), икос 2, кондак 4 и следующий за ним икос 4 [51]. Это можно проследить на тексте пародируемой стихиры:

Стихира Николаю Чудотворцу	Стихира крючкотворцу
Киими похвалными венцы венчаем святителя, плотию в мирех суща и духовно всех достизающаго, чисте того любящих всем предстателя и заступника, и всем скорбным утешителя, благочестия столпа, верным поборника, его же ради шатания врагов Христос низложи имеяй велию милость. [52].	Киими погаными венцы увенчаем вредителя, плотию в мире суща, душею же во ад достигающа, всех плутов предстателя и заступника, крючкотворца, столпа и ябедников наставника, сего же ради бес воздвиг на всякую пакость.

Выделенные разрядкой слова сохранены автором, часть же новой лексики состоит из слов, не только равносложных с заменяемыми, о чем говорилось выше, но и созвучных им. Так, вместо «похвальными» употреблено «погаными», «святителя» — «вредителя», в результате чего выдержан основной стиль стихиры. Причем, если в первоначальном контексте выделенные слова создавали общий хвалебный тон, то они же в сочетании с противоположными с ними по смыслу бичующими определениями Крючкотворца усиливают обличительный пафос произведения, придают стихире резкий издевательский характер.

При замене части лексики акафиста новыми словами автор использует прием антитезы, подбирает слова с совершенно противоположным значением: вместо «море» употребляет «лужа», вместо «благоухания» — «зловония», вместо «лозо добродетельная»— «горький белен» и др.

Текстологический анализ дает возможность заметить определенную закономерность в использовании автором канонического текста. Сходство с пародирующим текстом, о чем говорилось выше, наблюдается при отвлеченных характеристиках Крючкотворца, описывая же его пришествие в «полестины Пониковские» и притеснения однодворцев, автор отступает от канона и действует свободно, сохранив только начальные слова кондаков и икосов, часто в измененной форме. В этом можно убедиться, сопоставив сходные начала двух текстов.

---

[51] Нумерация дается по рукописному тексту.
[52] Акафистник. Киев, 1706, л. 168.

Акафист Николаю Чудотворцу	Акафист крючкотворцу
Разум неуразуменный вразумляя... (икос 2)	Разумом на зло способных... (икос 3)
Видеша отроковицы... (икос 5)	Видя штукмейстер... (икос 5)
Проповедует мир весь тебе... (кондак 6)	Проклинает весь мир тебя... (кондак 6)
Новаго тя Ноя... (икос 7)	Новаго тя Каина... (икос 6)
Хотя богохулное еретическое отгнати злосмрадие... (кондак 7)	Хотя уготовати окаянную душу... (кондак 7)
Странное чудо является притекающим... (кондак 8)	Страшное чудо является притекающим... (икос 7)

Этим ограничивается их сходство, в остальном же тексты указанных кондаков и икосов «Акафиста крючкотворцу» самостоятельны.

Совершенно независимо от текста акафиста Николаю Чудотворцу написаны другие кондаки и икосы. В них рассказывается о появлении Крючкотворца с вооруженной толпой, об избиении его и увозе в город на суд. Автор живо повествует о реальных событиях, полностью отказавшись от использования лексики акафиста. Вместе с тем, по своему стилю указанная часть не отличается от остального текста. Это достигается умелым применением автором стилизации — употреблением архаичных, застывших форм звательного падежа, уже исчезнувших из разговорной речи втор. пол. XVIII в. (крючкотворче, пакостниче, беззаконниче, душеприкащиче и др.), неполногласных форм существительных (древо, глава, брега, брозды и др.) и устаревших глагольных форм (перфекта). Архаичность усиливает авторскую иронию, подчеркивает обличительный смысл характеристик Крючкотворца и ненависть, пренебрежение к нему создателя акафиста.

Тот факт, что переходя от морализирующей критики вообще в начале сатиры к описанию конкретных черт и действий Крючкотворца, автор порывает связь с текстом пародируемого акафиста, служит свидетельством того, что он ставил перед собой более широкую задачу. Он не столько пародировал определенный церковный текст (хотя уже само это и подмена св. Николая Крючкотворцем была для того времени смелой и имела антиклерикальное звучание), сколько использовал акафистную форму в целом для создания сатиры.

В стремлении создателя Акафиста к критике реальных событий и качеств определенного человека, причем не в отвлеченно-аллегорической форме, сказалось принципиальное отличие сатиры классицизма от демократической сатиры XVIII века. Первая — морализирующее поучение вообще, вторая — действенное, разящее обличение, она осязаема и конкретна.

Что можно сказать об авторе сатиры? Судя по ненависти к притеснителю однодворцев, который не только захватывал их угодья, но и сажал рыбаков в темницу, совершал вооруженные наезды, автор принадлежит к демократическим слоям однодворцев или сельского духовенства, может быть, семинарист. В пользу последнего предположения говорит то, что сатира написана в форме акафиста, ее писал человек, хорошо владевший текстами церковных

песнопений. Кроме того, в языке произведения встречаются типичные для классицистической литературы XVIII в. античные имена («белен сада плутонова», Бахус), что указывает на знакомство автора с современной ему литературой.

Основной вывод, какой можно сделать об авторе сатиры, — что его социальные позиции совпадают с настроениями демократических слоев однодворцев. Симпатии автора на стороне «вдовых и сирых», с их позиций он обрушивается на «бед наносителя». Очевидно также, что он хорошо знал русскую демократическую литературу XVII—XVIII веков, использовал ее традиции.

Подводя итог всему сказанному выше, можно заключить, что «Акафист крючкотворцу» — резкое сатирическое произведение, созданное в Елецкой провинции Воронежской губернии в 1760-х — 1780-х годах. Оно заклеймило не только отдельного притеснителя, но достигло широкого обобщения в показе тяжелого социально-экономического положения однодворцев.

В своей обличительной части произведение перекликается с помещенными в том же сборнике «Плачем холопов», «Просьбой в небесную канцелярию на праотца Адама от крымских солдат». Все они представляют собой комплекс произведений, рассказывающих о степени притеснения разных слоев русского крестьянства. Вместе с тем они являются доказательством того, что лучшие произведения демократической русской литературы отразили гневный протест, нараставший среди русского крестьянства и демократических слоев населения в конце XVIII века. В условиях растущей борьбы с феодально-крепостническим строем «Акафист крючкотворцу» стал произведением актуальным и боевым.

* *
*

Текст публикуется по общепринятым правилам издания произведений XVIII века: сохраняются особенности правописания подлинника, надстрочные буквы вносятся в строку, ъ в конце слов опускается, вышедшие из употребления буквы (і, ѣ) заменяются современными. Разделение текста на слова и пунктуация даются по правилам современной орфографии.

АКАФИСТ КРЮЧКОТВОРЦУ

л. 63 1. Киими погаными венцы увенчаем вредителя, плотию в мире суща, душею же во ад достигающа, всех плутов предстателя и заступника, крючкотворца, столпа и ябедников наставника, сего же ради бес воздвиг его на всякую пакость?

1. Премерский крючкотворче, изрядное пристанище бесов, миру всему истощая многовредную пакостей бездну и неисчерпаемую проказ лужу, проклинаем тя, ядовитый вредителю, ты же, яко имея дружелюбие с диаволом, с веселием в геенну гряди.

Радуйся, анафиме, зловредный крючкотворче!

2. Диавола образом земнаго суща зрим тебя, проклятый душевредниче, в рыле и бубны воспищим тебе: Радуйся, от литоны матерней осквернённый, радуйся, до конца делами твоими посрамленный, радуйся, изшествием на свет спокойства нарушивый, радуйся, тму злодейств по возрасте твоем явивый, радуйся, яко в старости мастите многия проказы соделавый, радуйся, проклятое обетование, радуйся, зелье лютое диаволскаго саждения, радуйся, горкий белен сада плутонова, // радуйся, древо проклатое адскаго
л. 63об. прозябения, радуйся, пропасть окаянная смраднаго зловония, радуйся, бич бесовский, наносящей рыдания, радуйся, лихоимче неправаго собрания!

Радуйся, анафиме, зловредный крючкотворче!

3. Разумом на зло способных наполнена глава твоя, мерзосветный душевредниче, и язвителным украшенные [1] днесь поганыя уста твоя, мы же, слыша повсюду излиянное тобою злоречие, сего бо ради возглашаем ти: Радуйся, ядовитое жало, всех уязвляющее, радуйся, самомандри, вредный яд испущающая, радуйся, общаго покоя помрачителю, радуйся, на злыя дела учителю!

Радуйся, анафиме, зловредный крючкотворче!

4. Буря недоумения смущает ми ум: како дерзну глаголати мерския дела твоя, проклятый пакостниче, и никто же бо может измерити глубину скаредных действ твоих?

4. Слышавше пребезумнии однодворцы величия проказ твоих, яко по брегам Сосны диаволскими крилами летаеши, ты бо видяшеся, вопиют тебе: Радуйся, рыбарския мрежи раздрал еси, радуйся, яко рыбаков в темницу заключил еси, радуйся, яко на них оковы железны наложил еси!

Радуйся, анафиме, зловредный крючкотворче! //

л. 64 5. Видя штукмейстер [2] нощию тя с неистовыми женами в пиянстве бесящагося и волчьим гласом поющаго, той бо с веселием прославляет тя: Радуйся, шумнаго народа прибежище, радуйся, пияных иереев соборище, радуйся, верный однодворческий душеприкащиче, радуйся, яко в землемерии многих обманул еси, радуйся, пространныя поля овладел еси, радуйся, яко чуждыя дубравы нагло порубил еси, радуйся, яко брозды соседственныя не право орал еси, радуйся, всех поверенных перекликал еси, радуйся, яко лучшия места бездушно присвоил еси, радуйся, яко холмы и горы засекл еси!

Радуйся, анафиме, зловредный крючкотворче!

6. Проклинает весь мир тебя, препакостный крючкотворче, скораго бед наносителя и многих зол творителя, яко строение мелнично, на брегах восозижденное, аки чорт исковеркал еси!

6. Новаго тя Каина зря злотворящаго и с веселием мелницы ломающаго, диавол из глубины вод с плесканием прославляет тя: Радуйся, яко скрыни, шестерни и колесы разорил еси, радуйся, яко кружащияся жернова разбил еси, радуйся, яко мосты и плотины разрушил еси, радуйся, течение реки перекопал еси!

Радуйся, анафиме, зловредный крючкотворче!//

---

[1] *В тексте* украшенный.

[2] Нам не удалось точно установить смысл данного слова. Возможно, речь идет о каком-то чине. Stückmeister (нем. — низший морской чин).

л. 64об. 7. Хотя уготовати окаянную душу твою обиталищем диаволу, сего бо ради лихоимным заимодавцем был еси, мерзосветный скаредниче.

7. Страшное чудо является притекающим заимобрати злособранное сребро твое, бездушный златолюбче. Тии бо с болшими досадами прославляют тя: Радуйся, яко многи златницы в лихву дал еси, радуйся, яко беззаконныя росты брал еси, радуйся, тысящу сребренниц за мнимое безчестие не право приял еси, радуйся, безвинных людей злоязычный вредителю, радуйся, вдовых и сирых наглый разорителю!

Радуйся, анафиме, зловредный крючкотворче!

8. Песнь нескладную Бахусу паче всех пьяниц возревел еси, препакостный беззаконниче, и копиями с дреколием вооружил еси кровожаждущую толпу[3] твою, сам же попреди их седяй на осле твоем, аки демон кривляешися.

8. Пришедшу ти днесь в полестины Пониковския, скаредный сумозбродниче и злошумящей, малоумный же, однодворцы удивишася толикому громогласию, сего бо ради прославляют тя: Радуйся, яко на хрепте осла твоего взграмоздился еси, радуйся, яко фузеею и пищалми вооружился еси, радуйся, яко дреколием и копи-
л. 65 ями // украсился еси, радуйся, яко мечем безумия препоясался еси, радуйся во дворе [к]титорове возгнездился еси!

Радуйся, анафиме, зловредный крючкотворче!

9. Провидевше судии земстии мрачную тму злодейст[в] твоих, треклятый анафиме, и восхотеша на суд мирский явити тя, акаянный проказниче. Ты же, не хотяй уклонитися, фузеею твоею, аки бодрый волк бесовский, храбро ополчался еси и многие словеса хулныя судиям, аки пес, безстудно изблевал еси, безстудный пакосниче.

9. Властию от судей данною воин некий на землю, аки свинию, поверг тебя, прескверный ябедниче, с ним же купно и многие люди на тя навалишася и ногами своими топташа окаянное чрево твое, злоехидный ябедниче: нецы же с высоты гор вопиют тебе: Радуйся, кулаки солдацкие о главу твою притупил еси, радуйся, яко пинки крестьянския боками твоими попрал еси, радуйся, яко многие тумаки мужественно претерпел еси, радуйся, яко в колесницу силою посажен еси, радуйся, яко со стражею во град привезен еси, радуйся, яко достойную месть по делам твоим восприял еси!

Радуйся, анафиме, зловредный крючкотворче!//

л. 65об. 10. О, премерский, пребеззаконный, многоскаредный крючкотворче, анафиме, угнетение всех бедственных и раззорение безпощадных, нынешнее наше приими проклятие и пакостей здесь не твори, да тобою снидут в тартар проказы твоя, ты бо достоин еси слышати диаволское пение.

---

[3] *Исправлено из* тому.

А. Л. Панина

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВЕСТЬ Н. С. ЛЕСКОВА

В отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, в фонде Издательства А. Ф. Маркса, хранятся три варианта неоконченной повести Н. С. Лескова «Марфа и Мария» [1].

Наследники писателя по договору с А. Ф. Марксом от 5 февраля 1896 г. передали ему авторское право на издание произведений Н. С. Лескова как опубликованных, так и неизвестных в печати. А. Ф. Маркс после снятия копий с автографов писателя должен был вернуть подлинники, но это условие не было выполнено, и часть рукописей осталась в издательстве. Некоторые материалы оказались у управляющего конторой журнала «Нива» А. Е. Розинера. Среди них находились и варианты повести «Марфа и Мария», приобретенные Отделом рукописей у наследников А. Е. Розинера в 1953 г.

Сообщение о рукописях повести было помещено в «Записках Отдела рукописей» за 1954 г. [2]. Несмотря на это, в комментариях к письмам в последнем издании собрания сочинений Н. С. Лескова повторена ошибка издателей сборника «Шестидесятые годы», ставивших под сомнение сам факт работы писателя над повестью «Марфа и Мария» [3].

* * *

Все три варианта повести объединяет тема, навеянная евангельским рассказом о сестрах Лазаря. Схожи эти наброски и по идейной направленности и характеру главных действующих лиц, хотя и отличаются значительно друг от друга по сюжету и степени завершенности.

«Дела большой важности» — рассказ, доведенный до логического конца, но совершенно не отделанный в художественном отношении. По внешнему виду, содержанию и стилю это черновой набросок, в котором образы лишь только намечены, характеристики поверхностны и условны, в самом тексте есть целый ряд неувязок: автор говорит то о четырех девочках — двух дочерях Марфы и двух — Марии, потом только о двух; не определен здесь точно и род занятий Марии — она называется то учительницей, то пасторшей, то аптекаршей.

Рукопись этого варианта представляет собой черновой набросок черными чернилами на синей бумаге в клетку, 2 лл. размером

---

[1] Ф. 360, №№ 2.9 и 2.15.

[2] «Записки Отдела рукописей». Вып. 16. М., 1954, стр. 148.

[3] Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.—Л., 1940, стр. 347; Лесков Н. С. Собрание сочинений в XI тт. Т. X. М., 1958, стр. 539.

20,8×13,5 см [4]. Текст начинается с разворота листа, т. е. следует на л. 1об., потом на л. 2 и 2об., затем на л. 1. Больше всего правлен текст 2-го листа. Правка произведена этими же чернилами.

Второй вариант — «Марфа и Мария» — черновая рукопись на серой бумаге в клетку, 6 лл. размером 26,6×20,8 см; 3 лл. остались чистыми [5]. Текст написан черными чернилами на обеих сторонах листов с большими внутренними полями.

Этот вариант, несмотря на сходство с первоначальным, гораздо красочнее и богаче в художественном отношении. Достаточно сравнить начала обоих вариантов, чтобы убедиться в этом. Во втором наброске события представлены в развитии, усилены черты внешней характеристики героев и показана жизненная обусловленность различия характеров Марфы и Марии — образы становятся естественнее, правдивее. Бóльшую живость придают рассказу некоторые драматические моменты: картина грозы и гибели мельника.

Последний вариант — «Дурное место» — написан черными чернилами на белой бумаге в клетку, 15 лл. размером 21,3×17 см [6]. На полях, в левом верхнем углу, авторская пагинация (карандашом). Текст разделен на 3 главы. Начало первой главы было значительно переработано Н. С. Лесковым — почти весь текст на двух первых листах написан заново красными чернилами над зачеркнутым; при этом были сокращены излишние подробности, устранены длинноты и т. д.

«Дурное место» не отличается внешними эффектными моментами. Развитие сюжета здесь протекает спокойно и плавно: в первой главе рассказывается история молодого пастора, за этой экспозицией следует завязка — приезд пастора в далекий фьорд. В третьей главе описываются его встречи и беседы с разными людьми, которые и ставят под сомнение евангельскую истину о превосходстве Марии над Марфой. И хотя этот вариант повести также остался незавершенным, главная мысль Н. С. Лескова выражена здесь достаточно полно и ясно.

Основные образы этого варианта — образы Марфы и Марии — слагаются из характеристик, данных им различными персонажами повести [7]. Тем не менее они отличаются большей, чем в предшествующих вариантах, глубиной.

Все три рукописи не датированы, и время их написания можно установить только по упоминаниям об этой повести в письмах Н. С. Лескова к издателю-редактору журнала «Беседа» С. А. Юрьеву и критику П. К. Щебальскому за декабрь 1870 и начало 1871 г.

В письме от 18 декабря 1870 г., высказывая готовность сотрудничать в этом журнале, писатель делится своими замыслами и планами:

---

[4] Ф. 360, № 2.15

[5] Шифр тот же.

[6] Ф. 360, № 2.9.

[7] Непосредственно перед читателем появляется только Мария, но и тут Н. С. Лесков исключает всякие детали, характеризующие ее внешний облик: первоначально написанные слова «прекрасная девушка» были сразу же им зачеркнуты.

«Далее: пять лет тому назад по поводу толков «о призвании женщины» и кривотолков о русской женщине с верою и упованием, которые были осмеяны, мне пала в голову и в сердце неотвязная мысль изобразить в живом очерке: мешают ли эти злополучные вера и упование истинной свободе чувства и независимости женщины? В обдуманном плане я уложил эту идею в повесть, снабдив ее и кличкой по шерсти. Повесть эта должна быть названа: «Марфа и Мария». При этом библейском названии во главе повести идет и евангельский эпиграф: «Марфо, Марфо, печешися» и пр. Отсюда, я думаю, Вам уже понятно, что́ будет сказано в этой повести? Она еще не писана, но весть о Вашем журнале и особенно радушное письмо Ваше говорят мне, что ей пора писаться и поспевать к Вам. Не откажитесь мне ответить: нравится ли Вам мой замысел поделить наших современных соотечественниц на «Марф и Марий» и показать всю тщету их «марфунства» при несомненной ясности пути Марий? С получением Вашего ответа я немедленно начну повесть и надеюсь, что напишу ее скоро с любовью и желанием дебютировать в Вашей «Беседе» с достойной вещью» [8]. И далее, в письме от 6 января 1871 г.: «Повесть для «Беседы» я заделал и, верно, предложу ее летом на Ваше обсуждение, а план ее сообщу Вам в феврале. Название же повести будет, как я писал Вам, «Марфа и Мария». Если бы Вы пожелали объявить о ней (если будете это делать), то, конечно, с моей стороны никаких претензий против этого нет, потому что повесть эту я не предложу никому прежде Вас» [9].

Можно предположить, что об этой же повести идет речь в письмах Н. С. Лескова к П. К. Щебальскому. В письме от 2 февраля 1871 г. Н. С. Лесков пишет:

«Для «Беседы» не только начал, но даже *кончаю* работу и за то от них не получаю теперь ни слова. Работу сию, надеюсь, позволите прочесть Вам» [10].

В письме от 5 марта 1871 г. снова содержится упоминание о повести:

«...С тех пор я писал кое-как — лишь бы короче, лишь бы кончить [11] и перенес все мои симпатии на повесть, которую привезу Юрьеву и которую попрошу позволения прежде прочесть у Вас. Ею я сам даже доволен» [12].

В двух последних письмах повесть «Марфа и Мария» не называется прямо, и это дало повод некоторым комментаторам отнести их к роману «Соборяне», сведения о котором также содержатся в письмах Н. С. Лескова к С. А. Юрьеву. Однако Н. С. Лесков в письме от 2 февраля 1871 г. сообщает о начале работы и просит позволения прочитать ее П. К. Щебальскому, тогда как роман «Соборяне», или как он тогда назывался «Божедомы», к этому времени был окончен, частично публиковался и был, по словам самого Н. С. Лескова, широко известен. Мог ли П. К. Щебальский, находившийся в это время в очень близких отношениях с Н. С. Леско-

[8] Лесков Н. С. Собрание сочинений. Т. X, стр. 281—282.
[9] Там же, стр. 288—289.
[10] Там же, стр. 292. Курсив Н. С. Лескова.
[11] Речь идет о романе «На ножах».
[12] Лесков Н. С. Собрание сочинений. Т. X, стр. 295—296.

вым, не знать его? Кроме того, в письмах к П. К. Щебальскому идет речь о повести, а судя по переписке писателя с С. А. Юрьевым, специально для «Беседы» писалась только одна повесть — «Марфа и Мария». Все это заставляет предполагать, что и в указанных письмах речь идет о ней же.

Если наши выводы правильны, то публикуемые варианты повести «Марфа и Мария» относятся к началу 1871 г. В феврале работа над повестью должна была окончиться, и Н. С. Лесков намеревался прочитать ее в Москве П. К. Щебальскому и С. А. Юрьеву. Однако писатель не успел закончить повесть до отъезда в Москву (9 марта), а здесь ему не удалось договориться о печатании своих произведений в журнале «Беседа» [13].

В результате неудачных переговоров с С. А. Юрьевым роман «Божедомы» был запродан в катковский «Русский вестник», о повести же «Марфа и Мария» больше нигде не упоминалось. Она, очевидно, так и не была закончена, тем не менее черновые наброски повести характеризуют многое в творчестве такого оригинального писателя, каким был Н. С. Лесков. Работа над повестью «Марфа и Мария» совпала по времени с работой над «Смехом и горем», а это время сам писатель определил позднее как переломный этап в своем творчестве: «Я стал думать ответственно, когда написал «Смех и горе», и с тех пор остался в этом настроении — критическом и, по силам моим, незлобливом и снисходительном» [14].

Попытка определить литературную историю повести «Марфа и Мария» прежде всего приводит «к толкам и кривотолкам о русской женщине», т. е. к литературной полемике по женскому вопросу середины шестидесятых годов. Н. С. Лесков живо откликнулся на него и в своих художественных произведениях, и в специальной статье, где признал, что «право и возможность учиться, право и возможность честно зарабатывать деньги и тем содержать семейство, если оно есть, или добыть собственно себе безбедную старость...» есть естественное и неоспоримое право женщин [15].

Но, признавая это право, Н. С. Лесков удерживал от борьбы за него: «Не протестовать нужно, а делать дело: усваивать себе полезные знания, заниматься тем, к чему чувствуется способность и влечение...» [16].

Женский вопрос был частью основного вопроса времени: революционным или мирным путем должно совершиться преобразование жизни. Поэтому и в творчестве Н. С. Лескова эти вопросы тес-

---

[13] Лесков Н. С. Собрание сочинений. Т. X, стр. 279—283, 286, 288—289. Позднее, в письмах к И. С. Аксакову, Н. С. Лесков недоумевал о причинах своей недоговоренности с издателем «Беседы»: «...но за что руками предавал меня в единую и нераздельную зависимость от Каткова продолжатель московской «Беседы», — этого я о сию пору не знаю. А все это меня огорчало, томило мой дух, убивало мою энергию и веру в свои силы и в то же время давало надо мною ужасную власть людям, которые, кажется, великодушие знают только по доктрине». Там же, стр. 362.

[14] Там же, т. XI, стр. 401—402.

[15] Лесков Н. С. Русские женщины и эмансипация. — «Русская речь», 1861, № 44.

[16] Там же, № 46.

но связаны друг с другом. Стараясь показать беспочвенность революционных стремлений передовой молодежи, писатель в своих произведениях представляет революционеров честными, но заблуждающимися, беспомощными людьми, к которым пристали фразеры, глупцы, невежды и плуты, вообще люди, неспособные «дело делать». Он противопоставляет этим людям «маленького человечка» и их теориям — теорию «малых дел». Проповедниками «малых дел» в произведениях Н. С. Лескова чаще всего выступают женщины. Однако уже в романах «Некуда» и «Обойденные» сказалось противоречие, заметное и в набросках повести «Марфа и Мария». Желая показать идеальную женщину, путь которой так же ясен и правилен, как путь евангельской Марии, писатель создает либо образ «благородной крестьянки», жизнь которой, по собственному его признанию, «совершенно французская идиллия», либо показывает женщин, которые сами не удовлетворены своей жизнью.

Роман «Обойденные» интересен и своей связью с замыслом повести «Марфа и Мария». Он написан в 1865 г., т. е. за пять лет до письма к С. А. Юрьеву, в котором Н. С. Лесков писал, что «...замысел поделить... современных соотечественниц на «Марф и Марий» возник у него «пять лет тому назад» [17].

В романе проводится прямое сравнение молочницы Жервезы с евангельской Марией [18]. Однако сравнение это еще очень условно, сам образ эпизодичен и занимает в произведении незначительное место.

К теме «Марфа и Мария» Н. С. Лесков возвращается в 1871 г. На этот раз он намерен добиться большего соответствия с евангельским рассказом, который привлекал его не только своей простотой и философией, но и возможностью использовать этот общеизвестный литературный пример в развернувшейся полемике. Замысел писателя во время работы над повестью претерпел большие изменения. Начав с женского вопроса, Н. С. Лесков ставит здесь более глубокие проблемы: о смысле жизни и призвании человека, о соотношении, роли и значении разных слоев современного ему общества.

Следует оговориться: все эти проблемы в публикуемых набросках только поставлены, решение их лишь намечено, и при дальнейшей работе писателя все они получили бы, несомненно, более четкое и определенное выражение.

Поставив вопрос о значении Марф и Марий и их месте в жизни, Н. С. Лесков уже в первом черновом варианте вынужден был признать, что «все имеет цену одно при другом. Если Марфа не

---

[17] Лесков Н. С. Собрание сочинений. Т. X, стр. 281—282.

[18] «Почему я вот и назвала таких женщин Мариями, — говорит писатель устами главной героини романа, — а нас — многоречивыми Марфами. Как это все у нее просто, и все выходит из одного люблю. — Почему люблю? — Потому, что он такой недурненький и ласковый. А совсем нет! Она любит потому, что любит его, а не себя, и потом все уж это у нее так прямо идет — и преданность ему, и забота о нем, и боязнь за него, а у нас пойдет марфунство; как? да что? да, может быть, иначе нужно? И пойдут эти надутые лица, супленье, скитанье по углам, доказыванье характера, и прощай счастье. Люби просто, так все и пойдет просто из любви, а начнут вот этак пещися и молвить о многом — и все пойдет, как ключ ко дну» (Лесков Н. С. Обойденные. Спб., 1866, ч. II, стр. 44).

будет делать то, что она делает, то Марии нельзя будет отдаться тому, чем она занимается» [19]. Таким образом, здесь, вопреки евангельской истине, признается равное значение деятельности сестер.

Во втором варианте повести прежде поставлен более общий вопрос — вопрос о смысле жизни и назначении человека. Текст повести обрывается раньше, чем читатель находит ответ на него, но автор успел высказать очень важную мысль: нельзя жить так, «как живем мы все: живет всякий здесь для своего хотенья...» [20]. Писатель, таким образом, приходит к отрицанию буржуазной морали современного ему общества. Образ батрака, который с малых лет «извык к горю... и видел все неправды, обиды и бой и в этом взял себе научение...»[21], — образ этот едва намечен, это только схема, но и в нем чувствуются уже черты, роднящие его с будущими лесковскими праведниками.

В наиболее законченном, третьем варианте повести эта связь с последующим творчеством Н. С. Лескова проявляется особенно сильно. В нем сказывается стремление писателя отыскать в нравственном начале человека путь к изменению, улучшению жизни. В «Дурном месте», правда, еще очень схематично и скупо, но все-таки нарисован идеал писателя — равенство людей, живущих своим трудом и признающих для себя единственный суд — суд совести [22].

В образе Марфы Н. С. Лесков показывает, как велика роль простого человека в обществе: он не только создает своим трудом условия для духовной жизни стоящих над ним людей, но и подает им высокий нравственный пример. Поэтому писатель не сомневается в первостепенной роли «многопечальной» Марфы [23].

Широта и значительность проблем, поставленных Н. С. Лесковым в повести, противоречит подзаголовку к двум ее вариантам: «Подражание Круммахеру». Имеются в виду «Притчи» Фридриха-Адольфа Круммахера (1767—1845), много раз издававшиеся и на русском языке. Это короткие нравоучительные рассказы, чаще всего на библейские темы, с обязательными сентенциями [24]. Наброски повести имеют некоторое сходство с «Притчами». Но трактовка фактов и выводы у Н. С. Лескова гораздо значительнее; они противоречат не только благочестивым урокам немецкого богослова, но и философии евангельской легенды.

Такой смелый по тому времени литературный протест является новым, но не единственным фактом в творчестве Н. С. Лескова. Впоследствии писатель не раз выступит против установленных и освященных церковью христианских догматов (рассказ «На краю света» и другие).

---

[19] Ф. 360, № 2.15, л. 1.

[20] Там же, л. 3.

[21] Там же.

[22] Там же, лл. 4, 5, 11.

[23] «...Мы уважаем Марию, которая научила нас как надо себя понимать, но знаем, что Марии не пришлось бы все это узнать и открыть нам, если бы ее не вскормила своими заботами многопечальная Марфа, и за то мы считаем, что все добро, которое нам открыла Мария, пришло к нам чрез Марфу, и без ее трудов и забот не слыхать бы нам поучений Марии» (ф. 360, № 2.9, лл. 12—13).

[24] Круммахер Фридрих-Адольф. Нравоучительные повести. Изд. 11-е. Спб., 1867.

Черновые варианты повести «Марфа и Мария» дают исследователю возможность проследить, как стремление к жизненной правде влияло на изменение замысла писателя, как в поисках художественного решения одной проблемы он находит пути к философскому решению целого ряда других не менее важных вопросов.

Публикуя текст всех трех вариантов, мы не ставили себе целью дать здесь их полный литературоведческий анализ. В настоящей работе мы хотели лишь познакомить исследователя с историей возникновения замысла повести, указать на ее тесную связь со всем творчеством Н. С. Лескова и обратить внимание на круг интересных и важных вопросов, поставленных писателем в этих набросках.

* *
*

Исходя из необходимости воссоздать литературную историю повести, мы публикуем текст со всеми авторскими вставками и исправлениями. Зачеркнутые места заключаются в угловые скобки. Слова или фразы, написанные над строкой, вносятся в строку и отмечаются с обеих сторон звездочками. Все недописанные окончания слов (кроме зачеркнутых) или отдельные пропущенные буквы дописываются и заключаются в квадратные скобки. Подчеркнутые автором слова печатаются разрядкой. Текст публикуется по современной орфографии. Особенности авторской орфографии оговариваются в сносках.

Так как начало последнего варианта было переработано Н. С. Лесковым и поверх первоначального текста, почти целиком зачеркнутого, он заново написал красными чернилами новый текст, начало этого варианта печатается в два столбца: в левой части — текст до правки, в правой — отредактированный, причем в последнем случае все написанное автором заново красными чернилами печатается курсивом.

* *
*

л. 1об.

<Все имеет цену одно при другом>
Дела большой важности.

Были две сестры, — одну из них звали Марфа, а другую — Мария. Они обе имели детей, которых воспитывали каждая при себе и по своим средствам. Марфа была замужем[1] за мельником и жила в деревне при своей мельнице, а Мария вышла за учителя и жила в большом городе.

Летом, когда в городе становилось нехорошо, Мария[2] брала двух своих дочерей и приезжала к Марфе, чтобы отдохнуть у нее на мельнице, где было теперь свежо и отрадно. И Мария[3] всегда была очень рада приезду своей городской сестры и племянниц, которых любили дочери Марфы.

У Марфы было также две дочери, как и у Марии, и все эти
л. 2 <двоюрод> четыре девочки были очень // добры и благонравны,

---

[1] *В тексте* замужом.
[2] *Исправлено из* Марфа.
[3] *Так в тексте. Должно быть* Марфа.

но в их понятиях и познаниях была очень большая разница: дочери учительницы, жившие в городе, знали гораздо больше *о разных предметах*, чем знали <их> двоюродные сестры <жившие> *их, выросшие* на мельнице, <и>. *И потому*, когда <они> *<все че> обе [4] девочки* соединялись вместе, то <эта> разница *<в> между ними* становилась столь очевидною, что *бросалась всем в глаза и* сторонние люди, которые видели *девочек* вместе <всех четырех девочек> *хвалили Марию и* говорили:

<— Как> — *Вот как* много значит хорошее воспитание! <Стоит только посмотреть на детей Марфы и Марии и сравнить их между собою, как сейчас же сделается очевидно: насколько Мария поумнела в городе и могла>

Хотя Марфа и Мария и <родственницы и> родственницы и ровесницы, но с Мариею <приятно говори> быть гораздо приятнее, чем с Марфою, потому что Мария много видела и много знает и может сообщить много полезного <своим детям>, тогда как Марфа, живучи <в> *здесь при матери только и умеет, что помогать ей в ее* беспрестанных хлопотах: <на своей мельнице — ото всего нежного> *она доит коров и <выпаевает?>
л. 2об. <смотрит?>* щупает кур, а уж о делах большой важности [5] // чем-нибудь ее <и не ст> <нельзя> *напрасно* и спрашивать. *Она также не знает самого* лучшего, как и ее мать.

<Услышав> <...?> Однажды <городская сестра сидела> *когда люди говорили таким образом, <разго*вор этот услыхали> аптекарша [6] и мельничиха услыхали этот разговор и он привел городскую сестру в такое смущение перед деревенскою, что та сконфузилась и, обняв дружески мельничиху, сказала:

— В этом разговоре не должно быть для тебя ничего укоризненного, так как ты в своем положении при беспрерывных хлопотах не <могла> можешь <много> читать и следить за тем, что происходит в свете, а потому ты не могла и научить <многому Марф> свою дочку всему тому, что могла узнать моя Мария. Но так как ты сделала для меня много добра, за которое мне было бы радостию чем-нибудь отблагодарить тебя, то <отпусти> прошу тебя: отпусти свою Марфу с нами, и она // <в> через некоторое время она возвратится к тебе с познаниями, которых теперь не имеет.
л. 1

— Благодарю тебя сестра, — отвечала мельничиха, — я очень рада, что вижу в сердце твоем такое доброжелательство, но принять его не могу.

— Отчего же? — удивилась пасторша [7].

— А оттого, — <отве> сказала мельничиха, что если <не> Марфа не будет делать то, что она делает, то Марии нельзя будет отдаться тому, <д> чем она занимается. Поэтому, пусть <же> Мария <буд> принима[е]т похвалы, а Марфа продолжает свое дело.

Услыхав это, аптекарша <почувствовала себя> взглянула на сестру <в глаза> <в?> и сказала:

---

[4] *Прежде речь шла о четырех девочках.*
[5] Делах *и* важности *написано под строкой*, большой *исправлено из* большом.
[6] *Прежде речь шла об учительнице.*
[7] *Прежде речь шла об учительнице, затем аптекарше.*

— О, ты <знаешь по истине> знаешь дела самой большой важности и твоя Марфа их делает.

* *
*

л. 1

Марфа и Мария.

Подражание Крум[м]ахеру.

У одного престарелого человека, который имел небольшую мельницу на ручье, была жена и две дочери. Одну из этих дочерей <звали Ма> называли Марфой, а другую Марией. <Марф>

Марфа была <на двенадцать лет> старше Марии и была приучена дома к хозяйству и <смо> семейным заботам. Она была девочка сильная, бодрая и неутомимая в труде и попечениях о том, чтобы помогать отцу и матери во всех их делах. Книжного учения досталось ей мало, и она знала немного, но имела кроткий характер и доброе сердце.

Мария родилась тогда, когда Марфе <исполнилось уже> <шел> и шел двенадцатый год, и родилась Мария дитем слабым и нежным и <эта> телесная красота и слабость этого ребенка были причиною того, что пожилой мельник и мельничиха стали глядеть на новорожденную Марию с особенною любовью и обходились с нею так <бережно и> ласково и бережно, как это редл. 1об. ко бывает у бедных поселян. И старшая // девочка Марфа видела это и, <сама старалась> разделяя любовь своих родителей к маленькой сестре, сама оказывала все услуги любимому ребенку. Марфа качала лубочную колыбель Марии и мыла в ручье ее <д> белье, и носила ее на руках, напевала ей песни и пищала для ее развлеченья на дудке, и так помогла матери выходить Марию до пяти лет, и сберегла ей силы и здоровье.

А когда исполнилось Марфе шестнадцать лет, а Марии <было> сравнялось еще только четыре года, <выдался *в* одну[8] <страшно> бурную[9] <день и> *ночь нанесло* по небу <нанесло> страшную <темную> тучу, которая *<внезапно*> разразилась над мельницею <ст> <оглу> ужасною грозою и чудовищным ливнем.

Это случилось <так внезапно, что> *за полночь, когда* мельник, отец Марфы и Марии, спал и <не> он не успел <выскочить и подбежать к скрыне, чтобы> *во время встать и* открыть выход воде <из> через запруду. А <о> когда <он выбежал и хватился> мельник проснулся от шума и выбежал к скрыне с рычагом, которым надеялся поднять заставку, то он не соразмерил л. 2 силы напора воды // и, потеряв равновесие, упал в стремнину и <течение> был захвачен бешеным течением, в котором и нашел страшную смерть. Жена <его> *мельника была страшно* поражена[10] неожиданным горем, <тоже> которое состояло не *только* в одной смерти мужа, а *так же* и в разорении мельницы, от которой семья их кормилась. От такого горя бедная женщина не находила в себе силы поправиться и умерла вскоре после мужа.

---

[8] *Исправлено из* один.
[9] *Исправлено из* бурный.
[10] *Исправлено из* пораженная.

Девочки, Марфа и Мария, остались <одни> на земле одинокими <с> и не имели ничего, кроме <разоренной наводнением> мельницы на ручье, которая была разорена и <ни?> не могла дать ничего для их пропитания.

Тогда рослой и сильной Марфе шел [11] уже шестнадцатый год, и по крестьянскому положению она почиталась уже не девочкою, а взрослой девушкой и невестой. И как она <была> имела здоровое и приятное лицо и кроткий характер, и все знали, что она приучена ко всему, что надо знать сельской жительнице, то к ней <сват> <стали> *начали* свататься женихи <но она>, и соседние люди стали давать Марфе советы идти кто за того, кто за другого, а третий за третьего. И всякий своего жениха выхвалял:
л. 2 об. одного за красу его, другого за // богатых родных, а третьего за досужество, с которым ему век *не изжить* без того <не изжить>, чтобы самому не разбогатеть и над другими <ст> верх не взять.

— И тогда, — говорили Марфе друзья, — и тебе за таким мужем [12] будет <радо> чем погордиться пред <по> всеми подругами.

А <Марфа> после всех пришел к Марфе сиротливый [13] батрацкий сын, <бедный парень замореный, не кудрявый> и <ста> сказал ей с простой душой:

— Вот если б я не такой незадачный был, а был бы я бел да кудряв, да <носил бы уборы> ходил бы <убористо> *щепетко* да уборно, — я бы к тебе не сватов посылал, а сам бы пришел да и сказал бы тебе, что тебе надобно, чтобы по мыслям пришло?

А Марфа ему говорит:

— <А разумеешь ли?> Откуда тебе разуметь, что <мне> *у меня* в мыслях есть?

А батрацкий сын улыбнулся и <шапку снял и в> шлычек с своей головы снял да перстом по донушку, по шлычку, от смущения водит, а сам ей рассказывает:

— Я, говорит, давно сирота, с самых <с> <из ребячьих го-
л. 3 дов> *детских лет* и извык к горю *давно живучи* по // чужим людям, <от молодых ногтей>, и видел я <бой и> *все неправды*, обиды <на всякий лад> *и бой*, и в этом <все мое> *взял себе* научение... А когда я так жил-то да мучился, го не раз и не два раза, а почти что и бесперечь все в душе мне светилось, что <ведь так бы> надо жить бы как-то не так, как <живут> живем мы все: <все> живет [14] <мы для> всякий здесь для своего хотенья, а надо бы <пож> жить для [15]

* *
*

[11] *В тексте* ишел.
[12] *В тексте* мужом.
[13] *Исправлено из* сиротина.
[14] *Исправлено из* живем.
[15] *На этом текст обрывается.*

л. 1 Много лет *тому* назад на севере Норвегии случилось происшествие, которое до сих пор никем не описано, но которое вполне достоверно, и я его здесь опишу.

<В> <На богословском факультете> В Христиании или в Упсале <окончил> <с о> <курс с отличным успехом> окончил курс богословских наук молодой человек по имени Эрик. <Он> <был> <происходил из знатного род>. Его родство было почитаемо <в своем о> на его родине за честность его предков и за заслуги, которые они оказывали в общественных делах округа. Эрик был единственный сын у <своей матери> своих родителей, которые <имели достаток и> не страдали от искушений <богатства и бед> нищеты и богатства. У них было всего больше, чем много: они находили, что имеют <доста> всего достаточно и не желали больше. Отец Эрика, занимавшийся постройкою судов, <ушел из тела на волю> <те.?.> освободился <от> из телесного плена на волю, когда сыну его <было> исполнилось только четырнадцать // лет, а <вос> далее жизнь его направляла рука его матери, женщины благочестивой и умной. Она направила <сердце> ум сына к тому, что <бы по> он любил проникать в вопросы высшего значения, как-то: откуда мы взялись, для чего здесь живем и <куд> все ли для нас будет кончено с тою минутою, когда тело наше потеряет теплоту и движение. Эрик вырос в этом направлении и <ст> <сделался б> <научась мыслить о высш> стал *богопочтителен и* благочестив, а когда <ем> <воспитание его было кон> окончил университетскую науку, он <не?> не пошел за чинами и славой, а <избрал себе скромную>[16] пожелал быть проповедником.

л. 2

Мать Эрика не только не противоречила такому выбору сына, но находила, что выбор этот прекрасен. Но так как в Норвегии *много* <есть людей> образованных людей, которые <изб> <идут на духовны> определяют

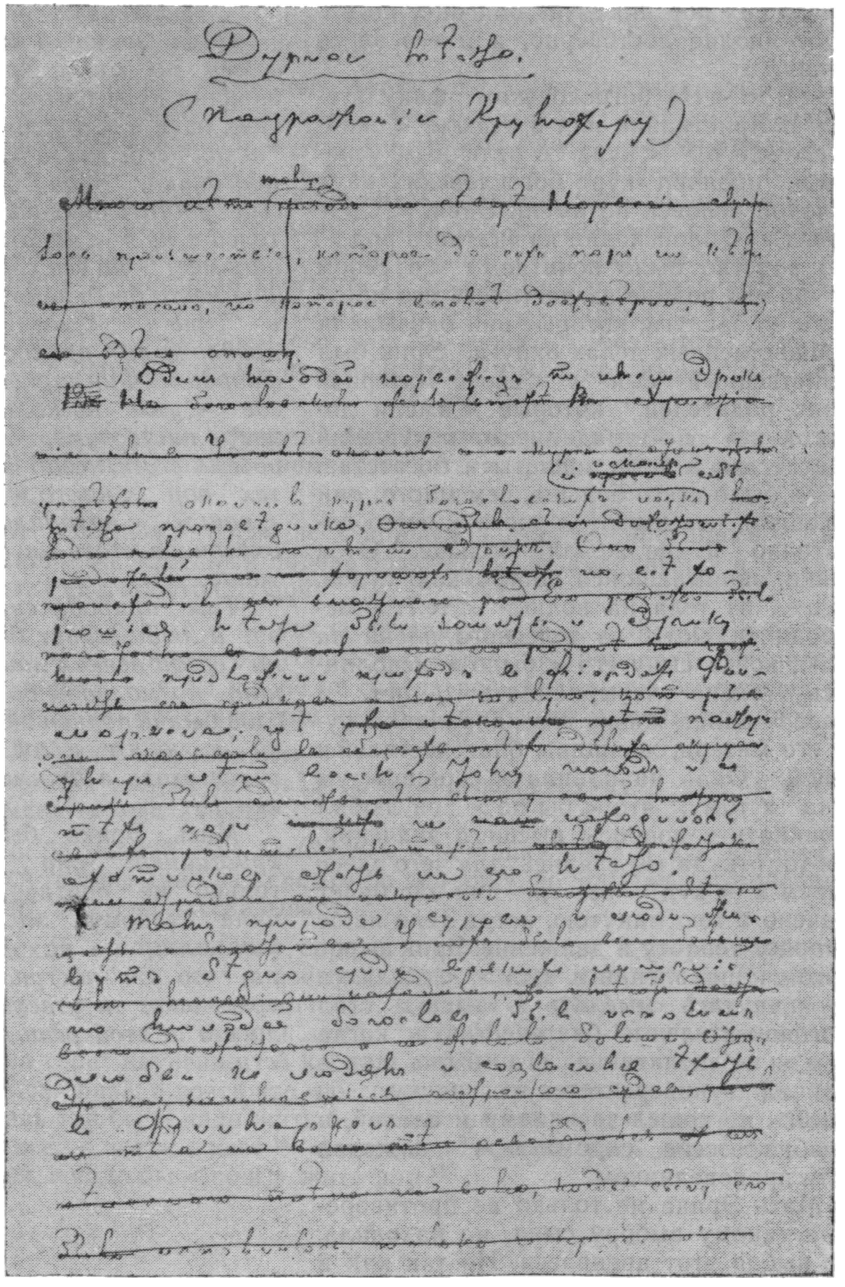
Дурное место
(Подражание Крум-[м]ахеру).

Один молодой норвежец по имени Эрик окончил курс богословских наук *и <просил> *искал* себе места проповедника, <он был сын достаточных родителей и не> <но хороших мест> но все хорошие места были заняты, и Эрику <могли> предложили приход в фиордах Финмаркена, где <уже несколько лет> пастор умер лет восемь тому назад и с тех пор <никто> не <наш> находилось охотников стать на его место.*

Там природа сурова, и люди живут бедно среди всяких лишений, но молодой богослов был исполнен любви к людям и согласился ехать в Финмаркен. //

л. 2 Мать Эрика *была христианка: она* не только не противоречила такому *желанию* сына, но находила, что *он поступает прекрасно, и утвердила его в этой решимости.*

[16] *Исправлено из* скромный.

Черновая рукопись Н. С. Лескова. Ф. 360, № 2.9, л. 1.

себя к духовным занятиям, то Эрик не мог получить места проповедника *ни* в городе и ни в одном из <хорошо устроен> благоустроенных пасторатов, а ему <было предоставлено> и другому
л. 3 его товарищу были указаны два места <: одно> в фиордах: // одно у Ромсдаля, а другое гораздо севернее, в Финмаркене.

Мать Эрика нашла, что сын ее, если он хочет быть в послушанье у бога, то он должен <брать> идти на то место, которое ему открывает бог, а чтобы <лучш> еще <точнее> безошибочнее узнать: которое из двух мест для него полезнее, она убедила сына пойдти к *его* товарищу и предоставить ему первому <выбрать> сделать выбор. Товарищ был уже женат и принял уступчивость Эрика с горячею благодарностию, и получил место в благоустроенном пасторате в Ромсдале, а Эрик отправился в суровый и дикий Финмаркен.

<Его сопровождал> С ним были[17] <книжка> <книга> Евангелие, необходимое белье и платье и <пре> обширный багаж[18] нетленного имущества: <*чистая* совесть> *спокойное сознание* человека, начинающего свою жизнь <ч> поступком, согласным с указанием <сове> доброго сердца и чистой совести.

Мать <его, ска> *Эрика*, прощаясь с сыном, указала ему на это и сказала, что она расстается с ним очень спокойно, потому что «око его <све> <видит> светло», и <ему ничто не пом> он везде может видеть свет. //

л. 4 II

Эрик прибыл в <маленькое,> береговое селенье, где было всего пять <неб>маленьких домиков <из>. Над одним из них, который по общему виду ничем не отличался от прочих, над красною черепичною крышею <во> воткнут был <ма> <небольшой> <черный> небольшой темный крестик. В этом домике была просторная зала для общих собраний и сзади две маленькие комнатки для проповедника.

Жизнь <в это> здесь была так незаманчива и сурова, что приход уже много лет оставался без проповедника, и тот, который предшествовал Эрику, был человек слабый и неспособный к своему делу. Лучшие же люди сочли бы это место себе за наказание, и потому неожиданное прибытие сюда молодого пастора в чистой одежде, с открытым лицом и ласковою манерою в обхождении, удивило жителей селенья в фиорде.

Все они были люди простые и занимались или рыболовством, или постройкою лодок, или выгоняли известный норвежский деготь. Между ними не было ни одного богача и ни одного бедного, и у них не было ни судьи, ни пристава, и все они были целы и *ни
л. 5 на что* не жаловались, а на//против, еще находили свое место превосходным, и с уважением отзывались о других людях, которые живут <в гораздо> при несравненно больших трудностях.

— Где же эти люди, о которых вы говорите? — спросил <молодой пастор> Эрик у беседовавших с ними стариков.

— О, это все в вашем же пасторате, господин пастор, — отвечали старики и добавили, что пасторат их раскинут на очень боль-

---

[17] *Исправлено из* была.
[18] *В тексте* богаж.

шом пространстве и не имеет ни одного большого центра, а все по одному, по два жилья, <устроен> скрытые в лесистых скалах фиорда, <и одно> где одно место дичее другого, и к людям, которые живут там, не доходят никакие новости широкого мира.

— Многих из них никто не посещал, господин пастор, — сказывал более других словоохотливый смологонщик, и, вздохнувши, добавил: может быть, господин пастор, там где-нибудь есть семьи, где давно в лепестки истрепалася старая Библия и <люди уже не> народилися дети, которые уже не знают сколько сыновей было у Иакова и как он рыдал над одеждой Иосифа, проданного
л 6 братьями. <Конечно,> //

Старик рассказал пастору о суровой нужде, в которой живут люди в далеких фиордах на *<ле>* берегах и скалах, и добавил, что есть и такие места, <с которыми> о которых <не> и они, местные жители, почти ничего не знают, потому что в те места трудно проникнуть. И как самое отдаленное и самое неприступное из мест такого рода он назвал <Лорберский м> скалу Лорбер, <где стоит одинокий> <которая имеет сообщение с миро> <остальным миром> все сношения которой с миром ограничиваются только тем, что туда дважды в год привозят осветительный материал для маячной лампы и провиант для сторожа. Да и то, <ско> боже мой, сколько хлопот с тем, чтобы доставить все это на берег. Скала выдается из моря в расстоянии <пя> пяти или шести верст от берега и все это пространство усеяно страшно острыми камнями, вокруг которых кипит неспокойное море, и так же точно окружена скала и с других сторон, так, что <к ней> не <может п> какое судно не может <по> пристать к ней близко, и <все> должно остановиться далеко, и тогда лю-
л. 7 ди в // грубой плетеной обуви спускаются <в воду и пе> по грудь в воду и переносят на себе провиант для семьи маячного сторожа и другие припасы. А что касается до других жителей, которые есть на <этой> Лорберской скале, то никто не <мож> мог и сказать: <где> как они добывают себе необходимое пропитание и зачем живут они там, среди этих ужасных условий жизни? [19].

— Вы можете вообразить, господин пастор, <что если им так трудно добыть> каково должно быть душевное состояние этих несчастных людей, которых еще никогда не посетил ни один из ваших предшественников! Вот вы бы об этом что-нибудь узнали.

— Хорошо, отвечал молодой пастор: я очень благодарен вам за сделанное мне указание, и так, как <это в сам> узнать это есть моя обязанность, то я это и сделаю.

— Вы в сам[ом] деле туда отправитесь?

— Непременно.

— Прекрасная мысль, господин пастор. Мы — близкие соседи этих людей, а совсем не знаем их, что такое они собою представляют. Надо думать, их души <в> окутаны *в* ужаснейшей тьме,
л 8 // и вы принесете им первый луч света, так как до вас там не был никто, знакомый с Писанием, как его знают <учат> пасторы. Но все дело в том, когда вы захотите туда отправиться?

---

[19] *Вопросительный знак в тексте.*

— Я думаю, чем скорее, тем лучше.

— Да, это правда: теперь у нас <само> лучшее время в году для дороги. Вам, ведь, не везде можно будет проехать, а много придется идти пешком, и, если вы не хотите делать больших закруглений, то придется и переходить через потоки...

— Что же: я, ведь, молод и <на вс> могу все это сделать! — ответствовал Эрик.

— А в таком случае, помогай вам бог, господин пастор, и не откладывайте это намерение, а то погода может измениться и путь сделается гораздо более трудным. Мы же вам <может> можем помочь только в одном: мы дадим вам мальчишку, который *отлично* знает <все> лесные тропинки. Он <ва> достаточно силен, чтобы понести вам узелок с вашим бельем и Библией, и проводит вас ближ[н]ей дорогой до другого <фи> поселка, а там вас накормят и, <да> когда вы отдохнете, дадут вам провожатого // дальше.

л. 9

Эрик так и пошел, и все шло ему хорошо: <в> поселок от поселка все были на таком расстоянии, что переходы его не изнуряли, и везде он видел ласковых людей, которые <его> давали ему пищу и место для отдыха бесплатно, и потом <про> посылали с ним провожатого, и не обнаруживали перед ним никаких особенных чувств <а обходились с ним, как с> и даже не интересовались тем, зачем он пробирается к Лорберской[20] скале.

<По> Эрик пробовал говорить с ними об окровавленной ризе Иосифа, о котором плакал Иаков, и <всю?> узнавал от них, что трогательная повесть эта едва им знакома и понимается каждым по своему. <и>

Так шел[20a] он от места до места и все видел <в> <людях> <природе и в людях> одно и то же в природе и в людях, и дошел в один день до <рыбачьей> хибары, хозяйка которой <не умела говорить> на вопрос о Лорбере, показала рукою на отдаленную точку на море, а на вопрос, как туда перебраться, — ответила: — Жди!

<Лорбер> Эрик остался ждать у старухи и прождал <с> терпеливо немалое время, //

л. 10

Наконец, он дождался того, что со скалы прибыл <кривой> человек <в мокрой овчине> довольно странного вида: он был крив на один глаз и одет в безрукавную куртку из овчины. <На голове> Он прибыл по делу, которое скоро исправил, и, *когда* возвращался опять к себе на скалу, то взял с собою пастора. Для этого он велел Эрику снять часть платья и обувь, подвязал ему к ногам подошвы из древесной коры и повел его за собою, опоясав веревкою, конец которой держал в своей руке.

На половине расстояния они сели в лодку, которая была привязана у одного камня, и прибыли на маячную скалу.

III

Во время путешествия Эрик пробовал говорить с хромым[21] провожатым: <имеют ли они> сколько людей живет на скале, и

[20] *В тексте* Рорберской.

[20a] *В тексте* шол.

[21] *Прежде речь шла о кривом.*

имеют ли они понятия о боге? Хромой ему отвечал, что на скале живет больше ста человек и что бога ни один из них никогда еще не видал, но все они <верят> з н а ю т, что
л. 11 <не?> есть в целом мире, создано богом, // от которого и все люди спущены сюда <как походить> будто с лодки <на бер> походить по берегу, а что как <дойдут> <пок> вскликнут назад на лодку, так <воз> надо туда бежать и садиться и плыть еще дальше. А о том, что хорошо и что худо, они чувствуют у себя в совести и знают о Христе, как он жил и учил людей, сидя в лодке. И рассказал кривой пастору все учение, и удивил его <знанием> знанием и пониманием, и спросил его Эрик: — «Кто тебя так научил?»

А кривой ему отвечал:

— Видишь, у нас есть сторож, который зажигает лампу на башне. Вот это я <ему и нес> для него и тащу, что ему надо. А у него есть две дочки. Была и жена, да она уже давно освободилась от тела и тело ее мы закопали под нашей скалою; а <дочки у> от нее остались две <дочки> дочери, из которых одна, младшая, по имени Мария, осталась крошечною <девоч> после смерти матери, и воспитана своею[22] старшею сестрою, которую зовут
л. 12 Марфой. И вот этой Марфе все жители на скале обязаны тем, // что им <д> через нее пришел[23] свет <поз> разумения, потому что Марфа <в> заботилась о своем старике, <кото> и он мог оставаться при их маяке, и она же так воспитала Марию, что той можно было не копаться все время в <грязном труде> тяжелом труде в смологонке, а она научилась читать и писать, думала о том, как надо жить в воле бога и научила этому всех живущих <на> на[24] их <околотке>[25] острове.

Эрик услыхал *это* с большим удовольствием и отвечал *своему* кривому проводнику, что он верно ошибается, ставя <выше всех> заслугу старшей сестры, *чернорабочей* Марфы, <на> выше заслуги младш[е]й <М> сестры ее, <Ма> образованной Марии, но проводник покачал головой и ответил: «Нет, господин, я говорю то, что надо: мы уважаем Марию, которая научила нас, как надо себя понимать, но знаем, что Марии <самой> не пришлось бы все это узнать и открыть нам, если бы ее не вскормила своими заботами многопечальная Марфа, и за то мы считаем, что
л. 13 все добро, которое нам открыла Мария, пришло // к нам чрез Марфу, и без <нее бы>ее трудов и забот не слыхать бы нам поучений Марии. И это ты услышишь не от меня одного, а от всех людей, которых увидишь на нашей скале. <И так же думает отец обеих девиц и сама наша Мария, которая всегда>»

И когда пастор прибыл на скалу и познакомился с здешними[26] людьми, он ото всех услыхал такое же рассуждение. Так же думал и сам старый сторож:

— О, да, <говорил он> господин, — говорил он: — это правда: <у меня хорошие д> очень велико ко <мне и к нам> ко мне

---

[22] *Исправлено из* своей.
[23] *В тексте* пришол.
[24] *Исправлено из* в.
[25] *В тексте* околодке.
[26] *В тексте* сдешними.

милосердье от бога: у меня хорошие дочери: они любят добро и несмотря на то, что были красивы и ловки работать — ни за кого не пошли замуж.

— Отчего же так? — спросил Эрик.

— А вот видите: старшей, Марфе, некогда было заводить новую семью, потому что тогда бы остались без присмотра я и и[27] ее маленькая сестренка Мария; а Мария-то росла все глядя на Мар-
л. 14 фу, как та всю жизнь <в> не о себе, а о нас // только печалилась и исполнилась такого духа, что пошла еще дальше и не захотела <себе> для себя никаких особенных радостей, а берет себе в сердце то лишь одно, что слышит от бога и живет так, что в ней светит свет разуменья для всех с нами живущих, и нет у нас здесь ни распрей, ни ссор, ни судьбища, ни мщенья. <И все это> Как же нам всем не ценить то, что сделала Марфа!

— Опять Марфа! — воскликнул Эрик. Ведь прекрасное учение всем вам открывает Мария!

— Ну так, — конечно, учение излагает Мария. Это господь открыл ее уму; но <что бы> *разве* она <пришла> <в> <бы> могла бы достичь этого, если бы для нее не поработала много Марфа! О, господин! <мы все это знаем> наши люди все это умно обсудили и знают, да ты сходи с кем-нибудь в горы, <и> там ты увидишь <саму> Марию, и она <теб> сама тебе <скажет> то же самое скажет.

<П> Эрик пошел с провожатым в горы, где в бедном селеньи нашел <прекра> // Марию, занимавшуюся учением детей, и стал ее расспрашивать, как она учит, но она посмотрела на него и от-
л. 15 вечала ему:

— Мне кажется, что я должна видеть в вас человека, который <знает> имеет больше познаний, чем я, и потому не мне перед вами излагать надо учение, а вы скажите мне: в чем есть истина жизни: для чего мы здесь видим себя и других и что должны сделать, чтобы <победить> не дать над собою волю легкомыслию и не бояться страха смерти?

Эрик стал ей <говорить> излагать все, что *он* знал на этот счет <из наук, которые ему> и кончил тем, что указал на любовь, от которой [28]

---

[27] *Так в тексте.*

[28] *На этом текст рукописи обрывается.*

К. И. Бутина

К ИСТОРИИ ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ

(Из переписки И. И. Срезневского, А. Е. Викторова и А. Ф. Бычкова)

Архангельское евангелие 1092 года, хранящееся в Музейном собрании под № 1666, является самой древней датированной рукописью среди славяно-русских рукописных книг отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и четвертой среди сохранившихся датированных рукописей XI века после Остромирова евангелия 1056—1057 годов и двух Изборников Святослава — 1073 и 1076 годов.

Этот ценнейший памятник древнерусской письменности и языка был и остается предметом исследования многих ученых палеографов, языковедов и искусствоведов.

Для них, да и для всех, кто занимается историей русской культуры и ее древностей, большой интерес представляет и история поступления Архангельского евангелия в Румянцевский музей, первоначальные высказывания ученых и их научные споры по поводу рукописи с самых первых дней появления ее в Москве и Петербурге.

История приобретения Архангельского евангелия и первые шаги в изучении этого замечательного памятника отражены в письмах хранителя отделения рукописных и старопечатных книг Московского Румянцевского музея А. Е. Викторова к известному филологу-слависту И. И. Срезневскому, в ответных письмах Срезневского и хранителя рукописного отделения Публичной библиотеки в Петербурге А. Ф. Бычкова.

Эти письма особенно ценны тем, что сведения о приобретении Архангельского евангелия и об исследовании его еще до окончательного поступления в Румянцевский музей в литературе отсутствуют [1] или изложены неточно [2].

Публикуемые часть письма И. И. Срезневского к А. Е. Викторову, черновик ответа последнего, два беловых письма А. Е. Викторова к И. И. Срезневскому и ответные письма И. И. Срезневского и А. Ф. Бычкова содержат целый ряд интересных уточнений и дополнений, связанных с историей Архангельского евангелия.

---

[1] Соколова М. А. К истории русского языка в XI веке. — «Известия по русскому языку и словесности», 1930, т. III, кн. 1, стр. 75.

[2] Карский Е. Ф. Архангельское евангелие 1092 г. По поводу издания Румянцевского музея [М., 1912]. — «Русский филологический вестник», 1913, № 2, стр. 467 (где указано, что рукопись была предложена сначала Петербургской публичной библиотеке).

В письмах отразились и живой интерес к еще неизвестному в научном мире памятнику древности, и борьба различных мнений ученых относительно палеографических и языковых особенностей Архангельского евангелия.

Они свидетельствуют об огромном внимании и интересе ученых того времени к подобным памятникам как источникам при изучении древнерусской культуры, языка и литературы. Такое отношение к памятникам древности определялось направлением науки во второй половине XIX в. и поддерживалось деятельностью научных исторических обществ, занимавшихся собиранием, исследованием и публикацией их.

Письма А. Е. Викторова интересны также тем, что они отражают жизнь Московского Румянцевского музея, значение которого как культурного центра возрастало из года в год. К этому времени Московский Румянцевский музей являлся хранилищем ценнейших рукописных собраний, над которыми работали профессора и преподаватели Московского университета, исследователи из других городов, студенты. Ученые Москвы и Петербурга принимали активное участие в пополнении фондов Музея.

В письмах содержатся некоторые сведения и для характеристики самого А. Е. Викторова, крупного ученого, источниковеда-археографа.

С целью пополнения Музея А. Е. Викторов совершал поездки по библиотекам и монастырям, обследуя их хранилища. Именно он положил начало последующим археографическим экспедициям отдела рукописей. В письме его к И. И. Срезневскому рассказывается о состоянии этих хранилищ на Севере России, о гибели памятников древности, о раскольниках и миссионерах, расхищавших остатки рукописной и печатной старины.

Таким образом, публикуемые письма представляют большой интерес не только для ученых, занимающихся изучением Архангельского евангелия, но и для тех, кто занимается историей русской науки во второй половине XIX века и историей Московского Румянцевского музея.

* *
*

Черновик письма А. Е. Викторова к И. И. Срезневскому от 10 января 1877 года, ответные письма последнего и А. Ф. Бычкова хранятся в фонде А. Е. Викторова (ф. 51) в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Два письма А. Е. Викторова к И. И. Срезневскому имеются в фонде И. И. Срезневского (ф. 436) в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Там же сохранился беловик письма (публикуемого по черновику) А. Е. Викторова от 10 января 1877 года. Существенные разночтения оговорены в подстрочных примечаниях.

Письма публикуются с купюрами, текст, не относящийся к истории Архангельского евангелия, опускается.

Тексты писем печатаются по правилам современной орфографии, с соблюдением индивидуальных особенностей подлинников. Подчеркнутые в подлинниках слова печатаются в тексте разрядкой, зачеркнутые — в угловых скобках. В тексте писем буквенные обозначения цифр заменены арабскими цифрами.

1

Из письма И. И. Срезневского к А. Е. Викторову от 5 янв. 1877 г.* (1).

...Публичная библиотека готовится купить рукопись 6600 года, как прочел и дал им знать арх[имандрит] Амфилохий (2). Эта рукопись — евангелие в мал[ую] четвертку без начала, и с концом, и с записью, плохо читаемою и, может быть, испорченною. Не видали ли Вы когда-нибудь этой рукописи и не читали ли Вы записи ранее, чем она была попорчена? Я ее еще не видал, хотя она уж у Бычкова (3), но вопрос, мною сделанный, не праздное слово: ответ на него важен и для Бычкова, который с нее прочел менее, чем Амфилохий. И потом, где она доселе скрывалась и как обрелась?

Письма А. Е. Викторова к И. И. Срезневскому (4)

2

Желал бы хоть начало своего ответа на Ваше письмо изложить словами препрославленного пиита (5):

Гнев, богиня, воспой А м ф и л о х а Данилова сына,
Грозный, который Музеям нанес
неисчетные бедства:**
Рукопись древнюю, редкую, с записью
в Питер низринул ***.

Но увы, <так> как высоколапотного отца Амфилохия, так и меня сребролукий, далеко разящий Феб лишил пиитического дара, а потому как о гневе нашего знаменитого самородка-филолога, так и «бедствиях» Музея и прежней истории известной Вам рукописи я должен поведать презренною прозой.

В начале декабря **** прошлого года какой-то крестьянин, приехавший из Архангельска, принес к нашему комиссионеру Большакову (6) пергаменную рукопись, которую последний, показавши сначала своим благоприятелям и покровителям Хлудову (7) и Солдатенкову (8), прислал в Музей. Как Вам известно, я в это время был в Петербурге, а потому мой помощник И. Д. Бердников (9) оставил в Музее рукопись до моего возвращения. Так рукопись спокойно и лежала в нашем отделении ровно три дня, и в это время, как после оказалось, рассматривали ее Е. В. Барсов (10), проф[ессор] А. Л. Дювернуа (11) и Кулиш ***** (12). Между тем о существовании вновь явившегося миру древнего рукописного евангелия

---

* *Публикуется только часть письма, относящаяся к истории Архангельского евангелия.*

** «Так в 1-м изд[ании] 1829 г. 4°» *(Примеч. А. Е. Викторова).*

*** *В беловике письма (в дальнейшем — Б) дан другой вариант стихотворных строк.*

**** *Б*—4 декабря. *Указывается также, что евангелие было куплено Большаковым за 75 руб.*

***** *В Б далее следует:* «Из отзывов сих ученых мужей Бердников узнал, что рукопись эта 1192 года, каковое мнение потом передал и мне. Лица, видевшие рукопись, конечно, там и сям прозвонили о ней, и вследствие этого в кружке заинтересованных людей пронесся голос, что Музей должен, непременно, приобрести рукопись в собственность».

узнал наш знаменитый во филологах, преп[одобный] отец Амфилохий, и так как он теперь именно занят печатанием текста Юрьевского и других древних рукописей евангелия ([13]), то у него явилось столь естественное желание приобщить к своему труду и это новооткрытое евангелие. Поэтому он обратился к Большакову с просьбою, чтобы тот дал ему рукопись на дом. Большаков не соглашался, и Амфилохий отнесся к Солдатенкову, чтобы тот повлиял на Большакова. Солдатенков, очевидно, дал Большакову приказ исполнить просьбу Амфилохия, вследствие этого последний пришел в Музей и стал настойчиво требовать рукопись назад под тем предлогом, будто крестьянин, которому принадлежит рукопись, хочет удостовериться в ее целости. Бердников долго не соглашался возвратить рукопись, наконец, уступил, причем Большаков дал честное слово, что возвратит в Музей рукопись через два дня. Таким образом достославный отец Амфилохий и получил рукопись в полное свое владение и затем изучал ее, как сам вчера рассказывал мне, ровно 11-ть дней, употребляя на это по 18-ти часов в день.

Должно быть, в середине этой, без сомнения, <столь> многоплодной для отечественной филологии деятельности о. Амфилохия, я вернулся в Москву, и тотчас же Бердников сообщил мне, что в мое отсутствие Большаков присылал перг[аменную] рукопись, за которую назначил 400 рублей, что рассматривавшие эту рукопись говорили, что она 1192 г., что потом Большаков взял эту рукопись обратно с обещанием вновь прислать ее через два дня, но доселе не присылает, что Большаков страшный мошенник и т. д. Так как после взятия Большаковым рукописи в это время прошло уже около недели, то я, естественно, должен был придти к заключению, что рукопись продана уже Большаковым кому-либо из благоприятелей и что в Музей он присылал ее для того лишь, чтобы узнать мнение о ней знающих дело. Поэтому я, конечно, очень жалел о потере рукописи, но делать было нечего. При том же денег у нас нет, и убедить директора купить рукопись я не надеялся. К моему удивлению, директор ([14]), когда я ему рассказывал эту печальную историю, высказал на Бердникова претензию, зачем-де он отдавал Большакову рукопись и почему не доложил по начальству. Как бы то ни было, но около двух недель все мы отложили насчет рукописи всякие попечения, считая ее погибшей. Вдруг на другой или на третий день нового года, не помню, приезжает в Музей Амфилохий и начинает хвастаться своими подвигами, положенными на изучение этой же самой рукописи, причем заявляет, что она не 1192, а 1092 г., что она по тексту важнее Остромирова евангелия, что она стоит не 400, а 700 руб., даже больше, что он писал уже об этом в Петербург и т. д. Я вскользь заметил препод[обному] отцу, зачем он поднимает цену на рукопись и почему, написавши в Петербург, ничего не сказал нам, а главное, упрекнул святого отца в том, что по его милости Большаков мошеннически выманил у Ив[ана] Дм[итриевича] рукопись и вопреки честному слову не возвратил ее и т. д. Тут-то и началась между нами брань, для достойного воспевания которой в начале письма я обращался к музе. Амфилохий в последнее время очень не благоприятствует Музею *, а главное, Дашкову, который

---

* *В Б перечислены причины недоброжелательного отношения архимандрита Амфилохия к Румянцевскому музею.*

обещал дать что-то в его монастырь, но не дал, а потому святой отец в ответ на мои претензии наговорил и мне, и Музею целую кучу дерзостей, а затем ушел, не простившись ни со мною, ни с Бердниковым. Во всяком случае из сладкой беседы с о. Амфилохием я вывел заключение, что рукопись 1092 г., что она, может быть, еще не продана и есть надежда возвратить погибшую овцу в свое стадо. Поэтому я сейчас же предложил Бердникову написать историю рукописи в виде докладной записки на имя директора, а последний на другой день через канцелярию послал к Большакову как комиссионеру музеев приказ, чтобы он на основании таких-то и таких-то обязательств представил ему рукопись вместе с собственной физиономией.

На другой или в тот же день, вечером, я получаю от Вас письмо с известием, что искомая нами погибшая овца в Петербурге, на что впрочем намекал в своей беседе о. Амфилохий.

Извините, ради бога, что, написавши так много, я еще ничего почти не сказал в ответ на Ваши вопросы ([15]). Эта рукопись давно уже сидит у меня на шее, и мне хотелось высказаться, выплакаться... Теперь обращаюсь к этим вопросам и отвечаю на них на основании подробного формального следствия, произведенного мною в течение последних двух дней, прошедших после получения Вашего письма.

Барсов, которому я делал допрос в курильной в присутствии Корша ([16]), Бушеры ([17]) и всякой другой нечисти, торжественно отвечал, что рукопись 1192, а не 1092 г., что он сам читал запись, что эта запись не в конце (в конце, по его словам, другая запись), а за несколько листов до конца и что, если Амфилох напечатает, что рукопись 1092** г., то он, Барсов, будет протестовать. Я спросил у Барсова, какая именно стоит в записи славянская цифра в показании сотен и не видно ли далее еще какой цифры для показания десятков или нет ли пустого выцветшего места.

Барсов твердо отвечал, что видел литеру не «Х», а именно Ѵ и более ничего нет и не было. Далее последовали общие насмешки [над] святою лапотью Амфилохом, и я ушел в отделение. Но увы, через несколько времени явился в наше отделение Барсов, поговорил что-то с сидевшим тут над Добриловым евангелием ([18]) Амфилохом и потом подходит ко мне и шепчет: «А может быть, в записи действительно «Х», а не « Ѵ », — и при этом начертил мне обе литеры собственноручно. Что было мне сказать на это Барсову после прежних торжественных его заявлений? Поэтому я ответил только: «Ну, хорошо», то есть «убирайтесь поскорее» хотел сказать, и решил вечером отправиться к Дювернуа.

Дювернуа отвечал мне, что он рукописью занимался только около получаса, но пересмотрел всю со включением месяцеслова, что в записи он прочел только имя писца, но года не видел. При этом прибавил, что, судя по языку, эта рукопись очень может быть XI в. и что почерк ее напоминает типографские минеи 1098 г.

Нынче*** же исповедывал отца Амфилохия насчет учиненной им реставрации записи. С обычной наивностью он сам рассказал, что

** *В Б* — и что если в Петербурге отнесут эту рукопись к 1092 году.
*** *В Б* — вчера.

он покрывал запись жидкостью из того самого пузырька, который когда-то дали ему Вы ([19]). О Вашем письме и о сделанных мне Вами запросах, я, разумеется, не говорил ему ни слова. Но по поводу разговора о рукописи, о которой он сам же теперь обыкновенно начинает рассуждать каждый раз, он сказал, что вот-де Бычков писал к Большакову, будто он, Амфилохий, испортил запись. Я к этому привязался и стал исповедывать святого отца; нынче он был гораздо милостивей и при уходе, по обычаю, наградил меня поцелуем. Очень долго толковал на тему, будто бы мы бранили его за то, что он хочет печатать свою работу над рукописью. Мы: я и Филим [онов]([20]), старались доказать ему, что мы вовсе не думали об этом, что <мы> наши претензии состоят вовсе не в этом, а в набивании цены на рукописи и в том, что по его милости Большаков от нас востребовал ее. На это он пренаивно ответил: «Да ведь Вы, купивши рукопись, конечно, не дали бы ее мне на дом... вот я для этого упросил Большакова». Насчет же поднимания цены сказал, что он Большакову вовсе не говорил о цене, а Солдатенкову, и назначал за рукопись не 700 руб., а 1000 руб. По поводу этой рукописи отец наш Амфилохий теперь в каком-то экзальтированном состоянии и сам не понимает и не помнит, что говорит.

Беру еще листок и снова прошу извинить меня. Уверен, Вы пришли к заключению, что и я тоже не совсем [в] нормальном состоянии и именно по поводу той же рукописи, а от этого и пишу такие бесконечные послания. Поэтому и спешу кончить*.

3

Эпилог ([21])

12 янв[аря] 1877 г.

Конечно, Вы еще не успели прочесть первого моего широковещательного послания по поводу пресловутого Амфилохиевского кодекса, а вот я являюсь уже со вторым. Но на этот раз я буду кратким. Я хлопочу только о том, чтобы прибавить к прежнему, нынче утром отправленному к Вам письму своему, маленький эпилог на основании материала, как нельзя лучше идущего к делу и как нельзя лучше заканчивающего его. Нынче Амфилохий по пришествии своем в Музей заявил, что получил от Вас письмо, и непременно желал, чтобы я прочел его, потому что, прибавил он, это письмо трактует о той же самой рукописи, из-за которой у нас учинилась с ним такая разрушительная брань. Я разыграл роль дипломата, сказал, что чужих писем читать не имею обычая, равно как и своих не даю никому, но, разумеется, кончил тем, что Ваше письмо прочел с жадностью, и оно подействовало на меня, яко некий волшебный целительный бальзам ([22]) Конечно, нельзя не пожалеть, что так безвременно и во цвете лет погибла рукопись, которая по мнению благознаменитого нашего филолога, по реклу Амфилохия, писана в 1092 г. и которая по своим достоинствам даже выше Остромирова евангелия, но с другой стороны, в силу биб-

---

* *Конец письма с упоминанием о постановке «Леса» А. Н. Островского в домашнем театре И. И. Срезневского и с описанием чтений гр. Салиасом романа «Петербургское действо» на заседании Общества любителей Российской словесности не связан с историей Архангельского евангелия, а потому опущен.*

лиотекарской слабости я не могу не находить большого утешения в том, что мы, значит, потеряли рукопись не 1092 г., а XII—XIII века. Вообще и мои, и Бердникова страдания благодаря Вашему письму к Амфилохию теперь кончились... Как же это ухитрились наши доморощенные палеографы, т. е. отец (я теперь боюсь называть его иначе) Амфилохий и Барсов, прочесть в записи о значении года? Хороши, нечего сказать... Оба лучше! А еще Барсов так нахально бранил Дювернуа, когда я оказал ему, что последний не видел года! «Дювернуа вовсе не умеет читать рукописей», — отозвался Барс[ов]. А вот, оказывается, Дювернуа был прав. По поводу измышления года рукописи преп[одобным] отцом Амфилохием я вспоминаю одну историю с ним, как он однажды принес и показал мне в сделанном им снимке известную фальшивую подпись по листам синодального псевдо-Феогностовского требника ([23]), сфабрикованного и очень топорно нашими ратными против раскола. Так [как] Амфилохий, как большая часть гениев-самородков, читал и читает очень мало, то он узнал от меня за новость, что требник этот поддельный, и, конечно, разными палеографическими соображениями старался доказать подлинность снятой им подписи. Но спорить было трудно, и он должен был оставить поле борьбы. Ясно, что почтенный отец Амфилохий очень плохо чувствует себя и теперь после Вашего письма, но, впрочем, продолжает еще топорщиться. «Что мне Академия»,—сказал он нынче Ивану Дмитриевичу,—«вот завтра в заседании Уваровского Археол[огического] общества я подробно прочту. Я одиннадцать дней сидел над рукописью (и высидел нечего сказать)»... и т. д. Досадно, что по совершенно законным антипатиям к этому нахалу Уварову ([24]) я не хожу в Моск[овское] Археол[огическое] общество. Иначе непременно пошел бы в завтрашнее заседание, чтобы послушать чтение «от премудрости Амфилохия». Воображаю, как будут умирать от тоски члены Общества, специально не заинтересованные вопросом. Бывало, в подобных случаях злодей Котляревский ([25]) без всякой жалости острит над Амфилохием. Чтобы сгладить впечатление бесполезной болтовни чем-нибудь серьезным и вызывающим на размышления в заключение по крайнему разумению отвечу на один из Ваших вопросов, на который я не успел ответить в прежнем своем послании. Вы спрашиваете между прочим: «Где прежде скрывалась эта рукопись и как обрелась?» Как Вы знаете уже, по словам Большакова, к нему принес ее крестьянин из Архангельска. Итак, остается теперь решить вопрос, как она попала в руки крестьянина. По моим соображениям, на основании данных, собранных мною в мою последнюю поездку в Соловки, это могло произойти двумя путями:

1. Как я убедился лично, в монастырях Архангельской епархии очень много рукописей, которые сберегаются очень плохо и которые или совсем не внесены в церковные описи, или внесены так, что ничего не стоит одну рукопись подменить другой. Пользуясь этим, святые отцы до сих пор дают втихомолку охотникам и рукописи, и старопечатные книги, и разные вещевые древности, как-то: всякие понагии, церк[овные] сосуды и т. д. Об этом от многих и в том числе от самих деятелей по этой части я слышал и в Вологде, и в Великом Устюге, и в Архангельске, и в Каргополе. Да чтобы недалеко ходить скажу, что, если бы не зазирала совесть, я и сам могбы кое-что купить этим способом и в том числе одну чрезвычайно

редкую старопечатку, о которой доселе не могу вспомнить равнодушно. Итак, прежде всего привезший в Москву Амфилохиевский кодекс крестьянин мог купить его в каком-либо из Архангельских монастырей.

2. Как я слышал в бытность свою в Архангельске, в этой епархии встречаются рукописи не только по монастырям, но и по приходским церквам. Наприм[ер], один из учителей Архангельской семинарии (Нахоров, по рус[ской] словесности) рассказывал мне, что когда он на уроке показывал ученикам взятую им из библиотеки пергаменную рукопись, чтобы объяснить, что такое пергамен, то один из учеников встал и заявил, что таких точно книг очень много у них в деревне, в старой крепости. Эта старая к р е п о с т ь, как объяснил мне тот же учитель, находится в 20-ти верстах от Архангельска на берегу Белого моря и теперь приписана к сельской приходской церкви. Очень понятно, что с подобного рода коллекциями приставленные к ним хранители обращаются еще свободней, чем монастырские аввы.

3. В Архангельской губернии, в особенности у раскольников, есть и частные собрания. Одно из таких собраний видел и я. Положим, пергаменных рукописей в нем не оказалось, но, разумеется, нельзя не думать, что в других таких же собраниях есть и пергаменные рукописи.

4. Новый недавно изобретенный нашим духовенством, точнее Святейшим синодом, способ расхищения остатков рукописной и печатной старины, сбереженных по монастырям и церквам, составляют учрежденные в последнеее время в Архангельской, Олонецкой и в других епархиях так называемые миссионерства для обращения раскольников. Эти миссионерства поручены людям совершенно не сведующим своего дела, а между тем им дано от Синода полномочие собирать из всех монастырей и церквей рукописи и старопечатные книги, какие бы то ни было, а главное, дано право потом давать эти рукописи раскольникам на дом, и это не только в том городе, где находится миссионерство, но также по деревням. Само собою разумеется, что выданные таким образом из миссионерских библиотек раскольникам рукописи вместо обратной сдачи в библиотеку часто попадают на рынок и вообще исчезают бесследно.

Какой-нибудь сектант-бегун (таких в Арх[ангельской] еп[архии] очень много), узнав о существовании у миссионера редкой рукописи, притворяется обращающимся в православие, ухаживает за миссионером, слушает терпеливо всякую совсем не идущую к делу ерунду, которою тот назидает его, а потом начинает просить миссионера такую-то и такую-то книгу дать ему на дом, в деревню, чтобы почитать своей жене, брату, свату и т. д. Миссионер дает рукопись, а потом ее и поминай, как звали. Бегун!.. Как же его отыскивать? В свою последнюю поездку мне удалось подробно рассмотреть только одну из таких библиотек в Архангельске. В ней находится до 100 рукописей и 100 старопечатных книг, собранных* из монастырей: Сийского, Красногорского, Корельского и других, и из Архангельской семинарской библиотеки. Общего реестра библиотеки нет, а есть бестолковые реестры частные, распределенные

* «по выбору, кстати сказать, ничего не понимающего в своем деле миссионера» *(Примеч. А. Е. Викторова).*

по монастырям, откуда взяты рукописи. Я взял один реестр и говорю: «Покажите мне, пожалуйста, такую-то книгу (древнее евангелие)». Отвечают: «Налицо нет, в деревне у раскольника такого-то». Спросил другую книгу. Такой же ответ. Разумеется, я стал делать миссионеру ноты, зачем-де они раздают рукописи по домам, но потом очень жалел об этом, потому что миссионер сильно надулся на меня и встречал потом очень недоброжелательно. В растрате многих рукописей из Архангельской миссионерской библиотеки еще прежде я имел случай вполне убедиться, когда пересматривал рукописи семинарской библиотеки. Нужно заметить, что при этом занятии мне часто приходилось слышать ответы библиотекаря: «Нет (т. е. рукописи) у миссионера, взята прежним миссионером» и т. д. Вот я и вздумал полюбопытствовать, какие именно рукописи излюблены миссионерами. Взял один реестр, именно прежнего миссионера, и что же? При многих рукописях новым миссионером сделаны отметки: «утрачена, утрачена».

В Каргополе с миссионерской библиотекой произошла история еще лучше. Тамошний прежний миссионер, переведенный недавно в собор в Вытегру, собрал все книги и рукописи миссионерской библиотеки (составленной тем же способом, как и Архангельская), да и увез с собою на место новых своих подвигов как свою собственность, и потому теперешний каргопольский миссионер на вопрос мой о рукописях ответил одними жалобами на своего предшественника. Итак, не правда ли, что вовсе нисколько не грешно будет сказать, что учреждением бесполезных, не обративших пока ни одного раскольника миссионерств Синод изобрел новый способ расхищения рукописей. Очень вероятно также, что наделавшая столько шуму рукопись переселилась было с далекого севера в Москву именно благодаря этому изобретению.

Душевно преданный Вам А. Викторов.

4([26])

14 янв[аря] 1877.

Глубокоуважаемый Измаил Иванович!

Ясно сознаю, что своими длинными письмами по поводу пресловутой рукописи я без того отнял у Вас много драгоценного времени, а между тем теперь нахожу себя вынужденным беспокоить Вас по тому же предмету новым посланием и на этот раз с убедительнейшей просьбой не отказать мне разрешить один важный для меня касающийся до этой рукописи вопрос.

В своей слезной повести о том, как мы упустили из рук эту рукопись, я между прочим писал, что в первых числах января, услышавши от Амфилохия, будто эта рукопись 1092 г. и что она еще не продана, мы сделали попытку к возвращению в свое стадо заблудшей овцы, именно, послали к Большакову приказ, чтобы он как комиссионер Музея, обязанный к тому-то и к тому-то, притом же взявший эту рукопись из Музея обманом, явился вместе с нею к директору. После этого, несмотря на вторичные предписания Большакову, около недели не было о нем ни слуху, [н]и духу. Но вчера утром, должно быть, получивши из Петербурга не понравившийся ему ответ, он приехал к нашему директору и заявил, что он согла-

сен снова доставить в Музей рукопись, но на том условии, что директор даст ему верное слово, что непременно купит ее у него, причем, ссылаясь на Амфилохия, утверждал, что рукопись относится к 1092 г., а потому назначал за нее 1000 рублей. Директор, не дав Большакову никакого ответа насчет цены рукописи, отнесся с запросом по этому предмету ко мне. Воспользовавшись новыми сведениями о веке рукописи из Вашего письма к Амфилохию, я дал отзыв, что рукопись не стоит не только 1000, но не стоит и той цены 400 р., какую запросил Большаков прежде, в декабре, и что красная цена ей 200—250 р. При этом я в особенности настаивал на том, что рукописи за глаза покупать не следует и что прежде нужно видеть ее. Нынче утром Большаков снова являлся к директору, и последний сделал мне новые запросы по тому же предмету с объявлением, что по просьбе Большакова завтра явится к нему доказывать древность рукописи взявший на этот раз роль помощника по торговле Амфилохий. Но прежде чем убеждать директора, Амфилохий нынче со всем усердием старался убедить в древности рукописи меня, и, признаюсь откровенно, я немного поколебался. Он привез в Музей сделанные им 8 снимков с рукописи, в том числе снимок с лицевой стороны последнего (177) листа*, на котором внизу действительно читается «Кончах... в лето 6 600». Как же, спросил я, могли не заметить этой записи в Петербурге? Амфилохий отвечал на это, что там искали записи на обратной стороне последнего листа, между тем как она на лицевой стороне, совершенно незаметна, рядом с другими строками (на последней строке) и, главное, выцвела, и едва заметна. И вот по этому-то поводу я принялся беспокоить Вас покорнейшей просьбой написать мне: видели ли Вы эту запись, и если видели, то почему не придаете ей значения в вопросе об определении века рукописи? С своей стороны, я возражал Амфилохию, что как обратная, так и лицевая сторона последнего листа совсем другого почерка и позднейшего времени и что запись может относиться к оригиналу, с которого списан был конец рукописи, но так как я не видел рукописи и должен был судить об этом по снимкам, то настаивать на своих возражениях не мог.

Во вчерашнем заседании Моск[овского] Археол[огического] общества Амфилохий действительно читал свой реферат о рукописи и доказывал, что она 1092 года. Вообще, Ваше письмо озадачило его только на первых порах, теперь же он оправился и твердит свое. Очень понятно, что он волен свое мнение иметь, но жаль, что с этим мнением он прежде всего считает нужным познакомить продавца рукописи, и, купит ли ее Публичная Библиотека или Музей после Амфилохиевской пропаганды, за нее придется заплатить дорого.

Душевно пред[анный] Вам А. Викторов.

5

Письмо И. И. Срезневского к А. Е. Викторову ([27])

18 янв[аря] 1877.

Душевноуважаемый Алексей Егорович!

---

* *В действительности, л. 177 — не последний. См. статью Н. Б. Тихомирова (стр. 149 настоящего выпуска «Записок»).*

Дней за пять я получил Ваше первое письмо о Большаковской рукописи, наделавшей столько шуму и неприятностей, на другой день другое, а вчера и третье. С каким любопытством читал я эти письма, письма, дорогие для меня особенно тем, что в них выразилась невольно, вероятно, вовсе незаметно для Вас привязанность Ваша к Музею, это само собою разумеется. Из-за этой любви к Музею Вы не могли не желать приобрести для него и приобрести как можно выгоднее, без лишней траты казенных денег, это евангелие от барышника, который не может посовеститься взять за него и мешка золота, если только найдет это возможным. Не могу впрочем винить о. Амфилохия и не уважать в стареющем архимандрите его юношеского пыла ревностного, его горячечной деятельности: только пыл восторга, что в его руки попался памятник XI в. с годом, был причиной, что он оценил рукопись такой дорогой ценой, о какой барышник и не мечтал.

Я уверен, что если бы он более подумал, к чему идет он, набивая цену рукописи, то ни за что не позволил бы себе помогать барышнику. Как бы то ни было, я остаюсь Фомой неверным относительно древности рукописи, т. е. т а к о й древности.

Очень буду рад, если московское чтение года, поддержанное Амфилохием, оправдается, рад этому буду как новому указанию быть осторожнее в приговоре, но до тех пор остаюсь при домысле, что Большаковская рукопись писана в начале XIII в., может быть, в конце XII века ([28]). С Бычковым я еще не виделся после того, как написал о. Амфилохию то письмо, которое Вы читали, потому что был болен, и случайно сегодня узнал, что он по рассмотрении всей рукописи все-таки не признает ее за рукопись XI века.

Дело было вот как. Утром сегодня я написал Бычкову записку по содержанию Вашего письма, обращая его внимание на место, где есть запись с годом, и готов был ее отправить к нему по городской почте, как пришли меня проведать Грот ([29]) и Сухомлинов ([30]). Слово последнего, что он отправляется в Публичную библиотеку, и мое слово о написанной Аф[анасию] Ф[едорович]у записке повернули разговор на рукопись, и я узнал, что в прошедший четверг, когда я по болезни не был в заседании, А[фанасий] Ф[едорович] читал доклад об этой рукописи с разбором ее частей и записей (снятых им перед тем фотографически) и свел его к заключению, что рукопись не ранее конца XII века ([31]). Завтра я получу его доклад и узнаю подробности, если есть в них что-нибудь для Вас любопытного, то немедленно напишу. Свою записку Бычкову я все-таки просил Сухомлинова передать. В четверг узнаю, в какой мере она была для него небесполезна и об этом Вас уведомлю. Остается для меня не разрешенным, кто первый у Вас обратил внимание на запись с годом и прочел в ней цифры 6600. Из письма о. Амфилохия и Вашего я узнал только то, что и до предоставления рукописи в руки Амфилохия знали и запись, и год. Кто же ее незаметную, выцветшую заметил?

Позже.

Только что получил и прочел записку А. Ф. Бычкова о Большаковской рукописи ([32]). Приписка с годом действительно оказалась на 100-м листе с лица: «Кончах ѧзъ поттонї в лѣт[о] 6600 презвуте грѣшн». Что было на обороте смыто, а затем южным запад[но]-слав[янским] почерком написано чтение из Луки. Остается мне убе-

диться в этом только личным взглядом. А записка Бычкова написана прекрасно, и в ней сообщены все записи, какие имелись в рукописи: одна довольно большая, была в десять строк, из них сохранилось 6 1/2*.

6

Письмо А. Ф. Бычкова к А. Е. Викторову ([33])

[23 января 1877]

Сейчас получил Ваше письмо, многоуважаемый Алексей Егорович, и поспешаю моим на него ответом. Пресловутая рукопись отдана мною в канцелярию библиотеки для отправления по принадлежности к Большакову, который за нее первоначально просил с нас 700 рублей, а потом возвысил цену до 1000 рублей, вероятно, по совету о. архимандрита Амфилохия и в том предположении, что наше книгохранилище дает всякую цену, какую с него ни запросят. Но такое предположение оказалось ошибочным. Я предложил Большакову за рукопись, и то скрепя сердце, 500—550 рублей. Более этого она не стоит и ее цена п[р]и внимательном рассмотрении, пожалуй чего доброго, должна понизиться и вот почему, первая часть писана позднее второй, от которой отличается многими особенностями; листок, на котором написан 6600 год, находится в каком-то странном отношении ко всей рукописи, которая имеет свое послесловие, и к тому листку, которым евангелие оканчивается. Что касается особенностей языка настоящей рукописи, то едва ли правильно сравнивать его с языком великолепного Остромирова евангелия, а скорее следует обратиться к скромным евангелиям XII—XIII века, где встречаются многие ее особенности.

Желаю искренно, чтобы Вы приобрели у Большакова рукопись, во всяком случае не оставьте меня уведомлением о ее судьбе. Кстати нельзя не посетовать, что оценка рукописей делается людьми, не имеющими намерения их приобретать*.

Примечания

([1]) Письмо написано на двойном листе в клетку, размером 21,0×13,5, текст занимает четыре страницы. Хранится под шифром ф. 51.21, 58.

([2]) *Амфилохий архимандрит* (П. И. Сергиевский; 1818—1893) — археограф, палеограф, автор ряда научных работ; с 1866 г. — действительный член Московского археологического общества, один из старейших читателей отделения рукописных и старопечатных книг Московского Публичного и Румянцевского музеев; занимался описанием рукописных книг из собрания П. И. Севастьянова и исследованием древнейших рукописных памятников. В 1863—1877 гг. передал в дар Музею 89 рукописных книг, составляющих с 1953 г. самостоятельное собрание (ф. № 7).

([3]) *Бычков Афанасий Федорович* (1818—1899) — с 1844 г. хранитель рукописного отделения Публичной библиотеки в Петербурге; археограф, палеограф, с 1865 г. академик.

([4]) Черновик письма написан на трех двойных листах в линейку, размером 21,0×13,5, текст занимает двенадцать страниц. Хранится под шифром ф. 51.15, 15.

* *Конец письма опущен.*

(5) Автор использовал Илиаду в переводе Н. Гнедича в издании 1829 г. (Спб.).

(6) *Большаков Сергей Тихонович* (1842—1916) — московский 2-й гильдии купец, старообрядец, торговавший рукописями, старопечатными книгами и другими памятниками древности, с 1863 г. комиссионер Московского Публичного и Румянцевского музеев. После смерти своего отца, Т. Ф. Большакова, известного любителя и знатока рукописей, им было продано в Музей 370 рукописных книг, а 50 пожертвовано в память о собирателе. Эти рукописные книги составляют собрание Большаковых (ф. № 37).

(7) *Хлудов Алексей Иванович* (1818—1882) — крупный московский купец, старообрядец, собиратель рукописных книг, ценнейшее собрание которого хранится в Государственном историческом музее; отдельные рукописи, подаренные им в Румянцевский музей, выделены в самостоятельное собрание (ф. № 394).

(8) *Солдатенков Кузьма Терентьевич* (1818—1901) — крупный московский купец, старообрядец, известный коллекционер и книгоиздатель, владелец книжного магазина в Москве.

(9) *Бердников Иван Дмитриевич* (1829—1880) — с 1873 г. помощник хранителя отделения рукописных и старопечатных книг Московского Публичного и Румянцевского музеев.

(10) *Барсов Елпидифор Васильевич* (1836—1917) — в 1870-1872 гг. помощник хранителя отделения рукописей и старопечатных книг Румянцевского музея, с 1873 г. исполнял должность библиотекаря русского и славянского отделения Музея, автор ряда этнографических, исторических и археологических трудов.

(11) *Дювернуа Александр Львович* (1840—1886) — славист, профессор Московского университета, один из старейших читателей отделения рукописных и старопечатных книг Румянцевского музея.

(12) *Кулиш Пантелеймон Александрович* (1819—1897) — украинский публицист, историк.

(13) Речь идет о работе архимандрита Амфилохия «Древле-славяно-грекорусский словарь из Юрьевского евангелия 1118—28 года, сличенный с евангелиями XI в., XII в., и 1270 г.». М., 1877.

(14) Директором Московского Публичного и Румянцевского музеев с 1867 года был Василий Андреевич Дашков (1819—1896).

(15) См. публикуемую часть письма № 1.

(16) *Корш Евгений Федорович* (1810—1897) — библиотекарь Московского Публичного и Румянцевского музеев; журналист, переводчик.

(17) *Бушера Адольф Петрович* (1832—1898) — с 1871 г. смотритель и казначей Московского Публичного и Румянцевского музеев.

(18) Добрилово евангелие 1164 года из собрания Н. П. Румянцева (ф. 256, № 103), хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

(19) О восстановлении текста записи Амфилохием см. подробнее: Архимандрит Амфилохий. Описание евангелия 1092 г. М., 1877.

(20) *Филимонов Георгий Дмитриевич* (1829—1898) — с 1870 г. хранитель отделения доисторических, христианских и русских древностей Московского Публичного и Румянцевского музеев, археолог.

(21) Письмо написано на двух двойных листах в линейку, размером 21,0× × 13,5, текст занимает восемь страниц. Хранится под шифром ф. 436, оп. 1.1176.

(22) К сожалению, нам не удалось обнаружить этого письма с изложением первоначальной точки зрения И. И. Срезневского относительно Архангельского евангелия, которое он считал рукописью XII—XIII вв.

(23) Речь идет о псевдо-Феогностовском требнике, хранящемся в Синодальном собрании под № 1574. — См.: Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел третий. Книги богослужебные, ч. II. М., 1917, стр. 497.

(24) *Уваров Алексей Сергеевич*, гр. (1828—1884) — археолог, основатель Археологического общества, один из организаторов Исторического музея в Москве, собиратель рукописных книг, богатейшее собрание которых хранится в настоящее время в Государственном историческом музее.

(25) *Котляревский Александр Александрович* (1837—1881) — археолог, славист, этнограф, с 1864 г. действительный член Московского археологического общества, с 1875 г. профессор Киевского университета.

(26) Письмо написано на двух двойных листах в линейку, размером 21,0× × 13,5, текст занимает восемь страниц. Хранится в ЦГАЛИ под шифром ф. 436, оп. 1.1176.

(27) Письмо написано на двойном листе в клетку, размером 21,0×13,5, текст занимает четыре страницы. Хранится под шифром ф. 51.21.58.

(28) В дальнейшем И. И. Срезневский считал, что первые 76 листов Архангельского евангелия были написаны почерком XII—XIII вв., вторая часть — почерком 1092? или 1097? гг. — См.: И. И. Срезневский. Древнейшие памятники русского письма и языка (X—XIV веков), изд. 2-е. Спб., 1882, стр. 32—33.

(29) *Грот Яков Карлович* (1812—1893) — филолог, с 1858 г. академик.

(30) *Сухомлинов Михаил Иванович* (1828—1901) — историк литературы, с 1872 г. академик.

(31) Точка зрения А. Ф. Бычкова относительно датировки Архангельского евангелия была следующая. Он относил написание 1-й части (лл. 1—76) к XII—XIII вв., 2-й части (лл. 77—175, 178) — к концу XI в., 3-ю и 4-ую части (лл. 175—177) — к XIII в. — См.: «О вновь найденном пергаменном списке евангелия. Академика А. Ф. Бычкова». — «Записки имп. Академии наук», т. 29, кн. 1—2. Спб., 1877. стр. 97—112.

(32) Речь идет о докладе А. Ф. Бычкова на заседании Отделения русского языка и словесности Академии наук «О вновь найденном пергаменном списке евангелия». — «Сборник ОРЯС», т. 17. Спб., 1877.

(33) Письмо написано на двойном листе почтовой бумаги, размером 17,5× × 11,6, текст занимает четыре страницы. Хранится под шифром ф. 51.17,13.

В. М. Федорова

ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО В. Г. КОРОЛЕНКО К А. П. ЧЕХОВУ ОТ 14 МАРТА 1902 г.

В отделе рукописей в архивах А. П. Чехова (ф. 331) и В. Г. Короленко (ф. 135) хранится бóльшая часть известных в науке писем этих двух писателей друг к другу, состоящая из 12 писем А. П. Чехова и 12 писем В. Г. Короленко. Переписка их, и в числе ее письмо В. Г. Короленко от 14 марта 1902 г., впервые была опубликована Н. К. Пиксановым [1]. Письмо от 14 марта 1902 г. по тексту упомянутой книги публиковалось еще раз [2]. В обоих изданиях оно было снабжено обширным комментарием.

При описании архива В. Г. Короленко был выявлен еще и черновой вариант того же письма, отличающийся от опубликованного. Черновое письмо занимает четыре страницы на листах почтовой бумаги (подлинник отосланного письма написан на трех страницах такой же бумаги). Вторая страница черновика частично перечеркнута рукой самого В. Г. Короленко (см. фото). Зачеркнутый текст содержит интересные высказывания В. Г. Короленко об отношении его к украинской интеллигенции.

Ниже полностью публикуется черновой вариант письма В. Г. Короленко к А. П. Чехову (ф. 135, II. 9. 8). Зачеркнутый текст печатается в угловых скобках; в сносках воспроизведены все разночтения с отосланным А. П. Чехову письмом, включая постскриптум о кассации выборов М. Горького, отсутствующий в черновике.

Черновое письмо В. Г. Короленко к А. П. Чехову

Дорогой Антон Павлович.

Давно уже мы с Вами и не виделись, и не писали друг другу. Теперь хочу Вам написать сразу по двум поводам, — один, так сказать чужой, другой — свой собственный. Начну, по-христиански, с чужого.

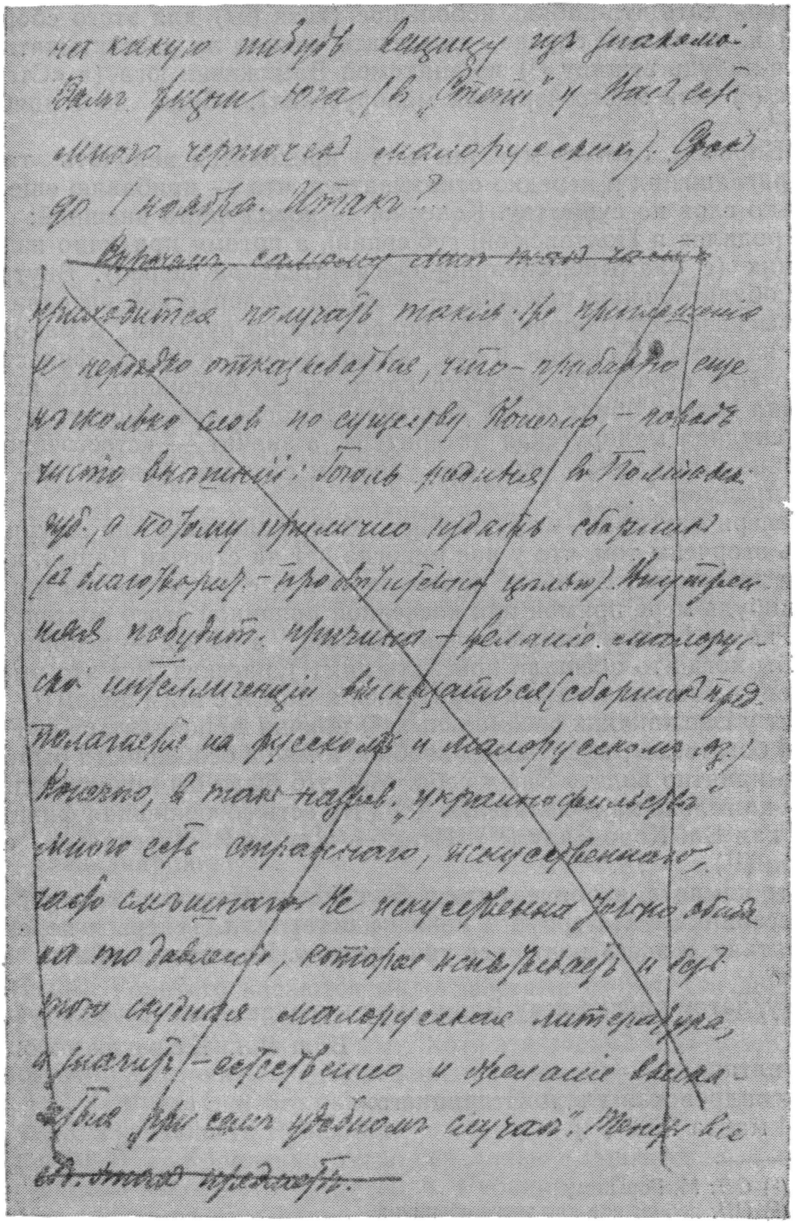
Здесь, в Полтаве, «на родине Гоголя», возникла мысль о сборнике, посвященном его памяти и имеющем предметом — Малороссию. Должна войти сюда беллетристика, стихотворения, публицистика, этнография и т. д. и т. д. ([1]). Теперь Вы понимаете, куда

---

[1] См.: А. П. Чехов и В. Г. Короленко. Переписка. Ред. и вступление Н. К. Пиксанова. Комментарии Л. М. Фридкеса. М., 1923, стр. 44—45.

[2] В. Г. Короленко. Избранные письма. Т. III. Литературная и редакторская работа (1886—1920). Под ред. и с примечаниями Н. В. Короленко и А. Л. Кривинской. М., 1936, стр. 150—151.

([1]) *В отосланном письме (далее — ОП) второе* и т. д. *опущено.*

Черновое письмо В. Г. Короленко к А. П. Чехову. Ф. 135. II, 9.8.

клонит дело. Меня просили обратиться к Вам и к Горькому (2) с просьбой дать что-нибудь небольшое (хотя бы) для этого сборника (3) и, во всяком случае — ответить, можно ли рассчитывать на какую-нибудь вещицу (4) из знакомой Вам жизни юга (в «Степи» у Вас (5) есть много черточек малорусских). Срок до 1 ноября. Итак?...

<Впрочем, самому мне так часто приходится получать такие же приглашения и нередко отказываться, что — прибавлю еще несколько слов по существу. Конечно, — повод чисто внешний: Гоголь родился в Полтавск[ой] губ[ернии], а потому прилично издать сборник (с благотворит[ельно]-просветительной целью). Внутренняя побудит[ельная] причина — желание малорусской интеллигенции высказаться (сборник предполагается на русском и малорусском яз[ыках]). Конечно, в так назыв[аемом] «украинофильстве» много есть странного, искусственного, часто смешного. Не искусственна только обида на то давление, которое испытывает и без того скудная малорусская литература, а значит — естественно и желание высказаться «при сем удобном случае». Теперь все об этом предмете >.

Теперь другое и — труднейшее. Мои товарищи по журналу очень огорчены тем, что у нас никогда нет ни строчки Вашей, и винят в этом меня. Не знаю, правы ли они, т. е. являюсь ли я в какой-нибудь мере прямой или косвенной причиной этого обстоятельства, но во 1-х и меня оно очень огорчает, а во 2-х — вспоминаю, что Вы когда-то обещали прислать нам (6) рассказ. Все это вместе взятое — заставляет меня обратиться к Вам и с этим делом (7). Если нет у Вас никаких специальных (8) причин не появляться в «Р[усском] богатстве», то всем нам вообще, а мне в особенности было бы очень приятно видеть Вас у себя. Мне это было бы приятно вдвойне — не только как «издателю» (9) (что есть совершенная фикция), но и как Вл. Короленку (10). Итак — жду от Вас несколько слов ответа (11).

Вы помните, вероятно, что я был болен. Нервное расстройство и бессонница в Петербурге меня не оставляли. Теперь я переехал в Полтаву, и здесь почти все уже прошло. Как теперь Ваше здоровье?

Ну, затем крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего хорошего.

Ваш Вл. Короленко.

Полтава,
Александровская ул., д. Старицкого.
14 марта 1902 (12).

---

(2) *ОП:* М. Горькому
(3) *ОП:* небольшое для этого сборника
(4) *ОП:* на какую-ниб. вещицу
(5) *ОП:* (в «Степи», напр. у Вас
(6) *ОП:* когда-то даже обещали мне прислать
(7) *Этой фразы в отосланном письме нет.*
(8) *ОП:* Итак, если у Вас нет никаких специфических
(9) *ОП:* издателю *без кавычек.*
(10) *ОП:* но и как В. Г. Короленку.
(11) *ОП:* Итак жду, во 1-х ответа, а во-вторых?...
(12) *ОП:* P. S. Что это за чушь вышла с «кассацией» выборов Горького! Какой смысл кассировать выборы, все значение к-рых только в факте почетного избрания? А ведь факта этого уничтожить нельзя. Вообще — гадость.

ИЗ АРХИВА Н. А. РУБАКИНА

Выдающийся библиограф и писатель Н. А. Рубакин (1862—1946) всю свою жизнь посвятил развитию отечественной библиографии, пропаганде книг и популяризации научных знаний среди широких народных масс. В 1907 году Н. А. Рубакин, преследуемый царским правительством, вынужден был эмигрировать в Швейцарию, где прожил до конца жизни, не порывая, однако, связей с родиной. Свою богатую библиотеку Н. А. Рубакин завещал Советскому Союзу. Вместе с книгами в Библиотеку имени В. И. Ленина из Лозанны прибыл большой личный архив Рубакина (ф. 358), насчитывающий около 500 тыс. листов.

В этом фонде значительна по объему и очень содержательна переписка. Разумеется, она освещает прежде всего научную и общественную деятельность самого Н. А. Рубакина. Но в эпистолярной части архива исследователи найдут источники по многим вопросам истории нашей Родины, начиная с 80-х гг. XIX в.

К столетию со дня рождения Н. А. Рубакина, которое исполнилось в 1962 году, отдел рукописей публикует 34 письма из его архива: 6 писем к нему от М. Горького за 1902—1922 гг., 3 письма В. Г. Короленко за 1909—1912 гг. и 25 писем Ромена Роллана за 1916—1936 гг. (письмо № 11 адресовано жене Н. А. Рубакина Людмиле Александровне).

Публикуемые письма содержат некоторые интересные факты, важные не только для изучения жизни и деятельности Н. А. Рубакина, но и его корреспондентов — известных писателей.

Письма Горького касаются малоизвестных сторон его деловых и дружеских отношений с Н. А. Рубакиным, начиная с 1902 года, когда они познакомились в Крыму. Хотя эти письма и не позволяют полностью представить взаимоотношения Горького с Н. А. Рубакиным, тем не менее они отражают интерес писателя к научной и литературной деятельности Рубакина.

Письма В. Г. Короленко, тесно связанные с подготовкой и изданием широко известного труда Н. А. Рубакина «Среди книг», позволяют судить об отношении к этой книге представителей разных общественных группировок.

Если письма Горького и Короленко Н. А. Рубакину связаны лишь с отдельными эпизодами их отношений, то письма Роллана позволяют проследить его дружбу с Рубакиным на протяжении двадцати с лишним лет (и с очень небольшими перерывами). Они содержат многие факты, важные для понимания мировоззрения и творчества этого писателя во время первой мировой войны и после нее. Они еще раз свидетельствуют о том, что Роллан был искрен-

ним и убежденным другом Советской России, энергичным и деятельным борцом за мир.

При составлении примечаний к публикуемым письмам использованы прежде всего разнообразные материалы из архива Н. А. Рубакина (ф. 358): черновые письма его А. М. Горькому (22 пп. за 1918—1933 гг.), воспоминания, регистрационные тетради и т. д. Ввиду того, что обработка архива Рубакина еще не закончена, все ссылки на него даются без указания номера фонда и единиц хранения. Кроме того, были использованы письма Н. А. Рубакина к А. М. Горькому и К. П. Пятницкому, хранящиеся в архиве А. М. Горького при Институте мировой литературы Академии наук СССР.

Текст писем публикуется по обычным правилам: индивидуальные особенности написания сохраняются, сокращенные слова дописываются в квадратных скобках, зачеркнутые — воспроизводятся в угловых скобках, подчеркнутые в подлиннике слова печатаются разрядкой.

Публикация подготовлена к печати группой сотрудников отдела рукописей: письма А. М. Горького—*И. А. Сницаренко;* В. Г. Короленко — *Л. П. Балашовой;* Р. Роллана — *М. В. Чарушниковой* (№№ 1—7), *Э. П. Волковой* (№№ 8—11), *А. Б. Сидоровой* (№№ 12—18) и *Л. В. Гапочко* (№№ 19—25).

М. Горький — Н. А. Рубакину

1

[1902 конец мая] (1)

Дорогой товарищ!

. . . . . (2)

Изданий ваших еще не получил (3). Девчонка моя (4) поправляется, здесь — не дурно, но — преглупая полиция. Я уже имел одно столкновение с нею и подал жалобу (5). В общем же — не дурно живу, чего от всей души и вам желаю

Ваш А. Пешков

2

[1909, не позднее 1/14 сент.] (6).

Уважаемый Николай Александрович!

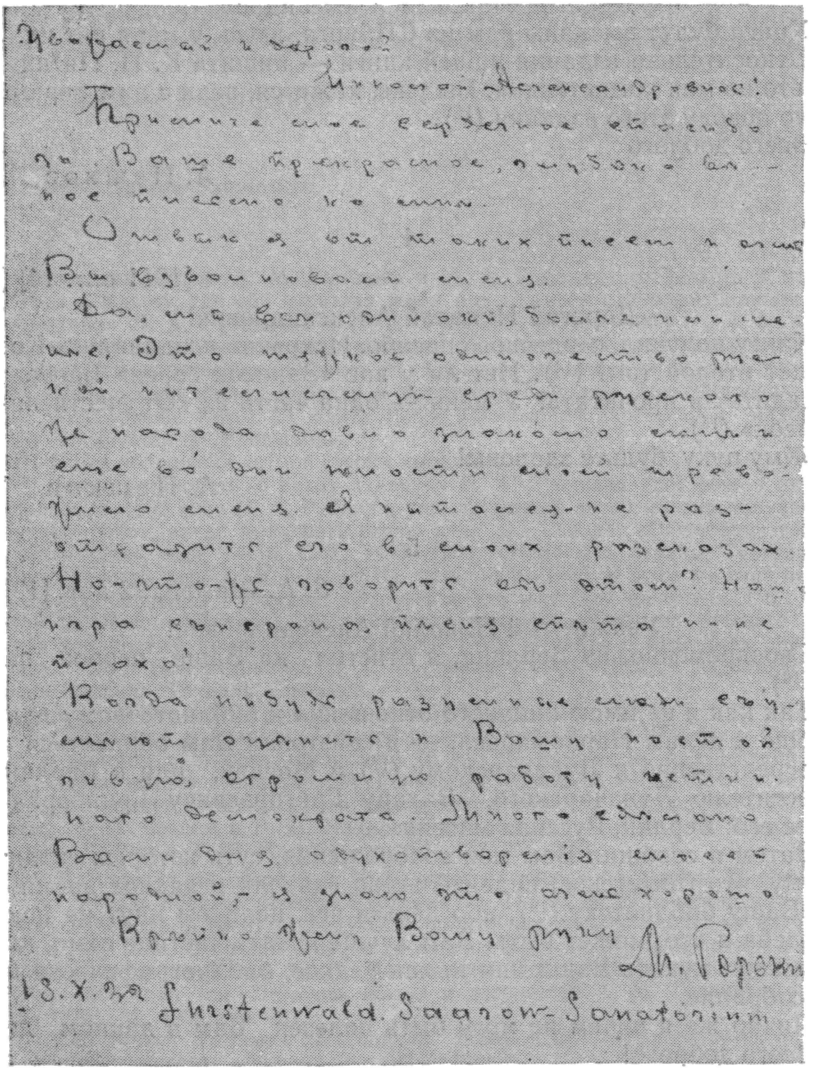
К[онстантин] П[етрович] (7) на днях будет здесь и мы с ним всесторонне обсудим ваше интересное предложение (8).

Труд ваш «Среди книг» я не получил и не знаю его, было бы очень хорошо, если бы вы теперь же прислали мне экземпляр (9).

Что касается до нужных вам издан[ий](10) «Знания» — по этому делу обратитесь непосредственно в контору, в Питер.

Желаю доброго здоровья, жду книгу

А. Пешков

Письмо А. М. Горького Н. А. Рубакину от 18.X.1922 г. Ф. 358.

3

[1909 ноябрь — декабрь] ([11])

Дорогой Николай Александрович!

Книги будут высланы вам из СПбурга, здесь у меня нет их.

Относительно издания вашей книги — пишите К. П. Пятницкому, это не моя компетенция. Вы уже, кажется, вели с ним переговоры по поводу этого издания ([12]).

Всего доброго

А. Пешков

4

[1911 окт. 14] ([13])

Дорогой Николай Александрович!

Книгу получил, сердечное спасибо. Искренно поздравляю. Когда выйдет второй том? ([14]). Нет ли у вас «Записок еврея» Багрова и не дадите ли прочитать? У меня — одна часть из «От[ечественных] записок» ([15]).

Жму руку, будьте здоровы!

А. Пешков.

5

S. A. Blasien. 22 янв. [19]22.

Уважаемый Николай Александрович!

Своевременно, из Берлина, я ответил на Ваше первое письмо ([16]).

Так как я не имею никакого отношения к библиотечному делу и вообще к делам Наркомпроса, — я советовал Вам обратиться или непосредственно к Луначарскому ([17]) в Москву, или в Берлин, к заместителю Луначарского, Захару Григорьевичу Гринберг ([18]), адрес его: Берлин, Русская миссия.

Затем я сообщил Вам мои соображения, суть которых сводится к тому, что Сов[етское] правительство едва ли в данное время купит Вашу библиотеку ([19]), ибо деньги все, целиком идут на покупку хлеба и что, может быть, Вам лучше искать частное лицо, которое может купить Ваши книги, как редкое, библиографически ценное собрание.

Лично же я ничем не могу быть полезен Вам в данном деле.

Всего доброго!

А. Пешков

6

[1922 окт. 18]

Уважаемый и дорогой Николай Александрович!

Примите мое сердечное спасибо за Ваше прекрасное, глубоко верное письмо ко мне ([20]).

Отвык я от таких писем и очень Вы взволновали меня.

Да, мы все одиноки, более или менее. Это тяжкое одиночество русской интеллигенции среди русского же народа давно знакомо мне и еще во дни юности моей тревожило меня. Я пытался — не

раз — отразить его в моих рассказах. Но — что же говорить об этом? Наша игра сыграна, песня спета и — не плохо!

Когда-нибудь разумные люди сумеют оценить и Вашу настойчивую, огромную работу истинного демократа. Много сделано Вами для одухотворения массы народной, — я знаю это очень хорошо.

Крепко жму Вашу руку

М. Горький

18.X.22.
Fürstenwald. Saarow-Sanatorium.

Личное знакомство А. М. Горького и Н. А. Рубакина состоялось в начале 1902 года в Крыму, где оба писателя жили под гласным надзором полиции (см. Воспоминания Л. А. Рубакиной о Н. А. Рубакине в 1901—1908 гг., л. 6). Общность взглядов и положение поднадзорных сблизили писателей. Свидетельством этого является дарственная надпись М. Горького на издании пьесы «Мещане» (Спб., 1902): «Уважаемому собрату и соратнику Николаю Александровичу Рубакину. М. Горький. Крым. 31 марта 1902». (Фотокопия дарственной надписи).

(1) Датируется по содержанию.

(2) Ниже обращения четыре строки вырезаны.

(3) Точно установить о каких изданиях Н. А. Рубакина идет речь в письме не удалось. К 1902 году Н. А. Рубакин, уже известный автор многих популярных и научных работ, начал выпускать серию книг для народа: «Общеобразовательная библиотека», вып. 1—16. Спб., 1902—1904; «Народы и страны. Географическая библиотека», вып. I—V, VIII—XIII. Спб., 1902—1905. В этом же году вышли нелегальные брошюры Рубакина: «Законы и для чего они пишутся». Спб., 1902; «Долой полицию!» [Лондон], 1902; «Несправедливое устройство русского государства или почему теперь бунтует народ», 1902; «Правда о бедствиях простого народа».... 1902. Под редакцией Н. А. Рубакина в 1901—1902 гг. издавались сочинения Дарвина, Тиндаля, Спенсера.

(4) *Катя* (1901—1906), дочь А. М. и Е. П. Пешковых.

(5) Высланный в Арзамас Горький приехал туда 9 мая 1902 года. Столкновение, о котором идет речь, произошло 26 или 27 мая, когда полицейский пристав Данилов явился в квартиру М. Горького с вопросом, кто у него в гостях и заявил, что может в любое время произвести обыск (см. письма к К. П. Пятницкому, А. П. Чехову и В. И. Немировичу-Данченко. — В кн.: М. Горький. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 28. М., 1954, стр. 251—253, 256, 262).

(6) Датируется на основании № 80, проставленного на письме. В регистрационную тетрадь корреспондентов Рубакина (л. 8) под № 79 занесено письмо от 30 июля 1909 года, а № 81 и следующие фиксируют письма к нему за август — сентябрь 1909 года. С другой стороны, в публикуемом письме сообщается о предстоящем приезде на Капри К. П. Пятницкого. Последний приехал туда 1(14) сентября 1909 года (см. Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 2 (1908—1916). М., 1958, стр. 93).

(7) *Константин Петрович Пятницкий* (1864—1938) — директор-распорядитель книгоиздательства «Знание», организованного в Петербурге в мае 1898 года по инициативе Пятницкого. С 1902 года, после реорганизации, во главе издательства стояли М. Горький и К. П. Пятницкий. Благодаря идейному руководству Горького в 1902—1912 гг. «Знание» стало органом передовых демократических сил в литературе.

(8) Рубакин предлагал издательству «Знание», как показывают его письма к Горькому (Архив А. М. Горького. КГ-П. 66.12. 1) и Пятницкому (от 23 декабря 1908 года, в архиве Рубакина), выпустить издание библиографического указателя «Среди книг» в двух томах и второе издание «Этюдов о русской читающей публике» под названием «История русского читательства (История распространения освободительных и революционных идей)». «Эта моя новая работа, — писал Рубакин Горькому, — представляет из себя опыт документальной истории не только народного сознания, но и пропаганды и агитации и победы их над казенным миросозерцанием. Весь этот запас бодрости и веру в трудящиеся классы, в их светлое будущее и в силу и мощь честной книги и бескорыстной идеи, я постарался вложить в эту мою работу, которую считаю особенно необходимой

именно в переживаемые нами дни уныния и разброда. Если нет еще других побед, то победа в народном сознании во всяком случае уже одержана. Этот факт, который должен быть констатирован с фактами и цифрами в руках и который, мне думается, может подбодрить многих и многих...» (см. Архив А. М. Горького. КГ-П. 66.12.1).

Предложения Н. А. Рубакина издательством «Знание» приняты не были.

([9]) Первое издание «Среди книг» вышло в 1906 году. В середине 1909 года Рубакин писал М. Горькому, что «в свое время» посылал в контору «Знания» один экземпляр этой книги лично для Алексея Максимовича» (см. Архив А. М. Горького. КГ-П. 66.12.1, л. 1об.).

([10]) При подготовке второго издания «Среди книг» Н. А. Рубакин обращался ко многим писателям и издательствам с просьбой выслать нужные ему книги (см. ниже письма В. Г. Короленко от 22 и 24 октября 1909 года). Н. А. Рубакин просил прислать ему книги, выпущенные «Знанием» : сочинения С. Скитальца, Л. Н. Андреева, С. Гусева-Оренбургского, А. Серафимовича (см. письма Н. А. Рубакина в издательства; Архив А. М. Горького. КГ-П. 66.12.1, л. 2об.; КП. 686).

([11]) Датируется по содержанию.

([12]) Речь идет о втором издании книги Н. А. Рубакина «Этюды о русской читающей публике» (см. примечание ([8])).

([13]) Датируется по почтовому штемпелю.

([14]) Имеется в виду первый том второго издания «Среди книг», вышедший из печати в 1911 году. Второй том этой книги вышел в 1913 году. Работа Н. А. Рубакина вызвала многочисленные рецензии (см. примечания ([8]) и ([10]) к публикуемым ниже письмам В. Г. Короленко). Широко известна оценка книги Рубакина, данная В. И. Лениным: «Нечего и говорить, что издание подобного типа представляет громадный интерес...» И далее В. И. Ленин отмечал, что «ни одной солидной библиотеке без сочинений г-на Рубакина нельзя будет обойтись». (Ленин В. И. Собр. соч., изд. V, т. 25, стр. 111, 112).

([15]) *Богров* (Багров), *Григорий Иванович* (1825—1885) — писатель-беллетрист. Автобиографические «Записки еврея» — первое появившееся в печати литературное произведение писателя, впервые были напечатаны в «Отечественных записках» в 1871—1872 гг., а в 1874 году вышли отдельным изданием.

([16]) В письме от 21 ноября 1921 года Рубакин просил А. М. Горького содействовать изданию своих работ в Советской России. В это время Н. А. Рубакин испытывал большие материальные трудности из-за сокращения своих литературных заработков. Содержание же его большой библиотеки (42 тыс. томов) и разнообразные работы в ней требовали больших расходов. Однако ответа А. М. Горького на это письмо Рубакин не получил (см. Архив А. М. Горького. КГ-П. 66.12.6). Тогда он 19 января 1922 года вторично обратился к А. М. Горькому: «Я пишу Вам еще раз, но лишь потому, что все-таки хочется сделать с моей стороны все возможное, чтобы сохранить библиотеку именно для России, и именно ей отдать всю свою работоспособность» (Архив А. М. Горького. КГ-П.66.12.3). На это письмо и отвечал А. М. Горький 22 января.

([17]) Знакомство Н. А. Рубакина с Луначарским относится еще к 1914 году (см. переписку его с Луначарским). Из письма Н. А. Рубакина А. М. Горькому от 10 февраля 1922 года видно, что Рубакин уже писал Луначарскому, но ответа от него не получил.

([18]) *Гринберг, Захар Григорьевич* (1887—1949), член Коммунистической партии с 1917 года, заместитель А. В. Луначарского по организационным вопросам, в 1921—1924 гг. — член Комиссии по культурным связям с Европой, позднее — сотрудник Института мировой литературы АН СССР, профессор.

([19]) Из письма Н. А. Рубакина от 10 февраля 1922 года видно, что он не собирался продавать свою библиотеку, а просил только о материальной поддержке. «Я вовсе не желаю продавать моей библиотеки: я просил Вас поддержать меня работой, чтобы библиотеку не продали за долги, так как она должна быть сохранена для России» (Архив А. М. Горького. КГ-П.66.12.6). В октябре 1922 года Рубакин предложил Советскому правительству проект национализации своей библиотеки. Проект не был принят, но некоторая материальная помощь Рубакину была оказана. Позднее А. М. Горький горячо поддерживал ходатайство Н. А. Рубакина о пенсии. Он писал: «Поддерживаю ходатайство Рубакина, много пользы принес этот человек рабочему классу» (Архив А. М. Горького. КГ-П.66.12.10). В 1930 году Советское правительство назначило Н. А. Рубакину пожизненную пенсию.

([20]) Публикуемое письмо является ответом на письмо Н. А. Рубакина от 4 октября 1922 г. Поздравляя М. Горького с тридцатилетием литературной деятельности и восхищаясь его талантом, Рубакин писал, исходя из своей теории библио-психологии, что «все люди одиноки, а из всех людей всего более одинок писатель. И чем более он одарен талантом и любовью к надземному, т. е. человечеству, — тем более он одинок. И тем менее понимают читатели и его мысли, и чувства, и слова, и намерения, страдания» (см. Архив А. М. Горького. КГ-П. 66.12.4).

В. Г. Короленко — Н. А. Рубакину

1

22 окт. [19]09,
Полтава, М. Садовая, 1.

Многоуважаемый Николай Александрович,

Простите некоторое замедление ответа. Разумеется, весьма охотно постараюсь исполнить Ваше желание, поскольку это окажется для меня возможным ([1]). Свои книги вышлю вскоре. В начале или середине ноября буду в Петербурге ([2]) и там переговорю с товарищами об остальных изданиях. Полагаю, что не встретится затруднений.

Вообще содержание и практический вывод, «повелительное наклонение» Вашего письма не могли бы столько времени задержать мой ответ. Трудность была не в этом, а... в ужасном почерке, который приходилось преодолеть прежде, чем добраться до заключения. Я несколько раз добросовестно принимался читать, изнемогал над этой шамполионовской ([3]) работой, откладывал письмо, потом принимался опять. Потом принялся переписывать, оставляя промежутки для неразобранных слов, и таким образом постепенно восстановил текст. Прибавьте, что это совпало с разными более или менее спешными работами, и, надеюсь, Вы мне простите замедление.

Желаю Вам всякого успеха. Авдотья Семеновна ([4]) тоже кланяется.

Вл. Короленко

2

1909 окт. 24. Полтава,
М. Садовая, 1.

Многоуважаемый Николай Александрович!

Ответ я Вам послал в Кларан и, вероятно, его Вам перешлют (или уже переслали) ([5]). На всякий случай повторяю его сущность. Постараюсь исполнить Ваше желание. Не все перечисленные Вами издания составляют собственность редакции «Р[усского] Бог[атства]», но будучи в Петербурге (в ноябре), переговорю с товарищами и авторами. Свои книги прошу послать Вам вскоре. Замедление ответа было вызвано трудностью разобрать Ваше поистине иероглифическое письмо.

Всего хорошего.

Вл. Короленко

3

20 марта 1912 г.

Многоуважаемый Николай Александрович!

Простите, что отвечаю с таким запозданием([6]). Вы, вероятно, знаете наши обстоятельства, сильно сократившие редакц[ионный] состав «Р[усского] Богатства» ([7]). Работы очень много, и порой трудно справиться с перепиской.

По существу письма Вашего согласиться с Вами не могу ([8]). Рецензент Вам нигде «клички невежда» не бросает. «Полезность» Вашей работы признает: «книга г-на Рубакина — полезная книга». Она «представляет собою результаты многолетних работ и обширных сведений по библиотечному делу». Она является «удобным руководством для провинц[иального] культурного работника», это — «хороший библиотечный каталог». При таких условиях — говорить об «умолчании о достоинствах», называть рецензию «заплевыванием» и «третированием en canaille», очевидно, нет оснований. Нет в рецензии положительно никаких «экскурсов по адресу личности». В статье говорится лишь о книге и об авторе в пределах книги. От таких «экскурсов по адресу личности» не может себя считать огражденным ни один автор. Рецензия ([9]) написана одним из наших товарищей по журналу, которого мы все знаем и уважаем, о каких бы то ни было личных мотивах, антипатиях и т. п. не может быть речи. Если же критик не согласен с той, если так можно выразиться, философией библиотечного дела, которую Вы положили в основание своей работы, — то это его право; а его обязанность отметить это несогласие, не считаясь с близостью взглядов по другим вопросам. Что касается до сближений с «Новым Вр[еменем]» ([10]) и т[ому] под[обными] органами, то, вероятно, и Вы согласитесь, что для таких группировок есть в русской жизни критерии более значительные, чем оценка достоинств и недостатков той или другой работы специального характера.

Примите уверение в совершенном уважении.

Вл. Короленко

Знакомство Н. А. Рубакина с В. Г. Короленко относится к 1880-м—1890-м гг., когда Рубакин начал публиковать в «Русском богатстве» статьи о народной литературе и по другим вопросам. С этого времени началась переписка его с Короленко и другими сотрудниками журнала.

([1]) Публикуемое письмо является ответом на письмо Н. А. Рубакина, в котором дата отсутствует (см. ф. 135, II.32.86, с карандашной пометой 4433). Рубакин писал, что он поселился в Кларане и теперь принимается за свои большие, основные работы, в которых он видел цель своей жизни. Он сообщает писателю о предстоящем выходе в свет «Руководства к самообразованию» и о подготовке второго издания «Среди книг». Для последней работы ему нужны были книги: «Помогите, чем будет можно, Вашими изданиями (т. е. изданиями «Рус. Бог.»), большинство их я уже купил. П. Ф. Якубович прислал мне свои для моей работы. Остается получить очень немного: 1) Все Ваши сочинения; 2) Булыгин. Рассказы. 3) Белорецкий. Без идеи. 4) Дионео. Все сочинения. 5) Кокосов. 6) Дмитриева. Рассказы. 7) Крюков. Рассказы. 8) Кудрин. Обе книги. 9) Лавров. «Формула прогресса» и «Задачи позитивизма». 10) Леткова. I—II—III. 11) Муйжель, т. I—II. 12) Немировского. 13) Подъячев. 14) Тимофеев. 15) Южаков. Вопросы просвещения. Все эти книги будут описаны и значит войдут и в I т. и в целый ряд рубрик II-го т. «Среди книг».

(2) В. Г. Короленко выехал в Петербург 27 октября 1909 г. для участия в 50-летнем юбилее Литературного фонда (см. Короленко В. История моего современника. Т. V. (Дополнения и материалы), 1929, стр. 236).

(3) *Шамполион, Жан Франсуа* (1790—1832) — французский египтолог, впервые дешифровал древнеегипетские надписи.

(4) *Авдотья Семеновна* (урожд. Ивановская) — жена писателя.

(5) Письмо Н. А. Рубакина, на которое В. Г. Короленко отвечал 24 октября, в архиве писателя не сохранилось. По содержанию письмо Короленко совпадает с предыдущим.

(6) Это письмо (написано на бланке редакции «Русского богатства») служит ответом на письмо Н. А. Рубакина от 31 декабря 1911 г. (ф. 135, II.32.86).

(7) Положение в редакции журнала «Русское богатство» в это время было тяжелым: 17 марта 1911 г. умер П. Ф. Якубович; А. В. Пешехонов в марте 1911 г. был приговорен к полуторагодовому заключению в Двинской крепости; за опубликованную в 1906 г. брошюру «Надо ли итти в Государственную думу» был заключен в крепость В. А. Мякотин. В 1912 г. больной Н. Ф. Анненский уехал за границу. В силу этих обстоятельств на В. Г. Короленко легла огромная редакторская работа.

(8) В 12 номере «Русского богатства» за 1911 г. была помещена без подписи рецензия на первый том второго издания «Среди книг». Рецензия, как видно из письма, очень раздражила Н. А. Рубакина. В своем ответе В. Г. Короленко много раз цитирует письмо Рубакина от 31 декабря (см. ф. 135, II.32.86). Последний писал В. Г. Короленко: «Я не буду возражать рецензенту, но через Вас позволю себе возразить редакции — я протестую не против указаний на промахи и несовершенства моего труда, а против враждебного, лично мне оскорбительного тона и против умолчаний о достоинствах книги» (ф. 135, II.32.86). Но Рубакин был неправ: рецензент признавал, что книга представляет определенную ценность для комплектования библиотек, однако не может, по его мнению, служить основным пособием для самообразования. Он полагал, что необходимо привлекать специалистов к составлению такого рода справочников, что одной библиографической полноты указателя самой по себе еще недостаточно; что важно не только указать нужное, но не менее важно устранить ненужное (см. «Русское богатство», 1911, № 12, стр. 142). В итоге рецензент приходил к выводу, что «бесконечно выше теорий г. Рубакина его каталог» (см. там же).

(9) Есть все основания считать автором этой рецензии А. Г. Горнфельда (1867—1941), члена редакции «Русского богатства», заведовавшего отделом «Новые книги». Рецензия на первое издание «Среди книг», вышедшее в 1906 г. (см.: «Русское богатство», 1906, № 1, стр. 132—139), была написана им, и Н. А. Рубакину это было известно, так как он писал Короленко: «...но к сожалению г. Горнфельд не понял ни моей задачи, ни цели, хотя в общем и отозвался одобрительно» (см. ф. 135, II.32.86). По содержанию рецензии 1906 и 1911 гг. очень близки. Получив письмо Н. А. Рубакина от 31 декабря 1911 г., В. Г. Короленко передал его Горнфельду. Тот ответил В. Г. Короленко 15 января 1912 г.: «Письмо г. Рубакина, переданное Вами мне, рисует такое состояние духа, что я буду очень удивлен, если Вам удастся, не отрекаясь от отзыва о его книге, напечатанного в «Русском богатстве», успокоить его». А. Г. Горнфельд добавлял, что рецензия не вызвала возражения у членов редакции, и вкратце излагал ее содержание (см. ф. 135, II.21.37). В архиве Н. А. Рубакина сохранились два листа с этой рецензией, вырванные из декабрьской книжки «Русского богатства» за 1911 г. с пометой: «Горнфельда?»

(10) «Новое время» — реакционная газета, издававшаяся А. С. Сувориным. В № 12848 от 17/30 декабря 1911 г. и в № 1901 от 11/24 февраля 1912 г. этой газеты были помещены две рецензии (их автором был В. В. Розанов), расценивавшие «Среди книг» как призыв к революции. В. Г. Короленко имел в виду эти статьи в письме к Н. А. Рубакину.

Ромен Роллан — Н. А. Рубакину

1

Lundi 6 mars 1916.

Cher Monsieur,

J'ai pris connaissance des documents (1) que vous avez remis à Henri Guilbeaux (2). Vos projets me semblent d'une grande importance; et je me suis particulièrement interessé à vos recherches relatives à la lecture, à la psychologie du lecteur, et à l'action du livre sur les milieux populaires. Je me promets de vous en parler plus longuement, quand je connaitrai plus précisément vos idées.

Mais je viens tout de suite à refuser formellement mon autorisation à ce que mon nom figure dans une commission de contrôle, qui serve, en quelque sorte, d'intermédiaire entre vous et la mission Ford (3); et je suis surpris que vous l'ayez inscrit dans vos projets de circulaires, sans m'en parler à l'avance. De même que vous avez pour principe (et je vous en félicite) de signer chacun de vos ouvrages, et de ne rien signer qui ne soit votre ouvrage, — mon principe absolu est de n'accepter qu'une tâche que je sois capable de remplir effectivement. Or, il m'est matériellement impossible de contrôler l'éxecution de vos projets:

1° parce que je ne sais pas le russe;

2° parce que je n'ai pas le temps de m'en occuper avec l'attention nécessaire, et que je ne m'en remets à personne, même à mon meilleur ami, <d'avoir pour> de me fournir des opinions, que je n'aie pas acquises par mon propre travail et mes propres réflexions.

J'ajoute que je ne veux avoir aucun rapport, proche ou lointain, avec les millions de Ford et leur emploi. Je vous prie donc d'effacer mon nom de vos listes.

Tout ce que je puis faire pour vous être agréable, c'est, si M. Lochner (4) me demande mon avis, à titre personnel, de lui dire l'intérêt vif et sincére que j'ai eu à vous entendre exposer vos idées et à lire l'exposé succinct de vos projets.

Veuillez croire, cher Monsieur, à mes sentiments bien sympathiques

Romain Rolland.

Hôtel Beauséjour, Genève-Champel.

Перевод:

Понедельник 6 марта 1916.

Дорогой Мсье,

Я прочитал документы (1), которые Вы передали Анри Гильбо (2). Ваши проекты представляются мне очень важными; в особенности я заинтересовался Вашими исследованиями о чтении, психологии читателя и воздействии книги на народную среду. Я надеюсь поговорить об этом с Вами обстоятельнее, когда ближе познакомлюсь с Вашими идеями.

Но сейчас я категорически отказываюсь разрешить, чтобы мое

имя фигурировало в контрольной комиссии, которая служит в некотором роде посредником между Вами и миссией Форда (3); и я удивляюсь, что Вы вписали мое имя в Ваши проекты циркуляров, не сказав мне предварительно об этом. Так же, как в Ваших правилах (и я это приветствую) подписывать каждое Ваше сочинение и не подписывать ничего, что не является Вашим сочинением — мое безусловное правило соглашаться только на такую работу, которую я действительно способен выполнить. А ведь у меня нет физической возможности контролировать исполнение Ваших проектов: во-первых, потому что я не знаю русского языка, во-вторых, потому что мне некогда заниматься этим с необходимым вниманием, и что я не полагаюсь ни на кого, даже на своего лучшего друга, в выборе мнений, к которым я не пришел в процессе моей собственной работы и моих собственных размышлений.

Я прибавляю, что не желаю иметь никакого отношения, близкого или далекого, к миллионам Форда и их употреблению. Итак, прошу Вас вычеркнуть мое имя из Ваших списков.

Все, что я могу сделать для Вашего удовольствия, это выразить лично Мсье Локнеру (4), если он спросит моего мнения, тот живой и искренний интерес, с которым я выслушал сообщение о Ваших идеях и прочитал краткое изложение Ваших проектов.

Поверьте, дорогой Мсье, чувствам моей искреннейшей симпатии.

Ромен Роллан

Отель Босежур. Женева — Шампель.

2

Vendredi 10 mars 1916.

Cher Monsieur

Je reçois votre lettre du 8. Je ne voudrais pas que mes paroles puissent vous peiner. J'ai le plus grand respect pour une vie comme la vôtre, vouée à la libération morale de millions d'êtres, et je m'intéresse vivement à vos projets. Si je refuse de faire partie de la commission de contrôle que vous voudriez instituer, c'est que je ne le puis pas, faute de temps et de compétence.

Votre lettre, en spécifiant que „la commission devrait avoir pour but surtout le contrôle financier des sommes", fortifie ma résolution: car si je ne serais pas compétent pour des ouvrages écrits en russe, je le suis encore moins pour des questions de comptabilité. Il me parait utile pour votre oeuvre même que votre commission de contrôle comprenne, d'une part un peu plus de Russes s'il est possible, — de l'autre, et surtout, des personnalités d'un caractère plus „pratique" que les quatre idéalistes (5), inscrits dans votre projet. Peut-être en trouveriez-vous plus facilement en Suisse allemande, qui sympathiseraient avec vos idées.

Quant à moi, je reste à votre disposition, à titre consultatif, pour le cas où vous ou M. Lochner voudriez avoir mon opinion sur telle de vos idées, ou sur leur réalisation.

Veuillez croire, cher Monsieur, à ma cordiale sympathie.

Romain Rolland.

Hôtel Beauséjour, Champel, Genève.

Перевод:

Пятница 10 марта 1916.

Дорогой Мсье,

я получил Ваше письмо от 8-го числа. Мне не хотелось бы, чтобы мои слова Вас огорчили. Я испытываю величайшее уважение к жизни, подобной Вашей, посвященной духовному освобождению миллионов существ, и Ваши планы меня живо интересуют. Если я отказываюсь принять участие в контрольной комиссии, которую Вы хотели бы учредить, то потому, что я не в состоянии сделать это из-за отсутствия времени и компентентности.

Ваше письмо, уточняя, что «комиссия должна иметь своей целью в особенности финансовый контроль над суммами», укрепляет мое решение: ведь, если я не разберусь в сочинениях, написанных по-русски, то я буду еще менее сведущ в вопросах бухгалтерских. Мне казалось бы полезным для самого дела, чтобы Ваша контрольная комиссия включала, с одной стороны, если это возможно, несколько больше русских, — с другой, в особенности, лиц более «практического» характера, чем четыре идеалиста ([5]), внесенных в Ваш проект. Может быть, Вам было бы легче найти их в Немецкой Швейцарии, которая сочувствует Вашим идеям.

Что касается меня, то я остаюсь в Вашем распоряжении в качестве консультанта на случай, если Вы или господин Локнер захотели бы знать мое мнение о какой-либо из Ваших идей или их осуществлении.

Поверьте, дорогой Мсье, моей сердечной симпатии.

Ромен Роллан

Отель Босежур, Шампель, Женева.

3

Genève, Mercredi 10 mai 1916.

Merci, cher Monsieur, de votre intéressant article ([6]). J'admire que sa franchise ait trouvé une libre tribune dans la presse.

Excusez-moi d'avoir dû quitter la réunion de l'autre jour, avant que vous n'eussiez terminé votre exposé ([7]). J'eusse bien voulu rester, mais ma soeur ([8]) et moi avions un rendez-vous.

Veuillez croire à mon cordial dévouement.

Romain Rolland

Перевод:

Женева, среда 10 мая 1916.

Благодарю, дорогой Мсье, за Вашу интересную статью ([6]). Меня восхищает то, что ее откровенность нашла свободную трибуну в печати.

Простите, что на днях я должен был уйти с собрания до окончания Вашего доклада ([7]). Очень хотелось остаться, но у меня было назначено свидание с сестрой ([8]).

Поверьте моей сердечной преданности.

Ромен Роллан

4

Genève 16 mars 1917.

Cher Monsieur,

Dans la joie des grandes nouvelles (9) qui m'arrivent ce matin, j'éprouve le besoin de vous serrer la main. Voici un événement qui, par son importance et par ses conséquences pour l'avenir du monde, domine la guerre des nations!

Veuillez croire à mon cordial dévouement.

Romain Rolland

Перевод:

Женева, 16 марта 1917.

Дорогой Мсье,

я испытываю потребность пожать Вам руку, радуясь великим новостям (9), которые дошли до меня сегодня утром. Вот событие, которое по своему значению и последствиям для будущности мира выше войны наций!

Поверьте моей сердечной преданности.

Ромен Роллан

5

Genève, Dimanche 18 mars 1917.

Cher Monsieur,

Quand m'avez-vous envoyé à Sierre votre brochure: „La Russie qui vient"? (10) Je n'ai rien reçu. J'ai lu seulement avec un très vif intérêt votre article de la Semaine littéraire (11).

Oui, souhaitons que la révolution russe ne s'arrête pas dans sa marche, avant d'avoir ébranlé l'étatisme. C'est là aussi, pour moi, le monstre le plus redoutable pour notre civilisation. Et malheureusement, il n'a jamais été plus puissant qu'aujourd'hui. Il s'accommode aussi bien des démocraties que des autocraties. Il a des représentants bien forts dans le nouveau gouvernement de Pétrograde (12).

Bien cordialement à vous.

Romain Rolland

Перевод:

Женева, воскресенье 18 марта 1917.

Дорогой Мсье,

когда Вы выслали мне в Сьерр Вашу брошюру «Россия грядущая»? (10). Я ничего не получил. С живейшим интересом прочитал лишь Вашу статью в «La Semaine littéraire» (11).

Да, пожелаем, чтобы русская революция не остановилась в сво-

ем движении прежде, чем она поколеблет этатизм. Вот, по-моему, чудовище самое страшное для нашей цивилизации. И, к несчастью, никогда не было оно более могущественным, чем ныне. Оно столь же хорошо приспосабливается к демократиям, как и к самовластию. В новом петроградском правительстве это чудовище имеет очень сильных представителей ([12]).

От всего сердца Ваш

Ромен Роллан

6

Mardi 27 mars 1917.

Cher Monsieur,

J'ai rencontré ici un jeune juif russe, Joseph Chapiro ([13]), qui me paraît très intelligent et très bien doué. Il sait, en outre des langues européennes, l'hébreu et l'arabe. Comme il est dans une situation plus que gênée, je me permets de vous demander de prendre note de son nom, au cas où vous auriez quelque travail à lui faire faire ou à lui indiquer. Je ne le connais que par quelques lettres qu'il m'a écrites, et par une ou deux conversations; mais cela m'a suffi pour que j'aie été frappé de son intelligence; et il me semblerait fâcheux que ces dons remarquables ne trouvassent pas leur emploi. — Son adresse est: 5 rue du Port Noir, Eaux-Vives, Genève.

Veuillez croire, cher Monsieur, a mon bien cordial dévouement.

Romain Rolland

Hôtel Beausejour, Champel, Genève.

Перевод:

Вторник 27 марта 1917.

Дорогой Мсье,

я встретил здесь молодого русского еврея Иосифа Шапиро ([13]), который показался мне очень умным и очень одаренным. Кроме европейских языков, он знает древнееврейский и арабский. Так как он находится в положении более чем стесненном, я позволяю себе просить Вас попомнить его имя, в случае, если у Вас будет какая-нибудь работа, поручите ее ему или укажите на него. Я знаю его только по нескольким письмам и одной или двум беседам, но этого оказалось достаточно, чтобы меня поразил его ум; и мне показалось бы досадным, если бы эти замечательные способности не нашли себе применения.—Его адрес: улица Пор Нуар, 5, О-Вив, Женева.

Поверьте, дорогой Мсье, моей сердечнейшей преданности.

Ромен Роллан.

Отель Босежур, Шампель, Женева.

7

Mardi 1 mai 1917.

Cher Monsieur

Merci beaucoup de m'avoir communiqué votre conférence (14). C'est passionnément intéressant. Il est beau de voir le rôle qu'a joué dans la fondation de cette science „l'intelligence" (15) russe, sous la pression des événements. Il y a dans tout cet exposé un sentiment saisissant de la vie universelle, perpetuellement changeante, mouvante, „interagissante", et de ces millions d'âmes échangeant leurs rayonnements entrecroisés. J'aurais tendance, par instant, à prendre contre cette thèse exclusive la défense du livre. Quand vous dites que la biblio-psychologie montre que „ce qu'un livre éveillera dans l'âme du lecteur dépend de cette âme, et non du livre", je pense que le livre compte bien aussi pour quelque chose: car, en admettant que le livre ne soit qu'un instrument, c'est quelque chose qu'un instrument; et il n'est pas indifférent qu'il soit de bonne ou de mauvaise trempe. Si Potebnia a raison de dire que „parler, ce n'est pas transmettre sa pensée à autrui, c'est seulement éveiller chez autrui sa propre pensée à lui" (16), cependant n'est pas qui veut le premier centre psychique qui fait vibrer les autres, la puissante excitation première. Et, somme toutes, s'il nous a tous fallu passer d'abord par l'admiration d'oeuvres très inférieures qui, à cette période de notre développement, nous étaient plus utiles que les vraiment grandes oeuvres, il est tout de même frappant que les vraiment grandes oeuvres sont, dans l'ensemble des siècles, les plus grands foyers de rayonnement. L'Evangile, les cathédrales, Shakespeare ou Don Quichotte, Beethoven ou Tolstoy.

Mais c'est ici que doit intervenir votre „analyse chimique" du style, dont vous me parlez l'autre jour (17), et qui permet de rechercher où ait le secret de la force incluse dans une oeuvre, une phrase ou une pensée.

Au revoir, cher Monsieur, j'irai quelque jour causer de tout ceci avec vous. Je serai très heureux que vous m'envoyez, comme vous me l'avez promis, l'analyse de mon style.

Veuillez transmettre à Madame N. Roubakine (18) mon respectueux souvenir et croire à ma cordiale sympathie.

Romain Rolland

Hôtel Byron, Villeneuve.

Перевод:

Вторник 1 мая 1917.

Дорогой Мсье,

большое спасибо за сообщение о Вашем докладе(14). Это захватывающе интересно. Приятно видеть роль, которую сыграла русская «интеллигенция»(15) под давлением событий в основании этой науки. Во всем этом изложении есть захватывающее ощущение всеобщей жизни, вечно изменяющейся, движущейся, «взаимодействующей», и этих миллионов душ, обменивающихся своими пере-

крестными излучениями. Но временами хотелось бы взять книгу под защиту против этого исключительного положения. Когда Вы говорите — библиопсихология показывает, что «то, что книга пробудит в душе читателя, зависит от этой души, а не от книги», я думаю, что и книга должна быть принята в расчет: ибо признать, что книга лишь орудие, значит признать, что она не только орудие, и не безразлично, будет ли оно хорошим или дурным. Хотя Потебня был прав, сказав, что «говорить это не значит передавать свою мысль другому, это только значит пробудить в нем его собственную мысль» ([16]), однако хочет он того или нет, именно первый психический центр, первое сильное возбуждение заставляет вибрировать другие. И, короче, если нужно было нам всем сначала пройти через восхищение произведениями очень слабыми, которые в этот период нашего развития нам были более полезны, чем истинно великие творения, то поразительно все-таки, что поистине великие произведения во все века служат самыми большими очагами излучения. Евангелие, соборы, Шекспир или Дон Кихот, Бетховен или Толстой.

Но вот здесь-то и должен вмешаться Ваш «химический анализ» стиля, о котором Вы мне как-то говорили ([17]) и который позволяет найти, в чем секрет силы, заключенной в произведении, фразе или мысли.

До свидания, дорогой Мсье, когда-нибудь мы поговорим с Вами обо всем этом. Я буду весьма счастлив, если Вы пришлете, как обещали, анализ моего стиля.

Передайте, пожалуйста, мадам Рубакиной ([18]) мое почтение и верьте в мою сердечную симпатию.

Ромен Роллан

Отель Байрон, Вильнев.

8

Mercredi 2 mai 1917.

Cher Monsieur,

M. Glazewski m'écrit qu'il ira vous voir demain, et il me prie de lui renvoyer chez vous l'épreuve ([19]) ci-jointe. Voulez-vous avoir la bonté de la lui remettre, en lui disant que je m'absente demain et les jours suivants, et que par conséquent je ne pourrai le recevoir.

Veuillez croire, cher Monsieur, à ma cordiale sympathie.

Romain Rolland

Перевод:

Среда 2 мая 1917.

Дорогой Мсье,

господин Глазевский пишет мне, что зайдет к Вам завтра и просит отослать Вам для него прилагаемую корректуру ([19]). Будьте так добры, передайте ему ее и скажите, что меня не будет завтра и еще несколько дней, и что, следовательно, я не смогу его принять.

Поверьте, дорогой Мсье, моей сердечной симпатии.

Ромен Роллан

9

[1917, июня 11]. Lundi matin(20).

Cher Monsieur,

après tant de semaines libres, ou j'aurais été heureaux de vous voir, je ne suis plus libre du tout cette semaine. Il m'est arrivé hier des amis français (21), que je promène aux environs; j'attends ma mère qui doit venir de Paris demain ou après-demain. Bref, je ne saurais venir, ni prendre de rendez-vous, en ce moment. Excusez-moi.

Monsieur Duchêne (22) m'a communiqué votre lettre (23). Il m'est pénible de vous répondre que depuis six mois que ce prix (24) m'a été attribué, tant d'oeuvres se sont jetées sur moi (et pour des besoins si réels) que j'ai disposé de tout le prix, avant même d'en avoir reçu le montant; et il m'est impossible de revenir sur les promesses faites. Et quant à mon avoir personnel (ou plutôt ce que me rapportent mes livres, — car d'avoir personnel, je n'en avais pas), j'ai des charges de famille que la guerre a beaucoup accrués, et qui naturellement, absorbent le principal. Je ne vois pas bien ce que je pourrais faire pour M-elle G[üller] (25). J'en ai regret, car son talent m'a beaucoup frappé. Nous nous trouvons maintenant, et dans notre entourage même, en présence de misères cachées, qui dépassent nos moyens leur venir en aide.

Veuillez croire, cher Monsieur, à mes sentiments tous devoués.

Romain Rolland

Je viens de recevoir votre volume (26). Merci beaucoup. Je serai heureux de le lire. — J'avais lu votre terrible requisitoire contre le czar, dans „le Plus grand monde" (27).

Перевод:

[1917, июня 11].
Понедельник утром (20).

Дорогой Мсье,

после стольких незанятых недель, когда я был бы счастлив видеть Вас, я совсем не свободен на этой неделе. Вчера ко мне приехали мои французские друзья (21), которых я вожу гулять по окрестностям; я жду мою мать, которая должна приехать завтра или послезавтра из Парижа. Словом, я не смогу сейчас ни прийти к Вам, ни встретиться с Вами. Извините меня.

Мсье Дюшен (22) сообщил мне о Вашем письме (23). Мне тяжело, но я должен ответить Вам, что в течение шести месяцев, с тех пор как мне присудили эту премию (24), на меня обрушилось столько дел (и таких необходимых), что я целиком распорядился премией прежде, чем получил деньги, так что мне невозможно отказаться от данных мною обещаний. Что же касается до моих личных средств (или скорее того, что приносят мне мои книги, ибо личных доходов у меня не было), то у меня есть семейные обязанности, которые война сильно осложнила и которые, естественно, поглощают основное. Я совсем не вижу, что мог бы я сделать для мадму-

азель Гюллер ([25]). Сожалею об этом, так как ее талант сильно поразил меня. Мы оказываемся теперь, и в самом окружении нашем, перед скрытой нуждой, которая превышает наши возможности помочь ей.

Поверьте, дорогой Мсье, моей совершенной преданности.

Ромен Роллан

Только что получил Вашу книгу ([26]). Большое спасибо. Я буду счастлив прочитать ее. Прочитал Вашу грозную обвинительную речь против царя в «Le Plus grand monde» ([27]).

10

Samedi 24 nov. 1917.

Cher Monsieur,

Une excellente amie de Paris, Madame L. Cruppi, femme de l'ancien ministre ([28]) et connue elle même par divers ouvrages pleins de talent (notamment des études sur le mouvement feministe et sur la littérature scandinave) est avec nous, pour quelques jours. Ce qu'elle a entendu dire de vos études sur le langage l'intéresse vivement, et elle souhaiterait beaucoup de pouvoir en parler avec vous. Si vous nous le permettez, nous nous proposons de venir avec elle vous voir, demain Dimanche, vers 3 heures.

Si vous n'y étiez pas disposé, ou si vous aviez quelque empêchement, voudriez-vous avoir la bonté de nous le faire téléphoner à l'hotel Byron ce soir ou demain matin.

Veuillez transmettre nos bons et respectueux souvenirs à Madame Roubakine et me croire, cher Monsieur, votre bien cordialement devoué

Romain Rolland

J'ai été extraimement interessé par votre article de l'Int[ernationale] Rundschau ([29]), que je vous rapporterai demain.

Суббота 24 ноября 1917

Дорогой Мсье,

у нас несколько дней гостит наша милейшая парижская знакомая, мадам Л. Круппи, жена бывшего министра ([28]), известная сама многими талантливыми сочинениями (особенно очерками о женском движении и о скандинавской литературе). Ее живо интересует то, что она услышала про Ваши исследования о языке, и она очень желала бы иметь возможность поговорить о них с Вами. Если позволите, то мы собираемся прийти к Вам вместе с ней завтра, в воскресенье, около трех часов.

Если это Вам неудобно или Вам что-нибудь помешает, будьте так добры, попросите сообщить нам по телефону в отель «Байрон» сегодня вечером или завтра утром.

Передайте мое почтение мадам Рубакиной и верьте, дорогой Мсье, сердечно преданному Вам

Ромену Роллану

Я чрезвычайно заинтересовался Вашей статьей в Int[ernationale] Rundschau ([29]), которую я вам принесу завтра.

Ромен Роллан — Л. А. Рубакиной

11

Jeudi 27 déc. 1917.

Chère Madame,

Je suis désolé; mais depuis le soir du concert de M-elle Güller, je ne sors pas de chez moi; j'ai pris il y a quinze jours, un peu de bronchite, et je dois éviter toute sortie du soir.

D'autre part, ma soeur et mon père vont repartir pour Paris, le 3 ou 4 janvier, et ma soeur me prie de l'éxcuser auprès de vous, si elle n'a pas le temps de venir prendre congé de vous.

Mais si M. Biroukoff ([30]) pendant son passage à Clarens, pouvait venir en promenade ici avec les siens (à l'heure de l'après-midi du 2 janvier, que leur sera le plus commode) j'en serai très heureux.

Veuillez transmettre à Monsieur Roubakine mes cordiales amitiés et agréez, chère Madame, l'expression de mon respectueux devouement.

Romain Rolland

hotel Byron.

Перевод:

Четверг 27 декабря 1917.

Сударыня,

я очень огорчен, но с того вечера, когда был концерт мадмуазель Гюллер, я не выхожу из дому; две недели тому назад я схватил небольшой бронхит и должен избегать выходить по вечерам.

Кроме того, сестра с отцом уезжают в Париж третьего или четвертого января, и сестра просит меня извиниться перед Вами, если у нее не будет времени прийти с Вами проститься.

Но если мсье Бирюков ([30]) проездом в Кларан мог бы совершить прогулку к нам со своей семьей (после полудня второго января, что для них будет удобнее всего), то я буду очень рад.

Скажите мсье Рубакину о моей сердечной дружбе и примите, Сударыня, выражение моей почтительной преданности.

Ромен Роллан

Отель Байрон.

12

Vendredi 15 février 1918.

Cher Monsieur

Je serai très heureux de vous voir. Si le soir vous convient mieux, voulez-vous Lundi, ou Mardi, ou Mercredi, vers 8 heures? Ou

ne voudrez-vous pas plutôt venir prendre le thè, l'un de ces mêmes jours, vers 5 heures? C'est à vous de choisir. Vous serez toujours le bienvenu. Avertirez-moi seulement d'un mot (31).

On nous a dit le malheur qui a frappé la femme de votre fils (32). Ma mère et moi vous adressons l'expression bien vive de notre sympathie dans votre deuil.

Veuillez croire, cher Monsieur, à mes sentiments tout dévoués.

Romain Rolland

•

Перевод:

Пятница 15 февраля 1918.

Дорогой Мсье,

я буду очень счастлив видеть Вас. Если вечер Вас больше устраивает, не угодно ли в понедельник, во вторник, или в среду, к восьми часам? Или не пожелаете ли Вы лучше прийти чай пить в один из тех же дней к пяти часам? Вам выбирать. Вы всегда будете желанным гостем. Уведомьте меня запиской (31).

Нам сказали о несчастье, которое постигло жену Вашего сына (32). Моя мать и я шлем Вам живейшее выражение нашего сочувствия в Вашей скорби.

Поверьте, дорогой Мсье, чувствам моей совершенной преданности.

Ромен Роллан

13

Jeudi 21 février 1918.

Cher Monsieur

J'ai fait la connaissance du Béhaïsme (Bâbisme évolué (33)), à Genève, où se tient, le 19 (34) de chaque mois, une réunion d'adeptes de la doctrine. Vous savez que cette „religion de l'union", qui vient du Bâb, mis à mort vers 1846 (35), a été continuée et élargie par ses deux successeur, Bahaou'llah (36), qui passa sa vie en prison ou en éxil, à Andrinople et en Syrie (37), — puis par le fils de Bahaou'llah, Abd-oul-Beha (38), qui vit encore. Elle est ou veut être une fusion de toutes les religions de l'Orient et de l'Occident; elle n'en nie aucune; elle les accepte toutes. C'est avant tout une morale religieuse, qui ne conçoit pas la religion sans la mise en pratique, et qui entend rester en accord fraternel avec la science et la raison. Point de culte, point de prêtres. Le premier devoir est que chacun travaille, que chacun ait un métier: le travail est saint, il est la bénédiction divine.

J'ai remarqué plus d'une analogie avec la Christian Science (39). Pour mon esprit, je préfère le Béhaïsme. Je le trouve plus souple et plus nuancé. Et il offre à l'imagination poétique un riche aliment. <A la base> Ses racines plongent dans les grands Rêves métaphysiques de l'Orient. Il y a des pages lumineuses dans les Leçons de St Jean d' Acre par Abd-oul-Beha (recueil-

liés par Laura Clifford Barney, et trad[uites] par Hippolyte Dreyfus, — Ernest Leroux, 1908) ([40]). — Bahaou'llah, prisonnier, a réussi à écrire et répandre sous le nom de "l'Opprimé" des „Tablettes", d'une admirable beauté morale. Il y aurait peu de choses à <faire> y changer pour les republier, en les adaptant un peu au public populaire russe (notamment, la „Tablette écrite aprés les massacres de Yazd") ([41]). — On y lit notamment:

„Autrefois on a dit: „L'amour de la patrie, c'ést la foi". Je dis: „La gloire n'est pas pour celui qui aime sa patrie, mais pour celui qui aime le monde entier..."

„...Mon Dieu, mon Dieu, tu entends le languissement de ton Baha, et ses appels nuit et jour, et tu sais que certes il n'a rien désiré pour lui-même, qu'au contraire il n'a désiré que la sainteté des âmes et leur affranchissement du feu de l'inimitié et de la haine qui les enveloppe..." ([42]).

Et il loue ses disciples d'avoir intercédé auprés du gouvernement russe, en faveur des meurtriers de leurs correligionnaires ([43]).

Abd-oul-Beha dit, de même, dans ses Trois lettres à des Persans (1907):

„Notre but est d'agir, avec toutes les nations du monde, avec tous les peuples de la terre, et avec les individus pris isolément, dans l'amitié, l'affection, la solidarité, la bonté..."

Je ne vous envoie pas les brochures ([44]): car je ne les posséde pas; mais j'en ai pris note. Vous pourriez vous instruire du Béhaïsme, par l'entremise de M-me Van Hotten, ou de M-me Ch. Ritter ([45]), à Genève. J'ignore si le médecin béhaïste égyptien, que j'ai rencontré chez M-me V. Hotten est encore en Suisse. C'était un homme intelligent et sympathique.

Le Béhaïsme, qui a des millions d'adeptes en Orient, s'est aussi répandu en <Eu> Amérique et en Europe (surtout en Angleterre). A la réunion qui avait précédé celle où j'ai assisté était venue la veuve d'un officier supérieur français, tué à Maubeuge (et dont les quatre soeurs avaient aussi perdu leurs maris à la guerre). Elle avait connu Abdul-Beha, et gardait, au milieu de son deuil, sa croyance de paix et d'amour.

J'ai lu votre admirable exposé de la situation russe et des erreurs commises. C'est d'une lucidité et d'une franchise virile. Mais je ne suis pas surpris que les gouvernants vous en veuillent. Les gouvernants ne veulent pas apprendre les vérités qui les gênent, et ils en gardent rancune à ceux qui les leur font entendre ([46]).

Lisez l'Odyssée d'un transport torpillé, qui vient de paraître chez Payot, et d'avoir, à Paris, le prix de la Vie Heureuse ([47]). C'est un livre qui est, dans un sens, beaucoup plus hardi que celui de Barbusse ([48]): car il est un réquisitoire, non pas contre la guerre en général, mais contre les erreurs de celle-ci. L'auteur n'a pas mis son nom. C'est certainement un officier de marine.

Au revoir, cher Monsieur. J'ai tant de travail en ce moment que je me vois forcé de renoncer au projet de petit concert ([49]), auquel

vous aviez la bonté de vouloir m'inviter Je le regrette beaucoup. Remettons-le à plus tard.

Transmettez, je vous prie, mon respectueux souvenir à M-me Roubakine, et croyez-moi votre cordialement dévoué

Romain Rolland

Mes amitiés et hommages à Madame Natacha Rostowa ([50]).

Si vous aviez une copie de votre rapport à M. Beau, j'aimerais bien à le posséder. J'espére en tout cas que <vous> vous <publierez> ferez connaître plus tard ce document. — Je vous le rapporterai, l'un de ces jours, si vous croyez que l'envoi par pli recommandé n'est pas assez sûr ([51]).

Перевод:

Четверг 21 февраля 1918.

Дорогой Мсье,

я познакомился с бехаизмом (развившимся из бабизма([33])) в Женеве, где собираются 19-го ([34]) числа каждого месяца приверженцы этого учения. Вы знаете, что эта «религия единения», которая происходит от Баба, казненного в 1846 году ([35]), была продолжена и развита двумя его последователями: Беха Уллой ([36]), который провел свою жизнь в тюрьме или в ссылке в Адрианополе и Сирии ([37]), потом сыном Беха Уллы Абдул Беха ([38]), который жив еще. Она есть или хочет стать слиянием всех религий Востока и Запада, она не отрицает ни одной из них; она принимает их все. Это, прежде всего, религиозная мораль, которая не мыслит религии без практического применения и которая намерена оставаться в братском согласии с наукой и разумом. Никакого культа, никаких священников. Первая обязанность каждого — трудиться и иметь профессию: труд — святыня, он есть божественное благословение.

Я заметил некоторые аналогии с Christian Science ([39]). Что до меня, то я предпочитаю бехаизм. Я нахожу его более гибким и более тонким. И он предоставляет поэтическому воображению богатую пищу. Его корни проникают в великие метафизические мечты Востока. В «Уроках Акки» Абдул Беха (собранных Клиффорд Барней и переведенных Ипполитом Дрейфусом, Эрнест Леру, 1908([40])) есть яркие страницы. Узнику Беха Улле удалось написать и распространить под именем «Угнетенного» послания изумительной нравственной красоты. Мало что нужно было бы там изменить, чтобы вновь опубликовать их, немного переделав для широкой русской публики (особенно, «Послание, написанное после иездской резни»([41])). Именно в нем можно прочитать:

«Когда-то было сказано: «Любовь к родине — это вера». Я говорю: «Слава — не тому, кто любит свою родину, а тому, кто любит весь мир...»

«...Боже мой, Боже мой, ты внимаешь изнеможению своего Беха и его призывам ночью и днем и ты знаешь, что, поистине, он ничего не пожелал для себя самого, что, напротив, он пожелал только святости душ и их освобождения из пламени враждебности и злобы, которая их окружает...» ([42]).

И он хвалит своих последователей за то, что они заступились за убийц своих единоверцев перед русским правительством ([43]).

Абдул Беха говорит то же в своих «Трех письмах к персам» (1907):

«Наша цель — действовать со всеми нациями мира, со всеми народами земли и с каждым отдельным индивидом в дружбе, любви, солидарности, добросердечии...»

Я не посылаю Вам брошюр(44), так как у меня их нет, но я помню о них. Вы могли бы ознакомиться с бехаизмом через посредство Мадам Ван Готтен или Мадам Риттер(45) в Женеве. Я не знаю, в Швейцарии ли еще египетский врач-бехаит, которого я встретил у Мадам В. Готтен. Это симпатичный и умный человек.

Бехаизм, который имеет миллионы приверженцев на Востоке, распространяется также в Америке и в Европе (особенно в Англии). На собрание, которое предшествовало тому, где присутствовал я, приезжала вдова одного французского высшего офицера, убитого в Мобеже (и четыре сестры которой тоже потеряли своих мужей на войне). Она знала Абдул Беха и хранила во время своего траура веру в мир и любовь.

Я прочитал Ваш изумительный отчет о положении в России и сделанных ошибках. Это ясность и мужественная откровенность. Но я не удивлен тем, что правители питают к Вам неприязнь. Правители не хотят знать правду, которая их стесняет, они питают злобу к тем, кто заставляет их выслушивать ее (46).

Прочтите «Одиссею торпедированного транспорта», которая только что вышла у Пайо и получила в Париже премию Vie Heureuse (47). Это — книга в известном смысле гораздо более смелая, чем книга Барбюса (48), ибо это — обвинительная речь не только против войны вообще, но и против ошибок этой войны. Автор не подписал своего имени. Это, конечно, морской офицер.

До свиданья, дорогой Мсье. У меня сейчас столько работы, что я вынужден отказаться от проекта маленького концерта (49), на который Вы были так добры меня пригласить. Я очень об этом сожалею. Отложим это.

Прошу Вас передать мое почтение Мадам Рубакиной, сердечно преданный Вам

Ромен Роллан

Мои дружеские чувства и дань уважения Мадам Наташе Ростовой (50).

Если у Вас есть копия Вашего доклада Мсье Бо, я очень бы хотел получить ее. Надеюсь во всяком случае, что Вы позднее опубликуете этот документ. Я Вам привезу его на днях, если Вы полагаете, что отправка заказным письмом недостаточно надежна (51).

14

Dimanche 21 juillet [1918] (52).

Cher Monsieur

Nous serons trés heureux de vous voir, — d'autant plus que ma soeur est arrivée récemment d'Evian, et pourra vous donner des nouvelles de M. Otlet (53).

Il y a aussi, à l'hôtel Byron, ces jours-ci, un jeune Japonais de mes amis, avec qui vous pourrez avoir intérêt à causer. Il est d'esprit trés large et trés humain (ce qui est rare en son pays, actuellement — comme dans les autres pays).

Voulez-vous venir Mardi, vers 4 heures, prendre le thé. Il suffira que vous fassiez téléphoner votre „oui" à l'hôtel, demain soir ou Mardi matin.

Croyez, je vous prie, à mon affectueux dévouement.

Romain Rolland.

Перевод:

Воскресенье 21 июля [1918] ([52]).

Дорогой Мсье,

мы будем очень счастливы повидать Вас, тем более, что сестра недавно приехала из Эвиана и может Вам сообщить новости о Мсье Отле([53]).

Сейчас в отеле «Байрон» проживает также молодой японец, мой друг, с которым Вам будет интересно поговорить. Это человек очень обширного и гуманного ума (что редко ныне в его стране, как и в других странах).

Приходите во вторник, в четыре часа, чай пить. Достаточно будет, если Вы распорядитесь передать по телефону Ваше «да» в отель завтра вечером или во вторник утром.

Верьте, прошу Вас, моей сердечной преданности.

Ромен Роллан

15

Jeudi 25 juillet 1918.

Cher Monsieur Roubakine,

Si vous étez rentré à Clarens, voulez-vous nous faire le plaisir de venir Dimanche, vers 4 h[eures] prendre le thé.

Croyez, je vous prie, à mes sentiments affectueux.

Romain Rolland

J'espére que nos amis Birukoff ([54]) ne sont pas trop affectés par la sentence d'hier. Elle ne fait qu'augmenter le respect que nous avons pour eux.

Перевод:

Четверг 25 июля 1918.

Дорогой Мсье Рубакин,

если Вы вернулись в Кларан, доставьте нам удовольствие приходите в воскресенье к четырем часам чай пить.

Верьте, прошу Вас, моим сердечным чувствам.

Ромен Роллан

Надеюсь, что наши друзья Бирюковы (54) не слишком опечалены вчерашним приговором. Он только увеличивает наше уважение к ним.

16

Samedi 8 fév. 1919.

Cher Monsieur,

Je suis pris, ces jours-ci, par des amis français de passage en Suisse (55). Je tâcherai d'aller vous faire une petite visite, une après-midi de la semaine prochaine.

J'ai reçu ce matin un mot de votre <l'>ami (56) auquel vous vous intéressiez tant, il y a quelques semaines, et qui est maintenant à Berlin. Il se porte bien, il est heureux d'avoir trouvé des sympathies, mais il rêve de revenir en Suisse.

Veuillez transmettre mes respectueux souvenirs à Madame Roubakine et me croire votre tout dévoué

Romain Rolland

Pour certaines raisons que je vous dirai, j'use le moins possible du téléphone de l'hôtel (57).

Excusez, je vous prie, la hâte de cette lettre. Je suis l'homme perpétuellement pressé.

Перевод:

Суббота 8 февраля 1919.

Дорогой Мсье,

в эти дни мною завладели французские друзья, едущие через Швейцарию (55). Я попытаюсь зайти к Вам ненадолго как-нибудь после полудня на будущей неделе.

Я получил сегодня утром записку от Вашего друга (56), которым Вы так интересовались несколько недель тому назад и который сейчас в Берлине. Он чувствует себя хорошо, счастлив встретить сочувствие, но мечтает вернуться в Швейцарию.

Передайте мое почтение Мадам Рубакиной, всецело Вам преданный

Ромен Роллан

По известным соображениям, о которых я скажу Вам, пользуюсь возможно меньше телефоном отеля (57).

Извините, прошу Вас, торопливость этого письма. Я вечно спешу.

17

Schoeneck sur Beckenried
Lundi 29 août 1921.

Cher Monsieur Roubakine, je ne suis pas à Villeneuve, comme l'on croit. Depuis le commencement de juillet, je suis à l'adresse

ci-dessus, — dans un petit pays du canton d'Unterwalden. Mais je compte passer par Villeneuve, cet automne, et je me promets d'aller vous voir. J'en serai très heureux.

Merci de ce que vous me dites de la lettre à la Rassegna ([58]). Mais elle n'est guère connue, — et, moins encore, comprise. Nous n'empêcherons pas la civilisation européenne d'aller à sa ruine... Ce sera peut-être un bien... Dans l'évolution de l'humanité (qui ne sera pas infinie, — mais qui a encore devant elle un avenir indéfini) la vie sort de la mort; et des sociétés en ruines sortent des formes de sociétés nouvelles.

Voulez-vous transmettre à Madame Roubakine mes respectueux souvenirs et me croire votre tout dévoué

Romain Rolland

Est-ce que votre fils et sa femme sont toujours à Evian?([59]). N'ont-ils pas réussi à obtenir l'entrée en Suisse?

Перевод:

Шёнек на Бекенриде
Понедельник 29 августа 1921.

Дорогой Мсье Рубакин, я не в Вильневе, как полагают. С начала июля я нахожусь по вышеуказанному адресу, в маленьком местечке кантона Унтервальден. Но я рассчитываю быть проездом в Вильневе этой осенью и обещаю зайти к Вам. Я буду очень счастлив сделать это.

Спасибо за то, что Вы мне говорите о письме в Rassegna ([58]). Но оно совсем не известно и еще менее понято. Мы не будем препятствовать европейской цивилизации идти к своей гибели... Это будет, может быть, благом... В эволюции человечества (которая не будет бесконечной, но которая еще имеет перед собой безграничное будущее) жизнь возникает из смерти, и из разрушенных обществ возникают формы новых обществ.

Передайте Мадам Рубакиной мое почтение, всецело вам преданный

Ромен Роллан

Ваш сын и его жена все еще в Эвиане?([59]). Удалось ли им добиться въезда в Швейцарию?

18

Mardi 8 novembre 1921.

Cher Monsieur

Merci beaucoup pour la brochure ([60]). A vrai dire, rien de tout cela ne me surprend. Les révolutions peuvent commencer dans l'enthousiasme et l'amour; mais elles finissent toujours dans le sang — ou dans la boue, — quelquefois dans les deux: ainsi, la nôtre, celle que les messieurs comme-il-faut de la bourgeoisie fran-

çaise commémorent pieusement. En 1793, on a guillotiné dans ma petite ville de Clamecy des enfants de huit à dix ans, coupables d'avoir „sucé le lait de la tyrannie". — Ne dites pas qu'il s'est écoulé un siècle et demi, depuis! L'époque d'où est sortie la Révolution française était plus humaine que la nôtre; et le peuple qui la fit était plus doux et plus cultivé que le peuple russe.—L'homme est un terrible animal; il faudra bien des siècles encore pour lui limer ses griffes et ses dents de fauve. — Nous autres, nous vivons par l'esprit bien en avance sur notre temps. C'est un privilège qui, parfois, coûte cher.

Je suis en effet assez sérieusement souffrant depuis la fin de septembre. Je me rétablis; mais je ne puis guère sortir encore. J'ai appris que vous n'étiez pas très bien, non plus. J'espère que vous êtes maintenant guéri. Quand ma santé sera plus solide, je me promets d'aller vous voir. Pour l'instant, je suis tenu au repos.

Ma soeur et moi, nous vous prions de transmettre à Madame Roubakine nos meilleurs et respectueux souvenirs. Veuillez me croire toujours, cher Monsieur, votre bien dévoué

Romain Rolland.

Villeneuve, villa Olga.

Перевод:

Вторник 8 ноября 1921.

Дорогой Мсье,

большое спасибо за брошюру ([60]). По правде сказать, ничто из всего этого меня не удивляет. Революции могут начинаться восторгом и любовью, но они всегда кончаются в крови или в грязи, иногда в том и другом вместе, как наша, та, которую благочестиво вспоминают респектабельные представители французской буржуазии. В 1793 году в моем маленьком городке Кламси гильотинировали детей от восьми до десяти лет, виновных в том, что они «всосали с молоком матери тиранию». Не говорите, что с тех пор прошло полтора столетия! Эпоха, породившая французскую революцию, была человечнее нашей, и народ, который ее совершил, был мягче и культурнее, чем русский народ. Человек — ужасное животное, понадобятся еще века, чтобы сточить у него когти и зубы хищника. А мы..., мы живем умом, далеко опережая свое время. Это привилегия, которая иногда стоит дорого.

Я, действительно, довольно серьезно болею с конца сентября. Поправляюсь, но совсем не могу еще выходить. Узнал, что Вы тоже были нездоровы. Надеюсь, что теперь Вы поправились. Я собираюсь прийти к Вам, когда буду чувствовать себя лучше. Сейчас мне предписан покой.

Мы с сестрой просим передать Мадам Рубакиной наше почтение. Верьте, дорогой Мсье, всегда преданному Вам

Ромену Роллану.

Вильнев, вилла Ольга.

19

Salzburg, Kapuzinerberg 5, 10 août 1923.

Cher Monsieur,

Excusez-moi de ne vous avoir pas écrit depuis longtemps; mais ma vie est si absorbée par le travail ([61]) que je trouve à peine le temps de répondre aux lettres les plus urgentes.

J'aurais voulu pourtant vous dire l'intérêt que j'avais pris à votre ouvrage ([62]) si riche d'idées et de documents. Pardonnez au silence égoïste d'un homme asservi à sa tâche! — Pour l'instant, je suis en Autriche, chez des amis ([63]); et je profite de ce moment de repit pour vous envoyer ce mot de fidèle sympathie. Mes respectueux souvenirs à Madame Roubakine, et bien cordialement à vous

Romain Rolland

Перевод:

Зальцбург, Капуцинерберг, 5.
10 августа 1923.

Дорогой Мсье,

извините, что давно не писал Вам, но моя жизнь настолько поглощена работой ([61]), что я едва нахожу время отвечать на самые неотложные письма.

Однако мне хотелось бы сказать Вам об интересе, который пробудила во мне Ваша работа ([62]), столь богатая мыслями и фактами.

Простите эгоистическое молчание человека, закабаленного своей работой! Пока я нахожусь в Австрии у друзей ([63]) и пользуюсь этой минутой передышки, чтобы послать Вам слово истинной симпатии.

С почтением к Мадам Рубакиной, сердечно Ваш

Ромен Роллан.

20

Villeneuve, 12 février 1926.

Cher Monsieur, chère Madame Roubakine,

Merci affectueusement de vos bons voeux ([64]). Pardonnez-moi d'y repondre si tard. On ne m'en a pas laissé le temps, jusqu'à aujourd'hui. Mais croyez que j'en ai été très touché. J'espère que vous allez bien, et je vous adresse nos ([65]) meilleurs et respectueux souvenirs

Votre dévoué

Romain Rolland.

Перевод:

Вильнёв, 12 февраля 1926.

Дорогой Мсье, дорогая Мадам Рубакина,

сердечное спасибо за Ваши добрые пожелания ([64]). Простите,

что отвечаю на них так поздно. До сегодняшнего дня у меня не оставалось на это времени. Но поверьте, что я был очень ими тронут. Надеюсь, что Вы чувствуете себя хорошо и почтительно напоминаю Вам о нас([65]).

Преданный Вам
Ромен Роллан

21

Villeneuve, villa Olga
16 février 1931.

Cher Monsieur et ami,

Nous avons été heureux hier de voir votre fils et Madame Al[exandre] Roubakine ([66]) mais peinés d'apprendre que vous étiez assez souffrant. J'avais entendu parler de votre opération; mais je savais qu'elle avait bien réussi, et je vous croyais déjà rentré à Lausanne ([67]). Je vous adresse nos voeux très affectueux pour votre prompt et complet rétablissement.

Peut-être nos amis communs, mes charmants Edmond Privat ([68]), vous ont-ils appris que j'ai été aussi assez malade. Je suis resté, tout un mois alité, et j'ai esquivé de peu la bronchopneumonie. Maintenant, j'ai repris mon travail, mais je me ressens encore de cet assaut, et cet hiver malsain est peu favorable aux bronches. Pendant que j'étais malade, il s'est produit une confusion de lettres que j'ai bien regretée, car ce malentendu aura pu vous faire croire à un manque de courtoisie de ma part. Vous m'aviez écrit, au sujet de Kropotkine ([69]). Comme j'étais alors en correspondance avec votre fils, j'ai cru que c'était lui qui m'écrivait. Je lui ai répondu ([70]). Il n'y a rien compris; mais, comme nous étions l'un et l'autre fort occupés, nous n'avions pas éclairci la chose; et vous n'avez pas été mis au courant du quiproquo. C'est il y a peu de temps que j'ai appris par Privat que mon silence vous avait paru volontaire.

Il ne l'était pas, et je vous prie de croire à tous mes regrets.

J'ai beaucoup de relations avec l'URSS ([71]) (comme avec l'Inde ([72])), depuis quelques années; et elles ne sont pas seulement politiques ou littéraires. Beaucoup d'amis, petits et grands, m'écrivent de là-bas. Notamment un gentil groupe de jeunes garçons et de jeunes filles de Moscou, dont le foyer est la famille Lipine: (Peut-être connaissez-vous ce nom qui est celui du directeur de l'Institut de Pisciculture ([73])).

Je les appelle — et ils signent leurs lettres: — „mes petits esturgeons". Je suis content de voir la fraîcheur de sentiments et la gaieté qui se sont si bien conservées chez cette jeunesse russe — que notre vertueux Occident se représente comme flétrie avant l'âge.

Veuillez croire, cher monsieur et ami, à notre affectueuse sympathie, et rappelez-nous, je vous prie, ma soeur et moi, respectueusement au bon souvenir de Madame N[icolas] Roubakine.

Votre dévoué Romain Rolland

Перевод:

Вильнёв, вилла Ольга. 16 февраля 1931.

Дорогой Мсье и друг,

вчера мы были рады повидать Вашего сына и Мадам Рубакину ([66]), но с огорчением узнали, что Вы довольно серьезно больны. Я слышал о Вашей операции, но знал, что она прошла успешно, и думал, что Вы уже вернулись в Лозанну ([67]). Посылаю Вам наши сердечные пожелания скорого и полного выздоровления.

Может быть, наши общие друзья, мои милые Прива ([68]), дали Вам знать, что и я был довольно серьезно болен. Целый месяц я пролежал в постели и едва избежал бронхопневмонии. Теперь я снова принялся за работу, но еще не совсем оправился после приступа, а эта нездоровая зима мало благоприятна для бронхов.

Пока я был болен, произошла путаница с письмами, о чем я очень сожалею, так как это недоразумение могло дать Вам повод думать о недостатке вежливости с моей стороны. Вы писали мне по поводу Кропоткина ([69]). Так как я переписывался в то время с Вашим сыном, я подумал, что писал мне он и отвечал ему ([70]). Он ничего не понял из ответа, и так как мы оба были очень заняты, то не выяснили сути и не сказали Вам о недоразумении. Лишь недавно я узнал через Прива, что мое молчание показалось Вам намеренным.

Оно не было таковым, и я прошу Вас верить моим сожалениям.

В течение нескольких лет у меня завязались обширные связи с СССР([71]) (так же как и с Индией([72])) и не только политические или литературные. Много друзей, маленьких и больших, пишут мне оттуда. Особенно одна милая группа юношей и девушек из Москвы, из семьи Липина (может быть, Вам знакомо это имя — он директор Института рыбоводства) ([73]). Я их называю — и они подписывают свои письма: — «мои стерлядки». Приятно видеть свежесть чувств и веселость, так хорошо сохранившиеся у этой русской молодежи, которую наш добродетельный Запад представляет себе преждевременно увядшей.

Поверьте, дорогой Мсье и друг, нашей нежной привязанности и напомните, прошу Вас, о нас, о моей сестре и обо мне, Мадам Рубакиной.

Преданный Вам Ромен Роллан

22

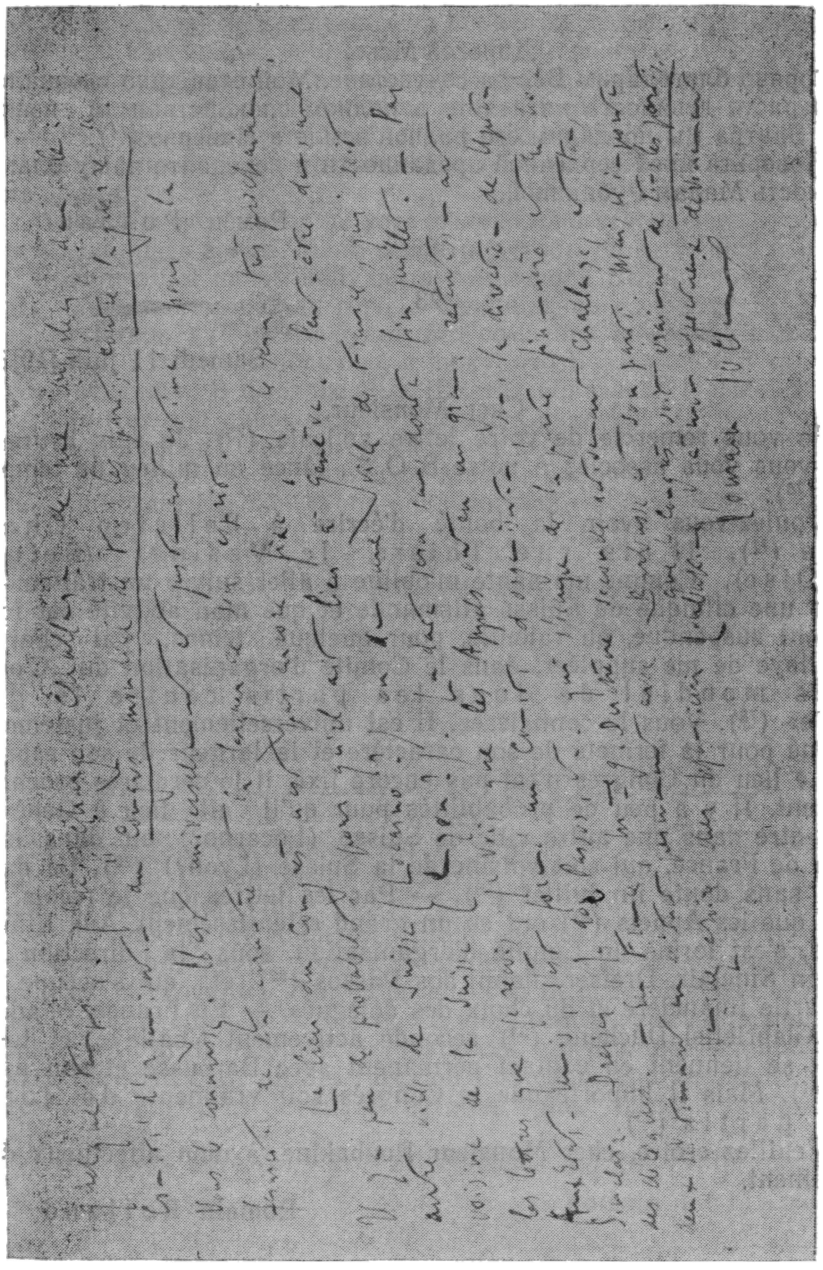
Villeneuve, 20 juin [19]31.

Cher Monsieur,

Nous vous remercions vivement de votre sympathie. Mon pére s'est éteint doucement, en pleins calme et clarté d'esprit, à quatre-vingt-quinze ans. Nous allons demain le reconduire à la terre natale, en Nivernais ([74]).

Veuillez croire à mon affectueux dévouement et transmettre nos remerciements à Madame Roubakine.

Romain Rolland

Письмо Ролана к Н. А. Рубакину от 11.VI. 1932 г., л. 1об. Ф. 358.

Перевод:

Вильнёв, 20 июня 1931.

Дорогой Мсье,

горячо благодарим Вас за сочувствие. Мой отец тихо скончался в возрасте девяноста пяти лет в полном спокойствии и ясном уме. Завтра мы предадим его родной земле в Нивернэ (74).

Поверьте моей сердечной преданности и передайте нашу благодарность Мадам Рубакиной.

Ромен Роллан

23

Samedi 11 juin [19]32.

Cher Monsieur,

Je vous remercie de votre lettre amicale (75). Je suis heureux que vous vous associez à notre S. O. S., láncé au milieu de tempêtes (76).

Voulez-vous avoir la bonté d'écrire à Felicien Challaye (77), 11 bis rue Thiers, le Vesinet (Seine-et-Oise). Comme ma santé m'oblige à aller suivre un traitement dans une clinique de Suisse allemande et que mon activité est forcément suspendue, ou ralentie, pour quelque temps, j'ai chargé Challaye de me suppléer, dans le Comité d'organisation du „Congrés mondial de tous les partis contre la guerre» (78). Vous le connaissez. Il est universellement et justement estimé pour la fermeté de son caractère et la largeur de son esprit.

Le lieu du Congrès n'est pas encore fixé, il le sera très prochainement. Il y a peu de probabilités pour qu'il ait lieu à Genève. Peut-être dans une autre ville de Suisse (Locarno?) ou dans une ville de France, qui soit voisine de la Suisse (Lyon?) (79). La date sera sans doute fin juillet (80). — Par les lettres que je reçois, je vois que les Appels (81) ont eu un grand retentissement. Aux Etats-Unis, s'est formé un Comité d'organisation, sous la direction de Upton Sinclair, Dreiser, J[ohn] dos Passos (82), et... qui s'occupe de la partie financière et du choix des délégués. — En France, M[ada]me G[abrielle] Duchêne (83) seconde activement Challaye, et tous deux se tiennent en contact permanent avec Barbusse et son parti (84). Mais il importe que le Congrès soit vraiment de tous les partis (85).

Veuillez croire, cher Monsieur Roubakine, à mon affectueux dévouement.

Romain Rolland

Перевод:

Суббота 11 июня 1932.

Дорогой Мсье,

благодарю Вас за дружеское письмо (75). Я счастлив, что Вы присоединяетесь к нашему S. O. S., брошенному среди бурь (76).

Будьте добры написать Фелисьену Шаллей (77), 11 бис улица Тьера, Везине (департамент Сены и Уазы). Так как здоровье вынуждает меня пройти курс лечения в клинике в Немецкой Швейцарии и моя деятельность поневоле прерывается или приостанавливается на некоторое время, я поручил Шаллей заменить меня в Организационном комитете «Всемирного конгресса всех партий против войны» (78). Вы знаете его. Его везде справедливо уважают за твердость характера и широту ума.

Место Конгресса еще не установлено, оно станет известно в самое ближайшее время. Мало вероятно, чтобы он состоялся в Женеве. Возможно, в каком-нибудь другом городе Швейцарии (Локарно?) или в каком-нибудь городе Франции, по соседству со Швейцарией (Лион?) (79). Это будет, без сомнения, в конце июля (80). Из писем, которые я получаю, я вижу, что Воззвания (81) вызвали много откликов. В Соединенных Штатах образован Организационный комитет под руководством Эптона Синклера, Драйзера, Джона Дос-Пассоса (82) и..., который занят финансовой стороной и выбором делегатов. — Во Франции Мадам Габриель Дюшен (83) активно помогает Шаллей и оба поддерживают постоянный контакт с Барбюсом и его партией (84). Но важно, чтобы Конгресс был действительно Конгрессом всех партий (85).

Поверьте, дорогой Мсье Рубакин, моей сердечной преданности.

Ромен Роллан

24

Villeneuve, 16 decembre [19]36.

Cher ami,

Je vous retourne aujourd'hui le volume de Châteaubriand, que vous avez eu l'amabilité de m'envoyer (86). J'espère qu'il vous reviendra, en parfait état.

Avez-vous lu cet immense „Essai sur les Revolutions" (87), où Châteaubriahd, jeune, émigré, malade, presque sans ressources à Londres, et croyant n'avoir plus que peu de mois à vivre, a empilé tous ses souvenirs de livres et de vie, toutes ses réflexions sur l'histoire? Par le fait des circonstances exceptionnelles où cet Essai a été écrit, c'est un des rares où Châteaubriand se montre à peu près sincère (88). Il devait le regretter plus tard, et tâcher de le faire oublier.

Nous vous adressons nos affectueuses amitiés. Votre dévoué

Romain Rolland

Перевод:

Вильнёв, 16 декабря 1936.

Дорогой друг,

сегодня я возвращаю Вам книгу Шатобриана, которую Вы мне любезно прислали (86). Надеюсь, что она вернется к Вам в безукоризненном состоянии.

Читали ли Вы этот огромный «Опыт о революциях» (87), где Шатобриан, молодой, эмигрант, больной, почти без средств в Лондоне, и, думая, что ему осталось прожить не более нескольких месяцев, свалил в кучу все свои воспоминания из жизни и из книг и все свои размышления об истории? Из-за исключительных обстоятельств, в которых этот «Опыт» был написан, это один из редких случаев, когда Шатобриан проявляет себя почти искренним (88). Позднее он должен был в этом раскаяться и пытаться заставить это забыть.

Посылаем Вам наши сердечные приветствия.

Преданный Вам Ромен Роллан

25

Vendredi (89).

Cher Monsieur

Je vous retourne, ci-joint, le n[umér]o du journal que vous m'avez redemandé. Merci et croyez-moi bien à vous

Romain Rolland

Перевод:

Пятница (89).

Дорогой Мсье,

посылаю Вам при этом письме номер газеты, который Вы просили вернуть.

Благодарю, искренне Ваш

Ромен Роллан

(1) В это время Н. А. Рубакин занимался организацией работы по самообразованию среди русских военнопленных в лагерях Германии и Австро-Венгрии (см. ф. 358: Н. А. Рубакин. Проект культурной внепартийной патриотической общественной организации в целях содействия образованию и самообразованию русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии). Для осуществления своих замыслов он предполагал воспользоваться суммами, предназначенными американским миллионером Фордом на якобы пацифистские цели. (О проектах Рубакина см. также: Romain Rolland. Journal des années de guerre, ф. 252,2.1, p. 92; письма Н. А. Рубакина Роллану и Отле от 8 марта и 24 марта 1916 г. и письма Н. А. Рубакину от А. Феррьера и Отле за 12 апреля и 25 мая того же года).

(2) *Гильбо, Анри*—французский социалист-интернационалист (см.: Ленин В. И. Собрание сочинений. Т. 32, стр. 104), друг Ромена Роллана. В 1916 — 1918 гг. был редактором журнала «Demain». Журнал стоял сначала на позициях пацифизма, а затем перешел на сторону левых циммервальдцев. В нем печатались статьи В. И. Ленина, В. Д. Бонч-Бруевича, В. А. Карпинского, А. В. Луначарского, А. М. Коллонтай. Участие Р. Роллана в журнале сыграло определенную роль в его политической эволюции (см.: Jouve P. J. Romain Rolland vivant. Paris, 1920, p. 241; Гильдина З. Об отношении Ленина к Ромену Роллану.— «Вопросы литературы», 1961, № 4, стр. 98—106; Балахонов В. Е. Ромен Роллан в 1914—1924 годы. Л., 1958, стр. 54—56).

(3) В 1915—1916 гг. Генри Форд (1863—1947) организовал на свои средства поездку американских пацифистов в Европу с целью создания нейтральной комиссии для посредничества между воюющими сторонами в переговорах о «спра-

ведливом» окончании войны (см.: Локнер Л. П. Генри Форд и его «корабль мира». Л., 1925). Роллан относился недоверчиво к этой затее Форда (см.: Romain Rolland. Journal des années de guerre, ф. 252, 2.1, pp. 26—30). После вступления США в войну в апреле 1917 г. Форд переключил свои автомобильные заводы на выпуск военной продукции и из проповедника «мира превратился в орудие истребления человечества» (см. предисловие М. Горького к книге Локнера: М. Горький. Собрание сочинений в 30 тт. Т. 24. М., 1953, стр. 243).

Н. А. Рубакин, желая использовать средства Форда для организации работы среди русских военнопленных, считал, что деньги должны расходоваться под контролем комиссии, состоящей из нескольких известных лиц, проживавших в то время в Швейцарии. В эту контрольную комиссию он и включил Роллана. Проекты Рубакина не осуществились (см. черновое письмо Н. А. Рубакина к Р. Роллану от 8 марта 1916 г.).

(4) *Локнер, Луис Поль* (род. в 1887 г.) — американский журналист, переводчик и радиокомментатор: в 1916 г. — главный секретарь фордовской комиссии («нейтральной конференции») (см. также: Письма Алексею Максимовичу Горькому. — «Иностранная литература», 1958, № 6, стр. 240).

(5) Помимо Роллана, Н. А. Рубакин включил в контрольную комиссию О. Фореля. Имена других членов установить не удалось.

Форель, Огюст (1848—1931)—швейцарский ученый (невропатолог, психиатр, энтомолог) и общественный деятель.

(6) Речь идет о статье «Россия и Польша» (Roubakine N. Russie et Pologne. — «Gazette de Lausanne», 1916 mai 9; см. также переписку Рубакина с редакцией этой газеты в апреле 1916 г. и письмо А. Феррьера Н. А. Рубакину от 18 мая 1916 г.).

(7) Возможно, что Роллан имеет в виду заседание, где Рубакин делал доклад об организации помощи военнопленным, к которой Роллан проявлял большой интерес.

(8) Сестра писателя — Мадлен Роллан (род. 1872).

(9) В России произошла Февральская буржуазно-демократическая революция.

Письмо Роллана от 16 марта 1916 г. Н. А. Рубакин цитировал в статье «Ромен Роллан и русский народ» (см.: Roubakine N. Romain Rolland et le peuple russe. — В кн.: Hommage à Romain Rolland. 1945, p. 73).

(10) В 1916 г. Н. А. Рубакин выпустил в Лозанне брошюру «Россия уходящая и Россия грядущая» (La Russie qui s'en va et la Russie qui vient. — «La Bibliothèque Universelle», 1916, No. 252); в архиве статья имеется на французском и русском языках, в 1917 г. вошла в сборник статей «Qu'est-ce que la Révolution russe».

(11) По всей вероятности, Роллан прочитал статью Рубакина о Распутине и распутинщине (см.: Roubakine N. Raspoutine et le Raspoutinisme. — «La semaine littéraire», 1917, janv. 13, No. 1202).

(12) Известно, что Роллан приветствовал свержение царского правительства (см. его статью «Привет свободной и несущей свободу России». — Собрание сочинений в 14 тт. Т. 13. М., 1958, стр. 77—78), однако он недоверчиво относился к Временному правительству.

Роллан отдавал себе отчет в том, что, придя к власти, крупная буржуазия будет вести войну до победного конца и что в таких условиях не может быть подлинной демократии и той идеальной республики, о которой он мечтал. «Есть республики в такой же мере реакционные, основанные на таком же произволе и угнетении, как и монархии», есть «демократии эксплуататоров, какими бы политическими ярлыками они ни прикрывались», — писал Роллан (см.: Romain Rolland. Journal des années de guerre, ф. 252, 2.7, p. 94 и 3.1, p. 21).

(13) *Шапиро, Иосиф* — эмигрант, с 1918 года сотрудник газеты «Sentinelle», выходившей в Шо-де-Фон, член правления издательства «Action Sociale». Написал статью о Н. А. Рубакине, напечатанную в «Sentinelle» в марте 1918 г. (см. переписку И. Шапиро с Н. А. Рубакиным за 1917—1918 гг.).

(14) 20 октября 1916 г. в Женеве, на заседании, организованном Институтом Ж.-Ж. Руссо и Международным библиографическим институтом (Брюссель) и посвященном образованию Секции библиопсихологии, Н. А. Рубакин прочитал доклад об этой науке — ее предмете, целях, методе и практическом применении (см.: «La Psychologie bibliologique. Son objet, ses buts, sa méthode et ses applications pratiques»). Библиопсихология в докладе определяется как «наука о функциональной зависимости трех родов психических явлений и трех величин, которые и подлежат точному, научному и даже математическому исследованию:

читателя, книги и писателя» (см. доклад, стр. 2). К мысли о функциональной зависимости книги от читателя Рубакин обратился в начале 1910-х гг. и работал над ее развитием до конца своей жизни. 1916—1917 гг. были временем оформления этой мысли в теорию и создания первых специальных работ в этой области. Созданная в 1916 г. «Секция библиологической психологии», в 1929 г. была преобразована в Международный институт библиопсихологии (см. также работы Рубакина:Introduction à la Psychologie bibliologique, Paris, 1922; Что такое библиологическая психология. Л., 1924; Психология читателя и книги. М.—Л., 1929).

([15]) В докладе, о котором пишет Роллан, Н. А. Рубакин высказал мысль, что настоящим основателем библиопсихологии надо считать русскую интеллигенцию (см. текст доклада на русском языке, стр. 4bis).

([16]) Н. А. Рубакин не цитирует А. А. Потебню, а только передает его мысль (см.: Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков, 1913, стр. 108, 113, 153).

([17]) Рубакин рассказал Роллану о своей теории «химического анализа» стиля при встрече с ним в апреле 1917 г. (см.: Romain Rolland. Journal des années de guerre, ф. 252, 2.7, pp. 61—62).

([18]) Жена Н. А. Рубакина Людмила Александровна, урожд. Бессель, в первом браке Коломийцева (1870—1947).

([19]) *Глазевский, Адам* — редактор журнала «Le Plus grand monde», издававшегося в Женеве в 1917 г. (см. его переписку с Н. А. Рубакиным за 1917 г.). В этом журнале Роллан опубликовал «Обращение к новой России» (см.: «Le Plus grand monde», Genève, 1917, No. 2, juin, p. 96).

([20]) Датируется по содержанию ответного письма Н. А. Рубакина от 18 июня 1917 г. из Кларана.

([21]) Имена друзей, посетивших Р. Роллана в июне 1917 г., установить не удалось.

([22]) *Дюшен, Ашиль* — французский архитектор.

([23]) По-видимому, письмо это касалось денежной помощи Жоржетте Гюллер.

([24]) В 1916 г. Р. Роллану была присуждена Нобелевская премия за роман «Жан Кристоф», которую он полностью передал в распоряжение Международного красного креста.

([25]) *Гюллер, Жоржетта* — пианистка. В 5-летнем возрасте давала публичные концерты во Франции, Германии и др. странах. Она принимала участие в музыкальных вечерах в доме Рубакиных в Кларане. На одном из таких вечеров ее игру услышал Р. Роллан и дал о ней восторженный отзыв (см.: Romain Rolland. Journal des années de guerre. 1917, ф. 252, 2.7, p. 112). Ж. Гюллер была больна туберкулезом и нуждалась в средствах для лечения. Н. А. Рубакин принимал большое участие в ее судьбе, пытаясь собрать для нее деньги у меценатов и поклонников ее таланта (см. переписку Рубакина с Ж. Гюллер). Об ее игре Рубакин написал в 1917—1918 гг. две статьи, сохранившиеся в его архиве: «Психология и музыка. Пианистка-психолог Жоржетта Гюллер»; «Лев Толстой, Эрнст Энч и Гюллер».

([26]) См.: Рубакин Н. А. Что такое русская революция (Roubakine Dr. N. A. Qu'est-ce que la Révolution Russe? Genève, 1917).

([27]) Роллан называет обвинительной речью статью Рубакина о Николае II (см.: Roubakine Dr. N. Nicolas II et la grande République Russe. — «Le Plus grand monde», 1917, No. 2).

([28]) *Круппи, Луиза* — французская писательница. Известны ее произведения: роман «Avant l'Heure», Paris. 1905; «Femmes écrivains d'aujourd'hui», Paris, 1912; «La famille Sanarens en Languedoc», Paris, 1921. О визите ее в Вильнев вместе со Стефаном Цвейгом Роллан сделал запись в своем дневнике 20 ноября 1917 г. (см.: Romain Rolland. Journal des années de guerre, 1917, ф. 252, 3.3, p. 3.15).

Круппи, Жан (1855—1933) — министр торговли в кабинете Клемансо в 1908—1909 гг.; министр иностранных дел в кабинете Мони в 1911 г.

([29]) Роллан пишет о статье Н. А. Рубакина «Так называемая анархия в России» (см.: Roubakine N. Die angebliche Anarchie in Russland. — «Internationale Rundschau», 1917, nov., 20).

([30]) *Бирюков, Павел Иванович* (1860—1931)—эмигрант, известен как друг и биограф Л. Н. Толстого. Был в дружеских отношениях с Ролланом и Н. А. Рубакиным.

([31]) Н. А. Рубакин посетил Роллана 19 февраля (см.: Romain Rolland. Journal des années de guerre; ф. 252, 3.3, pp. 88—89).

(32) Первая жена Александра Николаевича Рубакина (р. 1889), Ф. О. Ландесман, работавшая врачом в Париже, умерла 27 января 1918 г. (см.: Romain Rolland. Journal des années de guerre, ф. 252, 3.3, p. 89; письма А. Н. Рубакина к отцу и Л. А. Рубакиной за 1918 г.).

(33) Бабизм возник в Иране в 40-х гг. XIX в., в период народных восстаний против шахской монархии. После поражения восстаний бабизм перерождается в бехаизм (по имени Беха Уллы) — учение, призывавшее массы к покорности, защищавшее частную собственность и социальное неравенство (см.: Иванов М. С. Бабидские восстания в Иране. М.—Л., 1939; его же. Очерк истории Ирана. 1952, стр. 158—180). Роллана с его абстрактным гуманизмом не могли не привлечь к себе призывы бехаитских идеологов к обязательному для всех труду, к всеобщему братству и единению.

Чтобы понять, почему Роллан обратился с таким пространным письмом о бехаизме, нужно иметь в виду, что в это время Рубакин вступил в сношения с американской религиозной организацией «Христианская наука» (см.: Romain Rolland. Journal des années de guerre, ф. 252, 3.3, pp. 88—89).

(34) Бабиды и бехаиты считали священным число 19.

(35) Настоящее имя *сейид Али-Мухаммед* (1820—1850). В 1844 г. объявил себя Бабом, т. е. посредником между богом и народом. Баб был расстрелян в Тавризе в 1850 г., а не в 1846 г. (см.: Иванов М. С. Указ. соч.; Атрпет. Бабизм и бехаизм. Тифлис, 1910, стр. 9—78; Туманский А. Г. Китабе Акдес. Спб., 1899, стр. V).

(36) Настоящее имя *мирза Хусейн-Али* (1817—1892) — основатель секты бехаитов. Беха Улла в переводе означает «Слава божия» или «Свет божества» (см.: Атрпет. Указ. соч., стр. 79—118; Бага-Уллах, его жизнь и деятельность. Под ред. А. П. Ковалева, Ростов н/Дону, 1910).

(37) В Адрианополе Беха Улла прожил с 1863 по 1868 г., в городе Акке (Акре) в Сирии — с 1868 по 1892 г.

(38) Он же Аббас Эфенди (1844—1921). По смерти Беха Уллы стал главой бехаитов.

(39) Christian Science (Христианская наука) — учение протестантской секты того же названия, основанной в США (в Бостоне) в 1879 г. Секта — одна из самых распространенных в Америке. В 1918 г. члены «Христианской науки» намеревались проникнуть в Россию и проповедовать там свое учение (см.: Romain Rolland. Journal des années de guerre, ф. 252, 3.3, p. 88).

(40) См. в книге: Abd-oul-Béha. Les leçons de Saint-Jean-d'Acre. Recueillies par Laura Clifford Barney, traduit du persan par Hippolyte Dreyfus. Paris, Ernest Leroux, 1908. 416 p.

(41) В мае 1891 г. в Иезде толпа, подстрекаемая шиитским духовенством, зверски убила семерых бабидов (см.: Жуковский В. Недавние казни бабидов в городе Езде. —«Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества». Под ред. В. Р. Розена. Спб., 1892, т. 6 (1891 г.), стр. 321—327).

(42) Цитируемые Роллаком тексты см. в кн.: Bahá'i World Faith. (Selected writings of Bahá'u'lláh and Abdu'l-Bahá). U.S.A., 1956.

(43) 27 августа 1889 г. в Ашхабаде два шиита (Мешхеди Али Акбер и Мешхеди Хусейн) в припадке религиозного фанатизма зверски убили бабида Хаджи Мохаммеда Ризу. Суд приговорил убийц и двух их сообщников к смертной казни. По просьбе бабидов они были помилованы, смертная казнь была заменена пожизненной каторгой (см.: Туманский А. Г. Два последних бабидских откровения (отдельный оттиск из «Записок Восточного отделения имп. Русского археологического общества», т. VI, стр. 314—321); «Новое время», 1890, № 5024, 23 февр. (7 марта), стр. 4. Внутренние известия. Персидские сектанты).

(44) Имеются в виду распространенные в Европе бехаитские брошюры.

(45) Возможно, члены женевского Международного бюро бехаитов (Bureau international Baha'i).

(46) В октябре 1917 г. французский посол в Берне *Жан-Батист-Поль Бо* (1857—1927) предложил Н. А. Рубакину написать для французского правительства докладную записку о положении дел в России. Н. А. Рубакин представил Бо свой доклад (черновик которого сохранился в архиве) в декабре 1917 г. В своем докладе Рубакин подробно анализировал политику правительств Англии и Франции (см. переписку Н. А. и А. Н. Рубакиных за 1918 г.; Romain Rolland. Journal des années de guerre, ф. 252, 3.3, p. 89).

(47) Y. L'Odyssée d'un transport torpillé. Paris, Payot, 1917—изданная в 1917 г. анонимно, а затем переизданная в 1922, 1926 гг. под фамилией автора, книга Мориса Ларруи (псевд. — Рене Милан, 1882—1939), морского

офицера, одного из талантливейших беллетристов послевоенной Франции. За эту книгу Ларруи получил премию в 5 тыс. франков от журналов «Fémina» и «Vie heureuse» (см.: Talvart, Hector, et Place, Joseph. Bibliographie des auteurs modernes de langue française (1801—1951). Paris, 1952, t. 11, pp. 297—303; Guide des prix littéraires. Paris, 1952, pp. 135—138).

([48]) См.: Barbusse H. Le feu. Paris, [1916].

([49]) Речь идет об одном из домашних концертов, которые устраивались у Н. А. Рубакина. В дневнике Р. Роллана имеется подробная запись о посещении им 13 мая 1917 г. одного из таких концертов (см.: Romain Rolland. Journal des années de guerre, ф. 252, 2.7, p. 112).

([50]) *Шнеур* (урожд. Нотович), *Евгения Осиповна* — секретарь Н. А. Рубакина. Ей, под именем Наташи Ростовой, Рубакин посвятил свою книгу «Великие слова жизни» (1918).

([51]) Р. Роллан лично возвратил Рубакину его доклад о положении дел в России (см. письмо Е. О. Шнеур к Н. А. Рубакину от 4 июля 1919 г.).

([52]) Датируется по содержанию. В Вильневе с 20 июля по 4 августа 1918 г. жил Сейчи Нарузе, переводчик произведений Роллана на японский язык (см.: Romain Rolland. Journal des années de guerre, ф. 252, 3.5, pp. 37—39; Роллан Р. Из Дневников военных лет. — «Октябрь», 1936, № 2, стр. 9; № 4, стр. 3—4; № 5, стр. 9).

([53]) *Отле, Поль* — профессор, директор Международного библиографического института (l'Institut International de Bibliographie), позднее генеральный секретарь Международного института документации (l'Union des Associations Internationales et de la Documentation). В июле 1918 г. Отле жил в Эвиане. Н. А. Рубакин для свидания с ним просил у французского консула разрешение на поездку в Эвиан. В визе ему было отказано (см. письмо Н. А. Рубакина к А. Н. Рубакину за июль 1918 г.).

([54]) Н. А. Рубакина вызывали в Женеву на 24 июля 1918 г. свидетелем по делу Бориса Бирюкова, приговоренного позднее судом к трехмесячному тюремному заключению за отказ от выполнения воинской повинности по убеждениям (см. переписку П. И. и Б. П. Бирюковых с Н. А. Рубакиным за 1918 и 1921 гг.; Romain Rolland. Journal des années de guerre, ф. 252, 3.5, p. 40).

([55]) В первой половине февраля у Р. Роллана побывали: Франс Мазереель, Амедей Дюнуа, Луиза Каутская, Вильгельм Герцог (см.: Romain Rolland. Journal des années de guerre, ф. 252, 3.7, pp. 24—25, 29—30).

([56]) Очевидно, П. И. Бирюков. О нем см. примечание ([30]).

([57]) В этот период корреспонденция Р. Роллана подвергалась самой тщательной цензуре. Очевидно, подслушивались и его телефонные разговоры (см.: Роллан Р. Послевоенный дневник (отрывки). — «Интернациональная литература», 1937, № 11, стр. 140).

([58]) Имеется в виду письмо Роллана в журнал «Rassegna Internationale» от 30 марта 1921 г., отразившее полемику Роллана с Барбюсом по вопросу об отношении к революции. Роллан в то время занимал позицию абстрактного гуманизма.

Эта полемика нашла отражение и в переписке Роллана с М. Горьким (см.: Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М., АН СССР, 1960, стр. 334, 359). Письмо Роллана в «Rassegna Internationale» в виде машинописной копии имеется в архиве Н. А. Рубакина.

([59]) А. Н. Рубакин и его жена *Сюзанна Дюшен* (р. 1892) в августе 1921 г. отдыхали в окрестностях французского города Эвиана. Визу на въезд в Швейцарию для свидания с родственниками им получить не удалось (см. письма А. Н. Рубакина к Л. А. Рубакиной от 31 авг. 1921 г. и к Н. А. Рубакину от 22 июля, 3 и 20 авг. 1921 г.).

([60]) Установить, о какой брошюре идет речь, не удалось.

([61]) Во второй половине 1922 и начале 1923 гг. Р. Роллан писал второй том романа «Очарованная душа» (L'âme enchantée) «Лето» (L'été), который был опубликован в 1924 г. в парижском издательстве Ollendorff. В течение января—февраля 1923 г. он работал также над этюдом «Махатма Ганди» (Mahatma Gandhi) Этюд был напечатан сперва частями в феврале — мае 1923 г. в основанном Ролланом в январе того же года журнале «Europe», а в 1924 г. появился отдельным изданием (см. Romain Rolland par lui-même. Images et textes présentés par Jean-Bertrand Barrère. P., 1955, p. 184; Ромен Роллан. Биобиблиографический указатель. М., 1959, стр. 24).

([62]) Имеется в виду двухтомное «Введение в библиологическую психологию» (Roubakine N. Introduction à la psychologie bibliologique. La psychologie de la creation des livres, de leur distribution et circulation, de leur utilisation par les lecteurs, les écoles, les bibliothèques, les librairies etc. Théorie et pratique. Paris, 1922).

([63]) Роллан гостил у Стефана Цвейга (см. письмо С. Цвейга к жене, датированное июнем 1923 г. — В кн.: Stefan Zweig, Friderike Zweig. Briefwechsel. 1912—1942. Bern, Alfred Scherz Verlag, 1951, S. 172; письмо Роллана к Горькому от 3 августа 1923 г. — В кн.: Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М., 1960, стр. 336).

([64]) 29 января 1926 г. Р. Роллану исполнилось 60 лет. Юбилей торжественно отмечался прогрессивной общественностью всего мира. В 1926 г. в Париже был выпущен специальный номер журнала «Europe», целиком посвященный Роллану. В Цюрихе и Лейпциге вышла книга под латинским названием «Liber amicorum Romain Rolland... Hunc librum curaverunt edendum Maxim Gorki, Georges Duhamel, Stefan Zweig» (Книга друзей Р. Роллана, подготовленная к печати М. Горьким, Ж. Дюамелем и С. Цвейгом. См. об этом переписку Горького с Цвейгом за февраль — сентябрь 1925 г. — В кн.: Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М., 1960, стр. 16—22; Ромен Роллан. Биобиблиографический указатель. М., 1959, стр. 25). Очевидно, Н. А. Рубакин и его жена были в числе лиц, направивших Роллану свои поздравления к юбилею. В архиве Рубакина черновик этого письма не сохранился.

([65]) В Вильневе у Роллана с апреля 1922 г. жили его отец и сестра (см.: Romain Rolland par lui-même, p. 184).

([66]) См. примечание ([59]). В 1928—1932 гг. А. Н. Рубакин был представителем Народного комиссариата здравоохранения в Секции гигиены Лиги Наций в Женеве.

([67]) В январе 1931 г. Н. А. Рубакин перенес серьезную операцию в клинике «Prairie» в Кларане. В Лозанну он возвратился в начале мая 1931 г. (см. записную тетрадь за 1928—1937 гг., запись 28 апреля 1931 г., стр. 49; письмо Н. А. Рубакина к Р. Роллану от [1931]).

([68]) *Прива, Эдмон* (р. 1889) — доктор философии, преподаватель Женевского и Невшательского университетов, президент Международного комитета эсперанто и Европейского комитета в защиту независимости Индии, друг и биограф Ганди (см.: Роллан Р. На защиту нового мира. Л., 1932, стр. 111; письмо О. П. Бирюковой к В. Д. Бонч-Бруевичу от 16 мая 1933, ф. 369, 240.14).

([69]) В письме от 12 ноября 1930 г. Н. А. Рубакин, выполняя поручение Н. К. Лебедева, секретаря Комитета по увековечению памяти Кропоткина и сотрудника Музея П. А. Кропоткина в Москве, обратился к Роллану с просьбой написать хотя бы несколько строк о П. А. Кропоткине для сборника, готовившегося к печати по случаю 10-летия со дня его смерти (см. переписку Рубакина с Лебедевым за 1930 г.).

([70]) Письма Р. Роллана к А. Н. Рубакину не сохранились. 24 января 1937 г. Роллан сообщал индийскому журналисту Бенарси Дас Чатурведи: «Я ничего не писал о Кропоткине и не знаю хорошей его биографии, написанной во Франции» (см.: «Огонек», 1955, № 36, стр. 20).

([71]) Р. Роллан вел обширную переписку с Советским Союзом. Он писал А. М. Горькому (в архиве Горького из 400 писем зарубежных писателей около ста принадлежат Роллану. См.: Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М., 1960); А. В. Луначарскому (см.: «Известия», 1931, 21 марта); Е. М. Ярославскому (см.: «Борьба классов», 1931, № 5, стр. 11); фольклористу и композитору А. В. Затаевичу (см.: «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1955, № 10, стр. 104); П. Н. Сакулину (см.: «Москва», 1958, № 6, стр. 219—220); редактору журнала «Советская страна» С. Бурдянскому (см.: «Огонек», 1958, № 48, стр. 16) и др.

([72]) В начале 1920-х гг. Роллан, по его словам, «завязал отношения с руководителями современной Индии: Тагором, Ганди, Лахпатом Раджем, Джавахарлалом Неру» (см.: Роллан Р. Собрание сочинений. М., 1954—1958. Т. 13, стр. 42). 22 марта 1924 г. Ганди написал ему письмо, положившее начало их переписке и дружбе (см. там же, стр. 47), а в 1931 г. навестил его в Вильневе (см.: Romain Polland par lui-même, p. 185). Летом 1926 г. в Вильневе побывали Р. Тагор и Д. Неру (см.: Ромен Роллан. Биобиблиографический указатель. М., 1959, стр. 25).

([73]) *Липин, Александр Николаевич* (р. 1877) — гидробиолог, доктор биологических наук. В начале 1930-х гг. Липин был не директором, а заведующим отделением озерного хозяйства Института рыбного хозяйства в Москве (см.: «Вся

Москва», 1930, стр. 159). Группа школьников: Ольда и Олег Липины, Андрей и Елена Липеровские, Лев Токарев и Марианна Юркевич в конце 1928 г. под впечатлением только что прочитанной повести «Кола Брюньон» и узнав, что 29 января день рождения Р. Роллана, послали ему поздравительное письмо. Завязалась переписка, которая продолжалась до 1935 г. Всего Роллан написал ребятам 10 писем. Три из них были опубликованы О. А. Липиной, кандидатом геолого-минералогических наук (см.: «Пионер», 1960, № 5, стр. 25—27).

(74) Отец Роллана умер 16 июня 1931 г. (см. Romain Rolland par lui-même, p. 185). Родился он недалеко от Кламси, в местечке Брэв, округа Ниверне департамента Ньевр (см.: Шайтанов О. В. Ромен Роллан. М., 1960, стр. 4).

(75) Письмо Н. А. Рубакина от 25 мая 1932 г. В архиве сохранился черновой вариант на французском языке, напечатанный на машинке.

(76) 1 мая 1932 г. в газете «Humanité» появилось воззвание «Отечество в опасности», авторами которого были Р. Роллан и А. Барбюс. В воззвании говорилось о необходимости созвать Всемирный конгресс всех партий против войны с целью «сломить преступное наступление воинствующего империализма на Западе и на Дальнем Востоке» (см.: Роллан Р. Собрание сочинений. М., 1954—1958. Т. 13, стр. 283—284).

В письме от 25 мая 1932 г. Рубакин восхищался благородной инициативой Роллана, Барбюса, Эйнштейна и Горького по созыву конгресса и просил внести его имя в число участников этого движения.

(77) *Шаллей, Фелисьен* (р. 1875) — французский социолог и путешественник, активный участник антивоенного движения; после августа 1932 г. — член постоянного Всемирного антивоенного комитета (см.: «Правда», 1932, 30 августа).

(78) О составе Международного инициативного комитета по созыву Всемирного конгресса всех партий против войны см.: «Humanité», 1932, № 12260, 8 июля.

(79) Швейцарское федеральное правительство и городской совет Женевы не дали разрешения на проведение конгресса. Местом работы конгресса стал Амстердам. Однако голландское правительство, несмотря на первоначальное согласие разрешить въезд на антивоенный конгресс представителям всех без исключения стран, в последний момент отказалось предоставить визы советской делегации, в составе которой были А. М. Горький, Н. М. Шверник, Е. Д. Стасова и др. (см.: Роллан Р. Собрание сочинений. М., 1954—1958. Т. 13, стр. 303; «Правда», 1932, 24 августа).

(80) Амстердамский Всемирный конгресс всех партий против войны заседал с 27 по 29 августа 1932 г. (см.: Роллан Р. Собрание сочинений. М., 1954—1958. Т. 13, стр. 297).

(81) Воззвания: «Отечество в опасности» 1 мая 1932 г. и «Против войны. Всеобщий сбор!» 1 июня 1932 г. (см.: Роллан Р. Собрание сочинений. М., 1954—1958. Т. 13, стр. 283—285).

(82) *Синклер, Эптон* (р. 1878), *Драйзер, Теодор* (1871—1945), *Дос-Пассос, Джон* (р. 1896) — участники Международного инициативного комитета по созыву конгресса, в августе 1932 г., вошедшие в состав постоянного Всемирного антивоенного комитета (см. «Humanité», 1932, № 12224, 2 июня; № 12260, 8 июля; «Правда», 1932, 30 августа).

(83) *Дюшен, Габриель* — председательница Французской секции Международной лиги женщин-сторонниц мира и свободы, делегат Всемирного конгресса всех партий против войны, огласившая на первом его заседании декларацию Р. Роллана, из-за болезни не приехавшего в Амстердам; родственница Рубакиных (см. Роллан Р. Собрание сочинений. М., 1954—1958. Т. 13, стр. 36; переписку Н. А. и А. Н. Рубакиных за 1920—1928 гг.).

(84) *Барбюс, Анри* (1873—1935) — принимал деятельное участие в подготовке и проведении Всемирного конгресса всех партий против войны. В качестве друга Советского Союза он получил почетные полномочия «принять на себя представительство на конгрессе от трудящихся СССР» ввиду недопущения советской делегации в Амстердам (см. переписку Барбюса с Горьким за апрель—август 1932 г. — В кн.: Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М., 1960, стр. 378—382, а также телеграмму Барбюсу участников митингов в Москве в поддержку конгресса в газ.: «Известия», 1932, 30 августа). Барбюс вступил во Французскую коммунистическую партию в январе 1923 г. (см.: Николаев В. Анри Барбюс. М., 1954, стр. 70).

(85) На Амстердамском Всемирном конгрессе всех партий против войны присутствовали: 1041 беспартийный делегат, 830 коммунистов, 291 социал-демократ, 24 независимых социалиста и еще 10 социалистов (см.: Роллан Р. Собрание

сочинений. М., 1954—1958. Т. 13, стр. 307; Заславский Д. Антивоенный конгресс. — «Пропагандист», 1932, № 23—24, стр. 33).

([86]) *Шатобриан, Франсуа Рене* (1768—1848) — французский писатель-роялист; в 1793 г. эмигрировал в Англию и пробыл там до 1800 г. В период Реставрации был послом в Испании, проводя реакционную политику Священного союза. В письме от 8 декабря 1936 г. М. П. Кудашева просила Рубакина прислать Роллану том Шатобриана, в котором напечатан «Опыт о революциях».

([87]) Chateaubriand F. R. Essai hustorique, politique et moral sur les révolutions anciennes et modernes, considérées dans leurs rapports avec la Révolution Françoise. Это сочинение вышло отдельными изданиями в Лондоне в 1797 г., Париже и Лейпциге в 1816 г., а также было включено в парижские издания собраний сочинений Шатобриана 1826, 1834, 1842, 1852 гг.

([88]) В «Опыте о революциях» Шатобриан открыто выступил против идей просветителей, восхваляя католическую церковь как единственную моральную опору общества.

([89]) Дату этого письма и название газеты установить не удалось.

Г. И. Довгалло

СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ

Отдел рукописей хранит многочисленные и разнообразные рукописные источники. Среди архивов преобладают фонды личного происхождения деятелей отечественной истории, науки, литературы и искусства XVIII—XX вв., деятелей русского освободительного движения, вотчинно-поместные фонды крупнейших землевладельцев России. В коллекциях отдела хранятся письма и творческие рукописи многих деятелей русской и зарубежной культуры. Отдел, наконец, является одним из крупнейших советских хранилищ русских и славянских рукописных книг и древних актов правового и экономического характера.

Многообразие и сложность состава материалов, хранящихся в отделе, требуют для своего полного раскрытия и всестороннего использования четкого и стройного справочного аппарата, помогающего исследователям быстро и в полном объеме находить в фондах отдела необходимый им материал. Система справочного аппарата, и сейчас еще, впрочем, далеко не совершенная, сложилась в отделе в последние десятилетия. Однако история справочного аппарата — это история всей столетней работы отдела [1], и тот аппарат, которым сегодня располагают исследователи, состоит из частей, создававшихся в разное время и по разным принципам. Тем не менее все эти исторические напластования органически вошли в современный нам справочный аппарат и продолжают использоваться теперь.

Настоящий обзор справочного аппарата отдела имеет целью помочь исследователю ориентироваться в сложном комплексе справочников, описей, каталогов, имеющихся в отделе рукописей, и сократить время на разыскание всех нужных ему источников.

Общие справочники о фондах отдела

Наиболее полным путеводителем по составу фондов отдела является постоянно пополняющаяся картотека фондов, где в алфавите названий отражены все архивные фонды, коллекции и рукописные собрания. На карточке указано название архивного фонда, коллекции или собрания, номер фонда (его шифр) и отмечено наличие справочников к каждому из фондов (опись, научное описание, печатный каталог, карточный каталог, обзор и т. п.).

Эта картотека ценна тем, что она охватывает все фонды, но она может служить исследователям лишь самым первоначальным ука-

[1] Зимина В. Г. Отдел рукописей за 100 лет. — В кн.: История Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина за 100 лет. 1862—1962. М., 1962, стр. 246—271.

занием на то, какие фонды могут быть им полезны, так как в карточках нет никакой, даже самой общей, характеристики состава фондов.

Другие общие справочники охватывают не все фонды отдела, но те или иные их группы.

На первое место среди них следует поставить «Краткий указатель архивных фондов отдела рукописей», изданный в 1948 году [2] и охватывающий архивы, собранные отделом до 1945 года. Это справочник, принадлежащий к сложившемуся в последние годы типу путеводителей по архивохранилищам и сыгравший в свое время значительную роль в разработке принципов и методики подобных изданий. В нем в алфавитном порядке наименований описаны архивные фонды отдела. Характеристика каждого фонда содержит: наименование фонда, краткие сведения о фондообразователе, хронологический охват материалов фонда и сведения о их составе по обычным основным группам (творческие рукописи, переписка и т. д.).

Обязательно отмечались материалы, не характерные для состава данного фонда (например, среди материалов архива врача и общественного деятеля либерального направления Н. А. Белоголового — материалы о 1905 годе: прокламации и резолюции студенческих сходок; в архиве юриста А. И. Юшкова — записная книжка нечаевца В. Ф. Орлова). Раскрывался кратко состав коллекций, собранных фондообразователями и входящих в архивные фонды. Объем фонда указан в точном или ориентировочном количестве листов.

Пользуясь этим справочником, следует иметь в виду, что в нем отражены не только архивные фонды, хранившиеся в отделе к моменту издания книги, но и группы документальных материалов разных лиц, не составляющие самостоятельных архивов, а входящие в состав Музейного собрания и некоторых других больших коллекций отдела. Буквенная система шифров, применяемая в справочнике, теперь в отделе не употребляется. Указатель продолжает полностью сохранять свое значение наиболее точного путеводителя по архивным материалам, собранным в отделе до 1945 года. Кроме того, в экземпляры этой книги, используемые в читальном зале отдела, систематически вносятся дополнения о вновь поступивших и вновь сформированных фондах [3].

Более узкий круг источников отражает «Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII—XIX вв.» [4]. В нем в алфавитном порядке расположены мемуары из всех фондов, поступивших в отдел до 1950 года. В конце в хронологическом порядке помещены описания рукописей неустановленных авторов. Каждое описание содержит: сведения об авторе, название произведения, характеристику рукописи, аннотацию произведения или сведения о

[2] Краткий указатель архивных фондов отдела рукописей. Под ред. П. А. Зайончковского и Е. Н. Коншиной. Сост. Е. Н. Коншина и Н. К. Швабе. М., 1948.

[3] Краткие сведения обо всех архивных фондах отдела по состоянию на 1961 год имеются в подготовленном к печати двухтомном сводном указателе «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР».

[4] Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII—XIX вв. (Из фондов отдела рукописей). Под ред. П. А. Зайончковского и Е. Н. Коншиной. М., 1951.

его публикации и шифр рукописи. Справочник имеет именной, географический, предметный и хронологический указатели.

Отдел не располагает пока общим справочником, достаточно квалифицированно раскрывающим состав всех собраний рукописных книг. Общее понятие о них дает имеющийся в машинописном виде сборник кратких обзоров тех собраний, которые к 1958 году, когда он создавался, не имели научных описаний. Эти обзоры опирались на опознавательные регистрационные описи собраний, составлявшиеся на основе беглого просмотра рукописей и недостаточно авторитетные как в отношении датировки, так и — в некоторых случаях — в отношении определения содержания рукописи, что должен учитывать исследователь. Обзоры позволяют все же ориентироваться в круге памятников, входящих в состав рукописных собраний отдела [5].

Краткие обзоры собраний рукописных книг, расположенные в порядке номеров фондов, дают сведения об объеме каждого собрания, о хронологических рамках памятников. Характеристика рукописных книг в обзоре дана по тематическим группам, внутри групп описание дается в хронологической последовательности, по времени написания рукописи или составления произведения.

Сведения о рукописях больших собраний даются по следующим разделам: исторические материалы, литературные, учебные, богословские, богослужебные. Отдельно характеризуются нотные рукописи, старообрядческие и масонские. В каждом разделе отмечены наиболее значительные и интересные материалы, после названия рукописи указывается ее шифр и время написания. Остальные рукописи описаны суммарно. Если количество рукописей в разделе не превышает 20, то указывается шифр и время написания каждой рукописи; если их больше — указывается только количество рукописей. В небольших собраниях не названы разделы, но рукописи располагаются в указанном выше порядке. В конце каждого обзора перечислены существующие описания, опубликованные и машинописные обзоры и сведения, помещенные в Отчетах Румянцевского музея. Справочник имеет алфавитный указатель имен и названий к тексту и список собраний рукописных книг, хранящихся в отделе рукописей.

Как общий справочник по фондам отдела следует рассматривать и сведения о поступлениях в отдел, имеющиеся в его продолжающихся изданиях: 1) «Отчетах Московского публичного и Румянцевского музеев», выходивших с 1864 по 1915 год со следующей периодичностью: с 1864 по 1866 год ежегодно, затем с 1867 по 1894 год — один отчет в трехлетие, с 1895 по 1915 год — вновь ежегодно; 2) «Записках отдела рукописей», издававшихся с 1938 по 1941 год (за эти три года были изданы выпуски 1—10), а с 1950 года выходящих ежегодно. В выпуске 11, вышедшем в 1950 году, были помещены сведения о рукописях, поступивших в отдел с 1941 по 1947 год; в выпуске 12 — сведения о поступлениях в 1948—1949 годах; последующие выпуски ежегодно дают сведения о поступлениях за предыдущий год. Таким образом, оба эти издания давали бы довольно полную картину комплектования и состава фондов отдела,

[5] В настоящее время в отделе готовится к печати справочник «Рукописные собрания отдела рукописей», который будет путеводителем по этой части фондов.

если бы не перерыв с 1916 по 1937 год, тем более досадный, что это было время массового поступления фондов в отдел (материалы, поступившие за этот отрезок времени, отражены в описях фондов и в каталогах отдела).

Сведения о поступлениях, имеющиеся в Отчетах Московского публичного и Румянцевского музеев, не однородны.

Во всех Отчетах описания рукописных книг, как правило, давались подробнее, чем описания архивных материалов. В большинстве случаев каждая рукописная книга описывалась отдельно, но не одинаково подробно. Например, в Отчете за 1866 год (стр. 52) Триодь постная XV—XVI вв. описана очень кратко на одной строке, в Отчете за 1914 год (стр. 36) другая Триодь XV—XVI вв. описана очень подробно, со всеми записями, текстами начала и конца рукописи, с описанием переплета. Иногда в Отчетах помещалось описание собрания в общих чертах и перечислялись лишь наиболее ценные рукописи (так описаны собрания Амфилохия, Ундольского). В других случаях в Отчетах помещалось описание всего собрания (например, собрание Севастьянова в Отчете за 1868 год, собрание Пискарева в Отчете за 1867 год). Архивные материалы описывались более суммарно, хотя и по-разному. В Отчете за 1886—1888 гг., например, кратко описаны приобретенные 13 автографов из собрания Кошелева (стр. 12); в Отчете за 1876—1878 гг. так сообщаются сведения о материалах архива Бецкого — «7 томов переписки и бумаг за 1844—1874 гг.», материалы же архива Викторова в Отчете за 1883—1885 гг. (стр. 44—54) расписаны с указанием имен корреспондентов, названий отдельных рукописей и т. д. Иногда сведения о приобретенных архивах помещались частями в нескольких Отчетах, например, об архиве Погодина сведения даны в Отчетах за 1908, 1909, 1910 гг.

Несмотря на отсутствие единства в описаниях, значение Отчетов как источника сведений о фондах отдела велико.

«Записки отдела рукописей» 1938—1940 гг. были в основном тематическими и публиковали тексты документов, связанных с той или иной темой (вып. 7 — Французская буржуазная революция 1789 г.; вып. 10 — крестьянская реформа и т. п.). Поэтому справочный отдел их был малозначителен. Однако и здесь регулярно помещались сведения о новых поступлениях и краткие обзоры фондов.

Сведения о новых поступлениях давались за 4 месяца, за 5 месяцев, за полгода. Об отдельных рукописях иногда помещались небольшие статьи (статья Г. П. Георгиевского об Ананьинском евангелии: «Памятник древнерусского искусства» — вып. 6, стр. 89, статья П. Эттингера «Карлсбадский рисунок Гете» — там же, стр. 89—90). О других рукописях (выборочно) помещались кратчайшие сведения, располагавшиеся в следующем порядке: 1) памятники древней традиции, 2) архивные документы XVIII—XX вв., 3) рукописи на иностранных языках. Внутри этих групп описания располагались в хронологическом порядке.

Иной характер носит информация о поступлениях в «Записках отдела рукописей» за послевоенный период. В разделе «Новые поступления» ежегодно описываются все рукописи и архивные фонды, поступившие в отдел в предыдущем году. До 1952 года (вып.

11—14) сведения о рукописях располагались в хронологическом, а впоследствии — в систематическом порядке по группам: 1) историко-юридические документальные материалы, 2) исторические памятники и произведения, 3) письма, воспоминания, дневниковые записи и прочие материалы из архивов разных лиц, 4) литературные памятники и произведения, 5) памятники древнерусской письменности, 6) рукописи нотные, 7) учебная, лечебная и прочая литература, 8) иностранные рукописи [6]. Ценные в научном отношении сборники расписывались полностью, в остальных отмечались лишь наиболее важные статьи. С 1961 года (вып. 24) в «Записках» дается полное научное описание всех единичных поступлений в отдел за предыдущий год и краткие сведения о вновь поступивших собраниях, архивных фондах или коллекциях документальных материалов. Таким образом, следует иметь в виду, что выпуски 11—24 «Записок отдела рукописей» служат продолжением (отражают последующие поступления в отдел) «Краткого указателя архивных фондов» в части архивных фондов, «Указателя воспоминаний, дневников и путевых записок» — в части мемуарных материалов, «Сборника кратких обзоров собраний» — в части собраний рукописных книг.

Указатель имен и названий, имеющийся в каждом номере «Записок», облегчает пользование ими. К сожалению, такого аппарата нет в Отчетах Московского публичного и Румянцевского музеев и их приходится просматривать все подряд в поисках нужного материала [7].

Система карточных каталогов

Карточные каталоги, имеющиеся в отделе, — это важнейший, общий для всех фондов вид справочного аппарата, который должен в единой системе, в различных аспектах охватить все рукописи и документальные материалы, независимо от того, в состав каких фондов они входят.

Все каталоги отдела делятся на две группы: каталоги, являющиеся частями современной принятой в отделе системы, и каталоги, оставшиеся в наследство от старого каталожного хозяйства, но не утратившие своего практического значения до сих пор и играющие роль дополнительных справочников по тем или иным группам материалов.

Современная система каталогов состоит из:

Алфавитного именного каталога;

Алфавитного каталога названий;

Каталога художественного оформления русских и славянских рукописей (древних и древней традиции);

Каталога нотных рукописей (древних и древней традиции).

В этих каталогах различным образом отражается каждая единица хранения, входящая в состав любого архивного фонда, собрания рукописных книг, коллекции актов или автографов или

[6] В 15 выпуске «Записок» группы располагались иначе.

[7] Содержание Отчетов и «Записок» расписано в помещенной ниже библиографии изданий, раскрывающих фонды отдела, см. стр. 487—520.

единичных поступлений. Таким образом, исследователь может найти в интересующей его рубрике каждого из этих каталогов все необходимые ему материалы, имеющиеся в отделе.

К сожалению, существующая система каталогов не охватывает пока все фонды отдела и не является поэтому исчерпывающим справочником. Различные ее части складывались, кроме того, в разное время и отражают состав фондов в разном объеме.

Наиболее полной и давно возникшей частью каталогов является алфавитный именной каталог. Он был начат в 1935 году. Обосновывая его создание, Е. Н. Коншина писала: «...Отдел находит, что по характеру имеющегося у него материала первоочередной задачей является охват материала алфавитно-именной картотекой»[8].

Алфавитный именной каталог был создан для выявления материала из фондов по именам авторов произведений, авторов писем и их адресатов, лиц и учреждений, выдающих документы или получающих их, и других лиц, с которыми так или иначе связаны материалы фондов. В именном каталоге карточки расставлены по алфавиту фамилий, имен, а также наименований учреждений, предприятий, обществ и повременных изданий. Материалы одного автора, составителя или владельца документов или одного учреждения систематизируются в следующем порядке: 1) творческие рукописи (произведения научные, литературные, черновые материалы и наброски к ним — по алфавиту заглавий), материалы мемуарного характера (воспоминания, дневники, записки) — каждая группа в хронологической последовательности; 2) эпистолярные материалы (письма и др. виды корреспонденции, исходящие от данного лица, — по алфавиту адресатов; корреспонденция, полученная данным лицом — по алфавиту корреспондентов; 3) материалы служебной и общественной деятельности и биографические документы фондообразователя; 4) материалы с упоминанием о данном лице.

Каталог состоит из основных и ссылочных карточек. На основной карточке помещено описание каждой единицы хранения. Оно состоит из: 1) шифра; 2) наименования автора документа или иного лица, с которым они связаны, или учреждения; 3) заглавия или определения материалов; 4) даты; 5) места написания и места назначения (для писем); 6) указания на способ написания и подлинность документов; 7) сведений о языке документов, если он не русский или не только русский; 8) количества листов; 9) сведений о публикации и других дополнительных данных о рукописи. Например:

ф.331 Чехов, Антон Павлович.
1 «Невеста» — повесть.
14 (1902—1903).
Черновой автограф. 9 лл.
1 л. надорван поперек справа.

ф.178 Курбский, кн., Андрей
2212 Михайлович.
История о великом князе Московском. лл. 2—26об.
Кон. XVIII. 32,4×21,7.
Скоропись.
В Сборнике сочинений Курбского.

[8] Коншина Е. Н. Методы обработки собраний автографов и архивных материалов. — «Записки отдела рукописей», вып. 6. М., 1940, стр. 87.

ф.94 Островский, Александр Николаевич.
293 Письма к Дубровскому, Николаю Александровичу. 1873—1874. 25 пп. 48 лл. (18 ч.) Москва, Щелыково в Москву.

ф.231/1 Погодин, Михаил Петрович.
44 Письмо к Гроту, Якову
56 Карловичу.
1872 апреля 19—21. 1 п. 2 лл.

Как видно из этих примеров, на карточке, как правило, описывается не каждый отдельный документ или рукопись, но тот комплекс их, который составляет единицу хранения. Это может быть отдельная рукопись, одно письмо или один документ, но может быть и группа писем. С другой стороны, на отдельные карточки расписываются все части сборников, тетрадей и записных книг, содержащих разные материалы.

Ссылочные карточки составляются на адресата письма или другого документа:

ф.29 Орлова, Екатерина Николаевна.
5 Письмо от Волконской, кн., М. Н., 1825 — 1 п.
3
См.
Волконская, кн., Мария Николаевна.

На псевдоним или на вторую фамилию:

Придворов, Ефим Алексеевич.
См.
Бедный, Демьян (псевд.).

На упоминаемое лицо:

Кутузов, кн., Михаил Илларионович.
Упом. в п-ме Карамзина Н. М. к Карамзиной Е. А. 1812.
См.
Карамзин, Николай Михайлович.

Для отсылки из одного каталога в другой:

Дмитрий Ростовский.
См. также Каталог названий.
Слова, поучения, творения Дм. Ростовского.

Описание на ссылочной карточке содержит минимальное количество опознавательных сведений и отсылает к основной карточке.

В разные периоды работы отдела каталог пополнялся неравномерно. В предвоенные годы, когда обрабатывалось особенно много фондов писателей, некоторое время писали карточки на всех упоминаемых в каждом документе лиц. Это очень помогало исследователям, но крайне замедляло обработку фондов, и очень скоро от написания карточек на всех упоминаемых лиц пришлось отказаться. Карточки на упоминаемых лиц пишутся только в тех случаях, когда речь идет о деятелях выдающегося политического, исторического или историко-культурного значения и лишь тогда, когда упоминания значительны и дают сведения об этом лице.

Например:

Пушкин, Александр Сергеевич.
Упом. в п-ме Пущина И. И.
к Кюхельбекеру В. К.
1841 июля 21.
См.
Пущин, Иван Иванович.

В настоящее время в именном каталоге отражено 166 архивных фондов из 360. До 1948 года для каталога расписывались лишь материалы из архивных фондов и коллекций автографов, затем начали расписываться также собрания рукописных книг и коллекции актов (те материалы из них, которые можно раскрыть через именной ряд). Таким образом, в каталоге отражены те собрания и коллекции, которые обрабатывались с 1948 года, а именно из 62 собраний отражено 16 и из 14 коллекций — 4.

С 1948 года в каталог регулярно вводятся карточки на новые поступления отдела, входящие в состав так называемого Собрания отдела рукописей (ф. 218).

Основной алфавитный ряд этого каталога — русский, есть в нем, однако, сравнительно небольшой по объему ряд латинского алфавита, где отражены материалы на латинском и западноевропейских языках. Греческие и восточные рукописи каталога не имеют; для них существуют только описания рукописей.

Перед отделом стоит задача — отразить материалы всех фондов и в дальнейшем вести лишь текущее пополнение каталога карточками на новые поступления.

Второй основной каталог существующей в отделе системы создан в конце 1940-х годов. Он предназначался главным образом для отражения рукописных книг и актов, которые очень слабо были представлены в именном каталоге, однако на практике его значение скоро вышло за эти пределы. Необходимость создания такого каталога параллельно с именным диктовалась тем, что у произведений древнерусской письменности часто нет определенных авторов или лиц, с которыми можно связать произведение, а также тем, что древнерусскую правовую документацию нецелесообразно в большинстве случаев раскрывать только через имена лиц, участвующих в акте, закрепленном данным документом.

В некоторых отношениях каталог названий вынужден заменять и отсутствующий до сих пор в отделе каталог систематический. Это вносит известную непоследовательность в его структуру, но зато позволяет отражать в определенной системе и те материалы, которые невозможно раскрыть через имя или название.

Каталог названий отражает в основном памятники древнерусской письменности и документальные материалы XVI—XVIII вв., а также безавторские материалы более позднего времени[9]. Он представляет собой алфавитный ряд (только русский) названий произведений древнерусской письменности (безавторских или известных более по названию, чем по автору — в последнем случае в именном каталоге отражается и имя автора), принятых в науке наимено-

[9] Сведения об архивах, коллекциях и собраниях рукописных книг, отраженных в каталоге названий, помещены на карточках в начале каталога.

ваний документов делопроизводства феодального периода (некоторые виды документов более позднего времени также отражаются на наименование, например, паспорта, подорожные и т. п.), географических названий (волости, города, губернии, края, наместничества, уезды). Внутри одного названия (одной рубрики) карточки систематизируются по хронологии. В ряде случаев рукописи одного названия получают и внутреннюю систематизацию с введением подрубрик. Систематизация строится на разнообразных принципах, диктуемых всегда самим материалом.

Так, например, рубрика «грамоты» имеет подрубрики по типам этих документов: ввозные, жалованные, межевые, отказные, послушные, прощальные, раздельные и т. д. Рубрика «описи» имеет подрубрики, которые систематизируют документы по содержанию: описи земель и имущества, описи дел и документов, описи подворные. Так же систематизированы и челобитные о закреплении земельных владений, о спорных землях, по поводу беглых крестьян, по судебным делам и т. д. Иногда древнерусские памятники в подрубриках систематизируются по различию текстов или редакций, а внутри — по хронологии. Например:

Хронографы:

1-й редакции, 2-й редакции, 3-й редакции, Кубасова Сергея, Пахомия Астраханского, особого состава.

Географические названия систематизируются по алфавиту географических определений (города, уезды), а внутри — по хронологии документов. Если известны два географических определения, то карточка выписывается на более узкий географический район, так как более крупные объединения часто меняли свои границы. Например: при наличии межевой книги Зарайского уезда Рязанской губернии карточка выписывается на Зарайский уезд.

Некоторые рубрики каталога представляют собой не названия конкретных памятников или документов, но обобщенные наименования их больших групп. Это — нарушение принципа построения каталога, однако оно необходимо, потому что далеко не все рукописные книги содержат произведения, названия которых укладываются в определенный наукой ряд. Эти рубрики — элемент систематического каталога — позволяют исследователям находить связанные с определенной темой произведения, названия которых им заранее не известны.

К таким рубрикам относятся, например, «повести и сказания», «слова», «послания» и еще более — «произведения» по истории военного дела в России, по истории медицины и т. п. Внутри таких рубрик материал систематизирован по подрубрикам, уточняющим названия, или в предметно-тематическом ряду. Внутри подрубрик материал расположен в алфавите названий, а внутри названий — в хронологическом порядке. Рукописи, стоящие под общей рубрикой «произведения», систематизированы так: произведения археографические, исторические, литературные, по истории медицины, по истории музыки и т. д.

На карточке каталога названий даются все обычные элементы описания рукописей: шифр, название и определение рукописи, дата, способ написания, язык, количество листов и размер (для рукописных книг), существенные дополнительные сведения.

Памятник древней письменности описывается на карточке так:

ф.152 Александрия
35 сербской редакции.
Кон. XVI. 154 лл.
Молдавский полуустав.
Орнамент. 22,5×17 0.

Документ описывается следующим образом:

ф.67 Указ из Ратуши шуйским земским бурмистрам о сыске
7 беглых людей, о запрещении принимать беглых и об
29 отсылке их прежним владельцам.
1707 дек. 3.
Скоропись. 2 лл.

Географическое название:

ф.67 Суздаль.
1 Грамота в Суздаль воеводе В. И. Прокудину об осво-
8 бождении шуйских посадских людей от исправления городских укреплений в Суздале.
1667 янв. 25.
Скоропись. 3 лл.
Остатки сургучной печати.

Карточка на произведение неустановленного автора из подрубрики «произведения по истории медицины» имеет следующий вид:

ф.353 Наставление «о предосторожностях, которые прини-
17 мать должно в таком месте, где находится моровая
5 язва для уменьшения бедствий могущих причинится от оныя».
1771.
Писарское. 7 лл.

Своего рода частями каталога названий являются еще два каталога принятой в отделе системы. Оба они созданы недавно и охватывают пока небольшую часть рукописей.

Каталог художественного оформления русских и славянских рукописей древних и древней традиции создан в 1956 году и отражает материалы 11 собраний, обработанных в последние годы. Каталог имеет целью предоставить исследователям древнерусского книжного искусства возможность легко находить материал известного периода, связанный с определенной иконографией и орнаментальным украшением определенных памятников. Поэтому описание на карточках для каталога лицевых и орнаментально украшенных рукописей составляется на название рукописи. Карточки систематизируются по векам, внутри века — в общем алфавите названий рукописей, внутри одного названия рукописей — снова по хронологии. Описание на карточке содержит название рукописи, дату, способ написания, количество листов, размер рукописи и характеристику ее художественного оформления.

Каталог нотных рукописей древних и древней традиции создан несколько позже художественного и пока отражает материалы только шести собраний рукописных книг. В нем представлены нотные рукописи, хранящиеся в фондах отдела, а также учебная литература и исследования по истории древнерусской музыки. Нотный каталог — это часть каталога названий, выделенная с целью сосредоточить в одном месте нотные рукописи и с большей эффективностью выявить их особенности. На карточку каталога нотных

материалов выносятся те же элементы, что и на карточку каталога названий, а также ряд сведений специально музыкального характера (нотация, наличие помет и призна́ков).

Старые каталоги отдела очень разнообразны и по характеру и по содержанию. Ни один из них не охватывает такую большую часть фондов, как современная система, однако все их следует пока использовать, так как они либо отражают фонды, не вошедшие в основные каталоги (сводный каталог и фондовые каталоги для архивов), либо отражают те же фонды в ином разрезе (хронологический и предметный каталоги на рукописные собрания).

Созданию основного именного каталога в отделе предшествовал этап, когда именные каталоги составлялись на каждый архивный фонд отдельно, а общим ключом к ним служил так называемый сводный каталог, на карточку которого выносились только имя данного лица и наименование всех фондов, в каталогах которых оно встречается. Например:

Костомаров Н. А.
Архив Достоевского
» Буслаева
» Тихонравова

Бо́льшая часть фондовых каталогов уже введена в основной именной каталог. Но многие фондовые каталоги составлялись давно. Карточки их, резко отличающиеся от карточек основного каталога, не могут быть использованы и остаются практически без употребления. Сведения о рукописях из архивов, имеющих эти каталоги, существуют только в сводном каталоге. Таким образом, сводный каталог и теперь еще служит для разыскания (по именам) материалов тех фондов, которые не отражены в основном именном каталоге. Карточки его не дают исследователю, в отличие от основного каталога, всех нужных сведений; они служат лишь сигналом о наличии материалов данного лица и требуют непременного обращения к описи, а в случае ее отсутствия — непосредственно к материалу.

В последние годы, когда отдел поставил перед собой задачу в сравнительно короткий срок описать все необработанные фонды, добиться того, чтобы каждый фонд имел опись, многие архивные фонды при обработке временно не каталогизируются. Однако материалы их отражаются в именном сводном каталоге. Таким образом, основной именной каталог и каталог сводный отражают имена, связанные с документами преобладающего большинства обработанных архивов. Часть обработанных архивов все же не отражена ни в именном алфавитном каталоге, ни в сводном и имеет пока только описи (например, архива Толстых, Московской духовной цензуры, Орловых-Давыдовых, имения «Гремяч» и др.).

Кроме этих двух, еще один каталог выявляет документы и рукописи по именам. Это — каталог Музейного собрания. Он очень несовершенен по своему построению и по качеству карточек. Карточки в нем систематизированы в общем алфавите имен и названий. Сведения на карточках очень кратки, недостаточно точны, а иногда и неверны. После обработки, проведенной в последние годы, сведения о рукописях уточнены и даны более подробно. Карточки на одну и ту же рукопись выглядят так:

Старый каталог Музейного собрания	Каталог названий
М.981 Александрия. Кон. XVII. Скоропись.	ф.178 981 Александрия сербской редакции (без начала и конца). Кон. XVII — нач. XVIII. Скоропись нескольких почерков. 168 лл. 18,5 × 14,5.
М.1665 Русский летописец от начала русской земли до 1248 г. XVIII. Скоропись. 116 лл.	ф.178 1665 Латухинская степенная книга. Список сер. XVIII в. Скоропись. 117 лл. 32,7 × 20,1
М.1675 Афанасия, архиепископа Холмогорского «Реэстр из докторских наук...» Кон. XVII. Список. 74 лл.	ф.178 1675 Выписи из Прохладного вертограда с дополнительными статьями. Сер. XVIII, кон. XVIII — нач. XIX. Скоропись нескольких почерков. 82 лл. 21,5 × 16,8

Карточки на архивные материалы носят более общий характер:

М.3110 Письма к И. Е. Бецкому за 1879—1888 гг. в бол. 4-ку на 172—185 лл.	М.1506 Переписка Дубровского с разными лицами, между прочим с А. Дьяковым и А. Н. Островским. Всего 173 письма.

В этих карточках нет ни имен корреспондентов, ни точных дат, часто недостает количества писем или количества листов.

Однако оставшийся от прежних времен каталог Музейного собрания при всем его несовершенстве позволяет выявлять еще одну группу материалов, обработанных, но не вошедших ни в основной именной каталог, ни в сводный. Все вместе эти три каталога выявляют по именам бóльшую часть обработанных материалов отдела.

Каталог этот служит и для выявления памятников древнерусской письменности, не отраженных пока в каталоге названий. В результате предпринятого отделом в последние годы научного описания Музейного собрания его каталог потеряет практическое значение и из него постепенно будут изъяты карточки, материалы которых описаны заново и отражены в системе каталогов.

Дополнительным источником для разыскания материалов рукописных собраний служат также старый предметный и хронологический каталоги.

В предметный каталог вошли карточки на собрания: Музейное (частично), Ундольского, Румянцева и на собрание Троице-Сергиевой лавры. Эти же собрания отражены в основной системе каталогов. Этот каталог очень несовершенен по своей структуре, в основу деления его на рубрики положены самые различные принципы: алфавит названий произведений, алфавит разделов знаний, географических названий, названий жанров, видов произведений, отдельных предметов и т. д.

Вот для примера несколько рубрик предметного каталога:

Автобиографии	Ангел
Автографы	Армяне
Аграрная политика России	Архитектура
Азбука	Воспоминания
Альбом	География
Амфитеатр	Гербы

Он может быть полезен для разыскания материалов по отдельным темам: история архитектуры, строительства за какой-то исторический период, история армянского народа, история ремесла и т. д., но всегда следует иметь в виду неполноту содержащихся в нем сведений.

Хронологический каталог, созданный несколько позже предметного, включал в себя карточки на собрания: Троице-Сергиевой лавры, Музейное (частично), Иосифо-Волоколамского монастыря, Егорова, ОИДР, Никифорова, Рогожского кладбища, Ундольского и Прянишникова. Карточки этого каталога кратки, так как часто они составлялись в результате первичной обработки рукописей (например: Рогожского собрания, собрания Прянишникова), но каталог представляет несомненную ценность, так как позволяет найти рукописи перечисленных собраний в определенных временных рамках.

Следовало бы, вероятно, в будущем отражать в этом каталоге все собрания и коллекции отдела, сделав его равноправной частью системы каталогов, раскрывающей фонды отдела в хронологическом разрезе. Это особенно важно для древнерусской литературы и исторической документации периода феодализма.

Существующие в отделе каталоги, дополняющие друг друга, не отражают, как мы видели, всего богатства рукописных материалов отдела. Это связано как с тем, что в отделе до сих пор хранятся необработанные фонды, так и с тем, что сами каталоги прошли большой путь развития, разные их части включают в себя различные группы фондов, а сравнительно молодая современная система каталогов также далеко не исчерпывает фонды в целом.

Однако неполнота отражения фондов не единственный недостаток каталогов отдела. Система их не включает в себя пока одной из самых существенных частей — тематического или систематического каталога.

Преимущество систематического каталога перед каталогом названий и именным состоит в возможности более целеустремленного и широкого раскрытия фондов [10]. Систематический каталог выявляет содержание фондов путем собирания в одном месте сведений о всех документальных материалах и рукописях, относящихся к одной отрасли знания. Схема систематического каталога должна не только наметить основные его классы, но и правильно представить взаимосвязь отдельных явлений и общих понятий, охарактеризованных в каталоге. Обследование каждой рукописи для отражения ее в систематическом каталоге должно быть исчерпывающим. Чем разнообразнее произведение по своему со-

[10] Рудельсон К. И. Каталоги документальных материалов. Труды Московского государственного историко-архивного института. Вып. 11. М., 1958, стр. 250—255; Коновалова М. Н. Алфавитно-предметный указатель к систематическому каталогу. Л., 1955, стр. 5—15.

держанию, тем сложнее отразить его в рубриках систематического каталога. Однако создание систематического каталога не может пока стать практической задачей отдела. Ему должна предшествовать прежде всего общая обработка всех фондов и в дальнейшем глубокая теоретическая разработка принципов самого каталога [11].

Описи и обзоры архивных фондов и коллекций и описания собраний

Каталоги — это вид справочного аппарата, раскрывающий фонды отдела в их совокупности. Однако, кроме разыскания нужных ему материалов данного лица или списков одного памятника, исследователь всегда нуждается в просмотре совокупности материалов, входящих в данный фонд, — с целью ли разыскать связанные с его интересами материалы, о существовании которых он еще не знает, или с целью рассмотреть данный памятник в окружении других материалов, вместе с которыми он поступил, а для личных фондов — с целью ознакомления со всем комплексом документов, отложившихся в процессе жизни и деятельности данного лица. Этим целям служат описи архивных фондов и коллекций и научные описания собраний.

Описи фондов, имеющиеся в отделе, различны по качеству и некоторые из них очень несовершенны. В описи раскрыто содержание только одного архива или коллекции. Описание единиц хранения расположено в порядке номеров. Часть описей — результат первичной разборки архивов — составлялась до 1930 года. В них дана суммарная систематизация материалов, перечисление групп документов с приблизительной датировкой и указанием количества листов. Таких описей немного, например, описи архивов Анучина, Арсеньевых, Бернета, Бессонова и др. Бóльшая же часть описей соответствует современным требованиям [12].

Описи архивов, обрабатывавшихся в 1935—1937, 1941—1945 годах и частично после 1958 года, — результат упрощенной обработки (упрощение достигается меньшей детализацией описания, допускается формирование более крупных единиц хранения — до 100 листов в одну обложку, письма без дат кладутся вслед за датированными, последовательность редакций в произведениях не уточняется). Так описаны архивы Белоголового, Буслаева, Грановского, Масловых и других. Особенно ценные архивы, обработанные согласно инструкции [13], описаны с точной датировкой, выяснением редакций произведений, сведениями о публикации и т. п. Такие описи существуют на архивы Герцена — Огарева, Иванова,

---

[11] Вопрос этот почти не разработан в нашей специальной литературе. «Классификаторы», над которыми работают в последнее время архивисты и которые с некоторыми оговорками применимы в государственных архивах с делопроизводственным составом фондов, плохо раскрывают фонды личного происхождения и совсем не разработаны для многообразия фондов хранилищ нашего типа.

[12] Здесь описи рассматриваются только как вид справочного аппарата, без учета их значения как охранного документа, которым они также являются.

[13] См. Сборник инструкций отдела рукописей. Учет и обработка архивных фондов. Под ред. Е. Н. Коншиной. М., 1955, стр. 52—63.

Батенькова, Фонвизина, Киселевых, Милютина, Чехова и некоторые другие.

Крайнее многообразие состава архивных фондов не позволяет создать единую схему организации архива и его описи. Основные типы фондов, хранящихся в отделе рукописей, следующие: 1) личные фонды деятелей литературы, науки, искусства; 2) личные фонды общественных и политических деятелей; 3) семейные архивные фонды; 4) родовые архивные фонды и фонды отдельных земельных владений; 5) архивные фонды ученых обществ, издательств и пр. При создании схемы организации материалов фонда всегда учитывается состав его материалов. В фондах деятелей литературы, науки, искусства на первое место помещаются творческие рукописи писателя, ученого и материалы к ним. Последующие материалы располагаются по примерной схеме, но в зависимости от значимости и количества: переписка, биографические материалы, материалы о фондообразователе. В архивах политических деятелей на первое место выносятся материалы служебной деятельности или мемуары, где отразилась эпоха, когда они жили и действовали.

Специфика материалов семейных и родовых фондов диктует необходимость выдвижения на первое место документов по истории рода, имущественно-хозяйственных и переписки семьи или рода. Другие рукописи — биографические, творческие, материалы служебной деятельности — располагаются в генеалогической последовательности.

Опись архивного фонда или коллекции документальных материалов точно отражает организацию фонда. Она воспроизводит описание каждой единицы хранения. Таким образом, каждая статья описи содержит номер, наименование единицы хранения, дату, количество листов, прежние номера, год поступления, необходимые дополнительные сведения. На титульном листе описи дано название и номер фонда и указан его объем (в картонах, единицах хранения и листах), отмечается также, кем фонд обработан, закаталогизирован, кем отредактированы обложки, опись. После титульного листа помещается оглавление к описи, представляющее собой схему организации фонда. Оглавление должно помочь исследователю ориентироваться в составе материалов архива. Если фонд сформирован из материалов, ранее принадлежавших к составу других фондов отдела, то дается ключ для перевода старых шифров на новые. Основной недостаток описей в том, что они не имеют никаких указателей. Для поисков нужного материала надо перелистать всю опись. Устранение этого недостатка оказало бы существенную помощь исследователям.

Для фондов, отраженных в генеральном именном каталоге, опись служит лишь целям, указанным в начале этой главы, а для фондов, отраженных в сводном каталоге, только опись раскрывает материалы по содержанию. По сводному каталогу известно, например, что письма Чехова есть в архиве Гольцева, но только взяв опись, можно установить, кому адресованы письма, сколько их и за какие годы. По тому же каталогу известно, что рукописи Короленко есть в архиве «Русской мысли», но лишь по описи можно

установить, какие письма, какая статья Короленко хранятся в архиве.

В огромном большинстве случаев опись архивного фонда не вскрывает полностью характера материалов, составляющих фонд, но дает лишь некоторые основные сведения о них. Так, не аннотируются письма, мемуарные материалы; научные и литературно-художественные произведения определяются лишь заголовком. Аннотируются, как правило, лишь материалы деловые, биографические и имущественные. Еще менее опись может указать на место данного источника в ряду ему подобных, осветить историю его изучения.

Всем этим целям служит обзор архивного фонда. На значительную часть фондов написаны обзоры, которыми широко пользуются исследователи. Обзоры эти, составленные в разное время, различны по качеству и отражают состояние источниковедения в каждый данный период.

Не вдаваясь в анализ методики и принципов составления обзоров, отметим лишь, что сложившийся в послевоенный период тип обзора представляет собой более или менее подробную (в зависимости от объема и характера фонда) источниковедческую работу о комплексе документов, составляющих данный фонд.

Обзор дает прежде всего сведения об объеме фонда, о его хронологических рамках, а также все наиболее существенные данные о фондообразователе и истории фонда. В том случае, когда фонд раздроблен между несколькими хранилищами, обзор дает исследователю сведения и о тех частях, которые хранятся в других архивохранилищах.

Обзоры исчерпывающим образом, хотя и с различной степенью обобщения, раскрывают содержание всех документальных материалов фонда, особенно отмечая наиболее важные документы.

Систематизация материалов в обзоре всегда зависит от состава фонда. Часто она позволяет раскрыть материалы в ином аспекте, нежели они раскрыты в описи. Так, например, опись группирует материалы по разделам биографическим, переписке, деловым, а обзор может сгруппировать их по-иному и рассказать, например, обо всех документах, связанных с польским восстанием 1863—1864 гг., и отдельно о документах, посвященных Крымской войне. Раскрывая скупые сведения описи, обзор, особенно напечатанный, экономит время исследователя, подсказывая, следует ли ему обращаться к данным документам. Например, в обзоре архива И. И. Пущина дана подробная характеристика содержания писем М. А. Фонвизина к Пущину, она занимает почти целую страницу печатного текста, тогда как в описи лишь отмечен факт наличия этих писем за определенные годы из определенных мест. В обзоре архива Киселевых подробно раскрыто содержание дневников П. Д. Киселева и показано, какие сведения по истории России и ее международным отношениям содержатся в них. В описи же дневники лишь перечислены с указанием их дат.

Недостаток обзора как справочника — в неизбежном обобщении и очевидном для исследователя, всегда в какой-то степени субъективном отборе материалов фонда. Вероятно, всего полезнее было бы создание и публикация подробных, вскрывающих со-

держание документов описей фондов [14]. Однако и существующие обзоры вместе с описью служат надежными путеводителями для исследователей.

Обзоры составляются на наиболее ценные фонды и, как правило, печатаются в «Записках отдела рукописей»; иногда они публикуются и в других научных сборниках и периодических изданиях [15].

Описи коллекций — самой небольшой части хранящихся в отделе материалов — очень разнообразны. Это объясняется разнообразием самих коллекций, где собраны или древние акты, в основном XVI—XVIII вв., разных земель и областей России, или единичные документы и автографы выдающихся деятелей литературы, науки и искусства России и других стран. Материал в описях коллекций автографов организован по группам, созданным собирателями этих автографов. Например, Коллекция иностранных автографов сгруппирована следующим образом:

Коллекция единичных автографов, составившаяся в отделе,
» собранная Бецким,
» » Полторацким,
» » Урусовым
и т. д.

Внутри эти группы делятся на подгруппы по роду деятельности корреспондентов (политические деятели, ученые, деятели искусства) и по алфавиту фамилий.

Материал коллекций актов организован по географическим или тематическим группам. Например, коллекция актов Я. П. Гарелина организована по следующим группам: 1) дела Шуйского посада; 2) документы помещиков разных уездов; 3) хозяйственные документы монастырей; 4) хозяйственные документы дворцовых сел; 5) разные исторические и литературные материалы.

Обзоры коллекций, как и обзоры архивов, наиболее полно и максимально точно раскрывают содержание материалов, указывают общеисторические факты и процессы, с которыми связаны данные частные акты и материалы. Они также печатаются в «Записках отдела рукописей» или прилагаются к описи.

Для собраний рукописных книг и отдельных документов в отделе создаются научные описания, близкие по характеру к той аннотированной описи, о которой мы упоминали, говоря о перспективах улучшения справочного аппарата к архивным фондам.

Если архивный фонд — исторически сложившийся в течение жизни данного лица комплекс рукописей и документов — всегда определяется личностью и деятельностью самого фондообразователя, то рукописное собрание, с какой бы целью оно ни было собрано, всегда состоит из отдельных памятников со своей судьбой и самостоятельным значением. Поэтому здесь особенно

---

[14] См. например: Собрания Д. В. Разумовского и В. Ф. Одоевского. Архив Д. В. Разумовского. Описания. Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1960.

[15] Коншина Е. Н. Фонды академиков в Государственной ордена Ленина библиотеке им. В. И. Ленина. — «Вестник Академии наук СССР», 1946, № 1, стр. 99—100; Обушенкова Л. А. Фонд князей Черкасских. — В кн.: Восстание 1863 и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов. Под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера. М., изд. АН СССР, 1960.

важно точное и полное описание каждой рукописи, избавляющее исследователя от догадок и дополнительных разысканий.

Описание рукописных собраний отличается от описи архивных фондов и коллекций тем, что перечень рукописей, составляющих этот документ, снабжен более подробной характеристикой каждой из них как со стороны содержания, так и с внешней стороны. Печатные «Описания» различных собраний, хранящихся в отделе рукописей, отличаются друг от друга по типу. Некоторые из них дают общую характеристику рукописи (палеографическую, по содержанию, со стороны художественных и языковых особенностей) и подробное описание каждой статьи. Примером может служить описание А. Х. Востокова, не утратившее научного значения и до наших дней.

В другом описании дается научная характеристика рукописей и некоторых частей их, но нет точного перечня всех статей и произведений. Таковы описания собраний Д. В. Пискарева, В. И. Григоровича, И. Д. Беляева, П. И. Севастьянова, выполненные А. Е. Викторовым. Отсутствие перечня всех статей рукописи — серьезный недостаток описаний А. Е. Викторова, так как именно перечень и нужен исследователям в первую очередь.

Описания рукописей собрания Тихонравова и Большакова, сделанные Г. П. Георгиевским, дают исчерпывающее перечисление всех статей, входящих в ту или иную рукопись, но в них отсутствует какая бы то ни было дополнительная характеристика как рукописи в целом, так и отдельных статей. Недостаток этих описаний — их излишняя краткость (такого же типа описание славянских рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры, сделанное иеромонахами Иларием и Арсением, поступило в отдел вместе с собранием рукописных книг).

Описание рукописных книг, создаваемое отделом сейчас, предусматривает точный перечень всех статей и произведений, входящих в рукопись.

Описание отличается от сделанного А. Х. Востоковым тем, что не ставит себе цели исследования рукописи, а подчиняет описание источниковедческой характеристике памятника. В описании, как и у Георгиевского, перечислены все статьи рукописи, но, кроме перечисления, дается полная характеристика отдельных, важных в научном отношении статей (определяется редакция произведений, даются сведения о публикации). Ценность этого описания в том, что оно позволяет быстро установить содержание рукописи и исключает возможность подозрения, что за словами «и другие» может оказаться нужный читателю материал. При наличии такой описи рукопись не выписывается лишний раз из хранения, срок ее хранения увеличивается, исследователю не надо затрачивать дополнительное время для ее обследования.

13 собраний отдела имеют печатные описания, выпущенные в дореволюционное время, о которых говорилось выше, 16 собраний имеют научные машинописные описания, отвечающие современным требованиям (Вологодское собрание, собрание Норова, собрание Оптиной пустыни, Костромской областной библиотеки и др.); остальные собрания отдела имеют регистрационные описи.

В последние годы начато издание печатных описаний собраний. Печатное описание почти полностью повторяет обычное описание с незначительными сокращениями за счет указаний дефектов рукописи [16]. Выпущены описания собраний рукописных книг И. Я. Лукашевича, В. Ф. Одоевского, Д. В. Разумовского, Музейного собрания (I т.). Ежегодные новые поступления, организованные в Собрание отдела рукописей, также имеют печатные описания, помещаемые в «Записках отдела рукописей».

Обращение к описаниям необходимо не только в тех случаях, когда собрание не отражено в других справочных пособиях (факт наличия описания, обзора, отражения в каталоге легко установить по картотеке фондов), но и после обращения к каталогу. На карточке каталога дается меньше сведений, чем в описании, в частности, о публикации рукописи в карточке есть только отсылка: об издании см. «Описание собрания». Сведения о публикации рукописи не всегда отмечались в описаниях и на карточках, на разных этапах работы отдела этот вопрос решался по-разному, следовательно, отсутствие сведений о публикации совсем не значит, что рукопись не опубликована.

На титульном листе описаний указывается номер и название собрания, номер тома, если описание занимает несколько томов, номера рукописей, описанных в данном томе (от... до...), и год составления описания. Описание собраний имеет указатели имен и названий. Система указателей, более усовершенствованная и полная, представлена в печатных описаниях [17].

В ряде случаев на собрания имеются обзоры. Характер обзора собраний рукописных книг определяется составом фонда, но ряд сведений отражен в каждом обзоре: количество единиц хранения, история поступления собрания, сведения о собирателе, о хронологическом охвате и т. д. Характеристика материалов дается по разделам, в которые сгруппированы однородные по содержанию рукописи. Рукописи наиболее ценные отмечаются особо.

Часть обзоров собраний помещается в «Записках отдела рукописей» (обзор собраний Норова, Шибанова и др.), другие присоединяются к машинописному описанию собрания.

При изучении восточных, греческих и западноевропейских рукописей, сформированных в отдельные фонды, можно пользоваться имеющимися описями. Описание отдельных западноевропейских рукописей, поступивших в отдел после 1948 года, помещено в «Записках отдела рукописей» (в разделе новых поступлений). Греческие и восточные рукописи, поступившие в последние годы, не описаны.

Каталоги рукописей писателей

С 1938 года отдел рукописей начал издавать серию каталогов рукописей русских писателей-классиков. Задача этих каталогов —

---

[16] Собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича. Описание. Сост. Я. Н. Щапов. Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1959, стр. 10.

[17] Музейное собрание рукописей. Описание. Т. I. №№ 1—3005. Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1961, стр. 10.

способствовать научному освоению наследия писателей [18]. Каталоги охватывают все хранящиеся в отделе автографы, независимо от того, в каком фонде они находятся. К 1961 году отделом издано 14 каталогов рукописей писателей-классиков [19], не считая двух каталогов рукописей Л. Н. Толстого, рукописи которого переданы в Государственный Толстовский музей.

Описание материала в печатном каталоге систематизировано так же, как в карточном каталоге, но оно обстоятельнее, чем карточный каталог. При описании творческих рукописей писателей их индивидуальный характер не давал возможности описывать их по одному типу, тенденция же описания сводилась к его сокращению при исчерпывающей научной точности. Если в первом каталоге рукописей А. П. Чехова подробно описывались рукописи, давался анализ правки писателя, приводилось несколько публикаций и их особенности, а в каталоге рукописей А. Н. Островского, кроме указания публикации, сообщалось, в каких работах исследователей рукопись использовалась, то в каталогах, изданных в послевоенные годы (Герцена, Огарева, Достоевского), указывается только публикация в наиболее авторитетном и полном для настоящего времени издании. Различия в описании писем в каталогах сводятся к следующему: в каталогах рукописей Белинского, Достоевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева указывается лишь публикация писем, в каталогах рукописей Герцена, Гоголя, Огарева неопубликованные письма снабжены аннотациями, в каталоге рукописей Островского неопубликованные письма напечатаны в этом же издании. Письма к Чехову в каталоге аннотированы.

Как правило, произведения и переписка писателей описывались одновременно в одном каталоге. Исключение составляют материалы огромного архива Короленко, которые описывались на протяжении многих лет: описание рукописей художественных произведений было выпущено в 1950 году, а описание писем — в 1961 году. Отличается от других печатных каталогов рукописей писателей и описание рукописей Ф. М. Достоевского, в котором представлены рукописи, хранящиеся не только в Библиотеке имени В. И. Ленина, но и в государственных архивах — центральных и областных, Институте русской литературы Академии наук СССР, Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственном литературном музее, Государственном историческом музее и Центральном театральном музее имени Бахрушина.

Этот первый опыт кооперации различных архивохранилищ для создания справочника оказался наиболее полезным для исследователя. Как ни важно для него получить сведения о материалах того или иного писателя, имеющихся в одном хранилище, еще бо-

---

[18] Нечаева В. С. Издание каталогов рукописей русских писателей-классиков. — «Записки отдела рукописей», вып. 9. М., 1940, стр. 79—84; Тыжнова И. А. Издание каталогов документальных материалов фондов личного происхождения. — Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 10. М., 1957, стр. 239—261.

[19] См. Г. Ф. Сафронова. Фонды и деятельность отдела рукописей Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Библиография. 1836—1962.

лее необходим сводный путеводитель по всему рукописному наследию его, где бы оно ни хранилось. Очевидно, такой и будет общая тенденция развития подобных изданий.

Пользуясь для разыскания нужного материала печатными каталогами рукописей писателей, следует помнить, что материалы этих писателей поступали в отдел и после издания каталога, поэтому сведения о них следует искать в разделе новых поступлений соответствующих выпусков «Записок отдела рукописей».

* *
*

Справочный аппарат отдела при всем своем многообразии не всегда позволяет быстро отыскать нужные читателю материалы. Можно указать исследователю несколько наиболее типичных путей разыскания материалов по справочному аппарату.

Один из основных типов исследования, определяемый содержанием наших фондов, — это исследования по истории литературы, искусства, журналистики, истории науки, общественной мысли XIX—XX вв., большей частью связанные с материалами отдельных лиц.

По нашему справочному аппарату легче всего разыскания начинать с имен. Например, читатель для темы «Творчество И. А. Бунина» вначале обращается к именному генеральному каталогу, где находит произведения писателя, его мемуары, письма, разыскивает и материалы других лиц, связанных с этой темой. Затем необходимо обратиться к сводному каталогу, где отмечены не вошедшие в именной каталог архивы, в составе которых есть рукописи Бунина (например, архив Эртеля, О-ва любителей российской словесности, Львова-Рогачевского). После каталога следует просмотреть описи этих трех архивов. Полезно привлечь и каталог Музейного собрания, где могут быть отражены единичные рукописи Бунина, поступившие в отдел до 1948 года (после 1948 г. единичные поступления отражены в именном каталоге). Эти три каталога исчерпывают обработанные материалы писателя. Для выяснения характера рукописей, до того как выписать их из хранения, следует привлечь опись фонда Бунина.

При изучении творчества писателя, описание рукописей которого опубликовано (например, «Творчество В. Г. Короленко в 1880-х годах»), поиски надо начинать с печатного каталога, где полнее, чем на карточках, представлены материалы писателя. После печатного каталога необходимо обратиться к справочникам по тому же пути, что и в первом случае.

Далее предстоит ознакомиться с кругом архивов, материалы которых могут быть связаны с темой, но которые имеют только описи, и ни в каком другом справочном аппарате не отражены. Круг архивов можно установить или по «Краткому указателю архивных фондов» или по списку фондов. Эти поиски определяются индивидуальной научной подготовкой исследователя. Предполагая, что ему может быть полезен какой-то фонд, имеющий только опись, читатель обращается к ней, предварительно ознакомившись с характеристикой фонда в «Кратком указателе архивных фондов».

Не следует забывать о возможности привлечь аннотированный материал из «Указателя воспоминаний, дневников...» и о возмож-

ности поисков по каталогу названий, где, например, в рубрике «альбомы» можно найти альбом интересующего читателя времени и в нем какие-то дополнительные сведения.

Другие исследования по тем же отраслям знания не так легко начинать с имен. Например, для темы «История журнала «Отечественные записки» поиски следует начать с «Краткого указателя фондов». После ознакомления с кругом фондов, хранящихся в отделе, исследователь остановится на фондах лиц, так или иначе связанных с «Отечественными записками». Дальнейший путь разысканий будет тот же, что и в первом случае.

Другой тип научных работ по материалам наших фондов — это исследования, связанные с изучением истории древнерусской литературы, письменности и языка. Разыскания материалов для таких тем обычно начинают с названия произведений. Например, по теме «Великое зерцало и его судьба в русской литературе» прежде всего следует обратиться к каталогу названий и под рубрикой «Великое зерцало» сразу выявить большую группу списков этого произведения, хранящихся в отделе. После каталога названий следует отобрать необходимый материал в той же рубрике каталога Музейного собрания. Учитывая, что в каталогах отражена примерно треть состава собраний рукописных книг, все остальные материалы следует искать по описям собраний, установив по картотеке фондов, какие собрания не вошли ни в один из каталогов и имеют только описи.

По более общим темам, касающимся истории древнерусской литературы, например, по теме «Антицерковная сатира XVII в.», поиски следует начинать также с каталога названий по рубрикам: «произведения еретические, полемические, сектантские»; «послания старообрядческие»; «сборники полемические». Затем следует по сборнику кратких обзоров собраний рукописных книг, в тематических группах каждого обзора (собраний, не отраженных в каталоге названий) найти нужный материал. Дальше путь разысканий тот же, что и для предыдущей темы.

Исследователь вопросов социально-экономической истории, который найдет богатый материал в фондах отдела, тоже должен начинать поиски с названий документов, географических названий или с имен. Например, по темам типа «Поместное и вотчинное хозяйство определенной области России в XVI—XVII вв.» вначале по географическим названиям отыскиваются документы данной области, затем просматриваются названия документов о поместном и вотчинном хозяйстве. В дальнейшем по обзорам и описям коллекций документальных материалов и собраний рукописных книг просматриваются материалы фондов, не отраженных в каталогах.

Иначе надо вести разыскания по теме «Аграрный вопрос в пореформенной России». По «Краткому указателю фондов» выявляются семейные и родовые архивы землевладельцев, архивы государственных деятелей, где есть документы пореформенного периода. От имен фондообразователей этих архивов следует обратиться к каталогам: именному, сводному, Музейному и далее — к описям архивов, не отраженных в каталогах. Нельзя забывать, что и в каталоге названий собраны некоторые материалы XIX в.

на названия документов по земельно-имущественным вопросам.

Другим путем пойдет исследователь книжной миниатюры. Он использует каталог художественного оформления рукописей, каталог названий, а для материалов, не отраженных в этих каталогах, — описания собраний.

Наиболее трудны для разыскания по справочному аппарату темы, для которых поиски нельзя начать ни с имен, ни с названий произведений. Особенно сложны в этом смысле работы по истории науки, техники, ремесел, многие историко-экономические темы («История строительной техники», «Резьба по дереву в северной России», «Реставрация и охрана памятников архитектуры», «Типы промышленных зданий», «Железнодорожное строительство на Украине» и другие). При поисках материалов такого рода возникают разнообразные трудности как из-за неточного отражения их в каталогах, так и из-за недостатков самой системы справочного аппарата. Здесь сильнее всего чувствуется отсутствие систематического каталога.

При этих поисках на помощь отчасти приходит старый предметный каталог, где есть рубрики предметно-тематического характера — такие, как: «строительство», «архитектура», «железные дороги». Выяснив по предметному каталогу названия произведений, другие списки их можно найти в каталоге названий или в описях. По многим темам (общего и частного характера) надо начинать поиски материала с «Краткого указателя архивных фондов» и «Сборника кратких обзоров собраний рукописных книг». Но трудности разыскания материалов по фондам отдела останутся до тех пор, пока материалы фондов не будут отражены в систематическом каталоге, где независимо от названия, материалы на одну тему соберутся в одном месте.

Справочный аппарат — это основа использования рукописных и документальных источников, на которые опирается всякое историческое исследование. Сделать его полным, точным и более совершенным по структуре — такова задача, стоящая перед отделом рукописей.

Г. Ф. Сафронова

ФОНДЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР имени В. И. ЛЕНИНА

Библиография 1836—1962

В настоящем библиографическом списке учтены все издания Московского публичного и Румянцевского музеев, впоследствии — Библиотеки имени В. И. Ленина, касающиеся отдела рукописей, а также описания и статьи о рукописных коллекциях Румянцевского музеума в Петербурге, выходившие с 1836 года. Библиография поэтому охватывает период, бóльший чем сто лет (1836—1962). Из изданий других учреждений учитывались лишь работы, специально посвященные отделу рукописей: его деятельности, описаниям и обзорам его фондов.

Многочисленные публикации материалов из его фондов, осуществлявшиеся различными научными учреждениями и издательствами, как и использование рукописей в статьях и монографиях исследовательского характера, в настоящей библиографии не отражены. Таким образом, этот библиографический список включает публикации, лишь осуществленные самим отделом.

Библиография построена по следующей схеме:

I. Продолжающиеся издания.

1. Отчеты Московского публичного и Румянцевского музеев

2. Труды и Сборники Государственного Румянцевского музея и Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина

3. Записки отдела рукописей

II. Издания, посвященные фондам отдела рукописей

1. Общие работы

2. Описания собраний и коллекций

3. Каталоги рукописей писателей

4. Тематические сборники, отдельные публикации и статьи

III. Работы о деятельности отдела рукописей.

Внутри каждого раздела издания расположены по хронологии их выпуска в свет, а в пределах одного года — по алфавиту. Нумерация библиографических описаний — общая для всего списка. Там, где это необходимо (некоторые продолжающиеся издания и сборники), имеется и внутренняя постатейная нумерация.

Из Отчетов Румянцевского музея, Сборников и Трудов музея и Библиотеки в библиографию включены лишь статьи, связанные

с отделом рукописей; выпуски «Трудов», не включающие таких материалов, не указаны.

Из Отчетов за 1862—1915 гг. внесены лишь помещенные там обзоры и описания рукописных собраний и коллекций, описание пополнений различных фондов, а также сведения об единичных поступлениях, составлявших так называемое Музейное собрание. С 1938 года подобные сведения имеются в «Записках отдела рукописей», расписанных в настоящей библиографии полностью. Следует при этом иметь в виду, что помещенные в этих изданиях сведения о приобретениях отдела не полны и не отражают всего состава фондов; поступления же за 1916—1937 гг., когда не издавались ни Отчеты, ни Записки, вообще не описаны в печати.

В том случае, когда наименования статей и публикаций не дают указаний на фонд, материалы которого в них раскрываются, библиографические описания снабжены соответствующими аннотациями. В ряде случаев даны и аннотации, уточняющие характер издания. Все сведения, внесенные составителем, заключены в квадратные скобки.

Чтобы облегчить розыски данных по каждому отдельному фонду, в конце библиографического списка помещен Указатель сведений о фондах. Он делится на три раздела: собрания рукописных книг, коллекции актов и автографов и архивные фонды.

Каждый раздел построен в алфавите наименований фондов с отсылками к изданиям, в которых идет о них речь. Этот перечень включает не все фонды отдела, но лишь те, которые так или иначе отражены в учтенных библиографией изданиях.

Отсылки сделаны на номера изданий по библиографическому списку. Вслед за номером в скобках указан характер имеющихся в издании сведений о фонде: краткие сведения (имеются в виду сведения о новых поступлениях в Отчетах и Записках), описание фонда в целом («описание собрания») или его частей («описание» и «описание отдельных рукописей»), обзор, публикация, каталог (имеется в виду описание отдельных рукописей в каталогах рукописей писателей). Термин «описание отдельных рукописей» применен и для обзорных тематических статей, где характеризуются разные списки одного произведения или рукописи из разных фондов, объединенные по какому-либо иному признаку (греческие рукописи, иностранные автографы и т. п.), а также для отдельных рукописей в каталогах.

Для двух крупнейших собраний единичных поступлений — Музейного и Собрания отдела рукописей — вслед за номером издания в скобках указаны номера рукописей этого собрания, описанных в данном издании.

ПРОДОЛЖАЮЩИЕСЯ ИЗДАНИЯ

Отчеты Московского публичного и Румянцевского музеев

1. **Отчет по Московскому публичному музею**[1] от времени основания его до 1-го января 1864 года. Спб., 1864. 178 стр.

[1] Далее — Отчет.

Собрание (стр. 12—24, 27—30) и архив (стр. 23—27) Н. П. Румянцева, собрания С. С. Ланского (масонские рукописи, стр. 32—39), А. С. Норова (стр. 39—40), Т. Ф. Большакова (стр. 40—48), архимандрита Амфилохия (стр. 46—47), П. И. Севастьянова (стр. 50—57). Краткие сведения о поступлениях в Музейное собрание [2] (стр. 48—50).

2. **Отчет за 1864 год.** Спб., 1865. 50 стр.
Собрание Т. Ф. Большакова (стр. 1—8, 11). Музейное собрание (стр. 9—11).

3. **Отчет за 1865 год.** М., 1896 [3]. 42 стр.
Собрание С. В. Ешевского (масонские рукописи, стр. 1—8). Коллекция древнерусских грамот и актов П. А. Муханова (стр. 9—10). Музейное собрание (стр. 10—11).

4. **Отчет за 1866 год.** М., 1898. 103 стр.
Собрания В. М. Ундольского (стр. 1—44), А. И. Хлудова (стр. 51—53, 55—56), С. С. Ланского и М. П. Полуденского (масонские рукописи, стр. 55—56). Материалы из архивов: Веневитиновых и Виельгорских (масонские рукописи, стр. 56), М. И. Кутузова (стр. 58—59). Музейное собрание (стр. 51—57).

5. **Отчет за 1867—1869 гг.** М., 1871. 247 стр.
Собрания А. С. Норова (стр. 9—12), Д. В. Пискарева (стр. 12—22), В. Ф. Одоевского (стр. 31—32), Е. В. Барсова (стр. 45—46). Материалы из архивов: И. А. Крылова (стр. 28—29), И. Е. Бецкого (стр. 33—36), И. П. Сахарова (стр. 36—38), В. Г. Анастасевича (стр. 39—40), А. А. Жеребцова (стр. 40), Веневитиновых и Виельгорских (стр. 42), М. И. Жихарева и П. Я. Чаадаева (стр. 44—45), А. И. Дашкова (стр. 51—52). Музейное собрание (стр. 29—57).

6. **Отчет за 1870—1872 гг.** М., 1873. 163 стр. Приложение 132 стр.
Собрание (стр. 8, 25—31) и коллекция актов (стр. 32—35) И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича, собрания Н. И. Попова (стр. 39—45), А. С. Норова (стр. 57—58). Материалы из архивов: Н. В. Сушкова и А. В. и М. В. Храповицких (стр. 45—52). Музейное собрание (стр. 35—73).

7. **Отчет за 1873—1875 гг.** М., 1877. 151 стр. Приложение 105 стр.
Собрание П. И. Севастьянова (стр. 1—14), собрание (стр. 15—23) и коллекция актов (стр. 15, 23—25) И. Д. Беляева, собрание К. А. Скачкова (рукописи на китайском и манчжурском языках, стр. 40—41). Материалы из архивов: Н. А. Дубровского (стр. 46—47), Петра I (стр. 47—48), И. Е. Бецкого (стр. 48—50), Н. В. Гоголя (стр. 55—56), А. К. Гудовича (стр. 57). Музейное собрание (стр. 51—59).

8. **Отчет за 1876—1878 гг.** М., 1879. 162 стр.
Собрание (стр. 1—50) и архив (стр. 50—60) В. И. Григоровича, собрания Олонецкой духовной семинарии (стр. 60—68), Ф. И. Буслаева (стр. 95). Материалы из архивов: А. Ф. Вельтмана (стр. 76—80), И. Д. Беляева (стр. 85—86), Ф. В. Чижова (стр. 98). Музейное собрание (стр. 86—106).

9. **Отчет за 1879—1882 гг.** М., 1884. 93 стр.
Собрания А. Н. Попова (стр. 1—13), Н. П. Дурова (стр. 13—33). Материалы из архивов: А. С. Пушкина (стр. 34—43), А. А. и С. А. Ивановых (стр. 43—46), Н. В. Гоголя (стр. 46—49), Ф. И. Буслаева (стр. 49—51), А. Ф. Вельтмана (стр. 51—56), А. И. Сафонова (масонские рукописи, стр. 58—65), С. Д. Полторацкого (стр. 65—67), Румянцевского музеума (стр. 69), Н. В. Сушкова (стр. 74), А. В. Храповицкого (стр. 75), А. М. Кубарева (стр. 80), А. Ф. Писемского (стр. 80), М. И. Жихарева и П. Я. Чаадаева (стр. 80—81), О. К. и Т. А. Каменецких (стр. 82—83), А. Н. Верстовского (стр. 83—84). Музейное собрание (стр. 74—86).

10. **Отчет за 1883—1885 гг.** М., 1886. 147 стр.
Собрания А. К. Федорова (стр. 1—2, 13—34), С. О. Долгова (стр. 78—79), собрание и архив Ф. И. Буслаева (стр. 58—68). Материалы из архивов: Комиссии

---

[2] Далее — Музейное собрание

[3] Первоначально был напечатан в «Журнале Министерства народного просвещения», CXXX. Спб., 1866, отд. II, стр. 41—51.

для составления нового уложения, учрежденной в 1767 г. (стр. 2—13), К. А. Скачкова (стр. 34—44), А. Е. Викторова (стр. 44—54), А. Ф. Гамбургера (стр. 88—89), Е. С. и В. С. Некрасовых (стр. 80—81), С. Д. Полторацкого (стр. 87). Музейное собрание (стр. 54—92).

11. **Отчет за 1886—1888 гг.** М., 1889. 126 стр.
Коллекция историко-юридических актов Я. П. Гарелина (стр. 1—86). Материалы из архивов: А. Н. Островского (стр. 86—89), А. И. Кошелева (стр. 89—91), А. Ф. Писемского (стр. 104—105), М. П. Погодина (стр. 105—106), П. Н. и М. Н. Кречетниковых (стр. 106), Н. Ф. Грамматина (стр. 107). Музейное собрание (стр. 91—122).

12. **Отчет за 1889—1891 гг.** М., 1892. 166 стр.
Материалы из архивов: Н. В. Гоголя (стр. 67—70), В. И. Григоровича (стр. 73—76), И. Е. Бецкого (стр. 76—80). Музейное собрание (стр. 1—87).

13. **Отчет за 1892—1894 гг.** М., 1895. 120 стр.
Материалы из архивов: Ф. И. Буслаева (стр. 21—26), Е. С. Некрасовой (стр. 56). Музейное собрание (стр. 1—21, 26—56).

14. **Отчет за 1895 год.** М., 1896. 15 стр.
Материалы из архивов: Платона, митрополита московского (стр. 3—5), С. Д. Полторацкого (стр. 5). Музейное собрание (стр. 3, 5).

15. **Отчет за 1896 год.** М., 1897. 55 стр. Приложение 3 стр.
Материалы из архивов: Н. В. Гоголя (стр. 16), А. Н. Островского (стр. 17). Музейное собрание (стр. 17—18).

16. **Отчет за 1897 год.** М., 1898. 81 стр. Приложение 4 стр.
Материалы из архива Н. П. Румянцева (стр. 33). Музейное собрание (стр. 26—35).

17. **Отчет за 1898 год.** М., 1899. 80 стр. Приложение 4 стр.
Бумаги А. С. Пушкина (стр. 14—15). Архив П. И. Севастьянова (стр. 15—16). Музейное собрание (стр. 16—19).

18. **Отчет за 1899 год.** М., 1900. 103 стр. Приложение 5 стр.
Музейное собрание (стр. 17—39). Приложение: [Г. П. Георгиевский]. Каталог масонских рукописей Московского публичного и Румянцевского музеев М., 1900. 50 стр.

19. **Отчет за 1900 год.** М., 1901. 88 стр. Приложение 4 стр.
Архив П. А. Румянцева (стр. 21). Музейное собрание (стр. 17—23).

20. **Отчет за 1901 год.** М., 1902. 121 стр.
Музейное собрание (стр. 26—34).

21. **Отчет за 1902 год.** М., 1903. 122 стр. Приложения 5 + 5 стр.
Выжловический архив XVI—XIX вв. (Обзор документов XVI—XVII вв., стр. 21—24). Рукописи В. Г. Белинского (стр. 24—25). Коллекция О. А. Новиковой (стр. 25—26). Музейное собрание (стр. 26—33).

22. **Отчет за 1903 год.** М., 1904. 153 стр.
Письма (77) к А. С. Пушкину (стр. 40). Музейное собрание (стр. 25—41).

23. **Отчет за 1904 год.** М., 1905. 184 стр.
Архив А. И. Скребицкого (стр. 35—36). Письма П. В. Нащокина (19) к А. С. Пушкину (стр. 36). Музейное собрание (стр. 23—44).

24. **Отчет за 1905 год.** М., 1906. 115 стр.
Музейное собрание (стр. 14—20).

25. **Отчет за 1906 год.** М., 1907. 179 стр.
Архив Чичаговых (стр. 34—35). Переписка А. И. Герцена и Н. П. Огарева (стр. 38—48). Музейное собрание (стр. 16—38, 49—50). Приложение: Инвентар-

ная опись коллекциям, находящимся в «Комнате людей 40-х годов» [Из архивов Герцена — Огарева и Е. С. Некрасовой] (стр. 155—179).

26. **Отчет за 1907 год.** М., 1908. 156 стр.
Переписка А. И. Герцена с Н. А. Захарьиной (стр. 41—43). Архив А. И. Скребицкого (стр. 43—47). Музейное собрание (стр. 20—41, 47—48).

27. **Отчет за 1908 год.** М., 1909. 146 стр.
Архив М. П. Погодина (стр. 27—32). Музейное собрание (стр. 13—27, 32—33).

28. **Отчет за 1909 год.** М., 1910. 124 стр.
Материалы из архивов: М. П. Погодина (стр. 1—30), Филарета, митрополита московского (стр. 35—42). Музейное собрание (стр. 30—35, 42—46).

29. **Отчет за 1910 год.** М., 1911. 90 + 29 стр.
Материалы из архивов: М. П. Погодина (стр. 1—5), Н. А. Попова (стр. 13), А. А. Киреева и О. А. Новиковой (стр. 13—17), Раевских и Орловых (стр. 17—18). Музейное собрание (стр. 5—13).

30. **Отчет за 1911 год.** М., 1912. 127 стр. Приложение XXIII + 56 стр.
Материалы из архивов: А. Н. Оленина (стр. 1—17), Н. И. Стояновского (стр. 17—18). Музейное собрание (стр. 17—25).

31. **Отчет за 1912 год.** М., 1913. 44 + 228 стр. Приложение 37 + XVI + 56 стр.
[Г. П. Георгиевский]. Собрание Н. С. Тихонравова. Каталог рукописей (стр. 1—126). Материалы из архива А. П. Чехова, пожертвованные «Чеховскому музею» при Библиотеке (стр. 145—154).

32. **Отчет за 1913 год.** М., 1914. 94 + 221 стр. Приложение XV + 81 + 24 стр.
Архив Н. П. Румянцева (стр. 28). Музейное собрание (стр. 1—30).

33. **Отчет за 1914 год.** М., 1916. 78 + 203 стр.
Материалы из архивов: М. П. Погодина (стр. 3—26), В. В. Розанова (стр. 57—59). Музейное собрание (стр. 26—57, 59—63).

34. **Отчет за 1915 год.** М., 1917. 29 + 128 стр.
Материалы из архивов: В. В. Розанова (стр. 16—18), М. П. Погодина (стр. 18), А. И. Эртеля (стр. 33—39). Музейное собрание (стр. 6—15).

Труды Государственного Румянцевского музея

35. **Выпуск I.** Дневник А. С. Пушкина (1833—1835 гг.). [Вступит. статья акад. М. Н. Сперанского. Коммент. М. Н. Сперанского и В. Ф. Саводника]. М., Госиздат, 1923. VIII, 578 стр.; 8 л. илл.

36. **Выпуск II.** К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. С предисл. М. Н. Покровского. Том. 1. Novum regnum. Полутом 1-й [Письма 1878—1883 гг.]. М., Госиздат, 1923. 439 стр.

37. **Выпуск III.** То же. Полутом 2-й. [Письма 1884—1894 гг. (Приложение: письма цесаревича Александра 1866—1881 гг.)]. М., Госиздат, 1923. 1147 стр.

Труды Всероссийской публичной библиотеки имени В. И. Ленина и Государственного Румянцевского музея

38. **Выпуск V.** Письма В. О. Ключевского к П. П. Гвоздеву (1861—1870). Вступит. статья и примеч. С. А. Голубцова. М., 1924. 137 стр. Приложение: письмо В. О. Ключевского Е. С. Некрасовой 1894 г. (стр. 125—126).

Труды Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина

39. **Сборник I.** М., 1928. 221 стр. с илл.; 3 лл. факс.
Н. М. Мендельсон. Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету (стр. 35—52). А. Е. Грузинский. Лев Толстой и Миклуха-Маклай [публикация писем Н. Н. Миклухи-Маклая] (стр. 53—56).

40. **Сборник II.** М., 1928. [На обложке выпуска указан 1929 г.]. 227 стр. с илл.; 1 л. факс.

Е. Н. Коншина. Из литературного архива А. П. Чехова [публикация черновой рукописи рассказа «Невеста»] (стр. 27—63). Н. М. Мендельсон. Письма В. П. Боткина к М. П. Боткиной-Фет и А. А. Фету (стр. 64—95). Ф. П. Петровский. Рукопись Саллюстия из собрания гр. Н. П. Румянцева. [Описание] (стр. 96—106). Ю. В. Готье. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865—1881. [Обзор переписки] (стр. 107—134).

41. **Выпуск III.** А. С. Пушкин. Новые автографы. — П. В. Анненков и И. С. Тургенев. Переписка. — А. В. Сухово-Кобылин. Письма к родным. Приготовили к печати и коммент. Г. П. Георгиевский, Е. Н. Коншина, Н. М. Мендельсон, М. А. Цявловский. М., Academia. 1934. 283 стр. с илл.

Автографы А. С. Пушкина: Г. П. Георгиевский. Описание рукописей (стр. 11—12). Тексты Пушкина. Транскрипция и комментарии М. Цявловского (стр. 13—43). — Письма П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу. Вступит. статья Н. М. Мендельсона. Указатель опубликованной переписки И. С. Тургенева и П. В. Анненкова (стр. 47—184). — Письма А. В. Сухово-Кобылина к родным. Вступит. статья Е. Н. Коншиной (стр. 187—274).

Труды Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина

42. **Сборник IV.** А. С. Пушкин. А. Н. Островский. Западники и славянофилы. Новые материалы, письма и статьи под ред. Н. Л. Мещерякова. М., Соцэкгиз, 1939. 234 стр.

А. Н. Островский. 1) Неизданные письма А. Н. Островского. Подгот. к печати Н. П. Кашин (стр. 7): письма А. Н. Островского к М. П. Погодину (Из архива Погодина; стр. 7—29); письма А. Н. Островского к Н. А. Дубровскому (Из архива Дубровского; стр. 30—34). 2) Н. П. Кашин: А. Н. Островский — сотрудник «Москвитянина» (стр. 48—68), «Снегурочка». Весенняя сказка в 4-х действиях с прологом А. Н. Островского (Опыт изучения; стр. 69—102), «Снегурочка» на сцене до 1917 г. (стр. 102—110), «Снегурочка» в советском театре (стр. 110—120), «Комик XVII столетия». Комедия А. Н. Островского (Опыт изучения; стр. 121—151), «Комик XVII столетия» на советской сцене (стр. 151—154) — статьи.

А. С. Пушкин. 3) Материалы из архива проф. Д. Н. Анучина о Пушкине. Письма С. А. Ганнибал, М. А. Кисловщенко, А. Н. Павлищева, М. Раевской. Выдержки из писем Ю. М. Шокальского. Подгот. И. В. Федоров (стр. 157—169). 4) И. В. Федоров. Пушкиниана по архивным материалам Д. Н. Анучина (стр. 169—174). 5) Г. П. Георгиевский. Рукописи А. С. Пушкина во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина и Алфавитный указатель к автографам Пушкина (стр. 175—188). 6) П. А. Попов. Новые шаржи и портреты лиц пушкинского окружения [Из собрания В. Ф. Одоевского] (стр. 189—190).

Западники и славянофилы. Н. Л. Мещеряков. Западники и славянофилы (стр. 193—201). 7) Письма К. С. Аксакова к В. Г. Белинскому. Вступит. заметка, подгот. текста и примеч. Е. Н. Коншиной (стр. 202—207). 8) Письма И. И. Панаева к Аксаковым. Вступит. заметка, подгот. текста и примечания Е. Н. Коншиной (стр. 208—220). 9) Письма И. С. Тургенева к И. С. и К. С. Аксаковым. Вступит. заметка, подгот. текста и примеч. И. С. Ежова (стр. 221—226). 10) Письма А. К. Толстого к И. С. Аксакову. Вступит. заметка, подгот. текста и примеч. Н. К. Гудзия (стр. 227—232).

Записки отдела рукописей

43. **Вып. 1.** Под общ. ред. Е. Ф. Розмирович. М., Соцэкгиз, 1938. 70 стр.

Из неопубликованных материалов: 1) А. С. Пушкин [Из «Воспоминаний К. А. Буха»] и М. Е. Салтыков-Щедрин [Из переписки М. Е. Салтыкова-Щедрина с К. А. Бухом]. По архивным материалам К. А. Буха. Подгот. И. В. Федоров (стр. 7—12). 2) Г. П. Георгиевский. Автографы А. С. Пушкина (стр. 12—17). 3) Филологические заметки Л. Н. Толстого. Подгот. Ф. В. Буслаев (стр. 17—25). 4) Из ранних писем Л. Н. Толстого. Письма к Т. А. Ергольской 1838/9—1857. Подгот. Е. Рунич (стр. 25—32). 5) Письмо Н. В. Гоголя С. П. Апраксиной и переписка о Гоголе между А. П. Толстым и М. П. Погодиным [Из архивов Ап-

раксиных и А. П. Толстого] (стр. 32—35). 6) Новые письма А. П. Чехова [Из архивов: Д. Н. Анучина, Общества любителей российской словесности, А. П. Чехова]. Подгот. И. В. Федоров (стр. 35—40).

Обзоры архивных материалов. 7) Ф. В. Буслаев. О новых автографах и материалах Л. Н. Толстого (стр. 41—42). 8) Н. Л. Мещеряков и Е. Лейтнеккер. Архив Самариных (стр. 42—48). 9) А. А. Дмитриев. Записки Г. П. Енишерлова (стр. 48—53).

Заметки и сообщения. 10) Архив кн. А. И. Чернышева (стр. 53—55). 11) Архив М. Н. Каткова (стр. 55). 12) Архив рода Чичаговых (стр. 56). 13) Архив ген. А. М. Стесселя (стр. 56—57). 14) «Обозрение Грузии по части прав и законоведения». Творение царевича Давида [Из Музейного собрания] (стр. 57—58). 15) Архив Кульжинского (стр. 58—59).

Новые приобретения. 16) Дневники Н. И. Кривцова (стр. 61—62). 17) Рабочая тетрадь В. К. Кюхельбекера (стр. 62—66). 18) Альбом художника Л. Ф. Майделя (иллюстрации к поэме А. С. Пушкина «Цыганы»; стр. 66—69). 19) Два письма Гоголя к С. Т. Аксакову (стр. 69). 20) 449 автографов русских и иностранных классиков (стр. 69—70).

44. **Вып. 2.** Под общ. ред. Е. Ф. Розмирович. М., Соцэкгиз, 1939. 103 стр.

Из неопубликованных материалов. 1) Архив Д. А. Милютина. Дневник Д. А. Милютина 1881 г. (стр. 5—26). 2) Конспект речи Д. А. Милютина (стр. 26—32). 3) Письма Д. Н. Мамина-Сибиряка к проф. Д. Н. Анучину. Подгот. И. Федоров (стр. 32—47).

Обзоры архивных фондов. 4) И. Федоров. Архив доктора Николая Андреевича Белоголового (стр. 48—52). 5) Н. Садовская. Переписка доктора Сергея Петровича Боткина с Н. А. Белоголовым (По материалам архива Н. А. Белоголового; стр. 52—58). 6) Н. Садовская. М. Е. Салтыков Щедрин, С. П. Боткин и Н. А. Белоголовый (По материалам архива Н. А. Белоголового; стр. 58—66). 7) Н. Мещеряков. Н. А. Белоголовый и газета «Общее дело» (По материалам архива доктора Н. А. Белоголового; стр. 66—70). 8) Т. Трофимова. Музыкальное наследство композитора Михаила Юрьевича Виельгорского (По материалам архива Веневитиновых; стр. 70—79). 9) И. Коган. Помещичье хозяйство накануне зарождения промышленного капитализма (По материалам архива Бенкендорфов; стр. 79—84). 10) А. М. Савич. К истории старообрядчества (По материалам архива Н. И. Субботина; стр. 84—88). 11) И. Федоров. К истории русской педагогики. Из архива деятеля по народному образованию В. П. Вахтерова (стр. 88—90).

Заметки и сообщения. 12) Архив С. А. Белокурова (стр. 91). 13) Архив профессора Московского университета А. П. Богданова (стр. 91). 14) Архив профессора Московского университета А. И. Поспелова (стр. 91—92). 15) Архив профессора Варшавского университета В. В. Курилова (стр. 92). 16) Архив Спасо-Прилуцкого монастыря (стр. 92—93).

Новые приобретения отдела. 17). Г. П. Георгиевский. Переводы произведений А. С. Пушкина на французский язык. История. Путешествия. Переводные произведения. Масонские сочинения. Рукописи религиозного содержания (стр. 94—103).

45. **Вып. 3.** Декабристы. Ред. Н. Л. Мещеряков. М., Соцэкгиз, 1939. 80 стр.

Из неопубликованных материалов. 1) Неизданное стихотворение К. Ф. Рылеева «Любовь к отчизне» [Из Музейного собрания]. Подгот. В. Нечаева (стр. 5—8). 2) К истории восстания 14 декабря 1825 г. (Из дневника флигель-адъютанта Н. Д. Дурново). Подгот. И. Козьменко и И. Яшунский, под ред. проф. М. В. Нечкиной. Перевод И. Козьменко (стр. 8—22). 3) Письма декабристов к И. И. Пущину. Подгот. В. Н. Соколов и А. А. Этингоф (стр. 22—57). 4) Обзор материалов Нарышкиных и Коновницыных (стр. 57—61). 5) Архив Ивашевых (стр. 61—63). 6) Архив Шаховских (стр. 63—65). 7) М. Ю. Барановская. Обзор изобразительных материалов, относящихся к декабристам и находящихся в отделе рукописей [Из архивов С. Г. Волконского и В. Л. Давыдова] (стр. 65—66).

Обзоры и сообщения. 8) Отдел рукописей в 1938 г. (стр. 67—68). 9) Обзоры архивов, законченных обработкой в 1938 г.: бумаги В. А. Жуковского и его семьи (стр. 68—69), архив В. И. Герье (стр. 69—70), архив газеты «Русское слово» (стр. 70—72).

10) Новые приобретения. Август—декабрь 1937 г.

Материалы из архивов: Паниных (стр. 73), В. А. и Е. А. Жуковских (стр. 73), А. И. Герцена (стр. 73), О. А. Новиковой (стр. 73), С. С. Бутурлина

(стр. 74), Архивы: Я. Л. Барскова (стр. 74), К. С. Шохор-Троцкого (стр. 74), Московского областного бюро краеведения (стр. 74). Музейное собрание (стр. 73—74).

46. **Вып. 4.** Л. Н. Толстой. Ред. Н. Л. Мещеряков. М., Соцэкгиз, 1939. 72 стр.

1) Л. Н. Толстой. «Вечерние повести. Метель». Неопубликованный отрывок. Подгот. к печати Г. А. Волков (стр. 5—8). «Война и мир» (Бородинское сражение). Варианты. Подгот. к печати Г. А. Волков (стр. 8—18). «Воскресение». Варианты к III ч. романа. Подгот. к печати Ф. В. Буслаев (стр. 18—22). 2) Письма Л. Н. Толстого. Письма к М. Н. Толстой. Подгот. В. С. Любимова-Дороватовская (стр. 23—28). Письмо к П. Д. Голохвастову. Подгот. Н. Н. Гусев (стр. 28—30). Письмо к С. М. Соловьеву. Подгот. В. С. Нечаева (стр. 30—31). Письма к П. И. Бирюкову. Подгот. Ф. В. Буслаев (стр. 31—36). Письма к С. А. Толстой. Подгот. Н. Н. Гусев (стр. 36—46). Грамоты и документы Л. Н. Толстого. Подгот. И. В. Федоров (стр. 47—52).

Обзоры архивных материалов. 3) Н. Н. Гусев. Новые приобретения рукописей Л. Н. Толстого (стр. 53—57). 4) Ф. В. Буслаев и Е. Н. Рунич. Корреспонденты Л. Н. Толстого (стр. 57—59). 5) И. В. Федоров и Е. Н. Рунич. Вокруг Толстого. Материалы С. А., Т Л. и А. Л. Толстых, М. П. Берс, В. Г. Черткова (стр. 59—62), Т. А. Ергольской (стр. 62—63) и К. С. Шохор-Троцкого (стр. 63).

6) Новые приобретения (январь—июнь 1938 г.).

Материалы из архивов: Н. Д. Дурново (стр. 67), Нарышкиных и Коновницыных (стр. 67), М. А. Зензинова (стр. 67), Достоевских (стр. 67), Л. Н. Толстого (стр. 67), Н. И. Кареева (стр. 67). Музейное собрание (стр. 64—68).

47. **Вып. 5.** Т. Г. Шевченко. Ред. Н. Л. Мещеряков. М., Соцэкгиз, 1939. 74 стр.

1) Автографы Т. Г. Шевченко: Думка, Песня караульного у тюрьмы, из драмы «Невеста». Дарственные автографы Т. Г. Шевченко [Из Музейного собрания]. Подгот. И. С. Романченко (стр. 5—12). 2) «Кобзарь» И. М. Лазаревского [Из Музейного собрания]. Сообщение И. С. Романченко (стр. 14—21). 3) Петрашевцы и Т. Г. Шевченко (По материалам донесений И. П. Липранди). [Из архива Общества истории и древностей российских]. Сообщение В. С. Нечаевой (стр. 22—25). 4) Царская цензура и сочинения Т. Г. Шевченко: а) Реестр секретных и конфиденциальных бумаг 1847 г. [Из архива Общества истории и древностей российских]. Сообщение А. П. Ивашенко (стр. 25—26), б) Из письма С. Н. Урусова к гр. А. П. Толстому. Сообщение И. С. Романченко (стр. 26—27). 5) О пребывании Т. Г. Шевченко в Москве по возвращении из ссылки (Из архива Елагиных). Сообщение Э. Г[ерштейн] (стр. 27—28). 6) Уникальные заграничные издания сочинений Т. Г. Шевченко (Отдел редких книг Всесоюзной б-ки им. В. И. Ленина). Сообщение И. С. Романченко (стр. 28—32). 7) Из архивных материалов И. З. Сурикова, переводчика Т. Г. Шевченко. Подгот. И. В. Федоров (стр. 33—39). 8) Из архива Г. А. Мачтета. Письмо М. М. Коцюбинского. Подгот. И. В. Федоров (стр. 39—42). 9) Памяти Т. Г. Шевченко: письмо Д. Л. Мордовцева к Д. Н. Мамину-Сибиряку (стр. 43), письмо Б. А. Лазаревского к А. П. Чехову (стр. 43—45). Из архива Общества любителей российской словесности. Письма Н. А. Янчука к А. Е. Грузинскому. Подгот. И. Федоров (стр. 45—49).

Обзоры архивных материалов. 10) Н. Ф. Паисов. Документы по истории Украины XVIII в. Собрание Н. А. Маркевича (стр. 50—63). 11) Н. Ф. Паисов. Материалы по истории Украины в автографах, собранных И. Е. Бецким (стр. 63—66). 12) Автографы Г. Ф. Квитки-Основьяненко [Из коллекции Бахрушинского музея и архивов И. Е. Бецкого, М. П. Погодина]. Сост. Г. П. Георгиевский (стр. 67—68). 13) Автографы П. А. Кулиша [Из Музейного собрания и архивов Н. В. Гоголя, А. И. Кошелева, А. П. Толстого]. Сост. Г. П. Георгиевский (стр. 69—70).

14) Новые приобретения отдела рукописей. Июль—декабрь 1938 г.

Материалы из архивов: А. К. Жуковского (Бернета) (стр. 72), Достоевских (стр. 72—73), Д. Я. Айзмана (стр. 73), Е. А. Ивановой (стр. 73). Музейное собрание (стр. 71—74).

48. **Вып. 6.** Н. А Некрасов, Н. Г. Чернышевский, М. Е. Салтыков-Щедрин. Ред. Н. Л. Мещеряков. М., 1940. 98 стр.

Неопубликованные материалы и обзоры:

Н. А. Некрасов. 1) Неизданные тексты произведений [Из архива Н. А. Некрасова]. Подгот. Р. П. Маторина (стр. 7—28). 2) Письма Н. А. Некрасова. Письма к Н. А. Некрасову [Из архивов: Н. А. Некрасова, Веневитиновых и А. И. Урусова]. Подгот. Р. П. Маторина и П. А. Попов (стр. 28—41). 3) Материалы

по изданию «Современника» и «Искры» [Из архивов Н. А. Некрасова и А. Ф. Вельтмана]. Подгот. М. М. Клевенский и Л. И. Сперанская (стр. 41—45).

Н. Г. Чернышевский. 4) Автографы Н. Г. Чернышевского [Из архивов В. А. Гольцева и Д. А. Милютина] (стр. 45). 5) Н. Г. Чернышевский в архиве Д. А. Милютина. Подгот. М. Н. Лядов (стр. 46—50). 6) Н. Г. Чернышевский в архиве В. А. Гольцева. Подгот. М. И. Хейфец (стр. 50—55). 7) Н. Г. Чернышевский в Сибири. 1866—1888 гг. (По материалам архивов Корсаковых и Воронцова-Дашкова). Подгот. М. И. Хейфец (стр. 55—59). 8) Письма К. Д. Кавелина к М. Н. Каткову о Н. Г. Чернышевском (Из архива М. Н. Каткова). Подгот. М. И. Хейфец (стр. 59—63).

М. Е. Салтыков-Щедрин (стр. 64—65). 9) Описание автографов М. Е. Салтыкова-Щедрина [Из Музейного собрания, коллекций Бахрушинского музея и Литмузея, архивов: Аксаковых, Н. А. Белоголового, К. А. Буха, В. А. Гольцева, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. А. Некрасова, А. И. Урусова, А. И. Эртеля] (стр. 66—67). 10) Неизданные автографы М. Е. Салтыкова-Щедрина [Из Музейного собрания и коллекции Литмузея] (стр. 67—69). 11) М. Е. Салтыков-Щедрин в письмах, отзывах и воспоминаниях современников [Из архивов: Н. А. Белоголового, В. А. Гольцева, А. М. Жемчужникова, А. И. Скребицкого, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. И. Эртеля]. Подгот. И. В. Федоров (стр. 69—82).

Из жизни отдела рукописей. 12) Е. Н. Коншина. Методы обработки собраний автографов и архивных материалов (стр. 83—88).

Новые приобретения. 13) Г. П. Георгиевский. Памятник древнего русского искусства [Ананьинское евангелие. Из Музейного собрания] (стр. 89). 14) П. Эттингер. Карлсбадский рисунок Гёте [Из Музейной коллекции иностранных автографов] (стр. 89—90). 15) Г. П. Георгиевский. «Журнал» кн. В. В. Вяземского [Из Музейного собрания] (стр. 90—91). 16) Новые приобретения. Январь—февраль 1939 г. Музейное собрание (стр. 91—94).

49. **Вып. 7.** Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. Ред. Н. Л. Мещеряков. М., Соцэкгиз, 1941. 102 стр.

Материалы и обзоры.

1) Письма из Прованса 1772—1778 гг. [Из Музейного собрания западноевропейских рукописей]. Обзор и комментарий Е. В. Козловой и О. А. Старосельской-Никитиной. Подготовка к печати и перевод Е. В. Козловой. Под ред. О. А. Старосельской-Никитиной (стр. 4—34). 2) Из архива Голицыных. Письма из Парижа 1789 г. (Оливье), Письма из Парижа 1790—1792 гг. (Хокера). Подгот. к печати, обзор и коммент. О. А. Старосельской-Никитиной. Перевод Е. Н. Рунич (стр. 34—91). 3) Е. В. Козлова. Песни французской революции [Из архива В. И. Герье] (стр. 91—93). 4) О. С[таросельская]-Н[икитина]. Конституция III года революции (1795 г.). В русском переводе 1796 г. [Из Музейного собрания] (стр. 93—94).

5) Приобретения 1939 г. Май—август 1939 г. Музейное собрание (стр. 95—96).

50. **Вып. 8.** А. П. Чехов. Ред. Н. Л. Мещеряков. М., Госполитиздат, 1941. 116 стр. с илл.

Неизданные документы и обзоры. 1) Письма А. П. Чехова [Из архивов А. П. Чехова и Я. Л. Барскова] и автографы А. П. Чехова на книгах, подаренных А. И. Эртелю. Подгот. Е. Н. Коншина, И. В. Федоров и А. Р. Эйгес (стр. 5—29, 108). 2) «Аттестат», данный Е. К. Марковой. Подгот. А. Р. Эйгес (стр. 29—30). 3) Письма к А. П. Чехову. Подгот. И. В. Федоров и А. Р. Эйгес (стр. 30—86). 4) Приветствия А. П. Чехову и кружку его имени. Подгот. И. В. Федоров (стр. 86—89). 5) Современники о Чехове [Из архивов: А. П. Чехова, В. А. Гольцева, А. И. Эртеля]. Подгот. И. В. Федоров (стр. 89—98). 6) Е. Н. Коншина. Собрание материалов А. П. Чехова в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (стр. 98—108).

7) Новые приобретения. Сентябрь—декабрь 1939 г.

Рукописи Т. Г. Мачтета (стр. 110). Музейное собрание (стр. 109—110).

8) Произведения и сборники сочинений А. П. Чехова (указатель; стр. 115).

51. **Вып. 9.** Н. А. Некрасов, Д. И. Писарев. Ред. Н. Л. Мещеряков. М., 1940. 90 стр. с илл.

Н. А. Некрасов. 1) Письма Н. А. Некрасова к Н. Х. Кетчеру. [Из Музейного собрания]. Подгот. Р. П. Маторина (стр. 5—7). 2) «Счет Современника с г. Белинским» (стр. 7—9). 3) «Реестр бумагам, оставшимся после Белинского» [Из Музейного собрания]. Подгот. В. С. Нечаева (стр. 10—13). 4) Письма

Н. А. Некрасова к М. В. Белинской. Подгот. Р. П. Маторина (стр. 13—15). 5) Письмо А. Я. Кульчицкого к Н. А. Некрасову. Подгот. Р. П. Маторина (стр. 15—18).

Д. И. Писарев. 6) Письма Д. И. Писарева к родителям, П. И. Гарднеру, Е. Н. Гарднеру, И. П. Хрущову (стр. 19—32). Письмо Г. Е. Благосветлова к Р. А. Кореневой (стр. 33—34). Письмо В. И. Писаревой к родным (стр. 34—35). Материалы для биографии Д. И. Писарева [Из Музейного собрания]. Подгот. Б. П. Козьмин (стр. 35—50). Писарев, переводчик Гейне [Из Музейного собрания]. Статья и редакция переводов Л. И. Сперанской (стр. 50—78).

Из жизни отдела рукописей. 7) В. С. Нечаева. Издание каталогов рукописей русских писателей-классиков (стр. 79—84).

8) Новые приобретения. Январь—март 1940 года. Подгот. Г. П. Георгиевский.

Материалы из архива А. П. Чехова (стр. 86). Музейное собрание (стр. 85—86).

52. **Вып. 10.** Крестьянская реформа 1861 г. Редакция Е. А. Мороховца. М., 1941. 107 стр. с илл.

Неопубликованные материалы. 1) Из архива А. Н. Куломзина. Воспоминания мирового посредника [Из Музейного собрания]. Подгот. И. Г. Яшунский (стр. 5—32).

Обзоры. 2) С. С. Дмитриев. Архив редакции «Сельского благоустройства» (1858—1859 гг.) [Часть архива А. И. Кошелева] (стр. 33—43). 3) И. В. Козьменко. Архив кн. В. А. Черкасского. Обзор материалов по крестьянскому делу и переписки (стр. 43—58). 4) И. В. Козьменко. Журнал Калужского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян [Из архива Черкасских] (стр. 58—63). 5) И. Г. Яшунский. Из переписки Н. А. Елагина (стр. 64—72). 6) А. Б. Осповат. Материалы архива флигель-адъютанта Корсакова как источник для истории реформы 1861 г. в Курской губ. (стр. 72—90).

Сообщения. 7) М. Н. Лядов. Архив Д. А. Милютина и крестьянская реформа (стр. 91—95). 8) А. Б. Осповат и Б. В. Хаин. Мелкие сообщения [По материалам Музейного собрания и архивов: Бутурлиных, Дурново, А. И. Скребицкого] (стр. 95—97)

9) Новые приобретения (апрель—август 1940 г.). Сост. Г. П. Георгиевский.

Материалы из архивов В. Г. Белинского (стр. 98) и А. П. Чехова (стр. 99). Музейное собрание (стр. 98—99).

53. **Вып. 11.** Под ред. П. А. Зайончковского и И. М. Кудрявцева. М., 1950. 207 стр.

Обзоры архивных фондов, рукописных собраний и отдельных рукописей. 1) Р. П. Маторина. Архив В. Г. Короленко (стр. 5—39). 2) И. В. Козьменко. Архив М. П. Погодина (стр. 39—54). 3) О. А. Державина. «Временник» дьяка Ивана Тимофеева [Из Музейного собрания] (стр. 55—77).

Новые поступления. 4) И. М. Кудрявцев, Е. Н. Ошанина и Н. К. Швабе. Рукописи, поступившие в 1941—1947 гг.

Материалы из архивов Пазухиных (стр. 88), А. Н. Лидерса (стр. 106), Петрово-Соловово и Сухово-Кобылиных (стр. 107), Тюлиных (стр. 109), В. И. Герье (стр. 122), С. М. Ромова (стр. 131), Д. А. и А. Н. Фурмановых (стр. 131), А. Н. Савина (стр. 119). Единичные дополнительные поступления к различным фондам отдела. Музейное собрание (стр. 78—133).

Публикация текстов. 5) С. М. Бонди. Новый автограф А. С. Пушкина (стр. 134—147). 6) А. И. Ревякин. Условия участия А. Н. Островского в журнале «Москвитянин», предложенные им М. П. Погодину [Из архива М. П. Погодина] (стр. 147—155). 7) А. И. Ревякин. Замечания А. Н Островского к пьесе «Не в свои сани не садись» [Из архива К. А. Зедергольма] (стр. 156—163). 8) В. П. Зубов. Рукописное наследие Джордано Бруно. «Московский кодекс» Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина [Из собрания А. С. Норова] (стр. 164—182).

54. **Вып. 12.** Отв. ред. П. А. Зайончковский. М., 1951. 217 стр.

Обзоры архивных фондов. 1) Е. Н. Ошанина. Архив Пазухиных (стр. 5—38). 2) Я. З. Черняк. Фонд Н. П. Огарева (стр. 39—75). 3) А. А. Зимин. Архив В. О. Ключевского (стр. 76—86). 4) К. Р. Каменецкая. Архив В. М. и В. В. Хижняковых (стр. 87—96).

Новые поступления. 5) И. М. Кудрявцев, Е. И. Голубцова, В. М. Федорова. Рукописи, поступившие в 1948—1949 гг.

Собрания: П. Н. Никифорова, И. И. Фадеева. Материалы из архивов: Юшневских (стр. 132—133), В. М. и В. В. Хижняковых (стр. 139), А. П. Чехова (стр. 141). Краткое описание поступлений в Собрание отдела рукописей[4] (стр. 97—148).

Публикация текстов. 6) Я. З. Черняк, А. В. Аскарянц. Из записных книжек Н. П. Огарева (стр. 149—172). 7) Е. Л. Рудницкая. Письмо Н. П. Огарева к А. И. Герцену (стр. 173—186). 8) И. В. Козьменко. Письма Любена Каравелова [М. П. Погодину и Н. А. Попову] (стр. 187—193).

55. **Вып. 13.** Под ред. П. А. Зайончковского. М., 1952. 191 стр.

Обзоры архивных фондов. 1) Е. И. Голубцова, Е. Н. Ошанина. Коллекция Общества истории и древностей российских (ОИДР; стр. 3—29). 2) Е. И. Голубцова. Архив Волынских (стр. 30—42). 3) Л. М. Иванова. Фонд Г. С. Батенькова (стр. 43—56). 4) С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели бумаг русского производства XVIII—XX вв. (стр. 57—122).

Новые поступления. 5) И. М. Кудрявцев, Л. М. Иванова, Е. Н. Ошанина, В. М. Федорова. Рукописи, поступившие в 1950 г.

Материалы из архивов: Издательства «Никитинские субботники» (стр. 131 и 140—142), П. П. Смирнова (стр. 140), С. А. Есенина (стр. 142—143), Л. Б. Хавкиной (стр. 143—144), дополнительные поступления к различным фондам отдела. Собрание отдела рукописей (стр. 123—146).

Публикации текстов. 6) Е. И. Голубцова. Письма Петра I к П. И. Яковлеву [Из Музейного собрания] (стр. 147—156). 7) Я. З. Черняк, А. В. Аскарянц. К вопросу об отношении Герцена и Огарева к польскому восстанию 1863 г. (стр. 157—163). 8) А. А. Зимин. Статейные списки Уложений 11 января и 17 ноября 1628 г. как источник Соборного уложения 1649 г. [Из собрания Рогожского кладбища] (стр. 164—176).

56. **Вып. 14.** Под ред. П. А. Зайончковского. М., 1952. 150 стр.

Обзоры архивных фондов, рукописных собраний и отдельных рукописей. 1) К. А. Майкова. Архив Румянцевых (стр. 3—17). 2) С. В. Житомирская. Архив Фонвизиных (стр. 18—34). 3) Е. Н. Коншина. Обзор материалов В. А. Жуковского [Из архивов: В. А. Жуковского, Булгаковых, Н. В. Гоголя, Елагиных, Коновницыных и Нарышкиных, М. П. Погодина, П. Я. Чаадаева, Н. Н. Шереметевой и др.] (стр. 35—48). 4) О. А. Державина. Списки «Сказания» Авраамия Палицына, хранящиеся в отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина (стр. 49—83)[5].

Новые поступления. 5) И. М. Кудрявцев, Е. И. Голубцова, С. В. Житомирская, В. М. Федорова, М. Б. Шаркова и Н. К. Швабе. Рукописи, поступившие в 1951 году.

Собрание Костромской областной библиотеки. Материалы из архивов: М. А. Фонвизина (стр. 100), В. Г. Короленко (стр. 124), дополнительные поступления к различным фондам отдела. Собрание отдела рукописей (стр. 85—127).

Публикация текстов 6) Е. Н. Коншина. Письмо В. А. Жуковского к Ф. Ф. Вигелю (стр. 128—132).

57. **Вып. 15.** Под ред. С. В. Житомирской. М., 1953. 159 стр.

Обзоры архивных фондов и отдельных рукописей. 1) Л. М. Иванова. Архив В. И. Григоровича (стр. 5—17). 2) Е. Н. Коншина. Архив Елагиных и Киреевских (стр. 18—42). 3) Н. К. Швабе. Архив Ф. В. Чижова (стр. 43—77). 4) О. А. Державина. Рукописи, содержащие рассказ о смерти царевича Димитрия Угличского (стр. 78—118)[6].

---

[4] Далее — Собрание отдела рукописей.

[5] Обзор рукописей из собраний: И. Д. Беляева, С. О. Долгова, Е. Е. Егорова, Костромской областной библиотеки, Московской духовной академии, Музейного, П. Н. Никифорова, Общества истории и древностей российских, П. А. Овчинникова, А. Н. Попова, Г. М. Прянишникова, Рогожского кладбища, Н. П. Румянцева, Н. С. Тихонравова, Троице-Сергиевой лавры, В. М. Ундольского, И. И. Фадеева, А. К. Федорова, А. И. Хлудова.

Некоторые рукописи, указанные в статье как принадлежащие к Музейному собранию, находятся в собраниях: №№ 2420 — А. Н. Попова, 5870 — С. О. Долгова, 2918 — А. К. Федорова, 1515 — И. Д. Беляева, 811 — А. И. Хлудова.

[6] Обзор рукописей из собраний: И. Д. Беляева, Т. Ф. Большакова, Е. Е. Егорова, Московской духовной академии (фунд.), Музейного, Общества истории и

Новые поступления. 5) И. М. Кудрявцев, Е. И. Голубцова, К. А. Майкова, Я. Н. Щапов. Рукописи, поступившие в 1952 году.

Собрание И. И. Фадеева. Материалы из архивов: П. Н. и М. Н. Кречетниковых (стр. 125—126), имения Голицыных «Вяземы» (стр. 131—132 и 141), А. П. Чехова (стр. 133), дополнительные поступления к различным фондам отдела. Собрание отдела рукописей (стр. 119—144).

58. **Вып. 16.** Под ред. С. В. Житомирской и И. М. Кудрявцева. М., 1954. 300 стр.

Обзоры архивных фондов и коллекций. 1) Е. И. Голубцова. Коллекция актов Шибанова (стр. 5—16). 2) Б. А. Шлихтер. Архив Д. А. Милютина (стр. 17—77). 3) Р. П. Маторина. Архив А. Е. Викторова (стр. 78—97).

Новые поступления. 4) И. М. Кудрявцев. Рукописи, поступившие в 1953 году.

Собрания Архангельской областной библиотеки и Вологодской областной библиотеки. Материалы из архивов: А. Б. Дермана (стр. 132), А. П. Чехова (стр. 148), дополнительные поступления к различным фондам отдела. Собрание отдела рукописей (стр. 98—177).

Публикация текстов. 5) Е. Н. Коншина. Из переписки А. П. Чехова (стр. 178—247).

Информация и библиография. 6) К читателям отдела рукописей (стр. 248—250). 7) Указатель изданий отдела рукописей (1918—1953). Сост. И. А. Тыжнова (стр. 251—262).

59. **Вып. 17.** Под ред. С. В. Житомирской и И. М. Кудрявцева. М., 1955. 273 стр.

Обзоры фондов и отдельных рукописей. 1) Б. А. Шлихтер и К. А. Майкова. Архив имения «Вяземы» (стр. 3—50). 2) М. Б. Шаркова, Н. К. Швабе и Т. Б. Ухова. Собрание П. П. Шибанова (стр. 51—83). 3) Я. Н. Щапов. Альбом Гартмана Грамана (Рукопись из собрания А. С. Норова; стр. 84—98).

Новые поступления. 4) И. М. Кудрявцев. Рукописи, поступившие в 1954 году.

Материалы из архивов: А. П. Чехова (стр. 117—119), Ромена Роллана (стр. 122—123), Издательства А. Ф. Маркса (стр. 130—133), дополнительные поступления к различным фондам отдела. Собрание отдела рукописей (стр. 99—144).

Публикация текстов. 5) Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII в. (Рапорт пронского воеводы в Сенат, Ответ новгородцев на указ из Военной коллегии, Духовное завещание Елистрата Шибаева и Апшит серому коту за его непостоянство и недоброту)[Из Музейного собрания и собрания П. П. Шибанова]. Публикация В. Д. Кузьминой (стр. 145—158). 6) Новые материалы о книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите» [Из архива С. Д. Полторацкого]. Вступит. статья С. Я. Борового. Рукописные вставки в книгу — публикация А. В. Аскарянц (стр. 192—213). Приложения: дело Московского цензурного комитета о книге М. Ф. Орлова, письма М. Ф. Орлова к П. А. Вяземскому и А. М. Безобразову и «Краткий разбор рукописных сочинений, найденных в кабинете генерал-майора Орлова после его смерти» — публикация Л. Я. Вильде, комментарии С. Я. Борового и Л. Я. Вильде (стр. 214—247).

60. **Вып. 18.** Под ред. С. В. Житомирской и Е. Н. Коншиной. М., 1956. 367 стр.

Обзоры фондов и отдельных рукописей. 1) С. М. Каштанов. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI века (стр. 3—47). 2) И. М. Кудрявцев. Рукописное собрание А. С. Норова (стр. 48—63). 3) Т. Б. Ухова. Миниатюры, орнамент и гравюры в собрании В. М. Ундольского (стр. 61—141). 4) Л. П. Сидорова. Рукописные замечания современника на первом издании трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской» [из Собрания отдела рукописей] (стр. 142—179).

Новые поступления. 5) Я. Н. Щапов. Рукописи, поступившие в 1955 году.

Собрание Великоустюжского музея. Материалы из архивов: М. И. Венюкова (стр. 192), Юшневских (стр. 190—192), А. И. Куприна (стр. 192—193), И. С.

древностей российских, П. А. Овчинникова, Д. В. Пискарева, Н. П. Румянцева, Н. С. Тихонравова, Троице-Сергиевой лавры, В. М. Ундольского и архива Филарета.

Некоторые рукописи, указанные в статье как принадлежащие к Музейному собранию, находятся в собраниях: №№ 260 — Т. Ф. Большакова, 1515— И. Д. Беляева, 575 — Д. В. Пискарева, 3594 — в архиве Филарета.

Тургенева (стр. 193), Н. И. Ильминского (стр. 193), И. Я. Яковлева (стр. 193—194), П. К. Симони (стр. 195), М. К. Любавского (стр. 195—196), Рыбниковых и Щукиных (стр. 192 и 198), Ромена Роллана (стр. 209), дополнительные поступления к различным фондам отдела. Собрание отдела рукописей (стр. 180—209).

Публикации. 6) А. А. Зимин. Губные грамоты XVI века из Музейного собрания (стр. 210—229) [7]. 7) Волнения русских студентов в Лейпциге в 1767 г. (следственное дело А. Н. Радищева, Ф. В. Ушакова и других русских студентов в суде Лейпцигского университета) [Из Собрания отдела рукописей]. Вводная статья и примечания А. И. Старцева. Подготовка текста и перевод Б. А. Шлихтера (стр. 230—327). 8) Е. Н. Коншина. Письма И. С. Тургенева к Н. Н. Тургеневу (стр. 328—341). 9) О. А. Яковлева. Два письма И. Н. Ульянова к И. Я. Яковлеву (стр. 342—347).

61. **Вып. 19.** Под ред. С. В. Житомирской и И. М. Кудрявцева. М., 1957. 345 стр.

Обзоры фондов и отдельных рукописей. 1) Я. Н. Щапов. Собрание рукописных книг И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича (стр. 3—36). 2) Л. М. Иванова. Фонд Н. В. Гоголя (Дополнение к печатному каталогу «Рукописи Н. В. Гоголя». М., 1940; стр. 37—46). 3) Ю. И. Герасимова. Архив Киселевых (стр. 47—94).

Новые поступления. 4) И. М. Кудрявцев. Рукописи, поступившие в 1956 году.

Архив В. Д. Бонч-Бруевича (стр. 122—123). Материалы из архивов: И. С. Тургенева (стр. 115), О. М. Бодянского (стр. 115—116), А. П. Чехова (стр. 121—122), Ромена Роллана (стр. 125), Ф. М. Достоевского (стр. 135), Д. Н. Мамина-Сибиряка (стр. 135), дополнительные поступления к различным фондам отдела. Собрание отдела рукописей (стр. 95—166).

Публикации. 5) В. И. Буганов. Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова (Записи в разрядной книге) [Из Музейного собрания] (стр. 167—184). 6) А. А. Зимин. Акты Земского собора 1612—1613 гг. [Из Музейного собрания] (стр. 185—193). 7) Е. В. Измайлова. Черновая рукопись комедии А. Н. Островского «Лес» (стр. 194—325).

62. **Вып. 20.** Под ред. С. В. Житомирской и И. М. Кудрявцева. М., 1958. 371 стр.

Обзоры архивных фондов и отдельных рукописей. 1) А. В. Аскарянц и Н. Г. Машковцев. Архив А. А. и С. А. Ивановых (стр. 3—63). 2) С. В. Житомирская. Архив И. И. Пущина (стр. 64—89). 3) В. И. Буганов. Разрядная книга Д. М. Пожарского [Из собрания А. В. Горского] (стр. 90—100). 4) Я. Н. Щапов. «Похвала глупости» Эразма Роттердамского в русских переводах (Рукописи в собраниях Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина [8], Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Государственного архива Ярославской области) (стр. 102—117). 5) Е. Н. Коншина. Новая рукопись рассказа А. П. Чехова «Невеста» [Сообщение] (стр. 118—124).

Новые поступления. 6) И. М. Кудрявцев. Рукописи, поступившие в 1957 году.

Материалы из архивов: И. Я. Яковлева (стр. 144), И. П. Батюкова (стр. 144—145), В. Н. Егорьева (стр. 149), А. Б. Дермана (стр. 150), А. И. Куприна (стр. 150), Н. Н. Орлова (стр. 153), И. С. Шмелева (стр. 151—152), А. П. Чехова (стр. 154 и стр. 159), дополнительные поступления к различным фондам отдела. Собрание отдела рукописей (стр. 125—176).

Публикации. 7) В. И. Буганов. Грамота ливенскому воеводе И. О. Полеву 1595 г. [Из собрания А. В. Горского] (стр. 177—185). 8) А. А. Зимин. Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания (стр. 186—204). 9) А. Г. Тартаковский. Листовка эпохи Отечественной войны 1812 года [Из архива Булгаковых] (стр. 205—282). 10) Ю. И. Герасимова. Письма Н. Д. Киселева к родным во время русско-иранской войны 1826—1828 гг. (стр. 285—312). 11) С. В. Житомирская. Письмо И. Д. Якушкина к И. И. Пущину (стр. 313—314).

Археография и источниковедение. 12) С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама» (стр. 315—352).

---

[7] Принадлежат к собранию Генерального штаба (ф. 68) и в настоящее время хранятся в нем.

[8] Из собраний И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича, Музейного, Н. С. Тихонравова, В. М. Ундольского.

63. **Вып. 21.** Ред. коллегия: С. В. Житомирская (отв. редактор), В. Б. Кобрин, И. М. Кудрявцев, К. А. Майкова. М., 1959. 279 стр.

Обзоры архивных фондов. 1) С. А. Асиновская. Архив Т. Н. Грановского (стр. 3—32). 2) К. А. Майкова. Архив В. И. Герье (стр. 33—64). 3) Е. Н. Коншина. Новые материалы фонда А. П. Чехова (Ялтинский архив М. П. Чеховой) (стр. 65—101).

Новые поступления. 4) И. М. Кудрявцев. Рукописи, поступившие в 1958 году.

Материалы из архивов: В. П. и С. П. Флеровых (стр. 123), В. А. Гольцева (стр. 123), В. Я. Брюсова (стр. 124), А. А. Курсинского (стр. 124), В. Г. Короленко (стр. 126), В. К. Хорошко (стр. 127), В. И. Невского (стр. 128), И. К. Франчески (стр. 128), В. Ф. Иваницкого (стр. 128), Н. А. Некрасова (стр. 136), дополнительные поступления к различным фондам отдела. Собрание отдела рукописей (стр. 102—172).

Публикации. 5) В. И. Корецкий. Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю (стр. 173—219). 6) А. А. Зимин. Русские географические справочники XVII века (Из сборника в собрании Московской духовной академии; стр. 220—231). 7) Е. Н. Коншина. Из романа Н. А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тросникова» (стр. 232—234). 8) Е. Н. Коншина. Неизданное письмо А. П. Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой (стр. 235). 9) М. В. Толмачев. Письма Флобера из коллекции автографов А. И. Урусова (стр. 236—243).

10) Хроника. К. А. Майкова. Фонды, описанные в 1958 году (стр. 244—245). Ю. И. Герасимова. Работа Научного совета отдела рукописей и методическая работа (стр. 245—252). В. Б. Кобрин, Е. П. Маматова, Н. Б. Тихомиров, Б. А. Шлихтер, Я. Н. Щапов. Археографические поездки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в 1957—1958 гг. (стр. 252—261).

64. **Вып. 22.** Ред.: С. В. Житомирская и И. М. Кудрявцев. Под общ. ред. чл.-корр. АН СССР проф. В. Н. Лазарева. М., 1960. 465 стр.

Т. Б. Ухова. Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиевого монастыря (стр. 5—13). Таблицы групп рукописей с родственным орнаментом (стр. 14—56). Указатель орнамента по хронологии и стилю (вклейка).

С. А. Клепиков. Орнаментальные украшения переплетов конца XV — первой половины XVII веков в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря (стр. 57—73).

Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии. Сост. Т. Б. Ухова. Описание переплетов. Сост. С. А. Клепиков (стр. 74—194).

Дополнительный список переплетов в рукописях собрания Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии. Сост. С. А. Клепиков (стр. 195—203).

Приложения: Иллюстрированный словарь терминов (стр. 207—215). Альбом схем и рисунков заставок в рукописях собраний Троице-Сергиевой лавры (стр. 217—311). Альбом орнаментальных украшений переплетов рукописей собраний (313—448). Указатель к альбому схем и рисунков заставок (стр. 449—462). Хронологический указатель переплетов (стр. 463—464).

65. **Вып. 23.** Ред. коллегия: С. В. Житомирская (отв. ред.), В. Б. Кобрин, И. М. Кудрявцев, К. А. Майкова. М., 1960. 296 стр.

Обзоры фондов и отдельных рукописей. 1) Б. А. Шлихтер. Архив Симанских (стр. 3—16). 2) А. Б. Сидорова. Архив С. Н. и Н. С. Кашкиных (стр. 17—25). 3) В. Г. Зимина. Архив М. И. Венюкова (стр. 26—56). Приложение. Библиография трудов М. И. Венюкова и литературы о нем. Сост. В. В. Клевенская (стр. 57—67). 4) А. Г. Тартаковский. Новые данные о листовке-памфлете на 29-й бюллетень французской армии [Из архива С. Д. Полторацкого] (стр. 68—71).

Новые поступления. 5) И. М. Кудрявцев, К. И. Бутина, К. А. Майкова и Е. П. Маматова. Рукописи, поступившие в 1959 году.

Материалы из коллекций и архивов: Б. А. Черногубова (стр. 102), Э. Ф. Циппельзона (стр. 102—103), Фонвизиных (стр. 103), Дивовых и Бутурлиных (стр. 103), М. А. Зензинова (стр. 104), И. С. Тургенева (стр. 105), В. П. Маслова (стр. 105), А. Я. Лишкерова (стр. 105), А. В. Ивановского (стр. 107), А. П. Чехова (стр. 107—108), К. Д. Бальмонта (стр. 108), Е. А. Ивановой (стр. 108—109), П. А. Кропоткина (стр. 109), В. И. Шенрока (стр. 109—110), В. Г. Короленко (стр. 110), Дьяконовых (стр. 110), С. А. Есенина (стр. 112), А. В. Храбровицкого (стр. 113), А. А. Блока (стр. 150—151), Бертольда Брехта (стр. 173), дополнительные поступления к различным фондам отдела. Собрание отдела рукописей

(стр. 72—176). Предварительные сведения о собрании Г. М. Залкинда (стр. 177—180).

Публикации. 6) В. И. Буганов. Засечная книга 1638 г. [Из Музейного собрания] (стр. 181—253). 7) Л. М. Иванова, И. А. Сницаренко, А. Б. Сидорова, Г. Г. Понятров. Неизданные письма русских писателей [Из архива М. П. Погодина, коллекции Б. А. Черногубова, архивов И. С. Тургенева и А. Н. Островского] (стр. 254—264). 8) Л. В. Гапочко. Письма Л. Н. Толстого к Н. Г. Изюмченко [Из архива В. Д. Бонч-Бруевича] (стр. 265—269).

9) Хроника. К. А. Майкова. Архивные фонды, описанные в 1959 году (стр. 270). С. В. Житомирская. Выставка древнерусских рукописей в Праге (стр. 271—277).

66. **Вып. 24.** Ред. коллегия: С. В. Житомирская (отв. ред.), В. Б. Кобрин, Е. Н. Коншина, И. М. Кудрявцев, К. А. Майкова. М., 1961. 439 стр.

Обзоры фондов и отдельных рукописей. 1) Л. И. Ивина. Копийные книги актов Троице-Сергиева монастыря XVII в. (стр. 5—44). 2) Г. И. Довгалло. Архив Н. А. Дубровского (стр. 45—53) 3) Ю. И. Герасимова. Неопубликованная записка Ю. Ф. Самарина о судебных правилах 19 мая 1871 года как источник по истории русского либерализма [Из архивов Киселевых и Орловых-Давыдовых] (стр. 54—62).

4) Рукописи, поступившие в 1960 году (стр. 63—220).

Коллекция Б. А. Черногубова (стр. 213—214), материалы из архивов: Кашкиных (Дневник А. А. Цурикова, стр. 214—215), И. А. Бунина (стр. 215), В. Г. Короленко (стр. 215), Н. Е. Добычиной (стр. 215), А. П. Чехова (стр. 216), С. Я. Штрайха (стр. 216), Г. И. Чулкова (стр. 216), А. И. Куприна (стр. 216), Э. К. Метнера (стр. 216), И. И. Полосина (стр. 217), Эриха Вайнерта (стр. 217), дополнительные поступления к различным фондам отдела. Собрание отдела рукописей [описание] (стр. 63—217). Предварительные сведения о собрании Г. М. Залкинда. Дополнение (стр. 218—220).

Публикации. 5) С. М. Каштанов и А. Н. Робинсон. Две жалованные грамоты 1510 г. псковским монастырям [Из Собрания отдела рукописей и собрания Н. П. Румянцева] (стр. 221—258). 6) Двенадцать лет из жизни Я. Б. Княжнина (по неизданным письмам к Г. Гогелю) [Из Собрания отдела рукописей]. Вступит. статья Л. В. Крестовой, примеч. В. Д. Кузьминой, подгот. текста и пер. К. А. Майковой (стр. 259—351). 7) М. П. Волконский. Письма декабриста С. Г. Волконского [Из архивов Г. С. Батенькова, М. С. Корсакова, В. П. Орлова-Давыдова, И. И. Пущина] (стр. 352—408). 8) Э. Г. Чумаченко. Неоконченная статья В. О. Ключевского о Н. В. Гоголе (стр. 409—414).

ФОНДЫ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ

Общие работы

67. **Древнерусская миниатюра.** 100 листов миниатюр с описанием и статьями М. Владимирова и Г. П. Георгиевского. М., Academia, 1933. 115 стр.; 100 л. илл. в папке.

М. Владимиров. Историко-художественное значение русской миниатюры XVI века (стр. 7—29). Г. П. Георгиевский. Русская миниатюра XVI века (стр. 33—45). Г. П. Георгиевский. Описание миниатюр (стр. 49—108). Список лицевых рукописей, содержащих миниатюры, воспроизведенные в настоящем издании (стр. 109) [9]. Литература по русской миниатюре XVI века (стр. 111).

68. **Г. П. Георгиевский. Рукописные книги как исторические памятники русской культуры.** — В кн.: 80 лет на службе науки и культуры нашей Родины. 1862—1942. Под ред. Н. Н. Яковлева. М., 1943, стр. 80—90.

69. **Е. Н. Коншина. Рукописные фонды Библиотеки и их научное значение.** — Там же, стр. 59—79.

---

[9] Рукописи из собраний: Т. Ф. Большакова, № 15 (таблицы: 1, 3, 40—43); Е. Е. Егорова, № 80 (44, 48, 55), № 202 (2, 4, 5, 10—12, 15—20, 39, 56—59, 66, 67, 69—71, 76, 83, 84), № 1844 (24—26, 37, 45—47); И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича, № 59 (31—32); Московской духовной академии, № 4 (33), № 5 (97), № 20 (34—36), № 70 (27, 28, 38, 54, 86, 90—95), № 102 (29, 52, 72—75, 77 и 89); Музейного, № 8657 (51, 100), № 8658 (98 и 99), № 8659 (30), № 8663 (6—9, 13—14, 21—23, 53, 60—65, 68, 78—82, 85, 87, 88 и 96), № 8664 (49—50).

70. **С. В. Житомирская. Коллекция иностранных автографов** Библиотеки имени В. И. Ленина. — «Вопросы истории», 1946, № 10, стр. 108—111.

Обзор иностранных автографов из коллекций: И. Е. Бецкого, О. А. Новиковой-Киреевой, П. И. Севастьянова, А. И. Урусова, Бахрушинского музея, Музейной коллекции иностранных автографов и собрания А. С. Норова.

71. **А. Каждан. Греческие рукописи Библиотеки имени В. И. Ленина.** — «Вопросы истории», 1946, № 10, стр. 107—108.

Обзор рукописей из собраний: В. И. Григоровича, Музейного собрания греческих рукописей, А. С. Норова, В. Ф. Одоевского, Д. В. Разумовского, П. И. Севастьянова.

72. **Е. Н. Коншина. Фонды академиков в Государственной ордена Ленина библиотеке СССР имени В. И. Ленина.** — «Вестник Академии наук СССР», 1946, № 1, стр. 99—102.

Обзор архивов: Д. Н. Анучина, Ф. И. Буслаева, В. О. Ключевского, П. Н. Сакулина, Н. С. Тихонравова.

73. **Е. Н. Коншина и Н. К. Швабе. Краткий указатель архивных фондов** отдела рукописей. Под ред. П. А. Зайончковского и Е. Н. Коншиной. М., 1948. 253 стр.

74. **С. В. Житомирская, К. Р. Каменецкая, И. В. Козьменко и Е. Н. Коншина. Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок** XVIII—XIX вв. (Из фондов отдела рукописей). Под ред. П. А. Зайончковского и Е. Н. Коншиной. М., 1951. 224 стр.

75. **С. В. Житомирская. Западное средневековье в рукописях** Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. — В сб.: Средние века. Вып. X. М., 1957, стр. 258—305.

Обзор рукописей из собраний: Генерального штаба, В. И. Григоровича, Музейного собрания западноевропейских рукописей, А. С. Норова, Отдела рукописей, Н. П. Румянцева, П. И. Севастьянова.

Описания собраний и коллекций [10]

76. **Д. Попов. Описание греческих рукописей, принадлежащих г-ну Норову.** — «Журнал Министерства народного просвещения», 1836, № 12, стр. 409—422.

77. **Ch. M. Fraen. Ueber die wichtigsten Orientalischen Handschriften des Rumânzow'schen Museum's.** — „Bulletin scientifique publié par l'Académie Jmpériale des sciences de St. — Pétersbourg", [1837], t. 1, N. 20, p. 156—160.

О важнейших восточных рукописях Румянцевского музея.

78. **А. Х. Востоков. Описание русских и славянских рукописей** Румянцевского музеума. Спб., 1842. III + 899 + 3 стр.

79. **П. Строев. Библиотека имп. Общества истории и древностей российских.** [№№ 1—335]. Выпуск 1. М., 1845. VI + 354 стр.

80. **П. А. Муханов. Каталог актов XIV, XV, XVI и XVII веков,** принесенных в дар Московскому публичному музею Павлом Александровичем Мухановым. Спб., 1865. 26 стр.

81. **А. С. Норов. Библиотека Авраама Сергеевича Норова** (Bibliothèque de M-r Abraham de Noroff). Часть 1-я. Спб., 1868. VIII + 311 стр.

Описание части собрания.

82. **А. Е. Викторов. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского,** описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания с № 1-го по 579-й. С приложением Очерка собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе. М., 1870. 467 стр. Приложение 64 стр.

---

[10] См. также: Отчеты Московского публичного и Румянцевского музеев (№№ 8, 18 и 31) и «Записки отдела рукописей» (№№ 54.5, 55.5, 56.5, 57.5, 58.4, 59.4, 60.5, 61.4, 62.6, 63.4, 65.5 и 66.4).

83. **Е. В. Барсов. Собрание раскольнических рукописей, принесенных в дар Московскому публичному и Румянцевскому музеям Н. И. Поповым.** — «Голос», 1871, № 163.
Описание важнейших рукописей.

84. **А. Е. Викторов. Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским публичным и Румянцевским музеями в 1868 г. после Д. В. Пискарева.** М., 1871. 69 + 2 стр.

85. **[Иларий, иеромонах и Арсений, иеромонах]. Описание славянских рукописей** библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. XIX стр.; ч. I (№№ 1—215, стр. 1—352). М., 1878; ч. II (№№ 216—662, стр. 1—240). М., 1878; ч. III (№№ 663—823, стр. 1—267). М., 1879.

86. **А. Е. Викторов. Собрание рукописей В. И. Григоровича.** М., 1879. 60 стр.; отдельный оттиск из Отчета за 1876—1877 гг.
1) Славянские рукописи (стр. 3—45). Рукописи на иностранных языках (стр. 45—47). 2) Славянские церковно-печатные книги (стр. 47—50). 3) Ученые работы и бумаги В. И. Григоровича (стр. 50—60).

87. **А. Е. Викторов. Собрание рукописей И. Д. Беляева.** Издано к 50-летнему юбилею Румянцевского музея. М., 1881. 4 + 127 стр.
Рукописи научных трудов И. Д. Беляева (стр. 121—122).

88. **А. Е. Викторов. Собрание рукописей П. И. Севастьянова.** Издано к 50-летнему юбилею Румянцевского музея. М., 1881. 120 стр.
1) Греческие рукописи (стр. 1—34). Славянские рукописи (стр. 35—77). Фотографические снимки с греческих и славянских рукописей (стр. 78—104). 2) Бумаги П. И. Севастьянова (стр. 105—116).

89. **Д. Лебедев. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева.** Издано к 50-летнему юбилею Румянцевского музея. М., 1881. 2 + 95 стр.

90. **Леонид, архимандрит. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры.** Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1881. 41 стр.

91. **Иосиф, иеромонах. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии.** М., 1882. 312 + XIV стр.

92. **Леонид, архимандрит. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году** (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). Выпуск 1. Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1887. 375 + 27 + VIII стр.

93. **А. Хаханов. Грузинские рукописи** Румянцевского музея[11]. М., 1895. 13 стр.

94. **[Г. П. Георгиевский]. Каталог масонских рукописей** Московского публичного и Румянцевского музеев. М., 1900. 50 стр.; отдельный оттиск из Отчета за 1899 г.

95. **Е. И. Соколов. Библиотека имп. Общества истории и древностей российских.** Выпуск II. Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1848 по 1902 г. вкл. Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1905. 936 стр.
1) Рукописи XV века (стр. 1—44). Рукописи XVI века (стр. 45—88). Рукописи XVII века (стр. 89—161). Рукописи XVIII века (стр. 162—385). Бумаги и рукописи XVIII—XIX вв. (стр. 386—389). Рукописи и бумаги XIX века (стр. 390—520). Рукописи на славянских наречиях, на иностранных и восточных языках (стр. 521—558). Атласы, карты и планы (стр. 559—563). 2) Бумаги Ю. И. Венели-

[11] В 1923 г. были переданы в Грузию (хранятся в Институте рукописей имени К. Кекелидзе АН Груз. ССР).

на (стр. 563—596). 3) Бумаги О. М. Бодянского (стр. 597—653). 4) Бумаги А. Н. Попова (стр. 654—670).

96. **Г. П. Георгиевский. Собрание Н. С. Тихонравова.** 1. Рукописи. Издано к 50-летнему юбилею существования Музея в Москве. М., 1913. 126 стр.; отдельный оттиск из Отчета за 1912 г.

97. **Г. П. Георгиевский. Рукописи Т. Ф. Большакова,** хранящиеся в имп. Московском и Румянцевском музее. Издание Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Описания русских рукописных собраний. Выпуск I. Пг., 1915. VIII + 455 стр.

98. **[Ю. А. Олсуфьев]. Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры** [12]. Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1921. 96 стр.

99. **Л. И. Кутателадзе. Описание грузинских рукописей** Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина. — «Вестник Гос. музея Грузии им. академика С. Н. Джанашиа», т. XVII—Б, 1953, стр. 189—196.

100. **Я. Н. Щапов. Собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича.** Описание. Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1959. 143 стр. с илл.

101. **Собрания Д. В. Разумовского и В. Ф. Одоевского.** Архив Д. В. Разумовского. Описания. Под редакцией И. М. Кудрявцева. М., 1960. 261 стр.

М. В. Бражников. Певческие рукописи собраний Д. В. Разумовского и В. Ф. Одоевского (стр. 6—22). Б. Б. Грановский. Д. В. Разумовский. Краткий очерк жизни и деятельности. Материалы архива (стр. 23—35). И. М. Кудрявцев. Описание рукописей собрания Д. В. Разумовского (стр. 37—133). И. М. Кудрявцев. Описание рукописей собрания В. Ф. Одоевского (стр. 135—162). А. В. Аскарянц. Архив Д. В. Разумовского (и архивные материалы В. Ф. Одоевского, стр. 163—220).

102. **Музейное собрание рукописей.** Описание. Том I. №№ 1—3005. [Сост.: К. И. Бутина, В. Б. Кобрин, И. М. Кудрявцев, Е. П. Маматова, Л. В. Тиганова, Н. Б. Тихомиров, Т. Б. Ухова]. Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1961. 524 стр.

Каталоги рукописей писателей [13]

103. **В. Е. Якушкин. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина,** хранящиеся в Румянцевском музее в Москве [14]. — «Русская старина». Спб., 1884. Том XLI, февраль, стр. 413—436, март, стр. 647—662; том XLII, апрель, стр. 87—110, май, стр. 325—354, июнь, стр. 533—572; том XLIII, июль, стр. 1—54, август, стр. 313—330, сентябрь, стр. 641—653; том XLIV, октябрь, стр. 75—92, ноябрь, стр. 335—374, декабрь, стр. 515—588.

104. **Ф. В. Буслаев. Рукописи Л. Н. Толстого** [15]. Каталог. Часть I. Произведения. Под ред. И. К. Луппола. М., Соцэкгиз, 1937. 151 стр.

---

[12] Краткие сведения о некоторых рукописях Троице-Сергиева монастыря см.: Олсуфьев Ю. А. Лицевые книги и их орнамент. — В сб.: Троице-Сергиева лавра. Сергиев посад, 1919, стр. 83—88; Искусство XIV—XV веков. — Каталог наиболее выдающихся произведений этой эпохи в музее б. Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1924, стр. 8—11.

[13] Описание автографов М. Ю. Лермонтова — см. № 135.6; М. Е. Салтыкова-Щедрина — см. № 48.9; И. С. Тургенева — см. № 139.3; Н. Г. Чернышевского — см. № 48.4.

[14] Рукописи А. С. Пушкина и современные им списки его сочинений переданы в Государственный музей А. С. Пушкина 11 июня 1938 г. В настоящее время хранятся в Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).

[15] Все автографы Л. Н. Толстого и материалы его фонда, хранившиеся в отделе рукописей, переданы в 1940 г. в Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве.

105. **Ф. В. Буслаев. Рукописи Л. Н. Толстого.** Каталог. Часть 2. Письма. Под ред. И. К. Луппола. М., Соцэкгиз, 1937. 152 стр.

106. **Е. Э. Лейтнеккер. Рукописи А. П. Чехова.** Описание. М., Соцэкгиз, 1938. 123 стр.

107. **Р. П. Маторина. Рукописи Н. А. Некрасова.** М., Соцэкгиз, 1939. 78 стр.
Описание рукописей из архивов: Н. А. Некрасова, В. Г. Белинского, Веневитиновых, А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, С. М. Соловьева, А. И. Урусова, коллекции Бахрушинского музея, Музейного собрания.

108. **Н. Н. Кашин. Рукописи А. Н. Островского.** Каталог. М., Соцэкгиз, 1939. 49 стр.
Описание рукописей из архивов: А. Н. Островского, Н. А. Дубровского, Н. А. Некрасова, М. П. Погодина, А. И. Урусова, А. П. Чехова.

109. **Е. Э. Лейтнеккер. Архив А. П. Чехова.** Аннотированное описание писем к А. П. Чехову. Вып. I. Общ. редакция Н. Л. Мещерякова. М., Соцэкгиз, 1939. 115 стр.

110. **Г. П. Георгиевский и А. А. Ромодановская. Рукописи Н. В. Гоголя.** Каталог. М., Соцэкгиз, 1940. 126 стр.
Описание рукописей из архивов: Н. В. Гоголя, Аксаковых, Апраксиных, А. А. и С. А. Ивановых, М. П. Погодина, Самариных, А. П. Толстого, Н. Н. Шереметевой.

111. **Ф. В. Буслаев. Корреспонденты Л. Н. Толстого.** Под ред. Н. Н. Гусева. М., Соцэкгиз, 1940. 223 стр.

112. **А. В. Аскарянц и З. В. Кеменова. Рукописи А. И. Герцена.** Каталог. Под ред. Б. П. Козьмина. [Л.], Госполитиздат, 1941. 156 стр.

113. **Архив А. П. Чехова. Краткое аннотированное описание писем к А. П. Чехову.** Выпуск II. Общ. редакция Н. Л. Мещерякова. М., Госполитиздат, 1941. 95 стр.

114. **Р. П. Маторина. Рукописи и переписка В. Г. Белинского.** Каталог. Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1948. 41 стр.
Описание рукописей из архивов: В. Г. Белинского, Аксаковых, А. И. Герцена, В. И. Герье, Н. В. Гоголя, М. Н. Каткова, коллекции Бахрушинского музея.

115. **Д. Н. Мамин-Сибиряк. Рукописи и переписка.** Каталоги фондов Гослитмузея. Выпуск 8. Под общ. ред. главного редактора изданий Гослитмузея Влад. Бонч-Бруевича. М., Гослитмузей, 1949. 201 стр.
Описание материалов: отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (из архивов: Д. Н. Мамина-Сибиряка, Д. Н. Анучина, Я. Л. Барскова, В. А. Гольцева, Общества любителей российской словесности, К. П. Победоносцева, Н. С. Тихонравова, А. И. Урусова, А. П. Чехова, А. И. Эртеля, коллекции Литмузея, Музейного собрания), Государственного литературного музея, рукописного отделения Института русской литературы Академии наук СССР, Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственного архива Свердловской области.

116. **А. В. Аскарянц и З. В. Кеменова. Описание рукописей А. И. Герцена.** Под ред. Б. П. Козьмина. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1950. 159 стр.
Описание рукописей из архивов: А. И. Герцена, Аксаковых, В. Г. Белинского, А. Ф. Вельтмана, Т. Н. Грановского, Ф. М. Достоевского, М. И. Жихарева и П. Я. Чаадаева, М. П. Погодина, Музейного собрания.

117. **Р. П. Маторина. Описание рукописей В. Г. Короленко.** Художественные произведения, литературно-критические статьи, исторические и этнографические работы, записные книжки. Материалы и произведения. М., 1950. 223 стр.

118. **А. В. Аскарянц. Описание рукописей Н. П. Огарева.** Под ред. Я. З. Черняка. М., 1952. 205 стр.

Описание рукописей из архива А. И. Герцена и Н. П. Огарева и Музейного собрания.

119. **Л. Р. Ланский и В. А. Путинцев. Рукописи произведений Герцена в «Пражской» и «Софийской» коллекциях.** Описание. — «Литературное наследство», том 63. А. И. Герцен и Н. П. Огарев. М., 1956, стр. 725—752.

120. **Описание рукописей Ф. М. Достоевского.** Под ред. доктора филологических наук В. С. Нечаевой. Ред. Р. П. Маторина. М., 1957. 538 стр.; 5 л. илл.
Описание материалов: Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Из архива Ф. М. Достоевского, С. А. Абрамова, М. Н. Каткова), Центральных государственных архивов, Государственных областных архивов, Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома), Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственного литературного музея, Государственного исторического музея, Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина.

121. **В. М. Федорова. Описание писем В. Г. Короленко.** Ред. С. В. Житомирская. М., 1961. 658 стр.
Описание писем из архивов: В. Г. Короленко, Н. С. Ангарского (Клестова), Д. Н. Анучина, Я. Л. Барскова, В. Д. Бонч-Бруевича, В. П. Вахтерова, В. А. Гольцева, А. Б. Дермана, Н. И. Кареева, В. Л. Львова-Рогачевского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Г. А. Мачтета, Е. С. Некрасовой, Общества любителей российской словесности, А. В. Пешехонова, В. А. Розенберга, Н. А. Рубакина, редакции газеты «Русское слово», А. П. Чехова, И. С. Шмелева, А. И. Эртеля и собрания Отдела рукописей.

Тематические сборники, отдельные публикации и статьи

Фотографические снимки с миниатюр греческих рукописей, находящихся в Москве. Вып. 1—3. М., 1862—1865 (Московский публичный музеум) [16].

122. **А. Викторов. Бумаги Н. В. Сушкова** в Московском публичном музее. — «Московские ведомости», 1872, № 107; имеется отдельный оттиск.
Обзор бумаг Н. В. Сушкова и А. В. Храповицкого.

123. **Архангельское евангелие 1092 года** [Из Музейного собрания]. М., 1912. 178 л.
Фототипическое издание. Приложение. Г. П. Георгиевский. Архангельское евангелие 1092 года. М., 1912. 8 стр.

124. **А. И. Дельвиг. Мои воспоминания.** [Из Музейного собрания. Пригот. к печ. Г. П. Георгиевским]. Т. 1—4. М., 1912—1913.

125. **Письма И. С. Тургенева к графине Е. А. Ламберт.** С предисл. и примеч. Г. П. Георгиевского. М., 1915. X + 244 стр.

126. **Декабристы.** Сборник материалов. Предисл. В. Невского. Л., «Прибой», 1926. 250 стр. с илл.
1) Послание к страдальцам. Стих. граф. Е. П. Ростопчиной [Из архива Киселевых]. Подгот. Г. П. Георгиевский (стр. 7—17). 2) Письмо К. Ф. Рылеева к В. И. Туманскому (стр. 18—31) [17]. 3) «Минусинские ссыльные» А. К. Кузьмина [Из Музейного собрания]. Подгот. Г. П. Георгиевский (стр. 32—56). 4) Конституция Н. Муравьева [Из архива И. И. Пущина]. Подгот. Ю. В. Готье (стр. 58—100). 5) Семеновское дело [18] Подгот. А. Яковлев (стр. 101—247). 6) А. Е. Грузинский. К рисункам [Обзор рисунков из архива Волконских] (стр. 248—250).

127. **А. И. Герцен.** Новые материалы [Письма]. К печати приготовил Н. М. Мендельсон. Труды Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. М., 1927. 143 стр. с факс.

---

[16] Фотографические снимки с рукописей из собраний отдела рукописей намечалось поместить в IV выпуске, но он не был издан.

[17] Письмо Рылеева — не из фонда отдела рукописей.

[18] Дело хранится в Центральном военно-историческом архиве.

128. **Письма Толстого и к Толстому.** Юбилейный сборник. М.—Л., Госиздат, 1928. 333 стр.

Письма Л. Н. Толстого к Б. Н. Чичерину. Вступит. статья и публикация Н. Мендельсона (стр. 9—30). Письма к Л. Н. Толстому. Письма Н. Н. Ге. Подгот. Г. П. Георгиевский (стр. 33—55). Письмо Л. Н. Толстого к Е. Ф. Коршу и ответ Корша (стр. 56—59). Письма Н. С. Лескова. Подгот. С. Шестериков (стр. 60—189). Письма Н. А. Огаревой-Тучковой. Подгот. Е. Н. Коншина (стр. 190—209). Письма С. А. Рачинского. Подгот. А. С. Петровский (стр. 210—248). Письма М. Е. Салтыкова-Щедрина. Подгот. Л. Бухгейм (стр. 249—258). Письма В. А. Соллогуба. Подгот. Л. Бухгейм (стр. 259—263). Письма Б. Н. Чичерина. Подгот. Н. Мендельсон (стр. 264—305). Письма М. А. Энгельгардта. Подгот. Л. Бухгейм (стр. 306—325).

129. **Смерть Толстого.** По новым материалам [Публикация текста телеграмм, посланных на станцию и со станции Астапово во время болезни и смерти Л. Н. Толстого]. М., 1929. 328 стр. с илл.

130. **А. П. Чехов.** Неизданные письма. Вступит. статья и редакция Е. Э. Лейтнеккера. Комментарии К. М. Виноградовой, Н. И. Гитович и Е. Э. Лейтнеккера. Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Музей имени А. П. Чехова. Вып. 1. М.—Л., Госиздат, 1930. 239 стр.

131. **Записные тетради Ф. М. Достоевского,** публикуемые Центральным архивным управлением СССР (тетради №№ 1 и 4) и Публичной библиотекой СССР имени В. И. Ленина (тетради №№ 2 и 3). Подгот. к печ. Е. Н. Коншиной. Коммент. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. [М.—Л.], Academia, 1935. 473 стр.

132. **Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину** [Из Музейного собрания]. Подгот. текста писем и примеч. И. Р. Эйгеса. Ред. и вступит. статья Я. Е. Эльсберга. Под общ. редакцией Н. Л. Мещерякова. М., 1935. 268 стр.; 2 л. илл.

133. **Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля** (Из архива Елагиных) [19]. Подгот. текста писем, статьи и коммент. Е. Н. Коншиной, А. А. Сабурова и В. М. Федоровой. Ред. И. С. Ежова. Под общ. редакцией Б. П. Козьмина. М., 1936. 351 стр.

Письма Г. С. Батенькова к матери и А. А. и А. П. Елагиным (1813—1825). Подгот. текста писем, статья и коммент. А. А. Сабурова (стр. 11—218). Библиографические справки — его же: Сочинения и показания Г. С. Батенькова (стр. 218—220). Хронологический указатель опубликованных и неопубликованных писем Г. С. Батенькова (стр. 220—227). Современники о Г. С. Батенькове. Документы (стр. 220—232). Биографические очерки, исследования и заметки (стр. 232—233). Письма И. И. Пущина к Г. С. Батенькову (1852—1858). Подгот. к печ., статья и коммент. Е. Н. Коншиной (стр. 237—318). Письма Э. Г. Толля к Г. С. Батенькову (1856—1858). Подгот. к печ., статья и комментарии В. М. Федоровой (стр. 321—338).

134. **В. С. Нечаева. В семье и усадьбе Достоевских** (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М., Соцэкгиз, 1939. 158 стр. (Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Музей Ф. М. Достоевского).

В семье и усадьбе Достоевских. Статья В. С. Нечаевой (стр. 3—70). Письма М. А. и М. Ф. Достоевских (стр. 71—122). Приложения: 1) Послужной список штаб-лекаря М. А. Достоевского (стр. 124—127). 2) Отношение Каширского земского суда (стр. 127). 3) Запрещения на имения М. Ф. Достоевской (стр. 127—128). 4) Список крестьян Дарового и Черемошни в 1835 г. (стр. 128—131). 5) Описание плана имения Дарового 1850 г. (стр. 131—133).

135. **М. Ю. Лермонтов.** Статьи и материалы. М., Соцэкгиз, 1939. 88 стр.

1) Н. Л. Бродский. Московский Университетский Благородный пансион эпохи Лермонтова (Из неизданных воспоминаний графа Д. А. Милютина) (стр. 3—15). 2) В. С. Нечаева. Суд над убийцами Лермонтова («Дело штаба Отдельного Кавказского Корпуса» и показания Н. С. Мартынова) [Из Музейного собра-

[19] Письма И. И. Пущина и Э. Г. Толля в настоящее время хранятся в архиве Г. С. Батенькова (ф. 20).

ния] (стр. 16—63). 3) Э. Г. Герштейн. Отклики современников на смерть Лермонтова (По неопубликованным материалам архивов Елагиных, Булгаковых, Каткова и Самариных; стр. 64—69). 4) В. С. Нечаева. К истории текста стихотворения «Валерик» (Список из архива Ю. Ф Самарина; стр. 70—73). 5) В. С. Любимова-Дороватовская. Списки поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» [Из Музейного собрания и архивов В. Г. Белинского и Елагиных] (стр. 74—82)[20]. 6) Автографы и рисунки М. Ю. Лермонтова, находящиеся в отделе рукописей [Из Музейного собрания и архива Самариных] (стр. 83—85)[21].

136. **Рукописи А. С. Пушкина. Фототипическое издание. Альбом 1833—1835 гг.** Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., Гослитиздат, 1939. 3 тетр. в папке.

1. Фотокопии 84 стр., факс.
2. Транскрипции. Сост. С. Бонди и Т. Зенгер. XI + 137 стр.
3. Комментарий. Под ред. С. Бонди. 69 стр.

Содержание: Г. Георгиевский. Пушкинский «Альбом 1833—1835 годов» (стр. 7—13). С. Б. Приложение к «Альбому 1833—1835 годов» (стр. 14—15). С. Бонди. История заполнения «Альбома 1833—1835 годов» (стр. 16—22). Таблица I (стр. 21). Таблица II (стр. 22).

Комментарии: «Сказка о золотом петушке» и «Царь увидел пред собой...» — А. Ахматовой (стр. 23). Перевод из «Одиссеи» — Н. Козьмина и Ф. Петровского (стр. 26). Перечень названий прозаических произведений — М. Цявловского (стр. 27). «Французских рифмачей...» — Б. Томашевского (стр. 29). Планы «Капитанской дочки» — С. Б. (стр. 29). «Он между нами жил...» — М. Цявловского (стр. 30). «Езерский» и «Медный всадник» — С. Бонди (стр. 35). Списки имен — С. Б. (стр. 51). «Чу, пушки грянули...» — С. Б. (стр. 52). «Анджело» — Д. Якубовича (стр. 53). «Сват Иван» — Л. Модзалевского (стр. 56). Список произведений — Б. Томашевского (стр. 57). «Везувий зев открыл...» — Н. Козьмина (стр. 58). О русском дворянстве — Д. Я. (стр. 60). «Барклай де-Толли» («Полководец») — Л. Модзалевского (стр. 60). «Из Wordsworth» — Д. Якубовича (стр. 64). «В поле чистом серебрится...» — Д. Благого (стр. 65). Рисунки Пушкина в «Альбоме 1833—1835 годов» — Т. Зенгер (стр. 67).

137. **Письма Александра Тургенева Булгаковым.** Подгот. текста писем к печати, вступит. статья и комментарии А. А. Сабурова. Под ред. И. К. Луппола. М., Соцэкгиз, 1939. 376 стр.

138. **Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова.** Подгот. текста писем к печати, вступит. статья и коммент. И. С. Ежова. Под ред. И. К. Луппола. М., Соцэкгиз, 1939. 566 стр.

139. **И. С. Тургенев.** Сборник. Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1940. 247 стр.

1) Письма И. С. Тургенева: а) Аловерту Н. П. (стр. 4), б) Анненкову П. В. (стр. 5—9), в) Белоголовому Н. А. (стр. 9—15), г) Веневитиновым А. М. и А. В. (стр. 15—16), д) Веретенникову (стр. 16—17), е) Верещагину В. В. (стр. 17—18), ж) Гинтеру [В.] (стр. 18), з) [Жуковскому П. В.] (стр. 19—20), и) Каткову М. Н. (стр. 20—64), к) Кетчеру Н. Х. (стр. 64—82), л) Козлову П. А. (стр. 82—83), м) Корш М. Ф. (стр. 83—84), н) Маляревскому П. К. (стр. 84—86), о) Неустановленному лицу (стр. 87), п) Пецольд М. Г. (стр. 88—90), р) Рагозину Е. И. (стр. 90—92), с) Самариным П. Ф. и А. П. (стр. 92—96), т) Свистуновой М. П. (стр. 97), у) Селиванову (стр. 97—98), ф) Сушкову Н. В. (стр. 98—100), х) Толстым М. Н. и В. П. (стр. 100—123), ц) Толстым С. А. и Л. Н. (стр. 124—127), ч) Урусову А. И. (стр. 220), ш) Фету А. А. (стр. 129—137)[22], щ) Черкасским Е. А. и В. А. (стр. 220—235), э) Чичерину Б. Н. (стр. 137—140), ю) Щепкину Н. А. (стр. 140— 163)[23]. 2) Л. Крестова. И. С. Тургенев в работе над «Затишьем» (стр. 164—170). 3) Описание автографов И. С. Тургенева [Из архивов: И. С. Тургенева, Аксаковых, В. Г. Белинского,

---

[20] Указанный в статье № 1205 соответствует № 10939 Музейного собрания.

[21] Рисунки М. Ю. Лермонтова переданы в 1939 г. в Гослитмузей.

[22] Письмо И. С. Тургенева к А. А. Фету от 5 июня 1861 г., касающееся ссоры Л. Н. Толстого с И. С. Тургеневым, передано в Гос. музей Л. Н. Толстого.

[23] Из архивов: И. С. Тургенева, Н. А. Белоголового, Веневитиновых, М. Н. Каткова, М. Г. Пецольд, Самариных, Сушковых, А. И. Урусова, А. А. Фета, Черкасских, Б. Н. Чичерина Музейного собрания.

Н. А. Белоголового, Веневитиновых, А. И. Герцена, М. Н. Каткова, Киреевых и О. А. Новиковой, А. Н. Островского, Самариных, Н. В. Сушкова, Л. Н. Толстого, А. И. Урусова, А. А. Фета, Б. Н. Чичерина, А. И. Эртеля. Музейного собрания]. Сост. Р. П. Маторина (стр. 171—219).

140. **Лядов М. Н. Архив генерал-фельдмаршала графа Милютина.** — «Исторический журнал», 1940, № 7, стр. 139—147.

141. **Военные уставы Петра Великого.** Сборник документов [Из собрания Н. П. Румянцева и архива Петра I]. Под ред. Н. Л. Рубинштейна. Вступит. статья и комментарии П. П. Епифанова. М., 1946. 79 стр

Военно-уставное творчество Петра Великого. Вступит. статья П. П. Епифанова (стр. 5—42). 1) Краткое обыкновенное учение (стр. 45—52). 2) Краткое положение об учении конного драгунского строя (стр. 53—59). 3) «Учреждение к бою по настоящему времени» (стр. 60—63). 4) Указ Петра I о порядке принесения жалоб военнослужащими (стр. 64—65). 5) Собственноручные поправки и дополнения Петра I в рукописи Артикула Воинского 1714 г. (стр. 66—79).

142. **Зайончковский П. А. Архив Д. А. Милютина.** — «Вопросы истории», 1946, № 5—6, стр. 96—104.

143. **Дневник Д. А. Милютина.** 1873—1875. Том первый. Ред., биографический очерк и примеч. П. А. Зайончковского. Текст подготовлен к печати А. В. Аскарянц. Указатель имен сост. В. Г. Лапшиной. М., 1947. 254 стр.

144. **Дневник Д. А. Милютина.** Том второй. 1876—1877. Ред. и примеч. П. А. Зайончковского. Текст пригот. к печ. А. В. Аскарянц. Указатель имен сост. В. Г. Лапшиной. М., 1949. 290 стр

145. **Дневник Д. А. Милютина.** Том третий. 1878—1880. Ред. и примеч. П. А. Зайончковского. Текст подгот. к печ. Н. К. Швабе. Указатель имен составлен К. А. Майковой. М., 1950. 324 стр

146. **Дневник Д. А. Милютина.** Том четвертый. 1881—1882, Ред. и примеч. П. А. Зайончковского. Текст подгот. к печ. и указатель имен составлен К. А. Майковой. М., 1950. 202 стр.

147. **В. Г. Белинский и его корреспонденты** [Из архивов: В. Г. Белинского, Аксаковых, В. И. Герье, М. Н. Каткова]. Под ред. проф. Н. Л. Бродского. М., 1948. 314 стр.

1) «Дмитрий Калинин». Цензурный экземпляр (стр. 9—20). Письма В. Г. Белинского: 2) Аксакову К. С. (стр. 23—27), 3) Каткову М. Н. (стр. 27—29).

Письма к В. Г. Белинскому: 4) Артемова П. И. (стр. 33), 5) Баландина А. И. (стр. 34—35), 6) Боткина В. П. (стр. 35—40), 7) Введенского И. И. (стр. 40—41), 8) Востокова В. Ф. (стр. 41—44), 9) Галахова А. Д. (стр. 44—46), 10) Голубинского А. С. и Меридианова М. С. (стр. 46—48), 11) Ефремова А. П. (стр. 48—53), 12) Заикина П. Ф. (стр. 53—63), 13) Иванисова А. (стр. 63—74), 14) Клюшникова И. П. (стр. 74—76), 15) Клюшникова П. П. (стр. 76—79), 16) Козловского П. Д. (стр. 80—89), 17) Косиновского В. А. (стр. 89—91), 18) Краевского А. А. (стр. 91—107), 19) Красова В. И. (стр. 107—123), 20) Кронеберга А. И. (стр. 123—136), 21) Кудрявцева П. Н. (стр. 136—150), 22) Кульчицкого А. Я. (стр. 150—174), 23) Лажечникова И. И. (стр. 174—190), 24) Максимова А. Ф. (стр. 190—195), 25) Панаева И. И. (стр. 195—217), 26) Панаевой А. Я. (стр. 217—233), 27) Петрова П. Я. (стр. 223—251), 28) Петровой А. М. (стр. 251—252), 29) Петровой Н. Я. (стр. 252—253), 30) Полевого К. А. (стр. 253), 31) Полевого Н. А. (стр. 254—257), 32) Полторацкого А. М. (стр. 258—259), 33) Попова М. М. (стр. 259—260), 34) Ржевского В. К. (стр. 260—261), 35) Сатина Н. М. (стр. 261—274), 36) Соколова А. И. (стр. 274—275), 37) Соколова Н. Г. (стр. 276), 38) Сумарокова П. П. (стр. 277—278), 39) Тютчева Н. Н. (стр. 278—279), 40) Ханенко И. И. (стр. 279—281), 41) Щепкина Н. М. (стр. 282—283), 42) Щетининой Н. Н. (стр. 283—284), 43) Неустановленных лиц: 1832—1834 гг. (стр. 284—285), 1841 г. (стр. 285—287), 1842 г. (стр. 287—289), 1846 г. (стр. 289—291).

148. **Славянский сборник.** Славянский вопрос и русское общество в 1867—1878 годах. Под ред. Н. М. Дружинина. М., 1948. 205 стр.

Введение (стр. 1—16). 1) С. А. Никитин. Славянские съезды шестидесятых годов XIX века [По материалам архивов М. Н. Каткова, А. А. Киреева, Д. А. Милютина, М. П. Погодина, Н. А. Попова, Ю. Ф. Самарина, В. А. Черкасского и других] (стр. 16—82). 2) Письма и записки Н. А. Киреева о балканских событиях 1876 года. Подгот. С. А. Никитин (стр. 93—120). 3) И. В. Козьменко. Из истории болгарского ополчения (1876—1877) [По материалам архивов Черкасских, М. Н. Каткова и др.] (стр. 121—131). 4) Переписка И. С. Аксакова с кн. В. А. Черкасским (1875—1878) [Из архива Черкасских]. Подгот. И. В. Козьменко (стр. 132—199).

149. **С. А. Макашин. Софийская коллекция рукописей** из архива Герцена и Огарева. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка». 1954, том XIII, вып. 5. Сентябрь — октябрь, стр. 456—463.

150. **Декабристы.** Новые материалы. Под ред. проф. М. К. Азадовского. Текстологич. ред. А. В. Аскарянц. М., 1955. 374 стр. с илл.

1) В. С. Толстой. Воспоминания [Из Собрания отдела рукописей]. Публикация, вступит. статья и примеч. С. В. Житомирской (стр. 5—136). 2) А. Н. Муравьев. Автобиографические записки [Из архива Шаховских]. Публикация, вступит. статья и примеч. Ю. И. Герасимовой (стр. 137—229). 3) Из переписки декабристов [Из архивов: Г. С. Батенькова, И. И. Пущина, Фонвизиных, Собрания отдела рукописей]. Вступит. статья и публикация Л. М. Ивановой. Примеч. Л. М. Ивановой (Письма Н. А. Бестужева к Г. С. Батенькову и И. Д. Якушкина к М. А. Фонвизину, Г. С. Батенькову и Н. Д. Шаховской) и С. В. Житомирской (Письма И. Д. Якушкина к И. И. Пущину и Н. Д. Фонвизиной) (стр. 231—321). 4) Неизвестная книга декабриста Г. С. Батенькова [Из отдела редких книг Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина]. Сообщение И. С. Кацнельсона (стр. 323—336).

151. **Е. Н. Коншина. Рукописное наследие А. П. Чехова** в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. — В кн.: Чеховские чтения в Ялте. 1954. Статьи. Исследования. Ред. Е. Н. Коншиной и Н. А. Сысоева. М., 1955, стр. 155—171.

152. **Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг.** Воспоминания и письма [Из Собрания отдела рукописей и архива В. Г. Короленко]. Под ред. П. М. Богачева. М., 1956. 313 стр.

Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». Материалы о революционной деятельности потемкинцев. Статья Е. И. Спиваковского (стр. 7—34). Воспоминания о восстании. Публикация и примеч. Е. И. Спиваковского (стр. 35—75). — Воспоминания о пребывании потемкинцев в эмиграции. Публикация и примеч. Е. И. Спиваковского (стр. 76—121). — «Броненосец Потемкин» в Одессе (письмо И. Г. Короленко к В. Г. Короленко). Статья Ю. И. Герасимовой (стр. 122—125). — И. Г. Короленко. Письмо к В. Г. Короленко от 15—16 июня 1905 г. Публикация и примеч. Ю. И. Герасимовой (стр. 125—135).

Севастопольское восстание солдат и матросов в ноябре 1905 г. Воспоминания участников Севастопольского восстания. Статья В. Г. Зиминой (стр. 139—156). — Письма и воспоминания матросов, солдат и рабочих. Публикация и примеч. В. Г. Зиминой (стр. 157—298).

153. **Л. Р. Ланский.** Газетные и журнальные вырезки в архиве Герцена. — «Литературное наследство». Том 63. А. И. Герцен и Н. П. Огарев, М., 1956, стр. 793—830.

154. **Л. Р. Ланский. Материалы «Пражской» и «Софийской» коллекций,** неопубликованные в «Литературном наследстве». Справка. — Там же, стр. 855—864.

155. **Артаксерксово действо.** Первая пьеса русского театра XVII в. [Из Вологодского собрания]. Подгот. текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. (Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина. Отдел рукописей). М.—Л., Изд Акад. наук СССР, 1957. 345 стр.; 11 л. илл.

156. **В. Д. Дмитриев. О личном архиве И. Я. Яковлева.** — «Сов. педагогика», 1958, № 9, стр. 93—100.

157. **М. Д. Зиновьева. Переписка Д. А. Милютина с Ф. Ф. Бергом.** — В кн.: Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов. Под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера. М., Изд. Акад. наук СССР, 1960, стр. 404—451.

158. **Л. А. Обушенкова. Фонд князей Черкасских.** — Там же, стр. 452—468.

159. **Из архива А. П. Чехова.** Публикации. М., 1960. 260 стр.
Е. Н. Коншина. Записные книжки А. П. Чехова. Полный текст (стр. 5—146). Указатель произведений А. П. Чехова (стр. 5—146). Указатель произведений А. П. Чехова, заметки к которым имеются в записных книжках (стр. 147—148).— Н. И. Гитович. Письмо А. П. Чехова к О. П. Кундасовой (стр. 151—152). Письма к А. П. Чехову от Н. В. Алтухова, П. А. Базилевича, В. В. Бурейко, В. Г. Вальтера, Д. П. Голицина, С. С. Голоушева, И. Я. Гурлянда, А. М. Гутмахера, Н. И. Долгополова, П. И. Дьяконова, С. П. Дягилева, Д. Н. Жбанкова, А. А. Коротнева, Д. П. Маковицкого, И. Н. Мошинского, Н. Н. Тугаринова (стр. 153—246).

Деятельность отдела рукописей [24]

160. **[А. Е. Викторов]. Об изданиях Московского публичного и Румянцевского музеев** по отделению рукописей и славянских старопечатных книг. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1867, № 7, стр. 243—256.

161. **Пятидесятилетие Румянцевского музея.** — «Журнал Министерства народного просвещения», 1881, ч. 215, май, отд. IV, стр. 83—100.
О составе рукописного собрания при перенесении Румянцевского музея в 1861 г. в Москву и приобретениях отдела рукописей (стр. 91, 93—95).

162. **И. И. Срезневский. Несколько припоминаний о научной деятельности А. Е. Викторова.** — Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Том XXI, № 8. Спб., 1881. 23 стр.
О приобретениях Московского публичного и Румянцевского музеев по отделению рукописей и старопечатных книг за 1861—1875 гг. (стр. 4—9).

163. **А. Е. Викторов. Передача Румянцевского музеума** в Министерство народного просвещения, по официальным документам. — В кн.: Сборник материалов для истории Румянцевского музея. Вып. 1. М., 1882 (Полувековой юбилей открытия Румянцевского музеума), стр. 117—171.

164. **К. И. Кестнер. Материалы для исторического описания Румянцевского музеума.** Издано к 50-летнему юбилею Румянцевского музеума. М., 1882, VIII+44 стр.
О важнейших рукописях и составе рукописного собрания музея (стр. 26—37).

165. **[С. П. Шуров]. Путеводитель по библиотеке Московского публичного и Румянцевского музеев.** М., 1896. 17 стр.
Краткое описание автографов русских и иностранных ученых, а также славяно-русских и иностранных рукописных книг, представленных на выставке (стр. 31—38).

166. **Московский публичный и Румянцевский музеи.** Каталог выставки актов, автографов, печатных изданий и портретов главных деятелей эпохи императрицы Екатерины II. М., 1896. 15 стр.
Акты и автографы, представленные на выставке (стр. 4—5).

167. **Е. Варб** [25]**. Одно из наших центральных просветительных учреждений** (Очерки Румянцевского музея). М., 1898. 82 стр.

---

[24] См. также Отчеты Московского публичного и Румянцевского музеев (№№ 1—34) и «Записки отдела рукописей» (№№ 48.12, 51.7, 58.6, 63.10 и 65.9).
[25] Е. Варб — псевдоним Я. Ф. Браве.

Краткие сведения о собрании рукописей Н. П. Румянцева (стр. 35—37) и о приобретениях Музея после 1864 г. (стр. 55—61).

168. **Московский публичный и Румянцевский музеи.** Пушкинская выставка 1899 г. Указатель. М., 1899. 40 стр.
Краткое описание рукописей (стр. 1—6), рисунков и фотографических снимков на выставке (стр. 6—9).

169. **Г. П. Георгиевский. Нужды Отделения рукописей.** — В кн.: Румянцевский музей и его строительные нужды. М., 1908, стр. 36—39.

170. **Московский публичный и Румянцевский музеи.** Указатель выставки по поводу 100-летнего юбилея Н. В. Гоголя. 1809—1909. М., 1909. 75 стр.
Рукописи Н. В. Гоголя, представленные на выставке (стр. 5—13).

171. **В. Голицын. Записка о Румянцевском музее.** М., 1911. 14 стр.
О пожертвованиях Отделению рукописей (стр. 5—6).

172. **Г. П. Георгиевский. Отделение рукописей** имп. Московского и Румянцевского музея (1862—1912). — В кн.: Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве. 1862—1912. Исторический очерк. М., 1913, стр. 41—78.

173. **Собрания графа Николая Петровича Румянцева.** М., 1913. 58 стр.
Краткие сведения о собрании Н. П. Румянцева и описание выставки рукописей и старопечатных книг в Музее (стр. 8—13).

174. **Отделение рукописей и славянских старопечатных книг.** — В кн.: Проект Музея в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых. М., 1914, стр. 87—89.
О значении Отделения рукописей.

175. **Государственный Румянцевский музей.** Путеводитель. 1. Библиотека. Издательство Л. Д. Френкель. М.—П., 1923. 237 стр. с илл.
Общие сведения об отделе рукописей, очерк состава рукописных собраний и описания рукописей (стр. 159—237).

176. **М. М. Клевенский. История библиотеки** Московского публичного и Румянцевского музея. 1862—1917 гг. Том 1. М., 1953. 167 стр.
Краткие сведения о фондах отдела рукописей (стр. 84, 87, 94—95).

177. **Сборник инструкций отдела рукописей.** Учет и обработка рукописных фондов. Под ред. Е. Н. Коншиной. М., 1955. 244 стр. (На правах рукописи).

178. **И. М. Кудрявцев, Б. А. Шлихтер, Я. Н. Щапов. Археографические поездки** отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в 1953—1956 годах. — Археографический ежегодник за 1957 год. Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. Отделение исторических наук. Археографическая комиссия. Издательство Академии наук СССР. М., 1958, стр. 265—301.

179. **Я. Н. Щапов. Археографическая экспедиция** в Горьковскую область. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. XIV. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. М.—Л., Издательство Академии наук СССР. М.—Л., 1958, стр. 613—618.

180. **М. М. Клевенский. Путеводитель** по Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Под ред. А. Н. Ефимовой. М., 1959. 199 стр.
О фондах и о читальном зале отдела рукописей (стр. 100—105, 123—124).

181. Výstava «Historie ruské kultury XI—XVII stol. v památnících písemnictví» Katalog. Přeložil z ruštiny Miroslav Tesař. Moskva, 1959. (Министерство культуры СССР. Выставка «История русской культуры XI—XVII веков в памятниках письменности». Каталог. Вступит. статья и редакция каталога И. М. Кудрявцева). М., 1959. 86 стр.; 22 л. илл. На чешск. и рус. яз.
Выставка древнерусских рукописей в Праге, подготовленная Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина, Государственной публичной библиотекой имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и Государственным историческим музеем в Москве.

182. Информация об отделе рукописей — **Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина в 1947 году.** М., 1949 (стр. 75—77); **в 1948 г.** М., 1950 (стр. 82—83); **в 1949 г.** М., 1951 (стр. 31—35, 84—85); **в 1950 г.** М., 1953 (стр. 32—33,80—81); **в 1951 г.** М., 1953 (стр. 31—32, 79—80); **в 1952 г.** М., 1953 (стр. 43—44); **в 1953 г.** М., 1954 (стр. 16—17, 48—49); **в 1954 г.** М., 1955 (стр. 62—64); **в 1955 г.** М., 1956 (стр. 65—68); **в 1956 г.** М., 1957 (стр. 40—41); **в 1957 г.** М., 1958 (стр. 38—40); **в 1958 г.** М., 1959 (стр. 25, 34 и 49); **в 1959 г.** М., 1960 (стр. 7, 22—23, 36 и 51); **в 1960 г.** М., 1961 (стр. 44—46); **в 1961 г.** М., 1962 (стр. 52—59).

УКАЗАТЕЛЬ СВЕДЕНИЙ О ФОНДАХ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ

Цифры указывают порядковый номер издания, где помещены сведения о данном фонде, и (после точки) порядковый номер статьи в этом издании. В скобках указан характер имеющихся в издании сведений о фонде.

Собрания

Академии московской духовной — см. Московской духовной академии

Амфилохия, архимандрита (П. И. Сергиевского, ф. 7)
1 (краткие сведения)

Архангельской областной библиотеки (ф. 353) — 58.4 (описание)

Барсова Е. В. (ф. 16) — 5 (краткие сведения)

Беляева И. Д. (ф. 29) — 7 (краткие сведения); 87 (описание собрания); 56.4 и 57.4 (описание отдельных рукописей)

Большакова Т. Ф. (ф. 37) — 1 и 2 (краткие сведения); 97 (описание собрания); 57.4 (описание отдельных рукописей); 67 (описание и воспроизведение миниатюр)

Буслаева Ф. И. (ф. 396) — 8 и 10 (краткие сведения)

Великоустюжского музея (ф. 122) — 60.5 (описание)

Вологодской областной библиотеки и Вологодского областного музея (ф. 354) — 58.4 (описание); 155 (публикация)

Волоколамского Иосифова монастыря — см. Иосифо-Волоколамского монастыря

Генерального штаба (ф. 68) — 75 (описание отдельных западноевропейских рукописей); 60.6 (публикация)

Горского А. В. (ф. 79) — 62.3 (описание отдельных рукописей); 62.7 (публикация)

Григоровича В. И. (ф. 87) — 8 и 86.1 (описание собрания); 75 (описание отдельных западноевропейских рукописей); 71 (обзор греческих рукописей)

Долгова С. О. (ф. 92) — 10 (краткие сведения); 56.4 (описание отдельных рукописей)

Дурова Н. П. (ф. 96) — 9 (краткие сведения)

Егорова Е. Е. (ф. 98) — 56.4 и 57.4 (описание отдельных рукописей); 67 (описание и воспроизведение миниатюр)

Ешевского С. В. — см. С. С. Ланского и С. В. Ешевского

Залкинда Г. М. (ф. 412) — 65.5 и 66.4 (описание)

Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113) — 91 (описание собрания)

Костромской областной библиотеки (ф. 138) — 56.5 (описание); 56.4 (описание отдельных рукописей)

Ланского С. С. и Ешевского С. В. (ф. 147) — 1, 3 и 4 (краткие сведения); 18 и 94 (описание собрания)

Лукашевича И. Я. и Маркевича Н. А. (ф. 152) — 6 (краткие сведения); 100 (описание собрания); 61.1 (обзор); 62.4 (описание отдельных рукописей); 67 (описание и воспроизведение миниатюр)

Московской духовной академии (ф. 173) — 92 (описание собрания); 64 (описание художественных особенностей и переплетов), 67 (описание и воспроизведение миниатюр); 56.4 и 57.4 (описание отдельных рукописей); 63.6 (публикация)

Музейное (славянские и русские рукописи, ф. 178)[26] — краткие сведения — 1 (№№ 1—728, стр. 32—50, 158—159); 2 (№№ 729—766, стр. 9—11, 15); 3 (№№ 767—788, стр. 10—11); 4 (№№ 789—867,

[26] Включает в себя отдельные рукописи, поступавшие в Румянцевский музей, а затем в Библиотеку имени В. И. Ленина с 1862 по 1947 год. Отдельные рукописи, поступившие (и поступающие) после 1947 г., включаются в Собрание отдела рукописей (ф. 218).

стр. 51—57); 5 (№№ 868—1035, стр. 29—57); 6 (№№ 1036—1387, стр. 35—73); 7 (№№ 1388—1646, стр. 1—59); 8 (№№ 1647—2181, стр. 76—106); 9 (№№ 2182—2770, стр. 1—93); 10 (№№ 2771—3005, стр. 1—92); 11 (№№ 3006—3103, стр. 87—122); 12 (№№ 3104—3151, стр. 3—87); 13 (№№ 3152—3201, стр. 1—56); 14 (№№ 3202—3208, стр. 3—6); 15 (№№ 3209—3253, стр. 15—18); 16 (№№ 3254—3265, стр. 26—35); 17 (№№ 3266—3274, стр. 14—19); 18 (№№ 3275—3296, стр. 17—39); 19 (№№ 3297—3307, стр. 17—22); 20 (№№ 3308—3320, стр. 26—34); 21 (№№ 3321—3336, стр. 21—33); 22 (№№ 3337—3357, стр. 25—41); 23 (№№ 3358—3385, стр. 23—43); 24 (№№ 3386—3399, стр. 14—20); 25 (№№ 3400—3426, стр. 16—48); 26 (№№ 3427—3467, стр. 20—47); 27 (№№ 3468—3489, стр. 13—33); 28 (№№ 3490—3521, 3582—3593, стр. 1—42); 29 (№№ 3522—3526, 3594—3616, стр. 1—18); 30 (№№ 3617—3647, стр. 2—23); 32 (№№ 3648—3737, стр. 1—30); 33 (№№ 3527—3551, 3738—3840, стр. 3—61); 34 (№№ 3841—3879, стр. 6—18); 43.16, 17 и 20, 44.17, 45.10, 46.6, 47.14, 48.16, 49.5, 50.7, 51.8, 52.9, 53.4 (№№ 8223—11009); описание собрания — 102; описание отдельных рукописей: 43.14, 47.2 и 13, 48.9, 13 и 15, 49.4, 52.8, 53.3, 56.4, 57.4, 62.4, 107, 115, 116, 118, 135.5—6 и 139.3; описание и воспроизведение миниатюр — 67; публикации: 45.1, 47.1, 48.10, 51.1, 3 и 6 52.1, 55.6, 59.5, 61.5—6, 65.6, 123, 124, 126.3, 132, 135.2 и 139.1 а, к, м, т

Музейное собрание греческих рукописей (ф. 181) — 71 (обзор)

Музейное собрание западноевропейских рукописей (ф. 183) — 1—30, 32—34, 45.10, 46.6, 47.14, 48.16, 49.5, 50.7 и 51.8 (краткие сведения); 75 (обзор); 49.1 (публикация)

Музейное собрание грузинских рукописей (ф. 186) — 99 (описание собрания)

Никифорова П. Н. (ф. 199) — 54.5 (описание); 56.4 (описание отдельных рукописей)

Норова А. С. (ф. 201) — 1, 5 и 6 (краткие сведения); 60.2 (обзор); 59.3 и 81 (описание отдельных рукописей); 70 и 75 (описание отдельных западноевропейских рукописей); 76 (описание отдельных греческих рукописей); 71 (обзор греческих рукописей); 53.8 (публикация)

Общества истории и древностей российских (ф. 205) — 79 и 95 (описание собрания); 56.4 и 57.4 (описание отдельных рукописей)

Овчинникова П. А. (ф. 209) — 56.4 и 57.4 (описание отдельных рукописей)

Одоевского В. Ф. (ф. 210) — 5 (краткие сведения); 101 (описание собрания); 71 (обзор греческих рукописей); 42.6 (описание отдельных рукописей); 101 (статья)

Олонецкой духовной семинарии (ф. 212) — 8 (краткие сведения)

Отдела рукописей (ф. 218) — описание: 54.5 (№№ 1—119); 55.5 (№№ 120—176); 56.5 (№№ 177—202); 57.5 (№№ 203—310); 58.4 (№№ 311—403); 59.4 (№№ 404—531); 60.5 (№№ 532—591); 61.4 (№№ 592—727); 62.6 (№№ 728—790); 63.4 (№№ 791—863); 65.5 (№№ 864—972); 66.4 (№№ 973—1064); описание отдельных рукописей: 60.4 и 121; описание отдельных западноевропейских рукописей — 75; публикации: 60.7, 66.5—6, 150.1, 3 и 152

Пискарева Д. В. (ф. 228) — 5 (краткие сведения); 84 (описание собрания); 57.4 (описание отдельных рукописей)

Полуденского М. П. (ф. 335) — 4 (краткие сведения)

Попова А. Н. (ф. 236) — 9 (краткие сведения); 56.4 (описание отдельных рукописей)

Попова Н. И. (ф. 238) — 6 (краткие сведения); 83 (описание собрания)

Прянишникова Г. М. (ф. 242) — 56.4 (описание отдельных рукописей)

Разумовского Д. В. (ф. 379) — 101 (описание собрания); 71 (обзор греческих рукописей); 101 (статья)

Рогожского старообрядческого кладбища (ф. 247) — 56.4 (описание отдельных рукописей); 55.8 и 62.8 (публикации)

Румянцева Н. П. (ф. 256) — 1 (обзор); 78 (описание собрания); 40, 56.4 и 57.4 (описание отдельных рукописей); 75 (описание отдельных западноевропейских рукописей); 77 (описание отдельных восточных рукописей); 66.5 и 141.1—4 (публикации); 164, 167 и 173 (краткие сведения)

Севастьянова П. И. (ф. 270) — 1 и 7 (краткие сведения); 88.1 (описание собрания); 70 (описание отдельных западноевропейских рукописей); 71 (обзор греческих рукописей)

Скачкова К. А. (ф. 274) — 7 (краткие сведения)

Тихонравова Н. С. (ф. 299) — 31 и 96 (описание собрания); 56.4, 57.4 и 62.4 (описание отдельных рукописей)
Троице-Сергиевой лавры (ф. 304) — 85 и 90 (описание собрания); 98 (описание художественных особенностей); 64 (описание художественных особенностей и переплетов); 56.4 и 57.4 (описание отдельных рукописей)
Ундольского В. М. (ф. 310) — 4 (обзор); 82 (описание собрания); 60.3 (описание художественных особенностей); 56.4, 57.4 и 62.4 (описание отдельных рукописей)
Фадеева И. И. (ф. 312) — 54.5 и 57.5 (описание); 56.4 (описание отдельных рукописей)
Федорова А. К. (ф. 313) — 10 (краткие сведения); 56.4 (описание отдельных рукописей)
Хлудова А. И. (ф. 394) — 4 (краткие сведения); 56.4 (описание отдельных рукописей)
Шибанова П. П. (ф. 344) — 59.2 (обзор); 59.5 (публикация)

Коллекции

Бахрушинского музея (ф. 359) — 47.12, 48.9, 107 и 114 (описание отдельных рукописей); 70 (описание отдельных западноевропейских рукописей)
Беляева И. Д. (ф. 28) — 7 (краткие сведения); 89 (описание коллекции)
Гарелина Я. П. (ф. 67) — 11 (обзор)
Литмузея при Гос. биб-ке имени В. И. Ленина (ф. 82) — 48.9 и 115 (описание отдельных рукописей); 48.10 (публикация)
Маркевича Н. А. и Лукашевича И. Я. (ф. 159) — 6 (краткие сведения); 47.10 (обзор)
Музейная иностранных автографов (ф. 183) — 70 (обзор); 48.14 (описание отдельных рукописей)
Муханова П. А. (ф. 191) — 3 (краткие сведения); 80 (описание коллекции)
Общества истории и древностей российских (ф. 204) — 95.1 (описание коллекции); 55.1 (обзор)
Циппельзона Э. Ф. (ф. 416) — 65.5 (краткие сведения)
Черногубова Б. А. (ф. 417) — 65.5 и 66.4 (краткие сведения); 65.7 (публикация)
Шибанова П. П. (ф. 343) — 58.1 (обзор)

Архивы

Абрамова С. А. (ф. 1) — 120 (описание отдельных рукописей)
Айзмана Д. Я. (ф. 2) — 47.14 (краткие сведения)
Аксаковых С. Т., К. С., И. С. (ф. 3) — 43.19, 48.9, 110, 114, 116 и 139.3 (описание отдельных рукописей); 42.8—10 и 147.2 (публикации)
Анастасевича В. Г. (ф. 8) — 5 (краткие сведения)
Ангарского (Клестова) Н. С. (ф. 9) — 121 (описание отдельных рукописей)
Анучина Д. Н. (ф. 10) — 72 (обзор); 42.4, 115 и 121 (описание отдельных рукописей); 42.3, 43.6 и 44.3 (публикации)
Апраксиных (ф. 11) — 110 (описание отдельных рукописей); 43.5 (публикация)
Бальмонта К. Д. (ф. 374) — 65.5 (краткие сведения)
Барскова Я. Л. (ф. 16) — 45.10 (краткие сведения); 115 и 121 (описание отдельных рукописей); 50.1 (публикация)
Батенькова Г. С. (ф. 20) — 55.3 (обзор); 66.7, 133 и 150.3 (публикации)
Батюкова И. П. (ф. 378) — 62.6 (краткие сведения)
«Белой Колпи», имения Шаховских — см.: Шаховские, кн. владельцы имения «Белая Колпь»
Белинского В. Г. (ф. 21) — 21 и 52.9 (краткие сведения); 114 (каталог); 107, 116, 135.5 и 139.3 (описание отдельных рукописей); 42.7, 51.2, 4 и 147.1, 4—19, 23—43 (публикации)
Белоголового Н. А. (ф. 22) — 44.4—7 (обзоры); 48.9 и 139.3 (описание отдельных рукописей); 48.11 и 139.1в (публикации)
Белокурова С. А. (ф. 23) — 44.12 (обзор)
Беляева И. Д. (ф. 27) — 8 (краткие сведения); 87 (описание архива)
Бенкендорфов (ф. 30) — 44.9 (обзор)
Бернета (Жуковского) А. К. (ф. 31) — 47.14 (краткие сведения)
Бецкого И. Е. (ф. 32) — 5, 7 и 12 (краткие сведения); 47.11 (обзор); 47.12 (описание отдельных рукописей); 70 (описание отдельных западноевропейских рукописей)
Блока А. А. (ф. 423) — 65.5 (краткие сведения)
Богданова А. П. (ф. 33) — 44.13 (обзор)
Бодянского О. М. (ф. 36) — 61.4 (краткие сведения); 95.3 (описание архива)
Бонч-Бруевича В. Д. (ф. 369) — 61.4 (краткие сведения); 121 (описание отдельных рукописей); 65.8 (публикация)
Брехта Бертольда (ф. 422) — 65.5 (краткие сведения)

Брюсова В. Я. (ф. 386) — 63.4 (краткие сведения)
Булгаковых Я. И., А. Я. и др. (ф. 41) — 56.3 (описание отдельных рукописей); 62.9, 135.3 и 137 (публикации)
Бунина И. А. (ф. 429) — 66.4 (краткие сведения)
Буслаева Ф. И. (ф. 42) — 9,10 и 13 (краткие сведения); 72 (обзор)
Бутурлиных С. П., С. С. и др. (ф. 89) — 45.10 и 65.5 (краткие сведения); 52.8 (описание отдельных рукописей)
Бухов К. А. и А. К. (ф. 43) — 48.9 (описание отдельных рукописей); 43.1 (публикации)
Вайнерта Эриха (ф. 426) — 66.4 (краткие сведения)
Вахтеровых В. П. и Э. О. (ф. 46) — 44.11 (обзор); 121 (описание отдельных рукописей)
Вельтмана А. Ф. (ф. 47) — 8 и 9 (краткие сведения); 116 (описание отдельных рукописей); 48.3 (публикация)
Веневитиновых и Виельгорских (ф. 48) — 4 и 5 (краткие сведения); 44.8 (обзор); 107 и 139.3 (описание отдельных рукописей); 48.2 и 139.1г (публикации)
Венелина Ю. И. (ф. 49) — 95.2 (описание архива)
Венюкова М. И. (ф. 363) — 60.5 (краткие сведения); 65.3 (обзор).
Верстовского А. Н. (ф. 411) — 9 (краткие сведения)
Виельгорских — см.: Веневитиновых и Виельгорских
Викторова А. Е. (ф. 51) — 10 (краткие сведения); 58.3 (обзор)
Волконского М. С. (ф. 56) — 45.7 и 126.6 (обзор изобразительных материалов)
Волынских А. Ф. и И. Ф. (ф. 57) — 55.2 (обзор)
Воронцовых-Дашковых И. И. и Е. А. (ф. 58) — 48.7 (публикация).
«Выжловичей» — имения Хржановских в Пинском уезде, Минской губ. (ф. 61) — 21 (обзор)
«Вязем» — имения Голицыных (ф. 64) — 57.5 (краткие сведения); 59.1 (обзор); 49.2 (публикации)
Гамбургера А. Ф. (ф. 66) — 10 (краткие сведения)
Герцена А. И. и Огарева Н. П. (ф. 69) — 25, 26 и 45.10 (краткие сведения); 116, 118 и 119 (каталоги); 54.2, 149 153 и 154 (обзоры); 107, 114 и 139.3 (описание отдельных рукописей); 54.6—7, 55.7 и 127 (публикации)
Герье В. И. и Е. В. (ф. 70) — 53.4 (краткие сведения); 45.9 и 63.2 (обзоры); 49.3 и 114 (описание отдельных рукописей); 147.20—22 (публикации)
Гиппиуса Г. Ф. и Пецольд М. Г. (ф. 72) — 139.1п (публикация)
Гоголя Н. В. (ф. 74) — 7,9, 12 и 15 (краткие сведения); 110 (каталог); 61.2 (обзор); 47.13, 56.3 и 114 (описание отдельных рукописей)
Голицыных — см. «Вязёмы», имение Голицыных
Гольцева В. А. (ф. 77) — 63.4 (краткие сведения); 48.4, 9, 115 и 121 (описание отдельных рукописей); 48.6, 11 и 50.5 (публикации)
Грамматина Н. Ф. (ф. 398) — 11 (краткие сведения)
Грановского Т. Н. (ф. 84) — 63.1 (обзор); 116 (описание отдельных рукописей)
Григоровича В. И. (ф. 86) — 12 (краткие сведения); 8 и 86.3 (описание архива); 57.1 (обзор)
Гудовича А. К. (ф. 400) — 7 (краткие сведения)
Давыдова В. Л. (ф. 88) — 45.7 (обзор изобразительных материалов)
Дашкова А. И. (ф. 404) — 5 (краткие сведения)
Дермана А. Б. (ф. 356) — 58.4 и 62.6 (краткие сведения); 121 (описание отдельных рукописей).
Добычиной Н. Е. (ф. 420) — 66.4 (краткие сведения)
Достоевского Ф. М. (ф. 93) — 46.6, 47.14 и 61.4 (краткие сведения); 120 (каталог); 107 и 116 (описание отдельных рукописей); 131 и 134 (публикации)
Дубровского Н. А. (ф. 94) — 7 (краткие сведения); 66.2 (обзор); 108 (описание отдельных рукописей); 42.1 (публикация)
Дурново С. Д., Н. Д. и П. П. (ф. 95) — 46.6 (краткие сведения); 52.8 (описание отдельных рукописей); 45.2 (публикация).
Дьяконовых (ф. 375) — 65.5 (краткие сведения)
Егорьева В. Н. (ф. 381) — 62.6 (краткие сведения)
Елагиных и Киреевских (ф. 99) — 52.5 и 57.2 (обзоры); 56.3 и 135.5 (описание отдельных рукописей); 47.5, 133 и 135.3 (публикации)
Енишерлова Г. П. (ф. 100) — 43.9 (обзор)
Есенина С. А. (ф. 393) — 55.5 и 65.5 (краткие сведения)
Жемчужникова А. М. (ф. 101) — 48.11 (публикация)
Жеребцова А. А. (ф. 403) — 5 (краткие сведения)
Жихарева М. И. и Чаадаева П. Я. (ф. 103) — 5 и 9 (краткие сведения); 56.3 и 116 (описание отдельных рукописей)

Жуковского А. К. — см.: Бернета А. К. (Жуковского)
Жуковского В. А. (ф. 104) — 45.10 (краткие сведения); 45.9 и 56.3 (обзоры); 56.6 (публикация)
Зедергольма К. А. (ф. 107) — 53.7 (публикация)
Зензинова М. А. (ф. 108) — 46.6 (краткие сведения)
Иванишкого В. Ф. (ф. 388) — 63.4 (краткие сведения)
Ивановой Е. А. (ф. 413) — 47.14 и 65.5 (краткие сведения)
Ивановского А. В. (ф. 414) — 65.5 (краткие сведения)
Ивановых А. А. и С. А. (ф. 111) — 9 (краткие сведения); 62.1 (обзор); 110 (описание отдельных рукописей)
Ивашевых В. П. и К. П. (ф. 112) — 45.5 (обзор)
Издательства А. Ф. Маркса (ф. 360)— 59.4 (краткие сведения)
Ильминского Н. И. (ф. 424) — 60.5 (краткие сведения)
Каменецких О. К. и Т. А. (ф. 406) — 9 (краткие сведения)
Кареева Н. И. (ф. 119) — 46.6 (краткие сведения); 121 (описание отдельных рукописей)
Каткова М. Н. (ф. 120) — 43.11 (обзор); 114, 120 и 139.3 (описание отдельных рукописей); 48.8, 135.3, 139.1и. 147.3 (публикации); 148.1,3 (статьи)
Кашкиных С. Н. и Н. С. (ф. 121) — 66.4 (краткие сведения); 65.2 (обзор)
Киреевских — см.: Елагиных и Киреевских
Киреевых А. А., Н. А. и Новиковой О. А. (ф. 126) — 21, 29 и 45.10 (краткие сведения); 139.3 (описание отдельных рукописей); 70 (описание отдельных западноевропейских рукописей); 148.2 (публикация); 148.1 (статья)
Киселевых П. Д., С. Д. и др. (ф. 129) — 61.3 (обзор); 66.3 (описание отдельных рукописей); 62.10, 126.1 (публикации)
Ключевского В. О. (ф. 131) — 54.3 и 72 (обзоры); 38, 66.8 (публикации)
Комиссии для составления нового уложения (учрежденной в 1767 г., ф. 132) — 10 (краткие сведения, №№ 2934—2937)
Коновницыных и Нарышкиных (ф. 133) — 46.6 (краткие сведения); 45.4 (обзор); 56.3 (описание отдельных рукописей)
Короленко В. Г. (ф. 135) — 56.5, 63.4, 65.5 и 66.4 (краткие сведения); 117 и 121 (каталоги); 53.1 (обзор); 152 (публикация)
Корсаковых Н. И., С. Н. и др. (ф. 137) — 52.6 (описание отдельных рукописей); 48.7 и 66.7 (публикации)
Кошелева А. И. (ф. 139) — 11 (краткие сведения); 52.2 (обзор); 47.13 (описание отдельных рукописей)
Кречетниковых П. Н. и М. Н. (ф. 397) — 11 и 57.5 (краткие сведения)
Кропоткина П. А. (ф. 410) — 65.5 (краткие сведения)
Крылова И. А. (ф. 405) — 5 (краткие сведения)
Кубарева А. М. (ф. 399) — 9 (краткие сведения)
Кульжинского Я. С. (ф. 145) — 43.15 (обзор)
Куприна А. И. (ф. 392) — 60.5 и 62.6 (краткие сведения)
Курилова В. В. (ф. 146) — 44.15 (обзор)
Курсинского А. А. (ф. 389) — 63.4 (краткие сведения)
Кутузова М. И. (ф. 408) — 4 (краткие сведения)
Лидерса А. Н. (ф. 150) — 53.4 (краткие сведения)
Липскерова А. Я. (ф. 415) — 65.5 (краткие сведения)
Любавского М. К. (ф. 364) — 60.5 (краткие сведения)
Львова-Рогачевского В. Л. (ф. 154)— 121 (описание отдельных рукописей)
Мамина-Сибиряка Д. Н. (ф. 157) — 61.4 (краткие сведения); 115 (каталог); 48.9 и 121 (описание отдельных рукописей); 47.9 (публикация)
Маслова В. П. (ф. 418) — 65.5 (краткие сведения)
Мачтета Г. А. (ф. 162) — 50.7 (краткие сведения); 121 (описание отдельных рукописей); 47.8 (публикация)
Метнера Э. К. (ф. 167) — 66.4 (краткие сведения)
Милютина Д. А. (ф. 169) — 52.7, 58.2, 140, 142 и 157 (обзоры); 48.4 (описание отдельных рукописей); 44.1—2; 48.5, 135.1, 143—146 (публикации); 148.1 (статья)
«Михайловского», имения Шереметевых — см.: Шереметевых, владельцев имения «Михайловское»
Московского областного научно-исследовательского бюро краеведения (ф. 177) — 45.10 (краткие сведения)
Нарышкиных — см.: Коновницыных и Нарышкиных
Невского В. И. (ф. 384) — 63.4 (краткие сведения)
Некрасова Н. А. (ф. 195) — 63.4 (краткие сведения); 107 (каталог); 48.9 и 108 (описание отдельных ру-

писей); 48.1—3, 51.5 и 63.7 (публикации)
Некрасовых Е. С. и В. С. (ф. 196) — 10, 13 и 25 (краткие сведения); 121 (описание отдельных рукописей); 38 (публикация)
«Никитинские субботники» — кооперативного издательства писателей (ф. 198) — 55.5 (краткие сведения)
Новиковой О. А. — см.: Киреевых и Новиковой О. А.
Общества истории и древностей российских (ОИДР, ф. 203) — 95.1 (описание архива); 47.3 и 47.4а (описание отдельных рукописей)
Общества любителей российской словесности (ОЛРС, ф. 207) — 115 и 121 (описание отдельных рукописей); 43.6, 47.9 (публикации)
Огарева Н. П. — см.: Герцена А. И. и Огарева Н. П.
Оленина А. Н. (ф. 211) — 30 (краткие сведения)
Орлова Н. Н. (ф. 382) — 62.6 (краткие сведения)
Орловых-Давыдовых В. Г., Г. В. и др., владельцев имения «Отрада» (ф. 219) — 66.3 (описание отдельных рукописей); 66.7 (публикация)
Орловых и Раевских — см.: Раевских и Орловых
Островского А. Н. (ф. 216) — 11 и 15 (краткие сведения); 108 (каталог); 139.3 (описание отдельных рукописей); 61.7 и 65.7 (публикации); 42.2 (статьи)
«Отрада», имения Орловых-Давыдовых, см.: Орловых-Давыдовых В. Г., Г. В. и др. владельцев имения «Отрада»
Пазухиных (ф. 221) — 53.4 (краткие сведения); 54.1 (обзор)
Паниных Н. И., П. И. и др. (ф. 222) — 45.10 (краткие сведения)
Петра I (ф. 409) — 7 (краткие сведения); 141.5 (публикация)
Петрово-Соловово и Сухово-Кобылиных (ф. 223) — 53.4 (краткие сведения); 41 (публикация)
Пецольд М. Г. — см.: Гиппиуса Г. Ф. и др. и Пецольд М. Г.
Пешехонова А. В. (ф. 225) — 121 (описание отдельных рукописей)
Писемского А. Ф. (ф. 407) — 9 и 11 (краткие сведения)
Платона, митрополита московского (ф. 229) — 14 (краткие сведения)
Победоносцева К. П. (ф. 230) — 40 обзор переписки); 115 (описание отдельных рукописей); 36—37 (публикации)
Погодина М. П. (ф. 231) — 11, 27—29, 33 и 34 (краткие сведения) 53.2 (обзор); 47.12, 56.3, 108, 110 и 116 (описание отдельных рукописей); 42.1, 53.6, 54.8 и 65.7 (публикации) 148.1 (статья)
Полосина И. И. (ф. 428) — 66.4 (краткие сведения)
Полторацкого С. Д. (ф. 233) — 9, 10 и 14 (краткие сведения); 65.4 (описание отдельных рукописей); 59.6 (публикация)
Попова А. Н. (ф. 235) — 95.4 (описание архива)
Попова Н. А. (ф. 239) — 29 (краткие сведения); 54.8 (публикация; 148.1 (статья)
Поспелова А. И. (ф. 240) — 44.14 (обзор)
Пущина И. И. (ф. 243) — 62.2 (обзор); 45.3, 62.11, 66.7, 126.4 и 150.3 (публикации)
Раевских и Орловых (ф. 244) — 29 (краткие сведения)
Разумовского Д. В. (ф. 380)—101 (описание архива и статья)
Розенберга В. А. (ф. 251)—121 (описания отдельных рукописей)
Роллана Ромена (ф. 252) — 59.4, 60.5 и 61.4 (краткие сведения)
Ромова С. М. (ф. 254) — 53.4 (краткие сведения)
Рубакина Н. А. (ф. 358) — 121 (описание отдельных рукописей)
Румянцевского музеума (ф. 352) — 9 (краткие сведения)
Румянцевых П. А., Н. П. и др. (ф. 255) — 1, 16 и 32 (краткие сведения); 56.1 (обзор)
«Русского слова», редакции газеты (ф. 259) — 45.9 (обзор); 121 (описание отдельных рукописей)
Рыбниковых и Щукиных (ф. 367) — 60.5 (краткие сведения)
Савина А. Н. (ф. 263) — 53.4 (краткие сведения)
Сакулина П. Н. (ф. 264) — 72 (обзор)
Самариных Ю. Ф., Д. Ф. и др. (ф. 265) — 43.8 (обзор); 110, 135.4, 135.6 и 139.3 (описание отдельных рукописей); 135.3 и 139.1с (публикации); 148.1 (статья)
Сафоновых П. И. и А. И. (ф. 267) — 9 (краткие сведения); 94 (описание масонских рукописей, №№ 2309—2337, 2677—2720)
Сахарова И. П. (ф. 268) — 5 (краткие сведения)
Севастьянова П. И. (ф. 269) — 17 (краткие сведения): 88.2 (описание архива); 70 (описание отдельных западноевропейских рукописей); 71 (обзор греческих рукописей)
Симанских А. Л., Л. А. и др. (ф. 271) — 65.1 (обзор)
Симони П. К. (ф. 362) — 60.5 (краткие сведения)
Скачкова К. А. (ф. 273) — 10 (краткие сведения)

Скребицкого А. И. (ф. 276) — 23 и 26 (краткие сведения); 52.8 (описание отдельных рукописей); 48.11 (публикация)
Смирнова П. П. (ф. 279) — 55.5 (краткие сведения)
Соловьева С. М. (ф. 285) — 107 (описание отдельных рукописей)
Спасо-Прилуцкого монастыря (ф. 287) — 44.16 (обзор)
Стесселя А. М. (ф. 289) — 43.13 (обзор)
Стояновского Н. И. (ф. 290) — 30 (краткие сведения)
Субботина Н. И. (ф. 294) — 44.10 (обзор)
Сурикова И. З. (ф. 295) — 47.7 (публикации)
Сухово-Кобылиных — см.: Петрово-Соловово и Сухово-Кобылиных
Сушковых Н. В. и П. В. (ф. 297) — 6 и 9 (краткие сведения); 122 (обзор); 139.3 (описание отдельных рукописей); 139.1ф (публикация)
Тихонравова Н. С. (ф. 298) — 72 (обзор); 115 (описание отдельных рукописей)
Толстых П. А., А. П. и др. (ф. 302)— 47.13 и 110 (описание отдельных рукописей); 43.5 и 47.4б (публикации)
Троице-Сергиевой лавры (ф. 303) — 60.1 и 66.1 (обзоры); 63.5 (публикация)
Тургенева И. С. (ф. 306) — 60.5, 61.4 и 65.5 (краткие сведения); 139.3 каталог); 41, 60.8, 65.7, 125 и 139.1 б, д, е, ж, з, л, н, о, р, у, х, ю (публикации); 139.2 (статья)
Тюлины М. С., Н. М. и др. (ф. 307)— 53.4 (краткие сведения)
Урусова А. И. (ф. 311) — 48.9, 107, 108, 115 и 139.3 (описание отдельных рукописей); 70 (описание отдельных западноевропейских рукописей); 48.2, 63.9 и 139.1ч (публикации)
Фета (Шеншина) А. А. (ф. 315) — 139.3 (описание отдельных рукописей); 39, 40 и 139.1ш (публикации)
Филарета, митрополита московского (ф. 316) — 28 (краткие сведения); 57.4 (описание отдельных рукописей)
Флеровых В. П. и С. В. (ф. 385) — 63.4 (краткие сведения)
Фонвизиных М. А. и Н. Д. (ф. 319) — 56.5 и 65.5 (краткие сведения); 56.2 (обзор); 150.3 (публикации)
Франчески И. К. (ф. 391) — 63.4 (краткие сведения)
Фурмановых Д. А. и А. Н. (ф. 320)— 53.4 (краткие сведения)
Хавкиной Л. Б. (ф. 321) — 55.5 (краткие сведения)
Хижняковых В. М. и В. В. (ф. 322)— 54.5 (краткие сведения); 54.4 (обзор)
Хорошко В. К. (ф. 390) — 63.4 (краткие сведения)
Храбровицкого А. В. (ф. 357) — 65.5 (краткие сведения)
Храповицких А. В. и М. В. (ф. 323) — 6 и 9 (краткие сведения); 122 обзор)
Хржановских — см.: «Выжловичи», имение Хржановских
Чаадаева П. Я. — см.: Жихарева М. И. и Чаадаева П. Я.
Черкасских В. А., Е. А. (ф. 327) — 52.3—4 и 158 (обзоры); 139.1щ, 148.4 (публикации); 148.1,3 (статьи)
Чернышевых А. И. и др. (ф. 330) — 43.10 (обзор)
Чехова А. П. (ф. 331) — 31, 51.8, 52.9, 54.5, 57.5, 58.4, 59.4, 61.4, 62.6, 65.6 и 66.4 (краткие сведения); 106, 109 и 113 (каталоги); 50.6, 63.3 и 151 (обзоры); 62.5, 108, 115 и 121 (описание отдельных рукописей); 40, 43.6, 47.9, 48.11, 50.1—5, 58.5, 63.8, 130, 138 и 159 (публикации)
Чижова Ф. В. (ф. 332) — 8 (краткие сведения); 57.3 (обзор)
Чичаговых В. Я., П. В. и др. (ф. 333) — 25 (краткие сведения); 43.12 (обзор)
Чичериных Б. Н. и др. (ф. 334) — 139.3 (описание отдельных рукописей); 139.1э (публикация)
Чулкова Г. И. (ф. 371) — 66.4 (краткие сведения)
Шаховских, кн., владельцев имения «Белая Колпь» (ф. 336) — 45.6 (обзор); 150.2 (публикация)
Шенрока В. И. (ф. 419) — 65.5 (краткие сведения)
Шереметевых, владельцев имения «Михайловское» (ф. 341)—56.3 и 110 (описание отдельных рукописей)
Шмелева И. С. (ф. 387) — 62.6 (краткие сведения); 121 (описание отдельных рукописей)
Шохор-Троцкого К. С. (ф. 345) — 45.10 (краткие сведения); 46.5 (обзор)
Штрайха С. Я. (ф. 427) — 66.4 (краткие сведения)
Щукиных — см.: Рыбниковых и Щукиных
Эртеля А. И. (ф. 349) — 34 (краткие сведения); 48.9, 115, 121 и 139.3 (описание отдельных рукописей); 48.11, 50.1 и 50.5 (публикации)
Юшневских (ф. 370) — 54.5 и 60.5 (краткие сведения)
Яковлева И. Я. (ф. 361) — 60.5 и 62.6 (краткие сведения); 156 (обзор); 60.9 (публикация)

В то время, когда данная библиография печаталась, вышли в свет следующие работы:

В. Г. Зимина. Отдел рукописей за 100 лет. — В кн.: История Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина за 100 лет. М., 1962, стр. 246—271.

В. Б. Кобрин. Бесценные коллекции рукописей. — «Библиотекарь», 1962, № 6, июнь, стр. 56—58.

К. И. Бутина. Рукописное наследие русских библиографов в фондах Библиотеки имени В. И. Ленина. — «Советская библиография». М., 1962, № 3(73), стр. 90—97.

Краткая характеристика архивов: В. Г. Анастасевича, И. П. Сахарова, В. М. Ундольского, А. Е. Викторова, С. Д. Полторацкого, Я. Ф. Березина-Ширяева, П. К. Симони, Н. А. Рубакина, Л. Б. Хавкиной, Н. Н. Орлова.

Л. М. Иванова. Архив Н. А. Рубакина. — «Советская библиография». М., 1962, № 3(73), стр. 98—109.

Оказалась пропущенной в списке книга:

Описание рукописей, собранных Петром Алексеевичем Овчинниковым. Балахна, 1912. 37 стр.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Абдул Беха 444—445, 459
Аблесимов А. О. 80
Абрамов И. С. 56
Абрамов С. А. 82, 506, 515
Абрикосов Х. Н. 69
Аверин К. И. 187
Аверченко Т. Д. 45
Авилов Б. В. 20
Авраамий Палицын 497
Аврамий, архимандрит 300
Авсоний Д. М. 133, 134
Агаян Г. 105
Агеев Г. 365
Агриппа Неттесгеймский 131
Адарюков В. Я. 61, 62
Адашев А. Ф. 300
Адашев Ф. Г. 301
Адашевы, бр. 303
Адашевы, род 301
Адрианова-Перетц. В. П. 371
Азадовский М. К. 510
Айдар, хан 230, 244, 250, 286
Айзман Д. Я. 16, 50, 494, 515
Айналов Д. В. 191, 196
Айрес Л. П. 58
Академия Генерального штаба 73
Академия духовная Киевская 188, 270
Академия духовная Московская (МДА) 267, 497—498, 500—501, 503, 513
Академия духовная С.-Петербургская 253, 272
Академия наук имп. 160, 165, 371, 373, 419, 504
Академия наук СССР 17, 35, 460, 510
Академия наук УССР 72, 152
Академия наук Эстонской ССР 72
Академия общественных наук 72, 126
Академия художеств 158
Акафист 5, 370—380
Акафистник 384
Акимов М. Ф. 40
Аксаков И. С. 76, 129, 392, 492, 510, 515
Аксаков К. С. 492, 509, 515
Аксаков С. Т. 493 515
Аксаковы 492, 495, 505, 508—509, 515
Аксельрод П. Б. 40
Алашеев П. 366
Алашеевы, род 369
Александр II 27
Александр III 28, 46, 491, 492
Александр Невский 228, 373—376
Александр Федорович, кн. Ярославский 236
Александрия 473, 475
Александров А. А. 74
Александров Т. Д. 298
Алексеев Н. В. 46
Алексеева—Лукьянская В. 55
Алексей, архиепископ 235
Алексей, митрополит 238, 240, 291, 294, 296—297, 318—321
Алексей, протопоп 260
Алексей Михайлович, царь 119, 138, 363, 364
Алексей Петрович, царевич 107
Алексинский Г. А. 64
Алексошенков П. 54
Алехин М. В. 69, 90
Али-Мухаммед, см. Баб
Аллилуева Н. С. 32
Аллилуевы 32
Аловерт Н. П. 508
Алтаев Ал. (М. В. Ямщикова) 16, 50
Алтухов Н. В. 511
Амфилохий, архимандрит (П. И. Сергиевский) 150, 166, 170—171, 173—175, 192—193, 196, 408—418, 467, 489. 513
Ананьин П. М. 45
Ананьина-Бороздич Л. И. 74
Анастасевич В. Г. 489, 515, 520
Анастасия Юрьевна, жена кн. Юрия Дмитриевича Галицкого — Звенигородского 249—251
Ангарский (Клестов) Н. С. 30, 43, 506, 515
Андерсон В. М. 60
Андреев Л. Н. 141, 428
Андреева М. Ф. 52, 73
Андрей Александрович, вел. кн. Новгородский 252
Андрей Васильевич Большой, сын вел. кн. Василия Темного, кн. Углицкий 247, 287
Андрей Васильевич Меньшой, сын вел. кн. Василия Темного, кн Вологодский 247, 288

Андрей Владимирович, кн. Радонежский 242, 285
Андрей Дмитриевич, кн. Белозерский 251—252
Андрей Дмитриевич, кн. Можайский 242, 245, 286
Андрей Иванович, кн. Старицкий 237, 305—306, 313, 318—320
Андреянченко Л. 66
Андропов С. В. 43
Аниканов С. Ф. 75
Аничков Е. В. 125
Анна Васильевна, кн., дочь Василия Дмитриевича, вел. кн. 229—230
Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого, королева Франции 160
Анненков П. В. 492, 508
Анненский И. 115
Анненский Н. Ф. 431
Антонов — Овсеенко В. А. 64
Анучин Д. Н. 60, 272, 477, 492—493, 502, 505—506, 515
Анфал Никитин, воевода Новгородский на Двине 229
Апокалипсис 179
Апостол 163, 173, 211, 217, 275, 277
Апраксина С. П. 492
Апраксины 492, 505, 515
Арапов Г. Ф. 359, 367
Арапова А. И. 359, 367
Арбузов И. Н. 366, 369
Арбузовы 369
Аргамаков А. 302
Аргамаков В. 302
Аргамаков С. 302
Арефьев Н. С. 39
Аржанов С. П. 56
Ариосто Л. 97
Арнольд Г. 331
Арнольд Н. В. 61, 63
Аросев А. В. 48, 64
Арпе П. Ф. 328—334, 339, 341—342
Арсенал Кремлевский 45
Арсений, иеромонах 481, 503.
Арсеньев В. С. 45
Арсеньев К. К. 127
Арсеньев С. В. 253
Арсеньевы 477
Артаксерксово действо 510
Артемов П. И. 509
Артикул Воинский 1714 г. 509
«Археографический ежегодник», журнал 290, 301, 306, 309, 512
Архив Академии наук СССР (Московское отделение) 356
Архив Государственный Владимирской области (ГАВО) 373—374, 376
Архив Государственный Калужской области (ГАКО) 290
Архив Государственный Свердловской области 505
Архив Государственный Ярославской области 499
Архив Исторический г. Львова 30
Архив Московский Министерства юстиции (МАМЮ) 296
«Архив Л. Н. Толстого», журнал 34
Архив Центральный Государственный Военно-исторический (ЦГВИА) 506
Архив Центральный Государственный древних актов (ЦГАДА) 208, 210, 217, 291, 296, 299, 312, 314—315, 345—347, 349—350, 378—382
Архив Центральный Государственный литературы и искусства (ЦГАЛИ) 7, 64, 80, 81, 166, 407.
Арциховский А. В. 175
Асафьев Б. В. 63
Асиновская С. А. 500
Аскарянц А. В. 497—499, 504—505, 509—510
Ассоциация пролетарских писателей Московская 24
Астраханский П. 472
Астырев Н. М. 28
«Атеист», изд-во 330
Афанасий, архиепископ Холмогорский 475
Афанасий, митрополит 299, 303
Ахмат, хан 231, 240, 253
Ахматова А. 508
Ашукин Н. С. 85, 87

Баб (Али-Мухаммед) 444, 459
Багалей Д. И. 59
Багратион П. И. 63
Бажан М. П. 55
Базилевич П. А. 511
Байрон Д. Г. 97
Бакалов Г. И. 48
Бакулин А. Я. 80
Бакулин В. (псевд. В. Я. Брюсова) 97
Балан М. 160, 178
Баландин А. И. 509
Балахонов В. Е. 456
Балашова Л. П. 424
Балтрушайтис Ю. К. 104
Балухатый С. Д. 61
Бальмонт Е. А. 65, 86, 104, 115, 131
Бальмонт К. Д. 500, 515
Барановская М. Ю. 493
Баратынский Е. А. 72, 116, 119, 120, 123, 127, 128
Барбюс А. 78, 445, 455, 460, 462
Барней К. 444
Барсков Я. Л. 61, 494—495, 505—506, 515
Барсов Е. В. 408, 410, 412, 418, 489, 502, 513
Барсуков А. П. 368
Барсуков М. И. 58
Бартенев П. И. 129
Бартенев С. П. 45, 46
Бартенев Ю. П. 93
Бартенева 64
Барятинский, кн. Ю. Н. 357, 358, 363, 367
Басаргин Н. В. 75

Басенок Ф. В. 276
Басманов А. Д. 291
Басов-Верхоянцев С. А. 65
Батеньков Г. С. 478, 497, 501, 506—507, 510, 515
Батый, хан 226, 228, 232
Батюков И. П. 439, 515
Батюшков К. Н. 119
Батюшков Ф. Д. 57, 130, 131
Бауман Н. Э. 55
Баумштарк А. 192, 195
Бахман Г. Г. 80
Бахрушин С. В. 272—273, 344
Бебель А. 31, 42
Бедный Д. (псевд. Е. А. Придворова) 16, 19, 34, 50—52, 54, 470
Безобразов А. М. 498
Безыменский А. И. 116
Бейлис М. 37, 71
Бейль П. 326—328, 332—333
Беклемишев П. Г. 302
Белильцев И. М. 39
Белинская М. В. 496
Белинский В. Г. 26, 483, 490, 492, 495, 496, 505, 508—509, 515
Белюстин И. С. 295, 296, 303, 309
Белоголовый Н. А. 465, 477, 493, 495, 508—509, 515
Белозерские, кн. 236
Белоконский И. П. 60
Белокуров С. А. 296, 493, 515
Белопольский И. Р. 42
Белоусов И. А. 50
Белоцерковский Г. М. 309
Бельский Б. Я. 301
Бельчиков Н. Ф. 61
Белый А. 34, 63, 86, 115
Беляев И. Д. 289, 316, 344—347, 349—350, 481, 489, 497—498, 503, 513, 515
Бем Е. 55
Беназек 66
Бенарси Дас Чатурведи 461
Бенешевич В. Н. 63, 204
Бенкендорф А. Х. 81, 121, 122
Бенкендорфы 493, 515
Берви-Флеровский В. В. 55, 56
Берг Ф. Ф. 511
Бердников И. Д. 408—410, 412, 418
Бердников Я. 57
Березин-Ширяев Я. Ф. 520
Бернет (Жуковский) А. К. 477, 515, 517
Беррюер Ж. 323
Берс М. П. 494
«Беседа», журнал 390—392
Беседы Иоанна Златоуста 301
Бессонов П. А. 477
Бестужев Н. А. 510
Бетман М. А. 63
Бетховен Л. 438
Беха Улла 444, 459
Бецкий И. Е. 467, 475, 480, 489, 490, 494, 502, 515
«Библиографические листы» 188
Библиотека Академии наук 29, 59, 193, 209, 217, 241, 252—253, 258, 262, 267, 270, 273, 275
Библиотека Архангельская миссионерская 414
Библиотека Архангельская областная 498, 513
Библиотека Архангельская семинарская 413—414
Библиотека Ватиканская 192
Библиотека Венская Национальная 144, 192
Библиотека Вологодская областная 498, 513
Библиотека Воскресенская 176
Библиотека Государственная СССР имени В. И. Ленина 3, 11, 25, 64, 80, 143, 152, 162, 179, 186, 191, 192, 194, 208—211, 214, 217—218, 224, 229, 237, 250, 253, 275, 285, 289—290, 295, 300, 316, 318, 344, 347, 357, 368—370, 389, 406—407, 418, 423, 464, 480, 483, 487, 491—492, 494—497, 499—500, 502, 504—508, 510, 512—513, 520
Библиотека Государственная Историческая 290
Библиотека Государственная Публичная имени М. Е. Салтыкова-Щедрина 60, 185, 193, 208—210, 214—218, 295, 301—303, 316, 328, 341, 406, 415—417, 483, 499, 505—506, 512
Библиотека имп. Общества истории и древностей российских 502, 503
Библиотека Каргопольская миссионерская 414
Библиотека Кильская университетская 331
Библиотека Костромская областная 481, 497, 513
Библиотека Московской духовной академии 503
Библиотека научная имени А. М. Горького при Московском университете 290
Библиотека Национальная Парижская 192—193
Библиотека Патриаршая в Иерусалиме 192
Библиотека Северная краевая научная 63
Библиотека Синодальная Московская 210—211, 237, 418
Библиотека Славенская в Париже 65
Библиотека Славенская в Праге 65
Библиотека Соловецкая 194
Библиотека Софийская Новгородская 175
Библиотека Троице-Сергиевой лавры 253, 263, 481
Библиотека Троицкой духовной семинарии 503

Библиотека фундаментальная отделений общественных наук АН СССР (ФБОН) 290
«Библиотекарь», журнал 520
Библия 402
«Биржевые ведомости», газета 115
Бирюков Б. П. 447, 460
Бирюков П. И. 9, 28, 67, 68, 79, 441, 447, 458, 460, 494
Бирюкова О. П. 461
Бич веры 323—324, 326—330, 335, 341—343
Благодатный Н. 105
Благой Д. Д. 60, 508
Благосветлов Г. Е. 496
Блинов И. Ф. 28, 32
Блок А. А. 63, 90, 104, 115, 116, 500, 515
Бо Ж.-Б.-П. 445, 459
Богатырев П. Г. 65
Богачев П. М. 510
Богданов А. А. 16, 51
Богданов А. П. 493, 515
Богоявленский С. К. 368
Богров (Багров) Г. И. 426, 428
Богучарский В. Я. 59
Боден Ж. 327
Бодянский А. М. 65
Бодянский О. М. 499, 504, 515
Боев П. 160, 178
Болсунов И. З. 315
Большаков С. Т. 166, 408—412, 414—418
Большаков Т. Ф. 418, 481, 489, 498, 501, 504, 513
Бонди С. М. 496, 508
Бонч-Бруевич А. М. 73
Бонч-Бруевич В. Д., 4, 7—79, 456, 461, 499, 501, 505—506, 515
Бонч-Бруевич В. М. (урожд. Величкина) 13, 15, 19—20, 23—24, 28, 32, 40, 50, 54, 66—68, 73—74
Бонч-Бруевич Д. А. 14, 73, 78
Бонч-Бруевич М. А. 34, 73, 78
Бонч-Бруевич М. Д. 73, 78
Бонч-Бруевич М. С. 73, 78
Бонч-Бруевичи, род 78
Борис Васильевич, сын вел. кн. Василия Темного, кн. Волоцкий 247, 268, 287, 304, 305
Борис Владимирович, кн., сын вел. кн. Владимира Святославича 231—232
Борис Иванович, сын Ивана III, 237
Боровой С. Я. 498
Боткин В. П. 492, 509
Боткин С. П. 493
Боткина-Фет М. П. 492
Бражников М. В. 504
Брехт Б. 500, 515
Бродский И. И. 64
Бродский Н. Л. 61, 62, 505, 507—509
Брокгауз Ф. А. 123, 125, 127, 129, 346
Бронников Ф. Н. 297
Бруевич А. А. 73
Бруевич А. К. 78
Бруевич Вл. 78
Бруевич К. 78
Бруевич С. 78
Бруевич Ф. И. 78
Бруевичи, род 78
Бруно Д. 327. 343, 496
Брусенцов И. 382
Брусенцова А. М. 382
Брюсов В. Я. 4 80—142, 500, 516
Брюсова И. М. 80—83, 87, 90—92 110, 112—113, 122, 124, 126, 128, 132
Буа Ж. 80
Буайе П. 69.
Бубнов А. С. 47
Буганов В. И. 224, 232, 499, 501
Будилович А. С. 147, 155, 159
Бузук П. А. 147, 152, 158, 159, 174
Буков Е. 54
Буланже П. А. 69
Булгаков В. Ф. 64
Булгаковы 497, 499, 508, 516
Бунд 31
Бунин И. А. 16, 54, 484, 500, 516
Бурдянский С. 461
Бурейко В. В. 511
Бурцев В. Л. 29, 74
Буслаев Ф. В. 493—494, 504—505
Буслаев Ф. И. 148, 187, 189, 205, 210—211, 215, 474, 477, 489, 490, 492, 502, 513. 516
Бутиков Б. 301
Бутина К. И. 166, 500, 504, 520
Буткевич А. С. 69
Бутовский В. 206
Бутурлин С. С. 493, 516
Бутурлины 496, 500, 516
Бух А. К. 516
Бух К. А. 492, 495, 516
Бухгейм Л. 507
Бухер 343
Бушера А. П. 410, 418
Быков П. В. 128
Бычков А. Ф. 150, 166—167, 169, 171, 173—175, 177, 406—408, 411, 416—417, 419
«Бюллетени» 25
Бюро краеведения Московское областное научно-исследовательское 517
Бюро Международное бехаитов в Женеве 459
Бюро политических клубов Центральное 20

Вайнерт Э. 501, 516
Валле Ж. 323, 324, 326—328, 332, 339, 341
Вальтер В. Г. 511
Ван-Вейк Н. 164, 177
Ванини Д. Ч. 327, 332—334
Варб Е., псевдоним Я. Ф. Браве 511
Варлаам, епископ 300
Варлаам, митрополит 240
Варрон М. Т. 134
Василевская В. Л. 55

Василевский К. Л. 56
Василий Васильевич Темный II, вел. кн. Московский 244—246, 249—250, 285, 287—288, 294, 296, 304, 312, 345
Василий III, Иванович, вел. кн. 298, 310
Василий, архиепископ Кесарийский, 265
Василий (Калека), архиепископ Новгородский 229, 232, 235
Василий Анкирский 154
Василий Владимирович, кн. Серпуховской 242, 244, 286
Василий Дмитриевич, вел. кн. (сын Дмитрия Донского) 229—230, 244, 249, 285, 296
Василий Иванович, вел. кн. Московский 237—238
Василий Юрьевич Косой, кн. Звенигородский 242, 246, 286—287
Василий Ярославович, кн. Серпуховской 304
Васильев В. 262
Васильев Ф. 365
Васиян Глазатой, архимандрит 300
Вассиан Рыло, архиепископ Ростовский 231, 238—239, 241, 277—278
Вассиан, епископ Тверской 254, 270
Вахтеров В. П. 493, 506, 516
Вахтерова Э. О. 516
Вахтеровы 516
Введенский И. И. 509
Вейсьер де Лакроз М. 334
Велизарий 221
Величкин А. М. 73
Величкина В. М., см. Бонч-Бруевич В. М.
Величкина Е. М. 74
Величкина К. М. 73
Величкины 8, 28, 39, 73
Вельтман А. Ф. 489, 495, 505, 516
Вельяминов Г. 380
Вельяминов Е. 380
Вельяминов Л. 380—381
Венгеров С. А. 80, 81, 123, 125, 127
Венгерова З. А. 65
Веневитинов А. В. 508
Веневитинов М. А. 220
Веневитинова А. М. 508
Веневитиновы 489, 493, 494, 505, 508—509, 516
Венелин Ю. И. 503—504, 516
Венюков М. И. 498, 500, 516
Вергилий 96, 110, 131, 132, 134
Вересаев В. В. 62, 118
Верещагин В. В. 66, 508
Веригин П. В. 36, 65
Верлэн П. 95—97, 130, 141
Вермишев Х. А. 36
Верч Ж. 89
Верстовский А. Н. 489, 516
Верхарн Э. 80, 88, 96, 104, 130, 141
Верховский Ю. Н. 62, 104
Вершинский А. Н. 344
Веселовский С. Б. 314—315, 344—346, 356, 360
Веселовский Ю. 104
«Вестник Академии наук СССР», журнал 480, 502
«Вестник Академии наук Казахской ССР», журнал 461
«Вестник Государственного музея Грузии им. академика С. Н. Джанашиа», журнал 504
«Вестник Европы», журнал 71
«Вестник жизни», журнал 10
«Весы», журнал 109, 115, 117, 127, 137, 141
Ветрова М. Ф. 29
«Вечерняя Москва», газета 25, 54
Виардо П. 64
Вигель Ф. Ф. 497
Виельгорские 489, 516
Виельгорские М. Ю. 493
«Византийский временник» 165
Викторов А. Е. 6, 147—148, 150, 154—156, 166—167, 170, 175—176, 406—408, 413—415, 417, 467, 481, 490, 498, 502—503, 506, 511, 516, 520
Викторов П. П. 57
Викторова-Вальтер С. А. 74
Вильде Л. Я. 498
Виноградов Л. К. 79
Виноградов П. Г. 86
Виноградова К. М. 507
Винокуров А. Н. 75
Виньи А. 129
Витовт, кн. Литовский 230, 244, 249, 285—286
Витязев П. 47
Витязев Ф. И. 63
Вишневская Е. 62
Вишневский В. И. 63
Владимир Андреевич, кн. Ростовский 236
Владимир Андреевич, кн. Серпуховской 304
Владимир Андреевич, кн. Старицкий 5, 289—290, 293, 303, 305—307, 313—318, 320—322
Владимир Святославич, вел. кн. Киевский 231—232, 236
Владимиров М. 501
Владимиров П. В. 174
Владимирский Н. Ф. 22
Воеводство Мстиславское 78
Войков П. Д. 32
Возняк М. 152
ВОКС 64
Волков Г. А. 494
Волкова Э. П. 424
Волконская Е. Г. 306
Волконская М. Н. 470
Волконский, кн., Д. В. 306
Волконский М. П. 501
Волконский М. С. 516
Волконский, кн. П. В. 306
Волконский, кн. С. Г. 493, 501
Волконские, кн. род. 306, 506
Володкович Б. И. 78

Волость Высоцкая 297, 345, 346, 347, 348, 349, 354
Волость Замосковская 295, 320
Волость Марининская 296
Волость Селенская 295, 320
Вольнов И. Е. (Иван Вольный) 50, 51
Вольный Н. Е. 34
Вольтер Ф. М. 330
Вольф Б. М. 15, 16
Вольф М. О. 57
Волынская А. Г. 297
Волынские 497, 516
Волынский А. 63
Волынский В. И. 297
Волынский М. И. 297
«Вопросы истории», журнал 302, 342, 348, 359, 502, 509
«Вопросы литературы», журнал 456
«Вопросы философии и психологии», журнал 136
Воробьева У. А. 41
Воровский В. В. 8, 11, 23, 31, 32, 43, 73
Воронин Н. Н. 376
Вороницын И. П. 323, 330
Воронова Т. П. 328
Воронская Н. 62
Воронцов М. С., гр. 64
Воронцов-Дашков И. И. 516
Воронцова-Дашкова Е. А. 516
Воронцовы-Дашковы 495
Воскресенский Г. А. 147, 152, 158, 164—166, 174
Востоков А. Х. 159, 187—189, 217, 481, 502
Востоков В. Ф. 509
«Вперед», газета 8, 9, 10, 64
«Вперед», издательство 10, 15, 41—43, 74
«Время», журнал 377
Врубель М. А. 88
Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо), вел. кн. 229
Второв П. Н. 57
Вульф О. 192
ВХУТЕМАС 55
Выписи 257—263, 267—268, 270—271, 273, 275—278, 280, 372, 475
Выставка Всемирная художественная 28
Выставка «История русской культуры XI—XVII веков в памятниках письменности» 512
Выставка по поводу 100-летнего юбилея Н. В. Гоголя 512
Выставка Пушкинская 1899 г. 512
Выставка Толстовская в Петербурге 18
Вяземский, кн. В. В. 495
Вяземский П. А. 498
«Вятский край», газета 9, 32
Вячеслав Чешский 150

Габричевский А. Г. 96
Гаврилов А. М. 44
«Гаер и молодка» 372
«Гаер и старуха» 372
«Гаер, цыган и купец» 372
«Гаерская свадьба» 372
Галахов А. Д. 509
«Галерея советских писателей», альбом 54
Галерея Третьяковская Государственная (ГТГ) 186, 191, 194—195, 198
«Галерный островок», завод 45
Галина Г. А. 57
Галкин М. 70
Гальперин А. В. 64
Гамбургер А. Ф. 490, 516
Ганди М. 460—461
Ганзбург М. Я. 42
Ганнибал Н. О. 80
Ганнибал С. А. 492
Гапон Г. А. 44
Гапочко Л. В. 7, 67, 424, 501
Гарднер П. И. 496
Гарднер Е. Н. 496
Гарелин Я. П. 480, 490, 515
Гарин С. А. 57
Гаррет 193
Гарюшин 28
Гассенди П. 327
Гвоздев П. П. 491
Ге Н. Н. 507
Гейне Г. 95, 97, 496
Гейтлер Л. 158
Геккель Э. 57
Геннадий, архимандрит 291
Геннадий (Гонзов) 222—223, 235, 254, 256—258, 260—261, 263—264, 266, 268, 274, 278
Георгиев Е. 160, 162
Георгиевский Г. П. 152, 467, 481, 490—496, 501, 503—508, 512
Георгий Амартол 188, 196
Герасим, епископ Коломенский 254
Герасимова Ю. И. 499, 500, 501, 510
Гербург-Гейбович С. А. 15
Геронтий, митрополит Московский 254, 266
Герцен А. И. 63, 64, 65, 477, 483, 490, 491, 493, 497, 505—507, 509—510, 516, 518
Герцен Н. А. 63
Герцог В. 460
Герштейн Э. Г. 494, 508
Герье В. И. 86, 493, 495—496, 500, 505, 509, 516
Гете И. В. 85, 96, 97, 104, 131, 467, 495
Гиль Р. 91, 130, 137
Гильбо А. 423, 456
Гильдина З. 456
Гиляровский В. А. 54
Гимназия Симбирская 75
Гинтер 508
Гинцбург И. Я. 55
Гиппиус Г. Ф. 516 518
Гиппиус З. Н. 66, 80, 115
Гитович Н. И. 507, 511
Глазевский А. 438, 458

Глеб Владимирович, кн., сын вел. кн. Владимира Святославича 231—232
Гнедич Н. 418
Гоббс Т. 327
Гогель Г. 501
Гогендорф, бар. 341
Гоголь Н. В. 64, 118, 420, 422, 483, 489—490, 492—494, 497—499, 501, 505, 512, 516
Годе Ж. 66
Годунов Б. Ф., царь 121, 499
Годунов Д. И. 301
Голицын В. 512
Голицын Д. П. 511
Голицыны 495, 498, 516
Голлербах Э. Ф. 62
Головачевский А. К. 104
Головина коллекция 350
Головинский М. В. 56
«Голос», газета 150, 166, 167, 170, 502
Голоушев С. С. 511
Голохвастов 298
Голохвастов П. Д. 494
Голубинский А. С. 509
Голубинский Е. Е. 252
Голубцов С. А. 491
Голубцова Е. И. 496—498
Гольденвейзер А. Б. 55
Гольцев В. А. 478, 495, 500, 505—506, 516
Гончаров И. А. 62
Гораций К. 80, 132, 134
Горбунов-Посадов И. И. 55, 65
Горнфельд А. Г. 431
Горожанский Я. И. 270
Горский А. В. 499, 513
Горький А. М. 5—6, 11, 16, 30, 32—34, 43, 45, 48, 51—52, 54, 64, 69, 73, 78, 118, 422—429, 457, 460—462
Готтен В. 445
Готье Ю. В. 299, 304, 346, 492, 506
Граман Г. 493
Грамматин Н. Ф. 490, 516
Грамоты 4—5, 225, 238—239, 254, 269, 276—278, 289—292, 295—299, 304—312, 314—321, 344—347, 350—355, 376, 472—473, 499—501
Грамоты духовные 225, 238—239, 276—278, 291, 294, 297, 298, 302, 312, 313, 345
Грамоты жалованные и иммунитетные 4, 269, 289—290, 292—293, 296, 298, 305—311, 313—315, 318—322, 345—347, 350, 365, 501
Грамоты меновные 295, 303
Грамоты послушные 297, 311, 345, 346, 347
Грамоты правые 298
Грамоты таможенные 5, 344, 350, 351, 352, 355
Грамоты указные 311
Грамоты уставные 308, 345, 350, 351, 352, 355 356
Гранат, бр. 57
Грановский Б. Б. 504
Грановский Т. Н. 477, 500, 505, 516
Гранстрем Е. Э. 144, 193, 215
Гревс И. М. 62
Греков Б. Д. 348, 349
Греков И. Ю. 294
Грефений, архимандрит 270, 278
Грибовский В. М. 380
Грибоедов А. С. 26, 62—63
Григорий, дьяк 180
Григорий Богослов 177, 178, 265, 273—274, 280
Григорий Нарекский 105
Григорий Цамблак (Памблак), митрополит Киевский 243, 249, 251, 285
Григорович В. И. 144, 146—147, 154, 156—159, 481, 489—490, 498, 502—503, 513, 516
Григорьев П. 309, 311, 320, 321
Гринберг З. Г. 426, 428
Гржебин З. И. 140
Громозова Л. К. 39
Громозова С. К. 57
Громозовы 39
Гроссман Л. П. 62
Грот Я. К. 416, 419, 470
Грузинский А. Е. 491, 494, 506
Грунский Н. К. 155
Группа РСДРП Женевская 14
Грушевский С. 346
Грушецкий А. 57
Грушко И. Л. 32
Грязной И. Ю. 295, 302, 312
Губерния Архангельская 413
Губерния Белгородская 381
Губерния Владимирская 376—377
Губерния Воронежская 378, 380—381, 386
Губерния Елизаветпольская 17
Губерния Казанская 369
Губерния Курская 381
Губерния Минская 516
Губерния Московская 13
Губерния Олонецкая 45
Губерния Оренбургская 48
Губерния Орловская 27, 378
Губерния Полтавская 422
Губерния Рязанская 346, 376, 472
Губерния Саратовская 39
Губерния Смоленская 56
Губерния Тифлисская 17, 36
Губерния Ярославская 76
Губин А. Ф. 58
Гудзий Н. К. 25, 61, 62, 492
Гудович А. К. 489, 516
Гуковский Г. А. 62, 63
Гулыга А. В. 343
Гулынский М. В. 271
Гумилев Н. С. 115
Гуревич Л. Я. 63
Гурий, епископ 300
Гурлянд И. Я. 511
Гусев Н. Н. 21, 25, 65, 494, 505
Гусев-Оренбургский С. И. 16, 50, 428
Гутмахер А. И. 511

Гучков А. И. 19
Гюго В. 80, 104
Гюллер Ж. 440—441, 458

Д'Аннунцио Г. 97, 104
Давид Сасунский 96
Давыдов А. 63
Давыдов В. Л. 493, 516
Давыдов И. А. 72
Дадиани Ш. 55
Даль В. И. 243
Даниил, епископ Владимирский и Перестанский 266
Даниил Заточник 275, 278
Даниил Пророк 263
Даниил (Дашко) Федорович, кн. Острожский 230
Данила Борисович, кн. Нижегородско-Суздальский 251
Данилов В. А. 66
Данилов В. В. 57, 60
Данилов У. И. 296
Данилов 427
Данишевский Ю. 58
Данте А. 97
Дарвин Ч. Р. 427
Дашко, см. Даниил Федорович, кн. Острожский
Дашков А. И. 489, 516
Дашков В. А. 410, 418
Дашков Р. Д., кн. 320
Дворец Мариинский 21
Дворец Смольный 23, 45, 74
Дворец Таврический 45
Дворец Царскосельский 46
Деборин А. М. 16, 40, 56
Дедюшев И. Ф. 302
Дейч Л. Г. 40
Декарт Р. 332
«Дело о побеге из Пушкарских улиц белого петуха от куриц» 371
Дельвиг А. А. 119
Дельвиг А. И. 506
«Демос», издательство 30, 33
Деникс Б. П. 194, 215, 217
Денин И. 367
Денисов А. И. 46
«День», газета 130
Департамент полиции 13, 36
Деперье Б. 326—329
Дератани Н. Ф. 96, 132
Державин Г. Р. 119, 120
Державина О. А. 496, 497, 498
Дерман А. Б. 82, 498, 499, 506, 516
Дехтярев А. 380
Джанашиа С. Н. 504
Джунковский В. Ф. 44
Дзержинский Ф. Э. 74
Дивовы 500
Дионисий Ареопагит 269
Диоптра Филиппа Философа 264
Дитца 30
Дмитриев А. А. 493
Дмитриев В. Д. 511
Дмитриев Ж. 311
Дмитриев С. С. 496
Дмитриев Ю. Н. 185
Дмитрий Грек Старый 263
Дмитрий Иванович, внук Ивана III 236, 237, 242, 254
Дмитрий Иванович (Донской), вел. кн. 229, 238, 296, 303, 304, 312
Дмитрий Иванович Жилка, кн. Углицкий 237—238, 298
Дмитрий Иванович, царевич 498
Дмитрий Ростовский 470
Дмитрий Юрьевич Красный, кн. Бежецкий 246, 287
Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. Галицкий и Углицкий 242, 247, 249, 250, 286, 287—288, 304
Добролюбов А. 115
Добролюбов Н. А. 26
Добронравов В. 376
Добротворский П. И. 55
Добсон О. 97
Добычина Н. Е. 501, 516
Довгалло Г. И. 6, 501
Долгин А. Е. 42
Долгов С. О. 220, 257, 489, 497, 513
Долгополов Н. И. 511
Долгоруков Д. И. 75
Долгоруков Н. 75
Долгоруков П. В., кн. 34, 75, 367—369
Долгоруков Ю. А., кн. 361, 366, 367, 369
Долгоруковы, кн. род
Долин А. Е. 15
Дом архиепископский Ростовский 254
Дом епископский Вологодский 252
Дом-музей Г. В. Плеханова 40
Дом печати 114
Домашнев С. Г. 371, 373
Дос-Пассос Д. 455, 462
Достоевская М. Ф. 507
Достоевские 494, 507
Достоевский М. А. 507
Достоевский Ф. М. 62, 118, 474, 483, 499, 505—507, 516
Драйзер Т. 455, 462
Дрейфус И. 444
Дробонин К. М. 70
Дрожжин Е. Н. 36
Дрожжин С. Д. 50
Дружинин Н. М. 379, 510
Дубровский Н. А. 470, 475, 489, 492, 501, 505, 516
Дума Государственная 10, 11, 18, 31, 43, 44, 64, 76, 431
Дума районная Рождественская 10, 19
Дуриан П. 105
Дурнов В. 381, 393
Дурново Н. Д. 493, 494, 516
Дурново Н. Н. 152, 161—164, 166—168, 170—172, 175—176, 179
Дурново П. П. 516
Дурново С. Д. 516
Дуров В. Л. 58

Дуров Н. П. 513
Дурылин С. Н. 62
Дьяков А. 475
Дьяконов П. И. 511
Дьяконовы 500, 516
Дьяченко С. Е. 58
Дюамель Ж. 461
Дювернуа А. Л. 150, 166, 408, 410, 412, 418
Дюнуа А. 460
Дюран Д. 333
Дюшен А. 439. 458
Дюшен Г. 455, 462
Дюшен С. 448, 460
Дягилев С. П. 511
Дядин В. В. 301

Евангелия 4—5, 144—152. 154, 156—157, 159, 161—166, 169—180, 185, 187—219, 401, 406—419, 438, 467, 506
Евгений Савойский 341
Евгеньев-Максимов В. Е. 62
Евдокимов И. И. 57, 58
Евлашев П. 361
Евпраксия, кн. 287
Евфимий, архиепископ Новгородский 235
Евфимий Брадатый, архиепископ 235
Евфросинья Андреевна, кн. Старицкая 303, 305
Егоров Е. Е. 476, 497, 498, 501, 513
Егоров, цензор 93
Егорьев В. Н. 499. 516
Едигей, хан 229—230
Едигер-Магмет, хан (Симеон Касаевич) 314
«Ежегодник Толстовского общества» 18, 67
Ежов И. С. 492, 507—508
Езекий, царь 277
Екатерина II 379—380, 511
Елагин А. А. 507
Елагин Н. А. — 496
Елагина А. П. 507
Елагины 494, 497, 498, 507—508, 516—517
Елена, вел. кн. Тверская 288
Елена Волошанка, кн. (жена кн. Ивана Ивановича Молодого) 237, 252
Елена Глинская, жена Ивана III 289 289
Елецкий А. И., кн. 347
Елизаров С. М. 314
Елизарова А. И. (урожд. Ульянова) 41, 42, 45
Елизаровы 8
Елисеев Г. З. 507
Енишерлов Г. П. 493, 516
Епархия Архангельская 412—413
Епархия Владимирская 376
Епархия Олонецкая 413
Епархия Переславская 376
Епархия Пермская 236, 263, 269, 283
Епифаний Премудрый 262
Епифанов А. Т. А. 298
Епифанов Г. А. 298
Епифанов Д. С. А. 298
Епифанов П. П. 509
Епифанова (урожд. Перфурова) Е. И. 293
Ергольская Т. А. 492, 494
Еремин И. П. 267
Ерзынкайский О. 105
Ермак Тимофеевич 272
Ермолай-Еразм 221
Ермолова М. Н. 55, 63
Ерофеев Ф. 366
Есенин С. А. 497, 500, 516
Ефимова А. Н. 512
Ефремов А. П. 509
Ефремов М. П. 74
Ефрон И. А. 123, 125, 127, 129, 346
Ешевский С. В. 489, 513

Жбанков Д. Н. 510
Жданов В. А. 65
Жевержеев Л. И. 64
Желвакова Н. 76
Железняков А. Г. 32
Желтов Ф. А. 66
Жемчужников А. М. 495, 516
«Женское дело», журнал 87
Жеребцов А. А. 489, 516
Жеромский С. 57
«Живое слово», газета 52
«Жизнь», журнал 27, 68
«Жизнь», заграничная социал-демократическая организация 29, 40
«Жизнь и знание», издательство 10, 15, 16, 17, 23, 24, 30, 31, 33, 40, 41, 50, 52, 56, 57, 58, 59, 65
Житие Кондрата 162, 168, 169, 178
Житие Михаила и Феодора Черниговских 228, 231
Житие Стефана Пермского 262
Житие Феклы 177, 178
Житов Д. П. 347
Житомирская С. В. 7, 343, 497—499. 500—502, 506, 510
Жихарев М. И. 489, 505, 516, 519
Жорес Ж. 42
Жуковская Е. А. 493
Жуковский А. К. 494, 515, 517
Жуковский В. А. 119, 459, 493, 497, 517
Жуковский П. В. 508
Жуковский Ю. Г. 34
Журавлева, артистка театра Корша 27
Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП) 147, 148, 150, 155, 158, 174, 215, 218, 489, 502, 511
Журнал Переславской духовной консистории 376
Журнал правительствующего Сената 380
«Журналист», журнал 19

Забелин И. Е. 291
Заводы Мальцевские хрустальные 27
Загоскин Н. П. 362
Зажарсков З. 366
Заикин П. Ф. 509
Зайончковский П. А. 465, 496—497, 502, 509
Закревская А. Ф. 75
Залкинд Г. М. 501, 513
Заломов П. А. 48
«Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества» 459
Записки имп. Академии наук 150, 154, 166, 171, 173—175, 188, 419
Записки історично-филологичного виддилу Укр. АН 152
Записки Наукового товариства имени Шевченка 152
«Записки Отдела рукописей» 3, 6, 67, 166, 192, 289, 354, 357, 363, 369—371, 389, 415, 466—469, 480, 482—484, 487—488, 492—501, 503, 511
«Записки отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества» 194, 299
Запольский Д. 356
«Запросы жизни», журнал 71
Заровняев П. И. 42
Зарубин Н. Н. 62
Заславский Д. 463
Засулич В. И. 28, 40
Затаевич А. В. 461
Захарьин В. 319
Захарьин Г. А. 79
Захарьин-Гнильевский В. Г. 295
Захарьина Н. А. 491
«Звезда», газета 10, 18, 31, 43—44, 66
«Звено», издательство 47, 57
«Звенья» 14, 25, 34, 37, 58, 61—63
Зверинский В. В. 290
Здобнов Н. В. 75
Зедергольм К. А. 496, 517
Зеликсон Л. С. 19
Зелинская А. И. 45
Зентер Т. 508
Зензинов М. А. 494, 500, 517
Зильберштейн И. С. 63
Зимин А. А. 37, 222, 241, 313, 318, 344, 348, 351, 354, 496—497, 499—500
Зимина В. Г. 79, 464, 500, 510, 520
Зиновьева М. Д. 511
Златовратский Н. Н. 34
Златоструй 211
Златоуст 277
Злинченко К. П. 79
«Знание», журнал 323
«Знание», издательство 14, 16, 30, 70, 424, 427—428
Золотарев А. А. 52
«Золотое руно», журнал 122, 141
Зосима, митрополит 220, 222, 251, 256—257, 261, 264, 275, 278
Зубатого И. С. 302
Зубов В. П. 496
Зюзин В. Г. 301
Зыков Ф. А. 357
Зюбрицкий В. Ф. 41

Иван Алексеевич, царь 360
Иван Андреевич, кн. Можайский 250
Иван Борисович, кн. Волоцкий 305
Иван III Васильевич 230, 236, 237—239, 246—247, 249, 252, 254, 256, 269, 277—278, 280, 285, 287—288, 304—305, 313
Иван IV Васильевич 5, 254, 289, 292, 299—301, 303, 305—307, 309—311, 313, 314, 317—321, 345
Иван Дмитриевич, боярин 249
Иван Дмитриевич, кн. Нижегородский 243
Иван Иванович Молодой, вел. кн. Московский 237, 242, 252, 288
Иван Михайлович, вел. кн. Тверской 242, 244, 249, 251, 285
Иванисов А. 509
Иваницкий В. Ф. 500, 517
Иванов А. А. 477, 489, 499, 505, 517
Иванов В. 376
Иванов Вяч. 90, 104, 115, 116
Иванов Ж. 350
Иванов М. С. 302, 459
Иванов П. 376—377
Иванов П. И. 367—369
Иванов С. 302, 303, 365
Иванов С. А. 489, 499, 505, 517
Иванов Т. А. С. 302
Иванова В. 160, 163, 178
Иванова Е. А. 494, 500, 517
Иванова Л. М. 497—499, 501, 510, 520
Ивановский А. В. 500, 517
Ивашевы 493, 517
Ивашенко А. П. 494
Ивина Л. И. 501
Игнатий, митрополит Ростовский 240
Игнатов А. В. 302
Игнатова Н. И. 507
Изба приказная Алатырская 359, 367
Изба съезжая Арзамасская 365
Изба Четвертная 347
Изборник Святослава 162, 169, 177—179, 196, 406
«Известия АН СССР», журнал 243, 377, 510
«Известия ОРЯС», 146—147, 155, 158
«Известия Военно-революционного комитета», бюллетень 76
«Известия имп. Археологического общества» 146
«Известия Литературно-художественного кружка», газета 115, 141
«Известия Московского совета» 21

«Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Университете» 458
«Известия ОРЯС», журнал 152, 159, 166, 171—172, 175, 179—180
«Известия Общества Толстовского музея» 18
«Известия по русскому языку и словесности АН СССР» 152, 166, 406
«Известия Совета рабочих и солдатских депутатов», газета 19, 21, 31, 32, 46, 76, 461—462
«Известия Центрального Военно-промышленного комитета» 19—20
Издательство Академии наук СССР 165, 175, 480, 512
Издательство государственное (ГИЗ) 10, 23, 24, 70, 71, 124, 132
Издательство А. Ф. Маркса 389, 517
Издательство областное Ленинградское (ЛОИЗ) 42
Издательство Сабашниковых 85, 87, 132
Издательство социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина 9, 39
Издательство Л. Д. Френкель 512
Измайлова Е. В. 499
Изюмов А. Ф. 64
Изюмченко Н. Т. 67, 501
Иконников В. С. 253
Иларий, иеромонах 481, 503
«Иллюстрация», журнал 360
Ильин С. 48
Ильин-Дубровин Н. В. 46
Ильин-Ошанин В. Ф. 312, 321
Ильинская О. И. 52
Ильинский Г. А. 165
Ильинский И. В. 25, 65
Ильины 8
Ильминский Н. И. 499, 517
«Иностранная литература», журнал 457
Институт Археологический С.-Петербургский 147, 149, 152
Институт Высший литературно-художественный 81, 117, 137
Институт Государственный Московский Библиотечный 47
Институт истории АН СССР 11, 26
Институт истории Ленинградское отделение (ЛОИИ) 291, 294—296, 303, 308—309, 350
Институт марксизма-ленинизма 11, 13, 24, 26, 29—30, 40, 44, 72
Институт Международный Библиографический (Брюссель) 457, 460
Институт Международный библиопсихологии 458
Институт Международный документации 460
Институт межевой Константиновский 8, 27, 38
Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР 80, 424, 428
Институт Политехнический Петроградский 16
Институт рукописей имени К. Кекелидзе АН Груз. ССР 503
Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) 25, 80, 81, 91, 260, 283, 483, 504—506, 510, 512
Институт Ж.-Ж. Руссо 457
Институт рыбного хозяйства Московский 452, 461
Институт физкультуры Наркомздрава 23
«Интернациональная литература», журнал 460
Иоаким, архимандрит 296
Иоанн Богослов 264
Иоанн VIII (Иван) Палеолог, император Византийский 230
Иоанн, архиепископ 235
Иоанн Златоуст 193, 204, 259—260, 276
Иоанн Мануилович, см. Иоанн VIII
Иоанн Экзарх 187
Иоаннисян И. 105
Иоасаф, архиепископ Ростовско-Ярославский 254, 258, 260—261, 263, 278
Иона, архиепископ 235
Иона, архимандрит 300, 320
Иона, игумен 368
Иона, митрополит 240, 247, 249, 287
Ионов И. И. 24, 52
Иорданская М. К. 54, 71, 73
Иорданский Н. И. 43, 70—71, 73
Иосиф, иеромонах 503
Иосиф Волоцкий 259, 264, 271—272
Иосиф Флавий 221—222, 224, 280—282, 284
Иоффе А. Ф. 16, 56
Ирод, царь Иудеи 104
Исаак Собака, архимандрит 300
Исаакиан А. С. 105
Исаакий, архимандрит 296
Исаия, митрополит Ростовский 240
Исидор, митрополит 246, 249, 287
«Искра», газета 8, 11, 29—30, 32, 40, 42, 76, 495
«Искусство», журнал 115, 141
«Исторические записки», журнал 289, 314, 344, 347, 380—381
«Исторический архив», журнал 289, 291, 299, 307, 344
«Исторический журнал», журнал 509
«История о великом князе Московском» 300, 469
«История СССР», журнал 349
Истпарт (Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии) 43, 44, 72
Истрин В. М. 221, 281
Исупов А. 365, 366
Исупов Г. Л. 361, 362, 366

Исупов Г. С. (Ганка) 361, 362, 364, 365, 366, 367, 368
Исупов Д. 365, 366
Исупов И. 366
Исупов Л. 366
Исупов О. 366
Исупов С. Ш. 362, 365
Исупов Ш. А. 361, 362, 365
Исуповы, род 368, 369
Иустиниан Великий 266, 278

Кабанов А. К. 360
Кавелин К. Д. 495
Каждан А. П. 502
Казакова Н. А. 222, 241, 252—253, 256—258, 260—262, 264, 267, 270, 273, 275
«Казанский библиофил», журнал 194
«Казарма», газета 31, 42
Кайгородов А. А. 45
Калайдович К. Ф. 187, 316
Калачов Н. В. 294
Калинин М. И. 32
Каллиников И. Ф. 63
Калмыкова А. М. 55, 74
«Калужские губернские ведомости», газета 289—290, 302, 311, 318
Каменецкая К. Р. 496, 502
Каменецкий О. К. 489, 517
Каменецкий Т. А. 489, 517
Каминский Ф. В. 180
Кампанелла Т. 327
Кан Ф. 16
«Канадский гудок», газета 66
Кантемир А. Д. 119, 120
Канцелярия воеводская Чернавская 381
Канцелярия воеводская провинциальная Елецкая 381
Канцелярия губернская Воронежская 379
Канцелярия межевая Московская 8, 378
Канцелярия провинциальная Елецкая 379
Каравелов Л. 497
Каракозов Д. В. 76
Карамзин Н. М. 118, 119, 470
Карамзина Е. А. 470
Кардано Д. 327
Кардуччи Д. 80
Кареев Н. И. 59, 494, 506, 517
Каринский Н. М. 147, 149, 152, 155, 158, 162, 165, 169, 175, 177—180
Каринский Н. С. 32, 66
Карнеев А. 273
Карпинский В. А. 456
Карпов Е. П 66
Карпузи А. Д. 28, 39
Карский Е. Ф. 148—149, 152, 160, 164—165, 167—169, 174, 179, 193, 406
Картавцев 382
Катков М. Н. 392, 493—495, 505—506, 508—510, 517
«Каторга и ссылка», журнал 44, 45, 75
Катулл Г. В. 134
Каутская Л. 460
Каутский К. 15
Кацнельсон И. С. 510
Качалов В. И. 55
Кашин Н. П. 492, 505
Кашкаров С. Н. 57
Кашкаровы 301
Кашкины 500, 501, 517
Каштанов С. М. 289—290, 306—309, 315, 318, 498, 501
Квитка-Основьяненко Г. Ф. 494
Кеменова З. В. 505
Кеппен П. И. 187—188
Керенский А. Ф. 32
Кестнер К. И. 511
Кетчер Н. Х. 495, 508
Кимвал мира (лат.) 328—329, 343
Киприан, митрополит 225, 238—239, 277—278
Киреев А. А. 491, 510, 517
Киреев Н. А. 510, 517
Киреевские 498, 516—517
Киреевы 508, 517—518
Кирилл, митрополит 240, 309
Кирилл (Вурил) Катанский 154, 160, 162, 175
Кирилл Туровский, епископ 267
Киселев Н. Д. 499
Киселев П. Д. 379, 479, 517
Киселевы 478—479, 499, 501, 506, 517
Кисловщенко М. А. 492
Клавдиан К. 134
Кладбище Рогожское старообрядческое 476, 497, 514
Клевенская В. В. 500
Клевенский М. М. 75, 495, 512
Клемансо Ж. Б. 458
Клепиков С. А. 172, 186, 323, 497, 499, 500
Клибанов А. И. 37, 79, 222—224, 257—258
Клин Э. Ф. 210
Клоков Л. 321
Клюев Н. А. 116
Ключевский В. О. 86, 262, 491, 496, 501, 502, 517
Клюшников И. П. 509
Клюшников П. П. 509
Книга Иисуса Сираха 268
Книга Премудрости Соломона 258
Книга пророка Исаии 277
Книга Степенная 475
«Книги законные» 268—270
Книги копийные 501
Книги отписные 368
Книги переписные 369
Книги писцовые 291, 294—295, 297—298, 311—313, 315, 320, 346—347, 369
Книги приходо-расходные 349, 354
Книпович Н. М. 42

Книппер-Чехова О. Л. 500
Кнутсен М. 343
Княжнин Я. Б. 501
Князев В. В. 116
Кобозев И. С. 48
Кобрин В. Б. 289. 301—302, 309, 311—314. 345, 350, 354, 363, 500—501, 504, 520
Ковалев А. П. 459
Ковалевский М. М. 18
Коган И. 493
Коган Ф. 16
Кодекс Гертруды 196
Козлов П. А. 508
Козлова Е. В. 495
Козловский П. Д. 509
Козьма Индикоплов 192
Козьменко И. В. 493, 496—497, 502, 510
Козьмин Б. П. 62, 496, 505, 507
Козьмин Н. 508
Кокорев А. В. 372
Кокошкин Ф. Ф. 45
Кокошкина М. Ф. 45
Колас Я. 54
Колзаков В. Б. 345, 347
Коллегия Военная 498
Коллегия Экономии 299
Коллонтай А. М. 11, 20, 45, 456
Колокольников П. Н. 39
Кольцов М. Е. 48
Комаровский А. С. 43
Комиссаржевская В. Ф. 104
Комиссия Археографическая 221, 512
Комиссия архивная ученая Владимирская 376
Комиссия Государственная редакционная 61
Комиссия 1767 года для составления нового Уложения 380, 489—490, 517
Комиссия Межклубная 20
Комиссия по выявлению находящихся за границей памятников литературы и искусства народов СССР 10
Комиссия по культурным связям с Европой 428
Комиссия по охране памятников Кремля 46
Комиссия по увековечению памяти В. И. Ленина 11
Комиссия по устройству Литературного музея 63
Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) 24
Комиссия Редакционная издательства «Жизнь и знание» 25
Комиссия Центральная по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) 33
Комиссия чрезвычайная ревизионная РКИ 22
Комитет Военно-промышленный Центральный (ЦВПК) 18, 19
Комитет Военно-промышленный Юрьевский 19
Комитет Всемирный антивоенный 462
Комитет Европейский в защиту независимости Индии 461
Комитет заграничной организации секций РСДРП 11
Комитет Исполнительный Петроградский 20
Комитет Международный эсперанто 461
Комитет общественной безопасности Московский 32
Комитет Особый строительно-санитарный Москвы (ОСКОМ) 21—22
Комитет памяти М. В. Величкиной 23—24, 57—58
Комитет Петроградский по борьбе с погромами 10, 21, 74
Комитет по заведыванию учеными и учебными заведениями 47
Комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина 47, 461
Комитет по устройству быта помещичьих крестьян Калужской губернии 496
Комитет революционной обороны Петрограда 10, 21
«Комитет спасения родины и революции», контрреволюционная организация 76
Комитет цензурный Московский 498
Комитет Центральный РСДРП(б) 19, 21, 25, 39, 41—42, 45—46, 52, 76
«Коммунист», издательство 10, 17, 23—24, 48, 57—58
КПСС 4, 7, 12, 13, 27, 37, 81, 428
Комынин Ф. 347
Конгресс Всемирный баптистов в Лондоне 36
Кондаков Н. П. 192—193
Кондакарь Благовещенский 210—211, 215
Коненков С. Т. 55
Коновалов А. И. 18
Коновалова М. Н. 476
Коновницыны 493—494, 497, 517
Консистория Переславская духовная 376
Константин, имп. византийский 266
Константин (Кирилл) Философ 150
Константин Борисович, кн. Ростовский и Углицкий 250
Константин Николаевич, вел. кн. 200
Коншин А. Н. 65
Коншина Е. Н. 465, 469, 477, 480, 492, 495, 497—498, 499—502, 507, 510—512
Коншина С. Д. 72
«Копейка», газета 19
Копытов З. В. 295
Коренева Р. А. 496
Корецкий В. И. 344, 350, 500

Кормчие 201, 203—204, 210, 267
Корнейчук А. Е. 55
Коробов А. Н. 41
Коровай Л. С. 21
Корокрейский В. А. 301
Королев Б. Д. 55
Короленко А. С. (урожд. Ивановская) 429, 431
Короленко В. Г. 5, 6, 18, 26, 34, 37, 54, 118, 420—424, 428—431, 478—479, 483—484, 496—497, 500—501, 505—506, 510, 517
Короленко И. Г. 510
Короленко Н. В. 420
Королюк В. Д. 480, 511
Коротнев А. А. 511
Корпус отдельный Кавказский 507
Корсаков Д. А. 230
Корсаков М. С. 501
Корсаковы 495, 517
Кортмазов Л. 302
Корчагина-Александровская Е. П. 55
Корш Е. Ф. 410, 418, 507
Корш М. Ф. 508
Корш Ф. Е. 491
Корякин И. 66
Косинская В. Р. 52
Косиновский В. А. 509
Костомаров Н. А. 474
Котельников В. Г. 58
Котляревский А. А. 412, 418
Коц А. Я. 54
Коцюбинский М. М. 494
Кочетов С. И. 144
Кошелев А. И. 467, 490, 494, 496, 517
Кошка Ф. 191
Краевский А. А. 87, 509
Край Владимирский 376
Край Вологодско-Пермский 282
Край Привислинский 112
Крандиевская Н. В. 54
Красин Л. Б. 31—32, 74
«Красная летопись», журнал 46
«Красноармеец», журнал 72
Красов В. И. 509
Краткое рассуждение о религиозном обмане 329, 334
Крачковский И. Ю. 60
Кремль Московский 21, 41, 45—46, 111, 291
Крепость Двинская 431
Крепость Петропавловская 29, 45, 76
Крестова Л. В. 501, 508
Крестовский В. 118
Кречетниковы 490, 498, 517
Кривинская А. Л. 420
Кривцов Н. И. 493
Кромин Г. Д. 314
Кронберг А. И. 509
Кронберг В. А. 44
Кропоткин П. А. 41, 47, 452, 461, 500, 517
Круг Ф. И. 188
Крумбюгель Л. О. 41
Круммахер Ф.-А. 394, 397, 399
Круппи Ж. 440, 458
Круппи Л. 440, 458
Крупская Н. К. 8, 11, 17, 20, 21, 40, 42, 45, 48, 72, 74
Крылов И. А. 489, 517
Крымский А. Е. 174
Крючков С. С. 302
Кубарев А. М. 489, 517
Кубасов С. 472
Кудашева М. П. 463
Куделли П. Ф. 42
Кудрявцев И. М. 144, 152, 241, 253, 343, 354, 480, 482, 496—501, 504, 510, 512
Кудрявцев П. Н. 509
Кузмин А. 364
Кузнецова З. И. 269
Кузьмин А. К. 506
Кузьмина В. Д. 253, 371, 377, 498, 501
Куидадат, хан 249
Кулиш П. А. 408, 418, 494
Кулишер И. М. 16
Куломзин А. Н. 496
Кульбакин С. М. 155, 158—162, 164, 176, 178—179
Кульжинский Я. С. 493, 517
«Культура и знание», издательство 58
Кульчицкий А. Я. 496, 509
Кундасова О. П. 510
Купала Я. 97
Куприн А. И. 498, 499, 501, 517
Курбский, кн. А. М. 300, 303, 469
Курганов Н. 372—373
Курилов В. В. 493, 517
Курицын Ф. 252, 269
Курсинский А. М. 82, 500, 517
«Курская газета» 9
Курсы женские высшие Бестужевские 74
Курсы женские высшие Лубянские 74
Курсы женские высшие Московские 74
Курц И. 147
Кускова Е. Д. 39
Кутателадзе Л. И. 504
Кушнерев 58
Кутузов М. И. 470, 489, 517
Кушелев-Безбородко 265
Кшесинская М. Ф. 45
Кюхельбекер В. К. 471, 493

Лавка писателей 34
Лавров П. А. 149, 160, 161, 164, 177—180
Ладыжников И. П. 52, 73
Лажечников И. И. 509
Лазарев В. Н. 175, 184—185, 187, 189, 190, 192—193, 195, 197—198, 201, 205, 219, 500

Лазарев Д. 319
Лазаревский Б. А. 51, 52, 57, 494
Лазаревский И. М. 494
Ламанский В. И. 147, 179
Ламберт, гр. Е. А. 506
Ламоннэ Б. 326—330, 334, 341
Ланг-Миропольский А. Л. 88, 89
Ландесман Ф. О. 458—459
Ланский Л. Р. 506, 510
Ланской С. С. 489, 513
Лаппо Ф. И. 380—381
Лапшина В. Г. 509
Ларев И. Ф. 295
Ларева Д. 295
Ларруи М. (псевд. — Рене Милан) 459—460
Ласкирев Д. Ф. 294
Лау Т. Л. 343
Лафарг П. 42
Лебедев Д. 289, 344, 503
Лебедев Н. К. 461
Леваш 272—273, 283
Левкий, архимандрит Чудова монастыря 289—301, 306, 311, 317—322, 345
Легкобытов П. М. 36
Лейбниц Г. В. 332—334, 341
Лейтейзен Г. Д. 16
Лейтнеккер Е. Э. 493, 505, 507
Лелечин Я. Г. 298
Ленгник Ф. В. 11, 20, 21
Ленин В. И. 8—11, 14—15, 17, 20—23, 26, 30—33, 40—48, 51, 55, 59—60, 62, 64, 68—70, 72—76, 78, 80, 114, 354, 428, 456
Ленцевич (А. Н. Хавский) 28
Леонид, архимандрит 269—270, 301, 503
Леонид, игумен 300
Леонидзе Г. 55
Леонтий, епископ Ростовский 240
Леонтьев А. А. 75
Леонтьевы 57
Лепешинские 8
Лепешинский П. Н. 48, 79
Лермонтов М. Ю. 26, 64, 89, 116, 118, 119, 504, 507—508
Лернер Н. О. 62
Леру Э. 444
Лесков Н. С. 5, 62, 389—405, 507
«Лесные Поляны», совхоз 10, 22, 37, 41, 47, 69
Леткова-Султанова Е. П. 75
Летописец Краткий 242—245, 247—251, 256, 277—278, 280, 285
Летописец Пискаревский 301, 302
Летописец русский 249—251, 475
«Летописи Литературного музея» 25, 34, 37, 58, 61, 62, 67
«Летопись», журнал 134
Летопись Вологодско-Пермская 4, 225—226, 228—236, 239—249, 251—252, 261, 263, 272—273, 277—278, 281—284
Летопись Воскресенская 235, 265
Летопись Ермолинская 237, 242, 253
«Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 г.» 344
Летопись Ипатьевская 234
Летопись Лаврентьевская 234
Летопись Начальная 233
Летопись Никаноровская 242—243, 248—249
Летопись Никоновская 238
Летопись Новгородская I 188, 235—236, 238, 252
Летопись Новгородская IV 229, 233—234, 236, 238
Летопись Новгородская V 234, 236, 238
Летопись Ростовская 250
Летопись Симеоновская 235, 242, 249, 251
Летопись Софийская I 221, 226, 229—230, 234, 236, 239, 241—248
Летопись Софийская II 234, 236, 239—248, 253
Летопись Тверская 243
Летопись Типографская 234, 236—238, 239, 242—247, 265
Летопись Троицкая 235
Лещенко Д. И. 42
Лжедимитрий II 360
Либкнехт К. 17
Лидерс А. Н. 496, 517
Лига Международная женщин — сторонниц мира и свободы 462
Липеровская Е. 462
Липеровский А. 462
Липетин Г. Ф. 297
Липин А. Н. 452, 561
Липина О. А. 452, 462
Липранди И. П. 494
Липскеров А. Я. 500, 517
Листки Миклошича (отрывок из Мариинского евангелия) 144
Листки Михановича (отрывок Мариинского евангелия) 144, 146, 147
«Листки «Свободного слова» 9, 35, 51
«Листки Ундольского» 148—149, 159—165, 177—178
«Листок Викторова» (Пандекты Антиоха Черноризца) 143, 154, 164, 169, 176—182
«Литература и искусство», изд-во 58
«Литературная газета» 33, 61
«Литературное наследство» 506, 510
Лихачев Д. С. 243, 248, 300
Лихачев Н. П. 191, 224
Лихутин Т. С. 357—359, 361, 363
Лобачевский Н. И. 63
Ловчиков Ю. Г. 301
Логинов 382
Лозино-Лозинский А. К. 16
Локнер Л. П. 433—434, 457
Ломоносов М. В. 72, 119, 120, 371
Лопато А. А. 45
Лотыш Г. 188—191, 193, 207, 211
Лохвицкая М. А. 115

Лукашевич И. Я. 482, 489, 499, 501, 504, 513, 515
Луначарский А. В. 8, 11, 24, 25, 32, 47, 55, 60, 68, 69, 78, 96, 426, 428, 456, 461
Луппол И. К. 504—505, 508
Лурье Г. И. 45
Лурье Я. С. 37, 222, 224, 241, 243, 252—253, 256—258, 260—262, 264, 267, 270, 273, 275, 300
Луцилий Г. 134
Лучицкий И. В. 323
Лычев И. 64, 65
Львов-Рогачевский В. Л. 52, 71, 484, 506, 517
Любавский М. К. 499, 517
Любимова-Дороватовская В. С. 494, 508
Люпен А. 110
Лядов М. 40
Лядов М. Н. 495, 496, 509
Лядовы (Мандельштамы) 8
Ляпунов Б. М. 152
Ляпунова В. С. 52

Мэзереель Ф. 460
Мазовша, татарский царевич 247, 288
Мазон А. 64
Мазурина собрание 349—350
Майдель Л. Ф. 493
Майер И. Ф. 334
Майков А. Н. 85, 89, 119
Майков Л. Н. 122, 123
Майкова К. А. 497—498, 500—501, 509
Мак-Крири 66
Мак-Кэйк 97
Макаренко А. С. 37
Макарий, митрополит 303
Макашин С. А. 62, 510
Маковей О. 97
Маковицкий Д. П. 69, 511
Максимов А. Ф. 509
Макшеева Н. А. 75
Малинин В. 262
Малицкий Н. В. 376
Малларме С. 130
Мало Г. 57
Малов П. Н. 66
Мальдонат И. 326, 327
Малышев В. И. 260—262, 275, 283
Малый, Дмитрий 294
Маляревский П. К. 508
Мамай, хан 229
Маматова Е. П. 298, 344, 345, 353, 500, 504
Мамин-Сибиряк Д. Н. 37, 54, 493—495, 499, 505—507, 517
Мандельштам Л. Н. 30
Мансуров Л. 346
Мансуров Н. П. 75
Мануил II Палеолог, имп. византийский 253—254, 278
Маракуев В. Н. 28
Марешаль П. С. 330
Марин С. Н. 61
Мария Федоровна (жена Александра III) 36
Мария Ярославна, жена вел. кн. Василия Темного 247, 288
Маркевич Н. А. 482, 489, 494, 499, 501, 504, 513, 515
Маркиш П. 55
Маркова Е. К. 495
Маркс А. Ф. 128, 389, 493, 517
Маркс К. 39, 48, 326, 332, 337
Мартов Л. (псевд. Цедербаума Ю. О.) 60
Мартынов Н. С. 507
Мархлевский Ю. 21
Маршан П. 328, 329
Масальская Е. А. 63
Масанов И. Ф. 60
Маслов В. П. 500, 517
Маслов П. П. 16
Масловы 477
Матвеев А. С. 364, 365, 368
Маторина Р. П. 494—496, 498, 505—506, 509
Матюшина О. К. 52
Маутнер Ф. 323, 328
Махмет (Момотяк), хан 246, 249, 287
Мачтет Г. А. 54, 494, 506, 517
Мачтет Т. Г. 495
Машковцев Н. Г. 499
Маяковский В. В. 26
Медведев А. П. 74
Медведев Д. О. 360, 368, 369
Медичи Л. 97
Межов В. И. 290
Мейчик Д. П. 296
Мельгунов С. П. 70
Мельников-Печерский П. И. 34, 360
Менделеева А. И. 60
Мендельсон Н. М. 491, 492, 507
Менжинская В. Р. 20
Менжинские, семья 42
Меншиков А. И. 210
Меньшенин Г. П. 66
Меньшик 314
Мережковская (Гиппиус) З. Н. 66, 80, 115
Мережковский Д. С. 66, 89, 115, 119, 129
Меридианов М. С. 509
Мерило праведное 267
Метерлинк М. 104
Метнер Э. К. 501, 517
Мефодий, епископ Моравский 150, 160, 162, 175, 276
Меценат Г. Ц. 134
Мешхеди Али Акбер 459
Мешхеди Хусейн 459
Мещеринов И. А. 357, 358, 363, 364, 368
Мещерский Н. А. 222, 226, 281—282
Мещерский Ю., кн. 297, 346, 347
Мещеряков Н. Л. 32, 492—495, 505, 507
Мидас, царь 274

Миклошич Ф. 159
Миклухо-Маклай Н. Н. 491
Милан, Рене (псевд. М. Ларруи) 459—460
Милетич Л. 147, 159
Миллер И. С. 480, 511
Милюкова М. А. 74
Милюков-Старый А. М. 301
Милютин Д. А. 478, 493, 495—496, 498, 507, 509—511, 517
Миндалев П. 275
Минеи 152, 162, 169, 175, 177
Министерство Внутренних Дел (МВД) 11, 36
Министерство Иностранных Дел 36
Министерство Культуры СССР 512
Министерство народного просвещения 57, 511
Министерство торговли и промышленности 57
Министерство юстиции 36
Минский Н. (псевд. Н. М. Виленкина) 65, 80, 115
«Мир божий», журнал 333
«Мироведение», журнал 263
Митяй (Михаил), архимандрит Московского Спасского монастыря 221, 238
Михаил, архимандрит Чудова монастыря 300
Михаил Александрович, вел. кн. Тверской 244, 251, 285
Михаил Андреевич, кн. Белозерский 251—252
Михаил Андреевич, кн. Верейский 304
Михаил Борисович, кн. Тверской 236, 242, 288
Михаил Всеволодович, кн. Черниговский 228, 231—232
Михаил Ярославович, вел. кн. Тверской 228, 252
Михайлов А. 46
Михайлов П. 313, 314
Мицкевич С. И. 47
Мишурин Ф. 319
Мнева Н. Е. 195, 219
Модзалевский Л. Б. 60, 62, 508
Моисей, архиепископ 235
Моление Даниила Заточника 275
«Молодая гвардия», журнал 75
«Молодая Россия», журнал 43
Мольер Ж. Б. 104
Монастырь Антониев 198
Монастырь Благовещенский 251
Монастырь Благовещенский Киржачский 316
Монастырь Бежецко-Антонов 352
Монастырь Дионисиата 193
Монастырь Елеазаров 262
Монастырь Иосифо-Волоколамский 223, 278, 306, 307, 316, 476, 503, 513
Монастырь Киево-Печерский (лавра) 75
Монастырь Кирилло-Белозерский 299, 310, 352
Монастырь Клопский 235
Монастырь Костромской Ипатьевский 299
Монастырь Корельский 413
Монастырь Красногорский 413
Монастырь Макарьев-Желтоводский 360
Монастырь Макарьево-Колязинский 352
Монастырь Михайловский Златоверхий 192
Монастырь Нередицкий 173, 186, 190, 194, 195, 198—199, 203
Монастырь Никольский Веневский 309
Монастырь Николо-Песношский 314, 316, 352
Монастырь Николо-Угрешский 294
Монастырь Ново-Иерусалимский 360
Монастырь Новоспасский 316
Монастырь Перемышльский Шаровкин 310
Монастырь Пурдышевский 352
Монастырь Свято-Духов 199—200
Монастырь Сийский 413
Монастырь Симонов 238, 291, 299, 310, 316, 317
Монастырь Соловецкий 267
Монастырь Спасо-Прилуцкий 493, 519
Монастырь Спасский 362, 365, 366, 368
Монастырь Спасский Золотоворотский 309
Монастырь Суздальский Спасо-Евфимьев 299
Монастырь Троице-Сергиев (лавра) 182, 251, 253, 257, 262, 271, 273, 286, 294, 99, 307, 316, 475—476, 497—498, 500—501, 503—504, 515 519
Монастырь Ферапонтов 316
Монастырь Чудов 267, 274, 289—306, 308—315, 317—321, 344—346, 349, 355—356
Монастырь Юрьев 188, 198—199, 201, 203, 216
Монастырь Ярославский Спасский 299
Монахов И. И. 62
Монисов А. Я. 74
Мони А.-Э.-Э. 458
Моод Э. 69
Мордовцев Д. Л. 494
Морозов Б. И. 360, 368, 369
Морозов П. 123
Морозов С. 245, 286
Морозова А. 298
Мороховец Е. А. 496
Морозова (урожд. Трубецкая) М. С. 315
Мосгейм И. Л. 331, 334
«Москва», газета 76
«Москва», журнал 461
«Москвитянин», журнал 492, 496
«Московские ведомости», газета 506.

«Московский понедельник», газета 120
«Московский Рабочий союз» 8
Мотовилова С. Н. 29, 74
Мошинский И. Н. 511
Мстислав, вел. кн. Киевский 189, 226
Мстиславский С. 70
Муйжель В. В. 16, 60
Музей Московский Публичный и Румянцевский 3, 41, 150, 152, 166, 170, 176, 220, 406—411, 414—418, 487, 490, 491, 502—504, 506, 511—513
Музей Великоустюжский 513
Музей Вологодский областной 513
Музей Государственный Грузии им. академика С. Н. Джанашиа 504
Музей Государственный Исторический (ГИМ) 188, 191, 193—194, 201, 208, 210—211, 218, 418, 483, 506, 512
Музей Государственный Литературный 7, 25, 34, 47, 48, 52, 55, 62, 63, 64, 65. 75, 483, 495, 505—506, 515
Музей Государственный А. С. Пушкина 504
Музей Государственный Толстовский 10, 24, 483, 504, 508
Музей имени А. П. Чехова 507
Музей истории религии и атеизма АН СССР 11, 26
Музей Киевский 72
Музей Копенгагенский королевский 34
Музей П. А. Кропоткина в Москве 461
Музей Культов 23
Музей Литературный при Библиотеке имени Ленина 496, 505, 515
Музей Львовский 72
Музей Национальный в Праге 54
Музей Пензенский 72
Музей Политехнический 117
Музей Революции 11, 44, 47, 72
Музей Русский Государственный 11, 72, 198—199
Музей Толстовский в Петербурге 13, 18, 25, 47, 59, 61, 63, 65, 67, 69, 72
Музей Троице-Сергиевой лавры 196
Музей-усадьба «Ясная поляна» 25
Музей Центральный Государственный театральный им. А. А. Бахрушина 483, 494—495, 502, 505—506, 515
Музей Центральный литературы, критики и публицистики 10, 25
Музей Церковно-Археологический при Киевской духовной академии 270
Музей Чеховской при Библиотеке имени В. И. Ленина 491
Музеум Румянцевский 187, 487, 489, 511, 518
Мур Т. 97
Муравьев А. Н. 510
Муравьев Н. 506
Муравьев Н. К. 66
Муравьев Ф. Г. 48
Муратов М. 61
Мурашев П. В. 52
Муринов В. Я. 50
«Мусагет», издательство 82
Мустафа Муратович, султан турецкий 230, 287
Муханов П. А. 316, 489, 502, 515
Мухина О. М. 72
Мэцаренц М. 105
Мучения Бориса и Глеба 231—232
Мушат, посол Молдавский 252
Мюссе А. 129
Мякотин В. А. 431
Мясоедов В. В. 195

«На литературном посту» 33—34, 51, 54
Нагой Г. 301
Надсон С. Я. 85, 89, 119
Назаров А. И. 56
Назаров А. П. 69
Нансен Ф. 78
Нардуков Т. 311
Нармацкий А. 302
Нармацкий Дм. 298
«Народная библиотека», издательство 28
Народный Комиссариат здравоохранения (Наркомздрав) 23, 58, 461
Народный Комиссариат земледелия и землеустройства (Наркомзем) 22, 23, 69, 81
Народный Комиссариат иностранных дел (Наркоминдел) 64
Народный Комиссариат просвещения (Наркомпрос) 23—24, 47, 81, 117, 125, 137, 426
Нарузе С. 460
Нарышкины 493—494, 497, 517
Насонов А. Н. 221, 226, 243, 250—251
Натейголенко П. Я. 46
«Наука», издательство 70
Наумов В. 61
Нахимов П. С. 72
Нахимов С. С. 69
Нахоров 413
«Начатки знаний», издательство 58
«Наша газета» 26, 44
«Наша мысль», журнал 43
Нащокин П. В. 490
Нащокин-Безнин М. А. 301
Невей Г. 134
Неверов А. С. 50
Невский В. И. 62, 500, 506, 517
Некрасов А. И. 187, 189, 191—193, 196—197, 205, 208—209. 215 217
Некрасов Н. А. 14, 65, 89, 116, 118—119, 483, 494—496. 500. 505, 517
Некрасова В. С. 490. 518
Некрасова Е. С. 55, 490—491, 506, 518
Некрасовы, семья 518
«Нелли» (псевд. В. Я. Брюсова) 94
Немирович-Данченко В. И. 51, 427
Неру Дж. 461
Нестерова Н. М. 26

Несторий, патриарх Константинопольский, еретик 259
Нечаева В .С. 483, 493—496, 506—508
Нечкина М. В. 493
«Нива», журнал 389
Низовой П. 51
Никитин А. 222, 241, 280
Никитин С. А. 510
«Нитикинские субботники», издательство 497, 518
Никифоров П. Н. 476, 497, 514
Николаева А. Т. 344, 351—354
Николай I 76, 121
Николай II 458
Никольский Н. К. 152, 154, 166, 179, 299
Никон, игумен Троице-Сергиева монастыря 251
Никулин Л. В. 63
Нил Сорский 259
Нифонт, епископ Суздальский 254
«Новая жизнь», газета 10, 113
«Новая жизнь», журнал 71
«Новая мысль», журнал 10, 42
Новгородцева К. 17
Новиков М. П. 69
Новиков-Прибой А. С. 50
Новикова О. А. 490—491, 493, 502, 509, 517—518
Новицкий 55
«Новое время», газета 16, 120, 430—431
«Новое слово», журнал 56
Новорусский М. В. 32
Новосельский А. А. 298
«Новости жизни», газета 50
«Новый день», газета 43
«Новый мир», журнал 33
«Новый путь», журнал 112—113, 115, 122, 129, 137
Ногин В. П. 43, 45
Нодье Ш. 96
Норов А. С. 481—482, 489, 496, 498, 502, 514
Носков П. 57

«О трех обманщиках. 1598.» 323, 326—327, 329—335, 343
Обиход Церковный 217
Область Горьковская 512
Область Закаспийская 36
Область Якутская 70
Оболенская (урожд. Беззубцева), кн. М. М. 297
Оболенские, кн. 251
«Образование», журнал 15
Обушенкова Л. А. 480, 510
«Общее дело», газета 493
Общество Археологическое Московское 412, 415, 417—418
Общество археологическое Русское 459
Общество географическое Русское 60, 72
Общество древней письменности 196
Общество истории и древностей российских (ОИДР) 159, 476, 494, 497—498, 502—503, 514—515, 518
Общество Красного креста 32, 58, 74, 458
Общество Литературного музея 17—18
Общество любителей древней письменности (ОЛДП) 147, 179, 273
Общество любителей российской словесности (ОЛРС) 118, 372, 411, 484, 493—494, 505—506, 518
Общество распространения религиозно-нравственного просвещения 16
Общество Религиозно-философское 66
Общество русского языка и словесности (ОРЯС) 152, 159, 178, 187
Общество старых большевиков Всесоюзное 72
Общество телесного и душевного воспитания имени В. М. Бонч-Бруевич 56
Общество Толстовского музея 18
Овидий П. Н. 134
Овсянико-Куликовский Д. Н. 57, 59
Овчинников П. А. 275, 497—498, 514, 520
Огарев Н. П. 64, 116, 477, 483, 490—491, 496—497, 505—506, 510, 516, 518
Огарева-Тучкова Н. А. 507
«Огонек», журнал 72, 461
Одоевский В. Ф. 480, 482, 489, 492, 502, 504, 514
Озеров В. А. 498
Окороков Г. А. 297
Оксман Ю. Г. 62
«Октябрь», журнал 24, 33, 71, 460
Олег, кн. Русский 232
Оленин А. Н. 491, 518
Оловеников 382
Олсуфьев Ю. А. 504
Ольгов К. 296
Ольденбург С. Ф. 59—60
Ольминский М. С. 8, 11, 15, 17, 21, 31, 70, 73
Ончуков Н. Г. 62
Опочинин Е. 62
Оптина пустынь 481
Орлов А. С. 259
Орлов В. Ф. 465
Орлов М. Ф. 498
Орлов Н. Н. 499, 518, 520
Орлова Е. Н. 470
Орлов-Давыдов В. П. 75, 501
Орловский 8
Орловы 491, 518
Орловы-Давыдовы 474, 501, 518
«Освобождение труда», группа 8, 40
Осинский В. А. 35
Осипов А. И. 58
Осипов М. 359
Осповат А. Б. 496

Островская Е. А. 54
Островский А. Н. 411, 470, 475, 483, 490, 492, 496, 499, 501, 505, 509, 518
Островская Р. П. 54
Островский Н. А. 37
Острогорский А. Я. 15
Отдел художественного образования (ОХОБР) 81
«Отечественные записки», журнал 426, 428, 485
Отле П. 446, 460
«Отчеты Московского Публичного и Румянцевского музеев» 150, 166—167, 170, 175—176, 220, 466—468, 487—491, 503—504, 511
Ошанин В. Ф. (Ильин-Ошанин) 312, 321
Ошанина Е. Н. 357—359, 496—497

Павел I 376
Павел Александрович, вел. князь 46, 76
Павленко П. А. 54
Павленков Ф. Ф. 55
Павлищева А. Н. 492
Павлов А. С. 268—269
Павлов И. П. 60
Павлов Н. Ф. 128
Павлова И. 46
Павлова К. К. 119—120, 127—128
Пазухин С. И. 359, 367, 369
Пазухины, род 5, 357, 359, 369, 496, 518
Паисов Н. Ф. 494
Пайо 445
Палата казенная Калужская 289 — 290
Палата Книжная 34
Палей 273
Палей, кн. 46
Панаев И. И. 492, 509
Панаева А. Я. 509
Пандекты Антиоха Черноризца 143, 154, 169, 176—182
Панеях В. М. 309
Панины 493, 518
Панкратова А. М. 60
Пансион Московский Университетский 507
Паперный З. С. 61
Паремейник 215, 217
«Парус», книгоиздательство 97, 141
Парфеньев И. 365
Парфеньев П. 356
Паскаль Б. 324
Пасынков Я. 28
Патканьян Р. Г. 105
Пафнутий, архимандрит 350, 355—356
Пафнутий, старец 349
Пеладан Ж. 130
Пенков, кн. В. Д. 315
Пенков, кн. И. В. 315
Пенкова, кн. А. О. 315
Пентедий 133—134
Первухина А. Н. 15
Перетц В. Н. 179
Перешевников А. Т. А. 297
Перешевникова А. 297
«Пермская жизнь», газета 39
Персиц М. М. 37
Петлин В. Б. 297
Петр I 34, 63, 106—107, 119, 489, 497, 509, 518
Петр, митрополит 240, 249
Петр Дмитриевич, кн. Дмитровский 242, 244, 286, 312, 313
Петрарка Ф. 97
Петрищев А. Б. 57
Петров А. 200—201
Петров П. 376
Петров П. Я. 210, 509
Петрова А. 358
Петрова А. М. 509
Петрова Н. Я. 509
Петрово-Соловово Е. В. 496, 518—519
Петровский А. С. 507
Петровский Н. М. 158—159
Петровский Ф. П. 492, 508
Пецольд М. Г. 508, 516, 518
«Печать и революция» журнал 23, 81
Пешехонов А. В. 431, 506, 517
Пешкова Е. А. 424, 427
Пешкова Е. П. 427
Пивов Д. М. 301
Пивов П. М. 301
Пигарев К. В. 62
Пиксанов Н. К. 62, 122, 420
Пимен, архиепископ 300, 301
«Пионер», журнал 462
Пиррон 326
Писарев Д. И. 495, 496
Писарева В. И. 496
Писемский А. Ф. 489, 490, 518
Пискарев Д. В. 154, 176, 467, 481, 489, 498, 502, 514
Письмовники 372
Питирим, епископ Пермский 236, 269—270
Плавт Т. М. 134
Платон (Аристокл) 137
Платон, митрополит московский (П. Г. Левшин) 490, 518
Платонов С. Ф. 59
«Плач холопов» 372, 386
Племянников Д. 366, 368
Плеханов Г. В. 11, 28, 39, 40, 43, 48
Плеханова Р. М. 40, 65
Плещеев-Басманов А. Д. 301
По Э. 96, 97, 104, 130, 131, 141
Победоносцев К. П .491, 492, 505, 518
Повесть о вере христианской (Испытание о вере) 231
Повесть о взятии Корсуни и крещении Владимира 231—232
Повесть о взятии Царьграда 226, 231—232
Повесть о воеводе Евстратии 220—221, 276

Повесть о Ерше Ершовиче 370—371
Повесть «О иконе пречистые Одегитрие в Царьграде» 232, 233, 241
Повесть о Митяе архимандрите 221
Повесть «О приходе безбожного царя Ахмута на Угре» 231—232
Повесть «О ризе пречистые» 232—233, 241
Повесть «Откуду пошла Русская земля» 231—232, 233
Повесть «Шемякин суд» 370
Погодин М. П. 174, 291, 294—295, 308, 467, 470, 490—492, 494, 496—497, 501, 505, 510, 517
Подбельский В. Н. 20
Подвицкий Б. 76
Подвицкий В. 76
Подвойский Н. И. 21
Подушкин М. П. 302
Пожарский Д. М. 99
Позен В. П. 44
Познер С. 57
Покровский М. Н. 20, 491
Полев И. В. 301
Полев И. О. 499
Полевой К. А. 65
Полевой Н. А. 509
Полетаев Н. Г. 31, 32, 43
Поливанов К. Д. 301
Поливанов Л. И. 86
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) 188, 226, 228—229, 231, 234—241, 243, 248, 251—253, 263, 265, 270, 271, 299—300, 303—306, 309, 314
Полосин И. И. 501, 518
Полоченинов А. Д. 364, 365
Полоченинов Д. М. 359, 360, 361, 362, 364, 367
Полоченинов М. Ф. 360
Полочениновы 360
Полторацкий А. М. 509
Полторацкий С. Д. 480, 489, 490, 498, 500, 518, 520
Полуденский М. П. 489, 514
Полянский В. 23
Понятнов Г. Г. 501
Попов А. 357, 358, 359, 369
Попов А. Н. 56, 489, 497, 504, 514, 518
Попов Д. 502
Попов М. М. 509
Попов Н. А. 491, 497, 510, 518
Попов Н. И. 489, 502, 514
Попов П. А. 492, 494
Попова О. Н. 14, 57, 63
Попова О. С. 316
Порошин Ж. 356
Порфирий Финикийский 133—134
Порфирьев С. И. 358
Послание архиепископа Новгородского Василия к епископу Тверскому Феодору 229, 232
Послание Вассиана Рыло Ивану III на Угру 231, 238—239, 241, 254, 277—278, 280
Послание Геннадия Гонзова к князю Борису Волоцкому 268
Послание Иосифа Волоцкого о Троице 272
Поспелов А. И. 493, 518
«Посредник», издательство 51, 55, 56, 70
Поссе В. А. 44
Поступальский И. 83, 110
Потебня А. А. 438, 458
Потемкин В. С. 63
Потемкин Н. Д. 58
Поучения Дмитрия Ростовского 470
Поучения Кирилла Иерусалимского 162, 177, 179
Поучения митрополита Зосимы 220, 222
«Почин», сборник 272
«Правда» газета 10, 18, 19, 31, 46. 47, 48, 52, 462
Правление Владимирское губернское 377
Правление Переславское духовное 373—374, 376
«Православный Палестинский сборник» 253, 270
Пресняков А. Д. 28
«Прибой», журнал 506
Прива Э. 452, 461
Придворов Е. А. (псевд. — Бедный, Демьян) 16, 19, 34, 50—52, 54, 470
Приказ Аптекарский 365, 368
Приказ Большого прихода 350, 355, 356
Приказ Патриарший 365
Приказ Поместный 290, 313, 315, 347, 365
Приказ Разбойный 365
Приказ Судный Московский 359, 365, 366, 367
Приселков М. Д. 60, 243
Пришвин М. М. 54
«Проблемы источниковедения», сборник 221, 230, 243, 248, 272, 289
«Провинция», книжный склад 57
Провинция Елецкая 5, 378—382, 386
Прокопенко С. П. 65
Прокопович С. Н. 39
«Пролетарий», польская партия 11
«Пролетарий», газета 9, 30
«Пролетарская революция», журнал 42, 72
Пролог 201, 204, 210—211
«Прометей», издательство 70
Пронский. кн. П. Д. 301
«Пропагандист», журнал 463
Просветитель Иосифа Волоцкого 264, 271
Просьба в небесную канцелярию на праотца Адама от крымских солдат 386
Протопопов А. 299
Протопопов А. Д. 52
Прохор, епископ Ростовский 256

Прохор, епископ Сарский и Подонский (Подрельский) 254—256, 260—262—270
Прохоров В. 196
Пругавин А. С. 70
Прянишников Г. М. 476, 497, 514
Прянишников П. К. 8, 28, 34, 39, 51, 55, 73
Псалтири 161, 163, 164, 169, 178, 188, 196, 205, 207, 210—212, 215, 217—218
Пупарев А. 381
Пусторослева-Бубеновская А. М. 298
Путинцев А. М. 62, 63
Путинцев В. А. 506
Путятин, Меньшой 295
Пушкин А. С. 23, 26, 34, 58, 60, 62—64, 80—81, 89, 93—94, 108, 116, 118—128, 137, 471, 489—493, 496, 504, 508, 512
Пушкин Г. А. 63
Пушкин Е. М. 301
Пушкин И. И. 296, 297
Пушкина Т. 301
Пушторская В. М. 74
Пушторский А. П. 74
Пущин И. И. 471, 479, 493, 499, 501, 506—507, 510, 518
Пылаев П. 188
Пыпин А. Н. 63
Пятницкий К. П. 424, 426—427

«Работник», журнал 28
«Рабочий и солдат», газета 10, 42
Рагозин Е. И. 508
Радж Л. 461
Радин Е. П. 57
Радин Л. П. 28, 39
Радиолаборатория Нижегородская 34, 78
Радищев А. Н. 499
Радус-Зенкович В. А. 62
Радченко А. И. 54
Раевская М. 492
Раевские 491, 518
«Разговор о кокушке в суде» 377
Разин С. Т. 5, 54, 357, 358, 360, 361, 362, 363, 366
«Разум», издательство 57
Разумовский Д. В. 480, 482, 502, 504, 514, 518
Райская М. 94
Расин Ж. 104
Распутин Г. Е. 71, 78, 457
«Рассвет», газета 10
Рафалович М. 142
Рачинский С. А. 507
Ревякин А. И. 496
Рейман Я. Ф. 328, 329
Рейсер С. А. 62
Рейснер М. А. 47
Репп Ф. 159
Решетников Ф. М. 65
Ржевский В .К. 509
«Речь», газета 71, 109
Ржевский И. С. 362, 365, 368
Ржига В. Ф. 221
Риттер Ш. 445
Робинсон А. Н. 501
Ровенский М. 381
Ровинский Д. А. 371
Родионов Н. С. 61
Родословец 237—238, 242
Рожков Н. А. 348
Розанов В. В. 431, 491
Розен В. Р. 459
Розенберг В. А. 506, 518
Розинер А. Е. 389
Розмирович Е. Ф. 492, 493
Роллан М. 446, 449, 457, 461
Роллан Р. 5, 6, 57, 423—424, 432—462, 498, 499, 518
Романовы 512
Романски Ст. 147, 149, 155, 159
Романченко И. С. 494
Ромов С. М. 496, 518
Ромодановская А. А. 505
Ромодановский, кн. И. Б. 297
РСДРП 9, 11, 14, 15, 20, 29—31, 45, 55, 72, 74
«Росписи о приданом» 371
Ростова Н., см. Шнеур (урожд. Нотович) Е. О.
Ростовский, кн. Андрей 320
Ростовские кн. 236
Ростовцев И. 298
Ростопчин Г. 311
Ростопчина, гр. Е. П. 506
Рубакин А. Н. 65, 448, 452, 459—462
Рубакин Н. А. 3, 5, 6, 14, 50, 56, 57, 63, 69, 75, 423—463, 506, 518, 520
Рубакина Л. А. (урожд. Бессель) 423, 427, 438, 440—441, 445, 447—452, 454, 458—461
Рубинштейн Н. Л. 509
Рудак 314
Рудельсон К. И. 476
Рудник Веровский 18
Рудницкая Е. Л. 497
Румянцев Н. П. 186—187, 189, 229, 300, 418, 475, 489—492, 497—498, 501—502, 509, 512, 514, 518
Румянцев П. А. 518
Румянцевы 518
Рунич Е. Н. 492, 494, 495
Рунич П. С. 377
Русская историческая библиотека (РИБ) 254, 256—257, 260, 264, 266—268, 275, 300, 316, 360, 368, 369
«Русская мысль», газета 81, 88, 109, 115, 121, 123, 142, 478
«Русская речь», журнал 392
«Русская старина», журнал 504
«Русские ведомости», газета 55, 71, 81, 120
«Русский архив», журнал 112, 121—124, 127—129, 141
«Русский вестник», журнал 392
«Русский листок», газета 104, 109, 111, 112, 115

«Русский филологический вестник» (РФВ), журнал 149, 152, 160, 167, 174, 270, 406
«Русское богатство», журнал 15, 34, 51, 52, 54, 422, 429—431
«Русское знамя», типография 19
«Русское слово», газета 21, 141, 493, 506, 518
Рутенбург В. И. 333, 334
Рутилий Намациан 134
Рыбниковы, семья — 499, 518—519
Рылеев К. Ф. 493, 506
Рыльский М. Ф. 55
Рюрик 236
Рюрикова В. А. 63
Рязановский И. И. 230
Ряполовский И. И. 230

Сабашников М. 85, 87, 132
Сабашников С. 85, 87, 132
Сабуров А. А. 64, 507—508
Савва, епископ Можайский 210
Савин А. Н. 496, 518
Савинков Б. В. 46
Савич А. М. 493
Савлук С. 303
Саводник В. Ф. 370, 491
Садиков П. А. 291, 302, 310, 317, 344—345, 349—350, 356
Садовская Н. 493
Саитов В. И. 123
Саксаганская А. А. 57, 63
Сакулин П. Н. 220—221, 276, 461, 502, 518
Саленгр А. А. 327—328, 341
Салиас-де-Турнемир Е. А. 411
Саллюстий 492
Соломон Ш. 64, 69
Салтыков В. Е. 64
Салтыков-Щедрин М. Е. 483, 492—495, 504, 507
Самарин П. Ф. 508
Самарин Ю. Ф. 501, 508, 510, 518
Самарина А. П. 508
Самарины 493, 505, 508—509, 518
«Самарская газета» 9
Самойленко 97
Самсонов А. 37
Саркизов-Серазини И. 58
Сатин Н. М. 509
Сафонов А. И. 489, 518
Сафоновы 518
Сафронова Г. Ф. 6, 483, 487
Сахаров И. П. 489, 518, 520
Сахаров М. К. 58
Саят-Нова (псевд. А. Саядяна) 105
«Свадьба однодворцовой дочери» 377
Свердлов Я. М. 23, 47, 74
Свердлова К. Т. 47
Свидригайло (Швитригайло), кн. Литовский 229, 249
Свирин А. Н. 185, 187, 189, 193, 219
Свирский А. Н. 16
Свистунова М. П. 508
«Свободная мысль» 9
«Свободное слово», издательство 26, 35, 67, 68
Святский Д. О. 188, 263
Севастьянов П. И. 417, 467, 481, 489, 490, 502—503, 514, 518
«Северные цветы», альманах 115, 142
Северянин И. 115
Седельников А. Д. 221—225, 233—235, 241, 256—257, 260—261, 263—264, 266, 276, 278
Селезнева К. А. 65
Селиванов 508
Селиванов А. А. 57
Селиванов А. В. 377
Селиванов А. Ф. 346
Селифонтов В. 297
Селищев А. М. 148, 155, 160, 164
«Сельское благоустройство», журнал 496
Семашко Н. А. 22, 47
Семевский В. И. 59, 379—380
Семевский М. И. 358
Семен, архиепископ 234—235
Семен Владимирович, кн. Серпуховской 242
Семен Владимирович, кн. Ярославский 251, 285—286
Семен Дмитриевич, кн. Суздальско-Нижегородский 229
Семен Иванович, кн., сын Ивана III 237
Семен Олелькович (Александрович), кн. Киевский 249
Семенов М. И. 298
Семенов М. Н. 14, 57
Семенов Н. 64
Семенов С. Т. 34, 51
Семенова Е. 302
Семенова М. 298, 302
Семинария Архангельская духовная 413
Семинария Олонецкая духовная 514
Сенат прав. 380—381
Сенека 104
Серапион, архиепископ 235
Серафимович А. С. 50, 428
Сербин П. 263
Сервет М. 331
Сергеев М. А. 64
Сергеева Ю. П. 45
Сергей Александрович, вел. кн. 44
Сергиевский И. В. 104
Сергиевский П. И., см. Амфилохий
Сергий, архиепископ Новгородский и Псковский 235, 254
Сергий, митрополит 240
Серебрякова Г. О. 65
Середа С. П. 69
Сережников В. К. 80
Серов П. И. 39
Сибирцев В. М. 63
Сигизмунд III 78
Сидорова А. Б. 494, 500—501
Сидорова Л. П. 498
Сильвестр, папа Римский 258

Сильвестр, протопоп 301, 303
Симанские 500, 518
Симанский Л. Б. 366, 369
Симеон, архиепископ Новгородский 249—250
Симеон Гордый, кн. 191
Симеон, епископ Рязанский 254
Симони П. К. 179, 499, 518, 520
Синицын Н. В. 28
Синклер Э. 455, 462
Синод 11, 17, 413—414
«Сирин», издательство 90, 92, 96, 129, 139—140
Сказание Изосимы, митрополита Русского, о отреченных книгах 275
Сказание «О взятии Русской земли от царя Батыя» 226, 232
Сказание о Калецком побоище 226
Сказание о куре и лисице 370—371
Сказание о Мамаевом побоище 229
Сказание о Митяе архимандрите 238, 277
Сказание «О Московском взятии от царя Тактамыша и о пленении земли Русской»
Сказание о попе Саве 370—371, 383
Сказание о скончании седьмой тысящи 264
Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова 499
«Сказание о честном семике» 373
Сказание об Александре Невском 228
Сказка ревизская 374, 376
Скачков К. А. 489—490, 514, 518
Скворцов-Степанов И. И. 11, 17, 20, 48
Скиталец (С. Г. Петров) 16, 50, 428
Сковорода Г. С. 59
«Скорпион», издательство 80, 92, 95—96, 105, 116, 131, 140, 142
Скотт В. 63
Скребицкий А. И. 490, 491, 495—496, 519
Слепворонский В. 187
Слепцова М. А. (Мулояно) 63
Слова Григория Богослова 177, 178
Слова Дмитрия Ростовского 470
Словацкий Ю. 97
Слово о Данииле Заточнике 275
«Слово о правде и неправде» 265
Служба кабаку 383
Служебник 193, 201, 203—214, 215—217
Смидович П. Г. 47
Смилга Э. Э. 48
Смирнов П. П. 344, 360, 497, 519
Смирнов-Леницкий М. 45
Смоленские, кн. 236
Смолянин И. 253—254
Сницаренко И. А. 424, 501
Соболевский А. И. 152, 159, 164, 174, 178, 193, 218, 263
Совет Московский 21
Совет Народного Хозяйства Московский (МСНХ) 24
Совет Народных Комиссаров (Совнарком) 10—11, 20—22, 25, 30, 33, 41, 44, 46, 60, 69, 76
Совет Петербугский (Петроградский) 10, 19, 20, 46
Совет рабочих и солдатских депутатов 45, 76
Совет Революционный Военный 78
Совет Труда и Обороны (СТО) 11
«Советская книга», журнал 185
«Советская библиография», журнал 520
«Советская педагогика», журнал 511
«Советская страна», журнал 461
«Современник», журнал 71, 495
«Современный мир», журнал 18, 71
Соколов А. И. 158, 509
Соколов В. Н. 493
Соколов Е. И. 503
Соколов Н. Г. 509
Соколов Н. Д. 43
Соколова М. А. 152, 166—168, 170, 172—175, 406
Солдатенков К. Т. 408—409, 411, 418
«Солдатская правда», газета 50
Соллогуб В. А. 507
Соловьев А. И. 358—360, 368—369
Соловьев Н. В. 16
Соловьев С. М. 96, 115, 132, 237, 494, 505, 519
Соломон, царь 270, 281
Сопоцько М. А. 69
Сорокин В. В. 65
Сотная 291, 294—297, 308, 346—347, 349
Софья Палеолог, кн. 238
Союз борьбы за освобождение рабочего класса, петербургский 29
Союз рабочий Московский 39
Союз русских социал-демократов за границей 29
Спасский В. (псевд. В. Я. Брюсова) 97
Спенсер Г. 427
Сперанская Л. И. 495—496
Сперанский М. Н. 176, 491
Спиваковский Е. И. 510
Спиноза Б. 327, 330, 343
«Спиноза II» 329, 330, 342—343
Спиридонова М. А. 20
Срезневский В. И. 59
Срезневский И. И. 6, 146, 148, 150, 152, 154—156, 162, 166, 174—175, 187—189, 193, 243, 406—408, 411, 414—415, 418—419, 511
Сталин И. В. 8
Стан Бели 295, 308
Стан Берендеевский 302
Стан Борисоглебский 296
Стан Брашевский 297, 302
Стан Быков 294—295, 302
Стан Верхосурский 359
Стан Вышгородский 299, 303—307, 309—313

Стан Вяземский 295, 345
Стан Горелинский 298, 302
Стан Горетов 295
Стан Городской 299, 315, 321
Стан Жданский 302
Стан Залесный 360
Стан Ичаловский 360, 368—369
Стан Каменский 315
Стан Каневский 297
Стан Кинельский 297
Стан Колпский 302
Стан Конюшский 296
Стан Корзенев 294, 308
Стан Коровин 295, 302
Стан Манатьин 295
Стан Низсурский 358
Стан Обарнич 294, 308
Стан Объезжий 294
Стан Островецкий 294
Стан Павельский 314, 321
Стан Пехорский 295, 308
Стан Подгорный 360
Стан Собакин 360, 368—369
Стан Соломенский 302
Стан Сосенский 294—295
Стан Сурожский 295
Стан Тешский 360, 368—369
Стан Хотунский 295
Стан Шахов 295
Стан Шешемский 298
Стан Ытчинский 294
Станиславский К. С. 27
Станчев С. 160, 178
Станюкович К. М. 54
Старостство Оршанское 78
Старков И. 311
Старосельская-Никитина О. А. 495
Старцев А. И. 499
Стасов В. В. 147—148, 150, 158—159, 164, 174—175, 187 193, 205—208, 210, 212, 214, 217
Стасова Е. Д. 56, 462
Стасюлевич М. М. 14, 16
Сташевский Е. Д. 346—347, 349
Стахович М. А. 18
Стеклов Ю. М. 19—20, 47
Стеклова С. Я. 19
Степаннос 105
Степанов В. 313—314, 321
Стессель А. М. 493, 519
Стефан III Молдавский 252
Стефан, епископ Пермский 262—263
Стефан Храп 283
Стихирари 173, 210
Стихиры 384
Стол Таможенный Приказа Большого прихода 350
Стороженко Н. И. 221
Стоянов С. 148, 155, 159
Стояновский Н. И. 491, 519
Стрешнев И. Ф. 365, 368
Строев П. М. 235 238, 251, 257, 291, 296, 299, 301, 356, 368, 502
Струве П. Б. 31, 81
Струве Ю. П. 57
Стучка П. И. 20
Субботин Н. И. 493, 519
Суворин А. С. 431
Суд земский Каширский 507
Сулекин П. К. 302
Сулержицкий Л. А. 65
Сумароков А. П. 120, 372
Сумароков П. П. 509
Суриков И. З. 494, 519
Сурикова К. Б. 12, 26, 65
Суханов К. А. 20
Сухово-Кобылин А. В. 492, 518
Сухово-Кобылины 496, 518—519
Сухомлинов М. И. 416, 419
Сухтелен П. К. 342
Сушков Н. В. 489, 506, 508—509, 519
Сушковы 508, 519
«Сын Отечества», газета 9
Сырейщикова Е. А. 104
Сыромятников С. Н. 74
Сысин И. И. 58
Сысоев Н. А. 510
Сытин И. Д. 16, 52, 57
Сыцянко В. И. 39
Сычев Н. П. 194

Тагор Р. 461
Тахтамыш, хан 229
Талыч, хан 229—230
Тан-Богораз В. Г. 37, 60
Тарараев А. Я. 63
Тарле Е. В. 60, 333
Тартаковский А. Г. 499—500
«Тверская старина», журнал 344
Тверской П. А. 71
Творения Дмитрия Ростовского 470
Театр Корша 27
Театр Московский Художественный 120, 137
Театр Народный (бывший Мариинский) 47
Теплов А. Л. 70
Тер-Авакян Х. 58
Теребихин Г. 311
Тетерин В. Е. 298
Тиганова Л. В. 5, 504
Тиле Р. 58
Тимирязев К. А. 21
Тимофеев И. 496
Тимченко С. 152
Тиндаль Д. 427
Типография Бакинская 32
Титов А. 217, 368
Тихий С. 75
Тихомиров М. Н. 188, 230, 243, 248, 253, 272, 282—283, 291, 301, 512
Тихомиров Н. Б. 415, 500, 504
Тихон, архиепископ Ростовский 256, 270
Тихонов А. Н. 134
Тихонов Ю. А. 344, 351—353
Тихонравов Н. С. 272, 372, 474, 481, 491, 497—499, 502, 504—505, 519
Токарев Л. 462
Токарев С. А. 60

Токомбаев А. 55
Толиверова-Пешкова А. Н. 16, 56—57
Толль Э. Г. 506—507
Толмачев М. В. 500
Толстая М. Л. (в замуж. Оболенская) 67
Толстая М. Н. 494, 508
Толстая С. А. 494, 508
Толстая Т. Л. (в замуж. Сухотина) 67
Толстая-Есенина С. А. 67
Толстая-Попова А. И. 67
«Толстовский ежегодник» 18
Толстой А. К. 85, 116, 492
Толстой А. Н. 33, 52, 54
Толстой А. П. 492, 494, 505
Толстой В. П. 508
Толстой В. С. 510
Толстой Д. И. 346
Толстой Л. Н. 9—11, 17—18, 23—25, 34, 37, 47, 51—52, 55, 59—61, 66—70, 74, 88, 118, 136—137, 438, 458, 483, 491—495, 501, 504—505, 507—509
Толстой С. Л. 67
Толстые 474, 494, 519
Томашевский Б. В. 60, 62, 508
Топелиус З. 97
Топоров С. 302
Тошинич М. 193
Трактат о трех обманщиках 334, 342, 343
Траханиотов В. Ю. 294
Траханиотов З. Ю. 294
Траханиотов И. Ю. 294
Траханиотов Ю. Д. 294
Траханиотова В. 294
Требник псевдо-Феогностовский 412
Трегубов И. М. 67—68
Тредиаковский В. К. 119, 120
Трефологион 210—211, 215
Триоди 467
Троицкий М. М. 86
Тростенская Е. 297—298
Трофимова Т. 493
Трубецкой С. Н. 86
Трубецкой Ф. М. 301
Трубицын Н. 381
«Труды XI Археологического съезда в Киеве» 201
Труды Владимирской ученой архивной комиссии 376
Труды Государственного Исторического музея 188
Труды Государственного Румянцевского музея 491
Труды кафедры русской литературы 372
Труды Киевской Духовной Академии 188
Труды Комиссии по древнерусской литературе 221
Труды Московского Археологического общества 196, 272
Труды Московского государственного историко-архивного института 289, 476, 483
Труды Общества любителей древностей российских 196, 222, 226, 241, 243, 267, 377
Труды Орловской ученой архивной комиссии 381
Труды Отдела древнерусской литературы 512
Труды профессоров и преподавателей Московского Университета 210
Трупчинский А. В. 66
Тугаринов Н. Н. 511
Туманский А. Г. 459
Туманский В. И. 506
Туманьян О. 105
Тумим Г. Г. 57
Тургенев А. И. 508
Тургенев И. С. 62, 64—65, 483, 492, 498—501, 504, 506, 508, 519
Тургенев Н. Н. 499
Тургенева Ж. 64
Тыжнова И. А. 483, 498
Тылкуранский О. 105
Тынянов Ю. Н. 62
Тэн И. 137
Тюлины 496, 519
Тюрьма Шлиссельбургская каторжная 57
Тютчев Н. Н. 509
Тютчев Ф. И. 64, 72, 92, 116, 119—120, 127—130

Уайльд О. 97, 104, 131
Уваров А. С., гр. 194, 237, 269, 412, 418
Уезд Алатырский 357—359, 363, 367, 369
Уезд Алексинский 306
Уезд Арзамасский 359—361, 364, 366, 368—369
Уезд Ахалкалакский 36, 70
Уезд Бирюченский 378
Уезд Боровский 302—303
Уезд Брянский 27
Уезд Бузулукский 48
Уезд Верейский 299, 303, 304, 307, 312
Уезд Владимирский 298—299, 302, 309
Уезд Вышгородский 298, 304, 308, 318, 321
Уезд Городецкий 351
Уезд Дмитровский 289—290, 299, 302, 308, 314—315, 321
Уезд Елецкий 378—379, 383
Уезд Зарайский 472
Уезд Звенигородский 289, 299, 304, 314—315, 321
Уезд Зубцовский 298—299, 302, 308
Уезд Кашинский 314
Уезд Каширский 299
Уезд Клинский 302
Уезд Коломенский 5, 296—297, 299, 302, 344, 346, 348, 355

Уезд Костромской 299, 369
Уезд Кричевский 78
Уезд Ливенский 378—382
Уезд Малоархангельский 378
Уезд Можайский 303, 306
Уезд Московский 291, 294—296, 299, 302, 308, 311—312, 345, 369
Уезд Мстиславский 78
Уезд Острогожский 378
Уезд Переславль-Залесский 296, 299
Уезд Переславский 309, 317
Уезд Пинский 516
Уезд Ржевский 310
Уезд Рузский 298—299
Уезд Саранский 361, 366
Уезд Симбирский 369
Уезд Старицкий 299, 302—303, 307, 313
Уезд Темниковский 360, 369
Уезд Тульский 309
Уезд Угличский 298—299
Уезд Щигровский 381
Уезд Ярославский 299, 351—352
«Украина», журнал 152
Ульянов А. И. 74
Ульянов И. Н. 499
Ундольский В. М. 148, 275, 467, 475—476, 489, 497—499, 502, 515, 520
Университет Варшавский 148
Университет Женевский 461
Университет Казанский 75, 146
Университет Киевский 418
Университет Кильский 328, 330, 331
Университет Московский 407, 418, 503
Университет Невшательский 461
Университет Петербургский 74
Университет Цюрихский 9, 13, 29
«Университетские известия», журнал 159, 164, 174
Упит А. 55
Управление Главное коневодства (ГУКОН) 81
Управление Главное по делам печати 13—14
Управление Центральное архивное СССР 507
Урицкий М. С. 21
Урусов А. И. 480, 494—495, 500, 502, 505, 508—509, 519
Урусов П. С. 367, 369
Урусов С. Н. 494
Успенский А. И. 60, 196, 210, 217, 289
Успенский Н. В. 63
Устав Земледельческий 268—270, 280
Устюгов Н. В. 347
«Утро», издательство 42, 66
Уффенбах З. К. 331—332, 334
Уффенбах П. 332
Ухова Т. Б. 498, 500, 504
Ученые записки Высшей школы г. Одессы 152
Ученые записки Казанского университета 146, 158—159
Ученые записки МГУ 372
Училище землемерное Курское 8, 13, 28
Училище межевое Константинопольское 13
Училище юнкерское Владимирское 45
Ушаков Г. Г. 41
Ушаков Ф. В. 499

Фадеев А. А. 26, 54, 61
Фадеев И. И. 497—498, 515
Фадеев Я. 349
Фатов Н. Н. 60
Федор Алексеевич, царь 367
Федор Борисович, кн. Волоцкий 305
Федор Иванович, царь 350, 355—356, 499
Федор Пестрый, вел. кн. 286
Федор Юрьевич, кн. Смоленский 236
Федоров А. К. 489, 497, 515
Федоров А. М. 51
Федоров В. К. 41
Федоров И. В. 492—495
Федоров И. П. 313
Федоров С. 363
Федорова В. М. 496—497, 506—507
Фельтен Н. Е. 75
Феодор, архимандрит Симоновский 238
Феодор, боярин Черниговский 228, 231—232
Феодор, епископ Тверской 229, 232
Феодор Давыдович Стародубский-Пестрый, кн. 244
Феодосий, архиепископ 235
Феодосий, архимандрит 291, 296
Феоктист, архиепископ Новгородский 235—236, 251—252, 277—278
Феофан, архимандрит 296
Феофил, архиепископ Новгородский 230, 235
Феррьер А. 456—457
Фет А. А. 62, 85, 119, 491—492, 508—509, 519
Фигнер В. Н. 47
Физиолог 273, 280
Филарет, митрополит Московский 491, 497, 519
Филимонов Г. Д. 411, 418
Филипп, митрополит 300, 317
Филипп Философ 264—265
Филипченко 116
Философов Д. В. 66
Филофей, епископ Вологодский и Пермский 4, 242, 251—252, 254, 256, 261—265, 268—269, 271—272, 278, 282—283, 288
Фирсов Н. Н. 124
Флеровы 28, 500, 519
Флиг 41
Флобер Г. 500
Флоря Б. Н. 295, 309, 318, 351, 354
Фогт И. 327—328, 339—340, 342
Фонвизин М. А. 478—479, 497, 510, 519
Фонвизина Н. Д. 510, 519
Фонвизины 497, 500, 510, 519

Форд Г. 433, 456—457
Форель О. 457
Фортунатов Ф. Ф. 147—148, 159, 165, 179—180
Фотиева Л. А. 48
Фотий, митрополит 245, 249, 260, 286
«Фотографическое обозрение», журнал 164
Фофанов К. М. 89, 119
Франко И. Я. 72
Франчески И. К. 500, 519
Френкель Л. Д. 512
Фрехт 330
Фридкес Л. М. 420
Фрэнд А. М. 192
Фуников-Курцев Н. 314
Фурмановы Д. А. и А. Н. 496, 519

Хабаров И. Д. 295
Хабаров М. Д. 295
Хабаров С. Д. 295
Хавкина Л. Б. 497, 519—520
Хавские, семья 38
Хавский А. Н. (Ленцевич) 38
Хаджи Мохаммед Риза 459
Хаин Б. В. 496
Ханенко И. И. 509
Ханин М. Б. 41
Ханыков 382
Хаханов А. 503
Хворостинин П. И. 301
Хейфец М. И. 495
Херасков М. М. 119—120
Хидырщиков И. Ф. 296
Хижняковы 496—497, 519
Хилков Д. А. 69—70
Хирьяков А. М. 69
Хирьякова Е. Д. 57, 69
Хлудов А. И. 188, 196, 201, 217—218, 408, 418, 489, 497, 515
Ховрин В. Г. 249
Хождение архимандрита Грефения 270, 278
Хождение Игнатия Смолнянина 253—254
Хождение за три моря Афанасия Никитина 222. 241, 280
Холмогоров В. И. 290
Холмогоровы В. и Г. 294
Холмский Д. 276
Холмский М., кн. 249
Холодный Г. 47
Холопов А. 313
Хорошко В. К. 500, 519
Храбровицкий А. В. 500, 519
Храповицкий А. В. 506, 519
Храповицкие 489, 519
Хржановские 516, 519
Христофор, архимандрит 350, 355—356
Хроника Георгия Амартола 188, 196
Хронографы 270, 274, 282, 472
Хрущов И. П. 496
«Художественное слово», журнал 123
Хусейн-Али, см. Беха Улла

Царегородцев И. А. 302
Цатуриан А. 105
Цвейг С. 458, 461
Цвейг Ф. 461
Цебрикова М. К. 34, 55—56
Цезарь Г. Ю. 131
Цензура Московская духовная 115, 474
«Центрифуга», издательство 125
Цеткин К. 42
Циппельзон Э. Ф. 500, 515
Цонев Б. С. 147, 160, 195
Цуриков А. А. 501
Цыганков Т. М. 20
Цыперович Г. В. 20
Цявловская-Зенгер Т. Г. 60
Цявловский М. А. 25, 60, 62, 492, 508

Чаадаев И. А. 366, 369
Чаадаев П. Я. 129, 489, 497, 505, 516, 519
Чаев Н. С. 344
Чаренц Е. 105
Чарушникова М. В. 424
Чеботаревская-Сологуб А. Н. 57
Чеботов И. Я. 301
Челобитная гонимого из азбуки ера 371
Челобитная Калязинская 370—371
Челобитная крымских солдат 371
Челобитные 357—360, 363, 370—371
Челяднин-Федоров И. П. 313
Черемхин Ф. Я. 44
Черепнин Л. В. 289, 298, 304, 312, 345—347
Черкасская Е. А. 508, 519
Черкасские, кн. 480, 496, 508, 510—511, 519
Черкасский В. А., кн. 496, 508, 510, 519
Черногубов Б. А. 500—501, 515
Чернышев, кн. А. И. 493, 519
Чернышевская-Быстрова Н. М. 62
Чернышевский Н. Г. 26, 34, 137, 494—495, 504
Черняк Я. З. 496—497
Чертков В. В. 69
Чертков В. Г. 9, 24—26, 35, 51, 67—69, 73—74, 79, 494
Черткова А. К. 35, 67—69
Чехов А. П. 6, 55, 110, 118, 420—421, 427, 469, 478, 483, 491—501, 505—508, 510—511, 519
Чехов Ал. П. 508
Чехова М. П. 54, 500
Чечина А. М. 318
Чешихин В. Е. 59
Чижов Ф. В. 489, 498, 519
Чириков Е. Н. 54
Чичаговы 490, 493, 519
Чичерин Б. Н. 507—509, 519
Чичерин Г. В. 78
Чобаниан А. 105
«Чтения в Историческом обществе Нестора летописца», журнал 174

Чтения Евангельские 217
Чтения Общества истории и древностей российских 220, 257, 267, 274, 290, 296, 368
Чубаров А. А. 357
Чужак (Насимович) 31
Чуковский К. И. 62
Чулков Г. И. 501, 519
Чулков Н. П. 65
Чумаченко Э. Г. 501

Шайтанов О. В. 462
Шаллей Ф. 455, 462
Шаляпин Ф. И. 63
Шамбинаго С. К. 62
Шамполион Ж. Ф. 429, 431
Шамский И. 318
Шапиро А. Л. 349
Шапиро И. 436, 457
Шапшал Е. Ф. 57
Шаркова М. Б. 497—498
Шатилов (Сурожский) П. Н. 56
Шатобриан Ф. Р. 455—456, 463
Шафарик П. И. 146, 155
Шах В. М. 71
Шахматов А. А. 17, 35, 59, 63, 73, 174, 218, 230, 237, 243, 253
Шахнович М. И. 37
Шаховская Н. Д. 510
Шаховские 493, 510, 515, 519
Шаховской Д. И. 62
Швабе Н. К. 465, 496—498, 502, 509
Шварц Г. В. 57
Шверник Н. М. 462
Шевченко Т. Г. 37, 97, 494
Шейнман М. М. 37
Шекспир В. 96, 131, 438
Шелаев-Новосильцев А. И. 298
Шелаев-Новосильцев С. И. 298
Шелаев-Новосильцев Ф. И. 298
Шелаева-Новосильцева А. Ф. 298
Шелашников, помещик 76
Шелепин Л. 321
Шелешпанский, кн. С. С. 365, 368
Шелли П. Б. 97, 130
Шельхорн И. Г. 332
Шемшурин А. 116
Шенгели Г. 96
Шенрок В. И. 500, 519
Шеншина П. 382
Шенье А. 121
Шервинский С. В. 104
Шереметев П. В. 358, 363, 367—368
Шереметев П. С. 63
Шереметев Ф. И. 362, 365, 368
Шереметева Н. Н. 497, 505
Шереметевы, род 517, 519
Шерстобитов И. 66
Шестериков С. 507
Шестеркины 82
Шестов Л. 116
Шешуков М. 365
Шибаев Е. 498
Шибанов П. П. 482, 498, 515
Шиллер Ф. 97, 131
Ширяевец (А. В. Абрамов) 50
Шишков В. Я. 54
Шкарван А. 69
Шлихтер Б. А. 7, 498—499, 500, 512
Шлоссер Ф. К. 142
Шляпкин И. А. 221
Шмелев И. С. 499, 506, 519
Шмидт М. А. 55
Шмидт С. О. 302
Шнеур (урожд. Нотович) Е. О. 445, 460
Шницлер А. 104
Шокальский Ю. М. 492
Шохор-Троцкий К. С. 70, 494, 519
Штаб Генеральный 502, 513
Штаден Г. 313—314
Штош Ф. В. 327, 339, 343
Штрайх С. Я. 501, 519
Штраубе Л. 329
Шумаков С. А. 296—297, 312, 314—315, 345—346, 349
Шумилов В. Н. 296—297

Щапов А. П. 377
Щапов Я. Н. 268, 482, 498—500, 504, 512
Щебальский П. К. 390—392
Щеглов-Леонтьев И. Л. 123
Щеголев П. Е. 81, 122
Щелкалов В. Я. 302
Щелкаловы, бр. 301
Щепкин В. Н. 148, 159—164, 179, 201, 205, 207, 211, 215, 267
Щепкин Н. А. 508
Щепкин Н. М. 509
Щепкина М. В. 144, 176, 188
Щепкина-Куперник Т. Л. 63
Щербатый, кн. О. М. 301
Щетинина Н. Н. 509
Щукины, семья 499, 518—519
Щуров С. П. 511

Эдуард VII, анг. король 115
Эйгес А. Р. 495
Эйгес И. Р. 507
Эйлер Л. 72
Эйнштейн А. 462
Эйсснер А. П. 65
«Экран», журнал 114
Элкинтон Дж. 66
Эльсберг Я. Е. 507
Эльберфельд, К. 313
Энгельгардт М. А. 507
Энгельс Ф. 39, 48, 326, 332, 337
Энний К. 104, 134
Энч Э. 458
Эразм Роттердамский 499
Эрисман Ф. Ф. 60
Эртель А. И. 484, 491, 495, 505—506, 509, 519
Этингоф А. А. 493
Эттингер П. 467, 495

«Южная копейка», газета 57
Юлиан, имп. 274
Юмшан (Юмшак), кн. Пелымский 247, 272, 288

Юон К. Ф. 55
Юрий Белосельский, кн. Белозерский 236
Юрий Васильевич Младший, сын вел. кн. Василия Темного, кн. Дмитровский 287
Юрий Васильевич Старший (Первый), сын Василия Темного, кн. 246, 286
Юрий Дмитриевич, кн. Галицкий и Звенигородский 230, 242, 244—245, 249, 285—286, 304, 312
Юрий Иванович, кн. Дмитровский 237, 314
Юркевич М. 462
Юров М. 42
Юрьев В. М. 301
Юрьев Н. Р. 313
Юрьев С. А. 390—393
Юшкевич С. С. 50—51
Юшков А. И. 465
Юшневские 497—498, 519
Ющинский А. 37

Ягайло, вел. кн. Литовский и король Польский 249
Ягич И. В. (Ватрослав), 144, 147—148, 154—157, 159, 169, 175
Ягодовский К. П. 57
Яким, архиепископ 234, 236
Яковлев А. 506
Яковлев А. И. 370
Яковлев В. В. 46
Яковлев И. Я. 499, 511, 519
Яковлев Н. Н. 501
Яковлев П. И. 497
Яковлев С. П. 58
Яковлева О. А. 302, 499
Якубович Д. П. 63, 508
Якубович-Мельшин П. Ф. 51, 430—431
Якушкин В. Е. 55, 122, 504
Якушкин Е. Е. 75
Якушкин И. Д. 499, 510
Ялтинская И. 94
Ямщикова М. В. (псевд. — Ал. Алтаев) 16, 50
Янакиев М. 148, 155, 159
Ярец Семен 298
Яр-Кравченко А. Н. 54—55
Ярлык А. 291
Ярослав (Афанасий) Владимирович, кн. Малоярославский 242
Янчук Н. А. 494
Ярослав Мудрый, вел. кн. Киевский 236
Ярослав Владимирович, кн. (сын вел. кн. Владимира Мстиславича) 228, 286
Ярослав Всеволодович, кн. (сын вел. кн. Всеволода Большое-Гнездо) 228
Ярославский Е. М. 31, 48, 461
Яцимирский А. И. 164
Яшунский И. Г. 493, 496

Abd-oul-Beha 442, 443, 459
„Academia" 52, 62, 132, 329, 492, 501, 507
Academie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg 502
„Acta Eruditorum Lipsiensia", журнал 333
„Action Sociale", édition 457
„American Journal of Archeology" 191
„Archiv für slavische Philologie" 147
Arpe P. F. 328
Ars nihil credendi 327, 342

Bâb 442
Bahaou'llah 442, 443, 459
Barbusse H. 443, 454, 460
Barney L. C. 443, 459
Barrère J. B. 460
Baumstark A. 192, 195
Bayle P. 326, 332
Béatitude (La) des Chrestiens, ou le Fleo de la Foy 323, 342
Beau J. B. P. 444
Beethoven L. 437
Berčić I. 146
Berneker E. 147, 155
Berruyer G. 323
„Bibliothèque (La) Universelle" 457
Biroukoff P. J. 441, 446
Bouhier 326
Briquet C. M. 224
„Bulletin Scientifique, publié par l'Academie des Sciences de St.-Pétersbourg" 502
Bureau International Bahai 459

Carl Friedrich, Herzog v. Schleswig-Holstein 331
Challaye F. 454
Chapiro J. 436
Châteaubriand F. R. 455, 463
Christian Science 442, 459
Comité d'organisation du Congrés mondial de tous les partis contre la guerre 454
Goisin V. 332
Cruppi L. 440

Dalton O. 192
De impostura religionum breve compendium 326, 330, 334
De tribus Impostoribus 326, 330, 332
„Demain", журнал 456
Deplenski, кн. 314
Descartes R. 332
„Deutsche Acta Eruditorum", журнал 339, 342
Diehl Ch. 191-192
Diels P. 147
Dos-Passos J. 454
Dreiser T. 454
Dreyfus H. 443, 459
Duchêne A. 439
Duchêne G. 454
Duhamel G. 461
Dunin-Borkowski S. 329, 341
Durand D. 333

Ebersolt J. 192
Esprit de M-r Benoit de Spinoza 330
„Europe" 460, 461

„Femina", журнал 460
„Foi (La) et la vie", журнал 71
Ford H. 432
Fraen Ch. M. 502
Freytag F. 342
Friedrich IV, Herzog v. Schleswig-Holstein 331
Friend A. M. 191, 192

Gandhi M. 460
„Gazette de Lausanne", 457
Genthe F. W. 326, 330, 332
Gerstinger H. 193
Glazewski A. 438
Gorki A. M. 461
Güller G. 439, 441
Guilbeaux H. 432

„Humanité", 462

Institut de Pisciculture 451
Institut International de Bibliographie 460
„Internationale Rundschau" 440, 441, 458
Istrin V. 221, 281

Jagic V. 146—148
Jouve P. J. 456
Jugler J. F. 342

Kieler Universitätsbibliothek 331
Klien E. L. 210
Kropotkine P. A. 451
Kurz J. 149

La Monnoye B. 326, 330
Lachèvre F. 324, 326
Lacroze, Veyssière de M. 334
Le Juge V. 152
Leger L. 173
Lehr-Splawinski T. 155
Leibniz G. W. 332—334
Leroux E. 443, 459
Leskien A. 147, 155
Libellum de arte nihil credendi 326
Lipine A. N. 451
Lochner L. P. 432, 433

Maldonatus J. 326
Maréchal P. S. 330
Masing L. 147
Mauthner F. 323, 329
„Menagiana" 326, 327
Miklosich Fr. 146
Mosheim J. L. v. 331

Noroff A. S. 502
„Notre Union", газета 72
„Nova Acta Eruditorum", журнал 342

„Observationes Hallenses" 327
Ollendorff, édition 460
Otlet P. 445

Payot, éditeur 443, 459
Place J. 460
„Plus (Le) Grand monde" 439, 440, 458
Polívka J. 147, 159
Potebnia A. A. 437
Presser J. 332, 333, 334, 341
Privat E. 451
Pyrrho 331

„Rassegna Internationale", 448, 460
Ratjen H. 331
Reimmann J. F. 329
Repp F. 148, 159
Ritter Ch. 443
Rolland R. 432—442, 444, 446—452, 454—462
Rostowa N. 444
Rousselot X. 333
Rumanzow'sches Museum 502

Šafarik P. J. 146
Schellhorn J. G. 332, 342
Scherz A., Verlag 461
„Semaine (La) littéraire" 435, 457
„Sentinelle", газета 457
„Serapeum", журнал 334
Schakespeare W. 437
Sinclair U. 454
„Slavia" 162, 164, 176, 179, 201
Sloňski S. 148, 155, 158
„Société de lecture" 68
Spinoza B. 329, 330
Struve G. 342

Talvart H. 460
Tesař M. 512
Tolstoy L. 437
Trautmann R. 152

Ulaszyn H. 155
Union des Associations Internationales et de la Documentation 460

Vaillant A. 148, 155, 159
Vallée G. 323, 342
Van Hotten 443
Van Wijk N. 155
Vanini J. C. 331, 332, 333
„Vie (La) Heureuse" 443, 445, 460
Vogt J. 328, 339, 340
Vondrak W. 147, 149, 152, 154, 158

Wein B. J. 146
Weingart M. 147, 149, 155, 158
Weitzmann K. 192—193
Wordsworth W. 508
Wulff O. 192

„Zeitschrift für slavische Philologie" 148
Zograph 146, 147
Zweig F. 461
Zweig S. 461

Составила А. Б. Азарова

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции . . . 3

ОПИСАНИЯ, ОБЗОРЫ, СООБЩЕНИЯ

С. В. Житомирская, Л. В. Гапочко и Б. А. Шлихтер. Архив В. Д. Бонч-Бруевича . . . 7
Е. Н. Коншина. Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве . . . 80
Н. Б. Тихомиров. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв. Часть I . . . 143
О. С. Попова. Новгородская рукопись 1270 г. Миниатюры и орнамент . 184
И. М. Кудрявцев. Сборник последней четверти XV — начала XVI вв. из Музейного собрания . . . 220
В. Б. Кобрин. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.) . 289
К. А. Майкова. Источник по истории немецкого свободомыслия в начале XVIII в. . . . 323

ПУБЛИКАЦИИ

Таможенная грамота 1596 г. на сельский торжок. Публикация **Е. П. Маматовой** . . . 344
Документы о Крестьянской войне под предводительством Степана Разина в Поволжье. Публикация **Е. Н. Ошаниной** . . . 357
Акафист крючкотворцу — неизвестная сатира XVIII в. Публикация **Л. В. Тигановой** . . . 370
Неоконченная повесть Н. С. Лескова. Публикация **А. Л. Паниной** . . . 389
К истории приобретения и первоначального изучения Архангельского евангелия. (Из переписки И. И. Срезневского, А. Е. Викторова и А. Ф. Бычкова). Публикация **К. И. Бутиной** . . . 406
Черновое письмо В. Г. Короленко к А. П. Чехову от 14 марта 1902 г. Публикация **В. М. Федоровой** . . . 420
Из архива Н. А. Рубакина. Публикации **И. А. Сницаренко, Л. П. Балашовой, М. В. Чарушниковой, Э. П. Волковой, А. Б. Сидоровой и Л. В. Гапочко** . . . 423

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Г. И. Довгалло. Справочный аппарат отдела рукописей . . . 464
Г. Ф. Сафронова. Фонды и деятельность отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Библиография. 1836—1962 487
Указатель имен и названий . . . 521

Технический редактор *С. Н. Шахов.*

Корректоры:

Л. И. Гальченкова, Т. М. Филиппова, Ж. А. Барышникова.

Л09863. Подписано к печати 12/XII 1962 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Объем 34,5 п. л. + вкл. 0,5 п. л. (49 усл. п. л.), 62,5 уч.-изд. л. Заказ № 823.
Тираж 1000 экз. Цена в переплете 2 р. 70 к.

Типография Библиотеки имени В. И. Ленина.

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
148	23 сн.	по 14 декабря	по 4 декабря
159	11 св.	Polvka	Polívka
306	18 св.	располагали	не располагали
312	26 св.	бóльшую	большую
321	11 сн.	А ве ает	А ведает
356	7 сн.	Ошанин Е. Н.	Ошанина Е. Н.
358	19 сн.	IV. 61, л. 4	IV. 6, лл. 1—4
361	2 сн.	во всех боях была	во всех боях был

К зак. 823